3 1761 08821253 5

17-20

Danilevsky, Grigory Petrovich
III

СОЧИНЕНІЯ

Sochineniya

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

t. 17-20

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

Izd. 8-e posmertnoe

ИЗДАНІЕ **ВОСЬМОЕ**, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

LR
D1867

655564

9. 4. 57

БѢСЪ НА ВЕЧЕРНИЦАХЪ.

(СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.)

— «Не такъ страшенъ чортъ,
какъ его малюютъ».

Поговорка.

Дѣдъ поставилъ ружье въ уголъ, усѣлся на теплой лежанкѣ и сталъ разсказывать...

Это было въ Изюмѣ,—говорилъ онъ:—на святкахъ. Шелъ мѣщанинъ Явтухъ Шаповаленко по дальнему переулку, заглядывая во всѣ окна и затрогивая всѣхъ прохожихъ. Шелъ онъ ужъ поздно на зарѣ, на вечерницы, т.-е. посидѣлки, которыя справлялись на десяти-копеечную складчину молодежи ближней слободки, въ лѣсу, на водяной мельницѣ, и потому-то онъ нарядился въ пухъ и въ прахъ. Синіе нанковые шаровары, только-что купленные на торгу, были туго перетянуты ремнемъ, съ висящими на немъ гребенкой и коротенькой трубочкой. Концы шароваръ были засунуты въ высокіе, съ желѣзными подковами, сапоги. Поверхъ бѣлой рубахи, съ синимъ и краснымъ шитьемъ у воротника, на плечи молодецки была накинута сѣрая свитка, а на волосы была надвинута высокая, съ синимъ суконнымъ вѣрхомъ, черная барашковая шапка. Въ его лѣвомъ ухѣ болталась серьга, а изъ кармана шароваръ выглядывалъ конецъ желтаго съ разводами платка. И шелъ онъ, предаваясь всякимъ потѣхамъ. То просунетъ голову въ узенькое окошко подслѣповатой бабы-вдовы и надъ самымъ ея ухомъ крикнетъ: «а гу!» То совершенно неожиданно, передъ домомъ волостного писаря, начнетъ на рукахъ и ногахъ вертѣться колесомъ—и роняетъ по пыльной дорогѣ то трубку, то платокъ, то цѣлую дорожку пятаковъ; или погонится за толпою

разряженныхъ дѣвокъ, а тѣ разбѣгаются отъ него съ визгами и криками, какъ стая воробьевъ отъ налетѣвшаго ястреба... То, наконецъ, у воротъ двухъ сосѣдей-стариковъ, съ громкимъ крикомъ «*Ходилъ гарбузъ по городу!*» пускается отплясывать въ присядку. Его сапоги звенятъ подковками, выбивая лихой танецъ. Густая пыль летитъ столбомъ, и въ ея облакѣ мелькаетъ по временамъ баранья шапка, складка шароваръ, или его длинные черные усы. Съ громомъ летитъ мимо таратайка проѣзжаго купца, и послѣдній, поднявъ съ подушекъ изумленное лицо, смотритъ и, съ просонковъ не понимая, что̀ передъ нимъ дѣлается, исчезаетъ въ концѣ улицы.—«Молодецъ!—говоритъ въ одно слово ватага парней, идя мимо плясуна.—Молодецъ Явту̀хъ! Молодецъ гуляка Шапова̀ленко!» — И Явту̀хъ понимаетъ, что онъ точно молодецъ, потому что наконецъ и головы столѣтнихъ старцевъ поднимаются передъ нимъ, и устремляются на него глаза тѣхъ людей, которые уже столько лѣтъ съ утра до ночи сидятъ, какъ могильные камни, у своихъ воротъ и смотрятъ въ землю, не поднимая головы ни передъ чѣмъ на свѣтѣ.

«Любо жить на свѣтѣ! Вотъ такъ любо!»—думаетъ между тѣмъ Явту̀хъ, минуя околицу и огородами пробираясь къ лѣсу. Тряхнулъ онъ волосами, надвинулъ шапку, подтянулъ ту̀же поясъ и взглянулъ на ясное звѣздное небо... Звѣзды дрожатъ и будто колышутся, точно огоньки воздушныхъ свѣчекъ. Но вотъ, изъ-за лѣса послышался далекій говоръ и смѣхъ. Хата мельника скоро выглянетъ изъ-за деревьевъ. А тамъ веселье, шумъ, толкотня, и среди всего—красавица На̀йда, дочка мельника...

«Что за краля эта На̀йда!—думалъ Явту̀хъ, пробираясь къ околицѣ и перескакивая то черезъ камышъ, то черезъ ровъ, обросшій осокой. — Была не была! — скажу сегодня всѣмъ, что На̀йда — моя невѣста и что я женюсь на ней! Посмотрю тогда, какъ заартачится старый мельникъ!» И, разведя кусты, онъ смѣло вошелъ въ лѣсъ. Темнота и мертвая тишина кругомъ. Ни соловей, ни филинъ не оглашаютъ лѣса. Между деревьями, на мѣсяцѣ, сверкнуло болото; черезъ него, по мостику изъ бревенъ и вѣтвей, лежитъ дорога... Подойдя къ болоту, Явту̀хъ бодро ступилъ на мостъ, размахивая длинною хворостиною и расточая разныя замѣчанія насчетъ людского трудолюбія. «Эка народъ эти изюмцы!

пять лѣтъ копались по поясъ въ водѣ и выстроили такой мостъ, прости Господи, что съ нечистымъ не разминешься; а ужъ куда необъемистъ этотъ вражій сынъ!..» И вдругъ онъ видитъ, какъ разъ на срединѣ моста, усѣлось что-то маленькое, худенькое, черненькое и мохнатое. Явтухъ къ нему, а оно сидитъ, и только его зеленые глазки сверкаютъ, какъ у кота. Явтухъ закричалъ:—«брысь!» а оно и ухомъ не ведетъ и только виляетъ чернымъ и длиннымъ, какъ у собаки, хвостикомъ. «Э-ге-ге, дѣло недоброе! Только упомянулъ нечистаго, а ужъ онъ и подвернулся! Постой же ты, йродова душа:—я тебѣ покажу, какъ вашего брата учатъ!»

Онъ быстро подошелъ и со всего размаха хлестнулъ его длинною хворостиной. Завизжалъ, залаялъ бѣсъ, какъ собака, и кинулся подъ ноги парня. Явтухъ пошатнулся, скользнулъ съ мостика и со всего размаха полетѣлъ внизъ усами, въ болото.

— Вотъ вода, такъ вода, да и холодная какая!—пробурчалъ онъ, выкупавшись въ лужѣ и опять взбираясь на тощія бревна. Съ его шароваръ, съ рубахи и съ усовъ текло, какъ съ крыши во время дождя.—Эхъ-ма!—прибавилъ онъ, осмотрѣвшись и выворачивая карманы шароваръ и свитки:—ни кисета, ни платка, ни денегъ нѣтъ! Все тамъ!— И онъ показалъ въ воду...—Погоди жъ ты, бѣсовъ сынъ:—я тебѣ утру носъ! Заставилъ выкупаться, точно пьянаго москаля! И на вечернѣцы теперь опоздаешь!.. Ахъ ты, свиное твое ухо... Ахъ...—И въ самомъ досадливомъ расположеніи духа, онъ пошелъ обратно въ Изюмъ.

Онъ шелъ, едва передвигая ноги отъ намокшихъ шароваръ, а тутъ еще казалось ему, за плечами, по кустамъ, кто-то шагалъ и будто говорилъ ему: «что, братъ? смѣяться вздумалъ? Что? драться вздумалъ? Вотъ, теперь и пляши! и пляши!» Закипѣла месть въ его груди. «Не поддамся!—крикнулъ онъ и плюнулъ:—добѣгу до хаты, переодѣнусь и еще поспѣю на вечернѣцы!» Сказалъ и во всю прыть понесся къ Изюму...

Но не добѣжалъ Явтухъ и до половины пути, какъ холодъ сталъ пронимать его до костей. Онъ остановился, оглянулся по полю и, не видя вокругъ ни души, присѣлъ на траву, да не долго думая началъ раздѣваться. «Теперь не будетъ холодно!»—сказалъ онъ себѣ, взялъ свиту и рубаху подъ мышки и еще шибче побѣжалъ, несясь по высокой

травѣ и перепрыгивая черезъ рвы и кочки... Мѣсяцъ кстати спрятался въ тучи и не смотрѣлъ на полураздѣтаго парня. Изюмъ скоро выглянулъ изъ-за пригорка. Огороды Явтуха миновалъ счастливо и, прошмыгнувъ подъ заборами, вбѣжалъ въ околицу. Тутъ онъ остановился и бросилъ пугливый взглядъ по сторонамъ: на улицѣ—ни души. Старики и бабы сидѣли ужъ въ хатахъ, а молодежь повалила на вечерницы въ подгороднюю мельницу... Явтухъ вздохнулъ свободнѣе и впотьмахъ пустился далѣе... Но не миновалъ онъ и четверти улицы, какъ изъ воротъ мѣщанки Хиври Макитренковой, съ пѣснями и криками, выступила ватага дѣвушекъ и длинный, какъ цапля, ткачъ Юхимъ Бубликъ... Разряженная толпа щебетала вокругъ ткача, а онъ, со всякими припасами для вечерницъ, важно шелъ по улицѣ.

Завидѣлъ дѣвокъ Явтухъ и обомлѣлъ отъ ужаса. Мокрую свиту и рубаху онъ оставилъ на дорогѣ, подъ огородомъ, думая завтра рано взять ихъ оттуда. «Вѣдь это бѣда!»— подумалъ онъ, да такъ въ однихъ мокрыхъ шароварахъ и остался посреди улицы. Ватага приближалась къ нему... Ужъ дѣвки близко, ужъ онъ слышитъ ихъ голоса, какъ счастливая мысль мелькнула въ его головѣ: онъ оглянулся, вскочилъ въ первыя ворота и забился подъ опрокинутую бочку. Въ то же время выглянулъ мѣсяцъ. Пѣсни и говоръ раздались подъ самымъ его ухомъ.

— Охъ, постойте, дѣвки,—я кого-то видѣла!

— И я.

— И я...

— И я видѣла! — посыпались звонкіе голоса, и толпа остановилась у воротъ. Явтухъ, ни живъ, ни мертвъ, сидѣлъ подъ бочкой.

— Куда же оно дѣлось? Какъ въ воду упало!—замѣтили нѣкоторые голоса.

— Да, точно странно:—куда бъ ему дѣться? Только-что видѣли...

— Да не подъ бочку ли залѣзъ какой-нибудь дурень?— замѣтила рябая и косая Вѣкла.

— Можетъ-быть, и подъ бочку! — отозвались другія, и ужъ направлялись къ бочкѣ.

— Да нѣтъ, постойте, то вѣрно слѣпой Кондратъ проснулся и зачѣмъ-нибудь почью выходилъ изъ хаты,— перебилъ длинный ткачъ.

— Ну, такъ и есть!—захохотали дѣвки и, поглядывая на опрокинутую бочку, пошли далѣе...

На душѣ у Явтуха отлегло. Онъ выглянулъ, переждалъ, пока толпа исчезла за околицею, и что есть духу понесся по улицѣ. Прибѣжалъ къ своей хатѣ, ударился въ дверь:—на двери виситъ замокъ; дверь заперта. Онъ къ окну—оно изнутри заперто; да и безъ того въ окно развѣ одна рука его могла бы свободно пролѣзть... «Ахъ ты, судьба моя горемычная!—сказалъ онъ себѣ, чуть не сквозь слезы:—надо же было матери уйти и запереть двери. Ну, гдѣ я ее теперь найду?» И онъ съ досады хлопнулъ кулакомъ по двери... И вдругъ слышитъ:—за его плечами въ темнотѣ кто-то заливается тихимъ, дребезжащимъ смѣхомъ. Явтухъ обернулся и настави.ъ передъ собою увѣсистый кулакъ. «Не поддамся я тебѣ, окаянный! Не поддамся, да еще при случаѣ и побью! Хоть въ чужую юбку и въ бабьи чужіе башмаки одѣнусь, а вотъ пойду на вечерницы и горѣлки напьюсь, и съ моею красавицею насмѣюсь надъ твоею собачьею харей!» Сказалъ и подошелъ къ окну сосѣдней хаты. Въ хатѣ не было ни души. Мѣсяцъ отражался на гладкомъ полу, на печи и на полкахъ, уставленныхъ посудой. Онъ вошелъ во дворъ, ступилъ на крыльцо и толкнулъ ногою дверь. Дверь отворилась.—«Это не по нашему! — замѣтилъ онъ:—не запираются, какъ отъ татаръ, прости Господи!»

Вошелъ Явтухъ въ хату своей кумы, молодицы Ивги Лободы, у которой мужъ былъ въ отлучкѣ, на заработкахъ; приперъ дверь засовомъ, досталъ изъ печи уголь и засвѣтилъ огонь. «Кума посердится, да и проститъ, а на вечерницы я все-таки попаду!»—подумалъ онъ и сталъ снимать со стѣны оставленные наряды сосѣдки... Надѣлъ длинную женскую рубаху, голову повязалъ платкомъ, надѣлъ красные башмаки съ подковками, ожерелье «добраго мониста», накинулъ зеленую кофту и посмотрѣлъ въ зеркало. «Не будь усовъ, и вышелъ бы молодица-молодицею,—сказалъ онъ съ усмѣшкою:—и, какъ, право, странно рядятся эти женщины! Точно писанки на Пасху... Распотѣшу же я теперь всю сходку! И набѣгается, насмѣется и навеселится моя Найдуся, моя зорька, моя краля ненаглядная!»

Онъ погасилъ огонь, вышелъ изъ хаты, заперъ дверь и ступилъ за ворота. Городъ молчалъ. Свѣтлая глубина неба переливалась тысячами звѣздъ... Мѣсяцъ неподвижно и ярко сто-

ялъ надъ горою Кремянцемъ.—«Впередъ, Явтухъ Остановичъ, впередъ!»—сказалъ самъ себѣ Явтухъ, двинувшись въ путь по опустѣлой улицѣ, и вдругъ заболталъ по воздуху ногами...

Протеръ глаза, посмотрѣлъ внизъ—и обомлѣлъ отъ ужаса. Земля у него далеко-далеко подъ ногами, а его тянетъ кверху какая-то невидимая, страшно-могучая сила, и онъ летитъ все выше и выше, покидая облитый луннымъ блескомъ городъ и быстро разсѣкая воздухъ ночи.

— Что? будешь теперь смѣяться да грозить?—спросилъ за плечами чей-то голосъ... Явтухъ обернулся и увидѣлъ, что маленькій и черненькій бѣсенокъ торчитъ у него за спиной, а мохнатыя лапы бѣса держатъ его подъ руки.—Вотъ тебѣ и невѣста, и горѣлка, и твои вечерницы!»—говоритъ парубку чортъ, быстро унося его все выше и выше. Холодомъ обдало парня при мысли о мести и силѣ нечистаго, и отъ страху онъ закрылъ глаза. Когда онъ вновь посмотрѣлъ—земля, городъ, лѣсъ и окрестности, все исчезло подъ его ногами... Онъ летѣлъ въ необъятной пустотѣ, и воздухъ съ шумомъ скользилъ мимо его ушей.

— Куда ты несешь меня, дядюшка?—спросилъ, опомнясь, Явтухъ.

— А вотъ я сейчасъ тебѣ скажу!—отвѣтило у него за плечами:—я тебя, братъ, посажу верхомъ на мѣсяцъ; и просидишь ты у меня на немъ день, два, а можетъ и годъ, развѣ, когда мѣсяцу придется опуститься до краевъ земли, успѣешь ты соскочить на стогъ травы, или на какое-нибудь дерево...

— А какъ я неравно засну и упаду съ мѣсяца?

— Ну, туда тебѣ и дорога!—отвѣтилъ чортъ и рванулъ его еще скорѣе...

«Прощай, Найда! Теперь ужъ я тебя не увижу никогда!»—подумалъ Явтухъ и отдался на волю бѣса.

Летѣлъ онъ долго, минуя воздушныя пространства; наконецъ, мѣсяцъ, спрятавшись и опять явившись, мелькнулъ между разбѣжавшихся тучекъ и сталъ къ нему такъ близко, что онъ, какъ послѣ самъ разсказывалъ, могъ даже разглядѣть, изъ чего онъ сдѣланъ; а сдѣланъ мѣсяцъ, по его словамъ, изъ серебра, только вызолоченъ, какъ блюдо изъ хорошей посуды, да еще въ одномъ мѣстѣ,—должно быть, задѣлъ обо что-нибудь на землѣ,—позолота потерлась, и оттого пятна на мѣсяцѣ. Онъ поднялся высоко и вдругъ слышитъ, что-то въ воздухѣ шумитъ, и въ то же время

чортъ за его плечами задрожалъ и увильнулъ, отшатнулся въ сторону.

— А! такъ ты дѣвокъ таскаешь, сякой-такой?—раздался хриплый и сердитый голосъ.

Старая, сморщенная вѣдьма, верхомъ на метлѣ, налетѣла на бѣса съ поднятыми кулаками.

— Да это, полноте, не дѣвка; это парень, — пропищалъ нечистый.

— Какъ парень?.. Ахъ ты, сякой-такой!.. А юбка?

— Да вы, Мавра Онуфріевна... да я, право... ужъ я же вамъ говорю!—кричалъ чортъ, осыпаемый кулаками вѣдьмы.

— Вотъ я тебя, вотъ я тебя!— кричала вѣдьма, отъ ревности и злобы не зная, съ какого конца лучше отсчитывать удары. Она ухватила бѣса за хвостъ и за загривокъ и такъ стала его трясти, что съ ея рыжей косы слетѣлъ платокъ, а изъ когтей чорта выпалъ Явтухъ и камнемъ полетѣлъ на землю... — «Ну, теперь ужъ и мнѣ не сдоброватъ!»—сказалъ бѣсъ и понесся выше и выше, силясь стряхнуть съ себя злую вѣдьму.

И долго въ воздухѣ сыпались клочки волосъ, и крупная брань бѣса и вѣдьмы оглашала темныя пространства. Явтухъ камнемъ летѣлъ на землю...

Между тѣмъ весело лилась бесѣда въ низенькой свѣтелкѣ подгородной мельницы. Складчина на этотъ разъ удалась какъ нельзя лучше, потому, во-первыхъ, что мельникъ, старый вдовецъ и скряга, уѣхалъ въ Чугуевъ на ярмарку и дочка его осталась хозяйкою хаты; и, во-вторыхъ, потому, что многіе изъ изюмской молодежи надѣялись на этотъ разъ привести къ окончанію свои сердечныя дѣла.

Полъ мельниковой хаты былъ чисто прибранъ и вымазанъ заново охрою; стѣны, также вновь выбѣленныя, украсились вѣнками и пучками цвѣтовъ. Печь ярко горѣла и въ ней шипѣли на горячихъ сковородахъ, въ маслѣ, пшеничные орѣшки, ячные блины и сластёны. Дубовый столъ, покрытый бѣлою скатертью, помѣщался въ главномъ углу, подъ образами; на немъ стояли графинчики съ горѣлкой. На лавкѣ у печи, близъ двери въ темную комнату, лежали куски сдобнаго и прѣснаго тѣста, яйца, свиное сало и стручковый перецъ. Вокругъ этого стола двѣ молодицы, и одна изъ нихъ Ивга Лобода, хлопотали надъ печеніемъ и замѣ-

ниваніемъ сластёнъ и орѣшковъ. По скамейкамъ, опрокинутымъ ведрамъ и корытамъ, вокругъ хаты, сидѣли дѣвки и парни. Смѣхъ, говоръ и пѣсни перемѣшивались съ трескомъ печи и жужжаніемъ веретёнъ. Дѣвки, сидя на рѣзныхъ дощахъ, тянули изъ гребней пряди и бойко водили веретенами. Иныя сидѣли молча, другія пѣли пѣсни, а третьи болтали и щебетали, какъ ласточки въ весеннее утро. Парни, кто за столомъ, кто на перевернутомъ боченкѣ, а кто и просто на полу, сидѣли и тоже занимались разными работами. Иной точилъ деревянную чашку, другой строгалъ веретено своей красавицѣ; третій гнулъ дугу; четвертый расписывалъ вывѣску для хуторянскаго кабака, а иные говорили сказки. Сказки смѣнялись хоровыми пѣснями. При окончаніи одной изъ послѣднихъ, длинный ткачъ Бубликъ вдругъ приложилъ ладонь къ уху и, давъ знакъ рукою, чтобъ всѣ замолчали, затянулъ тоненькимъ голосомъ весьма жалобную пѣсню. Это не помѣшало ему протянуть въ печку спичку и потянуть оттуда, подъ общій хохотъ, горячую галушку. Всѣ веселились, хохотали, шумѣли, разсказывали сказки. Не веселилась одна хозяйка, мельникова дочка...

Прошло уже немало времени, а Явтуха не было да и не было. Сперва она думала, что онъ зашелъ къ своему пріятелю писарю; потомъ ей казалось, что онъ только притворяется, что давно ужъ пришелъ и спрятался гдѣ-нибудь по близости, за хатою, ожидая, что вотъ она не вытерпитъ и выбѣжитъ сама къ нему навстрѣчу. Найда ужъ готова была встать и выдти, какъ будто невзначай. «Нѣтъ! — подумала она, — лучше подожду его. Нечего баловать жениха! Положишь ему палецъ въ зубы, такъ и не вынешь!»

И она осталась.

Прошло еще нѣсколько времени. Найда забылась и слушала, водя веретеномъ, страшную сказку, которую началъ ткачъ. Нитка пряжи у нея оборвалась, и она выронила веретено. Нагнулась подъ столъ и вдругъ видитъ: въ углу, подъ лавкой, сидитъ что-то худенькое, маленькое, черненькое и, виляя хвостомъ, смотритъ горящими, какъ угли, глазами... Найда обомлѣла отъ ужаса... Чортъ, между тѣмъ, посидѣлъ и юркнулъ въ дверь; дверь за нимъ тихо затворилась. Кромѣ Найды, никто не замѣтилъ ни его появленія, ни бѣгства. Сказка тянулась своимъ чередомъ.

И вотъ, чувствуетъ Найда, что непонятная сила тянетъ

и ее съ мѣста за дверь. Она знаетъ очень хорошо, что за дверью, въ темныхъ сѣняхъ, ожидаетъ ее то же страшное чудище, что за дверью она перепугается до смерти, знаетъ и—дивное дѣло!—не можетъ себя побѣдить. Встала она съ лавки, тихо сложила гребень и отворила дверь. «Куда ты, Наѝда?»—спрашиваютъ ее подруги. «А вотъ я... въ сарай... коровѣ сѣна нужно подложить!»

Она ступила въ темныя сѣни. Въ сѣняхъ—ни души. Она на крыльцо — и на крыльцѣ никого не видно. Площадка передъ хатою также пуста. И только подъ заборомъ маленькаго садика бѣгаетъ котъ. «Васька, Васька!» стала она звать кота. Котъ вошелъ въ калитку садика. «Еще забѣжитъ въ лѣсъ! — подумала она, — шляется за сосѣдскими кошками...» Но не успѣла сдѣлать и пяти шаговъ, какъ котъ къ ней обернулся и сталъ мяукать и рости. Холодъ пробѣжалъ по ея жиламъ. «Брысь!»—закричала она.—Котъ ощетинился, выпустилъ когти, страшно засверкалъ зелеными глазами, такъ что освѣтилъ сосѣдніе кусты и плетень, замяукалъ еще сильнѣе и, выгибаясь, сталъ рости и рости... Наѝда хотѣла бѣжать и не могла: ноги не слушались; хотѣла кричать: языкъ, какъ во снѣ, не двигался. А котъ прыгнулъ и, поднявшись на заднія лапы, протянулъ къ ней усатую морду... «Тьфу!»—крикнула Наѝда и спрятала лицо. «За что же ты бранишься?» — спросилъ у нея нѣжный и сладкій голосъ. Наѝда смотритъ: передъ нею стоитъ ужъ не котъ, а Явту́хъ, ея Явту́хъ, ея милый суженый...

— Это ты, Явту́хъ?

— Я, моя кралечка!

— Какъ же ты напугалъ меня! Богъ знаетъ, чѣмъ показался!

И она кинулась къ нему на шею и потащила его за руку въ хату.

— А, Остаповичъ, Шаповаленко! — залепетали вокругъ парня собесѣдники:—а мы васъ ждали, да все думали, куда это васъ занесло.

Наѝда отъ радости бѣгаетъ по хатѣ и ставитъ на столъ миски съ угощеніями. Явту́хъ, крутя усы и нахмурившись, стоитъ посреди хаты, не снимая шапки и сурово поглядываетъ по сторонамъ. — «Будетъ вамъ, щебетухи, языкомъ торохтѣть! — сказалъ ткачъ: — садитесь вечерять».

Наѝда всыпала въ миску варениковъ.

Всѣ при этомъ бросили болтовню и, крестясь, сѣли за столъ. Явтýхъ молча сидѣлъ, сложа руки.

— А ты же что панóмъ разсѣлся?—спросила его съ досадою Найда, видя его невѣжливость: — не велика птица! нà полотенце, да занавѣсь свои шаровары, а то еще какъ разъ съ усовъ капнетъ!

Явтýхъ нагнулся къ столу и раскрылъ ротъ. Въ ту же минуту дивныя дѣла произошли въ хатѣ. У одного изъ парней въ карманѣ были припасенные орѣхи и рожки; вдругъ карманъ раскрылся, и орѣхи, а тамъ и рожки, будто воробьи, стали вылетать оттуда, направляясь въ ротъ Явтýха, который только раскусывалъ ихъ. Долго никто не могъ придти въ себя отъ изумленія. «Э-ге-ге! да что же это такое?» — подумали въ одинъ разъ всѣ гости и остались неподвижными. Молчаніе сдѣлалось такое, что слышно было, какъ муха жужжала и билась гдѣ-то подъ опрокинутымъ кувшиномъ.

— Ой, лѣлечко, братцы!.. караулъ! — закричалъ вдругъ ткачъ, весь въ мукѣ вскакивая изъ-подъ стола, куда нагнулся искать упавшій кисетъ съ табакомъ: — да это — не Явтýхъ; это, братцы, такое, чего и назвать нельзя... у него хвостъ собачій! Смотрите!..

— Чортъ, чортъ!—закричали всѣ, и во мгновеніе ока, выскочивъ изъ хаты, побѣжали, куда глаза глядятъ.—Въ то же время у мнимаго Явтýха упала съ головы шапка, и на лбу сверкнула пара золотыхъ рожекъ.—«Такъ вотъ это кто!»—подумала Найда и замерла отъ ужаса, оставшись глазъ на глазъ съ тѣмъ, котораго, по словамъ ткача, даже и назвать было нельзя...

Выроненный изъ рукъ чортомъ, Явтýхъ стремглавъ понесся съ неба, посылая прощанія милой и ожидая каждое мгновеніе, что вотъ снизу, изъ воздушной тьмы, выяснится рѣка, болото или сухое, рогатое дерево, и онъ распростится на-вѣки съ жизнью, — какъ вдругъ неожиданно почувствовалъ подъ собою что-то мягкое. Онъ осмотрѣлся и видитъ, что упалъ со всего размаха въ стогъ свѣжаго, пушистаго сѣна и утонулъ въ немъ по самую шею. Почувствовавъ пріятный запахъ травы, Явтýхъ сперва убѣдился, что всѣ ребра у него цѣлы, потомъ выкарабкался изъ сѣна, легъ на стогъ и посмотрѣлъ внизъ...

Возлѣ стога былъ разложенъ огонь. Толпа чумаковъ, наклонясь надъ чугуннымъ котелкомъ и куря трубки, сидѣла у огня.

— Здорово, паны-браты! — сказалъ со стога Явтýхъ.

Чумаки, не поднимая головы, не двинули ни плечомъ, ни усомъ, а только въ одинъ голосъ отвѣтили:

— И ты будь здоровъ!

— А я къ вамъ! — сказалъ опять Явтýхъ.

— Милости просимъ! — отвѣтили чумаки, не поднимая головы и спокойно сося коротенькія трубки.

Явтýхъ оправилъ на себѣ бабью юбку и кофту и съ такою рѣчью обратился къ чумакамъ:

— А посмотрите-ка, добрые люди, въ чемъ я!

Чумаки вынули изо рта трубки и подняли къ нему головы.

— Хорошъ? — спросилъ Явтýхъ.

— Хорошъ.

— И башмаки хороши?

— Хороши.

— А платокъ? — спросилъ Явтýхъ.

Чумаки, которые опять было принялись курить, удивляясь, что̀ это за человѣкъ ихъ разспрашиваетъ и откуда онъ взялся, опять отняли изо рта трубки и, смотря на Явтýха, отвѣтили:

— Хорошъ и платокъ.

— Хлѣбъ же соль вамъ!—сказалъ нежданный гость, спускаясь на землю со стога: — должно быть, борщъ варите, съ таранью.

— Нѣтъ, кашу съ саломъ.

Явтýхъ спустился на землю и подсѣлъ къ костру.

— А позвольте узнать, господа-чумачество, откуда васъ Богъ несетъ?

— Изъ Крыма.

— За солью ѣздили?

— За солью.

— А гдѣ мы теперь, паны-браты?—прибавилъ Явтýхъ.

Чумаки молча переглянулись: вотъ насмѣхается человѣкъ.

— То-есть... какъ оно... насчетъ, то-есть?.. гдѣ это мѣсто, на которомъ вотъ мы теперь сидимъ?—прибавилъ Явтýхъ, указавъ пальцемъ на землю.

— Гдѣ это мѣсто?—спросили чумаки, опять переглянувшись между собою.

— Да, добрые люди.

— За Мелитополемъ.

— Слышалъ, слышалъ, братцы, про Мелитополь! слышалъ! это отъ насъ верстъ пятьсотъ будетъ! Еще оттуда,

то-есть — тьфу! отсюда... коробейники къ намъ съ ситцами ходятъ. Ну, хватилъ же нечистый! въ полночи пролетѣлъ полъ-тысячи верстъ.

Чумаки перестали курить.

— Такъ ты, стало-быть, не здѣшній? — спросили они.

— Не здѣшній... Я изъ Изюма, коли знасте. Еще сегодня ходилъ тамъ по базару и купилъ себѣ шаровары,—замѣтилъ Явтухъ, да и запнулся на этомъ словѣ. — То-есть, просто диво!—вздохнулъ онъ и, придвинувшись поближе къ чумакамъ, сталъ разсказывать обо всемъ дивномъ и непонятномъ, что съ нимъ случилось въ тотъ вечеръ.

«Съ пьяну!» — думали, глядя на него, чумаки.

— Да что, — сказалъ въ заключеніе Явтухъ: — я вамъ, братцы, скажу такое еще, что просто отъ смѣху за бока ухватишься... Дайте трубочки покурить... Какъ летѣли мы съ чортомъ, встрѣтилась намъ вѣдьма, рыжая да старая, такая старая, что только воронье пугать. Завидѣла меня у него въ лапахъ, подумала, что я—не казакъ, а дѣвка, потому что въ этой юбкѣ былъ, и вцѣпилась въ него. Нечистый выронилъ меня, а съ головы вѣдьмы свалился платокъ. Такъ она простоволосая и полетѣла съ нимъ подъ самыя звѣзды... Когда я падалъ сюда, вижу — по дорогѣ летитъ оброненный вѣдьмою платокъ; я его захватилъ налету съ собою! Должно быть, вещь важная! — заключилъ Явтухъ и, спрятавъ трубку за пазуху кофты, выложилъ передъ глазами чумаковъ яркій, невиданнаго цвѣта платокъ.

— Эка, бѣсово племя! да еще и козырится!—прибавилъ Явтухъ, собираясь спрятать находку, и видитъ: сзади его, на корточкахъ, сидитъ тощая, простоволосая старушонка и изъ-за его плеча протягиваетъ костлявую руку. «А! такъ ты тутъ?» — закричалъ Явтухъ, такъ что чумаки привскочили на мѣстѣ, и ухватился за сморщенную лапу вѣдьмы.

Вѣдьма заметалась, закричала, какъ заяцъ, когда собаки поймаютъ его за длинныя уши, и стала, подпрыгивая, подниматься съ Явтухомъ изъ кружка изумленныхъ чумаковъ. Тихо всплылъ онъ съ ней опять на воздухъ и, освѣщенный блескомъ костра, взмахнулъ ногами, сталъ исчезать въ темнотѣ, превратился въ красноватую точку и скрылся... И долго еще чумаки, въ сѣрыхъ бараньихъ шапкахъ, сидѣли подъ стогомъ, съ опрокинутыми головами и неподвижно смотрѣли въ темное небо...

Какъ легкое перо, носимое вѣтромъ, летѣлъ Явтýхъ по небу, держась за руку вѣдьмы. Вѣдьма бросалась изъ стороны въ сторону и стонала, выбиваясь изъ силъ. Наконецъ, она поднялась такъ высоко, что, какъ разсказывалъ впослѣдствіи Явтýхъ, чуть не зацѣпила за край мѣсяца и стала опускаться на землю. Явтýхъ не унывалъ и, держась за ея руку, смотрѣлъ внизъ.

И вотъ, видитъ онъ, далеко-далеко внизу, сверкнули огоньки, сперва одинъ, потомъ два и, наконецъ, цѣлыя сотни. «Что бы это было такое? — думалъ Явтýхъ, — у насъ въ Изюмѣ давно уже спятъ. Ужъ не Полтава ли это, или Бахмутъ?»

Воздухъ съ шумомъ летѣлъ мимо его ушей, а съ земли неслись къ нему навстрѣчу чудныя картины. Утесы и горы, покрытые лѣсами; на скалахъ каменная крѣпость, башни, лѣсъ, глубокія, какъ колодцы, долины и, наконецъ, цѣлый огромный городъ, залитый огнями. Явтýхъ только высматривалъ, обо что ему придется грянуться и распроститься съ жизнью, и вдругъ почувствовалъ, что снова тихо и плавно на что-то опускается. Онъ сталъ на ноги, а вѣдьма, утомленная несеніемъ здороваго парня, воспользовалась счастливымъ мгновеніемъ, вырвалась у него изъ рукъ и съ быстротой молніи исчезла въ темномъ пространствѣ.

Явтýхъ окинулъ взоромъ окрестность.

Богатый городъ разстилался у его ногъ; онъ самъ стоялъ на плоской кровлѣ высокой башни. Гдѣ-же это онъ? и что это за городъ?

Башня помѣщалась въ нижнемъ отдѣленіи сада, идущемъ уступами въ гору. Вокругъ башни — рядъ тополей. Далѣе, вправо, небольшой прудъ, окруженный мраморною набережной; кусты широколиственника темнѣютъ здѣсь и тамъ, и мѣсяцъ ярко отражается въ стеклѣ пруда... Другая, болѣе высокая ограда окружаетъ и тополи, и прудъ, и башню. За садомъ виденъ пространный дворъ; его обступаютъ высокіе терема, съ островерхими крышами и причудливо-рѣзными окнами и деревьями. Въ глубинѣ двора возвышается новая башня съ воздушнымъ крылечкомъ. Глядя на огоньки въ окошечкахъ домовъ, прилѣпленныхъ къ уступамъ горъ, между которыми легъ городъ, Явтýху показалось, что по сторонамъ его не горы, а огромные дворцы, съ тысячами оконъ. «Нѣтъ, это не Полтава!»—сказалъ онъ самъ себѣ, и для того, чтобы убѣдиться, точно ли онъ все это видѣлъ на яву, а не во снѣ,

онъ ущипнулъ себя за ухо, а потомъ за носъ. Ничуть не бывало! онъ, точно, не спитъ и находится въ какомъ-то далекомъ, дивномъ городѣ.

Осмотрѣвшись еще нѣсколько вокругъ себя, Явтухъ протянулъ руку въ карманъ кофты и, вынувъ оттуда трубку, взятую у чумаковъ, а изъ шароваръ огниво, вырубилъ огня и, стоя на крышѣ башни, принялся курить и посматривать на городъ, на скалы и небо. «Оно бы и выкупаться хорошо!»—подумалъ онъ, глядя на прудъ. И, нагнувшись съ башни, увидѣлъ, что сойти съ нея очень легко: тополь росла у самой ея крыши. Недолго думая, онъ уцѣпился за стволъ и сталъ спускаться на землю, но не успѣлъ миновать и половины дерева, какъ дверь изъ терема въ садикъ отворилась, и цѣлая толпа женщинъ, въ бѣлыхъ покрывалахъ и желтыхъ и красныхъ остроконечныхъ башмакахъ, потянулась черезъ крыльцо къ пруду. За женщинами шелъ черный губанъ-арабъ, въ широкихъ шароварахъ, зеленой чалмѣ и съ саблей у пояса. Сердце застыло въ груди Явтуха, и руки приросли къ стволу тополя. Онъ остановился въ воздухѣ, а вошедшія женщины, не замѣчая его, съ хохотомъ и съ криками окружили прудъ и, въ пяти шагахъ отъ него, стали скидать съ себя длинныя, легкія покрывала...

Найда, оставшись, между тѣмъ, глазъ на глазъ съ чортомъ, долго не могла опомниться: мнимый Явтухъ сидѣлъ передъ нею за столомъ и пристально глядѣлъ на нее. Наконецъ, онъ шевельнулся, поправилъ усъ, кашлянулъ и протянулъ къ ней руки...

— Краля ты моя, Найда, садись возлѣ меня. Да обними, да поцѣлуй.

Найда вскочила.

— Сгинь ты, окаянный, нечистый!—крикнула она и бросилась въ другой уголъ хаты.

Бѣсъ засмѣялся и кинулся вслѣдъ за нею. Найда, несмотря на то, что приходилось возиться съ чортомъ, ловко увертывалась и отбивалась отъ него. Ужъ одна изъ лапъ нечистаго ухватила ее за рукавъ рубашки, а другая порвала нитку красныхъ гранатовъ, и тѣ со звономъ посыпались на столъ и по лавкамъ; ужъ она почувствовала на своихъ щекахъ дыханіе чорта. «Явтухъ, Явтухъ!»—закричала она въ отчаяніи и, однимъ взмахомъ руки отбившись

отъ объятій бѣса, кинулась въ темный чуланъ, заперла за собою дверь и наложила на нее крестное знаменіе. Чортъ грянулся въ двери и остановился. Наѝда, въ страхѣ, смотрѣла въ замочную скважину и увидѣла странныя вещи...

Бѣсъ, принявшій образъ парня, сѣлъ за столъ, придвинулъ къ себѣ миску оставленныхъ варениковъ, досталъ съ полки здоровенную флягу водки и съ голоду принялся закусывать. Все было тутъ же вскорѣ очищено. Тогда чортъ принялся выглядывать, какъ бы удобнѣе лечь спать. Мостился онъ долго и безуспѣшно. Легъ на лавку—узко; легъ на полъ—холодно; легъ на печку—жарко... Охмелѣвшій бѣсъ подошелъ къ столу, на которомъ мѣсили тѣсто, и легъ прямо въ муку. Только и тутъ еще провозился немалое время: то ляжетъ такъ, что голова свѣсится, то ляжетъ такъ, что свѣсятся ноги. Наконецъ, онъ легъ поперекъ стола, то-есть въ такомъ положеніи, что съ одной стороны свѣсились ноги, а съ другой голова, и заснулъ.

Наѝда подождала еще нѣсколько времени, усмѣхнулась, отыскала впотьмахъ свою шубку, постлала ее на сундукѣ, начала молиться долго и не спѣша, перекрестила всѣ углы, окна и двери, легла тоже, свернулась клубочкомъ и заснула, еще не оправясь отъ тревоги и волненія той ночи. И долго во снѣ ей мерещилось все, что̀ она испытала, и пьяный сатана на столѣ, который храпѣлъ не хуже хмельного отца Наѝды, какимъ тотъ возвращался иной разъ съ ярмарки.

Ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ Явту́хъ на тополи, держась за стволъ, и смотрѣлъ на непонятныя вещи, происходившія вокругъ него. Женщины, скинувъ покрывала, вошли въ ограду пруда и стали скидать съ себя серьги, золотыя шапочки, пестрыя туфли, наконецъ, стали расплетать длинныя косы. Надобно сказать, что Явту́хъ былъ, вообще, храбръ и смѣлъ только съ своимъ братомъ; женская же красота совершенно отнимала у него всякую прыть... «Боже мой, Боже! что̀-жъ это будетъ?»—думалъ онъ, глядя изъ-за вѣтвей тополя на толпу раздѣвавшихся красавицъ.

Съ криками и хохотомъ кинулись незнакомки къ водѣ. Арабъ, зѣвая во весь ротъ, ушелъ въ теремъ.

Красавицы, между тѣмъ, усѣлись на ступенькахъ ограды и, скидая съ ножекъ башмаки, нехотя и шаловливо опускали ноги въ холодныя струи. Вотъ онѣ разстегиваютъ шелковые пояса, готовятся сходить въ воду.

«Господи, Боже мой! что-жъ это я дѣлаю! зачѣмъ я смотрю на этихъ женщинъ? Вѣдь онѣ совсѣмъ и не знаютъ, что я тутъ»...

Недолго думая, спустился онъ съ дерева на землю, поднялъ одно изъ покинутыхъ покрывалъ и, закутавшись въ него, сѣлъ на берегу пруда. Купальщицы его примѣтили.

— Это кто?—закричали онѣ.

Явтýхъ закутался съ головой.

— Это ты, Ханымъ?

— Это ты, Шерфé?—заговорили купальщицы и стали плескаться, прыгать и возиться, какъ маленькія рыбки.

«Ну,—думалъ Явтýхъ, жмуря глаза:—что-то будетъ дальше»?

— Да что жъ-ты молчишь? Выходи, раздѣвайся и полѣзай въ воду, купаться съ нами.

— Ай, усы!!!—закричали вдругъ нѣкоторыя, и всѣ пугливо бросились въ воду.

— Что вы испугались, добрыя пáни?—проговорилъ Явтýхъ:—я—мѣщанинъ изъ Изюма.

— Э! да это и вправду казакъ!—сказала одна изъ красавицъ по русски.

— Ну, да, казакъ!—прибавилъ Явтýхъ:—лукавый бѣсъ занесъ меня и опустилъ вонъ на ту башню.

Возгласы изумленія раздались изъ воды.

— А скажите, пáни, гдѣ это мы теперь... то-есть, какой это городъ?

— Бахчисарай.

— А далеко это будетъ отъ Изюма?

— Считай самъ; это—столица Крымскаго царства...

— Крымскаго царства! —вскрикнулъ Явтýхъ, всплеснувъ руками:—вѣдь это еще дальше Мелитополя будетъ!..

— Тс! что ты! не говори такъ громко, а то какъ разъ разбудишь всѣхъ во дворцѣ,—сказала незнакомка:—ложись лучше въ этотъ ящикъ; мы одѣнемся и тебя потихоньку пронесемъ въ наши комнаты.

— Да кто вы такія?—спросилъ Явтýхъ, занося ногу въ ящикъ.

— Мы—жены крымскаго хана! лежи смирно!

И красавицы бережно понесли его въ теремъ.

Когда Явтýхъ почувствовалъ, что ящикъ снова опустили, онъ приподнялъ крышку и всталъ на ноги. Стѣны гарема, гдѣ онъ очутился, были обтянуты краснымъ сукномъ. По

полу валялись подушки. Зеркало надъ каминомъ было обито фольгою. Дрожащій свѣтъ лампады, изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, лился съ потолка, и легкій дымъ курильницы, стоявшей у завѣшенной двери въ другую комнату, стлался по полу. Явтӯхъ не могъ надивиться на все это и, поднявъ голову, оглядывался по комнатѣ.

— Какой хорошенькій!—сказала одна изъ красавицъ по-своему.

— Какой страшный, да усатый!—прибавила говорившая по-русски.

— Давайте, сестрицы, свяжемъ ему руки, да одѣнемъ его въ наши наряды! Вѣдь одѣли же его гдѣ-то казачки въ юбку...

— Ахъ, да какой онъ смѣшной!—закричали остальныя, хлопая въ ладоши и еще тѣснѣе окружая гостя.

Явтӯхъ вѣжливо и молча стоялъ передъ ними.

Одна изъ женъ обратилась къ нему съ просьбой:

— Повесели насъ твоими разсказами; какою силой занесло тебя сюда?

Просьбу эту ему перевели. Явтӯхъ почесалъ за ухомъ.

— Да что̀ же такое я вамъ, па́ни-матки, разскажу? Я, право, и не знаю; языкъ какъ-то... того... не ворочается!

— А вотъ, мы его подмажемъ!—сказали болѣе догадливыя.

И съ этими словами его усадили на мягкія подушки, поставили передъ нимъ низенькій столикъ, а на столикъ большое блюдо съ яблоками, персиками, виноградомъ и татарскими пряниками, и принесли ему ханскій кальянъ.

— Начать съ того...—заговорилъ Явтӯхъ.

И всю ночь разсказывалъ онъ красавицамъ свои похожденія, которыя тутъ же переводились. Когда на подносѣ не осталось ужъ ничего, Явтӯхъ всталъ и, покачиваясь, сказалъ:

— Теперь ужъ все! теперь ужъ я пойду отсюда...

— Какъ пойдешь?—спросили съ удивленіемъ красавицы.

— Да, мнѣ пора ужъ домой.

Въ комнату проникалъ блѣдный разсвѣтъ зари.

— Ахъ, какой ты чудной! Вѣдь самъ же говоришь, что отъ твоей родины до насъ чуть не тысяча верстъ.

— И то правда!—вздохнулъ Явтӯхъ, почесывая за ухомъ:— а впрочемъ, нѣтъ, ужъ лучше я пойду!

— Да вѣдь вокругъ дворца течетъ рѣчка, и часовые стоятъ у поднятыхъ мостовъ! Если тебя увидятъ, да поймаютъ, то приведутъ поутру къ хану, на дворцовомъ мосту

отсѣкутъ тебѣ голову, положатъ тебя въ мѣшокъ, да такъ, безъ головы, и бросятъ въ воду.

— Э, нѣтъ, я ужъ лучше пойду!—твердилъ Явтухъ, пробираясь сквозь толпу красавицъ къ двери.

— Такъ хоть, по крайней мѣрѣ, погоди ты, бѣшеная голова! Мы тебя вынесемъ опять въ ящикѣ въ садъ, и ты опять влѣзешь на крышу; оттуда спустишься на улицу; авось, найдешь въ городѣ какого-нибудь жида: онъ тебя и вывезетъ въ таратайкѣ, подъ мѣшками.

И, уложивъ его снова въ ящикъ съ нарядами, красавицы вынесли его въ садъ. Явтухъ толкнулъ крышку и оглянулся вокругъ себя.

Мѣсяцъ опустился за гору, и румяная полоса на другомъ концѣ города показывалась изъ-за плоскихъ крышъ. Въ воздухѣ свѣжѣло. Роса сверкала на листьяхъ цвѣтовъ. Отблескъ зари прокрадывался по островерхимъ минаретамъ, плоскимъ крышамъ саклей и по трубамъ позолоченныхъ кровель ханскихъ дворцовъ.

Явтухъ протеръ глаза: что это такое? Передъ самымъ его носомъ торчитъ опять вчерашняя рыжая старушонка.

— Не унывай, казаче!—говоритъ она:—прости меня и забудь прошлое; дай только мнѣ найти да порядкомъ проучить того косолапаго, что тебя вчера обидѣлъ, такъ я мигомъ тебя донесу домой.

— Кого найти, какого косолапаго?—спросилъ съ изумленіемъ Явтухъ.

— Чорта!—отвѣтила вѣдьма:—моего губителя, изверга! Онъ теперь заперся на мельницѣ съ твоею невѣстою и сидитъ тамъ всю ночь, окаянный.

— Съ моею Найдою?—закричалъ во все горло Явтухъ и такъ ухватился за тоненькую лапу вѣдьмы, что та не взвидѣла свѣта:—неси меня, распропащая твоя душа! неси, а не то, вотъ клянусь тебѣ, измелю тебя въ табакъ!

И, вскочивъ на спину вѣдьмы, Явтухъ стиснулъ ее колѣнями, засучилъ рукава и поднялъ здоровенные кулаки. Вѣдьма сперва попятилась, заскреблась лапками, какъ мышь; но потомъ понемногу выпрямилась, подпрыгнула и стала подниматься съ нимъ на воздухъ. Она полетѣла сперва къ крышѣ терема, потомъ черезъ дворъ къ мечети, а наконецъ, стала косвенно подниматься кверху. Ханская стража замѣтила ихъ. Во дворѣ, въ саду и на улицѣ под-

нялся сильный переполохъ. Махали саблями, раздавались крики, даже послышался ружейный выстрѣлъ. Но трудно было догнать улетѣвшихъ: поминай какъ звали...

Сидя на плечахъ вѣдьмы, Явтýхъ недоумѣвалъ, какъ это она, не двигая ни руками, ни ногами, летитъ быстрѣе облака, гонимаго вѣтромъ. Въ это время онъ поднялся такъ высоко, что кое-гдѣ на землѣ еще были сумерки, а онъ уже увидѣлъ вдалекѣ красный шаръ солнца, которое будто купалось въ волнахъ большого озера, готовясь выкатиться въ ясное небо.

— А какое это озеро, тётка?—спросилъ Явтýхъ у вѣдьмы.

— Это—Черное море! тамъ много хорошей тарани, да и всякой другой рыбы.

«Э!» подумалъ Явтýхъ и отшатнулся.

Прямо въ глаза ему налетѣла легкая прозрачная тучка, и онъ исчезъ въ ней, точно въ волнахъ серебристой кисеи. Когда онъ вылетѣлъ снова на свѣтъ, въ его волосахъ и на рубашкѣ блестѣли капли росы, а тучка далеко-далеко внизу виднѣлась лиловою точкою.

Въ иныхъ мѣстахъ, когда ужъ нѣсколько разсвѣло, онъ увидѣлъ въ воздухѣ раннихъ жаворонковъ, у которыхъ глаза еще спали, а они ужъ поднялись въ небо и славили своими пѣснями восходящее солнце.

Изъ трубы какого-то села вылетѣлъ, въ серебряной одеждѣ, свѣтлый духъ, держа на рукахъ что̀-то.

— Это что такое?—спросилъ Явтýхъ.

— Это ангелъ Божій уноситъ въ небо только-что умершую дѣвушку!

«Ужъ не моя ли Нàйда?» вздохнулъ Явтýхъ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ совершенно наткнулся на распластаннаго подъ облаками коршуна, который сторожко глядѣлъ внизъ, въ траву, и выбиралъ себѣ утреннюю поживу. Явтýхъ хотѣлъ ему дать по дорогѣ порядочнаго тумака, но одумался, чтобъ не сорваться съ вѣдьмы, и полетѣлъ далѣе.

— А это какія голубыя облака?—спросилъ онъ вѣдьму.

— Это—Черкесскія горы, покрытыя снѣгомъ, и снѣгъ этотъ никогда на нихъ не таетъ.

— Какъ никогда не таетъ?

— Такъ же, никогда!

— Стало быть, и въ косовицу не таетъ?

— И въ косовицу не таетъ.

«Чудеса, да и только!» подумалъ Явтýхъ и сталъ снова вематриваться въ безконечныя пространства земли, выходившей подъ нимъ изъ ночныхъ сумерекъ.

— Ну, а то что̀ такое?—спросилъ онъ, указывая налѣво, черезъ плечо:—точно жаръ горитъ; должно быть, чумаки чужіе лѣса подожгли?

— Это—городъ Кіевъ, и въ немъ такъ золотыя главы церквей горятъ!

«Э!—подумалъ про себя Явтýхъ,—какой же важный городъ Кіевъ, да никакъ въ немъ уже и къ заутрени благовѣстятъ?—И онъ еще пристальнѣе началъ вглядываться внизъ.—Послушай... какъ тебя звать? Мавра Онуфріевна, что ли?.. это ужъ и на базаръ выходятъ? Ишь ты, какъ народъ повалилъ на улицы; должно быть ярмарка!

— Въ Кіевѣ каждый день ярмарка; ужъ такой, хлопче, городъ удался!..—замѣтила вѣдьма и понеслась еще быстрѣе.

— Да куда тебя несетъ такъ? погоди, скажи-ка, тётка, гдѣ Москва?

— Москва, казаче, такъ далеко, что нужно еще въ десять разъ подняться выше, и тогда увидишь не всю Москву, а одного Ивана Великаго, да Царь-пушку.

— Ну, а вонъ то что̀ такое танцуетъ?—спросилъ, помолчавъ, Явтýхъ.

— То плясовицы, бабы некрещенныя, выходятъ всякое утро, рано на зарѣ, съ распущенными косами, на вершинахъ кургановъ солнце встрѣчать... Пора, пора!—проговорила неровнымъ голосомъ вѣдьма:—надо пѣтуховъ обогнать...

И она помчалась стрѣлой.

— Какъ пѣтуховъ обогнать?

— Подъ нами, какъ пролетали Катериновку, давно ужъ въ первый разъ прокричали... Скоро прокричатъ въ другой разъ, а до третьихъ пѣтуховъ надо все покончить.

— Эхъ ты, мышиная кума, гдѣ была!—замѣтилъ весело Явтýхъ, покачивая головою.

— Что̀ ты сказалъ, хлопче?—спросила вѣдьма, оглядываясь на него.

— Я спрашиваю, что̀ это такое выяснилось тамъ внизу, точно коровы идутъ по зеленой травкѣ?

— Это—вправо Даниловка, налѣво Гусаровка, далѣе Прйшибъ, Петровское, а еще далѣе Харьковъ.

— Ну, а это какія серебряныя ленты протянулись, точно змѣи по лугамъ?

— Это, казаче, рѣки Донецъ, Берека да Торецъ со своими озерами...

Не успѣлъ оглянуться Явтýхъ, какъ земля, горы, лѣса и весь Изюмъ понеслись къ нему навстрѣчу.

— Тише, тише!—закричалъ Явтýхъ, камнемъ падая на кривую березу, что росла у самой мельниковой хаты.

— Ничего, хлопче! сиди только смирно!—отвѣтила вѣдьма и тихо опустилась на землю, подъ березой у порога хаты:— теперь слѣзай съ меня и отворяй двери; твоя невѣста ихъ перекрестила, и мнѣ туда не войти.

Явтýхъ сталъ на ноги, хотѣлъ войти въ дверь.

— Нѣтъ, погоди! чортъ теперь спьяна спитъ, такъ ты его не буди, а прежде ступай въ кладовую и выводи оттуда свою красавицу. Съ косолапымъ же я сама справлюсь!..

Съ трепетомъ подошелъ Явтýхъ къ кладовой, въ которой спала Найда. Чуть переводя духъ, онъ взялся за дверь; еще въ первый разъ въ жизни онъ переступалъ порогъ, за которымъ спала его суженая. Онъ повернулъ скобку двери и остановился. — «Нѣтъ, подумалъ онъ, махнувъ рукой;— не войду!» и прибавилъ шепотомъ, наставивъ губы къ замочной скважинѣ:

— Найда, вставай, одѣвайся, выходи...

— Кто тамъ?—спросилъ тихій, чуть слышный голосъ.

— Это я, Явтýхъ... твой Явтýхъ, моя кралечка!

— А если ты Явтýхъ, а не тотъ, что лежалъ на столѣ, такъ перекрестись: я буду въ щелку смотрѣть.

Явтýхъ перекрестился; дверь отомкнулась; Явтýхъ и Найда бросились другъ къ другу.

— Какой же ты странный, Явтýхъ, въ этомъ нарядѣ!

— Ничего, моя зорочка, пойдемъ отсюда; послѣ я тебѣ все разскажу.

Онъ тихо увлекъ ее изъ хаты и тутъ только, проходя мимо двери, замѣтилъ, какая образина лежала на столѣ, свѣсивъ на полъ ноги и отекшую пьяную голову. Они вышли на крыльцо, а вѣдьма съ порога прыгнула въ хату, и скоро тамъ послышались крики, брань, визгъ, шумъ, и въ растворенную дверь запыхавшаяся вѣдьма злобно вытащила за чубъ мнимаго казака.

— Вотъ я тебя, вотъ!— кричала она, трепля бѣса за волосы,

какъ бабы треплютъ мочки льна: — вотъ я тебя! теперь не скажешь, что не бражничаешь, да не гоняешься за дѣвками.

— Да что вы! да помилуйте!—стоналъ жалобнымъ голосомъ чортъ, успѣвшій принять свой бѣсовскій образъ.

— Вотъ я тебя!.. а?.. за дѣвками? — и градъ кулаковъ сыпался на сатану. Къ его счастію, прокричали пѣтухи.

Вѣдьма опять ухватила худого бѣса одною рукою за хвостъ, а другою за загривокъ, повернула его вверхъ ногами и поднялась съ нимъ на воздухъ.

— Вотъ тебѣ и на!—усмѣхнулся Явтýхъ, прижимая къ сердцу Нáйду:—поплатился-таки вражій сынъ! Ишь ты, какъ удираютъ! точно москаль съ краденымъ индюкомъ на ярмаркѣ... Ну, ужъ ночка!—прибавилъ онъ, нѣжно глядя на Нáйду и ласкаясь къ ней.

— Да!—сказала, вздохнувъ, Нáйда:—а ты гдѣ былъ все это время?

— Въ Крыму,—отвѣтилъ Явтýхъ.

— Какъ въ Крыму? въ крымскомъ царствѣ?

— Въ крымскомъ царствѣ...

— Любитъ прибавить, брехунъ, да нехотя повѣришь, что былъ онъ сегодня въ Крыму! — проговорилъ у Явтýха за плечами басистый голосъ: — нехотя повѣришь послѣ всего, что̀ сейчасъ видѣлъ.

Явтýхъ и Нáйда оглянулись. За ними, на подъѣхавшей телѣжкѣ, сидѣлъ старый мельникъ и, закинувъ кверху голову, смотрѣлъ въ небо.

— Все разскажу вамъ, Семенъ Потаповичъ! — сказалъ Явтýхъ, кланяясь въ поясъ мельнику: — ничего не утаю, только отдайте за меня Нáйду.

И онъ замеръ въ ожиданіи отвѣта. Нáйда стояла въ сторонѣ, закрывъ лицо рукавомъ.

Мельникъ сбросилъ съ телѣги кучу пустыхъ мѣшковъ, слѣзъ на-земь, перекинулъ на спину лошади вожжи и, взявшись руками въ бока, задумался.

— Развѣ ужъ потому,— сказалъ онъ, наконецъ, поглядывая поверхъ хаты: — что счастливо продалъ муку въ Чугуевѣ! Такъ и быть, дочка; такъ и быть, Явтýхъ! Только ужъ ты, братъ, не отвертишься, разскажешь все, какъ было!

1852 г.

ПЕНСИЛЬВАНЦЫ И КАРОЛИНЦЫ.

(изъ путевыхъ замѣтокъ губернскаго депутата А. С. С.).

«О, родина моя!..»
N. N.

Не даромъ зовутъ наши новороссійскія степи и нашу Украйну краемъ крайностей. Здѣсь въ одной сторонѣ какъ будто одолѣваютъ преданія старосвѣтскія, представители которыхъ, въ незлобіи души и тучности тѣла, желаютъ сохраненія всего, что было прежде, или, какъ говорятъ здѣсь, сохраненія «дѣдовщины» и «батьковщины». Съ другой— здѣсь ясно забираютъ силу молодые побѣги явленій новыхъ, наплывныхъ, колоніальныхъ, для которыхъ еще столько хранятъ простора наши пустынныя, воспріимчивыя и привольныя степи. Чуждыя всякаго консерватизма, онѣ отъ созданія міра свободно пропустили черезъ себя тучи всякихъ бродячихъ, переходныхъ племенъ и всякихъ понятій и вѣрованій, оставляющихъ послѣ себя либо благодатныя сѣмена, либо темные и непонятные слѣды, въ родѣ здѣшнихъ таинственныхъ истукановъ, нашихъ смиренныхъ «каменныхъ бабъ». По всѣмъ новымъ вопросамъ тутъ рѣшительно тѣ же Соединенные Штаты Сѣверной Америки, съ которою наша молодая Украинская Новороссія имѣетъ столько родственнаго. Недаромъ и для слова колонія здѣсь давно есть свое слово «зàимка». Такъ и по крестьянскому дѣлу здѣсь явились свои пенсильванцы и свои каролинцы, свои Сѣверные Штаты, поклонники эмансипаціи, и свои южные противники ея.

Сравненіе съ Соединенными Штатами Америки озадачитъ читателя.

Но право такъ. Наша степная, украинская колонія имѣетъ много общаго съ родиной и любимымъ дѣтищемъ Вашингтона. Здѣсь кроются дѣльные уроки и для нашей Метрополіи. Та же благодатная дѣвственная почва и пока та же испорченность первыхъ ея колонизаторовъ. Позднѣйшіе пришлецы, поселенцы новые, идущіе и бѣгущіе сюда безъ обветшалыхъ привилегій на готовый, вѣками заготовленный трудъ, безъ старыхъ претензій и предразсудковъ, съ однимъ путеводителемъ—силою рукъ и жаждою честныхъ работъ, и съ живыми, бойкими и смѣлыми денежными капиталами, захватываютъ здѣсь теперь послѣднія, еще незанятыя мѣста. Та же здѣсь, какъ и въ Америкѣ, смѣсь сословій и народовъ, и та же поэтому горячая мѣстная борьба умирающаго съ начинающимъ жить. Только нѣтъ тутъ еще, какъ въ странѣ Бостона и Филадельфіи, ни каналовъ, ни очищенныхъ и оживленныхъ рѣкъ съ громадными пароходами, нѣтъ пятисотъ-тысячныхъ населеній въ здѣшнихъ смиренныхъ, еще первобытныхъ казацкихъ городкахъ, восемьдесятъ лѣтъ назадъ бывшихъ маленькими и глухими запорожскими «зàимками». Лѣпятся еще эти «зàимки» и до сихъ поръ у тощихъ рѣченокъ, на пустынныхъ равнинахъ, въ пологихъ и тихихъ степныхъ котловинахъ, не увѣнчанныя пока ни исполинскими трубами паровыхъ фабрикъ, ни складочными магазинами всесвѣтной торговли. Рѣки плывутъ себѣ тихо, омывая малолюдныя поля, бревенчатые и малолюдные хутора и жалко вспаханныя нивы и прыгая, какъ во времена былыя, какъ, вѣроятно, было и при Адамѣ, черезъ каменныя гряды непобѣжденныхъ пороговъ. Молчатъ наши степи. Ихъ зеленыя равнины не оглашаются еще звуками желѣзныхъ чудовищъ, въ иныхъ странахъ давно раскидывающихъ свои дымовыя полосы по вѣтру. Попрежнему здѣсь, съ весны, бродятъ по пустыннымъ, пыльнымъ «шляхамъ» тяжелые чумаки, лѣниво погоняющіе своихъ лѣниво шагающихъ воловъ. Осенняя и весенняя грязь у насъ еще, попрежнему, историческая грязь. Многаго еще, многаго здѣсь нѣтъ. Зато уже появляются у насъ новые, небывалые люди—«степные янки». Это—сыновья бѣдныхъ помѣщиковъ, новыхъ купцовъ и чиновниковъ, кончившіе курсъ въ университетахъ и неслужащіе. Бойкіе и ловкіе практики, они ищутъ работъ другихъ, горячихъ и болѣе подвижныхъ. Рыская съ мелкими, сколоченными капиталами, они съ виду мало разнятся отъ

тѣхъ же нашихъ купеческихъ подрядчиковъ и приказчиковъ приморскихъ хлѣбныхъ конторъ, отъ бродячихъ кулаковъ, странствующихъ маклеровъ и прочей перелетной торгующей птицы, съ давнихъ поръ, еще отъ генуэзцевъ, населяющихъ шумными кочевьями наши степныя и побережныя мѣста и отважно свивающихъ нынѣ свои гнѣзда тамъ, гдѣ водились еще недавно одни цапли да пеликаны. Странствуя въ мѣщанской дубленкѣ и сапогахъ выше колѣнъ, эти небывалые господа, янки, являются сюда въ видѣ комиссіонеровъ, агентовъ и директоровъ разныхъ новыхъ обществъ. И смотришь—то тамъ, подъ ихъ началомъ, склеилась контора, то здѣсь уладилось и пошло вѣрное и бойкое торговое дѣло, созидаются фабричные дома, огромныя паровыя мельницы. Это—квартиргеры нашихъ будущихъ Вашингтоновъ. Какъ на диковинку, еще засматриваются здѣсь на ихъ бодрыя, здоровыя и какія-то сіяющія лица. Это же по преимуществу—и наши пенсильванцы. Но есть у насъ, повторяю, и свои каролинцы. Эти большею частью сродни римскимъ гусямъ. На первомъ словѣ у нихъ старина и былыя патріархальныя преданія. Таинственные и мрачные патріоты, господа каролинцы большею частью опираются на примѣры старобытной, старосвѣтской Малороссіи. Это—наши южные казакофилы, хотя въ старомъ казачествѣ было болѣе свободы, чѣмъ въ ихъ требованіяхъ. Ихъ внѣшнее знамя—поклоненіе салу и варенникамъ. Ихъ идеалъ—возвращеніе родныхъ степей ко временамъ Хмельницкаго. Небольшой кругъ нашихъ любимыхъ народныхъ писателей съ ними ничего не имѣетъ общаго. Они плачутъ надъ виршами Сковороды, считая этого мистика за поэта, плачутъ надъ слабѣйшими изъ повѣстей Квитки и не признаютъ Гоголя. А наши дни, наши вѣрованія—имъ не по сердцу. Словомъ, здѣсь—какъ вездѣ: умъ работаетъ, безуміе ему несетъ преграды...

Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ были собраны и внесены въ губернскіе комитеты. Комитеты открыли и закрыли свои засѣданія. Много высказалось дѣльныхъ мыслей, много выдвинулось живыхъ людей. Пенсильванцы и каролинцы, аболиціонисты и анти-аболиціонисты, сошлись на послѣдней исторической раздѣлкѣ, вступили въ борьбу, спорили, писали, составляли сходки, ополченія. Губернскій застой оживился и передалъ движеніе уѣздамъ. Уѣзды раздѣлились на свои враждебные станы, зашумѣли, а кое-гдѣ шумятъ и до

сихъ поръ. Изъ городовъ волненіе перешло въ хутора и деревушки. Въ городахъ оно давало волны большія, морскія, если не волны самого океана; здѣсь оно отозвалось мелкою зыбью рѣченокъ. Оживились такіе дома, гдѣ уже все, казалось, давно умерло, отпѣто и погребено. Тутъ также открылись ставни, крыльца усыпались песочкомъ, въ комнатахъ явились гости и все спорщики. Явились сюда и невиданныя здѣсь вовсе газеты. Старые, забытые очки вынуты изъ ящика; пожелтѣлыя стекла въ нихъ протерты, заржавленные ободки вычищены. Читаются правительственные циркуляры, списки выборовъ, программы; читаются печатныя журнальныя статьи. Тамъ съѣздъ, тутъ съѣздъ. На съѣздъ къ холостымъ депутатамъ даже являются непрошенными шестидесятилѣтнія барыни-хуторянки съ молодыми внучками. И имъ подавай циркуляры и списки, и имъ объясняй программы и печатныя статьи. Враги барынь находятъ даже, что эти нежданные наѣзды съ ихъ стороны — не болѣе какъ ловкое видоизмѣненіе прежнихъ способовъ выставить на показъ своихъ засидѣвшихся невѣстъ: то возили на балы, а теперь — на гражданскія сходки... Подмѣшалась тутъ, разумѣется, и всегдашняя уѣздная и губернская грязь. Она смѣло липнетъ къ колесамъ нашей торжественной колесницы. Бездарные уѣздные остряки прежде потѣшались уличными сплетнями, описывая въ тупоумныхъ пасквиляхъ какіе-нибудь смиренные балы и семейные вечера, куда они сами же первые подобострастно вторгались. Теперь эти уѣздные памфлетисты перенесли свои стрѣлы на степенныхъ депутатовъ по крестьянскому дѣлу. Къ чести пенсильванцевъ надо сказать, что они, какъ партія пока торжествующая, не прибѣгаютъ къ этимъ пасквилямъ. Зато каролинцы носятъ усердно въ своихъ сановныхъ и горделивыхъ карманахъ замасленные списки сатиръ на своихъ ненавистныхъ собратій и сами на старости лѣтъ становятся памфлетистами, какъ школьные мальчишки. Составляются враждебныя эманципаторамъ сходки, адреса; пишутся угрожающія, надменныя письма...

А время идетъ своимъ путемъ, и пенсильванцы все-таки празднуютъ пока побѣды, задаютъ пиры, произносятъ рѣчи. Избиратели видятъ, кто торжествуетъ, и заранѣе со вздохомъ спѣшатъ кроить на новый ладъ свой бытъ, свои вѣрованія и свои привычки. Много драмъ разыгрывается въ маленькихъ хуторкахъ, много надеждъ разбивается подъ со-

ломенными и камышевыми кровлями, много позднихъ и не спасающихъ уже слезъ проливается изъ старыхъ глазъ. Нашихъ Кавуровъ зовутъ предателями, нашихъ Меттерниховъ превозносятъ послѣдними и безплодными овaціями. Старики взываютъ, что дожили до временъ, когда придется имъ повѣсить на древахъ свои лютни и «сѣдѣти и плакати на рѣкахъ вавилонскихъ». Молодые ждутъ не дождутся увидѣти зарю жизни новой. Въ печальныхъ попыхахъ только тѣ кто, какъ дѣвы библейскія, въ ожиданіи прихода жениха, найдены врасплохъ съ угасшими свѣтильниками. А солнце свѣтитъ по-былому, по-старому, такъ же взойдетъ, поглядитъ во всѣ яркіе глаза, повеселитъ степь и пажити, сады и покосы и закатится. Дни идутъ; жатва спѣетъ; серпъ и коса машутъ и блестятъ на солнышкѣ. День прошелъ; зной смѣненъ прохладой душистаго, степного вечера. Новыя села тѣснятся между хатами старыхъ: это—хлѣбныя и сѣнныя клади новаго сбора, загромождающія собою токи и дворы. Пыль клубится. По дорогѣ съ поля ползутъ громадные золотые жуки, скрипя и звеня по пригорку: это ѣдутъ возы, нагруженные червонно-золотыми копнами пшеницы. На возахъ ѣдутъ хуторянки. Черные, бойкіе глаза смотрятъ оттуда. Длинныя, въ ладонь шириной, горделивыя косы качаются надъ снопами. Вечеръ тихъ. Только черные глаза посматриваютъ на одинокій степной проселокъ. Съ нимъ сливается за пригоркомъ битая столбовая дорога. По ней летятъ почты и курьеры. И вьется дорога столбовая далеко,—далеко туда, гдѣ лежитъ милый и пока молчаливый сѣверъ.

Былъ полдень. Мѣсто—подъ Сагайдачнымъ Лугомъ, гдѣ сходятся дороги изъ макарославскаго уѣзда въ южнобайрацкій.

Мы ѣхали опять съ Говорковымъ и въ той же нетечанкѣ, въ которой представились впервые читателю, по пути въ Сорокопановку. Теперь мы пробирались на Желтыя Воды, на отдыхъ послѣ трудовъ комитетскихъ.

Товарищъ мой и бывшій секретарь, въ той же гороховой шинелькѣ и смятомъ картузѣ, обдаваемый клубами бѣлой густой пыли, умирая отъ зноя и духоты, попрежнему не унывалъ и ободрялъ меня разсказами.

— Слышали вы, Александръ Сергѣичъ, у Нѣмцемацкихъ опять съѣздъ?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Эти господа такъ и мѣтятъ въ колонновожатые, такъ и хотятъ попасть въ кругъ передовыхъ, передъ нашими смиренными Павлѣнками, Дублѣнками, Макарѣнками и Назарѣнками!

Клубъ новой, убійственной пыли обдалъ опять нетечанку и скрылъ на мгновеніе Говоркова. Но опять высунулись оттуда его голова и рука. Онъ силился дохнуть чистымъ воздухомъ и кашлялъ.

— А слышали вы, что не только господинъ Пяльскій, добрѣйшій, впрочемъ, старикашка, едва умѣющій подписать свое имя, сочинилъ цѣлый проектъ эмансипаціи,—даже барыня Забайрачная уневѣстилась пишущей братіи! Вообразите, эта барыня, кромѣ шутокъ, сочинила и написала собственноручно, говорятъ даже на картузной какой-то бумагѣ, полный проектъ эмансипаціи для края, возитъ его въ каретѣ шестерикомъ, устраиваетъ литературные вечера, тычетъ его каждому, ѣздила съ нимъ къ губернатору и чуть не разбранила губернскаго предводителя на улицѣ за то, что тотъ отъ нея бѣгалъ, какъ отъ чумы, и семь разъ ей не сказался дома. То-то бойкая дама!

— Вы сегодня, Абрамъ Ильичъ, очень злы, осыпаете насмѣшками даже полезныхъ людей.

— Со смѣху люди бываютъ!—заключилъ Говорковъ и закашлялся. Пыль рѣшительно залѣпила ему все горло.

— Впрочемъ, нынче уже всѣ тычутся въ передовые, да поздно! И рада-бъ теперь наша мама за папа, да панъ не беретъ!.. Охъ, проклятая пыль!..

И онъ опять закашлялся и скрылся въ пыли.

Скоро мы спустились въ долину. Дорога пошла зеленымъ, сыроватымъ лугомъ, безъ пыли и духоты. Впереди рисовались вербы и поселокъ. Это была недавняя еще слобода бывшихъ южныхъ военныхъ поселеній.

Сбитыя и полуразрушенныя кирпичныя пирамидки вели къ слободѣ, по бокамъ всей дороги. Онѣ имѣли прежде назначеніе скрашивать и указывать дорогу и бѣлились поэтому, чистились и поправлялись ежегодно міромъ. Теперь ихъ тайкомъ поселяне развозили на поправку печей. Издали еще, при въѣздѣ въ околицу, мы увидѣли полосатые столбы и шлагбаумъ съ цѣпью сельской, нынѣ упраздненной также, гауптвахты. Намъ, при въѣздѣ въ слободу, никто уже не

опустилъ роковой перекладины. Заржавленная, забытая цѣпь ея уныло висѣла. На тяжеломъ концѣ праздно взброшеннаго шлагбаума сидѣла стая воронъ. А на площадкѣ тутъ же лѣпившейся маленькой гауптвахты бѣгала и шумно суетилась безпечная толпа ребятишекъ, весело крича и со смѣхомъ сѣдлая другъ друга. Улицы, по случаю полевыхъ работъ, были совершенно пусты.

— Вотъ, — замѣтилъ Абрамъ Ильичъ: — тутъ недалеко живетъ отставной капитанъ, имѣетъ свой собственный хуторокъ и десять тысячъ капиталу въ сундукѣ. Онъ былъ здѣсь военнымъ волостнымъ, и я его коротко зналъ, даже чай у него пивалъ. Вообразите, онъ всегда говорилъ, вмѣсто гауптвахты—абафта, вмѣсто слишкомъ—слышкомъ, вмѣсто—комитетъ—комикетъ, а отлично зналъ службу...

— Абрамъ Ильичъ, пощадите! Лучше взгляните, какова слободка: заглядѣнье!

— Да-съ, свободное нынѣ, государственное село! — И, вздохнувши, онъ повелъ кругомъ тусклыми, желтоватыми глазами. Кучеръ тоже, какъ бы угадавши наши мысли и давая лошадямъ посмотрѣть на село, ѣхалъ шагомъ.

Мы оба переглянулись: такъ, очевидно, измѣнился образъ слободки, которую мы оба знали. Видно урожай особенно великъ былъ въ эти два года. Село ломилось отъ хлѣба и сѣнныхъ стоговъ. Я особенно всегда любилъ эту слободку, сорокъ лѣтъ назадъ вольную и обращенную потомъ въ военное поселеніе. Лучшихъ временъ ея я не помню. Сорокъ лѣтъ прошло, и она опять принимала прежній, домашне-пестрый видъ. Поселяне радовались, что они опять—хуторяне... Прежде всѣ хозяева до единаго чумаковали, то-есть ходили въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою. Теперь хозяева-земледѣльцы опять начинали составлять чумацкія «валки». На эту слободку нельзя было не наглядѣться. Переставши быть Новосамарскомъ и ставши опять былою, тихою Цвѣтовѣнькой, она особенно привлекала взоры, какъ всѣ здѣшнія государственныя села, своимъ хлопотливымъ, добродушнымъ домоводствомъ и свойственнымъ хуторянамъ довольствомъ малымъ. При взглядѣ на ея бѣлыя хатки, гнѣздившіяся въ разсыпку, по пригоркамъ ея извилистыхъ, между ярами и буграми, улицъ, казалось, что эти хатки строили бобры, а ласточки ихъ обмазывали. Хатка на хаткѣ и садъ переплетается садомъ. А внизу—пруды, одинъ вы-

текаетъ изъ другого; въ нихъ много рыбы. Вербами обсажены берега. Улицы вьются между садами. И все зелень, да бѣленькія хатки, да гладенькія соломенныя крыши. Четыре церкви, усердно содержимыя обществомъ. Вмѣсто волостного — выборный изъ селъ голова, въ простой, долгополой свитѣ, по мѣстному степному обычаю — безъ бороды.

— Хорошо село!—проговорилъ даже нашъ кучеръ, ткнувши въ воздухъ кнутомъ съ козелъ нетечанки.

— Какъ бы, однако, сюда не затесался волостной, въ родѣ того, что вмѣсто гауптвахты говоритъ «абафта!»—заключилъ мой спутникъ.

— Трогай! — сказалъ онъ кучеру, и мы выѣхали опять въ поле.

Лошади пробѣжали еще часа два или три. До подорожной корчмы, гдѣ мы разсчитывали кормить, оставалось не болѣе пяти верстъ. Надо было только переѣхать новую долину и рѣчку. Кучеръ сталъ уже спускаться въ долину. Намъ дремалось. Вдругъ онъ вскочилъ, замахалъ кнутомъ и давай кричать по-своему: «О-о! ге-е-й! а ну, бисовы сыны, поняйте съ мосту!» Нетечанка стала.

— Что ты?

— Да гляньте, вонъ...

И онъ указалъ кнутомъ. Съ пригорка видны были внизу рѣка и узенькая, жалкая плотинка. Два громадные обоза передними возами съѣхались—одинъ съ той стороны рѣки, а другой съ этой, съѣхались на самой плотинкѣ, сцѣпились колесами и не могли податься ни впередъ, ни назадъ. Кучка озадаченнаго народа копошилась близъ сцѣпившихся колесъ. Другіе сидѣли молча или тутъ же стояли, ковыряя въ носахъ. Кучеръ съ бранью всталъ и пошелъ къ плотинкѣ, помахивая кнутомъ.

— Что мы будемъ дѣлать?—сказалъ я въ досадѣ:—солнце заходитъ, а обозы столкнулись такъ, что, какъ говорится, когда задъ ихъ спать собирается и кашу варитъ, то передъ уже Богу молится и отправляется въ походъ.

— Извѣстное дѣло, будемъ ждать!—началъ Говорковъ:—теперь ихъ самъ чортъ не разведетъ... Я уже знаю, какъ это дѣлается! Должно-быть, вожаки ѣхали себѣ да ѣхали, то-есть шли себѣ, помахивая кнутами. Каждому захотѣлось понюхать у встрѣчнаго табаку. Вотъ, забывая о томъ, что сзади двигалась громада другихъ возовъ, они и съѣхались

на мостку. «Здравствуйте!» «Здравствуйте!»—«А ке, лишень, дядьку, кабаки!» Тотъ и подставилъ тавлинку. Нюхаютъ и нюхаютъ, и другіе слазятъ съ возовъ и тоже нюхаютъ. А возы себѣ сходятся и сходятся. Ну, колеса затрещатъ, они и ахнутъ...

Кучеръ нашъ воротился разобиженный.

— Ну, что?

— Обломались, съ хурами соли, какъ разъ на мосту...

— А что! Я же вамъ говорилъ!—съ радостію крикнулъ Говорковъ:—теперь тутъ ужъ просидимъ до вечера.

— Когда-бъ до вечера:—замѣтилъ кучеръ:—возовъ и до утра не разведешь; съ плотины некуда податься—надо разгружать хуры...

Мы слѣзли съ нетечанки, легли на травѣ и закурили сигары. Долго еще возились чумаки у возовъ. Долго еще неслись оттуда брань и споры. За нами раздался звонокъ и стукъ колесъ. Черезъ минуту съ горы показался экипажъ, четверкой, въ пыли. Не зная, подобно намъ, что̀ было внизу, онъ стремглавъ, звеня бубенчиками и колокольчикомъ, понесся туда. Крики нашего кучера остановили его. Двѣ бѣлыя холстинковыя фуражки высунулись изъ оконъ крытой коляски.—«А? что?»—спрашивали въ сумеркахъ фуражки. Мы разсказали, въ чемъ дѣло.—«Ну, Павладій, бери вправо по берегу!» — стоически заключили фуражки, знавшіе, видно, лучше насъ нужныя сноровки при подобныхъ встрѣчахъ. Мы спросили: «А развѣ направо проѣдешь?»—«Проѣдете, тутъ есть другой мостокъ — вонъ и дорожка туда идетъ. А тамъ сейчасъ Улановка Дядятовскаго. Мы туда ѣдемъ. Всего семь верстъ осталось»...—Дядятовскаго? Романа Романыча? — спросили мы съ Говорковымъ въ одинъ голосъ.—«Да-съ.. Тамъ именины и съѣздъ». Коляска быстро свернула вправо и полетѣла лугомъ надъ рѣкой, подхваченная сытою и рослою четверкой.

Мы взглянули другъ на друга. Дядятовскаго знали мы оба и любили, несмотря на его скупость и причуды. Это былъ помѣщикъ другого съ нами уѣзда и каролинецъ. Какъ честные пенсильванцы, мы бы не поѣхали въ такое время гражданскихъ схватокъ къ каролинцу и плантатору, слѣдовательно, къ нашему врагу. Это бы у насъ назвали лазарничествомъ и неимѣніемъ такта. Но то былъ владѣлецъ другого уѣзда и притомъ истинно-невинный и простой че-

ловѣкъ. Разность въ убѣжденіяхъ насъ съ нимъ не поссорила и теперь.

— Признаюсь, хотѣлось бы посмотрѣть на съѣздъ тамошнихъ, — сказалъ Говорковъ: — да Романъ Романычъ кстати и именинникъ! Поѣдемъ къ нему. Сколько времени уже мы не были у него! Да тамъ же всегда и безъ церемоній. А гостей своихъ, особенно, напримѣръ, изъ офицеровъ, онъ даже иногда и по фамиліи не знаетъ! И мы свернули вслѣдъ за коляской. Нетечанкѣ, впрочемъ, было не подъ силу гнаться за нею. Мы скоро отстали.

— Догоняй богатаго, что вѣтра въ полѣ! — заключилъ Абрамъ Ильичъ, печально свистнувши вслѣдъ за крутымъ гоготаньемъ ея лежачихъ рессоръ, исчезавшихъ вдали, по тропинкѣ, между темными уже камышами.

Мы также въѣхали въ камыши.

— Да еще какъ!—продолжалъ нашъ кучеръ, все еще въ отвѣтъ своимъ недавнимъ перебранкамъ съ чумаками на плотинѣ:— я пришелъ, спорю; а они мнѣ: «да вы, бываетъ, не изъ жидовъ, что добрыхъ людей въ такомъ дѣлѣ попрекаете?» А! мы, съ нашими жиды!!! — И его огорченію не было предѣловъ.—«А я имъ! — продолжалъ возница: — ахъ, вы душегубы! Чтобъ вамъ сто-надцать лихорадокъ, да сто болячекъ, да всѣ прыщи и свищи! Такъ вы пановъ жидами звать?.. одного даже за чубъ взялъ, да бросилъ послѣ; ну его...

Дорога свернула влѣво. Лошади свободно простучали по какому-то мостику. Черезъ полчаса мы впотьмахъ въѣхали въ село.

— Это Улановка?

— Нѣтъ, еще не Улановка, а Гусаровка: Улановка черезъ двѣ версты!- отозвался чей-то голосъ изъ темноты.

Названія селъ произошли отъ предковъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, бывшихъ друзей. Одинъ служилъ въ уланахъ, другой въ гусарахъ. Это они и оставили себѣ на память. Какъ въ Гусаровкѣ, такъ и въ Улановкѣ, при нашемъ проѣздѣ, съ завалинокъ хатъ вскакивали и шмыгали за ворота какія-то пары.

— Это все влюбленные!—шепталъ опять Абрамъ Ильичъ: — матери и отца нѣтъ дома—парубокъ и садится, обнявшись съ дивчиною. Сидятъ себѣ въ парочкѣ, «дружкуются», «женихаются». А въ концѣ села у какого-нибудь свата уже

окна свѣтятся. Тамъ идетъ гулянья. Старые условливаются о сватовствѣ дѣтей. И сидятъ эти влюбленные всю ночь, пока, по здѣшнему повѣрью, заря скажетъ мѣсяцу: «мѣсяченьку, мой братику! освитимо звиря въ полѣ, щуку-рыбу въ морѣ, чумака въ дорози!» Только блескъ мѣсяца, да стукъ панскихъ колесъ и разгонятъ этихъ счастливыхъ до новой встрѣчи. И чего только они не перетолкуютъ: про свое хозяйство, про работы, кто изъ нихъ что въ этотъ день сработалъ, и что ему сказано, и какъ они устроятъ свое теплое житье-бытье послѣ свадьбы! А у насъ? Баринъ стоитъ на колѣняхъ передъ барышней и говоритъ: «я-съ васъ люблю-съ!» Тьфу! Ажно противно! Да еще иной разъ на французскомъ діалектѣ. Я никогда такъ не говорилъ!

Мы въѣхали въ ворота и подъ крыльцо освѣщеннаго дома. Множество экипажей стояло въ полусвѣтѣ у конюшни.

— Панъ по мечу и кудели!—шепталъ Говорковъ, вылѣзая изъ нетечанки: — панъ отъ двѣнадцати колѣнъ панскихъ, этотъ нашъ пріятель Дядятовскій! Въ гербѣ у него, говорятъ, сущая шляхетская диковина: пулъ — пса и пулъ — козы, да какъ говорятъ еще въ Польшѣ «чарна вёшка по бёмбешку гонке біе!»

Кто-то распахнулъ на крыльцо двери, и насъ разомъ обдало свѣтомъ.

— А! Скавронскій! Говорковъ! какая радость!—И Романъ Романычъ уже душилъ насъ въ своихъ объятіяхъ.

— Вонъ, — кричалъ онъ, таща насъ на крыльцо: — что значитъ мѣстоположеніе! Живу на самомъ пупѣ земли, на бугрѣ; ко мнѣ и слетаются всѣ братья! Пожалуйте!

Но, сказавши это, онъ тутъ же засуетился и исчезъ. Мы прошли въ боковую комнату, наскоро переодѣлись и пошли въ залъ. Не успѣли мы туда войти, какъ Дядятовскій уже стоялъ въ толпѣ другихъ, окружавшихъ какого-то разсказчика.

Романъ Романычъ былъ по старому въ ермолкѣ, для прикрытія своей полнѣйшей плѣши, въ сѣренькомъ сюртучкѣ и съ огромнымъ клѣтчатымъ платкомъ въ рукахъ, по случаю нюханія табаку. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и очень маленькій ростъ, Романъ Романычъ сохранялъ еще много бойкости и подвижности нрава. Страсти въ немъ еще кипѣли. Тѣло было уже плоховато, какъ отзывался порою онъ самъ. Голосокъ у него былъ тоненькій, и онъ часто заливался веселымъ смѣхомъ. Выйдя рано въ отставку и же-

нившись на милѣйшей и красивѣйшей женщинѣ, онъ скоро вдался въ хозяйство, но остался въ немъ, какъ и въ своихъ убѣжденіяхъ, охранителемъ стараго. Сорокъ лѣтъ онъ прохозяйничалъ, но не улучшилъ имѣнія ни на волосъ, и въ концѣ могъ сдать его въ томъ видѣ, какъ принялъ. Получая порядочный, но ровный всегда доходъ, онъ и его не проживалъ. Гдѣ-то, въ сундукахъ ли, или на сторонѣ, составился у него значительный капиталъ. Но, смотря уже въ гробъ, одолѣваемый болѣзнями, предтечами послѣдней распланы, онъ не могъ сказать: я привольно прожилъ на свѣтѣ! Теперь уже и хотѣть-то онъ ничего не могъ. Его деньги были—орѣхи подъ старость беззубой бѣлкѣ. Скопидомство перешло въ скупость. Сперва свои сборы онъ берегъ изъ разсчета не заявить ихъ молодой женѣ и молодымъ друзьямъ: потомъ сталъ таить, какъ мрачный и негодный скряга. И, говорятъ, боясь сдѣлать о нихъ даже завѣщаніе, чтобы не узнали про нихъ и не промотали ихъ дѣти, онъ могъ вовсе погубить этотъ капиталъ. Любя искусство отъ природы, онъ и теперь еще игралъ часто на скрипкѣ и на фортепіано. Но, отставши отъ литературы за хозяйствомъ, т.-е. за самою дурною стороной хозяйства — за сидѣньемъ надъ работникомъ съ утра до вечера,—онъ уже не понималъ современныхъ явленій мысли и прикрывалъ себя довольно пошлою и жалкою отговоркою. — «Вы читаете что-нибудь теперь, Романъ Романычъ?»—спрашивали его.—«Э! не читаю ничего, кромѣ бебуны (оберточной бумаги),—отвѣчалъ онъ:—съ тѣхъ поръ, какъ карбонеры стали писать тамъ всякое эдакое!» Не имѣя на головѣ ни единаго волоска, Романъ Романычъ всегда носилъ длинные, сѣдые усы.

— А!—шепнулъ мнѣ Говорковъ, когда мы вошли и стали незамѣченные въ толпѣ другихъ:—посмотрите, Романъ Романычъ и бороду запустилъ, а ругаетъ радикаловъ!

Въ самомъ дѣлѣ, у него изъ-подъ жабо торчала пресмѣшная, бѣлая, какъ кружевной воротникъ, борода. Онъ ее поминутно гладилъ. Послѣ мы узнали, что эту бороду онъ запустилъ потому, что одинъ его знакомый, старикъ и его другъ, тоже запустилъ ни съ того, ни съ сего бороду.

— Онъ умный человѣкъ и даромъ ничего уже не сдѣлаетъ!—говорилъ Романъ Романычъ:—отпущу и я бороду, а при встрѣчѣ его спрошу, зачѣмъ это; коли нужно,—оставлю, а нѣтъ,—то сбрѣю!

— Ха, ха, ха!—раздалось вдругъ среди залы изъ круга слушателей.

Мы съ шапками подошли ближе.

— А я ему говорю,—продолжалъ разсказчикъ:—что же, что вы въ комитетѣ были?..

— Ну, что же онъ? что же онъ?—заговорилъ-было кто-то изъ толпы слушателей.

Разсказчикъ, говорившій, какъ говорили на сходкахъ въ былыя времена гетманы, т.-е. по мѣстному выраженію, всѣхъ озираючи и ни на кого особенно не глядя, бросилъ презрительный взоръ на вопросившаго, сердито сбилъ пальцами пепелъ съ папироски, помолчалъ, вздохнулъ и началъ снова.

— Ну, я пошелъ его валять, и пошелъ! Да мы, говорю, васъ, щелкоперовъ, на выборахъ прокатимъ! Да мы теперь и губернскаго предводителя на вороныхъ провеземъ! Да мы васъ опубликуемъ! Что вы? А?! а?! насъ продавать?..

Слушатели и самъ Романъ Романычъ раболѣпно молчали, внимая этимъ перунамъ.

— Кто это? — шепнулъ я на ухо молодому бѣлокурому господину, стоявшему впереди меня, именно одному изъ двухъ встрѣченныхъ нами у плотины въ бѣлыхъ фуражкахъ.

— Пивантьевъ ..

— Что же онъ такъ сердится?

— А видите ли, онъ теперь чернитъ дѣйствія нашего уѣзднаго депутата по комитету; этотъ комитетъ ему бѣльмо въ глазу. На выборахъ того единогласно выбрали, а Пивантьева забаллотировали.

Новый хохотъ покрылъ какую-то выходку ликующаго Пивантьева. Онъ самодовольно отошелъ къ сторонѣ и направился въ гостиную къ дамамъ. Слушатели тоже разошлись, кто въ кабинетъ, гдѣ играли въ карты, а кто въ садъ, гдѣ гуляли дѣвицы.

— Это, однакожъ, пріятно! — прибавилъ бѣлокурый незнакомецъ: — у толпы есть въ спокойныя минуты свой инстинктъ самосохраненія. Теперь она этому господину дѣйствительно аплодируетъ, а тогда его не выбрали. Говорятъ, Пивантьевъ прежде служилъ въ какой-то комиссіи и былъ нечистъ на руку...

— Пойдемте къ дамамъ,—шепнулъ Говорковъ.

Сѣвши въ сторонѣ, въ гостиной, мы окинули глазами присутствующихъ. Слава Богу, ни одной знакомой!

— Правда ли, Марѳа Петровна,—говорила, при нашемъ входѣ, одна помѣщица въ зеленыхъ лентахъ другой, бывшей въ коричневыхъ, набирая себѣ на блюдце варенья:— что уже наши дѣвки намъ ни шить, ни прясть, ни вязать, ни служить безъ денегъ не будутъ?

— Правда, матушка, правда,—отвѣчала дама въ коричневыхъ лентахъ.

— Такъ позвольте же васъ спросить,—неожиданно крикнула та же дама въ зеленыхъ лентахъ: — какъ же я буду жить, когда у меня девятеро дочекъ, а имѣнія, кромѣ долговъ моего Филанши, ничего нѣтъ!

— Плохо, плохо!—пищала низенькая, въ розовыхъ лентахъ, сосѣдка говорившей:—много мнѣ разсказывали, много читали, и про какія-то урочныя работы, и про общины толковали. Ни клочка не поняла и не припомню изъ всего,— хоть Богъ меня убей, ни клочка, клянусь моей душою! Такъ написано!..

— Да еще то диво, что не чувствуютъ стыда! — прибавила первая дама въ зеленыхъ лентахъ:—даже выѣзжаютъ уже въ свѣтъ, къ избирателямъ въ мирные дома входятъ!

— Это на нашъ счетъ!—шепнулъ мнѣ Говорковъ:—стыдитесь!

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Слуги разносили конфеты и арбузы.

— А будетъ ли выкупъ? — спросила протяжно молодая дама, недурная собой и не скидавшая перчатокъ.

Ей не отвѣтили.

— Я полагаю, что выкупъ, потому что это разомъ разрѣшитъ намъ міровой вопросъ!—нѣсколько ученно прибавила милая дама, бойко разрѣзывая маленькими ручками арбузъ, но не безъ волненія видя, что ея собесѣдницы ей не отвѣчаютъ, несмотря на ея перчатки и миловидность. На какой-то новый вопросъ она опять не дождалась отвѣта. Только вилка судорожно звякнула въ рукѣ дамы съ зелеными лентами, усердно уплетавшей арбузъ.

— Милая пенсильванка!—замѣтилъ Говорковъ: — пойду къ тебѣ на помощь!—и подсѣлъ къ ней.

Не рекомендованные, по случаю близкаго конца праздничнаго дня, какъ и двое-трое другихъ, подъѣхавшихъ еще послѣ насъ, мы свободно располагались, гдѣ хотѣли. Оставя Говоркова съ «милой пенсильванкой», я пошелъ въ каби-

нетъ. Тучи дыма висѣли надъ игравшими въ карты. Съ дивана, сквозь тотъ же дымъ, торчали ноги и головы бесѣдовавшихъ. Какъ новый человѣкъ въ краѣ, и здѣсь я былъ не замѣченъ.

— Да,—продолжалъ разговоръ съ дивана молодой человѣкъ съ длинными, черными волосами и недурной собой:— ужъ и выдумали же штуку—уступить, продать имъ земли!.. Да я-то этого не хочу !Я-то, слышите ли, не хочу! Земля моя, и баста! Или уже, если продать, такъ по вольной цѣнѣ! Я меньше двухсотъ цѣлковыхъ за десятину не возьму!..

— Семь въ червяхъ! Вистъ! Пасъ! — отдавалось на это со столовъ играющихъ въ карты.

У окна въ креслахъ сидѣлъ высокій, рябой, мѣдноцвѣтный, какъ житель Отаити, господинъ, въ рыжевато-буромъ парикѣ, толстый и сырой, лѣтъ восьмидесяти, держа и ворочая въ рукахъ изломанную, замасленную пуховую городскую шляпу и поминутно обливаясь потомъ. На него рѣшительно никто не обращалъ вниманія. Внукъ хозяина, девятилѣтній разбойникъ, сзади то посыпалъ ему сахару на парикъ, чтобъ липли на него мухи, то просто его щипалъ и толкалъ. Не принадлежа къ кругу помѣщиковъ, этотъ господинъ, впрочемъ, держалъ себя гордо и, утирая потъ съ лица, презрительно улыбался на иные разговоры. Кто-то съ дивана сказалъ, что теперь ходитъ вообще множество всякихъ темныхъ слуховъ.

— Да, — повторилъ рябой старикъ и всталъ, порывисто двигаясь въ короткихъ брюкахъ и во фракѣ съ протертыми локтями, какъ у Робера Макера:—въ наше время этого не было. Тогда уважали законность! да! законность! Вотъ и у меня въ мои дни, когда я былъ губернаторомъ — вѣдь я былъ губернаторомъ!—никто у меня не уходилъ безъ аттенціи, ни-ни! Suum cuique! Всякому была дана помощь! А теперь?! Насъ презираютъ...

И онъ обвелъ кабинетъ желтыми, воспаленными глазами, теребя въ одной рукѣ шляпу, а въ другой клѣтчатый, бумажный, продырявленный платокъ.

— Да, теперь, — добавилъ онъ шопотомъ и озираясь:— да! пришли послѣднія времена!..

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ тотъ же бѣлокурый знакомецъ нашъ съ бѣлой фуражкой, и съ нимъ Говорковъ.

— Что, Андрей Петровичъ, что ты тутъ наговорилъ опять и навралъ?—спросилъ громко и насмѣшливо бѣлокурый.

Старикъ ошалѣлъ, завертѣлся, кашлянулъ и сѣлъ, со словами, что онъ многое слышалъ въ городѣ.

— Въ городѣ? Да ты, ваше превосходительство, въ городѣ уже пять лѣтъ не былъ! Лучше попроси у меня цѣлковый на выпивку, а не ври! Иначе исправнику пожалуюсь!

Исправника старикъ, какъ видно, очень боялся, потому что замолчалъ окончательно. Сидѣвшіе у стола стали опять играть. На выходку бѣлокураго никто не обратилъ вниманія. Старикъ былъ, очевидно, въ черномъ тѣлѣ у общества.

— Кто это?—спросилъ я Говоркова, указывая на бѣлокураго.

— Турбачевъ, старшій братъ: ихъ два брата, здѣшніе богачи. Этотъ отказался отъ выборовъ два раза. У обоихъ пять тысячъ десятинъ земли. Ведутъ хозяйство по новому способу и суціе янки. Не служатъ, путешествуютъ, хозяйничаютъ и живутъ въ свою волю. Я съ этимъ сошелся. Благороднѣйшій пенсильванецъ! Дамочка, къ которой я подсѣлъ, ихъ сестра, жена одного содержателя пансіона, тоже умнаго человѣка. А главное—оба смѣлы, самостоятельны и съ языками, какъ бритвы...

Говорковъ меня сейчасъ познакомилъ съ Турбачевымъ.

— Очень пріятно, много слышалъ!—сказалъ онъ развязно и собираясь опять съ натискомъ на стараго вѣстовщика.

— Кто это?—спросили мы съ Говорковымъ у Турбачева про послѣдняго.

— О! это личность удивительная!—началъ вполголоса веселый и развязный Турбачевъ: — это Андрей Петровичъ Кузничевскій. Онъ, дѣйствительно, былъ лѣтъ двадцать или тридцать назадъ гдѣ-то вице-губернаторомъ, жилъ въ богатѣйшемъ домѣ, задавалъ пиры, развратничалъ и любилъ хапанцы, но слегка, потому что было и свое имѣніе. Тогда же онъ обобралъ одного родственника, честнѣйшаго малаго, кажется, Твёрдова, отнялъ у него послѣдній хуторокъ. Теперь колесо повернулось. Твёрдовъ нажилъ новый хуторъ; Кузничевскій прожился въ пухъ, отставленъ отъ службы и живетъ у него же на хлѣбахъ, въ какой-то лачужкѣ, вымаливая у своего родного по четвертаку на утѣху! Клянусь честью, это не сказка! Да погодите, я его еще спрошу, какъ онъ возилъ съ собою въ Петербургъ одну одиннадцатилѣтнюю особу...

По Турбачевъ замолчалъ.

Въ это время въ кабинетъ впопыхахъ вошелъ хозяинъ дома, нашъ почтенный Романъ Романычъ. За нимъ шла толпа, и впереди всѣхъ опять Пивантьевъ.

— Господа, позвольте! Слушайте, слушайте,—заговорилъ вполголоса старикъ Дядятовскій, самъ внѣ себя отъ восторга, ломая руки и подобострастно глядя на Пивантьева:— вотъ Макаръ Макарычъ насъ опять подарить хочетъ разсказами! Что за штиль, что за слова! Чисто жемчугъ! Вотъ кто наши защитники, вотъ кого мы должны въ золотыя рамки вставить!

— Разскажите, разскажите!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ сѣли. Пивантьевъ, не поднимая глазъ и попрежнему гетманомъ стоя среди комнаты, началъ:

— Это пустое, господа, это случай; но о немъ нельзя умолчать въ наши дни.

Онъ оглянулся. У дверей, качаясь отъ дремоты, стоялъ ребенокъ-казачокъ.

— Вышлите его вонъ!—шопотомъ сказалъ Пивантьевъ.— Пошелъ вонъ! Чего ты, ракалія, стоишь тутъ? все подслушиваешь!—крикнулъ хозяинъ дома.

Мальчикъ, качаясь, вышелъ.

— Да-съ, въ нашемъ уѣздѣ былъ недавно такой случай!— говорилъ, озираясь, Пивантьевъ: — вы, конечно, Зеленчу̀ка помѣщика знаете? Хорошо. Всѣ мы его знаемъ. Вотъ онъ прожилъ до этой эмансипаціи, или, какъ тамъ ее зовутъ наши филантропы, до ампутаціи, что ли, пятьдесятъ лѣтъ безвыѣздно на своемъ хуторѣ. И какое же несчастье постигло его въ жизни! Его дочка влюбилась въ мѣщанина; случилось даже такое дѣло, что она пошла за него замужъ, убѣжала и обвѣнчалась. А? а?.. И теперь гдѣ-то—увы!—живетъ наемницей, гувернанткой. Тамъ же и мужъ ея нанимается. А?.. Ну, вѣдь подло поступила? Такъ ли? Хотя и славная барынька сама по себѣ вообще. Отецъ отъ нея, разумѣется, отрекся. Правда, что и самъ онъ проживалъ въ утѣшеніи, то-есть держалъ своихъ шамшу̀рокъ...

Слушатели молча и почтительно внимали разсказчику. Турбачовъ презрительно усмѣхнулся.

— Такъ что же вы тутъ находите особенно печальнаго?— спросилъ онъ со сдержанною злостью.

Страшный ропотъ раздался въ кабинетѣ. Добрый, но тру-

сливый отъ природы, Дядяговскій чуть не плакалъ, смотря на Турбачева. Сперва онъ дергалъ его за фалды, чтобъ тотъ не заходилъ слишкомъ далеко, а потомъ началъ ругать его.

— Это удивительно, до чего доходятъ нынѣ молодые люди,—шипѣлъ Романъ Романычъ:—какая смѣлость, какое даже нахальство, какая самонадѣянность! Молокососы!

— Романъ Романычъ, Романъ Романычъ! — началъ медленно и со вздохомъ Турбачевъ, дрожащими руками оправляя себѣ галстукъ: — это правда, вы меня на рукахъ носили, почти няньчили; вы были дружны съ моимъ отцомъ; я моложе васъ. Да за что же оскорблять меня? И вамъ ли опять жаловаться на своихъ вассаловъ? Тоже сорокъ лѣтъ съ ними живете? А обидѣлъ ли васъ хоть единый? — Въ дверь вошелъ лакей и нагнулся на ухо къ Дядятовскому. Тотъ сталъ какъ обваренный; дыханіе замерло и ротъ раскрылся. Онъ шагнулъ къ дверямъ.

— Что вы?—спросили его.

— Э! это пустое! пришелъ атаманъ, староста: чего-то мужики мои пришли тамъ.

И онъ торопливо вышелъ.

Турбачовъ шепнулъ намъ:

— Вотъ трусъ! Нарочно обѣгу кругомъ дома и посмотрю, въ чемъ дѣло. Я уже знаю его...

Какъ школьникъ, вышелъ Турбачевъ въ сосѣднюю проходную комнату, раскрылъ окно, осмотрѣлся кругомъ и выпрыгнулъ въ садъ, а тамъ завернулъ за уголъ дома къ крыльцу, куда собрались мужики Дядятовскаго.

— Мнѣ не нравится эта безобрядность, безцеремонность Романа Романыча.—началъ вслухъ покровительственно Пиванѣевъ, едва тотъ ушелъ: — скверно то, что всегда здѣсь какой-то сумбуръ! Назоветъ кучу гостей, всякаго сброда! Всѣ тычутся по угламъ; нѣтъ того, чтобы усѣсться да побесѣдовать съ умными людьми! Пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ, какъ изъ трактира. А тотъ еще благодаритъ за посѣщеніе!

— Семь въ пикахъ! Вистъ! Пасъ! — опять раздался съ карточныхъ столовъ.

— Макарьичъ, Макарьичъ, васъ зовутъ дѣвицы!—послышался голосъ изъ дверей.

Пиванѣевъ вскочилъ и ушелъ въ садъ. У окна, сквозь табачный дымъ, мелькнула бѣлая фуражка.

— Господа, пожалуйте сюда,

Мы съ Говорковымъ подошли.

— Вообразите,—началъ онъ шопотомъ: — это просто невѣроятное событіе. Я подкрался къ окну кабинета. Смотрю: нашъ-то почтеннѣйшій Романъ Романычъ прибѣгаетъ туда, впотьмахъ зажегъ спичку, возится, руки дрожатъ, и затѣмъ тихо шагнулъ въ лакейскую. Я припалъ со двора къ окну лакейской. Онъ что-то шепчетъ казачкамъ, разстанавливаетъ ихъ, отвернулся опять, тайкомъ перекрестился и ступилъ въ сѣни. Тутъ уже я его дожидалъ впотьмахъ, у крыльца, у водосточной трубы. Онъ вышелъ, еле дышитъ, спрашиваетъ у мужиковъ: «что вамъ надо?» Тѣ подходятъ ближе; онъ къ сѣнямъ... Да уже кто-то побойчѣе вышелъ изъ толпы, поклонился и говоритъ: «Мы, паше, цѣлый день возили хлѣбъ, а теперь воротились съ поля и пришли васъ поздравить съ именинами!» И кланяются. Онъ даже икнулъ отъ неожиданности, тоже поклонился, велѣлъ атаману имъ дать по рюмкѣ водки, еще что-то сказалъ и ушелъ... Ужъ девять мѣсяцевъ онъ лично не являлся на полевыя работы.

Мы не вѣрили словамъ Турбачева.

— Клянусь вамъ, господа,—добавилъ онъ:—все это правда! Да вотъ онъ и самъ! Подожду я тутъ у окна въ саду.

Вошелъ медленно Романъ Романычъ, даже съ улыбкой, утерся платочкомъ, смиренно сѣлъ, сложилъ на колѣняхъ маленькія ручки и безпечно вздохнулъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но дыханіе его еще было неровно, и самъ онъ былъ изжелта - зеленоватый. Ермолка была на затылкѣ.— Что, Романъ Романычъ, гдѣ вашъ сынъ теперь? Мы такъ давно его не видали! — спросили мы съ Говорковымъ въ ободреніе его.

— Сынъ мой, сынъ? Да!.. Я было васъ не разслушалъ!.. Ходятъ всякіе слухи, какъ вообще теперь. Да Богъ его знаетъ, гдѣ онъ! Все проситъ у меня, однако, денегъ. Я же говорю: отчего не служишь? А онъ говоритъ: давайте денегъ! А гдѣ я возьму денегъ! Доходовъ нѣтъ уже тридцать лѣтъ, и я боленъ! Впрочемъ, сынъ мой не можетъ въ кавалеріи служить, а въ пѣхотѣ не хочетъ. А вонъ его сынъ, мой внучекъ, бѣгаетъ, все Кузничевскому сахару на паркъ подсыпаетъ! Видите! Вотъ геній! Кольми паче еще няньку ругаетъ такъ, что просто молодецъ!..

Романъ Романычъ отиралъ съ лица обильный потъ.

— Нѣтъ, вы позвольте, вы позвольте,—отозвался съ дивана голосъ того самаго молодого, съ длинными черными волосами, человѣка, который цѣнилъ у себя землю по двѣсти рублей серебромъ десятину: — вы мнѣ скажите: можетъ ли быть въ наше время новое переселеніе народовъ? Возможны ли движенія народовъ съ сѣвера на югъ? Я думаю, что нѣтъ! Я, слава Богу, таки учился: знаю экономистовъ нынѣ западныхъ. Именно нѣтъ. Литераторы также трезвонятъ о филантропіи, о любви къ ближнему! Подлецы! чистые подлецы! Это все выскочить хотятъ на нашъ же счетъ; извѣстное дѣло, имъ рисковать нечѣмъ... На колъ бы ихъ посадить—пусть любуются видами!—четвертовать! Нѣтъ, господа, дайте мнѣ хоть еще пять лѣтъ сроку, и я ворочу въ доходахъ тройную цѣнность имѣнія; а тамъ хоть трава не расти...

— Кто это?—спросилъ я опять Турбачева.

— Это другъ Пивантьева, довольно богатый и не совсѣмъ глупый человѣкъ, Торбанинъ, если даже хотите, нѣсколько и нашъ братъ, степной «янки», отличный хозяинъ, но закоренѣлый эгоистъ въ душѣ. И вѣдь что тутъ грустно. — продолжалъ Турбачевъ, облокотясь изъ сада въ окно:—будь онъ фронтовикъ; а то вѣдь изъ нашихъ университетскихъ и даже товарищъ мнѣ по факультету! Учился-то онъ плохо и товарищъ намъ былъ такъ себѣ, не изъ лучшихъ. Но все же таки натерся около науки и хоть по наслышкѣ зналъ имена Бэкона, Смита, Маколэя и хоть, положимъ, нашего Грановскаго... А теперь каковъ? Порочитъ каждый шагъ нашихъ комитетовъ, ругаетъ всякую прогрессивную мысль— и это двадцати-семи-лѣтній студентъ, выпущенный шесть лѣтъ назадъ! Посмотрите, съ какимъ благоговѣніемъ слушаетъ его Дядятовскій!.. Пойдемте, господа, въ садъ, здѣсь свѣжѣе...

При нашемъ выходѣ изъ кабинета Торбанинъ, кусая до крови ногти, вдругъ взмахнулъ длинными волосами и, скрипя зубами и показывая кулакомъ въ воздухъ, сказалъ:

— Развѣ не будетъ выборовъ! это ни на что не похоже! это безчестно! У насъ завелись уже предатели, слуги пресловутой гласности—я ихъ знаю. Трезвонятъ, грабятъ насъ! На колъ ихъ! Въ Австріи Радецкій ихъ розгами сѣкъ...

Мы вышли въ садъ. Тамъ было дѣйствительно свѣжѣе. Часа полтора мы ходили, слушая разсказы Турбачева о хозяйствѣ.

— Мы съ братомъ Петромъ,— говорилъ онъ:— получили имѣніе разоренное, хотя и порядочное. Не было сѣна — мы наняли въ долгъ луга; стали дешевы овцы — мы въ долгъ купили у тѣхъ, у кого онѣ падали отъ голоду; продали отцовскіе экипажи, мебель и всякій хламъ, устроили салотопню и въ одинъ годъ выплатили съ сала и за наемъ луговъ, и за овецъ, а салотопню продали черезъ годъ и выплатили главный долгъ на имѣніи. Мы завели машинное хозяйство. Я самъ пробылъ два года въ Ливерпулѣ, на фабрикѣ хозяйственныхъ машинъ, и вывезъ оттуда паровой локомобиль. Черезъ годъ мнѣ половины крестьянъ нашихъ не надо уже. А братъ ѣдетъ весной въ Америку...

У освѣщенной бесѣдки мы увидѣли Пивантьева. Онъ стоялъ, опять окруженный дѣвицами, и съ полнымъ свойствомъ мѣднаго лба занималъ снова всѣхъ разсказами. Увы! онъ помѣшался на роли говоруна единственно только потому, что какая-то старуха-аристократка, бывшая когда-то большая практикантка насчетъ молодыхъ людей, проѣздомъ черезъ Южно-Байрацкъ, сказала ему гдѣ-то за обѣдомъ: «Да вы, м-сье, краснобай! Владѣете слогомъ!»

— Я прошу васъ, дѣвицы, разрѣшить мнѣ одинъ вопросъ,— говорилъ Пивантьевъ, развязно качаясь и охорашиваясь:—хорошо или нехорошо брать жалованье на службѣ по выборамъ?

Тѣ, разумѣется, молчали, робко прижимаясь другъ къ другу и пугливо слѣдя за его туманными намеками.

— Ну, такъ я же вамъ скажу, что наши филантропы...

— Ну, погоди же ты! — прошепталъ съ холодной злобой Турбачевъ: — я же тебя оборву! Вотъ скотина! Извините, господа, за такія крупныя выраженія! Вы себѣ представить не можете, до чего безобразенъ этотъ господинъ!

Мы ушли въ темныя аллеи. Еще проговорили съ полчаса. Турбачевъ разспрашивалъ о нашемъ южно-байрацкомъ уѣздѣ, посѣвахъ, сборѣ хлѣба, дѣлалъ предположенія объ устройствѣ громаднаго общества для торговли хлѣбомъ, разспрашивалъ о нашемъ губернскомъ положеніи о крестьянахъ, и вообще смотрѣлъ съ большимъ сочувствіемъ на все сдѣланное депутатами. Говорковъ, хотя и не бывшій въ составѣ комитета, въ качествѣ моего друга и письмоводителя, просто ликовалъ. «Экъ, душа-то, душа-то!» — шепталъ онъ, толкая меня. Передъ освѣщенной ротондой, въ одномъ мѣстѣ сада,

гдѣ играла музыка, ходилъ съ понуренной головой сѣдой, съ длинными, бѣлыми волосами на головѣ и въ длиннополомъ сѣромъ сюртукѣ, старикъ-помѣщикъ.

— Это печальный примѣръ, это профессоръ и нашъ помѣщикъ! — началъ Турбачевъ, указывая на старика: — онъ попалъ въ сосѣдній съ вами комитетъ о крестьянахъ. Я былъ когда-то его ученикомъ, любилъ его всею душою, вѣровалъ въ него и ожидалъ отъ него всегда многаго и многаго! Его чтенія въ классахъ распаляли насъ страстною любовью къ людямъ! Онъ былъ у насъ гуманистъ въ полномъ смыслѣ слова, поклонникъ Гегеля, Гейне... Открылся комитетъ, онъ и тамъ сталъ изъ первыхъ, въ ряду либераловъ: даже тайкомъ его называли краснымъ, чѣмъ онъ втихомолку и гордился. Такъ дѣла шли мѣсяца два! И что же? Какъ-то на носъ предсѣдателя комитета сѣла муха, въ то самое время, какъ этотъ почтенный либералъ читалъ свою рѣчь по какому-то вопросу; тотъ громко чихнулъ; члены тоже чуть не дремали. Этотъ обидѣлся, перешелъ на сторону оппозиціи и запутался такъ, что подъ конецъ даже трудно было понять, чего онъ хотѣлъ. Онъ рѣшилъ тѣмъ, что кинулся въ объятія отсталыхъ, плантаторовъ,—но и тѣ его, говорятъ, не приняли. Жаль мнѣ его; истинно добрый человѣкъ, только очень мягкій. Мы какъ-то съ пріятелями недавно поминали его: «Покойся сномъ праведника, чистая карьера былого гегелиста; ты сталъ помѣщикомъ и все позабылъ!» — говорили мы, распѣвая надъ жженкою студенческія пѣсни.

— Пожалуйте ужинать! — сказалъ слуга, добѣжавшій къ намъ напрямикъ, черезъ вишенникъ и поляны сада.

Въ ярко освѣщенной залѣ мы уже всѣхъ застали въ сборахъ усаживанія за столъ и выбрали себѣ три мѣста рядомъ. Стулья прогремѣли, слуги вошли съ дымящимися тарелками. Все шло чинно; дѣти гостей сидѣли за особымъ столомъ, самъ хозяинъ сидѣлъ на одномъ концѣ стола, жена его на другомъ. Пивантьевъ — среди дѣвицъ, безпрестанно услуживая имъ. Попавши такъ нежданно къ Дядятовскому,— вообще любившему въ свои семейные праздники, какъ вѣрно выразился Пивантьевъ, принимать всякій сбродъ, лишь бы было побольше гостей,—мы опять принялись разспрашивать Турбачева о разныхъ незнакомыхъ лицахъ. Рѣчь началъ Романъ Романычъ.

— А слышали вы, господа, у насъ на тотъ годъ предрекаютъ саранчу и голодъ?..

Пошли толки о саранчѣ.

— Что саранча! Говорятъ, залоговъ уже имѣній больше не будетъ!—произнесъ кто-то.

Бородатый господинъ, едва дышавшій отъ толстоты, протянулъ руку за квасомъ и спросилъ, покашливая по-своему:

— Говорятъ, въ нашемъ губернскомъ комитетѣ вышли несогласія: братъ возсталъ на брата и сынъ на отца, какъ говорится въ писаніи о послѣднихъ временахъ?

— Страмъ, чистый страмъ! — подхватилъ Романъ Романычъ:—чуть не шли на ножи! Я тамъ не былъ, а слышалъ, что были случаи, какъ въ уѣздной школѣ! Даже, повидимому, садились по звонку, говорили и молчали, какъ въ классахъ, еще и въ мои времена!

— Это и въ англійскомъ парламентѣ заведено, Романъ Романычъ!—перебилъ Турбачевъ.

— Въ англійскомъ! Да хоть бы и въ китайскомъ. Что англичане? Соловецкій монастырь разграбили, заставили потопить наши корабли въ Севастополѣ, а теперь новые намъ за деньги сами строятъ! Вотъ австрійцы — это народъ! И неговоруны, и незатѣйливы...

Незнакомый сосѣдъ мой съ лѣвой стороны, горбатый, подслѣповатый, немного выпивши и навеселѣ, толкнулъ меня подъ бокъ, указывая на высокаго и блѣднаго, черноволосаго лакея, стоявшаго съ тряпкою за чьимъ-то стуломъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я.

— Посмотрите сюда: вотъ слуга, — началъ горбатый сосѣдъ, сопя и ковыряя перочикомъ въ зубахъ: —слуга, лакей! только хитрое и умное созданіе... У! чистая бестія! посмотрите только на его глаза! Его отдавали въ художники, въ академію, въ Петербургъ, — и вышелъ, ничего, артистомъ!.. Славно малюетъ-съ. Даже тамъ въ какую-то барышню было, говорятъ, влюбился! Ну, да ничего—теперь служитъ и объ искусствахъ говоритъ: хоть нескучно! Хитрая бестія!.. Павелъ!

Сосѣдъ мой кивнулъ головой; черноволосый слуга подошелъ къ нему и нагнулся.

— Кто былъ первымъ художникомъ въ Россіи?—спросилъ горбатый сосѣдъ вполголоса.

— Карлъ Павловичъ Брюловъ, творецъ картины «По-

слѣдній день Помпеи», — тихо и какъ-то ласково-грустно отвѣтилъ лакей подъ шумъ общихъ разговоровъ.

— А что такое искусство?—продолжалъ глумиться веселый мой сосѣдъ.

— Свободное творчество!—отвѣчалъ лакей.

— А что лучше: хорошій ли обѣдъ, или картина?—говорилъ насмѣшливый баринъ, хихикая себѣ подъ носъ и ковыряя въ зубахъ.

Лакею-художнику готовились новыя шутки и веселости, какъ въ другомъ концѣ стола раздался нежданно шумъ, скоро перешедшій въ крупную перепалку. Спорили Пивантьевъ и какой-то студентъ.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ, — рѣзко повторялъ студентъ: — ваши слова отзываются личностями! А кто злится, тотъ не правъ!

— Личностями?—подхватилъ Пивантьевъ: — Ха, ха, ха! Прошу вашего вниманія, господа! Юноши зовутъ насъ отсталыми; враги на возрастѣ зовутъ насъ плантаторами! Гдѣ же тутъ молчать? Въ качествѣ плантатора, имѣю честь передать вамъ, что нашъ предсѣдатель того... свихнулся!

Головы и глаза общества устремились къ спорившимъ. Дядятовскій сталъ даже торопиться уничтоженіемъ тарелки какого-то любимаго соуса.

— Какъ это, какъ это? разскажите?—подхватилъ Романъ Романычъ, утирая губы: — ахъ! не могу молчать! Вотъ настоящій, плавный штиль! вотъ истинное краснорѣчіе! вотъ наши защитники! Разскажите!

— Дѣло было вотъ какъ, — началъ, важничая и дерзко поглядывая на всѣхъ, Пивантьевъ: — я не служу въ комитетѣ, не имѣю этой высокой чести, да, не имѣю, но знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что, мѣтя на какое-то значительное мѣсто, нашъ здѣшній великій сановникъ затѣялъ составить себѣ сильное большинство по одному дѣлу... Сталъ вывѣдывать передъ баллотировкой—оказывается, что голоса раздѣлились такъ, что не только не выходило сильнаго большинства его мнѣнію, но даже и съ его голосомъ на сторонѣ его было однимъ шаромъ меньше...

— Правда это?—шепнулъ мнѣ Турбачевъ, схвативши меня за руку и едва подавляя въ себѣ волненіе:—вы были сами въ комитетѣ! Правда это?

— Клянусь Богомъ, ничего подобнаго не было: у насъ

дружное большинство встрѣтило и до конца провожало всякое дѣйствіе предсѣдателя...

— Благодарю васъ... Хорошо... будемъ слушать!—И Турбачевъ впился глазами въ Пивантьева, изрѣзывая мелкими кусочками хлѣбную корку.

— Да-съ, плохо приходилось нашему оффиціалу!—продолжалъ Пивантьевъ:—онъ рѣшительно терялся. Вдругъ въ умѣ его мелькнула счастливая мысль. Вспомнилъ онъ, печально вглядываясь въ списокъ членовъ, объ одномъ господинѣ съ широчайшими бакенбардами и либерализмомъ и страстью къ англоманіи, бывшемъ на сторонѣ его враговъ, сообразилъ, что англоманъ сильно нуждается пока въ субсидіяхъ по поводу одной городской интрижки, а впослѣдствіи въ тепломъ мѣстечкѣ, позвалъ его, подъ общій шумъ и споры, къ своему креслу и шепнулъ ему на ухо: «выходите въ залъ». Тамъ въ будущемъ обѣщано представленіе къ мѣсту, и дѣло слажено... Пошло на голоса, и мнѣніе его восторжествовало... И вотъ, господа, пути, по которымъ разыгрываются дѣла у насъ...

Сказавши это, Пивантьевъ спокойно принялся за недоѣденный кусокъ.

Тарелка звякнула въ рукахъ Турбачева.

— Вы лжете, — сказалъ онъ гладко и какъ-то особенно кругло и внятно, смотря на Пивантьева, а самъ былъ бѣлѣе полотна: — вы лжете, какъ пятилѣтній мальчикъ! И это не дѣлаетъ вамъ чести!

Многія вилки остановились на воздухѣ; многіе рты, не проглотя вкуснаго цыпленка съ грибами, остались незакрытыми.

— Что-о-о?—спросилъ озадаченный Пивантьевъ, еще блуждая глазами и сперва не разобравши, кто его такъ оборвалъ.

— Вы лжете! — опять звонко и кругло сказалъ Турбачевъ:—это клевета...

Слуги стали убирать тарелки и разносить жаркое.

— Нашъ пенсильванецъ, однако, тоже горячится!—шепнулъ мнѣ Говорковъ.

— Вотъ мило! Это еще у насъ, господа, и не слыхано!—возразилъ Пивантьевъ, стараясь улыбнуться какъ можно беззаботнѣе, поперхнувшись и озираясь во всѣ стороны: — за столомъ, при дамахъ, говорить такія дерзости!

Глаза общества, однако, мигомъ устремились въ тарелки.

Блѣдныя и встревоженныя дамы стали торопливо перешептываться, косясь то на Дядятовскаго, то на его жену. Но хозяева тоже молчали. Романъ Романычъ было обозвался, тоже улыбнувшись и понерхнувшись, словами: «да, правда! это немножко того, рѣзко сказать безъ причины: вы лжете», но тутъ же утеръ губы салфеткой и, присмирѣвши, сталъ медленно жевать крылышко цыпленка.

— Вы клеветникъ, господинъ Пивантьевъ! — продолжалъ тѣмъ же голосомъ Турбачевъ: — и мнѣ пріятно будетъ это доказать публично. Лучше заранѣе извинитесь сейчасъ же, за столомъ, сію минуту, передъ обществомъ и передо мною!

— Какъ? Мнѣ?? Передъ вами??? Ха-ха-ха!

Турбачевъ положилъ руки на столъ. Красивые перстни сверкнули на его кривыхъ пальцахъ.

— Если вы будете паясничать и хохотать, я васъ прогоню изъ-за стола... почтеннѣйшаго Романа Романыча!—началъ опять Турбачевъ, закрывая глаза отъ дрожи и злости, прохватывавшей его до костей.

— Меня? О, нѣтъ, нѣтъ!—крикнулъ, красный уже, какъ ракъ, Пивантьевъ:—я, господа, на васъ ссылаюсь, на васъ! Если бы не дамы, я проучилъ бы... всякаго! Господинъ Турбачевъ богачъ, а я бѣднякъ! Имъ можно имѣть такую смѣлость! Я обиженъ, господа, обиженъ и буду требовать общественнаго суда, суда всѣхъ дворянъ, всего сословія, у губернскаго стола... Я обиженъ... Клянусь, я говорилъ правду, я желалъ обществу пользы. Все, что я ни говорилъ, сущая правда! я докажу... здѣсь свидѣтелей нѣтъ, но я найду, у меня будутъ свидѣтели моихъ словъ!

Прошло нѣсколько секундъ мучительной паузы. Всѣ сердца бились напряженно; всѣ глаза стремились, по обычаю въ такихъ случаяхъ, подъ столъ.

— Что же, господа, будемъ вставать!—сказалъ-было Романъ Романычъ, пуская извѣстную уловку старины, любившей заминать всякія дѣла, не допуская ихъ до крутыхъ раздѣлокъ.

— Нѣтъ, господа, позвольте, подождите! — перебилъ его Турбачевъ:—здѣсь обижены мы всѣ, и потому запросто, не вставая, кончимъ дѣло. Противъ господина Пивантьева есть улика! Между нами теперь сидитъ одинъ изъ господъ депутатовъ комитета—г. Скавронскій!

Онъ обратился ко мнѣ, и взгляды всѣхъ остальныхъ по-

слѣдовали за его движеніемъ. Даже неповинный ни въ чемъ Романъ Романычъ—и тотъ поспѣшилъ загладить свой промахъ и спросилъ меня: «Такъ вы тоже депутатъ? А я этого и не зналъ...»

— Позвольте васъ спросить, Александръ Сергѣичъ, какъ постороннаго свидѣтеля этой выходки, — сказалъ мнѣ Турбачевъ: — было что-нибудь въ нашемъ комитетѣ подобное тому, что̀ такъ громко и свободно постарался передать г. Пивантьевъ?

Мертвая тишина осѣнила все общество. Даже слуги остановились у дверей. Слышно было черезъ стулъ, какъ билось сердце у Говоркова, и какъ тупоумно и обливаясь потомъ сопѣлъ отставной вице-губернаторъ.

— Я скажу одно,—отвѣтилъ я:—подкупалъ ли NN кого-нибудь изъ моихъ сочленовъ, я не знаю; но по дѣлу объ усадьбахъ, да и вообще во всѣхъ спорныхъ баллотировкахъ—онъ въ этомъ не нуждался. Вездѣ мнѣнія круга, къ которому я самъ принадлежу и гдѣ онъ имѣлъ честь руководить, выражались всегда огромнымъ большинствомъ тридцати голосовъ — противъ десятерыхъ. Раздѣленія голосовъ поровну быть не могло: партія десятерыхъ у насъ до конца не завоевала себѣ ни одного голоса.

За моимъ отвѣтомъ раздался такой шумъ за столомъ, что ничего нельзя было разобрать. Всѣ спорили и кричали. А у Романа Романыча мелькали одни усы да борода; словъ его не было слышно. Турбачевъ сидѣлъ съ достоинствомъ и, блѣдиѣе противъ прежняго, молча выжидалъ конца споровъ. Пивантьевъ кричалъ во все горло.

— Да, можетъ быть... но... все-таки, говорятъ, что было такъ!—кричалъ, покрывая всѣ голоса, Пивантьевъ.

— Покоритесь, сосѣдъ, — раздался голосъ съ другого конца стола:—покоритесь, вы неправы, далеко хватили! И я въ этомъ случаѣ противъ васъ...

Это говорилъ, преклонивши сѣдую голову, тотъ самый отставной профессоръ, бывшій депутатомъ комитета сосѣдней губерніи, о бѣдственномъ паденіи котораго намъ передалъ въ саду Турбачевъ.

Пивантьевъ глянулъ на него и на всѣхъ, какъ волкъ въ послѣдней угонкѣ, огрызающійся на близкія уже морды плотоядныхъ борзыхъ.

— Но какъ же, однако, это? Я не могу!! Нѣтъ, нѣтъ,

я не могу поддаться на это доказательство! — сказалъ онъ, едва уже владѣя собою.

Но въ это же время окно сзади Ивантьева зазвенѣло, и стекла разлетѣлись вдребезги. Мимо уха его, задѣвши за курчавый локонъ, просвистѣла фаянсовая тарелка, пущенная въ голову злополучнаго болтуна Турбачевымъ. Общество вскочило. Скандалъ вышелъ полный и небывалый...

— Что вы надѣлали? Боже, Боже! Осрамить мой домъ!— вопилъ Дядятовскій, подбѣгая, когда всѣ встали и слуги стали поспѣшно уносить со стола посуду, то къ пылавшему местью и злобой Турбачеву, то къ ахавшимъ и пищавшимъ дамамъ.

— Нѣтъ, пересолилъ и нашъ пенсильванецъ! — сказалъ мнѣ Говорковъ, съ сожалѣніемъ глядя на общій шумъ.

— Оррёръ, оррёръ!—кричали нѣкоторыя изъ дѣвицъ.

— Такъ подобныхъ молодцовъ и учатъ! — говорилъ студентъ, ставшій спиною къ кому-то изъ подошедшихъ къ нему съ увѣщаніями.

Мигомъ все общество стало разъѣзжаться. Но шумъ не прекращался въ кабинетѣ, куда друзья Ивантьева собрались толпой, съ угрозами отмстить Турбачеву. Турбачевъ нежданно и смѣло вошелъ туда, съ хлыстомъ и папироской, и объявилъ, что вызываетъ каждаго, кто еще пикнетъ о комитетѣ. Ивантьевъ, ероша волосы, стоялъ у окна.

— А васъ, — сказалъ Турбачевъ Ивантьеву: — я прошу ожидать отъ меня, гдѣ бы мы ни встрѣтились, всего, что только можно сдѣлать пятью пальцами! Теперь, не сходя съ мѣста, прошу васъ объявить сейчасъ же, при всѣхъ, что вы за столомъ сказали ложь, и съ умысломъ.

Ивантьевъ оглянулся за спину, на окно, потомъ на общество и сказалъ, запинаясь:

— Да, извините, я за столомъ немного ошибся...

Студентъ, дама-аболиціонистка, еще два-три гостя и съ довласый профессоръ-помѣщикъ, очевидно искавшій въ полномъ осужденіи своего сосѣда Ивантьева чистосердечнаго искупленія своей недавней депутатской карьеры, — стояли на крыльцѣ, вдали отъ озлобленныхъ, разъѣзжавшихся пріятелей Ивантьева.

— Ай да Турбачевъ! — говорила громко и съ увлеченіемъ молодежь изъ гостей, въ потемкахъ усаживаясь во дворѣ въ экипажи: — вотъ такъ проучилъ! Да еще чуть не выки-

нулъ въ окно! Заставилъ сознаться — и тотъ сознался! Дуэлисть! въ университетѣ онъ побилъ одного господина...

Къ стоявшимъ на крыльцѣ подошелъ, сверхъ всякаго чаянія, самъ Пивантьевъ, уже закутанный въ шинель. Онъ всхлипывалъ и билъ себя въ грудь. — Меня назвали лжецомъ! меня! пустили въ меня тарелкой! — говорилъ онъ.— Богъ ему судья!.. О, до чего я дожилъ! до чего... Нельзя было уже и пошутить! Я желалъ сословію добра! Ахъ! грустно и горько у насъ служить обществу!..

Онъ опять ударилъ себя въ грудь, сѣлъ въ какую-то бричонку и уѣхалъ. А вдали, уже за деревней, опять гремѣли бубенчики и колокольчикъ на дышлѣ бойкой четверки, уносившей въ бѣлыхъ фуражкахъ нашихъ дорожныхъ знакомцевъ, братьевъ Турбачевыхъ. Уѣхали и дама, и студентъ, и профессоръ, и отставной вице-губернаторъ въ парикѣ, присыпанномъ сахаромъ. Послѣдній, говорятъ, подъ шумокъ, за ужиномъ, рѣшительно напился пьянъ, и его замертво уложили въ чью-то чужую телѣгу. Сюда онъ пришелъ за семь верстъ пѣшкомъ, во фракѣ и въ шляпѣ, безъ шинели.

Уѣхали и пенсильванцы, и каролинцы...

Остались дома одни хозяева, да мы съ Говорковымъ, нуждавшіеся въ отдыхѣ и кормѣ лошадей. Ночь прекратила всѣ гражданскія смуты. Оба лагеря погрузились въ тишину на всемъ протяженіи губерніи... до новой схватки поутру.

Романъ Романычъ, нашъ былой короткій пріятель, простился съ нами сухо. Добрая жена его тоже глядѣла на насъ съ какимъ-то сожалѣніемъ, провожая насъ на покой.

Намъ отвели комнату во флигелѣ. Говорковъ, по обычаю, пріобрѣтенному имъ еще въ какой-то ротѣ въ Сибири, прочитавши громко и съ поклонами при мнѣ всѣ молитвы, легъ и заснулъ какъ убитый. Мнѣ не спалось. Промаявшись на постели, я всталъ и посмотрѣлъ на часы, наведя ихъ на мѣсяцъ: было два часа ночи. Я вышелъ на крыльцо, вырубилъ огня и закурилъ сигару.

Дворъ, домъ и садъ спали въ тишинѣ.

Посидѣвши нѣсколько времени, я уже хотѣлъ идти во флигель на кровать, какъ изъ-за угла кухни, отъ села, раздались мѣрные шаги и какое-то мурлыканье грубымъ голосомъ, точно кто едва двигался и бормоталъ или пѣлъ

самъ съ собою. «Конкуррѐнтусъ, винѐнтусъ, бабѐнтусъ...» отдавалось въ тишинѣ. Я вышелъ за кухню. На полномъ сіяніи мѣсяца двигался ко двору по полянѣ, съ палкой и въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, не то въ халатѣ, не то въ длинномъ сюртукѣ, видъ человѣка — старика и, очевидно, слѣпого. Точно, это былъ слѣпой старикъ. Ощупывая палкой знакомую дорогу и напѣвая про себя непонятное: «Конкуррѐнтусъ, винѐнтусъ, бабѐнтусъ», — онъ поровнялся со мной, остановился и вдругъ скинулъ шапку.

— Здравія желаю!—сказалъ онъ, шамкая губами и въ носъ.

Это меня сперва удивило. Но потомъ я понялъ, въ чемъ дѣло. Запахъ сигары далъ ему средство угадать мое присутствіе.

— Кто ты такой?—спросилъ я старика.

— Крѣпостной его благородія Романа Романыча!.. крѣпостной и усердный холопъ, Елизаръ Приходько! отставной музыкантъ, капельмейстеръ, сочинитель нотъ и пѣвчій, отъ малыхъ лѣтъ имѣлъ необычайный голосъ!.. А вы кто?

Я назвалъ себя и объяснилъ свое депутатство.

Онъ гордо выпрямился, отставилъ ногу и, помахивая шапкой, съ презрѣніемъ отвернулся.

— Это все пустяки, дрянь, ваша милость!

— Какъ пустяки, отчего?

И я сталъ объяснять ему, что вотъ «пришла пора» и что теперь господа и правительство даютъ и вскорѣ объявятъ крестьянамъ свободу.

— Это все пустяки,—повторилъ онъ:—сами не знаютъ, что дѣлаютъ. Я съ малыхъ лѣтъ пѣвчимъ былъ у отца моего настоящаго пана; дискантище у меня бѣдовый былъ! А теперь вотъ сегодня я пьянъ; ну, пьянъ и пьянъ, даже въ канавѣ проспалъ цѣлый день... Ну, панъ-то мой, значитъ, Романъ Романычъ пандобрѣющій, только глянулъ на меня, да и полно; а прежде дали бы дерку, посватали бы съ березой липовой на пять недѣль...

Я не оспаривалъ отставного музыканта, сказавши только, что пожалуй ему-то вольность и не нужна, да молодые-то за нее поблагодарятъ. Онъ усмѣхнулся и помолчалъ. Выраженіе безбородаго, блѣднаго и морщиноватаго лица его изъ насмѣшливаго перешло въ грустно-задумчивое, новое.

— Скучно на свѣтѣ жить!—добавилъ онъ:—скучно, а выпьешь, и веселѣе станетъ... Эхъ, панычъ вы мой, панычекко!—сказалъ онъ, качая сѣдой, плотно остриженной го-

левой:—гдѣ она, вольность-то, у насъ на свѣтѣ? Птицы ее, что ли, имѣютъ? или муха крылатая, или звѣрь полевой? Не-ма̀ ея, не-ма̀, и бѣсъ ее знаетъ, гдѣ она! Не-ма̀! И пусть на нее молодые не таращатся. Не ма́, панычепко, и не ищите!

Онъ надѣлъ картузъ, какъ-то всхлипывая вздохнулъ, хлопнулъ по картузу ладонью и пошелъ далѣе, черезъ дворъ, къ какой-то конурѣ, коверкая опять на латинскій ладъ безсмысленныя слова. Я ему крикнулъ вслѣдъ: «Елизаръ, погоди, я объясню тебѣ кое-что... ты не понимаешь!» Но старикъ не воротился. Старый слуга вѣрилъ старому времени... На дворѣ свѣжѣло... «Стожаръ» или «волосожаръ»— по мѣстному названію — голубоватая кучка звѣздъ по сѣверной сторонѣ неба отливалась розово-золотистымъ огонькомъ и спускалась къ землѣ. Это ощущеніе здѣсь считается за близость утра. Большая медвѣдица, по-здѣшнему—возъ, также склонила уже къ землѣ и свое дышло, и свои оси, и бока своей воздушной колесницы...

Со стороны вольной слободы, гдѣ стояли, по словамъ стараго музыканта, солдаты, послышался въ тишинѣ медленный крикъ. Замолчалъ онъ и отдался опять. Я сталъ вслушиваться. Кто-то изъ гущины вербъ, ограждавшихъ огороды— должно-быть, солдатъ — крикнулъ навеселѣ и должно-быть, товарищу на всѣ лады: «Ива̀новъ! Ивано̀въ! А чи не хочешь ты Га̀нки *)?» И этотъ окликъ повторялся нѣсколько разъ, разносясь по тихимъ полямъ и по рѣкѣ, уже подернутой туманомъ близкаго разсвѣта.

1860 г.

*) Га̀нка—сокращенное имя Агафьи.

БЫЛОЕ И НОВОЕ.

Тетушка моя, Анисья Еремѣевна Магденко, говорила какъ-то, что прежде, бывало, выѣдетъ землемѣръ и говоритъ:

— Хотите, матушка, я вамъ землицы отрѣжу чужой, а вы мнѣ заплатите?

— Съ радостью, батюшка, отрѣжьте!

— Сколько же вамъ нужно?

— Да десятинокъ двѣсти, у сосѣда Бакланова хорошо бы прихватить! Пустыни отличныя, какъ разъ вонъ за рѣкой, съ моими смежны; конопля и просо отлично родятся!

— А какъ благодарность будетъ?! Я меньше ста рублей не возьму. Нужно въ губерніи заплатить, чтобъ бумагу и указъ мнѣ написали рѣзать!

— Съ удовольствіемъ, батюшка, съ удовольствіемъ.

Вотъ и скажетъ землемѣръ въ чертежной, что такая-то помѣщица проситъ выслать межевщика, отрѣзать у сосѣда купленную землю. Ну, присутствіе и высылаетъ съ бумагою, за должною скрѣпою. Выѣзжаетъ господинъ. Сосѣда, какъ нарочно, дома нѣтъ. Показываетъ бумагу, гдѣ предписывается произвести должное отмежеваніе. Староста сосѣдскій ничего не понимаетъ. Выводятъ съ обѣихъ сторонъ понятыхъ. Ставятъ вѣхи, астролябію, ведутъ черту по самой цѣлинѣ, по чертѣ проводятъ плугомъ приличную борозду, роютъ ямы и ставятъ столбы. Землемѣръ даже ловкія мѣры принимаетъ, чтобъ и потомство не забыло о его межахъ, а у самыхъ ямъ сводитъ толпу деревенскихъ ребятишекъ и сѣчетъ ихъ, чтобъ когда даже «прежніе парнишки станутъ бородаты» — и тогда бы памятно имъ было, что тамъ-то или они съ образами, а тамъ-то еще имъ задали припарку. Кон-

частъ дѣло землемѣръ, какъ слѣдуетъ, и говоритъ барынѣ: «Ну-съ, земля ваша! Теперь благодарность!» И увозитъ, кромѣ ста рублей, полотна еще, мотковъ, грибковъ, варенья, наливки и всякой рухляди. Ликуетъ барыня. Разумѣется, сосѣдъ возвращается, видитъ какъ разъ на сѣнокосной стени свѣжія борозды и межевые столбы.

— Это что такое?

Староста говоритъ:

— Наѣхалъ землемѣръ и отрѣзалъ такой-то Аниськѣ Еремѣевнѣ!

— Быть не можетъ! По какому праву?

Летитъ въ судъ. Судъ, разумѣется, предписываетъ барынѣ отдать неправедно отнятую землю; столбы выбрасываются, межи и ямы сравниваются. Все забывается. Землемѣръ ликуетъ. Барынѣ не тягаться же съ нимъ. Да и уликъ на лицо нѣтъ. Межевщики-де не отвѣчаютъ за землевладѣльцевъ и рѣжутъ, что попросятъ ихъ размежевать. И остается только въ памяти ребятишекъ, что тогда-то, дѣйствительно, ихъ высѣкли. Былъ одинъ такой землемѣръ, еще маленькій да худенькій, невзрачный, а поди — какая птица, что изъ одного уѣзда такимъ образомъ вывезъ четыре тысячи на ассигнаціи. Все у сосѣдей сосѣдямъ отрѣзывалъ поля, а дворяне были на ярмаркѣ, — безъ себя и поручали благодѣтелю расправляться. Да еще какой это былъ проноза! Нужно, бывало, отклонить въ рощѣ или столѣтнемъ бору линіи отъ астролябіи въ сторону: онъ взберется на дерево, зацѣпится за вѣтку вверхъ ногами, повиснетъ и начнетъ кричать не своимъ голосомъ. Ну, мужичье, понятые и разбѣгутся отъ страху. А ему этого и нужно. Сдѣлаетъ свое дѣло, да ихъ же еще и срамитъ.

— У меня, говоритъ, животъ заболѣлъ. Я такъ всегда лѣчусь! А вы чего разбѣжались?..

Теперь, конечно, люди стали умнѣе. А жить нужно. Ну, и берутъ другими путями. И всякъ это знаетъ. Думали у насъ сначала, что кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не будутъ брать. А оказалось иначе.

— Я, говоритъ, девятымъ классомъ выпущенъ. Мнѣ нужно и выпить, и поѣсть, и перчатки тоже нужны. А жалованья сколько?

Всѣ мы, оказывается, немного капитаны копейкины! Какъ-то одинъ разъ въ нашей губерніи студентъ изъ ста-

рыхъ московскихъ студентовъ, уже дряхлый и разорившійся баринъ, пріѣхалъ по дѣлу о продажѣ имѣнія, узналъ, что надсмотрщикъ изъ университетскихъ и посовѣстился дать ему благодарность. Смотритъ, а дѣло не подвигается. Что за навожденіе! Спросилъ.

— Те-те-те!—запѣлъ ему помощникъ изъ канцелярскихъ дѣтей:—да вы дайте ему фіолетовую, и дѣло съ концомъ!

Сгорѣлъ старикъ со стыда, вспомнивши Мерзлякова, Карамзина и весь классическій идеальный міръ прежняго храма науки; а дѣлать нечего: вынулъ изъ старенькаго платочка единственную фіолетовую и подалъ надсмотрщику между листами дополнительныхъ справокъ. Въ тотъ же день дѣло было подписано. Не вытершѣлъ старикъ и, блѣдный, едва сдерживая дыханіе, свертывая дрожащими руками дѣло, на дому у надсмотрщика, сказалъ ему:

— Многонько изволили взять!

Тотъ вспыхнулъ и вскочилъ:

— Милостивый государь, извольте идти вонъ! Вы забываетесь, милостивый государь! вонъ!

Едва выскочилъ на крыльцо потерянный старикашка.

— Ишь ты,—разсуждалъ онъ: — прежде, бывало, дашь, подьячему, да и съ нимъ же еще и выпьешь. А тутъ!..

И онъ махнулъ рукой. Да и винить ли вполнѣ чиновника? Мѣсто изстари доходное, такъ уже принято, и держится на откупу. Долго до него надо дослужиться. А въ губерніяхъ при томъ же все такъ непомѣрно вздорожало: четверть ржи прежде стоила два съ полтиной ассигнаціями, а теперь шесть съ полтиной серебромъ, индѣйка—цѣлковый, фракъ—сорокъ пять рублей серебромъ. Тяжелое время!

Кто же не беретъ? Люди-призраки, люди-идеалисты, люди-либералы, которыхъ еще вчера называли безпокойными, и наконецъ особенно склеенныя природы. Вѣдь бываютъ же такіе антики, плезіозаурусы и мамонты нашей общественной фауны...

Нынче «новымъ вѣтъ» у насъ...

Былъ я какъ-то на сельской богатой ярмаркѣ, и показали тамъ мнѣ помѣщика, по прозвищу — Криничка. Тутъ кроется острота. Видите ли, какъ вода въ криничкѣ (степномъ ключѣ) чиста, такъ-де и поведеніе этого господина было чисто и непорочно. У него даже составился особаго рода «поровъ чести», какъ бываетъ у русскихъ людей «по-

ровъ правды-матки», «норовъ усердія», «норовъ чистоплотности» и «норовъ кутежа» Онъ не иначе при этомъ ужъ, разумѣется, ходилъ, какъ въ какомъ-то засаленномъ сюртучишкѣ, шалоновыхъ брючкахъ, всунутыхъ въ сапоги, въ нанковомъ жилетѣ, грязныхъ рубашкахъ изъ домашняго холста, нечесаный, съ изъерошенной головой, ѣлъ гадко, пилъ простую очищенную, а имѣлъ три тысячи десятинъ земли и вездѣ и каждому совалъ подъ носъ любимую поговорку: «На-алюби, бра-атецъ, насъ въ чернѣ, а въ бѣлѣ насъ вся-акой полюбить!» Проводилъ онъ время, разматывая съ утра до ночи мотки пряжи и вывязывая тенета и перепелиныя сѣти. Носилъ на тоненькихъ ножкахъ, отвислое брюшко и нюхалъ табакъ изъ лубковой тавлинки. Дѣйствительно, по общему говору онъ не бралъ на службѣ взятокъ, служа по выборамъ, и въ разсчетахъ былъ честенъ. Съ любопытствомъ я приглядывался къ нему на ярмаркѣ, гдѣ онъ ходилъ, какъ падишахъ, и всѣ ему шапки снимали. Да что же изъ этого? Черезъ полгода, когда я уже съ нимъ познакомился, послалъ этотъ Криничка шерсть со своихъ овецъ на ярмарку, не въ свой, а въ сосѣдній городъ, продавать, заслышавъ, что тамъ лучшая будетъ цѣна. И что же вы думаете, для чего онъ при шерсти послалъ не писаря своего, всегда продававшаго шерсть, а старосту? Онъ хотѣлъ наградить старосту.

— Шерсть-де продастся, положимъ, по пятнадцати цѣлковыхъ за пудъ, а онъ покажетъ, положимъ, по четырнадцати рублей по восьмидесяти пяти копеекъ серебромъ. Ну, сто цѣлковыхъ въ карманѣ и будетъ безгрѣшныхъ барышей! Выторговалъ! Нельзя же, надо и ему дать почувствовать сладость и утѣхи тепленькаго, доходнаго мѣстечка! Пусть-де поправится, оперится!

Вотъ и честный, не берущій взятокъ человѣкъ. Самъ не беретъ, да допускаетъ возможность арендаторства тамъ, гдѣ одна тѣнь неправды уже бросаетъ порчу въ самый корень званія и мѣста, хотя бы это мѣсто было не болѣе, какъ санъ сельскаго старосты. Разскажу вамъ о хивинцѣ Эскеръ-Агѣ, или иначе о русскомъ поручикѣ Эскеровѣ, пріемномъ сынѣ помѣщика Чебардина. Сидѣлъ я однажды у пріятеля моего, землемѣра губернскаго, Щуковича, въ то время, какъ онъ еще не затѣвалъ печальнаго дѣла съ парикмахеромъ Исидоромъ, но уже, подъ обузою губернскихъ пріятностей, го-

варивалъ:—Боже, Господи! Когда-то я буду имѣть возможность купить десятины двѣ лѣсу, въ лѣсу выстроить домикъ, и обнести его частоколомъ, сажень на сто во всѣ стороны, чтобы погрузиться, въ тишинѣ, въ созерцанье собственнаго достоинства, а калитку запереть ото всѣхъ на замокъ и на цѣпь! Кто придетъ, даже въ двери не стукнетъ, не заглянетъ въ окно, а прежде повозится у калитки. Вотъ, провести бы этакъ годика два жизни, не видя и не слыша никого. Много бы хорошихъ вещей надумалось... Не даромъ присяжныхъ въ Англіи запираютъ въ отдѣльную комнату и морятъ голодомъ, пока тѣ не рѣшатъ, въ присѣстъ, извѣстнаго дѣла единогласно. А тутъ отписывайся! Ничего и нейдетъ въ голову!

Зашла какъ-то рѣчь о честности.

— Видѣли вы, — спросилъ онъ,—вчера господина Эскерова у меня?

— Нѣтъ.

— Жалко же! Вотъ субъектъ, мимо могилы котораго я никогда не пройду съ покрытою головою. Сущій гость эдема!

— А что?

— Да не любятъ его у насъ развѣ однѣ барыни: обидятся, что всегда безъ перчатокъ ходитъ и не танцуетъ польки. Вонъ, вчера, мадамъ окружная при мужѣ, нарочно въ пику ревнивому супругу, объявила при всѣхъ съ утонченною развязностью:—«Я, Свищевъ и козелъ всегда вмѣстѣ!» А Свищевъ ея любовникъ. Вотъ и поди ты съ нашею развязностью. И мужъ стерпѣлъ; только улыбнулся и поцѣловалъ еще ей ручку. Этакая, разумѣется, Эскерова не полюбитъ!—Однако, вотъ въ чемъ дѣло: покойный свитскій полковникъ Чебардинъ, пріемный отецъ Эскерова, дѣлалъ одинъ разъ съемку береговъ Каспійскаго моря и высадился съ небольшимъ конвоемъ на песчаную косу Хивинскаго залива. Пока онъ курилъ отличную гаванскую сигару и дѣлалъ свои наблюденія, три всадника, должно быть странники, показались на ближнемъ пригоркѣ. Они, повидимому, ѣхали мимо. Конвой офицера былъ въ шлюпкѣ, куда и онъ уже готовился воротиться, но еще уклонился въ сторону. Вдругъ всадники гикнули, кинулись на него, схватили его на сѣдло и умчали. Наши солдаты выпалили по нимъ изъ винтовокъ и пистолетовъ, но понапрасну. Хивинцы скоро умчали Чебардина изъ виду. Дорогою онъ быстро понялъ

свое отчаянное положеніе, но сохранилъ присутствіе духа. Какъ это онъ оплошалъ, было ему самому непостижимо! Три хищныя рожи торчали передъ нимъ, только махая на востокъ: «туда, дескать, тебя запропастимъ». Вскорѣ на дорогѣ за холмомъ, въ оврагѣ, къ нимъ пристали еще двое, старикъ и мальчикъ, очевидно наблюдавшіе за ними издали. Лицо мальчика болѣзненно дрогнуло при видѣ скрученныхъ толстымъ ремнемъ бѣлыхъ рукъ и ногъ всадника, помѣщеннаго какъ-то въ стоячемъ положеніи между двухъ сѣделъ. Цѣлый день, пока хищники ѣхали по степи, глаза мальчика съ жалостью обращались то на русскаго, то на его похитителей. Это незримое участіе возросло до невѣроятной степени, и четырнадцатилѣтній хивинецъ сталъ видѣть въ Чебардинѣ чуть не полубога, когда на первомъ же ночлегѣ офицеру освободили руки и онъ, вынувъ изъ кармана карандашъ, на доскѣ поданной деревянной миски набросалъ удивительно схожій портретъ дикаренка. Тутъ же они кое-какъ объяснились (Чебардинъ говорилъ немного по-персидски) и назвались братьями. Въ ближнемъ городкѣ слухъ о знатномъ плѣнникѣ уже разнесся далеко. Густые полковничьи эполеты, самый видъ статнаго и полнаго Чебардина и его кабалистическія занятія на берегу съ магнитной стрѣлкой и зрительной трубой заставили принять его чуть не за намѣстника Кавказа. Городскія власти тотчасъ взяли его на свое попеченіе, думая особенно имъ угодить хивинскому хану, снарядили караванъ изъ верблюдовъ, пѣшихъ и всадниковъ и отправили его далѣе. Сочувствіе маленькаго Эскера не ускользнуло отъ первыхъ хищниковъ, ставшихъ во главѣ торжественнаго отряда и они сказали объ этомъ городскимъ властямъ. Безъ дальнихъ околичностей, власти закатили мальчику, несмотря на его княжескій титулъ, сто палокъ по пятамъ и запретили ему шествовать при отрядѣ. О! тогда месть закипѣла въ груди его. Схвативши миску съ нарисованнымъ на ней собственнымъ своимъ портретомъ, онъ сѣлъ на коня и въ двое сутокъ слеталъ въ свой родимый околотокъ, гдѣ онъ съ другими братьями былъ въ числѣ владѣтельныхъ князьковъ. Прискакалъ, сталъ бить себя въ грудь, рвать на себѣ волосы и съ пѣною у рта клясться и божиться, что надо отнять у такихъ-то такого-то плѣнника, что этотъ плѣнникъ стоитъ большого выкупа, что царь русскій не пожа-

лѣтъ за него ничего, что онъ такъ-то и вотъ такъ-то рисуетъ. Миска пошла по рукамъ. Дикари забормотали гортанныя рѣчи. кинжалы сверкнули, и пятнадцать улусовъ возмутились и поднялись на ноги. Мигомъ составлена вооруженная погоня, караванъ догнанъ и разбитъ. Братья и родичи мстили еще за оскорбленіе родной крови, за наказаніе Эскера. Чебардинъ перешелъ въ полчаса изъ рукъ въ руки — и хивинцы пошли во-свояси, ведя вмѣстѣ отнятыхъ верблюдовъ. Тутъ, выждавши на пути случай и время, Эскеръ-Ага ночью пришелъ къ Чебардину и, подавая ему кинжалъ, сказалъ по-персидски:

— Братъ! возьми этотъ кинжалъ и заколи меня! Я не могу вести тебя въ неволю и торговать твоею свободой, а безъ тебя братья меня зарѣжутъ, какъ барана! Лучше ты меня убей и бѣги...

Чебардинъ сталъ его уговаривать.

— Полно, полно, Эскеръ! убѣжимъ вмѣстѣ! Я тебѣ дамъ въ Россіи денегъ, и ты будешь жить со мною.

— Денегъ? нѣтъ! Эскеръ-Ага такой же князь, какъ и ты, и у него всего вдоволь, земли, скота, овецъ и садовъ! Денегъ я не возьму и не поѣду съ тобою: ты меня сдѣлаешь своимъ рабомъ!..

Чебардину не мало стоило труда переубѣдить Эскера. Онъ поклялся, что никогда не обидитъ его предложеніемъ денегъ, будетъ считать его равнымъ себѣ и самому царю о немъ скажетъ. Эскеръ-Ага согласился, выбралъ у братьевъ лучшихъ двухъ коней, скинулъ съ себя нарядный чекмень и все лучшее, изрѣзалъ это кинжаломъ, чтобъ не показать, что беретъ что-нибудь лишнее, остался въ простомъ исподнемъ кафтанѣ и бѣжалъ съ Чебардинымъ. Послѣ мучительной дороги, на второй день они, верхомъ и пѣшкомъ, достигли наконецъ нашего передового поста. Чебардинъ, освобожденный такъ романически изъ плѣна, дѣйствительно сдержалъ слово, Эскеръ-Ага получилъ имя Эскерова и русское дворянство... Грудь его украсилась серебряной медалью *за спасеніе*... Чебардина, который его усыновилъ, Эскеровъ такъ любилъ, что однажды, когда тотъ отлучился по службѣ въ дальнюю командировку, а Эскера оставилъ дома полнымъ хозяиномъ, онъ чуть не уморилъ себя голодомъ. Послѣ шести или семи лѣтъ упорной школы, новый пересаженный цвѣтокъ, наконецъ, немного освоился съ мѣст-

постью, принялъ лоскъ русской жизни, былъ записанъ въ полкъ, говорилъ уже по-русски, хотя во всемъ еще сохранилъ черты степного дикаря, и былъ произведенъ въ поручики. Одна бѣда: Чебардинъ вскорѣ умеръ, но, оставя названному сыну дворянство, не догадался оставить ему ни копейки наслѣдства, хотя самъ былъ значительно богатъ... Говорятъ, просто забылъ составить духовную!! А настоящіе наслѣдники, разумѣется, обошли хивинца, пользуясь буквальнымъ смысломъ закона о родовомъ имѣніи. Но и тутъ простодушный, честный хивинецъ не свихнулся и ни однимъ словомъ не намекнулъ, что скорбитъ и жалѣетъ объ оставленной въ Хивѣ роднѣ, княжескихъ почестяхъ, стадахъ, земляхъ, садахъ и родныхъ, проклявшихъ его за измѣну во имя дружбы.

— Мой атецъ, Чебардынъ, любилъ меня. Мой очень любилъ ево! Э! фай! О другихъ я не думайтъ! — говорилъ онъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ сообщенной мнѣ біографіи Эскерова, я опять заѣхалъ къ первому.

— Да! — сказалъ онъ послѣ перваго привѣтствія: — помните мой разсказъ о хивинцѣ!

— Помню. Что же?

— А вотъ что, вообразите. На-дняхъ онъ отчисленъ былъ изъ полка въ сосѣдній городъ для пріемки рекрутъ. Ну, а вы знаете, что такое пріемка рекрутъ?.. Сидитъ онъ за столомъ у станка, крутитъ усы, держится за шашку, да топорщитъ бѣлки на сдатчиковъ и на рекрутъ. Воетъ баба и ругается.

— Лобъ! —кричитъ главный пріемщикъ.

— Какъ лобъ? Какъ лобъ?—кричитъ баба:—онъ однимъ окомъ плохо видитъ!

Происходитъ замѣшательство. Баба воетъ. Медикъ показываетъ, что ничего не замѣчаетъ и что-то пишетъ у двери.

— Коли такъ, — кричитъ баба, рванувшись къ присутственному столу:—такъ пусть же лѣкарь отдастъ мнѣ назадъ пять золотыхъ; онъ взялъ у меня, видитъ Богъ, взялъ!

— Кровь застучала въ вискахъ Эскерова; губы его сперва побѣлѣли, потомъ посинѣли. Онъ всталъ...

Какъ лѣкарь взялъ? — спросилъ онъ, шатаясь и неровно идя по комнатѣ.

Лѣкарь, худенькій, золотушный человѣчекъ, въ зеленомъ

вицъ-мундирчикѣ и въ очкахъ, застегнутый на всѣ пуговицы и скромно заложа руку за лацканъ, стоялъ между тѣмъ у двери.

— Ты кто? — спросилъ Эскеровъ у бабы: — мужъ есть, али ты вдова?

— Вдова, батюшка, вдова: пятеро дѣтей и все дочки, а это одинъ мой сынокъ!

Эскеровъ глянулъ исподлобья по комнатѣ и, казалось, уже не видя ничего, подошелъ къ лѣкарю.

— Вынимай деньги сейчасъ при всѣхъ! Слышишь ли?— сказалъ онъ ему громко, стискивая рукоятку шашки и бѣшено вращая налитыми кровью зрачками.

— Какъ-съ? что-съ?—забормоталъ лѣкарь, щурясь и срзая у двери.

— Отдавай!—крикнулъ Эскеровъ, уже съ такимъ зловѣщимъ выраженіемъ лица, что лѣкарь вытянулъ только къ нему побагровѣвшій носикъ и замолчалъ: прилипъ языкъ къ гортани. Червонцы сама собою какъ-то при этомъ достала изъ праваго кармана сѣрыхъ брючекъ правая же рука и протянула ихъ къ Эскерову.

— На твои дѣнга!—сказалъ Эскеровъ вдовѣ и въ то же мгновеніе, шагнувши мимо присутственнаго стола, рванулъ доктора съ полу и вышвырнулъ его за окно... Одни золотыя очки зазвенѣли по полу...

— Благо, что оно не было высоко! — замѣчали, толкуя про этотъ казусъ, мѣстные чиновники. Лѣкарь отдѣлался небольшимъ ушибомъ, а пріемка рекрутъ пошла болѣе честнымъ путемъ.

Разсказъ объ этомъ былъ сообщенъ Щуковичемъ въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ гостей, гдѣ были и дамы.

— Да! герой для повѣсти! Ужъ мосье Щуковичъ всегда такую любопытную исторійку сообщитъ!—говорили дамы.

— Нѣтъ, это понятно... понятна цѣль разсказа!—возразилъ, горячась съ каждымъ словомъ, сухой и ѣдкій чиновникъ изъ уголовной палаты: — только предметъ не достигнутъ! Что же вы хотите, милостивый государь, сказать? Что если кто не беретъ у насъ взятокъ, такъ только выходцы, люди, подобные Эскерову, дикари, первобытныя натуры, бросающія родину, домашній почетъ и братьевъ за слово другъ? Сущій вздоръ, милостивый государь, сущій вздоръ! Наше время ушло впередъ, ушло-съ! Да! и вы умал-

чиваете, умалчиваете! Есть уже люди съ образованіемъ, совѣстью, вкусомъ и сознаніемъ долга! Вонъ нашъ Трембицкій писалъ, и другіе тоже писали! Да... есть люди, не берущіе взятокъ, есть; а это — либерализмъ, пустословіе. Разскажу вамъ о Карпѣ Семенычѣ Мокроболотовѣ...

Но, увы! Краснорѣчивый защитникъ Карпа Семеныча Мокроболотова началъ службу съ рублемъ, а теперь — не угодно ли справиться? Имѣетъ на имя жены два дома и строитъ свѣчную фабрику на краю города...

Пройдетъ еще пять лѣтъ, онъ будетъ покровителемъ и сподвижникомъ дѣла цивилизаціи. И прошу покорно тогда заговорить ему о взяткахъ! Одна изъ роскошнѣйшихъ розъ нашего околотка, онъ назоветъ скромную быль о хивинцѣ Эскеровѣ журнальною дребеденью и скажетъ:

— Молодежь, молодежь! шумитъ, пока перебѣсится. Эхъ, вы, умники, умники! Россію вы мало знаете! А узнаете, не будете такъ горячо довѣрять всякимъ вздорнымъ писакамъ... Словомъ, знакомыя мысли...

1860 г.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЧЕРЕШНЯХЪ.

Былъ у меня въ сосѣднемъ казенномъ мѣстечкѣ, Черешняхъ, пріятель-докторъ. Служа при военномъ госпиталѣ, онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Ну, велико ли казенное жалованье военнаго медика? А посмотрите, между тѣмъ, чего у него не было! Послѣдняя копейка шла на пріобрѣтеніе книгъ, газетъ и журналовъ. Рижскому извѣстному садовнику и поставщику прививокъ на всю Россію, Вагнеру, стоило только назвать имя Карталинскаго, онъ приходилъ въ восторгъ: «А! герръ Карталинскій, герръ Карталинскій! О! это—великій знатокъ и покровитель флоры: онъ ее понимаетъ и живетъ ею!» Стоитъ ли прибавлять, что герръ Вагнеръ зналъ герра Карталинскаго по перепискѣ, за полторы тысячи верстъ, и что садъ великаго покровителя герра Карталинскаго былъ величиною всего въ пять квадратныхъ саженъ. И когда подумаешь, что другіе сосѣди, окрестные помѣщики, владѣльцы имѣній въ тысячу и въ пять тысячъ десятинъ земли, имѣютъ сады, гдѣ прозябаютъ искони одни яблоки, да дико растущая туземная вишня, то невольно беретъ злость. Иной разъ пріѣдешь къ такому господину,—на дворѣ жарко, въ комнатахъ безъ занавѣсокъ душно, и спѣшишь въ садъ.

— Куда вы?

— Въ садъ! Хочется посмотрѣть на ваши дорожки и бесѣдки. Вашъ садъ, говорятъ, столѣтній, и еще адъютантъ Потемкина, ухаживая за вашею прабабкою, насадилъ каштаны.

— О! помилуйте! — отвѣчаетъ безъ запинки хозяинъ: — стоитъ ли ходить по бурьянамъ? Каштанъ этотъ можетъ быть и есть, да я не видѣлъ его: а дорожки у насъ не

чистятся уже седьмой годъ. Перестали плодить бергамоты, мы его и запустили!

А у Карталинскаго—чудеса, сущія чудеса. Пришелъ онъ чуть не пѣшкомъ въ мѣстный университетъ, кончилъ курсъ, живя уроками, женился, кажется, на другой же день послѣ выпускныхъ экзаменовъ, на сестрѣ губернскаго учителя, такого же бѣднякa, какъ и онъ, и былъ причисленъ къ военному госпиталю. Квартирка его въ Черешняхъ, бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ квартировалъ уланскій полкъ, состояла изъ трехъ комнатъ. При квартирѣ былъ дворикъ, величиною съ любой залъ иного помѣщичьяго дома. У этого-то дворика онъ и отрѣзалъ часть земли подъ садъ. Удобрилъ землю, насадилъ деревьевъ, и пошли дива-дивныя. Въ одномъ углу сада, съ необычайною быстротою давшаго уже густую тѣнь отъ бѣлыхъ акацій, дикаго жасмина и душистыхъ тополей, явилась тепличка, въ три аршина длины и вышины, куда невозможно было даже и войти, но гдѣ разводились на зиму и выставлялись къ веснѣ на воздухъ оранжерейныя растенія. Въ другомъ углу возникъ парничокъ, и къ Пасхѣ за столомъ доктора стала являться зелень, рѣдисы, шавель, салатъ и скороспѣлые огурцы. У самыхъ оконъ дома, выходившаго въ садъ, раскинулся диковинный цвѣтникъ такихъ цвѣтовъ, о которыхъ въ околоткѣ и не подозрѣвали. Среди клумбъ возвеслась бесѣдка съ хитро размалеванными карнизами и стѣнами. Хмелевая бесѣдка, съ ванною внутри, приткнулась уже у самаго плетня въ переулокъ. Наконецъ, вдоль бѣлой, солнечной стороны домика, имѣвшей, даже въ осенніе дни, градусовъ до пятнадцати тепла, явились виноградныя лозы, и на второе же лѣто собственные ребятишки Карталинскаго, въ концѣ сентября, нарвали корзинку, фунтовъ въ двадцать, своего винограду, да какого еще: первѣйшихъ южныхъ сортовъ, нарочно выписанныхъ изъ Крыма и Кавказа! А собственная душа Карталинскаго, любовь къ чести и къ правдѣ, вопреки житейской логикѣ? Э! лучше объ этомъ и не упоминайте... Люблю я эту слободку Черешни... Сидѣлъ я на-дняхъ въ садикѣ у Карталинскаго. Зелень едва проглянула, но на солнцѣ было уже тепло. Онъ курилъ сигару изъ своего доморощеннаго мерилендскаго табаку, который тоже воздѣлывалъ, и былъ въ торжественномъ настроеніи духа. Жена его, Вѣра Осиповна, еще въ ваточной мантиліи, сидя на скамеечкѣ съ косымъ изголовь-

емъ, читала вслухъ какую-то повѣсть изъ новыхъ журналовъ. Изрѣдка чтеніе прерывалось общими замѣчаніями. Чего, казалось, еще не доставало для счастія бѣдныхъ людей нашего десятка? Весна, первые теплые дни, умная книга, милое общество доброй молодой женщины. Соловьи только-что прилетѣли. Кругомъ разносилось дыханье первыхъ липкихъ почекъ тополей, одаренныхъ необыкновенною пахучестью. Кусты крыжовника убирались зелеными куколками. Береза изъ-за плетня опускала ожерелье своихъ гладенькихъ цвѣточныхъ сверточковъ. За ближними вербами, по ту сторону сосѣднихъ огородовъ, раздавалось веселое побряхиванье цымбалъ и треньканье ходячей скрипки. Тамъ былъ спрятанъ подъ вѣтвями, у рѣки, шинокъ. А надъ нами трепетно сквозила и точно носилась вверху и плавала «лазури таящая нѣжность...»

— А вотъ, вы не знаете, о чемъ я думаю? — сказалъ Карталинскій.

— Не знаю, Михаилъ Петровичъ!

— Вотъ о чемъ. Только-что я сегодня сдѣлалъ обходъ въ госпиталѣ, побывалъ на перевязкѣ и у трудно-больныхъ, какъ говорятъ мнѣ, что какой-то помѣщикъ пріѣхалъ прямо въ госпиталь; прихожу я къ нему.—«Что вамъ угодно?» — «А вотъ, нельзя ли дать этому сыну моему свидѣтельство, заднимъ числомъ и годомъ, что ему привита оспа?» Удивило уже меня это предложеніе о заднемъ числѣ, но я скрылъ удивленіе и только спросилъ, зачѣмъ такое свидѣтельство. — «А въ гимназію думаю его помѣстить. Только туда не принимаютъ безъ такого свидѣтельства. Напишите, я вамъ и денегъ дамъ!»—Отпустилъ я фельдшеровъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Думаю: хоть усовѣстить его, а то еще и къ другому съ такими же предложеніями поѣдетъ. Разговорились мы. Что жъ бы вы думали? нейметъ его! такъ и лѣзетъ: напишите, да напишите! «Я, — говоритъ, — пять цѣлковыхъ дамъ!»— Изъ мелкопомѣстныхъ!— «Да вы,—говорю,—заразите все училище!»—«Э! въ томъ-то и штука, что нѣтъ; тамъ уже у всѣхъ привита; Ванѣ моему и не у кого будетъ заразиться!» Насилу его спровадилъ.

Разговоръ перешелъ къ заботливости нѣкоторыхъ помѣщиковъ заводить у себя для лѣченія крестьянъ «домашнія аптеки».

— Что же, это превосходно, мой другъ,—замѣтила жена:—

дѣло цивилизаціи выиграетъ, хоть люди твоего ремесла и теряютъ...

— Цивилизація!.. Превосходно!.. Годъ назадъ зовутъ меня за Подпольную: гонцомъ прискакалъ какой-то юнкеръ, въ усахъ, съ косую сажень, тройку лошадей загналъ. Что такое? «Папенька,—говоритъ, — сестрицѣ хотѣли дать слабительнаго, да вмѣсто того съ просонковъ, послѣ обѣда, дали чего-то такого, что ее все рветъ да рветъ, и она кричитъ, точно подъ ножемъ!» Полетѣлъ я. Оказывается, что заботливый батюшка далъ дочкѣ, вмѣсто англійской соли, ложечку свинцоваго сахару. Насилу отпоили и вылѣчили. И то до сихъ поръ рѣзями страдаетъ. А другой, вмѣсто кремортартара, собственному садовнику закатилъ мышьяку. Такъ и схоронили бѣдняка. Меня же еще и позвали, точно на похороны. И славный былъ садовникъ,—Ванъ-Гутта понималъ и за границей былъ... А то, тоже завелась у нѣкоторыхъ страсть репутаціи фельдшеровъ составлять. Иной подумаетъ, что изъ зависти это говорю. Отрядишь въ деревню для первыхъ пособій фельдшера—кровь броситъ, банки поставитъ, рану перевязать; смотришь—черезъ мѣсяцъ его уже и не узнаешь. А чѣмъ портятъ? «Иванъ Гаврилычъ, да Агѣй Филимонычъ!» и становятся Ванька и Агѣпка въ число окружныхъ геніевъ. Воротнички отпускаютъ; на неофиціальномъ, праздничномъ сюртучкѣ офицерскіе погончики тайкомъ ставятъ. А помѣщикъ и уши развѣсилъ! Важничаетъ и ломается у него фельдшеръ. Ужъ и за однимъ столомъ обѣдаетъ. А отчего? Дешевле, видите ли, визиты стоятъ, чѣмъ пріѣзды настоящаго доктора. Ну, до поры до времени и сходитъ съ рукъ какъ-нибудь. Та же англійская соль, рвотное, пипирменты, сода, тинктура валеріана и другія подручныя снадобья играютъ пока безвредную роль. Но вдругъ помѣщикъ заболѣлъ не на шутку. Затянулась злая лихорадка, грозитъ горячка, завалы сдѣлались, острое воспаленіе. Что же вы думаете, доктора тогда позовутъ? Какъ бы не такъ! А Гавриловъ зачѣмъ, а Филимонычъ развѣ не геній-самородокъ? «Вѣдь, говорятъ, у Трындиной грудница послѣ родовъ сдѣлалась, лѣчили-лѣчили эти доктора (въ сущности, оказывается, что одного Яблочкина позвали, по знакомству, изъ городка, да и тотъ не поѣхалъ, зная скаредность звавшихъ),-а онъ сдѣлалъ припарки, и все какъ рукой сняло». Вотъ и посылаютъ за Филимонычемъ уже не

телѣжку, а экипажъ, коляску четверикомъ. Филимонычъ заводится штатскимъ платьемъ. Отводятъ ему комнату, и живетъ онъ тамъ по недѣлямъ. Въ госпиталѣ до него мало дѣла, и жируетъ онъ на сладкихъ хлѣбахъ, даже рецепты тайкомъ въ губернскую аптеку посылаетъ. Хвать, а помѣщикъ уже и на отходѣ... «Пошлемъ,—говорятъ домочадцы,—за Карталинскимъ!» Ѣдетъ Карталинскій, ничего не зная. Филимонычъ при этомъ разоблачается и въ погончикахъ встрѣчаетъ начальника на вытяжку. «Чѣмъ ты лѣчилъ?»— «Такъ и такъ-съ, одинѣ предварительныя-съ мѣры». Разспрашиваются далѣе домашніе. «Какъ предварительныя? Ахъ, ты душегубъ, мерзавецъ, убійца! Вѣдь ты кровь бросилъ?»— «Бросилъ-съ»...—«Въ лихорадкѣ и старику кровь бросилъ?! Вонъ отсюда! мерзавецъ, вонъ»... — Но уже поздно, и экономный господинъ отправляется, благодаря Филимонычу, на тотъ свѣтъ... А прошу покорно увѣрить ихъ, что теперь докторъ безъ платы за визиты лѣченія жить не можетъ! Плату суютъ, краснѣя и заикаясь, точно взятку даютъ. Да о томъ еще и не подумаютъ, что коли тебѣ извѣстно, что я по полтора цѣлковыхъ въ часъ беру, такъ ты уже, суя деньги изъ-подъ полы или въ шляпу, всѣ давай, а то смотришь, трехъ цѣлковыхъ и не додалъ... Точно подарокъ или милостыню даетъ... Да чѣмъ же мы-то виноваты, что въ дѣтствѣ голодали, молодость убили за книгами и въ душныхъ клиникахъ, а теперь обладаемъ такимъ же собачьимъ аппетитомъ, какъ и вы всѣ?—Чѣмъ виноваты въ этомъ мы?.. Нѣтъ, далека еще та пора, когда умственная производительность будетъ у насъ цѣниться если не выше, то хоть наравнѣ съ вещественною. Сапожнику заплатитъ долгъ сполна, а учителя музыки надуетъ! Перчаточнику заранѣе шлетъ деньги, а книгъ не покупаетъ въ лавкахъ и по объявленіямъ,—у пріятелей зажиливаетъ! Будто эти господа писатели для того и живутъ, чтобы голодать, да думать о безсмертіи въ потомствѣ! Нѣтъ, коли ты сытъ, веселъ и здоровъ, такъ дай же ѣсть и литератору, и музыканту, и доктору... Былъ недавно одинъ презабавный случай»... Карталинскій не окончилъ. На дворѣ стало сыро, и мы вошли въ комнаты. Въ залѣ было шумно уже и горѣли свѣчи. Старшій сынъ хозяина, Александръ, гимназистъ пятаго класса, живя на пасхальныхъ праздникахъ, возился у стола надъ сосудомъ съ проволоками, гдѣ отливалась гальванопластикой

какая-то красивая медаль. Полненькая, черноглазая дочка хозяина, Машенька, пансіонерка, вырѣзывала восковые цвѣты. Меньшой сынъ, Миша, возился съ собакой. Мы перебрались въ гостиную...

— Былъ одинъ презабавный случай,—продолжалъ здѣсь снова Карталинскій: — и, кажется, всего лѣтъ пять-шесть назадъ. Одинъ богатѣйшій помѣщикъ на Подпольной, Проскуряковъ, началъ гдѣ-то въ газетахъ, что какой-то иностранецъ предлагаетъ выгодно устроить сахарный заводъ. А у него былъ какой-то доморощенный заводецъ съ отсталою системою производства, съ тяжелыми и устарѣлыми машинами. Вотъ онъ и выписалъ иностранца. Нельзя же. Является на Подпольную честнѣйшій бельгіецъ, Девинь, какъ теперь помню,—я даже видѣлъ его. Мнѣ показывали его на ярмаркѣ, уже прогорѣлаго. Начинается дѣло. Пишется контрактъ. Заводъ сдается на томъ условіи, что, положимъ, съ каждаго берковца сахару, въ пользу Девиня, какъ преобразователя завода, за его трудъ и хлопоты отчисляется десятый процентъ. Контрактъ подписанъ обѣими сторонами, и въ немъ положена еще неустойка, что-де «кто нарушитъ контрактъ, платитъ противной сторонѣ пени тысячу рублей серебромъ». Закопошился бельгіецъ, трудится день и ночь, ползаетъ по лѣстницамъ и печамъ, перемѣняетъ людей, перемѣняетъ машины, ведетъ корреспонденцію съ лучшими заграничными сахароварами и рафинадными заводчиками, на безденежьи помѣщика прилагаетъ въ кипучемъ дѣлѣ три тысячи цѣлковыхъ собственнаго кровнаго капитала, съ прибавкою жениныхъ денегъ, и кончаетъ тѣмъ, что дѣлаетъ чудеса: въ два съ половиною года заводъ, прежде не окупавшій работъ своихъ и матеріаловъ, усемеряетъ производство. Помѣщикъ въ первый годъ сталъ получать десять тысячъ серебромъ чистаго дохода, на второй — восемнадцать, на третій—двадцать-пять. Готовясь къ четвертому году, Девинь объявилъ, что надѣется этотъ доходъ въ грядущемъ году довести до тридцати-пяти тысячъ рублей, и что кладетъ послѣдній камень, становится простымъ компаньономъ, а изъ Манчестера на два года выписываетъ еще новую машину и такого машиниста-заводчика, что фабрика на седьмомъ году станетъ на неизмѣнный путь пятидесяти тысячъ цѣлковыхъ ежегоднаго барыша. При этомъ самому Девиню десятымъ процентомъ выпадало на долю пять ты-

сячъ рублей серебромъ. Завидная доля, за то же и хлопотъ много, — а знанія и природнаго генія еще больше. «Пять тысячъ цѣлковыхъ! — сталъ между тѣмъ разсуждать нашъ господинъ:—да этакъ, считая платежи въ опекунскій совѣтъ да вычеты по долгамъ частнымъ — и все мое имѣніе того не стоитъ! За что же давать басурману?»—Покрѣпился еще, выждалъ, пока Девинь дѣйствительно выписалъ новую машину и шотландца-машиниста, да въ одно прекрасное утро выгналъ бельгійца, со всею его семьею, за околицу своей деревни. Онъ разсчиталъ, что гораздо выгоднѣе ему заплатить сразу тысячу цѣлковыхъ неустойки, чѣмъ, сохраняя при устроенномъ уже заводѣ Девиня, удѣлять ему ежегодно по пяти тысячъ цѣлковыхъ. Какъ былъ Карлъ Богданычъ въ шлафрокѣ и вязанномъ дочерьми колпакѣ, такъ его и вышвырнули, сунувши въ руки пакетъ съ тысячью рублями и съ письмомъ барина: «Я-де тобою, Карлъ Богданычъ, недоволенъ. Иди съ Богомъ и устроивай заводы въ другихъ мѣстахъ. А за неустойкой я не погонюсь — возьми ее себѣ до копейки по условію!» — «Вздоръ, вздоръ!— вопилъ бельгіецъ, бѣгомъ летя въ шлафрокѣ черезъ озадаченную деревню къ барскимъ покоямъ: — ты отдалъ неустойку? хорошо! а мои лучшія шесть лѣтъ жизни, а моя репутація, честь и слава!» Проклялъ Подпольную бѣдный бельгіецъ и пошелъ таскаться сперва по разнымъ заводамъ, предлагая свои услуги, а тамъ уже просто по кабакамъ. Осрамился передъ соотчичами, передъ семьей и запилъ горькую чашу. Я, говорю, видѣлъ его самъ какъ-то на ярмаркѣ въ Лышковѣ. Стоитъ издали, прислонясь къ возу съ мѣшками, ногу за ногу заложилъ и качаетъ головой, а голова уже бѣлая, какъ серебро, и весь распьяно. «Мусью!—кричатъ мѣстные мелочные торговцы:—открой заводъ!»—А въ другомъ концѣ площади стоитъ толстый-претолстый брюхачъ. «Кто это?»— «Проскуряковъ!»—Подхожу ближе. Разговоръ, слышу, идетъ о той же извѣстной всѣмъ продѣлкѣ его съ бельгійцемъ. Онъ говоритъ, размахивая руками и косясь черезъ плечо къ видному вдали возу съ мѣшками, а слушатели надсѣдаются отъ хохота. «Какъ такъ?»—«А вотъ какъ! Разсчитываю я, что заплатить неустойку выгоднѣе. Ну, вотъ я призываю приказчика Нестеренко. Такъ и такъ, Нестеренко, обдѣлай дѣльце. Ну, и обдѣлалъ»...

Карталинскій не кончилъ и сталъ перелистывать книги

и газеты на столѣ: мы поболтали еще и готовились разойтись спать. Я мимоходомъ взглянулъ на разложенныя по столу книги. Передо мною лежалъ Шиллеръ, съ картинками, которыя перебирали передъ тѣмъ дѣти.

— Да, — заключилъ Карталинскій: — оспа, коммерческая честь и взаимный кредитъ у насъ туго принимаются, да врядъ ли когда вполнѣ и примутся, а вотъ романтизмъ такъ глубоко пустилъ корни. Знаете ли, что въ мои студенческіе годы, не далѣе, значитъ, пятнадцати лѣтъ, у насъ на Вшивой-Горѣ былъ свой Вертеръ? Да! Вы смѣетесь? Нѣтъ, истинная правда! Вообразите, полюбилъ пѣхотный офицеръ барышню, зачитавшись Марлинскаго и другихъ сочинителей, свирѣпствовавшихъ въ то время въ нашей литературѣ. Читаютъ они вмѣстѣ «Фрегатъ Надежду», «Капитана Миловзора», «Торкватто-Тассо» и кстати «Страданія Вертера». И что же бы вы думали? Напечатлѣли одинъ разъ другъ другу поцѣлуй, за чтеніемъ наединѣ, да и поѣхали на Вшивую-Гору. Пріѣзжаютъ ночью, а тамъ есть кладбище. Привелъ офицеръ барышню на какую-то могилу, а она въ бѣломъ платьѣ, и волосы распущены. Поставилъ ее на колѣни, велѣлъ молиться Богу. Поцѣловались они еще разъ. Онъ ей и говоритъ: «Тамъ увидимся, гдѣ вѣчный май?» А она ему отвѣчаетъ: «Ахъ! Точно! Тамъ увидимся, гдѣ вѣчный май!» Приложилъ извергъ ей пистолетъ къ груди и бацъ. А самъ, пока она трепетала въ послѣднемъ издыханіи, взъерошилъ себѣ волосы, выкурилъ трубку и тоже застрѣлился. Сторожъ видѣлъ всю эту продѣлку, но такъ перепугался, что не высунулъ носа изъ будки и на другой день только все разсказалъ полиціи.

— Да отчего же ты не крикнулъ, никого не позвалъ, по крайней мѣрѣ, на помощь?—допрашивали его:—можетъ-быть, тебя услышали бы?

— А я думалъ, что это черти! — отвѣчалъ сторожъ. — Такъ и похоронили...

P. S. Когда разсказъ этотъ готовъ былъ къ печати, я получилъ письмо отъ жены Карталинскаго: «Вообразите наше горе. Безъ всякой видимой причины, мужу моему сегодня объявили, что онъ переводится въ Грознуйскъ. Прощай нашъ садъ, оранжерея; прощайте и вы. Напрасно онъ толкуетъ о ломкѣ. Надо ѣхать съ мѣста, гдѣ мы прожили столько лѣтъ».

1858 г.

СЛОБОЖАНЕ.

МАЛОРОССІЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

ВВЕДЕНІЕ.

«Лучше быть первымъ въ мѣстечкѣ,
чѣмъ вторымъ въ Римѣ!»
Юлій Цезарь.

Малороссія историческимъ путемъ образовала три отдѣльныя страны. Запорожье, это славянское рыцарство, единственное въ мірѣ братство, жившее войной за родину и вѣру, представляетъ шумную, живописную вольницу днѣпровскихъ островитянъ, летавшихъ въ легкихъ лодкахъ, съ выборными атаманами, изъ бревенчатыхъ куреней за шелками, коврами и золотомъ Турецкой Анатоліи. Гетманщина, старая степная гетманщина, гдѣ на кровавомъ поединкѣ рѣшенъ споръ между туземнымъ населеніемъ и польскими старостами, между православіемъ и іезуитами, гдѣ вращались тѣни «Тараса Бульбы» и «гайдамаковъ»—представляется съ своими сожженными городами, съ гетманами и бунчуками, слѣпцами-бандуристами и отважнымъ казачествомъ... Третья часть Малороссіи, молодая, свѣтлая страна, степная Слобожанщина, представляетъ тихій, благодатный, живописный край, зеленые сады и пажити, широкія рѣки и торговые широкіе проселки, лѣса и города, молодые и богатые, какъ самъ край, старину, у которой нѣтъ ни одного воинственнаго, громкаго имени, ни одного воинственнаго, громкаго событія, много счастливыхъ хуторовъ и слободокъ, мирныхъ добряковъ, лелѣющихъ мечтательную лѣнь, среди зеленыхъ весей и полей, героевъ домашняго очага, картинъ пустынныхъ гладей, усѣянныхъ душистыми цвѣтами, и этой благодатной старости и привольнаго дѣтства, среди тысячи предметовъ, питающихъ чудесность и страстную любовь къ родному пріюту... Что же это такое Слобожанщина и откуда она

взялась? За двѣсти лѣтъ страна, именуемая Слободскою, представляла пустыню безлюдныхъ степей и дикихъ лѣсовъ, по которымъ носились одни дикіе татары и гдѣ возвышались одни дозорныя мѣста пограничныхъ обывателей. Четыреста лѣтъ сряду эта богатая область была безлюдна и пустынна, съ той самой поры, какъ набѣгъ ордынцевъ опустошилъ ее вмѣстѣ съ сосѣдними русскими княжествами. И вотъ, потомки ея владѣльцевъ вспомнили о покинутой отчизнѣ... Донецъ, на триста верстъ протянувши логовище своихъ водъ, лѣса и сѣнныя раздолья, родной Донецъ принялъ забытыхъ родичей, какъ нѣкогда онъ же, по словамъ пѣвца стараго времени, принялъ издалека князя Игоря. Золотая, туманная старина встала изъ мрака. Донецъ, по словамъ вѣщаго Слова, сказалъ Игорю: «Княже Игорю! Не мало-ль тебѣ нынѣ величія, а врагу нелюбія, а Русской землѣ веселія?»—И отвѣчалъ родной рѣкѣ князь Игорь: «О, Донче! Великъ ты, лелѣющій князя на волнахъ своихъ; великъ ты, стелющій ему зеленую траву на серебряныхъ прибрежіяхъ, великъ ты, одѣвшій его темными мглами, подъ сѣнію зеленаго полѣсья!» Прошли многія столѣтія, и описанное пѣвцомъ стараго времени снова возникло... За двѣсти лѣтъ назадъ близъ береговъ Донца, верхомъ на изнуренномъ конѣ, показался чубатый гетманецъ, съ пищалью и котомкой за плечами, въ изношенной черкесскѣ и синей шапкѣ, подбитой смушками. Онъ окинулъ взоромъ безмолвную пустыню лѣсовъ и полей, гдѣ жили нѣкогда его мирные дѣды, страну, четыреста лѣтъ не видавшую своихъ родныхъ изгнанниковъ, и слѣзъ съ усталаго коня... На дикомъ, глухомъ мѣстѣ скоро поднялся уединенный курень; на зарѣ дымъ легкою струей всталъ надъ куренемъ; черезъ годъ въ сосѣдствѣ раскинулась пасѣка, въ прибрежномъ тростникѣ заколыхался подъ рыболовною сѣтью челнъ... Немного лѣтъ спустя, вокругъ куреня поднялись, какъ изъ земли, другіе оревенчатые курени. Изъ куреней возникъ хуторокъ, хуторокъ съ садами, бакшею, колодцами и хлѣбными кладями... Пять-шесть хуторковъ соединились внизъ по рѣкѣ въ одинъ, и возникла слободка. Слободка пустила въ степь, какъ корни, свои хутора и курени, свои сады и огороды; народъ засновалъ по перелѣскамъ и луговинамъ; стадо вышло на тучное пастбище; надъ оврагомъ заскрипѣлъ тяжелый возъ, запряженный парою крутороги хъ во-

ловъ; вечеромъ, сѣвши на порогѣ хатки, чернобровая слобожанка затянула пѣсню громкую и звучную; въ праздникъ изъ слободки понеслись звуки церковнаго колокола... Прошло еще нѣсколько лѣтъ. На вершинѣ кургана показались усы и рысья шапка татарина... Слободка засуетилась, окружилась палисадникомъ; изъ ея воротъ вышелъ съ распущенными значками легкій, летучій, безстрашный отрядъ; быстрый натискъ сломилъ и разметалъ враговъ; слободка стала крѣпостцей, откликнулась другимъ городкамъ-слободкамъ, и пошла по свѣту вѣсть о новой странѣ, о молодой, богатой Слобожанщинѣ! Великій царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ во всеуслышанье, что даритъ русскому шляхетству и казакамъ Гетманщины и Запорожья земли по Донцу и сосѣднимъ рѣкамъ, и бросили русское шляхетство и вольные казаки землю смутную и обагренную кровью, бросили Гетманщину и Запорожье для тихой, новой страны, для страны хуторовъ и слободокъ!—Богатый край, подъ одной широтою съ сѣвернымъ Китаемъ и сѣверной Франціей, край, почти съ тремя милліонами десятинъ черноземной, нетронутой плугомъ, степи и полумилліономъ десятинъ лѣсовъ, край, гдѣ рѣки замерзаютъ въ началѣ декабря, а вскрываются въ началѣ марта, гдѣ морозъ постоянно не болѣе десяти, а зной на солнцѣ превышаетъ тридцать градусовъ; гдѣ, наконецъ, уже въ апрѣлѣ все дышитъ весною, летятъ птицы, цвѣтутъ деревья и кустарники, а въ концѣ іюня поспѣваетъ озимь,—этотъ край скоро возродился и закипѣлъ жизнью... Сперва отдѣльно, потомъ съ семьями, наконецъ, цѣлыми сотнями и тысячами семействъ стали бѣжать и переселяться въ Слобожанщину гетманскіе и запорожскіе казаки и русское шляхетство. Лучшія дворянскія фамиліи переселились въ окрестности полковыхъ сотенныхъ городковъ. Выборные полковники продолжали раздавать, безоброчно и безпошлинно, лѣса и водяныя мельницы, вольные грунты и сѣнныя угодья, ольховые пристѣны, озера и насѣки. Тамъ, гдѣ четыреста лѣтъ сряду носились дикіе татары, гдѣ шла уединенная и рѣдко оживляемая пустынными обозами, по гребню возвышенности, пересѣкающей слободскую котловину, дорога въ Крымъ, именуемая Муравскимъ шляхомъ, тамъ къ началу нашего столѣтія было уже до шестисотъ церквей и до милліона жителей. Рѣки усѣялись винокурнями и мельницами. Луга и лѣсныя раздолья на-

полнились косарями. Плугъ пошелъ по косогорамъ и тучнымъ прибрежьямъ. Амбары и степныя одонья стали ломиться отъ хлѣба. Богатства полились въ руки землевладѣльцевъ!—Скоро на земли слободскія явились пришельцы чужеземные, сербскіе и болгарскіе переселенцы, румыно-валахи и, наконецъ, молдавскіе аристократическіе роды, положившіе начало новымъ туземнымъ фамиліямъ. Молодой университетъ поддержалъ литературныя начинанія, и въ пятьдесятъ лѣтъ слобожане встрѣтили сряду три громкія имени: Сковороды, Каразина и Основьяненка! Слобожане вошли въ пословицу своимъ богатствомъ, и когда ихъ живописная родина получила имя Русской губерніи, на гербѣ новой губерніи изобразили рогъ изобилія... Здѣсь сѣверъ и югъ отдаютъ другъ другу свои достоянія. Сюда изъ Крыма прилетаютъ аисты и пеликаны, съ Кавказа заходятъ дикія козы! Рѣки и озера, полныя рыбъ, здѣсь не замерзаютъ цѣлыя двѣ трети года. Лѣнивый плугъ царапаетъ землю, и посѣянное зерно родитъ самъ-шестьдесятъ. Это — не запорожская луговина, обнаженная и палимая солнцемъ! Здѣсь каждый оврагъ, каждый байракъ заросъ кустарникомъ, а широкія рѣки съ обоихъ боковъ тянутъ стѣны дремучаго лѣса, на который взглянуть, такъ шапка валится! Трехпольное хозяйство не тяготитъ пахаря. Онъ запряжетъ въ тяжелый плугъ три пары воловъ, съ погонычемъ-мальчишкою распашетъ въ три дня двѣ десятины и надолго спокоенъ... А сады его?—Поѣзжайте-ка въ валковскій уѣздъ, такъ такія сливы и бергамоты, что не зубами, а губами ихъ ѣшь, раскусишь, а онѣ душистыя и сочны, и янтарны, и прозрачны, какъ липовый сотъ, и ни съ чѣмъ въ мірѣ не сравнятся! Въ окрестностяхъ Волчанска и Богодухова удивительные пчеловоды. А въ изюмскомъ уѣздѣ найдете и сахароваровъ... Съ виду какъ будто и ничего эти слободки!—А поѣзжайте къ нимъ поближе: дикая смѣсь соломы и глины, стоговъ и садиковъ, эти изгороди, перегородки и обгородки, эти клѣти, клѣточки и подклѣтки васъ ошеломятъ сразу! Зато какъ присмотритесь, что не даромъ слобожанинъ строитъ свои улья и свои хаты изъ чистаго липоваго теса, какъ присмотритесь и увидите, вокругъ этихъ свѣтлыхъ, бѣлыхъ мазанокъ, пышныя нивы пахотей и раздольныя сѣножати, какъ увидите, что всѣ эти клѣти и подклѣтки, всѣ эти перегородки и загородки полны домашней утвари, на-

рядовъ и хлѣба, а вѣтви садиковъ гнутся и ломятся отъ яхонта сливъ и багрянца вишень, вы не то скажете. Вы скажете: чуденъ край этой благодатной слобожанщины! И какъ ему не быть чуднымъ! А прошу покорно усидѣть охотнику на мѣстѣ, когда зимою вышелъ въ садъ, а зайцы такъ и шныряютъ между кустами щепами!.. А кто хочетъ пожить весело? Что вы скажете о Харьковѣ? Гдѣ вы видѣли такой городъ? На Руси не мало городовъ, о которыхъ мягкосердые проѣзжіе и услужливые обыватели постоянно говорятъ: «Да помилуйте-съ! Да это уголокъ Петербурга-съ». Но ни одинъ русскій городъ не заслуживаетъ подобнаго отзыва, какъ Харьковъ, если только авторъ не будетъ также обвиненъ въ излишнемъ мягкосердіи и тайномъ покровительствѣ всѣхъ безпечныхъ, чернобровыхъ, добродушныхъ и счастливыхъ! Давно ли возникъ этотъ Харьковъ! Давно ли возникъ онъ на берегахъ Лопани и Нетечи, на берегахъ великолѣпныхъ рѣкъ, которыя могутъ поспорить красотою съ Мансаресомъ потому, что и въ нихъ, подобно ему, лѣтомъ едва хватаетъ воды для гусей и утокъ! Не одинъ изъ современниковъ можетъ примѣнить къ этому городу слова Августа: «Я засталъ Римъ кирпичнымъ, а оставляю мраморнымъ!..» Что же представляетъ нашъ Слободской край въ нынѣшнее время? Роскошная, нетронутая почва ждала только свѣжихъ рукъ и здоровыхъ, свѣжихъ силъ. Руки явились, сѣмя брошено, и стройное дерево, не найдя на матерней почвѣ враждебныхъ, закоренѣлыхъ, старыхъ плевелъ, дало здоровый, свѣжій плодъ. Молодое общество созрѣло. Его могутъ упрекнуть только въ молодости его; но это—порокъ, отъ котораго мы исправляемся каждый день! Развитіе деревенской жизни, какъ главное выраженіе края, уклонившееся-было отъ своихъ началъ подъ общимъ модньмъ повѣтріемъ вѣка, стало снова перерождаться. Брошенная родная нива стала снова дорога владѣльцу. Забытые дѣдовскіе дома, стоявшіе безъ мебели и оконъ, обновляются... И вотъ, мы снова живемъ въ своихъ хуторахъ. Лѣто всюду упоительно; не радуетъ сердце одна жестокая, неумолимая зима! Но, быть-можетъ, и съ нею мы сладимъ! Вечеромъ, когда метель кружится и вѣтеръ воетъ въ трубѣ, когда новая книга усыпляетъ, а болтливая газета, описывающая дебютъ новаго дарованія на берегахъ ликующей въ снѣжномъ покровѣ Невы, валится изъ рукъ,—неожиданный колокольчикъ зва-

катъ по слободкѣ, въ темныя ворота влетаютъ тройки, тройки, въ намётахъ и бубнахъ, и толпа сосѣдей и сосѣдокъ врывается въ дремлющія комнаты... Шубы и шапки сброшены; рояль гремитъ подъ иззябшими пальчиками хорошенькихъ хуторянокъ! Шумъ, бѣготня... Старая ключница Аграфена, фрейлина бабушки и няня маменьки, дочекъ и внучекъ одной и той же семьи,—едва успѣваетъ отвѣчать на вопросы гостей, заказывающихъ ужинъ! Хозяинъ, съ сіяющей улыбкой, несетъ свѣчи въ гостиную; гувернантка двухъ капельныхъ кропекъ, строгая Евгенія Ивановна, ученая дѣвица съ добрымъ сердцемъ и прекрасными, темными глазами, улыбается и складываетъ тетрадки и книги... И въ мгновеніе ока тихій домъ превращается въ бальный залъ, и цѣлыя недѣли гостятъ сосѣди у сосѣдей! И выводится, наконецъ, въ новомъ обществѣ дикое понятіе, что одна скука рождаетъ такое гостепріимство! Скука рождаетъ зеленое море карточныхъ столовъ, а не гостепріимство. Скука рождаетъ все въ этомъ мірѣ, все, кромѣ гостепріимства. И плохо знаютъ наши отдаленныя области тѣ, которые находятъ такое начало русскому областному гостепріимству! Нѣтъ, господа! Не медвѣди-степовики тѣ, которые, извѣдавъ свѣтъ, хозяйничаютъ и трудятся на клочкахъ родной земли! Не медвѣди-степовики тѣ, которые, выучившись, сами учатъ и, просвѣтясь, идутъ въ работѣ наравнѣ съ своими послѣдними работниками! Эти медвѣди, господа, прежде васъ выгнали плутовъ-приказчиковъ и сами воздѣлываютъ данную Богомъ ниву! Они, господа, прежде васъ стали выкупать имѣнія изъ долговъ, снятіе недоимокъ стали считать семейными праздниками и, входя въ нужды крестьянъ, наполнять тишиною и счастьемъ свой домашній уголъ!.. Разумѣется, вездѣ есть исключенія. На почву бросается сто зеренъ, а между тѣмъ девяносто девять не всходятъ, и всходитъ только одно зерно, которое за то возвращаетъ посѣвъ сторицею! Эти-то исключенія и любопытны, привлекательны потому, что ими еще рѣзче обозначаются красоты цѣлаго, привлекательны и любопытны потому, что въ наше время, болѣе чѣмъ когда-либо, интересуются знать, какъ живется русскому человѣку всюду, въ костромскихъ и въ орловскихъ лѣсахъ, на взморьяхъ и въ оренбургскихъ равнинахъ, въ городахъ и по великимъ русскимъ рѣкамъ, вездѣ, гдѣ русскій духъ и Русью пахнетъ...

Не всѣ одинакаго понятія о Малороссіи, объ этой житницѣ южной отчизны нашей! Для однихъ это—страна, гдѣ проживаютъ лѣнивѣйшіе въ мірѣ пожиратели варениковъ, о которыхъ ходитъ по свѣту столько уморительныхъ анекдотовъ,—анекдотовъ, съ которыми сравняются одни анекдоты объ англичанахъ. Для другихъ это — что-то до сихъ поръ еще дикое, отсталое, гдѣ говорятъ на тарабарскомъ нарѣчьи, носятъ чубы и ѣздятъ на волахъ. Для третьихъ веселонравная и простодушная хохландія—мѣсто, гдѣ винокурни держать очень выгодно, народъ глуповатъ, хотя подчасъ лукавъ, арбузы ни почемъ, въ деревнѣ скука страшная, сосѣди неучи и женщины довольно, однако, красивы... Для четвертыхъ, наконецъ, Малороссія—что-то такое, какъ бы вамъ сказать, такое странное, надъ чѣмъ иные восхищаются, какъ надъ Италіей, и чего, впрочемъ, они никогда не узнаютъ потому, что туда ѣхать страшно долго и непріятно, а они лучше поѣдутъ на Крестовскій или въ Новую Деревню,—тамъ, по крайней мѣрѣ, весело, нѣмецъ ходитъ по канату и музыка играетъ!.. Жители-туземцы тоже не одного понятія о Малороссіи. Одни ее любятъ, другіе совсѣмъ не любятъ; одни ею восхищаются, другіе ею ничуть не восхищаются! Объяснимся примѣромъ... Былъ нѣкоторое время сосѣдомъ моимъ помѣщикъ, по фамиліи Ганчѣрка. Наливки онъ предпочиталъ всякимъ на свѣтѣ заморскимъ винамъ, никогда не брился, съ утра до вечера ругался съ смазливой ключницей и знать не хотѣлъ ни о чемъ, кромѣ своего хутора! Въ числѣ другихъ странностей, было у него, между прочимъ, одно довольно любопытное убѣжденіе.—«Да помилуйте, — говорилъ онъ, улыбаясь такъ радушно и искренно, что и слушающіе его при этомъ невольно улыбались: — да это подлецы-французы все выдумываютъ! Ну, повѣрьте мнѣ, что нѣтъ на свѣтѣ ни Парижа, ни Лондона, ни Америки! Ну, ей-Богу же, нѣтъ! А это все черти-французы выдумали!» Господинъ этотъ, какъ видите, весьма любопытный господинъ! Но рядомъ съ нимъ существуютъ между нашими и такіе, которые рѣшительно не имѣютъ понятія о томъ, что̀ дѣлается у нихъ въ деревнѣ, такіе, которые очень спокойно курятъ трубку гдѣ-нибудь въ Гороховой, носятъ свои бобры на показъ мирнымъ сослуживцамъ на Невскій проспектъ, очень довольны картофельнымъ супомъ варвара-кухмистера, гдѣ-нибудь на Васильевскомъ

Островѣ, и въ частой безсонницѣ, послѣ карточной перепалки, мечтаютъ о томъ, что вотъ, современемъ, заведется у нихъ этакая славная карета, на лежачихъ этакихъ рессорахъ и съ этакимъ, чортъ возьми, жокеемъ въ ботфортахъ! Но и подобные не выдержатъ! Попадись имъ инвалидъ-старикъ, храбрый русскій воинъ изъ степи, для котораго до смерти не существуетъ слова «слушаю», а существуетъ слово «чую», услышь они въ частномъ домѣ, занесенную Богъ-вѣсть откуда, степную пѣсню, пѣсню чудную, простую, отъ которой весело становится на душѣ, хоть бы ничего веселаго на душѣ не было,—воскресшее сердце подхватывается на крылья воображенія, подхватывается и уносится въ далекія степи, въ широкія степи, на тихій, сбѣжавшій къ рѣчкѣ хуторокъ, въ маленькій домикъ, гдѣ странникъ далекаго края родился, гдѣ прижимала его къ теплой груди стройная, черноглазая, добрая матушка, гдѣ онъ ползалъ и бѣгалъ, росъ и проказничалъ, гдѣ пролетѣли незамѣтно его далекіе, невозвратные младенческіе годы! И радъ онъ, и плачетъ тогда, и стремится всею душою вдаль, вдаль, прочь изъ душнаго города, и выходитъ въ его мысляхъ клочокъ земли, нѣсколько знакомыхъ десятинъ родной земли!.. И радъ онъ этой землѣ, радъ этимъ десятинамъ, радъ болѣе всего въ мірѣ уголку,—уголку, незнаемому свѣтомъ, деревушкѣ, съ доброю дворнею, съ доброю старою няней, съ темною большою залой, съ гостиной, увѣшанными портретами предковъ, съ отцовскимъ кабинетомъ, гдѣ щегольской подборъ ружей и охотничьихъ снарядовъ виситъ и сверкаетъ за стеклами, и съ этою перспективою тихихъ, раздольныхъ окрестностей, тонущихъ въ сумеркахъ лѣтней зари! И гордъ онъ, бѣдный степнякъ, тѣмъ, что, когда наступитъ время силамъ отойти на покой,—найдетъ онъ на родинѣ пріютъ, гдѣ спокойно склонитъ усталую голову, найдетъ рядъ дѣтскихъ воспоминаній, связанныхъ съ каждымъ кустикомъ, съ каждою травкой, съ бѣднымъ, источеннымъ молью, стуломъ и ветхимъ дѣдовскимъ диваномъ... О, господа, ничто въ мірѣ не сравнится съ счастьемъ бѣдняка, мечтающаго о счастьи!.. И вотъ, въ долгій зимній вечеръ, когда уже ничто не влечетъ разсѣяться, когда театры полны радостной толпы и быстрокрылые экипажи гремятъ и несутся по улицамъ,—въ такой вечеръ невольно мечтается о другихъ мѣстахъ и о другихъ картинахъ! О, какъ бы хо-

тѣлось тогда распахнуть промерзлое окно и встрѣтить не пасмурное, холодное небо, не громады каменныхъ, безмолвныхъ домовъ, не театры и улицы, не гранитныя и деревянныя мостовыя, а волшебнымъ маніемъ представшую степь,— степь съ панорамою луговъ и пашень, съ пестрою панорамою широкой рѣки, медленно идущей среди высокострѣльчатыхъ, темныхъ стѣнъ лѣса, уединенный курганъ съ каменною, вросшею въ него бабою, островерхій дозорный курень бакшевника, рядъ красивыхъ, нанизанныхъ вдоль тощаго ручья, холмовъ и овраговъ, лѣнивый, скрипучій обозъ чумаковъ, хуторянскую ярмарку съ криками, топотомъ и гамомъ хуторянскаго веселья, бѣлѣющійся вдали домъ помѣщика, домъ старика-хлѣбосола, готовящаго отчизнѣ пятерыхъ молодцовъ-сыновей и красавицу дочку, ужинъ косарей въ полѣ, бѣгъ степного дикаго табуна, распѣваемую на зарѣ долгую, чудную украинскую пѣсню, и всю эту дивную картину, которой имя— родина...

I.

СТЕПНОЙ ГОРОДОКЪ.

Никто такъ не гордится своимъ положеніемъ, какъ житель тихаго, степного городка,—городка и съ улицами, и съ домами, и съ аптекою, и съ лавками, городка настоящаго, среди пустынь да полей, и полей, полей безъ конца и оглядки. Это правда, мѣстоположеніе городка не завидно; посмотрите на него: онъ непремѣнно надъ рѣкою, широкою, но мелководною, степною рѣкою, и потому у него справа песокъ, слѣва песокъ, спереди песокъ, вездѣ песокъ! Такъ что зимою онъ похожъ на чернильницу, а лѣтомъ на песочницу, и молодые подсудки его, вообще большіе охотники до игры въ мячикъ и въ скрагли, въ вѣтренную погоду не употребляютъ песочницъ, а написанный листъ бумаги просто выставляютъ за окно... Эти подсудки въ слякоть употребляютъ особый родъ калошъ непомѣрной величины, чудовищной величины, въ которыя стоитъ только впрыгнуть, и дѣло съ концомъ. Оно конечно, молодые подсудки иногда дерутъ другъ друга за чубы: но вообще они—люди хорошіе, и нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такихъ голубей, какъ у нихъ. Что за голуби, что́ за голуби! И гдѣ они ихъ только достаютъ? Есть тутъ и турмана и мохначи, и голуби пришетни, и обыкновенные голуби: двулёкіе, сѣроплёкіе, полвопѣгіе съ подпалиной, и просто полвопѣгіе; синехлупые, подъ парусомъ, дымножарые, панцырники и хвостари! И весело смотрѣть, какъ въ праздники гоняютъ ихъ съ соломенныхъ крышъ молодые подсудки, и самому хотѣлось бы пожить въ маленькомъ степномъ городкѣ! Маленькій степной городокъ былъ когда-то городкомъ богатымъ и населеннымъ: во времена давно прошедшія, въ немъ помѣ-

шалась даже резиденція одного изъ старѣйшихъ слобожанскихъ полковъ; но пора настала другая; сперва набѣги татаръ, потомъ пожары разорили его, и городокъ обезлюдѣлъ. Впрочемъ, по его улицамъ пасутся куры и гуси, а по городской площади разгуливаетъ постоянно журавль сѣрый и старый, и разгуливаетъ съ такимъ гономъ, какъ будто ему принадлежатъ и улицы, и подсудки, и голуби, и весь городокъ со всѣмъ, что въ немъ ни на есть! — Городская рѣка, уже, разумѣется, милый сердцу Донецъ, издавна представляетъ, особенно съ горы, подъ которой легъ городокъ, занимательные виды отъ песчаныхъ отмелей и напосовъ. На одномъ берегу его купаются мужчины, на другомъ—женщины; и между двумя берегами, при этомъ, всегда начинается такой разговоръ. Мужчины, войдя въ рѣку, говорятъ: «можно ли нырять? Мы подъ водою къ вамъ не подплывемъ!» А женщины отвѣчаютъ: «нѣтъ, нырять нельзя, потому что мы уже васъ знаемъ, и вы какъ разъ подплывете подъ водою!» И вслѣдъ затѣмъ онѣ начинаютъ барахтаться, подмахивая спиною кверху, что, какъ уже извѣстно, означаетъ женское плаванье. На той же рѣкѣ толстая купчиха, гордость бакалейнаго торговца, у котораго, подъ-стать ей, есть хриплый перепелъ, широкозадый битюгъ, бархатный чай, пятиведерный самоваръ и всегдашняя одышка, тутъ же бережно входитъ въ воду и говоритъ про себя, глядя подслѣповатыми глазками на другой берегъ, а на другомъ берегу купается крошечный человѣчекъ: «и зачѣмъ это дѣтей пускаютъ въ воду? Еще неравно утонетъ!» На эти слова, съ другого берега, раздается сердитый голосъ: «вѣрно, матушка, глаза-то подъ мышки, или въ другое мѣсто спрятала, что не видишь? Я секретарь, а не дитя!» Говорящій это, непомѣрно маленькаго роста, но, тѣмъ не менѣе, не то, что сказала купчиха, а секретарь, выказывается изъ воды, и бакалейница видитъ, что онъ точно секретарь, а не дитя. Тутъ же, на берегу, въ платьѣ адама, моетъ снятую съ себя рубашенку дѣвочка и потомъ, въ томъ же платьѣ, идетъ разостлать ее на берегу просохнуть, пока она сама выкупается. Въ самый солнцепекъ, когда городскія плотины, пожирательницы сапогъ и постоловъ, не гнутся отъ проѣзжающихъ обозовъ, и торговки на базарѣ не перестрѣливаются мелкою бранью, именуемою бекасинникомъ, въ полдневный зной, городокъ совершенно стихаетъ,

и все въ немъ остается до вечера въ горизонтальномъ положеніи въ домахъ, съ заколоченными наглухо ставнями. Въ горизонтальномъ положеніи, впрочемъ, появляются прежде всего почтенные старожилы, которые въ это время уже пообѣдали и поспѣшили, какъ говорится, завернуть на село боковеньку! Не спятъ въ это время одни модники: они дѣлаютъ визиты почтенія и визиты уваженія. Кто съ кѣмъ давно знакомъ, то еще ничего и не выходитъ дурного; но съ новичкомъ при этомъ случаются странныя исторіи. Проговоривъ не малое время съ авантажною дамочкой, хозяйкою дома, проговоривъ въ пріятной темнотѣ, съ закрытыми ставнями, модникъ переходитъ изъ царства мрака въ царство свѣта, встрѣчается съ нею, иногда въ тотъ же самый вечеръ, на улицѣ и остается въ остолбенѣніи: авантажная дамочка, хозяйка дома, не узнаетъ его! Но, вотъ, визиты кончаются. Въ горизонтальномъ положеніи всѣ отъ мала до велика. Тогда мертвая тишина городка не нарушается ничѣмъ; она нарушается только звонкимъ храпомъ Бориса Борисовича, или, какъ его называютъ въ городкѣ, Барбариса Барбарисовича Плинфы, отставного судьи; этотъ храпъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ звонокъ, что внимающимъ ему все кажется, будто къ порогу Плинфы пришли съ поздравленіемъ трубачи. Наконецъ, уже не слышно и трубачей! Жара въ полномъ разгарѣ. Тутъ скрытый глазъ наблюдателя можетъ подмѣтить, какъ запоздавшая въ болтовнѣ съ кумою, загорѣлая мѣщанка, въ красной юбкѣ и голубомъ шушунѣ, идетъ, изнемогая отъ зноя, и, полусонная, вяжетъ на ходу чулокъ; а рыжій поповичъ, въ набойчатомъ балахонѣ, тащитъ за рога келейно-похищенную у сосѣда козу, и коза упирается и шагаетъ, пошатываясь, какъ марширующій рекрутъ. Но никогда такъ не шуменъ городокъ, какъ во время ярмарокъ. Главныя ярмарки въ немъ бываютъ подъ Варвару, на Преполовенье и подъ Трехъ сестеръ и ихъ матери.

Въ обыкновенное время тутъ не достанешь даже донского, зато на ярмаркахъ чего только не достанешь! Окружные помѣщики, съѣхавшись, прежде всего заводятся новыми картузами. Помѣщицы, съѣхавшись, прежде всего летятъ туда, гдѣ продаются чепчики, чепчики, чепчики прелесть и очарованіе! Ремонтеры торгуются съ цыганами и пьютъ то и просто сотернъ, а также шато-марго, который они зовутъ

шатай-моргай. На городскихъ франтахъ появляются розовыя кисейныя накидки и брюки такихъ цвѣтовъ, что на нихъ постоянно лаютъ собаки! Изъ невѣдомыхъ странъ возникаетъ, среди улицъ, извозчикъ, извозчикъ — чуда, извозчикъ—привидѣнія, на пролеткахъ, обитыхъ полинялою нанкою, и на парѣ лошадей, изъ которыхъ за одной слѣдуетъ годовалый жеребенокъ. Каждый молоденькій панычъ тутъ на перечетъ, женихов ловятъ, какъ перепеловъ на дудочку! При видѣ молоденькаго паныча, обитательницы городка стараются тотчасъ обратить на себя вниманіе или костюмомъ, или словомъ, или чѣмъ-нибудь, чѣмъ-нибудь! Онѣ возвышаютъ голосъ громче обыкновеннаго. Одна говоритъ: «ахъ, душенька, кумушка, вы не повѣрите, что это за бондари! Макитры и товкачи еще дороже стали!» На это другая отвѣчаетъ: «ахъ, крошечка моя, это еще что, макитры и товкачики! А вотъ, я борова пріобрѣла за свое старое букмуслиновое платье, и что же? Еще приплатилась, матушка! Кочеты по полтинѣ, рыжики по полтинѣ, а къ яйцамъ, съ позволенія замѣтить, и приступа нѣтъ!» Крикъ сластенницы заглушаетъ голоса дамъ. Усѣвшись на дорогѣ съ желѣзною печкою и спрятавъ подъ юбку, отъ мухъ и пыли, горшокъ съ тѣстомъ, она кричитъ: «панычи, голубчики! У меня возьмите! Панычи, душечки! У меня!» Или: «господа-служба! вотъ у меня хорошія сластёны!» Желающему она тотчасъ производитъ самую свѣжую сластёну: для этого послюнитъ только пальцы, ухватитъ изъ-подъ завѣса тѣсто и броситъ его прямо въ масло!—Да, ярмарки городка—любопытныя ярмарки! Спозаранку около пестрыхъ ятокъ уже идетъ гулъ и толкотня. Рыжій захожій суздалецъ, съ книжками и ковриками, имѣющій обычай, какъ говорится, спрятать въ карманы по денежкѣ и къ вечеру въ каждомъ спрашивать барыша, имѣющій обычай, какъ тоже говорится, тереть полушку о полушку, въ надеждѣ, не выпадетъ ли третья, остановился и слушаетъ, какъ отставной шевронистъ, побывавшій за моремъ и дальше, толкуетъ о томъ и о семъ, и о томъ, какъ солдатъ солдата въ Туречинѣ изъ глины лѣпитъ. — «Э! Да ты, другъ, уже слишкомъ!—замѣчаетъ суздалецъ:—этого, братъ, быть не можетъ!»—«Не можетъ быть?» спрашиваетъ шевронистъ: «не мѣшай пустому; не твоя череда; безъ смазки сказки, что безъ полозьевъ салазки! Сѣсть сядешь, только все изгадишь!» Гром-

кій хохотъ сопровождаетъ прибаутку шевриста.—Но вотъ, близокъ обѣдъ. Толпа возрастаетъ. Цыганъ съ утра еще началъ торговаться и для этого, по своему цыганскому обычаю, хлопать рукою въ руку слобожанина и до обѣда все еще хлопаетъ, не сходясь съ нимъ на цѣлковомъ. — «Ну, дашь за коня цѣлковый?» — кричитъ, хлопаетъ цыганъ.— «Не дамъ цѣлковаго!»—отвѣчаетъ оглушенный слобожанинъ. «Ну, обернись на сходъ солнца; обернись, красота!—говоритъ цыганъ и самъ обертывается. — Ну, молись, красота! конь твой!» Красота оборачивается и молится, но коня не беретъ за цѣлковый, потому что, кромѣ цѣлковаго, онъ долженъ еще дать и своего коня, и сапоги, и куль привезеннаго гороха! Цыганъ въ отчаяніи; а уже когда цыганъ въ отчаяніи, то торгу недолго длиться, онъ присѣдаетъ къ землѣ и кричитъ, срывая горсть травы: «чтобы такъ у меня животы оборвало, и еще родимецъ убилъ бы мою тетку, если конь не годится!»—Слобожанинъ при этомъ чешетъ за ухомъ и соглашается потому, что цыганъ уже такъ побожился, что уже, кажется, и соврать никакъ не можетъ. «Пидчеревей, щобъ бахтировала!»—кричитъ пестрая мѣднолицая толпа, прыгая и подчуя коня пинками и тычками, и сколько осторожный слобожанинъ ни машетъ шапкою, то въ правый, то въ лѣвый глазъ коня, слѣпая, разбитая кляча идетъ за зрячею! Но, вотъ, еще шумнѣе, еще пестрѣе! Торгъ въ полномъ разгарѣ. — Индѣйки кавкаютъ на голоса школяровъ; дѣти, покинутыя засуетившимися матерями, хныкаютъ, а налетѣвшій вѣтеръ заворачиваетъ имъ рубашенки на головы; заводскій, караковый въ сливахъ жеребецъ бьется и ржетъ, на желѣзной цѣпи, косясь на проходящій табунъ; торговки на мосту говорятъ всѣ разомъ и ни одна не хочетъ слушать! Ряды палатокъ съ красными товарами разстилаются длинною, пестрою панорамою. Тамъ еще шумнѣе! Одинъ споритъ, другой божится на весь базаръ отцомъ и матерью, дядею и теткой; третій наскоро подставилъ сосѣду тавлинку и самъ собирается пропустить въ ноздрю порядочный фейерверкъ, между тѣмъ какъ увѣряетъ покупщика, что его ситецъ не ситецъ, а просто, такъ сказать, предводительская оранжерея; подъ яткою, гдѣ играютъ кобзы и цимбалы, кто-то растрогался и плачетъ и обѣщаетъ брата изъ тюрьмы выкупить, и говоритъ, что брата онъ такъ любитъ, какъ никого не любитъ; а вотъ несется за плетнемъ

отрывистая брань и чей-то басъ иронически замѣчаетъ: «да ужъ гдѣ же тебѣ, Ѳедя, спорить, когда у тебя весь ротъ на бекрень!» Красноносая перекупка показываетъ уходящей бабѣ дулю.—А около ставки, гдѣ выскакиваетъ деревянная кукла, такой гамъ, что еще никогда и не слыхано; одинъ хохочетъ, ухватившись за бока, причемъ шапка его съѣхала на самый затылокъ; другой жену громко кличетъ посмотрѣть: а третій, въ оцѣпенѣніи, объявляетъ, что у него разомъ изъ обоихъ кармановъ украли и трубку, и кисетъ! Но и это еще не все. Идите скорѣе въ ветошный рядъ; тамъ продается всякая пестрая рухлядь. Старая лохмотница, обмотанная лентами, кусками распоротаго желтаго и краснаго сукна, несетъ на головѣ гору шляпокъ, а на рукахъ гору брюкъ. Къ ней подходятъ безъ церемоніи, берутъ ея шляпки и ея брюки, переворачиваютъ ихъ во всѣ стороны, тутъ же примѣряютъ, хлопаютъ руками по сомнительнымъ мѣстамъ и снова отдаютъ ей шляпки и брюки. Въ ветóшномъ ряду продаютъ также грушевый квасъ и соловьевъ!—О, ярмарки въ городкѣ—очень любопытныя ярмарки!—Но никогда такъ не скученъ городокъ, какъ послѣ ярмарокъ. Тогда онъ совершенно пустѣетъ, и ничто уже не въ силахъ его развеселить. Одинъ острякъ сравнилъ городокъ послѣ ярмарокъ съ сусликомъ, который спитъ, а городокъ во время ярмарокъ съ сусликомъ, который радостно кричитъ на своей норкѣ.— На что только не пускаются горожане по обычаю всякаго русскаго человѣка, который гнетъ—не паритъ, переломитъ— не тужитъ! И книги начинаютъ читать, и другъ другу стараются всучить кума или куму, сватаютъ другъ друга, и въ гости къ румяному Ефиму Трофимовичу ѣздятъ, къ которому до той поры, по одной причинѣ, никогда не ѣздили, и принимаются, наконецъ, особенно пожилыя и плотныя дамы, верхомъ ѣздить, причемъ выписанныя изъ губерніи амазонки пышно обрисовываютъ ихъ полныя округлости. Вообще, надо замѣтить, туземныя дамы изъ породы булокъ, что не мало удивляетъ мужей, потому что невѣстами дамы вовсе не были булками, а были вообще барышни нѣженькія, какъ говорится, барышни-хрящики, питавшіяся мѣломъ и грифелями! Иногда, впрочемъ, невѣдомое перо вдругъ пуститъ неожиданный, словесный брандскугель. Тутъ все оживаетъ и поднимается. Въ ловкихъ стишкахъ говорится про особу, побывавшую въ столицѣ, что она: «съ чухной лично гово-

рила и въ кунсткамерѣ была!» Про красавицу, предметъ общихъ толковъ, говорится: «и какъ не веселиться тутъ землѣ и небеси, когда ты именинница, Эмилія, есп!» И долго шумятъ и волнуются, по поводу словеснаго брандскугеля, горожане, и долго городокъ не утихаетъ, какъ присутствіе послѣ какого-нибудь билье-ду ревизіонной комиссіи. Но, наконецъ, и это умолкаетъ. Тогда маленькій городокъ—царство неисходной скуки! Одинъ учитель пѣнья тогда еще заходитъ изрѣдка потолковать съ аптекаремъ о томъ, что, вотъ, нѣтъ совсѣмъ ни уроковъ, ни больныхъ; но и это бываетъ не надолго. Дверь въ аптеку скоро заплетается паутиною, и аптекарскіе ученики пускаютъ изъ оконъ на опустѣлую улицу мыльные пузыри, а учитель пѣнія открываетъ табачную лавочку и съ улыбкой встрѣчаетъ каждаго покупателя, рѣдкаго и счастливаго покупателя!.. Въ одинъ изъ такихъ-то послѣярмарочныхъ вечеровъ, именно, когда маленькій степной городокъ походилъ на суслика, который спитъ, къ городской чертѣ подъѣзжалъ на рысяхъ дорожный дормёзъ, запряженный шестерикомъ почтовыхъ. Лакей, толстый господинъ изъ разряда крупночубыхъ бакенбардистовъ, качаясь, дремалъ сзади, усѣвшись въ подушки рессорнаго человѣколюбія. Заставы въ городкѣ никогда не водилось, на мосту собирали деньги за переправу черезъ рѣчку. Подслѣповатый инвалидъ, починявшій какое-то женское платье, принимая отъ лакея деньги, спросилъ: «а кто ѣдетъ?» И получилъ въ отвѣтъ: «ѣдетъ подполковникъ!» Хотя подполковникъ впослѣдствіи оказался просто надворнымъ совѣтникомъ. Дормёзъ, въѣхавъ на пески, поплелся шагомъ. Приближаясь къ городку, проѣзжій помпнутно высовывался изъ оконъ. Въ улицѣ пригороднаго села онъ разъѣхался съ бричкой, изъ-подъ будочки которой выглянули два дѣвическія лица, въ мелкихъ рыжихъ тирбушонахъ и голубыхъ полинялыхъ шляпкахъ. Проѣзжій, бросивъ на нихъ бѣглый взглядъ, тихо вздохнулъ. Казалось, онъ жалѣлъ и о тирбушонахъ, и о голубыхъ шляпкахъ! Далѣе, почти уже на городскомъ мосту, онъ разминулся съ толстою шестимѣстною, хуторянскою колымагой, набитой биткомъ, какъ арбузъ съ сѣмячками, молоденькими, веселыми барышнями. Сердитая особа престарѣлаго возраста, очевидно маменька, жалась въ глубинѣ экипажа, завинченная и сжатая со всѣхъ сторонъ. Кругленькія и бѣленькія, какъ гладенькое

яичко, личики на стукъ дормёза выглянули изъ окогъ, выглянули съ задержанными рѣчами и изумленными взглядами, выглянули чуть не помирая со смѣху, и проѣзжій слышалъ, какъ дружный хохотъ градомъ раздался за его спиною, едва дормёзъ разъѣхался съ колымагой. Проѣзжій тоже улыбнулся; казалось, онъ былъ доволенъ и кругленькими личиками, и звонкимъ дѣвическимъ хохотомъ. Скоро дормёзъ поднялъ облака песку въ городскихъ улицахъ и остановился подъ крыльцомъ единственной гостиницы иногородняго еврея, Сруля Мошки, у котораго дѣти были Юдка и Мордка, вѣчно бѣгавшія нагишомъ, и полная, бѣлолицая жена Хаюня. Сруль Мошка держалъ гостиницу безъ вывѣски; но зато эта гостиница была съ бильярдомъ и маркёромъ. Проѣзжій вышелъ изъ дормёза. Едва его лысина, такъ-называемая ранняя лысина, съ волосами, зачесанными въ видѣ артишоковъ, съ затылка на виски, показалась въ сѣняхъ, съ лавки вскочилъ растрепанный маркёръ, вставившій на одно мѣсто въ брюкахъ заплату голубого цвѣта. Проѣзжій, проходя по коридору, заглянулъ въ залъ. На бильярдѣ, по обыкновенію, сидѣла курица. Этотъ бильярдъ имѣлъ то похвальное обыкновеніе, что куда бы шаръ по немъ ни катился, онъ непремѣнно попадалъ въ лѣвую среднюю лузу и, поставленный на навощенный шаростав, качался нѣсколько минутъ, какъ акробатъ на канатѣ. Окна въ залѣ, поднимаемыя въ видѣ силковъ на подставкѣ, имѣли тоже похвальное обыкновеніе иногда, совершенно неожиданно, хватить по просунутой въ нихъ шеѣ. Войдя въ номеръ, проѣзжій замѣтилъ маркёру, что не мѣшало бы выпить съ дороги чаю. Суровый маркёръ на это ничего не сказалъ, но скоро загремѣлъ блюдечками и чашками; лакей-бакенбардистъ, между тѣмъ, раскинувъ умомъ, что отъ хозяина скорѣе поживешься и съѣстнымъ, и питьемъ, пустился на поиски Сруля Мошки. Пройдя черезъ дворъ, онъ остановился передъ погребомъ, гдѣ, по справкамъ, долженъ былъ находиться жидъ. На дворѣ, между тѣмъ, уже окончательно стемнѣло. Подъ широкимъ навѣсомъ, въ мерцающемъ полусвѣтѣ онъ разсмотрѣлъ пейсы и черную бороду. И только-что онъ, прокашлявшись и потеревъ для бодрости бока нанковой куртки, сказалъ: «подполковникъ пріѣхалъ, и потребуется сарай для кареты!» — какъ откачнулся назадъ и въ ужасѣ раскрылъ глаза... Рука его коснулась чего-то мягкаго и теплаго, и

изъ глубины подвала выдвинулась, вмѣсто жида, узкая морда стараго конюшеннаго козла. Изумленіе лакея было неописанное; оглянувшись во всѣ стороны, онъ пошелъ, какъ обкаченный водою пудель, и въ то же время услыхалъ за заборомъ чьи-то торопливые шаги. Впослѣдствіи оказалось, кому принадлежали эти шаги. Стягивая съ барина сапоги и чулки, причемъ тотъ подергивалъ пятками потому, что боялся щекотки, онъ не выдержалъ и въ волненіи, почти умирающимъ голосомъ, разсказалъ свое приключеніе съ козломъ. Баринъ покачалъ головою и, стукнувъ лакея по красному затылку, весело замѣтилъ: «это, Вася, счастье; это, Вася, пророчитъ большое счастье!» Едва проѣзжій разоблачился и надѣлъ ночную кофту, едва самоваръ, подпертый съ одной стороны, за отсутствіемъ ножки, замкомъ, а съ другой стороны ножницами, запыхтѣлъ и зарумянился на столѣ,—дверь комнаты отворилась, и на порогѣ явился господинъ, какъ говорится, изъ породы недоростковъ недостатковскихъ. Склонивъ голову на подобіе подстрѣленной дичи и прикладывая руку къ груди, точно держалъ въ ней прошеніе на погребеніе жены или дочери, вошедшій началъ говорить вдохновенно: «И возможно ли, и вижу мужа такого сана, и взоры меня не обманываютъ!» Думая, что это затѣмъ, чтобы точно просить на погребеніе жены или дочери, проѣзжій снялъ со стола кошелекъ и протянулъ вынутый изъ него четвертакъ къ двери. Посѣтитель встрепенулся, посинѣлъ и, закинувъ голову, отступилъ...

— Не понимаю, не понимаю!—произнесъ онъ, запальчиво и заикаясь: — что это можетъ значить? — Проѣзжій тоже переконфузился.

— Вотъ, милый мой, возьмите, не церемоньтесь!—произнесъ онъ довольно неровно. Посѣтитель засмѣялся, какъ человѣкъ, соболѣзнующій объ ошибкѣ ближняго, и замѣтилъ: «извините, тутъ вышло кипрокò, и не одно, а цѣлыхъ два кипрокà: во-первыхъ, я не то, что вы думали; во-вторыхъ, я — Борисъ Борисовичъ Плинфа, здѣшній обыватель: и не стыдно ли вамъ потчивать меня четвертаками?» Читатель уже вѣроятно привелъ въ памяти, что это былъ тотъ самый Плинфа, къ которому въ полдень обыкновенно приходили съ поздравленіемъ трубачи, и вѣроятно также догадался, что появленіе его произошло вслѣдствіе подслушаннаго разговора лакея съ козломъ. Проѣзжій согласился, что потчи-

вать четвертаками. дѣйствительно, стыдно, и произнесъ: «Извините, я ошибся, прошу садиться, и не желаете ли стаканъ чаю?»—«Много благодаренъ!—подхватилъ Плинфа, утирая носъ, кончикъ котораго начала безпокоить выступившая изъ него капля: — только ужъ позвольте въ прикуску и пожиже; крѣпкій чай, говорятъ, раздражаетъ нервы и заставляетъ думать о томъ, о чемъ иногда и не хочешь думать!» Проѣзжій... но, прежде, нежели мы скажемъ, согласился ли проѣзжій съ тѣмъ, что чай раздражаетъ нервы и заставляетъ иногда думать о томъ, о чемъ бы и не хотѣлъ думать.—скажемъ, что за человѣкъ былъ этотъ проѣзжій.— Проѣзжій, мужчина лѣтъ сорока, былъ человѣкъ добрый, добрый, какъ говорится, необидѣвшій на своемъ вѣку мухи. И это, сколько намъ кажется, происходило отъ его домашняго воспитанія. Вслѣдствіе этого домашняго воспитанія, выйдя въ отставку и поселясь въ деревнѣ, онъ старую ключницу, мошенницу изъ мошенницъ, звалъ Михѣевной, а иногда тетенькой, атаману на всѣ распоряженія его говорилъ: «хорошо, хорошо, братецъ, Силентій; это очень хорошо!» — и отъ скуки игралъ въ карты съ двумя горничными, которымъ имена были Гопка и Галька. На службѣ, ходя постоянно въ широкомъ фракѣ на ватѣ и получая къ столу всѣ деревенскіе припасы, онъ слылъ у молодыхъ сослуживцевъ подъ именемъ зайца въ мѣшкѣ и сахарнаго тихони, а у пожилыхъ — подъ именемъ прекраснаго молодого человѣка. Эти пожилые только находили его нѣсколько разсѣяннымъ. Разсѣянность въ самомъ дѣлѣ была любопытная... Бывало, поймаетъ въ присутствіи кого-нибудь за пуговицу и начинаетъ съ нимъ говорить, да говоритъ до того, что слушающій готовъ въ обморокъ упасть и не имѣетъ силъ вырваться. Одинъ шутникъ въ такомъ положеніи вынулъ изъ кармана ножикъ, отрѣзалъ пуговицу, за которую разсказчикъ держался, и улизнулъ. На службѣ же, бывало, остановитъ кого-нибудь въ экипажѣ на улицѣ, деликатно стащитъ его за пуговицу на мостовую, спроситъ, какъ ваше здоровье, и, получивши должный отвѣтъ, скажетъ: «А, хорошо!» и, сказавши: «А, хорошо!» сядетъ спокойно въ чужой экипажъ и укатитъ, прежде чѣмъ владѣлецъ его успѣетъ опомниться. Въ деревнѣ онъ жилъ довольно порядочно; сосѣди ѣзжали къ нему на именины и поиграть въ карты. Только вдругъ однажды онъ задумался, думалъ-думалъ, и

рѣшился произвести важный переворотъ въ своемъ существованіи. Каковъ былъ этотъ переворотъ, читатель увидитъ дальше... Проѣзжій, дѣйствительно, согласился, что чай разстраиваетъ нервы и вселяетъ иногда предосудительные помыслы; гость на это помолчалъ и спросилъ съ улыбкой: «Имя и отечество ваше?»—Надворный Совѣтникъ Ѳока Пятизябенко!»—отвѣтилъ хозяинъ, также съ улыбкой.

— Ѳока Лукичъ?—подхватилъ гость, покачнувшись и съ улыбкой.

— Ѳока Ильичъ! — отвѣтилъ хозяинъ, также покачнувшись и также съ улыбкой.

Чай снова былъ розлитъ по стаканамъ.

— Отъ васъ, Ѳока Ильичъ,—началъ гость:—вѣроятно не укрылось, какъ бѣденъ и скученъ нашъ городъ?

— Не укрылось!—отвѣтилъ хозяинъ, расправляя и обсмактывая замоченные въ чаю усы, которые онъ носилъ для нѣкоторой прикрасы ранней лысины: — только я не думаю, чтобъ городъ вашъ былъ точно скученъ и бѣденъ.

— Скученъ и бѣденъ! — подхватилъ гость: — скученъ и бѣденъ! И вы не повѣрите, какіе странные случаи бываютъ въ немъ! Вотъ, напримѣръ, у меня на свадьбѣ, на первой еще свадьбѣ, потому что я вдовецъ, изъ самой, такъ сказать, брачной комнаты украли сапоги и брюки!

— Быть не можетъ!—подхватилъ удивленный хозяинъ.

— Точно такъ, прошу не сомнѣваться!—подхватилъ гость, кланяясь:—и утащили въ то время, какъ кромѣ меня и жены никого не было въ комнатѣ! — Послѣдовало деликатное съ обѣихъ сторонъ молчаніе; хозяинъ налилъ гостю еще стаканъ чаю, помолчалъ и началъ говорить... И то, что услышалъ Плинфа, поразило его неописаннымъ удивленіемъ; блюдечко зазвенѣло въ его рукахъ, когда Пятизябенко произнесъ послѣднія слова и завершилъ: «Вотъ, Борисъ Борисычъ, вотъ мое задушевное и неизмѣнное желанье!» Плинфа помолчалъ и спросилъ: «Да на комъ же это вы думаете жениться?»—спросилъ, все еще не понимая вполнѣ страннаго намѣренія помѣщика и мысля про себя: «какая же это наша фефела наградитъ собою такого жениха?»

— Да я же вамъ говорю, на комъ, — отвѣтилъ Пятизябенко и еще разъ повторилъ въ малѣйшихъ подробностяхъ сказанное Плинфѣ. — Далеко за полночь огонь погасъ въ окнѣ вновь занятаго нумера гостиницы. Какъ обухомъ оглу-

шенный, вышелъ Плинфа на улицу и почти опрометью побѣжалъ, повторяя про себя: «Ахъ ты, батюшки, батюшки, вотъ разодолжилъ!»—И цѣлый рой предположеній заходилъ и завертѣлся въ головѣ Плинфы. — А надо сказать, что Плинфа былъ большой поклонникъ всякаго рода новостей. Живя уже давно въ отставкѣ, онъ постоянно, по привычкѣ, каждый день приходилъ, какъ будто по дѣлу, въ присутствіе и весело здоровался съ чиновниками, которые всѣ знали и любили отставного судью и всякій разъ говорили: «А! вотъ и вы, Барбарисъ Барбарисовичъ! Ну, что? есть ли теперь что-нибудь новенькое?» На это Барбарисъ Барбарисовичъ молча скрипѣлъ табакеркою, на которой была изображена таблица съ разсчетомъ для бостона, и отвѣчалъ: «Какъ же, есть!»—«Да что же такое есть?» допрашивали любопытные чиновники. — «А вотъ и есть! отвѣчалъ Плинфа, смотря себѣ на сапоги:—вотъ, Вакулищенко мнѣ новые сапоги сдѣлалъ!» — «Да какъ же новые?» замѣчали на это пытливые чиновники: «вы, Барбарисъ Барбарисовичъ, еще на той недѣлѣ ихъ показывали!» На это Плинфа качалъ головою и говорилъ: «Э! то не тѣ сапоги, то были совсѣмъ другіе сапоги, а эти совсѣмъ новые сапоги!» Еще Пятизябенко спалъ на кровати, о которой выражалась одна надпись на стѣнѣ нумера: «Горе и мука тому, кто будетъ осужденъ судьбою лежать на сей кровати!» и которая точно представляла горе и мѵку потому, что поминутно двигалась и скрипѣла, издавая какіе-то насмѣшливые звуки, точно говорила: «А что, братъ, а-га! посмотримъ, какъ ты заснешь, посмотримъ! что, братъ, взялъ?» Еще маркёръ, въ ожиданіи пробужденія гостя, поминутно смотря на вновь заплатанныя брюки, вытиралъ кіи и чистилъ бильярдъ, на которомъ шары, какъ извѣстно, непремѣнно падали въ лѣвую среднюю лузу, — а уже городокъ шумѣлъ, и цѣлое море толковъ, споровъ и догадокъ колебало спокойствіе низенькихъ домиковъ. Слово «женихъ» молніей облетѣло всѣ дѣвственныя сердца и закоулки. Разнеслась вѣсть, что пріѣзжій помѣщикъ, Надворный Совѣтникъ Пятизябенко, рѣшился жениться на той, которую первую увидитъ въ городкѣ, разумѣется, если эта первая согласится отдать ему свою руку, и ужъ также разумѣется, что какая же не согласится отдать ему своей руки! Главную роль въ этихъ городскихъ толкахъ играла высокоуважаемая дѣвица-акушерка, Анна Ванна Гонорарій, какъ

ее называли горожане, и которая на ванну впрочемъ нисколько не походила, а походила на бекаса, котораго прозвище къ ней и было навсегда припечатано. Надо замѣтить, что на эту птицу акушерка походила вслѣдствіе носа, который, какъ кранъ у самовара, торчалъ на ея миніатюрномъ личикѣ. Еще до разсвѣта, по неисповѣдимымъ судьбамъ, эта особа узнала всю подноготную отъ Плинфы и до утра не могла сомкнуть глазъ. Съ зарей она уже порхнула въ телѣжечку, именуемую нетечáнкою, и полетѣла съ визитами къ нуждающимся и ненуждающимся въ ея искусствѣ, изъ которыхъ первыхъ, впрочемъ, постоянно было болѣе въ благословенномъ городкѣ. Благословенный городокъ, скажемъ мимоходомъ, особенно пришелся по вкусу акушеркѣ. Она прилетѣла сюда, по окончаніи курса, на почтовыхъ и съ той поры сдѣлалась душою его общества. Увидѣвъ, какъ на одной станціи она подкатила къ крыльцу, на перекладной, въ чепчикѣ безъ вуали и съ книжкою въ рукахъ, громко скомандовала запрягать и, выпивъ стаканъ молока, снова умчалась впередъ, какъ добрый фельдъ-егерь, одинъ проѣзжій, заслуженный генералъ, замѣтилъ: «Ну, матушка, такая не сробѣетъ!» И точно, Анна Ванна Гонорарій никогда еще не сробѣла. Разъѣзжая по городу въ уютной нетечáнкѣ и служа первымъ привѣтствіемъ всякому новому гостю міра, Анна Ванна въ то же время слыла и модницей, и затѣйницею веселиться, и затѣйницею устраивать сговоры и свадьбы, а слѣдовательно и нужныя подготовленія будущихъ привѣтствій новыхъ гостей міра. Выходя утромъ за ворота, она не пропускала ни одного хуторянина, идущаго изъ окрестностей на базаръ, и всѣхъ почти знала по имени. — «Ты это пѣтуха, Онисимъ, несешь?» — спрашивала она. — «Пѣтуха, барышня!»—отвѣчалъ Онисимъ, держа перевернутаго вверхъ ногами, съ отекшею головою, пѣтуха.—«Продай мнѣ пѣтуха, Онисимъ»,—говорила она, ощупывая хлупь и бока пѣтуха. — «Берите, барышня!— говорилъ на это Онисимъ: — только позвольте прежде вашу ручку поцѣловать!» Съ акушеркой жилъ еще маленькій племянникъ Вава, который иногда сопровождалъ ее въ поѣздкахъ по городу.— «Это что, тётя, какое слово написано на заборѣ?»—спрашивалъ онъ, подпрыгивая на нетечáнкѣ и разсматривая тѣ надписи мѣломъ, которыя иногда производятся на стѣнахъ и заборахъ въ отдаленныхъ городскихъ улицахъ. — «Это,

душечка, ничего! это неконченное слово! — говорила на это тетенька, оборачивая лицо Вавы въ другую сторону: ты этого не поймешь!» И точно, Вава этого не понималъ. — Не мѣшаетъ также замѣтить, что, по туземному обычаю, помолвившись за Плинфу, о чемъ мы забыли сказать, Анна Ванна Гонорарій позволяла своему жениху, при людяхъ, иногда нѣкоторыя золотыя вольности. Она... цѣловалась съ своимъ женихомъ. И надо было видѣть, какъ она съ нимъ цѣловалась! Такъ уже теперь не цѣлуются на свѣтѣ! Тонко намекая на румянецъ щекъ Анны Ванны, почтмейстерша, едва видѣла ихъ вмѣстѣ, обыкновенно говорила: «Барбарисъ Барбарисовичъ! посмотрите, какая она хорошенькая! ужъ поцѣлуйте ее, душечку, въ стыдливое мѣсто!» На это душечка краснѣла и, подставляя щеку, говорила: «Ахъ, право, ужъ вы мнѣ съ вашими просьбами!» И Плинфа, также зардѣвшись, исполнялъ желаніе почтмейстерши, то-есть, цѣловалъ невѣсту въ стыдливое мѣсто... Совершивъ болѣе десяти наѣздовъ на дома и домики, акушерка подлетѣла къ крыльцу Плинфы и въ волненіи, сказавъ племяннику: «Ну, Валя, поставь лошадь подъ сарай, а самъ побѣгай въ саду; я зайду къ дядѣ!»—быстро порхнула въ сѣни. Вава поставилъ коня подъ сарай и пошелъ въ садъ. Пижонъ, собака акушерки, тоже подошелъ въ садъ, но прежде его настигли дворняги Плинфы и, составивъ около него кружокъ, стали, по своему обыкновенію, какъ говорится, читать его дипломъ.— «Ну! поздравляю васъ!—вскрикнула акушерка, сталкиваясь въ передней лицомъ къ лицу съ Плинфою:—гость-то вашъ оказался обманщикомъ, гнуснымъ обманщикомъ! онъ вамъ все, должно быть, налгалъ, и больше ничего!»

— Да помилуйте,—проговорилъ робкій Плинфа, подходя къ ручкѣ невѣсты:—чѣмъ же онъ могъ налгать?

— Отстаньте!—вскрикнула акушерка, отдергивая ручку, одѣтую въ перчаточку цвѣта майскаго жука, съ отливомъ:— что̀ мокрой-то курицей такой смотрите! Страмъ, да и только! Объѣхала всѣхъ, была у всѣхъ, спрашивала всѣхъ, никто и не слыхалъ такой фамиліи,—Пятизябенко! И развѣ могутъ быть такіе женихи на свѣтѣ!

— Да что-жъ тутъ такого въ этой фамиліи?—спрашивалъ озадаченный Плинфа:—и чѣмъ же она худая фамилія?

— Была даже у буфетчика, у маркёра Букана въ гостиницѣ! — продолжала гостья: — заѣзжаю по дорогѣ и спра-

шиваю: что, говорю, Букаша, пріѣзжій женихъ уже посватался? — Какой, говоритъ, посватался. Онъ еще спитъ, говоритъ! — Спитъ! И это женихъ! Ну, такіе ли бываютъ на свѣтѣ женихи? Да что же вы такой нюней стоите? Отвѣчайте!—почти сквозь слезы спрашивала акушерка... Но не успѣла она произнести послѣднихъ словъ, какъ посреди улицы показался красивый господинъ въ соломенной шляпѣ, не молодой, это правда, но еще румяный и съ вожделѣннымъ запасомъ здоровья. Онъ остановился передъ окнами дома, противъ Плинфы. Сердце ёкнуло подъ лифомъ акушерки, и въ глазахъ ея заходилъ сладкій туманъ. Ей показалось, въ первое мгновеніе, что прохожій замѣтилъ ее. Но скоро предположеніе это оказалось ошибочнымъ: прохожій ступилъ на крыльцо и вошелъ въ сѣни противоположнаго дома. Акушерка нервически оттолкнула Плинфу и, вскрикнувъ: «Ахъ-ти, матушка, опростоволосилась!»—кинулась въ ближній залъ. Тамъ, изъ-за горшковъ герани и занавѣсокъ, стала она въ кулакъ наблюдать, что̀ будетъ происходить въ сосѣднемъ домѣ. Вотъ, опредѣлите послѣ этого сердце женщины; вѣдь, кажется, женихъ у нея стоялъ за плечами, а между тѣмъ... Нѣтъ, странное сердце женщины! На воротахъ дома, куда вошелъ прохожій, была надпись, еще шесть лѣтъ назадъ прибитая вверхъ ногами и до сихъ поръ остающаяся въ такомъ же положеніи: «Неслужащаго дворянина Обàпалки». Пятизябенко между тѣмъ,—это былъ онъ,—пройдя не безъ волненія двѣ улицы, гдѣ, къ удивленію своему, вмѣсто ожидаемыхъ дѣвицъ, видѣлъ все прифрантившихся на этотъ разъ маменекъ и папенекъ, встрѣчавшихъ его даже съ улыбками, точно давно знакомаго и точно говоря: «А, здравствуйте, Ѳока Ильичъ, съ пріѣздомъ!» или: «А, вотъ и вы! какъ провели ночь?» Пятизябенко очень обрадовался потому, что въ окнѣ дома, куда вошелъ, мелькнуло, какъ ему показалось, весьма смазливенькое лицо блондинки... Войдя, не безъ волненія, въ переднюю, гдѣ не было ни души, и потомъ въ залъ, гость остановился на порогѣ. Хозяинъ и хозяйка, Обàпалки, которые о немъ уже, какъ и всѣ горожане, знали всю подноготную, но никакъ не ожидали его появленія, крайне изумились и остались безмолвны. Обàпалка-мужъ, изъ породы кубариковъ, раскладывалъ въ это время въ залѣ перепелиныя сѣти, собираясь починить ихъ новыми нитками и думая про себя: «А это, однакоже,

любопытно: къ кому зайдетъ пріѣзжій помѣщикъ?» Обаналкажена, также не далекая отъ породы кубариковъ, сортировала въ залѣ же ягоды для настойки и тоже думала: «А это, впрочемъ, вещь любопытная: куда завернетъ пріѣзжій помѣщикъ?» И вдругъ, этотъ помѣщикъ явился въ ихъ собственномъ залѣ. Нѣтъ! Перо опускается, и недостаетъ силъ изобразить изумленіе почтенныхъ супруговъ! Едва гость очутился на порогѣ и замеръ въ невольномъ, понятномъ трепетѣ, оторопѣлый хозяинъ бросилъ сѣти, взглянулъ на него съ улыбкой и шарикомъ укатился изъ залы въ коридоръ. Тамъ супруги пожали плечами и молча взглянули другъ на друга. — «Ну, ничего, мамаша! — произнесъ, помолчавъ, въ одно мгновеніе все сообразившій мужъ:—ничего, это очень выгодно!» — «Что выгодно? — спросила супруга, смотря на него во всѣ глаза и не понимая его: — развѣ ты забылъ, папаша, что у насъ нѣтъ дѣтей?»—«Ничего, дуся, ничего! это очень выгодно, и не надо упускать случая, а ужъ мы ему достанемъ!»—«Какъ достанемъ, кого достанемъ?—спросила, внезапно проникнутая припадкомъ ревности, супруга:— ты съ ума сошелъ!»—«Ну, съ ума не съ ума, котикъ, а ужъ ты не безпокойся; когда человѣкъ въ такомъ аппетитѣ жениться, не надо упускать случая!»—И мужъ поцѣловалъ въ обѣ полныя щеки взволнованную жену. Поцѣлуй произошелъ въ тишинѣ, такъ же какъ и разговоръ, и черезъ нѣсколько минутъ супруги явились въ залѣ, одинъ уже во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, а другая въ новомъ, шоколадномъ кисейномъ платьѣ. Нѣсколько минутъ и гость, и хозяинъ молча смотрѣли другъ на друга. Наконецъ хозяинъ кашлянулъ и началъ:

— Весьма осчастливленъ! Чему обязанъ этимъ посѣщеніемъ?

Гость отвѣтилъ:

— Мнѣ сказали, что у васъ есть продажныя дрожки!

— Дрожекъ продажныхъ у меня нѣтъ! — ловко вклеилъ хозяинъ: — но садиться милости просимъ!— Всѣ сѣли. Разговоръ начался о городскихъ новостяхъ. Пятизябенко не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь и обратился къ прекрасному полу. Оглянувъ кисейное платье и въ то же время шерстяныя ботинки прекраснаго пола, онъ съ деликатною ловкостью спросилъ: «А отчего это, сударыня, въ такое теплое время на вашихъ милыхъ ножкахъ такія вовсе не милыя

ботинки?» Хозяинъ нагнулся къ уху гостя и шепнулъ ему одно слово, которое совершенно удовлетворило любопытство гостя, но бросило его въ порядочную краску. Не мало также смутился гость, когда слуга внесъ подносъ съ закускою, и хозяинъ спросилъ: «не угодно ли водочки и рѣдечки?» Гость отвѣдалъ и водочки, и рѣдечки... Во время закуски, хозяйка взглянула на мужа и произнесла: «Шерчикъ! фуршетъ!» Гость предупредилъ желаніе дамы. Но, черезъ секунду, дама, потребовавши по-французски вилку, лежавшую передъ ея носомъ, за хлѣбомъ пошла сама, въ то время, какъ этотъ хлѣбъ лежалъ на другомъ концѣ стола. Гость изумился и долго не могъ прійти въ себя потому, что не смѣлъ ничего предполагать насчетъ познаній почтенной дамы. — Для одобренія себя, пробуя какіе-то маринованные въ уксусѣ грибки, Пятизябенко спросилъ:

— А какъ фамилія, не знаете ли, той пожилой дамы съ дочерьми, которую я встрѣтилъ вчера на городскомъ мосту? Еще у нея голубая карета?

— А! это та, Мàкортытъ, помѣщица изъ Пупàвокъ; еще сама, говорятъ, съ дочерьми въ пруду бреднемъ рыбу ловитъ! — отвѣтилъ добродушный Обàпалка.

— Ну, а тѣ барышни, кто такія, рыженькія и въ голубыхъ шляпкахъ?—спросилъ кашлявшій въ салфетку гость:— я ихъ вчера тоже встрѣтилъ за городомъ!

— Это, — подхватилъ добродушный хозяинъ, смотря на жену: — это Завалишинскіе однодворки! У насъ зимою, на балу, шутники-офицеры наименовали одну Кирпàша, а другую Мордàта!—Фамилія же у нихъ, право, такая мудреная, на М, и, кажется, нѣмецкая!

— Хòха! — подхватила супруга.

— Да, точно, Хòха, я и забылъ!—прибавилъ супругъ:— точно Хòха, и не на М!

Разговоръ въ этомъ тонѣ длился еще нѣсколько минутъ. Наконецъ догадливая хозяйка вышла. Гость высморкался, сложилъ платокъ втрое, спряталъ его въ боковой карманъ фрака и началъ:

— А вы, я думаю, уже догадались, зачѣмъ я явился къ вамъ?

— Хи, хи! Какъ же не догадаться! Хи, хи! — подхватилъ, улыбаясь, хозяинъ, склоняя на бокъ голову и въ то же время смотря гостю въ глаза.

— Такъ, значитъ, вы соглашаетесь! — спросилъ, приподнимаясь, гость.

— Соглашаюсь ли?..

— Да!

Обàпалка потеръ переносицу. Потъ градомъ катился съ него. «Была не была!—подумалъ онъ,—подставимъ ему Акулину Саввишну!» И еще разъ сообразивъ, какъ полезно будетъ, для его отношеній къ супругѣ, подставить гостю Акулину Саввишну, онъ сдѣлалъ изъ лица своего лицо важное и сказалъ:

— Я согласенъ на все, только съ однимъ условіемъ: оставимъ все это до сегодняшняго вечера; вечеромъ мы все покончимъ! Да притомъ же надо и ей дать опомниться! —прибавилъ Обàпалка уже съ располагающей улыбкой. При словѣ ей Пятизябенко совершенно оживился, сталъ болтать о разныхъ веселыхъ вещахъ и вышелъ отъ Обàпалки, чуть не подпрыгивая отъ радости...

— Такъ до вечера? — спросилъ онъ уже на улицѣ, раскланиваясь съ Обàпалкою.

— До вечера! до вечера!—отвѣтилъ, также раскланиваясь, Обàпалка.

Въ окнѣ противоположнаго дома между тѣмъ сильно заколыхалась розовая штора.

«Что бы это значило? — думала акушерка, слѣдя изъ-за окна за уходящимъ гостемъ, — не задумалъ ли мерзавецъ Обàпалка надуть гостя?»—Какъ надуть, акушерка еще недоумѣвала, но видѣлъ ея копотливый умъ какія-то сѣти, разставленныя противъ интереснаго проѣзжаго, и этого уже было для нея довольно. Никогда не питая къ Обàпалкамъ особеннаго сочувствія, она задумала и рѣшилась разрушить ихъ ковы. Такъ какъ окончаніе дѣла должно было произойти вечеромъ, то акушерка предположила напустить къ Обàпалкамъ весь городъ: пусть тогда выборъ незнакомца произойдетъ при всѣхъ, и судьба, одна судьба рѣшитъ, кому изъ дѣвицъ торжествовать. Созвать же весь городъ къ Обàпалкамъ было очень не трудно: для этого стоило только пустить въ городѣ вѣсть, что у нихъ будетъ пить чай новый гость, и городъ полетитъ туда, гдѣ будетъ пить чай новый гость! Акушерка рѣшилась, и нетечàнка ея загремѣла и запрыгала по улицамъ. Насталъ роковой вечеръ. Городокъ превратился въ муравейникъ, на который мальчишка-

пастухъ крикнулъ извѣстную примолвку: — «комашки, комашки, прячьте подушки, татары идутъ!» — И еще скорѣе онъ походилъ на тотъ же городокъ, въ старину, когда произошла эта примолвка. Крикъ со степи: «татары идутъ!» поднималъ и стараго и малаго, и женщину и больного, и все по улицамъ степного слободского городка суетилось, кричало, металось и бѣжало опрометью куда глаза глядятъ. Такъ было и теперь; только горожане нынче знали, куда бѣгутъ. Киръ Кирычъ спѣшилъ къ стряпчему; Пудъ Пудычъ спѣшилъ тоже къ стряпчему. Секретарь Панмутьевъ летѣлъ къ секретарю Панкутьеву, а секретарь Панкутьевъ къ секретарю Панмутьеву, и оба на дорогѣ, въ пріятномъ изумленіи, сталкивались! Обыватель Андрей Андреичъ Крути-Верти кричалъ своей супругѣ: «Замолчи ты, Гавриловна, замолчи, или я тебѣ всю рожу разобью!» А толстенькій ходатай по дѣламъ, тоже обыватель, Заткни-Перцу, брился передъ миской съ водой, вмѣсто зеркала, и полоскалъ ротъ апельсинною водицею, по случаю сытнаго обѣда у сосѣда съ непристойнымъ чеснокомъ. Двѣ застарѣлыя, уже извѣстныя дѣвицы въ тирбушонахъ ѣхали въ бричкѣ, напудренныя по самыя рѣсницы, потупя глаза и въ то же время говоря шопотомъ:

«А посмотри, посмотри, копочка, у поповны опять угорь вскочилъ на носу, а она все-таки ѣдетъ!» Веселыя барышни съ сердитою маменькою тоже ѣхали. И ѣхалъ весь городокъ въ гости къ Обàпалкамъ. Улица передъ домомъ Обàпалокъ совершенно запрудилась экипажами. Какихъ тутъ экипажей не было! И колымаги, и брички, и фаэтоны лиловаго цвѣта, и желтыя дрожки, и краковскія брички, и нетечàнки и чертапханы, и слобожанскія таратайки, именуемыя «бѣда» и на которыхъ точно бѣда ѣздить! На нѣкоторыхъ кòзлахъ сидѣли обыкновенные кучера; на другихъ — мальчики въ непомѣрныхъ шерстяныхъ капотахъ, а на третьихъ — дворовыя дѣвки въ рукавицахъ и шапкахъ, очевидно занявшія мѣста кучеровъ, ушедшихъ на косовицу. Словомъ, съѣздъ былъ хоть куда. Внутри дома также было пестро и шумно. Между собравшимися пролетѣлъ слухъ, что самихъ хозяевъ нѣтъ въ домѣ. Всѣ недоумѣвали, куда они могли скрыться; недоумѣвала и акушерка. Чтобы какъ-нибудь пока замять дѣло, она распорядилась съ чаемъ, и скоро казачки стали разносить установленные подносы. «И куда улетѣли? — ду-

мала акушерка, обѣгая глазами шумное собраніе.—неужели догадались и рѣшились дать тягу?»—Но не успѣла она подумать этого, какъ на улицѣ послышался стукъ колесъ, и дормёзъ давноожидаемаго гостя подкатилъ къ крыльцу. Принявъ шумный съѣздъ за особое расположеніе къ себѣ новыхъ родныхъ, Пятизябенко, съ чувствомъ удовольствія, вступилъ въ двери залы. На первыхъ же порахъ, однако, онъ былъ удивленъ, что хозяева не встрѣтили его. Поклонившись съ улыбкой и пригласивъ взглядомъ вставшее при его входѣ собраніе сѣсть, Пятизябенко опустился въ кресло и спросилъ:

— «А хозяевъ, господа, еще нѣтъ?»—«Да, хозяевъ нѣтъ еще!» — отозвались робко нѣкоторые голоса, и вслѣдъ за тѣмъ въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Пятизябенко началъ ощущать признаки робости и неловкости. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его, среди кучи незнакомыхъ и невиданныхъ лицъ, становилось затруднительнымъ. Побарабанивъ пальцами по ручкамъ креселъ, причемъ въ лицѣ его не было ни кровинки, онъ поднялъ голову и рѣшился прибѣгнуть ко всегдашнему своему спасенію, къ краснорѣчію.

— Вотъ, господа, — началъ онъ, покашливая и стараясь попасть на веселый тонъ: — дожилъ я до горькаго разочарованія въ жизни: думалъ испить, какъ говорится, до дна чашу блаженства и остался холостякомъ; выходитъ, — ладилъ человѣкъ челнокъ, а свелъ на уховертку! Такова-то наша жизнь! Такова-то наша печальная и поучительная жизнь!—Гость остановился; отвѣта на его слова не послѣдовало... За спиною его только раздался прерывистый шопотъ и даже сдержанный смѣхъ; Пятизябенко не имѣлъ силъ обернуться, да и хорошо онъ сдѣлалъ, что не обернулся! Собраніе, очевидно, начинало потѣшаться на его счетъ. Одинъ только Борисъ Борисычъ, проскользнувшій въ это время въ залъ и стоявшій у двери, задумчиво склонивъ голову, съ пальцемъ въ петлицѣ жилета, помолчалъ-помолчалъ, да вдругъ выступилъ и отвѣтилъ:—«Точно такъ, Ѳока Ильичъ! точно такъ!»—«А, это вы! — произнесъ, не безъ ощущенія внутренней радости, гость и ободрился: — а у насъ тутъ шелъ очень интересный разговоръ о поучительности человѣческой жизни!» — «Ну! — подумали при этомъ нѣкоторые изъ собравшихся.—поучительность поучительностью, только, братъ, это все еще не дѣло и порядочная-таки чепуха;

пора бы, наконецъ, перейти и къ главному!» Гость терялся окончательно...

— А гдѣ же милые наши хозяева?—началъ онъ снова:—я что-то не вижу между вами нашихъ милыхъ хозяевъ!—Деликатный Плинфа, желавшій всегда, какъ о немъ говорили, смягчить дѣло, или, какъ онъ самъ выражался, подмазать сахарцемъ скипидарную пилюлю, хотѣлъ уже произнести: «А вѣрно они тутъ же, и только чѣмъ-нибудь вѣрно заняты!»—какъ слова его замерли на устахъ...

— Удрали куда-нибудь! — хватилъ напрямикъ и какъ будто про себя кривошей-подлѣкарь, прокладывавшій, по общему мнѣнію, понтоны черезъ самыя неприступныя рѣки.— «Какъ удрали? — спросилъ Пятизябенко и заикнулся; ему показалось, словно какая струна при этомъ лопнула и зазвенѣла передъ его ухомъ:—я васъ что-то не разслышалъ!»

— Какой тутъ не разслышалъ!—замѣтилъ весело и опять-таки какъ-будто про себя кривошей-подлѣкарь: — онъ вамъ навралъ, собачій сынъ, если сказалъ, что у него есть дочка! Ну, у какого бѣса онъ возьметъ дочку, и на комъ васъ женитъ? Развѣ на своей качкѣ женитъ?

Тутъ строго внимавшее собраніе не выдержало и прыснуло со смѣху; веселыя барышни звенѣли, какъ колокольчики. Однѣ дѣвицы съ тирбушонами долго крѣпились-крѣпились, но, наконецъ, не вытерпѣли и расхохотались, утирая обильныя слезы. Пятизябенко былъ, какъ на угольяхъ; онъ теперь ясно видѣлъ, что его водили за носъ.

— Ну,—началъ онъ разбитымъ голосомъ:—вы, милостивый государь, произнесли недостойное слово...

— А, когда недостойное,—замѣтилъ еще болѣе въ духѣ подлѣкарь:—такъ и значитъ, что онъ васъ женитъ на своей качкѣ!

Взрывъ потрясающаго хохота перешелъ всякія границы. Окна въ залѣ дрожали, какъ на балу послѣ выборовъ. Уже обиженный гость хотѣлъ встать и выйти, уже Плинфа порядочно трухнулъ и также намѣревался выйти, какъ вдругъ, изъ-за ряда городскихъ дамъ, выступила акушерка и, поклонившись гостю, начала:

— Я дѣвица не богатая и, смѣю сказать, даже неопытная, но позвольте, милостивый государь, замѣтить: смѣю ли я спасти васъ отъ соблазну, да, спасти васъ отъ соблазну? Ссылаясь на весь городъ, я, Анна Ивановна Гонорарій,

акушерка, увѣряю, что у Обàпалокъ дѣтей—ни мальчиковъ, ни дѣвочекъ — никогда не было и быть не могло! И если они васъ увѣряли въ противномъ, то не доживи я до свѣтлаго дня свадьбы, — потому что выхожу замужъ и даже скоро, и даже выгодно, и даже очень счастливо, и притомъ за человѣка, которому дорого одно мое вниманіе (пять шпилекъ разомъ вонзились и укололи сердце Плинфы!), — не доживи я до свѣтлаго дня свадьбы, если слова мои неправы!

Пятизябенко не помнилъ себя отъ смущенія; въ глазахъ его ходилъ туманъ! Тутъ еще, къ довершенію общаго смятенія, не успѣла акушерка вынуть платочекъ и, плюнувъ въ него, положить его обратно въ ридикюль,—что она изъ деликатности дѣлала всякій разъ, когда нужно было плюнуть,—какъ въ дверяхъ гостиной появились сами хозяева—Обàпалки, блѣдные и неподвижные, какъ смерть. Никто не зналъ теперь, не зналъ и впослѣдствіи, откуда они явились, потому что акушерка, по собственнымъ ея словамъ, обѣгала не только всѣ комнаты и чердакъ, но и всѣ прочія мѣста.

— А, и вы здѣсь! — произнесъ уже какъ съ того свѣта Пятизябенко: — ну, не грѣхъ ли, не стыдно ли вамъ? Надули, надули, какъ послѣдняго школьника!

Тутъ подняла снова голосъ Гонорарій.

— Послушайте, милостивый государь! — начала она, покашливая:—не обижайтесь еще, не обижайтесь! Смиритесь! Дѣло ваше еще не потеряно, потому что выборъ вашъ сію же минуту можетъ пасть на достойнѣйшую изъ дѣвицъ нашихъ!

Пятизябенко потеръ лысину, откачнулся въ кресло и засмѣялся... Смѣхъ его сталъ неожиданно возрастать, возрастать, перешелъ въ неописанный, неудержимый хохотъ и, какъ пламя, вдругъ обнялъ и всколебалъ все собраніе! Хохоталъ и Плинфа, хохотала и акушерка, хохотали и барышни, все хохотало самымъ неудержимымъ, самымъ неподдѣльнымъ хохотомъ, хохотало, утирая слезы, охая и сморкаясь, сморкаясь и охая... Первый остановился гость.

— Ну, не умора ли, господа,—началъ онъ, оставливаясь и задыхаясь отъ смѣха:—ну, не умора ли все это событіе? Ну, откуда мнѣ показалось, ну, откуда мнѣ это вздумалось, право? Нѣтъ, господа, это событіе—невѣроятное событіе. И какъ это такъ, вдругъ пріѣхалъ, увидѣлъ, и что такое увидѣлъ — и самъ не знаю!.. Чортъ знаетъ, какая исторія! А

впрочемъ, такъ какъ, господа, всякая исторія чѣмъ-нибудь кончается, то ужъ не откажите мнѣ и отужинайте сегодня у меня, въ саду гостиницы! Вѣдь, я думаю, тамъ готовятъ хорошій ужинъ? А?..

Собраніе отвѣтило, что точно ужинъ готовятъ хорошій, и разошлось, шумно разбирая случившееся. И вотъ, далеко за-полночь, въ гостиницѣ загремѣла полковая музыка, зазвенѣла посуда, захлопали пробки, и цѣлый городъ сталъ веселиться наскоро, общими силами слѣпленнымъ весельемъ! И что же? при послѣднемъ тостѣ, когда извѣстный уже подлѣкарь проигралъ на принесенной гитарѣ «Черничку», любимую пѣсенку горожанъ, и Плинфа, по общему желанію, поцѣловалъ свою невѣсту въ стыдливое мѣсто. Пятизябенко всталъ и обнялъ Обàпалку. Собраніе открыло глаза и въ пріятномъ изумленіи стало смотрѣть на достойный поступокъ гостя.

— Ну, скажите мнѣ,—началъ Пятизябенко, цѣлуя Обàпалку то въ одну, то въ другую щеку: — ну, скажите мнѣ, за что вы меня хотѣли такъ общипать?

— Не хотѣлъ общипать, по совѣсти не хотѣлъ! — отвѣтилъ, едва держась на ногахъ, Обàпалка:—въ окнѣ у меня никакой барышни не было, а было что-нибудь другое (при этомъ Обàпалка робко взглянулъ на жену), — и вамъ это показалось; а впрочемъ, господа, подкачнемъ нашего гостя! Гостя подкачнули, подкачнули, подкачнули дружно, весело и стали цѣловаться; и когда стали горожане цѣловаться, стали бесѣдовать, и что говорили при этомъ веселые горожане, того рѣшительно никто не могъ уже разобрать!—Веселые горожане еще крѣпко спали, когда дормёзъ заѣзжаго гостя снова покатилъ по пыльной дорогѣ! Гость уже не выглядывалъ изъ оконъ на встрѣчные экипажи; ему, повидимому, было не до того! И жаль: въ одномъ изъ этихъ экипажей сидѣла, полулежа на бѣлой, какъ снѣгъ, подушкѣ, обшитой кружевами, дѣвушка—лѣтъ двадцати-трехъ, брюнетка, въ маленькомъ чепчикѣ, съ большими темными глазками, и блѣдная, какъ мраморная Геба! Она окинула орлинымъ взглядомъ проѣзжаго и подумала: «Вотъ бы мужененъ, и старъ, и не бѣденъ, и порядочный, кажется, колпакъ!» — Дѣвица была дочь одной современной маменьки, гдѣ-то проживавшей домоправительницей, слыла у сверстницъ подъ именемъ Тамерлана и теперь уѣзжала изъ одного

семейства, гдѣ была, безъ году недѣлю, гувернанткой и гдѣ ей только-что торжественно отказали.

Хорошенькій Тамерланъ въ тотъ же день подъѣхалъ въ чужой каретѣ къ лавкамъ, подъѣхалъ съ цѣлью блеснуть въ послѣдній разъ интересною обстановкой и столкнулся тамъ съ акушеркою, у которой еще живо въ памяти было вчерашнее событіе. Когда услышала отставная гувернантка разсказъ о гостѣ, когда она услышала этотъ разсказъ,—лицо ея поблѣднѣло, слезы выступили изъ глазъ, и батистовый платокъ вмигъ превратился въ клочки. Она тутъ же, какъ есть, передъ подругою вызывалась садиться въ перекладную и догонять гостя! И насилу ее уговорила и утѣшила «шерчикъ» акушерка, или, собственно, не утѣшила—потому, что хорошенькая гувернантка долго не могла забыть этого событія и долго была главною повѣствовательницею пассажа, нарушившаго покой тихаго степного городка.

II.

СЛОБОДКА.

Вахрамѣны—старинная малороссійская слободка. Вахрамѣны—слободка на рѣчкѣ Балаклейкѣ. Что же это за слободка и гдѣ лежитъ она? Лежитъ ли она среди дубоваго лѣса; сбѣгаетъ ли зелеными садами къ морю; бѣлымъ ли стадомъ, среди колодцевъ и тополей, раскинулась по влажной луговинѣ; или сидитъ себѣ бочкомъ, брошенная въ разсыпку на маковкѣ изрытаго дождями песчанаго косогора, сидитъ себѣ, свѣсившись въ одну сторону надъ синѣющими равнинами болотъ и залежей, а въ другую—надъ шахматными коврами черныхъ пахатей и пышныхъ озимей, клубящихъ по вѣтру свои перлово-оранжевыя волны? Гдѣ она, эта слободка? И куда лежитъ къ ней пустынная, малопроѣзжая дорожка?.. Слободка лежитъ далеко-далеко, тамъ, гдѣ надъ степью возвышается курганъ, курганъ уединенный и зеленый, вокругъ котораго на привольи гуляетъ вѣтеръ! Съ него глядѣли, съ этого кургана, и сторожевые дикари, поджидая издали родныя полчища, съ гикомъ несущихся на степь, ордынцевъ; глядѣли нѣкогда и суровые жрецы, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ поднятыми къ небу руками, дымившіе передъ суровыми истуканами кровавыя жертвы, жертвы во славу и спасеніе склонившихся вокругъ холма суровыхъ легіоновъ! Все измѣнилось! Не видно болѣе на курганѣ косматыхъ сторожей; нѣтъ болѣе на немъ и жрецовъ въ бѣлотканныхъ одеждахъ. Съ пустыннаго кургана глядитъ дикій коршунъ, недвижно сидя въ ожиданіи новой добычи, да глядитъ съ него еще, забытая временемъ и отошедшими безъ вѣсти народами и обычаями, вросшая по поясъ въ землю, каменная баба. Эта каменная баба съ величайшею флегмою упираетъ косые, сѣрые глаза въ пустынный воздухъ, и все равно ей, темно или свѣтло на небѣ, покрыта ли земля цвѣтомъ и зеленью, или сувоями непроходимаго снѣга, и скучно или весело жить на свѣтѣ людямъ! Стоитъ

каменная баба и смотритъ. А между тѣмъ, вокругъ нея, времена бѣгутъ и смѣняются временами, солнце катится и перекатывается, совершается торжественное шествіе пустынной жизни, и каждый мигъ уступаетъ мѣсто идущему за нимъ преемнику, безъ грусти и сожалѣнія, уступаетъ охотно и радушно, тихо и беззаботно, точно какъ будто его никогда и не было на свѣтѣ! Что же видитъ каменная баба? Какія картины встаютъ и вращаются, вспыхиваютъ и гаснутъ передъ ея недвижными взорами?..

Огромный, исхудалый грачъ съ шумомъ пролетѣлъ, каркая надъ степью. Въ воздухѣ повѣяло робкимъ, чуть слышнымъ тепломъ. Подъ косвеннымъ лучемъ затаяли пàточины и родники; звучно падаютъ первыя брызги капели. Сомнѣнья нѣтъ: зима гдѣ-то близко, гдѣ-то не за горою, гдѣ-то встрѣтилась съ лѣтомъ! Сомнѣнья нѣтъ, блескъ и веселье на порогѣ!..

Весна!..

Рыжій байбакъ вскидывается отъ спячки, становится у подмытой норки на заднія лапки и пускаетъ по степи пронзительный, оглушающій, долгій свистъ. Сквозь кору гололедицы пробивается душистая коронка синички. Ранняя цапля летитъ, согнувъ длинную шею, на оттаявшее болото. Байбакъ, синичка и цапля несутъ весну. Весна идетъ радостно и привольно, идетъ, захватывая врасплохъ, идетъ, все будя и зажигая, все наполняя силами и жизнью! Вездѣ вода, вездѣ сверкающія водныя стекла, по которымъ стелется и бѣжитъ голубая паутина, едва пахнетъ и пронесется свѣжій, душистый весенній вѣтеръ! Проточины чернѣютъ и зеленѣютъ. Степь отливается, поочередно, то желтыми, то лиловыми, то ярко-пламенными красками. Взошла поводь, налетѣли туманы... Дикіе гуси плывутъ въ недосягаемой вышинѣ, плывутъ тупымъ угломъ, и вожатый, волнуя свой живоподвижной косякъ, оглядываетъ изъ-подъ бѣгущихъ, тонкихъ облаковъ поля и прибрежья, и окостенѣлый въ дуплѣ лѣсной груши ястребъ, отряхивая иней съ замерзшихъ крыльевъ, встаетъ и летитъ на добычу. Гдѣ же люди? Встрѣчаютъ ли они также радостно весеннее ликованіе?— За лугами и пахотью, надъ косогоромъ, едва черкнула румяная заря, тамъ и сямъ, тихо поднялись въ воздухъ кудрявыя полосы дыма. Жилья не видно. Виденъ съ кургана только просторъ всюду оживающей степи. Но если бы каменная баба встала съ кургана, освободила изъ-подъ земли

свои неподвижные члены и пошла по направленію къ сверкнувшему ранняму дыму, она увидѣла бы сбѣжавшій къ рѣчкѣ хуторокъ, увидѣла бы уютную слободку Вахраманы. Иногда усталый, изнуренный зноемъ путникъ раздвигаетъ руками чащу дикаго кустарника, тщетно пролагая въ дубравѣ тяжелый свой путь, и вдругъ въ лицо его повѣетъ влагою, тѣнь осѣнитъ его, и побѣгъ чистой, холодной струи затрепещетъ въ легкомъ сумракѣ глубины и свѣжести лѣсной чащи. Также неожиданно, словно изъ-подъ травы, является путнику уединенная слободка, слободка на рѣчкѣ Балаклейкѣ, слободка старинная, не новая, притаившаяся въ глубинѣ байрака, съ своими обычаями и нравами, притаившаяся, какъ забытый лѣтнимъ зноемъ снѣгъ запоздалой зимы, какъ отнесенная съ равнины успокоившагося моря щепка разбитаго бурею корабля.—О, весна еще радостнѣе встрѣчается на слободкѣ! Авдотья-кузнечиха пришла и стала надъ рѣками и озерами; Хіона-урви-берега пришла за нею. Щука хвостомъ разбила ледъ, и воды двинулись среди потопленныхъ луговъ. Егорій-съ-водой былъ не долго; Николасъ-травой близится и замѣняетъ его; жаворонки рѣютъ и слобожане поютъ: «прилетѣлъ куликъ изъ заморья, вывелъ весну изъ затворья!» Весна идетъ по слободкѣ. Пѣтухи заливаются криками съ утра до вечера, заливаются на крышахъ и воротахъ соломенныхъ хатокъ; волы жмурятъ глаза, грѣя у заборовъ свои плотныя спины. Корова шумно дохнула и лижетъ оттаявшее окно; а съ вошедшимъ въ хату ребенкомъ влетаетъ свѣжесть и какое-то обхватывающее душу благоуханье воздуха. Летятъ травники и поручейники; летятъ кряквы и тудаки. Ласточки снуютъ, какъ мухи; далекій рѣзкій крикъ гуся оглашаетъ пустынные тростники: въ ближней гущинѣ кленовъ звучитъ и перезванивается золотая флейта иволги; а слобожанинъ, покинувъ объятія теплой печки, гдѣ лежалъ всю зиму въ просѣ, куря трубку, уничтожая горячіе блины и любуясь молодою женой, вышелъ подъ навѣсъ хаты въ одной рубашкѣ и не безъ основанія полагаетъ, что иволга кричитъ: «Брось сани, возьми возъ!» Пчелы засуетились, загудѣли и одна за другой вылетаютъ изъ улья вялыя и сонныя, вылетаютъ на луга и степи. Темнымъ вечеромъ, сѣвши на завалинкѣ, полновидая и чернобровая дивчина затянула пѣсню, ей вторятъ другія, и слободка зазвучала!—Пѣсни-веснянки идутъ по слободкѣ,

сосѣднимъ луговинамъ и рощамъ. Пѣсни-веснянки поются шумными толпами слобожанской молодежи. Чернобровыя дивчата, въ лентахъ и монистахъ, поютъ: «по три гроша молодецъ, какъ печеный горобецъ»; лихачи-парубки, въ шапкахъ, заломленныхъ чортомъ, поютъ: «по копейка баба, по полушкѣ дѣвка!» Пестрая, дѣтская толпа прыгаетъ и хлопая въ ладоши, кличетъ дождь: «дождь-дождемъ, поливай ковшемъ!» — прыгаетъ и поетъ: «иди, иди, дождикъ, сварю тебѣ борщикъ, и съ петрушкою, и съ капусткою, и съ желтыми печерицами!» Дождь шумитъ и падаетъ, и благодатный солнцегрѣвъ словно тянетъ изъ земли пышныя травы и овощи. При первомъ ливнѣ дѣвушки подставляютъ подъ холодныя брызги свои пышныя плечи и нѣжныя щеки, а парубки свои густыя кудри. При первомъ громѣ слобожанинъ считаетъ долгомъ стать подъ заборомъ и подпереть его своею спиной. По улицамъ несутъ хлѣбъ, обложенный первой зеленью, несутъ деревянныхъ ласточекъ. Чтобы явилась сорока, кладутъ на дорогѣ къ колодцу сорокъ палочекъ, а школяры несутъ дьяку сорокъ бубликовъ; впрочемъ, веснянки еще не несутъ теплоты, будетъ еще сорокъ морозовъ! Сорока является, и дивчата и парубки идутъ въ лѣсъ — закликать кукушекъ. На зеленой просѣкѣ ждутъ перваго крика птицы-предвозвѣстницы, бесѣдуютъ съ нею, ѣдятъ и пьютъ, и шумно открывается пора цвѣтныхъ игръ... Чеканчики, свинка, вдовья лоза, горѣ-цвѣтъ, скрагли, хрещикъ и рябецъ идутъ и смѣняются другъ другомъ. Пастухъ выбранъ: съ каждой головы скотины обѣщано ему по грошу или по гривнѣ за лѣто; стадо двинулось въ поле, и дудка зазвучала. Мартовская брага ставится въ глубокіе подвалы, на случай близкихъ сватаній и обмѣна ручниковъ. Но прежде выбора пастуха и обмѣна ручниковъ, наступаетъ Ѳоминъ понедѣльникъ; идутъ на дѣдовскія и отчія могилы, идутъ, прежде воздѣланья нивъ земныхъ, на нивы божьи, гдѣ почіютъ сномъ безмятежнымъ отошедшіе работники земли, почіютъ давшіе жизнь племенамъ новымъ, племенамъ новымъ и счастливымъ. Слобожанинъ остается безъ шапки на родимомъ погостѣ; онъ молчитъ и трижды кладетъ земные поклоны... Но вотъ, просохшія пахоти зовутъ въ поле. Еремей-запрягальникъ несетъ плугъ и борону; Ирина-разсадница копаетъ огороды и бакши; а вотъ, не за горами и Аграфена-купальница и Ѳедосья-колосница. Духовникъ ближ-

няго мѣстечка совершаетъ крестный ходъ на нивы и озими. Полевыя работы начинаются: подсѣвки, засѣвки и досѣвки идутъ другъ за другомъ. За первыми всходами, на засѣянной нивѣ, послѣ общаго обѣда въ полѣ, на плугу, увитомъ цвѣтами, атаманъ съ слобожанами возятъ на себѣ панъ-отца. Но вотъ, летитъ уже изъ лѣсу стонъ и звонъ воздушныхъ пѣсенъ. Появляется желтоногенькая, вѣчно тиликающая птичка: это — мучимая жаждой, это — птичка, по словамъ слобожанъ, вѣчно просящая пить. Зной на порогѣ, лѣто не загорами.—А вотъ оно и настало!..

Лѣто!..

Какъ ярко и зелено кругомъ! Какъ кипитъ заботливая жизнь! На Зилота собраны быстро-отцвѣтающія цѣлебныя травы. Настаетъ зеленая недѣля. Свѣжесть и влага весны еще не закатились за синѣющіе холмы окрестностей. Пояса плетутся изъ травъ, шапки плетутся изъ травъ, вѣнки и черевики плетутся изъ травъ! Въ косяки хатъ втыкаются красные васильки, голубыя сокирки, панскій-макъ, нагидки, лилово-сизые колокольчики, павлиньи глазки. Всюду зелень, всюду травы, всюду радость! Дѣтвора дудитъ въ осиновыя дудки. Суровый чабанъ ладитъ лады и сердце на грубо-отесанной очеретяной свирѣли. На каждой русой головкѣ вѣнокъ, на каждой русой головкѣ любимый выборъ стебельковъ руты, волошковъ, любистка, мяты, крученыхъ-панычей, гвоздики, чернобривцевъ, зинзивера и черевичковъ. Ковалева-Катря, у которой густыя брови, какъ черные жуки, сошлись и не расходятся, нацѣпила во всю косу, косу — шириною съ ея собственную ладонь, цѣлую лавку лентъ и увѣнчала ихъ огромнымъ пучкомъ калины. Сирота Хрістя, у которой никто еще не видѣлъ улыбки, воткнула въ волосы вѣтку божьяго-листу и человѣчьяго-вѣку. Чабанова Хитка украсилась нечосой-панночкой; а полногрудыя и рослыя дочки зажиточнаго атамана, — атамана Самойлика, никогда не покидающаго своей палки, обвили положенныя вѣнцомъ надъ русыми головками русыя косы свои нитями вѣчно-зеленаго и вѣчно-любимаго барвинка, этого завѣтнаго, перваго друга степной дѣвической юности и послѣдняго украшенія старческой, одинокой, степной могилы. И все это поетъ, и веселится, и ждетъ въ опьяняющемъ туманѣ радостей праздника завѣтнаго, праздника Ивана-Купала. Иванъ-Купало сходитъ на холмы и долины. Крас-

ный пѣтухъ зажаренъ; клей съ девяти деревъ собранъ; на перекресткѣ трехъ дорогъ подняты соломинки и сплетенъ вѣнокъ изъ девяти травъ, сорванныхъ на девяти холмахъ. Сглаженныя злымъ глазомъ выкупались въ ранней росѣ, и деревянный огонь, или царь-огонь, пріобрѣтенный отъ трепія двухъ вѣтвей лѣсной ивы, не слыхавшей ни шума воды, ни крика пѣтуха, ивы, изъ которой свирѣль способна даже мертваго заставить плясать, уносится съ торжествомъ въ поле изъ тихой слободки. Въ темную, безлунную ночь пространства степей, на цѣлыя сотни верстъ, мгновенно вспыхиваютъ и освѣщаются живыми огнями. Въ темную, безлунную ночь съ холма къ рѣкѣ, по отлогому берегу, кладутся вереницей десятки костровъ, и посмотрите, какъ обливаются блескомъ эти ленты и дукаты, широколистые вѣнки и груди, обнаженныя ноги и ярко вышитые подолы стройныхъ слобожанокъ, прыгающихъ подъ заунывныя купальскія пѣсни черезъ соломенные и посконные костры! А чучело марены изъ вѣщихъ травъ, изъ былицы, богатѣньки, ѳдоленя и адамовой-головы, въ длинной бѣлой рубахѣ, въ желтой плахтѣ и въ монистѣ, въ вѣнкѣ изъ алыхъ махровыхъ маковъ и чернобыльника, стоитъ себѣ на холмѣ, среди тихоподвижнаго, громкаго хоровода. И чуденъ издали видъ быстро бѣгущихъ и волнующихся въ дыму и пламени слобожанокъ! И поютъ слобожанки про Ивашка и Оленку, про Петрочка и Парасю, про Василька и Оксану, про Павлочка и Пидорку. И поютъ онѣ, какъ ходили дѣвочки около мареночки, около того Вудала-Купала, и какъ играло солнышко на Ивана. Съ шумомъ топятъ наконецъ въ рѣкѣ нарядную марену. И далеко разносится по темной долинѣ надъ рѣкою пѣсня: «Купался Иванъ и въ воду упалъ!» — И откликаетъ тонущая въ сумракѣ окрестность: «Иване, Иване, подъ гору зелененько, на мѣсяцѣ видненько, серденько!»—И катятся съ холма, обнявшись по-парно, молодыя подружки, и катятся съ другой стороны, также съ холма, парубки; пары разрываются, и кто къ кому докатится, того и считаютъ за назначеннаго судьбой жениха. А между тѣмъ, головы болѣе безстрашныя собираются тайкомъ проскользнуть, до первыхъ пѣтуховъ, въ лѣсъ или на болото, гдѣ скоро зацвѣтетъ сатанинская трава папоротникъ, и не боятся они встрѣтить качающихся на вѣтвяхъ зеленыхъ русалокъ и синихъ, въ косую сажень величиною,

ящерицъ, и не боятся они увидѣть сотни разсыпанныхъ по травѣ, огненныхъ ивановскихъ человѣчковъ! И самые хороводы завиваются и гремятъ надъ долиною, пока, наконецъ, страшнымъ голосомъ изъ лѣсу не станетъ ихъ разгонять. Купало проходитъ, недалеко Петровка, недалеко задумчивыя, уныло-тихія пѣсни—петровочка, еще печальнѣе и еще элегичнѣе пѣсенъ купальскихъ. Слобожанинъ, между тѣмъ, не плошаетъ. Онъ уже надѣлъ на лицо волосяную сѣтку и ловитъ рои, съ шумомъ вылетающіе изъ пасѣки,— пасѣки въ уютномъ грушевомъ садикѣ. Онъ помнитъ, что завѣщала людямъ царица-пчела, отъ которой вышли всѣ на свѣтѣ пчелы: «Корми меня до Купала, сдѣлаю изъ тебя пана». Приходитъ, наконецъ, Петровка, хлопотуньи хозяйки пекутъ вкусныя мандрыки. Замолкла кукушка, замолкла лѣсная провозвѣстница. «Отчего же это она замолкла?» — «Подавилась мандрыкою», — замѣчаетъ сѣдой, старый дѣдъ, обтесывая кривымъ рубанкомъ рукоятку для серпа своей внучки. Веснянки, купальскіе огни, петровскія пѣсни и кукушки прошли; царство зноя, царство жаровъ и засухи вступаетъ въ свои права. Утреннія росы кропятъ еще едва остывающую за ночь, жаркую грудь земли; колосъ зрѣетъ и наливается, и пышно волнуется червонно-золотая, сквозящая огнемъ нива новаго хлѣба. Немного печалятъ людъ Божій заломы колосьевъ: ночью чья-то невидимая рука надламываетъ тяжелыя колосья; ну, да ничего! авось умолотъ будетъ хорошій. И вотъ, руки ломятся отъ размаховъ косы; спина ломится отъ сверканья кривымъ серпомъ; ноги ломятся отъ ходьбы по необозримой пажити. Работа идетъ живо и скоро. Обжинки, праздникъ новаго хлѣба, встрѣчаются съ сулеею вина и новыми пѣснями, — пѣснями косовицкими и гребовицкими; золотой вѣнокъ изъ колосьевъ, увитыхъ васильками, надѣвается на голову лучшей жницы. Священникъ опять является съ крестомъ и водою, среди разбросанныхъ кучами сноповъ и коленъ. Кутья изъ первыхъ зеренъ ячменя на мискѣ, убранной цвѣтами и листьями, отсылается въ церковь. А вотъ толпа, радостная случаю повеселиться, убрала послѣдній снопъ изъ послѣднихъ брошенныхъ колосьевъ на нивѣ, убрала его въ видѣ человѣка съ руками и ногами и несетъ его съ торжествомъ на слободку, и слободка снова не умолкаетъ до зари. Покосы, запашки, засѣвки, помочи, замо-

лоты, умолоты и перемолоты — идутъ вслѣдъ за обжинками. Спиридонъ-солнцеворотъ недалеко. На Маккавеевъ производится макотрусъ и пекутся шулики изъ маку и сдобныхъ коржиковъ. Наступилъ Спасъ медовый и Спасъ яблочный. Бьютъ пчелъ и выбираютъ медъ; тутъ пчела очень зла, и не одинъ является на косовицу съ дулею подъ глазами или цѣлымъ огурцомъ подъ губою. Ягоды зрѣютъ, бакши зрѣютъ, ленъ и конопля зрѣютъ. Потрепунки, колотушки, супрялки, порѣпицы, капустницы и дынекрадницы настаютъ на слободкѣ. Но что это? Куда стремится разряженная толпа? Возы скрипятъ, сапоги звенятъ подковами, алые черевики какъ жаръ горятъ. Въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, въ Лиманѣ, соборный праздникъ и ярмарка. Что же это за ярмарка? Продаются ли тутъ кони и полотна, сукна и посуда? Стоятъ ли тутъ гордымъ строемъ разноцвѣтныя палатки и самовары, наставляемые по тринадцати разъ въ сутки? Нѣтъ тутъ ни коней, ни полотенъ, ни суконъ, ни самоваровъ! Продается тутъ рыба-чехонь, и птица-курица, торгуетъ тутъ нашъ братъ, слобожанинъ, торгуетъ чѣмъ попало, и хлѣбомъ, и дегтемъ, и солью, и всячиною, и чѣмъ только онъ задумаетъ. И поетъ тутъ свои безконечныя пѣсни, подъ звуки кобзаря, слѣпой кобзарь Гарбузъ, или знаменитый Петро Колибаба, или, наконецъ, и самъ Тростинецкій кобзарь, — Залавскій. Цыгане замолкли, крики торгашей замолкли, щебетухи-перекупки замолкли. Стоятъ слобожане кружкомъ, подперши головы руками и свѣсивъ чубы, стоятъ и слушаютъ кобзаря; и звучатъ потрясающіе, унылые переливы украинскаго речитатива, и звучатъ торжественныя думы о Голотѣ, о смерти атамана Ѳедора Безроднаго, о Самойлѣ Кумкѣ, о Барабашѣ, о Морозенкѣ и о вѣчно любимомъ гетманѣ, о гетманѣ Хмельницкомъ — Богданѣ. — А не хотите ли пѣсни другой, будничной, пѣсни соромницкой? Кобза загремѣла, мѣхоноша-повадырь дудитъ въ дудку, и пошла гремѣть! «Ой бисъ мини раду давъ, що я соби бабу взявъ! Бабу, бабу, бабу, бабу, бабу взявъ!» И внимающая толпа не выдерживаетъ, пускается въ плясъ и подхватываетъ съ громомъ: «Ой, сорока скрегоче, никто бабы не хоче! Бабы, бабы, бабы, бабы не хоче!» И площадь мѣстечка долго гудитъ подъ сапогами веселыхъ слобожанъ. И далеко наконецъ разносятся слова пѣсни: «Ой, кто до кого, а я до Параськи!» И громко льется слободское ве-

сельс.—Но вотъ, послѣдняя лѣтняя гроза ползетъ и застилаетъ половину неба. Укрывшись подъ развѣшенною на косѣ свиткою, лежитъ навзничь истомившійся косарь, лежитъ и не видитъ, какъ зловѣщая тѣнь перебѣгаетъ по конямъ и сѣнным покосамъ, спавшее стадо поднимаетъ тревожно головы, и стая дикихъ утокъ летитъ, спѣша укрыться въ тростникѣ, котораго верхушки уже срѣзались и переклонились отъ набѣгающаго быстраго степного вихря. И вотъ, подулъ бурей вѣтеръ отъ солнца, несущій бури; звучно падаютъ первыя металлическія капли ливня, и цѣлое море дождя разомъ проливаетъ на жадную землю послѣдняя лѣтняя туча. Быстро падаетъ и быстро высыхаетъ этотъ дождь. Черезъ мигъ, кругомъ уже свѣтло, и въ лучахъ солнца купаются послѣдніе клочки летящихъ безъ вѣсти, влажныхъ облаковъ, а веселуха-радуга, переклонившись коромысломъ, тянетъ изъ ближней рѣки воду. Только на дальней, синѣющей луговинѣ поднялся дымокъ, подъ нимъ зардѣлась алая точка, и стогъ сѣна, подожженный молніей, клубитъ летущее пламя. Но вотъ, Спиридонъ-солнцеворотъ наступилъ, солнце поворотило съ лѣта, а лѣто на холодъ... Заяцъ выкунѣлъ и сталъ, какъ въ мѣховыхъ штанахъ. Алое сукно клубники застилаетъ холмы и луговины. Въ байракѣ, за Балаклейкою, открыта волчья выводка. Поросята, что день, исчезаютъ въ ближнемъ стадѣ, и коренастый кабанъ, не безъ тревоги, посматриваетъ съ косогора на стада барановъ, тонущія въ густой, сквозящей головатыми маковками, полянѣ цвѣтовъ и травъ.—Осень!..

Семенъ-лѣтопроводецъ обходитъ сады, пашни и огороды: край неба на зарѣ багровѣетъ! Она радуетъ и не радуетъ, грѣетъ и не грѣетъ, эта чудно-суровая степная осень. На Воздвиженье уже сдвинулась свита и подвинулся кожухъ. Слобожанинъ выходитъ изъ хаты, становится противъ солнца и пристально смотритъ, блуждая взорами по опустѣлой окрестности... Сколько потрачено на эту землю силъ и трудовъ, заботъ и здоровья! Давно ли шумѣли по ней лезвія быстрыхъ косъ, и косари, какъ паруса кораблей, рядами шли и расходились по луговинѣ? Давно ли огни позднихъ ужиновъ усыпали звѣздами темнѣющее море степи, и за казанкомъ водки батраки ѣли пшенную кашу съ таранью, галушки съ перепелками? Дымъ, какъ саванъ блѣднаго привидѣнія, шелъ по полю и исчезалъ въ мерцаніи ночи,

а багровый, гигантскій шаръ запоздалаго мѣсяца, какъ голова сказочнаго богатыря, тихо высовывался изъ-за двухъ кургановъ, посылая прежде себя пожаръ далекаго лѣса, или подобно раскаленному серпу, воткнутому въ далекій стогъ сѣна, алѣлъ на небосклонѣ... Давно ли скрипѣли по проселку возы, нагруженные снопами, и на подвижной громадѣ ихъ круглилась русая головка въ вѣнкѣ изъ яркоголубыхъ васильковъ? Давно ли?—А теперь въ полѣ скучно и пусто, скучно и бѣдно! Задумывается слобожанинъ и рѣшаетъ, что близко паутинье лѣто и похороны мухъ. Паутинье лѣто и похороны мухъ наступаютъ; летятъ по воздоху бѣлыя нити паутинокъ, сорванныя вѣтромъ. Вѣдьмы лумятъ на помелахъ эти нити и свиваютъ ихъ въ мотки на зиму. Въ арбузныхъ коркахъ строятъ могилки мухамъ; а день становится все менѣе и менѣе. Тернъ собранъ; арбузы на зиму насолены; сливянки, барбарисовки, смородиновки, черешневки, грушевки, клубниковки и всякія водянки настоены, слиты и укупорены въ завѣтныхъ дѣдовскихъ подвалахъ. Знахарки, навьюченныя травами и кореньями, десять разъ уже посѣтили сосѣднія балки и рощи. Дикіе журавли стадами бродятъ около копенъ сѣна и по курганамъ, выплясывая на солнцѣ другъ передъ другомъ неистовыя пляски. Молодой заяцъ мячемъ выкатывается изъ-подъ ногъ охотника. Рогъ звенитъ, и свора несется, чуть касаясь верхушекъ легкой травы. На тусклѣ небесъ снуютъ и чернѣютъ неподвижно распластанные кресты плавающихъ подъ облаками коршуновъ. Хлѣборобы, гречкосѣи, просомяты и домонтари жарче берутся за работу; одни чумаки, въ ожиданіи умолота пшеницы и обычнаго похода въ Крымъ за солью, лежатъ и грѣются подъ вишнями. Въ бондаркѣ звенитъ подъ новымъ обручемъ бочка. Волъ чешется о поднятую оглоблю воза, раскрашеннаго прохожимъ изъ Яковенковыхъ хуторовъ маляромъ. Молодица, вся подоткнутая и подвязанная, только-что выполоскала новую крашенину и опрокидываетъ ушатъ съ водою, смѣшанною съ синькой, а румяный мельникъ, съ напудренною бородой и висками, остановился у своихъ воротъ и, изъ-подъ мѣшковъ съ горохомъ и просомъ, кричитъ проходящему кузнецу, чтобъ не забылъ подковать его новые желтые, козловые сапоги. На длинныхъ кольяхъ изгороди, перевернутые вверхъ дномъ, торчатъ зеленыя кубышки и миски, и локоны хмеля,

выглядывая изъ-подъ морщинистыхъ желтыхъ тыквъ, выросшихъ на заборѣ, взбѣгаютъ на жерди и вьются на воздухѣ махровыми кружевами. Среди слободки появляются навьюченные мѣшками и связками покупщики щетины, пеньки, перьевъ, полотна, воску и меду; товаръ мѣняется на гребни и иголки, на ленты и бусы. А вотъ и вирій начался. Въ теплыя страны, въ страны приморскія улетаетъ всякая птица. Плывутъ въ небѣ нити дикихъ гусей и стрепетовъ, мелкая дробь перепеловъ и скворцовъ, плывутъ снова косяки курликающихъ журавлей и огари, съ яркомалиновыми ногами и носомъ, точно обмокнутые въ яркопламенную киноварь. Волосяные кулички, и тѣ летятъ. Длинныя перья на ихъ шеѣ и хребтѣ заворачиваются отъ вѣтра, и кажется, будто распукленные хлопки шерсти летятъ по воздуху. Дѣти пускаютъ въ это время, изъ луковъ, въ перелетную птицу камышевыя стрѣлы, облѣпленныя на концѣ смолою. Большею частью эти стрѣлы уносятся подъ крыльями дюжей птицы; но иногда жирный, упитанный гусь, догнанный ловко-пущенною стрѣлою, падаетъ изъ недосягаемой высоты и разбивается тутъ же о твердую землю. Въ воздухѣ свѣжѣетъ. Пахнули первые утренники. Значитъ, зацвѣла гдѣ-то, вовѣки незримая, трава глодъ. На Покрова толпа дѣвушекъ идетъ молиться о Покровѣ женихамъ. Рослый, плечистый атаманъ, неподкупный атаманъ Самойликъ, ведетъ съ послѣдней полевой работы, съ опашки и засѣвковъ подъ озимь, своихъ слобожанъ и, остановясь среди улицы, угощаетъ ихъ водкою. Палка, усѣянная бирками, отставлена въ сторону, и веселье идетъ разливанною рѣкой; самъ атаманъ расправляетъ усы и осушаетъ муравленый шкаликъ. Въ кружкѣ пьющихъ и поющихъ молодицъ прохаживается здоровая, полноикрая бабенка; носъ ея ужъ озарился лучами подступающаго веселья, и, прохаживаясь мелкимъ топотомъ, бренчитъ она подковами и приплясываетъ: «Вотъ, бабы, какая я хорошая! Вотъ, бабы, какая у меня плахта! Гуляй, бабко!.. Эхъ, но-ожъ гуляй, бабусю!» — Бабуся, однако, гуляетъ не долго! — Сине-водная весна, зелено-благоуханное лѣто и золото-багряная осень прошли; краски полей измѣнились: бѣлая зима недалеко. Морозъ неожиданно перекидывается изъ-за цѣпи приземистыхъ косогоровъ, грянетъ стужа, и достанется тогда на славу всѣмъ лысымъ и плѣшивымъ. Иззябшія галки снуютъ по небу

и каркаютъ, пророча близкую зиму. Снѣгъ виситъ въ каждой тучкѣ, виситъ надъ омертвѣлою, опустѣвшею степью.

Зима! Долгая, скучная зима!

Вы хотите знать, какъ живется на слободкѣ зимою? — Какъ живется? Живется скучно! — Нѣтъ на слободкѣ ни каминовъ, ни газетъ, ни театровъ; нѣтъ на ней ни баловъ съ ослѣпительнымъ освѣщеніемъ, зеркальными полами, яркою зеленью и сверкающими, обнаженными плечами. Скучно живется зимою на слободкѣ!—Слобожане, однако, стараются разогнать эту скуку. Чуть пришла пора рѣкостава и подступили Егорій-съ-гвоздемъ и Никола-съ-мостомъ; окна законопатились, и земля съ водой сплотилась однимъ непрерывнымъ мостомъ. Время работъ внутри двора настало. — Эти, напримѣръ, бѣлыя, чистенькія хатки разукрашиваются и убираются весьма затѣйливо. Стѣны подъ образами разрисовываются розовыми, голубыми и зелеными полосками, какъ цвѣтутъ розы и васильки; тутъ же втыкаются пучки любистка, гвоздики и полыни, и послѣдняя трава считается травой очистительной. Вымѣненныя у Цареборисовскихъ и Салтовскихъ маляровъ иконы, между которыми особенно уважается икона Межигорской Богоматери, освѣщаются передъ каждымъ праздникомъ восковыми свѣчами. Страстная свѣча припасается на случай грозы. Тутъ же, въ мѣшкѣ, виситъ артосъ и ладанъ и для неизлѣчимыхъ болѣзней полотенце, которымъ священникъ отиралъ съ престола пыль. Надъ дверью, въ пузырькѣ, виситъ крещенская вода; ею кропятъ перепуганныхъ дѣтей. Ткацкій станъ стучитъ и хлопаетъ съ утра до ночи, и гребень, съ начатою мочкою пряжи, уже не пускаетъ Ковалеву-Катрю, щеголиху и пѣвунью, взглянуть лишній разъ въ обломокъ зеркальца, вмазанный между окнами. Начинается долгая пора домашнихъ работъ: работы коротаютъ время и скуку. — Хлопотуньи-хозяйки встаютъ, или, какъ говорятъ слобожане, рушатся первыя; задолго до разсвѣта, почти въ полночь, зажигаются жировые каганцы, и пряжа прядется до самой зари. Усталые глаза липнутъ отъ дремоты, но веретено жужжитъ и прыгаетъ по глиняному полу. Чуть заря, начинается стряпня обѣдовъ. Полностаная, полногрудая дивчина, взявши круглое коромысло съ двумя ведрами на плечи, идетъ за водой, и пышно колышется на ней бѣлая новая свитка съ двумя черными

сердечками на спинѣ, у пояса. Время обѣда, о вы, отдаленные читатели столичные, на слободкѣ — десять часовъ утра. Послѣ обѣда — кто садится опять за пряжу, кто за ткацкій станокъ, а кто и за шитье людямъ на сторону. Съ сумерками настаетъ топка печей къ ужину. Ужинаютъ въ пять часовъ, и вслѣдъ затѣмъ на слободкѣ уже не слышно человѣческаго голоса. Мужики, впрочемъ, какъ и слѣдуетъ, лѣнивѣе бабъ. Мужикъ, отработавшись осенью, до первой новой теплыни лежитъ себѣ на печи и знать ничего не хочетъ. Онъ и за золотыя горы не пойдетъ зимой на заработки: чего ему еще надо? Хлѣба у него полны закрома, въ хатѣ молодая жена, на ногахъ одни сапоги, а другіе сапоги еще въ дегтѣ такъ и мокнутъ: только задумалъ, надѣлъ и щеголяй по слободкѣ!—«Жинко, найди трубку!»—говоритъ хозяинъ съ печи.—«Да гдѣ-жъ она?»—говоритъ жинка, шаря по угламъ.—«Да ты ужъ знаешь, гдѣ она»,—говоритъ мужъ, потягиваясь и зѣвая на печи. — «Гдѣ—знаешь! — не знаю!» — говоритъ робко жинка, теряясь въ тщетныхъ поискахъ.—«Да ужъ найдешь!—говоритъ непропѣтый лѣнтяй:—ты только ищи тамъ, гдѣ пахнетъ!» И терпѣливая жинка ищетъ тамъ, гдѣ пахнетъ, и точно—находитъ трубку.—Но печелюбы и лѣнтяи—не главный народъ слободки. Расторопный хозяинъ съ зари уже за работою. Онъ идетъ на загонъ, задаетъ кормъ воламъ и, атавѣ, молотитъ, вѣетъ, толчетъ, мелетъ крупу, мелетъ муку, мелетъ табакъ, возитъ дрова, или садится за какое ремесло — бочарное, столярное, кожевенное, кузнечное или малярное. Не замѣтишь, какъ Варвара уже ночи украла и дня притачала,—и смотритъ слобожанинъ: не идетъ ли уже весна съ поля? Нѣтъ! далеко еще, не идетъ! Будутъ и сильныя вьюги, и сильные морозы; будетъ еще семь долгихъ морозовъ,—морозы: михайловскіе, введенскіе, екатерининскіе, никольскіе, рождественскіе, аѳанасьевскіе и срѣтенскіе. Въ ясную оттепель гурьба ребятишекъ бѣжитъ за околицу катать снѣжные шары. Изъ шаровъ возникаетъ огромный, головатый человѣкъ - и съ руками, и съ ногами, и съ носомъ, и съ усами: его обкачиваютъ водою, и ледяной великанъ остается до перваго дождя, служа немолчною потѣхой слободскимъ ребятишкамъ. Но, наконецъ, пряжа и молотьба, всякія ремесла и снѣжный великанъ, и все надоѣло! Зима тянется нескончаемо. Настаетъ пора сказокъ... Старухи гадаютъ

внучатамъ и внучкамъ на угли, на воду и красныхъ пѣтуховъ. Онѣ говорятъ краснощекимъ внучкамъ: «Ты не бойся, кубышка моя, ты не бойся, муравленая; ты, кубышка, на счастье шла, макитру пироговъ несла, еще курицу жареную, еще утицу перепареную, будь здорова, кубышка моя!» Скопидомка-знахарка, старая старица, всегдашняя дѣвица, сбрызгиваетъ сглаженныхъ недобрымъ глазомъ, выливаетъ переполохъ, завариваетъ сояшницы, лѣчитъ дѣтскую чахлость и старческую вялость, шепчетъ на зубы, сводитъ куриную слѣпоту, сшептываетъ бѣльма, находитъ вѣдьмины горы и даритъ охаяннымъ хозяевамъ неразмѣнный рубль. Приди только бѣдственное сердце, она утѣшитъ; приди сердце покинутое, она дастъ зелье на слѣдъ; приди человѣкъ испорченный, она дастъ зелье на вѣтеръ; по пѣтуху откроетъ вора и по пчелиному соту исправитъ пчелиное дѣло. Обратись къ ней немощный, она оградитъ отъ всего; заговоритъ отъ тоски по насердкѣ, отъ несчастія въ дорогѣ; заговоритъ отъ змѣи, отъ крови, отъ зубной скорби, отъ икоты, отъ войны и мора, отъ черныхъ муріевъ, отъ красныхъ мышей съ зеленымъ глазомъ, отъ живота и отъ подпечныхъ «дидьковъ», принимающихъ такое участіе въ хозяйствѣ. А что такое подпечный дидько, это всякъ ужъ скажетъ! Да я думаю, что даже и не скажетъ, потому что врядъ ли кто рѣшится сказать, когда—того и гляди—старецъ, величиною съ воробья, въ войлочной шапкѣ и весь синій, выглянетъ изъ темнаго угла... А вотъ и неожиданная свадьба проглянула на слободкѣ. Сваты, перевязанные ручниками, подходятъ къ окну отца и матери невѣсты и говорятъ: «Мы слышали, что у васъ есть гусочка, а мы приготовили гусака; такъ, какъ бы ихъ спарить,—чтобы ужъ вмѣстѣ ходили и вмѣстѣ паслись?»—На это отвѣчаютъ: «Рады господамъ сватамъ!» — и пиръ горою начинается. Только-что прошла свадьба и хмельныя головы простыли, опять веселье и опять радость: сочельникъ рождественскій на порогѣ. Хата заново обѣлена и размалевана. Надъ столомъ красуется новая картина; кадка меду, чистаго, какъ глыба перваго снѣга, отдана за нее лиманскому звонарю, и еще переминался рыжій звонарь и утѣшился только тогда, какъ выпилъ еще кварту сливянки и взялъ на рубашки дѣтямъ кусокъ полотна. На картинѣ написанъ запорожскій гайдамакъ въ зеленомъ кунтушѣ и синихъ шароварахъ; чубъ свѣсился за ухо и коротенькая люлька тор-

чить въ зубахъ. Тутъ же стоитъ бѣлый конь и фляжка съ водкою: на деревѣ—полковой гербъ, а на землѣ—ружье и рогъ. Гайдамакъ что-то шьетъ. А внизу надпись: «Сидитъ казакъ на стерну и штаны латаетъ; стерна его очень колетъ, а онъ стерну лаетъ!» — Хозяинъ-домонтарь выбрилъ гладко бороду, подбрилъ усы и затылокъ и ходитъ по хатѣ, въ ожиданіи праздника. Дѣти несутъ крестнымъ отцамъ вечерю: узваръ, кутью и пироги. Въ звѣздную, морозную ночь начинаются колядки. Толпа дивчатъ идетъ чествовать святой вечеръ. Шумныя толпы славятъ Христа. По улицѣ несутся пѣсни: «Ой, рано-рано, куры запѣли; святый вечеръ!» По улицѣ несутся пѣсни: «Ивашко всталъ, лучкомъ забряжчалъ, зоветъ братьевъ въ поле: тамъ куница въ деревѣ, а дивчина въ теремѣ!» Толпа парубковъ пересѣкаетъ имъ дорогу, сбиваетъ ихъ съ голосу, и строгія пѣсни колядокъ смѣняются пѣснями шуточными. Раздосадованныя дивчата поютъ: «Поѣхали хлопцы на ловы до зеленой дубравы: та уловили комаря-звонаря; стали суды судити, стали комаря дѣлити!» Парубки на это только слушаютъ и ничего не поютъ. Колядки смѣняются щедровками. На Меланку, ребятишки и дѣвочки ходятъ съ мѣшками и поютъ подъ окнами стариковъ, собирая за это, точно убогіе странники, куски хлѣба, пироги, колбасы и блины. Но ничто такъ не радуетъ дѣтей, какъ утро новаго года. Тутъ имъ полное раздолье. Съ шерстяными рукавицами, полными гороху, овса, гречихи и проса, они врываются въ хаты дядьковъ и дѣдовъ, врываются и посыпаютъ сонныхъ дядьковъ и дѣдовъ полными горстьми зеренъ, посыпаютъ окна, столы и даже вставшихъ хозяевъ, причитывая: «На счастье, на здоровье! Уроди Боже жито, пшеницу и всякую пашницу! Съ новымъ годомъ и съ Василемъ!» Пришло Крещенье... Сыплетъ и медленно падаетъ мохнатый снѣгъ, сугробы застилаютъ дорогу; на рѣчкѣ прочищена сверкающая полоса синезеленаго льда, и толпа ребятишекъ скользятъ и катятъ по ней палки, подбиваютъ другъ друга, кричатъ и смѣются на морозѣ; и не видятъ они, не замѣчаютъ, какъ клонится къ закату и угасаетъ недолгій февральскій вечеръ. Но, что это? Съ холма, со слободки, идетъ длинная вереница: печально и тихо идетъ толпа, неся высокіе кресты, церковные высокіе фонари и хоругви. Солнце скрылось за сплошныя бѣлыя тучи, и безпредѣльнымъ саваномъ разстилаются

бѣлыя степи. Умеръ атаманъ, умеръ высокій, чернобровый атаманъ, вождь и начало всѣхъ трудовъ, всѣхъ безчисленныхъ работъ и заботъ слобожанскихъ. Смежились долгимъ сномъ его зоркіе глаза, и палка, усѣянная бирками, навѣки покинута! Жилъ онъ привольно и богато, и по заслугамъ, какъ говорится, одна рука его была въ меду, а другая въ патокѣ. Не станетъ онъ болѣе передъ косцами, не тряхнетъ кружкомъ нависшихъ на лобъ волосъ, не скажетъ: «А ну-те, господа слобожанство! а гдѣ ваши руки, да и гдѣ ваши ноги?» И тутъ же, сорвавъ зеленую козѣльку, не прибавитъ болѣе: «Хорошая козѣлька! славная козѣлька! не дураки овцы, что ее такъ любятъ!» — Довольно! Отработался первый и лучшій работникъ слободки, отработался честно и до послѣдней капельки силы! Толпа идетъ и нѣсколько разъ останавливается. И всякій разъ, какъ она останавливается, священникъ, въ темной рясѣ, читаетъ во всеуслышанье вѣщую страницу разогнутой Вѣщей Книги. Толпа подходитъ къ погосту. Могила принимаетъ должное ей тѣло, и всѣ тихо расходятся по домамъ. Придетъ опять весна, степи зазеленѣютъ, но уже не встанетъ изъ могилы покойный атаманъ! И вотъ подулъ вѣтеръ, метель хлынула и заклубилась, степь потемнѣла, какъ море, и только съ уединеннаго кургана смотрятъ недвижно недвижные взоры каменной бабы, смотрятъ и слѣдятъ по-былому за тихимъ шествіемъ пустынной, степной жизни...

А между тѣмъ, послѣдняя льдинка растаяла, съ Аѳанасія полозъ пошелъ глубже, корова бока стала грѣть. Аксинья-полузимница привела ясные дни и ясныя ночи, и вотъ опять пахнула теплынь и радость, изъ вирія опять летятъ птицы, опять катится по небу животворящая весна; и не видитъ слобожанинъ, и не слышитъ слобожанинъ, какъ убѣгаетъ передъ нимъ вереница тихихъ годовъ, и самая старость для него не несетъ уже изнуренія души и тѣла, не несетъ тоски и скучныхъ жалобъ дряхлости; она является къ нему какимъ-то яснымъ, умиротворяющимъ возвратомъ къ дѣтству, возвратомъ къ началу жизни, возвратомъ къ тишинѣ и незлобію стремленій и помысловъ. — Такъ-то живется въ степной, маленькой слободкѣ, въ слободкѣ на рѣчкѣ Балаклейкѣ *)...

*) Нѣкоторыя мѣста этого разсказа вошли въ очеркъ «Чумаки».

III.

ДѢДУШКИНЪ ДОМИКЪ.

(Над. Θед. Бантышъ.)

Теплинскій лѣсъ выходитъ на большую чумацкую дорогу. Въ старину, по случаю частыхъ разбоевъ, о немъ говорили: «Кто минуетъ голую долину, да высокую могилу, да теплинскій лѣсъ, то не возьметъ того бѣсъ!» Времена стали другія. Лѣсъ состарѣлся и измельчалъ. Но одна половина его, именуемая Черточешенскимъ уступомъ, попрежнему пугаетъ праздное воображеніе людей. Дремучая дебрь уступа полна таинственности и мрачныхъ красокъ. Впрочемъ, слово дремучая да не введетъ никого въ ошибку; дремучаго здѣсь собственно очень мало потому, что эта дебрь простирается не далѣе какихъ-нибудь двухъ или трехъ верстъ, и дремлется въ ней развѣ одному усталому отъ зноя лѣсничему да старику-дровосѣку. Нѣтъ въ теплинскомъ лѣсу ни рысей, ни песцовъ, ни россомахъ, ни горностаевъ; нѣтъ въ немъ ни барсуковъ, ни соболей, ни ланей, ни бобровъ, ни медвѣдей. Зато въ неисчислимомъ множествѣ прыгаютъ въ его чащѣ приземистыя, краснобурыя лисицы; зато всѣ дубки и орѣшники его усѣяны бѣлками; зато волки въ немъ, какъ дома: никто имъ, уже болѣе пятнадцати лѣтъ, не мѣшаетъ тутъ плодиться, дѣлать набѣги на сосѣднія слободки и хватать изъ сосѣднихъ слободокъ лучшихъ поросятъ и барашковъ. Одинъ только разъ досталось въ ближнемъ селѣ, Панковкѣ, какому-то косолапому сѣркѹ. За то же онъ и надѣлалъ дѣлъ! Пробрался въ околицу, да не только пробрался, а отыскалъ еще хату, и чью бы вы думали? — самого атамана, Колодняжнаго-Юхты, онъ же и Хриновый-Бурякъ, — отыскалъ, вошелъ въ сѣни, изъ сѣней въ двери, залѣзъ на печку, съѣлъ тамъ три окорока, откопченныхъ къ петровскимъ розговѣнамъ, закусилъ миской варениковъ съ ягодами, да тамъ же и заснулъ. И досталось же за это косолапому сѣркѹ!—Теплинскій лѣсъ перерѣзанъ многими озерами, изъ

которыхъ Лебяжье, Плоское и Кривое считаются лучшими потому, что нигдѣ нѣтъ такого множества дичи, какъ тамъ. Въ Черточешенскомъ уступѣ, о которомъ пойдетъ главная рѣчь, протекаетъ небольшое безыменное, подвижное озеро, просачиваясь изъ безыменнаго же болота, и теряется тутъ же между тростниками. На низменной просѣкѣ Черточешенскаго уступа, на гребнѣ зеленаго косогора, надъ озеромъ и болотомъ, стоитъ дѣдушкинъ домикъ. Онъ стоитъ тутъ уже съ давнихъ поръ... Видъ съ косогора на воду, перебившуюся кучковатыми плёсами, по которымъ, едва пробѣжитъ вѣтеръ, стелется лилово-сизый отливъ, и на сочную зелень болота, въ рамѣ тростниковъ и густолистыхъ кустарниковъ,—хорошъ особенно лѣтомъ. Какая странная и причудливая растительность! Какъ перевиты эти сучковатыя деревья дикимъ хмелемъ! По окраинамъ озера стелются ползучія травы, называемыя бабынъ неводомъ. Чемерка, лопухи, козій-листикъ и заячья-капустка, былина и рясноголовая кульбабка, волошки и сочныя козѣльки, такъ любимыя собирательницами грибовъ и лѣсныхъ ягодъ, козѣльки всѣхъ родовъ и свойствъ,— и бѣлоголовый, дрябчатый смодвь, и сизый молочай, и голубая колючка, и рогозъ, и, наконецъ, сладкіе шпигаки: чего только нѣтъ въ этомъ лѣсу! А какъ настанетъ весною прилетъ птицъ.—и запоетъ, застонетъ кудрявый лѣсъ. По влажному, остывшему илу, какъ на конькахъ, скользятъ и бѣгаютъ пестрыя курочки, и сѣрая поверхность усѣевается крестиками пурпурныхъ ножекъ, какъ старинная рукопись старинными словами. Каждый кустъ, каждая вѣтка одѣты своею благоуханною атмосферою. А носатый гагарь, точно клокъ краснаго сукна, перебрасывается съ дерева на дерево, бѣгаетъ и тихо вытаскиваетъ изъ влажной земли сладкіе корешки, бѣлыя поросли камыша и прошлогднихъ букашекъ, или же, беззаботно набѣгавшись, стоитъ себѣ на одной ножкѣ, зажмуривъ глаза по сторонамъ поднятаго носика и дремлетъ подъ полусонное жужжаніе кузнечиковъ и мошекъ, и медленно качаются вокругъ него широкіе, сквозящіе лопухи и махровыя ленты хмеля, и тихо застилаетъ его прохлада подступающаго вечера, и проносятся надъ нимъ, какъ бродячія пѣвчія струны, рогатыя жукалки и трепетныя, сумеречныя бабочки. Но вотъ, заливаются голубымъ и краснымъ потопомъ цвѣтущія нѣкоси. Трещитъ и сохнетъ, отнесенный весеннею водою, буреломъ и разное

мелкое ухвостье. Въ камышахъ пробираются облинялыя, безкрылыя утки. Гнѣзда свиты, начинается безконечная, громкая, роскошная лѣсная свадьба. Вотъ она идетъ и подступаетъ... На тихой утренней зарѣ, когда по темнымъ деревьямъ только-что мелькнули желто-пурпурныя пятна и туманъ свился и плыветъ надъ болотомъ, — въ недосягаемой вышинѣ берутъ верхъ и идутъ какіе-то чудные звуки: точно торжественный, таинственный благовѣстъ раздается подъ небесами и падаетъ на землю. И вотъ — все слышнѣе и слышнѣе, все ближе и ближе. Несутся воздушные полки воздушныхъ армій... На лѣсъ проливается цѣлое море звуковъ. Черканіе болотныхъ веретенниковъ, сонное курруканье горлинокъ, звонъ травниковъ, какъ теньканье крохотныхъ стекляныхъ колокольчиковъ, рѣзкое чоканье дроздовъ и дребезжащій смѣхъ пустынной хохотвы, какъ ауканье спрятаннаго въ кустахъ лѣшаго, долетающій откуда-то чуть слышный бой перепела, трескъ куличка и печальныя перезваниванья иволги,—сколько странныхъ, сколько причудливыхъ голосовъ и звуковъ! Но и въ тихое осеннее время, когда матери перестали уже печально скликать разбѣжавшихся и разлетѣвшихся дѣтей; когда въ травѣ не шныряютъ уморительные куличата, и гусыня не переноситъ уже съ плёса на плёсо за шейку крохотныхъ гусенковъ; когда бѣлоствольная береза ярко отдѣляется и сверкаетъ на матовомъ багрянцѣ вязовъ и сквозящаго, лапчатаго клена; когда, наконецъ, голубое сукно васильковъ уже не застилаетъ ни болотной кутемы, ни пеструшки: и въ тихое осеннее время—теплинскій лѣсъ имѣетъ много торжественно-таинственнаго. Погонышъ, какъ тѣнь, скользитъ въ сумерки по темной, ползучей шмарѣ; неугомонный дятелъ долбитъ и вьется вокругъ дупла столѣтняго, увѣшаннаго воронъими гнѣздами береста, и звучно падаетъ въ пустынной тиши изсохшій листъ, считая обнаженные сучки и вѣтви, и звучно уносится умирающая, до новой весны, пѣвучая лѣсная жизнь!..

Дѣдушка былъ не промахъ, когда построилъ свой домикъ на такомъ выгодномъ мѣстѣ. Домикъ представляетъ любопытное зрѣлище. Онъ старъ и покачнулся на бокъ. Соломенная крыша его завихрилась и поднялась отъ вѣтра, какъ панцырь у ежа. Бревна его исчерчены іероглифами червей, а крыльцо, какъ остовъ павшаго въ степи коня, проросло крапивою. Небольшой ребенокъ даже и не взойдетъ на него:

онъ взойдетъ на него только при помощи опрокинутаго ведра или колоды, на которой дѣдушка кустъ проволочные крючки для своихъ удочекъ. Зато въ теплую погоду, отъ весны до осени, окна домика раскрыты настежь, и свободно влетаютъ въ нихъ мошки и сумеречныя бабочки, и свободно влетаютъ въ нихъ лепестки цвѣтущихъ яблонь и молодыя ласточки и синички. Когда подобное обстоятельство случается, родители крохотныхъ птичекъ долго летаютъ и тилликаютъ въ вѣтвяхъ сосѣднихъ деревьевъ, предполагая, что это дѣдушка, хищнымъ набѣгомъ на ихъ владѣнія, похитилъ маленькихъ птичекъ. А дѣдушка ходитъ себѣ въ мерлушковомъ халатѣ, ходитъ и знать ничего не хочетъ. Зеленый картузъ съ гигантскимъ овально-продолговатымъ козырькомъ, весьма напоминающимъ утиный носъ, покоится на его головѣ. И ходитъ себѣ дѣдушка, заглядывая подъ кусты и деревья, колиру́я и подпиливая засохшіе сучки. И весело дѣдушка посматриваетъ съ зеленаго косогора... А тишина въ старомъ домикѣ невозмутимая. Дѣдушка однажды сознался, что въ какое-то особенно бурное лѣто птичка, именуемая овсянкою, залетѣла въ окно его спальни, на глазахъ его свила въ углу, въ развѣшанныхъ моткахъ пряжи, гнѣздышко, выкормила дѣтей и съ новорожденною семьею снова улетѣла изъ спальни. Какъ не послѣдній мечтатель, дѣдушка далъ этому событію такое значеніе: «Придетъ время, и вотъ онъ самъ явится въ домикъ съ маленькою, своею собственною птичкою». Впрочемъ, это было еще давно-давно, въ годы прошедшей юности. Черточешенскій уступъ видѣлъ дѣдушку и ребенкомъ, у котораго щеки походили на спѣлыя яблоки, а голова на репейникъ, и школяромъ, улетѣвшимъ изъ сосѣдняго городка на каникулы съ новоизобрѣтенными хлопушками и незатянувшимся синякомъ подъ глазомъ, и офицеромъ въ мундирѣ съ желтымъ воротникомъ, на который заглядывались сосѣднія хуторянки, владѣтельницы пары черныхъ бровей, полной груди, звонкаго дѣвическаго смѣха и нѣсколькихъ десятинъ зеленыхъ, грунтовыхъ садиковъ; не видѣлъ только родимый лѣсъ дѣдушки счастливымъ... Но что же это за дѣдушка? Каково его начало и происхожденіе? Исторія дѣдушки есть исторія его домика, и потому разскажемъ обстоятельно послѣднюю.

И, во-первыхъ, исторія древняя.

Съ давнихъ давенъ и старинной старины, территорія

теплинскаго лѣса принадлежала предкамъ дѣдушки. Зажиточные предки, считавшіе свои земли не клочками болотъ и озеръ, а десятками тысячъ десятинъ нетронутой плугомъ, пустынной нови, по которой рыскала татарва—жили въ высокомъ, пространномъ домѣ, срубленномъ изъ столѣтнихъ дубовъ. Двойной частоколъ окружалъ домъ; на столбѣ, середи двора, качался сторожевой колоколъ и звучалъ цѣпью привязанный къ столбу медвѣжонокъ. Старые дѣды жили весело, родились и умирали, не выѣзжая далѣе сосѣдняго повѣтоваго городка. Въ темныя осеннія ночи, когда волки выли за озеромъ, подъ проливнымъ дождемъ, у воротъ останавливался путникъ, колоколъ звучалъ надъ озеромъ и селомъ съ низенькою церковью, раскинутымъ у подошвы холма, и рычалъ на цѣпи косматый сторожевой медвѣжонокъ. Столѣтній, слѣпой садовникъ, отыскивая дорогу палкой, съ фонаремъ, вводилъ путника въ просторный домъ. Тутъ было тепло и отрадно, среди развѣшанной и разставленной утвари. Хозяинъ, съ кубкомъ вина на серебряномъ блюдѣ, встрѣчалъ гостя, а въ высокую, рѣзную дверь входила стройная панночка, въ парчевомъ платьѣ и съ корабликомъ на головѣ, панночка, у которой полный станъ не перетягивался рюмочкой и густыя брови были, какъ на шнурочкѣ. Гость съ хозяиномъ заводилъ рѣчи объ иностранныхъ земляхъ и народахъ, о далекихъ штурмахъ и бояхъ. Говорилъ гость, и долго, по его отъѣздѣ, чудились панночкѣ и ея сѣдоусому отцу битвы и пожары, пышныя убранства и громы музыки, турниры и чужеземныя красавицы, и тихая, сладкая рѣчь гостя, котораго, наконецъ, догоняла, вдали отъ нихъ, въ чужомъ краю, вражья пуля. Тихо старѣлся и разрушался величественный дубовый замокъ предковъ. Иногда, во время домашнихъ праздниковъ и пировъ, при громогласныхъ «ура!» и выстрѣлахъ пушекъ, стоявшихъ у воротъ частокола, не малое количество штукатурки падало съ потолка на подносы, уставленные кубками, и стѣны дома многозначительно покрякивали на шумные заздравные тосты. Когда дѣдушка принялъ наслѣдство и вышелъ въ отставку, родовое село его, за разныя забавы и увеселенія предковъ, неожиданно продали и перевели куда-то за рѣку. Не спасли дѣдушку ни желтый офицерскій воротникъ, ни дипломъ шляхетнаго корпуса, гдѣ онъ кончилъ свое воспитаніе. Дѣдушка скинулъ сюртукъ, сказалъ: «Ну, что же?

не взяла!» подумалъ, подумалъ — и сломалъ свой старый, большой домъ. Въ видахъ улучшенія печальныхъ обстоятельствъ, на первый разъ изъ обломковъ дома былъ выстроенъ овчарный загонъ, причемъ самъ владѣлецъ поселился подъ косогоромъ, въ орѣшникѣ, въ куренѣ старой насѣки. Вслѣдствіе этого, всякъ, кто проѣзжалъ по лѣсу тѣрною, обозною дорогою, не мало изумлялся при видѣ обширнаго овечьяго загона съ рѣзными окнами и — игольчатыми на углахъ уцѣлѣвшей крыши. Но въ одну безснѣжную зиму пали всѣ овцы дѣдушки, и планы на улучшеніе печальныхъ обстоятельствъ рушились. Дѣдушка скинулъ и щегольской хуторянскій бешметъ, синій съ выпушками, какъ мундиръ у сотника, надѣлъ мерлушковый халатъ и изъ овчарнаго загона выстроилъ маленькій домикъ. Онъ выстроилъ его на пепелищѣ стараго дома, выстроилъ у подножія высокаго, развѣсистаго дуба, какъ подъ сѣнью мирнаго священнаго преданія. Этотъ дубъ выросъ изъ жолудя, посаженнаго передъ крыльцомъ стараго, большого дома въ тотъ самый достопамятный день, какъ дѣдушка дѣдушки впервые ввелъ въ него свою молодую, стройную жену и, по тогдашней польской модѣ, торжественно поцѣловалъ ее передъ толпою собравшейся челяди. Жолудь, черезъ много лѣтъ, превратился въ громадный зеленый дубъ, который на тридцать шаговъ протянулъ кругомъ свои тяжелыя, плодоносныя вѣтви, и подъ этими вѣтвями, какъ былинка у подножія одряхлѣвшаго, павшаго дерева, выросъ скромный преемникъ пространныхъ дѣдовскихъ палатъ, низенькій домикъ, съ двумя окошечками на озеро... Въ древней исторіи домика есть еще одинъ довольно замѣчательный эпизодъ: именно, происхожденіе воздушнаго моста къ домику, у подножія холма... Воздушный мостъ произошелъ такъ. Устроивши свое гнѣздо, дѣдушка пустился мечтать о присоединеніи новаго лица къ своему уголку, которое бы согрѣло и освѣтило его жизнь,— задумалъ жениться. Вслѣдствіе этого, онъ частенько сталъ переѣзжать узкую плотину, отдѣлявшую часть озера и болота отъ холма, и появляться въ тихихъ домикахъ сосѣднихъ хуторянъ. Сосѣдніе хуторяне также нерѣдко стали завертывать къ обладателю Черточешенскаго уступа. Какъ вдругъ, въ одну дождливую весну, потоки съ ближнихъ мѣловыхъ пригорковъ хлынули на болото и перерѣзали, глубокою водомоиною, плотину подъ холмомъ. Дѣдушка очу-

тился въ засадѣ, отрѣзаннымъ отъ остального міра. Однакоже онъ не потерялся и задумалъ выстроить черезъ провалье мостъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ единственному слугѣ и плотнику рубить по сосѣдству удобныя деревья. Удобнѣйшимъ оказался на первый случай высокій вязъ, росшій у самой водомоины, и плотникъ началъ съ него. Переправился черезъ оврагъ, привязалъ къ вершинѣ дерева веревку, къ веревкѣ коня и сталъ рубить дерево. Громадный вязъ затрещалъ, рухнулъ, но вмѣсто того, чтобы упасть на сторону, гдѣ стоялъ плотникъ, упалъ на другой край провалья и своею страшною силою перекинулъ черезъ провалье лошаденку. Дѣдушка въ это время сидѣлъ у озера, въ орѣшникѣ, колируя какую-то дикую щепу. Когда конь перелетѣлъ черезъ оврагъ, онъ медленно поправилъ на головѣ картузъ съ утинымъ козырькомъ и замѣтилъ: «Какой это бѣсовъ сынъ тамъ лошадьми кидается?» А растерянный плотникъ, стоя на другой сторонѣ провалья, ударилъ объ полы руками и замѣтилъ: «Что бъ было и воловъ привязать!» — Это событіе далеко обошло словоохотливый околотокъ. Вязъ сдѣлался съ той поры мостомъ, черезъ который весною, когда вода съ шумомъ бѣжитъ по дну оврага, посѣтители переходятъ безопасно, придерживаясь за суковатыя вѣтви, а дѣдушка, котораго посѣщать стало такъ же легко, какъ брать приступомъ крѣпости, получилъ прозвище Черточешенскаго кулика, и это прозвище, при помощи дѣдушкинаго козырька и халата, навсегда за нимъ осталось...

Теперь средняя исторія дѣдушкинаго домика. Средняя исторія дѣдушкинаго домика обнимаетъ только одно важное событіе: именно—смерть той особы, которая долженствовала сдѣлаться его подругою, долженствовала согрѣть и освѣтить его жизнь. Это трогательное событіе излагается въ туземныхъ преданіяхъ съ малѣйшими подробностями. Дѣдушка посватался за дочку повѣтоваго комиссара, табуны котораго до сихъ поръ расхаживаютъ по окрестной степи. Гордый предстоящимъ счастьемъ и родствомъ, за нѣсколько дней до свадьбы, по старинному обычаю, поѣхалъ дѣдушка съ своею невѣстою на богомолье въ сосѣднюю златоверхую пустынь. Дорогою неописанное горе посѣтило его: простудившись подъ грозою, невѣста его заболѣла и умерла, въ виду златоверхой пустыни! Дѣдушка похоронилъ ее и вернулся домой одинъ, безъ своей молодой невѣсты, вернулся одинъ,

съ маленькою мѣстною иконою изъ монастыря. Толпа сосѣдей и родныхъ весело поджидала его возвращенія. Выйдя изъ брички, дѣдушка подошелъ къ будущему своему тестю, который, съ пѣниковою трубкою, стоялъ впереди всѣхъ, и, подавая ему икону, сказалъ: «Вотъ теперь моя невѣста!»— сказалъ и тихо пошелъ въ домикъ. И когда онъ опять вошелъ въ домикъ, когда старыя стѣны опять увидѣли его холостякомъ и сиротою, когда вспомнилъ дѣдушка овсянку,— голосъ его задрожалъ, точно оборванная струна, и онъ замѣтилъ: «Ну, что же? опять не взяла!» — сказалъ и сталъ довольно храбро утѣшать родныхъ. Безъ гостей, однакоже, онъ слегъ въ постель, раздались его глухія рыданія, и никогда уже, съ той поры, онъ не могъ найти прежней беззаботной мечты о счастьѣ и о супружествѣ. Дѣдушка сдержалъ слово и навѣки остался холостякомъ. Никогда болѣе не заводилъ онъ рѣчи о прошломъ, и одно только обстоятельство напоминало знающимъ его о невозвратной потерѣ. На погостѣ хутора, гдѣ опущена въ землю дорогая особа, дѣдушка взялъ на память нѣсколько отростковъ яблонь и посадилъ ихъ возлѣ своего домика. Яблони поднялись и разрослись и скоро верхушками своими стали заслонять отъ глазъ дѣдушкинъ домикъ такъ, что теперь его уже и не примѣтишь изъ-за ихъ зеленолистой стѣны! На чугунномъ же памятникѣ кладбища дѣдушка изобразилъ слѣдующую многозначительную надпись: «Покойся, моя бѣдная!» и внизу: «Боже! не отринь ее отъ лица Твоего!» — Тихо тосковалъ съ тѣхъ поръ дѣдушка. Бывало, чуть вечеръ, онъ уже сходитъ къ озеру, садится на берегу, на обломокъ жернова, и закидываетъ въ озеро удочку. Онъ сидитъ и смотритъ въ свѣтлую воду, смотритъ и дожидается, когда колыхнется поплавокъ. Вода недвижна, и небо, какъ раскаленная по краямъ яхонтовая чаша, опрокинулось надъ лѣсомъ. Что же это рыба такъ лѣниво ловится? Что же это она не играетъ и не плещется? Но вотъ стекло воды дрогнуло. Туманъ разстилается, и тѣни бѣгутъ и уходятъ на темное дно... Дѣдушка смотритъ: дѣдушкинъ образъ, какъ въ живомъ зеркалѣ, измѣняется, яснѣетъ;—темные волосы змѣятся вокругъ лица, молодые глаза блещутъ жизнью, и смуглый румянецъ сгоняетъ суровыя морщины... Дѣдушка уже не въ мерлушковомъ халатѣ, а въ военномъ сюртукѣ, молодецъ-молодцомъ и красавецъ-красавцемъ. А вотъ и еще какое-то лицо вы-

шло и колышется, и блещетъ перебѣгающею тѣнью!.. Что жъ съ тобою, добрый дѣдушка? Слезы текутъ и застилаютъ глаза твои, одинокое сердце сжимается тоской, ты вспомнилъ свѣтлое, старое время!

О, добрый дѣдушка! Не вернуть тебѣ свѣтлаго, стараго времени, не вернуть тебѣ улетѣвшей молодости, не воскресить сокровенной страстишки твоего сердца. Спитъ твоя красавица въ могилѣ, спитъ въ бѣломъ платьѣ и въ полевыхъ цвѣтахъ, спитъ,—и пустынный вѣтеръ гуляетъ надъ ея могилою. Задумался дѣдушка и не видитъ, что рыбка давно уже дергаетъ поплавокъ, крутая волна расходится кругами, и удочка скользитъ изъ ослабѣвшихъ рукъ.—«Что это съ вами, баринъ?» — спрашиваетъ старика работникъ, тотъ самый, который построилъ воздушный мостъ. — «Э, врагъ бы забралъ ту канальскую рыбу! — отвѣчаетъ суровымъ голосомъ старикъ, пряча взволнованное лицо свое: — всѣ удочки оборвала канальская рыба, а толку—ни на лысаго дѣда!»

Теперь, читатель, новѣйшая исторія дѣдушкинаго домика... Но что сказать объ этой новѣйшей исторіи? Что сказать о ней?—Сказать ли, какъ дѣдушка ежедневно встаетъ, выходитъ на ветхое, поросшее крапивою крыльцо и любуется видомъ владѣнія, которое все, какъ на ладони, открывается съ холма. Сказать ли о томъ, какъ дѣдушка любитъ свое зелено-водное болото и сладко вѣритъ въ его постоянство и красоту? И не говорите старику о другихъ событіяхъ; не говорите ему о счастьи свѣта за чертою его лѣсного уголка! Не указывайте ему синѣющую полосу большой проѣзжей дороги, какъ горизонтъ иной жизни и иного міра, видной съ вершины косогора, — дороги, по которой несется пыль бѣгущихъ и пропадающихъ вдали экипажей, летятъ и затихаютъ звуки колокольчиковъ, и уносятся чуть слышныя пѣсни идущихъ съ поля слобожанъ, беззаботныя пѣсни, веселыя и радостныя пѣсни. Дѣдушка махнетъ рукою и горько усмѣхнется. Не нужно ему вашихъ дорогъ и экипажей, не нужно ему вашихъ колокольчиковъ и пѣсенъ. Есть у него другого рода пѣсни, есть у него свой неумолкаемый, причудливый оркестръ. Что за пѣсни, что за звуки!.. Чуть заря и день переклонился къ закату, — зеленое болото, пышное болото уже заводитъ строй своихъ разнообразныхъ инструментовъ. Въ высокомъ тростникѣ то тамъ, то сямъ начи-

наютъ позвякивать въ разладъ, какъ смычки несмѣлыхъ еще школьниковъ. Имъ, робко и также въ разладъ, вторятъ колокольчики травниковъ и рога далекой утиной стаи, гдѣ-то пролетающей на ранній ночлегъ. Но вотъ, пронеслось черканье коростеля, волторна филина огласила холмы и перелѣски, кваканье милліоновъ лягушекъ встало и поднялось въ болотѣ, и окрестность потонула въ морѣ вечерней музыки, потонула до поры, когда ясная пѣсня одинокаго соловья-ночника раздастся, смѣнитъ все и воцарится до разсвѣта. Среди неумолкаемой музыки птицъ и лягушекъ, въ виду зеленаго болота, дѣдушка создалъ еще особый міръ друзей. У него подъ-стать болоту былъ, напримѣръ, недавно фаворитъ-пѣтухъ. Иногда, рано поутру, дѣдушка, бывало, выйдетъ на крыльцо, переклонится черезъ заборъ садика противъ солнца, которое начинаетъ тихо вырѣзываться изъ-за лѣса, притягивая лучи къ бѣлой, махровой маковинѣ и осыпая ее пурпурными брызгами, а пѣтухъ то и дѣло кричитъ съ холма на озеро. Онъ кричитъ и прислушивается, кричитъ до того, что охрипнетъ и произведетъ такой странный звукъ, что самъ отшатнется въ сторону и долго высматриваетъ, наставивъ голову такъ, что одинъ глазъ его смотритъ въ землю, а другой на крышу домика, кто это такъ странно крикнулъ. — Дѣдушка на это тоже, бывало, слушаетъ-слушаетъ, и пойдетъ въ комнаты, тряся головою и повторяя:—«Эка, бѣсъ-птица, какъ кричитъ! Совсѣмъ, какъ будто, и не птица, и точно кричитъ что-нибудь другое!» — Этотъ пѣтухъ жилъ очень долго и пропалъ неожиданно безъ вѣсти; всѣ старанія въ поискахъ его остались безъ успѣха. У дѣдушки было появился тоже еще другой слуга, кромѣ упомянутаго выше плотника, какой-то бѣлокурый, хорошенькій мальчикъ изъ сосѣдняго села, который пришелъ однажды зимою и нанялся на годъ. Должность его состояла въ хожденіи за коровою и въ топкѣ печей. Но мальчикъ ужился не долго. Одна комната дѣдушки была съ низу до верху увѣшана портретами предковъ. Раскрашенные портреты предковъ стали тревожить маленькаго истопника. Едва разложитъ онъ огонь и сядетъ у печки, едва подниметъ голову—три ряда фамильныхъ портретовъ, три ряда темныхъ лицъ уже и смотрятъ на него во всѣ глаза! Въ первый разъ отъ непреодолимаго ужаса истопникъ убѣжалъ и не появлялся цѣлыхъ два дня; но потомъ дога-

дался и раскаленною кочергою выжегъ глаза всѣмъ тётенькамъ, дяденькамъ, бабушкамъ и дѣдушкамъ дѣдушки. Нечего говорить, съ какимъ тріумфомъ былъ изгнанъ новый истопникъ изъ домика дѣдушки. И вотъ, года бѣгутъ и замѣняются годами, дѣдушкинъ домикъ ветшаетъ и разрушается. Нѣтъ передъ его крыльцомъ сторожевого колокола, нѣтъ передъ нимъ медвѣженка на звучной цѣпи, и далекіе путники рѣдко заѣзжаютъ къ нему. Зато въ бурное невзгодье, когда осень разстилается надъ омертвѣлымъ лѣсомъ, когда въ воздухѣ бушуетъ холодная, пронзающая стужа и крупный дождь хлещетъ въ окна домика и сбѣгаетъ по вѣтвямъ столѣтняго дуба,—подъ крышу низенькаго домика собираются сосѣди и друзья дѣдушки... Всѣ тутъ собираются въ теплую, увѣшанную травами и безглазыми портретами, комнатку. Въ вечернемъ, подступающемъ сумракѣ не видно никого; всѣ молчатъ, будто заснули, и только голосъ разсказчика тихо раздается въ комнатѣ. Кто же разсказываетъ? Кому внимаетъ уютный кружокъ слушателей? — Разсказываетъ дѣдушка... «Жили-были старикъ да старуха, — разсказываетъ дѣдушка.—Вотъ и стала говорить старику старуха: пойди да и пойди въ лѣсъ по яблоки!—Пошелъ старикъ въ лѣсъ, набралъ яблокъ, а ночь надвинулась со всѣхъ сторонъ такая, что хоть глазъ выколи, и заночевалъ старикъ въ лѣсу, заночевалъ въ хаткѣ старой лѣсничихи. Лежитъ старикъ на лавкѣ, лежитъ, а вѣтеръ такъ и воетъ, такъ и воетъ, и деревья бьются вѣтками надъ хаткой. Вотъ и слышитъ старикъ, кто-то подходитъ къ окну и ударилъ. «А что?—спрашиваетъ лѣсничиха:—что скажешь?»—«Родилось на свѣтѣ столько-то новыхъ людей! — отвѣчаетъ голосъ за окошкомъ:—какова будетъ ихъ доля?»—.Лѣсничиха подумала и весело отвѣтила: «Доля будетъ легкая и счастливая!»—Голосъ за окошкомъ затихъ, и опять завылъ по лѣсу вѣтеръ, и деревья опять забились вѣтками надъ хаткой. Не успѣлъ старикъ и глазъ сомкнуть, кто-то опять подходитъ къ окошку и ударилъ.—«Что скажешь?»—спрашиваетъ лѣсничиха.—«Родилось еще на свѣтѣ столько-то новыхъ людей!—отвѣчаетъ голосъ за окошкомъ: — какова будетъ ихъ доля?» — Лѣсничиха опять подумала, подумала и уже печально отвѣтила:—«Доля будетъ тяжкая и несчастная!»—Старикъ чѣмъ-свѣтъ схватился изъ хатки и вышелъ.—«Ну!—подумалъ онъ,—попалъ же я къ лѣсничихѣ, нечего

сказать! переночевалъ чуть не у самой судьбы въ гостяхъ».— Оглянулся: хатки уже нѣтъ,—вотъ точно ея и не было между деревьями, точно сквозь землю провалилась. Приходитъ домой, — и того удивительнѣе: около печи колыска, и двое близнецовъ лежатъ подлѣ жены! Ахнулъ старикъ и остановился на порогѣ...» — Да впрочемъ, можетъ быть, такая сказка ужъ страшная, что и разсказывать ее дальше не надо?—спрашиваетъ неожиданно дѣдушка, оглядывая насъ съ улыбкою...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка! разсказывайте, разсказывайте!—лепечутъ голоса маленькихъ слушателей:— совсѣмъ, дѣдушка, и не страшно!

(А ужъ гдѣ не страшно? Просто, какъ говорится, насъ всѣхъ давно изъ-за плечей хватало, и въ темныхъ окнахъ мерещились косматыя лица).

— Ну, когда не страшно, такъ я буду говорить,—замѣчаетъ дѣдушка:—только вы, впрочемъ, и не бойтесь, дальше оно точно совсѣмъ уже и не страшно, и вы не смотрите на то, что пока оно можетъ быть и страшно! — Табакерка дѣдушки скрипитъ, и кружокъ слушателей стѣсняется къ столу ближе...

— Вотъ,—продолжаетъ дѣдушка:—прошло не мало лѣтъ, сыновья старика подросли и стали уже подмогою въ хозяйствѣ. Только повѣсилъ голову старикъ... Близнецъ постарше, что бы ни дѣлалъ, все дѣлалъ хорошо, и работа кипѣла у него, какъ у цѣлой артели работниковъ. Но младшему ничто не удавалось. Куда бы ни кидался, за что бы онъ ни брался, — все шло комомъ и все валилось изъ рукъ; а работалъ и бился онъ изъ всѣхъ послѣднихъ силъ.—«Нѣтъ!— подумалъ старикъ, качая головою:—ты родился не вмѣстѣ съ братомъ, ты родился въ то время, какъ судьба назначала людямъ долю тяжку и несчастную!»

И рѣшился старикъ еще разъ попытать судьбу... Послалъ сыновей въ лѣсъ, а самъ положилъ на дорогѣ, на плотинѣ, мѣшокъ съ деньгами и прилегъ подлѣ въ кустахъ, думая, что хоть обманомъ, а найдетъ-таки младшій сынъ деньги, найдетъ и подумаетъ, что онъ самъ ихъ нашелъ и разбогатѣлъ потому, что развѣ уже одинъ слѣпой ихъ тутъ не найдетъ.—Вотъ, смотритъ старикъ, выходитъ, выходитъ изъ лѣсу точно младшій сынъ, выходитъ и идетъ къ плотинѣ. Только что же?.. Дошелъ бѣдняга почти къ самому мѣшку.

оглянулся посмотрѣть, идетъ ли старшій братъ изъ лѣсу, прилегъ на плотинѣ, прилегъ обождать старшаго брата—и заснулъ... Ну, а уже старшій братъ, разумѣется, подоспѣлъ, наткнулся на мѣшокъ и поднялъ его.—Подождалъ старикъ, какъ ушли сыновья домой, всталъ и тогда только совсѣмъ понялъ, что доли своей уже никакъ не минуешь, и что, чего бы только человѣкъ ни выгадывалъ, чего бы только онъ ни дѣлалъ а уже доли своей никакъ не минуешь!..—Дѣдушка на минуту смолкаетъ, оглядываетъ слушателей пристальнымъ взоромъ, и снова скрипитъ табакерка дѣдушки, и снова льются его разсказы... Но вотъ, на дворѣ окончательно стемнѣло; слуга, сверстникъ дѣдушки, опять-таки тотъ самый, который построилъ мостъ, вноситъ свѣчу и бережно, дрожащею рукою, опускаетъ ее на столъ, въ кружокъ слушателей... И когда свѣча, потрескивая и лѣниво вспыхивая, разгорится наконецъ и медленно раздвинетъ по воздуху мерцающій кругъ своего свѣта, въ этотъ кругъ, одно за другимъ, выступаютъ изъ темноты лица гостей. Выступаетъ въ него и лилово-бирюзовый носъ сосѣдняго винокура, и черные, черные усы юнкера, дѣдушкинаго крестника, и русая, подобранная подъ золотую булавку, коса дѣдушкиной внучки, склоненной надъ гарусным вязаньемъ, и огромный, въ видѣ малахитовой печатки, глазъ сосѣдняго овцевода, страстнаго охотника послушать и не менѣе страстнаго охотника потомъ разсказать о слышанномъ, и нѣсколько чепцовъ, и нѣсколько вытянутыхъ, при разсказахъ дѣдушки, маленькихъ личекъ. Тутъ же рядомъ, захваченное полосою свѣта, выясняется и молодое, обрамленное бѣлокурою бородою, лицо священника; онъ сидитъ въ коричневой рясѣ, опоясанный розовымъ, вышитымъ поясомъ, и на пальцѣ опущенной вдоль кресла руки его блеститъ золотое кольцо. И ничѣмъ, вплоть до ужина, не нарушаются разсказы дѣдушки. Развѣ неожиданно погаснетъ, среди страшнаго повѣствованія, догорѣвшая свѣчка, и пораженные слушатели, послѣ мгновеннаго остолбенѣнія, громко расхохочутся, да упадутъ съ потолка на столъ сѣмячки и чирикнетъ проснувшаяся въ клѣткѣ птичка, которой блескъ свѣчи покажется свѣтомъ загорающагося утра. Исторія дѣдушки незадолго передъ этимъ кончилась. Дѣдушка умеръ...

Случилось это очень просто.—За какой-то долгишко клочекъ земли, занимаемой болотомъ, былъ проданъ. Дѣдушка

не унывалъ. «Ну,—думалъ онъ себѣ,—хоть болото теперь и не мое, а все-таки его отсюда видно, и оно точно какъ будто мое болото!»—Дѣло, однакоже, вышло иначе. Новый владѣлецъ купленной земли, какой-то франтъ и мечтатель, напустилъ на болото кучу землероевъ и механиковъ, очистилъ его, осушилъ, вспахалъ и засѣялъ какою-то новоизобрѣтенною нѣмецкою травкою, которую зовутъ травкою-фуфаркою. Травка-фуфарка принялась, а между тѣмъ, болото, въ пространство и красоту котораго дѣдушка слѣпо вѣрилъ, исчезло, и вслѣдъ за нимъ исчезло и озеро, вытекавшее изъ болота. Дѣдушка было попрежнему сталъ храбриться и произнесъ: «Ну, что же? опять-таки не взяла!»—но рѣшительно не перенесъ своей потери. Точно что оборвалось у его сердца! Иногда еще, правда, онъ забывался и выходилъ попрежнему на крыльцо, съ намѣреніемъ взглянуть на водяное зеркало, въ рамѣ камышей разстилавшееся у холма, выходилъ послушать музыку, музыку птицъ и лягушекъ, наполнявшихъ цвѣтущее, зеленое болото... Но онъ тутъ же останавливался и закрывалъ лицо руками; не было болѣе ни воднаго зеркала, ни камышей, ни чудной музыки природы! Тихо тосковалъ и угасалъ дѣдушка, слушая, какъ порою залетный филинъ садился на крышу ветхаго домика и стоналъ, вѣщуя смерть. Ворчалъ старикъ и нѣсколько разъ порывался убить изъ ружья докучливую птицу. Но, наконецъ, махнулъ рукою, и филинъ спокойно допѣлъ свою унылую пѣсню, когда дѣдушка, прислушиваясь къ дремотливому лепетанію листковъ своихъ подросшихъ яблонь, тихо покинулъ землю... Въ околоткѣ разнесся недавно слухъ, будто черезъ теплинскій лѣсъ пройдетъ, предназначаемая изъ слобожанскихъ степей къ южному морю, желѣзная дорога. Если это справедливо, то тамъ, гдѣ еще недавно былъ маленькій лѣсной домикъ и жилъ дѣдушка, лягутъ желѣзныя, длинныя нити, и огненный паровозъ, гремя и устилая небо дымомъ, полетитъ быстрѣе мысли, полетитъ, неся добро и пользу, и, устлавъ свой путь городами, игольчатыми станціями, садами, мостами, длинными трубами грохочущихъ фабрикъ и сверкающими домами новыхъ селъ, сотретъ тяжелыми слѣдами своими послѣднія воспоминанія о бѣдномъ, добромъ старикѣ...

IV.

ХУТОРЯНКА.

Цареборисово, сотенный городокъ старинной слобожанщины, основанъ выходцами изъ черкасовъ, какъ называли въ былыя времена воинственное племя приднѣпровскихъ островитянъ, живописную и шумную вольницу, огненною рѣкой прошедшихъ по равнинѣ степей запорожцевъ. Этотъ городокъ построенъ при царѣ, давшемъ ему свое живописное въ исторіи вѣка имя, и нѣкогда ознаменовался рядомъ мужественныхъ стычекъ съ татарами, жаловавшими на плодоносныя прибрежья Донца. Теперь этотъ городокъ — небольшая вольная слободка, подобно сосѣдямъ своимъ, Салтаву, Балаклеѣ, Лиману и Славянцамъ, пережившая блестящую эпоху подвиговъ, во имя родного царя, на родинѣ своихъ полковъ и полковниковъ. Старинная деревянная церковь съ почернѣвшею колокольней, ряды бѣленькихъ мазанокъ, фруктовые садики, тыквы, вьющіяся по заборамъ, съ кружевными лентами дикой миранды, звуки запоздалыхъ на пастбищѣ стадъ, крикъ филина на старомъ зданіи сельскаго правленія, и подъ-вечеръ пѣсня чернобровой дивчины, — вотъ все, что осталось отъ сотеннаго городка. Зато окрестности Цареборисова представляютъ прекрасные виды. Донецъ, съ нагорной или крымской стороны, усѣянный мѣловыми, сталеобразными утесами, дикими и обнаженными, какъ причудливая развалина древнихъ замковъ, рѣзко оттѣняетъ свой лѣвый, низменный луговой берегъ, далеко убѣгающій отъ праваго, съ своими вѣковыми, дубовыми лѣсами, свѣтлыми озерами, болотами, полными дичи, и длинною вереницею селъ, пашенъ, винницъ и водя-

ныхъ мельницъ, съ грохотомъ вращающихъ свои тяжелые маховики. По этому-то лѣвому берегу, часовъ около двухъ пополудни, пробиралась однажды высокая, пузатая хуторянская бричка, направляясь къ Цареборисовскому перевозу. Недалеко отъ Поплеванковской пустыни, лѣпясь по окраинѣ лѣсистаго берега, бричка ѣхала-ѣхала, кудахтала-кудахтала на толчкахъ кочковатаго проселка и вдругъ, совершенно неожиданно, разсыпалась... Кучеръ съ козлами отъѣхалъ впередъ, а сидѣвшій въ бричкѣ господинъ остался съ кузовомъ середи дороги, какъ утлая раковина, выкинутая на берегъ волною. Вышедъ изъ брички, проѣзжій сталъ ходить около кузова, смотрѣлъ-смотрѣлъ и рѣшилъ, что лучше всего оставить бричку въ покоѣ...

— Странная вещь!—замѣтилъ кучеръ, стоя съ заложенными руками около козелъ:—и отчего это она разсыпалась?

— Ничего страннаго нѣтъ, — замѣтилъ съ досадой проѣзжій:—бричка, кажется, была вовсе ненадежная.

Проѣзжій, молодой, бѣлокурый панычъ, въ клѣтчатой фуражкѣ, съ обнаженною шеей и румяными щеками, говорилъ о ненадежности брички напрасно, потому что прежде, нежели сѣсть въ эту бричку, онъ совершилъ надъ нею обычный въ отношеніи всѣхъ хуторянскихъ бричекъ маневръ. Именно, когда на ближней станціи онъ послалъ о себѣ вѣсть старому знакомому пану, и старый знакомый панъ, проживавшій по близости, послалъ эту бричку и приглашеніе заѣхать къ нему,—панычъ взялъ бричку за колесо и за дышло и покачнулъ ее нѣсколько разъ. Бричка издала нѣсколько протяжныхъ звуковъ, точно у нея былъ скрытый музыкальный механизмъ, но оказалась благонадежною. Благонадежною она оказывалась постоянно, и у самого пана, который съ утра до ночи разъѣзжалъ въ ней, гонимый множествомъ хозяйственныхъ и коммерческихъ предпріятій. И въ самомъ дѣлѣ, сегодня подвижной панокъ появлялся въ бричкѣ въ Юшковыхъ буераках, а завтра уже его видѣли въ Елабановкѣ; сегодня онъ занималъ деньги за десять процентовъ въ Пѣвунихѣ, а завтра отдавалъ тѣ же деньги, за три процента, въ Засорихѣ,—и отъ его собственнаго хутора, вплоть до Поплеванковской пустыни, панка всѣ знали и уважали. Въ бричкѣ этой онъ и спалъ, и одѣвался, и брился, и въ карты отъ скуки самъ съ собой игралъ,—и вдругъ эта бричка совершенно неожиданно развалилась! Кучеръ первый вы-

шелъ изъ остолбенѣнія. Предложивъ панычу подъ-верхъ коренного, онъ осѣдлалъ этого коренного армякомъ и объявилъ, что до хутора пана осталось всего семь верстъ и что панычъ туда доѣдетъ за-свѣтло, а ему надо остаться сторожить панскую бричку. Нечего дѣлать! Согласился панычъ и поѣхалъ. Но не миновалъ панычъ и двухъ верстъ, какъ конь остановился и рѣшительно отказался идти дальше. Чего не дѣлалъ панычъ, и шпорилъ его, и стегалъ хворостиной, и поощрялъ словами, ничто не помогало! Сидѣлъ-сидѣлъ панычъ на косматой лошаденкѣ и рѣшилъ слѣзть. Держась за уздечку, онъ сѣлъ на травѣ и сталъ поджидать, пока коварный звѣрь образумится. Но солнце переклонилось уже на западъ, воздухъ остылъ, тѣни отъ кустовъ и деревьевъ вытянулись далеко-далеко, а коварный звѣрь и не думалъ образумливаться. Вотъ изъ ближней, скрытой за холмами, слободки полетѣли мѣрные и громкіе звуки вечерняго благовѣста. Вечеръ близился. Что тутъ было дѣлать? Панычъ подумалъ и рѣшился еще попытать судьбы. Вспрыгнулъ снова на коня и далъ ему шпоры. Но каково же было изумленіе паныча, когда, опустивъ глаза, онъ увидѣлъ, что уздечка на конѣ развязалась и, во время его прыжка, свалилась на траву. Панычъ обомлѣлъ и ухватился за гриву. Конь замахалъ хвостомъ, подпрыгнулъ раза два и, забирая карьеру, понесся во весь духъ. Ничто не помогало,—ни пинки, ни угрозы! Панычъ болтался почти на шеѣ коня и въ ужасѣ видѣлъ, какъ мелькали мимо него кусты и деревья. Ничто не помогало! И вотъ, видитъ панычъ, конь летитъ уже не прямо, а влѣво, по дорожкѣ на село, гдѣ проживала знакомая ему панни, задорная и суровая панни, съ цѣлою кучей сыновъ и дочекъ. Что за сцена ожидала его, что за сцена! Вотъ, конь вбѣгаетъ на широкій дворъ, индѣйки кавкаютъ и пѣтухи кричатъ, все это привѣтствуетъ его, дѣти съ шумомъ окружаютъ коня и кричатъ: «А отчего это, дядя, ты держишься за гриву, и картузъ у тебя, дядя, съѣхалъ на затылокъ?»

И всѣ окна домика разомъ отворяются, и во всѣхъ окнахъ домика разомъ появляются насмѣшливыя лица барышень. О, ужасъ! ужасъ! Спасите, спасите его! И спасеніе приходитъ,—приходитъ совершенно неожиданно. Не успѣлъ панычъ и опомниться, какъ злобный звѣрь, летя черезъ поляну ржи, сдѣлалъ какой-то особенно отчаянный скачокъ, и панычъ

стремглавъ полетѣлъ въ колосья ржи. Оправившись отъ паденія, панычъ взглянулъ вдаль дороги: конь летѣлъ по отдаленному косогору, преслѣдуемый стаей пастушьихъ собакъ, и вѣтеръ игралъ его хвостомъ и гривою. «Ну, теперь ужъ сосѣдъ пусть не прогнѣвается! — сказалъ панычъ, отирая землю съ колѣнъ и рукавовъ: — а я, должно быть, ужъ не попаду къ нему теперь!» Сказалъ это панычъ и сѣлъ отдохнуть на курганѣ. Вдали, спускаясь къ лѣсистой балкѣ, раздался скрипъ колесъ, и тяжелый слобожанскій возъ показался на дорогѣ.

— Гдѣ тутъ проѣхать на Цареборисово, на Поплеванковскую пустынь? — спросилъ панычъ, сидя на курганѣ, когда возъ съ широкоплечимъ батракомъ поравнялся съ нимъ.

— Не скажу! — замѣтилъ батракъ, лежа на животѣ на кучѣ мѣшковъ.

— Какъ не скажешь? Я тебя спрашиваю, какъ тутъ проѣхать на Цареборисово?

— Не скажу! — снова замѣтилъ батракъ... Панычъ смѣрилъ его глазами.

— Отчего же ты не скажешь? — спросилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Не скажу! — замѣтилъ, зѣвая, батракъ и, не измѣняя своего положенія, отъѣхалъ далѣе.

Не долго ждалъ опять панычъ. Вдали, подъ осиновымъ лѣскомъ, поднялось облако пыли, и къ кургану подъѣхалъ новенькій тарантасикъ, запряженный четвернею бурыхъ въ мылѣ коней. Изъ тарантасика выглянулъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, какъ говорится, узнавшій-таки на своемъ вѣку, что такое порохъ и что такое бури, въ голубой венгеркѣ, алой ермолкѣ и съ витою трубкою въ зубахъ.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?—спросилъ господинъ, кланяясь изъ тарантасика, когда кучеръ сдержалъ лошадей противъ кургана.

Панычъ также приподнялъ картузъ и отвѣтилъ: «Владиміръ Авдѣичъ Торба!»

— Не знаю! — замѣтилъ господинъ изъ тарантасика и сталъ набивать трубку. Затянувшись и пустивъ облака дыму, онъ снова обратился къ панычу:

— А вы не курите?

— Нѣтъ.

— Напрасно! это очень хорошо и здорово въ дорогѣ!

— Позвольте узнать,—спросилъ панычъ въ свой чередъ:— гдѣ тутъ проѣхать на Цареборисово?

— А развѣ вы туда ѣдете? — спросилъ проѣзжій, раскуривая трубку и наматывая завязку на кисеть.

— Туда...

— Вѣрно покупать что-нибудь?

— Нѣтъ, въ гости къ одному помѣщику.

— А кто тамъ такой живетъ?

— Одинъ знакомый помѣщикъ, около Поплеванковской пустоши.

— Старикъ помѣщикъ?—спросилъ, усаживаясь въ тарантасикѣ, проѣзжій.

— Нѣтъ, не старикъ, а такъ—будетъ среднихъ лѣтъ.

— Жаль... Вы меня простите, только я не знаю этого помѣщика; а если хотите заѣхать къ Тавифѣ Павловнѣ, къ Перепелкиной—Тавифѣ Павловнѣ, такъ она тутъ недалеко и живетъ, и я укажу дорогу.

Панычъ отказался отъ удовольствія заѣхать къ Перепелкиной Тавифѣ Павловнѣ, и тарантасикъ, тронувшись съ мѣста, закурилъ снова пылью и скрылся изъ виду.

— «Этакой народъ, — замѣтилъ панычъ: — спрашиваешь грабли, а онъ тебѣ тычетъ куму!—и прибавилъ печально:— вѣдь этакъ, пожалуй, и заночуешь въ полѣ!» Подумалъ это панычъ и хотѣлъ идти, какъ изъ золотоусой, головатой пшеницы поднялся передъ нимъ, очевидно спавшій до того времени, незнакомецъ, въ отставномъ полувоенномъ сюртукѣ, низенькій, круглый и вообще похожій на боченокъ на двухъ наперсткахъ, господинъ съ такимъ веселымъ и добрымъ лицомъ, съ такими сладкими, заплывшими глазками и мѣдноцвѣтнымъ носомъ, что когда, ставши передъ панычемъ, онъ произнесъ: «Желаю здравствовать!»—панычъ пожелалъ ему того же и, почувствовавъ къ нему сразу влеченіе, спросилъ, кого онъ имѣетъ счастіе видѣть въ такой пустынѣ.

Ну, душка,—отвѣтилъ, переваливаясь, боченокъ:—тутъ еще нѣтъ большого счастья — видѣть меня въ пустынѣ! А скажу вамъ прямо, что я—отставной брантмейстеръ Кирикъ Андреичъ Дуля... Произнеся послѣднія слова, шутникъ-боченокъ улыбнулся и сдѣлалъ рукою то, что сказалъ. Панычъ не могъ также не улыбнуться и еще болѣе почувствовалъ къ нему влеченія.

— Что же вы смотрите?—спросилъ кубарь:—кругловатъ?

А это, душенька, очень хорошо на старости; я же надѣюсь, что вы не откажете завернуть ко мнѣ на хуторъ и выпить рюмочку.—Панычъ сказалъ, что рюмочку онъ рѣдко пьетъ, но зайти на хуторъ зайдетъ, потому что страшно усталъ.

— Петръ Петровичъ?—спросилъ дорогою брантмейстеръ.

— Владиміръ Авдѣичъ!—отвѣтилъ панычъ.

— Очень радъ, Владиміръ Авдѣичъ, — замѣтилъ кубарь, переваливаясь:—очень радъ познакомиться съ такимъ пріятнымъ человѣкомъ! — и прибавилъ: — А не былъ ли у васъ дяденька или дѣденька въ пожарной командѣ въ Харьковѣ?

Панычъ отвѣтилъ, что ни дяденьки, ни дѣденьки у него не было въ пожарной командѣ въ Харьковѣ, а былъ одинъ сосѣдъ, еще кривой на лѣвый глазъ, если онъ помнитъ такого сосѣда.

— Хухра!.. Хухра! — подхватилъ толстякъ и покатился со смѣху, производя его тоненькимъ, дребезжащимъ голосомъ:—мы его однажды еще высѣкли на именинахъ.—И кубарь хохоталъ до тѣхъ поръ, пока съ гостемъ втащился на небольшой лѣсистый пригорокъ.

— А гдѣ же вашъ хуторокъ?—спросилъ панычъ.

— Да вотъ онъ, его отсюда только не видно, а его можно просто рукою отсюда достать,—отвѣтилъ Дуля.

— А какъ называется вашъ хуторокъ?

— Кухня!

— Отчего кухня?

— А вотъ, видите ли, отчего кухня,—произнесъ, лукаво улыбаясь, толстякъ: — проживалъ я, скажу вамъ, у одного богатаго помѣщика-магната на полную губу-съ и строилъ ему кухню,—съ разными удобствами и крытыми ходами, и духовыми печами, и всякими затѣями строилъ; ну, и попользовался, знаете (кубарь при этомъ потупился), потому что и при постройкѣ кухни можно такъ повести дѣло, что легко и даже очень выгодно попользоваться; ну, я такимъ образомъ и пріобрѣлъ потомъ хуторокъ и назвалъ его въ воспоминаніе кухнею. И вотъ вамъ — и кухня моя! — произнесъ толстякъ, останавливаясь на пригоркѣ и указывая рукою на хуторокъ... Хуторокъ предсталъ глазамъ озадаченнаго паныча. «Вотъ,—подумалъ Торба, разглядывая выступившій хуторокъ: — этотъ господинъ, кажется, совсѣмъ не церемонится!» И точно, онъ впослѣдствіи убѣдился, что Дуля совсѣмъ не церемонится. Хуторокъ выглянулъ изъ-за двухъ

мельницъ, которыя взбрасывали на воздухъ крылья, точно кого-нибудь звали и тщетно размахивали руками. Дуля и Торба стали спускаться съ пригорка къ хуторянскому маленькому домику, и панычъ невольно останавливался при видѣ этого тихаго, маленькаго домика. Домикъ брантмейстера, съ камышевою крышею, подъ сѣнію столѣтнихъ ракитъ и буковъ, напоминалъ собою гнѣздо малиновки, въ расщелинѣ дупла громаднаго дерева, между колеблемыхъ вѣтромъ, стрѣльчатыхъ травъ и широкихъ порослей: тоненькія вѣточки маленькаго гнѣздышка переплетены жилками корней, внутренность его чисто-начисто выглажена и устлана пухомъ, и лучъ солнца, пробиваясь сквозь листья травъ и лопуховъ, нависшихъ надъ гнѣздомъ, колеблетъ въ своей полосѣ золотыя блестки мошекъ и цвѣточной пыли, колеблетъ и обливаетъ золотомъ пару маленькихъ пестрыхъ яичекъ гнѣздышка. Таковъ былъ хуторянскій домикъ. — Дуля и панычъ вступили во дворъ. — «Я уже пообѣдалъ и выспался, — замѣтилъ хозяинъ: — а дворня моя еще и до сихъ поръ спитъ!» Это, впрочемъ, Дуля говорилъ напрасно: гость и безъ его словъ это уже зналъ. Изъ крапивы подъ погребомъ, чрезъ весь дворъ неслись присвистыванія въ носъ, сѣнникъ оглашался рѣзкимъ басомъ; изъ каретнаго сарая летѣлъ дребезжащій храпъ, и повидимому храпъ не въ одинъ голосъ, а въ два, точно два человѣка условились и исполняли вмѣстѣ дуо.—«Ну, теперь мы отдохнемъ, закусимъ и освѣжимся наливочкой!» — сказалъ хозяинъ, ступая черезъ порогъ домика въ сѣни, усыпанныя зеленою травою. Новые знакомцы, распорядившись закускою, отправились въ садъ, подъ кудрявую, столѣтнюю грушу и улеглись среди пироговъ и бутылокъ съ наливками, на коврикѣ, передъ панорамою степей, луговъ и извивовъ Донца.

Панычъ сталъ излагать хозяину исторію своего приключенія съ бричкой. — Но скажемъ прежде, кто такой былъ хозяинъ и кто такой былъ его гость. — Хозяинъ, какъ уже извѣстно, отставной брантмейстеръ Дуля, нѣкогда построившій очень выгодно у одного помѣщика кухню, былъ изъ породы степняковъ,—нѣсколько скупыхъ и въ то же время падкихъ на сластолюбіе, упрямыхъ и неподвижныхъ, лѣнивыхъ и въ то же время готовыхъ ежеминутно хохотать и веселиться, лѣнивыхъ до-нельзя и готовыхъ въ то же время надуть всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, — и считался въ

околоткѣ умнѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ. Пухленькія ручки его не сходились на животѣ, а широкій затылокъ и гусиные, чуть видные глазки изобличали особу, для которой покой былъ дороже всякой золотой сумятицы. Еще въ отрочествѣ, когда въ приходской школѣ рыжій дьякъ сѣкъ его безъ милосердія каждую субботу, и ходилъ онъ съ толпою школяровъ пѣть пѣсни нищуновъ и собирать подъ окнами пироги и колбасы, онъ рѣшилъ, что возиться со службою, требующею движенія и трудовъ — то же, что изъ топора борщъ варить, пріискалъ гдѣ-то, въ далекой крѣпости за Кубанью, мѣстечко эконома и сталъ поживать пришѣваючи. Молодость иногда брала свое, и однажды разсчетливый кулакъ-тихоня, какъ его звали товарищи, чуть не женился. Случилось это бурное событіе въ жизни Дули такъ. Жилъ онъ, какъ сказано, въ закубанской крѣпости экономомъ, и жилъ въ ней безъ малаго восемь лѣтъ. А въ крѣпости не было ни одной женщины, обыватели сами и рубахи мыли, и карпетки штопали, и доили коровъ. Новый Робинзонъ Крузе въ военные, тревожные дни еще не замѣчалъ своего одиночества; но въ мирное время сердце искало сердца, молодость стремилась къ молодости, и приходилось новому Робинзону Крузе такъ жутко, что хоть въ воду! Ходитъ, бывало, по крѣпостному валу, голова въ туманѣ, глаза въ туманѣ, вернется домой, возьметъ письмо, которое за часъ передъ тѣмъ написалъ къ сослуживцу за горы, и остолбенѣетъ: точно не онъ писалъ, ничего не помнитъ! Бывало, тоже, сидитъ у окна и смотритъ: вотъ, подходитъ вахмистръ.— «Смотръ, — говоритъ, — комендантскій, и васъ велѣно тоже звать!» Одѣвается Дуля наскоро, шпаженку пристегиваетъ къ боку, бѣжитъ на площадь, а жара такая, что подошвы горятъ. Что-жъ? на площади—ни души. Онъ къ вахмистру: «Ты звалъ меня?» — Нѣтъ, — говоритъ, — и не думалъ; это вѣрно вамъ представилось такъ!—И сталъ Дуля такія чудеса отпускать, что начальство только плечами пожимало; подумало начальство и намекнуло стороной, что не мѣшало бы Дулѣ другого гдѣ мѣста пріискать! Закручинился Дуля еще пуще прежняго. Сидитъ однажды, по своему обычаю, подъ окномъ, такой скучный, и трубку куритъ; входитъ поручикъ и рекомендуетъ ему молодого раненаго корнетика, только-что прибывшаго изъ Анапы. «Вотъ, — говоритъ, — къ вамъ присланъ на постой!» Поселился корнетикъ у Дули, и стали

новые знакомцы жить, да поживать. Корнетикъ оказался музыкантомъ и Дулю выучилъ тоже на скрипкѣ играть. И такъ они жили долго, пока постоялецъ не проговорился, что въ Анапѣ съ одною дамою былъ знакомъ, что дама эта тоже музыкантша, и сталъ корнетикъ говорить, что милая дама и такая-то, и этакая, и густоволосая, и полновидная, и ручки пухленькія, и губы алыя, и что богата она и недавно овдовѣла. Раззадорился Дуля, кровь въ одиночествѣ закипѣла. «Напишите, да и напишите,—говоритъ,—обо мнѣ къ этой дамѣ!» Корнетикъ расхохотался. «Какое у васъ смѣшное лицо,—говоритъ,—стало! а впрочемъ,—говоритъ,—извольте, напишу!» Сказалъ и написалъ. — Дама изъ Анапы, черезъ мѣсяцъ, и отвѣтъ прислала: «Я, молъ, говоритъ, тоже не прочь и очень рада!» — Кирикъ Андреичъ какъ прочелъ письмо, сталъ бѣлѣе мѣлу, ходилъ-ходилъ по комнатѣ, тайно выхлопоталъ у коменданта отпускъ, осѣдлалъ костляваго обознаго драбанта, взялъ у солдата пику и ружье, взялъ у кого-то старенькій чемоданчикъ и поѣхалъ, въ видѣ Донъ-Кихота, какъ самъ послѣ разсказывалъ, прямо въ Анапу. Пріѣзжаетъ, отыскалъ домъ вдовы, домъ ветхенькій, старенькій, съ обвалившеюся трубою, и дѣвка на крыльцѣ бѣлье мыла; велѣлъ доложить, что такой-то, извѣстный уже Дуля пріѣхалъ. Черезъ полчаса зовутъ въ гостиную. Выходитъ дамочка, въ видѣ свѣжепросольнаго огурчика, полненькая и точно съ алыми губками. Дуля къ ручкѣ, а она его въ щеку поцѣловала и проситъ садиться. Вотъ, слово за слово, онъ объясненіе, та говоритъ: «Что-же, хорошо, только родныхъ надо повѣстить!» И дѣло пошло сразу на ладъ. Дуля фертикомъ подъѣхалъ насчетъ красоты, вечеромъ пуншику съ ромомъ попросилъ, за пуншикомъ попросилъ настоечки и селедочки—и пошелъ куролесить. «Ахъ, душечка,—говоритъ,—позвольте уже и въ губки поцѣловать!» Такимъ образомъ дня три онъ куролесилъ-куролесилъ, къ невѣстѣ ужъ и на домъ переѣхалъ, и въ халатѣ сталъ ходить, да вдругъ и одумался. «Эге-ге!—говоритъ—шалишь, за двѣ-то мельницы, да за домъ старенькій, нечего губить себя!» Подумалъ-подумалъ, выбралъ опять темную ночь, сѣлъ на своего драбанта, взялъ пику и чемоданчикъ, да и поѣхалъ опять въ видѣ Донъ-Кихота, тайно отъ вдовы, въ крѣпость. И такъ онъ и избавился,—сколько потомъ вдова ни писала къ нему, даже въ стихахъ, и даже уже тогда, какъ Кирикъ

Андреичъ женился на Улитѣ Романовнѣ, дочери помѣщика, по сосѣдству Харькова. Женился же онъ на Улитѣ Романовнѣ, теперь уже покойницѣ, тоже любопытнымъ образомъ. Пустилъ тестю пыль въ глаза тѣмъ, что у него гдѣ-то есть богатая тетка, тетка Марфа Николаевна Иванова, пріѣхалъ свататься въ чужомъ новомъ мундирѣ, на чужой тройкѣ и даже съ чужимъ лакеемъ. Обманъ открылся на другой же день послѣ свадьбы, когда лакей припелъ къ нему и потребовалъ назадъ барское имущество; но Дуля уже былъ женатъ и торжествовалъ. Съ той поры, до ловкаго пріобрѣтенія Кухни, у брантмейстера постоянно былъ и сытный обѣдъ, и чистая рубашечка, и теплая шинелька, и на зиму теплые на волкѣ сапожки, и хотя плохенькая, а все-таки была и таратаечка съ четверкою приземистыхъ лошадокъ. Пріобрѣтеніе Кухни положило полное окончаніе еще недавнему странствію желудка и чемодана Дули по знакомымъ, и онъ предался любимому постоянному занятію своему, именно — лежанію въ полѣ, въ пшеницѣ, или въ саду, на коврикѣ, подъ грушей; и сталъ попивать Дуля наливочки да водяночки, которыя не переводились въ его погребахъ, и такъ было весело ему, что и сказать нельзя! Таковъ былъ толстенькій обладатель хутора Кухни.—Теперь его гость...

Гость обладателя хутора Кухни, Владиміръ Авдѣичъ Торба, былъ сынъ зажиточнаго слобожанскаго помѣщика, за годъ передъ тѣмъ отошедшаго къ дѣдамъ отъ неумѣреннаго употребленія маринованныхъ въ уксусѣ перепеловъ. Сынъ былъ вызванъ изъ городка, гдѣ служилъ по желанію отца писцомъ въ судѣ, писалъ и отписывался, ѣздилъ въ городъ, ѣздилъ изъ города, возилъ гостинцы Петру Семенычу, возилъ гостинцы Семену Петровичу и былъ, наконецъ, введенъ во владѣніе нѣсколькими стами душъ и нѣсколькими тысячами десятинъ земли. Родныхъ у молодого Торбы почти не было, и потому, внявъ совѣту одного изъ сосѣдей, франта и нѣкогда столичнаго жителя, онъ собралъ, что успѣлъ, денегъ и рѣшился ѣхать въ Петербургъ на службу. Деревни своей, родимой деревни Упоиловки, онъ почти не зналъ, деревенская скука въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣла овладѣть имъ, и, недолго думая, промѣнялъ ее Торба на зовущую, далекую, чудную даль. И какъ было не ѣхать Торбѣ изъ степей въ столицу! Денегъ теперь предстояло ему вдоволь, сосѣди и сосѣдки наперерывъ завидовали ему и говорили: «Ахъ, Вла-

димiръ Авдѣичъ! Вотъ теперь-то вы поѣдете въ Петербургъ! Вотъ теперь-то вы заживете!» А пальцы уже успѣли забрызгаться чернилами въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Да и друга не припасъ себѣ Торба въ родимой школѣ, молодого сосѣда-друга съ тройкою чертей, а не коней, съ тройкою въ наметахъ и бубенахъ; друга разбитного, съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и хоромъ домашнихъ пѣсѣнниковъ; друга, который бы его подмигнулъ на какую-нибудь чернобровую Катрю или русокосую Мотрю, угостилъ бы его травлею съ ауканьемъ и попойкою подъ курганомъ въ сѣренькую осень и сказалъ бы: «Эхъ, душа моя, Володя, оставайся, душа, въ Упоиловкѣ, и доживемъ мы съ тобой весело до сѣдыхъ волосъ и до веселой тихой старости!» Не припасъ себѣ такого друга въ школѣ Торба, потому что не могъ припасти въ школѣ никакого друга. Въ школѣ Володю занимали другіе интересы и другія цѣли. Былъ въ школѣ мальчикъ Володя лучшимъ изо всѣхъ лучшихъ мальчиковъ и по поведенію, и по ученію. Не зналъ въ школѣ хорошенькій мальчикъ Володя ни рѣзвыхъ игръ, ни затѣй, ни трескучей перепалки на морозѣ мячами и кулаками, ни келейнаго куренія трубки въ печку, ни невыучиванія всѣмъ классомъ уроковъ изъ скучной математики. Вышелъ Торба изъ школы съ похвальнымъ листомъ, вышелъ первымъ и заслужилъ отъ старика-отца, носившаго усы по грудь, въ награду старый бешметъ на зайцахъ и штуценрейтерское ружье; и одно только горе было Торбѣ, что никто на прощаньи изъ лѣнтяевъ-товарищей, какъ нарочно, не кинулся къ нему на шею, не обнялъ его жаркими юношескими объятіями и не сказалъ: «Ну, Торба, чтобъ меня взяли сто чертей, если ты не славный малый и если я тебя когда-нибудь забуду!» Всѣ чинно простились съ Торбою и разъѣхались... Отчужденность Торбы замѣчена была еще и на послѣднемъ урокѣ учителя русской словесности. Этотъ учитель, страстный и пылкій труженикъ науки, всегда курившій отличныя сигары, всегда чисто, со вкусомъ и даже нѣсколько франтовски одѣтый, завитой и раздушенный, вслѣдствіе чего его особенно любили во всѣхъ женскихъ школахъ, гдѣ онъ преподавалъ, — передъ выпускомъ, на прощальной лекціи, собравъ свои тетрадки, сошелъ съ каѳедры и шутя сталъ предсказывать питомцамъ каждому подходящее будущее. Одному, на вопросъ: «Неронъ Петровичъ, а я чѣмъ

буду?» говоритъ: «ты, братъ, Ѳедоръ Никандрычъ, будешь чиновникомъ!» Другому, на тотъ же вопросъ, отвѣчалъ: «Ты, Ваня, гусаръ!» Третьему: «Ты—бандуристъ, не измельчайся только, а ты будешь молодецъ!»—«А я что буду?»—спросилъ съ первой лавки, забытый на прощальной перекличкѣ, Торба.—«Ты?»—произнесъ, неожиданно впавшій изъ веселаго, безпечнаго въ грустный и суровый тонъ, учитель: «ты будешь...»—прибавилъ, онъ и губы его задрожали: —«ты будешь... эхъ, жаль мнѣ тебя, Володя, мало тебя сѣкли, и не хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты былъ тѣмъ, чѣмъ ты будешь непремѣнно!..» Учитель не кончилъ, и классъ въ безмолвіи разошелся отъ прогремѣвшаго въ коридорѣ звонка. Что такое хотѣлъ сказать учитель, никто не зналъ. Но послѣдствія оправдали слова его для одного Торбы, и Торба не разъ, вспоминая прошлые дни, качалъ головою и жалѣлъ, что его мало сѣкли. Въ судѣ товарищи-сослуживцы, чернильные бѣдняки, сморкавшіеся въ руку, но, тѣмъ не менѣе, зараженные сатирическими наклонностями, прозвали его кислятиной; и точно: и его улыбка при чьемъ-нибудь нѣсколько свободномъ выраженіи была тѣмъ, что говорили сослуживцы, и его деликатно протянутые при встрѣчѣ со знакомымъ два пальца руки, никогда не пожимавшей дружескимъ, мужественнымъ пожатіемъ, были тѣмъ же самымъ, и сюртукъ его, и картузъ, и всѣ слова его осторожной рѣчи были тѣмъ же, что говорили сослуживцы... И опредѣлился ясно въ представленіи всѣхъ богатый наслѣдникъ Торба, за которымъ, какъ говорится, не водилось ни сучка, ни задоринки, кромѣ одного, впрочемъ, счастливаго волокитства гдѣ-то въ домикѣ бѣдной вдовы-торговки, и всѣ говорили о панычѣ Торбѣ: «Вѣдь вотъ—хорошій, кажется, человѣкъ, и тихій, и добрый, и сплетней не переноситъ; а вѣдь порядочная, однакоже, кислятина!» Послѣднее имя, наконецъ, пришло на умъ и толстенькому Дулѣ, когда онъ, переваливаясь боченочкомъ на двухъ наперсткахъ, пришелъ въ садъ и улегся съ нимъ на коврикъ подъ грушей... День сталъ прохладнѣе. Гость подкрѣпился пирогомъ съ яблоками и добрымъ корцемъ наливки. Окинувъ глазомъ панораму сада и окрестностей, открывшихся съ пригорка въ легкомъ туманѣ подступавшаго вечера, онъ не раскаялся, что завернулъ на хуторокъ Дули. И точно, видъ невольно бросался въ глаза. Садъ былъ вторично въ цвѣту въ одно лѣто. Почти всѣ деревья

и кусты его бѣлѣли, осыпанные медвяными лепестками, точно столбы молочной пѣны били изъ зелени травъ, а пчелы и мохнатые шмели то и дѣло сновали и роились надъ ними. По длинному стволу репейника, который, какъ косарь въ алой шапкѣ, стоялъ и покачивался отъ вѣтра, вился и бѣгалъ чубатый удодъ и сверкалъ, и отливался золотомъ, какъ перебрасываемый на солнцѣ клочекъ двухцвѣтнаго, металлическаго бархата, и было кругомъ то знакомое слобожанамъ благоуханье травъ и цвѣтовъ, въ которое стоитъ только опуститься — и въ мигъ уже весь пропитаешься тонкою, опьяняющею степною амброю, прошитается и шапка, и руки, и волосы, и все платье...

— Славная сливяночка, очень хорошая сливяночка, Кирикъ Андреичъ!—говорилъ Торба, почмакивая губами и потягивая изъ корчика.

— Пейте сливяночку, Владиміръ Авдѣичъ! пейте!—говорилъ Дуля, тоже почмакивая и потягивая изъ корчика:—она очень хорошая сливяночка, и вашъ папенька, кажется, ее очень любилъ.

— А вы ее только и пьете, Кирикъ Андреичъ? — спрашивалъ Торба, почмакивая и прислушиваясь, точно вкусъ его производилъ звуки.

— Нѣтъ, душечка, я не ее только пью! — отвѣчалъ съ улыбкою Дуля:—я и другое пью, только не такъ пью другое.

— А какъ же вы пьете другое, Кирикъ Андреичъ?— спрашивалъ Торба, не выпуская бутыли.

— Вотъ какъ пью, Владиміръ Авдѣичъ!—отвѣчалъ Дуля, приподнимаясь на коврикъ:—терновочку я пью по утрамъ, чуть-чуть заря, и пью въ сухомятку, такъ, чтобы росинки до той поры не побывало во рту. Послѣ чаю клубниковку, и пью клубниковку съ пыжами, какъ заряжаютъ ружье: выпью рюмочку и заѣмъ коржемъ, выпью рюмочку и заѣмъ коржемъ. А уже передъ обѣдомъ я иду въ комору, а комора моя подъ замкомъ, и тамъ у меня есть одна настоечка на кишницѣ, гвоздичкѣ, полыни и перчикѣ: эту настоечку я зову красными угольками и запираюсь, когда пью, потому что (такъ говоритъ и нашъ отецъ Никита, если знаете) когда ее выпьешь, все равно, точно проглотилъ кошку и потомъ сталъ тянуть ее назадъ за хвостъ. Впрочемъ,—заключилъ Дуля:—человѣкъ не звѣрь, и больше ведра не выпьетъ. — Торба нѣсколько усомнился въ томъ.

что человѣкъ не звѣрь и больше ведра не выпьетъ,—потому что Дуля скоро очистилъ такую пузатую сулею сливянки, что мало тѣмъ не превзошелъ ведра. Толстякъ распоясался и опустился опять на коврикъ.

— А вы, маточка,—сказалъ онъ гостю:—распояшьтесь тоже и полежите тутъ, или въ травѣ гдѣ-нибудь! Когда же не хотите, такъ ступайте на рѣчку; тамъ дѣвки полотна моютъ,—и вы послушаете пѣсенъ! Что? не хотите? Ну, какъ хотите! Да вы постойте, откуда вы теперь?—спросилъ, уже зѣвая, растянувшійся толстякъ: — я и забылъ васъ спросить!—Торба удовлетворилъ любопытство хозяина.

— Ну, конечно, душечка, ничего! — замѣтилъ толстякъ, переворачиваясь пузыремъ съ боку на бокъ:—я вамъ дамъ лошадокъ до станціи, а теперь погуляйте по саду, тамъ и баба моя гуляетъ.

Съ этими словами Дуля заснулъ, какъ убитый, а Торба всталъ, оправился, поглядѣлъ съ пригорка и пошелъ по первой попавшейся дорожкѣ сада — смотрѣть, какая это баба гуляетъ.

Торба спускался къ концу сада, какъ изъ-за плетня, приподнявшись на перелазѣ съ корзиною сливъ на головѣ, выступила передъ нимъ красавица-дѣвушка. Изъ-за плетня неслись пѣсни, какъ бы тамъ ходилъ хороводъ. Красавица-дѣвушка, остановившись на ступенькѣ перелаза за оградой, освѣщенная розовымъ отблескомъ угасающаго вечера, точно внезапно зажглась вся, вмѣстѣ съ небомъ, на которомъ рѣзко отдѣлился ея граціозный очеркъ: точно зажглись и ея обнаженная ручка, и носикъ съ пережабинкой, и алый спенсеръ, обхватывающій полную грудь, и фіолетовыя сливы на головѣ, которыя вдругъ покачнулись и брызнули дождемъ на алый спенсеръ, полную грудь и мшистый заборъ сада. Торба стоялъ между тѣмъ въ смущеньи и припоминая что-то далекое, далекое, сладко-обаятельное, и вдругъ вскрикнулъ, бросившись къ забору: «Груша! Грушенька! вы ли это?» Пылающій въ воздухѣ очеркъ красавицы-дѣвушки былъ неподвиженъ и смотрѣлъ сверху, въ то время, какъ улыбка уже пробѣгала по его лицу. Красавица, наконецъ, также радостно вскрикнула: «Володя!»—хотѣла переступить черезъ плетень и не переступила. Не Володя, Владиміръ Авдѣичъ, и не Груша, Аграфена Кировна, стояли теперь другъ передъ другомъ! И не дѣти, не далекія маленькія дѣти въ

тихомъ далекомъ городкѣ, въ шумной школѣ—были они, а помѣщикъ Торба и панночка Дуля, владѣтель богатой слободы Упоиловки и хуторянка, наслѣдница маленькаго хутора Кухни! И помѣщикъ, и панночка не имѣли силъ ступить другъ къ другу; и помѣщикъ, и панночка стояли и смотрѣли,—смотрѣли, точно съ порога далекаго, невозвратнаго времени, точно боясь за ступеньками перелаза встрѣтиться и не узнать другъ друга. Пѣсни за плетнемъ грянули сильнѣе, пѣсни огласили окрестность, и красавица-дѣвушка первая очнулась. Она медленно переступила черезъ плетень и подошла къ гостю... — «Володя, Володечка! — сказала она съ замирающимъ отъ радости сердцемъ, въ то время, какъ улыбка все еще трепетала на ея устахъ: — какъ это вы очутились у насъ, въ нашемъ саду?» Торба разсказалъ наскоро обо всемъ, случившемся послѣ разлуки съ Грушенькой, воспитывавшейся съ нимъ вмѣстѣ, въ семьѣ содержателя школы, друга ея матери. Волненіе мало-по-малу прошло въ слушательницѣ, она поставила корзину на землю, оправила на густой пепельной косѣ, положенной широкимъ вѣнцомъ надъ головою, другой вѣнецъ изъ ярко-голубыхъ свѣжихъ васильковъ, сѣла съ гостемъ на лавку и, сложа руки на-крестъ на колѣняхъ, стала опять улыбаться и слушать. И опять раздались и понеслись за плетнемъ громкія хуторянскія пѣсни...

— А помните ли, Грушенька,—началъ Торба:—помните ли вы, какъ мы учились?—И онъ остановился.

— О! помню, помню! — подхватила весело красавица-дѣвушка: — я такъ рада, такъ рада вамъ, что не хотѣла бы опять разставаться съ вами!

— Бѣда наша!—замѣтилъ печально Торба:—таковъ удѣлъ мужчины—вѣчно отрываться отъ родимой почвы, вѣчно блуждать и странствовать!

— О! — подхватила Грушенька: — на мѣстѣ мужчинъ я просто бросила бы все, стала бы жить вотъ такъ, какъ теперь живу.

— А слышали ли вы что-нибудь, Грушенька, о долгѣ обществу, о трудахъ на пользу свѣта? Если не слышали, такъ я вамъ скажу, что какъ бы ни хотѣлось мнѣ теперь жить вблизи знакомыхъ мѣстъ, вблизи васъ, я не могу отстать отъ жизни сверстниковъ. — Таковъ удѣлъ мужчины! Да что вы думаете, наконецъ, Аграфена Кировна, — спро-

силъ Торба уже нѣсколько суровѣе: — если я наслѣдовалъ теперь богатое имѣніе, гдѣ старѣлись отцы и дѣды мои, такъ сейчасъ и втесать себя въ сѣятели пшеницы и разводители пеньки и мериносовъ?

Грушенька слушала молча, сложа руки на-крестъ и все такъ же освѣщенная отблескомъ зари, освѣщенная вся, съ своимъ алымъ спенсеромъ, ярко-голубымъ васильковымъ вѣнкомъ и густою пепельною косою, оплетенною вокругъ головы.

— Нѣтъ! — сказала она, когда Торба кончилъ: — я одно все-таки твержу: бросила бы я все на мѣстѣ мужчинъ — и заботы о свѣтѣ, и вѣсъ въ обществѣ, и стала бы жить въ деревнѣ, особенно въ вашей деревнѣ, Владиміръ Авдѣичъ, съ лѣсами и озерами, въ деревнѣ, о которой такъ заботился при жизни вашъ папенька и о которой вы сами когда-то такъ много разсказывали...

— Да какъ же,—подхватилъ тономъ разсудительнаго человѣка Торба: — да вѣдь послѣдній бѣднякъ, сосѣдъ мой, былъ въ свѣтѣ и видѣлъ свѣтъ. Вѣдь этакъ сразу и назовутъ меня грѣчкосѣемъ!

— Не назовутъ грѣчкосѣемъ, Владиміръ Авдѣичъ, не назовутъ, клянусь вамъ!—произнесла, строго и какъ бы взвѣшивая каждое слово, дѣвушка:—они вдали родины и были потому, что бѣдняки, и потому, что бѣднякамъ нужно служить вдали и честно снискивать себѣ пропитаніе. Вы же богаты, вы же чиновникомъ не сумѣете быть, и хочется вамъ видѣть театры, гулянья, балы, а не служить обществу! Вотъ (кстати, что мы встрѣтились съ вами) я слѣдила постоянно за каждымъ вашимъ шагомъ по выходѣ изъ школы, и помяните мои слова, — завертитъ васъ эта жизнь, Владиміръ Авдѣичъ, и сами вы потомъ себя не узнаете!..

Владиміръ Авдѣичъ въ изумленіи слушалъ и недоумѣвалъ, какъ это можетъ такъ разсуждать простушка-дѣвушка, взросшая на хуторѣ Кухнѣ, и еще болѣе недоумѣвалъ, какъ это завертитъ его новая жизнь и онъ самъ потомъ себя не узнаетъ...

— Откуда вы всего этого наслышались?— спросилъ онъ, не выдержавъ и даже нѣсколько неделикатно.

— О! отъ многихъ наслышалась! — отвѣтила Грушенька съ улыбкой и продолжала, не обращая вниманія на его изумленіе:—помните ли вы наше школьное время, нашихъ

мальчиковъ и дѣвочекъ: помните ли вы, какъ мы строили планы о будущемъ? Вы... я вамъ напомню, — и это меня постоянно потомъ интересовало, — вы хотѣли, выйдя изъ училища, поселиться въ деревнѣ, оживить въ своемъ быту старинные дѣдовскіе обычаи, воскресить въ своемъ дому прошедшіе золотые нравы старины, старинныя убранства и столъ, прислугу и тихую, старую жизнь, и помните ли, какъ вы жадно читали тогда каждую строчку, каждую замѣтку объ этой старинѣ?

Дѣвушка замолчала. Слушатель ея тоже молчалъ.

— Ай, ай, ай, Владиміръ Авдѣичъ! Такъ скоро измѣниться! Ну, не грѣшно ли вамъ? Ну, на что вамъ другая жизнь?

— Вотъ, видите ли, — началъ Горба, едва различая въ сумеркахъ лицо Грушеньки:—вотъ, вы только поймите меня, я вѣдь только говорю на первое время, а потомъ я пріѣду и точно заведу въ домѣ обычаи предковъ, старинныя убранства, столъ, прислугу и тихую, старую жизнь.

Грушенька помолчала и ласково улыбнулась.

— Нѣтъ, Владиміръ Авдѣичъ, нѣтъ! не обманывайте себя! Не уважаете вы, я вижу, быта старыхъ нашихъ помѣщиковъ, мирныхъ нашихъ хозяевъ, веселыхъ сосѣдей и помощниковъ въ каждомъ добромъ дѣлѣ родного околотка, и не быть вамъ среди насъ добрымъ, величественнымъ магнатомъ, которымъ назначили вамъ быть судьба и происхожденіе ваше и у котораго бы, какъ говоритъ одна книга, было бы все наше добро и всѣ наши сердца! Нѣтъ, Владиміръ Авдѣичъ, откажитесь лучше совсѣмъ отъ превосходныхъ плановъ прошлаго, милаго дѣтства. Вѣдь вы уже не ребенокъ, вѣдь вы уже взрослый мужчина, — не правда ли? — прибавила весело Грушенька...

Владиміръ Авдѣичъ, котораго сильно заинтересовали и смутили слова Грушеньки, недоумѣвалъ попрежнему, откуда она набрала такихъ сужденій, и еще болѣе попрежнему недоумѣвалъ, какъ это можетъ его завертѣть новая жизнь и какъ онъ самъ потомъ себя не узнаетъ. Вѣдь все въ жизни такъ легко казалось ему! Вотъ, онъ нѣсколько послужитъ, черезъ каждые два года станетъ завертывать въ Упоповку, а тамъ устанетъ, и совсѣмъ поселится на покоѣ. Кто же его удержитъ? Кто же заставитъ его измѣнить свои планы? Не зналъ Горба, что такое жизнь въ свѣтѣ, — жизнь, гдѣ

должны были забыться выученные школьные уроки и школьные планы, и все молодое и первобытное должно было забыться, и гдѣ суждено торжествовать одному холодному, всепоглощающему, безжалостному и безсовѣстному эгоизму. Не зналъ еще этого Торба и удивлялся... Впослѣдствіи же онъ узналъ все и не удивлялся никогда!

— Барышня, довольно сливы рвать?—раздался серебристый голосокъ въ темнотѣ. Крестьянская дѣвочка, съ длинными, нависшими волосами, стояла чуть видная вблизи на заборѣ.

— Довольно!—отвѣтила тихо Грушенька. Дѣвушка откинула за уши падающіе на лобъ волосы и опять спросила:

— А вы, барышня, не придете?

— Приду! — отвѣтила Грушенька.

Дѣвушка утонула въ темнотѣ, и вслѣдъ затѣмъ послышался бѣгъ по травѣ, за плетнемъ, ея быстрыхъ, босыхъ ножекъ.

— Вы пойдете, можетъ-быть, къ папенькѣ? — спросила тихо Грушенька: — а я только отпущу дѣвочекъ.

Торба молча поклонился и пошелъ искать старика Дулю. Старикъ Дуля, вставшій между тѣмъ и сидѣвшій на коврикѣ подъ деревомъ, былъ печаленъ и суровъ; это впрочемъ случалось съ нимъ всегда спросонья, навѣяннаго сливянкою или другою наливкою.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое лѣзло въ голову! — началъ Дуля, сидя на коврикѣ въ одной рубашкѣ, и плюнулъ: — приснилось, будто меня похоронили съ ящерицею, зеленою и такою толстою, какъ кошка! — и онъ опять сплюнулъ.

Торба улыбнулся.

— Чортъ знаетъ,—подхватилъ опять съ досадою Дуля:— и это часто теперь уже стало сниться мнѣ! И вы не повѣрите! Недавно приснилось, будто покойная моя Улита Романовна, въ самый день по̀миновъ, когда кутья съ медомъ стоитъ въ залѣ, ночью спустилась мухой на кутью и стала пить! Я крикнулъ на нее, а она сказала: «Муру̀, муру̀! и ты, свистунъ, не отвертишься!» Сказала и улетѣла опять въ окошко!

Торба засмѣялся.

— Да что же тутъ смѣшного? — спросилъ серьезно Дуля и не могъ понять, какъ это можно смѣяться, когда человѣку снится мертвецъ.

И весь тотъ вечеръ Дуля ходилъ, охая, изъ угла въ уголъ, и былъ скученъ. Развеселился Дуля опять только за ужиномъ, когда на открытомъ воздухѣ въ саду, подъ тою же столѣтнею грушей, пламя свѣчей стояло, не колыхнувшись, и въ чудной тишинѣ слобожанской ночи только слышался по деревьямъ шелестъ кисейно-крылыхъ мошекъ, да жужжаніе золото-панцырныхъ коровокъ, которыя сыпались и падали на бѣлую скатерть, уставленную соусниками съ разными дымящимися соусами, жарки́ми, супами, лѣнивыми и всякими другими варениками. За ужиномъ Торба и Грушенька сидѣли молча и молча разошлись по своимъ комнатамъ... И всю ночь, разметавшись подъ пологомъ сумрака, въ безсонницѣ, красавица-Грушенька думала, слѣдя глазами проходящія въ темнотѣ картины далекаго, туманнаго дѣтства: «Такъ ли она предполагала встрѣтиться съ хорошенькимъ Володею, своимъ будущимъ сосѣдомъ по имѣнію, съ Володею, который нѣкогда забѣгалъ къ директору, чтобъ только наговориться съ нею?»—И всю ночь Торба, припавъ горячею щекою къ подушкѣ, вышитой руками Грушеньки, думалъ: — «И какъ это можетъ завертѣть его новая шумная жизнь, такъ завертѣть, что онъ потомъ и самъ себя не узнаетъ?»

Еще Дуля слегка всхрапывалъ въ комнаткѣ, завѣшанной отъ мухъ одѣялами; еще спалъ около него, на другой кровати, и гость его, которому при пробужденіи показалось, что гигантская розовая тыква лежитъ передъ нимъ въ перинахъ: а уже Грушенька, свѣженькая и веселая, умывшись рано-рано холодною крини́чною водою, успѣла побывать и на пасѣкѣ, и на току, гдѣ молотили горохъ, и на бакшѣ, и въ рощѣ съ гурьбою дѣвочекъ, отряженныхъ собирать выглянувшіе послѣ дождя красновики, и въ бондарнѣ, гдѣ выдѣлывались новыя колеса на плуги и телѣги; побывала вездѣ, безъ зонтика, въ сѣренькомъ ситцевомъ платьицѣ, и шла уже домой готовить чай и будить отца и гостя. За нею по двору, къ тополямъ, шелъ безъ шапки высокій, подпоясанный зеленымъ поясомъ, ата́манъ, перебирая пучекъ сорваннаго, зеленаго еще овса. «Да мы, барышня, вотъ что!— говорилъ ата́манъ, кивая пятами: — мы, барышня, сегодня подъ ярину отрядимъ Евтѣя, а подъ о́зимь Евсѣя: Евтѣй, барышня, крестилъ сегодня дочку и легче управится съ яриною, а Евсѣй не крестилъ дочки и управится легче съ

ѳзимью!» — «Нѣтъ, — отвѣтила на неудачный каламбуръ барышня: — ты уже, Ничипоръ, не разсуждай, я тебя уже знаю! Евсѣй и Евтѣй пойдутъ у меня на токъ горохъ молотить; горохъ покупаютъ цареборисовскіе поставщики, и его нужно вымолотить поскорѣе». Ничипоръ зналъ уже свою барышню и потому, почесываясь, молча отходилъ назадъ и удалялся отъ тополей безъ замѣчаній... Когда Торба одѣлся и вышелъ съ трубочкою на крыльцо, Грушенька стояла у перилъ, перегнувшись за балюстраду и наставивъ руку зонтикомъ надъ глазами.

— Что вы смотрите, Аграфена Кировна? — спросилъ Торба, здороваясь съ нею.

— Не даромъ папенька пошелъ на сторожевую клуню глядѣть!—замѣтила Грушенька: — вонъ, посмотрите, Полевановскіе панкй ѣдутъ къ намъ.

Не успѣлъ Торба взглянуть въ сторону сада,—за рѣкою уже закурилась пыль, и довольно грузный экипажъ сталъ спускаться къ греблѣ. Скоро странная картина представилась глазамъ Торбы. Громадный зеленый рыдванъ, какъ слонъ, вооруженный бойницами, пиками и флагами, сталъ съѣзжать съ крутого прибрежья, запряженный шестерикомъ круторогихъ воловъ. Кучеръ въ слобожанской свиткѣ, сидя на кѳзлахъ, размахивалъ хворостиною, правя ею, какъ индѣйскій слоноукротитель пикою. Двое господъ, еще толстѣйшихъ самого Дули, въ желтыхъ сюртукахъ и такихъ же фуражкахъ, сидѣли въ рыдванѣ и, чуть съѣхали къ рѣкѣ, начали махать платками, очевидно разглядѣвъ на сторожевой клунѣ Дулю. Новые гости, предводимые хозяиномъ, скоро вошли въ комнаты, гдѣ тотчасъ имъ былъ представленъ Торба. Оглядѣвшись, Торба замѣтилъ, что гостей около него было уже не двое, а что еще третій, миніатюрный, какъ безперый цыпленокъ, выпорхнулъ изъ-за ихъ желтыхъ сюртуковъ и сталъ, шаркая, возиться у его ногъ.

— Это нашъ помѣщикъ Непейводы! — сказалъ хозяинъ, указывая на одного изъ толстяковъ въ желтомъ сюртукѣ: — а это помѣщикъ Непейквасу! — прибавилъ хозяинъ, указывая на другого толстяка: — а вотъ это — милый Палъ Палычъ Павленко, или иначе — Пейводочку, какъ мы зовемъ его кстати!..

Торба улыбнулся и услышалъ звонъ капельнаго колокольчика, какой привязывается на шею дѣтскимъ деревяннымъ

конькамъ; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что это маленькій третій гость хохоталъ, обрадованный обычною выходкой Дули. Пока подавалась закуска, грибки и огурчики, рыбка и водочка, пока раскуривались нѣнковыя трубки и пошли наконецъ всѣ за столъ, уставленный блюдами и тарелками,— Торба успѣлъ поймать въ коридорѣ Грушеньку, которая среди хлопотъ была въ большомъ духѣ, и она весело разболтала ему всю подноготную о пріѣхавшихъ панкахъ. Одинъ изъ этихъ панковъ, именно панокъ Непейквасу, купивши съ публичнаго торгу клочекъ земли умершаго безъ роду и племени половиннаго владѣльца Поклеванковской пустоши, ѣхалъ поселиться на новомъ жилищѣ и на сосѣдней станціи столкнулся съ другимъ владѣльцемъ пустоши, который съ ближней ярмарки спѣшилъ туда же.—«Какъ ваша фамилія?»— спросилъ Непейквасу, рекомендуясь новому знакомцу.—«Непейводы!» — отвѣчалъ новый знакомецъ. — «Какъ-съ? я не разслышалъ, кажется!»—Новый знакомецъ повторилъ свои слова и прибавилъ: — «А ваша какъ?» — Непейквасу отвѣчалъ: «Непейквасу!» Сначала панки приняли отвѣтъ другъ друга за скрытую иронію; но потомъ, взглянувъ на полные животики каждаго, расхохотались, весело усѣлись въ одинъ экипажъ и скоро убѣдились совершенно, что иронія далека отъ ихъ мыслей. О встрѣчѣ Непевойды съ Непейквасомъ любили еще нѣсколько времени поболтать словоохотливыя сосѣднія пани; но потомъ и словоохотливыя пани замолчали, и Поплеванковскіе друзья зажили привольно и весело. Одинъ изъ нихъ, именно Непейводы, былъ очень добрый человѣкъ, но тянулся, во что бы то ни стало, сыграть роль богача. Домъ его представлялъ подобіе городского,—совершенно городского дома! Непейводы выгналъ его въ три этажа, покрылъ желѣзомъ, вывелъ залы подъ лакъ и стѣны подъ мраморъ,—залы съ хорами и паркетными полами, и это все на сто только своихъ душъ; въ три зимы сжегъ на этотъ домъ чуть не весь свой лѣсъ, для убранства заложилъ и перезаложилъ имѣніе и пришелъ-таки къ тому, что домъ по-нынѣ до половины стоитъ безъ стульевъ и креселъ, важныхъ гостей по сосѣдству вовсе и не знаетъ, мраморные подоконники его просверлены, и зимою сквозь нихъ, въ подвѣшенныя пустыя бутылки, стекаетъ вода со стеколъ, а самъ хозяинъ лѣпится въ какой-то маленькой бильярдной. И еще какъ лѣпится! Такъ не лѣпятся и неимѣющіе городскихъ

домовъ! Среди лѣта, тоже какъ-то ночью, со двора у Непейводы свезли возъ сѣна, и никто изъ дворни до утра этого и не замѣтилъ. Говорятъ, что при этомъ затѣйливые воры еще на мѣстѣ стога воткнули палку съ слѣдующею юмористическою запискою на веревочкѣ: «Пришли Иванъ да Данила, наложили сѣна на вилы; а чортъ же тебя просилъ, что ты для нихъ косилъ!» Другой панокъ, именно Непейквасу, былъ тоже очень добрый человѣкъ, но ѣздилъ не иначе, какъ на волахъ, объѣдался, какъ журавль, былъ лѣнивъ до того, что, получивъ гдѣ-то наслѣдство, собирался ѣхать за нимъ болѣе десяти лѣтъ и кончилъ тѣмъ, что наслѣдство его перешло къ другимъ, а онъ только спивалъ весь околотокъ. Былъ у него одинъ напитокъ, состоявшій изъ спирту и какихъ-то ягодъ, такой крѣпкій, что упомянутая настойка Дули,—настойка, которую выпить значило то же, какъ выражался Дуля, что проглотить кошку и потомъ ее тянуть за хвостъ, — была передъ этимъ напиткомъ прѣсною водицею. Этому напитку, словно настоенному на огнѣ и на гвоздяхъ, имя было спотыкачъ, и одна рюмка его заставляла спотыкаться самаго крѣпкаго уничтожителя настоекъ. Владѣтель этого напитка любилъ обыкновенно говорить, нѣсколько въ пику своему строителю-сосѣду: — «Что мнѣ ваши мраморы, да паркеты! Вы, вотъ, попробуйте, милостивый государь, этой водички, тогда и говорите, нужны ли мраморы и паркеты!» Вслѣдъ за этимъ, кто ни пробовалъ водицы, дѣйствительно, соглашался, что мраморы и паркеты были вовсе не нужны! А самъ хозяинъ, посѣщавшій сосѣдей, у которыхъ не водилось спотыкача, заливалъ жажду чѣмъ ни попало. Однажды не засталъ онъ дома кумы своей, пани Цындри, жившей въ слободкѣ подъ Камышевахой, нащупалъ вечеромъ въ шкапу у нея бутылку настойки на шпанскихъ мушкахъ и выпилъ ее до капли! Насилу потомъ откачали его и отпоили.

— Да вы, господа, почти ничего не ѣдите! — замѣтилъ Дуля въ то время, какъ двѣ дѣвки разносили чуть не восьмое блюдо.

— Мы сыты!—отвѣчали на это гости:—и васъ, Кирикъ Андреичъ, благодаримъ! а вотъ, рюмочку мы—такъ выпьемъ!

Кирикъ Андреичъ наливалъ гостямъ рюмочку, и гости весело выпивали.

— Боже мой!—сказала, вырвавшись послѣ стола въ садъ, Грушенька:—что это они только дѣлаютъ!

Лицо Грушеньки было блѣдно, и на глазахъ дрожали слезы...

— И неужто они постоянно такъ проводятъ время? — спросилъ Торба. Грушенька закрыла лицо руками и ничего не отвѣчала.—«Вотъ она, деревня-то!»—подумалъ Торба и тоже замолчалъ. Во весь обѣдъ онъ не сводилъ глазъ съ лица чудной дѣвушки; во весь обѣдъ жадно ловилъ онъ каждый взглядъ, каждое движеніе, каждое слово ея, и теперь, кажется, навѣки ложились въ воображеніи его и это печальное раздумье Грушеньки, и этотъ долетающій изъ комнатъ звонъ ножей и тарелокъ, и веселыя рѣчи веселыхъ стариковъ-собесѣдниковъ, и маленькій домикъ, гдѣ прикована была судьбою подруга его дѣтства. Мысль, нежданная мысль, какъ звонъ зовущей трубы, раздалась въ воображеніи Торбы: онъ былъ влюбленъ въ Грушеньку! — «На колѣни, къ ногамъ этой рѣдкой дѣвушки! — шептало ему неокаменѣлое еще юношеское сердце: — посмотри на эти косы, посмотри на этотъ бюстъ, на это доброе, кроткое созданье!» А голосъ другой, непонятный еще голосъ говорилъ ему: «Погоди! подобные шаги въ жизни не дѣлаются такъ опрометчиво!» И Торба, въ смущеньи глядя на Грушеньку, молчалъ, молчалъ и самъ не могъ дать себѣ отчета, что дѣлалось внутри его. Кажется, впрочемъ, ничего не дѣлалось важнаго, какъ это подтвердили потомъ и послѣдствія...

— Котикъ, поди сюда! — кричалъ между тѣмъ нѣжнымъ голоскомъ раскраснѣвшійся Дуля, появляясь съ двумя остальными толстяками на балконѣ: — поди сюда, потанцуй, котикъ! Палъ Палычъ будетъ намъ на скрипочкѣ играть!

— Папенька, я не могу танцовать! у меня голова болитъ! — отвѣтила Грушенька и молча пошла на другое крыльцо въ свою комнату.

— Ну, какъ знаешь, котикъ!—произнесъ Дуля, становясь подъ руку съ двумя другими толстяками въ позы танцующихъ грацій:—а мы уже будемъ непремѣнно танцовать!

И вслѣдъ затѣмъ раздались въ комнатѣ звуки скрипочки, и толстыя граціи, отплясывая журавля, пустились въ присядку...

Покачиваемый въ подушкахъ легкой крытой таратаечки, которая вдругъ пошла по кочковатой луговинѣ, какъ бы свернула со столбовой дороги на проселокъ, Торба очнулся и сталъ припоминать, что съ нимъ произошло въ два или

три послѣдніе дня. Звонъ ножей и тарелокъ, тиликанье скрипочки и громъ веселаго журавля, слезы и чья-то тихая, тихая рѣчь въ саду — все это мѣшалось въ его мысляхъ. Но вотъ, набѣжала въ ночной темнотѣ дождевая тучка, пыль прибило, и въ воздухѣ посвѣжѣло. Таратаечка пошла лѣсомъ, поминутно цѣпляясь за вѣтви, и Торба сталъ припоминать прошлое яснѣе... Очевидно, онъ до того времени дремалъ, покачиваясь въ подушкахъ таратаечки. — «Поѣзжайте, поѣзжайте, Владиміръ Авдѣичъ,—говорила Грушенька, подъ общій шумокъ выпроваживая его черезъ садъ изъ хутора:—поѣзжайте, а то вамъ долго еще отсюда не уѣхать!» Вслѣдъ за этимъ Торба помнитъ ея ласковыя напутствія и ласковыя желанія, помнитъ и свои горячія, горячія, невольно вырвавшіяся слезы... «Ахъ, Грушенька, — говорилъ взволнованный Торба:—такъ тяжело мнѣ, такъ тяжело съ вами разставаться!» — Сердце шептало ему еще сказать слово, слово послѣднее, окончательное; но Торба замолчалъ—и не сказалъ этого слова... «Вамъ не здѣсь,—говорилъ онъ взамѣнъ этого слова: — вамъ въ столицѣ суждено блистать яркою жемчужиной! И я вѣрю, я надѣюсь, вы будете блистать въ столицѣ!» — «Э, Владиміръ Авдѣичъ! гдѣ намъ до жемчужинъ! Останемся и при своихъ хуторскихъ садикахъ да домикахъ!» — «Нѣтъ, Аграфена Кировна,—продолжалъ Торба:— клянусь вамъ, не пройдетъ и года, я вернусь сюда, только получу мѣсто, вернусь и тогда...» Онъ не договорилъ. «И тогда? — спросила Грушенька съ комическою улыбкою: — и тогда Грушенька будетъ имѣть честь представить вамъ новую пасѣку, которую теперь строятъ въ ливадѣ!» Торба опомнился, медленно поцѣловалъ ей руку, перелѣзъ черезъ тотъ самый плетень, на которомъ встрѣтилъ въ блескѣ и огнѣ вечера Грушеньку, и когда таратаечка отъѣхала отъ сада, онъ увидѣлъ, какъ красавица-Грушенька обернулась и тихо пошла къ домику по дорожкѣ, плывя, какъ пава, и склонивъ въ раздумьи хорошенькую головку. «Рѣшено, рѣшено!» — думалъ Торба, катясь снова по гладкой стемнѣвшей луговинѣ въ то время, какъ звѣзды одна за другою уже глянули на небѣ и издали летѣла ему навстрѣчу освѣщенная мѣсяцемъ березовая роща. «Рѣшено: я только обзаведусь хорошимъ мѣстомъ, возьму отпускъ, прикачу сюда и женюсь на Грушенькѣ, женюсь и вырву изъ душнаго круга милое, доброе созданье, эту свѣтлую, первобытную душу!»

И погружаясь снова въ золотую паутину сладкихъ мечтаній, Торба мысленно повторялъ: «Эту свѣтлую, первобытную душу!»

— Прикажете на станцію?—произнесъ голосъ незримаго въ налетѣвшей темнотѣ на козлахъ кучера.

— На станцію! — отвѣтилъ встрепенувшійся Торба и сталъ жадно глотать понесшійся ему въ глаза свѣжій воздухъ ночи.

Выйдя изъ таратаечки и отпустивъ кучера Дули домой съ тысячью поклоновъ барышнѣ, Торба остановился передъ старымъ слугою, который три дня его тщетно прождалъ на станціи, и, осѣненный какою-то мыслію, спросилъ его: «А что, братъ Павладій, не остаться ли намъ еще тутъ?» Братъ Павладій на это горько усмѣхнулся и отвѣтилъ: «Гдѣ тутъ оставаться! хуражу совсѣмъ нѣтъ!» Торба подумалъ, махнулъ рукою, упалъ на постель и заснулъ, какъ убитый. Болѣе часу на другое утро будилъ и толкалъ его старый Павладій, объявляя, что чай уже на столѣ и что пора уже ѣхать. «А? что?» — вскрикнулъ, наконецъ, Торба и сталъ одѣваться. Пока Павладій возился съ погребцомъ, крендельками и бубликами, въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги и чей-то свѣжій мягкій теноръ, звавшій лакея. Заглянувъ въ дверь, Торба ничего не увидѣлъ. Не увидѣлъ ничего и подошедшій въ это время къ двери компаньонъ тенора, сухой и длинный, длинный и сухой человѣкъ, какъ циркуль, поставленный на циркуль, и, какъ сорока, весь состоявшій изъ костей и перьевъ! Этотъ сухарь, украшенный длиннѣйшими рыжими усами и въ дѣтской курточкѣ, державъ арапникъ и поминутно кашлялъ. «Ты, Петя, тутъ?» — спросилъ онъ, кашляя и не видя въ сосѣдней комнатѣ ничего, кромѣ дыму. — «Тутъ!» — отвѣчалъ изъ дыму пріятный теноръ Пети. — «Экъ, ты, Петя, напустилъ сколько! — замѣтилъ, кашляя, сухарь, точно билъ по лопнувшему барабану заревую дробь, и прибавилъ: — не пора ли, Петя, запрягать?» Петя на это произнесъ: «Ахъ, душа, позволь еще погадать!» и вслѣдъ за этимъ изъ дыму выставилось свѣжее, красивое лицо темноволосаго мужчины, лѣтъ тридцати, въ синей бекешѣ, какую носятъ небогатые степные поставщики хлѣба и сѣна и вообще всякіе туземные кулаки: онъ былъ сутоловатъ и румянъ, какъ майское утро, слегка улыбался и пускалъ кольца легкаго сѣренькаго дыма изъ янтарнаго

мундштука, закутаннаго, какъ старушонка-попрошайка, во фланелевую душегрѣйку; въ рукахъ темноволосаго пускателя колечекъ былъ старый экземпляръ любимой книжки слободжанскихъ холостяковъ «Новый Гадатель». Показавшись на порогѣ, пускатель колечекъ, равно какъ и сухарь, поклонились Торбѣ и тотчасъ вошли съ нимъ въ разговоръ. Торба, ознакомившись съ видомъ перваго, подумалъ про себя, что это изъ породы тѣхъ, которыхъ армейскіе офицеры называютъ: «эдакой здоровенный каммертонъ»; армейскихъ же офицеровъ, въ свой чередъ, изъ породы такихъ каммертоновъ, зовутъ уже не каммертонами, а «брандеба съ гвоздикой и счастливая этакая мордемондія!» Ознакомившись и со вторымъ, Торба, кромѣ сухаря, ничего болѣе еще не подумалъ...

— Изволите въ гвардію ѣхать опредѣляться? — спросилъ каммертонъ, разложивъ уже не въ прежней комнатѣ, а въ той, гдѣ сидѣлъ Торба, размалеваннаго «Гадателя», который былъ подаренъ ему однимъ панкомъ изъ веселой общины сосѣднихъ холостяковъ, столько извѣстной въ окружности, и бросая на его роковыя клѣтки пшеничное зерно.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Торба: — я еще не знаю, но думаю служить по министерству... по министерству... гм!.. если примутъ!—Каммертонъ пріятнымъ голосомъ изъявилъ надежду, что примутъ, потому что теперь нуждаются въ людяхъ образованныхъ и знающихъ языки. «Ну, — подумалъ при этомъ Торба,—что касается до знанія языковъ, то я пасъ!» Каммертонъ еще что-то сталъ говорить, но произносилъ уже эти слова одними отрывистыми, невнятными звуками, потому что въ это время совершенно углубился въ «Гадателя», а растрепанный мальчишка, лѣтъ восемнадцати, въ засаленномъ сюртукѣ, безъ брюкъ, однакоже въ военныхъ сапогахъ со шпорами, Богъ-вѣсть откуда къ нему попавшими, поднесъ барину двѣ трубки. Баринъ взялъ сначала одну трубку и вытянулъ ее залпомъ, потомъ взялъ другую и также вытянулъ ее залпомъ, и когда онъ вытянулъ залпомъ другую трубку, столъ, диванъ, стулья, печь и косяки двери утонули въ дыму, и остались видны только шпоры на сапогахъ мальчишки, да усы сухаря. Заинтересованный гаданьемъ новаго знакомца, Торба уже собирался-было спросить его: «А позвольте узнать, на что вы это гадаете?»— какъ сухарь снова забилъ барабанную дробь, крутилъ, кру-

тилъ усы, ходилъ, ходилъ по комнатѣ, наконецъ, взялся подъ бока дѣтской курточки и произнесъ: «Послушай, Петя, ты, по-моему, совершенно заслуживаешь названіе той дамской вещи, которую нельзя и назвать!»—«Отчего же заслуживаю названіе той дамской вещи, которую нельзя и назвать?» — спросилъ съ улыбкою Петя, бросая на клѣтки «Гадателя» пшеничное зерно.—«Оттого,—отвѣтилъ циркуль, шагая по комнатѣ,—что ты боишься посвататься за индикòву-дочку!» — «Помилуй, какъ боюсь! — произнесъ гадающій:—да нельзя потому, что это дѣло важное, и сразу рѣшиться нельзя! А впрочемъ, — заключилъ онъ, — вотъ посмотри, что̀ теперь вышло!» Сухарь взялъ въ руки книжку и сталъ читать: «Бысть нѣкогда человѣкъ и позва̀ его мати, и положи законъ въ своемъ наслѣдствѣ — быти ему благопревознесенну въ мірѣ!» Каммертонъ не помнилъ себя отъ радости, опять принялъ отъ мальчишки двѣ трубки, задымилъ ихъ, какъ винокурня зимою, и громко приказалъ закладывать...

— А позвольте спросить,—замѣтилъ Торба, когда новые знакомцы его садились уже на телѣгу:—вы изволили назвать индикòву-дочку; кто это такая индикòва-дочка?

Каммертонъ, сіяя, какъ лѣтнее утро на пестромъ коврѣ телѣжки, поклонился и отвѣтилъ:

— Это, милостивый государь, сосѣдка моя, единственная дочка помѣщика Дули, Кирика Андреевича Дули, если знаете!..

О чемъ мечталось и думалось Торбѣ, когда онъ снова очутился на большой дорогѣ и когда пошли мимо него, по обычаю всѣхъ большихъ дорогъ, проноситься и исчезать въ туманной панорамѣ версты, трактиры, станціи, мосты, лѣса, поля, города и селы? Что навѣвали ему впечатлѣнія нѣсколькихъ счастливыхъ дней, прожитыхъ въ маленькомъ хуторѣ? Много сладко-томительнаго навѣвали ему эти впечатлѣнія! Качаясь въ мягкихъ подушкахъ, онъ дремалъ, дремалъ и видѣлъ картину жизни въ высокомъ, незнакомомъ старомъ домѣ. Въ этомъ домѣ онъ учитъ дѣтей; тутъ еще живетъ гувернантка, и гувернантка эта никто иная, какъ Грушенька. Старый вдовецъ-хозяинъ скучаетъ, его утѣшаютъ старыя сестры, безобразныя старыя дѣвки. И вотъ, зоркія сестры открываютъ, что молодой, бѣдный учитель влюбленъ въ ихъ гувернантку; молодому, бѣдному учителю

и гувернанткѣ отказываютъ отъ дома. Дѣвушка въ горячкѣ; молодой, бѣдный учитель беретъ ее къ себѣ на квартиру, ухаживаетъ за нею, ухаживаетъ и еще болѣе влюбляется, влюбляется и воскрешаетъ Грушеньку; и вотъ, идетъ и подступаетъ новая картина, и движется туманный рядъ сладкихъ грёзъ и сладкихъ мечтаній, мучительно-сладкихъ сценъ счастливой любви!.. «Баринъ, а мы уже въ Москвѣ!»—замѣчаетъ голосъ Павладія, и, выходя изъ экипажа, Торба радуется, что на дворѣ уже ночь и что сонъ его снова начнетъ и непрерывно будетъ ткать свои обаятельныя ткани вплоть до Петербурга... Что же еще сказать о сладкихъ радужныхъ впечатлѣніяхъ? Что же еще сказать? Въ одно сѣренькое, туманное утро Торба проснулся въ Петербургѣ, и наемный камердинеръ, въ лаковыхъ сапогахъ и перчаткахъ, принесъ ему новый, шитый золотомъ мундиръ. Торба былъ уже генераломъ, статскимъ генераломъ, съ почтеннымъ брюшкомъ, лысый, какъ колѣно, въ парикѣ и съ порядочными морщинами. Нѣсколько просителей — кто съ рекомендательнымъ письмомъ, кто съ памятною запискою по предстоящему апелляціонному дѣлу, а кто съ просьбою о денежномъ пособіи—ожидали его появленія, потому что Торба занималъ мѣсто, съ которымъ еще соединялась должность по одному изъ человѣколюбивыхъ обществъ. Когда онъ вышелъ въ пріемную и спросилъ ласково у одного, а потомъ и у другого просителя: «Вы откуда?» просители отвѣтили, что изъ Малороссіи. Добрый старикъ, потому что Торба успѣлъ уже состариться, отъ души обрадовался землякамъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія, отправилъ потомъ секретаря за билетомъ во французскій театръ, сѣлъ въ двуколесный кабріолетъ, взялъ вожжи и жокейскій бичъ, махнулъ на рысака въ шорахъ и покатился по торцевой мостовой на дачу— пользоваться весеннимъ днемъ. Весенній день, впрочемъ, оказался, чѣмъ-то въ родѣ табачно-бураго пейзажа старой фламандской школы, съ примѣсью неожиданной ванны изъ мелкаго дождя. Торба въ досадѣ заходилъ по кабинету легкострѣльчатой и много-оконной лѣтней дачи. Ходилъ, ходилъ Торба по кабинету, взялъ изъ рукъ секретаря привезенный билетъ, нѣжно заговорилъ съ нимъ о его родныхъ и будущности, узналъ, черезъ шесть лѣтъ его службы, что онъ тоже изъ Малороссіи, обласкалъ его, подарилъ ему дублетъ какой-то заморской сигарочницы, — причемъ секретарь не

могъ надивиться, откуда взялась доброта у такого затянутаго и расфранченнаго старикашки. — и въ тотъ же день рѣшился ѣхать въ отпускъ, ѣхать въ отпускъ на родину, которой онъ не видалъ чуть не двадцать пять лѣтъ, мелькнувшихъ среди полезныхъ и тяжкихъ занятій. Черезъ полторы недѣли быстрой ѣзды на почтовыхъ, въ двумѣстной легкой каретѣ, Торба миновалъ военно-поселенную дорогу, съ полуверстными столбами въ видѣ горящихъ на синемъ небосклонѣ бѣленыхъ, кирпичныхъ пирамидокъ, сталъ спускаться къ Донцу и уже былъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Упойловки, гдѣ съ трепетомъ и страхомъ ожидалъ его извѣстный уже Павладій, состарѣвшійся въ качествѣ приказчика, — когда, проѣхавъ мимо одного кургана, вспомнилъ что-то зароненное и давно забытое въ далекихъ юношескихъ воспоминаніяхъ! Ямщикъ своротилъ на проселокъ, и когда каретка пошла по узенькой Поплеванковской межѣ, смутныя юношескія воспоминанія встали и заколыхались передъ глазами Торбы. Вспомнилъ Торба неожиданно, какъ во снѣ, и разсыпавшуюся бричку, и хуторокъ, по имени Кухня, и теплый, всеобливающій пурпурнымъ блескомъ вечеръ, и красавицу-дѣвушку на перелазѣ плетня, и громкія пѣсни за садомъ, и тихія рѣчи, и кроткую улыбку, трепетавшую на милыхъ устахъ. Вспомнилъ это Торба и въ смущеніи смотрѣлъ, какъ выходилъ ему навстрѣчу старый городокъ-слободка Цареборисово съ деревянною, почернѣлою колокольнею, рядами бѣленькихъ домиковъ, фруктовыхъ зеленыхъ садиковъ и плетней, увитыхъ ползучими тыквами, выходилъ, словно воскресшее дѣтство, дѣтство, съ его невозвратными, первыми забавами и съ его первыми, невозвратными радостями. Нужно было взять вольныхъ лошадей и ѣхать далѣе, мимо Поплеванковской пустоши и маленькаго хутора Кухни, въ Упойловку. Торба вышелъ изъ каретки и разговорился съ старикомъ, отставнымъ солдатомъ, который содержалъ въ Цареборисовѣ постоялый дворъ. Съ первыхъ же словъ солдата Торба не помнилъ уже себя отъ радости: семейство Дули жило въ Цареборисовѣ, въ концѣ улицы, тамъ, гдѣ колодецъ и сады сливаются съ рощею! Одѣвшись наскоро, Торба кинулся по улицѣ и скоро увидѣлъ указанный домикъ. Хозяева были въ саду, около амшенника. Торба пошелъ въ садъ и скоро завидѣлъ высокій, старый амшенникъ, изъ-за котораго летѣли ему на-

встрѣчу хохотъ и дѣтскіе крики. Семейная картина представилась глазамъ Торбы... Мужъ хозяйки, въ которомъ Торба легко узналъ знакомца на станціи, нѣкогда гадавшаго на «Новаго Гадателя», былъ тотъ же веселый и румяный степнякъ, только нѣсколько посѣдѣвшій; онъ помѣщался на опрокинутомъ ульѣ и сѣкъ на колѣняхъ березовымъ пучкомъ какое-то подобіе розоваго, полуобнаженнаго купидона, какъ Венера на одной картинѣ сѣчетъ розою амура. Жена, стройная барыня съ пышными плечами и пышными, пепельными волосами, нѣсколько блѣдная, но все та же прежняя Грушенька, стояла въ сторонѣ и хохотала до упаду. Тепленко и его жена (такъ теперь называлась Грушенька) узнали сразу дорогого гостя и съ радостными криками бросилась ему навстрѣчу. — «Какъ! какими судьбами?»—понеслись вопросы, и при этомъ купидонъ освободился.—Владиміръ Авдѣичъ, почтенный Владиміръ Авдѣичъ былъ введенъ въ комнаты. Въ комнатахъ, кромѣ купидона, уже оправившаго свою курточку и другія, скинутыя до того принадлежности, встрѣтили Торбу еще три дѣвицы—сестры хозяина дома. Дѣвицы-сестры, внеся въ гостиную полные воланы своихъ бѣлыхъ платьевъ, усѣлись по кресламъ въ живописныхъ позахъ. Пока Грушенька хлопотала съ ужиномъ, а хозяинъ раздавалъ приказанія о приготовленіи лошадей и экипажа владѣтелю Упойловки, старшая изъ дѣвицъ, поддерживая разговоръ съ гостемъ, успѣла изъяснить, какъ онѣ скучаютъ, очень скучаютъ въ Цареборисовѣ. Въ это время высѣченный, но опять веселый купидонъ сѣлъ передъ самымъ носомъ Торбы и, покачиваясь, замѣтилъ: «А тетя Маша все вретъ, дядя! Онѣ совсѣмъ и не скучаютъ; а онѣ ѣздили къ Цѣпетновымъ, одного улана смотрѣть ѣздили, и мнѣ уланъ давалъ конфетовъ, чтобы я не говорилъ, какъ онъ будетъ свататься за тетю!» — Дѣвица покраснѣла, какъ клубника, и вмѣстѣ съ другими сестрами готова была сквозь землю провалиться...

— «Ты, душенька, не мѣшай!» — замѣтилъ разбитному мальчишкѣ Торба и, посадивъ его къ себѣ на колѣни, увидѣлъ, какъ онъ тотчасъ же завладѣлъ его часовою цѣпочкою и печатками. Разсказчица переглянулась съ сестрами и стала снова излагать, какъ никто, рѣшительно никто къ нимъ не заѣзжаетъ.—«А тетя Маша опять вретъ! — замѣтилъ мальчикъ: — Семенъ Семенычъ изъ суда заѣзжалъ и

игралъ съ ними въ карты, а меня тетя въ дѣтскую тогда запирала!»—«Ну, послушай, мой другъ!—произнесъ Торба:—если ты будешь мѣшать тетенькѣ, я тебя разлюблю, разлюблю рѣшительно!» Мальчикъ притихъ, но во время новаго разговора, когда и маменька, и папенька его уже сидѣли въ гостиной, вдругъ спросилъ: «А отчего это, дядя, у тебя такіе волосы на головѣ, будто чужіе, и столько морщинъ?» Теплѣнко поблѣднѣлъ, стиснулъ зубы, ухватилъ опять купидона за поясъ и, какъ котенка, понесъ его на новую раздѣлку.... «Хи, хи!»—смѣялся гость въ смущеніи, оправляясь передъ дамами и стараясь придать своему лицу беззаботную мину:—«Какой веселый ребенокъ!» Грушенька, для ободренія гостя, завела рѣчь о Петербургѣ, о балахъ, о театрахъ, объ оперѣ, о городскихъ новостяхъ и даже о службѣ, которую, по словамъ ея, она любила и за которою постоянно слѣдила,—и Торба, оживленный своею сферою и любезностью хозяйки, чуть не таялъ передъ пышною степнячкою, хотя невольно, при взглядѣ на нее и на себя, думалъ: «Какая же это еще роскошная и свѣжая женщина!.. И какой ты, братъ, уже истертый и измятый колпакъ!»—«А ты, дядя, какой смѣшной!»—крикнулъ неожиданно розовый купидонъ, ворвавшись опять въ гостиную, очевидно въ отмщеніе новой, совершенной надъ нимъ расправы, и увлекъ въ погоню за собой и раздосадованнаго папеньку, и всѣхъ негодующихъ тётенекъ...

Нечего говорить болѣе о встрѣчѣ Торбы съ Грушенькой. Торба боялся завести рѣчь о прошломъ, о планахъ дѣтства, о предположеніяхъ жить въ деревнѣ и воскресить въ домашнемъ быту преданія старины и обычаи тихихъ, мудрыхъ дѣдовъ. Грушенька это видѣла и также молчала. Послѣ веселаго, оживленнаго перекрестнымъ разговоромъ, ужина, хозяйка дома ушла въ маленькую гостиную и за полночь засидѣлась тамъ съ гостемъ. Когда гость вышелъ оттуда и, ласково раскланявшись, оставилъ хозяевъ съ любезностію добраго, милаго и почтеннаго старичка, Грушенька склонилась на плечо мужа, и мужъ замѣтилъ, что она была блѣднѣе обыкновеннаго и слезы дрожали въ ея глазахъ...

Еще два слова. За ужиномъ Торба разговорился съ хозяиномъ, превозносившимъ успѣхи своихъ трудовъ по имѣнію жены, и узналъ, что старичекъ-тесть его недавно передъ тѣмъ скончался. Теплѣнко выхлопоталъ ему мѣстечко

въ канцеляріи сосѣдняго дворянскаго Депутатскаго Собранія; Дуля бросилъ рюмочку, наполнился, что нерѣдко у насъ случается на старости лѣтъ, охотою труда и дѣятельности, болѣе семи лѣтъ служилъ честно и благородно, и, вмѣстѣ съ прежними годами, былъ награжденъ за усердіе пряжкою «за XXV лѣтъ службы». Старикъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости, сталъ показывать всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ полученную пряжку, говоря: «Вотъ, посмотрите, какая у меня пряжка!»—сталъ рисковать и разстегиваться на морозѣ отъ радости, простудился—и умеръ. На похоронахъ его были всѣ прежніе, старые друзья, и, между прочимъ, были извѣстные уже сосѣди по Поплеванковской пустоши—Непейводы и Непейквасу, донынѣ поживающіе весело, какъ истые мелкопомѣстные панки, веселы и въ здоровьи,—кромѣ, впрочемъ, Непейквасу, у котораго недавно, отъ частыхъ возліяній спотыкача, проявилось непроизвольное шатаніе и мотаніе тѣла вправо и влѣво, сопровождаемое еще трепетаньемъ десницы, а иногда и шуйцы, почему сосѣди дали ему тотчасъ прозвище деревяннаго пильщика, какой иногда продается на ярмаркахъ, покачиваемый собственною тяжестью на жерди ярмарочныхъ палатокъ...

V.

ПЕЛЬТЕТЕПИНСКІЕ ПАНКИ *).

— Что это такое?
— «Панъ на всю губу!»

Въ слободской Малороссіи, благодаря полному отсутствію мудрыхъ правилъ майората и совершенному незнанію того, что въ другихъ мѣстахъ называется золотою жизнью холостяковъ, существуетъ исконно одинъ родъ любопытныхъ обывателей, средина между великорусскими однодворцами и казачествомъ старой Гетманщины, которыхъ по уличному, въ народѣ, называютъ панкáми, полупанкàми и подпанкàми. Эти любопытные обыватели съ недавнихъ поръ стали нѣсколько исчезать, убѣгать изъ благодатныхъ степей и перерождаться, появляясь въ отдаленныхъ городахъ и губерніяхъ въ видѣ помощниковъ откупщиковъ, помощниковъ барышниковъ и другихъ разныхъ спекуляторовъ. Но иногда путникъ наталкивается въ степяхъ на слободку, жилище такихъ панкòвъ, слободку странную и причудливую, слободку любопытную, какъ ветхая, полупонятная рукопись на языкѣ отошедшаго безъ вѣсти, древняго нарѣчія. Подобная слободка столько же занимательна, какъ храмы друидовъ, развалины Ниневіи и мексиканскія древности! Такой слободки даже и не увидишь, проѣзжая степью съ большой дороги, потому что она всегда пригнѣздится въ глубокомъ байракѣ, по берегамъ логовища тощей, степной рѣченки,

*) Первоначально «Пельтетепинскіе панки» и «Село Сорокопановка» составляли два отдѣльные разсказа, впослѣдствіи же оба эти разсказа авторомъ были соединены вмѣстѣ подъ общимъ названіемъ: «Село Сорокопановка».

или сидитъ себѣ въ лѣсу, вокругъ природныхъ зеркальныхъ ключей, надъ которыми вьются и стонутъ дикія чайки. Иногда только, рано на зарѣ, съ пустыннаго косогора или кряжа мѣловыхъ холмовъ, примѣтишь, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, на окраинѣ степного горизонта, лиловый дымокъ, который рядомъ стройныхъ, несущихся въ воздухѣ столбовъ, поднялся надъ чертою туманной дали, тихо протянулся по небу и, закудрившись на маковкѣ, какъ капитель древней колонны, стушевался и исчезъ въ тихомъ воздухѣ. Эти колонны—дымъ скрытыхъ трубъ скрытой слободки. А подъѣзжайте ближе, сотни золотыхъ скирдъ, какъ ряды гвардейскихъ драбантовъ, толпы наймитовъ и наймичекъ, съ громкими пѣснями и сверкающими серпами, и вереница вѣчно махающихъ, точно вѣчно зовущихъ кого-то со степи, мельницъ встрѣтятъ васъ у околицы. Панкѝ живутъ себѣ весело! Панкамъ и нуждочки мало въ томъ, что иной разъ они сами ходятъ за плугомъ, сами доятъ коровъ, сами молотятъ горохъ и смолятъ откормленныхъ кабанчиковъ. Кабанчики вещь очень вкусная, и панкѝ ихъ не промѣняютъ ни на фраки, ни на модные визиты, ни на кипучее иноземное вино. Зато, разбогатѣй панокъ, — у него является толпа наймитовъ, челядинцы совершаютъ домашнія работы, одѣваютъ, поятъ и кормятъ его, и панокъ ходитъ себѣ, заложа руки за спину смураго съ подпалиной бешмета, ходитъ себѣ къ сосѣду Тòчичкѣ, попиваетъ съ сосѣдомъ Тòчичкой наливки и водянки, водянки да запеканки, креститъ съ сосѣдомъ Тòчичкой свою пятую дочку, и прочитъ свою пятую дочку въ жены сыну сосѣда Тòчички, и кладетъ ей на зубокъ старый бабушкинъ шушу̀нъ, шушу̀нъ голубой, подбитый зайцемъ, старый бабушкинъ парчевой корабликъ и алые бабушкины черевѝчки; и, глядишь, черезъ два десятка быстро мелькнувшихъ лѣтъ, и шируетъ на задуманной свадьбѣ сосѣдей вся тихая слободка, и дивится слободка нарядамъ невѣсты, и никогда не выходятъ эти наряды изъ моды и вкуса незатѣйливыхъ панкòвъ. — Панкѝ живутъ привольно! Панкѝ такъ живутъ привольно, что болѣзнь — старость, а изъ жизненныхъ непріятностей икòта, да чрезмѣрное плодородіе—только и извѣстны между панками. Вслѣдствіе этого, у бо̀льшей части народонаселенія панкòвъ загорѣлыя лица походятъ на волчàнскіе, переспѣлые арбузы, руки походятъ на ихъ собственныя ноги, у пожилыхъ дамъ иногда на

полныхъ губахъ сидятъ усы, а у дочекъ усовъ нѣтъ, зато глаза, носъ и губы рѣшительно тонутъ въ молочныхъ пышкахъ щекъ.—Сынъ зажиточнаго панка, щеголь подпанокъ, какой-нибудь Вайлѣнченко, у котораго отецъ былъ, по слободжанскому обычаю, Вайлѣнко, мать — Вайлѣнчиха, дѣдъ—Вайло, а бабуся—Вайлиха, и сынъ котораго долженъ именоваться поэтому Вайленя, а дѣти сына его—Вайленята,—надѣваетъ бекешу на лисьемъ мѣху и голубые ситцевые штаны съ портретами, приводящими въ азартъ всѣхъ собакъ слободки, и ходитъ рындикомъ по широкой улицѣ, и подмигиваетъ чернобровымъ панночкамъ и подпанночкамъ, и смотритъ, какъ панночки и подпанночки, середи чистыхъ двориковъ, варятъ вареньо, гонятъ водку на вишневыя косточки, или же, поймавъ хохлатую насѣдку, дѣлаютъ рекогносцировку ея благосостоянія и будущаго ея приплода. Весело живутъ панки, такъ весело и привольно живутъ панки, что самому хотѣлось бы пріютиться на тихой слободкѣ и пожить ихъ жизнью... А были ли вы, господа, когда-нибудь въ Волчанскѣ? Нѣтъ! что я говорю! Разумѣется, что были, потому что Волчанскъ такъ уже хорошъ, что и нельзя уже въ немъ не быть! Нѣтъ: были ли вы, господа, за Волчанскомъ, были ли вы тамъ, гдѣ идетъ дорога на Валки, и гдѣ не идетъ дорога на Зміевъ, потому что врядъ ли и гдѣ-нибудь можетъ идти дорога на этотъ скучный и однообразный Зміевъ. Если были, то навѣрно помните, что тутъ, неподалеку, съ крутой мѣловой горы, виденъ долгій-долгій лѣсъ, за лѣсомъ—гора, а за горою—рѣчка, и этой рѣчки вы не найдете не только на какой-нибудь картѣ, но даже и въ пяти верстахъ далѣе отъ подошвы горы и отъ ея собственнаго истока. Рѣчка называется Маминька... На этой Маминькѣ, по обѣимъ сторонамъ, если взглянуть на нее съ горы, кучками и въ разсыпку разбросаны все слободки, слободки и слободки... На этихъ слободкахъ кое-гдѣ вы встрѣтите настоящихъ пановъ и паней, бывшихъ въ Харьковѣ и дальше; а на другихъ живутъ одни панки,—панки небогатые и тихіе, милые сердцу панки... Вотъ, напримѣръ, слободка Пельтетепинка, или, какъ ее зовутъ завистливые сосѣди, слободка Непересчитовка. Сорокъ-сороковъ окружныхъ паковъ особенно знаютъ, что такое Пельтетепинка, знаютъ и посѣщаютъ ее потому, что панки Пельтетепинскіе—самый гостепріимный и немудрепый народъ въ свѣтѣ. Маминька,

раскинувъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько пространнѣе свои владѣнія и убравшись высокострѣльчатыми тростниками, раздѣляетъ Пельтетѣпинку на двѣ разныхъ слободки, хотя объ эти слободки составляютъ одно цѣлое и никогда, рѣшительно никогда, не считали себя чуждыми другъ другу. Маминька въ Пельтетѣпинкѣ была въ давнія времена украшена мостомъ, который соединялъ оба берега; но какъ-то, въ водополье, мостъ снесло, и его уже болѣе, по заведенному обычаю, не возобновляли... Говоря по правдѣ, и незачѣмъ его было возобновлять. Зимою одна сторона панковъ сообщалась съ другою по льду, а лѣтомъ рѣчка пересыхала. Одна весна только представляла непреодолимую преграду... Да, впрочемъ, тогда каждая сторона предавалась упоенію таинствъ любви и совершенно забывала о своей сосѣдкѣ. Наконецъ, если бы кому нужно было и тогда что-нибудь сказать, такъ стоило только стать на берегу Маминьки и крикнуть. Маминька нигдѣ не была шире главной Бахмутской улицы, и потому слова звучно и легко перелетали съ берега на берегъ... Пельтетѣпинскіе панки не то, чтобы были совершенно богатые панки, однакоже нельзя сказать, чтобы они были и бѣдными панками, скудельническою голыдьбой, какъ ихъ называютъ еще въ нѣкоторыхъ сатирическихъ уѣздныхъ городкахъ. Хлѣба у нихъ было достаточно; бараньи бешметы и волчьи шапки были у каждаго, и ни одна панночка не засиживалась въ дѣвкахъ далѣе пятнадцатаго дня рожденія, празднуемаго подъ звуки трехъ скрипачей и слѣпого цымбалиста, оркестра пельтетепинской щебетуньи-шинкарки. Напримѣръ, толстенькій, веселый хохотунъ, панъ Шпундикъ,—какъ онъ умѣетъ ловко набить пѣнковую трубочку табакомъ, именуемымъ сампантрѣ, и какъ въ то же время хорошъ алый коврикъ пана, постоянно вывѣшанный на крыльцѣ, рядомъ съ однимъ голубымъ костюмомъ пана, похожимъ на раскрытыя ножницы! Потомъ—панъ Макитра, этотъ хлопотунъ и живчикъ, который при каждомъ веселомъ словѣ, своемъ или чужомъ, прыгаетъ и шевелится, какъ картонная кукла съ контробасомъ, подергиваемая спрятанною сзади ниткою. А хоть бы и этотъ важный, молчаливый и всегда угрюмый панъ Холодный, съ животомъ, раздвигающимъ толпу, какъ крѣпостной, стѣнобитный таранъ,—панъ Холодный, у котораго куча дѣтей, какъ куча круглыхъ картофелинъ, поставленныхъ на картофелину, и у жены кото-

раго лицо до того полное и странное, что однажды, въ жмурки, рука незрячаго приняла его не за лицо, а совсѣмъ за другое... Но ни панъ Шпундикъ, ни панъ Макитра, ни панъ Холодный не сравнятся съ Антонъ Минычемъ Мо̀рквой, у котораго на нижней губѣ сидитъ наростъ, величиною съ игольникъ, вотъ такъ, какъ будто бы у Антонъ Миныча всегда во рту недокуренная сигарка, и у котораго всѣ сосѣди, начиная съ исправника, окружнаго, акцизнаго и судьи, до отца протопопа, матери протопопицы и двухъ сосѣднихъ арендаторовъ, объѣдаются до того, что послѣ обѣда не могутъ пошевелить ни языкомъ, ни пальцемъ, и тотчасъ прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ облегчительнымъ медикаментамъ; съ Антонъ Минычемъ Мо̀рквой, у котораго, наконецъ, однажды ужинъ, на его собственныхъ именинахъ, состоялъ, какъ увѣряютъ, изъ двадцати двухъ блюдъ! Нѣтъ спора, между обществомъ Пельтетепинскимъ есть, напримѣръ, такіе панки, какъ панъ Дудочка, который лжетъ на каждомъ шагу, какъ жидъ на бердичевской ярмаркѣ, лжетъ и всегда прибавляетъ: «Ну, ей-ей же, правда!» или: «Ну, чтобъ же у меня ротъ передёрнуло, если это не такъ!» — и потомъ, какъ, напримѣръ, сынъ бывшаго гуртовщика, Пунька, который икаетъ такъ неожиданно и такъ непристойно, что съ нѣкоторыхъ поръ его стали избѣгать въ очень многихъ домахъ, гдѣ бываетъ дамское общество... Пельтетепинскіе панки еще большіе искусники на разныя издѣлія и пріятныя, домашнія занятія. Панъ Шпундикъ, напримѣръ, очень недурно рисуетъ узоры для шитья и играетъ на флейтѣ: панъ Макитра весьма недурно шьетъ по тамбуру; панъ Холодный всѣмъ дѣтямъ своимъ дѣлаетъ куклы, но при этомъ, какъ говорятъ, собственноручно же и сѣчетъ ихъ каждую субботу. Панъ Дудочка бобыль-бобылемъ и дѣлаетъ однѣ только непріятности своимъ знакомымъ; панъ Пунька тоже дѣлаетъ непріятности и еще болѣе пана Дудочки, о чемъ изложено выше; но зато его подбородокъ всегда такъ выбритъ, что ему говорятъ обыкновенно: «А знаете ли, Салъ Салычъ, за такого бритаго, какъ вы, двухъ небритыхъ дадутъ!» — Наконецъ, всѣми любимый Антонъ Минычъ Мо̀рква. Антонъ Минычъ — угоститель и упоитель, хотя и не рисуетъ узоровъ, хотя и не шьетъ по тамбуру, не играетъ на флейтѣ и не дѣлаетъ куколъ; зато вы всегда увидите, какъ Антонъ Минычъ, иногда въ шлафрокѣ, а иногда и просто, отъ

жары, въ платьѣ Евы, сидитъ у себя въ садикѣ передъ кадочкой и дѣлаетъ загибеньки и простыя колбасы, такія вкусныя, что если вамъ дастъ онъ попробовать и тутъ же, закрывъ вамъ рукою глаза, спроситъ: «А что это такое?»— а вы и не скажете, что это такое! И, Боже мой! сколько достойныхъ и прекрасныхъ людей, съ талантами, не менѣе достойными и пріятными, обитаетъ въ этой Пельтетѣпинкѣ, въ кругу этихъ Пельтетѣпинскихъ панковъ!.. Но чьи это два дворика стали на берегу съ двухъ сторонъ рѣчки Маминьки, стали и смотрятъ, какъ двѣ молодицы, приѣхавшія съ ярмарки, двѣ щебетухи, въ новыхъ платкахъ, лентахъ и дукатахъ,— смотрятъ и какъ будто сами говорятъ: «Вотъ, посмотрите на насъ, добрые люди: вотъ мы такъ заслуживаемъ того, чтобы на насъ посмотрѣли!» Чьи это два чистенькихъ и кокетливыхъ дворика?—Дворики принадлежатъ двумъ Пельтетѣпинскимъ дамамъ,— двумъ достойнѣйшимъ дамамъ слободки: Дарьѣ Адамовнѣ Передѣрій, съ лѣвой стороны, и Дарьѣ Адамовнѣ, тоже Передѣрій, съ правой стороны Маминьки... Какъ ни странѣ случай, но должно прибавить, что сосѣдки, жившія другъ противъ дружки черезъ рѣчку, точно носили одинакія имена и фамиліи, хотя никогда не были родня другъ другу и не имѣли рѣшительно ничего схожаго. Потомство Передѣрій искони существовало и по лѣвую сторону Маминьки; потомство Передѣрій искони существовало и по правую сторону Маминьки. — Дѣло въ томъ, что скопидомки-хозяйницы обѣ были еще и совершенно разнаго характера. Дарья Адамовна съ лѣвой стороны была подвижная и румяная, съ носомъ, глядѣвшимъ вверхъ, или, иначе, съ носомъ, подающимъ большія надежды,— затѣйница подтрунить на чужой счетъ, затѣйница устроить свадьбу, устроить шумную катавасію въ посторонней семьѣ и потомъ весело и беззаботно обо всемъ посплетничать. Дарья же Адамовна съ правой стороны, хотя была также ни чуть не прочь и подтрунить, и устроить свадьбу, и устроить катавасію, и потомъ обо всемъ посплетничать, но зато почти никогда не улыбалась, никогда не вертѣлась и не двигалась такъ, какъ ея сосѣдка, все дѣлала, напротивъ, молча и сурово, безъ смѣха и прибаутокъ, безъ вѣтренной веселости и шума, и даже была нѣсколько падка къ меланхоліи. Иначе, Дарья Адамовна съ лѣвой стороны была, если можно такъ сказать,

Дарья Адамовна — Комедія; а Дарья Адамовна съ правой стороны была, если можно такъ сказать, Дарья Адамовна— Трагедія; характеръ обѣихъ проявлялся во всемъ, до чего онѣ ни касались, и потому ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было смѣшать. И такъ какъ до этихъ двухъ сосѣдокъ главнымъ образомъ будетъ относиться вся наша исторія, мы скажемъ, какъ жили пани Передѐріихи, чѣмъ занимались пани Передѐріихи и въ какихъ отношеніяхъ были другъ къ другу и къ остальному обществу Пельтетѐпинки... Въ то время, какъ сосѣди двухъ сосѣдокъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки, — (а сосѣди были: налѣво, подъ гору — панъ Кислый, за нимъ—Юнашй, за Юнашàми—Билики,—далѣе пасѣчникъ Горобѐцъ, у котораго на головѣ не было ни единаго волоска, зато борода была, какъ фартукъ, такая бѣлая и всегда расчесанная; съ правой стороны, подъ ольховою рощицей—панъ Бубырь, далѣе панокъ бѣдненькій и тихенькій—Цуцыня, за нимъ—ломатель жидовскихъ спинъ, весь заросшій усами и бакенбардами, панъ Чухрай-Перечýхренко, возлѣ него — панъ Дешёвый, рядомъ съ нимъ — панъ Дорогòй; а тамъ и пошли Сморчѐнки, Скубѐнки, Вiѐнки, Павлѐнки, Пупѐнки, Савчѐнки, Минѐнки, и всякіе ѐнки, пока, наконецъ, у самаго входа въ слободку, не возвышался домъ винокура, пана Ивана Побейшею), — въ то время, говорю, какъ упомянутые сосѣди двухъ сосѣдокъ занимались хлѣбопашествомъ, сами ходили за бороною и плугомъ, сами ковали лошадей и дергали шерсть съ козъ,— сосѣдки предоставляли свое хозяйство двумъ задорнымъ и зубастымъ наймичкамъ, хуторянкамъ изъ-подъ Волчьяго-Яру, а сами только солили огурчики, вялили грибки и вишеньки, вышивали кошельки милымъ сердцу панычамъ, — панычамъ, пожирателямъ дѣвичьихъ спокойствій, или, какъ говорятъ о нихъ, ненасытецкимъ сердцеѣдамъ и безпардоннымъ съумасводамъ, — и проводили время въ пріятныхъ разговорахъ... Въ то время, когда Маминька замерзала или пересыхала, онѣ посылали по вечерамъ просить дружка дружку на свѣчку, то-есть, какъ это у насъ водится, посидѣть, поболтать и поработать вмѣстѣ, не вводя себя въ лишній изъянъ по освѣщенію. Когда же Маминька пышно стремила воды свои по лону зеленыхъ береговъ, онѣ выходили, черезъ огороды, на берегъ и переговаривались другъ съ другомъ черезъ рѣчку...

— Ну, такъ какъ же тамъ у васъ все идетъ? — начинала Дарья Адамовна съ правой стороны, или Дарья Адамовна-Трагедія, поглядывая черезъ рѣчку и шевеля спицами шерстяного чулка.

— Да ничего, тётенька, очень хорошо идетъ! — отвѣчала Дарья Адамовна-Комедія веселымъ и почтительнымъ тономъ, что̀ означало и прибавленное имя тетеньки, также шевеля спицами шерстяного чулка.

— Ну, да какъ же это хорошо? — допрашивала суровая сосѣдка, прищуривая глаза черезъ оловянные очки, осѣдлавшіе ея носъ.

— Да, такъ-таки, тётенька, очень хорошо! — подхватывала веселая сосѣдка, выставляя на показъ свои румяныя и свѣжія щеки.

— И терновку перелили въ бутыли?

— И терновку перелила въ бутыли!

— И кобелька пріобрѣли отъ городничаго?

— И кобелька пріобрѣла отъ городничаго!

— Ну, и солодъ уварили, Дарья Адамовна?

— И солодъ уварила, Дарья Адамовна!

— Скажите! вотъ-какъ!.. Такъ, значитъ, и борова посадили въ сажъ къ розговѣнамъ?

— И бо̀рова посадила!

— Вотъ какъ! скажите пожалуйста!.. Это очень, скажу вамъ, любопытно, Дарья Адамовна! — произносила угрюмая сосѣдка, то блѣднѣя, то краснѣя отъ злости...

— Да-съ, очень любопытно! — подхватывала, сверкая румяными щеками, сосѣдка веселонравная: — а вамъ-то что, завидно, что ли, тётенька?

— Ну, матушка, завидно не завидно, а скажу вамъ по правдѣ, что сегодня вашъ селезень переплылъ ко мнѣ въ огородъ!

— Ну, такъ что же, что селезень мой переплылъ къ вамъ въ огородъ?

— А то же, матушка, что каналья я буду, если не сверну ему головы! — произнесла при этомъ Дарья Адамовна-Трагедія, превращаясь въ полотно и едва шевеля отъ волненія спицами чулка.

— Ну, матушка, говорите это поповой кобылѣ, а не мнѣ! Да я еще и посмотрю, какъ вы свернете селезню голову!

— А что развѣ?

Да то же, что каналья и я буду, если и вамъ тогда не сверну головы!

— Мнѣ? — подхватывала мрачная сосѣдка, улыбаясь и задыхаясь отъ бѣшенства.

— Вамъ, именно вамъ!..

— Ну, тогда уже позвольте вамъ послать дулю!—произносила запальчивая Дарья Адамовна-Трагедія, свертывая пальцы въ шишъ и протягивая ихъ въ направленіи къ лѣвой сторонѣ...

— А ужъ позвольте ихъ при этой вѣрной оказіи послать вамъ цѣлыхъ двѣ! — замѣчала Дарья Адамовна-Комедія и тутъ же посылала черезъ рѣчку обѣщанное... Дарья Адамовна-Трагедія на это совершенно терялась и, помолчавъ, изъявляла убѣжденіе, что съ такою злодѣйкой, какъ Дарья Адамовна (не она, а другая Дарья Адамовна!), надо говорить, наѣвшись гороху. На это Дарья Адамовна веселонравная, въ свой чередъ, заливалась дребезжащимъ хохотомъ, который далеко разносился по рѣкѣ, и говорила:

— Да вы, Дарья Адамовна, мерзавка!..

— И, матушка! — отвѣчала на это сосѣдка суровая: — мерзавка не мерзавка, только всѣмъ извѣстно, что у васъ отъ клубники губы пухнутъ!

— Какъ пухнутъ?—спрашивала озадаченная Комедія:— этого быть не можетъ, этого никогда я не замѣчала!

— Очень можетъ быть, и замѣчала это я, я, я! — прибавляла съ ожесточеніемъ Трагедія.

— Ну, когда пухнутъ губы, такъ я же вамъ доложу, что вы въ шкапу, въ спальной, держите водку на сосновыхъ шишечкахъ и пьете ее каждый день по пяти, а иногда по шести рюмокъ, и отъ того у васъ носъ краснаго цвѣта—отливается и наливается, какъ термометръ, и глаза не свои!

— «Тьфу!» — плевала на это негодующая пани съ правой стороны, и, сказавъ:—вотъ же вамъ за это что!—уходила домой переволнованная и сконфуженная до-нельзя...

Иногда такая бесѣда кончалась неожиданнымъ миромъ, и каждая пани, сказавъ: — «Ну, матушка, вы себѣ, если хотите, гуляйте, а мнѣ пора чай пить!» — расходились по домамъ. Но въ другое время, вслѣдъ за дулями и громкою личною перебранкой, утомленныя пани высылали на рѣку своихъ наймичекъ, и зубастыя наймички звонкими, разди-

рающими дискантами оглашали окрестность и перестрѣливались не хуже запальчивыхъ героевъ Иліады.—«Да ты уже замолчи! — кричала одна наймичка другой, стоя на плетнѣ огорода: — ты уже замолчи, потому что я уже знаю, какая ты!» — «А какая же я?»—подхватывала противница, также стоя на плетнѣ.—«Да такая же, какъ и твоя мать!» — «А какая же моя мать, сякая ты, такая?» — «Да такая же, какъ и ты!» — «А я какая, сякая ты, такая?» — «Такая же, какъ и твоя мать!» И этотъ речитативъ тянулся нескончаемо, при сбѣжавшихся съ обѣихъ сторонъ Маминьки зрителяхъ, разжигаемый еще поощрительными криками самихъ хозяекъ... Наконецъ и этого еще было мало: хозяйки расходились по домамъ и, въ пику дружка дружкѣ, каждая именовала свою свинью или слѣпую кобылу *Дарьей Адамовной*. и слободка долго волновалась, раздѣлившись на два враждебныхъ лагеря, ратующіе каждый за свою обывательницу и незнающіе пощады и снисхожденія... Но такова судьба человѣческаго сердца! Подходили чьи-нибудь именины или крестины, и обѣ сосѣдки, если былъ случай переправиться черезъ рѣчку, встрѣчались снова друзьями и, ухватившись за руки, чмокали дружка дружку въ губы, произнося:—«Ахъ, это вы, душечка!»—и получая отвѣтъ:—«Да, душечка, это я!»

Однажды (случилась эта исторія въ самую засуху, когда Маминька не дѣлила Пельтетёпинки на двѣ разныхъ слободки) тотчасъ послѣ обѣда Дарья Адамовна-Комедія прибѣжала, запыхавшись, къ Дарьѣ Адамовнѣ Трагедіи, залилась слезами и упала ей на грудь... — «Что съ вами, душечка?» — спросила хозяйка. — «Ахъ, и не спрашивайте, милашка, я такъ взволнована, такъ взволнована!» — отвѣтила гостья и снова залилась слезами. — «Да что тамъ такое?» — спросила хозяйка, оставляя чулокъ и снимая очки. Гостья на это достала платокъ, отерла глазки, отерла щечки и, вынувъ изъ-подъ лифа письмо, сказала: — «Вотъ, послушайте, душечка! вотъ какой со мной сдѣлался неожиданный случай!» — сказала и прочла вынутое письмо...

...«Милостивая государыня и если смѣю такъ назвать другъ не только мой, но и всего человѣчества! Успѣхи дружбы вашей ко мнѣ заставляютъ сдѣлать открытіе, я влюбленъ голову совсѣмъ потерялъ! разумѣется вотъ вамъ участь блаженство посланное а моя чѣмъ же я виноватъ

хоть въ рѣчку! сна не имѣю, цѣлую ваши ручки, если же когда вы обратите взоръ меня то прошу не откажите подарить меня вашею рукой вы меня знаете теперь же пришлите мнѣ нитокъ на карпетки всего одинъ мотокъ и не забывайте дрожащаго

Ивана... (фамилію гостья прикрыла пальцемъ) а также и шерсти только той которую купили въ городѣ а не вашей а письмо держите въ секретѣ!»

Гостья кончила, но не могла произнести отъ волненія ни слова и сидѣла, потупясь, какъ пойманная съ папироской пансіонерка...

— Ну, что же, шерчикъ, очень рада! — возразила суровая хозяйка: — женихъ нашелся, не надо упускать! вотъ и все!

— Ахъ! — воскликнула гостья и снова повисла на шеѣ хозяйки, и снова зачастили по щекамъ ея радостныя слезы...

Вслѣдъ за этимъ сосѣдки стали шушукаться, шушукаться, и шушукались до тѣхъ поръ, какъ вечеръ наконецъ застлалъ окна темнотою, и собесѣдницы совершенно потонули въ сумракѣ маленькой гостиной. Такъ шушукались сосѣдки и на другой день, и на третій день, и цѣлую недѣлю, и положили, наконецъ, увѣдомивъ милаго жениха, начать дѣлать приданое... Черезъ недѣлю послѣ этого рѣшенья, сосѣдка, получившая письмо, сидѣла также дома и также сидѣла послѣ обѣда, какъ вдругъ дверь отворилась, и въ ея гостиную вошла Дарья Адамовна-Трагедія. Дарья Адамовна-Трагедія вошла молча, молча поклонилась, молча и таинственно сѣла на диванъ... На рукѣ ея, на шнуркѣ, висѣлъ походный чемоданъ (такъ называли въ слободкѣ ридикюль гостьи); она раскрыла стальную пасть чемодана и стала оттуда вынимать на столъ разныя вещи. Вышелъ оттуда клубокъ голубой шерсти и двѣ огромныя деревянныя спицы съ начатымъ чулкомъ; вышелъ оттуда бронзовый наперстокъ въ видѣ волчьей головы; вышли изъ чемодана и другія походныя арматуры гостьи: тамбурная иголка, оловянные очки, рогулька для лентъ, костяная палочка для ковырянья въ ушахъ, пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, два хлопка корпіи изъ морского каната для затыканья ушей отъ простуды, стальной игольничекъ, въ видѣ флейты, ножницы и кирпичъ, обернутый въ вышитый гарусомъ чехолъ, для пришпиливанія работы. Суровая гостья

разложила все это въ большой симметріи на столѣ, поковыряла въ ушахъ уховерткою, заткнула ихъ новыми хлопками изъ морского каната, надѣла нитяныя перчатки безъ пальцевъ, осѣдлала носъ очками и, вооружась спицами, произнесла:

— Ну, матушка, а я къ вамъ тоже съ новостью!

— Съ какою новостью?—спросила хозяйка, настороживъ уши, какъ моська, въ то время какъ, перележавъ всѣ бока у ногъ мечтающей хозяйки, она неожиданно услышитъ: «Жю-жжю!» или: «Фиддель, ты филасёфствуёшь?» и подниметъ къ хозяйкѣ оскаленную мордочку... Гостья покинула спицы, взглянула черезъ очки, покачала головою, причемъ заколыхался на ней накрахмаленный, огромный чепецъ, распущенный, какъ перья на шлемѣ древняго рыцаря, и сказала:—«Ну, пропала и я, душечка!»—и, сказавъ: «Ну, пропала и я, душечка!» — вынула изъ ридикюля письмо и стала его читать:

...Милостивая государыня и если смѣю такъ назвать другъ не только мой но и всего человѣчества Дарья Адамовна! Не терзайте меня а я готовъ сейчасъ жениться на васъ! У меня наслѣдство семь десятинъ и пасѣка около Катышевахи — жду отвѣта не мучьте потому что мучить можно муху или что-нибудь другое но не мучьте меня нѣжный другъ душечка! Слова ваши льются какъ алмазы изъ вашей фортуны, когда васъ слушаю и притомъ у васъ чисто русское сердце.

Иванъ... (фамилію гостья прикрыла также пальцемъ).

«*Милостив... Сіятельство... Проба пера...*

— Нѣтъ!—прибавила гостья, перевернувъ письмо:—эти слова попали сюда нечаянно, они находятся уже на другой сторонѣ письма!..

Хозяйка замерла отъ удивленія, думая про себя: «И въ этакую старуху, и въ этакую нюню — и влюбляются!» — и произнесла, кусая губы: — «Что же, Дарья Адамовна? счастье! Поздравляю отъ всей души! Не надо упускать такого счастья!» — Гостья при этомъ словѣ стала опять смотрѣть черезъ очки, медленно сложила письмо, закачала перьями шлема и заключила хозяйку въ объятія...

Гостья и хозяйка стали снова шушукаться, шушукались-шушукались, положили также шить приданое, и посѣтительница, нагрузивъ снова извѣстный уже чемоданъ, покинула

лѣвую сторону Маминьки не прежде, какъ ночь сошла на дремлющую землю и въ рѣкѣ заколыхался живоподвижный свертокъ червонцевъ, брошенный съ неба полнымъ, яркимъ мѣсяцемъ... Вотъ, пришелъ сороковой день рожденія Антона Миныча Мо́рквы, у котораго, какъ уже также извѣстно, во рту была всегда недокуренная сигарка и однажды ужинъ состоялъ изъ двадцати двухъ блюдъ,—пришелъ день рожденія Антона Миныча, и Антонъ Минычъ увидѣлъ вдругъ весь домъ свой полнымъ, какъ тарелка съ пшеницею, отобранною для пробы на посѣвъ. Скрипачи, съ слѣпымъ цымбалистомъ, напиливали за завтракомъ и обѣдомъ; за десертомъ предстала на столѣ вавилонская башня изъ леденца и тѣста, изъ которой выскочила потомъ живая курица и много напугала и насмѣшила дамское общество.— Послѣ обѣда, увидѣвшаго гибель двухъ или трехъ дюжинъ бутылокъ старой, неподслащенной сливянки, когда двѣ рослыя дѣвки, на́ймички Антона Миныча, въ пучкахъ и тяжиныхъ юбкахъ, внесли въ залъ дымящуюся чашу варенухи, — послѣ обѣда общество засѣло — частью играть въ шашки, а частью въ карты, въ любимую игру носки...

— Да помилуйте, да что же вы дѣлаете, да этакъ вы лишите меня носа! — вскрикивалъ панъ Маки́тра, тотъ самый, который походилъ на картоннаго музыканта, подергиваемаго спрятанною сзади ниткою, подставивъ пану Холодному раскраснѣвшійся носъ; а панъ Холодный не слушалъ его и, прицурившись, съ свирѣпою радостью хлопалъ его по носу картами, какъ кузнецъ по раскаленной шинѣ, хлопалъ и еще злобно приговаривалъ... Слезы давно бѣжали по щекамъ пана Маки́тры, панъ Маки́тра уже чувствовалъ ознобъ въ поясницѣ и шеѣ, который чувствуютъ всѣ подвергаемые хлопанью по носу картами, какъ вдругъ въ дальнемъ углу комнаты, въ густомъ дыму сампантрѐ, голосокъ пана Дудочки произнесъ: — «А вы, господа, не знаете, а у насъ теперь двѣ новыя невѣсты!» — Какъ мужчины Пельтетепинскіе ни считали лгуномъ пана Дудочку, какъ они надъ нимъ ни трунили и ни потѣшались, но тутъ рѣшительно не вытерпѣли и подступили къ нему съ разспросами, позабывъ и о картахъ, и о носѣ пана Маки́тры...

— Да кто же это такія невѣсты? да вы о комъ говорите? — допрашивали Дудочку любопытные панки́, тѣсняясь къ нему со всѣхъ сторонъ. Дудочка сдѣлалъ изъ своего

лица лицо торжественное и мѣрнымъ шопотомъ произнесъ: — «А это, господа, наши пани: это — Дарья Адамовна Передерій и ея сосѣдка, тоже Дарья Адамовна Передерій!» — «Да ты, братъ, врешь?» — замѣтилъ прямо панъ Холодный. лѣлавшій дѣтямъ своимъ, какъ уже извѣстно, собственноручно куклы и въ то же время, также собственноручно. сѣкшій ихъ каждую субботу. — «Ну, ей-ей же, это правда! Ну, чтобъ же у меня ротъ передернуло, если это не такъ!— произнесъ панъ Дудочка обычное свое утвердительное слово:— а онѣ даже и приданое уже стали шить!» — Панъ Холодный на это уставилъ лобъ въ землю, а общество единогласно рѣшило идти къ хозяину дома и объявить ему услышанную новость.—Хозяинъ дома былъ найденъ обществомъ въ гостиной, гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ, на коврѣ, въ кругу обступившихъ его дамъ, и объяснялъ, едва ворочая языкомъ. что это не день его рожденія, а день его сердца, потому что столько милыхъ особъ сошлось привѣтствовать его сердце.

— Сердце, братъ. сердцемъ! — произнесъ на это, входя въ гостиную, съ разбитымъ носомъ, панъ Макитра:—а дѣло, братъ, въ томъ, что наши пани Передеріихи обѣ, съ недавняго времени, невѣсты!

Пани Передеріихи на это вскрикнули:—«Ахъ!»—хотѣли-было бѣжать, но тутъ же и остались и взволнованнымъ голосомъ, по требованію собранія, объявили, что точно онѣ невѣсты и что каждой изъ нихъ сдѣлано предложеніе со стороны достойныхъ людей, извѣстныхъ обществу. Хозяинъ, совладавъ не безъ трудностей съ сигаркою, которая, при настоящемъ безсиліи языка, рѣшительно мѣшала ему говорить, пригласилъ взглядомъ собраніе сѣсть и спросилъ у двухъ переконфуженныхъ дамъ имя жениха каждой изъ нихъ... Гулъ и крики поднялись въ гостиной, едва дамы исполнили желаніе хозяина. Онѣ обѣ, и въ одно и то же время, произнесли требуемыя имена, и эти имена у обѣихъ оказались именемъ фельдшера сосѣдней слободки, который незадолго передъ тѣмъ гостилъ въ Пельтетепинкѣ и лѣчилъ открывшуюся тутъ болѣзнь овецъ... Въ гостиной прозвучало имя—Ивана, Андреева сына, Напрѣева.

— «Извергъ, варваръ, душегубъ, мерзкій волокита! да его надо отправить туда, гдѣ козамъ рога правятъ! — кричали гости, намекая на сосѣдній уѣздный городъ, мѣсто право-

судія:—да чтобы надъ нимъ свѣтъ не свѣталъ и праведное солнце во вѣки не всходило»!—Пошли толки, соображенія и выводы.—Но, сколько гости ни толковали, сколько ни соображали и ни выводили, сколько ни утѣшали Дарью Адамовну съ правой стороны и Дарью Адамовну съ лѣвой стороны, никто ничего не придумалъ для поправленія печальнаго дѣла. Одинъ изъ гостей, именно какой-то заѣзжій нѣмчикъ, Густавъ Густавычъ,— котораго сосѣдніе панки звали Остапъ Остапычъ и прозвище которому приличествовали Мадаменко, по тому случаю, что онъ былъ сынъ гдѣ-то проживавшей гувернантки мадамы,—изъяснилъ, что надо на него подать жалобу въ уѣздный судъ; другой, именно поклонникъ французскаго языка, панъ Чубченко, съ флюсомъ, почему у него лѣвая щека была въ видѣ огромнаго яблока, говорилъ, что жалобы подавать не надо, а надо его оттаскать за виски и взъерепенить ему хорошенько марфутку (этимъ намекалось на бока фельдшера); остальные, наконецъ, говорили, что не надо его ни таскать за виски, ни взъерепенивать ему марфутки, а надо съѣздить къ какому-то Силентію Викентьичу Шоколо, который хотя былъ такъ себѣ,— Богъ съ нимъ! — но все-таки былъ хорошій человѣкъ, курилъ не корешки, а цѣльный роменскій табакъ, и зналъ уже, какъ учить такихъ молодцовъ, какъ фельдшеръ. Посыпались новыя догадки и предположенія, догадки и предположенія смѣшались, наконецъ, въ неясный гулъ, и все въ этомъ гулѣ потонуло, какъ вдругъ въ дверяхъ гостиной показалась высокоумная и высокоуважаемая пани, пани Сенклетѣя Повсѣкакьевна Дратва, которую хозяинъ позабылъ пригласить на свой праздникъ и которая, между тѣмъ, какъ позабытая на крестинахъ сказочная фея, сама явилась на этотъ праздникъ. Пока Антонъ Минычъ стоялъ передъ нею и, запинаясь, излагалъ свои извиненія, гордая и рѣшительная пани выслушала наскоро разсказъ о происшедшей исторіи и, громко потребовавъ трубку, усѣлась на диванъ, затянулась, какъ любой гусаръ, пустила рядъ колецъ, пронизала эти кольца особою струйкой дыма и, подбоченясь, произнесла:

— А пани Передерихи лучше всего сдѣлаютъ, если сей же часъ сядутъ въ мою бричку и поѣдутъ со мною къ этому подлецу!

Собраніе единодушно одобрило мысль пани Дратвы и про-

водило изъ оконъ глазами скрывшуюся въ концѣ слободки бричку... И покатила эта бричка прямо къ коварному фельдшеру; но покуда бричка ѣдетъ къ коварному фельдшеру. скажемъ, кто была пани Дра̀тва и кто былъ самъ коварный фельдшеръ...

Сенклетѣя Повсѣкакьевна Дра̀тва представляла весьма интересныя черты. Она была необыкновенная хозяйка, сама молотила рожь, сама дергала за усы пьянаго работника, сама стряпала на кухнѣ и была грозою всей Пельтетеринки. Ее боялись и слушались, какъ мы, школьники, во время о̀но, боялись и слушались нѣкоего бѣглаго прусскаго фельдфебеля, бывшаго у насъ учителемъ географіи и литературы,—фельдфебеля, откладывавшаго изъ жалованья постоянно часть для платы пени сторожамъ, лишеннымъ къ каждому первому числу нѣсколькихъ зубовъ на верхней или на нижней челюсти. Однажды съ пани Дра̀твой былъ любопытный случай. Она пригласила къ себѣ исправника, и по этому случаю ея единственный слуга и косарь Микита, былъ взятъ съ поля, одѣтъ въ суконную ку̀ртку и набойчатые шаровары и введенъ въ буфетъ.—«Ну, Микита,—говорила пани Дра̀тва, вручая ему огромный подносъ съ чашками: — вотъ это тебѣ чашки! Смотри же, прежде всего подавай исправничихѣ: она такая полная, и ты, какъ войдешь, сейчасъ ее увидишь!»—Микита бережно вступилъ въ гостиную, окинулъ взоромъ полукругъ гостей и потерялся, потому что, въ двухъ или трехъ мѣстахъ полукруга, увидѣлъ одинаково полныхъ паней: пани исправничиху, пани протопопицу и пани винокуршу! Онъ кашлянулъ и ступилъ къ протопопицѣ. —«Не туда, Микита!» — шепнула съ досадою хозяйка, дергая его за поясъ. Микита повернулся и потерялъ присутствіе духа; онъ захлопалъ глазами и въ туманѣ направился къ какому-то невзрачному панычу.—«Не туда, Микита!» — шепнула хозяйка, опять дергая его за поясъ. И Микита ступалъ то вправо, то влѣво, до той поры, а пани Дра̀тва, говоря:—«Не туда, Микита! Не сюда, Микита!»—также до той поры дергала его за поясъ, что поясъ, наконецъ, развязался и Микита очутился среди комнаты превращенный, какъ переодѣтая въ секунду танцовщица въ балетѣ.—«Вотъ та̀къ, пани ма̀тко! — сказалъ Микита, стоя съ подносомъ среди ошеломленныхъ гостей:—додергались до того, что теперь уже Микита совсѣмъ ни туда, ни сюда!» Это проис-

шествіе обошло далеко околотокъ, несмотря на всю любовь къ пани Дратвѣ.— Что касается до фельдшера, то послѣдній былъ еще замѣчательнѣе пани Дратвы.—Онъ былъ то, что называютъ бѣлый арабъ: съ крупными губами и курчавыми русыми волосами. Ходилъ онъ тихо, говорилъ тихо, чихалъ тихо, смѣялся тихо, даже обычныя слова: «Какъ ваше здоровье?» или: «А что, какова теперь погода?»—говорилъ на ухо и шопотомъ, точно сообщалъ какія-нибудь соблазнительныя неприличности. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ былъ большой хитрецъ и исподтишка иногда достигалъ осуществленія такихъ плановъ, о которыхъ не смѣли подумать и болѣе смѣлыя души...

Когда онъ былъ еще въ ближнемъ городкѣ и учился медицинѣ у одного доктора, весельчака, азартнаго игрока въ банкъ и общаго друга и свата, онъ обыкновенно уходилъ рано по-утру на рынокъ играть съ мясниками въ шашки и всегда возвращался домой съ бараньимъ бокомъ, связкою загибенекъ или филейкою, частью говядины для жаркого. Поселившись на слободкѣ, у какой-то троюродной тетки, Напрѣевъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ сосѣднихъ маменекъ. Ему, на масляную, нерѣдко навязывали сюрпризомъ на ногу деревянную колодку, провозвѣстницу свадьбы, и заставляли отъ нея выкупаться... Напрѣевъ не выкупался, потому что былъ страшно скупъ и не любилъ терять даромъ гривенниковъ и полтинниковъ; колодкамъ же былъ очень радъ и не упускалъ случая поволочиться за смазливыми хуторянками. Иногда въ кадрили онъ вдругъ говорилъ своей дамѣ:— «Позвольте, сударыня, поцѣловать вашу ручку?»— На это дама отвѣчала: «Ахъ! какъ это можно! у васъ есть своя!»— «Своя дѣло другое, а ваша лучше и можетъ меня осчастливить!»—замѣчалъ косвенно фельдшеръ, намекая на весьма понятный голосъ сердца, и былъ, словомъ, любезнѣйшій и милѣйшій въ околоткѣ молодой человѣкъ.

Однажды чуть даже не устроилъ онъ свадьбы; но дѣло неожиданно разошлось, и разошлось по весьма странной причинѣ. Невѣста Напрѣева оказалась совершенно чуждою познанія многихъ общественныхъ словъ. Пріѣхавъ однажды къ матери невѣсты и не заставъ ея дома, Напрѣевъ чмокнулъ невѣсту въ губы и произнесъ: — «Скажите, душечка, мамашѣ, что я былъ съ визитомъ!»— «Съ визитомъ?—спросила простушка, а время тогда было зимою:—отчего же вы

не попросите его въ комнату? еще какъ бы не замерзъ!» Въ другое время, возстановляя здоровье невѣсты, нарушенное коликою отъ гречневыхъ блиновъ съ постнымъ масломъ, фельдшеръ сказалъ: — «Кушайте и борщикъ, душечка, съ аппетитомъ, и уточку кушайте, и варенички кушайте, съ аппетитомъ!»— «Да я посылала уже за аппетитомъ,— отвѣчала простушка-невѣста:—да только его совсѣмъ не нашли на базарѣ!» Напрѣевъ закусилъ губы, ловко отказался отъ обѣщанной руки, и, когда аккуратная маменька невѣсты намекнула ему о долгѣ, о занятыхъ у нея двадцати пяти рубляхъ, Напрѣевъ также ловко составилъ къ ней объяснительное письмо и въ концѣ этого письма замѣтилъ: — «А что касается, сударыня, до приведеннаго здѣсь долга, то я одинъ лишь долгъ чувствую — именно долгъ совершеннаго почтенія и преданности, съ коими имѣю честь быть навсегда и во вѣки такой-то!» — Къ такому-то коварному человѣку подкатила, наконецъ, бричка съ тремя пельтетепинскими дамами. Но къ чему описывать, къ чему изображать, какое печальное и тягостное окончаніе имѣла эта затѣянная поѣздка? Къ чему это изображать? Краска выступаетъ на лицѣ автора, и если бы онъ могъ очутиться въ эту минуту въ своей книгѣ, очутиться въ видѣ какой-нибудь буквы, среди изображаемыхъ имъ строчекъ, онъ увидѣлъ бы, вѣроятно, краску и на щекахъ читателя! Секлетѣя Повсѣкакьевна вошла къ фельдшеру, стала передъ обманщикомъ, держа за руки трепещущія жертвы, и произнесла:—«А ну-ка, голубчикъ, говори, какая изъ этихъ двухъ дамъ избрана тобою? Говори! Письма-то ты писалъ къ нимъ обѣимъ!»— Напрѣевъ, въ положеніи, которое можно сравнить съ положеніемъ пуделя, застигнутаго въ кухнѣ надъ приготовленными къ столу котлетами, сталъ-было запираться, къ ужасу обѣихъ жертвъ; но пани Дратва нагнала на него такого холоду, что коварный волокита закрылъ лицо руками, опустился къ ногамъ дамъ и чуть слышнымъ отъ страха и смущенія голосомъ пролепеталъ:—«Это я, Дарья Адамовна, нарочно... это я не влюбленъ... это я... боровъ... я хотѣлъ выпросить у васъ борова на заводъ и сказалъ вамъ!..»

Предоставляю читателю вообразить все негодованіе и весь ужасъ Пельтетепинскихъ дамъ, быстро покинувшихъ жилище коварнаго волокиты, и замѣчу только, что все недоумѣніе произошло вслѣдствіе того, что посланный фельдшера отдалъ

письма, наведенный въ ошибку по случаю одинакихъ именъ сосѣдокъ, не одной, которой онѣ адресовались, а обѣимъ вмѣстѣ, и что фельдшеръ, дѣйствительно, замысливъ выманить у Дарьи Адамовны съ лѣвой стороны для завода борова, рѣшился достигнуть этого сердечнымъ путемъ... Признаніе фельдшера было въ тотъ же вечеръ у Антонъ Миныча Морквы сообщено всему Пельтетепинскому обществу, и Пельтетепинское общество повело противъ безсовѣстнаго волокиты такія мины, что не прошло и году, какъ этотъ волокита покинулъ ближнюю слободку и, подъ видомъ *будущаго*, прописаннаго въ подорожной одного проѣзжаго офицера, уѣхалъ и съ той поры пропалъ безъ вѣсти... Сосѣдки скоро успокоились и попрежнему теперь снова выходятъ на берегъ Маминьки; выходятъ переговариваться, ссорятся и мирятся, мирятся и ссорятся, и служатъ знаменемъ дружбы или раздора для двухъ сторонъ слободки Пельтетепинки, и служатъ украшеніемъ обѣихъ сторонъ общества милыхъ и достойныхъ панковъ слободки Пельтетепинки...

1854 г.

Оглавленіе.

XVII ТОМА.

стр.

Бѣсъ на вечерницахъ. 3
Пенсильванцы и каролинцы. 25
Былое и новое. 56
Вечеръ въ черешняхъ. 66

Слобожане. Малороссійскіе разсказы.

Введеніе. 77
I. Степной городокъ. 86
II. Слободка. 110
III. Дѣдушкинъ домикъ. 126
IV. Хуторянка. 140
V. Пельтетепинскіе панки. 172

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

РАЗСКАЗЫ.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ НА ДНѢПРѢ.

(1787 г.)

РАЗСКАЗЪ.

«Я, матушка, прошу воззрѣть на здѣшнее мѣсто, какъ на такое, гдѣ слава твоя — оригинальная, и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ ты не слѣдуешь по стезямъ другаго».

(Письмо Потемкина къ Екатеринѣ.)

Императрица Екатерина пожелала увидѣть «свое маленькое хозяйство» — вновь пріобрѣтенную Новороссію. Она выѣхала изъ Петербурга 7-го января 1787 г. въ кругу отборныхъ лицъ двора, въ сопровожденіи пословъ французскаго, австрійскаго и англійскаго, поджидая на дорогѣ встрѣтить двухъ вѣнценосныхъ гостей — польскаго короля, Станислава Августа, и австрійскаго императора, Іосифа Второго. Императрица совершала путь въ раззолоченной каретѣ; четырнадцать другихъ каретъ везли ея свиту и дворъ. Въ экипажи впрягалось по восьми лошадей. До шестисотъ лошадей заготовлялось на каждой станціи.

Современникамъ это странствіе Екатерины казалось шествіемъ божества по землѣ; лица, окружавшія ее, казались геніями, намѣстники въ вышитыхъ золотомъ кафтанахъ — королями. Придворнымъ лакеямъ кланялись, принимая ихъ за генераловъ. Свѣтлѣйшій Потемкинъ, прозванный запорожцами *Гришкомъ Нечосой*, ничего не щадилъ, чтобы путешествіе Екатерины сдѣлать по-истинѣ волшебнымъ.

Цѣлые дворцы были построены для ея ночлега. Цѣлые

лѣса были сожжены на освѣщеніе пути для ея каретъ. По сторонамъ дороги горѣли костры и сотни смоляныхъ бочекъ. Цѣлые рынки всякой живности уничтожались на перевалахъ для насыщенія желудковъ царственнаго поѣзда. Встрѣтился ветхій хуторъ, невзрачная деревенька—долой все старое и ветхое. Подгнившія избушки снесены, и на мѣсто ихъ выстроены новыя, съ «веселыми перспективами» и «романическими перестилями». Кое-гдѣ возведены тріумфальныя ворота, съ амурами и стихотворными надписями. На опустѣлыя поля согнаны огромныя стада овецъ и табуны лошадей. Наступила весна. Пастухи одѣты въ красивые мѣстные наряды и на свирѣляхъ привѣтствовали свою царицу. Цѣлый городъ Алешки, на Днѣпрѣ, противъ Херсона, былъ выстроенъ въ теченіе одной зимы. Гдѣ не было вовсе деревень, были нарисованы ихъ красивыя декораціи, съ барскими домами, церквами, садами и бесѣдками. Царица остановится на ночлегѣ, а той порой декораціи соберутъ и перевезутъ далѣе. Какъ было не плѣниться этими видами въ мѣстахъ, гдѣ еще недавно рыскали поляки и носилась дикая татарва. Пріятные маленькіе обманы были во вкусѣ вѣка. О нихъ, быть-можетъ, подъ рукою и знали, но они отрадно щекотали самолюбіе.

Потянулись безлюдныя за-днѣпровскія степи. На нихъ встаетъ клубами пыль, несутся ряды всадниковъ. Стрѣляютъ изъ винтовокъ, вѣютъ знамена, гремятъ барабаны, штыки блестятъ на солнцѣ. Это—новая украинская армія, отряды пикинеровъ и гусаръ, въ «удобныхъ и нарядныхъ мундирахъ», придуманныхъ самимъ свѣтлѣйшимъ. И тутъ же ближе, глядя на эволюціи щегольской конницы, ходятъ хороводами поселяне и поселянки. Крики виватъ и украинскіе напѣвы несутся съ берега. На сухомъ пути знатное шляхетство, т. е. дворянство, сановники свѣтскіе и духовные, привѣтствуютъ царицу пышно-льстивыми рѣчами. Въ Мстиславѣ могилевскій архіепископъ Георгій Конисскій началъ привѣтственную рѣчь словами: «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля около солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ». Первоспущенный въ Херсонѣ для черноморскаго флота корабль названъ именемъ «Слава Екатерины». Въ Каневѣ на Днѣпрѣ императрицу встрѣтилъ король Станиславъ-Августъ, въ ожиданіи великой гостьи Малороссіи, пожертвовавшій здѣсь, по словамъ тогдашнихъ

французскихъ газетъ, «тремя мѣсяцами времени и тремя милліонами денегъ, за три часа свиданія съ императрицею русскою!»

Въѣздъ въ Кіевъ былъ совершенъ зимой, при ста тридцати одномъ выстрѣлѣ изъ пушекъ и сдачѣ ключей комендантомъ крѣпости. Сотни купчихъ и мѣщанокъ, въ малороссійскихъ одеждахъ, провожали карету императрицы. Она явилась мѣстному дворянству на городскомъ балѣ, веселая, милостивая, любезная, въ атласномъ зеленомъ молдаванѣ и въ шитыхъ золотомъ башмакахъ, проиграла до десяти часовъ въ карты и удалилась въ свои покои, повергнувъ всѣхъ въ очарованіе и восторгъ.

Объ этомъ въѣздѣ въ Кіевъ Екатерина такъ писала наутро къ генералъ-поручику и сенатору Еропкину въ Москву:

«Петръ Дмитріевичъ! Вчерашній день, въ пять часовъ за полдень, я сюда благополучно и здорова пріѣхала. Я думала найти въ сихъ полуденныхъ мѣстахъ и подъ сорокъ девятымъ градусомъ воздухъ теплый, а напротивъ того. Мы въѣхали въ сей городъ съ двадцати-градуснымъ морозомъ, который и въ Петербургѣ рѣдкость. Однако, воздухъ здѣсь имѣетъ менѣе суровости; понеже, при величайшемъ людствѣ и встрѣчѣ, непримѣтно было, чтобъ кто отморозилъ уши или носъ, что бы на сѣверѣ, конечно, воспослѣдовало. Здѣсь пріѣзжихъ тьма, но, кромѣ гетмана Браницкаго, прочихъ еще не успѣла узнать. 30-го января 1787 г.».—И въ другихъ письмахъ къ Еропкину, удивляясь, что въ Малороссіи «на сто-тридцати верстахъ разстоянія дубоваго и сосноваго лѣсу столько, какъ сроду не случалось видѣть въ одинъ день»;—она, между прочимъ, писала о Кіевѣ: «Здѣсь великое множество поляковъ наѣхало и всякій день еще прибываетъ. Прошедшее воскресенье у меня былъ балъ, на которомъ персонъ до пятисотъ было обоего пола.—Здѣсь третій день какъ не мерзнетъ, и погода весенняя. Мы всѣ здоровы, въ ожиданіи вскрытія Днѣпра, который въ устьѣ у Херсона и выше пороговъ уже вскрылся, а здѣсь еще продержитъ легкими морозами при солнечномъ сіяніи во весь день».

Два съ половиною мѣсяца, съ января до половины апрѣля, Днѣпръ задержалъ Екатерину въ Кіевѣ. Отъ 23-го марта она писала Еропкину: «Сегодня Днѣпръ тронулся, и уже въ лодкахъ оный переѣзжаютъ; однако, еще холодновато. Я надѣюсь, аще Богъ изволитъ, въ половинѣ будущаго

апрѣля отселѣ на галерахъ пуститься далѣе». Въ письмѣ къ королевско-великобританскому надворному совѣтнику и лейбъ-медику Циммерману, передъ отъѣздомъ изъ Кіева, Екатерина писала: «Завтра отправляюсь въ путь и поѣду внизъ по Днѣпру до Херсона. Кіевъ своимъ положеніемъ есть мѣсто совершенно живописное. Четыре части города весьма обширны, но очень худо застроены. Однакожъ, давно уже сей городъ не имѣлъ столь большой нужды въ хорошихъ квартирахъ, какъ во время трехъ-мѣсячнаго моего въ немъ пребыванія. Число разныхъ пріѣзжихъ народовъ было весьма велико. Трудно отгадать, что̀ ихъ привлекло въ Кіевъ, ибо нельзя полагать, чтобъ всѣ они обмануты были нѣкоторыми газетами, которыя изо всей силы повѣщали будущее мое коронованіе въ Тавридѣ, или здѣсь, о чемъ никогда и не думано».

22-го апрѣля императрица и дворъ со свитою сѣли на галеры, раззолоченныя и убранныя флагами. На каждой помѣстился хоръ музыки. Галера «Днѣпръ» выкинула адмиралтейскій флагъ. На ней ѣхала императрица. По сигналу всѣ сходились обѣдать на галеру «Десну». Время шло быстро. Черезъ недѣлю прибыли въ Кременчугъ. Это было 30-го апрѣля. Императрица вышла рано утромъ на палубу изъ каюты, гдѣ постоянно еще топился каминъ, и изумилась. Украинская весна была во всемъ блескѣ...

Тогда уже во всей красѣ пышно цвѣли, въ прибрежныхъ садахъ и лѣсахъ, черешни, дикія яблони и груши. Берега устилались коймами цвѣтовъ; голубые пролѣски цѣплялись по отвѣсамъ скалъ. Алый воронѣцъ поднималъ свою голову среди моря первой сочной зелени. Лиловые ирисы и желтые дикіе тюльпаны мелькали по луговинамъ, а кусты и деревья стонали отъ криковъ птицъ. У мутныхъ еще водъ Днѣпра, надъ камышами, перепархивали желтогрудыя иволги и краснощекіе дятлы. Съ кормы галеръ нѣкоторые изъ свиты забрасывали удки. Между старыхъ пней по берегамъ порой мелькали золоторогія змѣйки. Рои насѣкомыхъ роились въ вешнихъ лучахъ. Баба-птица едва успѣвала въ исполинскій зобъ пронихивать мелкую, глотаемую у береговъ рыбу. Небо было сине и безъ единой тучки. Близость юга была слышна на каждомъ шагу. По вечерамъ, на зарѣ, гребцы, чубатые и усатые хохлы, затягивали пѣсни, и, подъ мѣрный плескъ веселъ, слышались напѣвы *Доли*, *Журавля* и веселыхъ

тогдашнихъ *Вербунокъ*, подъ которыя набирались изъ слободскихъ и запорожскихъ казаковъ новые полки гусаръ.

Такъ подвигалось шествіе водою до 6-го мая, когда галеры были въ пятидесяти верстахъ отъ прибрежнаго мѣстечка Новыхъ Кайдакъ.

День открывался туалетомъ императрицы, при разнесеніи кофе. Вскрывались пакеты, доставленные съ гонцами сухимъ путемъ изъ Петербурга, Москвы и чужихъ краевъ. Время до обѣда шло въ разговорахъ. Императрица, въ плавучей залѣ, работала со своими секретарями и письмоводителями. Тутъ же были и аудіенціи высшимъ сановникамъ. Обѣдали за общимъ столомъ. Одушевленныя рѣчи пересыпались французскимъ остроуміемъ. Принцъ де-Линь, какъ знали нѣкоторые изъ собесѣдниковъ, велъ путевыя записки. Послѣ обѣда читали французскія и нѣмецкія комедіи, писали шуточныя русскія и французскія анаграммы, буримѣ, загадки, сатирическіе куплеты, играли въ фанты, шахматы и въ карты. Кто-то изъ свиты красками снималъ виды скалъ и береговъ Днѣпра.

Императрица каждое утро, въ пудромантелѣ, чепцѣ и въ кофтѣ усаживалась къ столу своей каюты, открывала занавѣску у окна, выходившаго на рѣку, замыкала дверь и на листахъ переплетенной въ зеленый атласъ тетрадки упражнялась писаніемъ стиховъ. Придворные сгорали нетерпѣніемъ услышать новое произведеніе царственнаго автора. Впослѣдствіи открылось, что это была комическая опера: «Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ», игранная потомъ въ Петербургѣ.

Въ куплетахъ оперетки отражалось собственное, пріятное въ тѣ минуты, настроеніе души императрицы. Екатерина писала:

«Днесь шумятъ потоки, тихи вѣтры вѣютъ.
И ключи изъ горокъ воду бьютъ;
Прешироки рѣки водъ плескать не смѣютъ,
А струи водъ свѣжихъ въ поле льютъ,
Сладко напоя землю растворенну,
Естество прекрасно обновятъ,
Обольщенны очи, зрящи на вселенну,
Нѣжны чувства тѣмъ увеселятъ...»

«Я куда ни погляжу,
Тамъ утѣхи нахожу;
Тамъ поютъ соловьи,
Множа радости мои...»

Литературныя занятія Екатерины были въ одно утро неожиданно прерваны легкимъ стукомъ въ двери. Она спросила: «Wer ist dort?»—Веселый и звонкій голосокъ дежурной камеристки Нехтеревой торопливо отвѣтилъ: — «Da ist Jemand von dem Fürst!» — Императрица велѣла ввести пришедшаго. То былъ посланный отъ князя Потемкина, графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ. Онъ прискакалъ отъ фельдмаршала изъ Кайдакъ съ извѣстіемъ, что императоръ австрійскій Іосифъ II, подъ именемъ графа Фалькенштейна, около 6-го мая пріѣхалъ въ Миргородъ и 8-го въѣхалъ въ Кайдаки, въ сопровожденіи Потемкина, собираясь посѣтить Екатерину на галерахъ. Императрица сейчасъ же приказала кинуть якоря и вышла на берегъ, гдѣ, рядомъ съ галерами, по сухому пути, ѣхали ея придворные экипажи. Тамъ она пересѣла въ карету и, въ сопровожденіи Нехтеревой, графа Румянцева и графа Безбородко, поспѣшила отъ Днѣпра навстрѣчу къ графу Фалькенштейну.

— Ну, скорѣе, друзья, скорѣе! — сказала она ямщикамъ изъ мѣстныхъ жителей, усѣвшись въ раззолоченный рыдванъ и жадно впивая въ круглое, съ рѣзьбою, окно душистый свѣжій воздухъ весенняго утра.

Главный ямщикъ бойкаго, поджараго обывательскаго восьмерика повернулся и, скинувъ шапку, при чемъ свѣсился за его ухо черный чубъ, отвѣчалъ, указывая на карету:

— Коли бъ не вотъ эта золотая бричка, мàтинко, такъ мы бъ тебя такъ подхватили, что ажъ колеса бъ горѣли...

Императрица улыбнулась и разговорилась съ графомъ Безбородко. Карета медленно взобралась на крутой, возвышенный, правый берегъ Днѣпра и быстро покатилась по узенькому проселку. Было шесть часовъ утра.

Слѣва мелькали поемные луга, покрытые туманомъ и поросшіе камышами. Справа тянулись холмы, пересѣкаемые зеленѣющими «логами», сѣнокосы и пахоти кайдацкихъ обывателей. Въ одномъ мѣстѣ, въ воздухѣ, надъ головами какъ бы прозвенѣли трубы. Екатерина выглянула изъ кареты: тремя косяками отъ Крыма за Днѣпръ тянулись по небу стаи журавлей. Форейторы скакали въ пыли и съ криками погоняли лошадей.

— Я начинаю походить приключеніями моего вѣка на Петра Великаго,—начала Екатерина, глядя на безпрестанно мѣнявшіяся вокругъ кареты картины видовъ: —но что Богъ

ни дастъ, а по примѣру дѣдушки — унывать не стану. Принцесса Ангальтъ-Цербстская стала Русскою Императрицею, и два вѣнценосца ей ѣдутъ навстрѣчу...

— Однако, ваше величество,—перебилъ ее графъ Безбородко: — что̀ будетъ, если императоръ Іосифъ теперь сидитъ гдѣ-нибудь съ обломанною осью и безъ лошадей? По этой дорогѣ не слишкомъ разлетишься...

Въ самомъ дѣлѣ, толчки дороги давно давали себя чувствовать. Карета круто свернула вправо, потомъ опять влѣво и пошла по берегу невзрачной рѣчонки. Густой лѣсъ тянулся по другую ея сторону; болотистый берегъ былъ усѣянъ кочками, и лошади между ними едва бѣжали рысью. Вдругъ передовой форейторъ замахалъ шапкою и закричалъ: «кто-то ѣдетъ!»

И въ то же время, изъ-за угла лѣса, въ полуверстѣ, навстрѣчу каретѣ показалась рессорная дорожная коляска, также запряженная восьмеркомъ. Лошади коляски неслись въ карьеръ. Это былъ Іосифъ, бросившій свою свиту и ѣхавшій съ однимъ Потемкинымъ. Встрѣча Екатерины и Фалькенштейна не замедлила совершиться. Экипажи съѣхались среди поля, въ долинѣ, у кучки вербъ, подъ которыми была корчма сосѣдняго казацкаго хутора. Дымясь отъ пара, остановились лошади обоихъ экипажей.

Императоръ выскочилъ первый и подоспѣлъ къ откинутымъ подножкамъ кареты, изъ которой выходила императрица. Они нѣсколько минутъ провели въ обычныхъ привѣтствіяхъ. Завидя бѣлую мазанку корчмы и чтобы дать лошадямъ вздохнуть, Екатерина предложила нѣсколько минутъ переждать. Предложеніе было принято. Екатерина и Іосифъ пошли впередъ, свита немного поодаль. Потемкинъ указывалъ дорогу.

«И что это за корчма? И чортъ бы ее побралъ!—шепталъ свѣтлѣйшій, между тѣмъ, не зная самъ, куда идетъ и куда ведетъ двухъ вѣнценосныхъ странниковъ.—Ну, ожидалъ ли я, что они тутъ встрѣтятся? Строилъ города, рылъ горы, крестилъ татаръ, завоевывалъ царства, чтобы прославить Екатерину, совершилъ чудеса, чтобы въ безлюдномъ краѣ она царственно проѣхала и увидѣла многолюдство, короля польскаго заставилъ выѣхать ей навстрѣчу въ Каневъ, дождался, что и австрійскій императоръ выѣхалъ ее встрѣтить... все устроилось отлично, и вдругъ они встрѣтятся

въ гнилой корчмѣ, гдѣ попадется какой-нибудь жидъ, или хохолъ, или пьяный шляхтичъ. Наговорятъ ей, наврутъ... безпорядокъ!..»

— Ваше величество, пожалуйте!— сказалъ свѣтлѣйшій, отворяя передъ императрицей дверь корчмы, точно давно знакомый и съ этимъ мѣстомъ, и съ самой корчмой, между тѣмъ, какъ глаза его напряженно и не безъ волненія слѣдили изъ-за спины гостей за внутренностью комнаты, куда они вошли.

Первыя впечатлѣнія свѣтлѣйшаго были пріятны. Чистыя лавки шли вдоль стѣнъ комнаты. Образа въ главномъ углу были утыканы сухими цвѣтами. Лампада теплилась передъ иконою Николая Чудотворца, праздникъ котораго 9-го мая былъ черезъ два дня. Двухлѣтній ребенокъ сидѣлъ у порога комнаты на полу и ложкою каши потчивалъ подслѣповатаго котёнка, котораго успѣлъ поймать и придержать между ногъ. Бѣлая курочка вышла изъ-подъ печки, причемъ на только-что подметенномъ и усыпанномъ пескомъ полу оставила рядъ крестиковъ отъ своихъ осторожныхъ лапокъ и клевала на лавкѣ изъ миски, покрытой полотенцемъ, какую-то стряпню, припасенную на ужинъ. Не видя хозяевъ, Екатерина обратилась къ Потемкину:

— Вѣроятно, здѣшняя хозяйка ушла въ поле на работу или на базаръ?—и, обращаясь къ Іосифу, прибавила по-французски:—не могу не замѣтить вамъ, графъ, удивительный здѣсь народъ. Простота изумительная. Вотъ тутъ, напримѣръ, весь домъ оставленъ на руки двухъ или трехълѣтняго ребенка!

— Это корчма, — замѣтилъ почтительно Безбородко:— корчма, гдѣ продается вино. Вотъ и бочка. А вѣдь никто и не тронетъ.

— Вѣроятно, потому, ваше величество, —отнесся къ Екатеринѣ графъ Фалькенштейнъ: —что все здѣшнее народонаселеніе ушло въ надеждѣ увидѣть у Днѣпра свою императрицу...

Императрица ласково протянула руку Іосифу, который ее поцѣловалъ, и съ улыбкою попросила его сѣсть. Потемкинъ, Румянцевъ, Безбородко, Шуваловъ и прочіе изъ свиты Екатерины и Іосифа почтительно стали у дверей.

— Чѣмъ далѣе, ваше величество, — сказалъ Іосифъ:— тѣмъ болѣе я изумляюсь... Я думалъ встрѣтить пустыни, а увидѣлъ населенныя богатыя мѣста...

— Да, — подхватила весело Екатерина, взглядывая на

Потемкина:—я рада, что сама увидѣла эти страны своими глазами. Враги князя все употребляли, чтобы очернить его передо мною и передъ свѣтомъ. Намъ сказали, что насъ встрѣтятъ жары, несносныя человѣчеству, а насъ встрѣтилъ воздухъ если не Италіи, то родной вашему величеству Венгріи. Степь, правда, безлѣсная и почиталась безводною, а мы, однако, видѣли повсюду ручьи и рѣки, при которыхъ поселеній уже не въ маломъ числѣ. Пользы государственныхъ заведеній не всегда вначалѣ открыты понятію множества. Такъ, санктпетербургская губернія нынѣ даетъ восьмую часть доходовъ всей имперіи; она же существуетъ всего восемьдесятъ четыре года. А сколько было говорено противъ этого города Петра! Посмотримъ, какъ доходны будутъ здѣшніе порты черезъ короткое время...

— Ваше величество,— возразилъ графъ Фалькенштейнъ:— у князя Потемкина много враговъ, но еще болѣе друзей.

Екатерина продолжала:

— Кричали противъ климата, пугали и отсовѣтывали! Обозрѣвъ самолично, сюда пріѣхавши, ищу причины такого безразсуднаго предубѣжденія,—и не нахожу. Съ пріобрѣтеніемъ этихъ благословенныхъ странъ исчезнетъ страхъ отъ татаръ, которыхъ нашли Бахмутъ, Украйны и Елисаветградъ такъ еще живо помнятъ... Да, графъ, я теперь съ немалымъ утѣшеніемъ ежедневно ложусь спать, видя своими глазами, что я не причинила вреда, но принесла и принесу величайшую пользу своей имперіи...

Вслѣдъ затѣмъ разговоръ перешелъ къ иностранной политикѣ и къ туркамъ. Живое любопытство предмета и обмѣнъ глазъ-на-глазъ сокровенныхъ мыслей увлекли обоихъ вѣнценосцевъ. Потемкинъ мигнулъ придворнымъ; тѣ оставили Екатерину наединѣ съ Іосифомъ. Императрица вскорѣ позвала Потемкина и стала продолжать свой разговоръ съ Іосифомъ втроемъ. Былъ уже часъ пополудни. Императрица не замѣтила, какъ прошло болѣе двухъ съ половиною часовъ. Желудки путниковъ начали себя напоминать. Первый нашелся Безбородко. Войдя въ комнату, онъ шепнулъ два слова Потемкину. Князь смѣшался и закусилъ губу. Екатерина угадала его мысли.

— Графъ,— обратилась она къ Фалькенштейну:—передъ возвращеніемъ къ моимъ галерамъ, не закусить ли намъ чего-нибудь?

— Какъ угодно! Еще Данте сказалъ, что можетъ родиться племя, которому не суждено умирать. Это прямо относится къ вамъ и къ вашему безсмертному странствованію...

— Но есть ли у насъ что̀ съ собою? — спросила Екатерина.

Кинулись къ экипажамъ. Оказалось, что впопыхахъ забыли взять съ собою придворную кухню императрицы. Въ колескѣ же графа Фалькенштейна, кухня котораго также отстала, нашли только нераскупоренную бутылку стараго венгерскаго, кусокъ сыру да краюшку сухого крестьянскаго хлѣба, которымъ графъ, охотникъ до лошадей, на станціяхъ изъ своихъ рукъ кормилъ обывательскихъ скакуновъ.

— А далеко ли до Днѣпра? сколько мы отъѣхали?—спросила Екатерина.

— Верстъ тридцать, ваше величество. Кажется, не меньше будетъ, — отвѣтилъ Потемкинъ: — ѣхать тяжело, и лошади устали; но не худо бы сейчасъ же и продолжать путь...

Іосифъ молчалъ. Ему, очевидно, хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь перекусить и заморить начинавшійся голодъ.

— Да неужели тутъ нѣтъ чего-нибудь, хоть самаго простого? — начала Екатерина. — Ну, масла, куръ, яицъ, сметаны?..

— Трудно достать,—отвѣтилъ Шуваловъ:—мѣсто глухое, и всѣ теперь въ полѣ, на работѣ. Да верстъ на десять тутъ и поселка не найдешь... Вѣдь это, ваше величество, уже почти Запорожье...

Безбородко нашелся.

— А що, ваше сіятельство, — сказалъ онъ по-малороссійски Потемкину: — неужели мы не нагодуемъ царицы и ся гостя?

И, подвязавъ подъ-мышки, въ видѣ фартука, носовой платокъ, онъ открылъ трубу, наложилъ въ печку щепокъ, вздулъ огонь, поставилъ на треногъ сковородку; очень ловко угадалъ, что подъ лавкою, въ чистомъ горшкѣ съ золою, должны быть куриныя яйца, выпустилъ ихъ съ дюжину на сковородку, и яичница вскорѣ зашипѣла. Румянцевъ и Шуваловъ отъ него не отставали: нашли въ сѣняхъ, въ подполѣ, крынку масла, съ чердака стащили привѣшанный въ дымникѣ окорокъ, въ темной кладовой отыскали кувшинъ молока и все это уставили на столъ. Этотъ примѣръ увлекъ

остальныхъ. Фрейлины чистили и на вертелѣ, импровизированномъ изъ деревянныхъ щепочекъ, поджаривали часть окорока. Іосифъ съ молока снималъ въ стаканъ сливки. Самъ Потемкинъ, въ душѣ посылая къ чорту всякія неповинныя дорожныя приключенія, въ чулкахъ и въ башмакахъ, закинувъ за спину полы шитаго золотомъ кафтана, не отставалъ отъ этихъ самоучекъ-поваровъ и стряпухъ: онъ засучилъ рукава, запихнулъ подъ нихъ блондовыя манжеты и весьма усердно перемывалъ и перетиралъ для царскаго завтрака глиняныя миски и деревянныя тарелки корчмаря.—«Ну, какъ вы себѣ тамъ не радуйтесь этому — думалъ онъ, — однакожъ, желудокъ всегда игралъ великую роль въ дипломатіи! И какъ бы Іосифъ безъ этой яичницы не прибралъ насъ къ рукамъ въ начинаемомъ нашемъ новомъ дѣлѣ съ турками...»

Между тѣмъ, пока готовился завтракъ, въ открытыхъ дверяхъ корчмы показался старикашка, согнутый, съ краснымъ носомъ и съ жиденькимъ бѣлымъ пухомъ на головѣ, бородѣ и около ушей. Онъ остановился на порогѣ и въ изумленіи сталъ глядѣть по комнатѣ. Завидя его, собесѣдники замолчали и, въ разныхъ положеніяхъ, съ любопытствомъ устремили на него глаза.

— А что, панове молодціи,—началъ старичокъ, очевидно бывшій навеселѣ: — ходилъ я на царицю подывиться! Да ба! Ничего не видѣлъ... Нѣту уже. Еще вчера проѣхала!

Разбитныя движенія и шамкающій голосъ старичка были по-истинѣ забавны.

— Ты хозяинъ?—спросила Екатерина.

— Хозяинъ, пани-мáтко, корчмарь. А вы изъ Мирной, чи зъ Кременчука?

— Изъ Кременчуга, — улыбнулась Екатерина, втайнѣ радуясь, что ее не узнали.

Глаза свѣтлѣйшаго впились въ красноватые, веселые глазки старика.

— А что, давно ли ты здѣсь торгуешь? — спросила императрица.

— Да еще какъ Пугача ловили, то я внука на войну снарядилъ, а самъ тутъ сѣлъ. Вотъ съ какого году, считайте сами...

Имя Пугачова нѣсколько смутило слушателей.

Потемкинъ началъ опять кусать то губы, то ногти.

— Сынъ у тебя есть? — продолжала Екатерина.

— Былъ, да ужъ три года какъ умеръ.

— Который же, дѣдушка, тебѣ годъ.

— Какой годъ? а вотъ какой. Девяносто-восьмой годъ, говорятъ. Я еще и шведа не забылъ, какъ подъ Полтавою бился, да и самого царя Петра Алексѣевича видѣлъ...

Имя Петра Великаго оживило присутствовавшихъ. Всѣ тѣсно сдвинулись къ старику. Потемкинъ подошелъ къ нему и ободрительно-благосклонно потрепалъ его по плечу.

— Говори, говори, старикъ! Какъ тебя звать? — подхватила Екатерина.

Старикъ кашлянулъ, вынулъ изъ-за пазухи клѣтчатый платокъ и утерся.

— Постойте, пани-матко! что-то утомился! сяду немного. Ходилъ пѣшкомъ до самаго Днѣпра на царицю посмотрѣть, какая тамъ она есть, да прозѣвалъ... Гайда—уже проѣхала. А царя Петра такъ я точно видѣлъ и даже говорилъ съ нимъ, какъ шведа погнали до Переволочной и мы панихиду на могилѣ служили. Зовутъ меня Галайда. Стойте, добродіи. Выпить хочется... То нѣтъ ли у васъ, господа, горѣлки? Моя Феська гдѣ-то запропастилась, а ключъ у нея и мнѣ она горѣлки не дастъ, хоть горѣлка и моя,—бо какъ начну съ радости, то упьюся...

— Кто же это Феська? спросила Екатерина.

— А моя наймичка, — пропамкалъ старикъ: — она продаетъ горѣлку, да меня доглядаетъ; а я уже не осилю; только кашу ѣмъ, да Богу молюся. Хорошая дѣвка, да шкодлива: отъ москалей не отобьешься...

Старика усадили.

— Такъ какъ же, какъ?—допрашивала его Екатерина:— ты, дѣдушка, дѣйствительно видѣлъ царя Петра?

Беззубый Галайда выпилъ водки, замѣтилъ, что Шуваловъ изъ-за спины другихъ нюхаетъ табакъ, попросилъ и себѣ табакерку, понюхалъ, крякнулъ и началъ. Графъ Безбородко переводилъ его слова.

— Былъ я, пани-матко, и вы, панове молодцы, былъ я, голубочко, краля ты моя, тогда казакомъ и служилъ у Мазепы въ войскѣ, только ему не передавался, чтобъ ему пусто было! и царю не измѣнялъ, хоть и былъ еще совсѣмъ молодой... Какъ наступалъ на насъ шведъ, а меня поставили съ алебардою и пищаль въ руки дали. Только туда-

сюда, глядь, анъ велятъ уже бить не шведовъ, а москалей и шведу передаться. Не передались мы и пошли гурьбой до лагеря. Тутъ палятъ изъ пушекъ, а мы хлѣба съ солью поѣли, да и сами давай палить. Послѣ насъ перевели на гору за Ворсклу, черезъ Лыкощинъ-бродъ. А тутъ вблизи уже царь стоитъ лагеремъ. Какъ стали стрѣлять изъ царскаго отряда, смотримъ, шведы и побѣжали. Вотъ такъ стоялъ царь, да въ трубу смотрѣлъ, а такъ редутъ стоялъ, а тутъ палатки... Ну, и побили же шведовъ, да въ Перволочной перетопили. Слышимъ, зоветъ на панихиду. Пришли мы, а трупу навалено — и Боже упаси! Чугунъ, ядра да кони. А тутъ опять и самъ царь стоитъ: такой на немъ зеленый кафтанъ, высокіе сапоги съ раструбами и шпага. Попы поютъ канонъ, крестъ высокій такой на могилѣ ставятъ, а царь поднялъ икону, что̀ шведъ-антихристъ на поруганіе расписалъ въ шашечную доску и въ лагерѣ своемъ въ шашки на ней игралъ. Прослезился царь и при всемъ народѣ поцѣловалъ ту икону, а послѣ ее на освященіе отдалъ. Какъ сошелъ царь съ могилы, генералы окружили его, а онъ къ намъ. Обходитъ ряды. То съ тѣмъ, то съ другимъ изъ насъ поговоритъ. А мы, казаки, уже такъ и ждемъ, что станутъ насъ перебирать. О Мазепѣ сталъ говорить. Онъ, говоритъ, въ турецкую землю побѣжалъ; но мы, говоритъ, его оттуда вызволимъ. Сталъ наискосокъ такъ противъ меня, да какъ глянетъ на меня, — я обомлѣлъ.— «Ты»,—говоритъ,—«красавецъ, откуда?»—А я, панове, былъ какъ макъ румяный, да рослый, да сильный. — «Изъ Кайдаковъ,—говорю, — ваше царское величество!»—«Убилъ же ты хоть одного шведа?»—спрашиваетъ.—«Семерыхъ, — говорю, — убилъ, только упалъ одинъ, скурвинъ-сынъ, — говорю, — безъ сабли былъ, свалилъ меня обманомъ сзади, да платокъ съ хлѣбомъ вынулъ и удралъ опять. Такъ, дрянной народъ! Только бабъ нашихъ забиждаетъ!»—Усмѣхнулся царь, постоялъ и говоритъ тому генералу, что̀ выше да толще другихъ былъ и ближе къ нему стоялъ: — «Вотъ этотъ»,—говоритъ,—«красавецъ и правду сказалъ, что шведы дрянной народъ. Мы же баталію хорошую одержали». — А тутъ уже, послѣ панихиды, насъ и распустили по домамъ: кто куда хотѣлъ, туда и шелъ. И долго мы поминали царя...

Этимъ разсказомъ не кончилось. Императрица задала старику не одинъ еще вопросъ о видѣнномъ имъ.

Въ умѣ Потемкина, между тѣмъ, зрѣла счастливая мысль. Онъ не хотѣлъ даромъ пропустить и этой случайной встрѣчи въ степи съ живою скрижалью временъ петровскихъ. Обратясь къ императрицѣ, онъ сказалъ:

— Ваше величество! на обратномъ пути изъ Крыма, въ Полтавѣ, я намѣренъ устроить вамъ зрѣлище, матери отечества и мудрыя царицы достойное: именно маневры воинскіе, гдѣ бы два разные лагеря представили на дѣлѣ примѣрно полный бой блаженныя памяти императора Петра Великаго съ королемъ Карломъ XII, и, для вящшей вѣрности въ расположеніи войскъ и хода боя, возьму въ руководители этого старика. Ему совершенно можно повѣрить, и онъ все отлично разскажетъ по памяти.

Сказано и сдѣлано.

Старику, наконецъ, сказали, кто передъ нимъ былъ. Онъ нѣсколько мгновеній остался въ совершенномъ столбнякѣ, потомъ упалъ на колѣни и вскрикнулъ: «мамо, царица, помилуй!»

Императрица милостиво подняла его, снова обласкала, садясь въ карету, поручила его графу Безбородко, и видя, какъ онъ занялъ ея гостей и въ особенности Іосифа II, спросила у старика:

— Ну, дѣдушка, скажи же ты мнѣ, чего ты желаешь? Все, что̀ скажешь, исполню. Говори. Не робѣй...

Старикъ взглянулъ на пышныхъ странниковъ, на придворныхъ, которые суетились вокругъ кареты, и задумался. Хмель его прошелъ.

— Ваше царское величество!—сказалъ онъ:—коли просить, такъ вотъ чего я попрошу. Дайте мнѣ денегъ рублей двадцать, коли ваша милость... Есть у меня племянникъ—полюбилъ одну дѣвку и посватался за нее, а батько ея не отдаетъ, за тѣмъ, что бѣдный онъ. Ну, онъ и продался въ рекруты, нанялся за одного мѣщанина за двадцать карбованцевъ—ну, и гуляетъ теперь! Такъ коли бы его спасти отъ солдатчины, пропитыя деньги мѣщанину воротить, а его женить! Вотъ бы мнѣ подмога и была... Да и жаль его: малюетъ, вотъ какъ малюетъ всякія картины, что поискать! Въ Борисовкѣ учился и совсѣмъ вышелъ маляръ, и въ Переяславлѣ въ ученьѣ, въ бурсѣ былъ! Грамотный и совсѣмъ хорошій человѣкъ...

— Гдѣ же твой племянникъ?—спросила Екатерина.—И не поздно ли? Можетъ быть, ему уже и лобъ забрили?

— Ни, мáмо,—отвѣчалъ Галайда:—срокъ еще до завтра! а онъ въ Мирномъ! тутъ неподалеку, на ярмаркѣ, гуляетъ со своимъ наемщикомъ...

Императрица обратилась снова къ графу Безбородко, поручила ему устроить судьбу племянника старика, назначила сумму на выкупъ его изъ рекрутъ и на его свадьбу, и уѣхала снова на Днѣпръ, къ своимъ галерамъ, съ графомъ Фалькенштейномъ и съ остальною свитой.

Старый Галайда, котораго уже теперь и Потемкинъ не желалъ упустить изъ виду, очутился въ раззолоченной каретѣ и съ графомъ Безбородко понесся на ярмарку въ Мирное. Графъ, пользуясь тѣмъ, что Екатерина должна была переждать нѣсколько въ мѣстечкѣ Кайдакахъ и потомъ спуститься ниже, для заложенія города Екатеринослава, и, чтобы угодить императрицѣ, поѣхалъ лично устроить судьбу племянника Галайды.

Невыразимо было впечатлѣніе ярмарочнаго люда, когда царская золотая карета въѣхала на торгъ и изъ кареты вышли важный панъ, въ шелку и въ бархатѣ, и старый дѣдъ, въ онучахъ и въ свиткѣ. Кинулись искать рекрута. Онъ явился къ каретѣ, какъ былъ, съ музыкантами и съ толпою гулявшаго съ нимъ народа.

Новому рекруту оставалось докучивать еще одинъ день, и онъ кутилъ «во всѣ заставки». По мѣстному обычаю, сохраненному и донынѣ, Боровиковскій (такъ звали племянника стараго Галайды) еще съ утра обвѣшался лентами и платками, взялъ музыкантовъ, выговоренныхъ у своего нанимателя, и пошелъ на торгъ. Наниматель, толстый мѣщанинъ, въ долгополой свиткѣ, съ трепетомъ слѣдилъ и по уговору исполнялъ малѣйшее желаніе своего рекрута. По уговору было положено: ему, Боровиковскому, казаку и ремесломъ маляру, идти волею въ рекруты за мѣщанина, а мѣщанину за это дать ему двадцать рублей денегъ да горѣлки вдоволь и цѣлую недѣлю быть въ его распоряженіи. И вымѣщалъ же за это Боровиковскій, и всякій продававшійся въ рекруты, на его мѣстѣ, за потерю свободы! Чего только онъ ни придумывалъ, въ своей простотѣ, въ эту буйную и роковую недѣлю! Напримѣръ, въ первый же день онъ напивался до омертвѣнія, ложился среди улицы, приказывалъ прикатить боченокъ водки и собравшейся толпѣ кричалъ: «пейте, всѣ пейте!» Всѣ пили, и наниматель не смѣлъ отказать въ этомъ.

Воспользовавшись ярмаркой, Боровиковскій водилъ гурьбу народа за собой. Подплясывая подъ музыку, онъ хваталъ съ купеческихъ прилавковъ шелковые платки, серьги, ленты и гранаты, кричалъ: «на-те, это вамъ, люди добрые! берите!» и швырялъ забираемое въ народъ, а мѣщанинъ молча расплачивался. Остановясь передъ бочкой съ дегтемъ онъ кричалъ мѣщанину: «*мажь всьмъ!*» Всѣ подставляли ноги. Купецъ мазалъ кому сапоги, кому черевики, и мѣщанинъ снова безмолвно за все расплачивался. А попробуй онъ не заплатить! Продающійся въ такомъ случаѣ имѣлъ право тотчасъ отказаться идти за него въ рекруты, и всѣ угощенія и данная сумма терялись безвозвратно. Подойдя къ торгу, Безбородко, остановился противъ любопытной гурьбы съ рекрутомъ.

— Ты наемщикъ въ рекруты? ты Боровиковскій?—спросилъ онъ, вглядываясь въ забулдыгу, который уже не могъ какъ слѣдуетъ танцовать, но все еще подъ хоръ музыки переминался на мѣстѣ и подплясывалъ.

— Я... а вамъ что, пане-добродію?

— Ну, Боровиковскій, готовься же: меня послала сама царица. Бросай своего нанимателя... Вотъ деньги за тебя и за все, что̀ ты растратилъ.

Мѣщанинъ вытаращилъ глаза и, дрожа, лепеталъ:

— За что же, помилуйте, не погубите!

— А за тебя,—сказалъ Безбородко съ улыбкой:—я попрошу государыню,—она, милостивая, проститъ тебя за противный законамъ подкупъ. Только, чтобы загладить вину противъ царицы, за нехотѣніе служить, ты долженъ сейчасъ же поступить на службу. Вотъ твои деньги.

Мѣщанинъ взялъ сто рублей и, довольный тѣмъ, что получилъ впятеро болѣе, чѣмъ задолжалъ ему его рекрутъ, на другой же день самъ охотно сдался въ солдаты.

Боровиковскій проснался и не вѣрилъ глазамъ. Онъ уже былъ дома. Дѣдъ Галайда зажегъ свѣчку у образовъ, закурилъ ладанъ въ ручной поливяной курильницѣ и молился. Феська, стоя у дверей, плакала. Дѣдъ досталъ изъ сундука завязанныя въ холстъ деньги. Царица дала на свадьбу Боровиковскому особо сто рублей. Нечего говорить, что это въ тѣ годы была почти баснословная сумма для простолюдина на Украйнѣ, да и вездѣ. Молодой маляръ, еще вчера рекрутъ, не выдержалъ, упалъ на колѣни передъ дѣдомъ и

залился слезами, цѣлуя царскія деньги. «Господи Боже! за что̀ такая милость! Спаси и помилуй царицу! А тебѣ, дидусю, вотъ какое спасибо!»—И онъ трижды поклонился ему въ землю. Старику и маляру было велѣно немедленно снаряжаться и ѣхать на царской подводѣ въ Полтаву.

Въ Бахчисараѣ Екатерина написала стихи Потемкину:

«Лежала я вечо̀ръ въ бесѣдкѣ ханской
«Въ срединѣ бусурманъ и вѣры мусульманской.
«О, божьи чудеса! изъ предковъ кто моихъ
«Спокоенъ почивалъ отъ ордъ и хановъ ихъ?»

О Крымѣ, гдѣ императрица изъ оконъ дворца въ Инкерманѣ любовалась юнымъ севастопольскимъ флотомъ, Екатерина выразилась: «Пріобрѣтеніе сіе важно; предки дорого заплатили бы за него».

На возвратномъ пути изъ Крыма, подъ Полтавою, императрица смотрѣла неслыханные и невиданные дотолѣ маневры, гдѣ былъ искусно представленъ примѣрный бой русскихъ и шведовъ. И эти маневры были устроены по указаніямъ стараго Галайды. Конечно, онъ не могъ помнить въ частностяхъ подробнаго расположенія частей войскъ и хода боя. Зато съ невыразимою ясностью онъ помнилъ главныя черты побоища и — самое важное — могъ указать, гдѣ стоялъ, въ такое-то время, гдѣ скакалъ и гдѣ распоряжался самъ царь.—«Вотъ тутъ онъ глядѣлъ на шведовъ! А тутъ понесся къ пушкамъ! А тамъ и вовсе погналъ врага съ поля! И мы всѣ за ними гналися»...

Боровиковскій отличился на другомъ поприщѣ.

Полтавское дворянство, въ самомъ городѣ, выстроило залу для встрѣчи императрицы. Его маршалу кто-то шепнулъ о происшествіи близъ Кайдакъ и о любопытной судьбѣ племянника Галайды, руководившаго приготовленіями къ царскимъ маневрамъ. Маршалъ призвалъ маляра.

— Можешь ли ты расписать царскую залу? — спросилъ онъ.

— Могу.

— А какъ брешешь?

— Ни, убей Богъ, не брешу!

— Ну, смотри же! Вотъ тебѣ краски и кисти, что̀ остались отъ новаго иконостаса въ соборѣ. Малюй, да берегись! Испакостишь дѣло, дамъ тебѣ двѣсти батоговъ въ спину...

Боровиковскій принялся за работу и изумилъ всѣхъ.

Когда императрица въѣхала въ Полтаву и вошла въ изукрашенную дворянскую залу, четыре картины на четырехъ стѣнахъ представились ея глазамъ.

На одной былъ изображенъ, во весь ростъ, Петръ Великій, въ видѣ плугатаря, пахавшаго тяжелымъ плугомъ пустынную, заросшую терніемъ и бурьянами почву Россіи.

На противоположной стѣнѣ была изображена Екатерина Вторая, въ видѣ сѣятельницы, бросавшей изъ лукошка на плечѣ сѣмяна въ эту разрыхленную уже почву.

На третьей стѣнѣ изображалась опять Екатерина, съ перомъ въ рукѣ и со вдохновенно-откинутой головой, за работой надъ знаменитымъ Наказомъ о составленіи проекта новаго уложенія.

На четвертой были изображены семь греческихъ мудрецовъ, удивлявшихся и ломавшихъ голову надъ этимъ мудрымъ Наказомъ.

Дальнѣйшая судьба Галайды неизвѣстна. Боровиковскій же получилъ ходъ и впослѣдствіи прославился въ Петербургѣ своими работами по церковной и портретной живописи.

1858

I.

ЦАРЬ АЛЕКСѢИ, СЪ СОКОЛОМЪ.

Было весеннее время.

Выѣхалъ восемнадцатилѣтній царь Алексѣй Михайловичъ изъ села Измайлова, вдоль береговъ Москвы-рѣки, на любимую потѣху, на охоту съ соколами и кречетами.

Это былъ еще второй годъ его царствованія. Государствомъ правилъ царскій дядька, Борисъ Ивановичъ Морозовъ, и радъ былъ, что государь тѣшится. Охота выѣзжала, какъ слѣдуетъ: всѣ верхами, кто на буланомъ, кто на гнѣдомъ, съ соколами на правой рукавицѣ. На головкѣ каждой изъ ловчихъ птицъ былъ алый, бархатный клобучокъ, съ золотою оторочкою; на ногахъ суконныя «ногавки», родъ чулочекъ, съ тесменными «опутинками»; а въ хвостѣ, чтобъ слышать, гдѣ соколъ сядетъ, серебряный колокольчикъ. Тутъ были всѣ любимые царскіе охотники, и за каждымъ его «поддатень». За всадниками ѣхалъ обозъ, со слугами, царскою кухнею и палатками. Стража изъ стрѣльцовъ замыкала шествіе. Сокольники были въ цвѣтныхъ кафтанахъ, въ горностаевыхъ и лисьихъ шапкахъ и въ сафьянныхъ сапогахъ. У каждаго на боку висѣлъ серебряный рогъ. Птицы были также въ большихъ выѣздныхъ нарядахъ. Самъ царь ѣхалъ безъ сокола. Онъ ожидалъ къ сборному мѣсту изъ Москвы, отъ главнаго ловчаго, Аѳанасія Ивановича Матюшкина,—гонца съ нововыношеннымъ соколомъ, птицей, какъ увѣдомлялъ Матюшкинъ, неслыханнаго лета и силы. Самъ же царскій любимецъ Матюшкинъ лежалъ въ Москвѣ въ лихорадкѣ и не могъ присутствовать на этой забавѣ. И каждый сокольн-

никъ, помня урядъ по уставу, вздѣвалъ рукавицу «тихо и стройно», принималъ сокола и кречета, перекрестясь, «красновато, премудровато и молодцовато» и выносилъ его по уставу: «бережно, явно, смѣло, подправительно, подъявительно, къ вѣдѣнію человѣческому и къ красотѣ сокольей».

Было еще рано. Туманный, сѣроватый денекъ обѣщалъ птицѣ рѣзвую и нестомчивую гоньбу. Царь, ожидая посла отъ Матюшкина, то и дѣло оглядывался къ проселку, откуда долженъ былъ показаться гонецъ. Съ косогора, поросшаго мелкимъ ивнякомъ и березками, выѣхали на широкое, низменное поле, усѣянное озерками, кочками и кустарниками. Нигдѣ, въ свои разъѣзды по московскимъ окрестностямъ, ни близъ селъ Тайнинскаго, Сущева и Воробьева, ни близъ Преображенскаго и Напруднова, царь не находилъ столько дичи, какъ здѣсь, по болотнымъ «прискамъ» Москвы-рѣки. Здѣсь кишмя-кишѣли безчисленныя стаи утокъ, гусей, чаекъ, куликовъ, цаплей и всякой дикой птицы.

Спустившись мимо капустныхъ огородовъ чьей-то подгородней земли, царь остановилъ коня. Изъ-подъ его ногъ черезъ болото взлетѣлъ гусиный выводокъ. Царь указалъ рукою.

— Знать, гонецъ-то отъ Аѳанасія Ивановича не скоро выѣдетъ!—сказалъ онъ, вглядываясь, какъ гуси полетѣли и плавно спустились на ближнее озеро.

Всадники стали готовиться къ охотѣ.

Первый выпустилъ птицъ Парѳентій Табалинъ. Его кречеты, Анпрасъ и Арбасъ, были изъ породы «дербниковъ», то-есть брали, какъ сокола, падая съ высоты, и, какъ ястребъ, ловя птицу въ угонъ. Взлетѣла чайка. Кречеты брошены съ рукъ и стали всходить кругами, одинъ выше, другой пониже, такъ что чайка вскорѣ очутилась между ними и кинулась къ землѣ. Нижній кречетъ помчался полемъ, плывя какъ ласточка и чуть не задѣвая земли крыломъ. Вмигъ онъ подбилъ чайку кверху. Она взвилась. Верхній кречетъ кинулся внизъ на нее. Чайка взмыла въ сторону и промахнулась. Оба кречета, почти разомъ, вцѣпились въ нее и вмѣстѣ съ нею, звеня бубенчиками, упали въ траву. Табалинъ поскакалъ принять добычу.

За нимъ пускали птицъ Комчатый, Хомяковъ и Лабутинъ. Кречетъ Комчатаго, Бумаръ, между двухъ лѣсковъ кинулся на молодого гуся и, послѣ двухъ угоновъ, сшибъ

его въ траву. Вѣжливая птица даже не сѣла на добычу, а опустилась возлѣ, къ сторонкѣ, и, поводя разгорѣвшимися отъ злости глазами, стала охорашиваться, чистя клювомъ перья и кивая алою шапочкою. Затравили еще двухъ куликовъ и утку. Царь все поджидалъ гонца и почти не принималъ участія въ охотѣ. Стоя на пригородкѣ, подъ деревомъ, онъ смотрѣлъ вдаль и изрѣдка переговаривался съ Хомяковымъ. Пестрые «вéршники» то разсыпались по лугамъ, то скакали кучами въ догонку за соколами. Царскій стремянной затрубилъ въ рогъ сборъ къ мѣсту. Всѣ сокольники съѣхались къ царской палаткѣ. Пошли толки о добычѣ, о соколиныхъ ставкахъ. Какъ ни строгъ былъ дворцовый урядъ, между сокольниками, все почти сверстниками царя, то тамъ, то здѣсь слышались шутки или веселый смѣхъ.

— Ну, знать, доподлинно Аѳанасій-то Ивановичъ позамѣшкался. Сытый голоднаго не разумѣетъ! Давайте ѣсть!— сказалъ царь. Слуги разостлали у палатки шелковый коврикъ. Все мѣсто отдыха обнесли подвижными рогатками и поставили у входовъ стражу. Царь велѣлъ, безъ чиновъ, сокольникамъ садиться по ковру, а самъ помѣстился у входа въ палатку.

Не успѣлъ царь съ охотниками закусить, на лугу послышался звукъ рога. Всѣ повели глазами съ косогора. Изъ-за кучки березъ показался гонецъ отъ Матюшкина и съ нимъ нѣсколько сокольниковъ. Посланный подъѣхалъ, спѣшился у рогатокъ и поднесъ царю вновь обученнаго сокола. Царь взглянулъ на птицу, и охотницкое сердце его запрыгало. Такой красоты онъ еще и не видывалъ...

Что за птица! Взятъ онъ былъ не съ гнѣзда отъ матери. а выношенъ уже «слёткомъ». Дикости и смѣлости онъ былъ удивительной. Весь бѣлый, какъ серебро, только ножки красныя. Сидѣлъ онъ степенно и гордо. Головка была маленькая, спина широкая, грудь крѣпкая, крылья и хвостъ перо къ перу, а глаза такъ и горѣли, ярко-желтые, «наигранные» и сверкавшіе смѣлою, дикою ясностью...

— Хороша птица! Какъ-то ловитъ?—сказалъ царь, осмотрѣвъ сокола съ полнымъ вниманіемъ цѣнителя и знатока.

Палатку собрали; всадники сѣли на коней. Обозъ тронулся впередъ. Царь указалъ охотѣ ѣхать къ Коломенскому. Подвели царскаго коня. Царь ухватился за холку,

прыгнулъ въ сѣдло и протянулъ за соколомъ руку. Рука его дрожала, грудь порывисто поднималась. Неровнымъ взоромъ онъ окинулъ сокольниковъ, повелъ поводомъ. Тяжелый, корпастый конь тронулся рысью по кочковатому полю. Бубенчикъ зазвенѣлъ въ хвостѣ сокола.

Молча ѣхали сокольники, минуя то озерко, то мелкій кустарникъ, то бѣгущій въ сторону узенькій проселокъ. Всадники забились въ лѣсистые луга, съ которыхъ еще не сошли весенніе водные застои. Сокольничій Лабутинъ первый завидѣлъ въ сторонѣ между длинныхъ прошлогоднихъ камышей выводокъ нырковъ. Онъ подалъ знакъ. Всѣ остановились и замерли въ ожиданіи царскаго приказа. Царь укоротилъ поводья, вглядѣлся, медленно поднялъ правую руку и бросилъ сокола съ рукавицы въ воздухъ. Шнурокъ развязался, соколъ взмылъ и кругами сталъ всходить вверхъ... все выше и выше, такъ что скоро чуть стало его видно, и когда показалось, что вотъ онъ исчезнетъ въ облакахъ, вдругъ, распластавши хвостъ, онъ сдѣлалъ ставку и, склоня голову, зорко посмотрѣлъ внизъ... Утокъ согнали.

Не успѣлъ царь пришпорить коня, какъ соколъ свернулся въ комокъ, ринулся сверху, вцѣпился въ добычу и вмѣстѣ съ нею упалъ въ ближніе кусты.

Всѣ бросились туда. Чины позабыты. Охотники толпятся, чтобъ только взглянуть, какъ взята птица: жива ли она, изранена, или убита до смерти? Только не видно сокола въ кустахъ. Разсыпались охотники по всему перелѣску, по ближнимъ пригоркамъ, стали спускаться въ овраги, прислушиваться къ бубенчику; нѣтъ да и нѣтъ. Или соколъ спустилъ утку и, невиданный за кустами, съ другой стороны пошелъ въ угонъ за иною какою птицей; или не выпускалъ ее и, на полномъ раздольѣ, ѣлъ ее гдѣ-нибудь въ гущинѣ деревьевъ. Наконецъ, могъ оборваться бубенчикъ, а онъ тутъ же, въ кустахъ, гдѣ-нибудь сидѣлъ, охорашиваясь и чистя перья. Что за диво!

— Ищите, ребята!—сказалъ царь, снуя на конѣ по травѣ и между кустовъ: — кто изловитъ мнѣ сокола, дамъ тому пару соболей!

Пропажа сокола, особенно въ первый уловъ, была не рѣдкость. Часто соколовъ уносило вѣтромъ, а еще чаще они отбивались и дичали въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Сокольники, для лучшихъ поисковъ, спѣшились; коней

привязали къ кустамъ, а сами, съ новымъ рвеніемъ, кинулись по лугамъ и по сосѣднимъ оврагамъ. То тамъ затрубитъ рогъ, то здѣсь отзовется. Желтые, голубые и красные кафтаны мелькаютъ между деревьевъ. На сосѣдней пашнѣ мужикъ пахалъ сохою подъ озимь. Остановился, оперся на присошникъ и дивуется, что это за бояре охотятся: не Борисъ ли Ивановичъ Морозовъ выѣхалъ поразмяться, или дворскіе травятъ птицу на государеву кухню; а можетъ-быть, и самъ царь тутъ же, недалече, гдѣ-нибудь между ними?..

Затрубилъ опять государь. Собрались къ нему охотники уже въ другомъ мѣстѣ, на какой-то лѣсистой лощинкѣ, у берега небольшого ручья, впадавшаго въ Москву-рѣку.

— А что, ребята, не нашли сокола?

— Нѣтъ, государь, не нашли!

— Что за притча!

Государь очень досадовалъ, что пропалъ еще неиспытанный соколъ.

Охотники выѣхали въ другомъ мѣстѣ на крутой берегъ ручья и увидѣли сокола въ травѣ: утка билась у него въ когтяхъ. И въ то же время, на ясной поверхности воды, между склоненными съ берега камышами, показалась передъ охотниками рѣдкой величины, вся бѣлая, какъ лунь, цапля. Она бережно шла неглубокой водою, поглядывая издали на всадниковъ и вынимая изъ воды то одну ногу, то другую. Царь принялъ утку, снова сѣлъ на коня, спугнулъ цаплю и указалъ ее соколу. Цапля взмахнула крыльями, медленно поднялась надъ водой и полетѣла въ сторону. Соколъ кинулся за нею не прямо, а сталъ забирать вверхъ, забрался въ недосягаемую высоту и оттуда полетѣлъ вровень надъ цаплею...

Царь далъ коню шпоры и поскакалъ, слѣдя за соколомъ. Сокольники не отставали отъ царя. Такъ мчались они долго по лугамъ и просохнувшимъ полямъ, черезъ рвы и кочки, мосты и гати. Цапля была сильная, и, — ноги назадъ, а грудь впередъ, — на огромныхъ крыльяхъ плыла, какъ бѣлопарусная ладья, по вѣтру. Соколъ не отставалъ отъ нея и забирался выше и выше. Цапля его видѣла. Всадники выскочили на возвышенную, гладкую поляну. Вдали мелькали крылья мельницы и огородъ какого-то селенія; вправо шелъ проселокъ въ лѣсъ, глядѣвшій изъ-за косогора. Вдругъ цапля, отъ усталости, или съ особою хитростью, замедлила

полетъ и стала забирать влѣво, какъ бы желая опуститься въ лѣсъ. Въ тотъ же мигъ соколъ всею силою полетѣлъ внизъ на нее. Онъ былъ уже близко; оставался послѣдній ударъ, какъ цапля обернулась хвостомъ къ землѣ и отбила его толчкомъ длинныхъ ногъ и огромнаго носа. Соколъ сдался, пошелъ книзу, но, не долетая до земли, опять собрался съ силами и еще быстрѣе сталъ забирать надъ цаплей. Царь оглянулся: за нимъ скакалъ одинъ Хомяковъ. Другіе охотники чуть виднѣлись въ-разсыпку, далеко назади, гдѣ одинъ, а гдѣ два и три вмѣстѣ. «Ну, Семенычъ, не отставай!» — крикнулъ разгорѣвшійся царь и, стегнувъ коня, еще быстрѣе поскакалъ за соколомъ.

Незамѣтно миновали опять какую-то пашню, со свѣжими зеленѣющими всходами. Съ грохотомъ пронеслись кони чрезъ старый расшатанный мостъ, надъ узенькимъ ручьемъ какой-то усадьбишки. Путь начиналъ идти въ гору, къ лѣсу. Замелькали березы. Показался песокъ. Овраги зачернѣли чаще. «Не отставай, Семенычъ, не отставай! Еще пробѣжимъ, и возьметъ соколъ!»—кричалъ царь, то и дѣло устраняясь отъ вѣтвей. Конь подъ Хомяковымъ задѣлъ копытомъ за пень и грохнулся съ ѣздокомъ о-земь. Чуть успѣлъ оглянуться царь, какъ соколъ, надъ опушкою лѣса, сдѣлалъ полукругъ, ударилъ грудью въ цаплю и, вмѣстѣ съ нею перевалившись за деревья, пошелъ оврагомъ далѣе. Царскій конь взобрался на гору и съ послѣднимъ усиліемъ, вмѣстѣ съ нимъ, влетѣлъ въ просѣку лѣса вдоль оврага. Не проскакалъ онъ и ста шаговъ, какъ остановился на всемъ размахѣ. Царь глянулъ: конь, фыркая, уперся ногами въ обрывъ...

За обрывомъ шла рѣка. За рѣкою, по зеленому откосу берега, разсыпавшись бревенчатыми избами, клѣтями, журавлями колодцевъ и овинами, располагалась у рѣки деревня. Деревянная, почернѣлая церковь стояла въ сторонѣ, на крутомъ пригоркѣ. А прямо за рѣкой въ гору шелъ обширный садъ. Надъ нимъ чернѣли вышки боярскаго терема, съ пристройками, крылечками и голубятней. Но не село, не садъ и не теремъ заняли царя. Остановившись на всемъ скаку и ухватясь рукою за гриву коня, онъ повелъ глаза вслѣдъ за цаплею и остолбенѣлъ. Прямо противъ обрыва, надъ которымъ онъ сталъ, между безлистныхъ еще деревьевъ сада, возносились рѣзныя, расцвѣченныя качели. А на качеляхъ, лицомъ къ рѣкѣ, сидѣла и качалась, въ

зеленой душегрѣйкѣ, въ красномъ монистѣ, въ желтыхъ башмачкахъ и въ золотомъ съ травами сарафанѣ, боярышня, очевидно, дочка хозяина. Сѣнныя дѣвушки толпою, съ пѣснями и смѣхомъ, раскачивали качели. Долго не могъ опомниться царь. Дѣвушки увидѣли его, взлетѣвшаго на пригорокъ съ конемъ; передъ ними обрисовались его растегнутый на скаку опашень, высокая соболья шапка, цвѣтная перевязь на груди. Онѣ вскрикнули, побѣжали отъ качелей къ дому...

Хомяковъ, прихрамывая, привязалъ къ дереву коня и въ безпокойствѣ побѣжалъ къ обрыву, надъ которымъ, вырвавшись изъ-за деревъ, стоялъ и слѣдилъ за уходившими дѣвушками царь. Глаза Алексѣя Михайловича, казалось, все еще видѣли передъ собою высоко взлетавшія качели, красные башмачки, бѣлое лицо, черныя брови и прыгавшее на груди монисто боярышни. Царь уже не думалъ о соколѣ. Онъ самъ въ этотъ мигъ походилъ на сокола, вперяющаго взоръ въ красную и славную добычу.

— Что, Семенычъ?—сказалъ въ волненіи царь, завидѣвъ Хомякова:—а вѣдь соколъ-то нашъ съ цаплею, кажись, свалился вотъ въ этотъ садъ.

Хомяковъ, потирая ушибленную ногу, не показалъ виду, что замѣтилъ волненіе царя, и отвѣтилъ: «какъ знаешь, государь; тебѣ виднѣе. Ты сюда прежде подоспѣлъ!»—И оба охотника, пока остальные всадники доскакали до лѣсу, спустились къ рѣкѣ, отыскали мостокъ и стали подниматься, мимо сада, къ боярскимъ воротамъ. Ворота были заперты. Хомяковъ затрубилъ. Конюхи выскочили изъ людской. Черезъ дворъ къ воротамъ, переваливаясь, спѣшила грузная боярская домоправительница, въ бархатной кичкѣ и въ мѣховой душегрѣйкѣ.

Ворота растворили. Домоправительница, пугливо разглядывая посѣтителей, отвѣсила низкій поклонъ.

— Мы охотились тутъ,—сказалъ царь:—нашъ соколъ съ добычею упалъ, должно статься, въ вашъ огородъ или садъ. Не видали ли?

— Охъ, батюшки, охъ, кормильцы мои! Точно упалъ вашъ соколъ: видѣли, какъ и опустился, у самой той вонъ горенки. Тамъ и щиплетъ дичину! А вы кто такіе?

Царь молча переглянулся съ Хомяковымъ и отвѣтилъ:

— Дворскіе, царскіе охотники. А вашъ бояринъ дома?

— Нѣту-ти боярина! Въ свою Касимовскую вотчину отлучился съ боярынею.

— Чье же это село и чьи хоромы?—спросилъ царь, радуясь, что его не узнали.

— Рафа Родіоновича Всеволожскаго.

— Ну, коли вамъ запрета нѣтъ,—сказалъ царь:—мы заѣдемъ, на отсутствіи боярина вашего, отдохнуть и коней напоить. Мы московскіе, далече отъ своихъ отбилися, а до вечера еще путь великъ.

— Милости просимъ, кормильцы! Чай, боярин-то васъ, али вы его знаете?—сказала старая домоправительница и, суетливо переваливаясь, пошла къ терему. Теремъ былъ красиво выстроенъ. Боярин Всеволожскій не былъ близокъ ко двору. Онъ еще съ конца предыдущаго царствованія удалился изъ Москвы, безвыѣздно проводилъ время въ своихъ деревняхъ и только изрѣдка служилъ пищею для толковъ о своихъ затѣяхъ: всѣмъ была извѣстна его страсть къ садамъ и цвѣтоводству.

У крыльца всадники спѣшились. Боярскіе конюхи повели ихъ лошадей къ конюшнѣ.

— Вотъ вашъ соколъ, вотъ! — говорила домоправительница, вводя гостей въ особую загородку сада. Хомяковъ принялъ цаплю, царь взялъ сокола. Дворня толпилась у калитки, желая поглядѣть и на нарядныхъ охотниковъ и на птицъ.

— Ну, спасибо же вамъ,—сказалъ царь, осмотрѣвъ сокола и отдавая его Хомякову:—только нѣтъ ли у васъ водички испить? устали съ погони за птицей.

— Квасъ, кормилецъ, есть, хорошій, яблочный, съ имбиремъ и грушевый. Прикажешь подать?—Царь попросилъ.— Ну, Проня! — обратилась старуха къ одному изъ слугъ:— вотъ ключи: бѣги самъ да нацѣди стопу. А мы тѣмъ временемъ садъ покажемъ. Хотите ли, гости милостивые?

Царю понравилось это приглашеніе.

— Покажи, матушка, покажи. Мы дворскіе и очень хотѣли бы поглядѣть на ваше сельское домостройство. Вѣдь, чай, изъ семьи-то боярской... никого тутъ не осталось?

— Боярышня, родимый, осталась, боярышня,—отвѣтила, какъ-то съ разстановкой, старуха и медленно пошла по главной дорожкѣ сада.

Царь молча пошелъ за нею. Сердце его сильно билось.

Сперва вошли въ дикій садъ. Дорожки стали перекрещиваться и ввели въ хитро-извернутое между кустовъ «*путище*», родъ лабиринта. За путищемъ начался разсадникъ грушъ, вишень, сливъ и яблонь, а дальше вереница ягодныхъ кустовъ. Среди послѣднихъ возвышался подъ «*шатрикомъ*», или бесѣдкою, на четырехъ столбахъ колодецъ съ колесомъ и бадьей на веревкѣ.

— А это виноградный садъ нашей боярышни,—замѣтила домоправительница, провожая гостей вправо. — Щеки царя вспыхнули.

Открылся прудъ, обнесенный кустами жимолости и березками. На одномъ его концѣ возносилась деревянная остроконечная «*смотрѣльня*», родъ башенки, съ воздушнымъ крыльцомъ. Противъ смотрѣльни, на другомъ берегу пруда, были три размалеванныхъ маленькихъ «*чердачка*», родъ павильоновъ, со стекольчатыми стѣнами. Вокругъ чердачковъ хитро извивались «*пути*», дорожки. По бокамъ чердачковъ цѣплялись ползучія вѣтви дикаго винограда.

Царь подошелъ къ пруду, на которомъ была устроена рыбья сажалка. Въ сторонѣ отъ пруда, между деревъ, открывались «*перспективы*». Это были натянутыя на большія деревянныя рамы картины, писанныя красками. На одной изображались гора и рѣка, надъ горою замокъ и висячій мостъ, на мосту поѣздъ всадниковъ, въ шлемахъ и съ распущенными знаменами. На другой «перспективѣ» виднѣлись море, корабли съ парусами, птицы, а надъ моремъ огненное солнце. На третьей—какой-то чародѣй, а кругомъ его чуда, грифы, кентавры и змѣи. На четвертой — городъ, точно Москва: съ церквами, теремами и башнями.

Царь остановился и со вниманіемъ сталъ разсматривать «перспективы».

— Кто это все такъ хорошо и мудрено тутъ расписалъ?— спросилъ онъ.

— А вотъ кто—нашъ садовникъ, — отвѣтила домоправительница.

Царь оглянулся. Вправо, сначала незамѣченный за шпалерою кустовъ, показался, въ зеленой курткѣ и въ красной вязаной шапочкѣ, съ лейкой и ножницами, старичокъ-иностранецъ. Онъ снялъ шапочку, поклонился и продолжалъ поливать цвѣты.

— Откуда онъ?—спросилъ царь.

— Бояринъ нашъ его выписалъ изъ-за моря, какъ садъ строилъ. Никакъ нѣмецъ, али фряжанинъ. Вонъ и помощникъ его—толмаченокъ. Тоже у насъ состоитъ.

Царь ласково подозвалъ садовника и мальчика, его ученика. Между заморскимъ садовникомъ и царемъ начался такой разговоръ:

— Ты кто?

— Гарлемскій садовникъ и аптекарскій ученикъ Индерикъ Бартбусъ, — отвѣчалъ, переводя его слова, мальчикъ толмаченокъ.

— Давно ли ты тутъ?

— Девятый годъ.

— Много ли бояринъ тебѣ даетъ въ годъ оклада?

— За строеніе и урядъ сада пятьдесятъ рублевъ, да толмачу шесть, да одежда и кормъ.

— А ты еще что̀ знаешь?

— Я, сударь, столяръ и огородный стройщикъ; перспективы я тоже ставилъ.

— А кромѣ Нѣметчины былъ ты еще гдѣ-нибудь?

— Былъ у флоренскаго князя, въ италійской землѣ, и много тамъ дивъ видѣлъ: а такимъ дивамъ, сударь, въ Московіи и не бывать!

— Отчего же?

— Больно здѣсь лѣто коротко и зимы студены: надо зимою кусты и деревья, какія понѣжнѣе, обвертывать въ войлоки, а не то мерзнутъ.

— А какія же ты дива видѣлъ у флоренскаго князя?— спросилъ царь.

— Дива хорошія-то, пожалуй, есть и у насъ на родинѣ, въ Гарлемѣ. Только мѣсто у насъ ужъ больно плоское, а тамъ теплѣе и горы. Какъ тебѣ сказать? Видѣлъ я тамъ въ грунтѣ кедръ и кипарисъ, и лимоны,—плоды по дважды въ годъ зрѣютъ. Видѣлъ на княжемъ дворѣ—вода взведена саженей съ четыре—фонтанъ прозывается,—въ саду вверхъ бьетъ тоже высоко. А о Крещеніи жары тамъ великія! Яблоки и слива въ тѣхъ краяхъ величествомъ по шапкѣ. А красоты въ садахъ не описать, нѣтъ-де тамъ ни зимы, ни снѣгу ни на одинъ мѣсяцъ. Да еще игръ, органовъ, кимваловъ и музыки много. Такіе люди-кумиры изъ мрамора подѣланы въ садахъ, и иные сами играютъ, а никто ими не движетъ. А иного и не описать. Кто не видѣлъ, тому и въ умъ не придетъ!

Царь слушалъ со вниманіемъ.

— Лѣто здѣсь больно коротко и зимы студены,—продолжалъ Бартбусъ. — Ничто здѣсь хорошее не дозрѣваетъ: ни виноградъ, ни орѣхъ волоскій, ни яблонь, ни аркатъ, ничего въ прокъ не идетъ. Кабы еще не здѣшняя боярышня,—ужъ такая-то любительница сада и цвѣтовъ!—не дожилъ бы тутъ и уговоренныхъ годовъ. Такъ бы и ушелъ, не во гнѣвъ будь сказано боярской милости.

У царя чуть не сорвался при этомъ съ языка еще вопросъ, а именно о боярышнѣ. Онъ молча, со вздохомъ, окинулъ взоромъ пріютъ ея дѣвическихъ игръ и прогулокъ, дорожки, чердачки, смотрѣльню, и тамъ, и здѣсь размалеванныя перспективы.

— Благодаруемъ тебѣ, Индерикъ Бартбусъ, и тебѣ, хозяйка! Мы люди близкіе къ царю, и скажемъ ему, какія дива тутъ видали. А боярину кланяйтесь! Дворскіе, молъ, кланяются.

Съ этими словами царь пошелъ обратно изъ саду.

— Какъ же, боярин, хоть въ боярскіе покои зайди посидѣть,—сказала старуха:—да вотъ и кваску испей, ишь ты, въ погребу-то позамѣшкались.

Царь подумалъ: «что же заходить? Вѣдь ее и мелькомъ и невзначай тамъ не увидишь. Забилась она, по обычаю, куда-нибудь въ верхнюю горенку и не сойдетъ оттуда».

— Нѣтъ,— отвѣтилъ онъ:—намъ пора ѣхать. Не осудите, что не заходили. Въ иное время заѣдемъ. А квасу дайте испить.

Отъ погреба показался съ ковшомъ слуга. Царь отпилъ, далъ напиться Хомякову, сѣлъ на коня, взялъ сокола и поѣхалъ.

— А коли боярин станетъ пытать, кто былъ, какъ отвѣчать? — спросила еще разъ вслѣдъ ему домоправительница.

— Скажи, матушка, что дворскіе, царевы были. А коли будетъ время, можетъ статься, и не впослѣднее заѣхали...

Старуха, облокотясь о перилы крыльца, долго слѣдила всадниковъ, не сходя по лѣстницѣ. Наконецъ, медленно и охая, взобралась она по ступенькамъ на вышку, въ боярышнину горницу, выслала всѣхъ дѣвушекъ, заперла дверь на ключъ, и, разставивъ руки, сказала боярышнѣ, чуть не задыхаясь отъ волненія: — «ну, свѣтикъ ты мой! А вѣдь я его спознала, видѣвши на выходѣ о Казанской: вѣдь это

царь!»—Боярышня вскрикнула и кинулась глядѣть къ окну.

Царь, между тѣмъ, спустился околицей къ мосту, переѣхалъ рѣку и на полянѣ подъ обрывомъ увидѣлъ остальныхъ охотниковъ. Они стояли кучкой, толкуя и недоумѣвая, куда могъ скрыться царь. Хомяковъ разсказалъ имъ, какъ соколъ окончательно взялъ цаплю и какъ его нашли въ саду. Всѣ поѣхали обратно къ Измайлову.

Царь былъ замѣтно не въ духѣ.

Начинало уже вечерѣть, когда поѣздъ подъѣхалъ къ первымъ березамъ заповѣдной измайловской рощи.

Никто не зналъ остальныхъ подробностей охоты. Догадывался одинъ Хомяковъ. Боярынъ Всеволожскій, воротясь изъ Касимовской вотчины, добился тоже только одного, а именно, что пріѣзжали-де какіе-то дворскіе съ охоты, соколъ ихъ упалъ черезъ рѣку въ садъ возлѣ огорода; ходили-де они по саду, дивовались на прудъ, на чердачки и на перспективы дивовались, а заходить въ хоромы не заходили.

Лѣто прошло и Измайлово опустѣло. Царь переѣхалъ въ Москву.

Началась обычная жизнь въ Кремлевскихъ теремахъ: выходы на службу, въ соборы, пріемы пословъ, слушаніе и рѣшеніе дѣлъ.

Какъ вдругъ, незадолго до новаго года, въ трескучіе, безконечные холода, когда небо заволоклось тучами, а метели, кружась и сыпля ворохи снѣгу, застилали предъ окнами окрестные дома и храмы, Морозовъ получилъ такой приказъ отъ царя: собрать со всего царства на смотрины дѣвицъ. Царь задумалъ выбрать себѣ жену «красотою и честью великую, тихую и разумную, въ свое царево счастіе и въ наслѣдіе своего государскаго рода». Гонцы полетѣли во всѣ стороны. Засуетились и взволновались отдаленныя и близкія семьи. Бояре и окольничьи, думные люди и стольники, стряпчіе и приказные, стрѣлецкіе старшины и неслужилые дворяне стали готовить своихъ дочерей на показъ и на выборъ царю. Патріархъ съ причтомъ служили молебны. Къ февралю съѣхались въ Москву двѣсти почетнѣйшихъ семействъ.

Назначенъ день смотра и выбора. Послѣ множества смутъ и всякаго рода происковъ со стороны родни, дѣвицъ свезли въ Кремль и посадили за царскій обѣдъ. Во время стола,

въ числѣ немногихъ изъ приближенныхъ бояръ, царь, не узнанный и въ маломъ нарядѣ, вошелъ въ обѣденную палату и осмотрѣлъ дѣвицъ. Изъ двухсотъ указаны сперва шесть. Наконецъ, и послѣдній жребій брошенъ. Царскій выборъ, изъ шести, палъ на Ефимью, дочь дворянина Рафа Родіоновича Всеволожскаго. Роковая вѣсть потрясла весь блестящій сонмъ невѣстъ, всѣ малые и великіе чины двора, Москву и окрестности, и тайкомъ передаваясь изъ устъ въ уста, пошла по всему Русскому царству. А выбранная невѣста обезпамятѣла отъ испуга и отъ неслыханной радости и счастія.

Царя поздравили. Всеволожскіе съ почетомъ пріѣхали въ Москву. Начали готовиться къ царской свадьбѣ. Хомяковъ сталъ явно близокъ къ царю. Царь его и ласкаетъ, и хвалитъ, и жалуетъ. Что ни день, подсокольничій либо съ вѣстью, либо съ привѣтомъ, либо съ государскимъ подаркомъ у царевой невѣсты. На языкѣ у всѣхъ Хомяковъ и Всеволожскій. Значеніе Морозова стало меркнуть, какъ ни хлопоталъ онъ, устраивая и уряжая все къ царскому браку. Запечалился Борисъ Ивановичъ и взялся за умъ крѣпкою опытною думою.

Наступилъ день свадьбы.

И вдругъ, какъ громомъ, всѣхъ поразила другая неожиданная вѣсть. Во время уборки волосъ къ вѣнцу, невѣста упала въ обморокъ. Ее обвинили въ скрытой падучей болѣзни. Иные, правда, тутъ же сказали, что она упала отъ страха и волненія; другіе, что, по непостижимой причинѣ, по недоумѣнію ли, или по какому злобному разсчету, одна изъ приставленныхъ къ ней для одѣванія женщинъ сильно стянула ей косу: кровь бросилась въ голову, и боярышня упала безъ чувствъ. Языки тотчасъ затрубили тревогу и оскорбили сердце царя: рѣшили, что выбранная невѣста испорчена. Свадьба отмѣнена, а Всеволожскаго съ семьей, за чары, косный разводъ и за умыселъ противъ царя, сослали сперва въ Касимовскую вотчину, а потомъ въ Тюмень на воеводство. Тамъ онъ вскорѣ отъ горя и умеръ.

А черезъ годъ царь женился на дочери медынскаго стольника, Ильи Даниловича Милославскаго, на Маріѣ Ильиничнѣ. Морозовъ, черезъ десять дней послѣ царской свадьбы, обвѣнчался на сестрѣ новой царицы, на Аннѣ Ильиничнѣ.

Москва пировала на царской свадьбѣ, и толкамъ о государевыхъ пиршествахъ не было конца.

На виду и на почетѣ у всѣхъ стали недосягаемо вознесенные: царскій тесть, Илья Даниловичъ Милославскій, и царскій своякъ, Борисъ Ивановичъ Морозовъ.

Свадьба была зимой.

Только не въ прокъ пошла близость къ царю его бывшаго дядьки. Весною Москва взволновалась. Граждане, покорствуя великому царю и безъ шапокъ стоя у Кремля, требовали выдачи головою измѣнника, грабителя и корыстолюбца, боярина Бориса Ивановича Морозова. Онъ былъ удаленъ.

Прошли года. Многое позабыто. Но часто вспоминала боярышня Всеволожская свое подмосковное село, садовыя качели, рѣку и всадника, взлетѣвшаго на обрывистый берегъ. До конца жизни она осталась безбрачною. Царь впослѣдствіи узналъ о ея невинности, много сѣтовалъ о ея судьбѣ и богато одарилъ ее и ея семейство.

(1856 г.).

II.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ТЕРЕМѢ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ.

Прошло тридцать лѣтъ. Новыя времена были не за горами. Носились странные слухи.

Молва передавала вѣсти о потѣшныхъ теремахъ въ Кремлѣ и въ селѣ Коломенскомъ. Иноземцы отписывали на родину о присылкѣ къ московскому двору новыхъ заморскихъ игрушекъ «клавикортовъ», «охтавокъ» и «часовъ съ курантами», и выхваляли щедрость и общедоступность царя. Гонцы боярина Матвѣева чаще сновали отъ государскихъ теремовъ къ посольскому приказу и обратно. Бояринъ, въ тишинѣ своихъ палатъ, изыскивалъ способы къ отпечатанію разумныхъ книжекъ: «Космографіи», «Риторики», «Фундаментовъ» или «Максимовъ фортификаціи». А въ теремномъ саду, гдѣ надъ деревьями, отъ птицъ, были раскинуты мѣдныя сѣтки и въ шелковыхъ клѣткахъ висѣли любимыя царскія птицы, перепёлки, его же хлопотами были устроены размалеванныя деревянныя горы. Съ нихъ, по праздникамъ, на повозочкахъ катались царевны, сокровенныя еще отъ постороннихъ взоровъ. Въ другомъ углу сада устраивались веселая потѣшная площадка и прудъ для младшаго изъ царевичей, четырехлѣтняго младенца Петра, также стараніями боярина Матвѣева, и старшаго брата царевича, разслабленнаго Ѳеодора. На площадкѣ устанавливались деревянныя пушки, на рѣзныхъ лафетахъ, а на прудъ спускались маленькій катеръ и шлюбъ.

Что ни вечеръ, съ недавней поры, въ низенькой комнатѣ посольскаго приказа усаживался на залавокъ толстый дьякъ

и съ посольскимъ толмачомъ считывалъ какія-то бумаги. Передъ дьякомъ, на столикѣ, лежали разбросанные свертки и листы вѣдомостей, гамбургскихъ, гарлемскихъ, венецейскихъ, кёнигсбергскихъ и амстердамскихъ, получавшихся въ Москвѣ съ той поры, какъ голландецъ Фанъ-Сведенъ устроилъ сюда, отъ нѣмецкой границы, постоянную почту, чрезъ Новгородъ и Псковъ. Понюхивая изъ-подъ полы запретное зелье, табачекъ, дьякъ занимался любопытнымъ дѣломъ: онъ повѣрялъ переводимыя ежедневно, на сонъ грядущій царю, зѣло предивныя выписки изъ курантовъ о заморскихъ дѣлахъ и слухахъ. Въ комнатѣ слышалось: «о Кесарской же землѣ изъ Амстердама паки пишутъ, что Кесарская земля тебѣ, Государь, и всему твоему царству самое невѣрное сосѣдство, и дружба вельми коварственная. А и гдѣ же то вѣрность, коли отъ франкскаго короля тайно и индѣ чужія войска затягаетъ и свои даетъ, и съ туркомъ водится, и бусурману, и султану кланяется, и всей Московіи искони невѣрность и гибель сулитъ. И, аки рыба левіаѳанъ глаголемая, своихъ ближнихъ поѣдаетъ»...

Куранты занимали царя. Но, будучи вещью хорошею, почта въ то же время пускалась и на лихія продѣлки. Нѣмецъ Мерселисъ, содержатель ея и преемникъ Фанъ-Сведена, былъ торжественно уличенъ въ томъ, что прежде лицъ, къ кому писались письма, распечатывалъ ихъ и тайкомъ вычитывалъ изъ нихъ разныя новости. Вышло множество ссоръ и пересудовъ.

Но ничто такъ не волновало умовъ, какъ недавно возникшія забавы царя въ потѣшныхъ теремахъ. Иные, побывавшіе въ чужихъ краяхъ, или въ сосѣдней Польшѣ, говорили, что это просто театръ, гдѣ играетъ музыка и комедіанты пляшутъ. Другіе, посмѣлѣе, или изъ партіи недовольныхъ, утверждали, что царь, съ приближенными и съ боярипомъ Матвѣевымъ, переодѣвается тамъ въ заморскія платья, читаетъ нѣмецкія книжки и готовится поворотить Россію въ бусурманы.

Вездѣ, и за прилавками въ гостиномъ ряду, гдѣ, развѣсивъ бухарскіе ковры и мѣха и щелкая орѣхи, толковали и перебрасывались шутками молодые сидѣльцы, и въ боярскихъ палатахъ, вездѣ шли рѣчи о новыхъ царскихъ забавахъ. Въ хоромахъ боярина Мосальскаго, зазванный отъ ранней обѣдни набожною боярыней, сидѣлъ, въ обтертой

скуфейкѣ и босикомъ, разстрига-дьяконъ и. поводя косыми глазами, поминутно вздыхалъ и крестился. «Что тебѣ, Касьянычъ?»—допрашивала заботливая боярыня, доставая гостю изъ стекольчатаго поставца графинчикъ и серебряную чарку. «Міръ, матушка, къ концу клонится, міръ!»—отвѣчалъ онъ. А въ углу той же горенки молодой князь Пехтеревъ, изъ хозяйскихъ племянниковъ, уже обвѣянный новымъ духомъ, рвавшимся сюда сквозь запоры и стѣны, сидѣлъ у рѣшетчатаго окна и полушопотомъ, наскоро, пересказывалъ двоюроднымъ сестрамъ, какъ онъ былъ въ Коломенскомъ и какъ увидѣлъ въ щелку двери, что̀ такое потѣшные терема и что̀ тамъ дѣлается. — «Мишенька, голубчикъ! Что̀ же тамъ такое, говори?»—допытывались двоюродныя сестры. «Дѣйства, миленькія, дѣйства!»—«Какія дѣйства?»—«А вотъ какія!»— И онъ разсказывалъ, подъ набожную бесѣду тетушки съ Касьянычемъ: — «намедни играли о томъ, какъ Аларерну голову отсѣкли; а тамъ другое: какъ Артаксеркъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну челобитью и по Мардохеину наученью! И такъ-то все это мудрено, сестрицы, такъ мудрено! Это выходитъ, сперва всѣ чинно усядутся, вотъ хоть бы какъ и мы; царь съ царевичами по одну сторону, а царевны съ няньками по другую. Дворскіе и гости сядутъ чинно сзади, поодаль. Тутъ виситъ такая занавѣсочка шелковая и свѣчки разныхъ цвѣтовъ горятъ. Проиграютъ на гусляхъ да на трубахъ. А бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ выйдетъ, ударитъ въ ладоши, занавѣсъ и отдернется. Тутъ явится палата, и часовые стоятъ, и цвѣты, и звѣрь кентавръ, и городъ заморскій, а потомъ и выйдетъ человѣкъ. А на немъ всего наверчено, наверчено! Разведетъ руками и станетъ говорить скоро, али виршу. А тамъ выдернетъ мечъ, другой человѣкъ тоже выскочитъ. Вотъ, ходятъ они, ходятъ, говорятъ виршу. Занавѣсъ и задернется. Тутъ опять въ гусли да въ трубы заиграютъ. Дѣйство и кончено. Тогда уже бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ только подойдетъ къ царю, въ поясъ поклонится. А царь такъ милостиво говоритъ съ нимъ, али съ царевичами шутитъ, забавляется. А то еще было такое, говорятъ, дѣло, что какъ отдернули разъ занавѣсъ, а тамъ стоятъ человѣкъ десять, одинъ на другомъ. Выходитъ, пирамидъ дѣлали. Балансеръ тоже, скоморохъ, изъ Марселіи града, съ имперскими послами пріѣзжалъ. Натянулъ это канатъ передъ царемъ, да

и ходитъ по немъ, вотъ какъ по мосточку, да все качается, да царю красными платочками машетъ, и такой-то нарядно одѣтый. Эхъ, вѣдь какъ мило-то! Не вышелъ бы оттолѣ! А наши бояре еще ершатся, кобенятся!»—«А что?»—«Да то, сестрицы, что царю они непокорны! Нынче уже не охотою токмо, а всѣмъ и нарочито велятъ быть при дѣйствахъ: кто нейдетъ, за тѣмъ посылаютъ, силою беруть и велятъ идти! Самъ намедни видѣлъ, какъ Горюшкина Илью, да Лыкова Алексашку тащили по Басманной, такъ-таки царскіе вершники, какъ застали ихъ въ дядевыхъ хоромахъ, и тянули къ дѣйствамъ. Инда со смѣху помирали всѣ!»

На святки царскія забавы увеличились. Къ нимъ, заботами главы посольскаго приказа, допускались и заморскіе послы. Царь не разумѣлъ чужеземныхъ языковъ, послы тоже не понимали по-русски. Но посредствомъ переводчиковъ дѣло улаживалось, и заморскіе гости возвращались домой, не нахвалясь царскими ласками и царскими угощеніями.

Однажды, незадолго передъ вечеромъ, постельничій Парамоновъ вошелъ въ покои посольскаго приказа и объявилъ, что царь на завтра приглашаетъ голландскаго чрезвычайнаго посла Фанъ-Кленка, имперскихъ пословъ, Франциска де-Баттони и Карла Тирлингера-де-Гусмана, на свои царскія забавы и на вечернее купанье. Заморскихъ гостей повѣстили и въ раззолоченныхъ колымагахъ привезли въ Коломенское къ царскому терему. Они шли, предводимые переводчикомъ, рядомъ невысокихъ жилыхъ царскихъ покоевъ, гдѣ носился легкій запахъ ладана отъ близости теремныхъ молелень, въ которыхъ еще недавно было на молитвѣ царское семейство. Передъ дверью на половину царевичей и царевенъ послы увидѣли на часахъ стрѣльцовъ. Стоя на маленькомъ ковринѣ, стрѣльцы перешептывались между собою. Ихъ разноцвѣтные кафтаны, золоченныя винтовки и обтянутыя по древкамъ краснымъ бархатомъ алебарды ярко отсвѣчивались въ отблескѣ вечерней зари, проливавшей радужные огни сквозь разностекольныя, рѣшетчатыя окна терема. Послы вошли въ обширную комнату, съ изразцовою зеленою печью и съ желтыми, въ золотыхъ травахъ кожаными обоями. Тутъ послы увидѣли самого царя...

Царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный боярами, сидѣлъ за небольшимъ столикомъ. Онъ доигрывалъ съ княземъ Ромодановскимъ игру въ шахматы и, оспаривая у против-

ника побѣду, едва замѣтилъ вошедшихъ иностранцевъ. Почти пятидесятилѣтній царь Алексѣй былъ дороденъ, съ просѣдью, но свѣжъ. Нарядъ его ослѣплялъ обиліемъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Смѣлые каріе глаза, смотрѣвшіе нѣсколько исподлобья, и важное, горделивое лицо оправдывали народное прозванье: царь-соколъ. Онъ сидѣлъ на рѣзной высокой скамеечкѣ, облокотясь бѣлой полной рукой о шахматную доску. На головѣ его была золотая шапочка съ лисьимъ мѣхомъ, утыканная жемчугомъ и изумрудами. На немъ былъ шелковый зеленаго цвѣта опашень; на груди — наперсный, усыпанный алмазами, крестъ. А возлѣ, по бокамъ царя, неотлучно стояли два рында, съ нѣжными, отроческими лицами, въ бѣлыхъ серебристыхъ одеждахъ до земли. Одинъ держалъ царскій посохъ, изъ чернаго индійскаго дерева, а другой—царское полотенце.

Одна изъ дверей комнаты была занавѣшена легкимъ парчевымъ пологомъ. Онъ поминутно колыхался, точно нетерпѣливая и вмѣстѣ робкая рука его отдергивала. Пока царь доигрывалъ игру, пологъ отодвинулся. Изъ-за него вошли двѣ тучныя мамы, въ бархатныхъ кичкахъ и въ шелковыхъ душегрѣйкахъ. Съ одною объ руку вошла бѣлокурая дѣвочка, старшая царская дочка, царевна Софія Алексѣевна, въ алой, подбитой горностаемъ шубкѣ и въ мѣховой шапочкѣ. Она усѣлась поодаль, съ неотлучною своей забавницей, съ маленькой, сморщенной служкой-карлицей, столѣтней царицыной дуркой-шутихой. Вслѣдъ за нею явился и тотчасъ заняль иностранцевъ черноглазый и чернокудрый мальчикъ, тотъ самый четырехлѣтній царевичъ Петръ Алексѣевичъ, для котораго стараніями старшаго брата устраивались стрѣльцовая площадка и потѣшный прудъ. Стоя возлѣ полной и статной мамы, онъ быстрыми глазками слѣдилъ за движеніями заѣзжаго рыжаго нѣмчина. Помѣстившись на скамеечкѣ у печи, нѣмчинъ заводилъ и устраивалъ заморскій органъ, только-что привезенный изъ чужихъ краевъ и подаренный бояриномъ Матвѣевымъ больному царевичу Ѳеодору, вмѣстѣ съ голландскими клавикордами и венецейскими охтавками. Полная мама, восклицая: «ахъ ты, соколъ мой, ахъ ты, батюшка-непосѣда!», то и дѣло останавливала быстрые порывы царевича, который размахивалъ ручками и, потягиваясь къ нѣмчину, допрашивалъ у него едва внятными дѣтскими рѣчами:

гдѣ дѣлаютъ такіе органы, и далеко ли живутъ нѣмцы, хорошо ли у нихъ и ѣздятъ ли тамъ на корабляхъ и стрѣляютъ ли изъ пушекъ?..

Никто не зналъ навѣрное, чѣмъ угоститъ теперь царь на своей вечеринкѣ: придетъ ли балансёръ и станетъ съ помощниками «пирамидъ» дѣлать; будутъ ли только играть на органѣ, да обносить сластями; дѣйства ли покажутъ? Ничего не знали.

Царь кончилъ игру. «Ну, боярин,—сказалъ онъ, вставая:—ты враговъ лучше бьешь, чѣмъ берешь коней да ферязей!» Царь выигралъ и былъ, очевидно, въ духѣ. Завидѣвъ пословъ, онъ тутъ же ласково кивнулъ имъ головою; поручилъ черезъ переводчика сказать имъ, что по случаю новаго года позвалъ ихъ къ себѣ на веселье; спросилъ, довольны ли они содержаніемъ и обхожденіемъ окружающихъ и, обратившись къ голландцу Фанъ-Кленку, сказалъ ему: «*Минъ-геръ*, поди сюда!» Минъ-геръ подошелъ и нѣсколькими словами съ царемъ возбудилъ зависть не очень-то довольныхъ недавнимъ объясненіемъ царя съ смѣлыми моряками и торговцами-голландцами. А между тѣмъ, нѣмчинъ, по данному знаку, завертѣлъ ручку органа, сначала невпопадъ, но потомъ оправился, и веселыя извивистыя варьяціи тирольской плясовой мелодіи наполнили комнату...

Царь уже не въ первый разъ говорилъ съ голландскимъ посломъ. Онъ говорилъ съ нимъ о торговлѣ и о чужихъ странахъ, о наукѣ и о морскомъ дѣлѣ; разспрашивалъ его о дворѣ франкскаго короля, у котораго Фанъ-Кленкъ былъ незадолго передъ тѣмъ; перешелъ потомъ къ своей особѣ, говорилъ, что намѣренъ улучшить у себя воинское и судное дѣло; жаловался на то, что пропалъ его любимый соколъ, и что онъ самъ ужъ какъ-то старѣетъ и охладѣваетъ къ этой охотѣ; спрашивалъ у Фанъ-Кленка, какъ бы ему завести настоящій театръ, съ комедіянтами, такой, какъ, по слухамъ, заведенъ у польскаго короля.

Въ это время вошелъ боярин Матвѣевъ и что-то сказалъ царю, склонившись передъ нимъ. Царь отвѣтилъ ему легкимъ мановеніемъ головы и, вслѣдъ затѣмъ, обратившись къ Фанъ-Кленку, сказалъ: «передай своимъ товарищамъ, что сегодня придется услышать вамъ у меня захожаго изъ вятскихъ лѣсовъ русскаго сказочника. Вамъ это, чай, въ диковинку?» И дѣйствительно, царь Алексѣй Михайловичъ

хоть и любилъ заморскія игры и забавы, но, по его собственнымъ словамъ, не было для него ничего слаще, какъ слушать, въ часы отдыха, разнообразныя и поучительныя повѣствованія странниковъ. «Въ ихъ рѣчахъ о старинѣ,— говорилъ онъ:—складные уроки для новаго времени; а въ разсказахъ о новомъ времени познаешь то, чего не увидѣть своими глазами!» Еще не далѣе, какъ мѣсяцъ назадъ *передъ тѣмъ*, царь оплакалъ и, какъ друга проводилъ до могилы лучшаго изъ своихъ дворскихъ повѣствователей, Венедихта Тимофѣева. Послѣдній по-истинѣ былъ скрижалью лѣтъ давно минувшихъ и услаждалъ царскіе досуги разсказами о кіевскихъ и новгородскихъ князьяхъ и о татарщинѣ.

Боярин Матвѣевъ снова вошелъ въ комнату и, въ поясъ поклонившись царю, сказалъ: «по твоей по волѣ, государь, привели ко двору твоему вѣрнаго раба и слугу твоего, прохожаго бахаря-сказочника. А зовутъ его Устиномъ, а сказываетъ онъ сказки и пѣсни изъ дѣтства, и идетъ изъ далеча. Былъ въ Кіевѣ, на Волгѣ и за Ураломъ. Прикажешь его звать?» Царь сказалъ: «зови!» Вошли два покоевыхъ стражника и стали у двери. За ними на порогѣ показался сказочникъ, мало чѣмъ выше средняго роста, лѣтъ подъ шестьдесятъ, невзрачный, въ старомъ потертомъ кафтанишкѣ, съ рѣдкою бородою клиномъ и стриженный въ скобку. Онъ низко поклонился и сперва было оробѣлъ и смѣшался. «Здравствуй!» сказалъ звучнымъ голосомъ царь. Сказочникъ устремилъ несмѣлый взоръ на царя. «Не робѣй!» продолжалъ царь: «ты гость нашъ и нашихъ гостей. Откуда ты идешь и гдѣ жилъ?» Устинъ, Иволга по прозванію, оправился, глянулъ на бояръ и на прочихъ гостей, стоявшихъ вкругъ царя, ступилъ отъ двери и отвѣтилъ: «иду я нонѣ, царь-батюшка, изъ далекой Украины, изъ даурской, зауральской стороны, мѣховой да золотой твоей землицы. Въ Сибири руду копалъ. Много тамъ у насъ, по заводамъ да раздольямъ, гудочниковъ да пѣсенниковъ. Холодно жить, и людишки все перехожіе. Ну, да весело жить, и милостью твоею сыты и вскормлены!» «Ну, выпей же чарку вина да повѣдай намъ, Устинъ, сказку или притчу какую, повесели насъ, да и семью нашу. Вотъ и господа послы заморскіе, хоть не поймутъ тебя, да послушаютъ».

Царь сѣлъ. За нимъ сѣли и всѣ присутствующіе. Сказочнику внесли его гусли, и онъ сѣлъ ихъ ладить. Дворскіе

слуги тѣмъ временемъ пошли между скамьями, съ кубками романеи, мальвазіи и ренскаго. Царскимъ дѣтямъ, и кому хотѣлось, подавались леденцы, шенталà, обсахаренныя дынныя корки и индійскія сласти, мускатъ и имбирь въ меду. Царь спросилъ: «а гдѣ же князь Ѳеодоръ?» Дверь растворилась, и старшій сынъ царя, разслабленный царевичъ Ѳеодоръ, появился въ носилкахъ изъ чернаго дерева. Взоры присутствующихъ съ жалостію обратились къ нему. Тутъ царскіе гусельники и скрипòтчики проиграли родъ взводной музыки. Бояринъ Матвѣевъ вышелъ передъ царя и произнесъ: «*повѣсть по преподобному Нестору зѣло предивна о князѣ Владимірѣ и о томъ, какъ парень Янъ побѣдилъ Печенѣжина!..*»

Сказочнику поднесли романеи. Онъ выпилъ, утерся и сталъ, изрѣдка поигрывая на гусляхъ, нараспѣвъ сказывать:

*
* *

То не въ небѣ взыграло двѣ радуги,
Въ княжемъ теремѣ стало двѣ радости.
А и первая радость великая—
У него ли, у свѣтъ у Владиміра,
У кіевскаго Краснаго Солнышка:
Побивалъ свѣтелъ князь силу вражію,
Покорялъ поморянъ-побере́жниковъ;
И вторая-то радость не малая—
На воскресной зарѣ, на утренней,
Только стали звонить, свѣтъ княгинюшка
Даровала ему сына-первенца...
Собирались во дворъ няньки-мамушки,
Во злату во купель клали княжича;
И купали его, припѣваючи,
Во злату пелену пеленаючи.
Князь въ тайницы сходилъ заповѣдныя,
Отпиралъ погреба съ медомъ, брагою.
И скликали гонцы Русь со всѣхъ сторонъ
Славить князя и княжаго первенца...

Надъ быстрымъ Днѣпромъ, по взгорію,
Словно по полю кинуты цвѣтики,
Все стоятъ терема княженѣцкіе,
Со рѣшетками, бѣлыми крыльцами,

Съ пѣтушками на вышкахъ, съ перильцами:
Вдоль по горенкамъ стѣны тесовыя
Узорочьями всѣ изувѣшены;
А въ углу, гдѣ кивотъ златокованный,
Княженецкое знамя поставлено,
Парчевое, древко кипарисное;
На томъ знамени шелкомъ вытканы—
Чуденъ Спасъ, со своею Пречистою,
Гавріилъ и Михайло Архангелы,
Еще всѣ ли тутъ силы небесныя.
Въ княжемъ теремѣ окна растворены;
Смотритъ въ нихъ со двора чернь служивая.
По десную жъ и лѣвую сторону
Вокругъ князя сидятъ други вѣрные,
Вся дружина его богатырская.
И на каждомъ шапка бебряная,
По краямъ чернымъ соболемъ браная;
На ногахъ семицвѣтныя лапотки.
А кафтанъ распашной, онъ камки дорогой,
Не камка дорога, узоръ хитеръ:
Словно по небу звѣзды разметаны.
Изъ окошекъ летятъ во всѣ стороны,
Будто гусли поютъ златострунныя,
Рѣчь и гулъ со стола княженецкаго...

Выходилъ свѣтелъ князь изъ-за трапезы,
И вставали за нимъ, Солнцемъ Краснымъ,
Сотрапезники, рать богатырская.
Они вышли, съ тесоваго глянули—
Шапки вверхъ надъ толпой заметалися.
Началось угощенье на міръ, народъ.

Князь идетъ, таково смотритъ весело:
На лоткахъ стоятъ жарены лебеди,
Кабаны, пѣтухи, рыба всякая;
Виночерпіи черпаютъ чарочки,
Хлѣбодары подносятъ всѣмъ прянички,
Туть, когда пили всѣ, потѣшалися,
Приворотники игрища зачали...
Они зачали свайкою тѣшиться.
И самъ князь, ласковъ князь, выступаючи,

Парчевой кушачекъ оправляючи,
Свайку бралъ, щурилъ глазъ и кидалъ
Онъ гвоздемъ во кольцо золочёное...
Вдоль по выгону дѣти посадскія
Межъ собой стали тѣшиться бабками.
Подходилъ свѣтелъ князь со дружиною,
Въ бѣлы руки бралъ биτку свинчатую,
Въ костяной городокъ съ ходу цѣлился,
И съ носка разбивалъ частокольчатый.
А и было веселье великое,
Въ славу князя и княжаго первенца.

* * *

А тѣмъ часомъ гроза подымалася,
Подъ горою труба откликалася...
Разступается людъ на двѣ стороны,
Подбѣгаетъ ко князю Владиміру
Въ рысьей шапкѣ гонецъ, самъ запыхался,
Таково говоритъ, въ поясъ кланяясь:
— «Свѣтелъ князь, выводи свои полчища!
«Подступаетъ къ твому граду Кіеву
«Сила велія, рать печенѣжская.
«Самъ Каганъ съ ней идетъ, сталъ окопами,
«А тебѣ шлетъ привѣтъ, слово ханское:
«Я не даромъ-де шелъ и не попусту—
«Я пришелъ покорить князь-Владиміра;
«А и полно войсками намъ тѣшиться,
«Изберемъ отъ себя поединщиковъ.
«Покоритъ твой маво—я отправлюся
«И три года въ войнѣ жить закаюся;
«Если жъ мой побѣдитъ—не прогнѣвайся...
«Въ Кіевъ-градъ я къ тебѣ—ханъ—пожалую,
«Златоверхую сѣнь выжгу, вырублю,
«Богатырскую рать возьму въ кошохи,
«А тебя самого, со княгинею,
«Въ кандалы закую—уведу въ полонъ».
Усмѣхнулся тутъ князь, слово вымолвилъ:
— «У меня ли, у князь-Владиміра,
«Не найтись на врага супротивника.
«Коль дружина моя богатырская,
«Не побита никѣмъ, вся кругомъ стоитъ:

«Щелканъ богатырь, сынъ Дудентьевичъ,
«Самсонъ богатырь, Колывановичъ,
«Полканъ богатырь, сынъ Ивановичъ,
«Свѣтогоръ богатырь, и Полканъ другой,
«И Суханъ богатырь, съ богатырской семьей,
«Да и онъ ли Добрыня Никитьевичъ?
«Ты бѣги, скороходъ, къ хану грозному,
«Отвѣчай ты псу печенѣжину:
«А и день не зайдетъ, въ путь я выступлю—
«И отыщемъ ему поединщика.
«Не силачъ богатырь, пойдетъ всячина;
«Да и нѣтъ той души во поднѣбесной,
«Чтобъ сломила когда силу русскую!»
Скороходъ побѣжалъ по дорогѣ вспять,
Только пыль по слѣдамъ закурилася...
А народъ загудѣлъ и задвигался,
Будто лѣсъ загудѣлъ въ бурю-нѣпогодь.
И со всѣхъ-то сторонъ бойцы-соколы
На борьбу выходить выкликалися.

* * *

Не сизы орлы, не кречеты
Ко Днѣпру слетались, къ широкому—
Свѣтелъ князь выступалъ со дружиною;
И стѣной становились, какъ встрѣтились,
Печенѣжская рать противъ княжеской.
Возсѣдалъ тутъ Каганъ на сѣдалищѣ,
Ставилъ боги, изъ камени сѣчены,
Возжигалъ противъ нихъ жертвы цѣнныя.
Солнце-князь становился подъ яворомъ,
Вкругъ него его вои, приспѣшники,
А надъ нимъ поднимали съ молитвами
Княженецкое знамя походное,
Парчевое, древко кипарисное...

Ой, не слонъ во чистомъ полѣ слонится,
Не сырой дубъ во полѣ качается,
То качается, слонится чудище,
Человѣкъ-Печенѣгъ, сила крѣпкая.
Онъ идетъ, не идетъ, озирается.
Охомъ сиръ-человѣкъ подпирается.
А на немъ-то броня трехпудовая,

Шапка рысія, очи крысія;
Черенъ голъ, какъ котелъ, самъ собака хитеръ:
Что куда онъ пёсъ ни повѣрнется,
Тутъ въ народѣ и вольныя улицы—
Плакуны ревунамъ громко плачутся,
Бѣгуны скакуновъ гонятъ взапуски.
Да какъ сталъ-то силачъ, пріосанился,
Онъ на весь народъ и расхвастался:
— «Выходи, говоритъ, Русь запечная,
«Не робѣй, а узнай, каковы-де мы!
«Ужъ и нѣтъ на землѣ нашихъ супротивъ:
«Кистенемъ мы метнемъ—караванъ въ плѣнъ возьмемъ;
«Выходите на битву, не бойтеся...
«Я не всѣхъ положу въ пищу воронамъ—
«Сохраню человѣка на сѣмены!»

Да не долго орда потѣшалася.
Разступается людъ на двѣ стороны.
Къ князю старецъ выходитъ засельщина,
Слово молвитъ ему деревенщина:
— «Сударь князь, не казни, слово выслушай!
«У меня на селѣ есть дѣтинушка,
«Парень Янъ, Усмошвецъ по прозванію.
«Его силъ, осударь, я не вѣдаю,
«Только съ дѣтства никто съ нимъ не игрывалъ,
«Шутки съ нимъ въ забавахъ не шучивалъ,
«Было разъ, мялъ онъ кожи на торжищѣ,
«На меня, старика, младъ разгнѣвался
«И порвалъ пополамъ кожи крѣпкія,
«Сыромятныя, вдвое положены!
«Не обидь ты его, сударь-батюшка,
«Прикажи съ супостатомъ помѣряться!»
Говорилъ свѣтелъ князь:—«Старецъ, честный мужъ!
«Гдѣ же сына тваво намъ отыскивать?
«Врагъ не ждетъ, да и время намъ спѣшное»...
— «Во кружалѣ искать парня надобно...
«Со голыдьбою тамъ со кабацкою
«Младъ-дѣтина любитъ забавиться,
«Хороводы водить, въ волю бражничать,
«Свѣто-русскую душеньку тѣшити!»
Посылалъ князь гонцовъ во всѣ стороны,

Ждалъ-пождалъ, оглядалъ свои полчища;
А тѣмъ часомъ къ ставкѣ княжеской
Привели парня Яна посыльные.
Свѣтлорусъ шелъ дѣтина, приземистый,
Бородатъ, да плечистъ, лапти драные;
Набивные порты, въ бѣломъ тѣльникѣ.
И пытали его силу крѣпкую—
Выпускали быка разъярённаго,
И какъ быкъ побѣжалъ вдоль по выгону,
Ухватилъ его Янъ, не шелохнувшись
И ногою на пядень не сдвинувшись:
Какъ заялъ пятернёй грудь рогатаго,
Такъ и вырвалъ клокъ мяса, съ кожею.

Вышли въ поле тутъ княжьи глашатаи,
Вольный конъ по уставу размѣряли.
Становились на конъ поединщики;
Вѣстовая труба откликалася,
Борьба смертная начиналася...

Поглядѣлъ на бойца малорослаго,
Сталъ смѣяться силачъ надъ дѣтиною:
— «Ужъ и гдѣ же бывало то видано,
«Чтобъ такой мелкотой битву красили?
«А остался бы лучше ты съ бабами,
«Веретёна бъ строгалъ, спалъ безъ просыпу»!...
Выходилъ парень Янъ на противника,
Словно вдругъ заробѣлъ, не умѣючи,
На врага-то и глянуть не смѣючи...

И схватились бойцы, крѣпко обнялись,
Будто братья родимые, кровные...
Они такъ ужъ и такъ изловчалися,
Какъ съ невѣстой женихъ цѣловался.

Тутъ и дрогнули рати дозорныя,
Громкій кличъ пролетѣлъ надъ Дрѣпромъ-рѣкой...
Парень Янъ подхватилъ Печенѣжина,
Подхватилъ онъ его, поприжалъ къ груди;
Да потомъ, какъ отвелъ руки крѣпкія,
И съ размаха ударилъ имъ о-землю—

Индо вольная степь перекликнулась...
Поломалъ ему сразу всѣ кости онъ,
Всѣ суставы, всѣ рёбра и голени...
Тутъ смерть ему приключилася.
Оробѣла орда, заметалася,
Во всѣ стороны вдругъ разбѣгалася.
А покамѣстъ бойцы свѣто-русскіе
Выходили въ погоню за вòрогомъ,
Свѣтелъ князь созывалъ слугъ-приспѣшниковъ,
Нарекалъ тѣ мѣста Переяславомъ—
Переялъ-де онъ тамъ славу вражію...
И опять пили всѣ, прохлаждалися,
На честномъ пиру потѣшалися.
Они славили князя съ княгинею,
Первороднаго княжаго первенца,
Кіевъ-градъ, и весь свѣтъ, и веселіе...
На пиру тутъ сидѣли старѣйшины
И сложили такое вѣщаніе:
— «Не удачей возьметъ, не уловкою,
«Не мудреной какою сноровкою—
«Своей силой возьметъ Русь-кормилица:
«Передъ ней же ничто не схорòнится...
«Какъ пойдетъ, все на свѣтѣ сторòнится!»

Разсказчикъ замолкъ. Одобрительный говоръ пошелъ между слушателями. Переводчики передавали иностранцамъ содержаніе сказки. «Ну, спасибо тебѣ, Устинъ! И тебѣ спасибо, Артамонъ Сергѣевичъ!» сказалъ царь. Матвѣевъ далъ знакъ. Царскій кравчій поднесъ Устину на серебряномъ блюдцѣ кубокъ ренскаго. И кубокъ, и блюдцо царь пожаловалъ сказочнику. «Ну, Устинъ,—продолжалъ царь:—не полно ли тебѣ шататься по свѣту? Оставайся-ка у насъ на Москвѣ. Ты замѣнишь намъ Венедихта Тимофѣева...» «Прости, государь,—возразилъ сказочникъ:—смилуйся и не прогнѣвайся! Канарейка-птица хорошо поетъ въ клѣткѣ, а супротивъ соловья въ лѣсу ей не справиться! Тѣсно мнѣ будетъ въ твоемъ теремѣ, да и платья-то золоченаго носить не сумѣю. Отпусти, царь-батюшка. Довольны мы твоею государскою милостью. И внукамъ, и правнукамъ о ней скажемъ». Царь не настаивалъ и отпустилъ его съ миромъ.

Когда иностранцы разошлись, два стрѣльца внесли и

поставили на столъ передъ царемъ невысокій желѣзный ящикъ, съ ликами святыхъ угодниковъ по сторонамъ и съ скважиною въ крышкѣ. Ящикъ былъ запертъ на замокъ, ключъ отъ котораго висѣлъ у царя за поясомъ. Его вносили, такимъ же порядкомъ, каждый вечеръ въ царскіе покои. Этотъ ящикъ прикрѣплялся къ столбу, у оконъ, для всѣхъ проходящихъ.—«А! челобитныя! Это по твоей части, Фролъ Демьяновичъ!» сказалъ царь, обращаясь къ низенькому сѣдому старичку, правившему судными дѣлами, и подавая Демьянычу для прочтенія челобитныя, опущенныя въ ящикъ съ утра того дня. Старикъ читалъ: — «Челобитная на Степанка, да на Иванка, да на Алексѣйку Карнаухова, да на Микитку Груздева; бьютъ тебѣ, великому царю и государю всея Русіи, сироты твои хресьяне, Ортемка, да Лука, да Костя Суздальскіе. А намъ, господине, жалоба на нихъ, что взяли они у насъ и оттягали прудъ и меленку; а гуси ихъ огороды наши, и сады, и грядки портятъ. Смилуйся, батюшка, и защити!» — «Отпиши, Демьянычъ, къ воеводѣ, чтобъ собралъ и выслушалъ челобитчиковъ, и дѣло бы рѣшилъ, и намъ бы отписалъ». — «Челобитная Ѳедьки Чемеря, — продолжалъ старикъ: — на Аоанасія Першинова! Доношу, осударь отецъ, что онъ, лихой человѣкъ, Аонька Першиновъ изъ пограничной крѣпости, изъ Тора на Донцѣ бѣжалъ, и съ Туркомъ не дрался, и въ бой не шелъ. А у меня, Ѳедьки Чемеря, укралъ шубу баранью, да пять алтынъ денегъ, да новую ширинку». — Царь улыбнулся. — «Запиши, Демьянычъ: сдѣлать обыскъ, и коли вернется Аонька изъ побѣгу, за воровство бить батоги нещадно, и отдать Ѳедькѣ Чемерю взятое, шубу, деньги и ширинку». — Старикъ продолжалъ: «Челобитная тебѣ, великому царю и многомилостивцу, сирыхъ защитнику и правды поборнику, на ярославскаго воеводу, на грабителя и губителя. Заграбилъ онъ у насъ, сиротъ, и у немощныхъ, и убогихъ, всякое состояніе и гонитъ всѣхъ, и губитъ. А у Андрея Шестипалова дочь огнялъ и держитъ... Донесеніе смиреннаго раба и богомольца твоего, инока Евстигнея». — Долго царь не произносилъ рѣшенія. Напослѣдокъ онъ сказалъ: «нарядить сейчасъ гонца за воеводою, везти его сюда неуклонно. Давно я считаю за нимъ грѣхи и добираюсь до него. Инока же Евстигнея подъ стражу взять и держать до конца дѣла. Правъ будетъ,

дать ему мѣсто архимандрита, али вотчину изъ воеводскихъ, а нѣтъ — такъ батоги! Смотри, Демьянычъ, не покривить душою! Гляди, чтобъ судьи судили по истинѣ, правили бы дѣло по правдѣ и отнюдь бы не стыдились лица сильныхъ!»—Старикъ читалъ далѣе: «Батюшка, царь, берегись! Тебя извести хотятъ! Ондрейко Лодіевъ, да Сухоня Василій, да поповичъ Серёжка, на торгу, на Москвѣ-рѣкѣ, онамедни ходили и хвалились извести тебя, и всякія зелья собирали, и злобныя словесы говорили, и тебя и твоихъ бояръ корили, и царское твое имя поносили!..» — Царь не дослушалъ. — «Брось, Демьянычъ, эту яведу, да и самъ не читай, кто писалъ! Мало ли что языки мелютъ! Одни корятъ и хулятъ, другіе хвалятъ. Коли смотрѣть на собаку, что ластъ, такъ еще подумаетъ, что и на льва похожа...»— Демьянычъ прочелъ еще двѣ незначительныя челобитныя. Въ одной погорѣлые зарайскіе крестьяне просили помощи, а въ другой жена жаловалась на мужа. Царь велѣлъ произвести слѣдствіе, пожаловать погорѣлыхъ крестьянъ, а обвиняемаго мужа, коли окажется виноватымъ, постращать хорошенько, чтобъ жилъ въ мирѣ и согласіи съ женою...

Царь снова заперъ челобитный ящикъ, отдалъ его Фролу Демьянычу и пошелъ въ опочивальню. Тамъ онъ зажегъ лампадку у образа Казанской Богородицы и долго молился. Царь заснулъ, когда занималась заря и въ донскомъ монастырѣ раздался благовѣстъ къ заутренней.

(1856 г.)

ШАРИКЪ.

Жилъ въ Москвѣ бѣдный портной, еврей Айзикъ Шмуль. Трудолюбивый и выносливый, онъ проводилъ съ семьей цѣлые дни впроголодь, копаясь, отъ ранняго утра до поздней ночи, въ подвальной конурѣ, надъ разнымъ носильнымъ хламомъ, который бралъ отъ рыночниковъ и небогатыхъ людей въ починку, передѣлку и перелицовку.

Работалъ онъ безъ вывѣски. Исполняя заказы, ходилъ съ конца въ конецъ Москвы за деньгами, въ одномъ и томъ же, сильно поношенномъ сюртучишкѣ безъ нѣсколькихъ пуговицъ, въ пестрыхъ, узкихъ брюкахъ и въ помятомъ цилиндрѣ, похожемъ болѣе на воронье гнѣздо, чѣмъ на шляпу. Отъ одежды Шмуля постоянно почему-то отдавало страннымъ запахомъ, напоминавшимъ запахъ жареная рябчика. «А, рябчикъ уже тутъ!» говорили себѣ заказчики, заслыша въ передней робкое переступаніе худыхъ ногъ портного, обутыхъ въ истоптанныя, съ искривленными каблуками, ботинки.

Большіе, черные, постоянно унылые и какъ бы заплаканные глаза Шмуля съ жаднымъ вниманіемъ устремлялись на руки входящаго заказчика, а длинный, мясистый носъ и толстыя, безусыя губы, при видѣ вынутыхъ денегъ, освѣщались блаженною улыбкой, и весь онъ, съ принесенною въ черномъ чехлѣ работой, отвѣшивая низкіе поклоны, какъ-то судорожно дергался сверху внизъ, точно у него силой отнимали эту работу, а онъ боролся, увертываясь и не выпуская ея изъ рукъ.

— Отчего, Шмуль, у тебя постоянно такіе унылые глаза?—спрашивали портного заказчики.

— У бѣднаго еврея печаль,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ:— чего ему радоваться и веселиться?

— Но почему же?

— Еврей иначе не можетъ смотрѣть на свѣтъ, за неправду, какъ съ печалью, презрѣніемъ и скорбью.

— А почему отъ тебя рябчикомъ пахнетъ?

Шмуль краснѣлъ, какъ ракъ.

— Баринъ шутитъ, — отвѣчалъ онъ съ гордымъ недоумѣніемъ, оглядываясь на свою одежду: — бѣдный еврей, можетъ, давно не только рябчика въ глаза не видѣлъ, но и ничего не ѣлъ.

Въ окраинахъ Москвы свирѣпствовала повальная оспа. Заболѣли жена и двое дѣтей Шмуля. Жена умерла; дѣти-близнецы, сынъ Іоська и дочь Ривка, выздоровѣли, но ихъ лица до того были разрисованы оспой, что казались тёрками, на которыхъ трутъ рѣдьку и хрѣнъ. Сильно горевалъ и убивался портной, схоронивъ жену. Жить стало еще тяжелѣе. Дѣтямъ шелъ пятый годъ. Надо было ходить за ними, обшивать ихъ, чесать ихъ всклокоченныя, курчавыя головы, варить имъ лапшу на молокѣ, и въ то же время не разгибать спины надъ заказами. Работа валилась изъ его рукъ. Голодалъ еще болѣе Шмуль съ дѣтьми. Голодалъ и выкормленный покойною Суррой, вихрастый, съ кривыми лапами, песъ Шарикъ.

Эту собаку жена портного, однажды осенью, нашла подъ Москвой на огородѣ, куда ходила съ корзиной за покупкой дешевыхъ остатковъ капусты и картофеля. Услыша тихіе, жалобные стоны изъ канавы, поросшей травой, Сурра подошла и увидѣла въ травѣ свернувшуюся въ жалкій комокъ и дрожавшую отъ холода, голода и увѣчій собачонку. «Злые люди били тебя, видно, на-смерть, — подумала Сурра, — и бросили сюда издыхать, но ты еще жива и будешь жить!» Она подняла собаку. Та еле двигала искалѣченными ногами; съ боковъ клочьями висѣла шерсть. Взявъ собаку въ корзину, портниха принесла ее домой, накормила, а вечеромъ, когда купала дѣтей, сварила щелокъ и для собаки, бережно вымыла ее и уложила въ подвальный чуланъ, прикрывъ ее старыми рогожами.

Долго Сурра носила въ чуланъ собакѣ, тайно отъ мужа, ѣсть и пить. Шмуль не любилъ собакъ, говоря, что отъ нихъ, обжоръ, кромѣ блохъ, никакого нѣтъ толку. Портниха

размышляла: «Выздоровѣетъ бѣдный песъ, наберется съ силами, тогда выпущу его на волю; кто-нибудь сжалится надъ нимъ и возьметъ его себѣ... Бываютъ красивыя и изъ уличныхъ: можетъ-быть, и это такая». Собака понемногу оправилась, вылѣзла изъ-подъ рогожъ и, въ отсутствіи портного, была выпущена—размяться и побродить на дворѣ. Сурра взглянула на нее и увидѣла, что о красотѣ найденной собаки нечего было и думать. Острая, съ торчавшими ушами, морда и кривыя, крѣпкія лапы ея съ перваго взгляда напоминали какъ бы нѣчто, похожее на таксу. Но неуклюжій, съ глупою закорючкой, хвостъ, а вмѣсто черныхъ глазъ и гладкой, черной, съ желтыми подпалинами, шерсти таксъ, длинныя лохмотья какой-то буро-лиловой шерсти и разномастные—сѣрый и голубой—глаза найденной собаки прямо указывали на ея происхожденіе отъ простой и самой заурядной дворняжки.

Оправясь отъ увѣчій, собака, впрочемъ, оказалась весьма веселой и рѣзвой. Она стрѣлой носилась за Суррой и волчкомъ вилась у ея ногъ, когда та ходила въ лавочку или во дворѣ развѣшивала бѣлье. За эту веселость и рѣзвость портниха назвала его Шарикомъ. Какъ-то Сурра обронила на улицѣ свертокъ съ покупкой. Шарикъ поднялъ его и принесъ въ зубахъ за хозяйкой.

— Что это? откуда уродина?—спросилъ Шмуль, увидѣвъ впервые эту собаку, беззаботно прыгавшую за Суррой.

— Шарикъ,—отвѣтила, смутясь, жена.

— Шарикъ, — ну, и пусть Шарикъ, — а откуда онъ и зачѣмъ?—настаивалъ Шмуль.

Портниха объяснила, какъ, гдѣ и въ какомъ видѣ она нашла его.

— Онъ, представь, и поноску носитъ,—прибавила Сурра, стараясь такъ или иначе смягчить мужа.

— Поноску? вотъ что! — сказалъ Шмуль, недовѣрчиво разглядывая собаку, которая, въ свой чередъ, пристально глядѣла ему въ глаза.

— А—ну!—произнесъ портной, бросая черезъ рѣшетку въ садъ свою шапку:—пиль!

Шарикъ кинулся кубаремъ въ калитку и притащилъ изъ сада шапку. За шапкой были туда брошены платокъ, хлѣбный сухарь и говяжья кость. Все это Шарикъ также нашелъ и принесъ.

— Держи его, закрой ему глаза,—сказалъ портной женѣ. Онъ вынулъ изъ кармана копейку, поплевалъ на нее, швырнулъ ее въ траву, на конецъ двора, и крикнулъ снова: пиль!

Шарикъ сначала не понялъ, въ чемъ дѣло, и смотрѣлъ, склоняя то одно, то другое ухо, въ разныя стороны. Слыша повторенія приказа и видя, что въ его услугахъ, попрежнему, нуждаются, онъ, обнюхивая землю, кинулся-было въ садъ, исколесилъ его нѣсколько разъ вдоль и поперекъ, возвратился и, съ высунутымъ языкомъ, недовольный поисками, сѣлъ на заднія лапы.

— Пиль, шельма, пиль!—твердилъ портной.

«А, такъ вотъ что̀,—какъ бы подумалъ Шарикъ,—значитъ, все-таки, что-то брошено, только не тамъ!» Онъ шевельнулъ хвостомъ, увидѣлъ, что хозяинъ смотритъ въ конецъ двора, бросился туда, уткнулся носомъ въ траву, росшую подъ заборомъ, прошелъ по ней нѣсколько шаговъ и, съ радостнымъ визгомъ, подбѣжалъ къ Шмулю: въ зубахъ у него была копейка.

Портной, однако, остался не вполнѣ доволенъ собакой. «Поноску, дѣйствительно, она носитъ,—разсуждалъ онъ,—но зачѣмъ намъ этотъ песъ? Самимъ тѣсно и голодно, лишній только ротъ...» Сурра замѣтила это недовольство мужа и стала придумывать, чѣмъ бы расположить его въ пользу собаки.

Какъ-то къ обѣду Шмуль долго не возвращался отъ заказчиковъ. Проголодалась портниха съ дѣтьми; еще болѣе проголодался и Шарикъ. Сидя, какъ вкопанный, съ подведенными, тощими боками, онъ давно поглядывалъ на припертую, варѝстую печь, изъ которой такъ вкусно пахло молочною кашей и щукой съ лукомъ. Шмуль, наконецъ, пришелъ и усѣлся, съ женой и дѣтьми, за обѣдъ. О собакѣ никто не вспомнилъ. Слыша дружное чавканье ртовъ, Шарикъ попрежнему степенно и вѣжливо сидѣлъ вдали отъ стола, изрѣдка только склоняя то на одинъ, то на другой бокъ голову и, точно для развлеченія, слѣдя за сонными, вялыми мухами, ползавшими, въ ожиданіи зимней спячки, по нагрѣтому карнизу печи. Сурра, впрочемъ, не покидала мысли о собакѣ.

Раздумывая, какъ бы окончательно расположить въ ея пользу мужа, она въ концѣ обѣда сказала ему:

— Шарикъ, можетъ-быть, собака не простая.

— Это почему?—спросилъ портной:—носитъ поноску; немудрено, — наученъ и еще что дѣластъ. Вотъ вздумала! И кто такую паршивую барбоску станетъ учить? на что она, кому?

— Ну, не говори, — можетъ, онъ былъ у фокусниковъ, а тѣ научили его и не такимъ штукамъ, да обѣднѣли и бросили его, либо потеряли,—говорила Сурра, подкладывая мужу лакомые куски.

— Попробуй, попытай,—отвѣтилъ, съ усмѣшкой, Шмуль:— ты его нашла, ты съ нимъ и возись.

— Самъ попробуй,—развѣ я что знаю въ такихъ дѣлахъ, или ходила съ фокусниками?

Портной былъ въ духѣ въ тотъ день отъ полученныхъ заказовъ и еще болѣе отъ фаршированной съ лукомъ щуки. Онъ оглянулся на Шарика, который, въ прежнемъ ожиданіи подачки, сидѣлъ неподвижно, не спуская глазъ съ хозяйскаго стола. «Осрамлю ее, — подумалъ о женѣ Шмуль,— такъ и быть, испытаю собаку; только она, разумѣется, не отличится». Не вставая со скамьи, портной кольцомъ сложилъ руки, наставилъ ихъ противъ собаки и едва сказалъ: «аванцъ!»—Шарикъ слегка пригнулся и мгновенно проскочилъ черезъ руки Шмуля, какъ сквозь обручъ. Присѣвшая къ столу, Сурра ахнула отъ восхищенія. «Что время терять!» — подумалъ, между тѣмъ, Шарикъ. Видя, что озадаченный его подвигомъ хозяинъ, нагнувшись, недовѣрчиво разсматривалъ его лапы, точно удивляясь, какъ такой невзрачный песъ, и на такихъ кривуляхъ, могъ произвести подобный прыжокъ, — Шарикъ шевельнулъ хвостомъ, еще ниже пригнулся, вскочилъ на скамью и легче мухи перелетѣлъ черезъ спину самого Шмуля. Сурра, покатившись со смѣху, припала къ столу; а Шарикъ, недолго думая, опять прыгнулъ на скамью и перемахнулъ черезъ спину хозяйки.

— Да, собака изъ ученыхъ, — невольно согласился съ женою Шмуль: — и кто могъ ожидать? съ виду — плюгавая шавка: а за такую, пожалуй, охотникъ дастъ не меньше синей, а то пожалуй и красную.

Съ той поры Шарикъ водворился на жительствѣ у портного, дѣля съ хозяевами сытые и голодные, веселые и горестные дни, служа имъ въ видѣ забавы за столомъ, срывая съ прохожихъ шапки и расхаживая, въ видѣ солдата, на

заднихъ лапахъ, со вложенной въ переднія лапы палкой, какъ съ ружьемъ. Веселые дни портного, со смертью его жены, окончательно прошли и не возвращались. Овдовѣвшій Шмуль впалъ въ безысходную бѣдность и горе. Онъ выбился вовсе изъ силъ и сталъ роптать: «Богъ Исаака и Іакова, гдѣ Ты? — восклицалъ онъ мысленно, не попадая отъ слезъ ниткой въ иглу: — почему Ты, о Господи, глухъ ко мнѣ? за что губишь бѣднаго еврея и его неповинныхъ дѣтей? Отчего христіанамъ хорошо? Смотришь, никуда негодный, пьяница завалящій, шарлатанъ, живетъ хорошо, а бѣдному еврею вездѣ неудача и тѣснота! Даже вонъ, русскій песъ Шарикъ—и тотъ счастливъ, такъ весело вѣчно возится съ друзьями своими, собаками сосѣдей».

Былъ жаркій, пыльный и душный день. Портной съ утра ходилъ по заказчикамъ за деньгами и нигдѣ не получилъ ни копейки. Особенно огорчилъ его одинъ мелкій адвокатъ, задолжавшій ему болѣе ста рублей и постоянно говорившій: «приходи завтра, денегъ нѣтъ». Отмахалъ Шмуль съ Пресни за Покровку, въ Плетешки, и оттуда къ Серпуховской заставѣ, на Замоскворѣчье. Усталъ и проголодался онъ до невозможности, и пить ему сильно хотѣлось. Пирожники кричали: «вотъ горячіе, съ пылу!» На лоткахъ красовались горы моченыхъ грушъ, всякихъ ягодъ и квасъ, а въ карманѣ было пусто. Къ вечеру доплелся онъ на Садовую и присѣлъ въ ближнемъ переулкѣ, на столбикѣ, у какихъ-то воротъ. Черезъ каменный заборъ изъ сада, возлѣ котораго онъ сидѣлъ, повѣяло прохладой. Послышалось тихое, стройное пѣніе. Шмуль оглянулся.

Невдали, въ глубинѣ переулка, сквозь вечернюю мглу, онъ увидѣлъ деревья, за чугунною оградой, а за ними ярко освѣщенныя окна церкви. На паперти, полулежа, дремало нѣсколько нищихъ. Дорога Шмулю была мимо этой церкви. Отдохнувъ, онъ всталъ, пошелъ далѣе, поровнялся съ церковною оградой и повернулъ къ паперти. «Дай, посмотрю,— подумалъ онъ, — какъ молятся христіане; никогда не былъ въ ихъ храмѣ». Дверь въ церковь была отворена. На портного, въ сумеркахъ, никто не обратилъ вниманія. Онъ вошелъ въ церковь.

Былъ канунъ приходскаго праздника. Убранный особенно торжественно, со множествомъ горящихъ передъ иконами свѣчей, позолоченный алтарь, въ кадильномъ дыму, точно

плавалъ на воздухѣ по облакамъ. Въ его раскрытыхъ вратахъ стоялъ, въ бѣлой, изъ серебрянаго глазета, ризѣ, съ сѣдою, длинною бородой, священникъ. Онъ тихо возглашалъ моленіе. Хоръ любителей, изъ купцовъ этого прихода, вторилъ ему, съ незримаго за колоннами клироса, переливами нѣжныхъ, на диво спѣвшихся голосовъ, среди которыхъ, какъ отъ звука дальняго грома, изрѣдка и въ мѣру слышалось гудѣніе мощнаго баса. Шмуль почувствовалъ, какъ бы нѣчто вдругъ подхватило его и стало уносить куда-то вверхъ, далеко-далеко. Надъ нимъ и вкругъ него звучало и вѣяло что-то волшебное, неземное. «Свѣте тихій», слышалось отъ клироса. Волосы шевельнулись на головѣ Шмуля, и весь онъ стоялъ, охваченный мучительнымъ и сладкимъ трепетомъ. Церковь опустѣла, служба кончилась. Вслѣдъ за прочими богомольцами, вышелъ на улицу и портной.

Долго ли онъ пробылъ въ церкви и какъ добрелъ до своего подвала, раздѣлся и легъ спать, онъ мало впослѣдствіи помнилъ. Ясно сознавалъ онъ одно, что усталость и голодъ въ то время мгновенно оставили его. Онъ почувствовалъ себя бодрымъ, спокойнымъ и готовымъ на новую работу. Должникъ-адвокатъ выигралъ безнадежное выгодное дѣло и неожиданно расплатился съ нимъ. Прочіе заказчики, точно условясь, также въ непродолжительномъ времени уплатили свои долги. Одни прислали деньги черезъ прислугу; другіе для расплаты сами явились къ Шмулю на квартиру, да еще съ извиненіями за просрочку. «Что за диво!—изумлялся портной, — не только рыночники, капитанша-ростовщица, даже сквалыга участковый приставъ не только расплатился до копейки, а еще заказалъ другое платье и, чего не бывало прежде, на матеріалъ далъ впередъ деньги». Новые заказы посыпались въ то же время такъ, что портной взялъ къ себѣ въ помощь подмастерья, вскорѣ затѣмъ другого, а спустя полгода перебрался изъ подвала въ просторную и теплую комнату, о двухъ окнахъ, на антресоляхъ двухъ-этажнаго деревяннаго дома, въ переулкѣ на Плющихѣ. Дѣтямъ онъ купилъ по полдюжинѣ бѣлья, новые сапоги и шубейки, и себя не забылъ: справилъ себѣ, вмѣсто помятаго цилиндра, еще малоподержанную, поярковую шляпу котелкомъ и — съ чьего-то плеча — теплое, длинное пальто съ барашковымъ воротникомъ. Дѣти по двору стали бѣгать сытыя, пузатыя, такъ какъ постная лапша съ лукомъ у Шмуля смѣнилась

теперь бараниной, клецками и рубцами. Отощавшій до крайности, кривоногій песъ Шарикъ тоже теперь ходилъ сытый и пузатый, лукаво помахивая закорюченнымъ, наполовину облѣзлымъ, въ голодные дни, хвостомъ, какъ бы говоря: «что̀ взяли? вотъ мы каковы!» Дѣла Шмуля вскорѣ наконецъ пошли такъ хорошо, что онъ сталъ подумывать и о вывѣскѣ. Въ одномъ было препятствіе: домъ, гдѣ онъ жилъ, стоялъ въ глубинѣ грязнаго дровяного двора, такъ что вывѣски изъ-за дровъ, съ переулка, пожалуй, не было бы видно.

Кончая теперь заказанную работу, Шмуль весело бралъ ее подъ мышку и съ тросточкой, въ модномъ котелкѣ и новомъ пальто шелъ по улицамъ въ такомъ духѣ, что самъ удивлялся. «Это все за мою правду и честность Богъ послалъ, — разсуждалъ онъ, гордо выступая двойными подошвами по панели: — за то, что я всѣ обряды и правила Израиля соблюдаю, какъ слѣдуетъ».

И дѣйствительно, евреи того и ближнихъ околотковъ знали доподлинно, что Шмуль никогда въ ротъ не бралъ свинины,— не только въ видѣ жирной ветчины, но и самыхъ невинныхъ, тощихъ сосисокъ, а съ пятницы подъ субботу, какъ ни требовали того срочные и спѣшные заказы, сидѣлъ съ дѣтьми въ потемкахъ, не зажигая огня. Что же касается празднованія субботы, онъ соблюдалъ ее до того строго, что не ходилъ въ этотъ день ни къ заказчикамъ, ни въ лавку за припасами, и даже не топилъ печки, заготовляя пищу, какъ установлено Талмудомъ, наканунѣ. Разъ, впрочемъ, встрѣтился великій соблазнъ: приходилось отправиться съ работой за деньгами именно въ субботу. Шмуль и помедлилъ бы, но выгодный заказчикъ жилъ на другомъ концѣ Москвы и въ тотъ день съ утра покидалъ городъ. Памятуя, что Израилю въ день субботній воспрещены всякія поѣздки, кромѣ морского путешествія, то-есть ѣзды на водѣ, Шмуль сѣлъ въ вагонъ конки, подложивъ подъ себя бутылку съ водой, и спокойно на ней съѣздилъ за деньгами.

«Вотъ, говорятъ,—разсуждалъ онъ:—плохо евреямъ. Оно правда: на улицѣ мальчишки показываютъ тебѣ, свернувъ изъ полы платья, свиное ухо, зовутъ тебя пархатымъ, нечистымъ. А отчего нечистота? Отъ бѣдности. Дай евреямъ волю вездѣ жить, дѣлать честно дѣла, богатѣть, развѣ то будетъ? Не одинъ ли у всѣхъ Богъ? Я тружусь, не пьянствую, забочусь о дѣтяхъ, вотъ Богъ оттого и склонился

ко мнѣ, за правду, оттого и улучшились мои дѣла». — «Оттого-ли, однако? — раздумывалъ иногда Шмуль: — не было ли тутъ другой причины?» Въ голову ему сама собой приходила мысль, что поправка въ его дѣлахъ началась, какъ нарочно, съ того вечера, когда онъ, истомленный ходьбой, голодомъ и жаждой, нежданно зашелъ въ христіанскій храмъ и постоялъ тамъ какихъ-нибудь полчаса. «Случай, не болѣе! — старался себя увѣрить Шмуль: — вѣдь я вовсе не молился тамъ... фуй! развѣ я осмѣлился бы? Ну, и что такое, наконецъ, если я, зайдя въ ту церковь, послушалъ, какъ сѣдой попъ читаетъ тамъ молитвы и какъ поютъ купеческіе пѣвчіе? Впрочемъ, очень хорошо поютъ и столько въ церкви образовъ, такъ пахнетъ въ ней ладаномъ и свѣтло,—не то, что въ нашей темной, бѣдной и всегда печальной синагогѣ».

Дѣла портного становились все лучше. Явились у него заказчики и изъ военныхъ. Нѣкій подполковникъ, получивъ въ командованіе батальонъ, заказалъ ему для себя цѣлую новую обмундировку: лѣтнюю, зимнюю, будничную и парадную. Шмуль нажилъ на этомъ не мало. За командиромъ обратились къ нему съ заказами и офицеры того батальона.

— Отчего ты, любезный, не заведешь вывѣски? — говорили ему офицеры: — шьешь не хуже модныхъ портныхъ, а тебя почти никто не знаетъ...

Шмуль подумалъ и завелъ вывѣску. Дровъ къ началу лѣта во дворѣ стало менѣе, и огромная вывѣска: «Портной изъ Варшавы — Августъ Самойловъ. — стала всѣмъ видна съ переулка. Въ числѣ новыхъ давальцевъ къ Шмулю, передъ осенью, явился, съ заказомъ новой суконной рясы, не старый еще сосѣдній протоіерей. Шмуль снялъ съ него мѣрку, сходилъ въ гостиный дворъ, гдѣ забиралъ товаръ, и, зайдя на квартиру протоіерея, выложилъ передъ нимъ штуку тончайшаго, съ заграничной пломбой, сукна. Заказчику очень понравился товаръ.

— Сукнице важное... А давно ли мастеришь въ нашихъ краяхъ? — спросилъ священникъ, гладя сукно по ворсу и противъ ворса и приглядываясь къ нему на свѣтъ.

Польщенный похвалой важнаго духовнаго лица, Шмуль сообщилъ ему о своемъ прошломъ и не утерпѣлъ, кстати, разсказать, какъ онъ случайно, годъ назадъ, зашелъ вечеромъ въ церковь и какъ съ той поры совершенно неожиданно поправились его дѣла.

— Крестись, чадо! — отвѣтилъ ему на это священникъ: — перстъ Божій указываетъ тебѣ, какъ и что дѣлать.

Шмуль не нашелся, что отвѣтить на это, и промолчалъ. Выйдя въ нѣкоторомъ смущеніи отъ священника, онъ несмѣло прошелъ нѣсколько шаговъ по улицѣ и тряхнулъ головой.

«Вотъ еще что выдумалъ! — сказалъ онъ себѣ въ неудовольствіи: — точно не всякая вѣра сильна у Бога, — точно ихъ вѣра праведнѣе и сильнѣе! Не мало господъ и прежде,— да какіе,— генералы, графы, богачи,— особенно полковница Ульянова,— два дома у нея, на Стоженкѣ и Мясницкой,— предлагали мнѣ то же... Устоялъ, однако, бѣдный еврейчикъ въ вѣрѣ въ дни всякаго горя, — теперь же и пуще того устою!»

Съ осени Шмуль нанялъ, рядомъ съ прежнею своею комнатою, на антресоляхъ, еще другую: въ прежней помѣщался онъ самъ съ дѣтьми, а въ новой работали и спали его подмастерья. Старуха-кухарка нижнихъ жильцовъ,—сапожниковъ, тоже евреевъ, — была договорена варить ему обѣдать и ставить самоваръ. Къ зимѣ дрова опять завалили дворъ. «Надо весной искать другую квартиру, — думалъ портной, — вывѣски не видно съ переулка; впрочемъ, еще мѣсяцъ-другой такой работы, можно перейти не только на Арбатъ, а хоть и на Тверскую».

Стояла морозная погода. Дѣти Шмуля рѣже стали выбѣгать во дворъ и на улицу и скучали взаперти. Онъ справилъ имъ теплыя шапки, рукавицы и калоши. Рѣзвый сынишка спускался разъ въ новыхъ калошахъ по крутой обледенѣлой лѣстницѣ, поскользнулся и со второго этажа скатился по ступенькамъ внизъ.

— Тàту, тàту!—закричала Рѝвка, вбѣгая къ отцу:—тамъ Іоська упалъ, лежитъ и не дышитъ.

Шмуль бросился къ сыну, поднялъ его: мальчикъ былъ какъ мертвый. Онъ внесъ его въ комнату, тёръ ему виски, брызгалъ въ лицо водой,—Іоська лежалъ бездыханный.

«Умеръ! а не умеръ, непремѣнно помретъ!» въ ужасѣ думалъ Шмуль, прислушиваясь къ чуть слышному дыханію сына и вглядываясь въ его безжизненное рябое личико. Сбѣжались сосѣди; были приведены знахари и знахарки. Но что они ни дѣлали, что ни предпринимали, мальчикъ не приходилъ въ себя. Такъ онъ, въ безсознательномъ со-

стояніи, пролежалъ нѣсколько дней. Въ длинныя, темныя ночи, просиживая, при свѣтѣ ночника, надъ сыномъ, Шмуль безнадежно ломалъ надъ нимъ руки, билъ себя въ грудь, или, по обычаю единоплеменниковъ, босой, въ разорванномъ бѣльѣ, забивался въ уголъ, посыпалъ себѣ голову золой и, тихо всхлипывая, повторялъ: «Богъ Исаака и Іакова! опять Ты отвернулся отъ меня, жестокій, опять караешь и казнишь неповиннаго! за что, вай-миръ, за что?»

Вьюга гудѣла на дворѣ, снѣгъ ледяными ворохами билъ въ окна. Ночникъ догоралъ, а Шмуль до утра не смыкалъ глазъ, не отходилъ отъ сына. Въ одну изъ такихъ ночей, измученный долгою безсонницей, онъ забылся короткою дремотой и вдругъ, точно ударилъ его кто-нибудь по головѣ, очнулся. Впотьмахъ надъ нимъ прозвучало странное слово. Онъ явственно разобралъ чей-то тихій, но властный голосъ: «Крестись!» Думая, что это ему приснилось, онъ закрылъ глаза; но опять услышалъ: «Хочешь спасти дитя, крестись!» Вскочивъ съ полсти, на которой онъ прилегъ у кровати сына, Шмуль оправилъ потухшій ночникъ, осмотрѣлся кругомъ. Въ комнатѣ, кромѣ дѣтей, не было никого. Рѣвка мирно спала на лежанкѣ, въ одномъ углу комнаты; въ другомъ, поцелуемому, какъ мертвый, лежалъ неподвижно Іоська. Шмуль отошелъ къ окну, вперилъ глаза въ надворье, гдѣ, злобно кружась, гудѣла вьюга, и задумался.

— Крестись! — громче раздался за его плечами тотъ же голосъ.

Ужасъ охватилъ Шмуля.

«Да для чего же?—сказалъ онъ себѣ:—чѣмъ одна вѣра выше другой? сына моего, мертваго Іоську, не спасти теперь никому!» Шмуль оглянулся и замеръ. У кровати сына стояло что-то бѣлое. На слабыхъ, худыхъ ножкахъ, кто-то, шатаясь, шелъ къ нему, протянувъ руки. Портной бросился къ призраку: то былъ его очнувшійся Іоська. Весь домъ утромъ сбѣжался на радостные крики Шмуля, дивясь на мальчика, который столько времени былъ какъ мертвый и ожилъ.

— Это по вѣрѣ моей, по вѣрѣ отцовъ!—всѣмъ твердилъ и объяснялъ Шмуль:—Богъ израиля, владыко нашъ, явилъ мнѣ такую милость!

Въ несказанномъ счастьѣ отъ спасенія сына, Шмуль сталъ обдумывать, чѣмъ бы ознаменовать эту радость, и рѣшилъ пожертвовать въ синагогу цѣнную пелену на свитки свя-

щенныхъ книгъ Торы. Справившись, однако, о ея стоимости, онъ остановился съ исполненіемъ жертвы. «Дорого, не по карману! — разсуждалъ онъ, вспомнивъ жену: — будь жива Сурра, купилъ бы одну матерію, а она вышила бы; теперь лучше пожертвую коврикъ къ каѳедрѣ,—это будетъ дешевле... Да и коврикъ не подождать ли, пока болѣе соберусь со средствами? Вѣдь тоже не мало обойдется; дешевый неприлично, да и не примутъ. Къ тому же времени и Іоська подрастетъ, станетъ учиться грамотѣ; введу его въ синагогу, да кстати постелю тамъ, при всѣхъ, и коверъ»...

Мысли о возвращенномъ къ жизни сынѣ не выходили изъ головы Шмуля. Онъ думалъ объ его будущности, воображалъ его себѣ красивымъ, стройнымъ отрокомъ, потомъ разумнымъ юношей, на выучкѣ въ хедерѣ, у первыхъ по знаніямъ мелàмдовъ. Іоська давно вытвердилъ по Сидеру всѣ молитвы, прошелъ Хумешъ (Пятикнижіе) и изучаетъ Мѝшну и Талмудъ. На степеннаго острослова-ученика заглядываются въ синагогѣ первые еврейскіе тузы. Его черныя кудри вьются до плечъ, какъ у Авессалома; рябины на лицѣ съ годами исчезли, а уменъ и находчивъ онъ, какъ его соименникъ, прекрасный Іосифъ, и стихи пишетъ, какъ Давидъ. Наука кончена, Іоська поступилъ въ банкирскую контору, да какія дѣла дѣлаетъ! — Вотъ, изъ тщедушнаго и жалкаго мальчика выйдетъ если не самъ реббе Ротшильдъ или реббе Монтефіоре, то по крайней мѣрѣ баронъ Френкель.

Прошло еще нѣкоторое время. Шмуль выгодно купилъ, по случаю, мягкой мебели, горшковъ съ цвѣтами, ситцевыя занавѣски на окна.

У какого-то закладчика, также случайно и выгодно, онъ купилъ къ дивану и красивый коверъ. Совѣсть шевельнулась у него.

«Какъ же это?—мыслилъ онъ:—я положу коверъ у себя, а обѣщалъ на синагогу?—Ничего!—утѣшалъ онъ себя:—я обѣщалъ новый, а это подержанный, для синагоги не идетъ».

Жилье Шмуля совсѣмъ перестало походить на скудный уголъ убогаго поденщика. Фарфоровая посуда красовалась за стекломъ на горкѣ, по стѣнамъ были развѣшаны хромолитографіи, на столѣ передъ диваномъ стояла лампа. Одно смущало его: по комнатамъ ходилъ все тотъ же лохматый и кривоногій, съ закорюченнымъ облѣзлымъ хвостомъ, Ша-

рикъ. Собака съ нѣкотораго времени такъ опротивѣла Шмулю, что онъ сталъ забывать объ ея пищѣ, а когда дѣти кормили ее, ворчалъ и гналъ ее отъ себя. «Надо сбыть эту уродину!—думалъ портной, глядя на Шарика, умильно ластившагося къ нему, — у полковницы Ульяновой отличные бѣлые пуделя, ходятъ наполовину стриженые, задъ безъ шерсти и морда простижена, такъ что торчатъ только усы да брови, а на шеѣ голубые банты; непремѣнно выпрошу у нея щенка, а этого хоть отдать прохвостамъ, на живодерню,—одно жаль, покойница Сурра выкормила его. Отвелъ бы на толкучку, подъ Сухареву,—да кто купитъ?»

Рѣшеніе сбыть Шарика такъ засѣло въ голову Шмуля, что онъ безъ досады уже не могъ видѣть его, а когда тотъ при встрѣчѣ бросался по привычкѣ къ нему, онъ даже угощалъ его пинками.

«Вотъ чортовъ песъ,—отмахиваясь, думалъ Шмуль,—лѣзетъ на грудь, выпачкалъ всего грязными лапищами и не думаетъ, гдѣ вскорѣ очутится».

Спивъ на собаку ошейникъ, портной выбралъ бечевку и повелъ Шарика на рынокъ; но собака, всегда охотно слѣдовавшая за портнымъ, тутъ вдругъ почему-то запрыгала, вмѣсто четырехъ, на трехъ ногахъ, поджавъ одну изъ заднихъ,—можетъ быть, вслѣдствіе примерзшаго къ ней комка снѣга.

«Нѣтъ, подожду, — подумалъ Шмуль, — пусть выходится, еще забракуютъ хромую».

Судьба Шарика была отсрочена.

Былъ холодный и темный вечеръ въ концѣ зимы. Порывистый вѣтеръ раскачивалъ безлистыя, обледенѣлыя деревья сзади дома, въ которомъ была квартира портного. Жильцы двухъ нижнихъ этажей этого дома давно погасили огни и спали. Дѣти Шмуля, набѣгавшись на дворѣ, также уже улеглись. Спали въ сосѣдней комнатѣ мезонина, побывавъ съ вечера въ банѣ, и оба подмастерья. Шмуль, пока было свѣтло, наскоро выутюжилъ конченную чью-то пару платья и тоже улегся, сердясь на кухарку нижнихъ жильцовъ, которая съ обѣда куда-то отлучилась и во-время не поставила вечерняго самовара, и когда внесла его, онъ такъ сильно дымилъ, что вообще покладистый нравомъ Шмуль раскричался и велѣлъ вынести его на лѣстницу за дверь. Подмастерья, послѣ обычной еженедѣльной бани, показались

ему тоже подозрительными: смѣялись громко, отвѣчали, точно хмельные, невпопадъ, а ложась спать, такъ долго возились за тонкою дощатою стѣной, что Шмуль не выдержалъ и крикнулъ:

— Цыцъ! шарлатаны! пьяницы! Откуда взяли денегъ, надрызгались? Я васъ!

Наморившись за день на ходьбѣ по заказчикамъ и на работѣ, портной вскорѣ заснулъ. Холодный вѣтеръ продолжалъ еще шумѣть на дворѣ, раскачивая деревья; зато въ комнатѣ было такъ уютно и тепло. Къ полночи вѣтеръ замолкъ. Кругомъ настала тишина. Слышно было въ комнатѣ, гдѣ-то въ углу, только позвякиванье сверчка, да Шарикъ, переходя отъ жарко натопленной печи на болѣе прохладную средину комнаты и опять возвращаясь къ печи, то мирно дремалъ, то вдругъ поднималъ голову и тревожно, съ просонья, навострялъ уши, точно обнюхивалъ темный воздухъ.

Шмулю приснился дивный и радостный сонъ. Онъ увидѣлъ себя вдругъ въ раззолоченной какой-то комнатѣ, въ компаніи пышныхъ богачей. На каждомъ были дорогія платья и каждый съ похвалой говорилъ, что это работа Шмуля. Среди хваливщихъ и славившихъ его богачей, портной разглядѣлъ и своего Іоську; но это уже былъ не Іоська и даже не Іосель, а гордый, съ крупными брильянтами на манишкѣ и на перстняхъ, милліонеръ-банкиръ, баронъ Іосифъ Шмуленштейнъ. Всѣ были веселы и шумны, пили дорогія вина и играли въ карты по большой. Одно обстоятельство нѣсколько безпокоило Шмуля, а именно, не совсѣмъ чистый и пріятный воздухъ въ раззолоченной палатѣ. Пахло какъ бы дымомъ или гарью. «Треклятая стряпуха забыла, значитъ, на лѣстницѣ самоваръ!»—подумалъ Шмуль и самъ невольно улыбнулся во снѣ этой неподходящей мысли.— «Какая глупость!—рѣшилъ онъ, сладко потягиваясь на кровати: — ну, можетъ ли стряпуха Мавра даже попасть въ такой домъ?»

Ѣдкая гарь, однако, усиливалась. Кто-то простоналъ у изголовья портного, кто-то тронулъ его чѣмъ-то теплымъ за руку, потомъ за лицо. «Тьфу! не Шарикъ ли вздумалъ ластиться? — пришло въ голову Шмуля: — и зачѣмъ я этого аспида оставилъ тутъ, не прогналъ на морозъ?» Портной очнулся. На дворѣ была еще ночь, но въ комнатѣ что-то свѣтилось, Шмуль протеръ глаза. У кровати, странно визжа,

дѣйствительно метался Шарикъ. Портной уже собирался вытолкать его за дверь, но остановился. Комната наполовину была полна дымомъ. Очевидно, горѣло гдѣ-то невдали, чуть ли даже не здѣсь, на антресоляхъ. Сквозь щели притворенной двери изъ коридора мерцалъ огонь. Шмуль вскочилъ, отворилъ дверь и вскрикнулъ. Коридоръ былъ полонъ дыма. Онъ поспѣшилъ къ лѣстницѣ. Пламя хлынуло ему навстрѣчу. Огненные языки вились надъ выходомъ и уже касались перегородки, за которою спали подмастерья. Портной бросился къ дѣтямъ, подхватилъ ихъ сонныхъ на руки и, прикрывъ одѣяломъ, побѣжалъ сквозь удушливый дымъ къ выходу и замеръ въ ужасѣ. Путь на лѣстницу былъ уже преграждень. Портной распахнулъ выходную дверь... Лѣстница сверху до низу пылала. Шарикъ съ визгомъ скользнулъ мимо Шмуля и стремглавъ кинулся по ступенямъ въ это пламя.

«Боже Господи! Богъ Единый! — въ смертномъ страхѣ мыслилъ портной, кинувшись обратно въ комнату и запирая за собой дверь въ коридоръ, — лѣстница въ огнѣ, другого выхода нѣтъ, а дымъ и пламя увеличиваются, скоро вспыхнетъ и это послѣднее убѣжище. Что дѣлать? Что предпринять?»

Спустивъ на полъ испуганныхъ огнемъ, кричавшихъ и хватавшихся за него дѣтей, Шмуль подошелъ къ окну. Во дворѣ было тихо. Жильцы нижнихъ этажей, очевидно, еще спали, не зная, какая бѣда грозила имъ. Портной выбилъ стекла въ окнахъ, выломалъ рамы, высунулся наружу и сталъ кричать:

— Пожаръ! вай-миръ! гевалтъ! спасайтесь! горимъ!

Отклика не было. Шмуль еще громче повторилъ крики. Въ переулкѣ замелькали тѣни. Кто-то оттуда сталъ ломиться въ запертыя ворота. Верхній этажъ дома, между тѣмъ, разгорался, застилая дворъ дымомъ и освѣщая краснымъ отблескомъ остатки сложенныхъ возлѣ дома дровъ.

«Сгоримъ, сгоримъ, какъ солома! — съ содроганіемъ думалъ портной,—а чѣмъ спасти хоть бы дѣтей?» Онъ упалъ ницъ и сталъ горячо молиться. «Спаси Израиля, Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Богъ Единый, помилуй и помоги!.. Не меня, спаси хоть малыхъ дѣтей...» Шмулю вспомнилось, что онъ обѣщалъ жертву на синагогу и не выполнилъ ея. «Не только коверъ, пелену куплю и внесу!—

шепталъ онъ трясущимися отъ страха губами: — все прозакладую, отдамъ... все!» — И онъ бросился къ кроватямъ, сорвалъ съ нихъ простыни и одѣяла, связалъ ихъ въ длинный канатъ и сталъ концомъ его обматывать плачущую дочку. «Она легче, не оборвется и крѣпче стянетъ узлы!— думалъ онъ,—за нею спущу и сына».

— Не плачь, Ривка!—говорилъ онъ дочери:—спасу тебя въ окошко, не бойся, видишь, на этихъ связкахъ, а ты, какъ только станешь на-земь, развязывайся скорѣй.

Дымъ врывался въ комнату болѣе и болѣе; въ ней становилось трудно дышать. Огонь, треща за дверью, охватилъ, очевидно, весь коридоръ. Надъ притолкомъ коридорной двери уже мелькали огненныя змѣйки. Портной быстро спустилъ изъ окна дѣвочку, вздернулъ канатъ обратно и сталъ обвязывать имъ сына. Ворота во дворъ растворились. Подъ окнами, въ дыму, который валилъ уже изъ остальныхъ этажей, двигались люди. Нижніе жильцы проснулись, выбрасывая въ окна, впопыхахъ, разную рухлядь.

— Помогите, держите!—закричалъ Шмуль, бережно спуская изъ окна сына.

Снизу увидѣли его, отстраняясь отъ дыма, протянули руки и приняли Іоську, но при этомъ такъ потянули канатъ, что портной не удержалъ его и выронилъ изъ рукъ.

Шмуль обмеръ въ ужасѣ. Онъ понялъ, что спасенія ему болѣе нѣтъ. Онъ долженъ былъ неминуемо сгорѣть. Удушливый, жгучій дымъ, захватывая дыханіе, летѣлъ къ открытымъ окнамъ, вырываясь сквозь нихъ багрово-темными клубами. Портной высунулся на мгновенье въ окно, взглянулъ внизъ и увидѣлъ, что броситься туда съ трехсаженной высоты—значило разбиться вдребезги. Онъ схватилъ коверъ, набросилъ его на голову и безпомощно припалъ въ уголъ подъ окномъ.

«Здѣсь постигнетъ меня послѣдняя участь,—думалъ онъ, замирая, — хлынетъ пламя, вспыхнетъ одежда, задохнусь, сгорю...» Ему вспомнился въ этотъ мигъ Шарикъ. «Бѣдный, вѣрный песъ! — сказалъ онъ себѣ: — я гналъ его, хотѣлъ сбыть, а онъ-то и разбудилъ меня, сохранилъ жизнь дѣтямъ и самъ, какъ бы показывая путь, бросился въ огонь...»

Страшныя секунды летѣли. Шумъ и гулъ пожара увеличивались. Пылавшая коридорная дверь съ трескомъ рухнула.

Портной невольно выглянулъ изъ-подъ ковра и обмеръ. Ярко-освѣщенная комната была въ огнѣ; горѣла мебель и занавѣски оконъ. Шмуль сбросилъ съ себя коверъ... Внезапная мысль охватила его.

«Богъ Израиля не далъ мнѣ всей помощи, отвернулся отъ меня!—подумалъ онъ,—неужели же точно есть другой Богъ, милостивѣе и сильнѣе? И неужели оттого только, что я зашелъ въ Его свѣтлый храмъ, вся жизнь моя стала лучше? И я не понялъ Его зова, остался глухъ къ нему... Лучше сразу разбиться, чѣмъ медленно сгорѣть...»

Шмуль вскочилъ на подоконникъ, уцѣпился за него, свѣсилъ ноги наружу и на мгновеніе помедлилъ. Клубы дыма душили его; волосы на головѣ и бородѣ затрещали. Шмуль закрылъ глаза, поднялъ руку и, мысля: «Богъ христіанскій! Іисусъ, спаси меня, бѣднаго!» — осѣнилъ себя крестомъ и бросился изъ окна...

Черезъ недѣлю въ церкви близъ Садовой полковница Ульянова принимала отъ купели новаго христіанина. То былъ портной Айзикъ Шмуль. Въ бѣлой, длинной рубахѣ, съ розовою лентой вмѣсто пояса, онъ принялъ крещеніе не одинъ, а съ дѣтьми. Сіяющій и радостный стоялъ онъ во время обряда, слушая молитвы и думая: «Нѣтъ, не простой случай, не выкинутая изъ нижняго жилья чья-то перина, какъ увѣряли тогда, спасла меня. Едва я сорвался и бросился въ темную, страшную пропасть, точно нѣкія, огненно-голубыя крылья подхватили меня, и на нихъ-то я бережно спустился и невредимъ сталъ на ноги... Святъ Господь Іисусъ Христосъ! И нѣтъ выше, радостнѣе вѣры въ Него!»

А у воротъ новой квартиры портного, въ домѣ его крестной, Ульяновой, въ обществѣ бѣлыхъ пуделей хозяйки, сидѣлъ на заднихъ лапахъ, съ виляющимъ хвостомъ, уцѣлѣвшій на пожарѣ Шарикъ. Онъ не былъ выстриженъ, такъ какъ изъ огня выскочилъ совершенно безъ шерсти; но зато былъ чисто вымытъ и въ голубомъ ошейникѣ, какъ и пуделя, поглядывалъ на улицу съ такимъ спокойствіемъ, какъ бы ничего особаго съ нимъ и не было.

1890 г.

ДѢВОЧКА.

(ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЯ ОБЪ ОДНОЙ ПТАШКѢ.)

Его высокородіе господинъ полицеймейстеръ Сантуринъ вѣнчался съ туземною барышней. Розами устилался путь новобрачныхъ. Будочники стояли въ новыхъ мундирахъ и съ нафабренными усами. Зивитые и распомаженные щеголи выскакивали изъ зала перваго губернскаго парикмахера, мосье Исидора, что на Московской улицѣ (въ какомъ городѣ ихъ у насъ нѣтъ!), и уносились, — кто въ церковь, а кто домой, въ ожиданіи вечера.

Непомѣрно скверенъ былъ только день, мрачно противорѣчившій восторженному настроенію гражданскихъ сердецъ.

Въ ту минуту, какъ среди смолкнувшаго городского шума и горячечной суеты купцовъ, готовившихъ иллюминацію, кончилась брачная церемонія и счастливый *молодой*, носившій въ одномъ ухѣ вату, а въ другомъ волокна морского каната, протянулъ свои губы къ розовымъ губкамъ сочетавшейся съ нимъ барышни,—въ отдаленнѣйшемъ изъ закоулковъ города къ небольшому домику подкатила коляска, вся перепачканная грязью. Въ коляскѣ былъ губернскій землемѣръ вообще и краснорѣчивый Жюль Фавръ въ особенности, Щуковичъ, перезябшій до-нельзя подъ октябрьскимъ туманомъ и голодный отъ неустаннаго сидѣнія за планами безконечнаго, тщетнаго полюбовнаго размежеванія туземныхъ аборигеновъ. Онъ радъ былъ, что пара сѣрыхъ рысаковъ наконецъ примчала его къ домашнему порогу, и,

вбѣжавъ въ переднюю, крикнулъ: «обѣдать!» Пятый слуга его, Михайло, вмѣсто отвѣта, упалъ ему въ ноги...

— Это что такое? Что за китайскія церемоніи?

— Такъ и такъ, ваше высокоблагородіе, смилуйтесь! Защитите и спасите сироту безродную; не оставьте моей племянницы...

— Да что ты за чепуху несешь? Денегъ тебѣ, что ли, на вышивку нужно? Говори прямо!

Михайло опять въ ноги.

— Нѣтъ, не денегъ, а вотъ какая притча...—Съ этими словами онъ выдернулъ за руку изъ своей конурки дѣвочку лѣтъ четырнадцати-пятнадцати, въ платочкѣ на головѣ, съ красными и отъ слезъ припухшими глазами.

— Это-съ моя племянница,—началъ Михайло, всхлипывая: — мы одной деревни; я по паспорту, извѣстно вашей милости, а она въ бѣлошвейной, въ обученіи, у парижмахера Исидора, на Московской, при магазинѣ отдана. Уже второй годъ она у него... Только французъ этотъ — пріударилъ за ней... Ну, извѣстное дѣло, дитя... Что-же-съ? Убивалась она, плакала, плакала,—сбѣжать хотѣла... А вчерась онъ, окаянный, съ ночи опоилъ ее чѣмъ-то, или такъ задобрилъ,— задарилъ, выходитъ, что ли, лакомствами всякими,—заперъ ее подъ видомъ ареста за лѣность... Ну, а нынче вотъ прибѣжала ко мнѣ... Что ужъ тутъ!.. Какъ его земля носитъ, окаяннаго!..- продолжалъ Михайло, уже громко рыдая и произнося каждое слово съ усиліемъ.

— Вотъ что! — повторялъ про себя Щуковичъ, качая головою, и спросилъ дѣвочку:—Какъ тебя зовутъ.

— Фрося...

— Правда ли все это, что говоритъ твой дядя?

Слезы закапали изъ глазъ дѣвочки... Круглыя, побѣлѣвшія отъ страха и отчаянія, полныя губки вздрогнули. Посинѣлое, маленькое личико отклонилось въ сторону. Она стала перебирать конецъ косынки...

— Говори же, не бойся! Правда это?

Дѣвочка опять смолчала. Наконецъ, послѣ долгихъ приставаній Щуковича и Михайлы, чуть слышно отвѣтила:

— Правда...

Кровь кинулась въ голову Щуковича. Онъ былъ грозою мѣстныхъ Донъ-Жуановъ и казнокрадовъ, и тщетно три губернатора сряду, правившіе губерніею, старались сбыть его

съ рукъ. Его спасало собственное начальство. Онъ представлялъ зародышъ тѣхъ адвокатовъ, которымъ суждено, вѣроятно, вскорѣ начать новую эпоху въ русскомъ судопроизводствѣ. Онъ могъ ясно, почти осязательно излагать самыя запутанныя дѣла, онъ уже прославился рѣшеніемъ нѣсколькихъ давнишнихъ процессовъ, ежегодно загромождавшихъ мѣстныя присутствія грудами бумагъ, и губернія кричала о немъ. Со всѣмъ увлеченіемъ пылкаго юриста, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, Щуковичъ бросался на каждое дѣло и велъ его побѣдоносно до конца. Ничѣмъ не пренебрегалъ онъ. Богачи осыпали его за рѣшеніе своихъ тяжбъ огромною платой, подарками каменныхъ домовъ, рысистыхъ лошадей, экипажей и просто золотомъ; съ бѣдняковъ онъ не бралъ ничего. Разводя въ свободное время садъ при маленькомъ домикѣ, въ концѣ города, гдѣ жилъ онъ самъ, Щуковичъ, кромѣ того, страстно слѣдилъ за родною литературой, втихомолку пописывалъ стишки, любилъ декламацію и, читая много медицинскихъ сочиненій, занимался даромъ врачебною практикой. Множество бѣдныхъ людей ходили къ нему совѣтоваться, и онъ всѣмъ помогалъ, а сосѣднія мѣщанки, вдовы-солдатки и хуторяне подгородныхъ селъ считали его отцомъ, за нѣсколько счастливыхъ и дѣйствительно поразительныхъ опытовъ лѣченія самоучкой. Вотъ этотъ-то господинъ крикнулъ: «лошадей не отпрягать!» Посадилъ съ собою въ коляску Михайлу и дѣвочку и полетѣлъ искать суда на обидчика-француза. Никогда еще задоръ такъ не овладѣвалъ Щуковичемъ, какъ теперь. Не обращая вниманія на то, что было уже четыре часа пополудни и что голодъ давно уже его мучилъ, онъ хотѣлъ разомъ накрыть преступника, и, разумѣется, въ голову ему не приходило, чтобы тутъ не одержалъ побѣды *онъ*, одержавшій столько побѣдъ въ мірѣ юридическомъ.

Коляска подлетѣла къ дому младшаго полицеймейстера. Какъ угорѣлый, влетѣлъ Щуковичъ въ переднюю и въ пріемную.

— Павелъ Николаевичъ! Нужны ваши быстрыя и неотразимыя мѣры! Вы у меня въ долгу: помогите! Дѣло вопіющее. Я привезъ дѣвочку, одну дѣвочку здѣшнюю. Такъ и такъ...

Младшій полицеймейстеръ, въ ожиданіи вечера у своего главы отдыхавшій послѣ жирнаго обѣда у какого-то купца

и разбуженный собственно для Щуковича. выслушалъ его съ измятымъ лицомъ, зѣвнулъ, подошелъ къ зеркалу, взглянулъ на свой языкъ и, гладя бакены отъ ушей къ носу, отвѣтилъ:

— Охъ, ужъ вы мнѣ, адвокаты! Не оберется отъ васъ Россія хлопотъ! Оно, дѣйствительно, — этотъ Исидоръ извѣстный пакостникъ и негодяй! Да что же дѣлать съ нимъ, хоть бы и мнѣ? Не далѣе, какъ вчера, губернаторъ велѣлъ мнѣ подать въ отставку... ну, я и подалъ! Оно, разумѣется, я еще не уволенъ... Да кто же поручится, что мой преемникъ не соблазнится на благодарность со стороны обвиняемаго и не повернетъ слѣдствія въ его сторону? Вѣдь дѣло уголовное, тутъ пахнетъ острогомъ,—и французъ ничего не пожалѣетъ... Знаю я его!.. А кто-съ началъ слѣдствіе-съ? А? Кто началъ? Я-съ, Павелъ Николаевъ, сынъ Трощенко! Ну, и упекутъ меня же подъ судъ... Не могу, никакъ не могу принять вашего дѣла,—извините.

— Къ кому же мнѣ обратиться?!

— Коли такой уже задоръ напалъ тягаться съ французомъ, поѣзжайте къ частному приставу. А еще лучше, оставьте... Оставьте это безъ вниманія! Мало ли этихъ дѣвчонокъ шляется по городу, и все съ такими же жалобами. На всякое чиханіе не наздравствуешься! Бросьте! Это мой благой совѣтъ!..

Поѣхалъ Щуковичъ къ частному. Везетъ опять лакея, везетъ и дѣвочку. Уже пять часовъ вечера... Частнаго пристава застаетъ онъ за бумагами, мрачнаго и небритаго... Это былъ дикій, зелено-блѣдный, темный, грязный и несообщительный человѣкъ. Онъ всегда смотрѣлъ внизъ, взятки бралъ, не глядя и молча, и колотилъ будочниковъ собственноручно и также въ полномъ безмолвіи.

— Максимъ Иванычъ!—началъ опять Щуковичъ:—такъ и такъ, окажите содѣйствіе. Надо наказать одного негодяя... Исидора! Ей-Богу, надо! Я привезъ дѣвочку, вотъ она! Такъ и такъ!..

Вмѣсто всякаго замѣчанія, приставъ обратился къ писарю:

— Степанъ! дѣло мѣщанки Саможаренковой! — Писарь уткнулъ носъ въ уголъ, повозился тамъ и подалъ пыльную связку бумагъ.

— Вотъ, вотъ, видите? А?! Это дѣло-съ того-же-съ самаго Исидора. Такихъ дѣлъ его у насъ же восемь другихъ...

Ну? И вы думаете выиграть свое?.. Отложите попеченіе. Лбомъ стѣны не прошибешь! Такъ-то-съ!

И приставъ началъ опять писать.

— Да я однако же прошу васъ начать слѣдствіе...

— Дудки!.. Вы думаете, что вы на своемъ вѣку кончите это дѣло? Повторяю: у этого Исидора таковыхъ наберется восемь уже, и все у бестіи насчетъ седьмой заповѣди... Дѣла эти, разумѣется, идутъ своимъ махомъ, а онъ живетъ въ свое удовольствіе! И какъ живетъ, мы и сами не знаемъ... Отписывается, должно быть, ловко — и все тутъ!

— Это срамъ! У васъ нѣтъ совѣсти, господа, я вижу! Такое вопіющее беззаконіе, и нѣтъ ему расправы... Я васъ прошу, требую...

Приставъ понюхалъ табаку, потеръ лобъ и вдругъ, оборотясь всѣмъ тѣломъ къ Щуковичу, отвѣтилъ:

— Милостивый государь, увольте! У меня жена и дѣти... Увольте меня, ради Бога, увольте! У васъ связи и знакомства; вы же и законы хорошо знаете! А у меня дѣлъ гибель... Куда намъ? Избавьте, обратитесь лучше къ младшему полицеймейстеру...

— Да я у него сейчасъ былъ; онъ къ вамъ меня направилъ. Его отставляютъ...

— Ну, и меня отставляютъ! Я и забылъ вамъ передать,—даже съ радостью поспѣшилъ подхватить приставъ:— я также подалъ уже въ отставку, коли хотите знать! Не приму такого дѣла къ слѣдствію. Не могу...

«Какъ тутъ быть?»—думалъ Щуковичъ, выходя отъ пристава:—одинъ отказывается, другой отказывается! Къ кому же ѣхать? Къ старшему полицеймейстеру? Но онъ теперь на верху счастія, какъ индійскій набобъ, и до горя ли ближняго ему теперь? Женится, жена его станетъ составлять аллегри и всякія лотереи въ пользу бѣдныхъ. Увидитъ ли она, услышитъ ли хоть разъ истинно-бѣднаго и страждущаго? И что такое моя дѣвочка? Соблазненная служанка! Романъ съ горничной! Эка невидаль! Да и мало ли ихъ въ самомъ дѣлѣ! Ируйте, ваше высокоблагородіе! Все въ городѣ обстоитъ благополучно: и права, и обычаи страны, и честь, и совѣсть, и имущество гражданъ...

— Куда прикажете ѣхать?—спросилъ кучеръ, летя безъ цѣли по мостовой.

— Къ Безходанцеву...

Лошади понеслись опять. На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло...

Безходанцевъ былъ прежде полковникъ изъ гвардейцевъ. Въ свѣтѣ щеголь и дамскій угодникъ, онъ отличался отмѣнною чистоплотностью; въ дѣлахъ былъ сухъ и кратокъ, стригся подъ гребенку, носилъ изящные бѣлокурые усики, запускалъ длинные розовые ногти, душился тонкими духами и тайкомъ дома пѣлъ итальянскія аріи, вѣроятно, въ память своей гвардейской молодости. Его вообще любили, но какъ-то нехотя, скупо и пугливо. Самая исторія въ полку, по которой онъ перешелъ изъ гвардіи въ провинцію, впрочемъ, не набросила на него особенной тѣни. Онъ любилъ книги и стоялъ за молодое поколѣніе. Тѣмъ не менѣе, собственный его казачекъ трепеталъ его, какъ огня... Щуковичъ засталъ его послѣ обѣда, за роялемъ. Казачекъ сейчасъ его ввелъ. Красивый полковникъ принялъ его безъ эполетъ, извинился, далъ ему сигару и, видя волненіе своего знакомца и гостя, попросилъ его говорить откровенно. Не забылъ опять Щуковичъ и «человѣколюбія», и «воплія поруганной невинности», и «надежа скорбящей добродѣтели», и множества другихъ, трогательныхъ и размягчающихъ душу, выраженій. Щуковичъ кончилъ. Чувствительный полковникъ тотчасъ взялъ перо, провелъ имъ по своимъ щегольскимъ усамъ, помолчалъ, взглянулъ на свои розовые ногти и сталъ писать. Это было письмо къ младшему полицеймейстеру, письмо, — надо отдать ему справедливость,—такого ѣдкаго содержанія, что когда Щуковичъ опять заѣхалъ къ младшему полицеймейстеру, этотъ послѣдній утеръ лобъ, мгновенно орошенный холоднымъ потомъ, и помѣтилъ прошеніе Щуковича словами: «Такого-то года и числа: принять къ слѣдствію».

«Ну, слава Богу!» — думалъ Щуковичъ и поѣхалъ съ помѣченной бумагой въ канцелярію городской полиціи.

— Это, впрочемъ, очень любопытно, если *мнѣ*, губернскому пресловутому адвокату, не удалось до этого часа начать этого дѣла, то каково же было бы начать его самой этой дѣвочкѣ?

Онъ вошелъ въ душную и темную канцелярію. Груды ежечасно растущихъ бумагъ требовали отъ жрецовъ ихъ и вечерняго присутствія. Канцеляристы хорошо знали Щуковича; любовались ежедневно его рысаками, передавали другъ другу его юридическія побѣды, встрѣчали его съ поклонами, съ улыбками, и вообще смотрѣли на него дружески.

— Какъ? и вы здѣсь? — спросилъ его одинъ изъ столоначальниковъ, добивавшійся со всѣми быть за панибрата: — и вы въ насъ, грѣшныхъ, имѣете нужду?

— Да, здѣсь! Что же дѣлать!

— А что у васъ за дѣльце? Должокъ, чай, на комъ-нибудь, или свидѣтельство какое отъ полиціи нужно?

— Нѣтъ, а вотъ что-съ...

И Щуковичъ разсказалъ снова свое дѣло. Бумага его, съ помѣткой младшаго полицеймейстера, прочтена.

Канцеляристы окружили адвоката и его сопутниковъ.

— Господа, я васъ прошу скорѣе начать это дѣло...

— Да что же вы торопитесь? Не хотите ли посидѣть? Вотъ папироска: не угодно ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, избавьте; я еще не обѣдалъ! Начинайте слѣдствіе, и съ Богомъ...

Любезный столоначальникъ пожалъ плечами.

— Вы торопитесь непремѣнно? — сказалъ онъ: — не понимаю! А, впрочемъ... Дневальный! Позвать сюда Марѳу!

— Кто это Марѳа? — спросилъ Щуковичъ.

— А это одна солдатка! Она у насъ ходокъ по этой части! Вѣдь такихъ дѣлъ у насъ каждый мѣсяцъ гибель...

— Да помилуйте, — перебилъ Щуковичъ: — тутъ нужна врачебная управа, а не солдатка Марѳа!

Столоначальникъ расхохотался во все горло.

— Управа?! Полноте; ну, стоитъ ли созывать для всякой дряни врачебную управу! Мы и такъ обойдемся, полноте...

— Ну, уже нѣтъ, не обойдетесь: взгляните сюда!

Щуковичъ раскрылъ сводъ законовъ, на-скоро перелистовалъ его, указалъ статью, и чиновники, волей-неволей, должны были уступить ему.

Было восемь часовъ вечера, когда Щуковичъ, послѣ первыхъ успѣшныхъ формальностей, поѣхалъ домой. Городъ уже горѣлъ иллюминаціей, экипажи сновали и прыгали по мостовой, а соборная церковь кишѣла свидѣтелями счастливаго событія въ семьѣ главы городской полиціи. Вѣнчаніе совершилось, и гости выходили уже изъ церкви. Хожалые кричали: «карету Мымрина!»—«карету Стовбенко!» и просто:—«Иванъ Васильича ка-рѣ-ту!»

Наконецъ, Щуковичъ сѣлъ за столъ и налилъ тарелку борщу. Тутъ же возлѣ него, на особомъ столикѣ, велѣно

было приготовить обѣдать и виновницѣ поѣздокъ къ центрамъ правосудія.

— Ну, Фрося, много же васъ всѣхъ у француза? — началъ Щуковичъ. Фрося не отвѣчала и не трогала пищи.

— Эка, бѣдная ты, точно горемъ подавилась!—замѣтилъ Михайло.

Щуковичъ не настаивалъ; кончилъ обѣдъ, выслалъ Михайлу и сталъ разспрашивать Фросю о ея житьѣ-бытьѣ у француза. Сперва она отмалчивалась, то тупо глядѣла въ полъ, то вертѣла конецъ стараго головного платка, то вдругъ заливалась самыми горькими, быстрыми слезами и, ломая руки, взглядывала то въ окно, откуда будто ей грозила невидимая рука, то на образъ. Ее больше всего убивала мысль: «Что скажетъ ей и что сдѣлаетъ съ нею мать?»

Щуковичъ побожился, что защититъ ее передъ матерью и у нея, жившей въ сосѣдней губерніи, выпроситъ ей позволеніе воротиться домой въ деревню. «Нѣтъ, не пуститъ меня мать въ деревню! Я уже два года въ обученіи и уже англицкимъ шитьемъ стала шить. Не пуститъ! А еще четыре тоже дѣвочки учатся въ швейной у Исидора! Не пуститъ!» Изъ словъ Фроси оказалось, что подъ видомъ родства Исидоръ помѣстилъ, этажомъ выше себя, надъ магазиномъ своимъ, какую-то француженку, *мамзель Пуссенъ*, и выхлопоталъ ей право держать швейную; что эта швейная содержится на его деньги, а мамзель Пуссенъ только принимаетъ заказы; что въ первыхъ комнатахъ у нея чисто, а во внутреннихъ духота и нечистота; что дѣвочки у нея голодаютъ, а по ночамъ работаютъ на себя, чтобы хоть два раза въ недѣлю на складчину ѣсть мясо; что у нихъ нѣтъ ни бѣлья, ни одѣялъ, ни шубъ; что всѣ спятъ въ-повалку на полу и чередуются зимой, кому спать ближе къ печи, а кому къ двери, откуда иногда надуваетъ на полъ изъ сѣней снѣгу; что мамзель Пуссенъ — старая дѣвка, бьетъ утюжными брусками дѣвочекъ по головѣ до крови и со злости выщипываетъ иногда съ головы имъ волосы, а у одной вырвала въ бѣшенствѣ бровь, за то, что ту всѣ подруги хвалили за хорошенькія соболиныя бровки; что многія бѣлошвейки слѣпнутъ у нея надъ шитьемъ золотомъ; что, наконецъ, «новенькихъ» она всегда ласкаетъ, и какъ только такая явится къ мамзель Пуссенъ, сейчасъ снизу начинаетъ Исидоръ ходить обѣдать, а послѣ пристаетъ къ новенькой съ глупо-

стями, и когда та обратитъ вниманіе на него, то такую всѣ другія дѣвочки долго зовутъ послѣ того француженкой и аристократкой. А взрослымъ и сама мамзель Пуссенъ говоритъ: «На тебя твои родные шлютъ одежду, да я ее продаю; а теперь ты и сама на возрастѣ и можешь себя одѣть!» Ну, и одѣваются онѣ на свой счетъ...

Заварилось дѣло. Начали писать и отписываться.

Щуковичъ лѣзъ изъ кожи, чтобы побѣдить.

Благодѣтели, безъ сомнѣнія, тотчасъ перекинули вѣсточку самому Исидору, что вотъ, молъ, на него поступилъ такой-то и такой-то искъ, и еще не отъ простого какого-нибудь челобитчика, а отъ самого Щуковича. Потерялся-было, не на шутку, съ перваго разу Исидоръ, знавшій таланты Щуковича по слухамъ и бривши лично нѣсколько разъ его благородныя щеки; даже гнусно потерялся, до того, что безъ причины надѣлъ старенькую рыжую шинельку, въ которой впервые явился въ Россію изъ Франціи и которую надѣвалъ только по ночамъ, и въ ней пошелъ ходить по улицамъ. Его просто пришибла нежданная мысль: «Чѣмъ я куплю мосье Щуковича, чѣмъ я куплю его? Его ничѣмъ не купишь! Да!»— думалъ онъ и, дрожа отъ трусости, чувствовалъ уже, какъ его вели по улицѣ русскіе солдаты и какъ за нимъ со скрипомъ замыкались двери губернскаго острога. Поздно онъ воротился въ тотъ же день домой и двое сутокъ лично не принималъ гостей въ своемъ магазинѣ, гдѣ такъ ловко онъ покручивалъ всегда свои бѣлокурые усики, картавя безъ милосердія и встрѣчному и поперечному рапортуя о своихъ маленькихъ любовныхъ интрижкахъ, причемъ, разумѣется, смиренныя личности Фроси и какой-нибудь Маши дерзко замѣнялись фамиліями туземныхъ великосвѣтскихъ барынь и даже барышень. Сильно затосковалъ французъ...

Только черезъ пять дней дѣло его устроилось какъ-то такъ, что печальный Исидоръ неожиданно поднялъ носъ, съ улыбкой появился снова въ магазинѣ и сталъ еще болѣе прежняго развязенъ. Имя Щуковича болѣе не пугало его. Онъ даже самъ затѣялъ дать острастку знаменитому адвокату. Въ видѣ диверсіоннаго отряда былъ для этого посланъ къ нему коммі изъ магазина...

Сидѣлъ Щуковичъ дома вечеромъ и пилъ чай. На порогѣ явился развязный незнакомецъ въ общипанномъ кургузомъ полуфракѣ съ пуговицами въ ладонь величиною и въ желто-

зеленыхъ крокодиловыхъ брюкахъ. Это былъ подмастерье Исидора, ярославскій мѣщанинъ, съ сѣрыми глазами на выкатѣ, съ румяными щеками и съ лошадиными губами, корчившій изъ себя француза, для чего постоянно кричалъ другимъ мальчишкамъ въ магазинѣ: «мальшйкъ, шписи!»— или: «мальшйкъ, мосье папиросъ э-дю-фѣ!»—Войдя къ Щуковичу, офранцуженный Этьенъ, а православный Стенка, бойко тряхнулъ волосами и отрапортовалъ: «Мосье Исидоръ поручили вамъ сказать, что если вы переманиваете изъ швейной ихъ сестры лѣнивыхъ дѣвокъ, то они вамъ и остальныхъ всѣхъ оттуда вышлютъ!» — Щуковичъ вспыхнулъ... «Ахъ ты, мерзавецъ!»—крикнулъ онъ и схватилъ шандалъ, въ намѣреніи пустить имъ въ мнимаго француза Этьена. Но консервативная природа взяла верхъ, и Стенка выскочилъ невредимъ и цѣлъ изъ квартиры Щуковича. Исидоръ, однакоже, не угомонился и, съ безпримѣрною пошлостью, буквально исполнилъ свою угрозу. Какъ-то опять Щуковичъ воротился поздно изъ присутствія; во дворѣ его встрѣтила толпа изъ семи дѣвочекъ, безъ платковъ на головѣ и босикомъ по морозу. Всѣ дрожали и, заливаясь слезами, объявили, что ихъ прогнали къ нему мамзель Пуссенъ и мосье Исидоръ. Щуковичъ долженъ былъ помѣстить ихъ у себя на хлѣбахъ, пока полиція приметъ свои мѣры.

«Нѣтъ, это уже изъ рукъ вонъ!—подумалъ Щуковичъ,— это превосходитъ всякую степень дерзости! Была-не-была!» И онъ поѣхалъ объясниться къ губернатору, лицу дѣйствительно очень доброму и любившему показать, что онъ самостоятеленъ. Губернаторъ принялъ дѣло къ сердцу. Самъ осмотрѣлъ всѣ бумаги по слѣдствію, гдѣ оказались уже и подчистки, и ложныя показанія. Все дѣло поручено переизслѣдовать губернаторскому адъютанту. Юноша-адъютантъ принялся за дѣло тѣмъ, что цѣлый вечеръ просидѣлъ у Щуковича, выкурилъ пять отличныхъ сигаръ, много говорилъ о злоупотребленіяхъ всякаго рода въ отечествѣ, признался, что не получаетъ никакихъ журналовъ, но что теперь «подпишется непремѣнно!» — («и опять вретъ!» — подумалъ на это Щуковичъ), разсказалъ планъ, по которому думалъ начать слѣдствіе, и кончилъ тѣмъ, что на первомъ же балѣ въ городѣ завертѣлся и забылъ обо всемъ сказанномъ.—А въ дѣлѣ явился новый эпизодъ...

Сидѣлъ какъ-то, снова подъ-вечеръ, Щуковичъ дома и

пилъ чай. Говорятъ ему, что за нимъ присланъ экипажъ отъ госпожи Дымоглотовой.

— Кто это такая Дымоглотова?

— Это по довѣренности матери Фроси!—робко отвѣчаетъ Михайло:—пріѣхала, говорятъ, нарочно изъ своей вотчины и остановилась въ трахтирѣ Венеція...

Поѣхалъ Щуковичъ въ Венецію, мимоходомъ взглянувши, при надѣваніи шубы, за перегородку, въ конурку Михайлы. Фрося, съ тѣмъ же напряженіемъ, молча сидѣла въ углу и шевелила ногой оборку поношеннаго своего, старенькаго платья. Покраснѣвшій кончикъ носа ясно выражалъ, что до нея уже дошелъ слухъ о пріѣздѣ Дымоглотовой и что она хорошо обдумала встрѣчу съ нею.

Въ указанномъ нумерѣ гостиницы Щуковича привѣтствовала довольно суровая и полная барыня, круглая и неповоротливая, какъ кочанъ брюквы, съ короткими руками и въ чепцѣ съ лиловыми лентами. Стоя у стола и судорожно тормоша на груди кашемировый платокъ, она двинулась-было впередъ и остановилась, какъ бы совѣстясь...

— Рекомендую—мужъ мой!—сказала она, сунувши руку въ направленіи къ мужчинѣ средняго роста и заспанной наружности, который тѣмъ временемъ, однако, довольно спокойно мялся у стѣны.—Благодаримъ васъ за хлопоты, что вы приняли на себя труды... такъ сказать... постарались за эту дѣвку!—прибавила пріѣзжая.

— Помилуйте,—подхватилъ Щуковичъ, садясь въ кресло и съ жаромъ обращаясь къ ласковымъ супругамъ:—да это былъ мой долгъ совѣсти, человѣколюбія!—Заспанный мужъ, крутя усы, крякнулъ и подступилъ ближе. Это былъ чистѣйшій образецъ отставного бурбона, съ вздутыми, толстыми губами, точно пчелы ихъ искусали, съ широкимъ краснымъ затылкомъ, прикрытымъ галстукомъ съ пряжкой, и мѣдноцвѣтнымъ, рябоватымъ лицомъ, на щекахъ котораго къ губамъ уздечкой протягивались тоненькіе, рыжеватые бакены.

— Э, милостивый государь! Э, мы вамъ очень-съ благодарны; э, но...—Онъ немного говорилъ въ носъ.

Мужъ и жена приблизились къ столу.

— Что такое?—спросилъ Щуковичъ.

Пріѣзжая госпожа крякнула и судорожно, безъ нужды, стала подтягивать подъ бородою ленты у чепца.

— Э, но,— продолжалъ супругъ:— хоть мы и благодарны вамъ, но просимъ васъ болѣе не вмѣшиваться въ это дѣло!

Ноги у Щуковича дрогнули сами собою.

— Какъ-съ не вмѣшиваться?

— Да такъ же-съ! — замѣтилъ, подступая уже почти въ упоръ и крутя усы, супругъ:— мы думаемъ идти съ французомъ на мировую...

Щуковичъ улыбнулся.

— На мировую? Да развѣ вы съ нимъ ссорились?

Онъ думалъ не на шутку, что его мистифицируютъ.

— Безъ каламбуровъ, безъ каламбуровъ! Па-ажалуйста, прошу васъ!—замѣтилъ еще громче и грознѣе супругъ Дымоглотовъ:—мы пріѣхали, чтобы покончить это дѣло домашними средствами... Понимаете?! Исидоръ—добрый человѣкъ, и его оклеветали... А мы имѣемъ отъ ея матери полную довѣренность во всемъ!..

Щуковичъ былъ разгромленъ. Онъ рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать: смѣяться ли, плакать ли, или, недолго думая, взять да и хлопнуть прямо въ сѣрые, заплывшіе и сонные глаза нецеремоннаго бакенбардиста...

— Да-съ, полную довѣренность! Не хотите ли покурить?— спокойно добавилъ супругъ Дымоглотовъ и отправился набивать себѣ трубку. У жены глаза такъ и бѣгали, а руки попрежнему возились то у чепца, то у кашемировой шали.

— Но бѣдная дѣвочка? — залепеталъ Щуковичъ:— честь ея? Вѣдь это единственное, единственное достояніе этого существа... все, что она только имѣетъ и что можетъ въ будущемъ принести въ наслѣдство своимъ дѣтямъ...

Дымоглотовъ опять, плечомъ впередъ, подступилъ къ нему.

— А не угодно ли вамъ, милостивый государь,—сказалъ онъ шопотомъ и держа кулакъ передъ собою:—убираться съ вашими нѣжностями... Мы-съ люди простые-съ, военная косточка... мы смотримъ на вещи прямо, не умствуя...

Щуковичъ всталъ, хотѣлъ что-то сказать и поклонился.

— Мнѣ точно остается только уйти! — сказалъ онъ съ улыбкой, видя, на какихъ людей напалъ:—успокойтесь! Запищайте, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, Исидора! Не онъ ли и вызвалъ васъ сюда?.. Но знайте, этому дѣлу только два исхода: или дѣвочка останется при своемъ показаніи, и тогда французъ попадетъ въ острогъ; если же она покажетъ, что оболгала его понапрасну и взнесетъ бѣду на

другого... въ послѣднемъ случаѣ ее оставятъ до совершеннолѣтія подъ присмотромъ полиціи, а потомъ сошлютъ... Какъ-то тогда, сударыня, зашевелится у васъ совѣсть?!

Сударыня, однакоже, пребыла въ полномъ молчаніи, и спокойны остались торчавшія на ея головѣ ея лиловыя ленты. А мужъ, куря трубку, просто указалъ Щуковичу двери..

Фрося, между тѣмъ, продолжала жить у дяди за перегородкой, копаясь въ разной рухляди, штопая старое платье, перетирая посуду и изрѣдка порываясь напѣвать подъ носъ разныя пѣсенки. Она уже успокоилась, и свѣженькая улыбка не покидала ея прежде убитаго и запуганнаго лица; синенькіе глазки смотрѣли ласково, а косы тщательно заплетались уже и клались вокругъ головы толстенькимъ вѣночкомъ.

Но не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, Щуковичъ уже не узналъ ея болѣе. По утрамъ прежде онъ училъ ее молитвамъ и простому счету, купилъ ей ситцу на платье и любовался ея дѣтской копотливостью. Тутъ вдругъ она опять усѣлась въ уголъ, надулась, стала рѣдко отвѣчать на всѣ вопросы, перестала заботливо чесаться, болѣе не штопала, выходила уже за ворота, болтала съ прохожими, а одинъ разъ, какъ-то послѣ обѣда, пріодѣлась и безъ спросу куда-то ушла тайкомъ, не возвращалась до поздняго вечера и пришла тихо за перегородку, но уже не съ пустыми руками, а съ узелкомъ орѣховъ и въ полъ-пьяна. Михайло все это видѣлъ. Замѣтилъ и Щуковичъ...

— Михайло! Это что?! Гдѣ Фрося была?—спросилъ онъ.

Михайло злобно покачалъ головой, вытирая стаканы, глянулъ въ сторону перегородки и прошипѣлъ:

— Таскалась тоже въ Венецію!

— Это какъ?

— Сестру мою, а ея, значитъ, мать привезли тоже изъ деревни, съ нарочнымъ...

— Ну?

— Мать-то ее сдуру и выманила отсюда тайкомъ, еще и вчера за ней на извозчикѣ пріѣзжала; значитъ, сбиваютъ, чтобъ отказалась отъ всѣхъ своихъ показаній... Весь вечеръ уговаривала ее, безстыжая корга, сама... свое дѣтище-то, на кухнѣ; говоритъ, даже медомъ потчивали... Ну, и помотнулась, видно, дѣвка! Сама уже и хвастаетъ, что мать-то ей и серьги купила, и въ театръ обѣщала взять...

— Гдѣ она? гдѣ Фрося? — крикнулъ Щуковичъ, идя за перегородку...

Михайло, передъ тѣмъ уходившій на кухню, глянулъ за перегородку, откуда былъ другой выходъ въ коридоръ, и ахнулъ.

— Ишу-съ... Опять, должно быть, ушла туда же, завидѣвши, что вы рано воротились домой; да вѣрно и вовсе убѣжала, такъ какъ и тряпье свое разбросала...

Вошелъ Щуковичъ за перегородку. На тюфякѣ Михайлы лежалъ кусокъ дрянного ситца, а въ платкѣ лежало нѣсколько горстей орѣховъ. Новенькіе козловые, должно быть тоже подаренные, башмаки засунуты были подъ подушку.

— Ахъ, ты, пташка, пташка! И за что себя продала! — крикнулъ Михайло, ударивши себя въ грудь. А Фрося, точно, уже совсѣмъ переселилась въ Венецію. На ней явилось новенькое зеленое съ мушками платье. Въ карманѣ ея завелся полтинникъ, а отъ волосъ стало нести розеткой. По вечерамъ, когда фонари зажигались на главной улицѣ, у воротъ Венеціи, окруженная поварами и конюхами, Фрося садилась на лавочку и, смѣясь и грызя во весь ротъ орѣхи, разсказывала о своемъ житьѣ-бытьѣ у француза, отпускала иногда безсмысленныя, на французскій ладъ, фразы, въ родѣ: «Команъ-ву-порте-ву!» или: «Ке-ле-ма-шеръ, боку-сава!» — и праздная челядь награждала ее взрывами самаго дурацкаго хохота и навязчивыми грубыми ласками.

— Что тутъ, однако, дѣлается?—подумалъ однажды Щуковичъ и рѣшился узнать о ходѣ дѣла у самого губернатора:—здѣсь что-то темно и загадочно! — Онъ поѣхалъ къ губернатору.

Губернаторъ, на первый вопросъ, съ грустною улыбкою подалъ Щуковичу бумагу, принятую имъ отъ Дымоглотовой, слѣдующаго содержанія: «Ваше превосходительство! Извѣстныя всѣмъ благодѣянія ваши несчастнымъ и обижаемымъ страдальцамъ побуждаютъ меня на сей разъ прибѣгнуть къ вамъ. Извѣстный кляузникъ и крючокъ, здѣшній адвокатъ Щуковичъ, вмѣшался въ дѣла дочери довѣрительницы моей, по имени Евфросиніи Александровой Индюковой, замаралъ понапрасну доносомъ бывшаго французскаго, а нынѣ русскаго подданнаго, извѣстнаго здѣшняго парикмахера, Исидора Салэ. — Дѣвочка же эта давно замѣчена нами въ порочномъ и безнравственномъ поведеніи и отдана для испра-

вленія въ швейную при модномъ магазинѣ двоюродной сестры Исидора, мамзель Пуссенъ. Она тамъ лѣнилась, не хотѣла учиться и бѣжала къ этому Щуковичу, гдѣ служитъ ея дядя, Михайло Индюковъ. Тамъ она Щуковичу, а при его содѣйствіи и самой полиціи, дала ложный извѣтъ на Исидора, а нынѣ, при моемъ вразумленіи о пагубѣ своей души, во всемъ чистосердечно раскаялась и созналась на бумагѣ при подписаніи свидѣтелями: отставнымъ квартальнымъ надзирателемъ Бордуновымъ и купеческими сыновьями Сырѣйщиковыми и Добросвѣтовыми. А посему, прося ваше превосходительство о прекращеніи названнаго дѣла по жалобѣ указанной Евфросиніи на парикмахера Исидора и о взысканіи по законамъ съ Щуковича за непрошенное вмѣшательство въ неподлежащія ему и вымышленныя дѣла, пребываю такая-то подпоручица Дарья Аркадьевна дочь Дымоглотова».

— Ну, что-съ?—спросилъ губернаторъ.

— Это верхъ наглости, ваше превосходительство!..

— Что же дѣлать? У нея довѣренность... Но, нѣтъ, разбить ихъ стачку, разбить!—говорилъ съ сердцемъ губернаторъ и велѣлъ своему адъютанту, тому самому, который за танцами одного вечера забылъ вовсе о порученномъ ему дѣлѣ, принять къ этому тотчасъ, немедленно и самыя строжайшія мѣры...

Адъютантъ опять всполошился. Ему совѣстно было передъ Щуковичемъ. Да еще передъ тѣмъ онъ сильно проигрался въ карты и почему-то усердно сталъ работать по службѣ. Кинулся онъ съ Щуковичемъ къ дѣвочкѣ, призвали ее въ полицію; но она уперлась на своемъ: «Обнесла я по злобѣ мосье Исидора!» да и баста. Ничего болѣе отъ нея не узнали.—Кто же... на кого же ты покажешь?..—допрашивали ее въ полиціи.—Нашъ поваръ Никишка, это онъ!—не краснѣя, сказала Фрося. Позвали Никишку. Но отъ этого ничего уже не добились. Перепуганный зовомъ въ полицію, онъ только молчалъ, глупо смотрѣлъ на всѣхъ сѣрыми, потухшими отъ страха и блуждающими глазами и едва шевелилъ бѣлыми, какъ мѣлъ, губами... Тѣмъ исторія и кончилась.

Щуковичъ, озабоченный кучею другихъ дѣлъ, тоже ее бросилъ.

Мосье Исидоръ остался въ томъ же магазинѣ и въ томъ же городѣ.

Фрося, говорятъ, совершенно утѣшилась и живетъ уже на вольной квартирѣ, работая той же мамзель Пуссенъ поштучно. Недавно я видѣлъ ее на извозчикѣ съ толстымъ драгуномъ. Зато, проѣзжая нашъ украинскій городъ, вы можете видѣть на главной его улицѣ рядъ зеркальныхъ оконъ, чугунное крыльцо и рѣзныя двери прелестнѣйшаго парикмахерскаго магазина. Раззолоченныя вывѣски, въ сажень величиною, цѣпляются по всѣмъ стѣнамъ, карнизамъ и даже по крыльцу магазина. А въ окна смотрятъ кучи блестящихъ тросточекъ, цѣпочекъ, банокъ, стклянокъ, запонокъ, бѣлья, платья, книгъ и галстуковъ. Уже въ самыхъ дверяхъ, при входѣ, встрѣчаетъ васъ запахъ лоделаванда и прижженныхъ волосъ. За дверью же самъ хозяинъ, прелюбезнѣйшій господинъ съ тонкими, нѣжными чертами лица, очаруетъ васъ своею постоянною улыбкой и бѣлокурыми усиками. Подъ предлогомъ завивки волосъ, онъ сбываетъ вамъ голландское бѣлье; подъ предлогомъ стрижки, сбываетъ романы новѣйшей парижской фабрикаціи. И, пересыпая работу свою и своихъ подмастерьевъ анекдотами о своихъ похожденіяхъ, онъ тутъ же лепечетъ о Бонапартѣ и объ англійскомъ парламентѣ, о дѣлахъ Китая и о турецкомъ займѣ, вскрикивая: «Voici le dernier numéro de l'Indépendance Belge! Lamartine est hors de Paris! Lamoricière revient... Мальши̇̀къ, ишò шипси̇̀!» И православный Степка, въ кургузомъ полуфракѣ и въ желто-зеленыхъ, крокодиловыхъ брюкахъ, передаетъ его приказъ далѣе, тѣмъ же тономъ: «Мальши̇̀къ, ишò шипси̇̀!»

На вывѣскѣ магазина красуется та же надпись:

Isidor de Paris.
Gants-Linges-Frisure.
Perruques.
Salon pour la coupe des cheveux.
Bibliothèque de lecture.

Прохожіе любуются золотыми словами вывѣски, хлыстиками, банками и галстуками. А въ кругу искреннихъ пріятелей, двухъ-трехъ соотечественниковъ-магазинщиковъ изъ мѣстной французской колоніи, мосье Исидоръ даже вовсе не церемонится и говоритъ, весело отзываясь о заведен-

ныхъ съ нимъ разными матерями дѣлахъ и выпивши стаканъ роднаго шабли, по-русски, какъ любятъ говорить вообще подкутившіе иностранцы въ Россіи: «О!! я такой шилавѐкъ, такой шилавѐкъ, que lorsque je veux, когда я хочу, чтобъ никто не кадѝль по моей улицѣ, то никто, personne, personne, и не будить кадѝть!»

И пріятелямъ его кажется, что дѣйствительно, если Исидоръ захочетъ, то не только человѣкъ, даже самое солнце, освѣщающее окрестные смиренные поля и луга, не посмѣетъ заглянуть въ улицу, гдѣ широко раскинулись блестящія вывѣски магазина безцеремоннаго и блаженнаго французика...

Это, господа, быль!..

1859 г.

ПАСѢЧНИКИ.

(РАЗСКАЗЪ ЗЕМЛЕМѢРА.)

Однажды, среди хлопотъ по полюбовному размежеванію, провозился я, въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей *** уѣзда, что-то очень долго. Дѣло шло о поемныхъ лугахъ и о водяной мельницѣ, между старухой помѣщицей и ея сосѣдомъ однодворцемъ. Посредники выходили изъ себя. Нашъ братъ, землемѣръ, въ такія минуты оказывается рѣшительно лишнимъ. Ветхіе старички иногда еще коротаютъ время, прохаживаясь, съ астролябіей и вѣхами въ рукахъ, по пустыннымъ окрестностямъ, подготовляя очерки спорныхъ луговинъ, гдѣ-нибудь подъ горою, что̀ въ Пѣстушахъ, или планъ сельца Колокольчикова, что́ въ Подзозулиной-балкѣ. Но мы, пылкіе юноши, у которыхъ на ногахъ еще не видно мозолей отъ свершенныхъ прогулокъ по свѣту, мы просто не знаемъ, что дѣлать отъ скуки. Изволь бесѣдовать съ отряженными къ тебѣ вѣховщиками, которые, особенно въ теплую погоду, такъ и смотрятъ въ лѣсъ. «Дѣло понятное!—думалъ я, проживая въ старомъ флигелѣ у помѣщицы:—съ такой хозяйкой просто со скуки умрешь!» Въ предчувствіи близкаго пораженія, необузданная барыня питала ко всему нашему сословію ненависть непримиримую. За хозяйскій столъ меня не звали; порція наливки въ рукахъ буфетчика уменьшилась. А на бѣду еще посредники и предводительскій чиновникъ уѣхали, по случаю дворянскаго засѣданія, въ городъ. Къ счастью, я вспомнилъ объ одной сосѣдкѣ, о милой дамочкѣ, съ которой встрѣтился зимою на вечерѣ у предводителя, и рѣшился, отъ нечего дѣлать, завернуть къ

ней на село и, замѣтьте, завернуть пѣшкомъ, потому что объ экипажѣ нечего было и намекать разобиженной полюбовнымъ размежеваніемъ барынѣ...

Стояла весна.

Сборы были не долги. Село Бѣлобабовка, на рѣкѣ Грунь-сухая, лежало какихъ-нибудь въ семи или восьми верстахъ; пройдти ихъ землемѣру было такъ же легко, какъ иному мужику, ворочающему жернова и чугунные берковцы, смолотить линній десятокъ споповъ въ день. Я закурилъ трубку, запасся инструментами, въ надеждѣ, если не застану самой помѣщицы дома, позаняться съ ея приказчиками провѣркою ея участковыхъ плановъ; разспросилъ о дорогѣ и пошелъ.— «Идите, этакъ, прямо!—говорилъ мнѣ тоненькою фистулою, ломаясь и важничая, главный поваръ барыни, Доримедонтъ, стоя, съ трубкою въ зубахъ, на крыльцѣ кухни: — спуститесь подъ горку; тутъ вамъ будетъ, такъ сказать, поворотка въ боръ, тамъ ступайте все прямо, прямо, одна дорога и есть; тутъ, около дороги, затинка, попросту лѣсная пасѣка, и живетъ на ней пасѣчникъ Гордѣй; окликните его, а онъ уже васъ и доведетъ! — прибавилъ убѣдительно поваръ, сплевывая въ сторону и косясь на мои пятки: — а онъ и доведетъ!»

Я спустился подъ-гору, свернулъ на воротку и не замѣтилъ, какъ охватили меня темные своды бора. На душѣ моей повеселѣло; я забылъ и старую помѣщицу, и хлопоты по полюбовному размежеванію, и самую цѣль своей прогулки въ село Бѣлобабовку...

Шаги мои робко раздавались по узкой просѣкѣ. Въ два ряда, по сторонамъ, стояли такія сосны, что взглянуть на нихъ, такъ шапка валилась. Вообще, этотъ боръ принадлежалъ къ рѣдкимъ исключеніямъ безлѣснаго *** уѣзда, составляя вѣковое достояніе множества мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ отъ рѣки Грунь-тихой вплоть до ея сосѣдки, Грунь-сухой. Любо было даже издали глядѣть на его ровный, сосна къ соснѣ и вершина къ вершинѣ, нетронутый и многолѣтній островъ. Гордо высились даже мелочá, разбѣжавшіяся отъ главнаго клина кудрявыми и веселыми древесными выселками, по легкимъ водомоинамъ и приземистымъ холмамъ гладкой, какъ стрѣла, степи. Въѣзжихъ дорогъ въ этотъ боръ было очень мало. Причиною этому, впрочемъ, была не столько заботливость владѣльцевъ о сохранности его, сколько

обширная, болотистая низменность, лежавшая по ту сторону бора, съ извилистыми, влажными тропинками, по которымъ съ трудомъ пробирались окрестные поселяне, искони знаменитые садовники и пчеловоды. Часто, проѣзжая здѣсь, вы встрѣтите большой обозъ съ дровами.

— Откуда, братцы, ѣдете?

— Изъ-подъ Трофимцовъ!—отвѣтятъ вамъ.

— А какія дрова?

— Груша да яблоня лѣсная!

И вотъ нынѣшняя участь старинныхъ грунтовыхъ садовъ и заповѣдныхъ засѣкъ стараго украинскаго юга.

Боръ неожиданно смѣнился кущами чернаго лѣса. Надо мною затемнѣла и сдвинулась сѣтчатая листва берестняка и кленовъ. Въ ея зелено-золотистыхъ просвѣтахъ съ легкимъ свистомъ, шныряли дрозды и тѣ странныя степныя птички «ракши», которыхъ иногда можно встрѣтить у дороги, на копнѣ сѣна или на кочкѣ, и при взлетѣ которыхъ кажется, что зеленый вѣеръ, брошенный изъ-за угла, раскрылся и летитъ по воздуху. Замелькали свѣтлыя лужайки. Близость воды была очевидна. Въ простѣнкѣ мелкихъ орѣшниковъ мелькнула верхушка куреня... И чѣмъ ближе къ пасѣкѣ, деревья становились свѣжѣй и зеленѣй. Точно пчелы сманивали лучшихъ красавцевъ бора. Всѣ деревья кругомъ стояли, какъ въ праздничныхъ нарядахъ, распространяя то первое, еще не прискучившее весеннее благоуханіе, которое такъ радуетъ живущихъ вблизи лѣсныхъ мѣстъ. Вездѣ стояли столбы нѣжныхъ черемухъ, окинутыхъ медвянодушистымъ цвѣтомъ. Вездѣ покачивались стрѣльчатыя лозы, усыпанныя пушистыми, голубоватыми куколками, и гордо красовались кудрявыя дикія яблони, точно одѣтыя въ розовыя и палевыя мантіи, съ которыхъ, при легкомъ вѣтрѣ, сыпалась на кусты и на травы душистая метель крылатыхъ бабочекъ...

Я обошелъ маленькій ровъ и вступилъ на пасѣку. Въ куренѣ не было ни души. Я окликнулъ пасѣчника Гордѣя. Отвѣта не было; только эхо, звонко отозвавшись въ нѣсколькихъ мѣстахъ бора, вызвало прежнюю, еще болѣе торжественную тишину...

Будучи не чуждъ хозяйственныхъ соображеній, къ которымъ невольно привыкаешь, живя между нашими помѣщиками, охотниками потолковать о хозяйствѣ, я оглянулъ па-

сѣку, въ которой было мало чѣмъ меньше сотни ульевъ, и тутъ же пожалѣлъ, что пасѣчникъ, хотя и выбралъ такое удобное мѣсто для первой перекочевки пчелъ, по всей очевидности ходилъ за этимъ дѣломъ спустя рукава. Улы стояли маленькіе, кривые, наскоро прикрытые черепками и лубками и почернѣвшіе отъ дождей и вѣтра. Другіе, пустые, печальною грудой лежали тутъ же, въ сторонѣ, въ ожиданьи близкой поры роенья. Тѣсные домики кралатыхъ медоносицъ тонули въ густой травѣ, которая такъ вредна для пчелъ, заводя сырость и насѣкомыхъ. А между тѣмъ, повторяю, лучшаго мѣста для пасѣки трудно было выбрать. Тутъ же, внизу площадки, виднѣлось и маленькое озерко. Пчелы въ это время еще не носили меду, а собирали по лугамъ и деревьямъ воскъ для новой «дѣтвы», какъ говорится, «новили»—заново меблировали восчаныя клѣточки своихъ домиковъ. Недавно еще слабыя и черезъ силу преодолѣвающія легкій весенній вѣтеръ, онѣ уже съ мятежнымъ шумомъ вылетали изъ ульевъ за душистымъ, цвѣтовымъ «взяткомъ», и пасѣка издавала пріятное, такъ знакомое пчеловодамъ гудѣнье. Между разною утварью кинулся мнѣ въ глаза неуклюжій, заиндевѣвшій самоварчикъ и какая-то запачканная книжка. Посуда и кое-какое платье были разбросаны тутъ же, по угламъ. Исключеніе составлялъ большой муравленый кувшинъ съ водою, поставленный на полкѣ и заткнутый пучкомъ только-что сорванной, свѣжей клубники. Я опустился въ курень, на солому. Смятое, належалое мѣсто на ней было такъ уютно, что, казалось, здѣсь больше ничего нельзя было и дѣлать, какъ только лежать и ничего не дѣлать...

Со стороны бора послышались шаги. Кто-то обошелъ деревья, миновалъ улы и сталъ у куреня, молча, какъ бы слушая. Нѣсколько минутъ прошло въ тишинѣ...

«Осторожный человѣкъ!»—подумалъ я и приподнялся на соломѣ. У низенькаго, треугольнаго входа въ курень показались голова съ рыжеватыми усами и рука съ наломанными вѣтками. Это былъ пасѣчникъ Гордѣй, полу-мужикъ и полумѣщанинъ, изъ вольноотпущенныхъ.

Назвавъ себя, я вышелъ изъ куреня, причемъ худощавый и длинный пасѣчникъ обрисовался передо мною во весь ростъ, въ зеленомъ замасленномъ картузѣ, долгополомъ сюртукѣ изъ голубой нанки, какую носятъ въ мелкихъ городкахъ мѣщане въ первую пору счастливыхъ барышей, и въ

темныхъ съ цвѣточками брюкахъ, заботливо всунутыхъ въ высокіе сапоги. И не одинъ пасѣчникъ явился передо мною. Рядомъ съ нимъ на веревкѣ стояли еще двѣ огромныя собаки, мохнатыя и полуслѣпыя отъ нависшей клочками сивой, почти красной шерсти, почему постоянно имъ простригали косые, зеленоватые глаза.

— Не кусаются?—спросилъ я.

— Даже и не лаютъ!—отвѣтилъ отрывисто Гордѣй, бросивъ въ курень вѣтки и картузъ и молча отправившись привязывать собакъ къ дальней соснѣ, за ульями.

Собаки Гордѣя, точно, не лаяли. Зато ходили грудью на волка и, кинувшись, безъ всякаго шума, на какую бы то ни было добычу, тутъ же ее и душили на смерть. Въ такихъ собакахъ особенно нуждаются южные поселенцы не храброй руки, которымъ приходится водворяться въ степныхъ слободскихъ и приднѣпровскихъ участкахъ.

— Не можешь ли ты, братецъ, провести меня на Бѣлобабовку?—спросилъ я Гордѣя.

Пасѣчникъ молча оглянулъ меня и сталъ ближе, какъ бы изъ уваженія, но въ то же время съ напряженнымъ любопытствомъ осматривая меня. Погладивъ, на мой вопросъ, голову, онъ только переступилъ съ ноги на ногу и закинулъ руки за спину, причемъ сухощавый станъ его нѣсколько сгорбился. Такъ, сколько замѣтилъ я, обыкновенно держатся дворовые люди не первой молодости и резонерскаго характера, отшедшіе, посредствомъ отпускной, на такое житье, гдѣ можно сразу успокоиться и вдоволь належаться и выспаться. Гордѣй принадлежалъ къ числу ихъ. Слѣды былой, избалованной и исковерканной на дармоѣдствѣ жизни проглядывали у него во всемъ. Впрочемъ, хотя онъ сѣлъ на пасѣку и не прямо отъ плуга, совершенно лѣнивымъ назвать его было нельзя. Встрѣчаясь съ нимъ не одинъ разъ впослѣдствіи, я узналъ, что онъ былъ даже человѣкъ старательный и особенно усердно заботился о своемъ прибыткѣ. «А кого вамъ, смѣю спросить, надо на Бѣлобабовкѣ?—возразилъ Гордѣй.

Я разсказалъ ему свои намѣренія. Осторожный Гордѣй, какъ видно, успокоился (онъ на Бѣлобабовкѣ снималъ участокъ бора и опасался назойливыхъ соперниковъ), тутъ же разговорился и объявилъ, что ему всѣ бѣлобабовцы чуть не кумовья, что онъ тамъ бываетъ почти каждый день, у при-

казчика недавно крестилъ сынишку, на церковь пожертвовалъ новую икону и у помѣщицы снимаетъ уже второй годъ на бору, тутъ же недалеко, еще мѣсто для пасѣки.

— А что? — спросилъ я, закуривъ трубку и заинтересованный Гордѣемъ: — какъ идетъ хозяйство бѣлобабовской помѣщицы?

Гордѣй подумалъ и не отвѣтилъ ни слова.

— А что? плохо идетъ? Да ты, братъ, не бойся: я человѣкъ посторонній и сору изъ избы не вынесу...

Гордѣй, улыбнувшись, сталъ водить рукою по листьямъ орѣшника.

— Странное дѣло!—продолжалъ я, въ то время, какъ каріе, рысьи глазки Гордѣя такъ и слѣдили за мною:—вѣдь вотчина этой барыни чего не захватываетъ: отъ Печерековскихъ пустошей и до Пяти-Колодцевъ, — все ея луга да залежи!

— «Да! — замѣтилъ, какъ бы въ раздумьи, Гордѣй: — много угодій... только-съ говорится, велика Федора...» и, замолчавши, отвернулся; въ подвижномъ лицѣ его играла каждая жилка...

— Вотъ оно какъ!—подхватилъ я не безъ любопытства:— а поди ты съ нашимъ братомъ землемѣромъ; вѣдь мы, отмѣривая-то каждый день этакія линіи взадъ и впередъ, и Богъ знаетъ, чего не заберемъ въ голову!.. И богатство-то, и раздолье-то, и всякое довольство!..

Гордѣй оживился.

— Да, сударь, всякія бываютъ земли; вотъ хоть бы и на долю нашей сосѣдки! Измѣрилъ и я не мало дорогъ и бездорожья на свѣтѣ; цѣну земелькѣ знаю!

— Такъ, стало-быть, мы съ тобой одного болота куликн?— подхватилъ я, желая еще болѣе подзадорить неразговорчиваго собесѣдника.

— Да-съ! — продолжалъ Гордѣй: — такихъ плодородныхъ земель, какъ въ этихъ мѣстахъ, такъ я еще и не видывалъ! Это правда, вотъ хоть бы и въ Бѣлобабовкѣ: рабочихъ рукъ точно мало, за то земли по тридцати, да по сорока десятинъ на душу; три водяныхъ мельницы объ осьми жерновахъ; лѣсъ дубовый, весь строевой, а по рѣчкѣ сплавъ,— только подавай: берутъ и на колеса, и на сваи, и на доски; а конскій табунъ такъ еще покойный отецъ наслѣдницы

завелъ, какъ былъ въ здѣшнихъ мѣстахъ исправникомъ! Нѣтъ-съ, имѣніе хорошее, хорошее! Нечего жаловаться!

— Да отчего же барынѣ-то бѣлобабовской тутъ не живется? вѣдь, чай, и теперь въ городѣ?

— Да-съ, въ городѣ! Такъ уже, не живется, видно, да и только!—отвѣтилъ Гордѣй, усмѣхнувшись...

Мы этакъ не мало ходили, бесѣдуя, съ Гордѣемъ по насѣкѣ, съ площадки которой виднѣлась вся обширная болотистая низменность, отдѣлявшая боръ отъ возвышенности, за которою, въ туманномъ просвѣтѣ синѣющаго далекаго лѣса, очевидно обозначавшемъ логовище большой рѣки, чуть виднѣлась верхушка бѣлобабовской церкви.

Въ это время заворчали собаки. Между сосенъ, въ кустахъ орѣшника, показались два старика, одинъ повыше, другой пониже, оба бѣлые, какъ черемухи въ цвѣту, въ бѣлыхъ шапкахъ и въ бѣлыхъ, широкихъ кафтанахъ до земли. Гордѣй извинился и пошелъ къ нимъ. Нѣсколько минутъ онъ съ жаромъ о чемъ-то говорилъ съ ними, размахивая руками, и вернулся не въ духѣ. Старики еще постояли, поглядѣли на меня и въ своихъ бѣлыхъ кафтанахъ и шапкахъ, колышась, какъ тѣни, медленно удалились къ поворотцѣ просѣки.

— Кто это?

— А! — отвѣтилъ, съ неудовольствіемъ и какою-то непріязненностью Гордѣй:—прахъ ихъ побери! Тѣшинскіе богачи, тоже насѣчники; тутъ на бору близъ меня и заведеніе; отецъ съ сыномъ; такъ сюда всѣ и ползутъ, мѣста нѣтъ! Одному сто-пятнадцать, а другому восемьдесятъ лѣтъ! Шутка ли? Деньги лопатами загребаютъ, а туда же попрошайничаютъ: ульи, вишь, понадобились,—пчелы роиться стали! У кого что, а у нихъ уже роятся!..

Гордѣй плюнулъ; онъ былъ, очевидно, разсерженъ.

— Что же ты, обѣщалъ имъ?

— А съ какой стати я буду обѣщать? ну ихъ! — отвѣтилъ Гордѣй и молча глянулъ въ ту сторону, гдѣ между кустовъ орѣшника уже едва виднѣлись бѣлыя шапки тѣшинскихъ насѣчниковъ...

Мы походили еще нѣсколько между куренемъ и соснами.

— Ну, а у тебя какъ дѣла идутъ? — спросилъ я, останавливаясь у обрыва площадки и невольно продолжая любоваться зелеными тѣнями.

— Ничего!—отвѣтилъ Гордѣй:—идутъ себѣ, плетутся!

— То-есть какъ же это?

— Да такъ же; плохо идутъ, коли хотите знать, да и все тутъ!

— Быть не можетъ! Пчелы идутъ плохо? При этакой-то веснѣ? Разскажи, пожалуйста! Что-то странно это, когда подумаю, что весь вашъ край только и хвалится, что вашими, да еще волганскими пчеловодами...

Рыжіе усы и каріе глазки Гордѣя задвигались. Видно было, что внутри его опять кипѣло. И немудрено, какъ я узналъ впослѣдствіи: Гордѣй былъ, какъ выражаются о такихъ людяхъ, «придорожное гореваньице»...

Я выбралъ мѣстечко у края площадки, сѣлъ на перевернутый улей и занялся вооруженіемъ большой пѣнковой трубки, которая составляла неизмѣнную утѣху мою во всѣхъ многообразныхъ похожденіяхъ «дѣловой практики» уѣзднаго землемѣра. Гордѣй началъ: —«Скажу вамъ, сударь, то-есть, по чистой по правдѣ, что нѣтъ тому на свѣтѣ большого такого горя, какъ видѣть гоненіе судьбы-съ! А опричь того, еще просто непонятныя дѣла!»

Гордѣй на минуту перемолкъ и началъ опять тихимъ, какимъ-то плаксивымъ и будто размякшимъ для большей жалости голосомъ:

— Пришелъ я, сударь, въ эти мѣста изъ крѣпостныхъ, какъ вольную получилъ. Много на первыхъ-то порахъ, сгоряча, путей и дороженекъ я поиспробовалъ! Глупъ былъ! Кидался и въ наемъ по камердинерамъ, и въ трактирные, и въ мелкое, какъ есть, торгашество по мостамъ, да на перекресткахъ въ городахъ. Я изъ Великороссіи, сударь; на Окѣ, если изволите знать, и родина моя. Понамаялся! Ну, да этому и давно, лѣтъ уже съ десять, и больше будетъ; ходилъ и въ тонкомъ сукнѣ, и при часахъ, и въ бархатныхъ жилеткахъ; а случалось и такъ, что спозаранку-то, какъ народу еще мало на улицахъ, и милостыню просилъ. Всего было! Глупъ былъ! Опомнился я, однако, во-время; осадилъ меня одинъ, изъ вольноотпущенныхъ тоже, — старикъ уже былъ, безсемейный и совсѣмъ, какъ говорится, прогорѣвшій съ перваго размаху; говоритъ: «Куражъ куражемъ, а о спасеніи души тоже помышляй!» Шла молва въ нашей сторонѣ о здѣшнихъ пасѣчникахъ; меня вотъ такъ и подмануло... Мѣста въ лѣсахъ, я думалъ себѣ,

ни по чемъ, да и сбытъ хорошій; въ городѣ, по близости, какъ извѣстно и вашей милости, свѣчная восковая фабрика, а медъ и помѣщики, и монастыри, и нашъ братъ, здѣшній поселенецъ, берутъ—только подавай! Ну, я и сѣлъ на пасѣку; да что,—дѣло совсѣмъ выходитъ плёвое! Эти, старые-то здѣшніе пчеловоды точно заворожили всѣ мѣста на бору, хоть брось!

— Что-жъ такъ, однако? Времена дурныя подошли, что ли?

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ!—отвѣтилъ Гордѣй мягче и какъ-то грустно-задумчиво: — на время пожаловаться нельзя, травы родятся по колѣно: пчела только носи! Маломедкости въ здѣшнемъ краѣ и не знаютъ. А не идетъ у меня, однако, да и только! Какъ заколдовано, другого и не придумаешь. Да вотъ, просто, сударь, вамъ сказать, — продолжалъ Гордѣй, присѣвъ на траву: — видали-ль вы когда, какъ на жнивѣ иной колосъ стоитъ въ ростъ человѣческій; а тутъ же, въ серединкѣ-то, завелась худосочина, отъ земли или и такъ, отъ сѣмени; не родится на ней хлѣба, да и полно! Вотъ такъ и у меня! То вдругъ гнильцовая зараза ударитъ передъ утренниками, какъ наступятъ первыя росы, то пасѣка съ пасѣкою чужою въ сѣчку ударится, вотъ какъ бы настоящее сраженіе происходитъ, — ажно страшно становится; и переведется иногда, въ одинъ разъ, полъ-завода. То такъ, видно кто-нибудь дорогу перейдетъ, станутъ вдругъ всѣ пчелы, какъ сонныя, и мрутъ до той поры, что и на рои ничего не останется. Ходилъ я и къ бабамъ, и солдатъ одинъ ворожилъ: ничего не береть! А вотъ года съ три, такъ случилась такая оказія. До тысячи колодокъ было; семерыхъ работниковъ держалъ; повѣрите ли, господа съѣзжаться стали смотрѣть; губернаторъ мальчика въ ученье отдалъ! Ну, и перебился я зиму; кормилъ пчелу лучшимъ медомъ и еще прикупалъ. Привалила, хоть бы и теперь, весна да запалилъ жаръ, и зароились мои пчелки, — да такъ, что ульевъ въ городѣ на сто цѣлковыхъ подрядилъ. Что же, сударь: въ полъ-лѣта это вдругъ налетѣли жуколки такія, «шершни» здѣсь прозываются, съ хоботкомъ да съ рожками, стали бить и поѣдать пчелу; а тутъ пошли дожди, завелась тля, да такая, что какъ перевернули ульи, а тамъ даже и воску нѣтъ, — одна паутина да гниль! Такъ тутъ, повѣрите ли, хоть въ воду, какъ изъ тысячи-то колодокъ, да осталась вся пасѣка на тридцати! Вотъ оно, какъ

идутъ у меня дѣла, если вы желаете знать! Теперь и другую, особенную пасѣку развожу второе лѣто, тутъ же на бору, — да что?.. Проку нѣтъ, вотъ что! Проку, барышей... нѣтъ...

И Гордѣй, съ усиліемъ проговоривъ послѣднія слова, нагнулся къ землѣ и замолчалъ. Я также молчалъ, смиренно потягивая изъ погасавшей уже и хрипѣвшей трубки.

Въ это время за кустами, внизу площадки, послышалось теньканье колокольчика; раздался быстрый и мягкій стукъ неокованныхъ колесъ, и изъ-за холма, въ сторонѣ кустовъ, показался на телѣжкѣ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, въ полотняной фуражкѣ и старомодномъ сюртукѣ домашняго покроя.

— Сысоичъ, приказчикъ изъ Тѣшина,—шепнулъ Гордѣй, поспѣшно вскакивая съ травы...

Не успѣлъ онъ приподняться, какъ голубая телѣжонка круто повернула внизу, между ракитниками, и подвезла къ обрыву площадки коротенькаго румянаго толстяка, сидѣвшаго среди мѣшечковъ и какихъ-то связокъ. Телѣжка, при помощи краснощекаго и сутуловатаго мальчишки-кучера въ долгополомъ армякѣ, остановилась; только разбитый колокольчикъ на дышлѣ долго еще не могъ успокоиться и неистово заливался, потому что косматыя и, какъ видно, пріобрѣтенныя въ разное время лошаденки въ дышлѣ были чуть не полъ-аршина одна выше другой и долго не могли найти точки равновѣсія. Сысоичъ съ усиліемъ повернулся между клажи, позвалъ къ себѣ Гордѣя и спросилъ тихо, однакоже такъ, что я слышалъ:—«А кто это?»

Гордѣй назвалъ меня и, какъ видно, тутъ же, наскоро, выболталъ ему всю подноготную о моихъ намѣреніяхъ идти на бѣлобабовку и повѣрить тамъ запущенные участковые планы помѣщицы.—Слова Гордѣя погрузили тѣшинскаго приказчика въ раздумье, причемъ онъ нѣсколько разъ поднималъ на меня красноватые, заплывшіе жиромъ и весьма глуповатые глазки.

— Ну, миленькій, вотъ же что! — заговорилъ опять шопотомъ Сысоичъ: — сходи, миленькій, въ курень и захвати кувшинчикъ съ водицею; страхъ хочется испить! Просто, какъ будто вотъ горитъ что внутри! — И онъ пощупалъ животъ. — «А куда изволите?» — спросилъ Гордѣй развязно, косясь на меня и устанавливаясь поближе къ телѣжкѣ, съ

МЕЛКІЯ СТАТЬИ.

I.

КАРИКАТУРА ВЪ РОССІИ

ВЪ СТАРИНУ.

Въ Россіи карикатура существуетъ давно. Въ Публичной Библіотекѣ хранятся два собранія лубочныхъ картинокъ, принадлежавшихъ Погодину и Далю. Послѣднее (шесть тетрадей, въ большой листъ) заключаетъ въ себѣ: 1) картины духовнаго содержанія, изображенія лицъ библейской исторіи, числомъ 177; 2) изображенія духовныхъ событій, мѣстъ и аллегорій, 144 картины; 3) картины поучительныя, примѣры въ лицахъ, иносказанія, явленія природы и перелицовки, 120; 4) въ большой листъ — духовныя и иносказательныя картины, до 100; 5) картины шуточныя и сказочныя, сказки въ лицахъ и сказочныя преданія, до 80, и 6) картины шуточно-балагурныя, какъ онѣ названы въ надписи надъ фоліантомъ. Послѣднихъ помѣщено до 112.

Первыя народныя карикатуры въ Россіи встрѣчаются въ лубочныхъ изданіяхъ. Что такое лубочныя картинки? По словамъ Снегирева («Историческій Сборникъ» Д. Валуева, 191 — 221 стр., 1845 г.), изъ псковской правой грамоты 1148 года видно, что писывали въ старину на «лубѣ»— «тое вы бы досмотрѣли, да и на лубъ выписали»—по рѣдкости и дороговизнѣ бумаги и пергамента. Лубочныя картинки развѣшиваются донынѣ для продажи на лубкахъ. Въ Москвѣ есть улица «Лубянка», близъ которой находится урочище «Печатники» — Печатная Слобода въ XVII вѣкѣ, гдѣ рѣзались на лубахъ картинки, называемыя суздальскими, по разнозчикамъ-суздальцамъ, которые въ свою очередь на-

зываются еще въ Сибири папками, а въ Останковѣ богатырями, отъ продаваемыхъ ими «богатырей». Множество рукъ занято донынѣ въ Москвѣ и подмосковныхъ деревняхъ вырѣзываніемъ и испещреніемъ этихъ картинокъ. Самоучки-рѣзчики не отступаютъ ни на шагъ отъ вѣковыхъ образцовъ и красятъ, какъ красили еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, корни зеленою краскою, деревья сандальною, наряды сурикомъ, а лица баканомъ. Морозовъ, наставникъ Царя Алексѣя Михайловича, училъ своего питомца по картинкамъ. Зотовъ, учитель Петра I, извѣстный подъ именемъ Князя-Папы, также прибѣгалъ къ рисункамъ, развѣшивая ихъ по учебной комнатѣ питомца. Живопись въ Россіи, встрѣчаемая на древнѣйшихъ памятникахъ, «Святославовомъ Сборникѣ», «Житіи Бориса и Глѣба», лицевыхъ псалтыряхъ XV и XVI вѣковъ, произвела гравированіе, заимствовавъ его, позже, черезъ Польшу и Литву изъ Германіи. Печатное дѣло явилось въ Москвѣ и называлось прежде фряжскимъ дѣломъ. «Смѣта въ што станутъ двѣ штанбы печатныя здѣлами, да станы на фряжское дѣло» — (1612 г.). — Къ первой книгѣ Апостола, печатанной въ Москвѣ 1564 г., приложенъ эстампъ, изображающій Св. Евангелиста Луку. Въ 1629 году явился эстампъ, хранящійся въ библіотекѣ гр. Ѳ. П. Толстого, съ подписью: «Темница богогродная святыхъ осужденникъ». Съ тѣхъ поръ рѣзьба и печатаніе на деревѣ у насъ утвердились. Въ царствованіе Петра I стали извѣстны имена граверовъ: Ѳедора Никитина, Мартына Нехорошевскаго, Григорія Тентегорскаго, вырѣзавшаго въ 1713 году, въ Москвѣ, «Мѣсяцословъ въ лицахъ». Въ началѣ XVIII вѣка въ Москвѣ учреждено особенное гравировальное заведеніе подъ надзоромъ Брюсса, выпустившее въ свѣтъ первыя наши географическія карты, портреты и разные эстампы. При Екатеринѣ I, въ Петербургѣ, открыта въ Академіи Наукъ фигурная типографія. Наконецъ, въ царствованіе Екатерины II и въ послѣдующіе годы гравированіе въ Россіи, подъ вліяніемъ Академіи Художествъ, расширило свои предѣлы и произвело такіе таланты, каковы гр. Ѳ. П. Толстой, Іорданъ, Уткинъ, Иванъ Теребеневъ и другіе.

Въ XVII вѣкѣ впервые появились у насъ и сатирическія картинки, или такъ называемые: «Нѣмецкіе потѣшные листы».

Въ приходорасходной книгѣ Оружейной Палаты 1634—

37 годовъ, по словамъ Снегирева, сказано: «іюня въ 16 день дано торговымъ людямъ овощнаго ряду за Нѣмецкіе за печатные листы 20 алтынъ; а взяли тѣ листы изъ Государевы Мастерскія палаты въ хоромы государю Царевичу Алексѣю Михайловичу». Въ другой говорится: «Торговому человѣку Андрюшкѣ Петрову за девять листовъ потѣшныхъ 8 алтынъ и 2 деньги». Любопытно еще, что въ «Журналѣ изящныхъ искусствъ», изд. на 1807 г. профессоромъ Буле, по замѣчанію одного путешественника, сказано: «Видѣнныя на ярмаркѣ въ Сенъ-Клу французскія лубочныя картинки—ничто передъ нашими, московскаго издѣлія. И тѣ, и другія рѣшительно въ одномъ стилѣ. Но во французскихъ нѣтъ той замысловатости, какую мы находимъ въ нашихъ».

Первые потѣшные листы, изобличавшіе житейскія глупости, пороки и нелѣпости, явились въ видѣ разговоровъ: мальчика съ мудрецомъ, профессора съ мужикомъ и глупаго жениха со свахою. Далѣе являются уже болѣе полныя карикатуры: 1) денежный дьяволъ сыплетъ на землю деньги, а подбираютъ ихъ цѣловальники, портные, сапожники, стряпчіе, ярыжки прошлаго вѣка и франтихи; 2) изображеніе быка, ставшаго мясникомъ, мужика—судіею, осла—погонщикомъ, дѣтей, сѣкущихъ старика, и другихъ нелѣпостей; 3) извѣстная притча: Голландскій лѣкарь и добрый аптекарь; 4) Ѳомушка музыкантъ, да Ерема поплюхантъ; 5) Прохоръ да Борисъ—поссорились, подрались; 6) головные уборы чудовищнаго вида у дамы и кавалера щеголей XVIII вѣка; 7) спеленанный нѣмецъ, гдѣ уже прямо, виденъ задатокъ будущаго, болѣе-художественнаго направленія нашей карикатуры, и 8) веселое гулянье кота съ кошкою, на шестеркѣ мышей, цугомъ, въ коляскѣ,—сатира на старосвѣтскіе поѣзды прошлаго времени.

Скоро явились и политическія карикатуры. Въ тетради собранія Даля «Балагурныхъ лубочныхъ картинокъ» (въ Публичной Библіотекѣ) рядъ народныхъ сатиръ открывается пятью образцами извѣстной картинки: Небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, обверчена въ черныхъ тряпицахъ, какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь съ церемоніею отдавали. Снегиревъ говоритъ, что безотчетное преданіе относитъ эту лубочную карикатуру ко времени Царя Ивана Васильевича. Другіе ее относятъ ко времени Петра I;

третьи — къ погребенію въ Римѣ папы, который ревностно старался, черезъ своихъ комиссіонеровъ, сѣять въ Россіи сѣмена католицизма. Въ сочиненіи Чеха Вѣнцеслава Гайка, 1552 года, изданномъ въ Вѣнѣ въ 1783 году, упоминается объ этомъ покушеніи римскаго первосвященника, и при этомъ на поляхъ отмѣчено: «Изготовили-было такую же сатиру, какую лютеране съ прочими, о погребеніи кота» («Вѣстникъ Европы», 1821 года, № 9). Сюда же относятся насмѣшки надъ нашимъ старымъ сутяжествомъ и дѣлопроизводствомъ въ лубочныхъ картинкахъ: «Шемякинъ Судъ»— «Челобитная леща на окуня» и «Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ», полнѣйшая изъ всѣхъ (въ далевскомъ собраніи, въ Публичной Библіотекѣ, въ четырехъ превосходныхъ образцахъ), гдѣ является лещь-сутяга и крючкотворъ. Подписи послѣдней карикатуры не имѣютъ ничего равнаго себѣ, кромѣ развѣ «Притчи о пѣтухѣ и о куницѣ», гдѣ пѣтухъ приговоренъ къ наказанію: «за его отлучку изъ своего дому, отъ своихъ куръ, и о возъимѣніи съ чужими амуръ». Извѣстны остроумныя подписи въ «Повѣсти о Ершѣ»:

Пришелъ Богданъ—ерша Богъ далъ; пришелъ Устинъ— ерша упустилъ; пришелъ Иванъ — опять ерша поймалъ; пришелъ Потапъ – сталъ ерша тонтать; пришелъ Давыдъ— сталъ ерша давить; пришелъ Лазарь — по ерша слазилъ; пришелъ Мартынъ—Константину барыша алтынъ; пришелъ Назаръ — понесъ ерша на базаръ! Ныпѣ дороги! Пришелъ Аносъ — и даромъ ерша унесъ; пришелъ Павелъ — котелъ поставилъ; пришелъ Селиванъ — воды въ котелъ наливалъ; пришелъ Глѣбъ—принесъ хлѣбъ; пришелъ Вавила—поднялъ ерша на вилу; пришелъ Филиппъ—сталъ ерша пилить; пришелъ Андрей—Тита по плѣши огрѣлъ; пришелъ Елизаръ— только полизалъ и пр.

Войны Россіи съ Турками, Поляками и «постылыми Нѣмцами» въ особенности давали поводъ къ народнымъ карикатурамъ. Такъ, любопытно, что семилѣтняя война увѣковѣчилась карикатурами: гдѣ «казаки берутъ верхъ надъ толстобрюхими прусскими драбантами». Первые выѣзжаютъ съ пиками въ рукахъ, а послѣдніе съ трубками въ зубахъ.

Кромѣ войны, моды и борьба новизны съ стариною давали также пищу русской лубочной сатирѣ. Изображены

барыни прошлаго вѣка, съ чепцами на головѣ на подобіе кораблей, дававшими поводъ острякамъ говорить: «Щеголихи носятъ на головахъ цѣлыя деревни!» Тутъ же «фишбейны», «бочки» и «черныя мушки», означавшія, какъ извѣстно, цѣлыя рѣчи: мушка на концѣ носа — отказъ, среди носа — отказъ не всѣмъ; на подбородкѣ — надежда; между бровей — вѣрность; подъ щекою — пылъ страсти. Не забыты и парики, съ трехъэтажными пуклями, длинными косами и кошельками. Наконецъ, являются совершенно опредѣленныя сатиры на позднѣйшій семейный бытъ: 1) «Старый мужъ и молодая жена», 2) «О богатомъ купцѣ, проигравшемъ упрямую жену», 3) «Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро», 4) «Ограбленный медвѣдь, нарядившійся петиметромъ», и 5) «Репримантъ хвастливымъ людямъ, которые въ гости къ себѣ многихъ зовутъ, а сами отъ того изъ дома бѣгутъ». Сюда же относится и знаменитое «Сказаніе о честномъ Семикѣ и о честной Масляницѣ», которое въ далевскомъ собраніи, въ Публичной Библіотекѣ, въ V тетради, находится въ шести превосходныхъ образцахъ; одинъ изъ послѣднихъ даже отличается отдаленною древностью и очевидно претерпѣлъ множество переходовъ по нашимъ деревнямъ и станціоннымъ домамъ.

Въ далевскомъ собраніи находятся еще слѣдующія картинки: 1) Куре доброгласное, воспѣваніе твое великое и красное, звѣрямъ снѣть очень сласное; 2) медвѣдь съ козою проклажаются, на музыкѣ своей забавляются (семь экземпляровъ разныхъ изданій), 3) голландскій лѣкарь и добрый аптекарь (четыре образца), гдѣ, между прочимъ, такая подпись: «Объявилъ своей науки, чтобъ старухи не были въ старой скукѣ, я всѣхъ старухъ молодыми переправлю и ума прибавлю; вотъ и машина изготовлена, и все къ ней приноровлено; всякая старуха помолодѣетъ и прежнее чувство возымѣетъ; старики телѣжки покупали, старухъ съ радостью къ лѣкарю отпускали, иныхъ же на себѣ таскали; въ-машину сажаютъ, мѣхами раздуваютъ; старуха заскакала, заплясала и въ пятнадцать лѣтъ себя показала. Кто знаетъ это ученіе—поправлять старухъ безъ мученія? А я много переправилъ, и себя вездѣ прославилъ». На рисункѣ старухи подаютъ просьбы о перерожденіи, старики ихъ ведутъ и несутъ; а голландскій лѣкарь стоитъ съ лѣкарствами. 4) Пословица: змѣя хоть и уми-

растъ, а зелье все хватаетъ; 5) разговоръ между профессоромъ и крестьяниномъ; 6) книжникъ и мальчикъ; 7) пьющій и непьющій; 8) о пьянствѣ; 9) пьяница; 10) аптека цѣлительная съ похмелья; 11) знаменитая картинка: печеніе блиновъ, съ подписью: «Пожалуй, поди прочь отъ меня, мнѣ нѣтъ дѣла до тебя; пришедъ, хватишъ, блины печь мѣшашъ» и т. д.; 12) воръ съ курицей; 13) это, бабушка, грыжа; 14) Парамошка съ Савоською въ карты играли; 15) Прохоръ да Борисъ,—и другія.

Ходебщики съ «райками», на гуляньяхъ о масляной недѣлѣ и на святкахъ, издавна показываютъ лубочныя картины, сопровождая ихъ особыми прибаутками: «А вотъ городъ Щетинъ; тамъ стоятъ два корабля, одинъ съ дымомъ, другой съ пылью; ѣдутъ въ Питеръ, дешево продадутъ, богачами вернутся, извѣстно—нѣмцы!»—или: «А вотъ городъ Парижъ, войдешь — угоришь!» — «Входитъ въ трактиръ подъячій, требуетъ пирогъ горячій».

Теребеневскія карикатуры 12-го года уже были чисто-политическими. Въ Публичной Библіотекѣ есть два сборника этихъ карикатуръ: погодинскій и принадлежащій Библіотекѣ. Въ тридцатыхъ годахъ они, какъ рѣдкость, продавались въ Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, въ лавкѣ подъ № 37 по Зеркальной линіи, у Слѣпина. Въ 1855 году онѣ изданы были вновь по мѣднымъ доскамъ, оставшимся у сыновей Теребенева, литографомъ Траншелемъ. Тогда вышла одна тетрадь, въ числѣ десяти карикатуръ, очень красиво иллюминованныхъ. По одной припискѣ на частномъ экземплярѣ значится, что въ отечественную войну эти карикатуры продавались по 5 р. ассигн. за картину. Альбомъ 1855 года изъ 10 картинъ продавался по 3 р. сер. съ пересылкой. Въ экземплярѣ Публичной Библіотеки съ теребеневскими карикатурами переплетены и другія карикатуры 1812 года, частію подражанія, частію дополненія къ первымъ. На теребеневскихъ стоитъ подпись: Иванъ Теребеневъ, — иногда буквы: И. Т.; на иныхъ же вовсе нѣтъ подписи.

Въ началѣ сборника изображенъ французскій, вороній супъ, поѣдаемый исхудалыми голышами, французами, съ подписью:

«Бѣда намъ съ великимъ нашимъ Наполеономъ:
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ.

Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ;
Не тутъ-то было! Похлебаемъ-те хоть вороній супъ!»

Картина: Зимнія квартиры Наполеона, — представляетъ Бонапарта въ снѣгу по горло, среди полей, а два генерала торчатъ рядомъ, тоже чуть видные изъ снѣга. Подпись: «Какъ прикажете записать въ бюллетенѣ?» — «Пишите: остановились на зимнихъ квартирахъ!»

Подкачиваніе на блокахъ. Союзники тянутъ француза къ потолку; другіе ѣдятъ ворону. Подпись:

«Худо въ карты играть,
А козырей не знать!
Господа! эта ворона—
Намъ не оборона!»

Баба и коза. Французы ворвались въ избу. «Что у тебя есть закусить?» —Коза!—«Ай —ай! караулъ! казакъ!» и всѣ бѣгутъ вонъ.

Тріумфальное прибытіе въ Парижъ. Наполеонъ стоитъ на ракѣ, который пятится; въ рукахъ его палка; на ней висятъ лавры побѣдъ: собака, телѣга, трубка и лапти; Бонапартъ ползетъ въ тріумфальныя ворота, сдѣланныя въ видѣ висѣлицы; на нихъ висятъ ворона и оселъ; вверху надпись: «Завоевателю».

Двойникъ этой карикатуры: Возвращеніе домой русскаго ратника. Ратникъ несетъ на штыкѣ французовъ; мальчикъ, его сынъ, на древкѣ французскаго знамени ѣдетъ верхомъ. Подпись: «Для курьёзу ребятишкамъ бирюльки несу!»

Крестьянинъ Иванъ Долбила. «Постой, мусью! Не вдругъ пройдешь! Здѣсь хоть мужички — да все Русскіе!» Слѣдуетъ угощеніе врага, съ подписью: «Вотъ и вилы тройчатки; пригодились убирать да укладывать! Ну, мусью, полно вздрагивать!»

Подобная же картинка, съ подписью:

Русскій Геркулесъ
Загналъ Французовъ въ лѣсъ
И давитъ, какъ мухъ!

Картинка: Вологодскій ратникъ. Подпись: «Французъ: «Пардонъ!» — А-га! пардонъ, колчаногій? Поминай, какъ тебя звали! Сидѣлъ бы ты дома, такъ не докорилъ бы тебя Ерема!»

Торжественный въѣздъ въ Парижъ непобѣдимой французской арміи. Торжественное шествіе слѣпыхъ, хромыхъ,

безногихъ, на деревяшкахъ; на плечахъ несутъ похоронные знаки. По бокамъ улицы скамьи для зрителей, съ нумерами для продажи мѣстъ, пустыя.

Французы-крысы въ гостяхъ у старостихи Василисы. Подпись:

Добрыхъ людей
Да званыхъ гостей
Съ честью у насъ встрѣчаютъ
И въ передній уголъ сажаютъ.
Знать, вы въ Москвѣ-то не солоно похлебали,
Что хуже прежняго и тоще стали!
А кабы занесло васъ въ Питеръ,
Онъ бы вамъ всѣ бока повытеръ!

Эта картина возбуждала въ народѣ особое сочувствіе.

Глобусъ Россіи въ рукахъ врага. Подпись: «Вотъ тебѣ село да вотчина, чтобъ тебя вело да корчило!»

Русская хлѣбъ-соль. Нарисованы палка и бомбы. Подпись: «Что-жъ, батюшка, бѣжишь? вотъ тебѣ хлѣбъ-соль!»

Ледяная гора, съ которой катится величіе французскихъ временщиковъ. Подпись: «Не все коту масляница!»

Ловля рыбы. Подпись:

«Казакъ петлей вокругъ шей
Французовъ удитъ, какъ ершей:
И мелкую сію скотину
Кладетъ въ корзину...»

Пляска Наполеона подъ кнутомъ ратника, при игрѣ мужика на свирѣли. Подпись:

«И мы твою, братъ, слышали, погудку;
Въ присядку попляши теперь подъ нашу дудку!»

Наполеонъ пляшетъ и припѣваетъ, взявшись за бока:

Ахъ, скучно мнѣ
На чужой сторонѣ!

Смотръ французскимъ войскамъ на обратномъ походѣ черезъ Смоленскъ. Французы стоятъ, одѣтые въ пучки сѣна, въ ведра, вмѣсто шишаковъ, въ юбки, фуфайки; тутъ же лошадь, подпертая дрекольемъ. Подпись: «Хотя одѣты некрасиво, да тепло!»

По «Монитёру»: «Усердная и добровольная поставка рекрутъ отъ французскаго народа своему императору». Нарисованы: калѣка, дряхлый старикъ и общипанный уличный мальчишка. Подпись: «Отъ двухъ департаментовъ три рекрута и двѣ лошади».

Ретирада французской конницы, съѣвшей въ Россіи лошадей. Нарисованы уланы, кирасиры, гусары, мамелюки, кто на конькахъ, кто на пикѣ верхомъ, кто въ салопѣ, а кто съ лошадинымъ окорокомъ подъ мышкой, про запасъ.

Карикатуры — Терентьевна, доколачивающая башмакомъ безпардоннаго француза, и Свинья-парламентеръ и Наполеонъ—отличаются мастерскимъ выполненіемъ, равно какъ и три сатиры: Французы-учителя и всякіе проходимцы, оставляющіе Россію, — французское воспитаніе и набиваніе головы ребенка западнымъ зломъ...

За карикатурой: Пусканіе Наполеономъ мыльныхъ пузырей, причемъ на мыльныхъ пузыряхъ надписи его замысловъ: «Порабощеніе Англіи! — Походъ въ Индію! — Присвоеніе всемірной торговли! — Взятіе Петербурга! — Взятіе Риги! — Взятіе Калуги!» — слѣдуютъ карикатуры: Посъ, привезенный Наполеономъ изъ Россіи въ Парижъ, и Наполеонъ въ Парижѣ, изображенный на громадныхъ ходуляхъ, съ подписью:

Кто смѣлъ разнесть столь ложны слухи,
Что будто сталъ я меньше мухи?

Въ утѣшеніе Бонапарту, карикатура: Наполеонъ, прикладывающій себѣ пластыри—листки «Монитёра».

Кухня главной квартиры въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ. На полу валяются мыши, лягушки, всякая падаль, кошки и собаки; а бабушка Кузьминишна угощаетъ французскихъ мародеровъ щами-кипяткомъ.

Наполеонъ пускаетъ змѣя бумажнаго. На рисункѣ змѣй падаетъ, потому что штыкъ «1813 годъ» протыкаетъ его. Другой рисунокъ: Карнавалъ или парижскія игрища, гдѣ Наполеонъ изображенъ въ видѣ паяца, занимающаго публику.

Картина съ надписью: «Жидъ обманываетъ вещами, цыганъ лошадьми, французъ воспитаніемъ!» Внизу вопросъ: «Который вреднѣе?» — и другая символическая: Портретъ Наполеона; лицо состоитъ изъ труповъ; звѣзда на груди изъ его политической паутины; волосы изъ змѣй, и т. д.

На нѣкоторыхъ теребеневскихъ карикатурахъ подпись: «Взято изъ «Сына Отечества», 1813 года».

Въ числѣ десяти теребеневскихъ карикатуръ, изданныхъ въ 1855 году, находятся: 1) Французскій вояжеръ въ 1812 году. Изображенъ Наполеонъ на салазкахъ, привязанныхъ къ хвосту свиньи. Онъ говоритъ: «Въ Парижѣ —

прокладна, на Москва—очинь жарко!» а свинья отвѣчаетъ: «Уй, уй, уй, мусью!»—2) «Наполеонъ у Русскихъ въ банѣ», съ подписями: «Наполеонъ: «Эдакого мученья я съ роду не терпѣлъ; меня скоблятъ и жарятъ, какъ въ аду!» — Ратникъ: «Отдувайся, коли самъ полѣзъ въ русскую баню; попотѣй хорошенько, а мы не устанемъ поддавать пару».— Солдатъ: «Патремъ тебѣ и бока, и спину. и затылокъ; будешь помнить легкую нашу руку». — Казакъ: «Побрѣемъ тебя, погладимъ, молодцомъ поставимъ!» — 3) «Наполеонъ, разбитый при Люценѣ, прикладываетъ пластырь изъ бюллетеней».—4) Обратный путь или дѣйствіе русскаго слабительнаго порошка.—5) Казакъ вручаетъ Наполеону визитный билетъ на взаимое посѣщеніе въ Парижѣ, съ надписью на билетѣ: Москва. 6) Казацкая шутка, извѣстная продѣлка надъ буквой Н (Наполеонъ) въ Берлинѣ. 7) Наполеонъ, въ намѣреніи уничтожить Пруссію, грибъ съѣлъ, — мастерской рисунокъ гриба, подъ носомъ Бонапарта. 8) Разрушеніе всемірной монархіи. 9) Кораблекрушеніе; корабль летитъ на раздутыхъ парусахъ, съ надписями на нихъ: Италія, Франція, Баварія, Саксонія, Рейнскій союзъ и другіе; онъ разбивается о скалу, съ надписью: Москва; Наполеонъ спасается по морю на лодочкѣ. И 10) «Угощеніе Наполеону въ Россіи», съ надписью:

Свое добро тебѣ пріѣлось,
Гостинцевъ русскихъ захотѣлось;
Вотъ сласти русскія, поѣшь, не подавись.
Вотъ съ перцемъ сбитенёкъ, попей, не обожгись!

При этомъ Наполеона сажаютъ въ бочку съ «*калужскимъ* тѣстомъ», въ ротъ тычутъ ему пряникъ, съ надписью: «*Вяземскій* пряникъ», а въ кружку ему льютъ сбитень, съ надписью на самоварѣ: «Вскипяченъ на *московскомъ* пожарищѣ».

II.

МОСКОВСКАЯ ЧУМА 1770—1771 ГОДА.

«Исторія — лучшій наставникъ человѣчества».
Императрица Екатерина II.

Сто десять лѣтъ назадъ Россія вела войну съ Турціей. Пробравшись изъ Азіи, чума (Pestis Indica) долго слѣдила тогда за воюющими арміями, поражая тѣхъ, кого щадили ядра и пули, и черезъ Нѣжинъ и Кіевъ наконецъ двинулась къ Серпухову, на сѣверъ.

Въ декабрѣ 1770 г. страшные признаки чумы обозначались, по словамъ императрицы Екатерины, въ Москвѣ. («Сборникъ историческаго общества», т. XIII, 1871 г., стр. 192). Морозы задержали-было ея развитіе. Но *съ первымъ теплымъ весны* слѣдующаго 1771 года, моровая язва распространилась въ Москвѣ съ ужасающей силой. Ее, по словамъ Екатерины, туда завезли съ суконныхъ фабрикъ, вмѣстѣ съ шерстью, изъ Серпухова. (Тамъ же). Трупы людей, умершихъ отъ чумы, валялись по улицамъ; чернь грабила одежды съ мертвыхъ, врывалась въ зачумленные дома. Населеніе Москвы въ отчаяніи и страхѣ бросилось въ окрестныя села и города. Московскій главнокомандующій, старикъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, также бѣжалъ изъ столицы въ свое подмосковное помѣстье, село Марьино; за нимъ изъ города выѣхали другія знатныя лица и всѣ, кто имѣлъ средства скрыться въ другихъ мѣстахъ.

Императрица Екатерина въ апрѣлѣ 1771 года, поручивъ генералъ-аъютанту графу Якову Брюссу учрежденіе вокругъ

Петербурга карантинныхъ заставъ, для предупрежденія моровой язвы, собственноручно писала ему: «Въ разсужденіе оказавшихся въ Москвѣ прилипчивыхъ горячекъ съ пятнами, *о коихъ нынѣ еще доктора спорятъ, какъ оныя именовать*». Она приказала устроить, сверхъ петербургской, еще слѣдующія заставы отъ Москвы: первую въ Твери, вторую въ Вышнемъ-Волочкѣ, третью въ Бронницахъ, и кромѣ того, на дорогахъ, идущихъ къ Петербургу, «яко знатнѣйшему въ имперіи порту», особыя заставы: на старо-русской, тихвинской, новой и старой новгородской и на смоленской дорогахъ. На этихъ заставахъ были опредѣлены «гвардіи офицеры, съ командами», для наикрѣпчайшаго смотрѣнія, чтобъ никто безъ осмотра и окуренія не былъ пропущенъ изъ ѣдущихъ и пѣшихъ, съ ихъ экипажемъ и пожитками. Тогда же Екатерина велѣла отпустить въ карантины нужные медикаменты и достаточное число врачей. Мѣсяцемъ ранѣе, а именно еще въ мартѣ 1771 г., Екатерина подобныя же полномочія дала въ Москву генералъ-поручику Петру Дмитріевичу Еропкину: (Сбор. ист. общ. 1874 г., XIII т., стр. 80—81).

Между тѣмъ, 18 мая того же года Екатерина писала къ госпожѣ Бьелкѣ (урожденной Гроттусъ): «Тому, кто вамъ скажетъ, что въ Москвѣ чума (la peste), скажите, что онъ *солгалъ*; тамъ были только случаи горячекъ, гнилой и съ пятнами (fièvres putrides et pourprées); но для прекращенія паническаго страха и толковъ, я взяла всѣ предосторожности. Теперь жалуются на строгіе карантины. Не изувѣры ли тѣ, которые видятъ чуму тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ?» (Тамъ же, стр. 95).

Съ началомъ сентября дѣло, однако, приняло иной оборотъ; 5 сентября Екатерина отвѣчала московскимъ сенаторамъ, по поводу моровой язвы: «Мы вѣдаемъ, что безспорно великая препона быть можетъ скорому учрежденію нашихъ предписаній обширность города,—состояніе домовъ, нравы, застарѣлые обычаи... Но — надлежитъ преодолѣть препятствія, а не ими страшиться,—помогать учрежденію, сдѣланному для общей безопасности отъ мора».—Повелѣвалось на тридцать верстъ вокругъ Москвы опорожнять подъ карантины дома, выводя жителей въ другія мѣста, а гдѣ нѣтъ домовъ—строить ихъ на счетъ казны; для избавленія людей отъ голода и холода имѣть подрядчиковъ, подвозить при-

пасы,—а наипаче предписывать смотрѣть: «чтобы гражданамъ не было сдѣлано отъ корыстолюбія подлыхъ душъ *утѣсненія и угнетенія*». (Тамъ же, стр. 164).

9 сентября вышелъ собственноручный манифестъ императрицы—о принятіи общихъ мѣръ противъ чумы, со ссылкой на указы о томъ же предметѣ отъ 1738 года. Въ манифестѣ Екатерина съ соболѣзнованіемъ указывала на тѣхъ, «кои, поставляя карантинъ себѣ за великое отягощеніе, скрываютъ больныхъ и не объявляютъ о нихъ поставленнымъ въ каждой части города начальникамъ; другіе, оставляя больныхъ въ домахъ однихъ, безъ помощи и попеченія, сами разбѣгаются и разносятъ болѣзнь и трепетъ, которыми заражены; третьи вынашиваютъ скрытно мертвыхъ и кидаютъ на улицѣ христіанскія тѣла безъ погребенія, распространяя заразу единственно, чтобъ не разстаться съ зараженными пожитками и не подвергнуться осмотру приставленныхъ къ тому людей». Манифестъ кончался словами: «Всякое же угнетеніе, утѣсненіе, грубость и нахальство всѣмъ и каждому запрещаемъ употреблять,—наипаче же *паки и паки наистрожайше запрещаемъ* всѣмъ начальникамъ и подчиненнымъ, *брать взятки* и лихоимствовать, какъ при осмотрахъ, такъ и при выводѣ въ карантинъ». (Тамъ же, стр. 166).

10 сентября 1771 г. Екатерина въ письмѣ къ гр. П. И. Панину писала: «Язва на Москвѣ, слава Богу, умаляться начала»...

Но черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ произошелъ бунтъ, убійство архіепископа, и было рѣшено отправить туда съ высшими полномочіями довѣренную отъ императрицы особу. Чумный бунтъ 16—17 сентября подробно описанъ Екатериною уже нѣсколько позднѣе, а именно 3 октября, въ письмѣ къ г-жѣ Бьелкѣ и къ Вольтеру. (Сборникъ ист. общ. 1874 г., т. XIII, стр. 172—174, 175—178).

Въ письмѣ къ Вольтеру Екатерина выразилась по этому поводу: «Москва—особый міръ, а не городъ». Еще позднѣе, 20-го октября того же года, описывая *чумный бунтъ* А. И. Бибикову, Екатерина объ этихъ событіяхъ сказала: «*За московскими дурнотами* я на ваши письма до днесь не отвѣтствовала. Проводили и мы мѣсяцъ (сентябрь) въ такихъ обстоятельствахъ, какъ Петръ Великій жилъ *тридцать лѣтъ*. Онъ сквозь всѣхъ трудностей продрался со славою; мы на-

дѣемся изъ нихъ выйти съ честью. Слабость фельдмаршала Салтыкова превзошла понятіе, ибо онъ не устыдился просить увольненія, когда своею персоною нужнѣе тамъ былъ, и не ожидавъ увольненія— выѣхалъ,—чаять можно,—забавляться со псами. Обыкновенная полиція стала коротка, мать наша Москва велика; ударили въ набатъ; чернь кинулась въ Кремль архіерея искать; оберъ-полицеймейстеръ сталъ коротокъ, а отчасти и оплошалъ» и пр. (Тамъ же, стр. 179—180).

Въ половинѣ сентября 1771 г. положеніе Москвы было невыносимое. Въ день умирало до 800 и 1,000 человѣкъ... Дворяне и все чиновничество бѣжало изъ столицы. Присутствія сами собою закрылись. Даже медики, оставшіеся въ городѣ, опустили руки, утверждая, что до наступленія новой стужи невозможно избавиться отъ чумы. Народъ сталъ толпиться у Варварскихъ воротъ, принося даянія иконѣ Боголюбской Богоматери. Архіепископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, родомъ молдаванинъ, приказалъ запечатать сундукъ по сбору даяній и перенести икону въ другое мѣсто, чтобъ устранить скопленіе народа въ тѣсномъ пространствѣ, куда приходили чумные, умирая здѣсь же у воротъ. Разъяренная чернь, съ криками: «грабятъ Боголюбскую Богородицу», а по письму Екатерины къ Вольтеру (отъ 6 окт., Сбор. ист. общ. т. XIII, стр. 75 — 76) съ криками: «архіерей хочетъ ограбить казну Богоматери! надо его убить!» — бросилась сперва въ Чудовъ монастырь, гдѣ не нашла Амвросія (онъ въ крестьянской сермягѣ ушелъ тайнымъ подземнымъ ходомъ изъ Кремля), затѣмъ въ Донской монастырь. Тамъ его нашли, вытащили изъ алтаря и звѣрски убили. Приставъ одной изъ карантинныхъ частей города, генералъ П. Д. Еропкинъ, съ 30—40 гвардейскими инвалидами и съ двумя пушченками (по словамъ императрицы) отважился выйти противъ взбунтовавшейся черни (разбившей и выпившей винные склады въ Чудовомъ монастырѣ) и разогналъ ее нѣсколькими залпами картечи, положа на мѣстѣ до тысячи мятежниковъ. Такъ кончился памятный донынѣ въ Москвѣ «чумный бунтъ» или Софьинъ-день 1771 года.

Подробное описаніе этого бунта, составленное протоіереемъ Петромъ Алексѣевымъ, напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г. (ч. I, стр. 910—916).

По словамъ этого очевидца, Амвросій Зертисъ-Каменскій

уѣхалъ изъ Кремля въ кибиткѣ, съ племянникомъ Николаемъ, Н. Бантышъ-Каменскимъ (отцомъ извѣстнаго писателя Д. Н.), когда мятежники, избивъ консисторскаго канцеляриста и солдатъ, пришедшихъ печатать сундукъ съ деньгами у Варварскихъ воротъ, бросились въ Кремль, выломавъ и его ворота. Толпа была вооружена кольями, камнями, топорами и кистенями. Найдя Амвросія на хорахъ за алтаремъ и стащивъ его оттуда за волосы, бунтовщики дали ему, по его просьбѣ, приложиться къ образу Донской Богоматери и затѣмъ стали его допрашивать:

— Ты ли не велѣлъ хоронить покойниковъ *у церквей* (карантинное правило)?

— Ты ли присудилъ забирать насъ *въ карантины?*

— Кто съ тобой въ *этой думѣ* заодно?

Несчастнаго архіерея послѣ допроса били дубьемъ «близъ двухъ часовъ». Бросивъ полумертваго страдальца, убійцы возвратились къ нему опять, видя, что у него «одна рука правая отмашкою двигнулася» — и стали опять бить его кольями по головѣ. То же повторилось, когда «пожался тотъ страдалецъ раменами». Одинъ «церковникъ» послѣднимъ довершилъ его ударомъ «отрубя нѣсколько отъ главы, коя часть надъ глазомъ и осталася висящею» (Русск. Архивъ 1863 г., ч. I, стр. 913—914).

Первый натискъ Еропкина чуть не кончился для него бѣдою. Мятежники такъ нажали его солдатъ, что тѣ бросились бѣжать, и Еропкинъ едва успѣлъ увезти свою пушку къ Спасскимъ воротамъ съ помощью штыковъ. Ему помогъ подоспѣвшій отрядъ великолуцкаго полка. Чернь разсѣялась отъ картечи; но ея расходившіеся звонари «у набатныхъ колоколовъ» до того старались, что солдаты едва стащили ихъ съ колоколенъ «на штыкахъ». Кремль и всѣ входы въ него Еропкинъ занялъ солдатами, подъ командою бывшихъ у него гвардейскихъ офицеровъ. (Тамъ же).

Императрица, еще не зная о чумномъ бунтѣ, рѣшила послать въ Москву графа Григорія Григорьевича Орлова. Объ этомъ ея рѣшеніи остался слѣдъ въ ея опубликованной перепискѣ и въ архивѣ государственнаго совѣта (т. I, ч. 1-я, стр. 412, протоколъ 19-го сентября 1771 года).

19-го сентября въ совѣтѣ императрицы была объявлена высочайшая ея воля послать въ Москву такую «довѣренную особу, коя бы, имѣя полную власть, въ состояніи была

избавить тотъ городъ (Москву) отъ совершенной погибели». Совѣтъ тотчасъ же приступилъ къ сужденію «объ изысканіи сей особы», а 21-го одобрилъ и «заготовленную для дачи *посылаемому въ Москву* генералъ-фельдцехмейстеру Орлову полную мочь въ дѣланіи тамъ всего, что за нужное найдетъ къ избавленію отъ заразы». Въ письмѣ къ Вольтеру (Переписка Екатерины съ Вольтеромъ, ч. 2, стр. 39) императрица выразилась: «Графъ Орловъ *просилъ меня* позволить ему отправиться въ Москву, дабы разсмотрѣть на мѣстѣ, какія можно пристойнѣйшія мѣры взять къ прекращенію сего зла. Я согласилась—не безъ ощущенія сильной горечи». Въ то время (около 12-го сентября) въ Москвѣ умирало *уже болѣе 800 человѣкъ въ сутки*. (Архивъ госуд. совѣта, т. I, ч. 1, стр. 142).

Орловъ выѣхалъ изъ Петербурга 21-го сентября въ Подберезье; по пути, 22-го числа, его встрѣтила вѣсть о московскомъ мятежѣ и объ убійствѣ Амвросія. Онъ безъ колебанія продолжалъ путь и по страшной осенней распутицѣ прибылъ въ Москву 26-го сентября. Екатерина писала Бибикову (20-го октября): «Тамо до его пріѣзда всѣ, по образцу графа Салтыкова, получа terreur panique, отъ язвы по норамъ расползлись, но теперь паки возвратились по мѣстамъ. Старый хрычъ фельдмаршалъ уволенъ».

Съ Орловымъ въ Москву пріѣхали искусный въ то время хирургъ Тодте (Todte) и нѣсколько расторопныхъ гвардейскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ знаменитый впослѣдствіи Архаровъ, преображенскій капитанъ Сем. Бор. Волоцкой и семеновскіе капитаны—князь Сер. Ив. Одоевскій и А. Дм. Симоновъ. По окончаніи чумной заразы эти офицеры получили похвальныя письма императрицы и по тысячѣ червонцевъ награды (см. Сборникъ имп. истор. общ. 1874 г., т. XIII, стр. 184). Одинъ изъ командированныхъ офицеровъ, преображенскій капитанъ, Александръ Александровичъ Саблуковъ, оставилъ любопытные документы о пребываніи своемъ въ Москвѣ во время чумы 1771 г..—письма его въ копіяхъ къ родителямъ, переписку комиссіи исполнительной и врачебной и даже свои расходныя тетради во время завѣдыванія имъ московскими карантинными домами. Эти документы, сохранившіеся въ фамильномъ архивѣ его внука, П. А. Муханова, напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г. (т. IV, стр. 330—339).

Будучи посланъ въ Москву ранѣе своихъ товарищей (9-го августа 1771 г.), еще въ распоряженіе Еропкина, Саблуковъ находился тамъ «въ самое лютѣйшее и опасное время, когда зараза свирѣпствовала» — и, будучи дѣятельнѣйшимъ пособникомъ Еропкина по усмиренію чумнаго бунта, оставался въ Москвѣ до закрытія всѣхъ комиссій, т.-е. до декабря слѣдующаго 1772 г. По его словамъ, къ Еропкину было отправлено «нарочитое число другихъ лейбъ-гвардіи офицеровъ и унтеръ-офицеровъ». Чумной бунтъ, по приказу Еропкина, Саблуковъ укротилъ при помощи «своей дивизіи изъ восьмидесяти-восьми престарѣлыхъ гвардейскихъ солдатъ и одной полковой пушки». Ему помогалъ капитанъ Волоцкой, съ которымъ онъ, разогнавъ толпу, двое сутокъ оставался на мосту у рва, противъ Спасскихъ воротъ, охраняя входъ черезъ нихъ въ Кремль.

Радость Москвы при появленіи среди нея «ближайшей къ императрицѣ особы» — графа Григорія Орлова — была неописанная. Любимый тогдашній поэтъ-москвичъ Василій Майковъ такъ привѣтствовалъ пріѣздъ графа Орлова:

«Не тѣмъ ты есть великъ, что ты вельможа первый:—
Достойно симъ почтенъ отъ росской ты Минервы
За множество твоихъ къ Отечеству заслугъ!—
Но тѣмъ, что обществу всегда ты вѣрный другъ...
Не самую ль къ нему ты дружбу тѣмъ являешь,
Когда ты спасть Москву отъ бѣдствія желаешь?
Дерзай, прехрабрый мужъ, дерзай на подвигъ сей,
Возстанови покой межъ страждущихъ людей...
Когда жъ потщишься ты Москву отъ бѣдъ избавить,
Ей должно образъ твой среди себя поставить—
И вырѣзать сіи на камени слова:
«Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва!»

(Замѣчательно, что впослѣдствіи именно этотъ самый, послѣдній стихъ Майкова вырѣзанъ на памятникѣ въ честь подвига Орлова въ Царскомъ Селѣ).

Исполненіе порученія императрицы далось, впрочемъ, Орлову не легко. Его ожидали всякаго рода затрудненія и непріятности. Началось съ поджога Головинскаго дворца (нынѣ мѣсто лицея Цесаревича), гдѣ Орловъ остановился, немедленно учредивъ двѣ комиссіи: противочумную и слѣдственную по дѣлу убіенія архіепископа Амвросія. («Жизнеописаніе князя Г. Г. Орлова» — А. П. Барсукова, Русскій Архивъ, 1873 г., ч. I, стр. 67—75).

Стремясь къ устраненію главнѣйшей причины размноженія заразы, т.-е. народнаго отвращенія къ больницамъ и карантинамъ, гдѣ дѣйствовали грубые и невѣжественные тогдашніе чиновники и врачи, — Орловъ лично ободрялъ москвичей, обходилъ больницы, строго наблюдалъ за пищей и лѣкарствами. Потомокъ убитаго Амвросія, Дмитрій Бантышъ-Каменскій (см. его «Словарь достопамятныхъ людей русской земли» 1836 г., ч. IV, стр. 49—53) говоритъ о немъ: «Орловъ прекратилъ *народныя сходки*, *посѣщалъ госпитали* (чумные), оказывалъ человѣколюбивое пособіе зараженнымъ, неослабно *надзиралъ за врачами*, приказывалъ сожигать платье, бѣлье, кровати умиравшихъ отъ чумы».

Народъ ежедневно видѣлъ среди себя Орлова, всегда веселаго, привѣтливаго, щедро разсыпавшаго пособія отъ лица государыни. Черезъ мѣсяцъ по его прибытіи въ Москву, тамъ среднимъ числомъ уже умирало въ день не болѣе 353 человѣкъ. (Архивъ государственнаго совѣта, т. 1, ч. I, стр. 423).

По преданію, строгость карантиновъ при Орловѣ была такъ велика, что вокругъ всей Москвы былъ устроенъ высокій частоколъ; бывшимъ подъ командой гвардейскихъ офицеровъ солдатамъ, державшимъ пикеты вокругъ Москвы, велѣно было *стрѣлять* по всякому, кто рѣшался прорываться безъ осмотра сквозь карантинную цѣпь, — причемъ особые стрѣлки обязательно убивали выбѣгавшихъ изъ Москвы *собакъ* и даже перелетавшихъ черезъ кордоны *сорокъ* и *воронъ*, какъ плотоядныхъ птицъ. Частныя и дѣловыя письма, даже проткнутыя и прокуренныя сѣрой, въ первое время, на особо-установленныхъ почтовыхъ пунктахъ не передавались изъ рукъ въ руки за цѣпь, а перебрасывались на стрѣлахъ. (Слышано отъ внука еврея Розенберга, ѣздившаго въ то время въ Москву за покупкой серебряныхъ издѣлій для Полтавы).

Ѣдущіе изъ Москвы держали въ Твери недѣльный, а въ Торжкѣ *шестинедѣльный* карантинъ (Архивъ госуд. сов., т. 1, ч. I, стр. 413).

Саблуковъ оставилъ небезынтересныя свѣдѣнія объ остромъ періодѣ московской чумы. Онъ писалъ, между прочимъ, къ своему отцу отъ 22 августа 1771 г.: «Занимать денегъ не у кого; почти всѣ господа разъѣхались по деревнямъ». «У меня въ командѣ 1,000 дворовъ; ежегодно имѣю дѣло съ

300 чел. (больныхъ). Приходится сталкиваться съ полицейскими крючками» (29 августа). Далѣе онъ пишетъ:

«Язва гораздо умножилась и нѣтъ никакого способа ее совсѣмъ искоренить, да и *медики утверждаютъ, что до наступленія стужи отъ нея избавиться нельзя.* Народъ часъ отъ часу убываетъ; *всѣ мастеровые, хлѣбники, пирожники, разнощики всякіе* — расходятся по деревнямъ. Изъ моей части въ шесть дней вышло около 700 человѣкъ. Ихъ осматриваютъ доктора и выдаютъ билеты о здоровьи» (20 авг. и 1 сентября). «Суды всѣ заперты» (5 сентября). «Во дворахъ остается не болѣе, какъ человѣка по три, а въ господскихъ домахъ оставлено только по одному дворнику» (8 сент.). Описавъ чумный бунтъ и распоряженія Орлова, — онъ отъ 27 октября пишетъ отцу: «чума уменьшается», а отъ 5 января 1772 г. извѣщаетъ: «Въ моей части уже шесть недѣль все, слава Богу, благополучно!»

О дѣятельности Орлова Екатерина писала къ г. Бьелке, 13 ноября 1771 г. «Вообще эта болѣзнь ходитъ только между чернью; люди высшихъ сословій отъ нея изъяты, принимая необходимыя предосторожности. *Графъ Орловъ не только запретилъ хоронить въ городѣ*, но даже не иначе позволяетъ народу слушать литургію, *какъ оставаясь внѣ церкви, во время богослуженія.* Наши церкви малы, всѣ молятся стоя и обыкновенно бываетъ большая давка; притомъ извнѣ слышно хорошо, такъ какъ обѣдня всегда громко служится и поется. Народъ отъ такихъ увѣщаній сдѣлался такъ благоразуменъ, что даже не поднимаетъ денегъ, если они попадаются ему подъ ногами («Сборникъ ист. общ.», т. XIII, 1874 г., стр. 186).

Въ собственноручномъ черновомъ наставленіи князю Михаилу Волконскому, смѣнившему Орлова по ослабленіи чумы, Екатерина писала, въ ноябрѣ 1771 г., что передъ пріѣздомъ въ Москву Орлова тамъ «отъ 800 до 1,000 человѣкъ въ день мерло» и что онъ нашелъ всѣ тамошнія правительства «разныя въ *незасѣданіи*, всѣхъ людей въ унынiи, отчаянiи и худомъ послушанiи» — и что зло прекратилось Орловымъ при помощи сенаторовъ Мельгунова, Ершкина и Дмитрія Волкова, а также оберъ-прокурора Всеволожскаго и Баскакова. Посылая князя Волконскаго начальствовать въ Москву, Екатерина писала ему (6 пунктъ наставленія): «Предписуя вамъ строгое взысканіе отъ всѣхъ

исполненія законовъ, учрежденій и повелѣній, не разумѣемъ мы отнюдь подъ симъ, чтобы вы неумѣренною строгостью всѣхъ приводили въ *страхъ и трепетъ...*» Московскій отставной батальонъ гвардіи, столько оказавшій пользы во время чумы, императрица велѣла Мельгунову, по окончаніи заразы, перевести въ Муромъ. Ему же она рекомендовала слѣдующую разумную мѣру: «Весьма бъ полезно было, если бъ большіе фабриканты добровольно согласились *перенести фабрики* въ уѣздные города; ибо Москва отнюдь не способна для фабрикъ: тамо и дешевле, и работники менѣе подвержены всякимъ неистовствамъ».

По словамъ Екатерины, въ письмѣ ея отъ 3-го декабря 1771 г. къ Вольтеру, въ день выѣзда Орлова изъ Москвы (28-го ноября), тамъ было только двое умершихъ. Передъ выѣздомъ его изъ Москвы, какъ говоритъ Екатерина въ письмѣ къ г-жѣ Бьелке, изъ 1,965 больныхъ умирало только 38 человѣкъ. Могилы рыли каторжные, получая за работу по 30—40 коп. отъ могилы.

5-го декабря Орловъ представилъ совѣту императрицы отчетъ о своей дѣятельности, гдѣ заявилъ, что «*попущенія карантинныхъ* частныхъ *смотрителей* и ихъ грабежъ въ зараженныхъ домахъ были главною причиною распространенія болѣзни, народнаго отвращенія къ карантинамъ и мятежа, и что съ начала язвы по ноябрь въ Москвѣ умерло отъ чумы 50,000 человѣкъ. Уѣзжая изъ Москвы, Орловъ учредилъ тамъ хлѣбные магазины для пропитанія народа (Архивъ госуд. совѣта, т. 1, ч. I, стр. 425).

Возвращеніе Орлова въ Петербургъ было привѣтствовано торжествами. Кромѣ тріумфальныхъ воротъ въ Царскомъ Селѣ (на дорогѣ въ Гатчину), въ честь Орлова была выбита медаль съ его портретомъ и изображеніемъ Курція, бросающагося въ пропасть, съ надписью: «И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ».

1879 г.

Оглавленіе

XVIII ТОМА

	стр.
Екатерина Великая на Днѣпрѣ (1787 г. Разсказъ).	5
Царь Алексѣй, съ соколомъ.	22
Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя.	37
Шарикъ.	53
Дѣвочка.	70
Пасѣчники.	87

Мелкія статьи

I. Карикатура въ Россіи (въ старину).	115
II. Московская чума 1770—1771 года.	125

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

СВЯТОЧНЫЕ ВЕЧЕРА.

Отъ автора.

Въ зиму 1879 года, во время господствовавшей въ Царицынѣ «ветлянской чумы», въ Петербургѣ была сильная паника, по поводу такъ названной тогда, открытой врачами «Прокофьевской чумы». Въ обществѣ ни о чемъ другомъ столько не говорили, какъ о чумѣ. Въ одномъ кружкѣ, собиравшемся у милаго, образованнаго старожила Петербурга, возникла мысль избрать, для развлеченія себя иную тему разговоровъ,—а именно, обязательное сообщеніе каждымъ изъ членовъ кружка, по очереди, фантастическихъ разсказовъ, въ родѣ тѣхъ, которые написалъ когда-то знаменитый Боккачіо, во время бывшей въ XIV вѣкѣ «Флорентійской чумы». Осуществленію этой мысли способствовало то обстоятельство, что въ упомянутомъ гостепріимномъ кружкѣ собирались любители безгрѣшныхъ сказокъ о привидѣніяхъ, явленіяхъ духовъ и прочей бѣсовщинѣ, въ родѣ старинныхъ разсказовъ: «Вечера на Хопрѣ»,—«Панъ Твардовскій»,—«Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 году» и др. Общество было, такимъ образомъ, съ фантастической подкладкой. Автору было поручено составленіе протоколовъ предпринятыхъ бесѣдъ, изъ чего и составлены нижеприводимые святочные разсказы.

I.

Мертвецъ-убійца.

Это случилось въ прошломъ, XVIII вѣкѣ, въ царствованіе Екатерины II. Въ большомъ великорусскомъ селѣ скончался скоропостижно зажиточный, одинокій крестьянинъ. слывшій за знахаря и упыря. «Бѣда, — стали толковать крестьяне: — при жизни поѣдомъ всѣхъ ѣлъ; не дастъ покоя и послѣ смерти». — Его положили въ гробъ, вынесли на ночь въ церковь и выкопали для него яму на кладбищѣ. Похороны ожидались «постныя»: не только сосѣди жутко посматривали на опустѣвшую избу покойника, даже болѣе храбрый церковный причтъ почесывался, собираясь его отпѣвать. А тутъ еще подошла непогода, затрещалъ морозъ, загудѣла метель по задворкамъ и въ сосѣднемъ, дремучемъ лѣсу. Первый изъ причта не выдержалъ, очевидно струсилъ, дьяконъ. Пришелъ къ священнику, сталъ проситься, наканунѣ похоронъ, въ дальнее село, навѣстить умирающую тещу. — «Какъ же ты ѣдешь?—уперся попъ:— кто же будетъ помогать при отпѣваніи? нешто не знаешь, какая мошна? родичи чай вотъ какъ отблагодарятъ». — «Не могу, отче, ради Господа, отпусти».

Отпустилъ попъ дьякона, остался съ однимъ дьячкомъ. Дьячекъ прозвонилъ до зари къ заутренней, отперъ церковь, вошелъ туда съ попомъ и зажегъ свѣчи. Началась служба въ пустой, холодной, старой церкви. Стужа ли замкнула всѣ двери села, покойникъ ли пугалъ старухъ и стариковъ, только никто изъ прихожанъ не явился къ заутренней.

Дьячекъ читаетъ молитвы, напѣваетъ, пряча носъ въ шубейку, а самъ, вторя священнику, возглашавшему изъ алтаря, все посматриваетъ на мертвеца, лежавшаго въ гробу, подъ пеленой, среди церкви.

Заря еще не занималась. На дворѣ была непроглядная тьма. Въ окна похлестывалъ уносимый метелью снѣгъ, на колокольнѣ что-то съ вѣтромъ выло, и скрипѣли петли ставней и наружныхъ дверей. Желтенькія, крохотныя свѣчи чуть теплились у темныхъ, древнихъ образовъ.

И вдругъ дьячку показалось, что убогій, потертый цер-

ковный покровъ шевельнулся на мертвецѣ. Причетникъ потеръ глаза, подумалъ:—«Съ нами крестная сила!»—и опять сталъ читать по книгѣ. А глаза такъ и тянетъ снова посмотрѣть на средину темной, холодной церкви.

Не вытерпѣлъ дьячекъ, глянулъ и видитъ: у мертвеца шевелится борода, будто онъ дышитъ, уставился на царскія двери.

— Батюшка! — сказалъ дьячекъ съ клироса, остановясь читать:—у насъ не ладно.

— Что тамъ?

— Мертвецъ ожилъ, страшно мнѣ.

— Полно, неразумный, молись о Господѣ! — отвѣтилъ попъ, продолжая службу.

Дьячекъ отвернулся, углубился въ книгу. Долго ли онъ тамъ читалъ, неизвѣстно. На дворѣ какъ будто стало свѣтать.

«Ну, слава тебѣ, Боже, скоро крикнутъ пѣтухъ», — подумалъ дьячекъ въ ту минуту, когда священникъ готовился стать въ царскихъ вратахъ, читая отпускъ съ заутренней.

Дьячекъ глянулъ опять на середину церкви, вскрикнулъ въ ужасѣ не своимъ голосомъ и лишился чувствъ...

Онъ ясно передъ тѣмъ увидалъ, какъ потомъ разсказывалъ всему селу, что мертвецъ поднялся на одрѣ, опросталъ руки изъ-подъ могильнаго покрова, посидѣлъ чуточку въ гробу и сталъ вставать—блѣдный, посинѣлый, съ страшною, трясущеюся бородой. Священникъ испуганно и безмолвно глядѣлъ на него изъ алтаря. Мертвецъ, съ распростертыми руками, раскрывъ ротъ, шелъ прямо къ попу...

Когда на дворѣ совсѣмъ разсвѣло и народъ, спохватясь долго отсутствующаго причта, вошелъ въ церковь,—передъ всѣми предстала страшная картина.

Дьячекъ безъ памяти, съ отнявшимся языкомъ, лежалъ ницъ у клироса. Въ царскихъ вратахъ лежалъ навзничь бездыханный, съ перегрызеннымъ горломъ, священникъ, а въ гробу — неподвижный, блѣдный мертвецъ, съ окровавленными губами и бородой.

Вопли и плачъ поднялись въ селѣ. Убивалась попадья, чуть не умерла отъ горя и дьячиха. Но послѣднюю отлили водой; у дьячка вернулась рѣчь, а съ нею и память. Онъ все разсказалъ, какъ было.

— Упырь, людоѣдъ! — рѣшили крестьяне міромъ: — это онъ загрызъ батюшку. Не хоронить его на кладбищѣ, а въ

лѣсу, и припечатать его не отпускной молитвой, а осиновымъ коломъ.

Отвезли знахаря-мертвеца въ самую чащу лѣса, вырыли тамъ другую яму, положили туда упыря и пробили его насквозь въ грудь осиновымъ коломъ: теперь не будетъ портить сатана неповинныхъ людей.

Священника похоронили съ честью, попадью щедро одарили, а церковь начальство, за такой святотатственный казусъ, до новыхъ распоряженій впредь, запечатало.

Остались прихожане безъ попа и безъ церкви. Ѣздили они, просили. Консисторія все собиралась произвести слѣдствіе. Благочинный бралъ посильныя приношенія, обѣщалъ уладить дѣло, но церковь не отпечатывали. Крестьяне собирались писать прошеніе, но не знали, куда подать.

Дѣло случайно дошло до свѣдѣнія Екатерины. Слушая докладъ генералъ-прокурора, кн. Вяземскаго, о разныхъ происшествіяхъ, она обратила вниманіе на случай съ упыремъ.

— Что же ты думаешь объ этомъ?—спросила императрица докладчика.

— Казусъ необычный,—отвѣтилъ генералъ-прокуроръ:—онъ коренится въ суевѣріяхъ грубой черни.

— Хороши суевѣрія... перегрызенное горло! вѣдь священника-то тоже схоронили. Отложи, князь, это дѣло вонъ на тотъ ломберный столъ и позови ко мнѣ Степана Иваныча Шешковскаго... хоть сегодня же вечеромъ, передъ оперой...

Явился къ императрицѣ знаменитый сыщикъ, глава и двигатель тайной экспедиціи, Шешковскій.

— Что благоугодно премудрой монархинѣ?—спросилъ тайный совѣтникъ и владимірскій кавалеръ, Степанъ Ивановичъ, согнувшись у двери, съ треуголомъ подъ мышкой и шпагой на боку.

— А вотъ, сударь, бумажка, прочти и скажи свое мнѣніе.

Шешковскій отошелъ съ бумагой къ окну, прочелъ ее и, подойдя къ Екатеринѣ, замеръ въ ожиданіи ея рѣшенія.

— Ну, что?—спросила она:—любопытная исторія—попъ, загрызенный мертвецомъ?

— Зѣло любопытная,—отвѣтилъ сыщикъ:—и гдѣ же, въ храмѣ!

— То-то въ храмѣ. И консисторія, запечатавъ церковь,

предлагаетъ дѣло предать волѣ божьей, а прихожанамъ, освятивъ храмъ, поставить новаго попа...

— Попущеніе Господне, за грѣхи, милосердая монархиня... Какъ иначе и быть!—произнесъ, набожно поднявъ глаза, Шешковскій.

— Ну, а я—грѣшный человѣкъ!—думаю, что здѣсь иное!—сказала императрица и, взявъ перо, написала резолюцію на докладѣ: «Ѣхать въ то село особо-назначенному мною слѣдователю и, тайно дознавъ истину, доложить лично мнѣ».

Екатерина дала Шешковскому прочесть свое рѣшеніе.

— Кого, ваше величество, изволите командировать?—спросилъ Степанъ Иванычъ.

— Кому же, государь мой, и Ѣхать, какъ не тебѣ?—отвѣтила императрица:—держи все въ секретѣ, какъ здѣсь, такъ и въ губерніи,—и все мнѣ доподлинно своею особой разузнай.

Шешковскій поклонился еще ниже.

— Великая монархиня! мое ли то дѣло? съ бѣсами, прости, да съ колдунами, я еще не вѣдался и не знаю съ ними обихода... вѣдь они...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, батюшка Степанъ Иванычъ, что нынче вѣкъ Дидерота и Руссо, а не царевны Софіи и Никиты Пустосвята... Мнѣ чудится, я предчувствую, убѣждена, что здѣсь все всклепано на неповинныхъ, хоть по твоему можетъ и существующихъ бѣсовъ и упырей.

Шешковскій, съ именнымъ повелѣніемъ Екатерины въ карманѣ, переодѣвшись безпомѣстнымъ дворяниномъ, полетѣлъ съ небольшою поклажей по назначенію.

Въ губерніи онъ оставилъ чемоданъ, съ запасною форменною одеждой, на постояломъ въ уѣздномъ городкѣ; самъ переодѣлся вновь въ скуфейку и рясу странника и пошелъ по пути къ указанному селу. Верстъ за двадцать до него,—то было ужъ второе лѣто послѣ событія съ священникомъ и упыремъ,—его догналъ обозъ съ хлѣбомъ.

— Куда ѣдете?—Въ Овиново; а тебя Господь куда несетъ?—Въ Соловки.—Далекій путь, спаси тебя Боже,—чай притомился?—Ужъ такъ-то, православные, ноженьки отбилъ.—Ну, садись, подвеземъ.

Подвезли извозчики до Овинова, а за нимъ было Свиблово, то самое село, гдѣ случилась исторія въ церкви. Везутъ странника мужики и толкуютъ о свибловскихъ: всѣхъ

знаютъ, всѣхъ хвалятъ, мужики добрые, не разъ хлѣбомъ у нихъ торговали.—Что же, храмъ Божій есть у нихъ?—Нѣту-ти, закрыли изъ-за Господней немилости, благочинный скоро обѣщаетъ открыть, да дорожится.—Кто же будетъ попомъ?—Два дьякона ищутъ, ихній и овиновскій.—Кого же хочетъ міръ?—Овиновскаго, подобрѣе будетъ; ихній злюка и съ женой живетъ не въ ладахъ. Вонъ и его хата, на выгонѣ, подъ лѣсомъ,—выселился за рѣку—держитъ огородъ.

Странникъ всталъ у околицы, поблагодарилъ извозчиковъ, выждалъ вечера и зашелъ къ дьякону. Хозяина не было дома, дьяконица пустила его въ избу. Ночью странникъ расхворался. Лежитъ на палатяхъ, охаетъ, не можетъ дальше идти. Возвратился дьяконъ, обругалъ жену: пускаешь всякую сволочь, еще помретъ, придется на свой счетъ хоронить. Услышалъ эти рѣчи странникъ, подозвалъ дьякона, отдалъ ему бѣдную свою кису, проситъ молиться за него, а неодужаетъ—схоронить по христіанскому обряду. Принялъ дьяконъ убогую суму богомольца, говоритъ: ну, лежи, авось еще встанешь. День лежалъ больной, два слова не выговоритъ, только охаетъ потихоньку. Забылъ о немъ дьяконъ, возвратился разъ ночью съ огорода и сцѣпился съ женой,—ну ругаться и корить другъ друга.—Да ты что? говоритъ дьяконица: ты убійца, злодѣй.—Какой я убійца, сякая ты, такая! я слуга Божій, второй на клиросѣ чинъ... а поможетъ благочинный, буду и первымъ!—Убійца, ты перегрызъ горло попу... самъ признавался...

Далѣе странникъ ничего не могъ разслышать. Хозяева вцѣпились другъ въ друга и подняли такую свалку, что хоть вонъ неси святыхъ. Къ утру все угомонилось, затихло. Странникъ днемъ объявилъ, что ему лучше, поблагодарилъ за хлѣбъ-соль и пошелъ далѣе...

Возвратясь въ городъ, онъ явился къ воеводѣ, прося о себѣ доложить. Ему отвѣтили, что его высокородіе изволитъ кушать пуншъ и принять не можетъ. Странникъ потребовалъ непромедлительнаго пріема.

Его ввели къ воеводѣ, возсѣдавшему у самовара за пуншемъ.

— Кто ты, сякой, такой, и какъ смѣлъ безпокоить меня?

Странникъ вынулъ и показалъ именной указъ императрицы.

Въ тотъ же день въ Свиблово поскакала драгунская команда. Къ воеводѣ привезли дьякона, дьяконицу и дьячка.

Дьяконъ не узналъ сперва въ ассистентѣ воеводы гостившаго у него странника. Шешковскій облекся въ форменный кафтанъ и во всѣ регаліи. Дьяконъ на допросѣ запереся во всемъ; долго его не выдавала и дьяконица. Но когда Шешковскій назвалъ имъ себя и объявилъ дьяконицѣ, что, хотя пытка болѣе не практикуется, онъ, на свой страхъ и по личному убѣжденію, имѣетъ нѣчто употребить, и велѣлъ принести это «нѣчто», то-есть изрядную плеть, веревку и хомутъ, и напомнилъ ей слышанное странникомъ, — баба все раскрыла: какъ дьяконъ, по злобѣ на попа, вмѣсто поѣздки къ тещѣ, переждалъ въ лѣсу, проникъ въ церковь, легъ въ гробъ, а мертвеца спряталъ въ складкахъ пелены подъ одромъ, напугалъ дьячка и задушилъ, загрызъ священника, а мертвецу выпачкалъ кровью ротъ и бороду и скрылся.

— Что скажешь на сію улику твоей жены? — спросилъ Шешковскій.

Дьяконъ молчалъ.

— А ну, ваше высокородіе, — подмигнулъ Степанъ Ивановичъ воеводѣ.

Двери растворились: въ сосѣдней комнатѣ къ потолку былъ приправленъ хомутъ и стоялъ «нарочито внушительнаго вида» добрый драгунъ съ тройчатой плетью.

Дьяконъ упалъ въ ноги Шешковскому и во всемъ покаялся.

Его осудили, наказали черезъ палача въ Свибловѣ и сослали въ Сибирь. Церковь отпечатали, овиновскаго дьякона, женивъ предварительно на дочери загрызеннаго священника, посвятили въ настоятели свибловскаго прихода. Мѣстнаго благочиннаго разстригли и сослали на покаяніе въ Соловки.

— Ну, что, не я ли тебѣ говорила? — произнесла Екатерина, встрѣтивъ Шешковскаго: — а ты, да и ты — предать волѣ Божьей, казусъ отъ суевѣрія грубой толпы. Мертвецъ-убійца! ну, можетъ ли двигаться, а кольми паче еще злодѣйствовать покойникъ, мертвецъ?

— Такъ, великая монархиня, такъ, мудрая и милостивая къ намъ мать!—отвѣтилъ, низко кланяясь, Шешковскій: — ты всѣхъ прозорливѣе, всѣхъ умнѣй.

Онъ еще что-то говорилъ. Екатерина стала перебирать очередныя бумаги, его не слушая. Грустная и презрительная улыбка играла на ея отуманившемся лицѣ...

II.

Жизнь черезъ сто лѣтъ.

«Еще никто не видѣлъ моего лица».
Древняя надпись на статуѣ Изиды.

Настоящій разсказъ относится къ нынѣшнему вѣку, а именно, къ 1868 году.

Нѣкто Порошинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, шести, черноволосый, сухощавый, блѣдный и красивый, незадолго до времени, котораго касается этотъ разсказъ, кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ избѣгъ тогдашнихъ волненій молодежи, вслѣдствіе особаго склада своей природы. Всѣ его помыслы, стремленія и привязанности вращались въ особомъ, заколдованномъ кругу, который можно бы назвать «идеальнымъ», въ обширномъ значеніи этого слова. Онъ читалъ философовъ, деистовъ, но рядомъ съ ними и натуралистовъ,—послѣднихъ—для сравненія съ первыми.

Жадно пробѣгая въ газетахъ извѣстія о сверхъестественныхъ явленіяхъ, призракахъ, сомнамбулистахъ и медіумахъ, онъ самъ, впрочемъ, не вѣрилъ въ практическій сомнамбулизмъ и медіумизмъ, особенно въ тѣ его проявленія, которыя трактуются и публично показываются шарлатанами, въ родѣ Юма, Бредифа, Следа, братьевъ Эдди и другихъ фокусниковъ этого пошиба.

Пріѣхавъ въ 1868 г. въ Парижъ, для поправленія своего вообще разстроеннаго и слабаго здоровья, Порошинъ посѣщалъ лекціи разныхъ ученыхъ, но не пропускалъ и другихъ диковинокъ, въ томъ числѣ фантастическихъ вечеровъ, въ родѣ сеансовъ Роберъ-Гудена и ему подобныхъ, гдѣ показывались опыты такъ называемой высшей физики, явленія спектровъ, ясновидѣнія и прочія трансцедентальныя затѣи, гдѣ онъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ ловкіе, умные и вообще всегда весьма милые французскіе фокусники-шарлатаны морочатъ уличную, пресыщенную другими удовольствіями толпу.

Однажды Порошинъ сидѣлъ въ залѣ такого физика. На сценѣ была усыплена какая-то бѣлокурая дѣвица, читавшая запечатанныя письма и диктовавшая рецепты больнымъ изъ

публики. Все шло хорошо, какъ по маслу. Щеголеватый профессоръ сомнамбулизма, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и такихъ же перчаткахъ, щебеталъ съ каѳедры передъ спящею ясновидящей, сыпля именами новѣйшихъ свѣтилъ реальной философіи и путая, по обычаю французовъ, Шопенгауэра съ Гартманомъ и Штрауса съ Фейербахомъ. Становилось очень скучно. Въ залѣ была давка и духота. Лампы тускло освѣщали море головъ. И въ то время, когда Порошинъ уже хотѣлъ уѣзжать, одна изъ этихъ головъ, въ красной восточной фескѣ, шевельнулась среди публики, и изъ ея устъ послышался рѣзкій голосъ:

— Это шарлатанство, надувательство грубаго вида!

Всѣ всполошились, оглянулись. Профессоръ смутился.

— Грубый обманъ и ложь! — повторилъ громко человѣкъ съ красивымъ смуглымъ и умнымъ лицомъ: — публика должна протестовать...

— Кто вы? — спросилъ хозяинъ вечера: — такъ не смущаютъ зрителей! Если вы не вѣрите въ опыты ясновидѣнія, зачѣмъ сюда пришли? зачѣмъ платили деньги? можете ихъ получить обратно...

— Шарлатанство! — твердилъ тотъ же восточный человѣкъ, очевидно армянинъ: — я говорю не противъ сомнамбулизма, а противъ такихъ обмановъ, какіе разыгрываются здѣсь... Вы усыпили свою соучастницу. Она не спитъ, а потому такая же обманщица, извините, какъ вы... Но я вѣрю въ ясновидѣніе, — я его поклонникъ и занимаюсь имъ давно...

Въ публикѣ, смѣшанной съ подставными, очевидно, наемными зрителями, compères, поднялся невообразимый шумъ. Армянинъ въ фескѣ вскочилъ на стулъ, показалъ руками, что хочетъ говорить.

— Но я вѣрю въ могучую, безпредѣльно-великую силу сомнамбулизма, — смѣло продолжалъ армянинъ ломанымъ французскимъ языкомъ, когда все затихло:—я самъ владѣю даромъ усыпленія... И вотъ доказательство...

— Вонъ его, за дверь! долой! — кричали подставные клакеры, съ красными, вспотѣвшими лицами.

— Пусть говоритъ, пусть дѣлаетъ опытъ по-своему! — кричали другіе изъ зрителей, толпясь къ сценѣ.

Сконфуженный, съ измятымъ галстукомъ и распоротой въ давкѣ фалдой фрака, взъерошенный магъ-профессоръ, съ

своимъ помощникомъ, возвратился на каѳедру. Туда же дали пройти и человѣку въ фескѣ.

— Я хочу, желаю, требую, чтобы вы сами заснули! — сказалъ послѣдній, обращая черные, повелительные и умные глаза къ профессору: — садитесь, вотъ такъ; сложите ваши руки и спите... слышите ли? спите, я приказываю!..

Профессоръ улыбнулся, поморщился, сѣлъ, окинулъ общество растеряннымъ, недовольнымъ взглядомъ; очевидно противъ воли, закрылъ глаза, зѣвнулъ... и, къ удивленію всѣхъ, заснулъ. Армянинъ сложилъ на груди руки, поглядѣлъ также повелительно на помощника профессора, шершаваго, коротко-остриженнаго и рыжаго малаго, очевидно изъ отставныхъ военныхъ, поднялъ руку, устремилъ къ нему протянутые пальцы — помощникъ также заснулъ...

Изумленіе публики было безъ границъ. Всѣ замерли, глядя на таинственную феску.

— La séance est levée! засѣданіе наше кончено! — сказалъ армянинъ, медленно и важно сходя со сцены: — вы видѣли! вотъ сомнамбулизмъ!

Поднялась давка и суета. Всѣ хотѣли его видѣть ближе, съ нимъ говорить. Но таинственный незнакомецъ исчезъ въ толпѣ, точно провалился сквозь полъ.

«Не вѣрится, — подумалъ Порошинъ, уходя изъ залы практической физики: — старыя штуки на новый ладъ! Простодушные, легковѣрные французы не догадались, дали промахъ. Очевидно, и армянинъ былъ тѣмъ же наемнымъ, подставнымъ лицомъ... Магъ-профессоръ замѣтилъ охлажденіе къ себѣ посѣтителей, ну, и придумалъ такимъ образомъ подогрѣть ихъ вниманіе. Та же реклама, то же шарлатанство. Да при томъ и не особенно оригинально... Извѣстна продѣлка американскаго журналиста, который, для поднятія подписки на свой журналъ, сталъ печатать въ другихъ изданіяхъ самыя рѣзкія, наглыя на себя нападки отъ вымышленныхъ лицъ: одни печатно выставляли его мошенникомъ и клятвопреступникомъ, другіе воромъ и убійцей, третьи развратникомъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Онъ не скупился платить за такія дружескія рекламы, пока всѣ не задумались — да видно же любопытный это и недюжинный человѣкъ, когда о немъ всѣ такъ кричатъ!—и стали раскупать его собственную газету».

Прошло съ этого вечера нѣсколько мѣсяцевъ. Порошинъ забылъ о сомнамбулистѣ-профессорѣ и объ армянинѣ. Разъ онъ шелъ съ товарищемъ Чубаровымъ сквозь Луврскій дворъ. Видитъ, Чубаровъ раскланялся съ какимъ-то человѣкомъ въ фескѣ. Порошинъ узналъ армянина.

— Какъ ты его знаешь? — спросилъ онъ Чубарова.

— Еще бы не знать такой замѣчательной особы,—отвѣтилъ съ улыбкой Чубаровъ:—мы съ нимъ жили какъ-то на водахъ, въ Германіи.

— Да чѣмъ же онъ знаменитъ?

— Помилуй, онъ вызыватель духовъ, медіумъ и чуть не заклинатель змѣй...

— Нѣтъ, вздоръ! ты шутишь, — возразилъ Порошинъ:— ты не такой, чтобъ знался съ вызывателями духовъ и заклинателями змѣй... Слушай, чему я былъ очевидцемъ...

Порошинъ передалъ разсказъ о случаѣ въ залѣ профессора ясновидѣнія. Чубаровъ задумался.

— Ты ошибаешься, это не шарлатанъ и не могъ быть въ стачкѣ съ сомнамбулистами! — сказалъ онъ: — у этого армянина, чортъ бы его побралъ, есть дѣйствительно кое-какіе способы... Но я тебѣ, Порошинъ, о нихъ не сообщу...

— Почему?

— Ты за послѣднее время что-то ужъ очень похудѣлъ, еще сталъ блѣднѣе, и зрачки вонъ у тебя нѣсколько расширены, и нервный ты такой... Тебѣ это опасно, я же испыталъ...

— Полно, глупости! разскажи!—приставалъ Порошинъ къ пріятелю: — не мучь меня; правда, какая бы она ни была, никогда меня не потревожитъ... Я добиваюсь истины; одна ложь, одни обманы мучатъ и раздражаютъ меня... Разскажи, открой, въ чемъ это дѣло? Ты вѣрно знаешь и адресъ армянина, у него бывалъ и здѣсь... Такъ послѣ водъ не встрѣчаются... Онъ на тебя посмотрѣлъ очень сочувственно...

Дѣлать нечего, Чубаровъ зашелъ съ Порошинымъ въ кафе, на набережной Сены, и это ему сообщилъ. Оказалось, что армянинъ, адресъ котораго Чубаровъ здѣсь же передалъ пріятелю, обладалъ секретомъ—переносить человѣка, во снѣ, черезъ сто лѣтъ впередъ.

— И ты этому вѣришь?—спросилъ съ болѣзненной улыбкой Порошинъ.

— Еще бы,—нехотя отвѣтилъ Чубаровъ: — какъ не вѣ-

рить, когда я самъ, благодаря этому странному человѣку, испыталъ такого рода путешествіе...

— И не раскаиваешься?

— Пожалуй, съ нѣкоторой стороны, досадно и даже обидно...

— Почему обидно?

— Да потому, что не хотѣлось, а пришлось проснуться... Во снѣ было такъ хорошо...

— Гм! и какъ онъ это дѣлаетъ?

— Даетъ, представь, какія-то пилюли...

— Что въ ротъ, то спасибо?—раздражительно засмѣявшись, спросилъ Порошинъ:—экіе ловкіе эти азіаты! Ну, можно ли такъ морочить людей? Да еще, пожалуй, и деньги беретъ?

— Беретъ, другъ мой, и большія...

— Гм!—промычалъ Порошинъ:—отсохни моя рука, если я ему дамъ хоть полушку за такой обидный обманъ.

Чубаровъ, однако, былъ убѣжденъ, что Порошинъ не вытерпитъ, и боялся особенно за его здоровье, не очень-то подходящее для такихъ опытовъ.

Такъ и случилось.

Порошинъ въ тотъ же день думалъ-думалъ, нанялъ фіакръ и покатилъ по бульварамъ на площадь Трона (place du Trône или barrière du Trône), украшенную двумя колоннами, съ бюстами старинныхъ французскихъ королей, гдѣ, по адресу Чубарова, жилъ таинственный армянинъ.

Армянинъ жилъ съ женою, хорошенькою и молодою женщиной. Онъ принялъ гостя не совсѣмъ дружелюбно.

— Вы можете перенести меня въ будущую жизнь?—спросилъ Порошинъ армянина, послѣ первыхъ съ нимъ объясненій.

— Да... но только въ будущую жизнь—на землѣ.

— Понятное дѣло... Гдѣ же именно и когда вы мнѣ дадите пожить въ будущемъ?

— Здѣсь же, въ Парижѣ... иначе, разумѣется, и быть не можетъ! Вы заснете въ моей комнатѣ и очнетесь въ ней же, черезъ сто лѣтъ, т. е. проснетесь черезъ секунду, когда задремлете и очутитесь во времени, которое настанетъ для Парижа, для цѣлаго свѣта, по прошествіи ста лѣтъ...

— Чепуха,—въ волненіи и сердито произнесъ Порошинъ:—извините меня, галлюцинаціи какія-нибудь отъ наркотическихъ средствъ. Еще дурно сдѣлается, будетъ голова

трещать, какъ раскаленный котелъ, отупѣешь на время, руки будутъ трястись...

— Видно, что вы ужъ пытались дѣлать такіе эксперименты,—сказалъ, чуть замѣтно усмѣхнувшись, армянинъ.

— Ну, да... былъ такъ слабъ, увлекъ одинъ индѣецъ, здѣсь же, на всемірной выставкѣ,—отвѣтилъ Порошинъ.

— Все увидите сами, сами испытаете,—произнесъ серьезно и какъ-то задумчиво-грустно армянинъ:—мои средства иныя, безвредныя, достались отъ отца, отъ дѣда на родинѣ, въ Арменіи. Не всего достигъ человѣкъ, слабы силы смертныхъ,—но кое-что открывается мудрымъ Востока, достойнымъ умамъ. Знаете надпись на статуѣ богини Изиды: никто еще не видѣлъ моего лица?—Да, это бываетъ открыто немногимъ.

— Кому открыто? не вѣрю...—сказалъ Порошинъ:—а ужъ въ Азіи еще болѣе, простите, падкихъ къ продѣлкамъ, ловкихъ фокусниковъ и шарлатановъ. Я долго объ этомъ думалъ... а впрочемъ, сколько стоитъ вашъ опытъ съ усыпленіемъ?

— По сто франковъ за день, а если недѣля,—нѣсколько дешевле—пятьсотъ франковъ за недѣлю!—спокойно и также задумчиво отвѣтилъ армянинъ.

— То есть, какъ пятьсотъ за недѣлю? за какую недѣлю?

— Ну, вы проснетесь и, положимъ, захотите прожить въ томъ вѣкѣ, то есть въ 1968 году XX-го столѣтія, ровно семь дней... вотъ за каждый день и внесете плату!

— Когда внесу?

— Впередъ, разумѣется...

— Ха-ха-ха! Что вы! — засмѣялся Порошинъ: — нашли простака, чтобъ я этому повѣрилъ. Съ васъ еще надо взять деньги за эту шутку... Слышите ли, наѣсться вашихъ восточныхъ спецій и, въ смѣшномъ видѣ, пластомъ пролежать передъ вами часъ-другой, потѣшая вашу наблюдательность...

— Не часъ и не два, ровно недѣлю, повторяю, вы будете спать,—сказалъ съ достоинствомъ и также спокойно армянинъ:—и дѣло вовсе не шуточное, не на смѣхъ! Есть не мало охотниковъ... и не одни молодые люди, какъ вы, а солидные ученые, буржуа, — и даже владѣтельныя особы обращаются ко мнѣ и къ моей женѣ...

— Какія особы? И почему также къ вашей женѣ?

— Тайна досталась намъ отъ ея родныхъ, пешаверскихъ армянъ; ее и меня звали съ этой тайной въ Испанію, Италію и даже въ Мексику; испанская королева два раза

засыпала, при нашемъ посредствѣ, а покойный мексиканскій императоръ, несчастный Максимиліанъ, мнѣ даже пожаловалъ орденъ незадолго до своей катастрофы...

«Ну, ужъ я-то не засну, ни въ какомъ случаѣ!»—сказалъ себѣ съ твердостью Порошинъ, уходя отъ армянина.

Ему показалось, что жена послѣдняго, провожая его съ лѣстницы, смотрѣла на него подозрительно и насмѣшливо, какъ бы мысля: «Придешь еще, голубчикъ, придешь».

Такъ и случилось.

На другой же день Порошинъ возвратился на площадь Трона, къ армянину.

— Вотъ пятьсотъ франковъ,—сказалъ онъ, запыхавшись отъ высокой лѣстницы и поспѣшной, тревожной ходьбы:—гдѣ ваши снадобья? я готовъ...

— Это для меня, — сказалъ армянинъ, считая тонкими, бѣлыми и нѣжными, какъ у женщины, пальцами принесенное золото:—но вѣдь нужны деньги и для васъ?

— Какія деньги? это еще для чего?

— Вы же проснетесь въ томъ вѣкѣ, проживете въ то именно время—семь дней сряду,—вамъ нужно ѣсть, пить, захотите, пожалуй, и удовольствій.

— Сколько нужно?—спросилъ, глядя въ полъ, Порошинъ.

— Это зависитъ отъ васъ самихъ... смотря по вашимъ наклонностямъ. Вашихъ привычекъ я не знаю.

— Однакоже... и мнѣ притомъ трудно... я тамъ, понимаете, не жилъ... экая чепуха! даже смѣшно...

Порошинъ, однако, теперь не смѣялся. Глаза его были строги и съ острымъ, лихорадочнымъ блескомъ смотрѣли куда-то далеко. Поблѣднѣвшія его губы слегка вздрагивали.

Армянинъ подумалъ съ минуту.

— Полагаю,—сказалъ онъ:—этихъ денегъ, то-есть пятисотъ франковъ, будетъ достаточно... Я устрою ихъ обмѣнъ и вручу вамъ ихъ передъ сномъ,—а проснувшись—вы отдадите мой заработокъ особо мнѣ или женѣ...

— Вексель надо?—спросилъ Порошинъ.

— О! я вамъ и такъ повѣрю, — отвѣтилъ армянинъ:—кромѣ того, вамъ нужно... платье...

— Какое платье?

— Да черезъ сто лѣтъ, надѣюсь, не въ этой жакеткѣ и не въ этихъ узкихъ панталонахъ будутъ ходить.

— Гдѣ же я возьму? притомъ, здѣшніе портные врядъ ли подозрѣваютъ будущія моды...

— О! я вамъ и въ этомъ помогу! У моей жены есть на такой случай запасъ.

Армянинъ сходилъ въ комнату жены и вынесъ оттуда картонную коробку съ платьемъ, замшевый мѣшочекъ, какой-то страннаго вида ящичекъ и небольшую жаровню.

— Вотъ нарядъ, въ которомъ парижане будутъ ходить черезъ сто лѣтъ,—сказалъ онъ: — а это тогдашнія, то-есть будущія монеты.

Онъ вынулъ изъ картонки шелковый просторный полукафтанъ, или скорѣе полухалатъ, яркаго, невиданнаго, восточнаго цвѣта, до колѣнъ, такіе же широкіе панталоны, еще болѣе яркій шейный платокъ и мягкую соломенную, въ видѣ зонтика, шляпу и открылъ замшевый мѣшочекъ. Изъ мѣшочка онъ высыпалъ горсть золотыхъ монетъ, съ надписью на одной ихъ сторонѣ, по-французски: «равенство, свобода, братство» — «Французская республика 1968 г.»— а на другой сторонѣ — какія-то восточныя письмена, въ родѣ арабской или еврейской азбуки, или даже іероглифовъ.

— Нелѣпость! — сказалъ, отвернувшись, Порошинъ: — у французовъ никогда не будетъ республики... Они по природѣ монархисты, а вкусомъ—фетиши... Да и вы рискуете,— теперь здѣсь правитъ Людовикъ Бонапартъ, — его агенты увидятъ у васъ эти монеты, вы еще насидитесь въ полиціи, васъ осудятъ и вышлютъ.

— Это ужъ мое дѣло,—серьезно и сухо отвѣтилъ армянинъ.

Онъ раздулъ принесенную съ угольями жаровню и взялъ въ руки серебряный, съ финифтью, изящнаго и страннаго вида ящичекъ. Изъ ящичка онъ вынулъ нѣсколько зеренъ. Зерна были черныя, блестящія, точно выточенныя изъ агата.

— Эти пилюли,—произнесъ съ важностью и даже благоговѣніемъ армянинъ:—вы примете, если на это рѣшились, одну за другою... Вотъ ровно семь пилюль,—вы проглотите ихъ и, проспавъ здѣсь семь дней, ровно столько же дней проживете въ слѣдующемъ вѣкѣ... Понятно ли вамъ? Но еще одно условіе,—не мое, а тѣхъ, кто оставилъ намъ эти зерна.

— Какое? говорите скорѣе: не мучьте, не томите, у меня точно лихорадка...

— За каждый день жизни въ томъ земномъ вѣкѣ, то есть черезъ сто лѣтъ, — вы однимъ годомъ менѣе проживете въ

этомъ свѣтѣ, или вѣкѣ... Условіе—извините—не шуточное, и я васъ о томъ предупреждаю... Подумайте прежде, чѣмъ рѣшитесь заснуть.

— Давайте ваши пилюли, я рѣшился! — отвѣтилъ, покраснѣвъ, Порошинъ: — не хочу откладывать, давайте теперь же.—Порошинъ взялъ пилюли.

Армянинъ помогъ гостю переодѣться въ принесенное «будущее платье», причемъ услуживалъ ему съ отмѣнною любезностью. Незамѣтно вошедшая въ это время жена армянина полуспустила гардины на окна, переставила нѣкоторую мебель и бросила на уголья жаровни какую-то нѣжнопахучую, янтарнаго цвѣта, смолу. Въ комнатѣ мгновенно сталъ распространяться необъяснимый, томительно-сладкій, опьяняющій запахъ.

— А что это за надписи на оборотѣ монетъ?—спросилъ онъ хозяина:—съ какой стати во Франціи будутъ чеканить, на національныхъ деньгахъ, подобныя азіатскія письмена?

— Это все вы узнаете сами, проглотивъ послѣднюю изъ пилюль,—вѣжливо-сдержанно отвѣтилъ восточный магъ.

Порошинъ взялъ на ладонь поданныя зерна, поглядѣлъ на нихъ съ секунду и быстро проглотилъ ихъ одно за другимъ. Армянинъ указалъ ему на ключъ въ двери, стаканъ и воду въ графинѣ, также вѣжливо откланялся и вышелъ съ женой.

«Посмотримъ, — подумалъ Порошинъ, замыкая за ними дверь: — и ужъ если надуютъ, я не пощажу ихъ, обо всемъ напечатаю въ газетахъ»...

Онъ подошелъ къ столу, выпилъ залпомъ стаканъ воды и взглянулъ на площадь Трона въ окно. Наступалъ вечеръ. Солнце золотило крыши домовъ, колонны съ бюстами королей, фонтанъ и вѣтви старыхъ каштановъ.

Непонятная, чарующая нѣга стала охватывать Порошина. — «Нѣтъ! не поддамся! даже вовсе не засну и посмотрю, что будетъ!» — сказалъ онъ себѣ, принимаясь ходить по мягкому, пестрому ковру небольшой, уютной горенки.

Долго ли такъ ходилъ Порошинъ, улыбаясь предстоящему испытанію и думая о своей рѣшимости наблюдать,— этого онъ впослѣдствіи не помнилъ. Подойдя къ окну, онъ опять взглянулъ на площадь и потеръ глаза: площадь Трона какъ бы застлало туманомъ. Порошинъ присѣлъ на кушетку, склонилъ голову.—«Да что же это со мною?—мыслилъ онъ:— я какъ будто дремлю!»—Онъ почувствовалъ, что, одолѣва-

мый неудержимой наклонностью заснуть, онъ ложится, протягиваетъ ноги и противъ воли дремлетъ, даже засыпаетъ.

...«Нѣтъ, чортъ возьми, не засну! не засну, ни за какія блага въ свѣтѣ!»—сказалъ себѣ Порошинъ, усиливаясь выбиться изъ сладкихъ, охватившихъ его грезъ, усиливаясь не покориться имъ и встать.

...Это ему какъ бы удалось...

Онъ вскочилъ и подошелъ къ окну. Что за чудо? Та же самая place или barrière du Trône, тѣ же колонны съ бюстами, фонтанъ и каштаны,—но какъ будто и не тѣ. Солнце било косыми, фантастическими, желтовато-розовыми лучами. Пахло опьяняющимъ запахомъ лилій, ландышей или акацій. Голова кружилась, какъ весной въ цвѣтущей теплицѣ. Улицы кипѣли народомъ. На балконахъ и въ окнахъ развѣвались веселые, причудливые флаги, знамена. Очевидно, былъ какой-то праздникъ. Осьми- и десяти-этажные дома были снизу до верху увѣшаны громадными хромолитографическими картинами, въ видѣ вывѣсокъ. Звуковъ подковъ и колесъ не было слышно. Страннаго вида экипажи, одноярусные, двухъ- и даже трехъ-ярусные омнибусы, кареты, красивыя съ зонтами долгуши и какіе-то паланкины, въ родѣ подвижныхъ бесѣдокъ, наполненные проѣзжавшею публикой, двигались среди залитой асфальтомъ площади,—какъ подумалъ Порошинъ,—на обитыхъ гуттаперчевыми шинами колесахъ и по гуттаперчевымъ рельсамъ, а главное—безъ помощи лошадей и пара.—«А! съ помощью сжатаго воздуха!—догадался Порошинъ: — и какая масса грамотныхъ, охотниковъ до чтенія новостей... Всѣ на крышахъ омнибусовъ, въ паланкинахъ и долгушахъ съ громадными листами газетъ». Ѣдущая публика снизу казалась, съ этими газетными листами, въ видѣ двигавшейся громадной нивы бѣлыхъ грибовъ... За площадью была видна часть новой городской стѣны, окружавшей Парижъ. Простымъ глазомъ можно было разсмотрѣть, что на этой стѣнѣ ходили, въ странныхъ, длинныхъ одеждахъ, вооруженные воины, а надъ ближайшей крѣпостной башней развѣвалось исполинское красное знамя, съ изображеніемъ желтаго дракона.

«Что за чепуха! драконъ! — подумалъ Порошинъ: — и откуда въ Парижѣ драконъ? точно во снѣ, а между тѣмъ, я вовсе уже не сплю».

Сгорая любопытствомъ, онъ осмотрѣлся, увидѣлъ, что и

на немъ одежда, походившая на одѣяніе уличной публики, поспѣшилъ отомкнуть дверь комнаты и спустился на улицу, такъ какъ наступалъ вечеръ и солнце готовилось зайти за башню съ знаменемъ.

Очутившись на асфальтовой, въ видѣ узорнаго паркета, мостовой, Порошинъ прежде всего убѣдился, что находится дѣйствительно среди тѣхъ же ему знакомыхъ парижанъ: бойкая французская рѣчь, веселые возгласы, шутки, азбука надписей на вывѣскахъ,—все убѣждало, что онъ въ самомъ дѣлѣ въ Парижѣ. Но какъ, съ кѣмъ и о чемъ ему заговорить? Вѣдь онъ изъ далекаго XIX вѣка, вѣдь люди XX вѣка сразу его распознаютъ, или просто, не понявъ, сочтутъ за сумасшедшаго, подозрительнаго, еще арестуютъ, запрутъ на всѣ семь дней въ тюрьму. Что у него съ ними общаго? И какъ эти новые люди встрѣтятъ его понятія, самые обороты мыслей, реченія, слова? «Надо спросить книжную лавку,— рѣшилъ на площади Порошинъ: — кабинетъ для чтенія, а еще лучше кафе-ресторанъ!» Тамъ онъ лично и безъ посторонняго пособія ознакомится съ текущими событіями, съ новостями того любопытнаго, неразгаданнаго дня... Но какого дня? Онъ заснулъ, или точнѣе — его стремились усыпить—въ среду, 15 августа 1868 года. Посмотримъ...

— «Нѣтъ! — сказалъ себѣ Порошинъ: — не стану ни о чемъ спрашивать, ни о книжныхъ лавкахъ, ни о кафе-ресторанѣ; самъ все найду».

Отыскавъ по близости кофейню, Порошинъ подошелъ къ столику, взялъ газету съ заголовкомъ: «Геній XX вѣка» и сталъ ее читать.

Чѣмъ далѣе онъ читалъ этотъ «Геній» и другія газеты, тѣмъ болѣе рябили въ его глазахъ разныя диковинки и чудеса: росписаніе подземныхъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, между Англіей и Франціей; экспедиція изъ всеславянскаго торговаго порта, Константинополя, въ срединное море Африки, искусственно устроенное на мѣстѣ бывшей песчаной Сахары, куда напустили воду изъ болѣе возвышеннаго Средиземнаго моря.

Въ одной изъ газетъ, въ передовой статьѣ, Порошинъ наткнулся на фразу: «Въ старые, незапамятные годы, послѣ низверженія династіи Бонапартовъ и, какъ извѣстно, во время правленія нынѣ угасшей династіи Гамбеттидовъ...»

Волосы шевельнулись на головѣ чтеца, и онъ боязливо оглянулся, не увидѣлъ бы его за чтеніемъ такихъ ужасовъ полицейскій сержантъ.

— «Ужели краснобай Гамбетта могъ дѣйствительно когда-нибудь смѣнить во Франціи династію Наполеонидовъ? — подумалъ Порошинъ: — но кто же теперь правитъ французами?»—Едва онъ это помыслилъ, какъ ему въ глаза попалась новая, болѣе загадочная фраза. Онъ обратилъ вниманіе на заголовокъ послѣдняго законодательнаго акта...

«Божьею милостью и по волѣ правительствующаго высокаго народа китайскаго, — мы, европейскіе министры его свѣтозарнаго величества, императора Китая и Богдыхана Европы,—по зрѣломъ обсужденіи въ мѣстныхъ и общемъ европейскомъ парламентахъ, постановили и постановляемъ...»

— «Какъ? китайцы? вотъ небывальщина! и откуда взялся въ Европѣ Богдыханъ? — спрашивалъ себя Порошинъ:— какъ бы это въ точности узнать? Спросить? Но кого? Меня какъ разъ сочтутъ за безумнаго, незнающаго такихъ, повидимому, общеизвѣстныхъ вещей, какъ исторія дня, обратятъ на меня вниманіе... Вотъ что... — обрадовался Порошинъ: — надо обратиться къ учебнику исторіи прошедшаго вѣка, или еще проще—купить календарь...»

Порошинъ подошелъ къ буфету, выпилъ рюмку какой-то спиртной спеціи, очень отдававшей шафраномъ и имбиремъ, и закусилъ тартинкой; послѣдняя тоже обратила на себя его вниманіе: оказалось, что это былъ ломтикъ хлѣба, съ приправой «птичьяго гнѣзда». Буфетчикъ и слуги были съ бритыми головами, длинными, заплетенными косами и въ черныхъ шелковыхъ, китайскихъ шапочкахъ. Посѣтители сидѣли съ опахалами; на головахъ военныхъ были широкополыя шляпы съ шариками и павлиньими перьями. Вездѣ отзывалось китайщиной, и это очень шло къ французамъ, какъ извѣстно, и въ былое время, въ XIX столѣтіи, бывшимъ великими охотниками до разныхъ «chinoiseries».

Найдя книжную лавку, Порошинъ купилъ и тамъ же сталъ читать календарь. То, что онъ узналъ изъ этого чтенія, привело его еще въ большее изумленіе.

Оказалось, что китайцы, которыхъ, по исторической статьѣ календаря, въ половинѣ XIX вѣка считалось около 300 милліоновъ, уже въ то время начинали смущать политико-экономовъ страшно-быстрымъ ростомъ своего народо-

населенія. Къ концу же XIX столѣтія китайцевъ считалось до 500 милліоновъ, т.-е. половина всего человѣчества, живущаго на землѣ. Наступилъ XX вѣкъ, и въ первую четверть этого новаго вѣка народонаселеніе Китая возросло до 700 милліоновъ. Жители Небесной имперіи, соперничая съ своими сосѣдями, японцами, переняли у Европы всѣ практическія познанія, въ особенности геніальныя техническія изобрѣтенія европейцевъ въ дѣлѣ войны. Они завели громадную сухопутную армію въ 5 милліоновъ солдатъ и исполинскій паровой флотъ въ сто мониторовъ и вдвое быстроходныхъ, гигантскихъ паровыхъ крейсеровъ. Покрывъ свою страну сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которыя у нихъ дошли до Западной Сибири и Афганистана, они сперва покорили и поглотили изнѣженную Японію, потомъ завоевали и обратили въ свои колоніи республику Соединенныхъ Штатовъ Америки, въ чемъ имъ помогла новая, истребительная междоусобная война Сѣверныхъ и Южныхъ Штатовъ, которою наполнилось начало XX вѣка, при постыдномъ соперничествѣ двухъ тогдашнихъ президентскихъ династій. Переселивъ въ завоеванную Америку избытокъ своего народа, тѣснившагося подъ конецъ, за недостаткомъ земли, на пловучихъ и свайныхъ постройкахъ ихъ рѣкъ и озеръ, китайцы обратили вниманіе на Европу. Они послали свой флотъ въ Атлантическій океанъ, гдѣ въ 1930 г. произошла колоссальная морская битва китайскихъ мониторовъ съ мониторами еще существовавшихъ тогда, самостоятельныхъ государствъ европейскаго материка, — Англіи, Франціи, Италіи и Германіи. Дѣло, по словамъ календаря, рѣшилось особыми подводными, китайскими «минами-пушками», которыя подплывали подъ килевыя части европейскихъ мониторовъ и, стрѣляя залпами бомбъ, начиненныхъ динамитомъ, взрывали и топили эти грозныя когда-то суда.

Европа въ 1930 году была завоевана Китаемъ...

Отдѣльныя, во время оно сильныя и славныя государства, Франція, Англія, Италія и Германія, поглотившія незадолго передъ тѣмъ рядъ второстепенныхъ странъ — Испанію, Австрію, Швецію и Данію, были въ свой чередъ поглощены и упразднены китайцами. Побѣдители прекратили ихъ самостоятельное существованіе и обратили ихъ, какъ и Америку, въ свою колонію. Явилась федеративная Европа, которой Богдыханъ, въ утѣшеніе туземныхъ уче-

ныхъ и публицистовъ, далъ названіе «Соединенныхъ Штатовъ Европы», подчиненныхъ китайскому императору. Самъ онъ съ тѣхъ поръ сталъ именоваться Богдыханомъ Европы, какъ нѣкогда англійская королева носила титутъ императрицы Индіи.

Порошинъ съ трепетомъ сталъ доискиваться, въ занимательномъ календарѣ, свѣдѣній о судьбахъ Россіи. Она, къ его утѣшенію, уцѣлѣла въ этой общей ломкѣ, вслѣдствіе своего дружескаго китайцамъ нейтралитета, который она объявила во время нашествія жителей Небесной имперіи на Европу, — въ отместку Англіи за Пальмерстона и его преемниковъ, Франціи—за Наполеонидовъ, Австріи—за ея вѣчныя измѣны и предательства, и Германіи—за Бисмарка, «прижимавшаго славянъ къ стѣнѣ...» «Досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ!»—радостно подумалъ Порошинъ, читая эти откровенія прошлаго...

Богдыханъ, за дружбу къ Россіи, давъ средство славянамъ окончательно изгнать турокъ въ Азію («вонъ до какого времени была эта возня!» — подумалъ Порошинъ) и образовать на Балканскомъ полуостровѣ отдѣльную славяно-греческую дунайскую имперію, дружественную Россіи, не мѣшалъ и русскимъ исполнить ихъ послѣдній, главный долгъ... Русскіе, какъ гласилъ календарь, благодаря желѣзной дорогѣ, устроенной отъ Урала до Хивы и новаго передового поста китайцевъ на западѣ, до Афганистана, разбили англичанъ въ Пешаверѣ, выгнали ихъ изъ Восточной Индіи и устроили третью россійскую столицу въ Калькуттѣ. Милости Богдыхана къ завоеванной Европѣ были, впрочемъ, неизреченны. Обложивъ европейскій, покоренный его войсками, материкъ тяжкою ежегодною данью — въ милліардъ франковъ—и обязанностью обработывать на своихъ фабрикахъ исключительно китайское сырье, Богдыханъ упразднилъ всѣ непроизводительныя европейскія арміи и флоты («вонъ когда лига мира дождалась исполненія своей грезы объ общемъ разоруженіи!» — не утерпѣлъ подумать Порошинъ). Замѣнивъ эти постоянныя войска сухопутною и морскою гражданскою «китайскою жандармеріей», китайцы окружили главныя столицы и города упраздненныхъ европейскихъ государствъ новыми китайскими крѣпостными стѣнами, снабдивъ ихъ своими гарнизонами и своими пушками, но за то они предоставили каждому изъ «Соединен-

ныхъ Штатовъ Европы» устраиваться, по былой американской системѣ, на свой особый ладъ,—безъ права носить и имѣть какое бы то ни было оружіе. Даже ножи и вилки исчезли изъ употребленія; всѣ въ Европѣ съ тѣхъ поръ ѣли, какъ въ Китаѣ, только ложками и палочками.

Германія при этомъ съ удовольствіемъ сохранила свой «юнкерскій ландтагъ», Италія — «папство», Англія — «палату лордовъ» и «майоратъ», Франція—сперва «коммуну», а потомъ «умѣренную республику» президентами которой, съ 1935 по 1968 годъ, были дѣятели съ разными громкими именами, между которыми Порошинъ насчиталъ пять Гамбеттъ и двѣнадцать Ротшильдовъ. По прекращеніи «династіи Гамбеттидовъ» (такъ и выразился календарь), Франція большею частью состояла подъ мѣстнымъ верховнымъ владычествомъ президентовъ-евреевъ изъ банкирскаго дома Ротшильдовъ. Перенесясь въ 1968 г., Порошинъ, слѣдовательно, засталъ французовъ подъ управленіемъ Ротшильда XII. Евреи-адмиралы въ это время командовали французскимъ флотомъ въ океанахъ, евреи-фельдмаршалы охраняли, во имя китайскаго повелителя, французскія границы, и евреи-министры, съ президентомъ въ пейсахъ и ермолкѣ, встрѣчали правящаго Европой Богдыхана, Ца-о-дзы, при недавнемъ тріумфальномъ посѣщеніи послѣднимъ Парижа, отчего и до сихъ поръ, вторую недѣлю, парижскія улицы и дома были увѣшаны флагами.

Французская республика, съ поры окончательной побѣды жителей Небесной имперіи, мирно и дружно ужилась съ китайскимъ богдыханствомъ. Прежде у французовъ имперія чередовалась съ республикой. Теперь у нихъ разомъ и рядомъ, къ общему удовольствію, были и та, и другая.

— «Вотъ почему на монетахъ, данныхъ мнѣ армяниномъ, — догадался Порошинъ: — съ одной стороны вычеканены «Liberté, égalité, fraternité» — и надпись «Французская Республика», а съ другой стороны — внушительная китайская бамбуковая палка».

Вышелъ Порошинъ изъ книжной лавки при вечернемъ освѣщеніи. Улицы и площади Парижа горѣли яркими, какъ дневной свѣтъ, электрическими солнцами. Проголодавшись онъ зашелъ въ громадный ресторанъ съ надписью «Столица міра—Пекинъ», гдѣ вся прислуга была одѣта китайцами. Онъ потребовалъ себѣ модныхъ блюдъ; ему подали жаре-

наго фазана и рисовой каши, которые онъ торопился ѣсть, чтобы не опоздать въ театръ. Но онъ замѣтилъ, что другіе посѣтители «Пекина», между ѣдой, брали со стола какія-то трубочки и подносили ихъ къ ушамъ. Онъ освѣдомился у гарсона,—что это? Ему отвѣтили: «телефонъ».

— Да въ чемъ же дѣло, не понимаю? (Тогда, въ 1868 г., еще не знали этого изобрѣтенія). Ему объяснили, что каждая изъ трубочекъ, лежащихъ на столѣ, была соединена проволокой съ различными театрами,—оперой, водевилемъ, концертною залой,—и что за небольшую, особую плату посѣтитель можетъ, кушая, въ то же время слѣдить за любой парижской и даже болѣе отдаленной сценой.

Порошинъ поднесъ къ уху первую попавшуюся трубочку: ему послышались аплодисменты, которыми публика встрѣчала какую-то актрису въ «Comédie Française». Онъ поднесъ къ уху другую трубочку: стали слышны заключительныя, нѣжныя рулады концертной аріи, исполнявшейся въ ту минуту въ оперѣ знаменитымъ кантонскимъ пѣвцомъ. Уходя изъ кафе, Порошинъ поднесъ къ уху третью изъ трубочекъ: ему послышалась рѣчь, въ какой-то аудиторіи, о превосходствѣ реальнаго элемента въ искусствѣ, а именно—объ окончательной замѣнѣ фотографіей всѣхъ родовъ живописи.

Такъ проспалъ Порошинъ въ Парижѣ, или, какъ ему несомнѣнно казалось, прожилъ семь условленныхъ, веселыхъ и беззаботныхъ дней будущаго тысяча девятьсотъ шестьдесятъ восьмого года.

Денегъ, взятыхъ Порошинымъ у армянина изъ XIX вѣка, оказалось вдоволь, потому что все, и въ тогдашнемъ Парижѣ, было сравнительно дешево.

Онъ посѣщалъ всевозможныя, особенно модныя увеселенія. Всѣ стремились въ громадный желѣзный и каменный, на манеръ древне-римскаго, Коллизей. Въ модѣ были звѣриныя травли, бой быковъ, борьба низшихъ человѣческихъ расъ съ тиграми и львами, конскія скачки съ невѣроятными препятствіями—черезъ пороховые погреба съ зажженными факелами, черезъ динамитныя батареи — и единоборство пѣтуховъ и крысъ. Все это производилось въ названномъ Коллизеѣ. Роль древнихъ гладіаторовъ-рабовъ исполняли въ борьбѣ съ дикими, пускаемыми на арену звѣрями, нарочно для этой цѣли привозимые изъ внутренней Африки, жители озера Ніанзе и Танганаки. Когда на аренѣ Кол-

лизея лилась звѣриная или людская кровь, парижскія дамы пили шампанское и бросали изъ ложъ побѣдителямъ роскошные букеты, которые во время оно бросались Патти и Дженни Линдъ.

Порошинъ отъ Коллизея переходилъ къ безчисленнымъ кафе-шантанамъ, отъ послѣднихъ къ пирушкамъ съ молодыми людьми, между которыми пріобрѣлъ много знакомыхъ. Удивляясь, что онъ сталъ способенъ къ этого рода забавамъ, онъ нерѣдко входилъ въ споры съ простодушными, всѣмъ и всегда довольными французами. Узнавъ, что Порошинъ русскій, парижане были съ нимъ особенно любезны. Онъ не стѣснялся въ бесѣдахъ съ ними.

— Да полно, какая же у васъ республика, когда вы покорены китайскимъ Богдыханомъ и, въ его декретахъ, именуетесь его рабами? гдѣ же ваша свобода?—спрашивалъ Порошинъ парижанъ.

— O, les chinois... ce sont nos meilleurs et bons amis...

— Но какіе же вамъ они друзья, когда вы съ прочею Европой имъ платите такую страшную дань, и ихъ знамя вѣетъ надъ стѣнами нѣкогда славнаго Парижа?

— За то мы избавились отъ царства адвокатовъ... Нѣтъ болѣе адвокатовъ, — говорили ликующіе парижане: — есть только прокуроры и милующій Богдыханъ...

Порошинъ узналъ, что правосудіе въ XX-мъ вѣкѣ очень упростилось. Давно замѣчая, что спиртные напитки и отчасти хлороформъ развязываютъ языкъ, тогдашніе ученые стали дѣлать остроумные опыты и изобрѣли особую жидкость, изъ которой добыли газъ, названный спирто-хлороформомъ или алколо-хлораломъ. Напуская этотъ газъ въ особую комнату, прокуроры силой вводили туда подозрѣваемыхъ и подсудимыхъ, и послѣдніе, надышавшись предательскимъ испареніемъ, теряли главное изъ чувствъ — силу воли, послѣ чего прямо диктовали стенографамъ все, что дѣлали и говорили, все, что у нихъ было въ сокровенныхъ помышленіяхъ. Съ тѣхъ поръ упразднились полицейскія дознанія, предварительныя и судебныя слѣдствія, очныя ставки, перекрестные допросы, доносы и отдѣленія явныхъ и тайныхъ сыщиковъ.

— Потомъ, извините, вы всегда кичились свободой и мягкостью вашихъ нравовъ, — допытывалъ французовъ Порошинъ:—а у васъ вонъ и теперь существуетъ казнь...

— Нельзя! — отвѣчали находчивые парижане: — каждый народъ имѣетъ право принимать мѣры въ огражденіе своей безопасности отъ преступниковъ и злодѣевъ!

— Но еще нелѣпость... Вы кичитесь республикой, равенствомъ, свободой, а у васъ, кромѣ китайскаго, общаго всѣмъ вамъ гнета, есть еще мѣстный, частный гнетъ... еврейскій! Кромѣ многихъ прежнихъ династій, вы проходите наконецъ черезъ династію израильскихъ президентовъ своей республики, Ротшильдовъ... Извините, но это — позоръ! Евреи возсѣдаютъ у васъ на тронѣ Генриха IV-го и Людовика XIV-го, банкиры, биржевики красуются въ креслахъ Робеспьера и Мирабо... Этого не представляла исторія даже такихъ торгашей, какъ англичане; у нихъ тоже были и есть свои Ротшильды, но тѣ у нихъ не шли и не идутъ дальше банкирскихъ конторъ и несгораемыхъ сундуковъ...

— Это мы сдѣлали поневолѣ.

— Какъ поневолѣ?

— Евреи съ началомъ нынѣшняго, XX-го вѣка, черезъ свои банкирскія конторы, завладѣли всею металлическою монетою въ мірѣ, всѣмъ золотомъ и серебромъ. Производя давленіе на биржѣ, они получили неотразимое вліяніе и на выборные классы великой, но завоеванной китайцами Франціи. За то при первомъ же президентѣ изъ дома Ротшильдовъ у насъ оказался финансовый рай: полное равновѣсіе прихода съ расходомъ въ бюджетѣ, устройство всѣхъ общественныхъ отправленій на акціонерный ладъ и окончательное введеніе удобныхъ бумажныхъ денегъ, вмѣсто металлическихъ...

— Но вы говорите, что Ротшильды взяли верхъ черезъ захватъ въ свои руки всѣхъ металловъ въ мірѣ?

— Да, золото всего міра перешло къ нимъ, они имъ и донынѣ владѣютъ, а намъ за него предоставили, въ видѣ векселей на себя, очень красиво отпечатанныя ассигнаціи. Это значительно удобнѣе, ихъ легко носить въ карманѣ. Золото любятъ у насъ носить одни, какъ вы, иностранцы.

— Вы упомянули также объ устройствѣ всѣхъ общественныхъ нуждъ на акціонерный ладъ.

— Точно такъ.

— Какъ это случилось?

— За примѣромъ не далеко ходить. Со вступленіемъ въ управленіе Ротшильдовъ исчезли окончательно въ домахъ лампы, печи и графины.

— Не понимаю, какъ это?—спросилъ Порошинъ:—развѣ измѣнился климатъ, пропала зима, солнце не заходитъ съ той поры и люди не нуждаются въ питьѣ?

— Вы недостаточно поняли меня, — отвѣтилъ французъ, съ улыбкой вглядываясь въ Порошина: — я говорю только, что печи, графины и лампы окончательно исчезли, съ мудрымъ президентствомъ Ротшильдовъ, не только у насъ, но полагаю и въ другихъ цивилизованныхъ городахъ. А что эти рѣдкости доброй старины дѣйствительно исчезли, это вамъ, вѣроятно, извѣстно... и вы ихъ теперь увидите развѣ только въ музеяхъ диковинокъ прошлыхъ временъ...

Порошинъ боялся далѣе объ этомъ разспрашивать, чтобъ не возбудить подозрѣнія на свой счетъ. Онъ вскорѣ лично убѣдился, что каждый домъ и каждая комната въ новомъ Парижѣ получали тепло, свѣтъ и воду изъ общаго резервуара этихъ матеріаловъ, устроеннаго въ нѣсколькихъ километрахъ за городской стѣной.

Онъ взялъ духовой фіакръ, нарочно съѣздилъ и осмотрѣлъ это замѣчательное, монументальное зданіе, доставлявшее особыми проводниками для парижанъ электрическій свѣтъ—въ ихъ зданія и уличные фонари, воду—въ кухни, бани, умывальные столы и прямо въ прицѣпленные къ столамъ на гуттаперчевыхъ трубочкахъ стаканы и другіе сосуды, и тепло — въ каждый домъ, въ каждый обитаемый уголокъ. Все ограничивалось кранами: повернешь одинъ — въ комнатѣ засвѣтитъ яркая электрическая луна, повернешь другой — наливается сквозь мягкую трубочку въ сосуды вода, повернешь третій — въ холодной комнатѣ становится, по желанію, тепло и даже жарко.

Проводники этихъ снадобій управлялись особыми регуляторами, экранами, градусниками и другими измѣрителями для разсчета съ акціонернымъ обществомъ ихъ поставщиковъ.

Это любопытное «центральное водо-тепло- и свѣто-хранилище» Порошину показывалъ бойкій и говорливый привратникъ — «портье», хотя французъ, но съ итальянскимъ профилемъ лица, одѣтый въ цвѣтное китайское полукафтанье и съ длинною, щегольски-заплетенною, до пятъ, косой, по фамиліи Бонапартъ.

— Вы носите громкую фамилію?—спросилъ, смутившись, Порошинъ:—не происходите ли отъ былыхъ во власти Наполеонидовъ? Ихъ династія когда-то здѣсь правила...

— О, мосье! вы правы! — грустно отвѣтилъ, покуривая особую сигаретку съ примѣсью опіума, портье: — мало ли что было въ старину? Намъ, скромнымъ и вѣрнымъ слугамъ Богдыхана, нѣтъ дѣла до прошлаго этой счастливой страны... Вы, какъ иностранецъ, встрѣтите и гарсоновъ въ отеляхъ изъ этой же, нынѣ обѣднѣвшей фамиліи, и встошниковъ, и продавцевъ каштановъ и газетъ. Это все мои дяди и кузены... Благодаря многоженству, много у каждаго изъ насъ, бѣдныхъ провинціаловъ, родныхъ.

— Какому многоженству? Развѣ во Франціи мормонизмъ?

— Не знаю, мосье, что вы хотите сказать этимъ мудренымъ и мнѣ непонятнымъ словомъ. Только многоженство даровано Франціи въ правленіе предпослѣдняго изъ мудрыхъ Ротшильдовъ, нынѣ правящихъ нами во имя пресвѣтлаго Богдыхана, — даровано въ награду за допущеніе этой геніальной банкирской расы ко всѣмъ тайнамъ нашей государственной казны.

— Но почему же Ротшильды васъ надѣлили именно этой наградой?

— А какъ же? — отвѣтилъ съ чопорностью ученаго знатока, самодовольный портье Бонапартъ:—у Авраама и прочихъ праотцевъ было по нѣсколько женъ. Ну, а введя іудейское исповѣданіе въ счастливой, процвѣтающей Франціи, наши новые правители рекомендовали и этотъ обычай.

— Такъ и еврейская вѣра введена у васъ?

— Если хотите, у насъ нѣтъ теперь ужъ никакой вѣры,— спокойно улыбнулся привратникъ:—китайцы на этотъ счетъ особенно покладливы и дали намъ полную свободу. Проповѣди у насъ замѣнены поучительными воскресными фельетонами министерскихъ газетъ, а большинство обрядовъ нотаріальными актами. Прибавилось только нотаріусовъ и ихъ писцовъ.

— Бракъ, однакоже, очевидно сохранился, если у васъ введено многоженство?—спросилъ Порошинъ: — какой, скажите, у васъ бракъ, гражданскій или тоже... китайскій, то-есть никакой?.. и на какіе сроки?

— Бракъ у насъ дѣйствительно китайскій, то-есть примѣненный, въ духѣ вѣка, къ формамъ юридическаго подержанія имущества, или найма прислуги, квартиръ,—на годъ, на мѣсяцъ и даже, для желающихъ, на болѣе короткіе сроки... О, мосье, китайцы—первые люди въ мірѣ.

...Порошинъ не замѣтилъ, какъ шли его минуты, часы и дни. Парижскіе новые нравы и особенно дамскіе наряды его повергали въ изумленіе. Парижанки носили неимовѣрные костюмы, или скорѣе ходили почти вовсе безъ костюмовъ. На улицахъ и въ гостяхъ Порошинъ на нихъ видѣлъ еще нѣкое подобіе легкихъ, широкихъ, въ китайскомъ вкусѣ, бурнусовъ, сандалій и шляпъ. Дома же и на театральныхъ сценахъ онѣ, вмѣсто одеждъ, какъ дикари, имѣли лишь красивые, убранные дорогими, искусственными каменьями пояса, да на ногахъ, рукахъ и шеяхъ — золотые, серебряные и аллюминіевые браслеты, кольца, запястья и ожерелья. Каждая только и дѣлала — купалась, душилась, заплетала волосы, кушала, посѣщала театры, звѣриныя травли и влюблялась...

Для Порошина, вообще сдержаннаго и неохотника до пустыхъ развлеченій и забавъ, начался рядъ такихъ эксцентрическихъ похожденій, такой душевной и сердечной суеты, что онъ самъ себѣ не вѣрилъ, удивляясь, откуда у него берется такая пустота и такой задоръ.

Кутежи съ уличными шелопаями, сидѣніе по цѣлымъ днямъ передъ бычачьими и пѣтушиными боями въ Коллизеѣ, ужины съ убранными въ браслеты и кольца красавицами, посѣщеніе мѣстныхъ палатъ и скачекъ на искусственныхъ, движимыхъ сжатымъ воздухомъ, лошадяхъ и прочія развлеченія до того замотали и вскружили голову Порошину, что онъ, и безъ того слабый здоровьемъ, окончательно выбился изъ силъ.

Онъ особенно потомъ помнилъ свой послѣдній день, проведенный въ 1968 году.

Въ этотъ послѣдній, роковой, седьмой день, въ послѣдніе часы, минуты и секунды, передъ условнымъ досаднымъ пробужденіемъ, Порошинъ, — какъ онъ это ясно вспоминалъ впослѣдствіи,—бѣшенно и злобно хохоча въ глаза какому-то французскому академику, раздражительно-ѣдко повторялъ:

— Вы все изобрѣли и все выдумали! Надо вамъ отдать честь! Вы испытали и несете на себѣ иго евреевъ и китайцевъ, а летать по воздуху все-таки не сумѣли и не изобрѣли... Достигли этого, все-таки, русскіе, русскіе, русскіе!..

Озадаченный французскій академикъ только на него поглядывалъ.

— Притомъ... что у васъ за нравы, извините, и какой

цинизмъ во всемъ. Хоть бы эти костюмы у вашихъ женщинъ... ха-ха! Одни кольца, да запястья, какъ у дикарей...

— Но, позвольте,—вмѣшался французъ:—вы хоть и русскій, но развѣ и у васъ не введены такія же моды? Парижъ и теперь по этой части законодатель. Откуда же вы, что этого не знали и этому удивляетесь?

— Я съ крайняго сѣвера, изъ Колы,—смѣшавшись, продолжалъ Порошинъ: -да не въ томъ дѣло, хоть бы и у насъ вы ввели такую же распущенность! Далѣе... Вы въ концѣ убили дѣвственность и невинность невѣсты, — уничтожили святую роль матери. Всѣ женщины у васъ кокотки, да, кокотки! знаете это... древнее слово?

— Не слышалъ.

— У васъ во всемъ невообразимый, разнузданный и дикій произволъ страстей.

— Мы за то чужды предразсудковъ, — возразилъ съ достоинствомъ академикъ:—у насъ вездѣ поклоненіе природѣ, реальность.

— Это, пожалуй, забавно, но дико, дико до невозможности!—горячился и кричалъ на площади Трона Порошинъ, гдѣ происходилъ этотъ обмѣнъ его мыслей съ ученымъ:— у васъ полное паденіе искусствъ, поэзіи, живописи, музыки! Ваша живопись замѣнена китайщиной, безжизненной, сухой, ремесленной, всюду лѣзущей и все поглощающей фотографіей.

— За то дешево, схоже, какъ дважды два, съ природой, и избавляетъ отъ пестроты красокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—кричалъ Порошинъ: — фотографія — сколокъ одного, мелкаго и ничтожнаго момента природы; художественная живопись—могучее зеркало природы, въ ея полномъ и идеальномъ объемѣ!.. Потомъ музыка,— Богъ мой!—что у васъ за музыка! Вагнеровщина, доведенная до абсурда... слышали про Вагнера?

— Это что за имя? въ древности были Моцартъ, Бетховенъ, Россини,—о Вагнерѣ никто не знаетъ...

— Былъ такой чудакъ, дѣлавшій съ музыкой, какъ съ кроликами, опыты сто лѣтъ назадъ. Вы, теперешніе французы, развили его идеи и показали въ точности, въ какія трущобы насъ велъ этотъ и ему подобные борцы за музыку будущаго... Мелодія у васъ исчезла; ея больше нѣтъ и слѣда! Ни пѣсни, ни былаго, задушевнаго, чуднаго фран-

пузскаго романса, ни единой сносной музыкальной картины... Волны безсмысленныхъ тоновъ и звуковъ, безъ страсти и безъ выраженія, — хаосъ!.. Наконецъ, иду далѣе... куда вы дѣли драму, высокую комедію?

— Это что такое?—удивился академикъ-французъ.

— Вы замѣнили комедію и драму,—не стану вамъ объяснять ихъ значенія, если ихъ забыли теперешніе парижане!—съ грустью сказалъ Порошинъ: — вы замѣнили все это глупѣйшимъ, но реальнымъ водевилемъ, съ провальями и переодѣваньями, гнуснымъ сумбуромъ циническихъ, будничныхъ, уличныхъ сценъ, какъ замѣнили былую оперу шансонетными дивертисментами, да притомъ въ такое время, когда и всѣ-то ваши шансонетки сплошь лишены тѣни мелодіи, живого, задушевнаго мотива, наравнѣ со всею вашею музыкой...

— Мы, реалисты, васъ, къ сожалѣнію, совершенно не понимаемъ! — отозвались на площади нѣкоторые слушатели этого спора:—вы, мосье, точно вышли изъ какого-то допотопнаго архива, точно явились съ того свѣта, изъ отдаленной прадѣдовской старины.

— Да, вы правы! я жилъ и дышалъ инымъ вѣкомъ, иною эпохой! Я васъ не понимаю и отъ души сожалѣю! — произнесъ съ новою запальчивостью Порошинъ: — вы презираете все, что не ведетъ къ практической, обыденной, низменной пользѣ! Вы пренебрегаете идеями великаго философскаго цикла и даны развитіе одному—практическимъ, техническимъ, не идущимъ далѣе земли, наукамъ и ремесламъ. Вы отдали лучъ солнца за кусокъ удобренія, пѣсню вольнаго, поэтическаго соловья за мычаніе упитанной для убоя телушки, а Вольтера и Руссо, — вѣроятно, вы не забыли хоть именъ этихъ свѣтилъ вашей страны? — промѣняли на тупицу Либиха и другого тупицу, Вирхова. Надѣюсь, этихъ-то вашихъ апостоловъ вы отлично знаете и помните донынѣ?..

— Зато мы вѣрны природѣ!—повторилъ академикъ-французъ, закуривая у столика ресторана кальянъ съ опіумомъ.

— Зато васъ, свободныхъ французовъ, поколотили и завоевали китайцы, и поработили евреи, — съ бѣшенствомъ отвѣтилъ Порошинъ...

III.

Проказы духовъ.

Это было лѣтъ 10 тому назадъ, — разсказывалъ штабсъ-капитанъ Заруцкій:—я, въ качествѣ юнкера, долженъ былъ держать экзаменъ на офицерскій чинъ въ тверскомъ училищѣ. Пріѣхавъ въ Тверь, я долго искалъ квартиру. Мнѣ хотѣлось нанять одну-двѣ комнаты отъ жильцовъ, съ мебелью, чаемъ и со столомъ, чтобъ имѣть скромный свой уголъ, безъ толкотни и шума гостиницы.

Бродя по городу, я увидѣлъ въ отдаленной, глухой улицѣ небольшой деревянный двухъ-этажный домикъ съ билетиками на окнахъ второго этажа и нанялъ здѣсь двѣ комнаты, черезъ сѣни отъ хозяевъ квартиры. Хозяева оказались добродушными старичками, мужемъ и женой. Съ перваго же дня они окружили меня полнымъ вниманіемъ, заботливо содержали мои комнаты, одежду, бѣлье, отлично кормили и вообще ухаживали за мной, какъ за роднымъ. Возвращался я домой поздно, спалъ послѣ ученій и всякихъ служебныхъ занятій, какъ убитый.

Встрѣтя нѣкоторыхъ знакомыхъ въ Твери, я свободные вечера проводилъ у нихъ.

— Гдѣ вы наняли квартиру?—спросила меня одна тверская дама на одномъ изъ такихъ вечеровъ.

Я назвалъ улицу, домъ и квартирныхъ хозяевъ, Губаревыхъ.

— У Губаревыхъ?—произнесла дама:—и вы не боитесь?

— Чего же мнѣ бояться? Люди отличные, смотрятъ, какъ за роднымъ сыномъ,—отвѣтилъ я.

— Помилуйте... да эта квартира по мѣсяцамъ стоитъ незанята, все бѣлѣютъ въ окнахъ билетики...

— Ну, и что же? не сходятся цѣной, а я не торговался. улица тихая, поросла даже травой; ни пѣшихъ, ни проѣзжихъ,—весь день занимайся, читай, пиши, — никто не помѣшаетъ, не развлечетъ.

— Какъ не помѣшаетъ? Да развѣ вы не знаете, — сказала съ непритворнымъ ужасомъ дама: — въ этомъ домѣ и именно въ верхнемъ его этажѣ давно поселилось привидѣніе, не дающее покоя его жильцамъ. Оно ходитъ по ночамъ

безъ умолку по комнатамъ, двигаетъ мебелью, выпиваетъ воду, перекладываетъ съ мѣста на мѣсто разные предметы...

— Ну, крѣпко же я спалъ всѣ эти ночи, что не замѣтилъ этого,—сказалъ я съ улыбкой.

— Увѣряю васъ... клянусь, въ городѣ всѣ это знаютъ и избѣгаютъ губаревской квартиры...

— Деревянный домъ.—спросилъ я:—желтый, съ мезониномъ? Можетъ быть не та улица, не тотъ домъ?

— Именно Губаревыхъ... Одни мои знакомые, напуганные, взволнованные, едва убрались.

— Со мной шашка и револьверъ.—произнесъ я:—бояться нечего... Я постараюсь поладить съ этимъ привидѣніемъ.

Разговоръ съ тверской дамой, однако, произвелъ на меня впечатлѣніе.—«Вотъ провинція,—думалъ я:—непремѣнно что-нибудь сочинитъ, наплететъ, раздуетъ въ гору и сама потомъ волнуется собственными страхами! И откуда это взялось? Любопытно все-таки...»

Привидѣніе не выходило у меня изъ головы. Я не совсѣмъ спокойно пришелъ съ вечера, гдѣ это слышалъ, домой; втащился по скрипучей лѣстницѣ, позвонилъ. Хозяйка подала мнѣ свѣчу, проводила въ мои комнаты, осмотрѣла постель, поставила свѣжей воды въ графинѣ, спичекъ на столикъ у изголовья и, пожелавъ мнѣ, какъ всегда, спокойной ночи, ушла, забравъ для чистки мое платье и сапоги.

Я прошелъ въ туфляхъ въ сѣни, заперъ дверь на ключъ, раздѣлся и легъ, осмотрѣвъ предварительно всѣ закоулки въ обѣихъ моихъ комнатахъ, заглянулъ подъ мебель, за печку, въ шкапъ и комодъ и даже за оконныя занавѣски.

Въ то время печатался любопытный переводный англійскій романъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», мною начатый давно. Я взялъ книгу «Русскаго Вѣстника», прочелъ пять-шесть страницъ и, чувствуя дремоту, усталый отъ дневныхъ занятій, крѣпко уснулъ, отложивъ разогнутую книгу на столикъ у кровати. Помню, что, засыпая, я все думалъ: «Эка, наплели! и откуда взяться здѣсь привидѣнію, призракамъ? Въ этакомъ домишкѣ, и притомъ въ Твери! Добро бы гдѣ-нибудь въ Шотландіи, въ замкѣ какомъ-нибудь, или въ Швейцарскихъ мрачныхъ горахъ... а то на антресоляхъ, у Губаревыхъ... въ улицѣ, гдѣ выросла трава, пасутся козы и не видать по днямъ человѣческаго лица»...

И вдругъ— слышу шелестъ, явственный шелестъ, у изголовья.

Я проснулся, сталъ прислушиваться. Въ полной тишинѣ, впотьмахъ, слышу, точно кто-либо шаритъ по столу, переворачиваетъ листы разогнутой книги журнала.

«Мыши!» — подумалъ я сперва, вспоминая, какъ стоялъ до моего прихода круглый, на одной ножкѣ, столикъ и какъ я его взялъ отъ стѣны и поставилъ у изголовья.—«Нѣтъ!— сказалъ я себѣ, размысливъ немного:—мыши не могли взобраться на столъ по гладкой ножкѣ, да еще потомъ взлѣсть изъ-подъ круглой доски наверхъ. А столикъ стоялъ, не касаясь ни ближней мебели, ни моей постели...»

Подождавъ нѣсколько минутъ, я опять услышалъ ясно-различаемый шелестъ переворачиванія листовъ книги, лежавшей на столѣ.

«Надо изловить, поймать»,—подумалъ я, изловчаясь тихо встать и зажечь спичку.

Приподнявшись на локтѣ, я медленно нащупалъ на столѣ спичечницу, взялъ ее въ руки и приготовился черкнуть спичку о края спичечницы. Въ эту минуту изумленный, потрясенный необычайнымъ явленіемъ мой слухъ явственно различалъ, какъ невидимая чья-то рука мѣрно переворачивала листъ за листомъ въ спокойно-лежавшей книгѣ.

«Да! это не мыши, не шутка чья-либо,—подумалъ я, прислушиваясь къ шороху на столѣ и готовясь увидѣть, откуда и кто протянулъ руку въ запертую комнату и трогалъ ею книгу:— любопытно увидѣть эту блѣдную руку блѣднаго призрака»...

Я нажалъ спичку, черкнулъ ею. Спичка вспыхнула, ярко освѣтивъ столъ, мою подушку и меня, сидѣвшаго въ одномъ бѣльѣ на постели.

Никого въ комнатѣ не было, и ничья рука не касалась книги. А между тѣмъ,—я это ясно видѣлъ и помню все до мелочей,—въ то мгновеніе, когда спичка вспыхнула, тронутый чьею-то незримою рукой, листъ перевертывался на моихъ глазахъ съ одной половины разогнутой книги на другую.

Спичка погасла. Я зажегъ свѣчу, обошелъ съ нею опять обѣ комнаты, отомкнулъ дверь въ сѣни, заглянулъ и туда, смотрѣлъ снова за печь, въ шкапъ и комодъ, подъ мебель и за занавѣски, — никого въ комнатахъ не было, и вездѣ была полная тишина.

Легъ я опять и нѣкоторое время не тушилъ свѣчи, курилъ для развлеченія себя, осматривалъ книгу, столикъ; наконецъ, еще далѣе отставилъ послѣдній отъ кровати,

снялъ съ него все, кромѣ книги, разогнутой, какъ прежде, пополамъ, и сталъ слѣдить. Листы, пока горѣла свѣча, не перевертывались. Замѣтивъ послѣднюю открытую страницу книги, я задулъ свѣчу, укуталъ голову въ одѣяло и старался заснуть. Прошло съ полчаса, я заснулъ. Сплю и думаю: «Ну, это мнѣ все казалось; вѣроятно, теченіе воздуха, — упругіе, разогнутые листы книги сами собой поднимались и съ шелестомъ ложились на другую сторону книги...»

Меня вдругъ опять, какъ варомъ обдало. Я былъ разбуженъ явственнымъ шелестомъ быстро и будто нетерпѣливо перебираемыхъ листовъ. И въ то же время мнѣ почудилось, что въ другомъ углу комнаты, на этажеркѣ, кто-то тронулъ графинъ и, будто наливая изъ него воду, зазвенѣлъ имъ о стаканъ...

«Не доставало еще этой чертовщины!—мыслилъ я съ досадой, стараясь ничего не слышать и ни на что не обращать вниманія:—не встану, буду терпѣть, буду спать».

Сонъ охватилъ меня, подъ новый шелестъ листовъ и новое постукиванье графина о стаканъ, изъ котораго, очевидно, пили.

Утромъ я проснулся съ первымъ солнечнымъ лучемъ. Очнувшись и собравшись съ мыслями, я прежде всего бросился къ книгѣ,—посмотрѣлъ число, выставленное на верхней замѣченной мною страницѣ. Вмѣсто цифры, какъ теперь помню, 177-й, на верху книги была 219-я страница; невидимая рука перевернула, пока я спалъ,—ровно сорокъ двѣ страницы, то есть двадцать одинъ листъ... Двадцать одинъ разъ пальцы привидѣнія прикасались къ книгѣ!

Но каково было мое вторичное изумленіе, когда я подошелъ къ этажеркѣ и взглянулъ на графинъ, съ вечера наполненный и при мнѣ поставленный хозяйкой: онъ былъ пустъ... Призракъ выпилъ его до дна...

— Да вы, можетъ-быть, не перемѣняли воду?—спросилъ я хозяйку, хватаясь за это предположеніе, какъ за якорь спасенія.

— Именно, сударь, вы правы; извините, я забыла перемѣнить... Вода у насъ, впрочемъ, хорошая; вы, вѣроятно, сами изволили ее выпить... жажда-съ...

Я остолбенѣлъ.

— Вотъ и судите... заключилъ Заруцкій:—какъ это объяснить? Отлично помню, что хозяйка перемѣняла воду и что я ночью не прикасался къ графину. Кто же трогалъ книгу и выпилъ воду?

IV.

Призраки.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, — сказала одна изъ нашихъ собесѣдницъ: — въ Петербургѣ умерла старушка, моя родственница, тяжело хворавшая уже нѣсколько времени. Сестра моей родственницы, жившая на другомъ концѣ города и уже дня два не видавшая ее, вспомнила о ней въ ту минуту, когда ложилась спать. Рѣшивъ на утро навѣстить больную сестру, она потушила свѣчу и ужъ начала засыпать.

Вдругъ видитъ, при свѣтѣ теплившейся лампады, что изъ-за ширмы, стоявшей передъ ея кроватью, выглядываетъ голова ея сестры.

Эту голову, это лицо сестры моя родственница видѣла совершенно отчетливо и тотчасъ ее окликнула, удивляясь ея столь позднему, при нездоровьи, посѣщенію.

Отвѣта, однако, не послѣдовало, и голова, высунувшись изъ-за ширмы, черезъ нѣсколько секундъ исчезла...

Полагая, что такой поздній и поспѣшный заѣздъ вызванъ какимъ-нибудь чрезвычайнымъ происшествіемъ въ семьѣ больной сестры, моя родственница вскочила съ постели, вышла за ширму, но ни тамъ, ни въ другихъ комнатахъ никого не было...

Дама, о которой я говорю, была женщина очень образованная, вовсе не суевѣрная и отличалась скорѣе недостаткомъ, чѣмъ избыткомъ впечатлительности и воображенія.

Послѣ перваго впечатлѣнія отъ таинственнаго заѣзда больной сестры, она старалась себѣ объяснить этотъ случай сномъ, предполагая, что сестра ей пригрезилась, подъ вліяніемъ безпокойной, предсонной думы о ней.

Она не разбудила никого, снова легла въ постель и спокойно проспала остальную часть ночи.

Но каково же было ея удивленіе, когда рано утромъ ее разбудили роковымъ извѣстіемъ, что ея сестра умерла въ ту ночь и, какъ оказалось, въ тотъ самый часъ, когда она видѣла ея лицо, выглянувшее изъ-за ширмы!..

— Другой случай былъ въ Тифлисѣ и съ вашею покорною слугой. Я тогда была дѣвочкой лѣтъ шести-семи. Пріѣхала я въ Тифлисъ съ матерью, старшею сестрой, слугою и горничной. Мы остановились во второмъ этажѣ тамошней извѣстной гостиницы; отвели намъ нѣсколько комнатъ съ балкономъ на улицу. Въ первую же ночь, проведенную нами на кое-какъ устроенныхъ постеляхъ, среди раскрытыхъ чемодановъ и сундуковъ, случилось событіе, сильно напугавшее меня.

Я спала на одной кровати съ сестрой, дѣвушкой лѣтъ семнадцати. Помню, что меня разбудилъ сдержанный, но тревожный разговоръ горничной съ сестрой.

— Ахъ, барышня, не могу глазъ сомкнуть, — говорила горничная:—на балконѣ ходитъ что-то страшное, рогатое... Еще съ вечера нижніе жильцы увѣряли, что оно ночью непремѣнно заглядываетъ въ окно...

— Да гдѣ-жъ оно, гдѣ?—шептала въ ужасѣ сестра.

— Постойте, слышите? топчется по балкону ногами... слышите? вотъ опять шаги, подходитъ...

— Да откуда же подходитъ? балконъ высоко надъ землей.

— Ай! — вскрикнула моя сестра, упавъ на подушку: — рога, рога...

Какъ я ни была мала и труслива, я подняла голову изъ-за дрожавшей сестры, взглянула и обмерла: съ надворья, въ блѣдныхъ сумеркахъ, ясно обозначилось нѣчто косматое, съ рогами, приникшее къ окну и будто смотрѣвшее, что дѣлается въ комнатѣ. Я также упала носомъ въ подушку и ну—плакать.

Проснулась матушка, разбудили лакея. Едва нашли ключъ, отдали его лакею и тотъ изъ сосѣдней комнаты, имѣвшей также выходъ на балконъ, отперъ стеклянную дверь, вышелъ наружу, осмотрѣлъ балконъ: тамъ ничего не было.

Но мы, т.-е. я съ сестрой и горничная, отлично видѣли привидѣніе—косматое, страшное и съ рогами.

Ночь провели безъ сна. На утро давай соображать, что бы это было? Слуга ходилъ къ хозяевамъ, къ нижнимъ жильцамъ, которые передъ нами стояли наверху, въ нашихъ комнатахъ, и перешли внизъ, изъ-за того же привидѣнія. Онъ разспрашивалъ ихъ, но ничего не добился. Хозяева увѣряли, что это пустяки, что намъ такъ показалось. Другихъ свободныхъ комнатъ не было, и мы поневолѣ остались

въ тѣхъ же, но приняли мѣры осторожности. Ключъ отъ балконной двери матушка положила себѣ подъ подушку, чтобъ имѣть его всегда наготовѣ. Осмотрѣли тщательно балконъ, висѣвшій надъ улицей, — оказалось, что къ нему даже не подходила водосточная труба,—осмотрѣли всѣ смежныя двери, окна, комнаты, и легли спать.

Слуга заперся отъ коридора гостиницы, мы заперлись отъ комнаты, гдѣ спалъ слуга. Горничная взлѣзла на высокую лежанку, за печью, обставилась еще стульями. Поговоривъ немного, мы погасили свѣчи и уснули...

И опять слышимъ топотъ. Я очнулась первая, взглянула въ направленіи оконъ и взвизгнула не своимъ голосомъ. Всѣ вскочили, дрожимъ отъ ужаса: по балкону снова ходитъ чудище; длинные, какъ на рисункахъ о страшномъ судѣ, загнутые надъ мохнатымъ лбомъ, бѣсовскіе рога шевелятся за окномъ, и два глаза пристально смотрятъ сквозь стекло въ комнату.

Слуга также проснулся.

— Барыня, ключъ, скорѣе ключъ!—шепталъ онъ за дверью.

Мы подали ему ключъ.

Онъ изловчился, быстро отперъ дверь, — съ балкона на крышу дома, бывшую надъ нимъ невысоко, спрыгнуло что-то мохнатое, легкое, какъ вѣтеръ...

Утромъ слуга добился, въ чемъ дѣло.

Оказалось, что этотъ страшный тифлисскій призракъ былъ козелъ; онъ являлся съ сосѣдняго двора, сѣновалъ котораго былъ на склонѣ горы, какъ разъ въ уровень съ крышей гостиницы. Покушавъ сѣна, козелъ имѣлъ обычай вскакивать въ слуховое окно сѣновала и странствовать по окрестнымъ крышамъ, крыльцамъ и балконамъ. Передъ тѣмъ въ нашихъ комнатахъ,—до насъ и нижнихъ жильцовъ,—долго жилъ какой-то одинокій постоялецъ. Онъ имѣлъ обычай пить по ночамъ чай у окна и, замѣтивъ спрыгнувшаго съ крыши на балконъ козла, давалъ ему сухарей и молока. Козелъ привыкъ къ нему и каждую ночь получалъ свою порцію. А когда этотъ жилецъ уѣхалъ, козелъ, продолжая свои посѣщенія, сперва напугалъ и заставилъ втихомолку спуститься внизъ жильцовъ, занимавшихъ наши комнаты, а потомъ напугалъ и насъ...

Въ Николаевѣ стояли въ небольшомъ, одноэтажномъ до-

микѣ. два офицера. Сидѣли они вечеромъ, однажды, у окна. Была зима. Свѣтилъ полный мѣсяцъ. Бесѣда пріятелей смолкла, они задумались, куря папиросы. Вдругъ слышатъ, съ надворья кто-то стукнулъ въ наружную раму... разъ, другой и третій. Переглянулись они, ждутъ. Минуты три спустя, опять незримая рука постучала въ окно. Одинъ изъ нихъ выбѣжалъ на крыльцо, обошелъ уголъ дома, — никого нѣтъ. Домъ былъ на краю города и выходилъ на обширный, ярко-освѣщенный луною пустырь. Потолковали пріятели и рѣшили, что это имъ такъ показалось, или что дрожало отъ движенія воздуха стекло старой двойной рамы,—хотя ночь была тихая, безъ малѣйшаго вѣтра. На вторую ночь повторилась та же исторія, на третью снова. Это вывело офицеровъ изъ терпѣнія. Осмотрѣвъ днемъ окрестные дворы, овраги и площадь, они рѣшились выслѣдить, что̀ это за чудо? — Ночью одинъ сѣлъ съ папироскою у окна, другой, одѣвшись въ шубу, спрятался въ тѣни у сосѣдняго забора. Долго ли сидѣлъ онъ—послѣдній не помнилъ,—только опять раздался стукъ, явственное дребезжаніе наружной оконной рамы. Сторожившій подъ заборомъ офицеръ бросился къ дому,—изъ-подъ оконнаго притолка выскочила какая-то тѣнь... Ночь на этотъ разъ была нѣсколько мглистая; мѣсяцъ то и дѣло прятался въ налетавшія облака. Тѣнь кинулась бѣжать по площади; офицеръ за нею,—далѣе, далѣе,—вотъ-вотъ настигаетъ. Добѣжали они до какого-то оврага. У оврага—стоитъ запряженный въ сани конь. Тѣнь бросилась въ сани, офицеръ ее за полу и тоже въ сани. Лошадь помчалась.—Зачѣмъ ты насъ пугалъ?—спрашиваетъ офицеръ.—Тѣнь молчитъ.—Говори, говори!—пристаетъ офицеръ, теребя незнакомаго и стараясь вырвать у него вожжи... Но сани нечаянно, или благодаря возницѣ, раскатились, и офицеръ вывалился, среди пустыннаго, занесеннаго снѣгомъ взгорья. Онъ едва нашелъ дорогу и возвратился домой къ утру, съ трудомъ выбравшись изъ овраговъ, куда его завезла незнакомая, ускользнувшая отъ него тѣнь.

V

Таинственная свѣча.

Нѣкто Кирилловъ, будучи командированъ въ приволжскія губерніи, ѣхалъ туда съ своимъ секретаремъ. Надо было свернуть съ большого почтоваго тракта на проселокъ. Кирилловъ ѣхалъ въ собственной коляскѣ, по фельдъегерской подорожной и открытому листу. Дѣло было спѣшное и нетерпящее отлагательствъ. Проселочный путь оказался очень удобнымъ. Погода была передъ тѣмъ сухая. Стоялъ превосходный, весь въ зелени и цвѣтахъ, оглашаемый птичьими свистами, май. Но едва странники проѣхали верстъ полтораста, мѣняя въ волостяхъ обывательскихъ лошадей, небо заволокло тучами, стало пасмурно, и пошелъ теплый тихій дождь. Дорога мигомъ испортилась. До мѣста назначенія, небольшого уѣзднаго города, оставалось два-три перегона. Въ предпослѣдней волости дали Кириллову лошадей нехотя, уговаривая его переждать, пока просохнетъ. Онъ на это не могъ согласиться. Лошади пристали. Едва сдѣлавъ съ обѣда до вечера верстъ десять-пятнадцать, коляска насилу втащилась въ какую-то разбросанную, заросшую садами, деревню и остановилась въ околицѣ: ни взадъ, ни впередъ.

— Переночевали бы, ваше превосходительство,—сказалъ обывательскій ямщикъ: — до Терновки еще семь верстъ, а лошади не довезутъ.

— Какая это деревня?

— Дубки.

— Государственныхъ крестьянъ?

— Вольная.

— Расправа есть?

— Есть-то есть, да нѣту-ти лошадей. Тутошніе все гоняютъ на ночь въ луга. А пока за ними сходятъ, настанетъ и ночь. Эвоси, и солнышко заходитъ.

— Гдѣ же тутъ перебыть?

— Въ постояломъ развѣ... да нѣтъ, баринъ, тамъ кабакъ, — ужъ не знаю, куда васъ и вести. Мужики всѣ въ отхожихъ работахъ, остались почитай однѣ бабы.

— Да вонъ же у васъ церковь,—отозвался секретарь: — значитъ, есть священникъ.

— Есть,—отвѣтилъ ямщикъ.

— Ну, вези къ батюшкѣ.

Подъѣхали къ дому священника, на обширной, поросшей травой площади. Священникъ оказался вдовцомъ, лѣтъ пятидесяти, очень серьезнымъ, благообразнымъ и радушнымъ человѣкомъ.

Узнавъ, что гость его важный въ столичной іерархіи чиновникъ, онъ удвоилъ къ нему вниманіе, предложилъ странникамъ чаю, ужинъ и собственную опочивальню.

Кирилловъ съ секретаремъ напились чаю и закусили на воздухѣ, на крыльцѣ попова домика, выходившаго окнами противъ церкви. Дождь пересталъ, и хотя небо еще было заволочено тучками, или скорѣе туманомъ, на дворѣ было тепло и такъ тихо, что слышался говоръ отдаленныхъ переулковъ, гдѣ засыпала, съ быстро-наставшими сумерками, наморившаяся за день деревня. Гости и хозяинъ засидѣлись долго у столика, накрытаго бѣлой скатертью и уставленнаго скромнымъ угощеніемъ сельскаго священника.

— Что у васъ такая маленькая церковь? — спросилъ Кирилловъ:—точно вросла въ землю и даже будто покачнулась.

— Древній храмъ, очень древній, — отвѣчалъ священникъ: — еще при моемъ прадѣдѣ лажена, а при дѣдѣ достроена... Мхомъ поросла, и колокольня точно какъ бы наклонилась маленько, но еще держится.

— Что же, мало средствъ, нечѣмъ обновить?

— Народъ здѣсь смирный, свободный, какъ воздухъ,— ну, и не тѣмъ занятъ. А церковь древняя и строили ее древніе, благочестивые люди...

Поговорили еще гости, поблагодарили хозяина за хлѣбъ-соль и, распорядясь насчетъ дальнѣйшаго съ утромъ пути, ушли спать. Комната, гдѣ имъ предложили ночлегъ, выходила окнами на площадь. Священникъ легъ въ чистой пріемной, смежной съ этой комнатой.

Боясь простудиться, Кирилловъ легъ, не открывъ окна, и потому отъ духоты долго не могъ заснуть.

Постель священника, на которой онъ расположился спать, была у стѣны противъ оконъ; секретарь легъ на диванчикъ у двери. Свѣчу погасили и смолкли. Затихъ по сосѣдству и священникъ. На дворѣ еще болѣе стемнѣло.

Такъ лежалъ, ворочаясь и думая о разныхъ разностяхъ, Кирилловъ часъ или болѣе того. Обернувшись на постели къ окну, онъ сталъ всматриваться въ очеркъ церкви, неясно рисовавшейся въ сумеркахъ.

Ему показалось, что церковь слабо освѣщена...

«Вѣроятно, небо окончательно очистилось, и взошелъ мѣсяцъ за нашимъ домомъ, — подумалъ Кирилловъ: — лунные лучи и отражаются въ церковныхъ окнахъ».

Кирилловъ приподнялся на постели, вглядѣлся пристальнѣе. «Нѣтъ, это не лунные лучи!—сказалъ онъ себѣ:—всѣ окна подъ рядъ, но освѣщены только три лѣвыя, въ главной части церкви, а правыя, въ придѣлѣ, подъ колокольней, темны,—значитъ, церковь освѣщена изнутри».

Чѣмъ болѣе всматривался Кирилловъ, тѣмъ явственнѣе сталъ различать красноватый, мерцающій блескъ, отличный отъ блѣдныхъ лунныхъ лучей.

«Свѣча!—подумалъ онъ,—въ церкви зажжена свѣча! Либо тамъ воры, либо покойникъ... Но какая неосторожность — ставить на ночь у гроба, въ такой ветхой церкви, свѣчу!»

— Батюшка, а батюшка! — сказалъ Кирилловъ, помнившій, что священникъ шевелился въ сосѣдней комнатѣ, нѣсколько минутъ назадъ. Окликъ пришлось повторить.

— А? Что прикажете?—отозвался изъ-за двери проснувшійся хозяинъ.

— У васъ, батюшка, свѣтится въ церкви.

— Извините, тамъ темно, и ключи у меня.

— Да отчего же свѣтится? Не забыли-ль погасить какую свѣчку у образовъ? Была сегодня вечерня?

— Не было.

— Такъ не стоитъ ли тамъ покойникъ? — спросилъ Кирилловъ.

Священникъ повозился по полу ногами, очевидно, отыскивая башмаки. Черезъ минуту онъ появился, въ халатѣ, на порогѣ.

— Гдѣ свѣтится?—спросилъ онъ, глядя въ окно:—вотъ странно, въ церкви дѣйствительно покойникъ... его вынесли за часъ до вашего къ намъ прибытія... но только никто у образовъ, а тѣмъ паче у гроба, не зажигалъ свѣчи.

— Угодно ли, пойдемъ, стоитъ посмотрѣть,—сказалъ Кирилловъ, любопытствуя узнать, что это за странность.

Священникъ нехотя досталъ изъ-подъ подушки ключи.

Разбудили секретаря. Тотъ, узнавши, въ чемъ дѣло, въ особенности засуетился. «Чудеса, чудеса! — шепталъ онъ: — покойникъ... и свѣтится».

Гости и священникъ вышли на площадь. Три окна, явственно и безъ всякаго сомнѣнія были изнутри слабо освѣщены. Но едва любопытствующіе стали подходить къ церкви, свѣтъ внезапно погасъ.

— Намъ это показалось, — замѣтилъ священникъ: — никакого огня въ церкви быть не можетъ. Даромъ только, сударь, потревожились... помилуйте, у насъ очень строго насчетъ огня.

Кирилловъ ужъ повернулъ къ дому. Ему хотѣлось спать.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, — засуетился секретарь: — такъ этого оставлять бы не слѣдовало... осмотримъ церковь...

Дѣлать нечего. Священникъ, гремя ключами, отперъ церковную дверь. У секретаря нашлись спички. Зажгли стоявшій въ придѣлѣ, у порога, фонарь и вошли въ храмъ.

Церковь, какъ всѣ сельскія церкви: чистая, уютная. Пахнетъ ладаномъ. Посрединѣ, передъ алтаремъ, стоялъ гробъ съ покойникомъ, какимъ-то молодымъ, суровымъ и красивымъ работникомъ. Непокрытое лицо глядѣло спокойно, точно умершій заснулъ.

— Горячка-съ...—вскользь сказалъ священникъ, идя къ алтарю.

Кирилловъ и секретарь съ нимъ осмотрѣли алтарь, шкапъ съ ризами, подняли покровъ алтаря, покровъ, накинутый на гробъ, всѣ углы главнаго и входного церковныхъ отдѣленій и даже приподняли покровъ надъ небольшимъ аналоемъ, стоявшимъ у гроба.

Священникъ тѣмъ внимательнѣе осматривалъ церковь, что ему казалось всего правдоподобнѣе, какъ онъ потомъ говорилъ, искать, не притаился ли гдѣ воръ.

Еще потолковали, еще осмотрѣли церковь, поднявъ выше фонарь,—возвратились и снова легли спать.

Рѣшась болѣе не думать о видѣнномъ свѣтѣ, Кирилловъ обернулся къ стѣнѣ, но еще мелькомъ взглянулъ съ постели на церковь, и на этотъ разъ ея окна были темны.

Прошло съ часъ или болѣе. Кирилловъ хорошо помнилъ, что онъ спалъ и, какъ ему казалось, спали и другіе. «Этакая чепуха иной разъ пойдетъ въ голову,—думалъ Кирил-

ловъ во снѣ:—да не одному, а всѣмъ троимъ: трое видѣли свѣтъ въ запертой церкви и, не пойди туда, сами не осмотри, на всю жизнь осталась бы легенда о заколдованной свѣчѣ»...

— «Ахъ, я простота!—вдругъ пришло на мысль опять пробудившемуся Кириллову:—ну, какъ я не догадался? да и священникъ хорошъ! Объясненіе прямое и весьма несложное... За церковью долженъ быть тотъ именно постоялый съ кабакомъ, куда намъ не совѣтовали заѣзжать... Ну, очевидное дѣло: на постояломъ еще не спятъ, окна его освѣщены и, просвѣчивая сквозь окна церкви, ввели насъ въ такое заблужденіе».

Съ этою мыслью Кирилловъ опять старался заснуть, соображая, какъ онъ утромъ пристыдитъ священника, забывшаго о такомъ обстоятельствѣ.

Въ это время Кириллову показалось, что его секретарь почему-то не спитъ. Какъ ужъ ему это показалось, онъ впослѣдствіи не могъ и объяснить: самъ онъ лежалъ лицомъ къ стѣнѣ, и въ комнатѣ была полная тишина.

Онъ снова медленно, задерживая дыханіе, приподнялся на локтѣ и тихо обернулъ голову въ комнату...

Секретарь сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ, спустивъ ноги на полъ съ дивана, и неподвижно, какъ бы въ оцѣпѣненіи, смотрѣлъ въ окна на площадь. На дворѣ окончательно стемнѣло, и на этомъ черномъ, ночномъ фонѣ еще неуловимѣе и мрачнѣе рисовалась ветхая, вросшая въ землю, церковь, съ покачнувшеюся на бокъ сквозною деревянною колокольней.

Кириллова обдало, какъ варомъ. Волосы шевельнулись на его головѣ...

Три лѣвыхъ окна церкви были снова, и ужъ теперь явственнѣе освѣщены изнутри...

— Что вы, Иванъ Семенычъ?—спросилъ Кирилловъ секретаря:—не спите?

Тотъ, не находя словъ на коснѣющемъ отъ волненія языкѣ, только показалъ рукой на церковь.

— Батюшка, а батюшка!—сказалъ Кирилловъ, ступя за порогъ комнаты, гдѣ спалъ священникъ: — вставайте, въ церкви опять огонь.

— Быть не можетъ, что вы!

— Вставайте, глядите.

Всѣ трое опять вышли на крыльцо. Церковь была видимо изнутри освѣщена.

— А постоялый? кабакъ по тотъ бокъ площади?—спросилъ Кирилловъ: — это его окна просвѣчиваютъ...

— Постоялый въ другомъ концѣ села, а за церковью — общественный, всегда запертый, хлѣбный магазинъ.

— Кругомъ обойдемъ, кругомъ, ваше превосходительство, — проговорилъ, наконецъ, онѣмѣвшій отъ волненія и страха секретарь.

Взяли фонарь и, его не зажигая, тихо, безъ малѣйшаго шороха, обошли кругомъ церковь. Всѣ зданія на площади были темны; въ окнахъ храма, при обходѣ священника и его гостей, ясно мерцалъ слабый, будто подвижный, огонекъ, погасшій мгновенно, едва они обошли церковь.

— Войдемъ, снова осмотримъ, — прошепталъ уже не съ прежней смѣлостью Кирилловъ:—нельзя же такъ оставить... или это общая намъ троимъ галлюцинація, или въ церкви, дѣйствительно, то вспыхивая, то угасая, горитъ незамѣченная нами, при первомъ осмотрѣ, свѣча... очевидно мѣшалъ ее разглядѣть свѣтъ фонаря.

— Войдемъ безъ онаго, — произнесъ робкимъ, дрожавшимъ голосомъ секретарь.

— Съ нами крестная сила!—сказалъ священникъ, снова отмыкая дверь.

Въ церкви было темно. Ни одна свѣча передъ алтаремъ и въ другихъ ея частяхъ не горѣла. Покойникъ лежалъ также неподвижно. Наверху только, на колокольнѣ, чирикая, возились воробьи, да взлетывали галки и голуби, очевидно чуя близкій разсвѣтъ.

— Это тамъ, это оттуда... бѣлый голубь, можетъ быть!—прошепталъ секретарь.

— Какой бѣлый голубь?—спросилъ священникъ.

— Да тотъ, котораго носятъ бѣсу на кладбище за неразмѣнный рубль! Иной разъ вырвется, бѣсы погонятся,—ни голубя, ни рубля...

— Стыдно, сударь, такое суевѣрство!—сказалъ священникъ, дрожащими руками зажигая въ сѣняхъ фонарь:—извольте идти на колокольню... осмотримъ, коли ваше желаніе, всѣхъ голубей, галочье и воробьевъ.

Кирилловъ предложилъ принять мѣры осторожности. Выходную дверь церкви заперли изнутри замкомъ и пошли по витой, узкой внутренней лѣсенкѣ на колокольню. Птицы, при блескѣ фонаря, шарахнулись и шумными стаями, цѣ-

пляясь о звонкіе края колоколовъ и о пыльныя стѣны, стали вылетать съ колокольной вышки.

— Ну, гдѣ же вашъ бѣлый голубь?—спросилъ священникъ, когда осмотрѣли колокольню:—а теперь, для-ради достовѣрности, изслѣдуемъ снова и церковь.

Опять съ фонаремъ обошли алтарь, осмотрѣли шкапъ и всѣ углы, и поднимали покровы надъ алтаремъ и покойникомъ. Нигдѣ ничего, церковь пуста.

— А все сіе отъ безвѣрія,—началъ священникъ:—вотъ у васъ бѣлые голуби... а тамъ можетъ и еще какія праздныя сплетенія...

Онъ не договорилъ. Кириллову въ эту минуту вздумалось приподнять покровъ надъ небольшимъ аналоемъ, стоявшимъ у гроба. Этотъ аналой они ужъ въ первый приходъ осматривали.

Кирилловъ взялся за край покрова, приподнялъ его и окаменѣлъ. Секретарь вскрикнулъ. У священника изъ рукъ чуть не упалъ фонарь...

Что же они увидѣли?

Подъ покровомъ узкаго, невысокаго аналоя, съежившись, сидѣла худенькая, сморщенная, какъ грибъ, сѣдая, повязанная по лицу платкомъ, старушенка...

— Ты здѣсь чего?—спросилъ, первый опомнившись, священникъ...

— Зубъ, батюшка, зубъ совсѣмъ одолѣлъ! — проговорила старушка, хватаясь за обвязанную щеку.

— Ну, такъ что же, что зубъ?

— Люди это сказывали, научили,—отвѣчала, дрожа, старушенка:—возьми клещи и выдерни у покойника тотъ самый зубъ... и пройдетъ на вѣки вѣковъ...

— Такъ ты, Ѳедосѣевна, грабить покойника?

— Вотъ клещи и свѣчка,—отвѣтила, падая въ ноги священнику, Ѳедосѣевна:—не погуби, батюшка,—совсѣмъ одолѣлъ зубъ...

— Но гдѣ же ты была, какъ въ первое время мы приходили?

— На колокольнѣ пряталась. Не погуби, отецъ Савелій, нѣтъ житья отъ этого самаго, то есть кутнаго зуба.

— Ну, и выдернула у покойника?

— Крѣпонекъ больно... дергала, дергала—а тутъ страхъ... а тутъ, Господи, какой страхъ! и руки дрожатъ...

VI.

Прогулка домового.

Это было года два назадъ, въ концѣ зимы, — сказалъ Кольчугинъ:—я нанялъ въ Петербургѣ вечеромъ извозчика отъ Пяти-угловъ на Васильевскій островъ. Въ пути я разговорился съ возницей, въ виду того, что его добрый, рослый, вороной конь, при въѣздѣ на Дворцовый мостъ, уперся и началъ дѣлать съ санками круги.

— Что съ нимъ?—спросилъ я извозчика:—не перевернулъ бы саней...

— Не бойтесь, ваша милость,—отвѣтилъ извозчикъ, беря кони подъ уздцы и бережно его вводя на мостъ.

— Испорченъ видно?

— Да... нелегкая его возьми!

— Кто же испортилъ? видно мальчишки ваши ѣздили и не сберегли?

— Бѣсъ подшутилъ!—отвѣтилъ не въ шутку извозчикъ:—нечистая сила подшутила.

— Какъ бѣсъ? какая нечистая сила?

— Видите ли, все норовитъ влѣво съ моста, на аглицкую набережную.

— Ну? вѣрно на квартиру?

— Бѣсъ испортилъ, было навожденіе.

— Гдѣ?

— На аглицкой этой самой набережной.

Я сталъ разспрашивать, и извозчикъ, молодой парень, лѣтъ двадцати двухъ, русый, статный и толковый, передалъ мнѣ слѣдующее:

— Мѣсяцъ тому назадъ, въ концѣ масляной недѣли, я стоялъ съ этимъ самымъ конемъ на набережной, у второго дома за сенатомъ. Тамъ подъѣздъ банка, коли изволите знать... Вотъ я стою, нѣтъ сѣдоковъ; забился я въ санки подъ полость и задремалъ. Было два или три часа по-полуночи. Это я хорошо замѣтилъ, — слышно было, какъ на крѣпости били часы. Чувствую, кто-то толкаетъ меня за плечо; высунулъ изъ-подъ полости голову, вижу: парадный подъѣздъ банка отпертъ, на крыльцѣ стоитъ высокій, въ

богатой шубѣ, теплой шапкѣ и съ красной ленточкой на шеѣ, баринъ, изъ себя румяный и сѣдой, а у санокъ — швейцаръ съ фонаремъ.—Свободенъ?—спросилъ меня швейцаръ.—Свободенъ, отвѣтилъ я. — Баринъ сѣлъ въ сани и сказалъ:—На Волково кладбище. Привезъ я его къ оградѣ кладбища; баринъ вынулъ бумажникъ, бросилъ мнѣ безъ торгу на полость новую рублевую бумажку и прошелъ въ калитку ограды.—Прикажете ждать?—спросилъ я.—Завтра о ту же пору и тамъ же будь у сената.—Я уѣхалъ, а на слѣдующую ночь опять стоялъ на набережной у подъѣзда банка. И опять въ два часа ночи, засвѣтился подъѣздъ, вышелъ баринъ, и швейцаръ его подсадилъ въ сани. — Куда?—спрашиваю.— Туда же, на Волково.—Привезъ я и опять получилъ рубль... И такъ-то я возилъ этого барина мѣсяцъ. Присматривался, куда онъ уходитъ на кладбищѣ,—ничего не разобралъ... Какъ только подъѣдетъ, дежурный сторожъ сниметъ шапку, отворитъ ему калитку и пропуститъ; баринъ войдетъ за ограду, пройдетъ малость по дорогѣ къ церкви... и вдругъ—нѣтъ его! точно провалится между могилъ, или въ глазахъ такъ зарябитъ, будто станутъ запорошены.

— «Ну, да ладно!—думаю себѣ:—что бы онъ ни дѣлалъ тамъ, намъ какое дѣло? Деньги платитъ».—Сталъ я хозяину давать полныя выручки, три рубля не менѣе за день, а рубль-то прямо этотъ ночной пошелъ на свою прибыль. Хозяинъ мнѣ справилъ новый полушубокъ, да и домой матери я переслалъ больше двадцати пяти цѣлковыхъ на хозяйство. И лошади по нутру пришлось: то, бывало, маешься по закоулкамъ, ловишь, манишь позднихъ сѣдоковъ; а тутъ, какъ за полночь, прямо на эту самую набережную, къ сенату; лошадь поѣстъ овсеца, отдохнетъ, — хлопъ... и готовъ рубль - цѣлковый! И прямо отъ Волкова, по близости, на фатеру въ Ямскую...

Все бы шло хорошо; ни я барину ни словечка, ни онъ мнѣ. Да подмѣтили наши ребята, что хозяинъ ужъ больно мной доволенъ,—ну, приставать ко мнѣ.—Ѳедька съ бабой важной свѣдался, она балуетъ его, — стали толковать: — угости, съ тебя слѣдуетъ могарычъ.—Отчего же?—говорю:—пойдемъ въ трактиръ. — Угостилъ ребятъ. Выпили съ дюжину пива, развязались языки. Давай они допытывать, что и какъ. Я имъ и разсказалъ. А въ трактирѣ сидѣлъ баринъ «изъ стрюцкихъ»—должно чиновникъ. Выслушалъ онъ

мои слова и говоритъ:—«Ты бы, извозчикъ, осторожнѣе; это ты возишь домового или просто сказать—бѣса... И ты его денегъ безъ креста теперь не бери; сперва перекрестись, а тогда и принимай».—Да какъ же узнать бѣса?—спрашиваю чиновника. — «А какъ будешь ѣхать противъ мѣсяца, погляди, падаетъ ли отъ того барина тѣнь?—Если есть тѣнь—человѣкъ, а безъ тѣни—бѣсъ...»

Смутилъ меня этотъ чиновникъ. Думаю: постой, сегодня же ночью все выведу на чистую воду. Сталъ я опять у банка. Вышелъ съ подъѣзда баринъ, и я его повезъ, какъ всегда; въ послѣднее время его ужъ и не спрашивалъ,—зналъ, куда везти...

Выѣхали мы отъ сената къ синоду, оттуда стали пересѣкать площадь у Конногвардейскаго бульвара. Съ бульвара ярко свѣтилъ мѣсяцъ. Я и давай изловчаться, чтобъ незамѣтно оглянуться влѣво, есть ли отъ барина тѣнь. И только что я думалъ оглянуться, онъ хвать меня за плечо... «Не хотѣлъ, говоритъ, по чести меня возить, больше возить не будешь; никогда не узнаешь, кто я такой...» Я такъ и обмеръ; думаю: ну, какъ онъ могъ узнать мои мысли? — Я отвѣчаю: ваше благородіе, не на васъ... «На меня, говоритъ: только помни, никогда тебѣ меня не узнать».

Дрожалъ я всю дорогу до Волкова отъ этакаго страха. Привезъ туда; баринъ опять бросилъ бумажку.—Прикажете завтра?—спрашиваю.—Не нужно, отвѣтилъ:—больше меня во вѣки не будешь возить...

Ушелъ онъ и исчезъ между могилами, какъ дымъ улетѣлъ куда-то.

Думаю: шутишь. Выѣхалъ я опять на слѣдующую ночь на набережную, простоялъ до утра,—никто съ подъѣзда не выходилъ. Вижу, дворники, метутъ банковскій тротуаръ; я къ нимъ: — Кто, спрашиваю, тутъ живетъ?—Никого, отвѣчаютъ, нѣту здѣсь, кромѣ швейцара; утромъ приходятъ господа на службу, а къ обѣду расходятся; квартиръ никому нѣтъ. — Что за навожденіе? Выѣхалъ я на вторую ночь, опять никого. Заѣхалъ съ Галерной къ дворнику, спрашиваю,—тотъ то же самое, — видно, говоритъ, тебѣ приснилось. Дождавшись утра, вышелъ швейцаръ,—я его сейчасъ узналъ; спрашиваю, — онъ даже осерчалъ, чуть не гонитъ въ шею: я тебя, говоритъ, никогда и не видѣлъ, проваливай—какіе тутъ жильцы! никто отсюда не выходилъ, и ни-

кого ты не возилъ, — все это тебѣ либо сдуру, либо со сна, а вѣрнѣе съ пьяна... Постоялъ я еще ночь, утромъ поѣхалъ на Волково, давай толковать съ сторожами; тамъ я примѣтилъ рыжаго одного, въ веснушкахъ,—всѣ отреклись, и рыжій: знать тебя не знаемъ, никого ты не привозилъ, и видимъ тебя впервое,—у насъ строго заказано, никого въ калитку по ночамъ на кладбище не пускаемъ... Такъ это и кончилось, съ той поры я не ѣзжу на аглицкую набережную, заработокъ этотъ прекратился,—одна бѣда—лошадь сноровилась и все ее тянетъ туда... Хозяинъ дуется, ребята прохода не даютъ; а что это за оказія была съ банковскимъ этимъ самымъ бариномъ, ума не приложу...

— И это все правда?

— Сущая правда! вотъ вамъ святой крестъ!—заключилъ разсказчикъ.

Такъ разсказывалъ извозчикъ. Я—на всякій случай, разсчитываясь съ нимъ,—замѣтилъ номеръ его бляхи и передалъ о его сообщеніи нѣкоторымъ изъ знакомыхъ, въ томъ числѣ одному писателю, — собираясь еще разъ отыскать этого извозчика и разспросить его подробнѣе,—между прочимъ съѣздить съ нимъ на кладбище и разспросить тамошнихъ сторожей. Меня, однако, предупредили. Одинъ изъ репортеровъ разсказалъ часть этой исторіи въ газетной замѣткѣ; а черезъ недѣлю по ея появленіи въ печати, ко мнѣ явился высшій членъ сыскной полиціи. Объяснивъ мнѣ, что слухъ объ извозчикѣ, возившемъ «банковскаго бѣса», обратилъ на себя вниманіе полицейскаго начальства, это лицо просило меня дать средство полиціи отыскать упомянутаго извозчика.—Но кто же вамъ сообщилъ обо мнѣ?—спросилъ я полицейскаго агента.—Тотъ улыбнулся:—Позвольте намъ быть на этотъ разъ всезнающими. — Я сообщилъ агенту номеръ бляхи извозчика, съ однимъ условіемъ, чтобъ мнѣ дали возможность ознакомиться съ окончательнымъ разъясненіемъ этого дѣла. Каково же было мое удивленіе, когда дня черезъ три меня увѣдомили, что извозчикъ найденъ, но отъ всего отперся, увѣряя, что газета, сообщившая вкратцѣ его разсказъ, все на него выдумала. Я поѣхалъ по письменному извѣщенію къ агенту, производившему это изслѣдованіе. Былъ призванъ извозчикъ. Послѣдній, разумѣется, меня не узналъ: онъ меня видѣлъ ночью, при томъ въ шубѣ и

шапкѣ, а теперь я былъ въ сюртукѣ. На новые разспросы полицейскаго агента при мнѣ, извозчикъ повторялъ одно: знать ничего не знаю, ничего такого не говорилъ, все выдумано на меня...

Признаюсь, я пришелъ въ немалое смущеніе. Бросалась тѣнь на мое собственное сообщеніе пріятелямъ. Мнѣ пришло въ голову попросить агента дать мнѣ остаться съ извозчикомъ наединѣ. Онъ согласился. Я прямо объявилъ извозчику, что я то лицо, которому онъ сообщилъ свой разсказъ. Извозчикъ сильно смѣшался.

— И не стыдно тебѣ запираться, врать?—сказалъ я:— теперь и я, черезъ тебя, выхожу лгуномъ.

Извозчикъ оглянулся по комнатѣ, замигалъ глазами.

— Ваше благородіе,—сказалъ онъ:—да какъ же мнѣ не отпираться? Меня какъ взяли, сейчасъ это на ночь въ арестантскую, паспортъ отобрали, выручку отобрали и еще побили...

— Кто побилъ?

— Анисимычъ и Николай Ѳедосѣевичъ.

— Кто это?

— Вахтера въ арестантской.

Меня возмутило это признаніе. Я позвалъ полицейскаго агента, сообщилъ ему жалобу извозчика и просилъ его при мнѣ, немедленно, возвратить извозчику паспортъ, выручку и уплатить его убытки за три дня ареста, прибавя что-либо и въ вознагражденіе за побои усердныхъ вахтеровъ. Все это было исполнено. Извозчикъ упалъ агенту въ ноги. — Все разскажу, какъ было, — объявилъ онъ и повѣдалъ слово въ слово́ все, что передавалъ сперва мнѣ о томъ, какъ онъ возилъ на Волково банковскаго бѣса...

По указаніямъ извозчика, было произведено дознаніе— какъ на подъѣздѣ банка, такъ и на Волковскомъ кладбищѣ. Швейцаръ банка и кладбищенскіе сторожа остались при прежнемъ отрицаніи всей этой исторіи. Такъ она и понынѣ ничѣмъ не разъяснена. Но я утверждаю одно: извозчикъ былъ слишкомъ простой и добродушный малый, чтобы выдумать свой фантастическій разсказъ. Онъ при нашемъ разставаньи прибавилъ только одно: должно быть,—сказалъ онъ,—въ томъ мѣстѣ погребенъ кто-нибудь безъ креста, оттого, сердечный, и мается, все ѣздитъ на кладбище къ остальнымъ покойникамъ, погребеннымъ, какъ слѣдъ, по вѣрѣ...

VII.

Старые башмаки.

(Итальянская легенда).

Дѣло было въ Италіи, наканунѣ великаго праздника. Бѣдный архивный чиновникъ, жившій на убогое жалованье, сидѣлъ въ раздумьи — дадутъ ли ему праздничное пособіе. Въ комнатѣ было холодно; онъ раздумывалъ, затопить ли ему каминъ? Надвинулись сумерки.

Въ его дверь постучались. Вошелъ плохо одѣтый старикъ, съ длинною, бѣлою бородой.

— Я бѣдный артистъ, — сказалъ онъ: — реставрирую старыя картины, при случаѣ; но работы у меня мало, и начинаетъ дрожать рука. Помогите чѣмъ-нибудь, и Господь да поможетъ вамъ счастливо провести съ вашими дѣтьми праздники, — заключилъ онъ съ кроткою улыбкой сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ еще горѣлъ отблескъ молодости.

— Жалѣю отъ души,—отвѣтилъ чиновникъ:—я такой же бѣднякъ, и у меня нѣтъ не только дѣтей, даже собаки. Едва перебиваюсь, платя за эту каморку въ четвертомъ этажѣ, за дрова, за освѣщеніе и за платье, обязанный одѣваться, какъ подобаетъ казенному архиваріусу. А пища! а подписка въ пользу товарищей! Идите къ богатымъ; крошки ихъ трапезы цѣннѣе нашихъ хлѣбовъ!

— Нѣтъ ли у васъ хоть пары старыхъ поношенныхъ башмаковъ? — произнесъ старикъ молящимъ голосомъ, протягивая руки.

— Нѣтъ! ровно ничего нѣтъ, что я могъ бы вамъ дать.

— Вѣрно вы не видите? Мои башмаки износились до невозможности, порыжѣли и пропускаютъ воду, какъ двѣ ветхихъ ладьи.

— У меня нѣтъ башмаковъ,—отвѣтилъ сухо чиновникъ.

— Простите съ миромъ! — сказалъ старикъ, склонивъ голову на грудь.

Онъ ушелъ, влача усталыя ноги. Чиновникъ заперъ за нимъ дверь и пожалъ плечами, какъ бы кому-то доказывая, что иначе онъ и не могъ поступить. «И въ самомъ дѣлѣ,— мыслилъ онъ:—будь у меня полонъ кошелекъ, я справилъ

бы себѣ новое верхнее платье». То, которое висѣло подъ шляпой на стѣнѣ, во многихъ мѣстахъ уже показывало свое внутреннее настроеніе. Разбитое стекло въ окнѣ было заслонено кускомъ пергамента съ готическими литерами.

А погода? Въ такую ли погоду подобало встрѣчать наступавшій великій праздникъ? Шелъ снѣгъ. Въ его падающихъ хлопьяхъ, казалось, виднѣлось лицо и бѣлая борода. «Снѣгъ! онъ согрѣвастъ бѣдняковъ-поденщиковъ, очищающихъ отъ него улицы; но было бы не худо, если бы, вмѣстѣ съ снѣгомъ, время отъ времени, съ неба падала бы пара башмаковъ».

Чтобъ высушить собственные, измокшіе башмаки, чиновникъ подложилъ щепокъ и зажегъ пару полѣнъ, припасенныхъ въ каминѣ. Его ноги были давно какъ два ледяныхъ обрубка. Онъ протянулъ ихъ къ огню, сложилъ руки на колѣни и задумался. Въ дымѣ затлѣвшихся полѣнъ ему опять повидѣлось скорбное и кроткое лицо стараго артиста, голосъ котораго, казалось, замеревъ, остался въ этой комнатѣ.—«Простите съ миромъ!»—сказалъ старикъ. «Съ миромъ!» — шепталъ кто-то спрятанный въ одеждѣ, висѣвшей на стѣнѣ. Чиновникъ обернулся и замеръ...

Кровать, накрытая краснымъ одѣяломъ, съ желтыми по немъ цвѣтами, заставила его вздрогнуть. Тягой воздуха въ каминъ край одѣяла колыхался. Подъ этимъ краемъ чиновникъ увидѣлъ другую пару своихъ башмаковъ, старыхъ и дѣйствительно «весьма поношенныхъ», но тщательно высушенныхъ, вычищенныхъ и приготовленныхъ еще съ утра подъ кроватью, въ ожиданіи завтрашняго праздника. Пара же совершенно новыхъ башмаковъ дымилась, сушась у огня, на ногахъ чиновника. Ушедшій бѣднякъ, очевидно, разглядѣлъ тѣ старые, запасные башмаки и позволилъ себѣ помечтать о нихъ, какъ хозяинъ башмаковъ, разъ въ годъ, обыкновенно мечталъ о праздничномъ пособіи, разсчитывая на доброе сердце министра, который, по всей вѣроятности, не подозрѣвалъ о его существованіи. И что же отвѣтилъ чиновникъ старику?—«У меня нѣтъ башмаковъ!» Но это ложь. Сказалъ ли онъ ее съ умысломъ или по забывчивости? Ужели съ умысломъ?

Край одѣяла къ сторонѣ двери опять колыхнулся, точно старые башмаки, стоявшіе подъ кроватью и также обращенные носками къ двери, хотѣли идти сами собой, прямо къ старому художнику. Жаль стало чиновнику, что онъ такъ отпустилъ старика. Слѣдовало бы ему отдать лишніе башмаки.

«Что ты? что ты?—произнесъ кто-то внутри его:—время сырое, а ноги всегда надо имѣть сухія. Надѣвай завтра старые, высушенные башмаки, сохраняй тѣло въ здравіи и теплѣ,—для чего иначе было бы и рождаться на свѣтъ?»

Съ этими мыслями, чиновникъ раздѣлся, легъ и заснулъ. Утромъ онъ проснулся бодрый, веселый; надѣлъ лучшее свое платье, высушенные старые башмаки и пошелъ къ обѣднѣ въ соборъ. Башмаки нѣсколько жали ему ноги, поскрипывая, точно новые башмаки первыхъ городскихъ щеголей, несмотря на то, что были «весьма поношены». Утро стояло туманное. Звонъ колоколовъ глухо раздавался по улицамъ. Въ соборѣ, на мраморномъ полу, старые башмаки такъ опять крякнули и заскрипѣли, что нѣкоторые изъ молящихся оглянулись на вошедшаго. Онъ забился за колонны, сталъ усердно повторять молитвы. И снова онъ замеръ... Тихими шагами, чуть шурша стоптанными, развалившимися башмаками, къ выходу изъ собора пробирался нищій старикъ. Въ полусвѣтѣ храма неясно рисовались его сгорбленный, тощій станъ, набожно, покорно сложенныя руки и бѣлая, длинная борода.

Первымъ чувствомъ чиновника было броситься къ узнанному имъ артисту. Но обѣдня еще не кончилась; органъ начиналъ гремѣть особенно торжественную пѣснь. При томъ, можно ли было мѣняться башмаками на ступеняхъ храма?

Обѣдня кончилась. Собираясь угостить себя вкуснымъ, праздничнымъ завтракомъ, чиновникъ направился къ площади фонтановъ, куда, какъ ему казалось, мелькнуло что-то бѣлое... Чиновникъ быстро шелъ къ площади. Въ одномъ мѣстѣ, въ грязи, смѣшанной съ снѣгомъ, онъ разглядѣлъ подошву стараго, порыжѣлаго башмака. Мальчикъ, шлепавшій по грязи навстрѣчу, поднялъ и подбросилъ ногой изъ лужи другую, кѣмъ-то оброненную подошву, у которой торчала еще и половина каблука. — «Нѣтъ, надо, во что бы то ни стало, найти старика и ему помочь!»—подумалъ чиновникъ. Ища бѣднаго, теперь босого художника, онъ долго ходилъ изъ улицы въ улицу, проголодался и рѣшилъ наконецъ закусить.

Чиновникъ вошелъ въ трактиръ, потребовалъ супу и дичи, жареной въ маслѣ, подъ прянымъ соусомъ,—отмѣнно вкусная роскошь, которую онъ себѣ позволялъ разъ въ годъ, — и оглянулся. Полуосвѣщенная комната, табачный дымъ, висѣвшій подъ сводомъ, и множество мрачныхъ людей, молча или чуть перешептываясь ѣвшихъ вкругъ маленькихъ

столовъ, — все это непріятно подѣйствовало на вошедшаго. Крѣпче закутавшись въ платье, чтобы скрыть отъ назойливыхъ взглядовъ свои часы, онъ сѣлъ на лавку, вглядываясь въ глубину комнаты, гдѣ въ догоравшемъ каминѣ дымился огромный котелъ, а надъ нимъ, съ шумовкой въ рукѣ, виднѣлся на стулѣ какой-то старикъ съ босыми ногами.

Принесли миску супа. Чиновникъ съ наслажденіемъ ее съѣлъ. Потъ выступилъ на его счастливомъ лицѣ. А пока онъ доѣдалъ бульонъ, макая въ него мякишъ хлѣба, старикъ, сидѣвшій у камина, казалось, строго поглядывалъ на него. Пламя вспыхнуло подъ котломъ: архиваріусъ въ его отблескѣ узналъ, казалось, снова стараго художника. Тотъ продолжалъ на него смотрѣть такъ пристально, что чиновникъ невольно опустилъ глаза. Но и сотня другихъ глазъ была устремлена на него изъ разныхъ угловъ подозрительнаго подвала.—«Пещера воровъ!»—пронеслось въ его мысляхъ. Старикъ поднялся, показавъ трактирщику изъ-за плеча пальцемъ на архиваріуса. Трактирщикъ усмѣхнулся, прошелъ въ кухню и вынесъ оттуда порцію заказаннаго фрикассе.

Дичь оказалась невозможно жесткою. «Боже мой! но развѣ это фрикассе! — мысленно вскрикнулъ чиновникъ:— это бифштексъ изъ желѣза, или даже еще хуже — кусокъ дерева въ соусѣ! Въ жизни не ѣлъ ничего подобнаго...» И онъ жевалъ, жевалъ, поворачивая языкомъ кусокъ жаренаго дерева и чувствуя, какъ судороги стягиваютъ его челюсти.

Странная мысль пришла ему въ голову: ему показалось, что онъ жуетъ, безъ надежды когда-нибудь проглотить то, что̀ жуетъ, облитую соусомъ подошву стараго художника, оброненную въ грязи, на улицѣ. И его зубы, при этой мысли, мгновенно почувствовали нѣчто особенно противное, нѣчто кожано-упорное, съ запахомъ дубильной кислоты и ваксы...

Старикъ, ступая мягкими, босыми ногами, прошелъ отъ камина къ выходу; то былъ вовсе не художникъ. Кошка трактирщика охотно доѣла брошенное ей фрикассе, казавшееся чиновнику то желѣзомъ, то деревомъ, то подошвой.

Вкусъ кожи, съ запахомъ ваксы «весьма поношенныхъ башмаковъ», надолго однако прилипъ къ языку архиваріуса. И нерѣдко потомъ, подавая начальнику архива какой-либо древній пергаментный свитокъ или глиняный слѣпокъ съ іероглифовъ, онъ задумывался, невольно поглядывая на свои всегда чистые и хорошо-наваксенные башмаки.

VIII.

Божьи дѣти.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ,—сказалъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ:—жилъ счастливый человѣкъ. Онъ обладалъ отличнымъ здоровьемъ, былъ среднихъ лѣтъ, весьма уменъ, образованъ, а главное—богатъ. Свое богатство онъ нажилъ собственнымъ трудомъ, умѣньемъ и бережливостью. Это богатство вскорѣ стало громаднымъ. Посторонніе и даже близкіе къ этому человѣку люди знали, что всѣ его обширныя, торговыя и заводскія дѣла идутъ необыкновенно успѣшно, но и не подозрѣвали обширности его богатства, хотя въ шутку между собою и называли его «индійскій Набобъ».

Набобъ былъ холостъ и, какъ большая часть людей, вышедшихъ изъ ничтожества, безъ рода и племени. Никто не зналъ его семьи; никто на его званыхъ обѣдахъ и вечерахъ, которые онъ изрѣдка давалъ своему кругу, не слышалъ отъ него о его отцѣ и матери, а на шуточныя замѣчанія близкихъ: «вамъ пора бы въ такой роскоши, въ такихъ палатахъ—завестись хозяйкой»,—онъ отвѣчалъ:—«вотъ еще подожду... не все кончено... дѣла на всѣхъ парахъ... и какія дѣла! успокоюсь,—тогда!»—«Не все кончено!—улыбались про себя пріятели:—это ловится еще милліончикъ! у богача желаніямъ нѣтъ конца, ихъ конецъ—одна могила!»

Набобъ, однакоже, задумалъ увѣнчать созидаемое имъ сокровище земныхъ благъ. Онъ затѣялъ себѣ устроить уединенный, для одного его доступный пріютъ отдохновенія отъ ежедневныхъ, неустанныхъ, сверхъ-человѣческихъ трудовъ на пользу начатой имъ исполинской наживы.

Это задуманное «тихое пристанище» была загородная, не вдали отъ столицы, гдѣ жилъ Набобъ, укромная дача. Рѣшено, сдѣлано. Среди дремучаго лѣса, между горъ и скалъ, въ часѣ ѣзды отъ шумнаго, торговаго города, былъ купленъ и расчищенъ небольшой участокъ земли, въ верстѣ отъ станціи желѣзной дороги. Путники, ѣдущіе изъ столицы на просторъ провинцій, въ глушь полей и деревень, не подозрѣвали, что за гребнемъ еловаго бора, у одной изъ подгороднихъ станцій, скрывался очаровательный домикъ сто-

личнаго Набоба. Здѣсь было все, чтобы успокоить и понѣжить усталый духъ и тѣло дѣлового хозяина, чтобы никто его здѣсь не потревожилъ и не развлекъ.

Домикъ, во вкусѣ англійскихъ охотничьихъ коттеджей, съ рѣзными украшеніями и башенками, былъ выстроенъ на пригоркѣ, надъ крошечнымъ озеромъ, въ которое впадалъ вѣчно гремучій, свѣтлый горный ключъ. У подножія былъ небольшой, наполненный всякими древесными дивами, садикъ. И все это—домъ, озеро и садъ—окружалось высокою, съ желѣзными иглами, чугунною рѣшеткой, черезъ которую никто не могъ перелѣзть. Лучшіе, старѣйшіе и преданнѣйшіе изъ городскихъ слугъ хозяина были здѣсь поставлены сторожами, одинъ—въ видѣ привратника, другой—въ видѣ дворецкаго, еще нѣсколько—въ видѣ ловчихъ. Пріученные громадные, сытые псы берегли дачу, у всѣхъ ея воротъ и калитокъ. И всѣ ворота, калитки и подъѣзды, сверхъ того, были съ особыми, потайными замками и постояно на запорѣ.

Красивый, молодцоватый Набобъ, отдѣлавшись отъ городскихъ дѣлъ, подписавъ десятки дѣловыхъ бумагъ и телеграммъ и отпустивъ бухгалтера, кассира, секретаря и кучу просителей, надѣвалъ пальто, фуражку, бралъ зонтикъ, дорожный мѣшокъ, садился въ вагонъ, доѣзжалъ до станціи, шелъ оттуда пѣшкомъ, лѣсною тропинкой, къ дачѣ и входилъ наконецъ въ свое заповѣдное пристанище.

Его встрѣчали свѣтлыя, уютныя комнаты, устланныя коврами и уставленныя мягкою, роскошною мебелью. Красивые шкапы были полны книгъ, собранія гравюръ. На этажеркахъ и столахъ лежали со всего свѣта газеты и иллюстрированныя изданія. Окна были уставлены цвѣтущими растеніями. А изъ оконъ, залитыхъ солнцемъ, былъ видъ на озеро, садъ и окрестные, то голубые въ дальнемъ туманѣ, то зеленѣющіе лѣсами холмы и скалы. Нужно о чемъ-либо переговорить съ городомъ—домикъ, при особыхъ усиліяхъ, былъ соединенъ телеграфною проволокой со станціей, и самъ хозяинъ, нѣкогда, въ бѣдности, служившій телеграфистомъ, могъ сноситься депешами, съ кѣмъ надо. Сверхъ того, изъ дачнаго кабинета въ городскую квартиру былъ проведенъ телефонъ. Но ни по телеграфу, ни по телефону сюда не обращались. Хозяинъ разъ навсегда отдалъ городскимъ слугамъ приказъ: не безпокоить его на дачѣ, а всякое спѣшное дѣло оставлять до его возврата въ городъ.

Наслажденіе Набоба тишиною и прелестью его пріюта, въ особенности его укромнаго, никому, кромѣ его, не доступнаго сада, было истинное, полное. Онъ обходилъ дивные, издалека сюда перенесенные деревья и кусты, осматривалъ ихъ, приглядывался къ каждой, живописно очерченной вѣткѣ, къ каждому роскошному цвѣтку, обонялъ ихъ и любовался ими безъ конца. Въ кустахъ и къ вершинамъ деревъ были подвязаны искусственныя, приноровленныя къ птичьимъ породамъ, гнѣзда. Крылатое царство съ весны наполняло затишье сада, привольно здѣсь выводило дѣтей и, съ веселымъ щебетаніемъ, улетая въ горы и вольные лѣса, разносило всюду крылатую славу гордому своимъ пріютомъ хозяину.

Наступила новая весна. Снѣга растаяли, горные потоки сбѣжали въ долину. Лѣса и сады одѣлись зеленью. Стало тепло, зацвѣли кусты и травы. Птицы слетѣлись, суетливо принялись таскать новый хламъ и пухъ въ старыя, очищенныя гнѣзда.

Былъ теплый, безоблачный, майскій вечеръ. Набобъ подъѣхалъ съ гремящимъ и свистящимъ поѣздомъ, прошелъ знакомою тропинкой къ домику, сказалъ два-три ласковыхъ слова дачной прислугѣ, съ осени его невидавшей, бросилъ на столъ дорожный мѣшокъ, спросилъ, все ли благополучно, и ушелъ въ садъ, заперевъ за собою балконную дверь. Онъ не узналъ сада: такъ все здѣсь, казалось, съ новой весной, окрѣпло, разрослось и еще болѣе похорошѣло.

Но особенно онъ стремился взглянуть на одинъ родъ дорогихъ и рѣдкихъ лилій, выписанныхъ имъ откуда-то изъза моря, изъ Японіи или Австраліи. Такихъ лилій въ царствѣ, гдѣ жилъ Набобъ, еще никогда не видѣли и о нихъ не слыхали. Лиліи были небеснаго, голубого цвѣта, съ розовыми каймами, точно разрисованныя красками зари, и далеко отъ нихъ лилось тонкое, чарующее благоуханіе. Лиліи, посаженныя у озера, какъ разъ въ этотъ вечеръ, по разсчету хозяина, должны были расцвѣсти.

Набобъ прошелъ нѣсколько тропинокъ, усыпанныхъ то сѣрымъ, то оранжевымъ, то почти краснымъ пескомъ, присѣлъ на скамью, отеръ лицо, хотѣлъ вынуть и закурить сигару—и остановился.—«Нѣтъ,—подумалъ онъ:—тотъ запахъ лучше; не оскверню его табачнымъ дымомъ!» И онъ, потянувъ носомъ воздухъ, сталъ приглядываться, гдѣ его лиліи? Рабочіе, даже садовникъ изъ сада, по его приказанію, были уланы заранѣе. Солнце скрылось за горой; въ вечер-

ней полумглѣ вырѣзывался изъ-за лѣса полный мѣсяцъ. Птицы смолкли. Пахло смолистыми почками тополей и распускавшейся сирени. Звенѣлъ гдѣ-то въ травѣ сверчокъ, но и тотъ вскорѣ затихъ.

«Какая тишина! какая полная, чудная отрада! — мыслилъ Набобъ: — и я одинъ всему этому владѣлецъ, однимъ этимъ наслаждаюсь... И никто, ничья тѣнь не мѣшаетъ мнѣ созерцать эти красоты, упиваться этимъ воздухомъ, этими ароматами. Я никому не сдѣлалъ зла; всѣ мои подчиненные, пособники, товарищи и слуги любятъ меня, а многіе изъ нихъ мною только и живутъ, молятъ, чтобы продлилась моя жизнь. Не боюсь я ни предательства, ни измѣны; я всѣмъ нуженъ, всѣ за меня стоятъ и меня не промѣняютъ ни на кого. А дѣла-то какія, какіе подвиги я совершаю!.. И что мнѣ еще нужно?» — Онъ съ минуту подумалъ, перебирая мысли. «Ничего мнѣ болѣе не надо... я всего достигъ, все осуществилъ... милліоны на милліоны... да! вспомнилъ!— улыбнулся онъ:—не видѣлъ еще, не обонялъ моихъ лилій»...

И вдругъ Набобъ вздрогнулъ и замеръ. Ему померещился какъ бы шорохъ по тропинкѣ чьихъ-то шаговъ. Какъ? въ его саду, въ его пріютѣ, за этою высокою рѣшеткой съ острыми иглами,—посторонніе шаги? Ключъ отъ потайного замка въ желѣзной калиткѣ у дворецкаго. Кто же перелѣзъ черезъ эти иглы, кто могъ отомкнуть потайной замокъ? Набобъ сталъ прислушиваться, приглядываться. Сумерки еще болѣе сгустились; изъ лѣса сталъ болѣе виденъ мѣсяцъ. Его блѣдные лучи освѣщали верхушки ближней части деревъ. Шаги стихли. Внизу, у озера, послышался робкій голосъ. Да, говорятъ точно... шепчутся двое. Затаивъ дыханіе, Набобъ тихо, на цыпочкахъ, пробрался ближе къ деревьямъ, присѣлъ на другую скамью и сталъ слушать.

— Ахъ, дорогая, пусти меня!—шепталъ дѣтскій голосъ:— пусти, дай только взглянуть.

— Нельзя, — отвѣчалъ другой, какъ бы болѣе возмужалый голосъ.

— Да почему же, почему? что за диво такое цвѣтокъ?

— Нельзя, повторяю тебѣ, не таковъ человѣкъ здѣшній хозяинъ.

— Да какой же онъ?

— Это страшный богачъ и еще болѣе страшный себялюбецъ! Все для себя и даже то, что для другихъ, также

исключительно для себя. Онъ накопилъ и копитъ сокровища и удѣляетъ только тѣмъ, кто ему служитъ и кто помогаетъ ему богатѣть, копить еще болѣе богатства.

«Ложь!—хотѣлъ крикнуть и удержался Набобъ:—ложь!—мыслилъ онъ, дрожа отъ негодованія:—а моя служба и мои жертвы въ богадѣльнѣ для старыхъ людей, а мои пожертвованія на пріюты, подачки бѣднымъ всякаго званія?»

— Онъ жертвуетъ на старыхъ и хилыхъ, — продолжалъ голосъ:—изъ честолюбія, изъ-за отличій, которыми его награждаютъ; онъ помогаетъ бѣднымъ и сирымъ, изъ жалкаго тщеславія, изъ-за отчетовъ, печатаемыхъ во всеобщее свѣдѣніе. Его грудь увѣшана крестами, а онъ не устыдился въ переполненной богадѣльнѣ, при видѣ кроткой, девяностолѣтней старушки, вязавшей правнуку чулокъ въ своей келейкѣ, подумать и даже сказать: «вотъ живетъ же, старушонка, не умираетъ, мѣшаетъ только другимъ занять мѣсто!» Онъ-то, которому выстроить сто новыхъ богадѣленъ ни по чемъ!

Негодованіе Набоба, при этихъ словахъ, вышло изъ границъ. Онъ хотѣлъ броситься къ смѣлому болтуну.—«Какъ? слуги не досмотрѣли, впустили наглаго клеветника! Или дерзкіе воры, можетъ-быть грабители, убійцы, подобрали ключъ? Надо пустить собакъ... дать знать по телефону, телеграфировать полиціи»... Опять раздались тихіе, точно золотые голоса.

— Но цвѣтокъ, цвѣтокъ?—лепеталъ дѣтскій голосъ:—не сорвать, позволь хоть дотронуться, понюхать...

— Боже тебя упаси его коснуться!—отвѣтилъ другой голосъ: — не только сорвать, дотронуться... черствый и злой, да, злой себялюбецъ, если это узнаетъ, если провѣдаетъ, что здѣсь у него, въ его сокровенномъ владѣніи, была чья-либо посторонняя нога, онъ прогонитъ дворецкаго, привратника и ловчихъ. Самъ исполнительный, неутомимый съ дѣтства работникъ, онъ все это сдѣлаетъ, будто бы изъ чувства справедливости; тѣ будутъ плакать, и онъ, черствый, заплачетъ! Сердце у него, какъ и эта ограда, желѣзная...

— Ахъ, Серафима! милая! но меня манятъ эти цвѣты, и онъ за меня, маленькую, не сдѣлаетъ зла слугамъ.

— Это сильный и безсердечный человѣкъ, и ты, крошка, херувимчикъ, поймешь его черствость, если я тебѣ скажу, что онъ знаетъ, какъ сотнями, тысячами мрутъ въ бѣдности, въ сырыхъ подвалахъ, голодныя дѣти городскихъ нищихъ и фабричныхъ, знаетъ—и копитъ свои милліоны. Въ пріютѣ,

гдѣ онъ почетнымъ членомъ, все переполнено... сотни голодныхъ матерей тамъ, въ пріемной и у крыльца, стоятъ, съ прижатыми къ груди безграмотными прошеніями, жалобно гладятъ на попечителей — а тѣ важно, молча проходятъ...

— Дѣти, Серафима, ты говоришь, — маленькія, умирающія дѣти? и онъ не жалѣетъ умирающихъ?

— Да, но есть, которыя, какъ и та, съ чулкомъ, старушка, живутъ и не умираютъ. О! я ихъ видѣла въ такомъ подвалѣ; уголъ, едва повернуться. На тюфякѣ, на доскахъ, за лоскутомъ ветхой простыни, спитъ послѣ тяжкой работы мать, у груди — новорожденный, красивый, какъ и ты, натерпѣвшаяся крошка, и тоже дѣвочка, неимовѣрно худая отъ голода, а въ ногахъ... лѣтъ трехъ мальчикъ... Боже! многихъ видѣла я, но такого никогда... Мальчикъ—калѣка, безъ ногъ, безъ рукъ, то-есть вмѣсто нихъ какія-то плетки, какъ вѣточки, а голова, съ водяною въ мозгу, большая, съ кроткими, будто вѣчно-плачущими глазами. Неизлѣчимобольное дитя осуждено постоянно сидѣть въ томъ углу, въ той темнотѣ; сидитъ, и все его движеніе, вся жизнь — качаніе съ боку на бокъ его худенькаго тѣла и его большой, больной головы... И сколько такихъ! Другимъ дѣтямъ — весна, цвѣты, воздухъ, солнце, этимъ—только душные, сырые подвалы; прочимъ дѣтямъ святки, рождественскіе и крещенскіе вечера, этимъ—вѣчное страданіе и вѣчная тьма... Этотъ каменный, красивый человѣкъ не женится изъ себялюбія и чтобъ не имѣть дѣтей, которыхъ не любитъ...

— Но если ему все сказать, если попросить этого богача, — прервалъ со слезами голосъ дѣвочки: — онъ смягчится, поможетъ бѣднымъ калѣкамъ-дѣтямъ! Его теперь нѣтъ дома... Пойдемъ къ нему, когда онъ пріѣдетъ.

— Поможетъ?—сурово и властно возразилъ голосъ старшей: — нѣтъ, такой не смягчится! Онъ недавно, быть можетъ, и въ шутку, но подумалъ и сказалъ своему секретарю на докладѣ о подобныхъ калѣкахъ: эхъ, милый мой, такимъ дѣтямъ нужны не новыя койки, ихъ не вылѣчатъ: имъ лучшее лѣкарство — стрихнинъ или ціанистый кали...

— Что это?

— Сильный ядъ... Не расцвѣли его лиліи и не расцвѣтутъ: для нихъ нужно иное солнце, иная теплота... Его сердце — могила, ледъ...

Набобъ еще болѣе вознегодовалъ при этихъ словахъ. —

«Что же это? кто такъ шпіонитъ, слѣдитъ за мной? Это не воры, не грабители, хуже... это убійцы моей чести, славы».

И онъ подвинулся, тихо развелъ вѣтви и остолбенѣлъ. Мѣсяцъ поднялся выше, свѣтилъ ярко.

Въ его лучахъ, на тропинкѣ у озера, обрисовались: лѣтъ шестнадцати стройная, невиданной красоты, дѣвушка, съ свѣтлыми, распущенными косами; а рядомъ съ ней кудрявая, черноволосая, лѣтъ семи, дѣвочка; и обѣ въ бѣломъ и схожія другъ на друга, какъ сестры.

Набобъ миновалъ кусты, вышелъ на поляну; дѣвушекъ у озера уже не было. Онъ бросился къ калиткѣ въ концѣ сада: она была заперта. Онъ быстро обошелъ весь садъ, заглядывалъ подъ деревья и кусты, — садъ былъ пустъ. Были позваны дворецкій, огородникъ и привратникъ: всѣ клялись, что никого не видѣли и въ садъ не впускали. Замки были заперты и цѣпныя собаки спущены, но молчали. Набобъ отослалъ слугъ, упалъ на постель и долго не могъ сомкнуть глазъ. Мѣсяцъ наискось свѣтилъ въ широкія окна его кабинета, на бронзы, ковры, зеркала, на портреты великихъ дѣльцовъ міра, коимъ онъ покланялся, и на газеты, гдѣ его самого такъ хвалили и славили.

— Эти дѣвушки, очевидно, здѣшнія, свои... съ ближней станціи, — мыслилъ онъ: — дочери смотрителя или телеграфиста; тамъ изъ зависти сплетничаютъ на мой счетъ между собой и горожанами. Мало ли чего не плетутъ... Но такое знаніе не только дѣлъ, чуть не мыслей! О! я вывѣдаю, разузнаю, найду и пристыжу болтунью... А какая она красавица! что за голосъ, чисто ангельскій, а сердце...» И успокоенное воображеніе стало рисовать Набобу его новый подвигъ. Онъ мысленно бросилъ золотомъ, все разузналъ и нашелъ дѣвушку Серафиму. Это,— подсказывали ему мысли, — была старшая дочь бѣднаго стрѣлочника, отставного гвардейскаго солдата, крестница и воспитанница знатной княгини, навѣщавшая отца въ праздники; Набобъ вспомнилъ, что въ тотъ день былъ дѣйствительно праздникъ. Садовникъ, сослуживецъ стрѣлочника, разсказалъ дѣвушкамъ о лиліяхъ и, не ожидая въ тотъ день хозяина, такъ какъ лиліямъ не приходила еще пора цвѣсти, далъ имъ ключъ отъ желѣзной калитки. Прочіе слуги, очевидно, отъ страха, скрыли проступокъ товарища. Набобъ ихъ благодаритъ. Онъ навѣщаетъ въ новый праздникъ отца дѣвушекъ, видитъ и ее и рѣшаетъ

дѣло невиданное и неслыханное: такой умной, красивой и доброй дѣвушкѣ онъ предлагаетъ свое сердце и руку..

Набобъ очнулся. Чудный сонъ улетѣлъ, а изъ глубины померкшей комнаты на него смотритъ то кроткое личико чистенькой, богомольной старушки, вяжущей въ девяносто лѣтъ внуку чулокъ, передъ неугасимою, какъ ея тихая жизнь, бѣдною лампадкой,—то худыя плечи и большая голова безнадежно-больного, двигавшагося съ боку на бокъ, жалкаго калѣки. Еще длилась ночь. Все погружалось въ сонъ и тишину. Въ кабинетѣ Набоба раздался рѣзкій, нѣсколько разъ повторенный звонокъ телефона. На него отвѣтилъ звонокъ изъ городской квартиры. Былъ разбуженъ дежурный въ конторѣ, затѣмъ поднятъ на ноги и позванъ къ телефону секретарь.

— Сколько келій въ нашей богадѣльнѣ? — спросилъ Набобъ по телефону.

— Пятьдесятъ.

— А сколько кандидатокъ?

— Не понимаю-съ... чьихъ? по чьей рекомендаціи?

— Никакихъ рекомендацій... Сколько желающихъ, нуждающихся? Есть у васъ списокъ?

— Но теперь, извините, три часа ночи...

— Не отойду отъ телефона... справку сію секунду.

Молчаніе. Черезъ три минуты отвѣтъ:

— Заявлено сверхъ устава сто двадцать прошеній.

— Сто двадцать безпомощныхъ старухъ?

— Такъ точно. Но не при всѣхъ бумагахъ—нужны свидѣтельства врачей.

— Вздоръ. Завтра къ моему возврату приготовить смѣту и чекъ на открытіе новыхъ полутораста помѣщеній, съ полнымъ содержаніемъ.

— Но это потребуетъ новаго зданія и расхода чуть не въ двѣсти тысячъ.

— Не ваше дѣло, хоть полмилліона. Чтобъ всѣ бумаги были готовы.

Передъ разсвѣтомъ—опять звонокъ. Секретарь, писавшій въ конторѣ, снова у телефона.

— Сколько коекъ въ дѣтскомъ пріютѣ?

— Въ какомъ?

— Во всѣхъ, гдѣ служу.

— Сто семьдесятъ.

— На сколько прошеній отказано?

— Извините, пятый часъ... но я сію минуту...

Прошло четверть часа. Набобъ нетерпѣливо, громко звонитъ.

— Трудно опредѣлить,—отвѣчаетъ секретарь:—я считаю, считаю... нѣтъ числа...

— Готовьте новую бумагу. Позвать утромъ архитектора и подрядчиковъ и составить смѣту на пять новыхъ пріютовъ.

— На пять? По сколько коекъ?

— По сто, на пятьсотъ дѣтей.

— Но это потребуетъ... зданія... нѣсколько зданій... и постояннаго, большого расхода...

— Не ваше дѣло... я подпишу, въ видѣ аванса, чекъ на милліонъ.

Секретарь, въ почтительномъ ужасѣ, молчитъ.

— Еще не все,—говоритъ Набобъ:—позовите нотаріуса, изготовьте дарственную. Я уступаю эту свою дачу, гдѣ теперь нахожусь, подъ пристанище для неизлѣчимо-больныхъ дѣтей.

— Извините,—робко произноситъ секретарь:—вы тревожитесь, не спите, такое позднее время. Все ли у васъ благополучно?.. и какъ ваше здоровье?

— Не безпокойтесь, милый, здѣсь у меня все благополучно! О, я совершенно здоровъ и буду назадъ съ первымъ поѣздомъ.

Набобъ, сдѣлавъ эти распоряженія, прилегъ и крѣпко заснулъ. Спалъ онъ недолго, но сладко... Начиналась румяная заря, когда онъ очнулся, увидѣлъ, что не раздѣтъ, все припомнилъ и бросился на балконъ.

Чудный утренній воздухъ былъ полонъ необычнаго, чаруюшаго благоуханія. Это благоуханіе волшебною, широкою волной, лилось по всему саду. Набобъ понялъ, что подъ новымъ солнцемъ, при новой, его собственной, сердечной теплотѣ, у озера расцвѣли его заморскія лиліи... Онъ спустился съ пригорка и обмеръ.

У куста благоухавшихъ лилій стояли двѣ вечернія гостьи, старшая и младшая. Младшей удалось увидѣть и понюхать такъ ее манившій, чудный цвѣтокъ. Набобъ протянулъ руки отъ счастья и вскрикнулъ. Гостьи его не видѣли.

Надъ ихъ плечами развернулись голубыя, съ розовыми каймами, крылья, и обѣ гостьи, эти божьи дѣти, какъ понялъ Набобъ, зашумѣвъ въ воздухѣ, стройно и властно поднялись надъ озеромъ, садомъ, холмами, и исчезли въ синемъ небѣ.

IX.

Счастливый мертвецъ.

Это было лѣтъ тридцать назадъ. Въ одной изъ нашихъ южныхъ губерній проживалъ весьма даровитый, ретивый и всѣми любимый исправникъ. Тогда исправники служили по выборамъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Назовемъ его Подкованцевъ. Онъ былъ изъ бѣдныхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ, помѣстья не имѣлъ, а владѣлъ небольшимъ домомъ и огородомъ на краю уѣзднаго города, гдѣ жилъ. Его жена—болѣзненная, кроткая женщина, разстроила въ конецъ свое здоровье, ухаживая за кучею дѣтей. Мужъ и жена мечтали объ одномъ: купить съ аукціона родовое, небольшое имѣніе, которое вотъ-вотъ должно было продаваться съ публичныхъ торговъ, за долгъ въ казну родныхъ исправника. Жена, послѣ смерти бабки, получила небольшой капиталецъ; но его далеко не хватало на выкупъ этого имѣнія. Подкованцевы ожидали наступленія срока торговъ и придумывали, откуда бы взять недостающую сумму для покупки имѣнія; оно было еще южнѣе, въ лѣсистой мѣстности, у низовьевъ Днѣпра. Исправникъ, какъ всѣ это знали, взятокъ не бралъ. Откупщикъ, имѣвшій къ нему множество дѣлъ, рѣшилъ подъѣхать, безъ вѣдома мужа, съ предложеніемъ крупной благодарности—его женѣ. Въ томъ году въ губерніи, о которой идетъ рѣчь, появилась смѣлая и ловко-организованная шайка разбойниковъ. Въ губернскомъ правленіи считали ее въ количествѣ до восьмидесяти человѣкъ и не знали, что̀ дѣлать, чтобы ее переловить. Были свѣдѣнія, что шайка дѣлится на особыя кучки; что ея члены въ обычное время мирно проживаютъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи, въ видѣ крестьянъ, шинкарей, мелкихъ торговцевъ, псаломщиковъ, сгонщиковъ скота и нищихъ, и собираются въ ватаги, когда задумывается и рѣшается какое-либо особенно выгодное и ловкое предпріятіе. Главою всей шайки этихъ грабителей, конокрадовъ и разбойниковъ большихъ и проселочныхъ дорогъ считался нѣкій Березовскій. Кто онъ былъ? Никто этого не зналъ и въ дѣйствительности его не видѣлъ. Слѣдъ шайки, по нѣкоторымъ, особенно смѣлымъ грабежамъ, со взломомъ и всякими насиліями, показался въ уѣздѣ, гдѣ

служилъ Подкованцевъ. Исправникъ думалъ-думалъ и, глядя на жену, незадолго передъ тѣмъ какъ-то особенно повеселѣвшую, сказалъ ей:—Ѣду къ губернатору, попрошу особыхъ полномочій, выговорю себѣ впередъ, на случай успѣха, хорошее вознагражденіе и изловлю Березовскаго; если казна расщедрится, да и купцы, не разъ ограбленные, сложатся, то заполучимъ добрый кушъ... пожалуй, купимъ и имѣніе.—Да, не мѣшаетъ,—отвѣтила жена: — еще не хватаетъ... на торгахъ могутъ наддать цѣну... — Сказано-сдѣлано. Подкованцевъ съѣздилъ къ начальству. Его знали за искуснаго и умнаго дѣятеля; дали ему нужныя полномочія и различныя указанія, и онъ сталъ работать. Были пойманы человѣкъ пять-шесть изъ шайки, потомъ еще двое. Одинъ изъ пойманныхъ выдалъ главную нить. Были указаны притоны, мѣста сборовъ. Исправникъ обомлѣлъ отъ восторга. Въ ближайшую ночь—это было лѣтомъ — онъ, верстахъ въ двадцати, надѣялся наконецъ живьемъ захватить самого Березовскаго... Дѣло шло о выдачѣ сообщникомъ начальника шайки, на любовномъ свиданіи у какой-то вдовы-казачки. Едва стемнѣло, исправникъ уложилъ въ карманы по пистолету, на-скоро простился съ женою, сказавъ:—«ну, теперь жди съ побѣдой! со щитомъ или на щитѣ! имѣніе наше!»— и укатилъ. Прошелъ часъ, другой; уѣздный городишко стихъ; предмѣстье, гдѣ былъ дворъ исправника, погрузилось въ сонъ. Подкованцева уложила дѣтей, отпустила прислугу ужинать и, замирая отъ волненія, сѣла съ картами раскладывать пасьянсъ. Прислуга долго не возвращалась.—«Какъ барина нѣтъ, вѣчно перепьются — засидятся въ кухнѣ!»— подумала она, прислушиваясь къ запоздалымъ подводамъ, еще тянувшимся со скрипомъ изъ-подъ моста въ городъ, мимо ихъ воротъ. Она даже подошла къ окну и, приложивъ лицо къ оконной рамѣ, взглянула въ темноту. Сторожъ былъ, очевидно, въ исправности, ворота на запорѣ. Вдругъ ей послышался стукъ въ ворота.—Неужели подъѣхалъ уже мужъ? какъ она не слышала колокольчика? — Опять легкій стукъ. Видно, сторожъ заснулъ. Подкованцева бросилась въ дѣвичью, хотѣла оттуда крикнуть на кухню,—въ залѣ послышались шаги.—Исправничиха стремглавъ кинулась туда. Передъ нею стояли два незнакомыхъ мужчины. Извиняясь за поздній заѣздъ, они представились хозяйкѣ. Это были два смиренные помѣщика сосѣдняго уѣзда. По ихъ сло-

вамъ, они имѣли экстренное дѣло къ исправнику.—Мужа нѣтъ,—сказала хозяйка.—Мы знаемъ, — отвѣтили гости:— но дѣло спѣшное; не позволите ли подождать?—Исправничиха подумала:—лучше пусть посторонніе перебудутъ здѣсь, чѣмъ такъ тревожиться одной, — и пригласила пріѣзжихъ садиться. Явилась между тѣмъ служанка. Она подала чай.— Нализалась!—подумала, глядя на ея пошатываніе, хозяйка:— ну, послѣ поговоримъ!—Вечеръ кончился въ разговорахъ. Бесѣдовали о мѣстныхъ и столичныхъ новостяхъ. Одинъ изъ гостей уходилъ освѣдомляться о своемъ экипажѣ, о лошадяхъ. Еще поговорили. Былъ уже второй часъ ночи. У Подкованцевой давно слипались глаза, и она украдкой позѣвывала,—Не хотите ли у насъ переночевать?—сказала она, поглядывая, куда опять запропастилась горничная?—Гости встали, прощаясь. Изъ передней выглянуло третье лицо—слуга гостей.—«Видите ли, сударыня,—сказалъ одинъ изъ гостей, увидѣвъ своего слугу:— вы не безпокойтесь, не тревожьтесь,—продолжалъ онъ, подойдя къ рукѣ хозяйки:—благодаримъ за вниманіе, но оставаться у васъ на ночлегъ мы не можемъ, переночуемъ въ другомъ мѣстѣ... а дѣло-то вотъ въ чемъ... Я—*Березовскій*...»

Можете себѣ представить изумленіе и испугъ Подкованцевой. Барыня чуть не упала въ обморокъ. Ее поддержали.— «Успокойтесь, — сказалъ ей Березовскій: — жизнь ваша и вашей семьи въ безопасности; вы исполните только безпрекословно наше желаніе. Ваша дворня опоена сонными каплями; не кричите, не поднимайте шума... Вотъ вамъ свѣча, держите ее и ведите насъ въ вашу спальню. Тамъ, подъ кроватью, у васъ шкатулка, а въ шкатулкѣ четырнадцать тысячъ; десять изъ нихъ—ваше наслѣдство отъ бабки, а четыре... кажется, вамъ ихъ далъ откупщикъ Себыкинъ, въ надеждѣ черезъ васъ уговорить вашего мужа погасить дѣло о насильственной смерти еврея-шинкаря. Вы могли бы смѣло взять эти деньги; еврея... по ошибкѣ... придушилъ не Себыкинъ, а мы... за одинъ доносъ. Пожалуйте, идемъ... да держите свѣчу; она падаетъ у васъ...» Подкованцева, чуть жива отъ ужаса, провела грабителей въ спальню, гдѣ мирно почивали ея дѣти, и выдала завѣтную шкатулку. Березовскій весьма вѣжливо поблагодарилъ, еще разъ попросилъ не тревожиться по пусту, беречь себя, и ночные гости, выѣхавъ со двора, умчались. Подкованцева, рыдая, упала передъ кіотомъ. Грабители проскакали верстъ семь, своро-

тили съ большой дороги въ оврагъ, проѣхали оврагомъ версты двѣ и направились къ уединенной корчмѣ, стоявшей на перекресткѣ двухъ проселковъ, у лѣса. Корчмарь-еврей впустилъ ихъ въ чистую жилую избу. Грабители зажгли свѣчу, заперли и стали считать и дѣлить деньги. Вдругъ на большой дорогѣ раздался заливистый, знакомый имъ звонъ колокольчика... Березовскій прислушался и мигомъ погасилъ огонь. Прошло нѣсколько минутъ. Колокольчикъ сталъ затихать; путники по большой дорогѣ, очевидно, проѣхали далѣе. Но едва грабители хотѣли вновь зажечь свѣчу и кончить дѣлежъ, у корчмы раздался стукъ колесъ и храпъ остановленныхъ лошадей. Долго стучались пріѣзжіе. Шинкарь прикинулся спящимъ, наконецъ отперъ ворота. Въ избу вошелъ высокій, молодцоватый Подкованцевъ. Подъѣхавъ съ подвязаннымъ колокольчикомъ, онъ вынулъ спички и зажегъ стоявшую на столѣ свѣчу. Гости также притворились спящими. На вопросъ: кто это?—струсившій еврей отвѣтилъ: — проѣзжіе помѣщики. — Знаешь ихъ? — Почемъ знать!—Буди ихъ.—Еврей сталъ толкать гостей. Тѣ встали. Начался спросъ: кто вы, откуда, куда ѣдете? Тѣ вломились въ амбицію, жалуясь на безпокойство и увѣряя, что спали давно.—А зачѣмъ же вы вдругъ погасили свѣчу, едва заслышали мой колокольчикъ? Я исправникъ!—Знаемъ,—сказали гости: — что же вамъ нужно? — Ваши паспорты, господа.—Одинъ изъ гостей вынулъ дворянское свидѣтельство,— «Здѣсь прописано имя и фамилія помѣщика NN,—произнесъ исправникъ:—а я его лично знаю, вы самозванецъ,— и потому, господа, шутки въ сторону, прямо отвѣчайте, кто вы? Изба окружена сотскими; оставь насъ, уйди!»—обратился Подкованцевъ къ корчмарю. Тотъ вышелъ. Исправникъ сказалъ:—отвѣчайте, кто изъ васъ Березовскій? признавайтесь, вамъ спасенія нѣтъ. — Онъ вынулъ пистолеты и сталъ у дверей. Оба грабителя были щуплые, худощавые, невзрачные на видъ. Подкованцевъ могъ кулакомъ положить обоихъ на мѣстѣ. Березовскій взглянулъ на товарища, назвалъ себя и сталъ торговаться. Сошлись на четырехъ тысячахъ—сумма, которой именно не доставало исправнику до восемнадцати тысячъ, на выкупъ родовой деревеньки. Получивъ и со вздохомъ пересчитавъ деньги, онъ отпустилъ мнимыхъ помѣщиковъ и, когда тѣ уѣхали, сказалъ сотскимъ: ну, ребята, можете расходиться, и здѣсь не удалось,—и на-

правился домой. Онъ радостно объявилъ женѣ: — поздравь, сейчасъ накрылъ Березовскаго, вотъ и деньги,—теперь наше дѣло въ шляпѣ—Какъ?—вскрикнула жена:—такъ и шкатулку отбилъ?—Какую? Никакой шкатулки у нихъ не было!—Та разсказала, въ чемъ дѣло. Едва Подкованцевъ сознался ей, какую дурацкую штуку съ нимъ сыгралъ ловкій разбойникъ, исправничиха вскрикнула не своимъ голосомъ и грохнулась на полъ... Мужъ бросился приводить ее въ чувство; она была недвижима. Позвали уѣзднаго врача—горькаго пьяницу; тотъ повозился надъ нею, далъ ей нюхать спиртъ, терь ей руки и ноги, подносилъ свѣчу къ глазамъ, зеркало къ губамъ и, наконецъ, объявилъ, что она умерла, вѣроятно отъ разрыва сердца, которымъ, по его мнѣнію, она страдала. Подкованцеву обмыли, одѣли, положили на столъ, и растерянный, измученный мужъ подумалъ:—ну, мертвой не оживить; надо думать о живыхъ, о дѣтяхъ!—велѣлъ запрягать лучшую свою тройку и снова бросился искать Березовскаго. Одинъ изъ сотскихъ, бывшихъ у корчмы, догадался, что оттуда могъ быть выпущенъ пожалуй, по ошибкѣ, самъ Березовскій, рѣшилъ его выслѣдить и, загнавъ лошадь, возвратился къ обѣду и объявилъ, что слѣдъ заподозрѣннаго имъ Березовскаго направился къ мѣстечку А**, лежавшему невдалекѣ, у Днѣпра. Туда и понесся разсвирѣпѣвшій исправникъ. Подкованцеву, между тѣмъ, вынесли въ церковь на сосѣднее кладбище. Забулдыга псаломщикъ, дьяконскій сынъ, изгнанный за пьянство и буйство изъ бурсы, былъ позванъ читать надъ покойницею псалтырь. — Не стану томить васъ подробностями... Подкованцева оказалась въ летаргическомъ обморокѣ—все слышала, чувствовала, но не могла очнуться, не могла встать. Ночью въ церкви, среди чтенія псалтыря, ей померещился стукъ въ церковное окно. Чтецъ остановился, поднялъ оконницу.—Что тебѣ?—спросилъ онъ.—Панъ пришлетъ, ранкомъ, за казною; гдѣ ты ее зарылъ?—Кому нужно? — спросилъ чтецъ. — Рыжаго прислали: онъ и отроетъ. — А я? — Велѣно тебѣ читать, а онъ будто за картошкой на огородъ... говори же скорѣе.—Подъ вербою, въ грядкѣ луку зарылъ,—отвѣтилъ псаломщикъ.—Подъ какою?—У самой рѣчки... Да ты скажи Рыжему, чтобъ меня перемѣнилъ; ѣсть хочется и выпить бы.—Ну, скажу; ты однако не уходи, коли не пришлютъ другого.—Прошелъ часъ. Пса-

ломщикъ, очевидно, не вынесъ голода и жажды, погасилъ свѣчу и, ворча сквозь зубы, ушелъ и замкнулъ за собою церковную дверь. Подкованцева вылѣзла изъ гроба и, не помня себя отъ волненія, бросилась къ городу. На дорогѣ ее обогналъ какой-то поселянинъ, на повозкѣ, съ мѣшками. Она его окликнула и доѣхала съ нимъ къ пріятельницѣ, подругѣ по пансіону, женѣ аптекаря. Тамъ она, черезъ силу, разсказала второпяхъ, въ чемъ дѣло. Аптекарша позвала мужа. Подкованцева была едва жива и все твердила: «скорѣе, скорѣе, берите заступъ, молю васъ, ройте!»—Аптекарь, честный, сердобольный нѣмецъ, далъ ей успокоительныхъ капель, уложилъ ее въ постель и поспѣшилъ, по ея указанію, на огородъ дьякона, гдѣ, подъ указанной вербой, при помощи полицейскихъ, и была найдена въ цѣлости шкатулка Подкованцевой. Березовскій, какъ послѣ оказалось, выпущенный изъ корчмы, гдѣ съ товарищемъ началъ было дѣлить деньги, рѣшился, впредь до болѣе спокойнаго часа, спрятать шкатулку въ самомъ городѣ, черезъ псаломщика, состоявшаго въ шайкѣ грабителей въ качествѣ укрывателя награбленныхъ вещей, а Рыжій, черезъ котораго онъ съ пути прислалъ новую отмѣну своего приказа, былъ городской лавочникъ, исполнявшій при шайкѣ обязанность разсыльнаго и вѣстового. Шкатулку аптекарь успѣлъ выкопать ранѣе, чѣмъ Рыжій и его пособники, ждавшіе, пока стихнетъ возня во дворѣ дьякона, успѣли ее перенести въ иное мѣсто. Въ ту же ночь были арестованы: псаломщикъ—въ кабакѣ, Рыжій—въ квартирѣ, при своей лавочкѣ, а Березовскій—на другой день, въ мѣстечкѣ А**. Подкованцевъ убѣдился, что тарантасъ грабителей не въѣзжалъ въ мѣстечко, но что туда въѣхалъ, на возу съ арбузами и дынями, человѣкъ, похожій на Березовскаго, въ крестьянской свитѣ и поярковой шляпѣ, очевидно, успѣвъ уже гдѣ-то сбыть и свой тарантасъ, и лошадей, и одежду помѣщика. «Гдѣ тутъ хорошая шинкарка?»—лихо спросилъ исправникъ, тоже переодѣтый, перваго встрѣчнаго обывателя мѣстечка. Тотъ указалъ ему дальній дворъ. Оставя лошадей у околицы и зная сибаритскіе обычаи грабителя, Подкованцевъ вошелъ молодцемъ въ шинокъ, пошутилъ съ смазливой, румяною бабой-шинкаркой, потребовалъ корчикъ перцовки, выпилъ его, бросилъ на прилавокъ серебряный талеръ, и, утирая усы, козыремъ посмотрѣлъ на хозяйку.—«Ну, ночка

была!—сказалъ онъ:—заработали! а гдѣ сватъ?—Шинкарка налила еще корчикъ водки. — «Гдѣ сватъ? пока вернется, пеки яичницу, жарь гуся!—произнесъ гость:—надо справить магарычи...» — Шинкарка молча выглянула въ окно на Днѣпръ. «Знаю, купается, шельма — чистунъ!» — сказалъ гость и, бросивъ другой талеръ на прилавокъ, вышелъ на рѣку. Тамъ онъ тотчасъ узналъ въ водѣ, среди пархатыхъ, мѣстныхъ купальщиковъ, сѣрые, наигранные глаза и острую мордочку Березовскаго. Послѣдній также въ подошедшемъ росломъ, запыленномъ мѣщанинѣ узналъ своего врага — исправника и, будто продолжая купаться, пока его преслѣдователь раздѣвался, шибко поплылъ на другой бокъ Днѣпра, въ кусты... Но къ берегу отъ околицы уже подъѣзжала тройка исправника, съ понятыми. Подкованцевъ поймалъ Березовскаго въ водѣ за ногу, когда тотъ уже былъ готовъ ускользнуть въ зеленыя, безбрежныя плавни за рѣкой.—Къ зимѣ Подкованцевъ купилъ задуманную деревню. Поймавъ Березовскаго, онъ все разсказалъ губернатору; деньги, поднесенныя его женѣ, какъ потомъ увѣряли, возвратилъ черезъ начальство откупщику, а купцы, въ благодарность за избавленіе отъ Березовскаго, сложились и предложили Подкованцеву, подъ вексель, недостающія для покупки деньги. Они по векселю, разумѣется, не думали съ него требовать долга. То были, говорятъ, иныя времена и нравы; во всякомъ случаѣ — фабула о безкорыстномъ полицейскомъ чинѣ въ то время была возможна... Передъ выходомъ въ отставку, когда имѣніе куплено уже было и семья Подкованцева тамъ проживала, онъ самъ навѣстилъ Березовскаго въ губернской тюрьмѣ. Свиданіе происходило при смотрителѣ острога. «Скажи, братецъ, какъ это ты пронюхалъ, что я уѣхалъ тебя искать,—спросилъ Подкованцевъ разбойника:—а главное, какъ ты узналъ, что у меня въ шкатулкѣ такая-то именно сумма?» — Никто самъ по себѣ ничего! — отвѣтилъ со вздохомъ Березовскій, оправляя на себѣ кандалы: — все въ пособникахъ!—«Да кто же тебѣ помогалъ у меня-то? въ моемъ-то исправницкомъ домѣ?» — Бабы, ваше благородіе, все онѣ; я передъ тѣмъ двѣ ночи ночевалъ у васъ-же, во дворѣ, одну въ саду, а другую въ такой это коморочкѣ, около дѣтской.—И ножъ былъ съ тобою?—спросилъ исправникъ. — А уже какъ же это намъ, мужчинамъ, безъ бритвы-то?—усмѣхнулся недавній душегубъ.

X.

Разбойникъ Гаркуша.

(Изъ Украинскихъ легендъ.)

Слава Гаркуши, по малорусскимъ преданіямъ, началась съ 1777 г.—Этотъ годъ остался надолго памятенъ малороссамъ. Въ продолженіе 10 лѣтъ, начиная съ этого года, Гаркуша былъ страшилищемъ Малороссіи. Преданіе такъ рисуетъ портретъ его. Это былъ широкоплечій, мускулистый, средняго роста мужчина; лицо загорѣлое, грубое; глаза черные; волосы на головѣ и на усахъ такіе же. Когда онъ былъ чѣмъ-нибудь разсерженъ, лицо его становилось багровымъ, глаза бросали молніи, всѣ мускулы были въ движеніи. Гаркуша, по преданіямъ, никого не умерщвлялъ, развѣ въ крайности. Одинъ изъ старожиловъ передаетъ слѣдующій разсказъ о смерти Гаркуши, слышанный имъ отъ дряхлаго бандуриста, лично знавшаго Гаркушу. Однажды преслѣдовали его гдѣ-то по Днѣпру. Видя невозможность спастись отъ преслѣдователей сухимъ путемъ, онъ рѣшается почти на явную смерть: отрубаетъ толстую веревку, которою была привязана, такъ-называемая, душегубка, садится въ нее и плыветъ. Другой лодки не было. Преслѣдовавшіе послали отыскать ее по близости на рѣкѣ. Между тѣмъ бѣглецъ счастливо переплываетъ большую половину Днѣпра. Уже онъ близко подлѣ берега. Вдругъ подулъ сильный вѣтеръ; Гаркуша покачнулся и — исчезъ въ синихъ волнахъ днѣпровскихъ. Старожилъ приводитъ слѣдующіе анекдоты объ этомъ разбойникѣ.—Засѣдатель ...скаго земскаго суда ѣхалъ верхомъ въ городъ изъ одной деревни, владѣтель которой праздновалъ тогда свои именины и потому звалъ къ себѣ въ гости всѣхъ знатныхъ лицъ околотка. Была ночь — и ночь темная. Тучи покрывали все небо. Этому страннику оставалось не болѣе трехъ верстъ. Онъ своротилъ вправо съ большой дороги и поѣхалъ по маленькой тропинкѣ, ведущей черезъ лѣсъ,—желая этимъ сократить путь. Ужъ онъ благополучно пересѣкъ лѣсъ, ужъ онъ проѣзжалъ городскіе

луга; въ это самое время навстрѣчу ему попадаются два человѣка, одѣтые въ русское платье. Желая выказать себя имъ, а можетъ быть и просто по невольному побужденію, родившемуся въ головѣ его отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ, онъ, именемъ земской полиціи, спросилъ ихъ: кто они? Ему отвѣчали: хибà не бà чите?—«Покажите мнѣ ваши виды, мнѣ—засѣдателю нижняго земскаго суда сего уѣзда!»—закричалъ онъ.—«Якихъ вамъ треба?»—«Да тѣхъ, которые вы имѣете».—«Стривàй, зáразъ!»—Одинъ изъ нихъ свистнулъ, въ минуту явилось человѣкъ десять гайдамаковъ. — «Берите, лишень, его, та ведите въ ту балку»,—сказалъ Гаркуша. Засѣдатель былъ приведенъ въ назначенное мѣсто. Тамъ совершена была надъ нимъ, безъ жалости, извѣстнаго рода—экзекуція. Потомъ Гаркуша давалъ ему различнаго рода наставленія и, отходя отъ него, прибавилъ: — «та гляди мини, не смотри, куды ми пидемъ, а не то очей въ тебѣ не стане!»—Не мудрено, что ...ская земская полиція долго помнила этотъ случай. Преданіе говоритъ, что наставленія Гаркуши переходили отъ одного засѣдателя къ другому по наслѣдству.—Однажды Гаркуша, съ двумя молодцами изъ своей ватаги, пріѣхалъ въ казенное селеніе, къ одной вдовѣ, и приказалъ подать себѣ поужинать Она ему говорила, что у нея ничего нѣтъ: «засѣдатель бувъ тутъ позавчора, та все, що було, описавъ, та позабиравъ за недоимку, а я вже ему въ прошлую недилю заплатыла пивторы копы».—«Жалко, що я не могу его теперычка промуштроваты. Ачь, якій бисивъ сыну! та винъ вже не минеть моихъ рукъ!»... Старушка приготовила своимъ гостямъ ужинъ. Гаркуша, за радушный пріемъ, оставилъ вдовѣ, въ приданое тремъ ея дочерямъ, можетъ быть и не послѣднимъ красавицамъ въ Малороссіи,—трудно повѣрить,—тысячу рублей. — «Кажи, — прибавилъ Гаркуша, прощаясь со старухой:—кажи усякому, що си гроши давъ тоби Гаркуша; а хто зосмилыцця у тебѣ ихъ отняти, то тому я, не на живитъ, а на смерть, вси руки повывертаю».—Гаркуша любилъ разъѣзжать по городамъ и селеніямъ въ генеральскомъ мундирѣ. Въ такомъ случаѣ за нимъ всегда слѣдовала большая свита. Однажды онъ пріѣхалъ въ такомъ видѣ въ Конотопъ, уѣздный городъ черниговской губерніи, и прямо на дворъ къ городничему.

Извѣстный библіографъ и изслѣдователь Малороссіи, А. М. Лазаревскій, на мой вопросъ о Гаркушѣ, въ 1854 г., сообщилъ мнѣ слѣдующее.

Гаркуша большею частью дѣйствовалъ въ предѣлахъ настоящей черниговской губерніи.

Фамилія городничаго, о которомъ упоминается въ статьѣ «Украинскаго Альманаха» — Базилевичъ. Гаркуша, между прочимъ, велѣлъ одному изъ своихъ хлопцевъ дать нѣсколько ударовъ нагайкою женѣ Базилевича за то, что она не соблюдала постовъ по средамъ и пятницамъ.

Въ одну погоню за шайкою Гаркуши, на Гнилище, около Конотопа, конотопцы догнали одного разбойника, но не рѣшились живымъ взять, а убили его изъ ружья, и убилъ именно казакъ Зимивецъ изъ ружья, которое было заряжено серебрянымъ гудзикомъ (пуговицею), которую нарочно для этого конотопскій протопопъ отрѣзалъ отъ ризы. Простыя пули, по мнѣнію народа, не брали разбойниковъ Гаркушиныхъ.

Будучи уже разбойникомъ, Гаркуша женился, въ роменскомъ уѣздѣ, на помѣщичьей дѣвкѣ, и здѣсь-то исправникъ едва не схватилъ его.

Пойманъ же Гаркуша въ г. Ромнахъ «бублейницею» (женщиною, торгующею бубликами). Это происходило такимъ образомъ. Гаркуша покупалъ цѣлую коробку бубликовъ; торговка, узнавъ его, схитрила: подъ предлогомъ, что у нея нѣтъ сдачи, она пригласила его войти къ себѣ во дворъ; между тѣмъ оповѣстила народъ и полицію, и Гаркуша былъ схваченъ.

Въ допросѣ Гаркуша показалъ себя выходцемъ изъ Черноморья.

Все дѣло о его разбояхъ хранится въ роменскомъ уѣздномъ судѣ. Впрочемъ, часть этого дѣла, именно о нападеніи на домъ Базилевича, находится въ конотопскомъ уѣздномъ судѣ.

Большею частью Гаркуша жилъ въ м. Смѣломъ, гдѣ его не задерживали, за что онъ щедрою рукою сыпалъ деньги.

Сохранилось преданіе, что Гаркуша строптивымъ помѣщикамъ шилъ красные сапоги, т.-е. приказывалъ сдирать съ ногъ кожу. Но врядъ ли это справедливо; Гаркуша только въ нуждѣ употреблялъ насиліе.

Въ харьковской губерніи запорожцы часто пошаливали*),

*) «*Современникъ*» 1841 г. XXV т., стр. 1—89, XXVI, стр. 1—86, статья Г. Ѳ. Квитки-Основьяненко «*Преданіе о Гаркушѣ*».

грабили помѣщиковъ, и противляющихся тиранили и даже умерщвляли; но все это проказили, такъ называемые, «гайдамаки, харцызы», являвшіеся въ разныхъ мѣстахъ и потомъ скрывшіеся оттуда. Потомъ явилась сильная партія, въ короткое время составившаяся и нахлынувшая откуда-то въ харьковскую губернію. Обращаясь въ тамошнихъ мѣстахъ, она наводила ужасъ на всѣхъ помѣщиковъ. Случалось такъ, что разбойники наѣзжали къ иному помѣщику, забирали все, что могли, и уѣзжали, не ударивъ даже никого. Подъ заграбленныя вещи брали у помѣщика фуры и воловъ, а послѣ нѣсколькихъ дней, въ одно утро, всѣ фуры и волы оказывались близъ помѣщичьяго двора, вмѣстѣ съ деньгами и запискою, въ которой говорилось, что уплачивается за столько-то дней работы волами. — Въ одномъ селеніи жили два помѣщика. Къ одному изъ нихъ, о которомъ говорили очень дурно, нагрянули разбойники. Управившись тамъ по своему желанію, возвращались мимо другого. Увидѣвъ его среди двора, съ небольшимъ числомъ людей, приготовившагося къ оборонѣ, разбойники говорили ему: «Не бойся ничего. Ты добрый панъ. Мы тебя не тронемъ; иди въ домъ и успокой свою панью и дѣточекъ». И въ самомъ дѣлѣ, ѣхали мимо, не сдѣлавъ ему вреда, тогда какъ сосѣда его обирали до чиста и сверхъ того производили ему чувствительное наставленіе... Только съ открытіемъ намѣстничествъ введенъ здѣсь порядокъ; но благодѣтельныя мѣры правительства не всѣми понимались, да и сами исполнители не по всѣмъ частямъ были еще готовы. А потому, дѣйствія по нѣкоторымъ предметамъ шли слабо, какъ это нерѣдко случается при введеніи новаго устройства. Притомъ же суевѣрный простой народъ распускалъ ужасныя нелѣпости объ этой шайкѣ. Надобно сказать, что Гаркуша именно и явился передъ самымъ преобразованіемъ черниговскаго намѣстничества. Собравъ небольшую шайку, онъ ходилъ съ нею открыто, проповѣдывалъ какія-то странныя идеи. Его очень скоро схватили и упрятали въ Сибирь. Позднѣе дѣйствовавшая здѣсь шайка распускала слухи, будто бы этотъ самый Гаркуша вырвался изъ Сибири и атаманствовалъ надъ ними. Въ самомъ дѣлѣ, они при дѣйствіяхъ своихъ всегда кричали:— «Батько Гаркуша такъ приказалъ». Власти собирали толпы мужиковъ, вооружали ихъ и намѣревались выступать противъ разбойниковъ. Тутъ шайка совершенно исчезала,

а проявлялась очень скоро въ другомъ уѣздѣ, подалѣе отъ прежнихъ дѣйствій. Надобно, однако, замѣтить, не слышно, чтобы эти разбойники кого убивали, тиранили или поджигали гдѣ; они только грабили, а у иного и оставляли даже кое-что для прожитія. Случалось, что иная шайка какъ-то необыкновенно долго гостила въ иномъ уѣздѣ; о мѣстопребываніи ея, при всѣхъ усиленныхъ стараніяхъ, не получалось свѣдѣній. Казалось, ея нѣтъ нигдѣ, а является вездѣ. Можетъ быть и выдумывали, но только увѣряли, что атаманъ ихъ, называющійся Гаркушей, являлся въ разныхъ видахъ. Вечеромъ, при холодной, ненастной погодѣ, случайно, къ кому-либо изъ помѣщиковъ въѣдетъ бывало военный чиновникъ, купецъ съ товарами, или важный гражданскій чиновникъ и проситъ укрыть его на ночь въ предостереженіе отъ разбойниковъ. Ему даютъ убѣжище, а ночью, когда въ домѣ всѣ безпечно спали, странникъ впускалъ товарищей и въ благодарность за гостепріимство грабилъ добродушныхъ хозяевъ. Разсказываютъ, что по какому-то случаю былъ схваченъ одинъ изъ разбойнической шайки. Говорятъ, что будто самъ Гаркуша поддался съ умысломъ, чтобы высмотрѣть дѣйствія городничихи. Какое бы ему, казалось, до того дѣло? Какъ ни идетъ управленіе, ему нѣтъ ни пользы, ни вреда, но такъ говорятъ. Вѣрно только то, что городничиха приказала схваченнаго разбойника содержать подъ строгимъ присмотромъ. Не представляя его къ суду, морила голодомъ, выспрашивала ни о чемъ болѣе, какъ только о мѣстѣ, гдѣ хранятся награбленныя имъ сокровища. Уже она располагала приступить къ пыткѣ, какъ арестантъ ушелъ.—«Мы его берегли до сего часу крѣпко,—говорили потомъ сторожа:—не давали ему и ѣсть; а ему кто-то со стороны приносилъ всего. Мы никакъ не додумались, кто ему это приносилъ? А не разъ заставали, что онъ доѣдаетъ поросятину, да еще и горилку пьетъ. Мы станемъ его бранить и приказывать, чтобы онъ ничего не ѣлъ, а онъ въ отвѣтъ пѣсни поетъ. Вотъ такъ и было до сего часа. Какъ приказали намъ вести его, мы и хотѣли связать ему руки, а онъ и говоритъ: — «На что вы свяжете меня?» А мы говоримъ:—«чтобы ты часомъ не ушелъ».—А онъ говоритъ: — «я и такъ не уйду». — А мы спрашиваемъ: «іо? (неужто)?»—А онъ говоритъ: «ей Богу»—А мы говоримъ: «а ну, побожись больше».—Онъ и побожился, и

таки крѣпко. Вотъ мы и повели его. Только-что вышли на улицу, смотримъ,—онъ не то думаетъ: поворотилъ въ другую сторону. Мы ему говоримъ: «иди за нами». А онъ поетъ, рукою махнулъ и идетъ своею дорогою. Мы ему кричимъ: «Брехунъ! сбрехалъ; побожился, а самъ уходишь». А онъ все-таки идетъ и не оглядывается. Глядимъ, уже далеченько отошелъ; мы стоимъ и совѣтуемся: что намъ дѣлать? А вотъ этотъ Климко и говоритъ: — побѣжимъ, да поймаемъ его».—А мы говоримъ: «Побѣжимъ». — Глядимъ, примѣчаемъ, а онъ все далѣе, все далѣе... Какъ же совсѣмъ скрылся, тутъ мы принялись ругать его».

Вскорѣ затѣмъ доставлено къ городничему письмо отъ Гаркуши, коимъ онъ благодаритъ жену его за хлѣбъ-соль и угощеніе, оказанное товарищу его, и что онъ вскорѣ посѣтитъ его самъ, съ семьею своею, и лично покажетъ свое расположеніе къ ней. — «Причемъ,—такъ писалъ онъ, и городничій имѣлъ духъ показывать это письмо многимъ и Квиткѣ также: — покажу, братику, и тебѣ любовь свою за твое мудрое управленіе городомъ.»

Гаркуша, по словамъ Квитки-Основьяненка, никого не убивалъ и не губилъ. Онъ и не грабилъ «благонажитаго». Однимъ словомъ, Гаркуша ни одному человѣку безвинно не причинилъ даже испуга, не только зла. Вся цѣль Гаркуши была—исправить людей и истребить злоупотребленія. По удостовѣренію Квитки, Гаркуша обучался въ кіевской академіи и учился хорошо. Онъ въ классѣ философіи былъ изъ отличныхъ: объ этомъ можно удостовѣриться изъ академическихъ списковъ. На диспутахъ онъ побѣждалъ своихъ противниковъ. И съ такими свѣдѣніями, познаніями и понятіями, не вѣрилось, чтобы онъ вдавался въ разбойничество, душегубство и, еще болѣе, подлый грабежъ для своей пользы. Современники Гаркуши говорили о немъ, будто бы онъ, будучи одаренъ чистымъ, здравымъ разсудкомъ, видя вещи, какъ онѣ есть, сострадая къ угнетаемымъ, не видя благороднаго употребленія даровъ, случайно полученныхъ людьми, — сперва негодовалъ, скорбѣлъ и почувствовалъ въ себѣ призваніе пресѣчь зло, искоренить злоупотребленія, дать способы добродѣтельному дѣйствовать по чувствамъ своимъ, а у сильнаго отнять возможность угнетать слабаго. Онъ принялся дѣйствовать, но по молодости и неопытности, — безъ обдуманнаго плана. Его не поняли,

схватили, судили и сослали было на житье въ Сибирь. Если бы онъ могъ быть тамъ полезенъ,—онъ бы остался; но видя, что ему тамъ нечего дѣлать, онъ нашелъ средство возвратиться сюда и началъ дѣйствовать для пользы общей. Гаркуша любилъ повторять латинскую пословицу: homini, quem nescis, nequaquam male dicendum est (не знавши человѣка, не должно говорить о немъ худо). Онъ былъ, по словамъ Квитки, «лѣтъ сорока съ небольшимъ; лицо имѣлъ смуглое, загорѣлое, запекшееся на солнечномъ жару; волосы на головѣ подстриженные, по обыкновенію тогдашнихъ малороссіянъ; усы — широкіе, густые, черные; глаза — быстро глядящіе и проницательные. Одѣвался онъ въ малороссійское платье, скромное, т. е. темнаго сукна и безъ блестящихъ выкладокъ; рукава верхней черкески не закидывалъ назадъ, но надѣвалъ на руки. Одинъ только обыкновенный ножъ на цѣпочкѣ за поясомъ, и никакого больше оружія; ни сабли при боку, ни пистолетовъ за поясомъ, по обычаю дорожныхъ—ничего этого не было». По словамъ Квитки, исторія съ пріѣздомъ Гаркуши къ городничему происходила такимъ образомъ. Въ передней послышался шумъ: «пріѣхали, пріѣхали!» Колокольчики гремятъ у крыльца, ямщики кричатъ на усталыхъ лошадей, слуги изъ дома выходятъ со свѣчами на крыльцо; за ними поспѣшаетъ городничій, застегивается, торопится, прицѣпляетъ шпагу, служанка догоняетъ его съ треугольною шляпою, онъ схватываетъ ее и, вытянувшись, стоитъ на крыльцѣ, держа въ рукахъ рапортъ. Карета вѣнской работы, съ чемоданами и ящиками, останавливается у крыльца. Восемь почтовыхъ лошадей, измученныя, всѣ въ мылѣ, шатаются отъ усталости. Человѣкъ весь запыленный, подобія въ лицѣ не видно, быстро вскакиваетъ съ козелъ, ловко отпираетъ дверцы у кареты и откидываетъ подножку. Изъ кареты выскакиваетъ бывшій уже офицеръ и становится принимать генерала. Другой слуга, также вершковъ десяти, какъ и первый, встаетъ лѣниво съ запятокъ (видно спалъ всю дорогу), протираетъ глаза, весь въ пыли, зѣваетъ и, съ удивленіемъ не проснувшагося, разсматриваетъ всѣхъ и все, разбирая, куда они пріѣхали? Судья вполголоса закричалъ городничему: «Къ подножкѣ! идите къ подножкѣ!.. Такъ должно встрѣтить...» Изъ кареты показался генералъ: на пышномъ плащѣ блестящая звѣзда; на головѣ, сверхъ кол-

пака, шелковая стеганая шапочка; щека подвязана бѣлымъ платкомъ. Лицо чистое, бѣлое, румяное; замѣтны морщины, какъ у человѣка лѣтъ за шестьдесятъ. Изъ-подъ колпака висѣли развитыя пукли сѣдыхъ волосъ. Онъ выѣзжалъ медленно, потому что одна нога была окутана и обвязана; онъ съ трудомъ двигалъ ею.

Разговоръ не прерывался. Генералъ въ подробности разсказывалъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ недавно конченную войну съ турками, чертилъ на столѣ планы сраженій, штурмовъ; адъютантъ безъ запинки подсказывалъ имена храбрѣйшихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, коихъ генералъ не могъ же всѣхъ припомнить. Городничій слушалъ, городничиха слушала, и оба удивлялись, не понимая дѣла ни на волосъ. Разговоръ коснулся и до Гаркуши. Городничиха тутъ разсыпалась въ разсказахъ. Что знала, слышала, все высказала генералу и заключила описаніемъ мѣръ, какія она предприняла, чтобы схватить проклятаго харцыза. Подали ужинъ. Генералъ кушалъ хорошо. Немного мѣшала ему больная, раненая щека, — но ничего. Послѣ ужина генералъ просилъ хозяйку успокоиться, а самъ расположился съ хозяиномъ покурить, «пока до чего дѣло дойдетъ». Такъ примолвилъ онъ, снимая платокъ, коимъ завязана была его щека. Городничиха вошла въ спальню, кликала дѣвокъ,— никто нейдетъ. Она въ дѣвичью,—нѣтъ ни одной. Она прошла въ переднюю, чтобы послать за ними слугу,—ни одного человѣка нѣтъ въ передней. Она вышла на крыльцо, звала дѣвокъ, слугъ—никто не отзывается. Разсердилась, воротилась, еще дожидала,—нѣтъ никого! Что могла, сбросила съ себя, сѣла на кровать — никто нейдетъ... Она прилегла, вздремнула; потомъ, утомясь чрезъ весь день, заснула крѣпко. Генералъ продолжалъ пересказывать разныя приключенія изъ жизни своей. Вдругъ вступили въ комнату четыре человѣка страшнаго вида, въ казачьихъ платьяхъ. «Управились со всѣми, батьку!»—сказалъ одинъ изъ нихъ грубымъ голосомъ и малороссійскимъ нарѣчіемъ, обращаясь къ генералу. Кончивъ трубку, Гаркуша съ прежнимъ равнодушіемъ всталъ и сказалъ: «Пойдемъ же къ пани-городничихѣ. Веди! — ты мужъ, дорогу долженъ знать. Хлопцы, хлопцы за мною». И затѣмъ прибавилъ мужу: «Войди одинъ и объяви, что Гаркуша здѣсь». — Городничій, дрожа, взошелъ въ спальню жены и робкимъ голосомъ на-силу про-

говорилъ: «Душечка! Гаркуша здѣсь!..» —Городничиха какъ ни спала крѣпко, но это извѣстіе и во снѣ поразило ее. Она мигомъ вскочила и вскричала: «Здѣсь? Наконецъ поймали!» -- «Нѣтъ, голубочка, чорта два меня поймаютъ. Я самъ явился. Вотъ и хорошо, что ты одѣтая спала; намъ меньше заботъ». Потомъ взявъ ее за руку, сказалъ: «Сядь, голубочка, подлѣ меня»,—и посадилъ ее.—«Пана-городничаго я задобрилъ, онъ не приревнуетъ васъ ко мнѣ. Ну, поговоримъ же любенько. Узнала ли ты меня, пани-городничиха?» Городничиха, дрожа всѣмъ тѣломъ, отвѣчала: «У... у... узнала...» — Квитка кончаетъ: «Однимъ словомъ, Гаркуша увидѣлъ, что зло сильно владычествуетъ между людьми, что изъ блаженной жизни, данной въ удѣлъ каждому, враги добра, не страшась преслѣдованія закона, превратили ее въ мучительное истязаніе, услаждаясь стенаніями ближнихъ, забыли мыслить о возмездіи,—и вотъ Гаркуша, одушевленный на истребленіе зла, изшелъ на дѣло. Онъ не убиваетъ, но, узнавъ о лихоимствѣ судей, корыстолюбіи ихъ, несправедливомъ управленіи,—является, выставляетъ передъ ними пороки, злоупотребленія, неправды ихъ, стремится еще навести ихъ на истинный путь убѣжденіями, увѣщаніями, угрозами — и грозитъ воздать некающимся по дѣламъ ихъ. Говорятъ, Гаркуша — грабитель. — Вотъ съ какою цѣлью отнимаетъ онъ у иного достояніе. Услышавъ о купцѣ, собравшемъ, или правильнѣе сказать, содравшемъ, изъ чего только могъ, великое богатство и не обращающемъ его на общую пользу, или провѣдавъ о зловредномъ ростовщикѣ, пользующемся слабостью ближняго и разорившемъ его непомѣрными процентами и лихвенными начетами,—Гаркуша являлся у такихъ, отбиралъ неправедно ими нажитое и бралъ къ себѣ, но не для себя. Объѣзжая самъ и имѣя великое число во всемъ здѣшнемъ краѣ вѣрныхъ людей, узнавалъ бѣдныя семейства, худо устроившія дѣла свои; небольшихъ помѣщиковъ и другихъ, впавшихъ въ несчастное положеніе, онъ снабжалъ изъ денегъ, отнятыхъ у тѣхъ, которые не умѣли изъ нихъ сдѣлать общеполезнаго употребленія, наставлялъ, какъ устроить дѣла свои—и, слыша отъ нихъ благодарность, самъ имѣлъ душевное наслажденіе, видя изъ прежде бѣдныхъ — цвѣтущихъ состояніемъ. А сколько Гаркуша истребилъ, переловилъ шаекъ гайдамакъ, настоящихъ харцызовъ, набѣжавшихъ сюда изъ вольницы

запорожской, разбойничавшихъ во всемъ краѣ и разглашавшихъ, что они изъ шайки Гаркуши! Нѣтъ, онъ, не любя и малѣйшей неправды, не терпѣлъ такого зла и отбивалъ у настоящихъ разбойниковъ охоту набѣгать сюда на промыслы. Однимъ словомъ, Гаркуша искоренялъ зло, преслѣдовалъ пороки людей. Гаркуша былъ совершенно окруженъ военною командою; непривыкшихъ къ битвѣ, но все-таки нападавшихъ на него, почти шутя отбивалъ.

Часть разбойниковъ была убита; прочіе всѣ взяты. Когда заковывали Гаркушу и Товпыгу особо,—Гаркуша сказалъ: «Какъ ни жалка смерть моего Довбни, но завидую ему: онъ избѣжалъ посмѣянія отъ злой городничихи, а мнѣ эта участь предстоитъ!»—и, скрежеща зубами, трясъ цѣпями въ ярости. По снятіи допросовъ, Гаркуша былъ заключенъ въ тюрьму, и караулъ приставленъ уже не изъ обывателей, а изъ военной команды, поймавшей его. Когда объявили Гаркушѣ рѣшительный о немъ судебный приговоръ, онъ, поклонясь присутствующимъ, сказалъ: «Справедливо. При всемъ ученіи моемъ, я ложно понялъ вещи, а предъ закономъ и въ томъ уже преступникъ, что принялся дѣйствовать самовластно. Участь мою, еще прежде васъ, истина нарекла устами юности».

I.

ЦИМБЕЛИНЪ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе В. Шекспира.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

(Посвящается П. А. Плетневу.)

Отъ переводчика.

Цимбелинъ,—по выраженію Газлитта,—*одна изъ самыхъ пріятныхъ и интересныхъ романическихъ драмъ Шекспира.*

Эту драму всегда сравнивали, по стилю и стихамъ, съ «Зимнею Сказкой», съ которой она почти въ одно время авторомъ и написана. Стивенсъ полагаетъ, что «Зимняя Сказка» явилась въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1601 года; Мэлонъ, Чалмерсъ и Дрэкъ относятъ появленіе «Цимбелина» къ 1605 году; Гервинусъ полагаетъ, что эта драма была написана около 1609 года. Во всякомъ случаѣ, теперь уже совершенно доказано, что «Цимбелинъ» явился вслѣдъ за «Зимнею Сказкою» — между «Лиромъ» и «Макбетомъ». Шекспиру тогда уже совершилось сорокъ лѣтъ отъ роду.

Гервинусъ замѣчаетъ, что въ содержаніи «Цимбелина» заключаются собственно три отдѣльныя, цѣлыя происшествія, или части. Къ первой части онъ относитъ войну изъ-за платежа дани между Британіей и Римомъ; эту сторону своей драмы Шекспиръ заимствовалъ изъ хроники Голиншеда. Цимбелинъ, по словамъ Голиншеда, царствовалъ въ Британіи во времена Августа-Цезаря и имѣлъ, дѣйствительно, двухъ сыновей, Гвидерія и Арвирага. Ко второй части, ко второму происшествію драмы, Гервинусъ относитъ судьбу сыновей Цимбелина. Источниковъ этого факта никто не знаетъ; онъ, по всей вѣроятности, созданъ фантазіею великаго поэта. У Шекспира выведено замѣчательное лицо Белларія, вельможи и полководца, впавшаго невиннымъ образомъ въ опалу и изгнаннаго изъ Британіи. Белларій похищаетъ двухъ сыновей Цимбелина, воспитываетъ ихъ въ лѣсу и вмѣстѣ съ ними оказываетъ королю великія

услуги во время его битвы съ римлянами. Къ третьему и интереснѣйшему дѣйствію или происшествію драмы Гервинусъ относитъ романъ Постума и королевской дочери Имоджены. Эта часть заимствована Шекспиромъ изъ небольшой *Новеллы Боккаччіо* (11, 9) и изъ англійскаго ей подражанія, именно изъ поэмы «Westvard fon Smelts», которая, по Стивенсу, была издана въ 1603 году. Шекспиръ въ иныхъ мѣстахъ обработалъ свою драму по итальянскому образцу, въ другихъ же руководствовался англійскою поэмою. Въ «Новеллѣ» Боккаччіо разсказывается, какъ одинъ мужъ побился объ закладъ съ какимъ-то авантюристомъ, что вѣрность его жены непоколебима. Отверженный искатель приключеній рѣшается обмануть честнаго супруга, увѣряетъ его въ мнимомъ преступленіи его жены, и тотъ, въ припадкѣ изступленнаго негодованія, приказываетъ своему слугѣ убить преступницу. Слуга, разжалобленный просьбами госпожи, спасаетъ ее отъ погибели и доноситъ мужу, что онъ исполнилъ его приказаніе. Жена скрывается, переодѣтая въ мужское платье, и вступаетъ въ чужихъ краяхъ въ услуженіе къ знатному вельможѣ; послѣ долгихъ странствій, она встрѣчается (во всѣхъ трехъ пьесахъ, — у Боккаччіо, Шекспира и неизвѣстнаго передѣлывателя Боккачіо, — вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ) съ обманутымъ супругомъ, разувѣряетъ его въ своемъ преступленіи и соединяется съ нимъ для безмятежнаго счастія и любви. Этотъ романическій эпизодъ, обработанный когда-то и во французской комедіи, Шекспиръ припаялъ къ своей драмѣ тѣмъ, что честною, любящею и постигнутою злосчастными испытаніями судьбы супругою сдѣлалъ дочь короля Британіи, а ея обманутымъ мужемъ—пріемыша и пажа ея добраго и мягкосердаго отца.

«Цимбелинъ» — великое произведеніе новѣйшей драмы. Читатель найдетъ въ немъ бездну самыхъ разнообразныхъ наслажденій. Надъ изученіемъ этой интересной и поэтической исторіи человѣческаго сердца, во всѣхъ его оттѣнкахъ и положеніяхъ, можно провести многіе годы; отъ Цимбелина, кажется, трудно оторваться на минуту, какъ мы не можемъ оторваться отъ поэтической, цвѣтущей долины Юга, или отъ того сновидѣнія, которое насъ нежданно посѣщаетъ уже на зарѣ, совсѣмъ поутру, когда розовый, молодой день зоветъ къ дѣятельности и бодрымъ трудамъ, а серебряныя

гармоническія впечатлѣнія трепещутъ еще въ горячемъ воображеніи и, словно фантастическія, сказочныя, пѣвучія мошки, рѣютъ передъ смыкающимся взоромъ: теплѣе закутываемся мы подъ одѣяло, тѣснѣе забиваемъ голову въ горячія подушки и снова, сквозь сладкую дремоту, молимъ симпатическія видѣнія не покидать насъ и чаровать до безконечности...

Но не посчастливилось «Цимбелину» ни у европейскихъ переводчиковъ, ни у критиковъ, а вслѣдствіе этого, не посчастливилось ему и у *нашей публики*. Рѣдко кто изъ нашихъ литературныхъ диллетантовъ знаетъ эту поэтическую драму. Западные критики, за исключеніемъ, впрочемъ, германцевъ, говорятъ о ней, большею частью, сбивчиво и двусмысленно. Мы полагаемъ, что нашимъ читателямъ интересно будетъ прослѣдить эти мнѣнія.

Мезонъ, авторъ книги «Treatise on Ornamental Gardening», первый началъ достойнымъ образомъ судить о Шекспирѣ, но, за раннею кончиною, успѣлъ разобрать только характеры Ричарда III и Макбета. Вслѣдъ за нимъ явилось сочиненіе нѣмца Шлегеля «Драматическія чтенія». Шлегель, между другими первостепенными пьесами Шекспира, разобралъ и «Цимбелина». Онъ говоритъ: «Это одно изъ самыхъ зрѣлыхъ созданій великаго поэта. По всей вѣроятности, «Цимбелинъ», широкая и привольная, романтическая легенда, занимала и тревожила автора еще въ ранней молодости. Ни въ одной пьесѣ Шекспира не господствуетъ такого разнообразія разговора, свѣтскаго тона, трагическаго выраженія страсти, роскоши образовъ, нѣжности любви, наивной естественности и тутъ же, рядомъ съ изящнымъ колоритомъ, такихъ простонародныхъ выраженій и мыслей. По нашему мнѣнію, эта пьеса должна имѣть огромный успѣхъ на сценѣ; она чаруетъ нашу мысль и сердце потому, что въ ней соединено все: и поэтическая легенда, и сказка, и трагедія, и комедія; вся драма насквозь пропитана благоуханнымъ и свѣжимъ колоритомъ». Джонсонъ первый сталъ язвить великій геній Шекспира. Попе, до него, говорилъ: «Никто изъ писателей не заслуживаетъ такъ названія «оригинальный», какъ Шекспиръ: само искусство Гомера проходило черезъ египетскіе водопроводы и озера, подвергалось вліянію «образцовъ». О Шекспирѣ же можно сказать, что онъ не столько подражатель природы, сколько

орудіе ея. Шекспиръ создаетъ героевъ дѣйствительныхъ, а не принадлежащихъ міру философіи и метафизики». Но Джонсонъ съ презрѣніемъ глядѣлъ на эти слова Попе. Джонсонъ былъ въ мірѣ литературномъ, такъ называемымъ, падшимъ геніемъ, вѣчнымъ кандидатомъ на безсмертнаго, непризнаннымъ властелиномъ поэзіи. Онъ писалъ грубою и блѣдною прозою и во всю жизнь не возбудилъ къ себѣ симпатіи читателей. Въ тяжеломъ разсужденіи къ изданію Шекспира, онъ старается высокопарными фигурами и звонкими эпитетами помрачить достоинства поэта. Онъ хвалитъ въ немъ только грубое и осязаемое, только то, что, по выраженію Газлитта, можно измѣрить двухъ-футовою линейкою, или сосчитать на десяти пальцахъ. Вотъ, что онъ говоритъ о «Цимбелинѣ», — и это мѣсто, по обычаю англійскихъ книгъ, напечатано въ парижскихъ и лондонскихъ компактныхъ изданіяхъ Шекспира, передъ текстомъ «Цимбелина»:—«Эта драма сіяетъ немногими вѣрными мыслями, нѣсколькими естественными разговорами и пріятными сценами; но вся она исполнена страшныхъ невѣроятностей. Всякъ замѣтитъ, до чего ложно ея изобрѣтеніе, до чего неестественны ея происшествія, странно смѣшеніе именъ и совершенно различныхъ историческихъ эпохъ, и до чего она исполнена невозможныхъ явленій жизни».

Вслѣдъ за Джонсономъ появилось не менѣе сбивчивое разсужденіе о «Цимбелинѣ» Ульрици; но этотъ критикъ далеко не заходилъ и ограничился замѣчаніями, что эта пьеса просто «Комедія интриги» или, иначе, «Комедія судьбы» (Intriguen-Komödie und Schicksal-Komödie).

Болѣе всѣхъ вѣрныя и глубокія сужденія о «Цимбелинѣ» представили Газлиттъ и Гервинусъ. На нихъ мы и кончимъ нашъ обзоръ критиковъ «Цимбелина», потому что кропотливый Дрэкъ, авторъ знаменитаго сочиненія «Шекспиръ и его время», мало сказалъ о немъ особеннаго и оригинальнаго, рядомъ съ этими великими литературными судьями.

Въ срединѣ 1838 года, въ Лондонѣ вышло въ свѣтъ третье изданіе книги «Характеры Шекспировскихъ пьесъ» («Characters of Shakespeares plays»), сочиненія Вильяма Газлитта (Hazlitt). Въ немъ мы находимъ слѣдующія мнѣнія о «Цимбелинѣ».

«Цимбелинъ» можетъ назваться *драматическимъ романомъ*, въ которомъ всѣ самыя разительныя части повѣсти

представлены въ видѣ разговора и всѣ обстоятельства объясняются говорящими, по мѣрѣ какъ представляется къ тому случай. Дѣйствіе не вдругъ сосредоточивается, а постепенно; но занимательность возрастаетъ и становится какъ бы воздушнѣе, утонченнѣе отъ перспективы, введенной въ пьесу вымышленными перемѣнами сцены и продолжительностью занимаемаго ею времени. Чтеніе этой пьесы походитъ на путешествіе, котораго цѣль невѣрна, и въ которомъ недоумѣніе поддерживается и возвышается длинными промежутками, отдѣляющими одно дѣйствіе отъ другого. Хотя происшествія разсѣяны по обширному пространству и относятся къ множеству характеровъ, но цѣпь, соединяющая различные интересы повѣсти, нигдѣ вполнѣ не разрывается. Самыя отдѣльныя и, повидимому, случайныя обстоятельства придуманы такимъ образомъ, что приводятъ въ концѣ къ совершенному развитію главнаго приключенія. Легкость и свобода, съ какими это исполнено, удивительны. Ходъ завязки усиливается въ послѣднемъ дѣйствіи; повѣсть подвигается впередъ съ необыкновенною быстротой; различныя ея вѣтви приводятся къ одному центру отъ самыхъ отдаленныхъ точекъ; главные характеры сводятся и размѣщаются въ самыхъ критическихъ положеніяхъ, и судьба почти каждаго лица драмы зависитъ отъ разрѣшенія одного обстоятельства—отъ отвѣта Якимо на вопросъ Имоджены о полученіи кольца отъ Постума».

«*Патетическое* въ Цимбелинѣ не носитъ характера поразительнаго, или, въ обыкновенномъ смыслѣ, трагическаго, но чрезвычайно *мило* и *пріятно*. Какая-то нѣжная грусть сквозитъ во всей пьесѣ. Герой этой пьесы — Постумъ; но величайшая ея прелесть заключается въ *характерѣ Имоджены*... Отличительная черта *героинь Шекспира* та, что онѣ живутъ только своею привязанностью къ другимъ. Ихъ можно назвать чистыми созданіями чувства. Мы такъ же мало думаемъ о красотѣ и особенности ихъ лицъ, физіономіи, какъ и онѣ сами, потому что мы проникаемъ въ тайны ихъ сердецъ, и это для насъ гораздо интереснѣе. Мы принимаемъ такое живое участіе въ ихъ дѣлахъ, что не можемъ останавливать своихъ взоровъ на ихъ наружности, развѣ только украдкою и изрѣдка... Никогда и никто не уловилъ такъ хорошо, какъ Шекспиръ, истиннаго совершенства женскаго характера — чувства слабости, опираю-

щагося на чувствѣ любви; никогда и никто не описалъ такъ хорошо, какъ Шекспиръ ихъ природной нѣжности, чуждой всякой принужденности. Цибберъ замѣчаетъ, что во время Шекспира женщинамъ не позволялось играть женскія роли; вслѣдствіе этой необходимости, надобно было оставлять въ тѣни ихъ наружность и развивать одну внутреннюю сторону ихъ личности».

«Характеръ Клотена, продолжаетъ Газлиттъ, высокомѣрнаго глупца и отверженнаго поклонника Имоджены, хотя не очень интересенъ самъ по себѣ и теперь ужъ обветшалый, написанъ съ *большимъ юморомъ* и знаніемъ души... Замѣчательнѣе всего то, что Клотенъ, несмотря на свою жалкую роль въ любви, важничаетъ и пѣтушится и, несмотря на всю пошлость своего вида и обращенія, старается придавать какую-то *остроту* и франтовство своимъ замѣчаніямъ. Здѣсь мы находимъ подтвержденіе той вѣковой истины, что изысканность такъ же часто происходитъ отъ недостатка истинныхъ чувствъ, какъ и отъ недостатка ума! Къ Шекспиру можно примѣнить слова древняго критика: «О, Менандръ и Природа! кто изъ васъ списывалъ другъ друга?»

«Характеры Белларія, Гвидерія и Арвирага и сказочныя сцены, окружающія ихъ, составляютъ прекрасные рельефы къ интригамъ и хитростямъ города, изъ котораго они изгнаны. Описанія горной ихъ жизни исполнены дикости и простоты. Они занимаются охотою, а не разведеніемъ скота, и это чрезвычайно гармонируетъ съ духомъ приключеній и неизвѣстностью, господствующею въ остальныхъ частяхъ повѣсти, также со сценами, въ которыхъ они впослѣдствіи должны дѣйствовать. Какъ искусно юношеская пылкость и нетерпѣливое желаніе принцевъ выйти изъ неизвѣстности представлены въ противоположности съ холодною, разсчетливою и благоразумною покорностью судьбѣ болѣе опытнаго ихъ совѣтника! Какъ прекрасно другъ противъ друга размѣщены наука и невѣжество, уединеніе и общество!—Одинъ Арденскій лѣсъ въ пьесѣ «Какъ вамъ угодно!» (What you will, or Twelfth Night) можетъ сравниться съ *горными сценами* въ «Цимбелинѣ». Но какая разница между созерцательнымъ спокойствіемъ одной картины и смѣлою рѣшительностью другой! Шекспиръ не только открываетъ намъ души своихъ дѣйствующихъ лицъ, но даже отражаетъ въ тонѣ и

краскахъ описываемыхъ сценъ — чувства ихъ вымышленныхъ обитателей!»

Гервинусъ несравненно глубже и строже прослѣдилъ характеры «Цимбелина».

Прежде всего онъ сравниваетъ эту драму съ «Лиромъ». Какъ дѣйствіе Лира, такъ и дѣйствіе Цимбелина происходитъ въ языческія времена древняго британскаго народонаселенія. Разница только та, что мы вращаемся здѣсь не въ темномъ вѣкѣ, предшествовавшемъ христіанской эрѣ, а въ свѣтломъ періодѣ первыхъ годовъ царствованія императора Августа, гдѣ римская цивилизація уже сильно повѣяла на Британію своимъ благотворнымъ дыханіемъ. Леонатъ (имя, заимствованное Шекспиромъ изъ одного разсказа Сиднея, послужившаго ему источникомъ эпизода о Глостерѣ въ «Лирѣ») хвалитъ въ Италіи, передъ римлянами, своихъ соотечественниковъ и говоритъ, что теперь они ужъ превзошли старинныхъ британцевъ, такъ ловко разбитыхъ Цезаремъ.—Какъ въ «Лирѣ» отецъ проклиналъ Корделію, въ «Цимбелинѣ» такой же престарѣлый отецъ проклинаетъ Имоджену.—Въ «Лирѣ» преобладаютъ страсти дикія, изступленныя и необъятныя; хитрость и лживость тамъ играютъ, у дочерей Лира и у Эдмунда, второстепенныя роли, рядомъ съ кровавымъ честолюбіемъ героевъ драмы. Въ «Цимбелинѣ» эти страсти слабѣе и блѣднѣе; здѣсь все ужъ сглажено цивилизаціею юго-востока Европы.

Послѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ замѣчаній, Гервинусъ переходитъ къ разбору каждаго характера драмы.

Онъ разсказываетъ содержаніе «Цимбелина», большею частью, подлинными выраженіями Шекспира. Начиная съ эпизода о Белларіѣ и о похищенныхъ имъ сыновьяхъ короля, онъ чрезвычайно краснорѣчиво представляетъ воспитаніе старымъ и опытнымъ вельможею юныхъ наслѣдниковъ короны Британіи, въ пещерѣ, подъ таинственными дебрями горнаго Валлиса. Царственныя дѣти, вскормленныя плодами своихъ рукъ, окрѣпшія на охотѣ за горными сернами и ежеминутно вдохновляемыя разсказами сѣдовласаго воина о славныхъ битвахъ, гордо подъемлютъ свои головы, со слезами на глазахъ молятъ Небо о дѣятельности общественной и, сами того не зная, спасаютъ свой будущій престолъ въ битвѣ противъ римлянъ. Начертивъ этихъ ра-

тоборцевъ добраго начала, начала свѣтлаго въ сердцѣ человѣческомъ, Гервинусъ переходитъ къ мрачной сторонѣ драмы; здѣсь выступаетъ на сцену испорченный міръ того времени. Вторая жена Цимбелина и его пасынокъ изображены во всей ихъ дикой и страшной живописности. Среди этихъ двухъ сторонъ, среди представителей добра и зла — являются два чрезвычайно-идеальныхъ и высоко-поэтическихъ образа: пріемышъ короля, Постумъ, и дочь короля, Имоджена. Снова, почти подлинными словами Шекспира, разсказывается судьба двухъ этихъ характеровъ. Гервинусъ въ тайномъ бракѣ Имоджены и Постума видитъ сходство съ бракомъ Ромео и Юліи, Отелло и Дездемоны, особенно первыхъ двухъ, которые также росли вмѣстѣ и съ дѣтства считались между собою женихомъ и невѣстою. Гервинусъ изумляется, до какого совершенства Шекспиръ выяснилъ въ своемъ твореніи типическій образъ Имоджены. Она, по его мнѣнію, одно «изъ любезнѣйшихъ и художественныхъ женскихъ лицъ», созданныхъ великимъ поэтомъ. Ея явленіе распространяетъ теплоту, блескъ и радость на всю драму. Естественнѣе и проще Порціи и Изабеллы, она еще идеальнѣе ихъ. Она — сумма всѣхъ качествъ женственной природы человѣка. Ни въ одномъ созданіи поэзіи нѣтъ такого второго очаровательнаго образа. Рядомъ съ Гамлетомъ, — она — самый развитый и самый оконченный характеръ изо всѣхъ характеровъ Шекспира. Авторъ исчерпалъ въ ней всѣ волшебныя черты женщины, отъ убранства ея мирной спальни, до пѣнія, подобнаго пѣнію гостя Эдема, и до поварской стряпни, вырѣзывающей кружки кореньевъ такими фигурками, что самъ поваръ больной Юноны позавидовалъ бы этому искусству... По мнѣнію Гервинуса, главная черта этой природы — духовная свѣжесть и здоровье. Богатая чувствами, Имоджена никогда не впадаетъ въ сентиментальность; богатая воображеніемъ, она никогда не предается пошлой мечтательности, такъ же точно, какъ ни одна мысль болѣзненной и грубой страсти не вспадаетъ на ея трезвый умъ... Разсказывая исторію вѣроломнаго обмана Якимо, Гервинусъ замѣчаетъ, что Постумъ, повѣривъ мнимому преступленію Имоджены, разражается грознымъ дифирамбомъ противъ женщинъ и здѣсь очень сходствуетъ съ Отелло, даже до такой степени, что, напримѣръ, и въ «Отелло» главную роль играетъ платокъ, потерянный

Дездемоною, и въ «Цимбелинѣ»—Пизаніо посылаетъ своему господину платокъ, омоченный въ мнимой крови Имоджены, которую онъ долженъ былъ убить.

Разобравъ эти характеры, Гервинусъ, по непремѣнному обычаю германскихъ ученыхъ, говоритъ, что нужно, наконецъ, отыскать «Stand und Gesichtspunkt» всей идеи «Цимбелина», и дѣйствительно находитъ этотъ «Stand und Gesichtspunkt». Онъ открываетъ, что главная исходная точка драмы заключается въ противоположности двухъ началъ: добра и зла, или, точнѣе — вѣрной (true) и измѣнчивой, лживой (false) *природы человѣка*. Подъ конецъ пьесы, какъ и вообще во всѣхъ тогдашнихъ рыцарскихъ романахъ, вѣрность и честность, испытанныя множествомъ приключеній, торжествуютъ и возвращаются подъ сѣнь покоя и счастія. Вѣрность, какъ одна изъ главныхъ добродѣтелей, воспѣвалась въ эпическихъ народныхъ поэмахъ и пѣсняхъ любви, въ «Одиссеѣ» и «Гудрунѣ», въ «Иліадѣ» и «Нибелунгахъ». Въ героическія и рыцарскія времена ничто такъ не ставилось въ похвалу и великія дарованія, въ славу и почести, какъ вѣрность, которая одна умѣла спасать отъ погибели добрыхъ друзей, покинутыхъ слугъ и беззащитныхъ женъ. Отсюда же происходятъ разсказы о клятвахъ дружбы древне-греческихъ юношей, саги о вѣрныхъ вассалахъ германскихъ героическихъ поэмъ и пѣсни о честности Пенелопы и Гудруны. Въ «Лирѣ» вѣрность престарѣлаго Кента вѣетъ дружбою Ахилла и Патрокла въ «Иліадѣ». Но исторія Имоджены и Постума нѣсколько новѣе, романичнѣе и скорѣе походитъ на легенды о вѣрности рыцарской эпохи. Самое имя Фиделіо, *вѣрный*, которое принимаетъ Имоджена, блуждая въ лѣсахъ горнаго Валлиса, въ мужскомъ платьѣ, подтверждаетъ главный выводъ Гервинуса. Неопровержимое же доказательство нѣсколько темноизложенной мысли нѣмецкаго ученаго представляетъ характеръ Пизаніо, слуги Постума, который, съ начала до конца драмы, до такой степени честенъ и вѣренъ своему господину, что даже лжетъ и обманываетъ, съ единственною цѣлью остаться безукоризненно-честнымъ, и является самымъ отчаяннымъ плутомъ въ то время, какъ онъ, по всей справедливости, вѣрнѣйшій изъ людей.

Самого Цимбелина, давшаго свое имя этой драмѣ, Гервинусъ называетъ лицомъ, служащимъ для общей связи,

для канвы происшествій, и говоритъ, что Шекспиръ сдѣлалъ его слабымъ, безхарактернымъ и блѣднымъ потому, что для общаго колорита своего яркаго и блестящаго созданія нуждался еще въ лицѣ, составленномъ изъ чуть-примѣтныхъ линій далекой перспективы.

Въ низведеніи языческихъ боговъ на землю къ спящему Постуму, Гервинусъ видитъ желаніе Шекспира представить личность миѳологическаго рока, Фатума, который выше людей, но иногда дѣйствуетъ и въ самой ихъ средѣ и научаетъ смертнаго почтенію воли судьбы. Юпитеръ говоритъ: «Паденіе часто служитъ средствомъ болѣе счастливаго возвышенія». — «Судьба осторожно направляетъ къ пристани корабль, руль котораго разбитъ бурями», и, наконецъ, «Небеса подвергаютъ горькимъ испытаніямъ тѣхъ, къ кому они благоволятъ, для того, чтобъ послѣ несчастій ихъ дары были еще вкуснѣе и слаще».

1850 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Цимбелинъ, король Британіи, женатый на второй женѣ.
Клотенъ, сынъ королевы, отъ перваго брака.
Леонатъ Постумъ, джентльменъ, мужъ Имоджены.
Белларій, изгнанный сановникъ, принявшій въ ссылкѣ имя *Моргана*.
Гвидерій и **Арвирагъ**, сыновья Цимбелина, слывутъ, подъ именами *Полидора* и *Кадвала*, сыновьями Белларія.
Филаріо, другъ Постума } итальянцы.
Якимо, другъ Филаріо }
Французъ, дворянинъ, другъ Филаріо.
Кай Люцій, командиръ римскихъ войскъ.
Римскій капитанъ.
Два британскіе капитана.
Пизаніо, слуга Постума.
Корнелій, врачъ королевы.
Два дворянина.
Два тюремщика.
Королева, супруга Цимбелина.
Имоджена, дочь Цимбелина, отъ перваго брака.
Елена, фрейлина Имоджены.
Лорды, придворные люди, римскіе сенаторы, трибуны, привидѣнія, гадатель, голландскій дворянинъ, испанскій дворянинъ, музыканты, офицеры, капитаны, солдаты, вѣстники и слуги.

Дѣйствіе происходитъ частью въ Британіи, частью въ Италіи *).

---

*) Время дѣйствія приблизительно относится къ шестому году послѣ Р. Хр. Въ этотъ годъ отъ Римской Имперіи отпали народы Далмаціи и Паннонія, что составляетъ нынѣшнюю Венгрію, на правомъ берегу Дуная.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Британія.—Садъ передъ дворцомъ Цимбелина. (Входятъ двое гражданъ).

Первый гражданинъ.—Ты нынче здѣсь не встрѣтишь человѣка,
Который не грустилъ бы; наши души
Не слушаютъ созвѣздій; какъ придворный,
Онѣ слѣдятъ за взоромъ короля *).
Второй гражданинъ.—Что такъ?
Первый гражданинъ.— Наслѣдница, дочь короля,
Съ которой тотъ хотѣлъ помолвить сына
Своей второй жены—(онъ на вдовѣ
Женатъ)—сама себѣ избрала мужа
Достойнаго, но бѣднаго; они
Вступили въ бракъ; супругъ за это въ ссылкѣ,
Жена подъ стражей; все у насъ печально,
Хотя король, я думаю, одинъ
По-истинѣ груститъ...
Второй гражданинъ.—Одинъ король?
Первый гражданинъ.—Груститъ и тотъ, который потерялъ
Жену, груститъ, пожалуй, королева,
Которая желала этой свадьбы...
Но уже зато придворные, хотя бы
Они свой взоръ по взору короля
Всѣ смастерили, въ глубинѣ души
Въ восторгѣ отъ того, что̀ ихъ печалитъ.
Второй гражданинъ.—Что̀ за причина!?
Первый гражданинъ.— Тотъ, кто потерялъ
Принцессу, существо гораздо хуже
Всего, что̀ можно разсказать худаго
О немъ; но тотъ, кто мужъ ей и за это
Въ изгнаніи—такое совершенство,
Что, если бъ въ цѣломъ свѣтѣ поискать

---

*) Это мѣсто вызвало множество коммептаріевъ. Лучшій изъ нихъ принадлежитъ *Л. Тику*, который такъ объясняетъ мысль Шекспира: «Наша кровь болѣе не покоряется вліянію атмосферы и планетъ, какъ это ей приписывали астрономы; она, подобно лицамъ придворныхъ, обусловливается состояніемъ духа великаго монарха».—Это мѣсто напоминаетъ слѣдующее двустишіе Расина, въ пьесѣ «Британикъ»:

«Mais ceux qui de la cour ont un plus long usage
«Sur les yeux de César composent leur visage».

Подобнаго ему, мы не нашли бы
Такого, съ кѣмъ бы онъ сравнился! Въ мірѣ,
По-моему, нѣтъ больше человѣка,
Который бы, съ подобною душой,
Владѣлъ еще наружной красотой!..

Второй гражданинъ.—Ужъ это слишкомъ!

Первый гражданинъ.— Сэръ, я въ похвалахъ
Не перешелъ границъ его достоинствъ:
Я сжалъ ихъ, не раскрылъ, какъ должно.

Второй гражданинъ.—Откуда онъ и какъ его зовутъ?

Первый гражданинъ.—Его происхожденія не знаю...
Отецъ его, Сицилій, противъ римлянъ
Соединилъ свой лавръ съ Кассибеланомъ;
Но именемъ своимъ обязанъ онъ
Тенанцію, которому съ успѣхомъ
И славою достойной онъ служилъ:
За это онъ и прозванъ Леонатомъ! *)
Два сына—рѣчь у насъ идетъ о третьемъ—
Его два сына храбро пали въ смутахъ
Тогдашнихъ войнъ, съ мечемъ въ рукѣ; отецъ ихъ,
Уже старикъ, мечтавшій о потомствѣ,
Скончался отъ печали; вслѣдъ за нимъ
Его жена, беременная сыномъ,
Который насъ такъ занялъ, умерла,
Едва родился онъ... Король ребенка
Взялъ подъ свою защиту, далъ ему
Прозваніе Постума—Леоната,
Въ пажи опредѣлилъ и воспиталъ его,
Открылъ ему богатства всѣхъ познаній,
Которыя тотъ могъ принять по лѣтамъ,
И мальчикъ ихъ легко и беззаботно
Впиваль, какъ мы въ себя вшиваемъ воздухъ;
Его весна уже дала плоды.
Онъ при дворѣ—въ любви, а это рѣдкость!

*) *Тенанцій* былъ отецъ Цимбелина и племянникъ Кассибелана: *Кассибеланъ* прогналъ римлянъ при первомъ ихъ вторженіи въ Британію, но, побѣжденный Ю. Цезаремъ, долженъ былъ платить ежегодную дань Риму. Шекспиръ слѣдуетъ въ своей драмѣ хроникѣ Голиншеда, по которой Тенанцій отказался, наконецъ, отъ этой дани и завѣщалъ своему сыну, Цимбелину, воевать за нее съ императоромъ Августомъ. *Прим. Мэлоуна.*

Для юношей онъ былъ примѣръ, для зрѣлыхъ—
То зеркало, въ которое мы смотримъ
Для оживленья нашей красоты...
Для стариковъ—ребенкомъ, путеводцемъ
Для госпожи своей, изъ-за которой
Теперь онъ изгнанъ,—качества его
Намъ говорятъ, какъ много почитала
Она его достоинства, а выборъ
Ея показываетъ намъ, какой
Онъ человѣкъ!

Второй гражданинъ.—Разсказъ вашъ заставляетъ
Меня его отнынѣ уважать.
Но я прошу васъ объяснить мнѣ, точно-ль
Она единственная дочь монарха?

Первый гражданинъ.—Единственная!—Были у него
Два сына (если это любопытно
Для васъ, такъ слушайте): ребенокъ старшій
Былъ трехъ годовъ, а младшій былъ въ пеленкахъ.
Когда изъ дѣтской бѣдныхъ унесли—
И до сихъ поръ никто слѣдовъ малютокъ
Открыть не могъ.

Второй гражданинъ.—Давно-ль случилось это?

Первый гражданинъ.—Да лѣтъ ужъ двадцать...

Второй гражданинъ.— Дѣти короля
Похищены! Такой дурной присмотръ
И лѣнь такая въ поискахъ... Возможно-ль!
Не отыскать и легкаго слѣда!

Первый гражданинъ.—Какъ это вамъ ни странно, впрочемъ, будетъ,
Вы надъ такой оплошностью не смѣйтесь:
Все это правда, сэръ!

Второй гражданинъ.— Я вѣрю вамъ.

Первый гражданинъ.—Но замолчимъ: сюда идетъ принцесса,
А съ нею королева и Постумъ (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же (Входятъ: **Королева, Постумъ и Имоджена**).

Королева.—Нѣтъ, вѣрьте, дочь моя, въ моей душѣ
Вы не найдете злобныхъ думъ: я въ этомъ
Не похожу на нашихъ мачихъ! Вы
Въ моемъ плѣну, но вашъ тюремщикъ самъ
Отдастъ вамъ ключъ отъ вашихъ кандаловъ!

Едва же мнѣ удастся гнѣвъ монарха
Смирить, я стану вашимъ адвокатомъ,
Постумъ... Теперь еще огонь досады
Бушуетъ въ немъ; поэтому не худо
Вы сдѣлаете, если покоритесь
Его велѣнью, съ тѣмъ святымъ терпѣньемъ,
Которое внушитъ вамъ мудрость ваша.

Постумъ.—Какъ вашему величеству угодно...
Я нынче же уѣду.

Королева.— Вамъ извѣстна
Опасность! Я вкругъ сада обойду,
Сочувствуя всѣмъ мукамъ раздѣленныхъ
Сердецъ, хотя король мнѣ повелѣлъ
Не допускать васъ къ тайнымъ разговорамъ! *(Удаляется).*

Имоджена.—О, ловкое потворство! Какъ лукаво
Ласкаетъ этотъ змѣй въ тотъ самый мигъ,
Когда кусаетъ!.. Милый мой супругъ,
Я опасаюсь гнѣва короля,
Но, сохраняя все къ нему почтенье,
Скажу, что гнѣвъ его передо мной
Безсиленъ!.. Уѣзжай скорѣй, а я
Останусь цѣлью глазъ сердитыхъ...
Ничто мнѣ жизни столько не согрѣетъ,
Какъ мысль о томъ, что въ мірѣ есть алмазъ,
Съ которымъ я сольюся вновь!

Постумъ.— Царица!
Любовь моя! Не плачь такъ много, если
Не хочешь, чтобъ чувствительность моя
Переступила грань людской печали;
Я буду вѣкъ вѣрнѣйшимъ изъ мужей,
Какой когда-нибудь клялся въ любви!
Остановлюсь я въ Римѣ, у Филарьо:
Онъ другъ былъ съ моимъ отцомъ покойнымъ,
Я-жъ съ нимъ знакомъ пока по перепискѣ;
Пиши туда ко мнѣ, моя царица —
Твои слова я стану пить глазами,
Хотя бы ихъ чернила были желчью!.. *(Королева возвращается).*

Королева.—Спѣшите, умоляю васъ: король
Придетъ сюда—и мнѣ тогда, я знаю,

Достанется за васъ! *(Въ сторону).* Его прогулку
Направлю я теперь сюда же! Онъ,
Поссорившись со мной, всегда охотно
Мое коварство покупаетъ: щедро
Онъ платитъ мнѣ за всѣ мои обиды! *(Уходитъ).*

Постумъ.—Когда бы мы прощались такъ же долго,
Какъ долго жить съ тобой намъ остается,
Разлука намъ была бы тяжела:
Прощай!

Имоджена.— Нѣтъ, погоди еще немного!
Когда-бъ ты ѣхалъ для одной прогулки —
И тутъ прощанье это было-бъ кратко!
Смотри сюда, мой милый: вотъ колечко
Покойной матери моей; возьми,
Носи его, мое родное сердце,
До той поры, пока, съ моей кончиной,
Другой жены себѣ ты не возьмешь!

Постумъ.—Какъ?.. Что?.. Другой!.. Властительные боги,
Молю васъ, дайте мнѣ лишь ту, съ которой
Вступилъ я въ бракъ, и пусть оковы смерти
Меня навѣкъ отдѣлятъ отъ другой! *(Надѣваетъ кольцо).*
Останься здѣсь, пока во мнѣ есть чувство!
Тебѣ-жъ, моя безцѣнная краса,—
Носи же это для меня, какъ цѣпи
Любви:—я эти цѣпи налагаю
На милую невольницу! *(Надѣваетъ браслетъ на руку Имоджены).*

Имоджена.— О, боги!
Когда-то мы увидимся опять? *(Входятъ Цимбелинъ и лорды).*

Постумъ.—Бѣда!.. Король!!.

Цимбелинъ.—Прочь съ глазъ моихъ, негодный!
И если мой приказъ ты вновь нарушишь
И недостойной личностью своей
Вновь осквернишь мой дворъ, ты безъ пощады
Погибнешь. Прочь! твой видъ мнѣ ядъ смертельный!

Постумъ.—Да сохранятъ васъ боги и мольбы
Всѣхъ добрыхъ вашего двора! Прощайте! *(Уходитъ).*

Имоджена.—Подобной муки нѣтъ и въ самой смерти!

Цимбелинъ.—О! беззаконное созданье! Ты—
Которой долгъ напоминать мнѣ юность—

Ты надо мной скопляешь бремя лѣтъ!

Имоджена.—Сэръ, умоляю васъ, не убивайте
Себя досадою; вашъ гнѣвъ нисколько
Меня не трогаетъ: другія муки
Во мнѣ и страхъ, и горе заглушаютъ!

Цимбелинъ.—Какъ!.. Все исчезло, кротость и покорство?

Имоджена.—Мои мечты отчаянье убило,
Поэтому и кротость умерла!

Цимбелинъ.—Ты вышла бы за сына королевы...

Имоджена.—Блаженна я, что за него не вышла!
Отвергнувъ ястреба, я предпочла
Орла!!

Цимбелинъ.—Ты вышла замужъ за пажа,
На тронъ отца ты бѣдность посадила!..

Имоджена.—Нѣтъ! Я скорѣй его во блескѣ новомъ
Превознесла!..

Цимбелинъ.— О, грѣшная душа!

Имоджена.—Въ моей любви вы сами виноваты;
Вы съ нимъ меня отъ дѣтства воспитали:
А онъ таковъ, что всякая изъ женщинъ
Готова имъ гордиться!.. За любовь
Мою онъ мнѣ пожертвовалъ не мало!

Цимбелинъ.—Что!?. Не съ-ума ли ты сошла?

Имоджена.— Такъ точно!
Да вразумитъ меня Творецъ!.. О, если бъ
Отецъ мой былъ овчарникомъ убогимъ,
А Леонатъ мой—сыномъ кузнеца!.. *(Королева возвращается).*

Цимбелинъ.—Негодница... Я вновь засталъ ихъ вмѣстѣ...
(Королевѣ). Вы поступили противъ нашей воли:
Прочь съ глазъ ее и запереть покрѣпче!

Королева.—Прошу васъ, потерпите. Дочь моя
Родная, покоритесь. Государь,
Оставьте насъ вдвоемъ и успокойтесь,
Насколько васъ научитъ мудрость ваша.

Цимбелинъ.—Нѣтъ, пусть она теряетъ каждый день
По каплѣ крови! Пусть она погибнетъ
На старости отъ этого безумства! *(Уходятъ).*

(Входитъ **Пизаніо**).

Королева.—Фи, полноте! Вотъ вашъ слуга, миледи.
Ну, сэръ, что новаго?

Пизаніо.— Милордъ, вашъ сынъ,
Дрался съ моимъ несчастнымъ господиномъ.
Королева.—А!.. Я надѣюсь, нѣтъ большой бѣды?
Пизаніо.—Бѣда могла случиться; только, къ счастью,
Мой господинъ игралъ, а не дрался,
И былъ далекъ отъ гнѣва: ихъ розняли
Свидѣтели нежданной этой ссоры.
Королева.—Я очень рада, сэръ!..
Имоджена.— Вашъ сынъ — пріятель
Съ моимъ отцомъ; отецъ мой за него
Стоитъ!.. На изгнаннаго мечъ поднять!
О, храбрый рыцарь! Я желала-бъ ихъ
Обоихъ встрѣтить въ Африкѣ *): съ иголкой
Я стала бы за ними и колола-бъ
Того, кто-бъ первый вздумалъ отступать!..
Зачѣмъ же ты покинулъ господина?
Пизаніо.—Онъ мнѣ велѣлъ идти: онъ не хотѣлъ,
Чтобъ я его до моря провожалъ.
Вотъ въ этомъ росписаны онъ означилъ
Все то, чему я долженъ покоряться,
Когда нуждаться будете во мнѣ.
Королева.—Онъ *(указывая на Пизаніо)* былъ у васъ усерднѣйшимъ слугой
И, вѣрно, такъ останется навѣки!
Пизаніо.—Благодарю васъ, свѣтлая милэди.
Королева *(Имодженѣ).*—Прошу васъ, погуляемъ здѣсь немного!..
Имоджена *(Пизаніо).*—Я погодя съ тобой поговорю:
Мнѣ нужно, чтобъ въ послѣдній разъ ты видѣлъ
Милорда въ гавани. Ступай покуда! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Площадь (Входятъ **Клотенъ** и двое придворныхъ).

Первый придворный.—Сэръ! Я вамъ посовѣтовалъ бы перемѣнить рубашку; запальчивость движеній сдѣлала то, что вы дымитесь, словно какая жертва. Гдѣ воздухъ выдыхается, тамъ онъ и вдыхается. Но воздухъ внѣшній не такъ здоровъ, какъ тотъ, который вы выдыхаете.

Клотенъ.—Если бъ мою рубашку окатили кровью, то для того, чтобъ ее скинуть... А что, я его ранилъ?

*) Здѣсь Шекспиръ намекаетъ на африканскихъ женщинъ: большія охотницы до поединковъ мужей, онѣ часто служатъ имъ секундантами.

Второй придворный *(въ сторону).*—Нѣтъ, почтенный, и это рѣшено точно такъ же, какъ ты не ранилъ и его терпѣнія.

Первый придворный.— Вы спрашиваете, влѣпили ли вы ему рану?! Да если онъ не раненъ, клянусь вамъ, что его тѣло ни что иное, какъ сквозной скелетъ: онъ столбовая дорога для шпаги, если вы его не искололи!

Второй придворный *(въ сторону).* — Его шпага, должно быть, по уши въ долгахъ: она пробиралась околицами!

Клотенъ.—Смѣльчакъ не могъ противъ меня устоять!

Второй придворный *(въ сторону).*—Да, не могъ: онъ далъ тягу прямо на тебя!

Первый придворный.—Устоять противъ васъ! У васъ и безъ того тьма-тьмущая земель; а онъ вздумалъ увеличивать вашу собственность и уступилъ вамъ еще малую толику землицы!

Второй придворный *(въ сторону).*—Именно! ровно столько вершковъ, сколько у васъ за душою океановъ, молокососы!

Клотенъ.—О, если бъ насъ не разнимали!!

Второй придворный *(въ сторону).*—Мнѣ также желательно было бы, чтобъ ты, наконецъ, смѣрилъ, какъ великъ глупецъ, когда его растянуть по землѣ.

Клотенъ.—И она могла полюбить этого скомороха, могла отвергнуть меня!

Второй придворный *(въ сторону).*—Если грѣшно дѣлать праведный выборъ, то она виновата.

Первый придворный.—Сэръ! Я вамъ всегда говорилъ, что ея красота не вяжется съ ея умомъ: она смазлива на видъ, но въ ея головѣ я не замѣтилъ большого блеска.

Второй придворный *(въ сторону).* — Ея умъ никогда не свѣтитъ на глупцовъ, чтобъ не повредить имъ своею яркостью.

Клотенъ. — Пойдемъ въ мою комнату! А все-таки мнѣ хотѣлось бы, чтобъ это кончилось хоть крохотнымъ несчастьицемъ!..

Второй придворный *(въ сторону).*—А я до этого вовсе не охотникъ... Развѣ ужъ растянулся бы оселъ... да это еще не несчастье!

Клотенъ.—Хотите ли вы съ нами идти?

Первый придворный.—Я иду за вами, принцъ.

Клотенъ.—Нѣтъ, идемъ вмѣстѣ.

Второй придворный.—Охотно, милордъ! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната во дворцѣ Цимбелина (Входятъ: **Имоджена** и **Пизаніо**).

Имоджена.—О, если бъ ты сталъ въ гавани утёсомъ,
Опрашивая всѣ въ ней корабли!
И если онъ ко мнѣ писалъ, а я
Его письма не получу — утрата
Сравнится лишь съ потерей манифеста,
Который намъ прощенье подаетъ.
Что онъ сказалъ, прощаяся съ тобою?

Пизаніо.—Онъ мнѣ сказалъ: «Царица! Имоджена!»

Имоджена.—Потомъ махнулъ платкомъ?

Пизаніо.— Махнулъ, и тутъ же
Его поцѣловалъ!..

Имоджена.— Нѣмая ткань!
Какъ я тебѣ завидую!.. И только?

Пизаніо.—Нѣтъ, лэди: онъ на палубѣ стоялъ
До той поры, пока его мой глазъ
И уши отличали отъ другихъ,
И все махалъ перчатками и шляпой,
Какъ-будто бурное волненье мыслей
Хотѣло выразить, что сердцемъ въ гавань
Стремился онъ, хоть уносился вдаль.

Имоджена.—Ты долженъ былъ за нимъ слѣдить, покуда
Онъ съ виду сталъ бы менѣе, чѣмъ голубь.

Пизаніо.—Я такъ и сдѣлалъ!

Имоджена.— Я же порвала бы
Всѣ нервы глазъ моихъ, слѣдя за нимъ,
До той поры, пока-бъ величиной
Сравнялся онъ съ концомъ моей иголки,
И я слѣдила бы за нимъ, пока
Въ эфирѣ онъ исчезъ, какъ мошка... Послѣ жъ
Я отвернулась бы и стала бъ плакать...
Ахъ, добрый мой Пизаніо, когда-то
Услышимъ мы о немъ?

Пизаніо.— Навѣрно
Онъ къ намъ напишетъ съ первымъ кораблемъ.

Имоджена.—Мы съ нимъ простилися, а сколько сладкихъ
Рѣчей ему хотѣла я сказать?!
Я не успѣла выразить ему,
Какъ буду я о немъ порою думать,
Какъ буду я о немъ мечтать; онъ клятвъ

Мнѣ не далъ въ томъ, что римскія красотки
Не омрачатъ его любви и чести...
Я не успѣла взять съ него обѣта
Молиться въ тѣ часы, какъ я молюсь —
Съ восходомъ солнца, въ полдень и въ тиши
Полночной... Я хотѣла на прощаньи
Ему вручить сладчайшій поцѣлуй
Межъ двухъ прелестныхъ словъ, какъ вдругъ явился
Отецъ мой и, подобно урагану,
Въ зародышѣ цвѣточекъ нашъ убилъ! *(Входитъ придворная дама).*

Придворная дама.—Миледи, королева проситъ васъ.

Имоджена *(Пизаніо).*—Скорѣе же исполни то, о чемъ
Тебя просила я.

Пизаніо.— Исполню, лэди *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Римъ.—Комната въ домѣ Филаріо (Входятъ: **Филаріо, Якимо, Французъ. Голландецъ и Испанецъ**).

Якимо.— Повѣрьте мнѣ, донъ Филаріо, я видѣлъ его въ Британіи. Тогда онъ былъ въ большомъ почётѣ и всѣ тревожно ожидали, что онъ наконецъ достигнетъ тѣхъ почестей, которыя впослѣдствіи ему оказали по сану. Однакожъ, я на него тогда глядѣлъ безъ удивленія и сдѣлалъ бы это даже въ то время, когда бы, рядомъ съ нимъ, вздумали выставить каталогъ всѣхъ его доблестей и меня принудили повѣрять его, статья за статьею!

Филаріо.—Вы говорите объ эпохѣ, въ которую онъ не успѣлъ еще развить, какъ это сдѣлалъ теперь, всѣхъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ даровъ.

Французъ.—Я видѣлъ его во Франціи*); у насъ перебывало немало господчиковъ, которые, подобно ему, умѣли глядѣть на солнце спокойнымъ взоромъ.

Якимо.—Главная статья въ томъ, что, нашъ другъ женился на дочери короля; его цѣнятъ не по достоинствамъ его природы, а по достоинствамъ его супруги. Отсюда, нѣтъ сомнѣнія, происходятъ и всѣ эти преувеличенныя похвалы.

Французъ.—Потомъ его изгнаніе...

Якимо.—Именно!! Сюда же относятся и одобренія тѣхъ, которые жалѣютъ о плачевной разлукѣ сердецъ и держатъ сторону его жены; они его чудовищно превозносятъ, а все

*) Здѣсь имя Франціи употреблено вмѣсто имени «Галлія».

для того, чтобъ подкрѣпить ея рѣшимость, которая безъ этого пала бы отъ самой ничтожной батареи, такъ какъ принцесса выбрала бѣдняка, неукрашаемаго ни однимъ высокимъ качествомъ. Однако, послушайте: какъ это случилось, что онъ поселился у васъ? Какими путями устроилось это знакомство?

Филаріо.—Его отецъ былъ мнѣ товарищемъ по войнѣ, и я не разъ былъ одолженъ ему не менѣе какъ жизнью (*Входитъ Постумъ*). Вотъ идетъ британецъ. Примите его, какъ слѣдуетъ благороднымъ людямъ, съ вашимъ воспитаніемъ, принимать всякаго почетнаго иностранца. Прошу васъ всѣхъ покороче познакомиться съ этимъ джентльменомъ. Представляю вамъ его, какъ моего лучшаго друга. Что же касается до его достоинствъ, то, вмѣсто того, чтобъ ихъ высчитывать по-пальцамъ въ его присутствіи, я предоставляю это высказать будущему!

Французъ.—Сэръ, мы, кажется, были знакомы въ Орлеанѣ?

Постумъ.—Да, и съ той поры я у васъ вѣчно въ долгу за ваше вниманіе, и сколько ни плачу, все еще я вашъ неоплатный должникъ.

Французъ.—Сэръ, вы черезчуръ ужъ дорого цѣните мою слабую услугу. Я радъ отъ души, что примирилъ васъ съ моимъ землякомъ: жаль было бы, если бы вы сошлись съ тѣми жестокими намѣреніями, какія тогда были у васъ обоихъ, и притомъ изъ-за такого пустого ничтожнаго дѣла.

Постумъ.—Простите, сэръ! Я былъ тогда молодымъ странникомъ; я избѣгалъ слѣдовать тѣмъ мнѣніямъ, которыя слышалъ, и не хотѣлъ въ своихъ поступкахъ ходить на помочахъ чужой опытности. Но и теперь, когда мой умъ уже созрѣлъ, — если только не оскорбительно сказать, что онъ созрѣлъ, — мнѣ кажется, что моя ссора была не совсѣмъ изъ-за пустой причины.

Французъ.—Все-таки, мнѣ кажется, не стоило въ этомъ дѣлѣ прибѣгать къ посредству шпагъ, особенно людямъ, изъ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, одинъ непремѣнно уложилъ бы другого, а то, пожалуй, и оба пали бы на мѣстѣ.

Якимо.—Можемъ ли мы, не нарушая приличія, спросить о причинѣ этой ссоры?

Французъ.—Почему же нѣтъ?.. Дѣло происходило публично и, вслѣдствіе этого, я думаю, можетъ быть разсказано безъ всякихъ прикрасъ... Оно, если хотите, немножко похоже на

наше состязаніе въ прошедшій вечеръ, когда каждый изъ насъ щеголялъ похвалами красавицамъ своей земли; этотъ господинъ тогда утверждалъ — и слова свои готовъ былъ поддержать кровавою расплатой—что его предметъ страсти прелестнѣе, добродѣтельнѣе, умнѣе, степеннѣе и постояннѣе самой лучшей изъ женщинъ Франціи.

Якимо.—Безъ сомнѣнія, этой дамы нынѣ ужъ нѣтъ въ живыхъ, или мнѣніе этого джентльмена, касательно ея красоты, нѣсколько попритихло.

Постумъ.—Эта дама попрежнему полна добродѣтелей, и я все такъ же думаю о ней.

Якимо.—Но вы, конечно, не станете ее такъ превозносить надъ нашими итальянскими красавицами.

Постумъ.—Если бъ меня вздумали подзадоривать такъ, какъ это дѣлали во Франціи, я и тутъ бы не убавилъ ея достоинствъ. Объявляю вамъ, что я вмѣстѣ и обожатель ея, и вѣрный защитникъ.

Якимо.—Говорить:—«столько же прекрасна», или «столько же добра (употребляю ближайшее сравненіе), какъ наши итальянки», значило бы приписывать черезчуръ ужъ много прелести и доброты какой угодно британской лэди!.. Если она превосходитъ только тѣхъ женщинъ, которыхъ я зналъ, такъ точно, какъ вотъ этотъ вашъ алмазъ превосходитъ своею яркостью алмазы, которые мнѣ случалось видѣть, то изъ этого выходитъ покамѣстъ только то, что она лучше «многихъ» женщинъ, потому что ни я, безъ сомнѣнія, не видѣлъ драгоцѣннѣйшаго изъ алмазовъ нашего міра, ни вы не видѣли достойнѣйшей изъ женщинъ...

Постумъ.—Я ее хвалю настолько, насколько цѣню ее; то же я дѣлаю и въ отношеніи этого камня.

Якимо.—Какъ, однако, вы изволите цѣнить его?

Постумъ.—Дороже всего, что составляетъ наслажденіе нашего міра.

Якимо.—Значитъ, или ваша несравненная дама отправилась на тотъ свѣтъ, или она стала дешевле этой бездѣлушки.

Постумъ.—Вы ошибаетесь: послѣднюю можно продать или подарить, если у кого довольно богатства, чтобъ купить ее, или довольно заслугъ, чтобъ получить подобный подарокъ; первая же вовсе не предметъ для продажи и можетъ быть подарена одними богами...

Якимо.—Которые вамъ ее и подарили?

Постумъ.—Да, и которая, по милости ихъ, останется навѣкъ моею!

Якимо.—Вы имѣете полное право считать ее вашею по имени; но, вы знаете, чужія птицы иногда садятся на пруды сосѣдей... кольцо ваше могутъ также украсть; слѣдовательно, выходитъ, что изъ двухъ безцѣнныхъ сокровищъ—одно слабо, а другое подлежитъ случайностямъ... Ловкій и искусный въ этихъ дѣлахъ куртизанъ не откажется попытаться пріобрѣсти отъ васъ то и другое.

Постумъ.—Во всей вашей Италіи не найдется такого искуснаго куртизана, который бы могъ восторжествовать надъ честью моей милой, если именно о потерѣ или сохраненіи чести вы думали тогда, какъ назвали ее подверженною случайностямъ! Я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что у васъ здѣсь порядочное количество воровъ; несмотря на то, я не боюсь и за свой перстень.

Филаріо.—Остановимся на этомъ, господа.

Постумъ.—Сэръ, съ большимъ удовольствіемъ. Этотъ достойный синьоръ, — я ему очень благодаренъ, — не хочетъ видѣть во мнѣ иностранца; мы съ нимъ сблизились съ перваго раза.

Якимо.—Послѣ пяти подобныхъ разговоровъ я проложилъ бы дорогу и къ вашей прекрасной возлюбленной, заставилъ бы ее отступить и сдаться, если бъ я только имѣлъ къ ней доступъ или случай услужить ей.

Постумъ.—Нѣтъ, нѣтъ.

Якимо.—Я рѣшился бы въ такихъ обстоятельствахъ держать половину своего имущества противъ вашего перстня, и это, по моему мнѣнію, было бы еще очень много. Но я держу свой закладъ скорѣе противъ вашей слѣпой увѣренности, чѣмъ противъ ея чести; и потому, чтобъ удалить отъ васъ всякое оскорбленіе, я готовъ произвести свой опытъ надъ какой угодно женщиной въ свѣтѣ.

Постумъ.—Ваша смѣлая самонадѣянность обманываетъ васъ, и я не сомнѣваюсь, что, при опытѣ своемъ, вы получите то, что̀ вамъ слѣдуетъ по заслугамъ.

Якимо.—Что же это?

Постумъ.—Формальный отказъ! Хотя, впрочемъ, вашъ опытъ, какъ вы его изволите именовать, стоитъ бо̀льшаго, именно—наказанія.

Филаріо.—Довольно, господа: споръ этотъ произошелъ очень

быстро: пусть же онъ и умретъ такъ, какъ родился! Прошу васъ, ознакомьтесь покороче.

Якимо.—Я готовъ отвѣчать всѣмъ моимъ имуществомъ и имуществомъ моего сосѣда, чтобъ только доказать вамъ то, о чемъ я говорилъ.

Постумъ.—Какую даму избрали бы вы для вашего испытанія?

Якимо.—Вашу, вѣрность которой, по вашимъ словамъ, такъ неподкупна. Я держу десять тысячъ дукатовъ противъ вашего кольца, съ условіемъ, что вы отрекомендуете меня при дворѣ, гдѣ ваша дама сердца, и не далѣе, какъ послѣ счастья второго свиданія, я привезу оттуда ея честь, которую вы считаете въ такой безопасности.

Постумъ.—Я буду держать золото противъ вашего золота; кольцо для меня дорого столько же, какъ и мой палецъ: оно—часть его!

Якимо.—Вы любите, поэтому вы и благоразумны. Но хоть бы вы платили по милліону за каждую драхму женскаго тѣла, то и тогда бы не спасли его отъ порчи... Впрочемъ, я вижу въ васъ частицу суевѣрія, которое заставляетъ васъ бояться.

Постумъ.—Это только привычка вашего языка... Надѣюсь, что убѣжденія ваши нѣсколько честнѣе!

Якимо.—Я отвѣчаю за мои рѣчи и готовъ, клянусь вамъ, подтвердить то, что̀ сказалъ.

Постумъ.—Вы рѣшились бы?!.. Въ такомъ случаѣ, я оставляю свой алмазъ до вашего возвращенія: мы заключимъ между собою формальный договоръ. Добродѣтели моей милой превосходятъ безпредѣльность вашихъ гнусныхъ мыслей. Я вызываю васъ на это пари: вотъ вамъ мое кольцо!

Филаріо.—Я желалъ бы, чтобъ это пари не существовало никогда!

Якимо.—О! клянусь богами, оно совершенно!.. Если я не привезу вамъ достаточныхъ доказательствъ тому, что я былъ принятъ благосклонно вашей милой, мои десять тысячъ дукатовъ принадлежатъ вамъ точно такъ же, какъ и мой алмазъ. Если-жъ я возвращусь оттуда, оставивъ вѣрность ея, какъ вы надѣетесь, неприкосновенною, — она, вашъ алмазъ, этотъ алмазъ и мое золото — все ваше! Вы только обязаны снабдить меня рекомендательными письмами, чтобъ я свободно получилъ къ ней доступъ.

Постумъ.—Я принимаю эти условія. Составимъ статьи

нашего контракта. Только въ ихъ предѣлахъ вы и будете отвѣчать. Если вы совершите свою атаку противъ нея и доставите мнѣ вѣрное доказательство, что побѣдили ея любовь ко мнѣ, я болѣе вамъ не врагъ: она недостойна нашихъ споровъ!.. Если-жъ окажется противное, то за ваше гнусное хвастовство и за ваше легкомысліе вы мнѣ отвѣтите со шпагою въ рукахъ.

Якимо.—Вашу руку! идемъ! Мы скрѣпимъ свой договоръ законнымъ порядкомъ, и я немедленно полечу въ Британію, чтобъ это дѣло не застыло! Итакъ, пойдемъ за золотомъ и засвидѣтельствуемъ нашъ обоюдный договоръ.

Постумъ.—Согласенъ!.. *(Постумъ и Якимо уходятъ).*

Французъ.—И вы думаете, что это состоится?

Филаріо.—Синьоръ Якимо не отступитъ отъ этого! Прошу васъ, пойдемте за ними (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Британія. Комната во дворцѣ Цимбелина. (Входятъ: **Королева, придворныя дамы и Корнелій**).

Королева.—Пока роса еще не улетѣла,
Вы наберите мнѣ такихъ цвѣтовъ...
Спѣшите: у кого изъ васъ ихъ списокъ?

1-я придворная дама.—Миледи, у меня.

Королева.— Итакъ, скорѣй! *(Дамы уходятъ).*
Ну, докторъ, принесли-ль вы нужныхъ зелій?

Корнелій (*передаетъ ей маленькую коробочку*). Всѣ тутъ, какъ вамъ хотѣлося, миледи,
Но, если васъ я этимъ не обижу,
По совѣсти, позвольте васъ спросить,
Зачѣмъ вы составлять мнѣ поручали
Отравы, отъ которыхъ умираютъ
Тяжелою и медленною смертью?..

Королева.—Я удивляюсь, докторъ, какъ ты могъ
Меня спросить объ этомъ? Не твоя ли
Была я ученица столько лѣтъ?
Не ты-ль меня училъ приготовлять
Духи, перегонять, хранить лѣкарства?
Самъ государь меня хвалилъ за это...
Что жъ тутъ за диво, если я хочу,
Успѣвъ такъ много—вы жъ меня, вдобавокъ,
Колдуньей всѣ считаете—въ иныхъ
Предметахъ разъяснить свои сомнѣнья?

Я испытаю силу этихъ ядовъ
Не надъ людьми, надъ тварями, которыхъ,
По-нашему, мы можемъ умерщвлять...
Но, чтобъ повѣрить силѣ ихъ, мнѣ нужно
Еще узнать составъ противоядій:
Тогда-то я вполнѣ обогащусь
Ихъ грозными и дивными дарами!

Корнелій.—Миледи! эти опыты незримо
Ожесточаютъ сердце человѣка:
Одинъ ужъ видъ ихъ ядовитъ и гнусенъ!

Королева.—О, докторъ! въ этомъ будьте вы спокойны! (*Входитъ Пизаніо*).
(*Въ сторону*). Вотъ онъ, наглецъ коварный! Первый опытъ
Я совершу надъ нимъ: онъ жарко преданъ
Постуму, господину своему;
Онъ сына моего терпѣть не можетъ!.. (*Громко*).
Ну, что, Пизаніо? Любезный докторъ,
Ты мнѣ пока не нуженъ! До свиданья!

Корнелій (*въ сторону*).—Я понялъ васъ, миледи!.. Вы злодѣйства
Не совершите!..

Королева (*Пизаніо*).—Выслушай меня! (*Она говоритъ съ нимъ шопотомъ*).

Корнелій (*въ сторону*).— Я не люблю ее... пускай она
Воображаетъ, что ея составы—
Смертельный ядъ... Я разгадалъ ее
И не повѣрю никому, кто-бъ съ ней
Сравнился въ злѣ такихъ опасныхъ ядовъ!
То, чѣмъ она владѣетъ, усыпляетъ
И одуряетъ на извѣстный срокъ
Нашъ духъ и чувства; первую попытку
Она произведетъ, какъ я увѣренъ,
Надъ кошкою, за кошкой надъ собакой,
А тамъ пойдетъ и выше! Только нѣтъ
Опасности въ обманчивой кончинѣ,
Которой поражаютъ эти травы:
Отъ нихъ на время замираетъ духъ,
Чтобъ послѣ вновь ожить и посвѣжѣть...
Она обманется наружнымъ видомъ,
А я останусь правъ, хотя солгу...

Королева.—Ступайте, докторъ, я васъ позову!

Корнелій.—Иду. *(Уходитъ).*

Королева.—Ты говоришь, она все плачетъ?
Современемъ бѣдняжка перестанетъ,
И тамъ, гдѣ нынѣ царствуетъ безумство,
Окрѣпшее сознанье воцарится...
Трудись! Едва ты мнѣ доставишь вѣсть,
Что мой Клотенъ принцессу побѣдилъ,
Я тутъ же объявлю, что ты безспорно
Великъ, какъ твой достойный господинъ,
И болѣе, пожалуй, потому,
Что счастіе его лежитъ безъ жизни
И угасаетъ молодое имя.
Онъ отступить теперь уже не можетъ,
Не можетъ и впередъ ступить ни шагу:
Перемѣнять же для него мѣста—
Одно и тоже, что мѣнять невзгоды,
День трудовой днемъ новымъ замѣняя.
Нельзя надѣяться на помощь вещи
Упавшей и которую поднять —
Нѣтъ у него услужливыхъ друзей... *(Королева роняетъ ящичекъ; Пизаніо поднимаетъ его).*
Ты поднялъ то, о чемъ ты и не мыслишь.
Дарю его тебѣ я за труды.
Я эту вещь сама приготовляла
И ею пять ужъ разъ спасла отъ смерти
Супруга своего: нѣтъ въ мірѣ средства
Сильнѣе этого! Возьми его,
Прошу тебя... Пусть это будетъ знакомъ
Почтенья моего къ тебѣ! Скажи —
Но только отъ себя — своей принцессѣ,
Какъ затруднительна ея судьба...
Размысли, какъ ты выиграешь этимъ!
Ты госпожи своей не потеряешь
И на придачу сына моего
Пріобрѣтешь! Тебя онъ не забудетъ!
Я-жъ короля склоню исполнить все,
Что ты ни пожелаешь, и сама
Тебѣ вдобавокъ заплачу достойно!
Иди-жъ, зови моихъ придворныхъ дамъ
И обо всемъ, какъ слѣдуетъ, подумай! *(Пизаніо уходитъ).*
Хитрецъ и неподкупный негодяй!

Не соблазнить тебя... Агентъ Постума
И сторожъ той, которая должна
Невинною къ супругу возвратиться!
Едва ты примешь то, что я тебѣ
Дала, у госпожи твоей не станетъ
Ни одного защитника ея
Красотъ!.. Когда-жъ черезъ тебя она
Не перемѣнитъ мнѣнья своего,
Она у насъ то самое увидитъ! (*Входятъ: Пизаніо и придворныя дамы*).

Да! да! — Прекрасно сдѣлано, прекрасно!—
Подснѣжники, коронки бѣлыхъ буквицъ
И маргаритки — все ко мнѣ снесите!
Пизаніо! Прощай и не забудь
Моихъ совѣтовъ!

Пизаніо.—Не забуду, лэди! (*Королева и придворныя дамы уходятъ*).

Какъ!?.. Я обязанъ измѣнить Постуму?
Нѣтъ! Я скорѣй повѣшуся: и это
Одно, что я для васъ способенъ сдѣлать! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тамъ же. — Другая комната (Входитъ **Имоджена**).

Имоджена.—Безжалостный и злой, коварный духъ
Свирѣпой мачихи!—Безмозглый рыцарь
Вдовы печальной, мужъ которой изгнанъ!..
О, этотъ мужъ! Вѣнецъ моихъ страданій!
Какъ много я терплю изъ-за него!
О, если бъ я была, подобно братьямъ,
Похищена, счастливица!.. Какъ страшно
Мучительны томленья на престолѣ!
Блаженъ бѣднякъ, исполненный лишь скромныхъ
Надеждъ, которымъ любо при удачахъ!—
Кто-бъ это былъ?!—(*Входятъ: Пизаніо и Якимо*).

Пизаніо.— Милэди, джентльменъ
Изъ Рима! Онъ пріѣхалъ къ намъ съ письмомъ
Отъ мужа вашего.

Якимо (*Вкрадчиво*). — Что же такъ, милэди,
Вы поблѣднѣли вдругъ!.. Вашъ Леонатъ
Здоровъ и шлетъ вамъ нѣжные поклоны! (*Вручаетъ ей письмо*).

Имоджена.—Благодарю васъ, добрый сэръ: вы кстати
Пріѣхали...
Якимо (*въ сторону*)— О! какъ она богата
Наружной красотой!.. Владѣй она
Такою же прелестною душою—
Она единственный арабскій фениксъ *),
И мой закладъ проигранъ!—Другъ, смѣлѣй!—
Вооружи меня, огонь отваги,
Отъ головы до ногъ, чтобъ, какъ Парѳянинъ,
Сразился я средь своего побѣга
И бросился-бъ впередъ!..
Имоджена (*читаетъ*). — «Это человѣкъ высокихъ качествъ.
Дружбѣ его я безконечно обязанъ. Прими его по достоинству, такъ, какъ ты предана —
Леонату.»
Я до сихъ поръ
Читаю громко! Сердце глубоко
Согрѣто остальнымъ и принимаетъ
Все это съ благодарностью. Нѣтъ словъ,
Чтобъ выразить вамъ, добрый сэръ, какъ много
Я рада вамъ, и постараюсь это
Всѣмъ доказать, чѣмъ только я могу!
Якимо (*восторженно*).—Благодарю васъ, дивная принцесса!
Какъ?!.. Неужель такъ безразсудны люди?
Природа насъ глазами надѣлила,
Чтобъ созерцать лазурь небесъ, картины
Земель и водъ, чтобъ созерцать лучи
Блестящихъ звѣздъ и пестрые каменья
Кремнистыхъ береговъ, и мы не можемъ,
При помощи подобнаго орудья,
Отъ красоты уродства отличить?..
Имоджена.—Что васъ повергло въ это изумленье?
Якимо.—Глаза не виноваты!.. И мартышка
Изъ пары самокъ предпочла бы ту,
Которая смазливѣе другой;
Не виноватъ ничуть здѣсь и разсудокъ:
Въ такомъ рѣшеньи даже идіоты
Не ошибаются!.. Тѣмъ меньше страсть

*) Выраженіе «Arabian bird»—арабская птица—по объясненію германскихъ комментаторовъ, значитъ: диво, чудо, фениксъ. Такъ это слово перевелъ и Л. Тикъ.

Желаній здѣсь виною: гнусность, рядомъ
Съ высокою, достойной красотой,
До тошноты всѣ извратитъ желанья
И къ пищѣ въ насъ влеченья не родитъ!

Имоджена.—Въ чемъ дѣло, сэръ?!..

Якимо.— Пріѣвшаяся жадность,
Бездонная, прожорливая бочка,
Чуть уплететъ ягненка, ужъ опять
Ползетъ, готова ѣсть...

Имоджена.— Любезный сэръ,
Что васъ тревожитъ? Вы больны съ дороги?

Якимо.—Благодарю васъ, лэди, я здоровъ... (*Къ Пизаніо*).
Прошу васъ, сэръ, сыщите моего
Слугу: я на дворѣ его оставилъ;
Онъ очень простъ и здѣсь всего боится...

Пизаніо.—Сэръ, я за нимъ хотѣлъ уже идти (*Уходитъ*).

Имоджена.—Здоровъ ли мой супругъ? Милордъ, скажите!

Якимо.—Здоровъ, милэди!

Имоджена.— Веселится-ль онъ?
Я думаю, что веселится...

Якимо.— Да!!
Онъ страшно веселъ!.. Ни одинъ пріѣзжій
Такъ не игривъ и не безпеченъ въ Римѣ:
Его у насъ «Кутилою-Британцемъ»
Зовутъ...

Имоджена (*въ волненіи*).—На родинѣ онъ былъ всегда
Наклоненъ къ грусти и порой не зналъ
Самъ, почему онъ грустенъ...

Якимо.— Я-жъ ни разу
Его не видѣлъ пасмурнымъ!.. У насъ
Одинъ французъ, достойнѣйшій мосьё,
Съ нимъ подружился: малый этотъ дома
Прелестную землячку полюбилъ
И день, и ночь по ней вздыхаетъ въ Римѣ.
Кутила же Британецъ—то-есть вашъ
Супругъ—надъ нимъ хохочетъ отъ души.
О, говоритъ онъ, какъ мнѣ не смѣяться,
Когда подумаю, что человѣкъ,
Наученный исторіей, преданьемъ
И опытомъ своей прошедшей жизни,
Въ томъ, что такое женщина и чѣмъ

Не быть ей и нельзя, стремится жизнь
До времени убить въ постыдномъ рабствѣ!
Имоджена.—И это говорилъ мой мужъ?
Якимо.— Такъ точно—
Вашъ мужъ—и хохоча до слезъ! Забавнѣй
Нѣтъ ничего, какъ онъ начнетъ порою
Смѣяться надъ французомъ! Но, клянусь,
У насъ еще не такъ смѣются...
Имоджена.— Вѣрно
Не онъ?
Якимо.— Не онъ, но все-таки за милость
Небесъ онъ могъ бы быть поблагодарнѣй!
Какъ странно это въ отношеньи къ вамъ,
Которую считаю обладаньемъ
Постума, но не по его заслугамъ,
Къ вамъ я питаю вмѣстѣ съ удивленьемъ
И жалости немало...
Имоджена.— Что же вы
Жалѣете, милордъ?
Якимо.— Я отъ души
Жалѣю двухъ существъ?
Имоджена.— И я одно
Изъ нихъ, милордъ? Вы на меня глядите?
Какое же, достойное участья,
Вы усмотрѣли горе у меня?
Якимо.—Плачевное невѣжество!.. Бѣжать
Отъ свѣта солнца въ смрадную темницу!
Имоджена.—Прошу васъ, сэръ, яснѣе отвѣчайте
На мой вопросъ! Что жалко вамъ во мнѣ?
Якимо.—То, что другіе, думалъ я сказать,
У васъ похитили... А впрочемъ, это
Относится къ суду боговъ, и я
Обязанъ замолчать!
Имоджена.— Вы, какъ замѣтно,
Узнали нѣчто именно такое,
Что до меня касается. Прошу васъ—
Сомнѣніе въ несчастьи часто хуже,
Чѣмъ самая увѣренность въ несчастьи;
Затѣмъ, что или нѣтъ уже лѣкарства
Для раны, или, во-время увидя
Ее, мы можемъ ей помочь—скажите.

Что вмѣстѣ васъ и шпоритъ, и уздечкой
Придерживаетъ?

Якимо.— Если бы я могъ
Коснуться поцѣлуемъ этихъ щекъ,
Коснуться этихъ рукъ,—прикосновенье,
Одно прикосновеніе къ которымъ
Влечетъ всѣ чувства къ изступленнымъ клятвамъ,
Когда-бъ я могъ смотрѣть весь вѣкъ въ глаза,
Которые плѣняютъ дикій пламень
Моихъ очей—и тутъ же—(будь я проклятъ!)
Коснулся-бъ губъ публичныхъ, словно грязь
Ступеней лѣстницы капитолійской,
Пожалъ бы загрубѣлыя отъ вѣчныхъ
Измѣнъ, какъ отъ работы черной, руки,
И наконецъ, взглянулъ бы я въ глаза
Нечистые и мутные, какъ копоть
Гнилого сала, я бы заслужилъ,
Чтобъ всѣ мученья ада на меня
Обрушились за это святотатство!..

Имоджена.—Милордъ! Я опасаюсь, онъ забылъ
Британію...

Якимо.— Онъ позабылъ себя!..
Не по своей охотѣ, поневолѣ
Открылъ я вамъ измѣну Леоната:
Да! ваши прелести виной тому,
Что мой языкъ испуганная совѣсть
Заставила все это разболтать.

Имоджена.—Я не хочу, милордъ, васъ дольше слушать!

Якимо.—Безцѣнное созданье!.. Ваше горе
Меня такимъ участьемъ наполняетъ,
Что сердцу больно! — Лэди, красота
Которой, породненная съ вѣнцомъ
Имперіи, могла-бъ удвоить славу
Монарха—промѣнять на грязныхъ тварей
И покупать ихъ ласки на дукаты
Изъ вашей же казны, моя милэди!..
Такія зачумленныя созданья,
Что самый ядъ легко имъ отравить!..
Месть! месть ему! иль васъ не королева
Произвела на свѣтъ, и вы отпали
Отъ царственнаго корня!

Имоджена.— Мнѣ отмстить?
Но какъ же мнѣ отмстить? Хотя бы это
И вѣрно было, все же не удастся
Моимъ ушамъ надъ сердцемъ подсмѣяться.
Какъ мнѣ отмстить, хотя-бъ все это было
И вѣрно?..

Якимо.— Васъ онъ заставляетъ жить
На одинокомъ ложѣ, мирной жрицей
Діаны, самъ же весело гарцуетъ
Среди разнообразныхъ наслажденій,
Къ досадѣ вашей и на ваши деньги!
Нѣтъ, месть ему! Я весь къ услугамъ вашимъ!
Я болѣе, чѣмъ этотъ ренегатъ,
Достоинъ сердца вашего и вѣчно
Поклонникомъ безмолвнымъ и покорнымъ
Для васъ клянуся быть!..

Имоджена.— Сюда, скорѣй,
Пизаніо!

Якимо.— Позвольте мой обѣтъ
Запечатлѣть на вашихъ алыхъ губкахъ!

Имоджена.—Назадъ! Да будутъ прокляты тѣ уши,
Которыя словамъ твоимъ внимали!
Когда бъ ты былъ достойный человѣкъ,
Ты бъ эту сказку разсказалъ для блага,
А не для той постыдной, гнусной цѣли,
Которой ищешь ты! Ты человѣка
Чернишь, который столько же далекъ
Отъ словъ твоихъ, какъ ты далекъ отъ чести
И соблазняешь женщину, съ презрѣніемъ
Отвергшую тебя, негодный демонъ!
Пизаніо! сюда!—Пускай узнаетъ
Король, отецъ мой, о твоемъ безстыдствѣ:
И если онъ одобритъ иностранца,
Озорника, который при его
Дворѣ такъ нагло, такъ безстыдно-дерзко
Ведетъ себя,—о доблестяхъ двора
Онъ не заботится и дочь свою
Не ставитъ ни во что! Сюда, скорѣй,
Пизаніо!

Якимо *(Задумчиво)*.—Счастливецъ Леонатъ!..
Вотъ что сказать теперь я долженъ... Честь

Твоей жены заслуживаетъ вѣры
Твоей, какъ добродѣтели твои
Заслуживаютъ вѣры Имоджены!
Благословенны будьте вы навѣки...
Жена достойнѣйшаго изъ людей,
Прославившихъ заслугами отчизну,
И госпожа, которой стоятъ только
Достойнѣйшіе изъ людей! Простите
Меня!.. Я говорилъ все это съ тѣмъ,
Чтобъ испытать, какъ глубоко по-правдѣ
Пустила корни ваша вѣрность! Нынѣ-жъ
Я опишу вамъ снова Леоната:
Какъ высоко онъ нравственъ въ самомъ дѣлѣ!
Онъ, какъ волшебникъ, общество чаруетъ,
И половина всѣхъ сердецъ ему
Покорна!..

Имоджена.— Такъ я съ вами примиряюсь!..

Якимо.—Въ кругу людей онъ словно гость эфира.
Неуязвимой чести онъ исполненъ,
Какъ ни одинъ изъ смертныхъ! Но, простите,
Высокая принцесса, если я
Осмѣлился васъ ложью испытать!
Вы этимъ снова честно доказали
Тотъ умъ, который вамъ избралъ супруга,
Свободнаго отъ всѣхъ ошибокъ! Дружба
Къ нему меня на это побудила!
Но вы, по милости боговъ, совсѣмъ
Почти не женщина, вы неподкупны!
Простите, умоляю васъ.

Имоджена.— Милордъ,
Все хорошо теперь. Располагайте
Моимъ вліяньемъ при дворѣ.

Якимо.— Милэди,
Благодарю; я вовсе и забылъ
Васъ небольшою просьбой потревожить:
Она важна ужъ тѣмъ, что вашъ супругъ
Въ ней не чужой... И я, и всѣ мои
Достойные друзья въ ней принимаютъ
Участіе.

Имоджена.— Скажите, что же это?

Якимо.—Двѣнадцать человѣкъ изъ нашихъ римлянъ —

И въ томъ числѣ вашъ мужъ, въ крылѣ у насъ
Завѣтное перо—сложились вмѣстѣ
Купить подарокъ нашему владыкѣ *).
Я, исполнитель этого, купилъ
Подарокъ нашъ во Франціи: посуда
Довольно рѣдкая и вся въ каменьяхъ
Богатыхъ и отдѣланныхъ на-диво...
Подарокъ дорогой, и я желалъ бы,
Какъ иностранецъ, понадежнѣй мѣсто
Ему найти: не можете ли вы
Принять его подъ свой покровъ!..

Имоджена.— Охотно!
Ручаюсь честью вамъ за безопасность
Его... Когда мой мужъ въ немъ принимаетъ
Участіе подобное, я въ спальню
Къ себѣ велю его перенести.

Якимо.—Подарокъ этотъ въ сундукѣ хранится,
Подъ стражею моихъ людей; я только
На эту ночь велю перенести
Его въ покои ваши, такъ какъ завтра
Я долженъ въ путь ужъ ѣхать.

Имоджена.— Какъ, милордъ?

Якимо.—Простите, это такъ; иль я промедлю
Свой путь въ ущербъ обѣщанному слову.
Изъ Галліи морями я спѣшилъ
Нарочно, для того, чтобъ вашу свѣтлость,
Какъ обѣщалъ, увидѣть.

Имоджена.— Отъ души
Благодарю васъ за старанье это.
Но для чего вамъ рано такъ спѣшить?

Якимо.—Такъ нужно, лэди! Потому, когда
Угодно вамъ писать со мной къ милорду,
Прошу васъ въ эту жъ ночь все приготовить.
Я опоздалъ и такъ—а это важно
Для доставленья нашего подарка.

Имоджена.—Я напишу! Пришлите вашъ сундукъ.
Я сохраню его и вамъ, какъ должно,
Его доставлю.—До свиданья, лордъ! *(Уходитъ).*

---

*) Императору Августу-Цезарю.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дворъ передъ палатами Цимбелина. (Входятъ: **Клотенъ** и двое придворныхъ).

Клотенъ. — Бывалъ ли когда-нибудь человѣкъ въ такомъ скверномъ положеніи? Въ тотъ самый мигъ, какъ однимъ взмахомъ я уже касался цѣли, шаръ мой далъ тягу! Я побился объ закладъ на сто фунтовъ, а тутъ еще подвернулся этотъ плюгавый орангутангъ и придирается къ моей бранчивости!.. Точно я у него бралъ на-прокатъ загвоздки моихъ ругательствъ и не могу ими сорить въ услажденіе души моей!

Первый придворный.—Что онъ выигралъ въ этомъ дѣлѣ? Вы разбили ему черепъ вашимъ шаромъ!

Второй придворный *(въ сторону).*—Если бъ у него въ запасѣ было столько же остроумія, какъ у того, кто прогвоздилъ ему черепъ, такъ это остроуміе все выцѣдилось бы при такой удобной оказіи!

Клотенъ.—Когда джентльменъ расположенъ ругнуть кого-нибудь, никто изъ присутствующихъ не смѣетъ коротать его брани. А?..

Второй придворный. — Не смѣетъ, милордъ! *(въ сторону).* Точно такъ же, какъ и ты не смѣешь пилить имъ ушей.

Клотенъ.—Гнусная собака! Мнѣ дать ему удовлетвореніе? Иное дѣло, если бъ онъ былъ одного со мною званія!

Второй придворный *(про себя).* То-есть, такой же глупецъ, какъ ты самъ?

Клотенъ.—Чортъ съ нимъ! Ничто въ мірѣ такъ меня не огорчаетъ, какъ это. Язва его побери! Я желалъ бы лучше быть не изъ столь знатнаго рода. Я сынъ королевы, и они не смѣютъ со мной драться!.. Всякая сволочь дерется, сколько ея душенькѣ угодно *), а я обязанъ ходить взадъ и впередъ, словно пѣтухъ горемычный, которому не съ кѣмъ спариться!..

Второй придворный *(въ сторону).* Ты потому и пѣтухъ, что распѣтушился.

Клотенъ.—Что ты скажешь на это?

*) «Every Jack» slave hath his belly full of fighting. Слово въ слово значитъ: всякій мазурикъ Яшка (по нашему Ванька) имѣетъ брюхо, полное ударовъ, синяковъ.

Второй придворный. — Не слѣдъ вашей свѣтлости связываться со всѣми, кого только вы обидѣли.

Клотенъ.—Знаю. Но развѣ я не могу оскорбить тѣхъ, кто ниже меня родомъ?

Второй придворный.—Это можно вамъ одному.

Клотенъ.—Я и самъ того мнѣнія.

Первый придворный. — Слышали ли вы объ иностранцѣ, который ночью сегодня пріѣхалъ ко двору?

Клотенъ.—Изъ-за моря! И я этого не знаю?

Второй придворный (*въ сторону*). — Онъ самъ заморское чучело, и не знаетъ этого!

Первый придворный.—Пріѣзжій—итальянецъ и, какъ многіе думаютъ, одинъ изъ друзей Леоната.

Клотенъ. — Леоната? Этотъ долженъ быть одной съ нимъ масти, кто бы онъ ни былъ! Кто вамъ говорилъ объ этомъ иностранцѣ?

Первый придворный.—Одинъ изъ пажей вашей свѣтлости.

Клотенъ. — Хорошо ли будетъ, если я отправлюсь поглядѣть на него? не унижу ли я себя?

Первый придворный.—Милордъ! Вамъ не подобаетъ унизиться.

Клотенъ. — Да! я тоже думаю, что это не такъ-то легко сдѣлать!

Второй придворный (*про себя*). — Ты такой глупецъ и такъ низокъ по уму, что ужъ тебя никакое твое дѣло не унизитъ.

Клотенъ. — Пойдемте! Мнѣ хочется взглянуть на этого итальянца... Авось, то, что я проигралъ на шарахъ днемъ, ворочу съ него къ ночи! Впередъ, идемте.

Второй придворный.—Слушаю, ваша свѣтлость. (*Клотенъ и первый придворный уходятъ*).

Второй придворный (*одинъ*).—И родила жъ подобнаго плуща
Коварная, какъ самъ нечистый, мать!
Умъ этой женщины, какъ буря, грозенъ,
А сынъ ея изъ двадцати на память
Не вычтетъ двухъ, такъ, чтобъ въ остаткѣ было
Восьмнадцать! Милая моя принцесса!
Бѣдняжка Имоджена, какъ ты много
Страдаешь! твой отецъ подъ башмакомъ
Лукавой мачихи; она, что день,
То новыя злодѣйства замышляетъ...

Вздыхатель твой тебѣ ужаснѣй ссылки
Супруга твоего, ужаснѣй акта
Развода вашего! Да сохранитъ
Господь неколебимо стѣны чести
Твоей, да укрѣпитъ онъ этотъ храмъ,
Твой чудный умъ, чтобъ дождалась ты счастья,
Чтобъ дождалась ты мужа и престола!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Спальня. Въ углу ея стоитъ сундукъ Якимо. (**Имоджена** читаетъ въ постели. При ней **Елена**, придворная дама).

Имоджена.—Кто здѣсь? Елена, это ты?

Елена.— Я, лэди.

Имоджена.—Который часъ?

Елена.— Ужъ скоро полночь, лэди.

Имоджена.—Поэтому, я три часа читала...
Глаза совсѣмъ устали... На, загни
Страницу тамъ, гдѣ я остановилась—
И отправляйся спать. Не уноси
Лампады: пусть она горитъ. Когда же
Часа въ четыре ты проснуться можешь,
Прошу тебя, буди меня... Ко сну
Вотъ такъ и клонитъ... (*Елена удаляется*).
Боги! въ ваши руки
Я отдаюсь!.. Отъ искушеній ночи
И отъ навѣтовъ демонскихъ молю
Хранить меня! (*Засыпаетъ. Якимо вылѣзаетъ изъ сундука*).

Якимо.— Сверчокъ поетъ, и труженикъ усталый
Врачуется покоемъ... *) Нашъ Тарквиній
Такъ точно мялъ упругія цыновки,
Скользя впотьмахъ, пока кровавой раной
Не разбудилъ невинности. Какъ чудно
Украсила ты ложе, Цитерея! **).
Лилея свѣжая! Какъ ты бѣлѣе

*) Этотъ знаменитый шекспировскій монологъ: «The crickets sing...» вызвалъ много комментаріевъ. Мы воспользовались ими при передачѣ оригинала на русскій языкъ, такъ сказать, вложили ихъ въ общій колоритъ текста, и потому не приводимъ ихъ здѣсь.

**) Cytera (Cytera),—островъ у береговъ Лаконіи: на этомъ островѣ, изъ пѣны морскихъ волнъ, родилась Венера, Афродита. Поэтому Венеру и женщинъ, уподобляемыхъ ей, иногда зовутъ именемъ *Цитеры и Цитереи*.

Своихъ одеждъ!.. О, если бы я могъ
Тебя коснуться, разъ поцѣловать,
Одинъ лишь разъ!.. Безцѣнные рубины,
Какъ поцѣлуй вашъ долженъ быть пріятенъ!
Ея дыханье нѣжнымъ ароматомъ
Наполнило всю комнату... Огонь
Свѣчи, и тотъ склоняется надъ нею,
Стараясь заглянуть подъ шелкъ рѣсницъ,
Стараяся увидѣть эти звѣзды,
Покрытыя навѣсомъ этихъ ставень,
Лазурь и бѣлизну въ огнѣ небесныхъ
Лучей!.. А планъ мой!.. Комнату скорѣй
Означить: запишу все по порядку!
Такія и такія-то картины;
Вотъ тутъ окно; такая-то завѣса
Надъ ложемъ; здѣсь обои и фигуры
Такія и такія-то: сюжетъ
Послѣднихъ историческій!.. Когда-бъ
На ней самой мнѣ отыскать примѣту:
Она скорѣй, чѣмъ десять тысячъ прочихъ
Замѣтокъ, подтвердила бъ мой обманъ...
О, сонъ! ты, обезьяна смерти, крѣпче
Сомкни ее: пускай ея душа
Въ безмолвную гробницу превратится!
Сюда! (*снимаетъ съ нея браслетъ*).
Тебя легко распутать такъ же,
Какъ узелъ Гордіевъ распутать трудно!..
Ты мой! и мнѣ свидѣтель грозный будешь!
Подобно тайной совѣсти, могучій,
Разсердишь ты супруга Имоджены.
На лѣвой груди у нея пятно:
Пять крапинокъ, точь-въ-точь, пять алыхъ капель
Въ коронкѣ бѣлой буквицы! улика,
Которой лучше не найти законамъ!
Довольно! Для чего писать о томъ,
Что въ память я вложилъ, запечатлѣвъ?
Она читала сказку о Тереѣ:
Загнула листъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ
Сдается Филомела... *) Но довольно!

*) *Сказка о Терей и Филомелѣ.* Терей былъ царемъ Оракіи. Отъ жены Прогніи, дочери аѳинскаго царя Пандіона III, у него былъ сынъ

Скорѣй въ сундукъ, замкнемъ его пружину...
Быстрѣй, быстрѣй, полночные драконы! *)
Пусть вóрону заря раскроетъ очи:
Я весь дрожу... Хотя небесный духъ
Передо мной, мнѣ здѣсь страшнѣе ада! *(Бьютъ на башнѣ часы).*
Разъ, два, три! Время! время!.. *(Снова прячется въ сундукъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Передняя возлѣ комнаты Имоджены. (Входятъ: Клотенъ и придворные).

Первый придворный. — Ваша свѣтлость при проигрышѣ терпѣливѣе и хладнокровнѣе всякаго, кто только хоть разъ въ жизни каталъ шары.

Клотенъ.—Проигрышъ хоть кого охолодитъ.

Первый придворный. — Но не всѣ люди терпѣливы, по примѣру благороднаго духа вашей свѣтлости. Вы горячи и отважны только при выигрышѣ.

Клотенъ. — Выигрышъ хоть кого ободритъ! Если бъ я выигралъ эту глупенькую Имоджену, я не обобрался бы золота! Какъ-будто ужъ утро? Не такъ ли?

Первый придворный.—Уже день, милордъ.

Клотенъ.—О, если бы пришла эта музыка! Мнѣ совѣтовали забавлять ее по утрамъ музыкою... Говорятъ, что это—пробирательная вещица! *(Входятъ музыканты).* Ну-съ, настраивайте ваши инструменты. Если вамъ удастся пронять ее вашими звуками—хорошо! тогда и мы пустимъ въ ходъ нашъ языкъ! Если же это не поможетъ, пусть дѣлаетъ, что хочетъ, я отъ нея не отступлюсь. Прежде всего превосходную, хорошо-слаженную вещицу! Потомъ удивительно-сладкую арію, съ аккомпаниментомъ чудно богатыхъ словъ... Затѣмъ оставимъ ее пораздумать!

(Музыканты играютъ).

Итисъ. Терей однажды соблазнился красотою Филомелы и поцѣловалъ ее. — Чтобъ она, не выдала его преступленія, онъ отрѣзалъ ей языкъ и заперъ ее въ башню. Филомела объявила знаками объ этомъ Прогніи и вмѣстѣ съ нею накормила Терея мясомъ его сына, Итиса. Вслѣдствіе этого боги превратили Терея въ коршуна; Филомела же и Прогнія превратились въ соловья и ласточку и день и ночь преслѣдовали и клевали Терея.

*) Ночь въ древности представляли въ видѣ женщины, сидящей въ колесницѣ; колесницу мчали по небу драконы—символы чуткости.

Пѣсня.

Чу! птичка ранняя поетъ,
И Фебъ въ лучахъ летитъ.
Въ коронкахъ розъ, у алыхъ водъ,
Онъ лошадей поитъ.
Анютины-глазки предъ солнцемъ спѣшатъ
Открыть свои крошки-глаза...
Луга въ благовонныхъ уборахъ блестятъ!
Вставай, моя роскошь-краса,
Скорѣе вставай! *)

Теперь идите: если это сдѣластъ эффектъ, я назову вашу музыку совершеннѣйшею въ мірѣ; если же нѣтъ, значитъ, въ ея ушахъ есть поврежденіе, котораго не излѣчить ни волосянымъ, ни кишечнымъ струнамъ, ни голосамъ искуснѣйшихъ кастратовъ **). *(Музыканты уходятъ. Входятъ: Цимбелинъ и Королева).*

Второй придворный.—Король идетъ!

Клотенъ.—Я очень кстати такъ долго засидѣлся здѣсь. Изъ этого выходитъ то, что я всталъ довольно рано... Онъ долженъ по-отечески принять мою любовную услугу. Добраго утра вашему величеству и моей достойнѣйшей матушкѣ!

Цимбелинъ.—Вы сторожите дверь суровой дочки
Моей? Она еще не выходила?

Клотенъ.—Я осаждалъ ее музыкой; да она, кажется, не хочетъ жаловать меня своимъ вниманіемъ.

Цимбелинъ.—Свѣжо изгнанье милаго ея!
Она его еще не позабыла...
Но часъ придетъ, черты воспоминаній
О немъ сотрутся, и принцесса—ваша!

Королева.—Одолжены вы много королю!
Онъ не проронитъ ничего, что бъ васъ
Могло у дочери его возвысить.
Старайтесь же и вы ей угождать,
Дружитесь съ каждой вѣрною минутой!
Отказы пусть умножатъ въ васъ заботы,
Чтобъ все, что вы ни предлагали ей,
Казалося сердечнымъ вдохновеньемъ!

---

*) «Mary buds». Слово въ слово «Машенькины глазки», то же, что русскіе цвѣты «*Анютины-глазки*».

**) Здѣсь намекъ на ту эпоху въ музыкальномъ мірѣ, когда дискантъ кастратовъ замѣняли дисканты и меццо-сопрано женщинъ.

Во всемъ ей покоряйтесь, исключая
Приказа удалиться: тутъ вы будьте
Бездушны...

Клотенъ. — Какъ?! Бездушенъ? Никогда!.. *(Входитъ Вѣстникъ).*

Вѣстникъ. — Послы изъ Рима, сэръ, явились къ вамъ,
Одинъ изъ нихъ Кай-Люцій!

Цимбелинъ.— Человѣкъ
Достойный, несмотря на то, что нынче
Съ намѣреньемъ недобрымъ онъ пришелъ!
Но виноватъ не онъ! Его мы встрѣтимъ,
По доблестямъ послawшаго его...
Мы въ памяти своей возобновимъ
То, что для насъ благого сдѣлалъ онъ!
Мой милый сынъ! Поздравь же съ добрымъ утромъ
Свою любезную и поспѣши
Къ намъ съ королевой: ты намъ будешь нуженъ
При римлянахъ! Пойдемте, королева. *(Уходятъ: Цимбелинъ, королева, придворные и вѣстникъ).*

Клотенъ.—Я съ ней поговорю, когда она
Проснулась; если жъ нѣтъ, лежи и спи!
Эй! съ позволенья вашего *(стучится въ двери)*. Я знаю,
При ней всегда есть женская прислуга.
Что, если мы ей поласкаемъ ручки?
Дукаты купятъ доступъ ко всему!
Да, съ ними можно хоть собакъ Діаны
Заставить искуситься и пригнать
Оленя прямо подъ-руки ловца!
Дукаты убиваютъ добродѣтель!
Чего не сдѣлать имъ и не раздѣлать?
Итакъ, одну изъ дамъ ея мнѣ нужно
Взять въ адвокаты; самъ же я пока
Немного понимаю въ этихъ штукахъ!..
Эй! съ позволенья вашего. *(Стучится. — Входитъ придворная дама).*

Придворная дама.— Кто здѣсь
Стучится?

Клотенъ.—Дворянинъ!

Придворная дама.—Не больше?..

Клотенъ.— Да,
И сынъ дворянки!

Придворная дама.— Это все, чѣмъ могутъ
Похвастать тѣ, которые, подобно
Вамъ, лордъ, своимъ портнымъ не мало платятъ!
Что жъ, ваша свѣтлость, нужно вамъ, скажите?
Клотенъ.—Особу вашей госпожи! Она
Готова?..
Придворная дама.—Да.—не выходитъ изъ спальни.
Клотенъ.—Вотъ золото: продайте вашу мнѣ
Любовь.
Придворная дама.—Какъ! имя доброе мое?
Что вижу въ васъ я добраго? Принцесса—*(Входитъ Имоджена).*
Клотенъ.—Прелестная сестрица, добрый день!
Позвольте вашу дорогую ручку...
Имоджена.—Сэръ, добрый день: вы трудитесь безмѣрно
И получаете однѣ тревоги!
Все, чѣмъ я васъ могу благодарить,
Есть то, что я бѣдна на благодарность,
И потому должна ее беречь...
Клотенъ.—Клянусь, я васъ люблю и безъ того!
Имоджена.—Когда бъ вы мнѣ открыли это просто,
Я при своемъ осталась бы; когда бъ
Вы съ клятвами мнѣ это разсказали,
Я васъ попрежнему вознаградила бъ
Тѣмъ, что не стала бы на васъ глядѣть.
Клотенъ.—Все это не отвѣтъ, моя царица!
Имоджена.—Когда бъ въ моемъ молчаніи согласья
Вы не прочли, я слова бъ не сказала!
Молю васъ, дайте мнѣ покой, и вѣрьте,
На ваши лучшія услуги вамъ
Одна невѣжливость отвѣтомъ будетъ!
Всякъ человѣкъ, съ такимъ умомъ, какъ вы,
Увидитъ здѣсь отказъ и удалится...
Клотенъ.—Грѣшно васъ въ сумасшествіи покинуть!
Не брошу васъ.
Имоджена.— Глупецъ—не сумасшедшій.
Клотенъ.—Что жъ, я—глупецъ?
Имоджена.— Я это говорю
По глупости своей: уймитесь только—
И я умнѣе буду! Это насъ
Обоихъ вылѣчитъ. Мнѣ очень жаль,

Что вы меня заставили забыть
Долгъ женщины въ подобныхъ выраженьяхъ.
Узнайте жъ наконецъ, что я открыто
И отъ души вамъ это говорю,
Что я ничуть не занимаюсь вами
И до того чуждаюсь снисхожденья,
Что—виновата—ненавижу васъ!
Жаль, что не вы почувствовали это,
Жаль, что пришлось мнѣ этимъ похвалиться.

Клотенъ.—Вы согрѣшили противъ послушанья,
Которымъ вы одолжены отцу!
Неравный бракъ вашъ съ этимъ жалкимъ нищимъ,
Дитятью милостыни и питомцемъ
Холодныхъ блюдъ и крохъ двора,—не бракъ!
Коль дозволяютъ низкому породой
(А кто его ничтожнѣй?) закрѣплять
Святыми узами чужое сердце
(Ихъ цѣль—плодить дѣтей для попрошайства!)—
То какъ же васъ не удержалъ отецъ
Отъ узъ подобныхъ? Вамъ не подобаетъ
Сквернить отцовъ престолъ рабомъ наемнымъ,
Слугою низкимъ, пастухомъ свиней...
Ему и это имя—честь большая.

Имоджена.—Негодный человѣкъ! Да если бъ ты
Юпитеровымъ сыномъ былъ и тѣмъ же
При этомъ всемъ остался, чѣмъ ты есть,
Ты не годился бъ въ конюхи Постуму.
И если ужъ цѣнить заслуги ваши,
Ты былъ бы свыше чести награжденъ,
Когда бы сталъ слугою палача
Въ его странѣ, и всѣмъ такимъ отличьемъ
Ты опротивѣлъ бы тогда на свѣтѣ!

Клотенъ.—Чума его убей!

Имоджена.— Нѣтъ для него
Несчастья бо́льшаго, какъ то, что ты
О немъ болтаешь: худшая одежда
Его, едва она его коснулась,
По-моему, дороже всѣхъ твоихъ
Волосъ, хотя бъ отъ каждаго изъ нихъ
Ты родился!.. Пизанio, послушай! *(Входитъ Пизанio).*

Клотенъ. Его одежда!?.. Дьяволъ побери!!

Имоджена *(къ Пизаніо).*—Иди скорѣй, сыщи мнѣ Доротею,
Мою прислужницу.
Клотенъ *(кричитъ).*— Его одежда!!..
Имоджена.—Глупецъ меня пугаетъ и тиранитъ,
Какъ бѣсъ!—Поди, скажи моей служанкѣ,
Чтобы она браслетъ мой отыскала:
Онъ какъ-то соскользнулъ съ моей руки!
Его мнѣ господинъ твой подарилъ.
За весь доходъ любого короля
Въ Европѣ не отдамъ того браслета *).
Мнѣ кажется, сегодня поутру
Я видѣла его: навѣрно жъ ночью
Висѣлъ онъ на рукѣ моей, еще
Его я цѣловала!.. Безъ сомнѣнья
Онъ не пошелъ передавать Постуму,
Что я другого здѣсь поцѣловала!
Пизаніо.—Нѣтъ, онъ пропасть не могъ!
Имоджена.— Конечно, такъ.
Иди жъ и поищи!.. *(Пизаніо уходитъ).*
Клотенъ.— Меня вы сильно
Обидѣли! Какъ? худшая одежда!!..
Имоджена.—Да, сэръ, я такъ сказала! Если жъ вы
Со мной процессъ желаете затѣять,
Сзывайте въ судъ свидѣтелей.
Клотенъ.— На это
Пожалуюсь я вашему отцу.
Имоджена.—И вашей матушкѣ: она моя
Защитница и вѣрно для меня
Не пожалѣетъ замысла дурного!
Сэръ, оставляю васъ во власть несчастной
Досады вашей! *(Уходитъ).*
Клотенъ.— О, я отомщу!
Какъ?! Худшая одежда!—Хорошо! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Римъ.—Комната въ домѣ Филаріо.—Входятъ: **Постумъ** и **Филаріо.**

Постумъ.—Не бойся, другъ, я долженъ убѣдиться,

*) Здѣсь у Шекспира снова анахронизмъ. Во времена Августа-Цезаря еще не существовало общаго названія для материка европейскихъ государствъ. Въ тогдашнемъ образованномъ мірѣ было только одно названіе для нашей части свѣта: *Римъ!* Остальное были земли варваровъ, изъ числа которыхъ не исключалась и Британія.

Что насъ король проститъ, какъ убѣжденъ,
Что честь ея непобѣдима.

Филаріо.— Чѣмъ же
Ты думаешь его уговорить?

Постумъ.—Ничѣмъ: всего отъ времени я жду!
Дрожу теперь отъ сильнаго мороза,
Въ надеждѣ, что настанутъ дни теплѣе.
И въ этой-то мерцающей надеждѣ—
Все, чѣмъ тебѣ по-силамъ заплатить
Могу я за любовь твою! Погибни
Она, и неоплатнымъ должникомъ
Сойду я въ гробъ.

Филаріо.— Ты истинной пріязнью
И дружбой мнѣ переплатилъ за все,
Что могъ тебѣ я сдѣлать. Твой король
Теперь уже объ Августѣ услышалъ:
Кай-Люцій точно выполнитъ свой долгъ;
Я убѣжденъ, что Цимбелинъ и дань
Заплатитъ намъ, и недоимки вышлетъ;
Безъ этого онъ вновь увидитъ римлянъ,
Воспоминанье о которыхъ, вѣрно,
Еще свѣжо въ преданіяхъ у васъ.

Постумъ.—Я думаю—(хотя я не бывалъ
Политикомъ съ рожденья и не буду)—
Я думаю, войны не миновать,
И вы скорѣй услышите, что Галлы
Къ Британіи безстрашной подступили.
Чѣмъ хоть частицу дани мы заплатимъ!
Мои соотчичи теперь искуснѣй
Въ войнѣ, чѣмъ въ тѣ поры, какъ Юлій-Цезарь
Трунилъ надъ ихъ неловкостью и тутъ же,
Досадою ихъ мужество почтилъ...
Ихъ дисциплина, смѣшанная нынѣ
Съ отвагою, всѣмъ судіямъ покажетъ,
Что нашъ народъ не отсталъ отъ вѣка. *(Входитъ Якимо).*

Филаріо.—Взгляни!.. Якимо!..

Постумъ.— Вѣрно, по землѣ
Стремили васъ быстрѣйшіе олени,
А по водамъ всѣ вѣтры паруса
У васъ лобзали, чтобъ корабль скорѣе

Летѣль?!

Филаріо.— Добро пожаловать, мой другъ.

Постумъ.—Надѣюсь, краткость вашего отвѣта
Такъ сократила ваше возвращенье?

Якимо.—Супруга ваша, сэръ, прелестнѣй всѣхъ,
Кого я только знаю!..

Постумъ.— А затѣмъ,
Надѣюсь, и честнѣй?!

Якимо.— Вотъ письма къ вамъ!

Постумъ.—Ну что же, содержанье ихъ пріятно?

Якимо.—Я думаю...

Филаріо.—Кай-Люцій при дворѣ
Британскомъ былъ, когда ты кончилъ путь свой?

Якимо.—Нѣтъ, не былъ, но его тамъ ожидали.

Постумъ (*прочтя письма*). — Все до сихъ поръ прекрасно.
. Камень мой
Попрежнему-ль хорошъ, иль ужъ поблекъ
И недостоинъ вашего наряда?

Якимо.—Когда бъ его лишился я, потеря
Моя равнялась бы цѣнѣ его
На золото! Я путь длиннѣе вдвое
Готовъ свершить, лишь только бъ мнѣ ушиться
Еще такой блаженной, быстрой ночью,
Какую я въ Британіи вкусилъ!..
Кольцо мое!

Постумъ.— Нѣтъ, камни тяжелы
И такъ легко не прыгаютъ!

Якимо.— Нимало,
Когда супруга ваша на подъемъ
Способна такъ!

Постумъ.— Не издѣвайтесь, сэръ,
Надъ вашею потерею: надѣюсь,
Вы понимаете, что мы друзьями
Теперь уже не можемъ оставаться!

Якимо.—Но, добрый сэръ, мы будемъ дружны съ вами.
Условія мы наши соблюдемъ.
Когда бъ я не узналъ супруги вашей
И такъ домой вернулся, наше дѣло
Пошло бы, можетъ-быть, гораздо дальше:
Теперь же я открыто говорю,
Что выигралъ и честь ея, и перстень,

И тѣмъ я не обидѣлъ ни ея,
Ни васъ, затѣмъ, что дѣйствовалъ съ согласья
Обоихъ васъ!

Постумъ.— Когда вы доказать
Мнѣ можете, что ложа Имоджены
Касались вы, вотъ вамъ моя рука:
Я проигралъ мой перстень!—Если жъ нѣтъ,
За низкое сужденіе о чести
Принцессы наши шпаги порѣшатъ,
Кому изъ нихъ лишиться господина,
Иль побѣдить, а, можетъ быть, и обѣ
Онѣ улягутся, пока ихъ первый
Прохожій не найдетъ.

Якимо.— Сэръ, то, что я
Открою вамъ, такъ близко къ чистой правдѣ,
Что нехотя повѣрите вы мнѣ.
Я силу рѣчи подтвердилъ бы клятвой,
Когда бъ не зналъ, что отъ нея меня
Вы разрѣшите, чуть мои слова
Вы не найдете средства опровергнуть!

Постумъ.—Извольте говорить.

Якимо.— Во-первыхъ, спальня —
(Клянусь, я въ ней не спалъ! но, вновь клянусь,
Тамъ было все безсонницы достойно),—
Въ обояхъ шелковыхъ и въ серебрѣ;
Исторія свиданья Клеопатры
Съ ея любезнымъ, Цидиъ *) изъ береговъ
Выходитъ, отъ безмѣрной ли гордыни,
Или отъ тяжести судовъ: творенье
Богатое и чудное такое,
Что мастерство въ немъ борется съ цѣной!
И удивлялся я, какъ дивно-точно
Оно исполнено, и какъ въ немъ все
Кипитъ правдивой жизнью!..

Постумъ.— Это вѣрно;
Но вы могли объ этомъ отъ меня
Иль отъ другихъ узнать!

---

*) «Cydnus»—нынѣ рѣка Кара-Су. Эта рѣка протекала въ древнемъ Тарсѣ и впадала въ Средиземное море. На ней указываютъ мѣсто, гдѣ утонулъ Александръ Македонскій и въ 1190 году императоръ Фридрихъ Первый.

Якимо.— Мои признанья
Подробности иныя подтвердятъ.
Постумъ.—Такъ и должны вы поступить,—не то,
Вы повредите много вашей чести!
Якимо.—Каминъ на югѣ спальни, на каминѣ
Статуя цѣломудренной Діаны—
Въ купальнѣ... Я не видывалъ фигуръ
Съ такимъ краснорѣчивымъ выраженьемъ!
Скульпторъ здѣсь былъ второй живой природой!..
Онъ превзошелъ природу: позабылъ
Одно дыханье только и движенье!
Постумъ.—И это вещь, которую вы также
Могли узнать случайно, по наслышкѣ:
О ней у насъ разсказываютъ много!
Якимо.—Амуры золотые потолокъ
Рельефомъ осѣняютъ... Про таганъ
Я позабылъ сказать: два купидона,
Изъ серебра, съ него глядятъ лукаво,
Поджавъ по ножкѣ каждый и премило
На факелы свои облокотясь!.. *)
Постумъ.—Вы это все замѣтили, и славы
Достойна ваша память... Но припомнивъ
Мнѣ все, что̀ есть въ покоѣ Имоджены,
Вы тѣмъ еще заклада далеко
Не искупили!
Якимо.— Такъ блѣднѣйте жъ, если
Блѣднѣть вы можете. (*Вынимаетъ браслетъ*). Позвольте мнѣ
Провѣтрить эту штучку: посмотрите...
Теперь ее мы спрячемъ вновь: она
Должна совокупиться съ вашимъ перстнемъ;
Я ихъ возьму обоихъ!
Постумъ.— Зевсъ! Позволь
Получше поглядѣть мнѣ: неужели
Я этотъ самый отдалъ ей браслетъ?
Якимо.—Сэръ, этотъ самый, вѣрьте мнѣ: она
Его съ руки своей сняла... Какъ нынче
Я это вижу: чудное движенье
Принцессы кажется красивѣй дара

*) Слово «brands» значитъ головешка и мечи; это слово Гёте переводитъ словомъ «факелы».

Ея и самый даръ обогащаетъ:
Она его дала мнѣ и сказала,
Что «нѣкогда» она имъ дорожила!..

Постумъ.—Она его сняла затѣмъ, быть-можетъ,
Чтобъ мнѣ его послать?

Якимо.— Она объ этомъ
Вамъ пишетъ, сэръ?! Не такъ ли, посмотрите!..

Постумъ.—О! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!! Все это справедливо.
На—вотъ, возьми его скорѣй! (*Отдаетъ ему перстень*). Теперь
Моимъ глазамъ онъ хуже василиска:
Меня убьетъ его коварный образъ!..
Нѣтъ чести тамъ, гдѣ царствуетъ краса:
Нѣтъ правды тамъ, гдѣ только вѣроятность;
Нѣтъ истинныхъ даровъ любви, гдѣ есть
Другой мужчина... Женскіе обѣты
Нимало женщинъ тѣмъ не покоряютъ,
Кому они клянутся, точно такъ же,
Какъ невѣрна ихъ добродѣтель: это
Почти ничто! Безмѣрная измѣна!

Филаріо.—Сэръ, успокойтесь и возьмите снова
Свой перстень; онъ не выигранъ еще.
Она его, быть-можетъ, потеряла...
Кто знаетъ? Можетъ быть, одна изъ слугъ
Принцессы продалася и его
Украла!..

Якимо.— Я Юпитеромъ клянусь—
Съ ея руки...

Постумъ.— Вы слышите, Якимо
Кланется мнѣ, Юпитеромъ клянется?!
Все это правда!—Нѣтъ, возьми кольцо...
Все это правда!—Я теперь увѣренъ,
Она его не потеряла. Слуги
Ея мнѣ честью поклялись: не имъ
Продаться и украсть для иностранца!
Онъ соблазнилъ ее; все это—признакъ
Ея безчестья! Дорого жъ она
Себѣ купила прозвище продажной!
Вотъ, на, возьми барышъ твой, и пускай
Съ тобой всѣ демоны исподней вмѣстѣ
Его раздѣлятъ!

Филаріо.— Успокойтесь, сэръ!
Тутъ нѣтъ еще такого подтвержденья,
Которое могло бъ поколебать
Того, кто убѣжденъ.
Постумъ.— Ни слова больше!
Онъ соблазнилъ ее!
Якимо.— Когда другихъ
Вы ищете уликъ, такъ вотъ что: ниже
Ея груди, объятія достойной,
Есть пятнышко; ему, по чистой правдѣ,
Гордиться можно этимъ сладкимъ мѣстомъ!
Клянуся жизнью, я поцѣловалъ
Его—и голоденъ я сталъ вторично,
И, сытый, вновь хотѣлъ я цѣловать!
Вы... пятнышко... припомните?!
Постумъ.— О да!
И въ этомъ я пятно другое вижу,
Такое жъ необъятное, какъ адъ,
Хотя бы адъ его лишь и вмѣщалъ!
Якимо.—Хотите-ль вы еще меня послушать?
Постумъ.—Избавь меня отъ алгебры своей!
Вовѣкъ не сосчитать ея проступковъ:
Скажи лишь «разъ»—и—«милліонъ»!..
Якимо.— Клянусь...
Постумъ.—Нѣтъ, не клянись! Едва жъ ты поклянешься,
Что этого не видѣлъ, ты солжешь!
И я тебя убилъ бы, если бъ ты
Отрекся, что роговъ мнѣ не приставилъ!
Якимо.—Я ничего не стану отрицать!
Постумъ.—О, если бъ здѣсь была ты, Имоджена,
Я разорвалъ тебя бы на куски...
Пойду туда и все покончу! (*Уходитъ*).
Филаріо.—Онъ выбился изъ-подъ цѣпей терпѣнья!
Вы выиграли. Поспѣшимъ за нимъ
И отвратимъ его отъ гнѣва; онъ
Зарѣжется...
Якимо.— Отъ всей моей души. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тамъ же. Другая комната. Входитъ **Постумъ**.

Постумъ.—Ужель родиться безъ пособья женъ
Нельзя? Тогда и всѣ мы незаконны.

Достойный мужъ, котораго отцомъ
Я почиталъ, въ отлучкѣ былъ въ ту пору,
Когда я зарождался; фабрикантъ
Фальшивый дни мои чеканилъ. Мать
Слыла Діаной, какъ теперь моя жена...
О, мщенье, мщенье, мщенье! Имоджена
Всегда была со мною холодна,
Меня въ страстяхъ обуздывать старалась
И это дѣлала съ такой румяной
Стыдливостью, что самъ старикъ Сатурнъ
При этомъ видѣ ею бы плѣнился!
И я считалъ ее бѣлѣе снѣга.
Нетронутаго солнечнымъ лучомъ!
О! дьяволы! Какой-нибудь желтякъ,
Якимо, въ часъ одинъ—не такъ ли? меньше,
Гораздо меньше, слова, можетъ быть,
Не вымолвилъ и, какъ германскій вепрь,
На желудяхъ расплывшійся, вздохнулъ
И ринулся—и встрѣтилъ только ту
Застѣнчивость, которую найти
Онъ думалъ и которую она
Ему сама, безъ битвы, уступила...
О, если бы все женское въ себѣ
Я разыскалъ!.. Нѣтъ въ человѣкѣ шага
Ко злу, который бы, какъ я увѣренъ,
Не заключалъ въ себѣ частицы бабьей!..
Солгалъ ли кто, замѣтьте, это все
Отъ женщинъ; лесть отъ нихъ же происходитъ;
Обманъ—отъ нихъ же; грубыя желанья
И страсти—все рождается отъ нихъ!
Гордыня, месть, измѣнчивость, кичливость,
Разборчивость, кокетство, клевета,
Что только называется порокомъ,
Что только знаетъ адъ—все это частью
Иль цѣликомъ отъ женщинъ происходитъ;
Скорѣе цѣликомъ, затѣмъ, что въ самомъ
Порокѣ нѣтъ у женщинъ постоянства,
И каждый грѣхъ у нихъ черезъ минуту
Уже старикъ и замѣненъ другимъ,
Который нѣсколько его моложе...
Я противъ нихъ начну писать, я стану

Ихъ презирать и проклинать; чтобъ лучше
Имъ отомстить, молить боговъ я буду,
Да исполняется ихъ воля всюду...
И самый адъ ихъ лучше не казнитъ! *) *(Уходитъ).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Британія.—Посольская комната во дворцѣ Цимбелина. Входятъ: въ одну дверь—**Цимбелинъ, Королева, Клотенъ** и придворные; въ другую—**Кай-Люцій** со свитой.

Цимбелинъ.—Итакъ, чего желаетъ Августъ-Цезарь
Отъ насъ? скажи.
Люцій.— Въ тѣ дни, какъ Юлій-Цезарь,
Воспоминанье о которомъ живо
Въ умахъ людей и дастъ надолго пищу
Ушамъ и языкамъ ихъ, покорилъ
Британію,—Кассибеланъ, твой дядя,
Прославленный, за доблести свои,
Хвалами Цезаря, самъ за себя
И за свое потомство обязался
Выплачивать дань Риму ежегодно—
Пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ,—но ты
Съ недавнихъ поръ отъ дани отказался.
Королева.—И такъ всегда отнынѣ это будетъ,
Чтобъ поумѣрить ваше изумленье.
Клотенъ.—Не мало Цезарей увидитъ свѣтъ,
Пока второй такой найдется Юлій!
Британія—отдѣльный, цѣлый міръ...
Мы за носы свои вамъ не заплатимъ!
Королева.—Тогда ограбить насъ помогъ вамъ случай,
И онъ же насъ за все вознаградитъ!
Припомни, государь, вѣнчанныхъ предковъ
Своихъ, твой островъ, сильный отъ природы!
Онъ, словно крѣпость грознаго Нептуна,
Со всѣхъ сторонъ укрытъ и заслоненъ
Горами, неприступными,—пучиной,
И мелями, грозой эскадры вражьей.—
Морская бездна засосетъ сюда—

*) Этотъ монологъ весьма схожъ по духу съ сатирою Ювенала «Женщины».

По самыя верхушки длинныхъ флаговъ!
Здѣсь тѣнь побѣды Цезарь одержалъ;
Но онъ не здѣсь похвастался:—«Пришелъ,
Увидѣлъ, побѣдилъ!..» *). И со стыдомъ,
Которымъ онъ впервые былъ растерзанъ,
Два раза отраженный, убѣжалъ
Отъ нашихъ береговъ... Его суда,
Ничтожныя и жалкія игрушки,
Какъ скорлупа яичная, болтались
На нашихъ, полныхъ ужаса, моряхъ—
И безъ труда о скалы разбивались...
Кассибеламъ, обрадованный этимъ,
Въ сіяньи славы, вдругъ возмнилъ себя
Владѣтелемъ (о, лицемѣръ, фортуна!)
Меча, съ которымъ къ намъ явился Цезарь,
Огнями радостными городъ Люду **)
Убралъ, и всѣ британцы стали полны
Воинственной отваги!

Клотенъ. Э! проваливай! Никакой дани тутъ не будутъ платить: наше королевство сильнѣе, чѣмъ оно было въ тѣ дни, и, какъ я говорю—теперь уже нѣтъ въ заводѣ былыхъ Цезарей... У иныхъ изъ васъ, пожалуй, такіе же орлиные носы; но ужъ зато ни у кого не имѣется такихъ мощныхъ рукъ!..

Цимбелинъ.—Сынъ, дай кончить твоей матери.

Клотенъ.—Не мало между нами отыщется такихъ молодчиковъ, которые способны притиснуть васъ не слабѣе Кассибелана. Я себя сюда не причисляю, однакоже, и у меня есть такъ-называемыя руки!.. Какая дань? За что намъ ее вносить? Вотъ если бы Цезарь могъ одѣяломъ заслонить солнце или положить себѣ въ карманъ луну, тогда мы за свѣтъ ему уплатимъ,—а иначе никакой уплаты не будетъ,—ясно и коротко...

Цимбелинъ.—Припомнить надо, мы когда-то сами
Свободны были; но кровавый Римъ
Насъ обложилъ постыдно-рабской данью!
Гордыня Цезаря, которой волны

*) Этими словами, въ 48 году до Р. Х., Цезарь извѣстилъ одного своего друга въ Римѣ о побѣдѣ надъ Фарнакомъ, сыномъ знаменитаго Митридата: слова: «veni, vidi, vici!» были эмблемою завоеванія могучаго Босфорскаго царства.

**) «Lund's town»—древнее названіе *Лондона*.

Такъ страшно вздулися, что перешли
Границы міра, противъ всякихъ правъ
На насъ падѣла это иго; свергнуть
Его опять отважному народу
Идетъ, а нашъ считается не трусомъ!
Поэтому мы Цезарю отвѣтимъ,
Что предокъ нашъ, Мульмуцій, былъ создатель
Законовъ нашихъ! Цезарь ихъ порядкомъ
Своимъ мечомъ отважнымъ истерзалъ,
Но мы «освободить и обновить»
Попробуемъ ихъ силою своею.
И, несмотря на то, что Римъ при этомъ
Разсердится, свершимъ благое дѣло...
Мульмуцій былъ среди британцевъ первый,
Который осѣнилъ свое чело
Вѣнцомъ—и принялъ имя короля! *)

Люцій.—Съ прискорбіемъ тебѣ я, Цимбелинъ,
Обязанъ объявить, что Августъ-Цезарь—
Отнынѣ врагъ твой,—Цезарь, предъ которымъ
Въ услугахъ больше королей покорныхъ,
Чѣмъ у тебя гвардейскихъ офицеровъ.
Внимай же мнѣ. Войну и разоренье,
Во имя Цезаря, я объявлю
Тебѣ; несокрушимой, злобной мести
Ты долженъ ожидать!—Сказавши это,
Я отъ себя тебя благодарю.

Цимбелинъ.—Я радъ тебѣ, любезный Кай! Твой Цезарь
Насъ въ рыцари возвелъ; въ его глазахъ
Я половину юности провелъ.
Онъ даровалъ мнѣ честь, и онъ же хочетъ
Ее отнять у Цимбелина: это
Насъ доведетъ до крайностей! Милордъ,
Я знаю, что Паннонцы и Далматы
Ужъ подняли оружье противъ Рима;
Не зная этого, британцы наши
Остались бы, пожалуй, хладнокровны...
Но Цезарь ихъ такими не найдетъ!

---

*) *Мульмуцій. Цимбелинъ. Лиръ. Макбетъ* и др., имена королей древней Британіи, упоминаемыя въ хроникѣ Голиншеда, принадлежатъ къ именамъ, въ существованіи которыхъ нынѣ уже не сомнѣваются знаменитѣйшіе историки.

Люцій.— Все порѣшится ладомъ!

Клотенъ.—Его величество очень радъ вамъ. Проживите-ка у насъ еще денекъ, два, а то и поболѣе! Если вы впослѣдствіи явитесь къ намъ подъ другими условіями, вы найдете насъ опоясанными соленоводнымъ поясомъ. Удастся вамъ выбить насъ изъ него, онъ вашъ; если же вы падете въ предпріятіи, тѣмъ аппетитнѣе, за ваше здоровье, закусятъ наши вороны; вотъ вамъ и все тутъ!

Люцій.— Точно такъ.

Цимбелинъ.— Я знаю волю Августа! Теперь
И онъ вполнѣ мою узнаетъ волю.
Мнѣ остается только повторить:
«Добро пожаловать!..» *(Всѣ уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же: другая комната (Входитъ **Пизаніо**).

Пизаніо.—Какъ! О невѣрности?! Зачѣмъ же ты
Не пишешь мнѣ; какой уродъ ее
Оклеветалъ? О, лордъ, о, Леонатъ!..
Какой заразой страшной поразили
Твой слухъ? Какой коварный итальянецъ,
Съ отравою въ рукахъ и на кинжалѣ,
Надъ легковѣрнымъ слухомъ подсмѣялся?
Она—измѣнница!! Нѣтъ! Наказанье
Гнететъ ее за вѣрность! Какъ богиня,
Какъ ни одна изъ женщинъ, переноситъ
Она нападки, страшныя для всякой
Невинности... О, господинъ! Твой духъ
Теперь передъ принцессой такъ же низокъ,
Какъ низокъ былъ ты состояньемъ! Какъ?!
Мнѣ умертвить ее?! Изъ-за любви,
Изъ-за покорности, изъ-за обѣтовъ,
Которые тебѣ я произнесъ!
Мнѣ и *ее!!!* Мнѣ кровь ея пролить?!..
Когда все это—добрая услуга,
Во вѣкъ тебѣ я не хочу служить!
Что жъ я такое, если онъ во мнѣ
Нашелъ подобную безчеловѣчность.
Когда онъ предписалъ мнѣ эту низость? (*Читаетъ*).
— «Исполни все. Я къ ней писалъ письмо.
«По этому письму она тебѣ
«Отдастъ приказъ, который самъ направитъ

«Тебя на случай это совершить».
Проклятая бумага! Какъ чернила
Твои, черна ты! Мертвое тряпье!
Какъ можешь ты невинно такъ глядѣть,
Когда ты—злой сообщникъ въ этомъ дѣлѣ? (*Входитъ Имоджена*).
Вотъ и она! Я притворюсь, какъ будто
Приказа я еще не прочиталъ! *).

Имоджена.—Ну что, Пизаніо?

Пизаніо.— Вотъ вамъ посланье
Отъ моего, миледи, господина.

Имоджена.—Отъ господина твоего? Какъ такъ?!
А мнѣ ужъ онъ не господинъ?.. Постумъ?..
О, много бы узналъ тотъ астрономъ **),
Который изучилъ бы такъ планеты,
Какъ изучила я завѣтный почеркъ:
Онъ будущее могъ бы открывать!
Вы, боги свѣтлые, устройте такъ,
Чтобы письмо его дышало страстью,
Чтобы оно сказало мнѣ, что онъ
Здоровъ и веселъ... только не вполнѣ:
Пускай его крушитъ разлука наша...
Печаль порой цѣлительна бываетъ,
Вотъ какъ теперь! Его любовь окрѣпнетъ!
Итакъ, пусть веселъ онъ, но не вполнѣ.
О, добрый воскъ! позволь... (*Распечатываетъ письмо*).
Блаженны пчелы,
Которыя могли слѣпить такой
Замокъ для таинства обѣтовъ брачныхъ!
Любовники и люди въ кабалѣ
Неодинаково творятъ молитвы...
Преступниковъ ведешь ты въ кандалы,
За то теперь скрѣпляешь ты дощечку
Малютки-купидона! ***) Дайте жъ, боги,

*) По объясненію Стивенса, это значитъ, что Пизаніо совсѣмъ рѣшается отказаться отъ убійства Имоджены; по объясненію нѣмецкихъ комментаторовъ, Пизаніо только колеблется и хочетъ выиграть время.

**) Шекспиръ здѣсь употребилъ слово «Astronomer» вмѣсто «Astrologer».

***) Въ Римѣ и другихъ странахъ древняго міра граждане переписывались другъ съ другомъ съ помощью записныхъ книжекъ, сдѣланныхъ изъ дерева, натертаго воскомъ, такъ что на ихъ поверхности можно

Мнѣ добрыхъ новостей. *(Читаетъ).*

— «Правосудіе и гнѣвъ твоего отца, когда бы онъ захватилъ меня въ своихъ владѣніяхъ, не въ силахъ нанести мнѣ такой жестокости, которой бы ты, о драгоцѣннѣйшее изъ твореній божьихъ, не залѣчила своимъ взоромъ. Знай, что я въ Камбріи, въ Мильфордской гавани. Слѣдуй тому, что тебѣ, въ этомъ случаѣ, посовѣтуетъ твоя собственная любовь. За этимъ, желая тебѣ всякаго счастія, остаюсь, вѣрный своимъ клятвамъ и возрастающій въ любви къ тебѣ,—

Леонатъ Постумъ».—

О! дайте мнѣ крылатаго коня!
Пизаніо, ты слышишь? Онъ теперь
Въ Мильфордской гавани... Читай, скажи мнѣ
Какъ далеко отсюда это мѣсто?
И, если для бездѣлокъ по недѣлямъ
Ползутъ въ Мильфордъ, такъ почему жъ нельзя
Мнѣ день одинъ Постуму посвятить?
Итакъ, ты, вѣрно, другъ, подобно мнѣ,
Желаешь поскорѣй его увидѣть;
Желаешь—только менѣе—не такъ,
Какъ я, желаешь непремѣнно, только
Слабѣй,—о да, не такъ, какъ Имоджена!—
Затѣмъ, что я желаю безконечно,—
Да, безконечно!—Говори жъ скорѣй...
Слова любви такъ наполняютъ сердце,
Что груди тѣсно! Говори, какъ близокъ
Отъ насъ Мильфордъ блаженный? По дорогѣ жъ
Повѣдай мнѣ, за что Валлисъ такъ счастливъ,
За что такой онъ гаванью владѣетъ?
Но прежде разскажи, какъ намъ отсюда
Укрыться, какъ намъ оправдать несходство
Во времени, между побѣгомъ нашимъ
И возвращеніемъ; нѣтъ, лучше прежде—
Какъ убѣжать намъ? Что объ оправданьи
Тутъ разсуждать до совершенья дѣла?..
Объ этомъ мы поговоримъ и послѣ!
Прошу, мой другъ, скажи, какъ много мы
Десятковъ миль проѣхать можемъ въ часъ?

было писать спичкою и потомъ стирать написанное. Впослѣдствіи эти книжки дѣлались изъ золота, слоновой кости и кипариса, украшеннаго арабесками.

Пизаніо.—Десятка миль межъ двухъ восходовъ солнца
Вамъ будетъ вдоволь, даже слишкомъ много.
Имоджена.—Не можетъ быть! Преступникъ, да и тотъ
На эшафотъ такъ тихо не пойдетъ!
Слыхала я о скачкахъ... Тамъ порою
Бываютъ лошади быстрѣй песчинокъ,
Которыя вращаются въ часахъ...
Но это пустяки!—Ступай, вели
Моей служанкѣ, чтобъ она больною
Сказалась и къ отцу бы отпросилась;
Найди скорѣй дорожное мнѣ платье,
Похуже, рубище простой крестьянки.
Пизаніо.—Одумайтесь, милэди.
Имоджена.— Я гляжу,
Пизаніо, впередъ, а не назадъ,
Не вправо и не влѣво; предо мною
Кругомъ туманъ, и я не въ состояньи
Пронзить его глазами... Не забудь же,
Прошу тебя, исполнить все, что надо.
Мнѣ больше не о чемъ болтать съ тобою:
Въ одинъ Мильфордъ теперь мой путь лежитъ!
(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Валлисъ.—Гористая страна.—Пещера. Входятъ: **Белларій, Гвидерій и Арвирагъ.**

Белларій.—Въ такой прекрасный день не усидишь
Подъ душной кровлею! Нагнитесь, дѣти... *)
Нашъ входъ васъ учитъ, какъ должны мы чтить
Боговъ: онъ къ утренней молитвѣ
Склоняетъ васъ! Чертоги горожанъ
Такъ высоки, что черезъ нихъ гиганты
Проходятъ въ шляпахъ и не отдаютъ
Поклоновъ появленью свѣта солнца!
Привѣтъ тебѣ, плѣнительное небо!
Мы, горные жильцы, съ тобой не такъ
Кичливы, какъ живущіе въ палатахъ!
Гвидерій.—Привѣтъ тебѣ!

*) По мнѣнію Л. Тика, Белларій говоритъ здѣсь: «sleep boys»—вы спите развѣ, мои дѣти? Но Стивенсъ и Мэлонъ вѣрнѣе ставятъ здѣсь слова: «stoop boys» — нагнитесь, дѣти! — потому что это прямо относится къ слѣдующей за этимъ мысли.

Арвирагъ.— Привѣтъ тебѣ, о небо!
Белларій.—Теперь за нашу горную охоту!
Скорѣе на утесы (ваши ноги
Такъ юны!). Я жъ останусь здѣсь, въ долинѣ;
И если вы меня съ вершины скалъ
Увидите съ ворону ростомъ,
Что мѣсто насъ роститъ и умаляетъ,
Припомните, что̀ говорилъ я вамъ
О принцахъ, о дворахъ и о капризахъ
Войны!—Услуга не тогда услуга,
Когда ее свершили, а тогда,
Когда ее признали: эта мысль
Изо всего, что видимъ мы, для насъ
Большую пользу извлечетъ! И часто
Жукъ въ скорлупѣ счастливѣе орла!..
О, эта жизнь достойнѣе во многомъ,
Чѣмъ лесть и происки рабовъ; богаче,
Чѣмъ праздное бездѣліе и лѣнь;
Пышнѣй, чѣмъ франтовство въ шелкахъ заемныхъ!
Пусть эта пышность кланяться велитъ
Тому, кто вѣритъ въ долгъ: поклоны эти
Не сокращаютъ счета должниковъ...
Нѣтъ, мы не такъ живемъ!
Гвидерій.— Вы говорите
По опыту: мы жъ, бѣдняки безъ крыльевъ,
Не улетали изъ виду гнѣзда
И не знавали воздуха внѣ дома!
Такая жизнь и хороша, быть-можетъ,
Когда покой счастливѣйшій удѣлъ...
Она сладка вамъ потому, что вы
Другую жизнь, горчѣе, испытали;
Она подходитъ къ вашимъ дряхлымъ лѣтамъ:
Но ужъ для насъ она—глухой вертепъ
Невѣжества, прогулка по кровати,
Какъ для страдальца-должника темница,
Въ которой онъ переступить не смѣетъ
Границъ.
Арвирагъ.— О чемъ мы будемъ говорить,
Когда состаримся, какъ вы, когда
Начнетъ шумѣть декабрьскій дождь и вѣтеръ?
Какъ станемъ мы часы морозовъ грозныхъ

Въ пещерѣ душной сокращать бесѣдой?
Мы ничего не видѣли, мы словно
Лѣсные звѣри: какъ лиса на ловлѣ,
Коварны мы; какъ волкъ передъ добычей,
Безстрашны мы, и все лишь для того,
Чтобъ затравить бѣгущее отъ насъ...
И нашу клѣть мы оглашаемъ хоромъ,
Какъ птички заточенныя, привольно
Мы воспѣваемъ наше заточенье!

Белларій.—Какія рѣчи?!.. Да знакомо ль вамъ,
По опыту, коварство городовъ?
Интриги общества, съ которымъ трудно
Разстаться, но еще труднѣй ужиться?..
Всползти къ его вершинѣ—значитъ пасть!
Вершина этой цѣли такъ скользка,
Что страхъ одинъ слетѣть съ нея тяжеле
Паденія съ нея! Труды войны—
Труды, гдѣ мы во имя славы ищемъ
Опасностей и гибнемъ на пути!
За подвиги порой насъ награждаютъ
Надгробіемъ позорной клеветы;
Всю эту повѣсть свѣтъ во мнѣ прочтетъ:
Изсѣченъ весь я римскими мечами
И нѣкогда по славѣ былъ изъ первыхъ;
Самъ Цимбелинъ любилъ меня и, чуть
За тему разговора бралъ солдата,
Отъ устъ его не удалялся я!
Тогда я былъ, какъ дубъ, который клонитъ
Къ землѣ свои тяжелые плоды...
Но, какъ-то ночью, буря ль, воровство ли,—
Какъ знаете, зовите,—мой покровъ,
Созрѣвшій до листочка, оборвали—
И въ наготѣ я брошенъ непогодѣ!

Гвидерій.—Коварное несчастье!

Белларій.— Мой проступокъ,
Какъ я сказалъ вамъ, тѣмъ лишь и проступокъ,
Что два злодѣя черной клеветой
Осилили мою святую честь
И поклялись однажды Цимбелину,
Что я былъ въ тайной перепискѣ съ Римомъ.
За это сосланъ я, и двадцать лѣтъ—

Скала и этотъ хлѣвъ мнѣ цѣлый свѣтъ!
Здѣсь я живу въ покоѣ, здѣсь, клянусь вамъ,
Въ молитвахъ чтилъ я больше небеса,
Чѣмъ въ продолженьи всей протекшей жизни—
Но эта рѣчь ловцамъ нейдетъ! За дѣло!..
Кто прежде всѣхъ убьетъ оленя, тотъ
Да будетъ властелинъ нашъ за обѣдомъ!
Другіе два должны ему служить!
Намъ нечего отравы опасаться,
Которая преступнымъ угрожаетъ,
Я васъ въ долинѣ догоню. — *(Гвидерій и Арвирагъ уходятъ).*

Белларій. *(Одинъ).*— Какъ трудно
Укрыть природный пламень! Эти дѣти
Не знаютъ, что отецъ имъ—Цимбелинъ.
И Цимбелинъ о жизни ихъ не знаетъ...
Они меня считаютъ за отца...
А между тѣмъ, взращенные въ пещерѣ,
Гдѣ надобно сгибаться день и ночь,
Они въ мечтахъ касаются вершинъ
Дворцовъ; природа учитъ ихъ въ простыхъ
И низкихъ веществахъ являть высокій
И гордый духъ, что далеко искусству
Другихъ не удается!—Полидоръ,
Наслѣдникъ Цимбелина и короны
Британіи, Гвидеріемъ былъ названъ
По волѣ короля-отца!—О, Зевсъ!..
Когда сажуся я на свой треножникъ
И говорю о подвигахъ своихъ,
Его огонь стремится въ мой разсказъ!
Едва промолвлю я: «Такъ палъ мой врагъ,
«Такъ придавилъ я грудь ему пятою!»—
Ужъ царственная кровь течетъ къ его
Щекамъ, онъ весь дымится, расплавляетъ
Младые члены и отважной позой
Слова моихъ рѣчей живописуетъ!..
Кадвалъ—меньшой (когда-то Арвирагъ)
Своимъ лицомъ вливаетъ духъ и жизнь
Въ мои разсказы, больше выражая
Движеньями, чѣмъ можетъ самъ понять!..—*(Слышны крики).*

А!.. Молодцы ужъ подняли добычу!..
О, Цимбелинъ! Господь да совѣсть знаютъ,
Какъ ты меня неправедно сослалъ!
Я двухъ дѣтей, двухъ первенцовъ твоихъ,
По третьему и по второму году,
Увезъ тогда. О, Эрифила! ты
Вскормила ихъ, они тебя зовутъ
Своею матерью и каждый день
Твоей могилѣ воздаютъ почтенье! *)
Меня, Белларія, который былъ
Морганомъ нѣкогда, они считаютъ
Своимъ отцомъ!.. Да, ловля началась!—*(Входитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мѣстность вблизи Мильфордской гавани.—(Входятъ: **Имоджена** и **Пизаніо**).

Имоджена.—Когда сошли съ коней мы, ты сказалъ
Что мѣсто наше близко, подъ рукою.
И мать моя впервые не желала
Меня увидѣть жадно такъ, какъ я
Теперь желаю; человѣкъ! Пизаніо!
Гдѣ мой Постумъ? Что въ мысляхъ у тебя,
И почему совсѣмъ ты помертвѣлъ?
Зачѣмъ такіе тягостные вздохи?..
Кто бъ такъ себя разрисовалъ, какъ ты,
Того безъ поясненій всѣ признали бъ
Портретомъ ужаса; прими же видъ
Поменьше страшный, иначе безумство
Убьетъ мое сознаніе! Въ чемъ дѣло?
Къ чему ты листъ мнѣ этотъ подаешь,
Съ такою неподатливою миной?.. **)
Когда въ немъ вѣсти лѣтнія, ты долженъ
Передо мной смѣяться; если же вѣсти
Въ немъ зимнія, такъ ты не измѣняй
Физіономіи своей! Рука
Супруга моего!—Страна отравъ,
Италія опутала Постума,
И онъ въ бѣдѣ? Откройся жъ, человѣкъ!

---

*) *Эрифила*—жена Белларія, бывшая прежде фрейлиною Цимбелина.

**) Здѣсь у Шекспира каламбуръ. Слово «tender» значитъ подавать и нѣжить, а слово «untender look» — ненѣжная, отталкивающая мина, взоръ.

Языкъ твой облегчитъ, быть-можетъ, горе,
Которое убьетъ меня при чтеньи!

Пизаніо.—Читайте, умоляю васъ, и вы
Увидите, что я—несчастный смертный,
Игралище озлобленной судьбы.

Имоджена (*Читаетъ*).—«Твоя госпожа, Пизаніо, разыграла роль потерянной женщины; гнусныя доказательства этому лежатъ передо мною. Я не говорю о пустыхъ предположеніяхъ,—я говорю объ уликахъ грозныхъ, какъ моя печаль, и вѣрныхъ, какъ близкое свершеніе моей мести. Эту часть, Пизаніо, ты долженъ сдѣлать за меня, если только твоя вѣрность не отравлена еще ея измѣной. Отними у нея жизнь собственными своими руками; случай къ этому я тебѣ доставлю въ Мильфордской гавани: туда она прибудетъ по моему письму. И если ты струсишь, не убьешь ея и не докажешь мнѣ, что ты исполнилъ все, какъ надо, ты—сообщникъ ея и, наравнѣ съ нею, преступенъ передо мной!»

Пизаніо.—Къ чему и мечъ мнѣ вынимать?.. Письмо
Ее пронзило! Это—клевета,
Которой жало всѣхъ мечей острѣй
И ядовитѣе всѣхъ нильскихъ змѣй!
Ея слова летятъ на крыльяхъ вѣтровъ,
Разносятъ ложь во всѣ концы земли!
Сановниковъ, князей и королевъ,
Дѣвицъ, и женъ, и таинства могилъ—
Все отравляетъ жало клеветы!
Что съ вами, лэди?

Имоджена.— Невѣрна ему!..
Что жъ значитъ быть ему невѣрной?
Лежать безъ сна и тосковать о немъ?
Рыдать ежеминутно, и едва
Природу сонъ осилитъ, прерывать
Его тяжелой грезой о Постумѣ
И съ крикомъ вскакивать?.. Не это ль значитъ
Невѣрной быть?

Пизаніо.— О, добрая милэди!

Имоджена.—Я невѣрна? Твоя, Якимо, совѣсть
Свидѣтель въ томъ... Ты обвинялъ его
Въ развратѣ—и казался мнѣ злодѣемъ!
Теперь, по-моему, ты милосерднѣй!..
Сорока итальянская, дитя

Румянъ, ее окрасившихъ, коварно
Такъ спутала его... и я—тряпье
Негодное, и вышла я изъ моды!
И такъ какъ я довольно дорога,
Чтобъ на стѣнѣ меня повѣсить, надо
Меня изрѣзать въ мелкіе куски!
Мужскія клятвы—смертный ядъ для женщинъ!
О, мой супругъ? Твое паденье—въ злобу
И добрыя дѣянья обратило!
Мы жнемъ не тамъ, гдѣ сѣемъ: эти клятвы
Разсыпаны приманкою для насъ!

Пизаніо.—Послушайте, добрѣйшая милэди...

Имоджена.—Честнѣйшихъ изъ людей, во дни бродяги
Энея, за обманщиковъ считали,
Рыданія Синона *) много вздоховъ
И слезъ заставили считать притворствомъ,
Отъ вѣрнаго несчастья отвратили
Людское состраданье! Такъ и ты,
Постумъ, всѣхъ честныхъ ложью заразилъ!
Добрѣйшіе и вѣрные, съ твоимъ
Паденьемъ, обратилися въ лжецовъ!
Что жъ, другъ, будь честенъ: исполняй велѣнье
Хозяина! Когда его ты встрѣтишь,
Увѣрь его въ покорствѣ Имоджены! *(Подаетъ ему мечъ).*
Смотри, сама я вынимаю мечъ:
Возьми его, пронзи имъ чистый храмъ
Моей любви, пронзи имъ это сердце!
Не бойся, въ немъ все пусто, кромѣ скорби;
Тамъ нѣтъ ужъ господина твоего,

---

*) *Энеи и Синонъ*—Aeneas—троянскій князь, сынъ Венеры и Анхиза, супругъ Креузы, дочери Пріама. Онъ отличался во время осады Трои, особенно въ ночь взятія этого города, въ 1270 г. до Р. Хр. Онъ убѣжалъ, держа на плечахъ престарѣлаго отца, съ богами-пенатами, и водворился, послѣ многочисленныхъ странствованій, составившихъ предметъ виргиліевой поэмы, въ Италіи.—Шекспиръ замѣчаетъ, что въ его времена было столько честныхъ бродягъ, рядомъ съ бродягами-плутами, что всѣхъ считали за обманщиковъ. Sinon—грекъ, извѣстный своимъ вѣроломствомъ. Въ то время, какъ его соотечественники уже бросили неприступную Трою, онъ передался троянцамъ, объявивъ имъ, что его бросили земляки его, и обманомъ ввезъ въ стѣны Трои гигантскаго коня, въ которомъ заранѣе спрятались вооруженные греки. О послѣдствіяхъ его лживыхъ жалобъ на земляковъ знаютъ всѣ, читавшіе II пѣсню Энеиды. Метафорически Синона зовутъ иногда сыномъ Сизифа.

Который былъ сокровищемъ его!
Свершай же свой приказъ, рази! Ты, вѣрно,
Въ поступкахъ честныхъ болѣе отваженъ,
Теперь же ты какъ будто трусишь...

Пизаніо (*Отталкиваетъ мечъ*).—Прочь,
Негодное оружіе! Тобой
Не наложу я на руки проклятія!

Имоджена.—О! я должна погибнуть! И когда
Твоя рука меня не умертвитъ,
Ты не слуга Постума Леоната!
Самоубійство боги запретили,
И руки слабыя дрожатъ!.. Скорѣй,
Вотъ сердце!.. Передъ нимъ какой-то щитъ?
Стой, стой, ему не нужно обороны,
Пусть, какъ ножны, оно открыто будетъ!
Что это? Письма вѣрнаго Постума,
Вы обратились нынче въ ересь... Прочь,
Прочь, развратители моей любви!
Наперсниками сердца вамъ отнынѣ
Нельзя ужъ быть! Мои святыя чувства
Коварными обманщиками стали...
Тяжка измѣна жертвѣ вѣроломства,
Но для того, кто измѣнилъ, она
Еще тяжеле! Такъ и ты, Постумъ,
Родившій въ Имоджентѣ непокорство
Передъ отцомъ, заставившій ее
Презрѣть искательства высокихъ принцевъ,
Увидишь въ этомъ послѣ не простое
Событіе, а рѣдкую любовь!..
И грустно мнѣ, когда я размышляю,
Что нѣкогда ты охладѣешь къ той,
Которая тебя теперь голубитъ,
И что тебя убьетъ воспоминанье
Объ Имоджентѣ!—Поскорѣй, прошу
Тебя! Барашекъ молитъ мясника;
Гдѣ ножъ твой? Ты ужасно медлишь съ волей
Хозяина, тогда какъ я такъ жадно
Желаю этого...

Пизаніо.— Съ тѣхъ поръ, милэди,
Какъ получилъ я это приказанье,
На мигъ одинъ я не смыкалъ очей.

Имоджена.—Исполни это и ступай въ постель.
Пизаніо.—Нѣтъ! Прежде отъ безсонницы ослѣпнутъ
Мои глаза!
Имоджена.— Къ чему жъ ты это началъ?
Къ чему скакалъ ты столько миль, съ фальшивымъ
Предлогомъ? И къ чему намъ это мѣсто,
Мое старанье и твое старанье,
Труды коней, удобный часъ, смятенье
Двора въ мое отсутствіе, двора,
Въ который я, быть-можетъ, не вернусь?
Къ чему зашелъ ты въ эту даль и, выбравъ
Себѣ засаду, не стрѣляешь въ дичь,
Которая стоитъ передъ тобою?
Пизаніо.—Я время выиграть хотѣлъ за тѣмъ лишь,
Чтобы спастись отъ этой злой раздѣлки;
Я вотъ что вздумалъ: добрая милэди,
Извольте выслушать меня съ терпѣньемъ.
Имоджена.—О! истощи языкъ свой: говори!
Я слышала, меня безчестной звали,
И этимъ такъ мнѣ уши истерзали,
Что ранъ не излѣчить... Ну, говори...
Пизаніо.—Я думаю, милэди, вы домой
Не захотите больше возвратиться...
Имоджена.—Конечно, потому что ты меня
Привелъ сюда затѣмъ, чтобъ умертвить.
Пизаніо.—Нѣтъ, не затѣмъ! Когда бъ мой умъ равнялся
Правдивости моей, моя догадка
Навѣрно увѣнчалась бы успѣхомъ...
Мой господинъ обманутъ! Негодяй
Какой-нибудь, искусный въ этомъ дѣлѣ,
Обоихъ васъ обидѣлъ такъ коварно.
Имоджена.—О, вѣроятно, римская красотка!
Пизаніо.—Нѣтъ, жизнью вамъ клянусь! Я дамъ ему
Извѣстіе, что вы погибли, тутъ же
Пошлю ему какой-нибудь кровавый
Значекъ: онъ такъ мнѣ приказалъ, я долженъ
Исполнить это! Дворъ васъ не отыщетъ,
И этимъ все, какъ должно, объяснится.
Имоджена.—Но, добрый другъ, что дѣлать мнѣ теперь?
Куда мнѣ скрыться? Какъ мнѣ жить? Какое
Найду я утѣшенье въ жизни, если

Погибну я для мужа моего?

Пизаніо.—А если ко двору вы возвратитесь?..

Имоджена.—Ни ко двору, ни къ моему отцу!
Не стану больше я бороться съ этимъ
Ничтожнымъ и негоднымъ грубіяномъ,
Клотеномъ: онъ, съ его исканьемъ страстнымъ,
Ужаснѣе осады для меня!

Пизаніо.—Когда не ко двору, вы не должны
Скрываться и въ Британіи...

Имоджена.— Такъ гдѣ же?!
Ужель въ одной Британіи сіяетъ
Свѣтъ солнца? День и ночь ужель въ одной
Британіи ты встрѣтишь? Если наша
Британія частица міра, это
Не значитъ, чтобъ у ней одной все было!
Она въ большомъ прудѣ—гнѣздо лебяжье...
Опомнись, другъ, подумай, люди есть
И не въ одномъ британскомъ государствѣ!

Пизаніо.—Я очень радъ, что о другомъ вы мѣстѣ
Припомнили. Посланникъ римскій, Люцій,
Въ Мильфордѣ завтра долженъ быть. И если
Вы примете такой же мрачный видъ,
Какъ вашъ удѣлъ, и если вамъ удастся
Запрятать то, что безъ покрова можетъ
Подвергнуться опасности, васъ ждетъ
Дорога, полная прелестныхъ видовъ!
Вы, можетъ-быть, приблизитесь къ жилищу
Постума и, хотя его дѣла
Отъ васъ сокрыты будутъ, ежечасно
Молва о немъ трубить вамъ будетъ въ уши
И передастъ вамъ всѣ его поступки!

Имоджена.—О, гдѣ же средства къ этому? Пускай
Моей стыдливости грозитъ опасность,
Лишь не грозила бъ смерть ей,—и на все
Отважусь я.

Пизаніо.— Прекрасно! Вотъ въ чемъ дѣло:
Вы позабыть должны свой полъ, привычку
Повелѣвать должны смѣнить покорствомъ;
Боязнь и деликатность слабыхъ женщинъ,
Красу, или, вѣрнѣе, ихъ прелестный
Двойникъ—должны вы замѣнить шутливой

Отвагою, охотницей трунить
И щебетать безъ умолку, проворной
И дерзостной, какъ ласточка; должны вы
Забыть сокровище прелестныхъ щечекъ,
Предать ихъ—о, какое злое сердце!
Увы! нѣтъ силы этому помочь—
Предать ихъ ненавистнымъ и открытымъ
Прикосновеньямъ поцѣлуевъ солнца *),
И позабыть нелегкое искусство
Убора локоновъ, изъ-за которыхъ
Питаетъ зависть къ вамъ сама Юнона!

Имоджена.—О, поскорѣй! Я цѣль твою предвижу
И становлюсь уже почти мужчиной!

Пизаніо.—Во-первыхъ, станьте имъ: предвидя это.
Я вамъ припасъ въ моемъ мѣшкѣ походномъ
Кафтанъ и брюки, шляпу, все, что̀ нужно!
Извольте это надѣвать, насколько
Сумѣете, старайтесь подражать
Пріемамъ юноши, который былъ бы
Не старше васъ, и къ Люцію явитесь,
Съ желаніемъ служить ему, скажите
Ему о томъ, къ чему способны вы;
Поймете вполнѣ онъ, если слухъ его
Устроенъ такъ, что любитъ музыкальность...
Онъ, безъ сомнѣнья, встрѣтитъ васъ радушно,
Затѣмъ, что онъ благочестивъ и честенъ,
А это много значитъ! Средства жъ къ жизни
Въ чужомъ краю—мое ужъ дѣло: ими
Я васъ теперь и послѣ не замедлю
Снабжать!

Имоджена.— Въ тебѣ одномъ мнѣ боги дали
Все утѣшеніе! Пойдемъ, немало
Придется намъ еще подумать. Время,
Намъ данное, мы превратимъ въ добро:
Солдатомъ я примусь за это дѣло
И съ царской храбростью покончу все!
Идемъ, прошу тебя.

Пизаніо.— Прекрасно, лэди!

---

*) Въ подлинникѣ говорится —«Common-kissing Titan» — вездѣлующій Титанъ, солнце,—какъ въ Гамлетѣ—«Good-kissing carrion»—прелестно-цѣлующая гетера.

Но съ вами я скорѣй разстаться долженъ,
Чтобы моя отлучка подозрѣній
Не возбудила въ томъ, что я—причина
Побѣга вашего, моя принцесса!
Вотъ стекляночка; ее мнѣ королева
Дала; безцѣнно то, что въ ней сокрыто!
Морская ль качка, боли ль живота
На сушѣ поразятъ васъ, вы примите
Одну лишь драхму этого, и все
Исчезнетъ.—Въ тѣнь же поскорѣе,
И одѣвайтесь вы мужчиной: боги
Да ниспошлютъ вамъ лучшее!..

Имоджена.— Аминь!
Благодарю тебя! благодарю! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Комната во дворцѣ Цимбелина (Входятъ: **Цимбелинъ, Королева, Клотенъ, Люцій** и лорды).

Цимбелинъ.—Счастливый путь! Теперь прощайте, лордъ!

Люцій.—Благодарю васъ, лордъ. Мой императоръ
Мнѣ пишетъ, чтобы я спѣшилъ отсюда.
Жаль, очень жаль, что я обязанъ васъ
Его врагомъ смертельнымъ объявить.

Цимбелинъ.—Сэръ! Мой народъ не хочетъ покоряться
Его ярму, а намъ не подобаетъ
Предъ нимъ самодержавьемъ поступаться!

Люцій.—Такъ, сэръ. Затѣмъ прошу васъ, дайте мнѣ
Конвой до гавани Мильфордской. Лэди,
И вы, желаю вамъ всѣхъ благъ небесныхъ!

Цимбелинъ.—Милорды, вы отправитесь конвоемъ.
Не забывайте должнаго почтенья
Къ послу! Теперь—прощай, достойный Люцій.

Люцій. (*Клотену*).—Лордъ, вашу руку...

Клотенъ.— Вотъ она, мой другъ!
Но съ этихъ поръ она твой непріятель.

Люцій.—Судьба рѣшитъ, кто побѣдитъ изъ насъ.
Прощайте.

Цимбелинъ.— Проводите же, милорды,
Вы доблестнаго Люція до самыхъ
Границъ Северна... Добрый путь, Кай-Люцій (*Люцій и лорды уходятъ*).

Королева.—Онъ удалился въ гнѣвѣ; мы—причина

Всему, и это дѣлаетъ намъ честь.

Клотенъ.—Дѣла недурны! (*Охорашиваясь*). Храбрые британцы
Желали сами этого!

Цимбелинъ.— Кай-Люцій
Писалъ отсюда къ Цезарю о томъ,
Что между насъ случилося; по этой
Причинѣ мы должны скорѣй готовить
Орудія и всадниковъ: войска,
Которыя по Галліи стоятъ,
Онъ соберетъ незримо и нагрянетъ
На Англію.

Королева.— Теперь дремать нельзя...
Начнемъ работать быстро и отважно!

Цимбелинъ.—Мы это все предвидѣли и нынѣ
Уже готовы... Но, моя царица,
Гдѣ наша дочь? Она не выходила
При римлянахъ и намъ не воздала
Обычныхъ поздравленій съ утромъ; въ ней
Гораздо больше зла, чѣмъ доброты:
Мы это замѣчали!—Позовите
Ее сюда; мы къ ней ужъ слишкомъ мало
Оказывали строгости... (*Дежурный уходитъ*).

Королева.— Монархъ!
Со времени изгнанія Постума
Она жила въ большомъ уединеньи;
Отъ этого, милордъ, ее излѣчитъ
Одно лишь время! Умоляю васъ,
Не будьте съ ней въ рѣчахъ своихъ жестоки:
Она такъ сильно чувствуетъ упреки,
Что строгія слова—смертельный ядъ
Для нѣжности ея (*слуга возвращается*).

Цимбелинъ.— Ну, гдѣ-жъ она?
Чѣмъ можно извинить ея упорство?

Слуга.—Ея покои заперты, милордъ!
И какъ мы передъ ними не кричали,
Изъ нихъ отвѣта не было.

Королева.— Милордъ,
Когда я къ ней въ послѣдній разъ ходила,
Она передо мною извинилась
Въ своемъ уединеніи, говорила,
Что къ этому принудила ее

Болѣзнь, и что за ней она не можетъ
Платить вамъ ежедневно должной чести!
Она тогда повѣдала мнѣ это,
Но, за придворной суетой, невольно
Мнѣ измѣнила память.

Цимбелинъ.— Какъ?! Всѣ двери
У Имоджены заперты? Ее
Съ недавнихъ поръ никто не видѣлъ?.. Небо,
Молю тебя, пусть будетъ ложью то,
Чего я такъ боюсь!.. (*Уходитъ*).

Королева.— Клотенъ! ступай
За королемъ!

Клотенъ.— Пизаніо, слуги
Ея стариннаго, я также больше
Двухъ дней уже не видѣлъ.

Королева. Ну, ступай же,
Сыщи его! (*Клотенъ уходитъ*).
Пизаніо?.. Не тотъ ли,
Который такъ стоитъ за Леоната?.
Мое лѣкарство у него! О, если бъ
Онъ проглотилъ его и потому
Отсутствовалъ! Онъ думаетъ, что это—
Безцѣнное сокровище!.. Но гдѣ
Принцесса скрылась? Не тоска-ль ее
Взяла? Иль, окрыленная любовнымъ
Огнемъ, она къ Постуму улетѣла?
Безчестіе иль смерть ее постигли,
Въ обоихъ случаяхъ конецъ недуренъ...
Наслѣдница престола умерла—
Ко мнѣ корона царства перешла (*Клотенъ возвращается*).
Ну, что теперь, мой сынъ?

Клотенъ. Она бѣжала,
Въ томъ нѣтъ сомнѣнія! Скорѣй идите,
Утѣшьте короля: онъ внѣ себя,
Никто къ нему приблизиться не смѣетъ.

Королева.—Все хорошо!.. О, если бъ эта ночь
Лишиться дня могла ему помочь! (*Уходитъ*).

Клотенъ (*одинъ*).—Ахъ!.. Я люблю ее и ненавижу!
Она такъ царственна, такъ хороша...
У ней одной чудесъ природы больше,

Чѣмъ въ каждой лэди, чѣмъ у многихъ лэди!
Чѣмъ вообще у всѣхъ на свѣтѣ лэди!
Въ ней собрано все лучшее изъ каждой
Красавицы, и потому она,
Какъ сумма всѣхъ красавицъ, выше всѣхъ ихъ!..
Поэтому-то я ее люблю!
Но, съ той поры, какъ злость ко мнѣ и страсть
Къ уроду Леонату омрачили
Весь умъ ея, испортили все то,
Что было у нея такъ дивно-нѣжно,—
Я ненавижу Имоджену, я
Готовъ ей отомстить безъ размышленій.
Когда глупцы рѣшаются... (*Входитъ Пизаніо*).
Кто здѣсь?
Какъ! Это ты, голубчикъ, строишь шашни?
Поди сюда... Такъ вотъ, кто наша сваха!
Злодѣй, гдѣ госпожа твоя? Отвѣтствуй
На первомъ словѣ: иначе въ мгновенье
Ты полетишь къ чертямъ!

Пизаніо.— О, добрый лордъ!..

Клотенъ.—Гдѣ госпожа твоя? Не то Зевесомъ
Клянусь, тебя я больше не спрошу.
Нѣмой злодѣй! Я тайну эту вырву
Изъ сердца твоего, иль вырву сердце,
Чтобъ отыскать ее! Она съ Постумомъ,
Въ которомъ драхмы доблестей не выжмешь
Изъ кучи низостей?

Пизаніо.— Увы, милордъ!
Какъ быть ей съ нимъ? Давно-ль она исчезла,
А онъ въ Италіи...

Клотенъ.— Такъ гдѣ-жъ она?
Скорѣй къ концу, безъ дальнихъ запирательствъ:
Открой мнѣ все... Что сдѣлалось съ принцессой?

Пизаніо.—Достойный лордъ!

Клотенъ.— Достойный негодяй!
Скажи мнѣ сразу, гдѣ твоя принцесса,
На первомъ словѣ, безъ «достойныхъ лордовъ»—
Скажи, не то, молчаніе твое
Тебѣ смертельнымъ будетъ приговоромъ!

Пизаніо.—Здѣсь, сэръ, въ письмѣ, исторія всего,
Что знаю я о бѣгствѣ Имоджены... (*Отдаетъ ему письмо*).

Клотенъ.—Давай сюда! Я погонюсь за ней,
Вплоть до ступеней Августова трона!
Пизаніо *(Въ сторону).*—Одно изъ двухъ: иль это, или гибель*).
Она довольно далеко; письмо же
Его запутаетъ и ей не страшно...
Клотенъ *(Читая письмо).*—Гм!!
Пизаніо.— Напишу къ нему, что умерла
Она... О, Имоджена! Будь спокойна
Въ пути и къ намъ спокойно возвратись!
Клотенъ.—А что, дружище, въ письмѣ-то подлога нѣтъ?
Пизаніо.—Конечно!
Клотенъ.—Я знаю, это почеркъ Постума. Голубчикъ! Если ты не имѣешь поползновенія быть мошенникомъ, если ты хочешь мнѣ служить вѣрою и правдою, исполнять съ достойнымъ рвеніемъ всѣ порученія, которыя только я возложу на тебя, то-есть, если ты будешь дѣлать точно и неизмѣнно всевозможныя низости, которыя я буду тебѣ заказывать, я тебя, любезнѣйшій, стану считать честнымъ малымъ; ты не будешь нуждаться въ моей помощи и въ моемъ голосѣ для твоей карьеры.
Пизаніо.—Согласенъ, мой добрый лордъ...
Клотенъ. — Ну, хочешь мнѣ служить? Подумай: если ты съ такимъ примѣрнымъ терпѣньемъ и постоянствомъ угождалъ нагой фортунѣ этого убогаго Постума, тебѣ легко изъ благодарности стать что ни на есть прилежнымъ слугою моей фортуны! Говори, хочешь быть моимъ слугою?
Пизаніо.—Хочу, сэръ.
Клотенъ. — Давай же руку. Вотъ тебѣ мой кошелекъ. Имѣется ли у тебя что-нибудь изъ платья твоего послѣдняго господина?
Пизаніо.—Есть, милордъ, у меня на дому то самое платье, въ которомъ онъ былъ во время прощанія съ миледи Имодженой.
Клотенъ.—Первая работа, какую ты сдѣлаешь мнѣ, вотъ въ чемъ должна состоять: принеси дружище, завѣтное платье сюда. Пусть это будетъ твоею первою услугой. Ступай.
Пизаніо.—Слушаю, милордъ *(Уходитъ).*
Клотенъ. — Встрѣтить тебя въ Мильфордской гавани... Ахъ! Я и позабылъ разспросить его объ одной важнѣйшей

*) Джонсонъ влагаетъ эти слова въ уста Клотена, но они не согласуются съ общимъ духомъ этой сцены.

вещицѣ — какъ бы это вспомнить?.. Именно! Тамъ я доканаю тебя, негодный Постумъ! — Если бы это платье принесли скорѣе?.. Когда-то она проговорилась мнѣ—и горечь этого до сихъ поръ отзывается въ моемъ сердцѣ—что худшая одежда Постума наполнятъ ее бо̀льшимъ восторгомъ, чѣмъ моя джентльменская особа, со всѣми приправами моихъ доблестей... Въ этой-то самой одеждѣ на моей спинѣ, я прежде всего убью его, и убью передъ ея собственными глазами; она увидитъ всю мою отважность и лопнетъ съ отчаянія... Когда онъ растянется у моихъ ногъ и я, надругавшись надъ его трупомъ, насыщу мою страсть, въ насмѣшку ей, въ томъ же платьѣ, я прогоню ее пинками домой. Она веселилась, отвергнувъ меня, а я наслажусь моимъ мщеньемъ... (*Пизаніо возвращается съ платьемъ*). Это то самое платье?

Пизаніо.—Точно такъ, мой благородный лордъ.

Клотенъ. — Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она дала тягу въ Мильфордъ?

Пизаніо.—Она теперь уже тамъ...

Клотенъ.—Отнеси же этотъ нарядъ въ мою спальню, и да будетъ тебѣ извѣстно, что это мой второй тебѣ приказъ! Третій состоитъ въ томъ, что ты долженъ быть нѣмъ въ отношеніи моихъ плановъ. Смотри же, исполни все, какъ надо, и вѣрнѣйшее повышеніе будетъ тебѣ наградою! — Месть моя теперь прогуливается въ Мильфордѣ! О, когда-бъ у меня были крылья, полетѣлъ бы я вслѣдъ за нею!.. Ступай, и будь честенъ! (*Уходитъ*).

Пизаніо (*Одинъ*).—Ты далъ мнѣ приказаніе погибнуть!
Затѣмъ, чтобъ вѣрнымъ быть тебѣ, чего
Я не осмѣлюсь сдѣлать, значитъ быть
Лжецомъ передъ честнѣйшимъ изъ людей!
Ступай въ Мильфордъ, ты тамъ ужъ не отыщешь
Той, за которой гонишься! Сойдите,
Благословенья неба, на нее!..
Пусть медленность скреститъ Клотену ноги
И да убьетъ его среди дороги! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Долина передъ пещерою Белларія. (Входитъ **Имоджена**, въ мужскомъ платьѣ).

Имоджена.—Печальна жизнь людей! Я утомилась,
Двѣ ночи мнѣ земля была постелью.

Я заболѣла бъ, если бъ не моя
Рѣшительность!.. Когда Мильфордъ съ горы
Мнѣ указалъ Пизаніо, онъ казался
Вблизи... О, Зевсъ! Неужели жилища
Бѣгутъ отъ бѣдняковъ, едва они
Въ нихъ захотятъ укрыться отъ ненастья?
Меня два нищихъ нынче увѣряли,
Что я не заблужусь: народецъ этотъ
Солгалъ, а между тѣмъ, страдаетъ самъ
И знаетъ, что̀ такое судъ и пытка!..
Нѣтъ чуда, если нынче богачи
Безъ мѣры лгутъ; солгать отъ нищеты
Не такъ ужасно, какъ солгать отъ жиру:
Ложь богачей грѣшнѣе лжи убогихъ!
Мой милый мужъ! Ты нынѣ также лжецъ...
Едва тебя я вспомнила, мой голодъ
Исчезъ невидимо, а передъ этимъ
Я отъ него едва могла стоять!—
Что̀ тутъ такое?.. Горная тропинка!
Ужъ не жилище ль это дикаря?
Нѣтъ, лучше мнѣ не кликать никого...
Мнѣ страшно отозваться... Голодъ, прежде
Чѣмъ умертвить природу, придаетъ
Ей храбрости... Довольство и покой
Разводятъ трусовъ; крѣпость же и сила—
Мать крѣпостей*)... Эй! Кто тутъ? Если тварь
Изъ общества людей—такъ говори!
Когда-жъ дикарь—«возьми, или подай!»
Эй!—Нѣтъ отвѣта?.. Ну, такъ я войду!..
Но прежде выну мечъ, и если врагъ мой,
Подобно мнѣ, его боится, онъ
Не взглянетъ на него... О небо, дай мнѣ
Такихъ враговъ! (*Входитъ въ пещеру*).

(*Изъ лѣса выходятъ Белларій, Гвидерій и Арвиракъ.*)

Белларій.—Ты, Полидоръ, былъ лучшій изъ ловцовъ,
Поэтому ты—царь трапезы нашей!
А мы съ Кадваломъ разыграемъ роль
Слуги и повара: таковъ у насъ

*) Здѣсь наивная, резонерствующая красавица острить: слово «hardness» значитъ крѣпость, сила, а слово «hardiness» — крѣпость, фортъ, цитадель.

Былъ уговоръ! Искусство и работа
Безъ цѣли портятся и загниваютъ!
Пойдемъ; желудки наши все приправятъ...
Усталость спитъ на камняхъ, лѣнь же часто
Суровыми находитъ и подушки!
Да будетъ миръ съ тобой, нашъ скромный домикъ,
Ты самъ свой сторожъ!

Гвидерій.— Я усталъ ужасно...

Арвирагъ.—Я жъ духомъ слабъ, но голодъ мой силенъ!

Гвидерій.—Въ пещерѣ есть холодная похлебка:
Закусимъ-ка слегка, пока зажаримъ
То, что убили мы.

Белларій (*Смотря въ пещеру*).—Стой, не входи!..
Когда бы нашей пищи онъ не ѣлъ,
Я принялъ бы его за фею!..

Гвидерій.— Что тамъ?

Белларій.—Клянусь Зевесомъ, это духъ! А если
Не онъ, такъ ужъ какъ разъ земное диво!
Какъ будто божество, а между тѣмъ,
Не старше мальчика... (*Входитъ Имоджена*).

Имоджена.— О, будьте такъ
Добры, не обижайте сиротинку!
Я кликалъ прежде, чѣмъ сюда вошелъ;
Хотѣлъ спросить или купить того,
Что взялъ я здѣсь... Свидѣтель Богъ! Я крошки
У васъ не утащилъ бы, если бъ даже
Вы золотомъ усыпали пещеру!
Вотъ деньги за обѣдъ: я на столѣ,
Покушавши, оставить ихъ хотѣлъ,
Чтобъ на пути молиться за хозяевъ.

Гвидерій.—Какъ! деньги, милый мальчикъ?

Арвирагъ.— Серебро
И золото скорѣе грязью станутъ...
Ихъ почитаютъ только тѣ, которымъ
Навозъ цѣннѣй всего...

Имоджена.— Я вижу, вы
Разгнѣвались. Но знайте, если бъ смерти
Вы за вину не предали меня,
И безъ вины скончался бъ я сегодня!

Белларій.—Куда же ты идешь теперь?

Имоджена.— Въ Мильфордъ.

Белларій.—А какъ тебя зовутъ?
Имоджена.— Фидельо, сэръ!
Одинъ мой родственникъ поѣхалъ въ Римъ
И долженъ отправляться изъ Мильфорда;
Я шелъ теперь къ нему, но сильный голодъ
Меня подсѣкъ, и я свершилъ проступокъ.
Белларій.—Прошу тебя, мой несравненный мальчикъ,
Не принимай насъ за звѣрей, не мѣряй
По нашему жилищу нашихъ чувствъ!
Будь добрымъ гостемъ!.. Ночь не за горами...
Ты на дорогу долженъ хорошенько
Покушать... Погоди жъ и закуси:
Ты этимъ насъ обяжешь много!—Дѣти,
Просите гостя.
Гвидерій.— Еслибъ ты, малютка,
Былъ женщиной, я страшно бъ за тобой
Ухаживалъ, тебѣ служить желалъ бы
И честно бы купилъ твою любовь!
Арвирагъ.—Я жъ утѣшаюсь тѣмъ, что онъ мужчина:
Люблю его, какъ брата, и встрѣчаю,
Какъ друга, послѣ тягостной разлуки.
Добро пожаловать! Будь веселъ! Ты
Среди друзей своихъ...
Имоджена *(Въ сторону).*—Среди друзей!..
О, если бъ между братьевъ? Если бъ въ нихъ
Отецъ мой сыновей своихъ увидѣлъ?
Тогда бъ упала я въ цѣнѣ, и вѣсъ мой
Сравнялся бы съ тобою, Леонатъ!
Белларій.—Онъ грустенъ.
Гвидерій.— Если-бъ мнѣ его утѣшить!
Арвирагъ.—И я готовъ, что ни случилось бы,
Какихъ бы это страховъ и заботъ
Ни стоило!
Белларій.— Послушайте-ка, дѣти (*Шепчутся втроемъ*).
Имоджена.—Властители земли, дворцы которыхъ
Не болѣе пещеры этой, слуги
Которыхъ вѣчно сами же они,
И къ добродѣтелямъ которыхъ совѣсть
Сама вездѣ печати приложила,
Такъ что они въ дарахъ толпы кичливой
Нужды не знаютъ, врядъ ли этихъ двухъ

Способны превзойти?.. Простите, боги!
Съ тѣхъ поръ, какъ Леонатъ мой сталъ невѣренъ,
Я измѣняю полъ свой для того,
Чтобъ быть въ ихъ обществѣ.

Белларій *(Всѣмъ).*— Такъ точно, дѣти.
Пойдемте, приготовимъ нашу дичь.
Иди и ты, прекрасный мальчикъ; трудно
Голодному разсказывать; когда жъ
Мы кончимъ ужинъ свой, тебя мы скромно
Попросимъ намъ твою повѣдать повѣсть,—
Насколько ты захочешь говорить.

Гвидерій.—Войди, прошу тебя.

Арвирагъ.— Ты намъ любезнѣй,
Чѣмъ ночь совѣ, а жаворонку утро.

Имоджена.—Благодарю васъ всѣхъ.

Арвирагъ.— Итакъ, войди же! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Римъ.—Форумъ (Входятъ: **два сенатора и трибуны**).

Первый сенаторъ.—Вотъ все, что объявилъ намъ императоръ:
Солдаты наши въ дѣйствіи теперь,
Въ странѣ Паннонцевъ и Далматовъ; войско,
Что въ Галліи стоитъ, не столько сильно,
Чтобъ съ нимъ идти войною на возставшихъ
Британцевъ: мы должны для этой цѣли
Патриціевъ поднять!.. Онъ повелѣлъ
Проконсуломъ быть Люцію; а вамъ,
Трибуны, поручилъ скорѣй окончить
Наборъ.—Да здравствуетъ великій Цезарь!

Трибунъ.—И Люцій будетъ командиромъ войска?

Второй сенаторъ.—Такъ точно.

Трибунъ.— Люцій въ Галліи теперь?..

Первый сенаторъ.—Съ тѣмъ самымъ войскомъ, о которомъ я
Сказалъ, что вашъ наборъ его пополнитъ!
Слова приказа все распредѣляютъ:
Число набора и послѣдній срокъ
Похода...

Трибуны.— Мы исполнимъ все, какъ должно! *(Удаляются).*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лѣсъ близъ пещеры. (Входитъ **Клотенъ**).

Клотенъ.—Я приблизился къ мѣсту, гдѣ они должны встрѣтиться, если Пизаніо вѣрно начертилъ мнѣ его планъ. Какъ ко мнѣ пристало его платье! Отчего же не прійтись мнѣ по мѣркѣ и его возлюбленной, которая сотворена тѣмъ же, кто сотворилъ портныхъ? По молвѣ, всякая женщина приходится по мѣркѣ тому, кто подладится подъ мѣру ея вкуса! Разыграемъ же наше дѣльце. Я долженъ признаться — потому-что это вовсе не тщеславіе, если человѣкъ и его зеркало войдутъ въ тѣсныя сношенія, я хотѣлъ сказать, въ своей собственной комнатѣ,—признаться, что формы тѣла у меня такъ же изящны, какъ и у него: я не старше его и въ то же время сильнѣе, я не уступлю ему въ богатствѣ и, рядомъ съ этимъ, много счастливѣе его въ выгодахъ положенія общественнаго; я выше его по происхожденію, искуснѣе въ свѣтскомъ обращеніи и въ единоборствѣ: и эта легкомысленная голова любитъ его въ мой ущербъ! Таковы-то всѣ вы, о смертные человѣки! Постумъ, твоя голова теперь торчитъ на плечахъ, а черезъ часъ она слетитъ оттуда; твоя одежда разлетится въ клочки передъ ея лицомъ; по свершеніи же всего этого, ее погонятъ домой, къ ея отцу, который, пожалуй, немного и посердится на меня за этотъ строгій поступокъ, но моя матушка справляется съ его заносчивостью и все поправитъ въ мою пользу. Конь мой привязанъ надежно. Мечъ, вылѣзай—на кровавое дѣло! Фортуна, дай мнѣ ихъ въ мои руки! По описанію, это, вѣроятно, мѣсто ихъ встрѣчи; простякъ не могъ меня обмануть... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Передъ пещерою. (Выходятъ изъ пещеры: **Белларій, Гвидерій, Арвирагъ** и **Имоджена**).

Белларій (*Имодженѣ*).—Вы нездоровы: подождите здѣсь,
Въ пещерѣ; мы зайдемъ къ вамъ послѣ ловли.

Арвирагъ (*Имодженѣ*).—Братъ, подожди... Вѣдь мы съ тобою братья?

Имоджена.—Всѣ люди—братьями должны считаться,
Но персть земная передъ перстью часто
Гордится, позабывъ, что обѣ—персть. Я боленъ.

Гвидерій (*отцу и брату*).- Охотьтесь вы, а я останусь съ нимъ.
Имоджена.—Я нездоровъ, но не въ такой ужъ силѣ,—
Не такъ, какъ гражданинъ женоподобный,
Который не успѣетъ заболѣть,
Какъ ужъ дрожитъ и труситъ умереть...
Поэтому прошу меня оставить
И приниматься за дневной вашъ трудъ:
Разстроить дорогой обычай, значитъ
Разстроить все! Я боленъ; но, оставшись
Со мной, вы тѣмъ не въ силахъ мнѣ помочь!
Общественность—не утѣшенье тѣмъ,
Кто чуждъ общественности; неопасна
Болѣзнь моя съ тѣхъ поръ, какъ я о ней
Могу судить. Итакъ, прошу васъ, ввѣрьте
Меня пещерѣ вашей; я могу
Украсть лишь одного себя; но если
Скончаюсь я, такъ это воровство
Не велико!
Гвидерій.— Тебя я обожаю—
И это я не разъ ужъ говорилъ—
Сильнѣй и жарче, чѣмъ любилъ бы я
Отца родного!
Белларій.— Что такое? какъ?!
Арвирагъ.—Когда грѣшно такъ выражаться, я
Себя къ поступку брата пріобщаю!
Не знаю, почему я такъ люблю
Фиделіо!.. Вы сами говорили,
Что въ разсужденьяхъ страсти нѣтъ разсудка...
Когда бъ стоялъ у двери страшный гробъ,
И у меня спросили бы, кто долженъ
Скончаться,—я отвѣтилъ бы: отецъ,
А не прекрасный юноша!
Белларій (*въ сторону*).— О, диво
Природы! голосъ царственнаго духа!
О, дѣтище достойнаго величья!
Трусливость—мать трусливости, а низость
Рождаетъ низость, у природы есть
Мякина и мука, краса и гадость...
Я не отецъ имъ! Кто же этотъ мальчикъ?
Онъ удивляетъ ихъ, они его
Сильнѣй меня отнынѣ любятъ. (*Громко*). Дѣти,

Уже девятый часъ.

Арвирагъ.— Прощайте, братъ.

Имоджена.—Желаю вамъ успѣха на охотѣ.

Арвирагъ.—А я желаю вамъ здоровья.—Сэръ,
Идемте! въ путь!..

Имоджена *(Въ сторону).*—Добрѣйшія созданья!
О, боги! Сколько лжи мнѣ насказали!
Льстецы меня увѣрили, что все,
Чего нѣтъ въ городахъ, ужасно дико...
Но, опытъ, ты ихъ рѣчи опровергъ!
Побѣдныя моря рождаютъ гадовъ,
А рѣчки производятъ вкусныхъ рыбъ!..
Я очень боленъ; сердце нездорово...
Пизаніо, теперь я испытаю
Твое лѣкарство!

Гвидерій.— Онъ мнѣ ничего
Не захотѣлъ раскрыть; онъ говорилъ:
«Я благороденъ, но постигнутъ горемъ,
«Я удрученъ безчестіемъ, но честенъ!»

Арвирагъ.—Онъ то же мнѣ повѣдалъ, но прибавилъ,
Что я впослѣдствіи узнаю больше.

Белларій.—Въ поля, въ поля: мы васъ пока оставимъ;
Идите же въ пещеру, ждите насъ.

Арвирагъ.—Мы не надолго васъ покинемъ.

Белларій. Будьте жъ
Здоровы, умоляю васъ; вы нашей
Хозяюшкой останетесь.

Имоджена.— Здоровъ ли,
Иль нездоровъ я буду: я вашъ другъ!

Белларій.—И такъ всегда да будетъ! *(Имоджена уходитъ).*
Этотъ мальчикъ
Мнѣ кажется отродіемъ боговъ,
Хоть и томится тяжкой онъ бѣдою.

Арвирагъ.—Какъ горній духъ, онъ нѣжно распѣваетъ.

Гвидерій.—А какъ его стряпня щеголевата!
Коренья онъ фигурками изрѣзалъ
И заварилъ такой бульонъ, что, право,
Когда бъ сама Юнона заболѣла,
Богиню онъ какъ разъ бы излѣчилъ!

Арвирагъ.—Какъ часто онъ съ улыбкой вздохъ мѣшаетъ!
Ну, точно, словно вздохъ о томъ груститъ,

Что онъ не можетъ быть ея улыбкой!..
Улыбка же надъ вздохомъ все трунитъ,
Что изъ такой святыни онъ летитъ,
И хочетъ породниться съ буйнымъ вѣтромъ,
Котораго не любятъ такъ матросы.

Гвидерій.—Мнѣ кажется, что горе и терпѣнье
Въ немъ возросли и заплелись корнями.

Арвирагъ.—Рости жъ, терпѣніе! а ты, загнившій
Старикъ, несчастіе, убей свой плодъ—
И юный виноградъ да зацвѣтетъ!

Белларій.—Давно ужъ день. Идемъ, впередъ. Кто здѣсь?
(Входитъ Клотенъ).

Клотенъ.—Не въ силахъ я настигнуть бѣглецовъ.
Мошенникъ надо мною подсмѣялся!
Я утомленъ ужасно.

Белларій. *(Въ сторону).*—Бѣглецовъ?
Не мы ли? Я его отчасти знаю...
Когда бы намъ въ ловушку не попасть!
Я много лѣтъ его уже не видѣлъ,
Но, кажется, теперь его узналъ... *(Громко).*
Законы насъ не пощадятъ; бѣжимъ!

Гвидерій.—Но онъ одинъ!.. Ступайте лучше съ братомъ
И посмотрите, нѣтъ ли здѣсь конвоя?
Впередъ, прошу васъ! Я же съ нимъ останусь. *(Белларій и Арвирагъ уходятъ).*

Клотенъ.—Стой!.. Кто вы, что бѣжите отъ меня?
Должно быть, негодяи горцы?.. Я
Наслышался о васъ... Эй, кто ты, трусъ?

Гвидерій.—Я въ жизнь свою не дѣлалъ вещи низкой;
На имя трусъ—всегда я отвѣчалъ
Ударомъ.

Клотенъ.— Ты разбойникъ, ты преступникъ,
Ты негодяй!—Сдавайся, гнусный воръ!

Гвидерій.—Кому? тебѣ? Да кто же ты такой?
Или твой мечъ длиннѣе моего?
Иль сердце у тебя побольше?.. Рѣчи
Твои, я сознаюся, велики;
А я кинжала не ношу во рту...
Скажи жъ, кто ты такой? Кому мнѣ сдаться?

Клотенъ.—Ахъ, низкій ты злодѣй! И по одеждѣ
Меня ты не узналъ?

Гвидерій.— Такъ точно, другъ,
И твоего портного я не знаю;
Портной тебѣ былъ дѣдомъ: онъ родилъ
Твою одежду, а она, какъ видно,
Тебя произвела.
Клотенъ.— Слуга невѣрный!
Не мой портной одежду эту сшилъ.
Гвидерій.—Такъ прочь поди, и поклонись тому,
Кто подарилъ тебѣ одежду эту.
Ты глупъ! Тебя не въ силахъ я прибить.
Клотенъ.—Негодный воръ! Узнай, кто я такой,
И трепещи!
Гвидерій.— Что жъ у тебя за имя?..
Клотенъ.—Я... я... Клотенъ, мерзавецъ!
Гвидерій.— Будь вдвойнѣ
Клотенъ мерзавецъ—этого не струшу...
Паукъ, змѣя, скорѣе-бъ испугался!
Клотенъ.—Такъ, знай же—тѣмъ тебя я доканаю—
Я—королевы сынъ!
Гвидерій.— Какъ жаль, бѣдняга,
Что вышелъ ты не въ мать и не въ отца!
Клотенъ.—Что же не трепещешь ты?
Гвидерій.— Я только умныхъ
Боюсь, а дуракамъ смѣюсь въ лицо.
Клотенъ.—Умри жъ! Когда же собственной рукою
Убью тебя, я погонюсь за тѣми,
Что убѣжали, и на воротахъ
Могучей Люды головы злодѣевъ
Воткну... Сдавайся, непокорный горецъ! (*Уходятъ, сражаясь*).

(*Входятъ Белларій и Арвирагъ*).

Белларій.—Въ окрестности я никого не видѣлъ.
Арвирагъ.—Нѣтъ ни души! Вы, вѣрно, въ немъ ошиблись!
Белларій.—Не знаю, какъ сказать. Ужъ много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его не видѣлъ;
Но отъ годовъ черты его лица
Ничуть не стали лучше: тотъ же голосъ
Порывистый и та жъ охриплость рѣчи...
Я убѣжденъ, что это былъ Клотенъ!
Арвирагъ.—Мы ихъ оставили на этомъ мѣстѣ...
Когда бы братъ Клотена не обидѣлъ!

Вы говорили, что Клотенъ горячъ...

Белларій.—Онъ мало такъ развитъ для человѣка.—
Я думаю, что врядъ ли въ толкъ возьметъ,
Что значитъ ярый ужасъ; только сила
Ума даетъ уразумѣть опасность...
Но посмотри, твой братъ! (*Входитъ Гвидерій съ головою Клотена*).

Гвидерій.— Хвастунъ былъ глупъ:
Порожній кошелекъ, безъ крошки денегъ;
Самъ Геркулесъ не могъ бы изъ него
Частицы мозгу выжать; онъ былъ пустъ!
Когда бы я не поступилъ, какъ надо,
Глупецъ мою бы голову понесъ,
Какъ я несу его...

Белларій.— Ахъ! Что ты сдѣлалъ?!

Гвидерій.—Онъ звалъ меня измѣнникомъ, злодѣемъ,
Клялся, что собственной рукой убьетъ
Всѣхъ насъ и наши головы снесетъ
Долой съ тѣхъ плечъ, гдѣ, милостью боговъ,
Онѣ красуются, и на воротахъ
Могучей Люды ихъ воткнетъ.

Белларій.— Мы всѣ
Погибли!

Гвидерій.— Что же намъ, отецъ достойный,
Еще терять возможно, кромѣ жизни,
Которую отнять онъ поклялся?
Законы насъ съ тобой не защитятъ;
Зачѣмъ же намъ безславно покоряться,
Чтобъ насъ судилъ и былъ намъ палачомъ
Кусокъ говядины, изъ-за угрозъ закона?
Нашли ли вы кого-нибудь въ лѣсу?

Белларій.—Мы ни души вокругъ не отыскали;
Но я навѣрно знаю, онъ не могъ
Явиться безъ конвоя! Ежечасно
Онъ измѣнялъ свой нравъ, переходя
Отъ злого къ худшему; но ни безумство,
Ни бѣшенство его такъ далеко—
И одного притомъ—не завлекли бы!..
Поэтому, быть-можетъ, при дворѣ
Узнали, что живутъ въ лѣсу, въ пещерѣ,
Похожіе на насъ ловцы; что эти

Ловцы современемъ составить могутъ
Мятежную толпу; услышавъ это,
Онъ, по привычкѣ, вышелъ изъ себя,
Далъ клятву, что прогонитъ насъ изъ лѣса,
И, вѣроятно, бросился одинъ,—
По храбрости ль своей, иль потому,
Что такъ ему дозволили: и должно
Бояться, какъ бы у такого тѣла
Хвостъ не былъ бы опаснѣй головы!..

Арвирагъ.—Пускай идетъ бѣда, по волѣ неба,
Мой братъ былъ правъ, его я не виню.

Белларій.—Сегодня я охотиться не думалъ:
Фиделіо, бѣдняжка, захворалъ,—
Болѣзнь его меня тревожитъ сильно!

Гвидерій.—Его жъ мечомъ, которымъ онъ махалъ
Надъ головой моей, я ловко снялъ
Съ безумца голову; пойду, заброшу
Ее въ заливъ, что за утесомъ нашимъ;
Пускай она плыветъ себѣ морями
И каждой рыбѣ говоритъ, что это—
Остатокъ храбреца! Мнѣ все равно... *(Уходитъ).*

Белларій.—Боюсь, чтобы не отомстили намъ!
Желалъ бы я, чтобъ милый Полидоръ
Не сдѣлалъ этого! хотя отвага
Къ его лицу пристала такъ...

Арвирагъ.— О, если бъ
Я это сдѣлалъ и подвергся мести
Одинъ! Я Полидору братски преданъ,
А между тѣмъ завидую ужасно,
Что онъ меня ограбилъ въ этомъ дѣлѣ...
Желалъ бы я, чтобъ месть, какую только
Возможно силѣ встрѣтить, къ намъ явилась
И на отвѣтъ меня съ нимъ позвала!

Белларій.—Ну, дѣло сдѣлано: мы нынче больше
Охотиться не будемъ и безъ цѣли
Опасностей не станемъ накликать.
Прошу тебя, ступай скорѣй въ пещеру
И помоги Фиделіо въ стряпнѣ.
Я жъ подожду прихода Полидора
И позову его обѣдать съ нами.

Арвирагъ.—Фиделіо, бѣдняжка, мой больной!

Отъ всей души къ тебѣ я поспѣшу:
Чтобъ возвратить тебѣ румянецъ прежній,
Я сотнѣ храбрецовъ такихъ готовъ
Пособить крови и еще начну
Хвалиться кротостью моей!.. (*Уходитъ*).

Белларій.— Богиня,
Безсмертная природа! Какъ твой образъ
Отпечатлѣнъ на царственныхъ птенцахъ!
Ихъ нравъ нѣжнѣе вѣтерка, который
Лепечетъ вкругъ фіалки, не сгибая
Ея головки сладостно-душистой;
И, между тѣмъ, чуть царственная кровь
Зажжется, этотъ нравъ и дикъ, и буренъ,
Какъ вѣтеръ, отъ котораго сосна
Нагорная свою вершину клонитъ
И падаетъ въ долину... Чудеса!
Незримое чутье безъ всякой книги
Ихъ царственнымъ пріемамъ научаетъ:
Безъ руководства въ нихъ вселяетъ честь,
Безъ посторонняго примѣра—знанье
Приличій свѣтскихъ; наконецъ, отвага
Растетъ въ нихъ пышно и даетъ плоды,
Какъ будто кто отвагу эту сѣялъ!
Но больше странно то, зачѣмъ Клотенъ
Сюда пришелъ; и что пророчитъ намъ
Его конецъ печальный? (*Возвращается Гвидерій*).

Гвидерій.— Гдѣ мой братъ?
Башку врага пустилъ я по теченью,
А трупъ его залогомъ къ возвращенью
У насъ останется! (*Слышны торжественные звуки печальной гармоніи*).

Белларій. Мой инструментъ
Завѣтный! Полидоръ, ты слышишь, онъ
Играетъ! Для чего Кадвалъ привелъ
Его въ движеніе? Послушай!

Гвидерій.— Развѣ
Онъ дома?

Белларій.— Онъ сейчасъ туда вошелъ.

Гвидерій.—Что жъ онъ задумалъ? Съ той поры, кака наша
Бѣдняжка-матушка скончалась, я
Не слышалъ музыки его! Событьямъ

Торжественнымъ торжественные знаки
Предшествуютъ. Что жъ это предвѣщаетъ?
Восторгъ изъ пустяковъ и грусть изъ шутки—
Забава обезьянъ и плачъ мальчишекъ!
Ужъ не съ ума ль сошелъ Кадвалъ? (*Возвращается Арвирагъ, неся на рукахъ Имоджену въ летаргическомъ снѣ).*

Белларій.— Взгляни,
Вотъ онъ идетъ и на рукахъ несетъ
Причину нашихъ строгихъ порицаній.

Арвирагъ.—Скончалась птичка, о которой такъ
Мы убивались! Лучше бъ я мгновенно
Съ шестнадцати на шестьдесятъ годовъ
Перескочилъ и быстрые шаги
Смѣнилъ клюкой, чѣмъ это все мнѣ видѣть!

Гвидерій.—О, сладкая, прелестная лилея!
Ты на стеблѣ была милѣе вдвое,
Чѣмъ на рукахъ у брата моего.

Белларій.— О, горе, о, печаль! Кто можетъ бездну
Твою измѣрить? Кто отыщетъ берегъ,
Который бы для тягостныхъ заботъ
Представить могъ надежнѣйшую пристань?
Блаженное дитя! Юпитеръ знаетъ,
Какой бы изъ тебя развился мужъ
Впослѣдствіи! Тебя во гробъ вогнали
Мученія довременной печали...
Безцѣнный мальчикъ! Какъ его нашли вы?

Арвирагъ.—Безъ жизни, какъ теперь: съ улыбкой, словно,
Его во снѣ пощекотала мушка,
А не стрѣла смертельная; отъ этой
Причины и смѣялся онъ, склонившись
На изголовье правою щекой...

Гвидерій.—Гдѣ?

Арвирагъ.— На полу, — и такъ сложивши руки!..
Мнѣ показалось, что малютка спитъ!
И снялъ я съ ногъ подкованную обувь,
Которой тяжесть черезчуръ ужъ громко
Моимъ шагамъ пугливымъ отвѣчала!..

Гвидерій.—Да, онъ заснулъ! а ежели скончался,
Такъ онъ могилу обратитъ въ постель:
И феи чудныя къ нему на гробъ

Слетаться станутъ, и его не тронетъ
Могильный червь!..

Арвирагъ.— Душистыми цвѣтами,
Всю жизнь свою, пока сіяетъ лѣто,
Я стану гробъ Фиделью убирать:
Не будетъ онъ нуждаться ни въ веснянкахъ,
Цвѣточкахъ блѣдныхъ, какъ его лицо;
Ни въ гіацинтахъ, голубыхъ, какъ жилки
Его руки; ни въ листьяхъ алыхъ розъ,
Которыхъ ароматъ (не въ порицанье
Будь это сказано) гораздо хуже
Его дыханья; это все наноситъ
Ему щегленокъ милосерднымъ клювомъ,
И слабый клювъ щегленка пристыдитъ
Наслѣдниковъ, которые въ довольствѣ,
Безъ монументовъ оставляютъ гробы
Своихъ отцовъ!.. Когда жъ цвѣты пройдутъ,
Его могилкѣ зимнюю одежду
Пушистый мохъ замѣнитъ у меня!

Гвидерій.—Прошу тебя, довольно, не играй
Женоподобными словами въ дѣлѣ
Высокой важности! Пойдемъ, схоронимъ
Его: къ чему откладывать нашъ долгъ
Изъ-за ненужныхъ возгласовъ... Къ могилѣ!

Арвирагъ.—Но гдѣ, скажи, его намъ положить?

Гвидерій.—Близъ нашей матушки, близъ Эрифилы.

Арвирагъ.—Охотно, Полидоръ; притомъ, хотя
Съ лѣтами огрубѣлъ нашъ нѣжный голосъ,
Мы пропоемъ ему надъ гробомъ пѣсню,
Какъ нѣкогда надъ матушкой мы пѣли;
Пусть будетъ та же пѣснь и тѣ жъ слова,—
Лишь имя Эрифилы намъ замѣнитъ
Фиделіо!

Гвидерій.— Кадвалъ, я не могу
Съ тобою пѣть; я буду плакать
И повторять одни твои слова:
Рыданіемъ разстроенная пѣсня
Тяжка, какъ лицемѣрная молитва!

Арвирагъ.—Изволь, мы нашу пѣснь проговоримъ.

Белларій.—Я вижу, грусть тяжелую врачуетъ
Печаль, которая еще тяжеле!..

Нашъ храбрый врагъ забытъ!.. А между тѣмъ,
Онъ, кажется, былъ знатенъ и богатъ!
Да, дѣти, онъ явился къ намъ, враждуя;
Но вспомните, онъ пострадалъ за это!..
Хотя безсиліе и сила, вмѣстѣ
Истлѣвъ, становятся все тѣмъ же прахомъ,
Благоговѣніе, сей ангелъ мира,
Различіе творитъ въ мѣстахъ величья
И низости... Бѣднякъ пришлецъ, какъ видно,
Былъ знатенъ; онъ явился къ намъ врагомъ.
И вы его за то лишили жизни;
Теперь же вы его должны по сану
Похоронить.

Гвидерій.— Прошу васъ, принесите
Его сюда. Безмолвный трупъ Терсита
Аяксу не уступитъ, если оба
Они скончались *).

Арвирагъ.— Вы за нимъ идите,
А мы проговоримъ покуда пѣсню
Свою: начни же, братъ! (*Белларій уходитъ*).

Гвидерій.— Нѣтъ погоди,
Кадвалъ; его чело сперва къ востоку
Положимъ; батюшка на то причины
Имѣетъ! **)

Арвирагъ.— Въ самомъ дѣлѣ.

Гвидерій.— Подойди же
И помоги мнѣ приподнять.

Арвирагъ.—Ну, съ богомъ... (*Надгробная тѣсня*).

Гвидерій.—Не бойся солнечнаго зноя,

---

*) **Thersites** и **Ajax.** Терситъ—уродъ, насмѣшникъ и плутъ. Его убилъ Ахиллесъ ударомъ кулака, за его насмѣшки надъ тѣми изъ грековъ, которые плакали у изголовья умирающей Пентезилеи. — Аяксъ, сынъ князя Саламинскаго, знаменитъ своею борьбою съ Гекторомъ. Сраженный Улиссомъ въ борьбѣ за оружіе Ахиллеса, онъ убилъ, вмѣсто врага своего, невиннаго бычка и, увидѣвъ свою ошибку, съ досады закололся.

**) Великій авторъ Цимбелина, сознавая, въ какую эпоху дѣйствуютъ у него герои этой драмы; въ лицѣ язычника Белларія создалъ человѣка, который, какъ и все общество, современное имперіи Августа, былъ готовъ къ принятію Божественнаго ученія Христа. Самый поступокъ Белларія, забвеніе неправеднаго своего изгнанія и тщательное воспитаніе дѣтей Цимбелина, потомъ всѣ рѣчи его и, наконецъ, заступничество за британскаго короля и спасеніе его отъ меча римлянъ — уже чисто христіанскія идеи и христіанскіе поступки.

Не бойся зимнихъ холодовъ.
Ты низошелъ подъ сѣнь покоя,
Ты принялъ дань земныхъ трудовъ!
Краса и юность—все сгніетъ,
Всѣхъ гробовщикъ переживетъ!

Арвирагъ.—Не бойся лютости кичливыхъ,
Намъ не страшна тирановъ злость!
Не заводи одеждъ красивыхъ:
Тебѣ равны и дубъ, и трость!
Искусство, мудрости вѣнецъ,
Какъ ты, истлѣютъ, наконецъ.

Гвидерій.—Не бойся молніи падучей!

Арвирагъ.—Не бойся ужасовъ грозы!

Гвидерій.—Не бойся зависти ползучей!

Арвирагъ.—Не жди ни счастья, ни слезы!..

Оба.— Весна души, любовь—умретъ,
Всѣхъ гробовщикъ переживетъ!

Гвидерій.—Тебя не тронутъ чары!

Арвирагъ.—Колдунъ не околдуетъ!

Гвидерій.—Мертвецъ не поцѣлуетъ!

Арвирагъ.—Минуютъ зла удары!

Оба.— Забвенье и покой
Да будутъ надъ тобой!.. (*Белларій возвращается съ тѣломъ Клотена*).

Гвидерій.—Мы нашу пѣсню кончили; кладите
Его сюда.

Белларій.— Вотъ нѣсколько цвѣтовъ;
Я къ ночи соберу вамъ больше; травы,
Покрытыя холодною росой,
Всего скорѣй идутъ для украшеній
Могилъ!.. На груди ихъ цвѣтовъ насыпьте:
Вы были тѣ жъ цвѣты, теперь же вы
Завяли; такъ завянетъ, наконецъ,
И изъ цвѣтовъ нагробный вашъ вѣнецъ!..
Уйдемъ отсюда, станемъ на колѣни:
Земля дала ихъ міру, и она же
Ихъ заберетъ назадъ... Для нихъ прошло
И счастье добродѣтели, и зло! (*Уходятъ: Белларій, Гвидерій и Арвирагъ*).

Имоджена (*просыпаясь*).—Такъ точно, сэръ, въ Мильфордъ!..
А гдѣ-жъ дорога?

Благодарю!.. Все черезъ лѣсъ?—Прошу васъ,
Скажите, какъ отсюда далеко?—
Святые боги! Неужель шесть миль?
Всю ночь я шла безъ отдыха. По-правдѣ,
Мнѣ лучше лечь и отдохнуть немного...
Нѣтъ, стой! товарища не нужно мнѣ! (*Увидя трупъ*).
О, боги и богини! Здѣсь цвѣты,—
Подобіе земного наслажденія,
И рядомъ съ ними—трупъ, эмблема горя!
Но, я надѣюсь, это—грезы сна!
Мнѣ видѣлось, что я была въ пещерѣ
Хозяйкою и поваромъ двухъ честныхъ
Созданій; нѣтъ, все это невозможно;
Стрѣла-ничто вонзилася въ ничто;
Все это мозгъ изъ воздуха настроилъ!..
Правдивые глаза у насъ нерѣдко,
Подобно нашему разсудку, слѣпы!
Клянусь, я вся отъ ужаса дрожу:
И если нынѣ въ небесахъ осталась
Хоть капля милосердія, не больше
Зрачка малиновки, святые боги,
Пошлите мнѣ частицу милосердья!
А сонъ еще все тутъ; когда же я
Проснусь, онъ внѣ меня блуждаетъ, словно
Во мнѣ самой; не въ мысляхъ, въ самыхъ чувствахъ!
Безглавый человѣкъ.—Въ плащѣ Постума!
Я узнаю черты его ноги...
Его рука! Меркурія ступня!
Станъ Марса и осанка Геркулеса!
Но гдѣ же ликъ Юпитера?.. Убійство
На небесахъ свершилось!—Нѣтъ его!..
Пизаніо! Проклятія безумной
Гекубы, устремленныя на грековъ,
Съ моими вмѣстѣ, пусть тебя замучатъ!
Ты, съ беззаконнымъ демономъ, Клотеномъ,
Убилъ милорда... Чтенье и письмо—
Все съ этихъ поръ исполнено измѣны?
Пизаніо проклятый—эти письма
Коварныя—Пизаніо проклятый!—
У лучшаго на свѣтѣ корабля
Срубили мачту главную! Постумъ,

Гдѣ голова твоя? Увы! гдѣ это?
Гдѣ, гдѣ она? Пизаніо могъ и въ сердце
Тебя пронзить, а голову твою
Тебѣ оставить... Какъ случилось это?
Пизаніо съ Клотеномъ, зло и похоть,
Мнѣ это горе завѣщали въ немъ...
О, это ясно, ясно! Отдавая
Мнѣ свой составъ, онъ увѣрялъ меня,
Что отъ него могу я излѣчиться:
А не нашла ли я его смертельнымъ
Для чувствъ? О, это самый лучшій доводъ!
Пизаніо съ Клотеномъ здѣсь виной...
Позволь же мнѣ окрасить блѣдность щекъ
Въ твоей крови, чтобъ мы еще ужаснѣй
Казались тѣмъ, кто насъ въ трущобѣ этой
Случайно встрѣтитъ!.. О, милордъ, милордъ! *(Входятъ: Люцій, Капитанъ и другіе римскіе офицеры; за ними Гадатель.)*

Капитанъ.—По приказанью вашему, войска,
Которыя въ Бургундіи стояли,—
Пройдя проливъ, явились въ Мильфордѣ
И ожидаютъ васъ на корабляхъ;
Они готовы.

Люцій.— Что изъ Рима пишутъ?

Капитанъ.—Сенатъ созвалъ патриціевъ и римскихъ
Сосѣдей; храбрость этихъ новобранцевъ
Намъ обѣщаетъ многія услуги;
Они сюда стремятся подъ начальствомъ
Якима, брата стараго Сіенны.

Люцій.—Когда ихъ ждете вы?

Капитанъ.— Съ попутнымъ вѣтромъ.

Люцій.—Такая быстрота немало свѣтлыхъ
Надеждъ влагаетъ въ насъ. Велите всѣмъ
Войскамъ произвести парадный смотръ;
Пускай слѣдятъ за этимъ капитаны... *(Гадателю).*
Ну, сэръ, что снилось вамъ въ послѣдній разъ
О предпріятіяхъ этого похода?..

Гадатель.—Прошедшей ночью боги мнѣ послали
Видѣніе; молитвой и постомъ
Уразумѣлъ я тайное видѣнье!
Мнѣ снилося: Юпитерова птица,

Орелъ Италіи, оставилъ Югъ
И, полетѣвъ сюда, на дикій Западъ,
Въ сіяніи небесномъ потонулъ...
Когда мой духъ не ослѣпленъ грѣхами,
Все это предвѣщаетъ намъ успѣхъ.

Люцій.—Почаще такъ дремли и никогда
Не ошибайся!—Стой... Что здѣсь за пень,
Безъ головы?—Развалины гласятъ,
Что зданіе когда-то было славно...
Какъ! пажъ!—Онъ умеръ или только дремлетъ?
Скорѣе умеръ: жизнь не ляжетъ спать,
Какъ здѣсь, съ умершимъ, на одну кровать.
Взгляните мальчику въ лицо.

Капитанъ.— Онъ живъ!

Люцій.—Такъ пусть же онъ о мертвецѣ разскажетъ.
Эй, юноша! повѣдай намъ свою
Судьбу; она, мнѣ кажется, достойна
Вопроса: разскажи, кого избралъ
Ты для себя кровавымъ изголовьемъ?
Кто мастерство природы благородной,
Красивый этотъ образъ измѣнилъ?
Чѣмъ ты участвуешь въ крушеньи этомъ?
И какъ оно произошло? Кто жъ онъ?..
Кто ты?..

Имоджена.— Я, сэръ, ничто; когда же это
Не такъ, я самъ желаю быть ничѣмъ!
Мой господинъ былъ истинно-отважный
Британецъ и достойный человѣкъ:
Его убили горцы; нѣтъ на свѣтѣ
Еще такихъ господъ; я обойду
Весь божій міръ отъ запада къ востоку,
Крича, моля о службѣ, встрѣчу много
Достойныхъ властелиновъ, буду всѣмъ
Служить по-правдѣ, только никогда
Я не найду подобнаго владыки!

Люцій.—Увы, мой добрый мальчикъ! Ты меня
Своими воплями растрогалъ такъ же,
Какъ твой хозяинъ кровью; добрый другъ,
Повѣдай намъ его прозванье.

Имоджена.— Ричардъ
Дю-Шанъ. (*Въ сторону*). Я лгу, но ложь моя безвредна,

И если боги слышали ее —
Они меня простятъ, какъ я надѣюсь!
Что говорите вы?

Люцій.— Какъ звать тебя?

Имоджена.—Фиделіо *).

Люцій.— Ты милое прозванье
Собою оправдалъ твое старанье,
Твой долгъ и имя у тебя рифмуютъ!..
Святая вѣрность и святое имя!
Не хочешь ли ко мнѣ ты перейти?
Не говорю, чтобъ господинъ твой новый
Былъ столько же хорошъ; но вѣрь, тебя
Не менѣе любить онъ станетъ. Если бъ
Самъ императоръ римскій написалъ
Мнѣ о тебѣ, чрезъ консула, порука
Его не такъ меня бы убѣдила,
Какъ самъ ты, другъ, съ достоинствомъ твоимъ.
Иди же къ намъ.

Имоджена.— Съ охотою, но прежде—
И пусть богамъ угодно будетъ это—
Я господина моего отъ мухъ
Запрятать постараюся, чуть только
Сумѣютъ вырыть гробъ вотъ эти ногти,
Потомъ его могилу я усыплю
Листочками и дикими цвѣтами;
Прочту надъ нею сотни двѣ молитвъ,
Какія только знаю; стану плакать,
Вздыхать, прощусь съ его безцѣнной службой,
И ужъ тогда за вами я пойду,
Когда меня принять вы захотите...

Люцій.—Да, добрый юноша, не господина,
Отца родного встрѣтишь ты во мнѣ.
Друзья мои! обязанности наши
Малютка намъ припомнилъ: поскорѣй
Отыщемъ лугъ красивыхъ маргаритокъ
И выроемъ концами нашихъ пикъ
И палашей походную могилу.
Пойдемъ! ты насъ заставилъ полюбить
Его и какъ солдата схоронить.

*) Это имя происходитъ отъ слова «Fides» — честность, вѣрность, добрая совѣсть.

Утри жъ свои хорошенькіе глазки:
Вслѣдъ за бѣдой судьба даритъ намъ ласки!—*(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната во дворцѣ Цимбелина. (Входятъ: **Цимбелинъ**, придворные и **Пизаніо**).

Цимбелинъ.—Идите и узнайте, лучше ль ей?..
Она въ горячкѣ съ той поры, какъ скрылся
Несчастный сынъ ея; она въ безумствѣ,
И жизнь ея въ опасности! О, боги!
Какъ разомъ вы измучили меня!—
Исчезла ты, бѣдняжка Имоджена,
Ты, лучшая моя отрада въ жизни!
Жена моя на безнадежномъ ложѣ;
Мнѣ угрожаетъ страшная война,
А сынъ ея, который намъ такъ нуженъ
Въ годину бѣдствій, скрылся безъ слѣда!
Я пораженъ, я потерялъ надежды
Отрадныя... Но ты, сообщникъ зла,
Ты, вѣрно, знаешь, гдѣ она укрылась,
И хочешь насъ увѣрить, что не знаешь:
Твое признанье страшныя мученья
Исторгнутъ!

Пизаніо.— Жизнь моя въ рукахъ у васъ;
Что жъ до моей высокой госпожи
Касается, я ровно ничего
Не знаю, гдѣ она, куда укрылась
И возвратится ль къ вамъ когда-нибудь!
Я вашему величеству, повѣрьте,
Мой государь, всей правдою служилъ!

1-й Лордъ.—Добрѣйшій государь, въ тотъ день, какъ наша
Принцесса скрылась, онъ былъ при дворѣ:
Ручаюсь вамъ, онъ неподкупно вѣренъ
И вѣчно долгъ свой честно исполнялъ!
Что-жъ до Клотена,—всѣ старанья наши
Употребили мы, и онъ на-дняхъ
Найдется, безъ сомнѣнья!..

Цимбелинъ *(Пизаніо).*— Время бурно!..
На этотъ случай мы тебѣ пропустимъ!
Но—подозрѣнья наши не умрутъ.

1-й Лордъ.—Великій государь, отряды римлянъ
Изъ Галліи сошли на берега

Британіи! На подкрѣпленье имъ
Сенатъ прислалъ патриціевъ свободныхъ.
Цимбелинъ.—Теперь нуждаюсь я въ совѣтѣ сына
И королевы! Я теряюсь въ безднѣ!..
1-й Лордъ.—Добрѣйшій государь, приготовленья
Твои не только то, о чемъ ты слышалъ,
Способны встрѣтить: приходи громады
Обширнѣе, ты и для нихъ готовъ!
Намъ только стоитъ дать движенье силамъ,
Которыя такъ долго ждутъ его...
Цимбелинъ.—Благодарю васъ! поспѣшимъ отсюда
И встрѣтимъ бурю такъ, какъ къ намъ она
Является. Не римскія угрозы
Опасны намъ: меня терзаетъ горе
Домашнее.—Пойдемъ.—*(Уходятъ).*
Пизаніо.— Ни одного
Письма не получалъ я отъ Постума,
Съ тѣхъ поръ какъ написалъ ему о мнимой
Кончинѣ Имоджены. Это странно!
О ней я также слуховъ не имѣю,
Въ то время, какъ она дала обѣтъ
Почаще мнѣ писать, и о Клотенѣ
Я ничего не знаю!.. Это все
Меня терзаетъ! Но да будетъ воля
Боговъ! Я лживъ и въ то же время честенъ!
Невѣренъ я для вѣрности святой!
Пусть близкая война увидитъ силу
Моей любви къ отечеству; король
Узнаетъ преданность мою, не то
Погибну я въ безжалостномъ сраженьи!
Сомнѣніе съ годами пропадетъ—
И къ пристани корабль мой приплыветъ! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Передъ пещерою. (Входятъ **Белларій, Гвидерій** и **Арвирагъ**).

Гвидерій.—Смятеніе вокругъ насъ.
Белларій.— Пойдемъ отсюда!
Арвирагъ.—Что за отрада въ жизни, если мы
Ее отъ дѣлъ и предпріятій прячемъ?
Гвидерій.—Что за надежды въ этомъ укрываньи?
Насъ, какъ британцевъ, римляне убьютъ
Или, принявъ за варваровъ мятежныхъ,

Сперва заставятъ насъ себѣ служить,
А послѣ умертвятъ безъ сожалѣнья.

Белларій.—Повыше, въ горы сыновья мои!
Тамъ защитимся мы; за короля же
Намъ съ вами нѣтъ возможности стоять...
Не знаютъ насъ въ отрядахъ Цимбелина,
Поэтому, едва мы къ нимъ придемъ,
Насъ спросятъ, гдѣ до сей поры мы жили?
И такъ у насъ исторгнется признанье
О томъ, что́ мы свершили, и отвѣтомъ
На нашу рѣчь намъ злая гибель будетъ!..

Гвидерій.—Все это, сэръ, пустое опасенье!
Въ такое время, вамъ не принесетъ
Оно нисколько пользы и нимало
Не убѣдитъ насъ съ братомъ.

Арвирагъ.— Невозможно,
Чтобъ, слыша близость римскихъ скакуновъ
И видя грозный пламень ихъ биваковъ,
Чтобы, занявъ свои глаза и уши
Предметами серьезными, какъ нынѣ,
Они рѣшились узнавать о насъ
И тратить время въ розыскахъ о томъ,
Откуда мы явилися!

Белларій.— Въ отрядахъ
Меня какъ разъ узнаютъ!.. Вы со мной
Лишилися въ горахъ образованья
И безопасности разумной жизни!
И нѣтъ надежды вамъ достигнуть счастья,
Которое вамъ льстило въ колыбели!
Васъ лѣтній зной сжигаетъ и томитъ
И, какъ рабы, дрожите вы отъ стужи!..

Гвидерій.—Такъ лучше умереть, чѣмъ жить, какъ мы
Живемъ!—Прошу васъ, поспѣшимъ къ отрядамъ:
Насъ съ братомъ тамъ почти никто не знаетъ!
Васъ тоже позабыли, да притомъ
И устарѣли вы, и васъ, конечно,
Пытать не станутъ...

Арвирагъ.— Я туда иду,
Клянуся въ томъ сіяніемъ денницы!
Что я за вещь, когда до сей поры
Не видѣлъ я, какъ умираютъ люди.—

И видѣлъ кровь однихъ трусливыхъ зайцевъ,
Орленковъ, козъ и молодыхъ оленей?
Когда ѣзжалъ я на такомъ конѣ,
Котораго ѣздокъ не зналъ съ рожденья
Желѣзныхъ шпоръ у каблуковъ своихъ?
Мнѣ совѣстно глядѣть на пламя солнца,
Вкушать его блаженное сіянье,—
Затѣмъ, что я такъ долго остаюсь
Невѣждою несчастнымъ.

Гвидерій.— Небесами
Клянусь, и я иду за братомъ; если
Угодно вамъ меня благословить
И отпустить, я позабочусь лучше
О дняхъ своихъ; когда жъ вы не рѣшитесь
Благословить меня, пусть римскій мечъ
Ослушника безумнаго накажетъ!

Арвирагъ.—Я то же повторяю, сэръ... Аминь!

Белларій.—Съ тѣхъ поръ, какъ вы такъ мало дорожите
Своими днями, я не смѣю больше
Беречь свою угаснувшую жизнь!
И вслѣдъ за вами я пускаюсь, дѣти,—
Но если вы за родину падете,
Я лягу такъ же, дѣти, и найду
Себѣ постель на полѣ бранной славы!
Впередъ, впередъ! (*Въ сторону*). Нескоро мчится время:
Ихъ кровь пролиться жаждетъ и кипитъ,
Въ желаньяхъ принцевъ вижу ихъ стремленье
Всѣмъ объяснить свое происхожденье!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Поле между британскимъ и римскимъ лагерями. (Входитъ **Постумъ**, съ окровавленнымъ платкомъ, полученнымъ отъ Пизаніо).

Постумъ.—Я сберегу тебя, платокъ кровавый;
По моему желанью ты окрашенъ!..
Что, если бъ каждый мужъ мнѣ подражалъ?
Какъ многіе, изъ-за пустой ошибки,
Убили бы своихъ прелестныхъ женъ,
Которыя самихъ ихъ превосходятъ?
Пизаніо! Не все, что намъ велятъ,

Обязанъ исполнять слуга достойный.
Онъ долженъ слушать честныхъ лишь приказовъ!
О, боги! если-бъ вы меня казнили
За всѣ мои проступки, никогда
Я не свершилъ бы этого убійства:
Спасли бы вы тогда для покаянья
Возвышенную сердцемъ Имоджену!
Одинъ бы я, несчастный и вполнѣ
Достойный вашей мести, былъ наказанъ!..
Иныхъ изъ насъ, за малые грѣхи,
Вы по любви уносите отсюда,
Чтобъ мы не впали въ большіе проступки,
Другимъ же попускаете грѣхи
Смѣнять грѣхами худшими: злодѣевъ
Боятся всѣ, а имъ того и нужно!..
Но Имоджена—ваше достоянье:
Творите, какъ угодно вамъ, меня жъ
Прошу благословить на послушанье!
Межъ римскими войсками я пришелъ
Сюда сражаться съ царствомъ Имоджены.
Но нѣтъ, пока довольно и того,
Что я твою, Британія, царицу
Убилъ: тебѣ я ранъ не нанесу!..
Поэтому, властительное небо,
Мой честный планъ дослушай терпѣливо:
Я вновь сниму одежды пришлецовъ,
Переодѣнусь пахаремъ британскимъ
И такъ пойду сражаться противъ тѣхъ,
Которые пришли сюда войною!
И за тебя паду я, Имоджена,—
Затѣмъ, что каждый вздохъ мой за тебя—
Не жизнь, а смерть! Никто меня не знаетъ!
Не возбудя ни зависти, ни слезъ,
Предстану я передъ лицомъ кончины...
И да узнаютъ люди, что во мнѣ
Достоинствъ больше, чѣмъ въ моихъ одеждахъ.
Сойди въ меня, отвага Леонатовъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же. (Входятъ: съ одной стороны — **Люцій**, **Якимо** и римское войско; съ другой—британское войско; **Леонатъ Постумъ** слѣдуетъ за нимъ простымъ солдатомъ. Всѣ проходятъ черезъ сцену. Тревога. Входятъ, сражаясь на поединкѣ, **Якимо и Постумъ**; **Постумъ** побѣждаетъ, обезоруживаетъ **Якимо** и уходитъ).

Якимо.—О! Тяжесть преступленія убила
Въ моей душѣ все мужество! Я честь
Невинной женщины, принцессы этой
Страны, постыдной ложью омрачилъ,—
И самый воздухъ мстительнаго края
Во мнѣ всѣ силы ослабляетъ!.. Рабъ,
Чернорабочій жизни, опрокинулъ
И побѣдилъ меня въ моемъ искусствѣ!
Санъ рыцаря и почести мои
Теперь лишь признакъ гнуснаго паденья!
Когда твои, Британія, вельможи
Настолько жъ лучше этого раба,
Насколько онъ патриціевъ моей
Отчизны превосходитъ,—всѣ вы боги,
А мы и для людей душой убоги! (*Уходитъ*).

Сраженіе продолжается. Британцы бѣгутъ; Цимбелинъ взятъ въ плѣнъ; въ помощь ему вбѣгаютъ Белларій, Гвидерій и Арвирагъ.

Белларій.—Стой! стой!—За нами выгода сраженья:
Ущелье подъ защитою; ничто
Не выбьетъ насъ оттуда, кромѣ низкой
Трусливости!

Гвидерій и Арвирагъ.—Сражайтесь!.. Подождите!..

(Входитъ Постумъ и помогаетъ британцамъ; они освобождаютъ Цимбелина и уходятъ. — Вслѣдъ за ними входятъ: Люцій, Якимо и Имоджена).

Люцій.—Прочь, мальчикъ, отъ отрядовъ, и спасайся:
Друзья друзей въ смущеньи убиваютъ,
И шумъ такой, какъ будто у войны
Повязка на глазахъ.

Якимо.— Къ нимъ подоспѣла
Подмога свѣжая!..

Люцій.— Престранный день!
Мы во-время должны войска усилить,
Не то, придется намъ скорѣй бѣжать! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Другая часть поля битвы.—(Входятъ: **Постумъ** и британскій придворный).

Придворный.—Такъ ты пришелъ оттуда, гдѣ сражались?
Постумъ.—Такъ, сэръ; а вы, мнѣ кажется, оттуда,
Гдѣ все бѣжало?
Придворный.— Точно такъ!
Постумъ.— Я васъ
Винить не смѣю: все-бъ мы потеряли,
Когда бъ за насъ не стали небеса!
Король былъ схваченъ въ плѣнъ, ряды смѣшались,
Войска разстроились, и только тылъ
Британцевъ виденъ былъ: толпы бѣжали
По узкому ущелью... Врагъ веселый,
Въ крови языкъ купая, ликовалъ,
Что передъ нимъ головъ гораздо больше,
Чѣмъ у него мечей; однихъ разилъ
До смерти, до другихъ едва касался,
А третьи сами падали отъ страха!..
И узкое ущелье заградилось
Кровавыми тѣлами, у которыхъ
Весь тылъ израненъ былъ, и вѣчный стыдъ
Съ кончиной поджидалъ спасенныхъ трусовъ!
Придворный.—Гдѣ жъ это чудное ущелье?
Постумъ.— Возлѣ
Скалы, вблизи которой мы сражались:
Оно въ окопахъ и покрыто мхомъ;
Его себѣ припасъ на всякій случай
Одинъ маститый воинъ, честный мужъ,
Я въ томъ ручаюсь; подвигомъ подобнымъ
Дни долгіе, какъ борода его
Сѣдая, заслужилъ онъ у отчизны...
Къ ущелью онъ дорогу проложилъ,
А съ нимъ еще два юноши тамъ были,
Птенцы, которымъ бы скорѣе шло
Плясать въ селѣ, чѣмъ лѣзть въ такую сѣчу.
Да, лица ихъ красивѣй были масокъ,
Красивѣе всего, что прикрываетъ
Стыдливость и красу... Онъ закричалъ:
«Въ Британіи лишь зайцы гибнутъ въ бѣгствѣ,
«А не солдаты: въ адъ стремятся тѣ,

«Которые бѣгутъ отъ битвы! Стойте!
«Не то, мы обратимся въ грозныхъ римлянъ
«И воздадимъ вамъ, какъ скотамъ, все то,
«Чего вы скотски такъ теперь бѣжите!
«Взгляните погрознѣй назадъ—и вы
«Ужъ спасены!—Постойте же, постойте!»
Три этихъ, какъ три тысячи бойцовъ
(Затѣмъ, что во главѣ отряда трое
Героевъ болѣе, чѣмъ весь отрядъ,
Который ничего не хочетъ дѣлать),
Три этихъ, со словами: стойте, стойте!
И съ выгодою мѣстности, а больше,
Чаруя всѣхъ достоинствомъ своимъ
(Которое могло бы обратить
Въ копье и самое веретено),
Зажгли опять поблеклыя ланиты
И пробудили стыдъ и пылъ отваги!
Одни, которые изъ подражанья
Въ негодныхъ трусовъ обратились (грѣхъ,
Великій грѣхъ тому, кто на войнѣ
Подастъ примѣръ къ предательскому бѣгству!),
Старалися взглянуть на путь, который
Они свершили, и, подобно львамъ,
Кидалися на вражескія копья...
Тогда-то римляне остановились,
Смѣшались, оробѣли, отступили,
И побѣжали, какъ цыплята, тѣ,
Которые орлами налетали,
И превратилися въ рабовъ любимцы
Побѣды!.. Наши трусы, какъ куски
Провизіи въ дорогѣ, пригодились
Для поддержанья силъ во время нужды!
О, какъ, найдя отворенную дверь
Къ сердцамъ неохраненнымъ, поражали
Они враговъ, рубили мертвецовъ,
Рубили тѣхъ, которые кончались,
Рубили наконецъ своихъ друзей,
Волною предыдущей унесенныхъ!..
На каждаго врага по десяти
Британцевъ приходилось въ этомъ бѣгствѣ,
Теперь же всякъ изъ нашихъ убивалъ

По двадцати враговъ, и тѣ, которымъ
Хотѣлося скорѣе умереть,
Чѣмъ въ бой идти, нежданно обратились
Въ смертельнѣйшихъ клоповъ *) кровавой почвы.

Придворный.—Да, оборотъ престранный! Какъ!.. Ущелье,
Два мальчика и старый человѣкъ...

Постумъ.—Но вы словамъ моимъ не удивляйтесь:
Хоть рождены вы только для того,
Чтобы дивиться дѣйствіямъ другихъ,
А не своимъ!.. Хотите ли на это
Пориѳмовать со мною, такъ, для шутки?
Вотъ вамъ: «старикъ, два мальчика и горы
«Насъ сберегли,—враговъ загнали въ норы!»

Придворный.—Ахъ, не сердитесь!

Постумъ. (*Комически скандируетъ*).—Не къ чему сердиться.
Я съ трусами всегда готовъ дружиться!
Пусть только трусъ не позабудетъ роли,
Онъ убѣжитъ отъ самой нѣжной доли!
Вы риѳмами языкъ мой заразили...

Придворный. — Прощайте! васъ, какъ видно, разсердили.
(*Убѣгаетъ*).

Постумъ.—И снова убѣжалъ.—Каковъ придворный?
О, благородный рыцарь, быть въ бою
И спрашивать, что̀ новаго тамъ было!
Какъ многіе теперь всю честь свою
За безопасность тѣла промѣняли-бъ!
Пустились вспять и все-таки погибли...
Я самъ, моей печалью закаленный,
Не могъ найти кончины, гдѣ она
Стонала; не попалъ къ ней подъ удары,
Гдѣ такъ она удары разсыпала...
Зачѣмъ ты, смерть, чудовище уродства,
Скрываешься коварно въ яркихъ кубкахъ,
Въ пуховыхъ ложахъ и въ словахъ сладчайшихъ?
Къ чему тебѣ еще покорныхъ слугъ,
Когда мы для тебя свои мечи
Въ сраженьяхъ обнажаемъ!—Такъ, прекрасно:
Я отыщу тебя! Любимцемъ римлянъ
Я стану вновь; я больше не британецъ,

*) «Mortal bugs» — клопы, которые зарождаются иногда на поляхъ сраженій.

Пойду за тѣмъ, которыхъ поражалъ... *(Сбрасываетъ оружіе).*

Отъ сей поры я больше не сражаюсь,
Отдамся въ руки первому рабу,
Который только плечъ моихъ коснется!
Здѣсь римляне великія убійства
Произвели; къ великому отвѣту
Потребуютъ враговъ своихъ британцы!
Меня же смерть лишь въ силахъ искупить,
Я приходилъ ко всѣмъ ея просить;
Убьетъ ли бой меня или измѣна,
Я за тебя паду, о Имоджена!

(Входятъ два британскихъ капитана и воины).

1-й капитанъ.—Хвала великому Юпитеру! Люцій взятъ въ плѣнъ. старика и его сыновей считаютъ за ангеловъ.

2-й капитанъ.—Тамъ былъ еще четвертый человѣкъ, въ простой одеждѣ; онъ имъ помогалъ.

1-й капитанъ.—Такъ говорятъ; но никого изъ нихъ
Не могутъ отыскать. Постой! Кто это?

Постумъ.—Я римлянинъ!.. И здѣсь бы не бродилъ,
Когда бъ вослѣдъ за мною шли другіе.

2-й капитанъ.—Связать его! Собака! Ни одинъ
Изъ земляковъ твоихъ не возвратится
Разсказывать, какъ васъ вороны наши
Клевали!.. Онъ отвѣтилъ свысока,
Какъ будто знатный. Къ королю злодѣя!

(Входятъ: Цимбелинъ со свитой, Белларій, Гвидерій, Арвираг, Пизаніо и римскіе плѣнники. Капитаны представляютъ Постума Цимбелину, который отдаетъ его тюремщику; послѣ этого всѣ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тюрьма. (Входятъ: **Постумъ** и два тюремщика).

1-й тюремщикъ.—Теперь васъ не украдутъ: вы въ цѣпяхъ;
Паситесь, если пастбище найдете!

2-й тюремщикъ.—Или когда найдете аппетитъ! (*Оба уходятъ*).

Постумъ.—Добро пожаловать, моя тюрьма!
Я убѣжденъ, ты—вѣрный путь къ свободѣ!
Счастливѣй я подагрика, который
Скорѣй желаетъ вѣчно такъ стонать,
Чѣмъ излѣчиться смертью, этимъ вѣрнымъ
Изъ всѣхъ врачей; она—волшебный ключъ,

Который растерзаетъ наши цѣпи!
О, совѣсть! ты закована сильнѣй
И рукъ, и ногъ моихъ... Святые боги!
Поклите мнѣ оружье покаянья,
Чтобы разбить мнѣ цѣпи и навѣкъ
Свободнымъ быть!—Довольно ли того,
Что я тоскую такъ?—Земныя дѣти
Земныхъ отцовъ рыданьями смягчаютъ:
Но милости не больше ль у боговъ?
Раскаяться я долженъ! И тѣмъ лучше
Я это сдѣлаю въ моихъ цѣпяхъ,
Желанныхъ, не насильственныхъ цѣпяхъ!
Когда платежъ свободу возвращаетъ,
Всего меня берите, безъ остатка,
Я знаю, вы добрѣе злыхъ людей,
Которые у должниковъ порою
Берутъ всего лишь третью, иль шестую,
Или десятую частицу долга,
А прочимъ позволяютъ имъ опять
Разжиться; но не этого мнѣ нужно.
За жизнь моей безцѣнной Имоджены
Возьмите жизнь мою; хотя она
Не столько дорога, но все же жизнь!
Вы отчеканили ее! На свѣтѣ
Притомъ не всякую монету вѣсятъ,
И принимаютъ деньги, если только
На нихъ условный штемпель сохраненъ!..
Возьмите же меня, я—вашъ чеканъ;
Внемлите мнѣ, властительныя силы;
Когда хотите вы свести разсчетъ,
Возьмите жизнь мою и уничтожьте
Холодныя оковы!.. Имоджена!..
Поговоримъ съ тобой въ молчаньи ночи... *(Засыпаетъ).*

(Торжественная музыка. — Являются видѣнія: Сицилій Леонатъ, отецъ Постума, старикъ въ одеждѣ воина; онъ ведетъ за руку свою жену, мать Постума. За ними, послѣ новой музыки, слѣдуютъ два брата Постума, въ ранахъ, отъ которыхъ они пали въ сраженіи. Всѣ они окружаютъ спящаго Постума.)

Сицилій.—Владыка грома, пощади
Малютокъ смертныхъ, мухъ;

Съ Юноной, съ Марсомъ ты воюй,
Они твой страстный духъ
И шашни сторожатъ!
Правъ бѣдный сынъ мой, хоть его
Лица я не видалъ:
Скончался я, какъ въ узахъ онъ
Законовъ жизни ждалъ!
Ты, говорятъ, слывешь отцомъ
Сиротокъ-бѣдняковъ:
Сними жъ съ него ты, какъ отецъ,
Ярмо земныхъ оковъ!

Мать.—Меня Люцина *) не спасла;
Я умерла въ родахъ:
Врачу я сына отдала,—
Онъ на чужихъ рукахъ,
Бѣдняжка, закричалъ!

Сицилій.—Онъ отъ природы былъ красой,
Какъ предки, надѣленъ;
И, какъ наслѣдникъ нашъ, у всѣхъ
Хвалой превознесенъ.

1-й братъ.—Когда къ для мужа онъ созрѣлъ,
Среди родной земли,
Никто не смѣлъ сравниться съ нимъ;
Британцы не могли
Глазъ Имоджены побѣдить.
Онъ былъ достойнѣй всѣхъ!

Мать.—Зачѣмъ ты бракъ ему послалъ,
Лишивъ его всего,—
Отчизны, почестей отцовъ
И радости его
Супруги молодой?..

Сицилій.—Какъ могъ ты снесть, что римскій плутъ,
Якимо, очернилъ
Постыдной ревностью покой
Его душевныхъ силъ
И смѣхъ презрѣнья на него
И шутки устремилъ?..

2-й братъ.—Вотъ для чего мы всѣ пришли
Изъ области тѣней!

*) *Lucina*—богиня родильницъ и новорожденныхъ дѣтей. Ее иногда смѣшиваютъ съ Діаною и Юноною и считаютъ дочерью послѣдней.

Сражаясь храбро, мы легли
За честь земли своей:
Да процвѣтаютъ короли
Средь насъ, своихъ дѣтей!

1-й братъ.—Постумъ отваженъ и правдивъ
У Цимбелина былъ;
За что же ты, король боговъ,
Надолго отложилъ
Его награду и бѣдой
Блаженство замѣнилъ?

Сицилій.—Открой кристальное окно!
Взгляни на бѣдный край,—
На племя храброе твое
Обидъ не проливай!

Мать.—Юпитеръ! сынъ мой правъ, его
Ты больше не терзай!

Сицилій.—Явись изъ мраморныхъ дворцовъ,
Не то—мы улетимъ
И на тебя въ совѣтъ боговъ
Доносъ свой подадимъ!

2-й братъ.—О. Зевсъ! дай помощь намъ; не то—
Тебѣ мы отомстимъ!

(Юпитеръ спускается въ громѣ и молніи, сидя на орлѣ: онъ бросаетъ огненную стрѣлу; тѣни падаютъ на колѣни).

Юпитеръ.—Вы, духи жалкіе подземныхъ странъ,
Не оскорбляйте слуха моего!
Какъ смѣли вы, трепещущія тѣни,
Владыку гроба обвинить? Стрѣла
Моя съ небесъ летитъ и укрощаетъ
Мятежныхъ смертныхъ!.. Прочь отсюда, тѣни
Элизія, останьтесь на своихъ,
Во вѣкъ невянущихъ, цвѣточныхъ ложахъ!
Не занимайтесь смертными дѣлами:
Не вамъ о нихъ заботиться, а намъ,—
Вы это знаете! Кого мы любимъ,
Тому и шлемъ мы наши испытанья;
Мы замедляемъ нашъ священный даръ,
Затѣмъ, чтобъ онъ былъ слаще! Успокойтесь!
Нашъ добрый духъ незримо вознесетъ
Низверженнаго бѣдствіемъ Постума;
Его удѣлъ готовится, и опытъ

Слова мои на дѣлѣ подтвердитъ!
Его рожденье встрѣтила звѣзда
Юпитера, и въ нашемъ свѣтломъ храмѣ
Вступилъ онъ въ бракъ!—Вставайте, удалитесь!
Онъ будетъ властелиномъ Имоджены,
Счастливѣе отъ прошлыхъ, тяжкихъ бѣдъ!
На грудь ему вы положите эту
Дощечку. Здѣсь, по милости своей,
Мы изложили счастіе Постума!
Итакъ, домой! и болѣе не смѣйте
Нетерпѣливыхъ жалобъ расточать,
Пока еще молчитъ мой гнѣвъ опальный.
Орелъ! лети въ чертогъ небесъ кристальный! *(Улетаетъ въ тучи).*

Сицилій.—Онъ въ громѣ къ намъ сошелъ; его дыханье
Наполнило весь воздухъ сѣрнымъ дымомъ;
Орелъ могучій опустился къ намъ,
Какъ будто насъ хотѣлъ онъ уничтожить...
Его полетъ красивѣй былъ роскошныхъ
Земель эдема!.. Царственная птица
Свое крыло безсмертное трепала
И чистила могучій клювъ, какъ будто
Доволенъ былъ ея маститый богъ!

Всѣ.—Благодаримъ тебя, Юпитеръ дивный!

Сицилій.—Закрылся снова мраморный чертогъ,
Вошелъ въ свои покои свѣтлый богъ...
Пойдемъ и мы! Чтобы снискать спасенье,
Скорѣй его исполнимъ повелѣнье! *(Всѣ тѣни исчезаютъ).*

Постумъ *(просыпаясь).*—О, сонъ, ты былъ мнѣ дѣдомъ! Ты отца
Родилъ Постуму, создалъ мнѣ двухъ братьевъ
И мать; но, горе! ихъ ужъ больше нѣтъ!
Они исчезли такъ же, какъ явились,—
И я проснулся! Горе бѣднякамъ,
Которые отъ случая зависятъ
И бредятъ такъ, какъ бредилъ я теперь:
Они проснутся и мечты желанной
Не обрѣтутъ!—Но нѣтъ, я ошибаюсь:
Иные не мечтаютъ ни о чемъ
И ничего не стоятъ,—между тѣмъ,
Они по горло плаваютъ въ блаженствѣ!
Таковъ и я: не знаю самъ, за что

Досталось мнѣ блистательное счастье?
Какія фен посѣтили землю?..
А!.. Книжка!.. Вотъ ужъ рѣдкое издѣлье:
Когда бъ оно не подражало свѣту,
Въ которомъ платья благороднѣй тѣхъ,
Кого онѣ скрываютъ! Небеса!
Пускай она все то, что̀ обѣщаетъ,
Разскажетъ мнѣ! *(Читаетъ).*

«Когда львёнокъ, самъ того не зная, и безъ поисковъ, найдетъ струю нѣжнаго воздуха и будетъ объятъ сю, и когда обломленныя у величаваго кедра вѣтви, послѣ многолѣтняго смертнаго сна, оживутъ, прирастутъ къ старому пню и снова покроются свѣжими отростками,—тогда настанетъ конецъ бѣдствіямъ Постума; Британія будетъ счастлива и процвѣтетъ въ мирѣ и довольствѣ.»

О, это снова сонъ, или слова
Безумныхъ устъ: разсудокъ ихъ не скажетъ!
Здѣсь что-нибудь изъ двухъ: или ничто,
Иль рѣчь безъ смысла, иль слова такія,
Которыхъ умъ не въ силахъ разъяснить!
Но, что̀ бы ни было, а въ этомъ дѣлѣ
Подобіе моей судьбы, и я
Пророческія строки сохраню,
Хоть изъ одной сердечной симпатіи! *(Входятъ тюремщики).*

Тюремщикъ.—Ступайте-ка, сэръ, готовы ли вы къ смерти?

Постумъ.—Скорѣе пережаренъ: я уже давно готовъ.

Тюремщикъ.—Рѣчь идетъ о вѣшаньи, сэръ, если вы готовы для этого, такъ вы отлично сжарены.

Постумъ.—Такъ! и если зрители найдутъ меня довольно вкуснымъ, то блюдо покроетъ счетъ.

Тюремщикъ.—Тяжеленекъ счетъ для васъ, сэръ; но да утѣшитъ васъ то, что вы больше уже не будете расплачиваться, не будете трусить трактирныхъ разсчетовъ, отъ которыхъ часто уходишь не совсѣмъ весело, хоть они и способны производить веселье; вы приходите слабые, отъ жажды покупать, а уходите, качаясь отъ того, что черезъ край хлебнули; сердитесь на то, что много заплатили, да тутъ же сердитесь и на то, что много забрали; и кошелекъ, и черепъ пусты; черепъ немного тяжеле потому, что былъ уже слишкомъ пустъ,—а кошелекъ полегче оттого, что былъ

черезчуръ уже тяжелъ: о! вы теперь поквитаетесь со всѣми этими противорѣчіями! о, милосердіе веревки, цѣною въ пенни!.. Она въ одинъ мигъ кончаетъ тысячные разсчеты: вы не найдете болѣе вѣрнаго дебета и кредета; съ нею разомъ квитается и прошедшее, и настоящее, и будущее.— Ваша шея, сэръ, вмѣстѣ и перо, и книга, и счеты: итогъ подводится немедленно!

Постумъ.—Мнѣ гораздо веселѣе умирать, чѣмъ тебѣ жить.

Тюремщикъ.—Въ самомъ дѣлѣ, сэръ: кто спитъ, тотъ не чувствуетъ зубной боли; но если бы кто-нибудь шелъ заснуть вашимъ сномъ и висѣльнику приходилось бы помочь ему ложиться, я думаю, онъ охотно помѣнялся бы мѣстами съ своимъ сторожемъ, потому что, посмотрите-ка, сэръ, вы еще не знаете, какою дорогою вамъ идти!

Постумъ.—О, творецъ, очень хорошо знаю!..

Тюремщикъ.—Тогда въ головѣ у вашей смерти есть глаза, а я еще не видѣлъ, чтобы ее такъ рисовали, вы должны или идти по направленію, которое вамъ укажутъ обязавшіеся на это, или взять на себя то, чего, я знаю, вы не можете знать; или же пуститься на поиски, подвергаясь собственной гибели, и тогда, если вы успѣете придти къ концу вашего путешествія, я думаю, вы никогда уже не воротитесь разсказывать кому-нибудь объ этомъ.

Постумъ.—Говорю тебѣ, дружище, что никто не станетъ нуждаться въ глазахъ, чтобы разсмотрѣть дорогу, по которой я теперь пойду, развѣ уже тѣ, которые станутъ жмуриться и не захотятъ ея испробовать...

Тюремщикъ.—Что за мудреная штука была бы, если бы человѣкъ имѣлъ совершенное употребленіе глазъ для того, чтобы разсмотрѣть путь слѣпоты! Я убѣжденъ, что висѣлица—путь къ жмуркамъ. *(Входитъ вѣстникъ).*

Вѣстникъ.—Снять съ него оковы!—Ведите плѣнника къ королю.

Постумъ.—Ты принесъ добрую новость!—Меня позвали затѣмъ, чтобы, наконецъ, освободить...

Тюремщикъ.—Тогда я готовъ быть повѣшеннымъ.

Постумъ.—И ты станешь свободнѣе тюремнаго сторожа; для мертвыхъ замковъ не существуетъ. *(Постумъ и вѣстникъ уходятъ).*

Тюремщикъ.—Если бы человѣкъ вздумалъ жениться на висѣлицѣ, то она родила бы ему другихъ маленькихъ ви-

сѣльницъ; по-моему, только бы онѣ и бѣжали къ ней съ такою охотою. Да, по совѣсти, есть бездѣльники побольше его,—и тѣмъ всегда хочется пожить, а онъ еще римлянинъ! Многіе, впрочемъ, изъ этихъ господъ умираютъ противъ своей воли; такъ, къ несчастью, было бы и со мною, если бы я былъ однимъ изъ нихъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ всѣ мы стали одной души—и притомъ души доброй!—О, тогда вымерли бы и тюремщики, и висѣлицы!.. Я говорю противъ своихъ настоящихъ выгодъ... Но—въ желаніи моемъ есть своего рода выгода!.. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Палатка Цимбелина.—(Входятъ: **Цимбелинъ, Белларій, Гвидерій, Арвирагъ, Пизаніо,** придворные, офицеры и свита).

Цимбелинъ.—По волѣ неба вы спасли престолъ:
Скорѣй же станьте близъ меня! Прискорбно
Моей душѣ, что мы не отыскали
Того убогаго, но такъ богато
Отважнаго бойца; онъ пристыдилъ
Своимъ лохмотьемъ пышное оружье;
Онъ выставлялъ свою нагую грудь
Гораздо дальше латъ позолоченныхъ...
Мы осчастливимъ всякаго, кто намъ
Его отыщетъ, если наша милость
Доставить можетъ счастье.

Белларій.— Никогда
Не видѣлъ я такой отваги царской
Въ такомъ вполнѣ ничтожномъ существѣ
И подвиговъ высокихъ въ человѣкѣ,
Который всѣмъ одно лишь обѣщалъ:
Убожество и горе.

Цимбелинъ.— Ничего
О немъ не слышно?

Пизаніо.— Мы его искали
Между живыхъ и мертвыхъ, но слѣдовъ
Его найти мы не могли.

Цимбелинъ.— Итакъ,
Къ несчастью моему, въ его наградѣ
Прямой наслѣдникъ я!—Передаю
Награду эту вамъ—душа, разсудокъ
И грудь Британіи! *(Беллариію, Гвидерію и Арвирагу).*
Клянусь, чрезъ васъ

Она живетъ.—Но наступило время
И васъ спросить, откуда вы?.. Скажите.
Белларій.—Мы родомъ, сэръ, изъ Камбріи; притомъ
Мы джентельмены; а хвалиться больше—
Несправедливо будетъ и нескромно;
Я вамъ скажу, что мы, вдобавокъ, честны!
Цимбелинъ.—Склоните же колѣни!
(*Белларій, Гвидерій и Арвиргъ становятся на колѣни; Цимбелинъ посвящаетъ ихъ въ рыцари*).
Поднимитесь,
Сіятельные рыцари! Я васъ
Въ сопутниковъ престола назначаю
И почести, которыя по сану
Вы заслужили, обѣщаю вамъ!
(*Входятъ: Корнелій и придворныя дамы.*)
Цимбелинъ (*Продолжаетъ*). — На лицахъ вашихъ грусть...
Что такъ печально
Привѣтствуете вы побѣду нашу?
Вы съ виду словно римляне какіе,
А не орлы британскаго двора!
Корнелій.—Да здравствуетъ великій государь!..
Пришлось смутить твою святую радость:
Скажу тебѣ, что наша королева
Скончалась!..
Цимбелинъ.— Лѣкарю такая вѣсть
— Всѣхъ менѣе идетъ! Но намъ извѣстно,
Что жизнь продлить всегда лѣкарства могутъ,
Хоть смерть беретъ порой и лѣкарей!
Скажите, какъ она скончалась?
Корнелій.— Страшенъ,
Безуменъ былъ ея конецъ, какъ жизнь
Несчастной; жизнь ея была для свѣта
Мученіемъ: въ мученіяхъ она
И умерла! Я вамъ, когда угодно,
Всю исповѣдь ея перескажу:
И если ошибусь я, эти дамы
Пускай меня на словѣ перебьютъ;
Онѣ со мною, проливая слезы,
Стояли тамъ, когда она кончалась...
Цимбелинъ.—Прошу тебя, скажи.
Корнелій.— Во-первыхъ, намъ

Она созналася, что не любила
Васъ никогда; что не о васъ самихъ
Заботилась, а о величьи вашемъ!..
Что обвѣнчалась съ королевскимъ саномъ,
Была супругой вашего престола,
И не могла терпѣть особы вашей!

Цимбелинъ.—Она одна могла все это знать,
И если бы, не умирая, мнѣ
О томъ сказала, я бы не повѣрилъ
Ея устамъ!.. Извольте продолжать!..

Корнелій.—Она созналась намъ, что ваша дочь,
Которую всегда съ такой любовью
Она передъ отцомъ ея ласкала,
Въ глазахъ ея казалась скорпіономъ!
Что жизнь ея, когда бы не побѣгъ
Предупредилъ ея разсчеты злые,
Она хотѣла тайно отравить!

Цимбелинъ.—Какой же тонкій, хитрый непріятель!
Кто можетъ въ сердцѣ женщины читать?
Что́ дальше?

Корнелій.— Дальше, сэръ, гораздо хуже:
Она созналась намъ, что и для васъ
Она составъ смертельный припасала;
Что ваша жизнь отъ этого состава
Слабѣла бы и сохла каждый мигъ
И медленно, по дюйму, пропадала-бъ!
А между прочимъ, ласками, слезами
И поцѣлуями она хотѣла
Васъ обмануть и, во́-время склонивъ
Послушаться себя, предполагала
Наслѣдникомъ короны объявить
Клотена! Но его побѣгъ разрушилъ
Ея разсчетъ коварный, и она
Съ отчаянья стыдливость потеряла;
Въ отмщенье небесамъ и человѣку,
Открыла всѣмъ свои предположенья;
И, наконецъ, жалѣя, что не всѣ
Изъ замысловъ ея созрѣть успѣли,
Въ отчаяньи безумномъ умерла!..

Цимбелинъ (*женщинамъ*).— И это все вы слышали, миледи?

Дамы.—Такъ точно, государь!

Цимбелинъ.— Моихъ очей
Я не виню: она была прекрасна!
Моихъ ушей я также не виню:
Они внимали лести королевы!
Я не виню и сердца моего:
Оно ее считало тѣмъ, чѣмъ только
Она казалась намъ; подозрѣвать
Ее въ то время было-бъ слишкомъ низко!
О, дочь моя! Ты можешь всѣмъ сказать,
Что я впадалъ въ безстыдное безумство.
Твое несчастье это подтвердитъ!
Исправьте жъ, небеса, мою ошибку!..

(*Входятъ: Люцій, Якимо, Гадатель и другіе римскіе плѣнники, подъ стражею,—позади ихъ Постумъ и Имоджена*).

Теперь ты, Кай, не дань съ насъ собирать
Пришелъ; британцы свергли ваше иго,
Хотя немало храбрыхъ потеряли!..
Ихъ родственники просятъ насъ скорѣй
Смирить ихъ души страждущія казнью
Спасенныхъ плѣнниковъ, и мы на это
Согласны: разсмотри свою судьбу!

Люцій.—Подумайте объ участи сраженій:
Вы случаю обязаны побѣдой.
Достался бы намъ онъ, остудивъ свой пылъ,
Мы никогда съ мечемъ не угрожали бъ
Своимъ военноплѣннымъ! Но да будетъ
Исполнено велѣніе боговъ,
И выкупомъ намъ станетъ наша жизнь:
Съ душою римской римлянинъ мученья
Перенесетъ; на насъ взираетъ Августъ!
Такъ мало я забочусь о себѣ...
И объ одномъ лишь попрошу милорда:
(*Указывая на Имоджену*)
Позвольте мнѣ за этого пажа,
Британца родомъ, вамъ представить выкупъ:
Никто слугой подобнымъ не владѣлъ;
Онъ ласковъ, нѣженъ, добръ, трудолюбивъ,
Внимателенъ и вѣренъ, и опрятенъ;
Позвольте жъ добродѣтелямъ его
Съ моей мольбой теперь соединиться;
Я знаю, ваша свѣтлость не отвергнетъ

Моей мольбы: онъ не нанесъ вреда
Британіи, хотя служилъ у римлянъ!
Спаси его, великій государь,
И не щади за это нашей крови!

Цимбелинъ.—Я гдѣ-то видѣлъ этого пажа;
Его черты мнѣ кажутся знакомы.
О, мальчикъ! взоръ твой чудный пріобрѣлъ
Мою любовь: ты мой съ минуты этой!
Не знаю какъ, не знаю почему,
Но мнѣ тебѣ все хочется сказать:
Живи, мой мальчикъ!—Никогда не думай
Благодарить монарха своего:
Живи,—проси себѣ у Цимбелина
Какой лишь хочешь милости; пускай
Она идетъ лишь къ нашей добротѣ
И къ сану твоему: ты все получишь!
Получишь все, хотя бы ты просилъ
Свободы главнаго изъ этихъ плѣнныхъ!..*)

Имоджена.—Благодарю васъ, свѣтлый государь.

Люцій.—Я не прошу тебя молить о жизни
Моей, прекрасный мальчикъ; но увѣренъ,
Что ты о ней попросишь короля.

Имоджена.—Ахъ, нѣтъ, увы! другая подъ рукою
У насъ забота: смерть не такъ горька,
Какъ то, что вижу я! И ваша жизнь
Сама пускай хлопочетъ о спасеньи!

Люцій.—Какъ? пажъ меня оставилъ, презираетъ
И ненавидитъ? Быстротечна радость,
Которая отъ вѣрности мальчишекъ
И дѣвочекъ зависитъ!.. Онъ смущенъ!

Цимбелинъ.—Чего же хочешь ты, мой милый мальчикъ?
Все болѣе и болѣе тебя
Люблю я: думай же и ты о просьбѣ
Все болѣе и болѣе!.. Ты знаешь
Того, въ кого теперь вцился ты взоромъ?
Скажи, желаешь ты его спасти?

---

*) Эта тирада, какъ и вообще всѣ разговоры переодѣтой Имоджены съ ея братьями, въ лѣсу, показываютъ, что Шекспиръ слишкомъ глубоко былъ преданъ идеямъ своего вѣка и вѣрилъ въ мнѣнія о сродствѣ душъ и о вліяніяхъ одного человѣка на другого посредствомъ магнетическаго вліянія.

Онъ родственникъ тебѣ? онъ твой пріятель?
Имоджена.—(*Смотритъ на Якимо*).—Онъ римлянинъ и мнѣ
родной такой же,
Какъ я родной монарху моему...
Нѣтъ, я рожденъ вассаломъ Цимбелина,
И потому къ нему гораздо ближе!
Цимбелинъ.—Что-жъ на него ты зорко такъ глядишь?
Имоджена. Я вамъ одинъ повѣдаю объ этомъ,
Когда угодно вамъ меня услышать.
Цимбелинъ.—Отъ всей души: располагай моимъ
Вниманіемъ! Какъ звать тебя, мой милый?
Имоджена.—Фиделіо!
Цимбелинъ. Отнынѣ, добрый мальчикъ,
Ты нашъ мой, а король—твой господинъ!
Ступай за мной и говори свободно. (*Цимбелинъ и Имоджена разговариваютъ въ сторонѣ*).
Белларій.—Ужъ не воскресъ ли этотъ чудный мальчикъ?
Арвирагъ.—Песчинки такъ не схожи межъ собой!
Да, это тотъ румяный, нѣжный крошка,
Который былъ Фиделью и скончался:
Что думаете вы?
Гвидерій.— Покойникъ ожилъ!..
Белларій.—Молчите; станемъ дальше наблюдать;
На насъ не посмотрѣлъ онъ; берегитесь;
На свѣтѣ разныя бываютъ сходства:
Когда бы это былъ нашъ милый мальчикъ,
Онъ ужъ давно завелъ бы съ нами рѣчь!
Гвидерій.—Мы сами видѣли, какъ онъ скончался.
Белларій.—Потише, станемъ далѣе глядѣть.
Пизаніо (*въ сторону*).—О, это госпожа моя!.. Она
Жива!.. Катись теперь, какъ хочешь, время,
Хорошее и злое—все неси! (*Цимбелинъ и Имоджена приближаются къ авансценѣ*).
Цимбелинъ (*Имодженѣ*).—Стань возлѣ насъ, по правой сторонѣ,
Произноси свои вопросы громко. (*Якимо*)
Приблизьтесь, сэръ, свободно отвѣчайте
На то, о чемъ васъ проситъ этотъ нашъ:
А иначе, клянусь величьемъ нашимъ
И красотой его—святою честью,
Мученія ужасныя исторгнутъ
Всю истину у непокорной лжи!

Извольте говорить!..

Имоджена.— Мнѣ нужно знать
Откуда вы достали этотъ перстень?

Постумъ *(въ сторону).*—Зачѣмъ ему все это?

Цимбелинъ.— Говорите,
Откуда вы достали вашъ алмазъ?

Якимо.— Подъ страхомъ пытки вы мнѣ запретите
Повѣдать то, что̀, если разсказать,
Васъ будетъ пыткой страшною терзать!

Цимбелинъ.—Меня?!..

Якимо.— Я очень радъ, что принуждаютъ
Меня повѣдать то, что̀ укрывать
Такая му̀ка! Перстень я похитилъ
Злодѣйствомъ: онъ принадлежалъ Постуму,
Котораго изгналъ ты и который,—
Да будетъ рѣчь моя тебѣ тяжеле,
Чѣмъ сердцу моему,—достойнѣй всѣхъ,
Кто только жилъ межъ небомъ и землею!
Но говорить ли далѣе мнѣ, сэръ?..

Цимбелинъ.—Повѣдай все, что̀ только близко къ дѣлу!

Якимо.—Да... неземное чудо, дочь твоя!..
Изъ сердца кровь сочится и коварный
Разсудокъ, при одномъ воспоминаньи
О ней, болитъ: мнѣ дурно... дай мнѣ кончить...

Цимбелинъ.—Какъ! дочь моя? Что жъ ты о ней разскажешь?
Возобнови свои больныя силы:
Живи, пока природа жить позволитъ,
Не умирай, не высказавъ всего!
Приди въ себя, бѣднякъ, и говори!

Якимо.—Однажды (горе тѣмъ колоколамъ,
Которые пробили часъ коварный),
Случилось это въ Римѣ (проклятъ будь
Нашъ домъ),—обѣдая (о, если бъ въ ядъ
Тогда всѣ наши блюда обратились,
Хотя бы тѣ, что предо мной стояли!)—
Достойный Леонатъ—(что̀ я сказалъ?!
Онъ слишкомъ былъ достоинъ между злыми,
И лучше всѣхъ, кто только ни былъ добръ
И доблестенъ межъ нами!) сидя грустно,
Внималъ, какъ мы наперерывъ хвалили
Любовницъ нашихъ римскихъ, красоты

Которыхъ даже тотъ, кто лучше всѣхъ
Умѣлъ блеснуть словечкомъ, не нашелся бъ
Превознести достойной похвалой:
По формамъ передъ ними былъ калѣкой
Безсмертный бюстъ Венеры, а Минерва
Не такъ стройна и нѣсколько горбата;
Онѣ стыдили чудеса природы—
И все, что только качествомъ своимъ
Насъ дѣлаетъ поклонниками женщинъ—
Въ себѣ соединяли... все, что ловитъ
На удочку безпечныхъ женіховъ
И красотой глаза намъ поражаетъ!

Цимбелинъ.—На угляхъ раскаленныхъ я стою:
Скорѣе къ дѣлу!..

Якимо.— Разомъ все скажу я,
Чтобъ ты не мучился отъ нетерпѣнья!
Постумъ (любя, какъ благородный лордъ,
И царственной любезною счастливый)
Взялся за рѣчь; не унижая тѣхъ,
Кого хвалили мы (какъ добродѣтель,
Онъ былъ спокоенъ!)—началъ онъ чертить
Портретъ своей любезной и, окончивъ
Его вполнѣ, онъ влилъ въ него дыханье
И мысли: тутъ увидѣли мы всѣ,
Что наше хвастовство трещало чуть ли
Не о красѣ кухарокъ; рѣчь его
Насъ обратила въ безсловесныхъ куколъ!

Цимбелинъ.—Скорѣй, скорѣе къ дѣлу!

Якимо.— Моя жена
Чиста, какъ ангелъ,—такъ онъ началъ споръ!
Онъ говорилъ, что и сама Діана
Во снѣ нечистыя мечтанья видитъ,
Она же съ ними вовсе незнакома!
При этомъ я (несчастный!) сталъ смѣяться
Надъ похвалой Постума и держалъ
Закладъ на кучу денегъ противъ перстня,
Который онъ тогда носилъ на пальцѣ,
Что перстень тотъ куплю ся позоромъ!
Онъ, вѣрный мужъ,—не сомнѣваясь въ чести
Своей жены, какъ я не сомнѣваюсь
Въ ней, послѣ всѣхъ моихъ попытокъ,—перстень

Поставилъ на закладъ и также точно
Могъ поступить, хотя бъ тотъ перстень былъ
Карбункломъ изъ колесницы Феба
И могъ со всей цѣной ея сравниться.
Тогда въ Британію помчался я,
Въ намѣреньи исполнить это дѣло!
Вы, можетъ-быть, припомните, милордъ,
Какъ при дворѣ у васъ я находился.
Здѣсь ваша дочь невинностью своей
Заставила меня увидѣть бездну
Между грѣхомъ распутства и любовью!
Я потерялъ надежду, но желаній
Я не терялъ: мой итальянскій мозгъ
Работать сталъ въ наивности британской
Немножко подло, но для нашей цѣли
Довольно выгодно; короче, я
Въ трудѣ успѣлъ и возвратился въ Римъ,
Съ большимъ запасомъ лживыхъ доказательствъ,
Которыя свели съ ума Постума,
Изранивъ вѣру бѣднаго въ невинность
Его жены безсовѣстною ложью...
Я описалъ ему покой принцессы,
Обои, потолки, каминъ, ковры;
Я показалъ ему браслетъ (о, хитрость!
Какъ ты легко достала мнѣ его!)—
Я подтвердилъ слова мои примѣтой
На тѣлѣ Имоджены сокровенной,
И онъ повѣрилъ, что замокъ ея
Невинности разбитъ и что она
Мнѣ отдалась... И мнится мнѣ, что вижу
Вновь Леоната я...

Постумъ *(выступая впередъ).*—Онъ передъ тобой,
Предатель итальянскій!—О! какой же
Глупецъ я легковѣрный, воръ, убійца,—
Собраніе всего, что̀ было, есть
И будетъ въ мірѣ изъ грѣховъ злодѣйскихъ!..
О, дайте мнѣ нелицемѣрный судъ!
Ты, мой властитель, дай мнѣ казнь и пытку!
Я всѣ злодѣйства заслужилъ собой —
Я хуже всѣхъ ихъ!.. Да, я — Леонатъ!
Я дочь твою убилъ! Нѣтъ, лжецъ коварный!

Я лгу: я совершилъ свое злодѣйство
Черезъ другого, худшаго еще,
Чѣмъ я; посягнулъ на святотатство:
Она была Діаны чистой храмомъ,
Нѣтъ, добродѣтель вся она была!
Заплюйте же скорѣе, закидайте
Каменьями и грязью вы меня!
Собаками злодѣя затравите!
Пусть каждаго разбойника зовутъ
Отъ этихъ поръ Постумомъ Леонатомъ...
И пусть земля извѣдаетъ грѣхи
Еще ужаснѣй моего злодѣйства.
О, Имоджена, королева, жизнь,
Жена моя! бѣдняжка Имоджена!
О, Имоджена! Имоджена!

Имоджена.— Тише,
Милордъ, прошу...

Постумъ.— Такъ ты комедію
Изъ этого желаешь разыграть?
Негодный пажъ: ты здѣсь окончишь роль! *(ударяетъ ее мечомъ: она падаетъ).*

Пизаніо.—Милорды! помогите, помогите!
Вѣдь это ваша и моя принцесса!..
Постумъ, Постумъ, теперь ты лишь убилъ
Бѣдняжку! Помогите, помогите!
О, честная милэди, Имоджена!

Цимбелинъ.—Неужели весь міръ перевернулся?

Постумъ.—Какъ отуманились мои глаза?!.

Пизаніо.—Очнится, принцесса!

Цимбелинъ.— Если это
Все правда, небеса хотятъ, чтобъ я
Отъ радости и счастія скончался!

Пизаніо.—Что, лучше-ль вамъ теперь, моя принцесса?

Имоджена. *(приходя въ себя).*—О! удалися съ глазъ моихъ! Ты яду
Мнѣ далъ! Поди, опасный человѣкъ!
Не смѣй дышать въ томъ мѣстѣ, гдѣ есть принцы!

Цимбелинъ.—Какъ?.. Голосъ Имоджены!

Пизаніо. Пусть, милэди,
Убьетъ меня небесная гроза,
Когда тотъ порошокъ, который вамъ

Я далъ въ лѣсу, я не считалъ безцѣннымъ
Лѣкарствомъ. Эту вещь я получилъ
Отъ королевы!
Цимбелинъ.— Новая продѣлка?!.
Имоджена.—Онъ отравилъ меня, милордъ!
Корнелій.— О боги!
Я позабылъ еще одно признанье
Покойницы: оно васъ оправдаетъ!—
О! если,—такъ сказала королева,—
Пизаніо далъ принцессѣ тотъ составъ,
Который я лѣкарствомъ назвала,
Онъ служилъ своей принцессѣ такъ же,
Какъ я, положимъ, услужила бъ крысѣ.—
Цимбелинъ.—Что тамъ еще, Корнелій?
Корнелій.— Королева,
Милордъ, меня просила очень часто,
Составить ей отравъ, для изученья
Ихъ свойствъ, какъ говорила мнѣ она,
Надъ смертью злыхъ созданій, кошекъ, крысъ,
Всего, что только въ свѣтѣ не жалѣютъ!
Боясь, чтобъ планъ ея пошелъ не дальше,
Я для нея составилъ вещество,
Которое на время только жизнь
Лишаетъ силъ, но вскорѣ весь процессъ
Природы вновь свершаетъ отправленія...
Вы не его ли приняли?
Имоджена.— Быть можетъ,
Я умерла отъ этого состава...
Белларій.—Вотъ, дѣти, въ чемъ была ошибка наша!
Гвидерій.—О, это нашъ Фиделіо, навѣрно!
Имоджена. *(Постуму).* —Зачѣмъ свою ты вѣрную супругу
Покинулъ здѣсь! Вообрази, что ты
Стоишь надъ бездной: сбрось меня туда!
(Обнимаетъ его).
Постумъ.—Виси на мнѣ, моя душа, какъ плодъ
На вѣточкѣ, пока она изсохнетъ!
Цимбелинъ.—Что жъ это, плоть моя, мое дитя?
Я зрителемъ нѣмымъ при этомъ буду?..
Ты говорить со мной совсѣмъ не хочешь?
Имоджена *(опускаясь на колѣни).*—Милордъ, прошу у васъ
благословенья.

Белларій (*Гвидерію и Арвирагу*). — Теперь я васъ нисколько не виню,
Что юношу вы этого любили:
У васъ къ тому свои причины были!
Цимбелинъ.—О, пусть мои родительскія слезы
Святой водою каплютъ на тебя:
Увы, скончалась мачиха твоя!..
Имоджена.—Мнѣ очень жаль ее, мой государь!
Цимбелинъ.—Она была исполнена грѣховъ:
По милости ея, такъ странно всѣ мы
Сошлися здѣсь... Но сынъ ея исчезъ
И мы не знаемъ, какъ и почему?..
Пизаніо.—Милордъ! мой страхъ прошелъ, я все открою...
Клотенъ, едва принцесса удалилась,
Пришелъ ко мнѣ, съ мечомъ въ рукѣ и съ пѣной
У рта; онъ началъ клясться предо мной,
Что если я ему не объявлю,
Куда ушла принцесса, я погибну
Въ одно мгновеніе!.. Тогда при мнѣ
Какъ разъ нашлось послѣднее письмо
Постума; это-то письмо умчало
Его за ней на поиски въ Мильфордъ,—
Куда, какъ звѣрь и въ платьѣ Леоната,
Которое онъ вырвалъ у меня,
Клотенъ съ позорнымъ планомъ поспѣшилъ...
Что съ нимъ случилось послѣ, я не знаю!
Гвидерій.—Позвольте мнѣ окончить вашъ разсказъ.
Я умертвилъ его!
Цимбелинъ.— Спаси васъ небо!
Я не хотѣлъ бы добрыя дѣла
Наказывать жестокимъ приговоромъ:
Скажи, что ты солгалъ, мой храбрый мальчикъ!
Гвидерій.—Я сдѣлалъ такъ, какъ я вамъ объявилъ!
Цимбелинъ.—Клотенъ былъ принцъ!
Гвидерій.— Онъ наглымъ принцемъ былъ!
Его продѣлки недостойны принца.
Онъ вздумалъ вызывать меня такимъ
Задорнымъ языкомъ, что я пошелъ бы
Хоть на моря, когда бъ они ревѣли,
Какъ онъ: я голову ему отсѣкъ!..
И очень радъ, что нынче передъ вами

Онъ не стоитъ, какъ я, и обо мнѣ
Такой же рѣчи вамъ не говоритъ!..
Цимбелинъ.—Жаль мнѣ тебя; твой собственный языкъ
Тебѣ изрекъ смертельный приговоръ;
Законамъ ты обязанъ покориться:
И нынче же умрешь!
Имоджена.— Безглавый трупъ
Я приняла за милаго супруга!
Цимбелинъ.—Связать убійцу, прочь его отсюда!
Белларій.—Стой, государь; убитый недостоинъ
Убійцы; твой преступникъ одного
Съ тобою рода: онъ передъ тобой
Свершилъ гораздо болѣе заслугъ,
Чѣмъ цѣлый полкъ Клотеновъ совершилъ бы. *(Стражи).*
Освободите царственныя руки:
Не для цѣпей онѣ сотворены!
Цимбелинъ.—Зачѣмъ, старикъ-солдатъ, желаешь ты,
Не получивъ еще вознагражденья
За подвигъ свой, подвергнуться опалѣ
И гнѣву короля? Какъ можетъ онъ
Быть одного со мной происхожденья?
Арвирагъ.—Въ своихъ словахъ зашелъ онъ далеко.
Цимбелинъ (*Белларію*).—За это ты погибнешь безъ пощады!
Белларій.—Всѣ трое мы погибнемъ! Но сперва
Я докажу, что двое между насъ
То самое, о чемъ я вамъ повѣдалъ.—
Я долженъ, дѣти, гибельную тайну
Открыть: она—опасна для меня,
Но васъ она, навѣрно, осчастливитъ!
Арвирагъ.—Опасность ваша и для насъ—опасность!
Гвидерій.—А счастье наше—счастье и для васъ!
Белларій.—Позвольте же: я стану говорить.—
Великій государь, скажите, былъ ли
У васъ вельможа, именемъ Белларій?
Цимбелинъ.—Что въ немъ тебѣ?!. Онъ сосланный измѣнникъ!
Белларій.—Онъ такъ же старъ, какъ тотъ, кто передъ вами
Стоитъ теперь: онъ сосланъ—это правда;
Но я не знаю, былъ ли онъ измѣнникъ?..
Цимбелинъ.—Схватить его! Вселенная не можетъ
Его спасти!—
Белларій.— Не горячитесь такъ!

Сначала заплатите мнѣ за то.
Что ваши дѣти выкормлены мною.
И конфискуйте послѣ все, едва
Я получу свое вознагражденье.

Цимбелинъ.—Ты выкормилъ моихъ дѣтей?

Белларій.— Я грубъ
И слишкомъ смѣлъ: молю васъ на колѣняхъ...
Не стану я до той поры, покуда
Не вознесу я вашихъ сыновей!
Тогда вы старика ужъ не жалѣйте...
Великій государь, я не отецъ
Двумъ этимъ джентльменамъ, хотя меня
Они зовутъ отцомъ и почитаютъ
Себя дѣтьми изгнанника-Моргана!
Они потоки царственной рѣки—
И кровь твоя, мой свѣтлый повелитель!..

Цимбелинъ.—Какъ! въ нихъ мое потомство?

Белларій.— Точно такъ,
Какъ ты потомокъ дѣдовъ Цимбелина.
Старикъ Морганъ былъ нѣкогда Белларій:
Его тогда ты выслалъ изъ отчизны.
Двухъ этихъ принцевъ (имя это къ нимъ
Идетъ, они сіятельные принцы)—
Я двадцать лѣтъ воспитывалъ въ горахъ;
Вселилъ въ нихъ все, что только могъ вселить
Изъ истинныхъ познаній; самъ ты знаешь,
Кормилица малютокъ, Эрифила,
Съ которой я вступилъ за это въ бракъ,
Ихъ унесла, едва меня изгнали!
На это я склонилъ ее тогда!
Я былъ наказанъ прежде преступленья,
Которое свершилъ я предъ тобой:
Я пострадалъ за вѣрность и замыслилъ
Коварную измѣну Цимбелину!
Но, свѣтлый сэръ, вотъ вновь твои сыны:
Я въ нихъ теряю всю мою отраду!
Да низойдетъ благословенье неба
На ихъ чело спасительной росой:
Они могли бъ достойно сводъ лазурный
Огнями звѣздъ душевныхъ обложить!

Цимбелинъ.—Ты говоришь и плачешь; вы втроемъ

Свершили подвигъ, предъ которымъ блѣдны
Всѣ чудеса разсказа твоего:
Я потерялъ моихъ дѣтей; но если
Мои то дѣти, лучшихъ сыновей
Желать не долженъ я.

Белларій.— Милордъ, позвольте!
Тотъ джентельменъ, который у меня
Носилъ названье Полидора, принцъ—
Достойнѣйшій Гвидерій; джентельменъ,
Котораго я называлъ Кадваломъ,—
Свѣтлѣйшій Арвирагъ, вашъ младшій сынъ;
Его въ богатой мантіи укрыли,
Въ пеленкахъ, вышитыхъ рукой его
Высокой матери: всѣ эти вещи
Я вамъ, для бо̀льшей правды, покажу!

Цимбелинъ.—На шеѣ у Гвидерія была
Кровавая звѣзда—значокъ родимый!..

Белларій (*указывая на Гвидерія*).—Вотъ, кто родимымъ пятнышкомъ отмѣченъ!
Премудрая природа создала
Его на тотъ конецъ, чтобъ вамъ сегодня
Скорѣй пришлось Гвидерія признать!

Цимбелинъ.—Ужель я вновь отецъ троихъ дѣтей?
Вовѣки мать не радовалась больше,
Окончивъ му̀ки тягостныхъ родовъ!..
Благословенны вы, которыхъ путь
Лежалъ такъ долго внѣ родимыхъ о̀рбитъ:
Войдите въ нихъ и царствуйте опять!
Ты, дочь моя, лишилась черезъ это
Короны!..

Имоджена.— Нѣтъ, милордъ, я черезъ это
Пріобрѣла два міра неземныхъ!..
О, братья милые, мы снова вмѣстѣ!
Не говорите жъ больше никогда,
Что рѣчь моя неправильна: вы братомъ
Меня именовали, я же вамъ
Была сестрой; а я именовала
Васъ братьями, и были вы мнѣ братья!..

Цимбелинъ.—Такъ вы уже встрѣчались?

Арвирагъ.— Да, милордъ!

Гвидерій.—И съ перваго жъ свиданья полюбили

Другъ друга, продолжая страсть свою,
До той поры, когда сестра скончалась...
Корнелій.—Отъ ядовитыхъ зелій королевы!
Цимбелинъ.—О, дивное чутье!—Когда же я
Услышу все? И въ спѣшномъ пересказѣ
Видны у васъ безчисленныя вѣтви,
Которыми богато вашъ разсказъ
Развиться можетъ! Гдѣ и какъ жила ты?
Какъ римскому ты плѣннику служила?
Какъ ты разсталась съ братьями? Какъ вновь
Ты ихъ нашла? Зачѣмъ ты убѣжала
Отъ нашего двора?.. Куда бѣжала?!.
Все это—и къ тому еще причину,
Которая васъ привела на бой,
Не знаю самъ, какъ много я желалъ бы
Узнать отъ васъ въ подробнѣйшихъ оттѣнкахъ,
Во всѣхъ случайныхъ, мелкихъ переходахъ!
Но намъ теперь не мѣсто и не часъ
Васъ долгими вопросами тревожить...
Постумъ закинулъ якорь къ Имодженѣ;
Она же, какъ стыдливая зарница,
Бросаетъ взоръ свой нѣжный на него,
На братьевъ и на насъ,—и свѣтъ, и радость
На милые предметы проливаетъ!..
Мы отвѣчаемъ тѣмъ же Имодженѣ...
Пойдемъ отсюда; пусть дымятся храмы
Огнями нашихъ благодарныхъ жертвъ! *(Белларію)*
Ты братъ мой и навѣкъ мнѣ будешь братомъ!..
Имоджена.—Вы мой отецъ, меня вы воскресили!
Я дожила до радостной поры!
Цимбелинъ.—Всѣ радуются, кромѣ этихъ плѣнныхъ:
Пускай же и на нихъ прольется радость;
Они раздѣлятъ счастье короля!
Имоджена *(Люцію)*.—Теперь, мой повелитель, постараюсь
Я вамъ, какъ должно, услужить!
Люцій.— Сойди
На васъ благословеніе небесъ!
Цимбелинъ.—Пропавшій воинъ столько благородства
Въ сраженьи показалъ, что между насъ
Блисталъ бы кстати онъ и благодарность
Монаршую собою бы почтилъ!

Постумъ.—Я, государь, тотъ неизвѣстный воинъ!
Я въ рубищѣ простомъ сопровождалъ
Троихъ твоихъ бойцовъ: моя одежда
Тогда моимъ желаньямъ отвѣчала!
Якимо, говори, кто этотъ воинъ?
Не я ль тебя повергнулъ, и едва
У ногъ моихъ ты не лишился жизни?
Якимо (*становясь на колѣни*).—Я вновь у ногъ твоихъ: но мнѣ колѣни
Теперь сгибаетъ мстительная совѣсть,
Какъ нѣкогда ихъ мощь твоя сгибала;
Возьми же эту жизнь, молю тебя:
Я столько разъ надъ нею издѣвался!
Но прежде получи свое кольцо
И съ нимъ браслетъ вѣрнѣйшей изъ принцессъ,
Какія только въ вѣрности клялися!
Постумъ.—Не преклоняй колѣнъ передъ Постумомъ:
Одною властью обладаетъ онъ,
И эта власть—прощеніе врагу;
Одну лишь месть питаетъ онъ къ тебѣ—
И эта месть—забвеніе обиды!
Живи и поступай съ другими лучше!
Цимбелинъ.—Вотъ благородный судъ; нашъ мудрый зять
Даетъ урокъ намъ въ мудромъ милосердьи *).
На этотъ разъ прощенье—нашъ пароль!
Арвирагъ.—Вы помогали намъ, какъ будто знали,
Что мы на самомъ дѣлѣ съ вами братья;
Какъ рады мы, что вы намъ не чужой!
Постумъ.—Я вашъ слуга, сіятельные принцы!
Вы, благородный вождь отрядовъ римскихъ,
Не можете ль гадателей своихъ
Сюда созвать: я видѣлъ чудный сонъ!
Ко мнѣ сходилъ властительный Юпитеръ,
На царственномъ орлѣ своемъ покоясь,
И, окруженный липами моихъ
Покойниковъ родныхъ, меня тревожилъ...
Когда же я проснулся, на груди
Моей покоилась вотъ эта книжка;
Ея слова такъ странны и темны,

*) Слово: son-in-law, зять, заключаетъ здѣсь непереводимый намекъ на милосердіе законовъ; собственно son-in-law значитъ *сынъ по закону*.

Что я не въ силахъ смысла ихъ понять!..
Пускай же вашъ гадатель намъ покажетъ
Свое искусство въ чтеньи этихъ словъ!

Люцій.—Гдѣ Филармонъ?

Гадатель.— Я здѣсь, мой добрый лордъ.

Люцій (*даетъ ему книжку*). Читай и объясни намъ эти рѣчи.

Гадатель (*читаетъ*).—«Когда львенокъ, самъ того не зная, и безъ всякихъ поисковъ, найдетъ струю нѣжнаго воздуха и будетъ объятъ ею, и когда обломленныя у величаваго кедра вѣтви, послѣ многолѣтняго смертнаго сна, оживутъ, приростутъ къ старому пню и снова покроются свѣжими ростками, тогда настанетъ конецъ бѣдствіямъ Постума; Британія будетъ счастлива и процвѣтетъ въ мирѣ и довольствѣ».

Ты, Леонатъ, какъ сказано здѣсь,—львенокъ;
Значеніе прозванья твоего
Намъ подтверждаетъ это: Leo-natus—
Одно и то же, что рожденный львомъ! (*Цимбелину*)
А нѣжный воздухъ—дочь твоя, властитель;
По-римски, нѣжный воздухъ—mollis aer;
Изъ слова mollis-aer выйдетъ слово
«Супруга»—mulier; а это прямо
Ужъ означаетъ вашу Имоджену,
Которую, безъ поисковъ, теперь,
И самъ того не зная, какъ оракулъ
Сказалъ, нашелъ восторженный супругъ
И ею былъ, какъ пеленой воздушной
Какъ нѣжнымъ благовоніемъ объятъ!

Цимбелинъ.—Да, въ этомъ есть, повидимому, смыслъ!

Гадатель.—Могучій кедръ—великій Цимбелинъ!
А отъ него отломленныя вѣтви—
Два сына Цимбелина; ихъ унесъ
Белларій. Много лѣтъ ихъ всѣ считали
Погибшими; они теперь воскресли
И приросли къ властительному корню;
И мощный кедръ отчизнѣ обѣщаетъ
Въ своихъ потомкахъ славу и покой!..

Цимбелинъ.—Прекрасно! мы теперь начнемъ съ покоя:
Кай-Люцій, я побѣду одержалъ,
Но покоряюсь Цезарю и Риму!
Согласенъ я условленную дань
Ему платить; вражда супруги нашей

Меня отъ этой дани отклонила:
За это судъ небесъ рукой тяжелой
Ее съ несчастнымъ сыномъ поразилъ:
Гадатель.—Персты боговъ настраиваютъ струны
Гармоніи торжественной и мира!
Видѣніе, которымъ занялъ я,
Передъ сраженьемъ, Люція, вполнѣ
Свершится теперь: мнѣ снилось, будто
Могучій нашъ орелъ покинулъ Югъ
И залетѣлъ на отдаленный Западъ;
Тамъ, уменьшаясь болѣе и болѣ,
Онъ наконецъ исчезъ во блескѣ солнца!..
Видѣнье предвѣщало, что орелъ—
Властительный, великій императоръ,
Сольется вновь съ пресвѣтлымъ Цимбелиномъ,
Блестящею звѣздой полночныхъ странъ!..
Цимбелинъ.—Благословимъ теперь святыхъ боговъ:
Пусть къ алтарямъ таинственнымъ восходитъ
Волнистый дымъ благоуханныхъ жертвъ!
Всѣмъ подданнымъ о мирѣ объявить!
Пойдемъ! И пусть британскія знамена
Завѣютъ рядомъ съ цезарскимъ орломъ!
Мы такъ пойдемъ съ тріумфомъ въ нашу Люду—
И въ храмѣ Зевса миръ нашъ заключимъ;
Потомъ его скрѣпимъ роскошнымъ пиромъ...
Итакъ, впередъ!.. Еще не конченъ бой—
А ужъ кругомъ и счастье, и покой!—

(Занавѣсъ опускается.)

Оглавленіе.

XIX ТОМА.

	стр.
Отъ автора.	5
I. Мертвецъ-убійца.	6
II. Жизнь черезъ сто лѣтъ.	12
III. Проказы духовъ.	35
IV. Призраки.	39
V. Таинственная свѣча.	43
VI. Прогулка домового.	50
VII. Старые башмаки. (Историческая легенда).	55
VIII. Божьи дѣти	59
IX. Счастливый мертвецъ.	68
X. Разбойникъ Гаркуша. (Изъ Украинскихъ легендъ) . . .	75
I. Цимбелинъ.	85

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

II.

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ КОРОЛЯ РИЧАРДА ТРЕТЬЯГО.

Вильяма Шекспира.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

(В. А. Каратыгину.)

Отъ переводчика.

«Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея?.. Человѣкъ и народъ, — судьба человѣческая и народная. Вотъ почему Шекспиръ—великъ!»

Записки Пушкина.

Историческая драма «Ричардъ III» — считается нѣкоторыми первою, по времени, историческою драмою Шекспира. Коллье и Дэйсъ относятъ ее къ 1593 году.

Рядъ произведеній, въ средѣ которыхъ эта драма занимаетъ такое видное мѣсто, составляетъ, по мнѣнію Шлегеля, колоссальную драматическую эпопею, подобной которой нѣтъ ни у одного литературнаго народа. Эти историческія драмы обязаны своимъ происхожденіемъ лучшей эпохѣ царствованія Елисаветы,—когда, по сокрушеніи испанской Армады (1588 г.), впервые въ сердцахъ англичанъ заговорило чувство народнаго самосознанія и гордой независимости, въ кругу державъ Европы. Удивляясь общему, политико-патріотическому значенію историческихъ драмъ Шекспира, Шлегель сказалъ, что «главныя черты происшествій въ нихъ до того вѣрно схвачены, ихъ причины и тайныя начала такъ ясно

изображены, что всюду исторія въ нихъ изучается изъ источника истины, какъ бы у корня самой дѣйствительности». Единственнымъ пособіемъ Шекспиру въ ихъ созданіи служила хроника Голиншеда, которая явилась въ свѣтъ между 1577 и 1587 годами, въ двухъ фоліантахъ. Какъ онъ пользовался ею, насколько отступалъ отъ нея и слѣдовалъ ей—превосходно объяснилъ Куртнэй въ своемъ отдѣльномъ сочиненіи—«Commentaries on the historical plays of William Shakespeare, 1840». Вотъ главный законъ, которому, по мнѣнію Куртнэя, подчинялся Шекспиръ при пользованіи источниками хроники Голиншеда: «онъ искалъ природы и внутренней истины». Мотивы историческихъ дѣйствій онъ бралъ изъ простодушныхъ повѣствованій Плутарха; на ихъ основаніи онъ смѣло входилъ въ міръ сагъ и миѳовъ Голиншеда, и самая хроника представлялась ему сквозь свѣтлую призму естественности и природы, такъ что — чѣмъ свободнѣе и энергичнѣе творилъ Шекспиръ, тѣмъ, — какъ, напримѣръ, въ «Ричардѣ III», — поэтичнѣе являлись его образы, хотя при этомъ болѣе теряли въ историческомъ достоинствѣ,—чѣмъ, напротивъ, вѣрнѣе и ближе къ дѣйствительности творилъ онъ, тѣмъ болѣе его характеры, — какъ, напримѣръ, характеры въ «Ричардѣ III»,— выигрывали въ историческомъ смыслѣ, но тѣмъ болѣе теряли въ поэтическихъ достоинствахъ.—Рядъ этихъ историческихъ драмъ, именно: «Ричардъ III» (1593 г.), «Ричардъ II» (1597 г.), «Генрихъ IV», первая и вторая части (1596—1598 гг.), «Генрихъ V» (1599 г.), «Виндзорскія Кумушки», «Король Іоаннъ» и «Генрихъ VIII» (1604 г.),— интереснѣ не менѣе фантастическихъ трагедій Шекспира, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, въ «Ричардѣ III», встрѣчается еще интересъ чисто *психологическій*. Эту истину доказалъ просвѣщенному міру германскій ученый Гервинусъ, въ капитальномъ сочиненіи «Shakespeare». «Историческія драмы» Шекспира составляютъ второй томъ этого сочиненія. Чтобы показать высокій интересъ и оригинальность взглядовъ ученаго, которому Я. Гриммъ, авторъ «Исторіи германскаго языка», посвятилъ свой великій трудъ, здѣсь излагаются главныя мысли Гервинуса объ исторической драмѣ Шекспира «Ричардъ III».

Теперь доказано, что еще въ 1583 г., въ Кэмбриджѣ, была написана докторомъ Легге латинская драма, подъ именемъ «Ричардъ III», а въ 1588 г. англійская трагедія «The true tragedy of Richard III», которая, впрочемъ, появилась въ печати годомъ позже Шекспировой. Обѣ помѣщены въ запискахъ Шекспировскаго общества, но изъ нихъ видно, что творецъ «Отелло» и «Макбета» ими почти не пользовался. «Ричардъ III» Шекспира — самобытное твореніе великаго драматурга и служитъ продолженіемъ его драмы «Генрихъ VI». Здѣсь, какъ и въ «Генрихѣ VI», еще не вполнѣ выдержана строго-драматическая форма. Но эта пьеса полна трагическихъ мотивовъ и сценъ, и въ ней поразительно выступаетъ міръ черныхъ злодѣяній, которыя Шекспиръ, безъ доказательствъ исторіи, сваливаетъ на Ричарда III и тѣмъ, съ такимъ горькимъ сарказмомъ, развертываетъ внутреннія отношенія своихъ героевъ, гдѣ мы постепенно видимъ, какъ коварный Ричардъ показываетъ падшему поколѣнію послѣдствія гражданскихъ смутъ, какъ онъ, низвергнутый, возвышается, побѣждаетъ своихъ враговъ, и, почти въ мигъ торжества, самъ падаетъ и погребается подъ обломками всеобщаго разрушенія. Трагедія Шекспира основана на борьбѣ *бѣлой* и *алой розъ*, на соперничествѣ домовъ Іорка и Ланкастера.

Среди гражданскихъ смутъ и потрясеній всего общества— выступаетъ страшный Глостеръ, съ опаснымъ сознаніемъ превосходства своихъ дарованій и съ проницательною зоркостью взгляда на испорченность и неспособность человѣчества его эпохи. Въ мірѣ, гдѣ всякій добро считаетъ добромъ, онъ ложно убѣждается, что одно зло должно управлять нашими дѣйствіями; слѣпой и неблагородный эгоизмъ возвышаетъ его надъ слабыми личностями; гордость мышленія заставляетъ его пренебрегать законами обычаевъ и правовъ. Что свѣтъ покоряется уму и силѣ—было началомъ его макіавеллизма; онъ избралъ тронъ цѣлью своей суетности; окружающихъ его людей онъ обращаетъ въ ступени лѣстницы своего возвышенія. Англійская сцена, во всѣ времена, интересовалась этимъ созданіемъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи Коллей-Гибберъ вынесъ его изъ мрака забвенія. Величайшіе артисты Англіи, Борбэджъ, Гаррикъ и Кинъ, считали Ричарда въ числѣ своихъ любимѣйшихъ ролей, что особенно удавалось двумъ первымъ, по причинѣ

ихъ натуральной малорослости. Другіе артисты, какъ напримѣръ, Кембель, оставили цѣлые трактаты объ исполненіи этого характера. Уже во время Шекспира (1614 г.) одинъ писатель, вѣроятно, Христоферъ Брукъ, сочинилъ поэму въ стансахъ—«Духъ Ричарда III», которая помѣщена въ запискахъ Шекспировскаго Общества. Эта поэма тѣмъ интереснѣе, что показываетъ, какъ тогдашнее время понимало человѣчество и насколько оно старалось вникать въ духъ такихъ характеровъ, каковъ характеръ Ричарда III.

Біографія Ричарда переведена Томасомъ Муромъ съ латинской біографіи-хроники Голиншеда, который, вѣроятно, ее заимствовалъ, въ свой чередъ, у архіепископа Мортона. Въ этомъ источникѣ Шекспиръ нашелъ слѣдующія скудныя, но довольно мѣткія черты для характеристики своего героя. Ричардъ родился съ зубами, былъ безобразенъ и его лѣвое плечо было выше праваго. Злость, гнѣвъ и ненависть были его главными качествами. Онъ былъ хорошій воинъ; былъ щедръ, что доставляло ему самыхъ многочисленныхъ, но непостоянныхъ друзей; былъ таинственъ, глубокій лицемѣръ; снаружи онъ казался смиреннымъ, внутри его бушевали кичливость и гордость; онъ былъ другомъ и врагомъ въ одно время, цѣловалъ въ тотъ самый мигъ, когда готовилъ убійство, и если пускалъ въ дѣло свое вѣроломство и тщеславіе, то не щадилъ ни враговъ, ни друзей. Шекспиръ удержалъ всѣ эти черты, — удержалъ въ самой высокой, художественной естественности и гармоніи. Его Ричардъ всюду является отличнымъ, ловкимъ краснобаемъ, съ духомъ испорченнымъ и холодно-ядовитымъ, съ острою проницательностью взгляда, вполнѣ такимъ, какъ его изображаетъ хроника; въ его двуличномъ волокитствѣ и ухаживаніи за Анною, въ его лицемѣрныхъ фразахъ, въ его сарказмахъ и двусмысленныхъ рѣчахъ, — вездѣ проглядываетъ острый и ядовитый даръ его лукавой рѣчи. Съ наслажденіемъ смотритъ на него мстительно-жадная Маргарита. Суровый, дикій, выросшій на войнѣ и въ крови убійствъ, съ гордостью аристократа и съ пронырствомъ плута, Ричардъ является въ вѣчномъ противорѣчіи съ самимъ собою. Уже хроника выставила его съ качествами существа падшаго и дерзкаго въ своихъ злодѣяніяхъ; Шекспиръ его дорисовалъ: Ричардъ выходитъ на сцену съ духомъ перемѣнчивымъ и необузданнымъ, въ припадкахъ бѣшенства и упорства, и

тутъ же расточаетъ медовыя рѣчи; то кажется легко-откровеннымъ и поверхностно-безпечнымъ льстецомъ, то вдругъ— самымъ суровымъ и коварнымъ лицемѣромъ, злодѣемъ.

Сомнѣвались, возможны ли подобныя противорѣчія въ одномъ лицѣ. Могъ ли человѣкъ, которому въ высочайшей степени свойственна лесть, такъ далеко упасть въ суровости и свирѣпости нрава, сдѣлаться самымъ закоснѣлымъ злодѣемъ? Или, если эта свирѣпость была его природнымъ качествомъ, могъ ли подобный извергъ быть образцомъ такого ума? Наконецъ, возможно ли было человѣку, такъ сознававшему свои силы въ достиженіи предположенной цѣли, распространять страхъ и ужасъ, и, по сказанію хроники, исполнять всѣ свои гнусныя злодѣйства, безъ природной наклонности, изъ одной политики? Шекспиръ, какъ и его историческіе источники, главною пружиною дѣйствій Ричарда, основою всѣхъ его плановъ выставляютъ его заносчивое честолюбіе. Онъ поставилъ это качество въ центръ всего характера Глостера. Въ его грубой природѣ столько гордости и самолюбія, столько аристократической щепетильности, столько, наконецъ, отвращенія къ кривой лести, что онъ ползаетъ и сгибается, какъ мы видимъ, изъ одного непреклоннаго стремленія къ достиженію того мѣста, на которомъ каждый передъ нимъ долженъ склоняться. Вслѣдствіе своихъ намѣреній и плановъ, онъ дошелъ до того, что не только могъ сдѣлаться неподражаемымъ плутомъ, но еще могъ скрывать свое плутовство и свои цѣли. Лицемѣрство онъ довелъ до высшей степени, такъ что онъ является иногда преслѣдуемымъ и угнетеннымъ тамъ, гдѣ онъ самъ всѣхъ угнетаетъ и уничтожаетъ, — и разыгрываетъ роль труса въ то время, когда его ненависть разитъ самымъ отчаяннымъ и коварнымъ ударомъ; — такъ что артистъ-актеръ долженъ непремѣнно различать, гдѣ его сила природна и гдѣ она въ своемъ дѣйствіи только принятая роль. Наконецъ, онъ доводитъ свое лукавство до non plus ultra, до того, что онъ, ужасъ людей, принимается въ свѣтѣ за кроткаго и милосерднаго, за добродѣтельнаго, что онъ, тѣломъ и душою демонъ-предатель, является въ образѣ праведника, и что его врагъ, какъ, напримѣръ, Риверсъ, вѣритъ въ его честность; прямой человѣкъ, какъ Гэстингсъ, вѣритъ въ неспособность его скрытности; Анна замѣчаетъ въ немъ возвратъ къ раскаянію, а падающій Кларнесъ

вѣритъ въ его братскую любовь... На послѣднихъ ступеняхъ къ достигаемой цѣли состязается съ Бокингэмомъ въ лицемѣрствѣ и побѣждаетъ его...

Слабы нити, посредствомъ которыхъ характеръ Ричарда связывается съ добрыми сторонами человѣческой природы; не найди Шекспиръ этого характера въ достовѣрныхъ скрижаляхъ исторіи, онъ, можетъ-быть, не рѣшился бы, позднѣе, воспроизвести его въ типахъ Эдмунда и Яго. Шекспиръ старался сдѣлать какъ можно болѣе интереснымъ этотъ характеръ, и потому такъ развилъ въ немъ его злую сторону... Невѣроятно при этомъ встрѣтить въ демонѣ пороковъ, въ дерзкомъ Ричардѣ, — черту совершенно неожиданную: герой зла подверженъ припадкамъ *суевѣрія!* Когда Маргарита (I актъ, 3 сцена) осыпаетъ его проклятіями, Глостеръ старается ее прервать различными словами и обратить ея проклятія на нее же. Одинъ предсказатель объявилъ ему смерть послѣ его свиданія съ Ричмондомъ, и это уже тяготитъ его. Хроника говоритъ, что онъ выходилъ изъ себя, когда слышалъ имя Ричмонда. Шекспиръ удержалъ эту черту. Внутренніе голоса, днемъ связывающіе его совѣсть и волю, вырываются наружу въ полночь, когда спятъ его нравственныя силы; злодѣя томятъ ужасные сны... Наканунѣ его битвы съ Ричмондомъ (также по сказанію хроники), передъ нимъ являются духи убитыхъ имъ жертвъ и терзаютъ его угрозами и упреками... Ричардъ просыпается въ испугѣ, и, обливаясь холоднымъ потомъ, кричитъ отрывистыя слова и въ бреду чуть не выдаетъ самого себя...

Въ роли Ричарда — актеру предстоитъ тьма самыхъ непреодолимыхъ трудностей. По словамъ Стивенса, не то здѣсь затруднительно, что артистъ долженъ безпрестанно мѣнять въ себѣ образы героя и шарлатана, государственнаго человѣка и буффо, лицемѣра и разбойника, не то здѣсь трудно, что онъ долженъ ежеминутно извертываться между высочайшими страстями и самымъ фамильярнымъ тономъ рѣчи, между красными словами—то грубаго солдата, то лукаваго политика и льстиваго придворнаго и между угрозами взбѣшеннаго пирата; наконецъ, не въ тонкой обрисовкѣ движеній или мимической и риторической художественной діалекціи состоятъ трудности выполненія характера Ричарда, но въ томъ, что артисту должно найти основныя начала всѣхъ этихъ разнообразностей и соединить ихъ плотью гар-

моніи. Ричардъ — это Протей превращеній. Самый лучшій выразитель его роли до сихъ поръ былъ и есть — самъ Шекспиръ... Для величайшихъ актеровъ онъ всегда былъ Гордіевымъ узломъ.

Въ трагедіи — остальныя лица, какъ и въ раннихъ произведеніяхъ Шекспира, группируются вокругъ главнаго дѣйствующаго характера; одна и та же идея связываетъ ихъ съ страшнымъ героемъ. Сверхчеловѣческимъ силамъ Ричарда прежде всего противупоставляются женщины — во всей ихъ женственной слабости и безсиліи. *Анна*, которую онъ въ началѣ покоряетъ оружіемъ своего лицемѣрія, возбуждаетъ скорѣе участіе, нежели презрѣніе; она ненавидитъ и выходитъ замужъ; она проклинаетъ ту, которая станетъ женою убійцы ея мужа, и сама подпадаетъ этому проклятію и, ставши его супругою, входитъ снова, невольно, въ ряды враговъ своего новаго мужа... Рѣдко выводили сцену, полную такихъ невѣроятностей, какова сцена, гдѣ Анна играетъ главную роль, и ея характеръ выходитъ неожиданно и какъ бы мимоходомъ, снова исчезнувъ въ своемъ проявленіи до конца пьесы, но блеснувъ всею роскошью красокъ, женскою кичливостью, самолюбіемъ, слабостью и кокетливостью рѣчи; подобное явленіе мы видимъ еще въ трагедіи «Эфесская Матрона»... Не надобно забывать, впрочемъ, что убійство ея мужа частью оправдывается неизбѣжнымъ зломъ всякой гражданской войны и долгомъ воинской чести...

Не менѣе остроумно выступаетъ, въ противоположность характеру Глостера, простодушіе Гэстингса. Онъ добросердеченъ, вѣренъ чувству добра, болтливъ, честенъ, чуждъ всякаго лукавства; онъ вѣритъ Кэтзби столько же, сколько и Ричарду; онъ торжествуетъ съ неосмотрительною радостью при паденіи своихъ враговъ, тогда какъ ему грозитъ подобная же участь; онъ подаетъ въ совѣтѣ свой голосъ за Глостера, за своего чуднаго и вѣрнаго друга, и не видитъ, что тотъ уже подписалъ его смертный приговоръ. Вся сцена (III актъ, 4 сцена), въ которой это происходитъ, даже въ подробностяхъ характеристической рѣчи, заимствована изъ хроники. Иначе Шекспиръ выставилъ Бракенбери; — здѣсь онъ основывался единственно на силѣ своего воображенія, и потому этотъ послѣдній исторически играетъ совершенно другую роль, нежели въ трагедіи. Являясь лицомъ вполнѣ страдательнымъ, какъ Кэтзби и Тиррель характерами дѣй-

ствующими, онъ вѣчно вызываетъ Ричарда къ дѣйствіямъ, вызываетъ его планы и намѣренія, — безъ чего послѣдніе, повидимому, не получили бы такого энергическаго полета. Самымъ главнымъ орудіемъ Глостеру служитъ его креатура — Бокингэмъ... Онъ выставленъ съ нимъ рука объ руку, какъ его близкое и дивно-схожее отраженіе, какъ копія его честолюбія и лицемѣрія. Другъ у друга они заимствуютъ и оба вмѣстѣ стремятся къ одной цѣли— къ возвышенію. Здѣсь—ихъ природная, нравственная связь. Въ Бокингэмѣ, въ его сходствѣ съ Ричардомъ, Шекспиръ примиряетъ противуположности въ характерѣ своего героя и рѣзкое различіе въ типахъ второстепенныхъ лицъ, сгруппированныхъ около Глостера. Онъ помогаетъ своему патрону возвыситься—и, подобно ему и его продѣлкамъ. дивно скрываетъ свою атаку... Сама Маргарита въ началѣ считаетъ его невиннымъ; ея проклятія не касаются его; онъ не вѣритъ имъ, но, подобно Глостеру, сомнѣвается въ своихъ убѣжденіяхъ и радуется, что страшная женщина извлекаетъ его изъ круга тѣхъ, на которыхъ обрушаетъ свои заклинанія, и что она протягиваетъ ему руку помощи. Вездѣ, въ добрѣ и злѣ, онъ рисуется за Ричардомъ — на второмъ планѣ.—Совершенная противуположность Бокингэму—Стэнли. Это настоящій льстецъ и лицемѣръ; внѣ своей главной сферы онъ не признаетъ ничего, и, подобно Елисаветѣ, поражаетъ Ричарда его же оружіемъ. Будучи въ родствѣ съ Ричмондомъ, онъ уже съ самаго начала принялъ мѣры предосторожности, и изъ врага дѣлается другомъ королевы Елисаветы; его глазъ видитъ всюду; сама исторія изумляется, какъ Ричардъ, будто ослѣпленный самимъ небомъ, могъ обмануться въ этомъ человѣкѣ?.. Шекспиръ оправдываетъ истину тѣмъ, что даетъ Стэнли одно оружіе съ Ричардомъ; равенствомъ природной ловкости—онъ надолго оспариваетъ побѣду у Глостера...

Разсмотрѣвъ эти стороны, объяснивъ положенія лицъ, сгруппированныхъ около сверхъестественнаго характера героя трагедіи, мы должны замѣтить, что поэтъ искалъ еще бо́льшихъ крайностей, чтобы со всѣхъ сторонъ вполнѣ освѣтить и уяснить этотъ характеръ. Онъ противупоставляетъ его счастью, его возвышенію—горести и паденія; его глубокому лицемѣрію—безпечность и добродушіе; его кровожадности—беззаботное самодовольство, которое издѣвается надъ

самою смертью. — Все это объясняется появленіемъ *Маргариты*.

Маргарита была вдовою короля Генриха Шестого; она однажды вернулась изъ Франціи, куда была сослана, на материкъ Англіи — въ одеждѣ нищей... Обезоруженная, съ убитымъ самолюбіемъ, она издѣвается надъ опасностями, надъ самою смертью, которая ей грозитъ за нарушеніе закона; она врывается въ кругъ своихъ враговъ и, будучи не въ силахъ повелѣвать и управлять ими, не имѣя возможности скрыть своей внутренней бури, она въ безуміи и бѣшенствѣ расточаетъ безпощадныя, предсказательныя проклятія, развертываетъ во всей наготѣ страшную истину и, какъ труба суда Божія, — гремитъ и поражаетъ отступниковъ правды, своихъ бездушныхъ гонителей. Эти слова имѣютъ болѣе силы и огня, чѣмъ всѣ злодѣянія Ричарда, и жажда ея мщенія неукротима: она неукротимѣе и ненасытнѣе, чѣмъ вся страшная жажда честолюбія, грызущаго гнусную душу Глостера. Сочинитель хроники замѣчаетъ, при описаніи смерти сына Маргариты, что всѣ, бывшіе при этой кончинѣ, позднѣе испили одинаковую чашу, «вслѣдствіе заслуженной справедливости и карающаго наказанія Божія...» Шекспиръ этотъ судъ олицетворилъ въ суровой Маргаритѣ и ея проклятіяхъ. Она прокляла Эдуарда, и Эдуардъ скоропостижно умираетъ; ея проклятія сбываются и на несчастномъ Кларенсѣ, который сражался за домъ Ланкастеровъ; они сбываются и на Гэстингсѣ, и на Елисаветѣ, которая подъ конецъ, въ самомъ дѣлѣ, остается безъ брата, безъ мужа и безъ дѣтей, и на лукавомъ Бокингэмѣ... Ричардъ также, наконецъ, дѣлается жертвою ея проклятій... Бокингэмъ измѣнятъ ему,—это ему предсказала Маргарита. Самъ Ричардъ (IV актъ, 4 сцена), въ дерзкомъ безвѣріи, накликаетъ на свою голову судъ Божій... Наконецъ, его родная мать, герцогиня Іоркская, которую поэтъ выставилъ въ срединѣ — между Елисаветою и Маргаритою — и надѣлилъ ее качествами этихъ обѣихъ, говоритъ ему (IV актъ, 4 сцена), что ея молитвы будутъ на сторонѣ его враговъ; она восклицаетъ: «Да будутъ мои проклятія, въ день роковой, послѣдней битвы, на головѣ твоей тяжелѣе твоего желѣзнаго шлема!» И картины движутся, какъ живыя, и все идетъ, какъ на яву, и страшный конецъ неотразимъ. Кара небесная, какъ ужасный ураганъ, охватываетъ всѣхъ и несетъ къ гибель-

ной цѣли... «Lascinate ogni speranza voi che intrate!..» Послѣдняя туча разсѣянной бури, лицемѣрный и ехидный Бокингэмъ восходитъ на эшафотъ. — «Всевышній, надъ Промысломъ котораго я издѣвался, — восклицаетъ онъ, — обрушилъ мою лицемѣрную молитву на мою голову; онъ далъ мнѣ по святой правдѣ то, о чемъ я просилъ въ шутку!» Послѣднія слова трагедіи, которыя Шекспиръ влагаетъ въ уста Ричмонда, человѣка, осчастливленнаго волею небеснаго Промысла — «God say amen!» — примиряютъ наше чувство съ идеею всей драмы, богатой такими многообразными подробностями.

«Ричардъ III» въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ переведенъ на русскій языкъ стихами, съ французскаго перевода Шекспира *). Въ 1842 году эта драма явилась у насъ въ третьей части переводовъ Шекспира Кетчера. Послѣдній перевелъ ее слово-въ-слово и со многими примѣчаніями, съ англійскаго, — въ прозѣ.

Предлагаемый здѣсь переводъ сдѣланъ также съ англійскаго языка стихами, какъ и позднѣйшій А. В. Дружинина.

Слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ объ *извѣстнѣйшихъ актерахъ, выполнявшихъ*, въ разныя времена, *роли въ этой драмѣ.*

Драма, особенно драма Шекспира, теряетъ половину своихъ достоинствъ, если она не представляется на сценѣ театра; актеръ-художникъ дополняетъ, животворитъ идеи поэта, выясняетъ ихъ, даетъ имъ гармоническую плоть и дѣлаетъ ихъ доступными органамъ зрителей. — Такъ иногда, при жизни своей, поэтъ бываетъ гораздо менѣе славенъ, чѣмъ актеръ, выполняющій его созданія; послѣднему зритель приписываетъ свои сердечныя движенія, свое наслажденіе; послѣдній, подобно гальскому Геркулесу, приковываетъ къ своимъ устамъ цѣлый народъ своихъ поклонниковъ. Но, увы! приходитъ роковая, безвозвратная пора, и этотъ голосъ, этотъ могучій голосъ — смолкаетъ навсегда: завѣса другого міра падаетъ между нами и актеромъ. — Отъ него, какъ отъ исполнителя-музыканта, какъ отъ пѣвца, какъ отъ прелестной танцовщицы, остается одно: звукъ его имени и нѣсколько лучей славы! Произведенія его исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ его жизнью, которая

*) Переводъ покойнаго актера *Брянскаго*, шедшій долго на сценахъ нашихъ театровъ.

иногда десятки лѣтъ увлекаетъ цѣлыя поколѣнія и цѣлыя современности наполняетъ новыми эстетическими началами. И едва-едва остаются отъ всей его личности немногіе слабые отголоски, немногія преданія, выраженныя слабымъ, безплоднымъ словомъ.

Ни одинъ поэтъ столько не сдѣлалъ для актеровъ, сколько сдѣлалъ Шекспиръ; ни одинъ изъ писателей-драматурговъ не создалъ такого множества характеровъ, типовъ, которые живутъ самостоятельною жизнью и совершенно овладѣваютъ нашимъ воображеніемъ. Большая часть актеровъ пріобрѣтала свою славу исполненіемъ ролей Шекспира.—Скажемъ о нѣкоторыхъ изъ болѣе прославленныхъ, въ отношеніи къ «Ричарду-Третьему». — *Беттертонъ*, по словамъ записокъ Коллея-Гиббера, «былъ единственнымъ человѣкомъ, который еще могъ играть роли созданій Шекспира, такъ точно, какъ Шекспиръ одинъ только и могъ писать для сцены...» Главное достоинство Беттертона было: разнообразіе игры и примѣненіе своей артистической личности къ личности каждой изъ играемыхъ имъ ролей... Въ «Ричардѣ-Третьемъ» съ нимъ могъ соперничать одинъ Кинъ. Коллей о немъ выражается такъ: «въ роляхъ, созданныхъ не Шекспиромъ, онъ превосходилъ всѣхъ другихъ актеровъ; въ Шекспировскихъ же твореніяхъ онъ превосходилъ самого себя».—Онъ родился въ 1685 году, умеръ въ 1710.—*Гаррикъ*—былъ знаменитъ въ роли «Ричарда-Третьяго», въ «Лирѣ» и «Макбетѣ».—Онъ родился въ 1716 году, умеръ въ 1779 году, и происходилъ отъ французской фамиліи. Англичане его ставятъ выше всѣхъ своихъ актеровъ; природа, естественность и разнообразіе были его главными качествами. Будучи самъ сочинителемъ, Гаррикъ всю свою жизнь разрабатывалъ творенія Шекспира. Онъ иногда передѣлывалъ роли Шекспира, оправдываясь желаніемъ приблизить ихъ къ духу своей эпохи. Упрекъ этотъ, впрочемъ, исчезаетъ при мысли о достоинствахъ Гаррика: онъ возвратилъ своею игрою всю популярность Шекспиру, которую этотъ послѣдній потерялъ съ той поры, какъ англійская сцена лишилась Беттертона. Онъ поочередно былъ то страшенъ, то благороденъ, то патетиченъ, то страстенъ; и никогда актеру столько не изумлялись и не аплодировали, сколько изумлялись и аплодировали Гаррику. По его смерти, Англія воздала ему почести великихъ людей, и онъ былъ похороненъ въ пышномъ

склепѣ Вестминстерскаго аббатства. — Роли *Маргариты* и *Елисаветы* въ «Ричардѣ Третьемъ» со славою исполняла мистриссъ *Притчардъ*. Она первая замѣнила собою молодыхъ актеровъ, которые до нея обыкновенно выполняли всѣ женскія роли Шекспира. Она также неподражаемо играла роли милэди Макбетъ, королеву въ «Гамлетѣ» и «Екатерину» въ «Генрихѣ Восьмомъ». Мистриссъ Притчардъ родилась въ 1711 году, умерла въ 1768 году.—Послѣ этихъ именъ мы можемъ назвать *Кука*, которому было уже сорокъпять лѣтъ отъ роду, когда онъ, въ 1801 году, на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ, дебютировалъ въ роли короля «Ричарда-Третьяго»... Ему аплодировалъ самъ Кембль. Будучи красивъ собой, Кукъ отличался, главнымъ образомъ, неподражаемымъ выраженіемъ ненависти, зависти, хитрости и ѣдкой ироніи... Онъ ѣздилъ играть въ Соединенные Штаты, гдѣ въ Нью-Іоркѣ, въ 1812 году, и скончался, на пятьдесятъ-восьмомъ году отъ рожденія.—Но славнѣйшимъ изъ исполнителей роли «Ричарда Третьяго» былъ *Кинъ*. *Эдмондъ Кинъ* владѣлъ удивительными качествами.—Иногда онъ впадалъ въ тривіальность и уже въ слишкомъ изступленную энергію гнѣва и горячности... Но безъ этого онъ былъ благороденъ, высокъ и изященъ. «Ричардъ Третій» и «Шейлокъ» были главными его ролями. Ричардъ Третій, изъ котораго онъ дѣлалъ безобразнаго Донъ-Жуана, росъ мгновенно и становился почти гигантомъ, едва надъ нимъ распадалась туча опасности. Вся зала потрясалась электрическимъ ударомъ, когда онъ кричалъ: «Коня! коня! все царство за коня!»—Кинъ, подобно всѣмъ англійскимъ актерамъ, въ совершенствѣ владѣлъ шпагою и рапирою... Поэтому въ роли Ричарда онъ растягивалъ съ умысломъ послѣднюю сцену своей борьбы съ Ричмондомъ и умиралъ, показавъ вполнѣ свое искусство владѣть оружіемъ. Кинъ оставилъ сына, но его сынъ вовсе не имѣетъ таланта своего отца. Въ новѣйшее время исполненіемъ роли Ричарда III прославились итальянскіе трагики Сальвини и Росси.

Изъ нашихъ актеровъ *Мочаловъ* исполнялъ въ Москвѣ роль «Ричарда Третьяго» и былъ неподражаемъ въ пятомъ актѣ; этотъ пятый актъ, подъ именемъ «Сна короля Ричарда Третьяго»—въ послѣдніе годы жизни Мочалова давали обыкновенно отдѣльно.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Король Эдуардъ четвертый.
Эдуардъ, принцъ Валлійскій, } сыновья его.
Ричардъ, герцогъ Іоркскій, }
Ричардъ, герцогъ Глостеръ, } братья его.
Георгъ, герцогъ Кларенсъ, }
Малолѣтній сынъ Кларенса.
Генрихъ, графъ Ричмондъ.
Кардиналъ Борчеръ, архіепископъ кэнтерберійскій.
Томасъ Росерамъ, архіепископъ іоркскій.
Джонъ Мортонъ, епископъ элійскій.
Герцогъ Бокингэмъ.
Герцогъ Норфолькъ.
Графъ Серри, сынъ его.
Графъ Риверсъ, братъ жены короля Эдуарда.
Маркизъ Дорзетъ и Лордъ Грей, сыновья его.
Графъ Оксфордъ.
Лордъ Гэстингсъ.
Лордъ Стенли.
Лордъ Ловель.
Сэръ Томасъ Вогенъ.
Сэръ Ричардъ Раддклифъ.
Сэръ Вилльямъ Кэтзби.
Сэръ Джемсъ Тиррель.
Сэръ Джемсъ Блентъ.
Сэръ Вальтеръ Гербертъ.
Сэръ Робертъ Бракенбери, комендантъ Тоуэра.
Христоферъ Орзвикъ, священникъ.
Лордъ-Меръ Лондона.
Шерифъ Вильширскій.
Елисавета, жена Эдуарда Четвертаго.
Маргарита, вдова умершаго короля Генриха Шестого.
Герцогиня Іоркская, мать короля Эдуарда Четвертаго, Глостера и Кларенса.
Лэди Анна, вдова Эдуарда, принца Валлійскаго.
Маленькая дочь Кларенса.

Лорды. Свита. Джентльмены. Священникъ. Писецъ. Граждане. Убійцы. Гонцы. Духи. Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ.—Улица. (Входитъ **Глостеръ**).

Глостеръ.—Зима усобицъ нашихъ обратилась
Въ блистательное лѣто солнцемъ Іорка:
Потоплены въ пучины океана
Нависшія надъ нами тучи.
Побѣда увѣнчала чела наши.
Трофеями виситъ побѣдное оружье.
Веселый миръ смѣнилъ свирѣпость битвы,
И плясокъ звукъ—звукъ маршей заглушилъ!
Суровый бой чело свое разгладилъ,
И на коняхъ, закованныхъ въ желѣзо,
Не носится, пугая души робкихъ;
Онъ весело въ покояхъ лэди пляшетъ,
Подъ звуки льстиво-сладострастной лютни..
И только я, къ игрушкамъ неспособный,
Несозданный для зеркала уродъ,
Я, такъ топорно срубленный, лишенный
Любовныхъ чаръ, таинственныхъ и сильныхъ,
Передъ вертлявостью кокетокъ-нимфъ;
Я, въ красотѣ мужчины обдѣленный,
Физіономіи лишенный отъ природы,
Уродъ я недодѣланный, до срока
Я выброшенъ на свѣтъ, какъ недоносокъ,
Едва покончeнный, и то такой красивый,
Что на меня собаки лаютъ, чуть
Предъ ними гдѣ заковыляю; только я,—
Въ изнѣженно-пустое время это,
Отрады жить совсѣмъ не нахожу,—
За исключеніемъ, конечно, созерцаній
На солнцѣ тѣни собственной своей,
Да разсужденій о своемъ уродствѣ.
И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ я не въ силахъ быть
Любовникомъ,—любимцемъ пошлой моды,

Я быть хочу злодѣемъ, я рѣшился
Преслѣдовать отраду жизни смертныхъ!..
Разставилъ я губительныя сѣти,
Пророчества безумцевъ, письма, сны, —
Въ смертельный бой поставятъ короля
И Кларенса; и если Эдуардъ
Король — правдивъ и такъ же вѣренъ долгу,
Какъ я хитеръ, лукавъ и вѣроломенъ, —
Сегодня-жъ Кларенсъ будетъ въ заключеньи,
Изъ-за пророчества, что буква — Г
Обезнаслѣдитъ племя Эдуарда!..
Но вотъ и онъ: сокройтесь всѣ разсчеты!..
(Входитъ Кларенсъ со стражей и Бракенбери).
А! здравствуй, братъ! Что̀ значитъ эта стража
Вокругъ тебя, съ оружіемъ въ рукахъ?

Кларенсъ. — Его величество, заботясь сердцемъ
О сохраненіи моемъ, велѣлъ
Ей проводить меня конвоемъ въ Тоуэръ.

Глостеръ. — За что̀?

Кларенсъ. — За то, что я зовусь — Георгомъ.

Глостеръ. — Ай-ай, милордъ! Но, ваша-ль въ томъ вина?
Отцовъ сажать въ тюрьмы за имя надо.
Ужъ не задумалъ ли король для васъ
Устроить въ Тоуэрѣ опять крестины?..
Безъ шутокъ, Кларенсъ, можно-ль знать, въ чемъ дѣло?

Кларенсъ. — Да, Ричардъ, если-бъ зналъ я; но клянусь
Тебѣ, не знаю: говорятъ, онъ снамъ
И предсказаньямъ вѣритъ, говорятъ,
Вездѣ изъ алфавитовъ букву Г
Вычеркиваетъ, ибо это Г,
По предсказаніямъ, лишить потомства
Его фамилію должно; мое —
Георга имя — букву Г въ началѣ
Имѣетъ; и за то меня врагомъ
Король возмнилъ... и вотъ какіе вздоры
Составили приказъ — идти мнѣ въ Тоуэръ.

Глостеръ. — И такъ всегда бываетъ, только баба
Осилитъ человѣка! Не король,
А лэди Грей, жена его, васъ, Кларенсъ,
Несправедливо въ Тоуэръ посылаетъ.
И не она-ль, иль не ханжа-ль смиренный,

Антоній Вудвиль, братъ ея, рѣшили
И лорда Гэстингса забросить въ Тоуэръ,
Откуда тотъ сегодня только выйдетъ?
Не безопасны мы; да, Кларенсъ, мы —
Не безопасны!..

Кларенсъ.— Небомъ я клянусь,
Здѣсь никого на полѣ нѣтъ; свободны —
Родня лишь королевы, да гонцы
Отъ короля къ красоткѣ Шоръ. Вы, вѣрно,
Слыхали, какъ ее постыдно-рабски
Просилъ лордъ Гэстингсъ о своей свободѣ!

Глостеръ. — Покорныя воззванья къ божеству
Вернули волю лорду-камергеру.
Сказать ли? намъ одно осталось средство
Пріобрѣсти любовь монарха, — это
Ужъ разомъ надѣвать ливрею Шоръ
И поступать на службу къ ней скорѣе;
Она, съ каргою старой, королевой —
Теперь въ странѣ сильнѣйшія особы.

Бракенбери. — Прошу обоихъ васъ мнѣ извинить:
Его величество строжайше всѣмъ
Имѣть бесѣды тайныя съ милордомъ,
Съ кѣмъ онъ ни говорилъ бы, — запретилъ.

Глостеръ. — Что-жъ, если вамъ угодно, Бракенбери,
Вы можете войти въ бесѣду нашу.
Не объ измѣнѣ рѣчь: мы говоримъ,
Что мудръ король, что королева наша
Немножко хоть стара, за то добра,
И хороша, и вовсе неревнива;
Мы говоримъ, что у супруги Шоръ —
Вишневый ротикъ, прелесть — ножка, бойкій
Языкъ, и глазъ презоркій; что въ дворянство
Возведены родные королевы...
Ну, что же, сэръ? Ужли все это ложь?..

Бракенбери. — До этого мнѣ, лордъ, нѣтъ дѣла.

Глостеръ.— Какъ?
Нѣтъ ничего, что можно-бъ съ мистриссъ Шоръ
Вамъ сдѣлать? Пусть такъ думаютъ другіе,
Одинъ же человѣкъ въ секретѣ держитъ
Безсилье это съ ней...

Бракенбери.— Кто-жъ онъ, одинъ?..

Глостеръ.—А мужъ ея, бездѣльникъ?! Донеси
Теперь на насъ...
Бракенбери.— Простите, ваша свѣтлость,
И кончите вашъ разговоръ съ милордомъ.
Кларенсъ.—Твой долгъ извѣстенъ намъ, и мы внимаемъ
Тебѣ.
Глостеръ. — Мы — королевины рабы! —
Прощайте, братъ, я къ королю спѣшу;
И что бы вы мнѣ къ нему ни поручили,—
Хотя-бъ назвать сестрою Эдуарда
Вдову, — на все готовъ я, только-бъ вамъ
Вернуть свободу. Болѣе, чѣмъ вы
Предполагаете, — измѣна брата
Убійственна мнѣ.
Кларенсъ.— Знаю! — намъ обоимъ
Она не по сердцу...
Глостеръ.— Но вамъ недолго
Сидѣть въ тюрьмѣ; я васъ освобожу,
Иль сяду самъ туда. Терпѣнье только!
Кларенсъ. — Стерплю! терпѣть мы всѣ должны; прощайте.
(Уходитъ съ Бракенбери и стражей).
Глостеръ. — Ступай, оттуда не легко вернуться,
Простякъ и глупый Кларенсъ! — Я тебя
Люблю, поэтому скорѣе душу
Твою отправляю въ небо, если этотъ
Подарокъ небо приметъ отъ меня.
Но кто тамъ? А, освобожденный Гэстингсъ!.. *(Входитъ Гэстингсъ).*
Гэстингсъ. — День добрый вамъ, достопочтенный лордъ.
Глостеръ. — И вамъ, лордъ-камергеръ, того-жъ желаю.
Радъ видѣть васъ я снова на свободѣ.
Ну, что, какъ вы сносили заключенье?..
Гэстингсъ. — Терпѣлъ, милордъ, какъ терпитъ всякій узникъ.
Теперь же я спѣшу благодарить
Доставившихъ мнѣ прелесть заточенья.
Глостеръ. — О, да! какъ разъ! и Кларенсъ вамъ поможетъ.
У васъ съ нимъ общія дѣла, его
Враги и васъ такъ злобно сокрушили.
Гэстингсъ. — Бездушные! закабалить орла,
Тогда какъ коршуны на волѣ грабятъ!
Глостеръ.—Что новаго — на воздухѣ?

Гэстингсъ.— Внѣ дома
Не лучше, что и въ самомъ домѣ: слабъ
Король и хворъ, и удрученъ тоской,
И страшно трусятъ за него врачи.

Глостеръ. — Клянусь Петромъ, плохая ваша новость!
Долгонько нашъ король не зналъ діэты
И свыше силъ себя ужъ истощалъ!
Невесело объ этомъ и подумать.
Гдѣ онъ теперь? въ постели?

Гэстингсъ.— Да, въ постели.

Глостеръ.— Иди-жъ, я за тобою вслѣдъ къ нему! *(Гэстингсъ уходитъ).*

Ему не жить, увѣренъ я; Георга-жъ
Онъ, умирая, на небо ушлетъ;
Скорѣе къ Кларенсу — въ немъ подозрѣнье
Воспламенить лукавой клеветой;
И если я не ошибаюсь въ планахъ,
Не жить до-завтра Кларенсу: тогда —
Прими, Господь, и душу Эдуарда,
Меня-жъ оставь стараться въ этомъ мірѣ;
Здѣсь Варвикову дочь возьму я въ жены!..
Но я убилъ ея отца и мужа?!
Что-жъ?.. Дать собой ей мужа и отца
Опять — не значитъ ли ее уѣшить?..
И я исполню это! — Безъ сомнѣнья —
Не изъ любви, — изъ лучшей, важной цѣли...
А цѣли мнѣ достичь лишь этой связью!
Однако-жъ я спѣшу на рынокъ прежде
Коня! Еще и Кларенсъ живъ, и самъ
Король живетъ и правитъ!.. Уберутся,
Тогда считать начнемъ мы барыши.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же. Другая улица. — Несутъ тѣло короля Генриха Шестого въ открытомъ гробѣ. Джентльмены съ алебардами охраняютъ его. За ними лэди **Анна**, — плачущая.

Анна. — Поставьте на-земь вы честную ношу,
Коль въ гробѣ можетъ укрываться честь;
Посѣтовать мнѣ дайте о кончинѣ
Ланкастера безвременно-печальной!
Холодный ликъ святого короля!

Безкровные останки крови царской!
Поблеклый прахъ Ланкастерова дома!
Да внемлетъ тѣнь твоя рыданьямъ Анны,
Супруги сына твоего, — любимца,
Пронзеннаго одной съ тобой рукою!
Смотри, безпомощнымъ бальзамомъ глазъ
Я орошаю раны — окна смерти...
Проклятіе рукѣ, ихъ отворившей,
Кровь источившей! — О, да разразится
Надъ нимъ, убійцею твоимъ, несчастье
Ужаснѣе всего, что пожелать
Могу я жабамъ, паукамъ, ехиднамъ,
Всѣмъ злобнымъ, пресмыкающимся гадамъ!
И если станетъ онъ отцомъ, — пусть будетъ
Дитя его уродомъ, прежде срока
Рожденнымъ, — видъ котораго, ужасный
И дикій, мать родную испугалъ бы!..
И да наслѣдуетъ его онъ звѣрство!
Когда-жъ возьметъ себѣ жену онъ, пусть
Она несчастнѣй жизнью мужа будетъ,
Чемъ я кончиной мужа и твоею!
Теперь идите съ вашей ношей въ Чертзи,
Берите гробъ и, если притомитесь,
Поставьте на-земь, я-жъ своимъ стенаньемъ
Послѣдній долгъ воздамъ святому праху *(Носильщики поднимаютъ тѣло и несутъ его далѣе. Входитъ Глостеръ).*

Глостеръ. — Эй, вы! стой, — на-земь опускайте гробъ!

Анна. — Какой колдунъ косматый сатану
Сюда наслалъ мѣшать святымъ обрядамъ?

Глостеръ. — Спускайте трупъ, бездѣльники! иль Павломъ
Клянусь, я въ трупъ васъ обращу самихъ!

Первый джентльменъ. — Лордъ, пропустите гробъ, посторонитесь.

Глостеръ. — Собака дерзкая! велятъ — такъ стой!
Прочь алебарду отъ груди моей,
Иль, Павломъ я клянусь, за дерзость
Ногами растопчу тебя, бездѣльникъ. *(Носильщики ставятъ гробъ на землю).*

Анна. — Какъ?! вы трепещите? вы испугались?
Нѣтъ, — я винить не смѣю васъ, вы смертны,

А взорамъ смертныхъ демона не вынесть
Исчезни ты, палачъ ужасный ада!
Ты власть имѣлъ надъ тѣломъ этой жертвы,
Не властенъ ты въ ея душѣ: исчезни!

Глостеръ. — О, праведная, чѣмъ я прогнѣвилъ?

Анна. — Исчезни, ради неба, гнусный демонъ,
Не искушай насъ, богомъ заклинаю!
Ты нашу землю въ адъ преобразилъ
И воплемъ ярости ее наполнилъ!
Когда собой ты въ силахъ любоваться.
Гляди, — вотъ плодъ твоей бездушной бойни.
О! посмотрите, Генриховы раны
Открылися и источаютъ кровь!..
Краснѣй, дрожи, поганый недоносокъ,
Ты эту кровь исторгъ, чуть подошелъ —
Изъ охладѣвшихъ, изъ безкровныхъ жилъ
Чудесный этотъ розлился потокъ...
Творецъ, создавшій чудо, отомсти
За кровь! Земля, упившаяся кровью,
За смерть его отмсти! Убійцу, небо,
Сожги грозой, — земля, разверзни пасть,
И поглоти его, какъ эту кровь,
Имъ истощенную, ты поглощаешь!

Глостеръ. — Законъ Христовъ вы позабыли, лэди,
Законъ — платить за зло благословеньемъ.

Анна. — Не знаешь ты ни божьихъ, ни людскихъ
Законовъ; звѣрь не чуждъ ихъ состраданья.

Глостеръ. — Я — чуждъ его, и потому не звѣрь.

Анна. — О, диво! демонъ истину промолвилъ.

Глостеръ. — Еще чудѣе, — разсердился ангелъ.
Божественное совершенство Евы,
Позволь мнѣ предъ тобою оправдаться
Въ злодѣйствахъ, возводимыхъ на меня.

Анна. — Несовершенство гнусное Адама,
Позволь мнѣ тутъ же проклинать тебя
За несомнѣнныя твои злодѣйства.

Глостеръ. — Прелестница, красивѣй всѣхъ рѣчей,
Придетъ пора, меня ты оправдаешь!

Анна. — Уродъ, ужасный всѣхъ терзаній сердца,
Повѣсившись — тѣмъ можешь извиниться.

Глостеръ. — Такимъ поступкомъ обвиню себя.

Анна.—За то, отчаявшись, прощенья, изверг,
Получишь ты, отмстивъ себѣ достойно—
За всѣхъ, тобой убитыхъ неповинно!
Глостеръ.—Клянусь тебѣ, я ихъ не убивалъ!
Анна.—Тогда они и не были-бъ убиты;
Но—нѣтъ ихъ, и виной тому ты,—
Палачъ!
Глостеръ.— Не умерщвлялъ я твоего
Супруга.
Анна.— Значитъ, живъ онъ?
Глостеръ.— Нѣтъ, убитъ.
Но онъ убитъ рукою Эдуарда.
Анна.—Ты лжешь своею гнусной глоткой: твой мечъ
Въ его крови дымился. Маргарита
Свидѣтель въ томъ,—твой мечъ, тобой однажды
И на нее направленный при братьяхъ.
Глостеръ.—Я вызванъ былъ ея же клеветой
И умысломъ—взвалить вину чужую
На плечи мнѣ, невинному ни въ чемъ.
Анна.—Ты вызванъ былъ твоимъ кровавымъ духомъ,
Который грезитъ объ однихъ убійствахъ.
Кто-жъ Генриха убилъ? ты?
Глостеръ.— Я,—согласенъ.
Анна.—Согласенъ, ежъ?—Такъ согласись же, Боже,
Отмстить тебѣ за это злое дѣло!
О! Генрихъ былъ такъ милосердъ, такъ кротокъ!
Глостеръ.—Тѣмъ болѣе пріятенъ онъ для Бога.
Анна.—Онъ—на небѣ, тебѣ же—не бывать тамъ.
Глостеръ.—За нимъ спасибо,—я ему помогъ
Туда попасть. Ему на небѣ—мѣсто.
Анна.—Тебѣ же мѣста лучше ада нѣтъ.
Глостеръ.—Ахъ, есть одно, когда-бъ его назвать
Позволили?..
Анна.— Въ острогѣ?
Глостеръ.— Въ вашей спальнѣ!
Анна.—Проклятье дому, гдѣ ты обитаешь
И спишь.
Глостеръ.— Мнѣ не найти покоя въ домѣ,
Гдѣ я, миледи, сплю одинъ, безъ васъ.
Анна.—Надѣюсь!
Глостеръ.— Именно. Но, лэди Анна,

Оставимъ сшибку легкую острот̀ъ
И спустимся къ чему-нибудь серьезнѣй.
Кто предалъ ранней смерти Эдуарда,
Плантагенетовъ Генриха,—не правда-ль,—
Былъ смерти ихъ причина и свершитель?

Анна.—Ты былъ причиной, ты же и палачъ.

Глостеръ.—Твоя краса одна тому причина!
Она во снѣ меня томитъ и сушитъ,
И цѣлый міръ готовъ я перерѣзать,
За часъ одинъ—пробыть въ твоихъ объятьяхъ!..

Анна.—Будь это все не ложь, клянусь, убійца,
Когтями я красу съ лица сорвала-бъ.

Глостеръ.—Я-бъ не стерпѣлъ ея уничтоженья.
При мнѣ вы ей не сдѣлали-бъ вреда:
Какъ цѣлый міръ живится солнцемъ, такъ
Я ею. Мнѣ она—и день, и жизнь!

Анна.—Да омрачится день твой черной ночью,
Жизнь—смертью.

Глостеръ. Дивное созданье, ты
Себя клянешь,—вѣдь ты же эти оба.

Анна.—Когда бы такъ, чтобъ отомстить тебѣ.

Глостеръ.—Нѣтъ ничего ненатуральнѣй мести
За то, что любятъ насъ.

Анна.— Нѣтъ ничего
Естественнѣй и справедливѣй мести—
Убійцѣ мужа моего.

Глостеръ.— Тотъ, кто
Лишилъ васъ мужа, сдѣлалъ это съ тѣмъ,
Чтобъ дать вамъ лучшаго, миледи, мужа.

Анна.—На всей землѣ нѣтъ лучшаго другого.

Глостеръ.—Есть,—тотъ, кто любитъ васъ сильнѣй его.

Анна.—Кто-жъ онъ?

Глостеръ.— Плантагенетъ.

Анна.— Такъ звался мужъ мой.

Глостеръ.—Одно названье,—качества другія.

Анна.—Но гдѣ-жъ онъ?

Глостеръ.— Здѣсь. (*Она плюетъ ему въ лицо*).
За что-жъ плюетесь вы?

Анна.—Желала-бъ я, чтобъ это ядомъ стало!..

Глостеръ.—Изъ сладкихъ устъ не проливался ядъ!

Анна.—И никогда не попадалъ на жабу

Гнуснѣе! Прочь! ты взоръ мой заразишь!
Глостеръ.—Твои глаза—мои ужъ заразили.
Анна.—О, для чего они не василиски!
Глостеръ.—Когда бы такъ, чтобъ умереть мнѣ сразу,
А то они меня живьемъ терзаютъ.
Смотри, мои глаза—соленой влагой
Затмились, потокомъ дѣтскихъ слезъ
Позоритъ ихъ твой взоръ,—когда ни разу
Тамъ не было слезинки состраданья,—
Ни въ часъ, когда отецъ мой Іоркъ и братъ
Рыдали, воплямъ Рютланда внимая,
Котораго терзалъ свирѣпый Клиффордъ,
Ни въ часъ, когда воинственный отецъ твой
Разсказывалъ о смерти моего
И двадцать разъ крѣпился, какъ дитя,
Рыдая, и у всѣхъ стоявшихъ слезы
Бѣжали по щекамъ, какъ дождь по листьямъ...
И въ этотъ часъ мой взоръ слезы не вѣдалъ!
И то, чего не выжали страданья,
Могла твоя святая прелесть вызвать!
Вѣкъ не молилъ ни друга, ни врага я,
Уста мои не знали сладкой рѣчи;
Но красота твоя мой умъ плѣнила,
И молитъ сердце, и языкъ мой плачетъ. *(Она взглядываетъ на него съ негодованіемъ).*
Не придавай устамъ твоимъ презрѣнья;
Не для него они, для поцѣлуевъ
Сотворены. Когда меня простить
Не въ силахъ ты,—вотъ мечъ, возьми его,
Пронзи имъ, если хочешь, эту грудь,
И любящую душу вырви вонъ!..
Я обнажу ее ударамъ смерти,
О смерти на колѣняхъ я взываю. *(Онъ подставляетъ ей грудь свою; она направляетъ на нее мечъ).*
Не медли же. Я Генриха убилъ,
Но этому краса твоя виною.
Кончай, я Эдуарда умертвилъ,
Но ликъ твой ангельскій тому причиной. *(Она роняетъ мечъ).*
Кого поднимешь, мечъ или меня?
Анна.—Встань, лицемѣръ, твоей я смерти жажду,

Но палачемъ твоимъ быть не желаю.
Глостеръ.—Такъ прикажи, и я убью себя.
Анна.—Я ужъ сказала.
Глостеръ.— Это было въ гнѣвѣ.
Скажи теперь, и въ мигъ рука моя,
Изъ-за любви къ тебѣ твою любовь
Убившая,—убьетъ изъ-за любви же
Любовь еще сильнѣйшую; и въ смерти
Обѣихъ ты виновницею будешь!..
Анна.—Желала-бъ я твое извѣдать сердце.
Глостеръ.—Оно—на языкѣ...
Анна.— Но также лживомъ.
Глостеръ.—Тогда—кто-жъ правъ на свѣтѣ?
Анна.— Хорошо.
Вложи свой мечъ въ ножны.
Глостеръ.— Итакъ, скажи,
Вернется-ль мой покой?
Анна.— Узнаешь послѣ.
Глостеръ.—Могу-ль надѣяться?
Анна.— Мы всѣ надеждой
Живемъ.
Глостеръ.— О, такъ прими-жъ, носи хоть это
Кольцо.
Анна.— Взять, лордъ, еще не значитъ дать!.. (*Она надѣваетъ кольцо*).
Глостеръ.—Смотри, какъ перстень мой твой пальцъ обнялъ,—
Такъ грудь твоя мое объемлетъ сердце;
Носи же оба ихъ,—они твои.
Когда же твой покорный, бѣдный рабъ
Еще одну твою получитъ милость,—
Навѣкъ его упрочено блаженство.
Анна.—Что тамъ еще?
Глостеръ.— Оставь исполнить этотъ
Обрядъ тому, кто болѣе причинъ
Имѣетъ сѣтовать,—и удалися въ Кросби.
Похоронивъ торжественно останки
Святого короля въ оградахъ Чертзи
И гробъ его съ раскаяньемъ оплакавъ,
Туда къ тебѣ—твой рабъ, я поспѣшу.
По многимъ, тайнымъ для тебя причинамъ,
Молю, позволь мнѣ это.

Анна.— Отъ души.
Мнѣ радостно раскаянье такое.
Трессель и Берклей, слѣдуйте за мной.
Глостеръ.—Скажи же мнѣ,—прости.
Анна.— О, тутъ ужъ болѣ,
Чѣмъ ты достоинъ; но, какъ самъ меня
Ты лести выучилъ,—вообрази,
Что я тебѣ прости уже сказала. (*Уходятъ: лэди Анна, Тресселъ и Берклей*).
Глостеръ.—Берите гробъ—и въ путь.
Джентльмены.— Куда же, въ Чертзи?
Глостеръ.—Нѣтъ, къ Бѣлымъ Братьямъ,—ждите тамъ меня.
(*Джентльмены съ гробомъ удаляются*).
Ну, кто искалъ любви въ такомъ несчастьи?
Пріобрѣтали-ль женщинъ въ мигъ подобный?..
О, я возьму ее хоть не надолго...
Какъ?! я,—убійца мужа и отца
Ея,—за ней же волочусь,—когда
Изъ устъ ея—проклятья, слезы рвутся
Изъ глазъ,—и я, всего причина, съ ней же;
Когда и Богъ, и совѣсть за нее,
Когда ничто не помогаетъ мнѣ,
За исключеніемъ лести да притворства...
И покорить ее, весь міръ—ничѣмъ?
Или она забыть успѣла мужа,
Прекраснаго и доблестнаго принца,
Котораго три мѣсяца назадъ
При Тьюксбери я ловко такъ убилъ?
Еще во вѣкъ въ припадкѣ добрыхъ дѣлъ
Природа лучшаго не создавала;
Пространный міръ не видывалъ владыки
Разумнѣй, царственнѣй, отважнѣй;—
И до меня унизилась она!..
До демона, подсѣкшаго весну
Ея любви, печальное вдовство
Ей предназначившаго? До меня,
Который весь частицы Эдуарда
Не стоитъ? До меня, страшилища хромого!
Все герцогство—противъ полушки грязной
Въ закладъ даю,—я страшно ошибался
Въ своей особѣ: жизнію клянусь,

Она во мнѣ,—чего ужъ мнѣ не видѣть
Никакъ,—красиваго мужчину видитъ...
Займемся жъ зеркаломъ, пріищемъ
Съ полдюжины портныхъ, нарядъ достойный
Для украшеній нашихъ смастерить:
Съ тѣхъ поръ, какъ я съ собою примиряюсь,
На франтовство поиздержаться можно!..
Упрячемъ же пріятеля въ могилу,
А тамъ въ слезахъ пойдемъ къ голубкѣ нашей!..
Свѣти же, солнце, дай мнѣ на тѣни
Твоей—моей особой любоваться,—
Пока купить я зеркала не вздумалъ!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Комната во дворцѣ. Входятъ: Королева **Елисавета**, **лордъ Риверсъ** и **лордъ Грей**.

Риверсъ.—Терпѣнье, королева: вѣрьте, скоро
Вернутъ его величеству здоровье.
Грей.—Вы безпокоитесь.—ему же хуже;
Утѣшьтесь, ради Бога, ободрите
Его величество веселымъ словомъ.
Елисавета.—Умретъ онъ, что тогда со мною будетъ?
Грей.—Одна печаль—подобная потеря.
Елисавета.—Въ потерѣ этой разомъ всѣ печали
Совмѣщены.
Грей.— Умретъ онъ, небо вамъ
Прекраснаго дало въ утѣху сына.
Елисавета.—Но молодъ онъ, а опекунъ его
До срока—Глостеръ, человѣкъ такой,
Который ни меня, ни васъ не любитъ.
Риверсъ.—А рѣшено-ль, что избранъ будетъ онъ
Въ протекторы?
Елисавета.— Еще не рѣшено;
Но такъ должно случиться, чуть король
Намъ съ вами завѣщаетъ долго жить. (*Входятъ Бокингэмъ и Стэнли*).
Грей.—Вотъ, идутъ лорды Бокингэмъ и Стэнли.
Бокингэмъ.—День добрый нашей славной королевѣ.
Стэнли.—Да возвратитъ Господь вамъ вашу радость!
Елисавета.—Графиня Ричмондъ, Стэнли, врядъ ли скажетъ
Аминь на ваши добрыя моленья.

Но, несмотря на то, что ваша, Стэнли,
Она жена и что меня не любитъ,
Увѣрьтесь, добрый лордъ, васъ ненавидѣть
Не стану я за дерзости супруги.

Стэнли.—Не слушайте, не вѣрьте, васъ молю я,—
Постыдной лжи гонителей ея.
Когда-жъ вамъ донесутъ и правду даже,
Простите слабостямъ ея, повѣрьте,
Не изъ обдуманности злой и хитрой—
Изъ яда немощей онѣ выходятъ!

Елисавета.—Видали-ль нынче короля вы, Стэнли?

Стэнли.—Сію минуту только отъ него
Вернулись мы съ милордомъ Бокингэмомъ.

Елисавета.—Что новаго въ немъ къ лучшему нашли вы?

Бокингэмъ.—Надежду, королева! веселъ былъ
Его величество.

Елисавета.— Богъ да пошлетъ
Ему здоровье! Съ нимъ вы совѣщались?

Бокингэмъ.—Да, королева: примирить желаетъ
Онъ вашихъ братьевъ съ лордомъ-камергеромъ,
А также съ герцогомъ, милордомъ Глостеръ.
За ними онъ уже послать изволилъ.

Елисавета.—Когда-бъ все такъ! но это невозможно.
Предвижу я, погибло наше счастье! (*Входятъ Глостеръ, Гэстингсъ и Дорзетъ*).

Глостеръ.—Неправды ихъ терпѣть я не намѣренъ.
Кто королю доноситъ на меня,
Что я жестокъ, что непріязненъ къ нимъ?
Клянуся, короля не любитъ тотъ,
Кто духъ его волнуетъ этимъ вздоромъ.
Не въ силахъ я сгибаться, льстивой рѣчью
Блистать, на всѣхъ съ улыбкой лицемѣрья
Глядѣть, всѣхъ надувать французскимъ лоскомъ
И обезьянскимъ ханжествомъ,—и вотъ
Я непремѣнно закоснѣлый врагъ!..
Уже-ль не можетъ честный человѣкъ
Жить безъ обмана, безъ того, чтобъ правду
Его поступковъ толковали вкось
Коварные и хитрые пройдохи?

Грей.—Къ кому-жъ изъ насъ относитесь вы, герцогъ?

Глостеръ.—Къ тебѣ, неблагодарный и безчестный!

Когда тебя тѣснилъ я, оскорблялъ?
Или тебя?—или тебя?—иль всѣхъ васъ?
Проклятье вамъ! Король,—Богъ да поможетъ
Ему безъ вашихъ пламенныхъ молитвъ,
На вздохъ одинъ покоя не имѣетъ
Изъ-за безстыдныхъ, гнусныхъ вашихъ жалобъ.

Елисавета.—Братъ Глостеръ, вы неправы. Самъ король,
По волѣ царственной своей, чужимъ
Не понукаемый навѣтомъ, васъ
Призвалъ къ себѣ, быть-можетъ, разгадавъ
По вашимъ дѣйствіямъ,—нѣмую злобу
Въ васъ на меня, моихъ дѣтей и братьевъ,
И тѣмъ хотѣлъ, раскрывъ ея причину,
По-братски въ васъ совсѣмъ ее изгладить.

Глостеръ.—Нѣтъ силъ смотрѣть! Неузнаваемъ свѣтъ.
Крапивники разбойничаютъ тамъ,
Гдѣ и орлы присѣсть не смѣли. Съ той
Поры, какъ всякій шутъ сталъ джентельменомъ,
Прошло въ шуты немало джентельменовъ.

Елисавета.—Такъ, такъ, все намъ понятно, Глостеръ:
Завиденъ вамъ высокій нашъ удѣлъ!..
Дай Богъ, чтобъ мы вовѣкъ въ васъ не нуждались.

Глостеръ.—Межъ-тѣмъ, какъ видитъ Богъ, — я въ васъ нуждаюсь.
Мой братъ по вашимъ проискамъ въ темницѣ;
Въ опалѣ самъ я, честное дворянство
Въ пренебреженіи, когда, что день,
То новыя мѣста даются людямъ,
Еще вчера не стоившимъ гроша.

Елисавета.—Клянуся тѣмъ, кто изъ моей же тѣни
Возвелъ меня на высь моихъ стремленій,
Я никогда не возбуждала гнѣва
У короля на Кларенса; напротивъ—
Я за него молила короля!..
Милордъ, вы оскорбляете жестоко
Меня подобнымъ гнуснымъ подозрѣньемъ.

Глостеръ.—Вы можете отречься, что не вы,
Пожалуй, были тайною причиной
И лорда Гэстингса ареста...

Риверсъ.— . Можетъ,
Милордъ, затѣмъ что...

Глостеръ.— Очень можетъ, Риверсъ?!
Кто этого не знаетъ? Даже болѣ:
Она могла-бъ чѣмъ отпереться въ этомъ,
Она помочь вамъ можетъ въ возвышеньи,
И тутъ же отопрется въ томъ, что было,
Сложивъ всѣ почести на васъ самихъ.
Чего она не можетъ?! О, все, можетъ...
Да, безъ сомнѣнья, можетъ...
Риверсъ.— Что-жъ такое?
Глостеръ.—Дѣла свои поправить, выйдя замужъ
За короля, красавца холостого.
Бываетъ хуже—выборъ вашей бабки
Я вамъ напомню кстати.
Елисавета.— Глостеръ, долго
Сносила я и грубые намеки,
И ваши колкости: клянуся небомъ,
Его величество теперь узнаетъ
Все, все, чѣмъ оскорбляли вы меня.
Нѣтъ, лучше быть работницей, крестьянкой
Простой, чѣмъ королевою великой—
Терпѣть насмѣшки, стыдъ и оскорбленья.
Немного радостей мнѣ принесла корона
Британіи!.. *(Въ глубинѣ сцены показывается королева Маргарита).*
Маргарита *(въ сторону).*—Молю тебя, Господь,
И это сбавь ей! Санъ ея, престолъ
И почести—все мнѣ принадлежитъ.
Глостеръ.—Какъ! жалобами королю вы мнѣ
Грозите? Жалуйтесь, и не жалѣйте
Меня: я подтвержу все, что сказалъ,
И королю,—я самъ желаю въ Тоуэръ
Попасть. Настало время! Позабыты
Мои труды!
Маргарита *(въ сторону).*—Нѣтъ, демонъ! слишкомъ ихъ
Я помню: въ Тоуэрѣ тобою Генрихъ,
Мой мужъ, убитъ,—при Тьюксбери-жъ убитъ
Мой бѣдный сынъ, мой Эдуардъ несчастный.
Глостеръ.—Когда еще не звался королемъ
Вашъ мужъ, въ его дѣлахъ великихъ былъ я
Вьючнымъ конемъ, грозой его враговъ,
Ходатаемъ друзей его покорныхъ,

Потомъ, чтобъ кровь его избрать на царство,
Я проливалъ свою.

Маргарита *(въ сторону).*—А сколько лучшей,
Чѣмъ въ васъ обоихъ?..

Глостеръ.— Въ это время вы
И Грей, вашъ мужъ, и Риверсъ съ вами были—
За домъ Ланкастеровъ: что-жъ, развѣ не былъ
Убитъ при Сентъ-Альбанѣ вашъ супругъ?
Когда забыли вы, я покажу вамъ,
Что вы теперь и чѣмъ вы прежде были,—
Чѣмъ я тогда былъ, и что я теперь.

Маргарита *(въ сторону).*—Убійца гнусный. Имъ ты былъ всегда.

Глостеръ.—Несчастный Кларенсъ—тестя позабылъ,
Нарушилъ клятву Варвику! Господь
Да сжалится надъ нимъ!

Маргарита *(въ сторону).*—Карай, о Боже,
Его за это!

Глостеръ.— Сталъ за Эдуарда,
Чтобы добыть ему престолъ,—и что-жъ?
За всѣ труды попался въ заточенье.
Ей-ей, желалъ бы я, чтобъ камнемъ сердце
Мое, какъ Эдуардово, терпѣло...
Иль чтобъ мое въ его груди забилось;
Клянусь, я слишкомъ глупъ для этой жизни!

Маргарита *(въ сторону).*—Ступай же въ адъ, и нашъ ты свѣтъ оставь,
Негодный демонъ, тамъ престолъ твой!

Риверсъ.— Лордъ,
Въ печальную эпоху, о которой
Сказали вы, чтобъ выставить врагами
Насъ вашей свѣтлости, мы были вѣрны
Законному владыкѣ,—вѣрны будемъ
И вамъ, едва лишь нашимъ королемъ
Вы станете.

Глостеръ.— А, если стану?!—Нѣтъ,
Скорѣй разносчикомъ я стану!.. Прочь
Отъ сердца мысль коварная!

Елисавета.— Какъ мало
Вы ожидаете себѣ, милордъ,
Отрады въ королевствѣ, такъ же мало

И я, повѣрьте мнѣ, ихъ обрѣла,
Возвысившись до сана королевы.
Маргарита *(въ сторону)*.—Да, мало королева здѣсь отрады
Нашла, затѣмъ, что королева—я,
А я—несчастна такъ. *(Выходитъ)*. Внемлите мнѣ,
Пираты дерзкіе,—мою добычу
Вы дѣлите, враждуя такъ! Кто въ силахъ
Изъ васъ взглянуть безъ трепета въ глаза
Мои? Предъ королевой не склоняли
Вы головы, къ чему-жъ теперь, низвергнувъ
Ее, вы—трусы—всѣ такъ раскричались?
Не отворачивайся, честный плутъ!
Глостеръ.—Колдунья страшная, скорѣй,—въ чемъ дѣло?
Маргарита.—Я вычислить хочу твои злодѣйства,
И не пущу тебя, пока ихъ всѣ
Тебѣ не выражу.
Глостеръ.— Но развѣ ты
Не сослана.—подъ страхомъ смертной казни?!
Маргарита.—Я сослана, но смерть,—за ослушанье
Остаться здѣсь,—мнѣ легче мукй ссылки.
Ты долженъ мнѣ супруга возвратить
И сына,—ты мнѣ задолжала царствомъ!
А всѣ вы—подданствомъ; мои несчастья
По праву вамъ принадлежатъ; наслѣдье-жъ
Всѣхъ вашихъ радостей—мое.
Глостеръ.— Тебя
Проклятьями отецъ мой разгромилъ,
Когда его достойное чело
Бумажной ты короной увѣнчала,—
Когда изъ глазъ его потоки слезъ
Ты выжала сарказмами своими,
И—осушить ихъ—подала тряпицу,
Напитанную Рютландовой кровью;
Проклятья эти изъ души его
Разбитой вырвались тогда,—теперь же
Надъ головой твоей отяготѣли.
Не мы, Господь за зло тебя караетъ!..
Елисавета.—Богъ правосудевъ, въ Немъ невинныхъ помощь.
Гэстингсъ.—Ужасно! Какъ? младенца умертвить!
Неслыханное, страшное убійство!
Риверсъ.—Тираны, услыхавъ объ этомъ, станутъ

Рыдать.

Дорзетъ.— Всѣ кару лютую убійцѣ
Пророчили.

Бокингэмъ.— Нортумберлэндъ, при этомъ
Злодѣйствѣ бывшій, плакалъ, какъ ребенокъ.

Маргарита.—Какъ?! Не входила я, вы грызлись всѣ,
Готовые за горла уцѣпиться
Другъ съ другомъ,—и внезапно ваша злоба
Упала на меня?—Ужели Іоркъ
Съ своимъ проклятьемъ такъ силенъ предъ небомъ,
Что Генриха, что Эдуарда смерть,
Потеря царства, мрачное изгнанье
Мое,—все—лишь достойное отмщенье
За этого мальчишку? Если такъ,
Сквозь тучи черныя, на небо прямо,
Мои проклятья быстрыя, летите!..
Не на войнѣ,—отъ пресыщенья пусть
Погибнетъ вашъ король, какъ нашъ погибъ
Отъ рукъ убійцы, сдѣлавъ королемъ
Его! А Эдуардъ, твой сынъ, Валлійскій
Принцъ нынѣ, да умретъ, какъ Эдуардъ,
Мой сынъ, и нѣкогда-жъ Валлійскій принцъ—
Погибъ насильственно!.. Ты, королева,
Да изживешь весь блескъ свой за меня,
За королеву бѣдную! Подолѣ
Живи, чтобъ смерть дѣтей тебѣ оплакать;
Чтобъ увидать другую, какъ тебя
Я вижу, въ почестяхъ твоихъ, какъ ты
Въ моихъ, великую! Задолго счастье
Твое пускай окончится—до смерти
Твоей! И послѣ долгихъ, долгихъ скорбей
Умри—ни матерью, ни королевой
Британскою, ни счастливой женой!..
Риверсъ и Дорзетъ, Гэстингсъ,—также вы,—
Вы видѣли, какъ сына моего
Кровавыми мечами затерзали...
Я Господа молю, чтобъ прежде срока,
Чтобъ неожиданно онъ вамъ послалъ
Кончину!..

Глостеръ.— Старая колдунья, кончи
И ты заклятія!..

Маргарита.— Забыть тебя?
Нѣтъ, стой, собака,—слушай! Если небо
Имѣетъ про запасъ тебѣ отмщенье
Ужаснѣе, чѣмъ я могла-бъ придумать,
Пусть бережетъ оно его, покуда
Созрѣютъ всѣ твои грѣхи,—тогда
Да разразитъ свое негодованье
Надъ головой губителя невинныхъ...
Пусть совѣсть изгрызетъ тебя, какъ червь!
Страшись предателей, всю жизнь друзей
Подозрѣвай въ измѣнѣ, за враговъ
Считай друзей... Да не смыкаетъ сонъ
Злодѣйскихъ глазъ твоихъ,—пускай глаза
Тебя пугаютъ безобразьемъ адскихъ
Видѣній!—Ты, избранникъ зла, уродъ,
Свинья, взрывающая землю!—Ты,
Рожденіемъ помѣченный въ рабы
Природы, ада сынъ! Ты, клевета
На чрево матери! Исчадье гнусной
Отцовской крови, ты отребье чести!
Ты, ужасъ...

Глостеръ.— Маргарита!

Маргарита.— Ричардъ!

Глостеръ.— Что?

Маргарита.—Я не звала тебя!

Глостеръ.— Простите, лэди,—
Я думалъ, что меня вы окрестили
Всѣмъ этимъ.

Маргарита.— Да—тебя! но не просила
Перебивать меня. Позволь докончить
Мои проклятья!..

Глостеръ.— Я ужъ ихъ покончилъ,
Ихъ завершаетъ имя—Маргариты!

Елисавета.—Такъ ты себя сама же прокляла!..

Маргарита.—Бѣдняга-королева, блескъ пустой
Моихъ богатствъ! Зачѣмъ ты сыплешь сахаръ
На этого тарантула, который
Тебя своей тлетворной паутиной
Такъ путаетъ? Безумная, сама
Ты на себя оттачиваешь ножъ!
Придетъ пора, меня молить ты станешь

Помочь тебѣ проклятьемъ этой гадкой,
Горбатой, страшной жабы.
Гэстингсъ.— Замолчи,
Вѣщунья ты пустая, на бѣду
Свою не истощай у насъ терпѣнья!
Маргарита.—Позоръ вамъ! вы мое ужъ истощили!
Риверсъ.—Ты не забылась бы, когда-бъ, какъ должно,
Съ тобой мы поступили.
Маргарита.— Если-бъ вы
Со мной, какъ надо, поступали, долга
Вы не забыли-бъ своего: меня
Признали-бъ королевой, а себя
Моими подданными! Поступите-жъ,
Какъ слѣдуетъ, исполните свой долгъ!
Дорзетъ.—Не спорьте съ ней, безумной.
Маргарита.— Господинъ
Маркизъ, потише! вы ужъ слишкомъ дерзки.
Еще недавно санъ вашъ пущенъ въ дѣло.
О, если-бъ ваша молодая знатность
Могла понять, что значитъ потерять
Его, и быть несчастной! Кто высоко
Стоитъ, того скорѣе сдуетъ вѣтеръ,
А упадетъ—въ кусочки расшибется...
Глостеръ.—Полезная замѣтка, не забудьте
Ее, маркизъ!
Дорзетъ.— Она и къ вамъ подходитъ.
Глостеръ.—Подходитъ чудно; только я рожденъ ужъ
Такъ высоко: мы на вершинахъ кедровъ
Вьемъ гнѣзда наши, вѣтрами играемъ,
Надъ солнцемъ издѣваемся...
Маргарита.— И солнце
Собою омрачаете,—увы!
Тому свидѣтель сынъ мой, тѣнью смерти
Теперь объятый; тучи адской злобы
Твоей въ полночь его блестящій день
Навѣки облекли, свое гнѣздо
Въ гнѣздѣ вы нашемъ свили.—Всемогущій!
Ты видишь это, не стерпи-жъ неправды!
Лиши ихъ благъ, которыхъ кровью
Они добились...
Бокингэмъ — Вспомни же хоть стыдъ,

Когда смиреніе ты позабыла.

Маргарита.—Не требуйте приличій отъ меня.
Не требуйте смиренья. Вы безстыдно
Убили лучшія мои стремленья,
Безчеловѣчны были вы со мной.
Моя любовь—неистовство, вся жизнь
Моя—позоръ,—пускай же въ немъ гремитъ
Гроза моей неукротимой скорби.

Бокингэмъ.—Молчи, молчи...

Маргарита.— Свѣтлѣйшій Бокингэмъ,
Въ знакъ нашей дружбы и союза съ вами,
Я вамъ цѣлую руку: пусть отрада
Сойдетъ на васъ и домъ вашъ! Нашей кровью
Не запятнали вы своей одежды,
Мои проклятья не коснутся васъ!

Бокингэмъ.—И всѣхъ изъ насъ; проклятья упадаютъ
На тѣхъ, кто ихъ безумно расточаетъ!

Маргарита.—Нѣтъ, вѣрю я, они восходятъ къ небу
И пробуждаютъ тамъ Господній міръ...
О, Бокингэмъ! остерегайся этой
Собаки; посмотри, она, ласкаясь,
Кусаетъ! страшною отравой въ раны
Слюна ея вливается; храни
Себя, бѣги его коварной дружбы;
Онъ заклейменъ порокомъ, адомъ, смертью,
Владыки адскіе ему покорны!..

Глостеръ.—Что говоритъ она, Бокингэмъ?

Бокингэмъ.—Пустое, ничего, что-бъ было важно,
Милордъ!

Маргарита. Какъ! такъ и ты за мой достойный
Совѣтъ смѣешься надо мной и льстишь
Тому, въ комъ я тебя остерегала?!
Припомни-жъ это въ день, когда печально
Изранитъ сердце онъ твое, скажи
Тогда: пророчицею Маргарита
Несчастная была! Да будетъ всякъ
Изъ васъ его коварства жертвой, небо
Да разразитъ васъ всѣхъ своей карой! (*Уходитъ*).

Гэстингсъ.—Отъ словъ ея—мой волосъ дыбомъ сталъ!

Риверсъ.—И мой!.. Опасно ей давать свободу!..

Глостеръ.—Я не виню ее: клянуся Богомъ,

Она перенесла не мало горя,—
Каюсь передъ ней въ моихъ обидахъ.

Елисавета.—Я, сколько знаю, передъ ней невинна...

Глостеръ.—Вы пользуетесь благами несчастья
Ея. Творя добро, я слишкомъ пылокъ
Былъ съ тѣмъ, кто хладнокровно такъ меня
Забылъ. Вотъ, Кларенсъ, онъ вознагражденъ
Достойно, въ хлѣвъ несчастнаго загнали,
Да за труды и угощаютъ тамъ;
Богъ да проститъ виновниковъ его
Страданій.

Риверсъ.— Христіанское, святое
Намѣренье—молить за тѣхъ, кто намъ
Враги.

Глостеръ.— Одумавшись, я поступаю
Всегда подобно!.. *(Въ сторону).* Проклиная нынѣ,
Я проклиналъ бы самого себя. *(Входитъ Кэтзби).*

Кэтзби.—Его величество васъ, королева,
Къ себѣ зоветъ; и вашу честь, и васъ,
Милорды.

Елисавета.— Я иду, угодно-ль, лорды,
И вамъ за мною слѣдовать?

Риверсъ.— Мы всѣ—
Идемъ за нашей свѣтлой королевой. *(Всѣ, кромѣ Глостера, уходятъ).*

Глостеръ.—Я дѣлаю злодѣйства и кричу
Самъ противъ нихъ, я на другихъ слагаю
Бѣды, въ которыхъ я одинъ виновникъ.
Передъ глупцами, каковы лордъ Стэнли,
Лордъ Гэстингсъ, Бокингэмъ, я громко плачу
О Кларенсѣ, котораго въ тюрьму
Забросилъ самъ я; увѣряю всѣхъ,
Что братъ поссоренъ съ королемъ друзьями
Родными королевы. И мнѣ вѣрятъ,
И побуждаютъ мстить Вогэнамъ, Грею:
А я, вздохнувъ, твержу изъ книгъ Завѣта:
Господь велитъ платить за зло добромъ!
Я тѣмъ скрываю умыселъ злодѣйства,
Въ клочкахъ старинныхъ текстовъ представляясь
Святымъ, когда разыгрываю смѣло
Роль дьявола... *(Входятъ двое убійцъ).* А, вотъ и палачи

Мои. Потише!.. Что жъ, друзья мои
Безстрашные, готовы-ль вы на то,
О чемъ я васъ просилъ?
Первый убійца.— Готовы, лордъ.
За пропускомъ однимъ мы къ вамъ явились;
Насъ безъ него къ нему пустить не могутъ.
Глостеръ.—Прекрасно сказано! вотъ пропускъ вашъ.
(Даетъ полномочный листъ).
Когда покончите, явитесь въ Кросби!
Но, сэры, будьте быстры въ исполненьи,
Не слушайте его плаксивыхъ просьбъ...
Краснорѣчивъ лукавый Кларенсъ; онъ
Какъ разъ растрогаетъ васъ, только волю
Дадите вы его устамъ медовымъ...
Первый убійца.—Хе-хе! милордъ, рѣчь наша коротка!
Говоруны—дѣльцы плохіе,—будьте
Увѣрены, не языкомъ, руками—
Пойдемъ работать мы.
Глостеръ.— Глаза глупцовъ
Льютъ слезы; ваши-жъ жерновами плачутъ...
Друзья! я вѣрю вамъ! Скорѣй за дѣло!
Въ путь!
Первый убійца.—Не замедлимъ, благородный лордъ. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лондонъ. Комната въ Тоуэрѣ. (Входятъ: **Кларенсъ и Бракенбери**).

Бракенбери.—Что такъ, милордъ, сегодня вы печальны?
Кларенсъ.—О! я провелъ убійственную ночь,—
Ночь, полную чудовищныхъ видѣній!
Какъ вѣрный христіанинъ, я клянусь,
Еще такую-жъ ночь я провести
Не согласился бы, хотя-бъ она
Могла купить мнѣ міръ блаженныхъ дней!
Такъ страшными видѣніями полно
Казалось время.
Бракенбери.— Что-жъ такое снилось
Вамъ, свѣтлый лордъ? Молю васъ, разскажите!
Кларенсъ.—Мнѣ снилось, что изъ Тоуэра бѣжалъ я
Въ Бургундію на вольномъ кораблѣ...
Въ сообществѣ со мной былъ братъ мой Глостеръ,
И выманилъ меня онъ изъ каюты

На палубу; смотря со мной оттуда
На Англію, припоминая дни
Кровавыхъ войнъ Ланкастера и Іорка,
Бесѣдуя о нихъ, ходили мы
По шаткимъ доскамъ палубы,—и вдругъ
Приснилось мнѣ, что Глостеръ поскользнулся...
Я поддержать его хотѣлъ, но братъ
Упалъ и, падая, столкнулъ меня
За бортъ въ зіяющія бездны моря...
О, Боже! Какъ мучительно казалось
Тонуть! Какой ужасный шумъ въ ушахъ!
Какія страшныя картины смерти
Въ глазахъ! Мнѣ видѣлось, что предо мной
Лежатъ обломки тысячи судовъ,
И тысячи размокшихъ труповъ рыбы
Терзаютъ; слитки золота, каменья
Безцѣнные, брильянты, кучи перловъ,
Желѣзныя трезубья,—все по дну
Морскому колыхалося... Алмазы,
Попавъ въ очницы череповъ, оттуда
Сверкали, издѣваясь надъ глазами,
Тутъ бывшими когда-то,—въ блѣдномъ свѣтѣ
Любезничали съ тиною морскою—
И насмѣхались надъ костьми скелетовъ...

Бракенбери.—И вы могли въ предсмертный мигъ замѣтить
Всѣ тайны этой ненасытной бездны?

Кларенсъ.—Мнѣ грезилось, что все я это видѣлъ;
Душа рвалась изъ тѣла вонъ, но зависть
Воды ее держала, не давая
Ей улетѣть въ воздушныя пространства,
И въ стиснутой груди ее давила,—
Въ груди, которая рвалась изъ силъ
Ее извергнуть въ страшныя пучины.

Бракенбери.—И отъ тоски одной вы не очнулись?

Кларенсъ.—Нѣтъ, сонъ мой длился и за гранью смерти!..
Тутъ поднялась въ душѣ моей тревога.
Мнѣ видѣлось, черезъ потокъ печальный
Я былъ перевезенъ въ предѣлы вѣчной
Полуночи—пловцомъ, у всѣхъ поэтовъ
Воспѣтымъ. Тесть мой, славный Варвикъ, первый
Привѣтствовалъ испуганную душу...

Онъ громко закричалъ: «Какую-жъ пытку
Придумаетъ теперь отчизна ада—
Для Кларенса, за лживую измѣну?»
И такъ исчезъ. За нимъ передо мною
Скользнула тѣнь безплотнаго видѣнья,
Съ окровавленными, какъ свѣтлый лучъ
Блестящими, кудрями; и она
Воскликнула: «Коварный, лживый Кларенсъ,
Измѣнникъ Кларенсъ, въ Тьюксберійскомъ полѣ
Зарѣзавшій меня, пришелъ! Схватите
Его, терзайте, фуріи, убійцу!»
И мнѣ привидѣлось, что цѣлый полкъ
Свирѣпыхъ демоновъ вокругъ меня
Столпился, и надъ самыми ушами
Моими вой, такой безумно-громкій,
Былъ поднятъ, что, дрожа всѣмъ тѣломъ, я
Очнулся,—и надолго послѣ все
Казалось мнѣ, что я въ аду!.. Такъ страшно
Встревоженъ былъ мой умъ видѣньемъ этимъ.

Бракенбери.—Нѣтъ дива, лордъ, что сонъ васъ напугалъ...
Отъ словъ однихъ теперь мнѣ страшно стало.

Кларенсъ.—О, Бракенбери! все, въ чемъ нынѣ совѣсть
Меня терзаетъ, сдѣлалъ я для счастья,
Для блага Эдуарда! Посмотри же,
Какъ онъ меня достойно наградилъ...
О, Боже! если предъ тобой молитвы
Мои безсильны, если за мои
Грѣхи меня ты наказать желаешь,—
На одного меня излей свой гнѣвъ,
Мою жену, моихъ дѣтей невинныхъ
Избавь! Постой еще, мой добрый стражъ,
Изнемогла душа моя, заснуть
Желалъ бы я охотно...

Бракенбери.— Я останусь
При васъ, милордъ. Богъ да пошлетъ вамъ миръ!

(Кларенсъ садится на стулъ и засыпаетъ).

Печаль—и сонъ, и время измѣняетъ,
Творя изъ ночи день, изъ полдня—ночь...
Владыки міра за свое величье
Нѣмыя титла получаютъ, внѣшній
Почетъ за внутреннее бремя, цѣлый

Міръ горестныхъ заботъ за легкій призракъ,
За пылъ мечты!.. И что-жъ въ награду имъ
Ниспосылается?—минутный дымъ
Извѣстности, отличія земныя,—
Страданья ихъ незримыя, глухія!.. (*Входятъ двое убійцъ*).

1-й убійца. —Эй, кто тутъ есть?

Бракенбери.—Что тебѣ нужно, негодяй, — и какъ ты вошелъ сюда?

1-й убійца.—Мнѣ нужно переговорить съ Кларенсомъ, а вошелъ я сюда—ногами.

Бракенбери.—Какъ?!.. это ужъ очень коротко!..

2-й убійца.—Чѣмъ кратче, сэръ, тѣмъ лучше. Что тутъ долго болтать-то? Покажи ему приказъ. (*Они подаютъ бумагу Бракенбери, который ее просматриваетъ*).

Бракенбери.—Мнѣ здѣсь предписываютъ выдать вамъ
Милорда Кларенса. Я не хочу
Судить о томъ, что въ этомъ повелѣньи
Скрывается,—я умываю руки...
Вотъ—герцогъ сонный, вотъ—ключи. А я
Пойду къ его величеству съ докладомъ,
Что герцога, какъ велѣно, я сдалъ.

1-й убійца.—Идите, сэръ! Умно вы говорите.
Прощайте... (*Бракенбери уходитъ*).

2-й убійца.— Что-жъ? убить его во снѣ?

1-й убійца.—Нѣтъ! онъ еще скажетъ, проснувшись, что мы струсили.

2-й убійца.— Когда проснется? Дуракъ! не проснуться ему вплоть до дня страшнаго суда.

1-й убійца.—Въ такомъ случаѣ на страшномъ судѣ онъ скажетъ, что мы убили его соннаго.

2-й убійца.— Слово — страшный судъ — бросило укоръ въ мою совѣсть.

1-й убійца.—Какъ? или ты испугался?

2-й убійца.— Я не трушу убить его, у насъ на то приказаніе; а быть проклятымъ за его убійство — тутъ не защититъ никакой приказъ.

1-й убійца.—Я думалъ, ты рѣшительнѣе.

2-й убійца.—Я и такъ рѣшился оставить ему жизнь.

1-й убійца.—Въ такомъ случаѣ, надо идти къ герцогу Глостеру и сказать ему о томъ.

2-й убійца.—Нѣтъ, прошу, погоди немного. Надѣюсь, это благое намѣреніе во мнѣ еще можетъ измѣниться; оно у меня обыкновенно непродолжительно.

1-й убійца.—Какъ же теперь себя чувствуешь?

2-й убійца.—Поправдѣ, кое-что изъ совѣсти еще шевелится во мнѣ.

1-й убійца.—Припомни нашъ могарычъ, по совершеніи дѣла.

2-й убійца.—Идемъ, онъ погибнетъ! я и забылъ про могарычъ.

1-й убійца.—Гдѣ твоя совѣсть теперь?

2-й убійца.—Въ Глостеровомъ кошелькѣ.

1-й убійца.—Слѣдовательно, если онъ откроетъ свой кошелекъ для уплаты намъ награды, твоя совѣсть улетитъ?

2-й убійца.—Ничего, пусть летитъ; никому она не нужна.

1-й убійца.—А что, если она къ тебѣ вернется?

2-й убійца.—Я не хочу съ нею возиться, это опасная вещь, она дѣлаетъ человѣка трусомъ. Человѣкъ не можетъ украсть, она его винитъ; человѣкъ не можетъ поклясться, она ему перечитъ; человѣкъ не можетъ согрѣшить съ женою ближняго, совѣсть его обличаетъ. Это краснѣющій, стыдливый дьяволенокъ, смущающій душу человѣка и наполняющій его препятствіями. Онъ однажды заставилъ меня возвратить полный золота кошелекъ, найденный на дорогѣ; изъ-за него многіе становятся голышами; его гонятъ изъ городовъ и селъ, какъ опасную тварь. И всякъ, кто хочетъ пожить пріятно, долженъ съ нимъ разстаться и жить безъ него.

1-й убійца.—И теперь онъ предо мною, убѣждая не убивать герцога.

2-й убійца.—Не забывай дьявола, иначе онъ въ тебя вцѣпится.

1-й убійца.—Я стоекъ, онъ не одолѣетъ меня.

2-й убійца.—Сказано ладно; ты, очевидно, уважаешь свою репутацію. Что-жъ, идемъ на работу?

1-й убійца.—Ткни его концомъ твоего меча и потомъ бросимъ его въ бочку съ мальвазіей въ сосѣдней комнатѣ.

2-й убійца.—Отличная мысль! выйдетъ недурная настойка.

1-й убійца.—Тсъ! онъ проснулся.

2-й убійца.—Коли его.

1-й убійца.—Нѣтъ, давай побесѣдуемъ съ нимъ.

Кларенсъ (*просыпаясь*). — Гдѣ моя стража? Дайте мнѣ кружку вина.

1-й убійца.—Будетъ вамъ, милордъ, вдоволь вина.

Кларенсъ.—Ради Бога, кто ты?

1-й убійца.—Человѣкъ, какъ и ты.

Кларенсъ.—Но не царскаго рода.

1-й убійца.—За то честнаго, не въ примѣръ тебѣ.

Кларенсъ.—Твой голосъ — громокъ, но взглядъ твой — ласковъ.

1-й убійца.—Мой голосъ теперь—голосъ короля, взглядъ—свой собственный.

Кларенсъ.—Какъ мраченъ и какъ золъ твой разговоръ!
Твой взоръ грозитъ мнѣ! что такъ блѣдно смотришь?
Кѣмъ присланъ ты? зачѣмъ сюда пришелъ?

Оба убійцы.—Чтобъ, чтобъ...

Кларенсъ.— Чтобы убить меня?

Оба убійцы.— Да, да!

Кларенсъ.—Въ васъ силы нѣтъ мнѣ возвѣстить о томъ,
И потому нѣтъ силы это сдѣлать.
Когда и чѣмъ я васъ, друзья, обидѣлъ?

1-й убійца.—Не насъ обидѣлъ ты, а короля.

Кларенсъ.—Я съ нимъ опять надѣюсь помириться.

1-й убійца.—Нѣтъ, никогда, милордъ; готовься къ смерти.

Кларенсъ.—Уже-ль изъ всей вселенной жребій выпалъ
Вамъ—умертвить невиннаго? Въ чемъ грѣхъ мой?
Въ улику мнѣ какое преступленіе?
Гдѣ судъ, мнѣ объявившій свой вердиктъ?
И гдѣ судья, нахмуренный и грозный,
Изрекшій Кларенсу-бѣднягѣ смерть?
Кто смѣлъ грозить мнѣ смертнымъ приговоромъ,
Коль выше я законнаго суда?
Васъ заклинаю кровію Христа,
Пролитою за наши злыя чувства,
Идите прочь, не налагайте рукъ,
Предпринятое дѣло васъ погубитъ.

1-й убійца.—Что сдѣлаемъ, на то намъ данъ приказъ.

2-й убійца.—А приказалъ то сдѣлать нашъ король.

Кларенсъ.—О, лживый рабъ! Король надъ королями,
Господь въ своихъ скрижаляхъ повелѣлъ —
Не убивать. Ужели ты нарушишь
Его законъ, по волѣ человѣка?

Въ Его десницѣ месть; остерегайся,
Казнить Онъ нарушителей завѣта.
2-й убійца.—И та же казнь ждетъ нынѣ и тебя
За клятву ложную и за убійство.
Ты, пріобщась, открыто присягнулъ
Въ бояхъ за домъ Ланкастеровъ сражаться.
1-й убійца.—И, какъ предатель имени Господня,
Присягу разорвалъ, заклавъ измѣной
Наслѣдника владыки твоего.
2-й убійца.—Котораго клялся ты охранять.
1-й убійца.—Тебѣ-ль грозить намъ заповѣдью Божьей,
Коль ты ее въ такой нарушилъ мѣрѣ?
Кларенсъ.—О! для кого я это зло свершилъ?
Для Эдуарда, брата моего!
Онъ не пошлетъ васъ убивать меня,
Онъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и я, преступникъ!
И коль Господь рѣшитъ за то отмстить,
Онъ, знайте, то исполнитъ предо всѣми.
Не отклоняйте-жъ полной силъ десницы,
Онъ чуждъ неправыхъ, беззаконныхъ каръ
Надъ тѣми, кѣмъ Онъ дерзко оскорбленъ.
1-й убійца.—Кто-жъ въ палачи кровавые толкнулъ
Тебя, когда смѣльчакъ Плантагенетъ,
Вѣнчанный отпрыскъ, юнона державный,
Безъ жалости тобою былъ убитъ?
Кларенсъ.—Расположенье брата, гнѣвъ и дьяволъ...
1-й убійца.—Твой братъ, нашъ долгъ и твой поступокъ лживый
Призвали насъ сюда тебя убить.
Кларенсъ.—Коль любите вы брата, и меня
Щадите,—я ему родной по крови.
Вы, можетъ-быть, подкуплены? идите-жъ,
Васъ отсылаю къ Глостеру. Щедрѣй
Онъ дастъ награду вамъ за жизнь мою,
Чѣмъ Эдуардъ за смерть мою заплатитъ.
2-й убійца.—Ты ошибаешься; братъ Глостеръ—врагъ твой.
Кларенсъ.—О, нѣтъ, меня онъ любитъ; отъ меня
Къ нему идите.
1-й убійца.— Такъ мы и поступимъ.
Кларенсъ.—Напомните ему, когда державный
Отецъ нашъ Іоркъ трехъ сыновей своихъ

Благословлялъ побѣдною рукою
И отъ души внушалъ любить другъ друга,
Онъ врядъ-ли думалъ о такомъ разладѣ...
Пусть это вспомнитъ Глостеръ и заплачетъ!

1-й убійца.—Каменьями!.. какъ насъ училъ онъ плакать!

Кларенсъ.—Не обижайте брата, онъ такъ нѣженъ.

1-й убійца.—Какъ лѣтомъ снѣгъ; себя ты, другъ, морочишь;
Вѣдь насъ прислалъ онъ умертвить тебя.

Кларенсъ.—Не можетъ быть, онъ обо мнѣ тужилъ такъ,
Меня сжималъ въ объятіяхъ и клялся,
Что похлопочетъ о моей свободѣ.

1-й убійца.—Онъ такъ и дѣлаетъ, освобождая
Тебя на небо отъ житейскихъ бѣдствій.

2-й убійца.—Молись, ты долженъ умереть, милордъ.

Кларенсъ.—Ужели ты такъ набоженъ въ душѣ,
Что мнѣ совѣтуешь мириться съ Богомъ,
И самъ въ душѣ твоей такъ ослѣпленъ,
Что хочешь умертвить меня безбожно?
Ахъ, тотъ, друзья, кто васъ сюда въ убійцы
Прислалъ, васъ проклянетъ за это дѣло.

2-й убійца.—Какъ быть же намъ?

Кларенсъ.—Спасти, смягчившись, души.

2-й убійца.—Смягчиться намъ?

1-й убійца.— Какъ бабамъ и трусишкамъ?

Кларенсъ.—Безжалостны лишь дьяволы, да звѣри.
И кто изъ васъ, будь сынъ онъ короля,
Лишенный воли, какъ и я, несчастный,
Увидя двухъ убійцъ, подобныхъ вамъ,
Не будетъ умолять о благахъ жизни?
Въ твоихъ глазахъ я, другъ, читаю жалость.
О, ежели глаза твои не льстятъ,
Стань ближе здѣсь и за меня проси,
Какъ бы просилъ о собственномъ несчастьи.
Молящій принцъ разжалобитъ и нищихъ.

2-й убійца.—Назадъ, милордъ, прошу васъ, оглянитесь.

1-й убійца. (*Колетъ Кларенса*). — Вотъ такъ, вотъ этакъ! если жъ недовольно,
Я окуну въ мальвазію тебя! (*Удаляется съ трупомъ*).

2-й убійца.—Кровавое, безумное злодѣйство!
Охотно-бъ, какъ Пилатъ, умылъ я руки

Въ безсовѣстномъ и злomъ убійствѣ этомъ! (*Возвращается 1-й убійца*).

1-й убійца.—Ну, что? зачѣмъ стоишь, не помогаешь?
Клянусь, твою узнаетъ герцогъ слабость.

2-й убійца.—О, если-бъ онъ узналъ, что я спасъ брата!
Бери на водку и ему скажи:
Я каюсь въ томъ, что герцогъ умерщвленъ. (*Уходитъ*).

1-й убійца.—А я не каюсь. Оставайся трусомъ;
Иди. Мы-жъ гдѣ-нибудь припрячемъ трупъ,
Пока похоронить прикажетъ герцогъ.
И, чуть свою награду получу,
Отъ этихъ дѣлъ нечистыхъ укачу! (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Лондонъ. Комната во дворцѣ. Входятъ: **Король Эдуардъ**, — больной, **Королева Елисавета, Дорзетъ, Риверсъ, Гэстингсъ, Бокингэмъ, Грей** и другіе).

Король Эдуардъ.—Вотъ, наконецъ, мнѣ удалось окончить
Благое дѣло.—Пэры, васъ молю,
Храните честь воскреснаго союза;
Я каждый день отъ Спаса моего
Жду вѣстниковъ желаннаго спасенья...
Спокойно духъ мой полетитъ на небо,
Когда друзья мои примирены!
Лордъ Риверсъ и лордъ Гэстингсъ, дайте руки
Другъ другу; не таите черной злобы,
Клянитеся любить другъ друга...

Риверсъ.— Небомъ
Клянусь, моя душа забыла гнѣвъ, —
И этою рукой скрѣпляю я
Союзъ моей любви святой и дружбы.

Гэстингсъ.—Богъ да пошлетъ мнѣ счастье, если нынѣ
Права моя торжественная клятва.

Король Эдуардъ.—Смотрите, не шутите передъ вашимъ
Монархомъ, чтобъ могучій Царь царей
Не отомстилъ вамъ за притворство злое
И каждаго изъ васъ не погубилъ

Измѣною другого...

Гэстингсъ.— Пусть же я
Погибну, если невѣрна любовь,
Въ которой я клянусь теперь.

Риверсъ.— И я.
Клянуся—Гэстингса любить всѣмъ сердцемъ.

Король Эдуардъ.—Милэди, вы изъ этихъ заклинаній
Не исключаетесь, ни сынъ вашъ и Дорсетъ,—
Ни вы, лордъ Бокингэмъ; вы всѣ другъ съ другомъ
Вели вражду; жена, лордъ Гэстингсъ ждетъ
Твоей руки,—люби его, и миръ
Да низойдетъ на васъ невозмутимый.

Королева Елисавета. — Вотъ вамъ рука моя: навѣки, Гэстингсъ,
Я ненависть былую забываю
И въ этомъ вамъ клянусь моимъ блаженствомъ.

Король Эдуардъ.—Лордъ Дорсетъ, обойми его; лордъ Гэстингсъ,
Люби маркиза.

Дорсетъ.— Небомъ я клянусь—
Хранить обмѣнъ священной дружбы нашей.

Гэстингсъ.—И я клянусь служить ей всей душой. (*Обнимаетъ Дорсета*).

Король Эдуардъ.—Достойный Бокингэмъ, запечатлѣй
И ты союзъ всеобщій, обойми
Родныхъ жены моей, порадуй сердце
Мое—согласіемъ, мнѣ столько милымъ!

Бокингэмъ (*Королевѣ*).—Едва на васъ ослушникъ Бокингэмъ
Осмѣлится возстать, едва лукавой
Любовью онъ обманетъ васъ и вашихъ
Друзей,—Господь да поразитъ его
Коварствомъ тѣхъ, кого любовь дороже
Ему всего!.. И если нуженъ станетъ
Мнѣ другъ, и я вполнѣ ему довѣрюсь,
Пусть онъ меня съ презрѣніемъ покинетъ,
Измѣнитъ мнѣ, продастъ меня врагамъ!..
Такъ небеса да отомстятъ мнѣ, если
Когда-нибудь въ душѣ моей остынетъ
Любовь къ монархинѣ моей и всѣмъ
Ея друзьямъ!..

Король Эдуардъ.— Достойный Бокингэмъ,

Обѣтъ твой моему больному сердцу
Отраднѣйшій бальзамъ!—Но гдѣ же Глостеръ,
Нашъ братъ! Его лишь одного здѣсь нѣтъ,
Чтобъ увѣнчать союзъ нашъ благодатный.

Бокингэмъ. — А вотъ, какъ-разъ, и благородный герцогъ.
(Входитъ Глостеръ).

Глостеръ.—День добый королю и вамъ, моя
Монархиня!—Милордамъ-пэрамъ счастья
Желаю всякаго...

Король Эдуардъ.— Мы въ самомъ дѣлѣ
Сегодня счастливы.—Намъ удалось
Исполнить истинно-благое дѣло!
Мы обратили ненависть—въ любовь,
Вражду друзей—мы замѣнили миромъ,
И обнялись, какъ обнимались встарь
По-братски—наши царственные пэры...

Глостеръ.—Да, повелитель, истинно-благое
Вы дѣло сдѣлали... Я самъ,—едва
Въ собраньи этомъ человѣкъ найдется,
Считающій меня своимъ врагомъ
По клеветѣ одной, по подозрѣнью-ль,
Иль, даже, если, въ самомъ дѣлѣ, я
Кому-нибудь—неволею иль волей—
Нанесъ обиду въ бѣшенствѣ моемъ,—
Я самъ желалъ бы примириться съ нимъ
Отъ всей души!.. Вражда мнѣ хуже смерти:
Я не терплю ея!.. Любовь людей—
Одна мое блаженство составляетъ.
И потому васъ первыхъ, королева,
Прошу объ этомъ я, въ залогъ любви
Вамъ обѣщаю вѣчныя услуги...
Васъ, благородный братъ мой, Бокингэмъ,
Прошу о томъ же, если между нами
Была хотя малѣйшая вражда...
И васъ, лордъ Риверсъ, также васъ, лордъ Дорзетъ.—
Мы безъ причины съ вами враждовали.
Васъ, Вудвиль, васъ, лордъ Скэльзъ, васъ, графы, лорды,
Васъ, герцоги и джентльмены,—всѣхъ
Я васъ прошу!.. Нѣтъ человѣка въ цѣлой
Британіи, къ которому-бъ я болѣ

Питалъ вражды. чѣмъ, напримѣръ, къ ребенку,
Который этой ночью родился...
Благодарю, благодарю, о Боже,
Тебя за даръ смиренья моего...

Королева Елисавета.—Днемъ празднества да будетъ намъ отнынѣ
День этотъ! Съ нимъ да кончится раздоръ
Въ семьѣ монаршей!—Государь. позволь
Тебя просить о милости достойной,—
Отдай намъ Кларенса, прости его...

Глостеръ.—Какъ королева? Я любовь и дружбу
Вамъ предлагалъ затѣмъ. чтобъ надо мной
Вы издѣвались—здѣсь, предъ королемъ?
Скажите, кто-жъ не вѣдаетъ, что герцогъ
Скончался?—Трупъ его такой насмѣшкой
Безбожно оскорблять!.. *(Всѣ изумляются).*

Король Эдуардъ.— Какъ?.. Кто не знаетъ,
Что умеръ онъ?.. Но кто-жъ, скажите, знаетъ
О томъ, что онъ скончался?..

Королева Елисавета.— Небеса
Всевидящія! гдѣ же нашъ покой?!..

Бокингэмъ.—Лордъ Дорсетъ. неужель я такъ же блѣденъ,
Какъ всѣ здѣсь?

Дорсетъ.— Да, милордъ, здѣсь нѣтъ лица,
Съ котораго-бъ румянецъ не сбѣжалъ!..

Король Эдуардъ.—Какъ? умеръ Кларенсъ? Но вѣдь повелѣнье
Мое я отмѣнилъ!..

Глостеръ.— Бѣдняга умеръ
По первому приказу короля,—
Его къ нему съ Меркуріемъ крылатымъ
Послали... Со вторымъ же, вѣроятно,
Какой-нибудь калѣка потащился,—
Отсталъ немножко, и попалъ какъ разъ
На погребеніе!.. Дай Богъ, чтобъ люди,—
Настолько благородные и къ вамъ
По крови близкіе.—не по кровавой
Душѣ,—дай Богъ. чтобъ эти люди худшей
Не заслужили участи, чѣмъ Кларенсъ...
И чтобъ напрасно не касалось ихъ
Нѣмое подозрѣнье!.. (*Входитъ Стэнли*).

Стэнли.— Государь,

Молю тебя о милости за службу
Мою!

Король Эдуардъ.—Молчи, прошу тебя: душа
Моя полна мученій!

Стэнли.— Я не встану,
Пока меня не захотите вы
Услышать.

Король Эдуардъ.—Говори-жъ скорѣе, въ чемъ
Твое прошенье?

Стэнли.— Государь, молю
Тебя — простить, избавить моего
Слугу отъ казни: онъ убилъ сегодня
За дерзость джентльмена одного
Изъ сильной свиты герцога Норфолька.

Король Эдуардъ.—Языкъ мой осудилъ на гибель брата
И рядомъ съ нимъ помилуетъ раба?
Мой братъ убійцей не былъ, мысль его
Одна виновна, — и мой братъ казненъ!
Просили-ль за него меня? Склоняли-ль
Колѣни предо мной, съ мольбой за жизнь
Несчастнаго, когда я бѣсновался?
Кто говорилъ о братской мнѣ любви?
Кто мнѣ припомнилъ, что бѣднякъ отрекся
Отъ Варвика и сталъ въ мои ряды?..
Кто мнѣ напомнилъ, какъ при Тьюксбери.
Когда Оксфордъ низвергъ меня на землю,—
Онъ спасъ меня, воскликнувъ: «вѣрный братъ,
Живи и царствуй!..» Кто напомнилъ мнѣ
О томъ, какъ онъ, — когда, до смерти мы
Иззябшіе, лежали средь пустыни, —
Меня своей одеждою окуталъ
И самъ, нагой, на холодѣ дрожалъ?..
Скотская месть изъ памяти моей
Безчувственно изгладила все это.
И ни одинъ изъ васъ мнѣ не напомнилъ
О томъ!—Вашъ конюхъ, вашъ послѣдній рабъ —
Свершилъ убійство гнусное, — святое
Подобье Бога погубилъ, — и вы
У ногъ моихъ взываете: «прощенье,
Прощенье, государь!..» И я обязанъ,
Кривя душой, исполнить вашу просьбу!

За брата-жъ моего никто и слова
Не вымолвилъ, ни я, неблагодарный,
Ни вы спасти не вздумали его...
Надменнѣйшимъ изъ васъ — при бѣдной жизни
Онъ помогалъ, — и что же? кто за жизнь
Его теперь проспилъ?.. О, Боже правый,
Ты отомстишь за это имъ и мнѣ,
Друзьямъ моимъ и ихъ друзьямъ коварнымъ!
Пойдемте, Гэстингсъ, помогите мнѣ
Дойти въ мой кабинетъ. О, бѣдный, бѣдный,
Несчастный Кларенсъ!.. (*Уходятъ: Король, Королева, Гэстингсъ, Риверсъ, Дорсетъ и Грей*).

Глостеръ.— Вотъ вамъ и плоды
Поспѣшности! — Замѣтили-ль вы, лордъ,
Какъ поблѣднѣли вдругъ, при громкой вѣсти
О смерти Кларенса, родные нашей
Великой королевы?.. День и ночь
Они ожесточали короля!—
Но Богъ накажетъ ихъ!.. Пойдемте, лорды,
Утѣшимъ Эдуарда.

Бокингэмъ.— Свѣтлый лордъ,
Вы правы; — мы за вами всѣ идемъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лондонъ. (Входятъ: герцогиня **Іоркъ** съ сыномъ и дочерью **Кларенса**).

Сынъ.—Скажите, бабушка, уже-ль скончался
Нашъ папенька?

Герцогиня.— О! нѣтъ, дитя мое...

Дочь.—Зачѣмъ же такъ вы плачете и бьете
Такъ часто въ грудь себя, взывая: «Кларенсъ!
Несчастный сынъ мой!»

Сынъ.— Отчего всегда
Вы головой качаете, едва
На насъ глядите вы, и спротами,
Изгнанниками насъ зовете, — если
Отецъ нашъ живъ?

Герцогиня.— Вы спутали совсѣмъ
Меня! Повѣрьте, немощь короля
Заставила меня рыдать; опасность
Одна разстаться съ нимъ меня печалитъ,
А не кончина вашего отца...

Напрасна скорбь о томъ, что безъ возврата
Утрачено...

Сынъ.— Итакъ, — онъ, значитъ, умеръ?!
Король, мой дядя, виноватъ во всемъ,—
И Богъ его накажетъ, — и молить
Его о томъ я буду день и ночь!

Дочь.—И я.

Герцогиня.—Постойте, дѣти, перестаньте!
Король васъ любитъ, вы еще покуда
Такъ кротки и невинны, что рѣшить,
Кто былъ убійцей вашего отца,
Вамъ не подъ-силу.

Сынъ.— Бабушка, убійцу
Я отыщу! Мнѣ добрый дядя Глостеръ
Сказалъ, что королева королю
Совѣтовала папеньку въ темницу
Забросить; и когда мнѣ говорилъ
Объ этомъ дяденька, онъ такъ рыдалъ,
Молился обо мнѣ и цѣловалъ
Мои глаза, и жалобно просилъ
Меня — надѣяться, какъ на отца
Второго, на него!.. и увѣрялъ,
Что онъ меня, какъ сына своего,
Какъ первенца, любить и нѣжить будетъ!..

Герцогиня.—И хитрость можетъ принимать такую
Волшебную наружность, прикрывать
Свое коварство добродушной маской!?
Онъ кровь моя, мой сынъ, — и мой позоръ!..
Но эту злобу онъ не изъ моей
Несчастной груди высосалъ.

Сынъ.— Такъ дядя,
По-вашему, лжетъ, бабушка?

Герцогиня.— Да, сынъ мой!

Сынъ.—Не можетъ быть!.. Но, слушай! что за шумъ? (*Выходитъ королева Елисавета, внѣ себя отъ отчаянья. За нею слѣдуютъ Риверсъ и Дорзетъ*).

Королева Елисавета.—О! кто теперь осмѣлится сказать,
Чтобъ не рыдала я, чтобъ не стонала,
Чтобъ участи своей не проклинала?..
Да, я сольюсь съ отчаяньемъ своимъ,
Сама себѣ врагомъ теперь я буду!

Герцогиня.—На что, скажи, идетъ вся эта сцена?
Королева Елисавета.—На цѣлый актъ трагическаго горя: —
Мой лордъ, твой сынъ, король нашъ Эдуардъ
Скончался! — Для чего же вѣтви живы.
Когда нѣтъ корня болѣ? Почему
Не вянутъ листья жалкіе, безъ соку?
Хотите жить, — рыдайте! Умереть
Хотите, — поскорѣе умирайте!
Чтобъ быстрокрылыя, земныя души
Могли съ душой монарха снова слиться
И, какъ ея покорные рабы, —
Въ другое царство, въ царство вѣчной ночи —
За нимъ путемъ воздушнымъ полетѣли!..
Герцогиня.—Ахъ, и моя есть доля въ вашей скорби!
Она равна моимъ былымъ правамъ
На мужа вашего, моя сестра!
Оплакавъ смерть любимаго супруга,
Я созерцаніемъ его подобій
Жила. И вотъ, два зеркала его
Вѣчанныхъ образовъ — ехидной смертью
Разбиты въ дребезги... Въ утѣху мнѣ
Теперь осталося одно — кривое,
И нѣтъ покоя мнѣ, затѣмъ, что въ немъ я
И день, и ночь позоръ свой созерцаю...
Вы, слабая вдова, но вмѣстѣ вы —
И мать: вамъ утѣшенье — ваши дѣти.
А смерть, сгубивъ супруга моего,
Изъ рукъ моихъ и костыли мои
Исторгла: Кларенса и Эдуарда!
О, ваша скорбь — лишь половина скорби
Моей, и вашъ безумно-громкій плачъ
Я заглушу стенаньями моими!..
Сынъ.—Ты, тетенька, не плакала о смерти
Бѣдняжки папеньки, и мы теперь
Тебѣ слезою нашей не поможемъ!
Дочь.— О сиротствѣ ты нашемъ не жалѣла,
И мы вдовства и горя твоего
Жалѣть не станемъ!..
Королева Елисавета.— Не въ рыданьяхъ помощь
Нужна мнѣ нынѣ. Я не такъ безплодна.
Чтобъ не могла въ избыткѣ ихъ родить...

Всѣ рѣки мнѣ въ глаза воды нашлютъ.
И я, живя подъ мѣсяцемъ дождливымъ,
Могу весь міръ залить потокомъ слезъ.
Слезъ о моемъ безцѣнномъ Эдуардѣ,
О мужѣ бѣдномъ!

Дѣти.— Объ отцѣ несчастномъ,
О Кларенсѣ, о нашемъ утѣшеньи.

Герцогиня. — О нихъ обоихъ! Эдуардъ и Кларенсъ —
Мнѣ оба дѣти!

Королева Елисавета. — Кто безъ Эдуарда
Мнѣ помогалъ? и я его лишилась!

Дѣти.—Кто, кромѣ Кларенса, намъ помогалъ?
И мы его лишились!

Герцогиня.— Кто безъ нихъ
Мнѣ былъ опорой? И я ихъ лишилась!

Королева Елисавета.—Вдова была-ль когда несчастна такъ?

Дѣти. — Вѣкъ сироты такъ много не теряли!

Герцогиня. — И никогда ужаснѣйшаго горя
Не знала мать. — Я мать всѣхъ этихъ скорбей.
Ихъ горе частное, моя-жъ судьба —
Всѣхъ ихъ касается! — Она о мужѣ
Рыдаетъ, я о немъ же убиваюсь.
О Кларенсѣ я плачу, но она
О немъ уже не плачетъ. Эти дѣти
О Кларенсѣ рыдаютъ, — и я съ ними;
Объ Эдуардѣ плачу я, — они
Молчатъ!.. Такъ выплачьте же ваши слезы
О мнѣ, несчастной, троекратнымъ горемъ.
Я выкормила вашу грусть и снова
Вскормлю ее рыданіемъ моимъ!

Дорзетъ.— Утѣшьтесь, матушка, Господь не терпитъ
Роптанія на промыселъ небесный;
И въ мірѣ жизни ропотный возвратъ
Займа тому, кто насъ радушно имъ
Ссудилъ, — неблагодарностью зовется...
Тѣмъ болѣе неблагодаренъ ропотъ
На Господа за то, что онъ назадъ
Потребовалъ Свой царственный заемъ,
Которымъ насъ ссудилъ Онъ такъ охотно.

Риверсъ.—Опомнитесь, милэди! вы такъ нѣжно
Заботитесь о принцѣ, вашемъ сынѣ.

Скорѣй за нимъ пошлите, — и его
Немедля коронуйте. Въ немъ вся ваша
Награда.—Схороните-жъ эту скорбь
Въ гробѣ Эдуарда мертваго, и радость
Свою на тронъ живого возводите!..

(Входятъ: Глостеръ, Бокингэмъ, Стэнли, Гэстингсъ, Ратклифъ и другіе).

Глостеръ.—Сестра, утѣшься; всѣ мы здѣсь имѣемъ
Причину плакать — о затмены нашей
Звѣзды. Но не помогъ еще никто
Рыданьемъ скорби нашей... Ахъ! простите!
Васъ, матушка, я не замѣтилъ здѣсь...
Смиренно, на колѣняхъ васъ молю я
О вашемъ праведномъ благословеньи...

Герцогиня.—Господь тебя да осѣнитъ и въ грудь
Твою да поселитъ—любовь, покорность,
Смиренье кроткое и вѣрность долгу!

Глостеръ.—И да пошлетъ мнѣ смерть въ преклонныхъ лѣтахъ,
Аминь! (*Въ сторону*). Таковъ конецъ благословеній
Всѣхъ матерей, а между тѣмъ ея
Высочество объ этомъ и забыла!..

Бокингэмъ.—Печальные и горестные принцы,
Печальные и горестные пэры,—
Одно несчастье убиваетъ насъ;
Утѣшимъ же взаимною любовью
Другъ друга. Нашу жатву смерть
Монарха уничтожила, но въ сынѣ
Его другая жатва созрѣваетъ...
Чувствительный и острый переломъ
Враждующихъ сердецъ, еще недавно
Соединенный, связанный и плотью
Покрывшійся, теперь мы всѣ должны
Щадить, беречь и зарощать незримо!..
По-моему, сейчасъ, безъ замедленья,
Должны мы молодого короля
Изъ Людлова въ его столичный Лондонъ
Перевезти, со свитой небольшой,
И здѣсь его короновать на царство...

Риверсъ.—Зачѣмъ же съ небольшою только свитой,
Лордъ Бокингэмъ?

Бокингэмъ.— Затѣмъ, милордъ, чтобъ шумомъ

Процессіи не растравить вражды,
Недавно такъ залѣченной; а это
Опаснѣй тѣмъ, что зелены еще
И не устроены законы наши:
Что каждый конь вожжами править здѣсь,
Бѣжитъ туда, куда ему угодно...
Я думаю, что устранить должны мы
Со зломъ и самую возможность зла!

Глостеръ.—Но вѣдь король насъ примирилъ!.. Не знаю,
Какъ вы,—а я мирился отъ души—
И навсегда...

Риверсъ.— Какъ я,—какъ всѣ, надѣюсь!
Но все-таки союзъ нашъ очень юнъ,
И подвергать его—хотя-бъ возможной
Опасности разрыва—не должно...
А при большомъ конвоѣ онъ возможенъ!
Поэтому, согласно съ благороднымъ
Милордомъ Бокингэмомъ, предложить
И я осмѣлюсь вамъ,—послать немногихъ
За принцемъ...

Гэстингсъ.— Это и мое рѣшенье!

Глостеръ.—И я согласенъ, если вы согласны.
Пойдемте же, назначимъ—кто изъ насъ
За королемъ поѣхать долженъ въ Людловъ?
Милэди,—королева,—я надѣюсь,
Вы не откажетесь въ подобномъ важномъ
Рѣшеніи свое намъ мнѣнье дать. (*Всѣ уходятъ, кромѣ Бокингэма и Глостера*).

Бокингэмъ.—Лордъ... Кто-бъ теперь за принцемъ ни поѣхалъ,
Молю васъ, не сидите дома; я
Дорогою отъ принца удалю
Надменныхъ родственниковъ королевы!

Глостеръ.—Мое второе *Я*, престолъ моихъ
Совѣтовъ, мой судья и мой оракулъ!
Любезный братъ, я, какъ дитя, пойду
Подъ вашимъ руководствомъ къ цѣли! Да,
Мы не останемся здѣсь!.. Въ Людловъ, въ Людловъ!

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Улица. Два гражданина встрѣчаются.

Первый гражданинъ.—Здорово, другъ сосѣдъ! Куда спѣшишь такъ?

Второй гражданинъ.—А право, я и самъ не знаю... Слышалъ Ты новость?

Первый гражданинъ.—О кончинѣ короля?..
Да, слышалъ.

Второй гражданинъ.—Богоматерью клянусь,
Плохая повость!—Радостныя вѣсти
И безъ того до насъ доходятъ рѣдко...
О-охъ! Боюсь, какъ разъ теперь вверхъ дномъ
Пойдетъ нашъ свѣтъ. (*Входитъ третій гражданинъ*).

Третій гражданинъ.— Богъ въ помощь вамъ, сосѣди!

Первый гражданинъ.—Спасибо! Добраго вамъ утра, сэръ!

Третій гражданинъ.—Что, подтвердилась новость о кончинѣ Внезапной Эдуарда?

Второй гражданинъ.— Нѣтъ сомнѣнья
Ужъ болѣе! Господь, спаси насъ бѣдныхъ!

Третій гражданинъ.—Да, сэры, быть великимъ смутамъ!

Первый гражданинъ.—Какъ такъ? — Вѣдь Божьей милостью на тронъ
Сынъ короля взойдетъ!..

Третій гражданинъ.— Несчастье царству,
Въ которомъ правитъ слабое дитя!

Второй гражданинъ.—На нашего надѣяться мы можемъ!
Въ немъ цвѣтъ престола нашего!.. Пока
Онъ малъ,—въ рукахъ достойнаго совѣта
Бразды правленья будутъ,—а когда
Онъ подростетъ и наберется силой,—
Самъ онъ возьметъ свой скипетръ золотой
И управлять на славу нами станетъ!!..

Первый гражданинъ.—Да, тронъ въ такомъ же положенъи былъ.
Когда короною, въ Парижѣ, Генрихъ
Шестой вѣнчался на родное царство...
Онъ девяти былъ мѣсяцевъ тогда.

Третій гражданинъ.—Въ такомъ же положенъи? Нѣтъ, друзья,—
Господь свидѣтель,—наше царство было
Тогда богато славными мужами,
Совѣтниками королей,—и дяди
Могучіе вкругъ юнаго орла

Могучею фалангою стояли!—

Первый гражданинъ.—Что-жъ, и у этого довольно дядей
По матери и по отцу его...

Третій гражданинъ.— Ужъ лучше, если-бъ по отцѣ всѣ были,
Иль не было ни одного по немъ.
Соперничествомъ въ томъ, кому быть ближе
Изъ всѣхъ ихъ къ королю, они и насъ
Задѣнутъ, если не спасетъ насъ Богъ.
О, герцогъ Глостеръ полонъ страшныхъ козней:
А сыновья и братья королевы
Высокомѣрны и горды; да, если бъ
Имъ не владѣть, а быть самимъ подъ властью —
Нашъ бѣдный и больной и слабый край
Увидѣлъ бы опять свое блаженство.

Первый гражданинъ. — Ну, перестаньте, вамъ все въ черномъ видѣ
Является: все будетъ хорошо!—

Третій гражданинъ.—Когда ползутъ на небо тучи, — умный
Скорѣе надѣваетъ плащъ. Зима
Близка, когда большіе листья падать
Начнутъ; а закатилось солнце.—всякій
Ждетъ сумрака... Безвременныя бури
Дороговизну предвѣщаютъ... Впрочемъ,
Все будетъ хорошо,—но ужъ тогда
Господь къ намъ милостивъ гораздо болѣ,
Чѣмъ стоимъ мы и чѣмъ я ожидаю.

Второй гражданинъ.—Да точно,—всѣ умы полны боязни:
И съ кѣмъ бы вы ни стали разсуждать,
Его лицо ужъ покрываетъ грусть,
И весь онъ дышитъ чернымъ опасеньемъ.

Третій гражданинъ.—Предъ смутами всегда бываетъ такъ!
Божественнымъ инстинктомъ человѣкъ
Разгадываетъ близкую опасность...
Такъ волны моря, передъ лютой бурей,
Какъ оживленныя, встаютъ надъ бездной—
Безъ вѣтра, сами... Но все это Богу
Оставимъ, граждане! — Куда вы?

Второй гражданинъ.— Насъ
Къ судьѣ обоихъ звали.

Третій гражданинъ.— И меня.
Въ дорогу-жъ, добрые друзья, въ дорогу. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамъ же. Комната во дворцѣ. Входятъ: **Архіепископъ Іоркскій, малолѣтній герцогъ Іоркскій, королева Елисавета и герцогиня Іоркская.**

Архіепископъ.—Прошедшей ночью,—слышалъ я,—они
Въ Стратфордѣ были, въ Норстэмптонѣ нынѣ
Имъ ночевать, а завтра на зарѣ,—
Иль ужъ навѣрно послѣзавтра,—здѣсь.
Межъ нами быть имъ.

Герцогиня.— Ото всей души
Мнѣ видѣть принца хочется. Съ тѣхъ поръ, какъ
Я видѣла его въ послѣдній разъ,
За это время онъ, конечно, выросъ.

Королева Елисавета.— Нѣтъ,
Мой Іоркъ его замѣтно перерослъ,
Какъ говорили мнѣ!

Іоркъ.— А я совсѣмъ бы
Не пожелалъ такой завидной доли...

Герцогиня.—Какъ такъ, мой милый? Ростъ всегда хорошъ...

Іоркъ.—Да вотъ какъ, бабушка: однажды ночью,
За ужиномъ, мой дядя Риверсъ мнѣ
Сказалъ, что я перерастаю брата,—
А дядя Глостеръ и замѣтилъ намъ:
«Хорошая трава невысока,
Дурная-жъ тянется всегда высоко».—
Съ тѣхъ поръ и не желаю я рости...
Роскошный цвѣтъ растетъ едва замѣтно,
А скоро вырастаютъ лишь дурные,
Да хворые и слабые цвѣты!..

Герцогиня.—Однакожъ, эта поговорка вовсе
На томъ, кто высказалъ ее тебѣ,
Не оправдалася: онъ въ дѣтствѣ былъ
Такъ малъ и росъ такъ медленно, такъ туго,
Что, будь права пословица его,
Онъ былъ бы украшеніемъ людей...

Архіепископъ.—Онъ, герцогиня, добръ и безъ того!

Герцогиня.—Быть-можетъ,—но, какъ мать, я васъ прошу
На этотъ разъ позволить мнѣ немножко
Поусомниться...

Іоркъ.— Да! и если-бъ я
Тогда подумалъ хоть немного,—дядѣ
Сказалъ получше бы о бѣдномъ ростѣ

Его, чѣмъ о моемъ сказалъ онъ.
Герцогиня.— Что жъ,
Мой милый Іоркъ, сказалъ бы ты ему?
Іоркъ.—Всѣ говорятъ, что дядя росъ такъ скоро,
Что ровно черезъ два часа съ рожденья
Легко могъ корки грызть,—а у меня
Мой первый зубъ явился черезъ два
Лишь года!.. Бабушка, вѣдь это будетъ
Повеселѣй и поострѣй!
Герцогиня.— Скажи,
Мой свѣтлый Іоркъ, кто разсказалъ тебѣ
Объ этомъ?
Іоркъ.— Я не помню.—Да! его
Кормилица...
Герцогиня.— Кормилица? Возможно-ль!
Она скончалась прежде твоего
Рожденья.
Іоркъ.— Ну, такъ значитъ не она,
И я не знаю, кто мнѣ разсказалъ.
Королева Елисавета.—Болтунъ, пошелъ!! Ты что-то слишкомъ дерзокъ!
Архіепископъ.—Монархиня, простите,—онъ ребенокъ...
Королева Елисавета. — Милордъ, ушей не лишены и стѣны!
(*Входитъ гонецъ*).
Архіепископъ.—Вотъ и гонецъ: что новаго?
Гонецъ.— Милордъ,
Такія новости, что тяжело
И говорить.
Королева Елисавета. — Что принцъ!?..
Гонецъ.— Здоровъ и веселъ,
Монархиня...
Герцогиня.— Такъ говори-жъ, въ чемъ дѣло?
Гонецъ.—Лордъ Риверсъ и лордъ Грей, а съ ними сэръ
Томасъ Вогэнъ, подъ сильной стражей въ Помфретъ
Отправлены.
Герцогиня.— Кто-жъ ихъ арестовалъ?
Гонецъ.—Лордъ Бокингэмъ и сильный герцогъ Глостеръ.
Королева Елисавета.—За что?
Гонецъ.— Я разсказалъ вамъ все, что знаю,
Но какъ и по какой причинѣ ихъ
Арестовали, королева, это—

Мнѣ не повѣдано.

Королева Елисавета.—О! горе, горе...
Я вижу гибель всей моей семьи.
Бездушный тигръ поймалъ бѣдняжку лань.
Неистовое самовластье вздулось
Надъ беззащитнымъ англійскимъ престоломъ:
Здорово-жъ, злобное опустошенье,
Кровь и убійства! Вижу, вижу васъ...
Какъ на живой картинѣ—предо мной
Конецъ всего—непризванный выходитъ!

Герцогиня.—Проклятое и гибельное время
Междоусобій,—сколько черныхъ дней
Надъ головой моею разразилось!
Мой мужъ погибъ, сражаясь за вѣнецъ;
Мои сыны—то шумно возвышались,
То падали,—и я то наслаждалась
При ихъ побѣдахъ, то надъ горемъ ихъ
Терзалася... И вотъ, вполнѣ побѣда
Вѣнчала ихъ, враги ихъ разбѣжались...
Что-жъ вышло?—Бой открылся между ними,
Межъ побѣдителями; братъ на брата
И кровь на кровь возстали!.. О! безумство
Неистовое, брось свою хандру
Проклятую,—иль умертви меня,
Чтобъ не видать мнѣ смерти близкихъ мнѣ!

Королева Елисавета.—Пойдемъ! пойдемъ! мой сынъ!.. Скорѣе въ церковь
Укроемся!.. Прощайте, герцогиня.

Герцогиня.—Постойте! и меня съ собой возьмите.

Королева Елисавета.—Вамъ незачѣмъ! Вы можете остаться...

Архіепископъ.—Да, королева, поспѣшите!—Всѣ
Свои сокровища, все достоянье
Свое берите также за собой...
А я передаю вамъ отъ себя
Печать, мнѣ ввѣренную... И дай Богъ
Мнѣ счастія такого же, какъ вамъ
Я отъ души желаю! Въ путь, идемте...
Я провожу васъ въ храмъ! Идемте съ Богомъ! (*Всѣ уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ. Улица. Звучатъ трубы. (Входятъ: **Принцъ Валлійскій; Глостеръ. Бокингэмъ, Борчеръ** и другіе).

Бокингэмъ.—Привѣтствую васъ, принцъ, въ палатѣ вашей.—
Въ великомъ Лондонѣ.

Глостеръ.— Племянникъ милый,
Властитель думъ моихъ, привѣтъ душевный
Вамъ отъ меня! Не отъ дороги-ль трудной
Вы такъ печальны?

Принцъ.— Нѣтъ, не отъ дороги,
Любезный дядя,—отъ досадныхъ смутъ,
Которыя нашъ путь такимъ несчастнымъ
И непріятнымъ сдѣлали: я ждалъ,
Что здѣсь меня еще другіе дяди
Привѣтствовать сойдутся.

Глостеръ.— Свѣтлый принцъ,
Безгрѣшная правдивость вашихъ лѣтъ
Мѣшаетъ вамъ проникнуть въ козни міра!
Понятна вамъ одна лишь внѣшность наша,
Которая,—свидѣтель Богъ,—почти
Всегда противорѣчитъ нашимъ мыслямъ.
Опасны были вамъ всегда тѣ дяди,
Которыхъ здѣсь вы не нашли... Вамъ сладки
Казались рѣчи ихъ, но ядъ сердецъ
Своихъ они отъ васъ лукаво скрыли!
Да сохранитъ васъ Богъ отъ этихъ дядей
И ото всѣхъ друзей коварныхъ!..

Принцъ.— Богъ
Да сохранитъ меня отъ ложной дружбы.
Но ложны-ль были дяди, я не знаю...

Глостеръ.—Милордъ, мэръ Лондона спѣшитъ сюда
Поздравить васъ съ избраніемъ... (*Входитъ лордъ-мэръ со свитой*).

Мэръ.— Всевышній
Да ниспошлетъ вамъ счастье и здоровье,
Нашъ молодой монархъ!

Принцъ.— Благодарю
Васъ, добрый лордъ; благодарю и васъ всѣхъ! (*Мэръ удаляется со свитой*).

Я полагалъ, что матушка и братъ,
Принцъ Іоркъ, меня еще въ дорогѣ встрѣтятъ;
Но—какъ же медлитъ этотъ скучный Гэстингсъ!
Какъ не узнать, пріѣдутъ ли они?
(*Входитъ Гэстингсъ*).

Бокингэмъ.—Да вотъ и Гэстингсъ! какъ усталъ, и весь
Въ поту!
Здорово, лордъ! Что-жъ, скоро будутъ
Сюда мой братъ и мать моя?

Гэстингсъ.— Богъ вѣсть,
Что за причина, только братъ вашъ Іоркъ
И королева удалились въ храмъ.
Принцъ думалъ къ вамъ со мною вмѣстѣ ѣхать,—
Но королева силой удержала
Его...

Бокингэмъ.—Какой безумный и упрямый
Капризъ!—Лордъ Борчеръ, не угодно-ль вамъ
Представить убѣжденья королевѣ,
Чтобы она сейчасъ же принца Іорка
Сюда, къ его властительному брату,
Отправила!—Когда-жъ она, лордъ Гэстингсъ,
Не согласится, вы пойдете съ нимъ,
И силой изъ ея ревнивыхъ рукъ
Возьмите герцога!..

Борчеръ.— Лордъ Бокингэмъ,
Пусть только не измѣнитъ мнѣ языкъ,—
Я вымолю у матери вамъ принца,
И вы увидите его; но если-жъ
Она не тронется моей мольбой,—
Избави Богъ меня нарушить святость
Ея убѣжища! За царство міра—
Не соглашусь дѣлить я этотъ грѣхъ!

Бокингэмъ.—Вы мелочны, милордъ, и суевѣрны;
Вамъ самый безтолковый подтвердитъ,
Что, принца захвативъ, не прегрѣшите;
Убѣжище даютъ тому охотно,
Кто борется за сохраненье жизни.
Принцъ ни о чемъ не плачетъ, не вздыхаетъ,
А потому не ищетъ онъ и скрыться.
Вы, взявъ его, не оскорбите тѣмъ
Ни привилегій, ни уставовъ храма.

Я слышалъ часто о правахъ людей,
Но никогда о хартіяхъ дѣтей!

Борчеръ. Милордъ, меня вполнѣ вы убѣдили.
Идемъ. Лордъ Гэстингсъ, вы со мной?

Гэстингсъ.— Идемте.

Принцъ.—Идите, лорды добрые, спѣшите. (*Кардиналъ и Гэстингсъ уходятъ*).
Скажите, дядя Глостеръ,—если братъ мой
Пріѣдетъ, гдѣ мы съ нимъ должны пристать
До коронаціи?

Глостеръ.— Повсюду, лордъ,
Гдѣ вашему величеству угодно
Лишь будетъ. — Впрочемъ, я бы далъ совѣтъ вамъ—
Хоть на день или на два завернуть
Въ спокойный Тоуэръ; послѣ же, пожалуй,—
Гдѣ вы найдете болѣе пріятнымъ
И болѣе полезнымъ для здоровья.

Принцъ.—Противенъ мнѣ вашъ Тоуэръ; хуже всѣхъ
Другихъ мнѣ мѣстъ онъ.—Справедливо-ль, впрочемъ,
Что выстроилъ его Великій Цезарь?

Глостеръ.—Онъ, государь, лишь началъ строить Тоуэръ;
Доканчивало дальнее потомство.

Принцъ.—И это все по лѣтописямъ видно,
Или преданія изъ вѣка въ вѣкъ
Перенесли такую вѣсть?

Бокингэмъ.— Милордъ,
Лишь по преданьямъ.

Принцъ.— Но, положимъ, дядя,
Что это бы и не было въ столбцы
Пергамента записано,—не правда-ль,
Что истина должна изъ вѣка въ вѣкъ,
Изъ устъ въ уста идти и безъ того,—
Идти до дня *послѣдняго суда?*..

Глостеръ (*въ сторону*).—Разумникъ скороспѣлый, говорятъ,
Недолговѣченъ, впрочемъ!..

Принцъ.— Что̀ вы, дядя,
Сказали?..

Глостеръ.— Лордъ, я говорю, что слава
И безъ скрижалей долговѣчна. (*Въ сторону*). Вотъ—
И я, какъ Зло въ старинныхъ представленьяхъ,
Плету двусмысленныя остроты.

Принцъ.—Великій человѣкъ былъ Цезарь! То,
Что доблести его уму внушали,
Умъ завѣщалъ потомству въ письменахъ,
И доблести его въ безсмертной жизни
Явились.. Смерть его не побѣдила...
И умеръ онъ,—но духъ его живетъ!—
Лордъ Бокингэмъ, я что-то вамъ сказать
Хочу.

Бокингэмъ.—Что скажешь, принцъ?

Принцъ.— А вотъ что: если
Я доживу до той поры, что мужемъ
Ужъ назовусь, я возвращу отчизнѣ
Завоеванья нашихъ королей—
Во Франціи... Иль на войнѣ солдатомъ
Паду, какъ жилъ на тронѣ королемъ!

Глостеръ (*въ сторону*). Несвоевременный приходъ весны,
Жаровъ и жизни—убавляетъ лѣто... (*Входятъ: Іоркъ, Гэстингсъ и Кардиналъ*).

Бокингэмъ.—А вотъ, какъ разъ, и герцогъ Іоркъ!

Принцъ.— Привѣтъ вамъ,
Любезный братъ нашъ, Ричардъ Іоркскій! Какъ
Вы поживаете?

Іоркъ.— Благодарю,
Мой августѣйшій повелитель!—Такъ ли
Теперь я долженъ называть тебя?

Принцъ (*горестно*).—Да, братъ, и къ твоему, и къ моему
Несчастью!—Такъ еще недавно умеръ
Тотъ, кто бы могъ еще носить такое
Святое имя! Это имя много
Утратило величья своего
Со смерти короля!

Глостеръ.— Какъ поживаетъ
Племянникъ нашъ, достойный герцогъ Іоркъ?

Іоркъ.—Благодарю, любезный дядя... Да!!
Милордъ,—вы какъ-то говорили мнѣ,
Что быстро вырастаетъ лишь дурная
Трава: смотрите же, какъ переросъ
Меня свѣтлѣйшій принцъ, мой братъ...

Глостеръ.— Да, лордъ,
И въ самомъ дѣлѣ!

Принцъ.— Значитъ, братъ твой—зелье

Плохое?

Глостеръ.— Нѣтъ, кузенъ мой, не скажу.

Іоркъ.—Такъ вы насъ любите любовью разной?

Глостеръ.—Онъ мнѣ король, я подданный ему;
А вы—родной намъ близкій.

Іоркъ.— Такъ прошу васъ,
Любезный дядя, дать мнѣ свой кинжалъ.

Глостеръ.—Кинжалъ мой? Отъ души, племянникъ милый.

Принцъ.—Ты, братецъ, просишь, точно нищій.

Іоркъ.— Да,—
Прошу у дяди: онъ мнѣ не откажетъ.
Притомъ—не жаль отдать такой бездѣлки
Кому угодно.

Глостеръ.— Дорогому принцу
Я никогда-бъ не отказалъ и въ бо́льшемъ...

Іоркъ.—И въ бо́льшемъ? Значитъ, вы мнѣ подарите
И мечъ еще?

Глостеръ.— Да, дорогой племянникъ,
Когда-бъ онъ былъ поменьше.

Іоркъ.— О! я вижу
Теперь, вы щедры лишь на небольшіе
Подарки: попроси же васъ бѣднякъ
О чемъ-нибудь побольше, вы ему
Сейчасъ откажете.

Глостеръ.— Мой мечъ тяжелъ
Вамъ будетъ.

Іоркъ.— Ничего, я слажу съ нимъ,
Будь онъ еще тяжелѣ.

Глостеръ.— Какъ? Малютка
Милордъ мое оружіе носить
Хотѣлъ бы?

Іоркъ.— Да, мнѣ очень бы хотѣлось
Вамъ отплатить, любезный дядя, тѣмъ же,
Чѣмъ вы меня сейчасъ назвали!

Глостеръ.— Какъ же,
Чѣмъ?

Іоркъ.— Маленькимъ!..

Принцъ.— Лордъ Іоркъ всегда до вздору
Дойдетъ въ своихъ словахъ... Но добрый дядя
Всегда умѣлъ переносить пустыя
Его обиды!

Іоркъ.— Вы сказать хотѣли—
Носить, а не переносить меня...
Братъ надо мной, да и надъ вами, дядя.
Смѣется; я не больше обезьяны,—
И на плечахъ вамъ не снести меня.

Бокингэмъ.—Какъ мѣтко и остро хитрецъ насъ шутитъ:
Какъ ловко и наивно онъ смѣется
Самъ надъ собой,—чтобы смягчить свои
Нападки на родного дядю!.. Чудно!
Такъ молодъ и ужъ такъ хитеръ.

Глостеръ.— Милордъ,
Угодно-ль вамъ идти въ дорогу далѣ?
А между тѣмъ, мы съ братомъ Бокингэмомъ
Къ родительницѣ вашей поспѣшимъ
И убѣдимъ ее явиться вслѣдъ
За вами въ Тоуэръ съ должнымъ поздравленьемъ.

Іоркъ.—Какъ, лорды, вы идете въ Тоуэръ?

Принцъ.— Лордъ
Протекторъ приказалъ намъ это, онъ
Желаетъ такъ...

Іоркъ.— Я въ Тоуэрѣ едва-ль
Спокойно буду спать!

Глостеръ.— Что это значитъ?
Чего бояться вамъ, милордъ?

Іоркъ.— Чего?
Кровавой тѣни Кларенса!—Вѣдь дядя
Былъ въ Тоуэрѣ убитъ?.. Такъ говорила
Мнѣ бабушка!

Принцъ.— Я мертвыхъ дядей вовсе
Бояться не умѣю.

Глостеръ.— И живыхъ—
Надѣюсь?

Принцъ.— О! пока они еще
Не умерли, мнѣ нечего бояться!—
Однако-жъ, лордъ, идемте!—Вспоминая
О нихъ.—съ печалью и съ тоской въ душѣ.—
Я неохотно отправляюсь въ Тоуэръ. (*Уходятъ: Принцъ, Іоркъ, Гэстингсъ, Кардиналъ, свита и другіе*).

Бокингэмъ.—Какъ, лордъ, вы думаете, эти всѣ
Насмѣшки маленькаго болтуна—
Не наущенья матери его

Лукавой и мятежной?..

Глостеръ.— Безъ сомнѣнья!
О! это преопасный мальчикъ: смѣлъ,
Хитеръ, уменъ и гордъ,—и весь
Въ родную матушку—отъ головы
До пятокъ!

Бокингэмъ.— Хорошо!.. Оставимъ ихъ!.. (*Входитъ Кетзби*).
Приблизься, вѣрный Кэтзби. Ты клялся намъ
Исполнить все, что-бъ мы ни замышляли,
Клялся хранить въ глубокой тайнѣ все,
Что-бъ мы тебѣ ни сообщили.—Ты
Дорогою узналъ уже не мало
Изъ нашихъ плановъ!—Какъ ты полагаешь,
Легко-ль на нашу сторону склонить
Вильяма Гэстингса въ великомъ дѣлѣ
Коронованья этого милорда
Вѣнцомъ Британіи, отчизны нашей?

Кэтзби.—Нѣтъ, изъ любви къ покойному монарху,
Не согласится онъ обидѣть сына
Его!

Бокингэмъ.—А что ты думаешь о Стэнли?
Не покорится-ль этотъ намъ?

Кэтзби.— Ни въ чемъ
Отъ Гэстингса онъ не отстанетъ.

Бокингэмъ.— Ну,—
Такъ вотъ что, добрый Кэтзби, ты ступай
Къ Вильяму Гэстингсу и передай
Ему, что онъ на-завтра долженъ въ Тоуэръ
Явиться на совѣтъ объ исполненьи
Вѣнчанія;—и тутъ, издалека,
Узнай, какихъ лордъ Гэстингсъ будетъ мыслей
Касательно задуманнаго нами
Намѣренья? И если ты замѣтишь,
Что онъ расположенъ къ намъ,—ободри
Его, повѣрь ему всѣ наши планы;
Когда-жъ онъ будетъ молчаливъ и мраченъ,
И холоденъ, и весь въ негодованье
Придетъ,—и ты ему потворствуй! Сбавь
Горячности своей, незримо кончи
Свой разговоръ и поскорѣй увѣдомь

Насъ о его расположеньи. Завтра
Еще другой совѣтъ составимъ мы:
А въ немъ и ты себѣ отыщешь дѣло.

Глостеръ.—Напомни Гэстингсу, любезный Кэтзби,
Что завтра, въ Помфретѣ,—опасной кучкѣ
Его враговъ беззубыхъ пустятъ кровь...
Пускай, дружокъ, на радости отъ этихъ
Вѣстей,—одинъ хоть лишній поцѣлуй
Дастъ мистриссъ Шоръ!

Бокингэмъ.— Надѣюсь, добрый Кэтзби,
Что порученья наши ты исполнишь
Со всею вѣрностью...

Кэтзби.— Со всею, лорды!—

Глостеръ.—Увидимъ ли тебя мы, Кэтзби, прежде,
Чѣмъ ляжемъ спать?..

Кэтзби.— Увидите, надѣюсь!

Глостеръ. — Итакъ — иди, ты въ Кросби насъ найдешь.
(*Кэтзби уходитъ*).

Бокингэмъ. — Что-жъ, лордъ, мы станемъ дѣлать, если Гэстингсъ
Откажетъ намъ?

Глостеръ.— Мы голову ему
Сорвемъ!.. На всякій случай, вѣроятно.
Ужъ что-нибудь да станемъ дѣлать!—слушай:
Когда я буду королемъ, твое—
Герфордское блистательное графство
И все имѣнье движимое брата
Покойника!..

Бокингэмъ.— Я, лордъ, тогда сошлюсь
На ваше слово.

Глостеръ.— Да, я и сдержу
Его тебѣ, какъ другу моему!..
Пойдемъ, поужинаемъ поскорѣй,
Заранѣе, чтобъ было время намъ—
Переварить получше наши планы!—(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Передъ домомъ лорда Гэстингса. Входитъ **гонецъ**.

Гонецъ (*стучитъ въ дверь*).—Милордъ, милордъ!

Гэстингсъ (*за сценой*).— Кто тамъ стучится.—эй?..

Гонецъ.—Посолъ отъ Стэнли.

Гэстингсъ.— А который часъ?
Гонецъ.—Четыре скоро станетъ бить. *(Входитъ Гэстингсъ).*
Гэстингсъ.— Навѣрно
Лордъ Стэнли твой безсонницей страдаетъ?
Гонецъ.—Да, по тому судя, что мнѣ сказать
Поручено вамъ,—кажется, что такъ...
Во-первыхъ, онъ вамъ кланяется, лордъ!
Гэстингсъ.—Потомъ?
Гонецъ.— Потомъ велѣлъ вамъ сообщить,
Что въ нынѣшнюю ночь ему приснился
Кабанъ, и будто этотъ звѣрь съ него
Сорвалъ шишакъ; потомъ онъ говоритъ,
Что завтра соберутся два совѣта,
И что въ одномъ изъ нихъ рѣшиться можетъ
То, что въ другомъ надѣлаетъ заботъ
Вамъ и ему. Поэтому онъ мнѣ
Велѣлъ узнать, угодно-ль будетъ вашей
Свѣтлѣйшей милости немедля, съ нимъ
Садиться на коней и, сколько можно
Быстрѣй, летѣть на сѣверъ и спасаться
Отъ бѣдъ, которыя предвидитъ онъ.
Гэстингсъ.—Иди, дружище, воротись къ милорду,
Скажи ему, чтобъ онъ не опасался
Двойного совѣщанья: на одномъ
Изъ нихъ мы будемъ оба, на другомъ же
Мой другъ, лордъ Кэтзби, непремѣнно будетъ;
И все, что-бъ на послѣднемъ противъ насъ
Ни порѣшили, тотчасъ намъ объявятъ.
Скажи ему, что страхъ его напрасенъ;
А что касается до сна, то я
Не надивлюся просто,—какъ въ такой
Онъ степени и простъ, и безразсуденъ,
Что вѣритъ шалостямъ своихъ же грёзъ!
Бѣжать отъ кабана, когда кабанъ
Еще не гонится за нами, значитъ—
Заставить броситься его за нами
И показать ему добычу тамъ,
Гдѣ онъ ее и видѣть не сумѣлъ бы!
Иди же къ господину твоему
И попроси его ко мнѣ: мы вмѣстѣ
Поѣдемъ въ Тоуэръ, и милордъ увидитъ,

Какъ тамъ его воинственный кабанъ
Насъ ласково и безобидно встрѣтитъ!

Гонецъ. — Лордъ, обо всемъ ему я передамъ. (*Уходитъ. Входитъ Кэтзби*).

Кэтзби.—День добрый, благородный лордъ!

Гэстингсъ.— А, Кэтзби,
Мое почтеніе: вы нынче рано
Вспорхнули! Ну, что новаго у насъ,—
У насъ, въ несчастномъ государствѣ нашемъ?

Кэтзби.—И въ самомъ дѣлѣ, лордъ, въ немъ какъ-то все
Мятется и идетъ внѣ колеи.
Я думаю, что этому до той
Поры не перестать, пока вѣнецъ
На Ричардѣ не заблеститъ и земли
Регалій не войдутъ въ его доходы.

Гэстингсъ.—Вѣнецъ правленія? Корона?

Кэтзби.— Да,
Мой добрый лордъ.

Гэстингсъ.— Пусть голову мою
Снесутъ мнѣ прежде, чѣмъ увижу я
Такое страшное перемѣщенье
Короны! Неужель и въ самомъ дѣлѣ,
По-вашему, онъ мѣтитъ на нее?

Кэтзби.— Да, нѣтъ сомнѣнья. Онъ и васъ склонить
Надѣется на сторону свою:
И потому просилъ меня сказать вамъ,
Что нынче-жъ ваши кровные враги,
Родные королевы, — всѣ погибнутъ
Близъ Помфрета...

Гэстингсъ.— О! Ужъ, конечно, я
Не огорчусь извѣстіемъ подобнымъ,
Они всегда со мною враждовали!
Но, чтобъ за Ричарда мой голосъ дать
Рѣшился я,—чтобъ согласился тронъ
Отнять у сына моего монарха,—
Нѣтъ,—никогда! Свидѣтель Богъ,— хоть жизни
Лишусь!

Кэтзби.— Дай Богъ, чтобъ вы всегда, милордъ,
Такихъ достойныхъ мыслей были!

Гэстингсъ.— Но—
И черезъ годъ я радоваться буду,—

Что видѣлъ смерть моихъ враговъ лукавыхъ...
Они меня поссорили съ моимъ
Монархомъ.—Да, любезный Кэтзби, прежде
Чѣмъ я двумя недѣлями еще
Состарѣюсь,—я положу отправить
Еще кого-нибудь изъ нихъ,—они
Объ этомъ и не думаютъ!..

Кэтзби.— Однако-жъ,
Милордъ,—прескверно умереть, когда
О смерти и не думаешь!

Гэстингсъ.— Да, гадко!
И такъ падутъ Вогэнъ, и Грей, и Риверсъ,—
И нѣсколько еще другихъ; межъ тѣмъ,
Они себя въ опасности нисколько
И не считаютъ, точно ты да я,—
Къ которымъ, какъ всему извѣстно свѣту,
Такъ благосклонны—и свѣтлѣйшій Ричардъ,
И другъ его,—достойный Бокингэмъ.

Кэтзби.—Они васъ оба ставятъ такъ высоко...
(*Въ сторону*). Что вашей головѣ, милордъ, какъ разъ
Стоять на мостовомъ столбу!

Гэстингсъ.— О, да,—
Я знаю самъ, что я достоинъ этой
Почетной дружбы! (*Входитъ Стэнли*).
А, здорово, лордъ!
Что-жъ безъ рогатины вы,—кабана
Боитеся,—а ходите одни,
Безъ всякаго оружія?

Стэнли.— Милорды,
День добрый вамъ!—Не смѣйтесь надо мной,
Клянусь крестомъ Спасителя,—совсѣмъ
Не по душѣ мнѣ двойственный совѣтъ вашъ.

Гэстингсъ.—Милордъ, я дорожу не меньше васъ
Своею жизнью; и прибавлю вамъ,
Что никогда еще она мнѣ столько,
Какъ нынче, не казалася безцѣнна.
И неужель, когда бы въ безопасность
Свою не вѣрилъ я,—такъ безмятежно-бъ
Болталъ я съ вами?..

Стэнли.— Помфретскіе лорды
Изъ Лондона спокойно выѣзжали

И вѣрили въ святую безопасность
Свою.—и въ самомъ дѣлѣ никакой
Причины не имѣли опасаться.
Однако-жъ, вамъ извѣстно, какъ нежданно
Затмился день ихъ?—Страшно я боюсь
Ударовъ этой безпощадной мести!..
Дай Богъ, чтобъ я остался только трусомъ!
Что-жъ, въ Тоуэръ, лорды, мы идемъ?.. Ужъ день
Давно на небѣ.

Гэстингсъ.— Полно, успокойтесь.
Извѣстно-ль вамъ, милордъ, что нынче будутъ
Казнить тѣхъ самыхъ лордовъ, о которыхъ
Вы только-что припоминали?..

Стэнли.— Да.
По вѣрности и чести ихъ, скорѣй—
Имъ можно-бъ было головы носить,
Чѣмъ нѣкоторымъ изъ судей ихъ шляпы.
Идемте-жъ, лордъ. (*Входитъ разсыльный*).

Гэстингсъ.— Ступайте вы впередъ;
А я вотъ съ этимъ перемолвить долженъ.
(*Стэнли и Кэтзби уходятъ*).
Ну что, дружище, какъ твои дѣла?

Разсыльный.—Идутъ чудесно,—если ваша свѣтлость
Меня своимъ уже почтили словомъ...

Гэстингсъ.—Скажу тебѣ, что и мои дѣлишки
Поправились завидно съ той поры,
Какъ мы съ тобою здѣсь же повстрѣчались:
Тогда я шелъ подъ стражей въ грозный Тоуэръ,
Благодаря стараніямъ друзей
И родственниковъ королевы; нынче-жъ,—
Храни лишь это въ тайнѣ,—нынче день
Кровавой казни всѣхъ моихъ враговъ...
Да, лучше, нежели когда-нибудь,
Теперь моя капризная судьба.

Разсыльный.—Дай Богъ, чтобъ все по вашему желанью
Свершилося!

Гэстингсъ.— Спасибо, вѣрный другъ! (*Бросая ему кошелекъ*).
Вотъ, выпей за мое здоровье!

Разсыльный.— Лордъ,
Благодарю васъ. (*Уходитъ. Входитъ Патеръ*).

Патеръ.— Дорогая встрѣча.
Милордъ!—Отрадно вашу честь мнѣ видѣть!
Гэстингсъ.—Благодарю васъ отъ души, любезный
Сэръ Джонъ! Я передъ вами все еще
Въ долгу за вашу вѣрную услугу...
Въ субботу слѣдующую ко мнѣ
Зайдите,—я свой долгъ вамъ заплачу!
Патеръ.—Свѣтлѣйшій лордъ, я буду ожидать. *(Входитъ Бокингэмъ).*
Бокингэмъ.—О чемъ вы это говорите здѣсь
Съ духовникомъ своимъ, лордъ камергеръ?
Въ немъ болѣе нуждаются друзья
Милорда,—Помфретскіе арестанты,
А вашей чести исповѣдь пока
Еще надолго ненужна.
Гэстингсъ.— Конечно!
Я встрѣтился съ духовникомъ, и мысль
Невольная о нашихъ заключенныхъ
Пришла мнѣ въ голову. Скажите, герцогъ,
Вы въ Тоуэръ отправитесь?
Бокингэмъ.— Да, лордъ;
Но я туда—на самый малый срокъ,
И прежде васъ оттуда возвращусь.
Гэстингсъ.—Быть можетъ, потому что я обѣдать
Останусь тамъ.
Бокингэмъ *(въ сторону).*—И ужинать! Но этого еще
Не знаешь ты.—Итакъ, милордъ, идемте.
Гэстингсъ.—Идемте, я готовъ, свѣтлѣйшій герцогъ! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Помфретъ. Передъ замкомъ (**Ратклифъ** со стражею ведетъ на казнь **Риверса, Грея и Вогэна**).

Ратклифъ.—Ведите плѣнниковъ!
Риверсъ.— Сэръ Ричардъ Ратклифъ,—
Сегодня ты увидишь, какъ за вѣрность,
За честь свою и за святой свой долгъ—
Погибнетъ подданный!..
Грей.— Всевышній принца
Да сохранитъ отъ вашей братьи! Всѣ
Вы заклятые кровопійцы...

Вогэнъ. — Будетъ
Пора,—и вы начнете горевать,
Что жизнь васъ не покинула!..
Ратклифъ.— Спѣшите.—
Уже давно границы вашей жизни
Положены.
Риверсъ.— О, Помфретъ, Помфретъ! Ты—
Кровавая и страшная темница
Для благородныхъ пэровъ!.. Подъ твоимъ
Преступнымъ сводомъ былъ изрубленъ Ричардъ
Второй,—и мы своей невинной кровью
Тебя забрызжемъ, чтобъ въ-конецъ усилить
Позоръ твоей отверженной судьбы.
Грей.—Свершаются проклятья Маргариты,
Ея желанья Гэстингсу, и мнѣ,
И вамъ, милордъ: мы видѣли, какъ Ричардъ
Убилъ ея любимое дитя!..
Риверсъ.—Тогда она проклятья расточала
И на другихъ: мятежный Бокингэмъ,
И Гэстингсъ, и коварный Ричардъ—также
Подверглись имъ!—О, Господи, внемли-жъ
Ея мольбамъ за нихъ, какъ внялъ ты нынѣ
Ея моленіямъ за насъ... Но, Боже,
Помилуй и спаси мою сестру!
И сохрани ея малютку-сына...
Пусть наша кровь невинная прольется
За нихъ и жизнь ихъ бѣдную искупитъ!
Ратклифъ.—Спѣшите: часъ кончины вашей пробилъ...
Риверсъ.—Вогэнъ, другъ, Грей! обнимемся, прощайте!
До новой встрѣчи, тамъ—на небесахъ!..

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лондонъ. Комната въ Тоуэрѣ. **Бокингэмъ, Стэнли, Гэстингсъ, Епископъ Эли, Кэтзби, Ловель** и другіе сидятъ за столомъ; чиновники совѣта стоятъ позади ихъ.

Гэстингсъ.—Итакъ, милорды-пэры, на совѣтъ
Мы собрались, чтобъ кончить наше дѣло
О коронаціи: рѣшите-жъ съ Богомъ
Его и назначайте день.
Бокингэмъ.— Но все-ль
Готово для такого торжества?

Стэнли.—Готово все; осталося назначить
Лишь день одинъ!
Эли.— По-моему—такъ завтра
День самый выгодный!
Бокингэмъ.— Кому извѣстно,
Что думаетъ объ этомъ лордъ-протекторъ?
Кто посвященъ въ тайникъ его души?
Эли.— Мы думаемъ, что вамъ, достойный лордъ,
Скорѣй другихъ его извѣстно мнѣнье.
Бокингэмъ.—Какъ такъ? Мы только лишь по лицамъ знаемъ
Другъ друга. Что же до сердецъ, то, право,
Мое ему настолько же извѣстно,
Насколько мнѣ извѣстны ваши; сердце
Его открыто предо мною такъ же,
Какъ вамъ мое открыто!.. Гэстингсъ, вы—
Съ нимъ дружны...
Гэстингсъ.— Я благодарю его
Высочество за добрую любовь
Его ко мнѣ, я въ ней вполнѣ увѣренъ.
Но что касается его сужденій
О коронаціи,—объ этомъ я
Его не спрашивалъ, а самъ онъ вовсе
Не думалъ мнѣ о нихъ сказать; когда-жъ
Вы, лорды благородные, рѣшите
Назначить день, я голосъ свой подамъ
За герцога,—и онъ, какъ я надѣюсь,
Не можетъ оскорбиться тѣмъ нисколько!.. *(Входитъ Глостеръ).*
Эли.—А вотъ и герцогъ.
Глостеръ.— Добраго утра,
Милорды благородные и братья.
Я заспался... Надѣюся, однакожъ,
Мое отсутствіе не помѣшало
Вамъ ни въ какомъ сужденьи: вы всегда
И безъ меня могли бы обойтись.
Бокингэмъ.—Когда-бъ по репликѣ вы не явились,
Лордъ Гэстингсъ произнесъ бы вашу часть:
То-есть—сказалъ бы всѣмъ намъ ваше мнѣнье
Насчетъ вѣнчанья короля...
Глостеръ.— Одинъ

Лордъ Гэстингсъ можетъ быть такъ смѣлъ. — Лордъ Гэстингсъ
Меня и знаетъ хорошо, и любитъ!
Лордъ Эли, я въ послѣдній разъ въ Гольборнѣ
Гулялъ у васъ въ саду,—и видѣлъ тамъ
Чудесную клубнику! потрудитесь
Послать за ней теперь же.

Эли.— Свѣтлый лордъ,
Отъ всей души!.. (*Уходитъ*).

Глостеръ.— Любезный Бокингэмъ,
На пару словъ. (*Отходитъ съ нимъ въ сторону*).
Другъ! Кэтзби говорилъ
Съ Вильямомъ Гэстингсомъ о нашемъ дѣлѣ.
Упрямый джентельменъ горячъ и такъ
Настойчивъ, что скорѣй готовъ погибнуть,
Чѣмъ согласиться, чтобъ прямой наслѣдникъ
Его монарха,—какъ достойно онъ
Его честитъ,—лишился царственнаго трона
Британіи!

Бокингэмъ.— Уйдите на минуту
Отсюда. Я за вами тоже выйду. (*Уходитъ съ Глостеромъ*).

Стэнли.—А мы еще не назначали дня...
По-моему, такъ завтра слишкомъ скоро
Ужъ будетъ,—я и самъ не такъ готовъ,
Какъ могъ бы,—если-бъ это торжество
Немного продолжили!.. (*Входитъ Эли*).

Эли.— Гдѣ же лордъ
Протекторъ? Я послалъ уже за клубникой.

Гэстингсъ.—Его высочество сегодня ласковъ
И веселъ: вѣроятно, что-нибудь
Особенно пріятное его
Теперь и радуетъ, и занимаетъ:
Онъ добраго утра намъ пожелалъ
Отъ всей души!.. Нѣтъ человѣка въ мірѣ,
Который бы такъ худо могъ скрывать
Свою любовь и ненависть!..—Вы тотчасъ
Прочтете по лицу его—все сердце
Его...

Стэнли.— А именно, что-нынче вы
Прочли изъ сердца лорда по его

Лицу?..

Гэстингсъ.— Что у него въ душѣ нисколько
Нѣтъ непріязни къ намъ, милорды-пэры!..
О! если-бъ онъ питалъ къ кому досаду,—
Она-бъ въ глазахъ его сейчасъ сказалась. (*Глостеръ возвращается съ Бокингэмомъ*).

Глостеръ (*въ волненіи*).—Прошу васъ всѣхъ сказать, какой награды
Достойны тѣ, которые меня
Задумали бѣсовскимъ колдовствомъ
Сгубить,—и въ самомъ дѣлѣ, наконецъ.
Ослабли волшебствомъ адскихъ чаръ
Мое больное тѣло?..

Гэстингсъ.— Свѣтлый лордъ,
Любовь, которую я къ вамъ питаю,—
Меня невольно заставляетъ, прежде
Высокихъ пэровъ, осудить виновныхъ
Въ такомъ ужасномъ дѣлѣ: кто-бъ они.
Лордъ, ни были,—они достойны смерти.

Глостеръ.—Пускай же собственный вашъ взоръ увидитъ
Ихъ преступленіе! Смотрите, какъ
Испорченъ я!.. Рука моя изсохла.
Какъ сукъ порѣзанный... И все—по кознямъ
Супруги Эдуарда, этой страшной
Волшебницы, да непотребной Шоръ.
Вотъ какъ меня злодѣйски заклеймили!..

Гэстингсъ (*вкрадчиво*).—Онѣ ли это,—благородный лордъ...

Глостеръ.—Онѣ-ль?.. И ты, ихъ гнусный покровитель,
Мнѣ говоришь еще—онѣ-ль?.. Ты, низкій
Измѣнникъ! Голову ему долой!!,
Клянуся Павломъ, я не сяду ѣсть,
Покуда не увижу головы
Его!—Ловель и Кэтзби, вамъ я это
Приказываю!.. Что-жъ до васъ, милорды,
Касается,—кто за меня, тотъ встанетъ—
И за своимъ протекторомъ пойдетъ! (*Весь совѣтъ встаетъ въ смущеніи и уходитъ съ Глостеромъ*).

Гэстингсъ.—О, горе, горе Англіи! но вовсе
Не за меня, затѣмъ, что я былъ глупъ
И не сумѣлъ предотвратить несчастья!—
Да!—Стэнли снилось, будто бы кабанъ

Сорвалъ съ него завѣтный шлемъ,—но я
Сномъ пренебрегъ и убѣжать не думалъ!..
Три раза спотыкался нынче мой
Парадный конь; завидѣвъ мрачный Тоуэръ.
Онъ вздрогнулъ весь и страшно на дыбы
Взвился,—какъ будто угадалъ заранѣ,
Что везъ меня въ предательскую бойню
О! вотъ когда мнѣ нуженъ духовникъ,
Съ которымъ я сегодня повстрѣчался!..
Я каюсь, что съ кичливостью такой
Сказалъ разсыльному о томъ, что нынче
Погубятъ въ Помфретѣ моихъ враговъ—
И что я самъ—въ любви и даже въ дружбѣ
Властей!.. О, Маргарита, Маргарита!
Обрушилось твое проклятье нынче
На Гэстингса, на голову его
Несчастную.

Ратклифъ.— Идите, лордъ, идите.
Протектору угодно поскорѣй
Сѣсть за обѣдъ!.. Вы кайтесь покороче,
Онъ ждетъ давно ужъ вашей головы...

Гэстингсъ.—Кто утверждаетъ всѣ свои надежды
На льстивыхъ взорахъ милости людской,
Къ которой мы стремимся,—словно къ дару
Господню,—тотъ живетъ, какъ опьянѣлый
Бѣднякъ-матросъ на мачтѣ корабля,—
Готовый съ каждымъ роковымъ толчкомъ
Слетѣть стремглавъ въ пучины океана...

Ловель.—Идемте же, напрасны всѣ слова,
Всѣ ваши возгласы; милордъ, спѣшите!..

Гэстингсъ. О, безпощадный и кровавый Ричардъ!
Несчастная Британія!.. Тебѣ
Я предвѣщаю страшную годину,—
Такое время, о которомъ ты
Еще вовѣкъ и не слыхала.—Ну-те,
Ведите поскорѣй меня на плаху,
Снесите голову мою ему...
Недолго-жъ проживутъ и тѣ, которымъ
Пріятенъ мой безвременный конецъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тамъ же. Стѣны Тоуэра. Выходятъ на нихъ — **Глостеръ** и **Бокингэмъ**, въ ржавомъ и безпорядочно-надѣтомъ оружіи.

Глостеръ.—Скажи мнѣ, братъ, умѣешь ли дрожать ты
И измѣнять лицо свое, дыханье
Въ срединѣ слова убивать, потомъ
Его незримо обновлять и снова,
По волѣ, прерывать его, какъ будто
Ты весь отъ ужаса—и внѣ себя,
И обезумѣлъ?

Бокингэмъ.— О! я превзойду
И лучшихъ трагиковъ. За каждымъ словомъ
Я стану озираться, и назадъ
Глядѣть, и трепетать всѣмъ тѣломъ,—
И вздрагивать при шелестѣ малѣйшей
Соломинки, какъ будто нахожусь
Въ глубокомъ опасеніи.—Пугливость
И выраженье ужаса къ моимъ
Услугамъ, и настолько-жъ мнѣ легки,
Какъ и притворная улыбка; ими
Вы можете всегда распоряжаться,
Они на всякую минуту вамъ
И вашимъ планамъ отданы!—Однакожъ,
Скажите, вы послали Кэтзби?

Глостеръ.— Какъ же.
Да вотъ и онъ, и съ мэромъ, — посмотри. (*Входятъ лордъ-мэръ и Кэтзби*).

Бокингэмъ.—Позвольте мнѣ съ нимъ говорить!—Лордъ-мэръ...

Глостеръ.—Другъ, посмотри-ка на подъемный мостъ!

Бокингэмъ.—А! Барабаны!..

Глостеръ.— Кэтзби, посмотри,
Что за стѣнами —тамъ?

Бокингэмъ.— Лордъ-мэръ, причина,
Которая заставила милорда
Послать за вами...

Глостеръ.— Обернись!.. Враги
Бѣгутъ сюда! Къ оружью, защищайся!

Бокингэмъ.—Да защититъ насъ Богъ и наше право! (*Входятъ — Ловель и Ратклифъ съ головой Гэстингса*).

Глостеръ.—Не безпокойся: это все друзья,—

Ловель и Ратклифъ.

Ловель.— Вотъ вамъ голова
Измѣнника коварнаго, никѣмъ
Неуличеннаго въ его измѣнѣ.

Глостеръ.—Да, Гэстингса я такъ любилъ и такъ
Цѣнилъ его, что не могу не плакать!
Я почиталъ его всегда честнѣйшимъ
И высоко-разумнымъ человѣкомъ—
Въ великомъ христіанскомъ мірѣ. Онъ
Мнѣ книгой былъ и въ эту книгу вѣчно
Моя душа безтрепетно вносила
Всѣ помыслы мои: онъ такъ искусно
Наружностью достоинствъ прикрывалъ
Свои пороки, что, за исключеньемъ
Его открытой слабости,—я здѣсь
Считаю связь его съ женою Шоръ,—
Его нѣтъ силъ ни въ чемъ и упрекнуть.

Бокингэмъ.—Да, это былъ хитрѣйшій изо всѣхъ
Измѣнниковъ,—которые межъ насъ
Когда-либо существовали.—Лордъ,
Повѣрите-ль, когда-бъ мы не спаслись
Особеннымъ и непонятнымъ чудомъ,—
Вамъ никогда-бъ и въ мысли не пришло,
Что нынче-жъ, на совѣтѣ, хитрый Гэстингсъ
Меня и герцога хотѣлъ убить?..

Мэръ.—Какъ? Онъ замыслилъ это?..

Глостеръ.— Неужель
Вы полагаете, что мы съ нимъ турки,
Или язычники? что мы-бъ рѣшились,
Противу всѣхъ законовъ, поспѣшить
Погибелью измѣнника, когда-бъ
Не вынудили насъ къ тому опасность
Такого дѣла, собственное наше
Спокойствіе и миръ святой отчизны?..

Мэръ.—Вы правы, лордъ, онъ казни былъ достоинъ.
Вы оба поступили превосходно:
Измѣнникамъ хорошій данъ примѣръ!
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ женою Шоръ связался,
Я ничего ужъ отъ него не ждалъ.

Бокингэмъ.—Однакожъ, лордъ, мы вовсе не хотѣли,
Чтобъ умеръ онъ безъ вашего суда:

Одна лишь ревность и покорство нашихъ
Друзей—все это совершили; намъ
Хотѣлось, чтобы сами вы, милордъ,
Пугливое измѣнника признанье
Услышали, чтобъ замыселъ его
Во всѣхъ частяхъ подробно вы узнали
И это все народу-бъ объяснили...
Быть-можетъ, граждане невольно насъ
Подозрѣваютъ и превратно судятъ
О гибели измѣнника.

Мэръ.— Милордъ,
Рѣчь вашей свѣтлости—мнѣ замѣняетъ
Мои глаза и уши. Успокойтесь
И вѣрьте мнѣ, сіятельные лорды,
Смущеннымъ гражданамъ я объясню
Всю честность, всю правдивость вашу въ этомъ
Несчастномъ дѣлѣ!

Глостеръ.— Именно, затѣмъ,
Чтобъ избѣжать неправыхъ обвиненій
Народа, мы и попросили васъ
Сюда.

Бокингэмъ.— Но, къ сожалѣнью, опоздали
Вы нѣсколько! Идите-жъ, объявите
Хотя о томъ, что слышали отъ насъ.
Прощайте, благородный мэръ, прощайте! (*Лордъ-мэръ уходитъ*).

Глостеръ.—Скорѣй за нимъ, любезный Бокингэмъ!
Онъ въ гильдію спѣшитъ!.. На всякій случай—
Увѣрь ты судей, дѣти Эдуарда
Не по закону прижиты; скажи имъ,
Что въ старину былъ нѣкій гражданинъ:
Онъ въ шутку сыну завѣщалъ корону,
Предполагая въ томъ заѣзжій дворъ свой
Подъ вывѣской короны, и король
Зато велѣлъ того глупца казнить!
Скажи имъ о распутствѣ Эдуарда
Какъ, что ни день, мѣнялъ онъ фаворитокъ,
Женъ честныхъ, дочерей чужихъ безчестилъ.
Вездѣ добычи алча, точно звѣрь,
Гдѣ только взоромъ замѣчалъ добычу.
Когда понадобится, не щади

И близкихъ мнѣ.—скажи имъ, не краснѣя,
Что мой отецъ, мой царственный отецъ,
Во Францію въ то время шелъ походомъ,
Когда моя родительница братомъ
Моимъ, бездушнымъ Эдуардомъ, стала
Беременна,—и что, расчисливъ время.—
Онъ убѣдился, что рожденный сынъ —
Не сынъ ему,—и это подтвердило
Еще печальное несходство съ нимъ
Несчастнаго малютки!—Ты, однакожъ,
Объ этомъ намекни полегче, такъ,
Какъ будто мимоходомъ... Потому что
Еще жива моя родная мать.

Бокингэмъ.—Повѣрьте, лордъ, я буду остороженъ
И ловокъ въ этомъ такъ, какъ будто я
О золотой наградѣ хлопочу
Для самого себя; итакъ —прощайте!

Глостеръ.—Когда тебѣ удастся это, въ замокъ
Байнардъ ихъ приведи! Тамъ вы найдете
Меня среди монаховъ и ученыхъ.

Бокингэмъ.—Спѣшу, и вы изъ ратуши, надѣюсь,
Дождетесь вскорѣ важныхъ новостей. (*Уходитъ*).

Глостеръ.—Спѣши, Ловель—здѣсь нуженъ докторъ Шау;
Ты къ брату Пенкеру скорѣе, Кэтзби,—
Чтобъ черезъ часъ въ Байнардѣ были оба (*Ловель и Кэтзби уходятъ*).
Теперь мнѣ остается устранить
Одно отродье Кларенса,—За дѣло-жъ!..
Распорядимся, чтобъ отнынѣ къ принцамъ
Живой души не смѣли допускать! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Улица. Входитъ **писецъ**.

Писецъ.—Вотъ обвинительный и смертный приговоръ
Милорду Гэстингсу... Красно и четко
Переблененъ онъ для прочтенья въ церкви
Святого Павла!—Какъ, однакожъ, странно
Все это вяжется!—Вчера его
Прислалъ мнѣ Кэтзби вечеромъ, и я
Одиннадцать часовъ надъ нимъ трудился...
Для составленья чернового столько-жъ,

И болѣе еще, необходимо...
А между тѣмъ, нѣтъ и пяти часовъ,
Какъ Гэстингсъ жилъ—внѣ всякихъ обвиненій,
Свободенъ, правъ душой и безопасенъ!..
Да, чуденъ свѣтъ!—И кто такъ глупъ и простъ,
Что не увидитъ здѣсь обмана? Кто
Осмѣлится и скажетъ, что не знаетъ
Обмана этого?.. Ужасенъ свѣтъ!
Конецъ его подходитъ!.. Какъ страдать—
И не искать защиты и молчать?!.. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тамъ же. Дворъ Байнардова замка. — Входятъ **Глостеръ** и **Бокингэмъ**: одинъ въ одну,—другой въ другую дверь.

Глостеръ.—Ну, какъ дѣла? что говоритъ народъ?
Бокингэмъ.—Клянуся Богоматерью, — народъ
Не говоритъ ни слова... Онъ совсѣмъ
Какъ онѣмѣлъ!
Глостеръ.— А говорилъ ли ты
О томъ, что дѣти Эдуарда вовсе—
Не дѣти Эдуарда?..
Бокингэмъ.— Какъ же, лордъ!
Я вспомнилъ и о брачномъ договорѣ
Его съ милэди Люси, и о томъ,
Который онъ во Франціи составилъ
Черезъ пословъ своихъ. Я говорилъ
О незаконности его рожденья,—
И какъ на герцога онъ непохожъ
Совсѣмъ... При этомъ я на васъ сослался,
Какъ на подобье вѣрное отца
И по лицу его, и по душѣ...
Я вычислилъ всѣ ваши торжества,
Шотландскія побѣды,—я представилъ
Воинскія познанья ваши, мудрость
И кротость вашу въ мирные года́,
Смиреніе и вашу безкорыстность!..
Я не забылъ формально — ничего,
Что-бъ помогло вамъ дѣломъ или словомъ.
Когда-жъ къ концу склонилась рѣчь моя,
Я прямо предложилъ тѣмъ, кто желаетъ
Добра своей отчизнѣ, — закричать:

«Да здравствуетъ могучій Ричардъ, вѣрный
«И царственный король нашъ!..»
Глостеръ.— Что-жъ они,
Воскликнули?..
Бокингэмъ.— Нѣтъ, Богомъ я клянусь,
Они ни слова не сказали!.. Всѣ-жъ
Стояли молча, какъ нѣмые камни,
Какъ статуи бездушныя, и только —
Всѣ, блѣдные какъ смерть, въ глаза другъ другу
Глядѣли. — Видя это, упрекать
Я началъ ихъ и къ мэру обратился
Съ вопросомъ о такомъ молчаньи... Онъ
Отвѣтилъ мнѣ, что самъ народъ привыкъ
Глашатаевъ своихъ однихъ лишь слушать.
Тогда его я повторить заставилъ
Мои слова и онъ ихъ повторилъ...
«Такъ герцогъ говорилъ, такъ герцогъ думалъ».
Ссылался безпрестанно онъ, ни слова
Не прибавляя отъ себя въ защиту
И пользу нашу. — Только что онъ кончилъ.
Немногіе изъ нашихъ, на концѣ
Парадной залы, — забросали шляпы
Свои на воздухъ, — имъ во-слѣдъ съ десятокъ
Отвѣтило охрипшихъ голосовъ, —
И крикъ: «Да здравствуетъ король нашъ Ричардъ!»
Раздался между ними... Я скорѣй
Воспользовался этимъ и сказалъ:
«Благодарю васъ, вѣрные друзья,
«Достойные сограждане и братья!
«Всеобщій кликъ вашъ ясно показалъ
«И мудрость вашу, и любовь святую
«Къ милорду Ричарду!..» Сказалъ и вышелъ.
Глостеръ.—Чурбаны безъязычные! Совсѣмъ—
Не говорить?!—Поэтому и мэръ
Не явится сюда съ своею братьей?
Бокингэмъ.—Мэръ будетъ здѣсь сейчасъ. Вы покажите,
Что опасаетесь чего-то... Слушать
Рѣшитесь ихъ по долгимъ убѣжденьямъ...
Молитвенникъ держите вы въ рукахъ
И стойте между двухъ поповъ почтенныхъ, —
На эту святость я и налегаю!

Играйте роль застѣнчивой дѣвицы.
Твердите—«нѣтъ» одно... и не противьтесь!
Глостеръ.—Согласенъ!—И когда просить за нихъ
Ты будешь такъ же хорошо, какъ я
Примуся этимъ «нѣтъ» работать,—вѣренъ
И несомнѣненъ нашъ успѣхъ.
Бокингэмъ.— Милордъ,
Ступайте на балконъ... Лордъ-мэръ стучится. (*Глостеръ уходитъ. Входитъ лордъ-мэръ съ альдермэнами и гражданами*).
Добро пожаловать, милордъ!.. А я
Все ожидаю допуску!.. — Едва ли
Протекторъ вовсе не рѣшился насъ
Не принимать?.. (*Изъ комнатъ замка выходитъ Кэтзби*).
Ну что, любезный Кэтзби?
Что герцогъ на мою отвѣтилъ просьбу? —
Кэтзби.—Онъ проситъ васъ, милордъ, къ нему явиться
Пораньше завтра или послѣзавтра.
Онъ во дворцѣ и два попа съ нимъ рядомъ:
Ничѣмъ мірскимъ не хочетъ онъ заняться,
Всѣмъ сердцемъ, всей душою углубленный
Въ святое созерцанье божьей правды.
Бокингэмъ.—Вернися, Кэтзби, къ свѣтлому милорду,
Скажи ему, что я, лордъ-мэръ и всѣ
Достойные сограждане — покорно
Къ нему явилися по дѣлу крайней,
Великой важности; скажи, что это
Святое дѣло—нашихъ общихъ благъ
Касается.
Кэтзби.— Я доложу ему
Сейчасъ! (*Уходитъ*).
Бокингэмъ.— Да! этотъ принцъ—не Эдуардъ!
Онъ не лежитъ, не нѣжится въ постели...
Онъ на колѣняхъ молится о благѣ
Своей отчизны... Занятъ онъ не пьянымъ
Веселіемъ въ кругу своихъ прелестницъ,—
Не сномъ своимъ, не праздной лѣнью плоть
Свою онъ утучняетъ, — а мольбами
Обогащаетъ бодрствующій духъ!
Какъ счастлива была-бъ судьба печальной
Британіи, когда бы этотъ мудрый

И кроткій принцъ взялъ на себя труды
Великаго вѣнца!.. Но, нѣтъ надеждъ,
Чтобы склонился онъ на наши просьбы.

Мэръ.—Не дай Господь, чтобъ онъ намъ отказалъ *).

Бокингэмъ. — Боюсь, откажетъ. — Вотъ и вѣрный Кэтзби.
(*Входитъ Кэтзби*).
Ну что, милордъ, что вамъ отвѣтилъ герцогъ?

Кэтзби.—Онъ удивляется, зачѣмъ къ нему
Вы привели толпу достойныхъ гражданъ,
Заблаговременно не давши знать
Ему о томъ: онъ здѣсь подозрѣваетъ
Недоброе намѣренье, милордъ.

Бокингэмъ.—Мнѣ очень больно, что свѣтлѣйшій братъ мой
Подумать могъ, что я противъ него
Замыслилъ злое дѣло: нѣтъ, клянусь,—
Мы изъ любви одной сюда явились.
Поди же и скажи ему объ этомъ!.. (*Кэтзби уходитъ*).
Когда святоши примутся за чотки,
Не жди ужъ толку. Сладко такъ молиться! (*Кэтзби возвращается. — Вслѣдъ за нимъ —Глостеръ показывается на галлерею между двухъ прелатовъ*).

Мэръ.—Вотъ и его высочество... съ нимъ два
Духовника.

Бокингэмъ.— Они святому — посохъ
Въ пути грѣховномъ, а въ рукахъ, смотри,
Молитвенникъ — краса и честь святая
Всѣхъ праведныхъ людей. Лордъ Глостеръ,
Свѣтлѣйшій герцогъ, принцъ Плантагенетъ!
Склони свое безцѣнное вниманье
На наши просьбы — и прости, что мы
Нарушили твои мольбы святыя,
Твои христолюбивыя занятья.

Глостеръ.—Лордъ, вамъ не нужно извиняться!.. Я
Скорѣй просить васъ долженъ о прощеньи,
Затѣмъ, что, занятый бесѣдой съ небомъ,
Я пренебрегъ желаньями друзей...
Итакъ, что вамъ угодно? Объявите!

Бокингэмъ.—Мы просимъ васъ о томъ, чего желаетъ

*) Лордъ-мэромъ въ это время былъ Эдмондъ Шо, братъ доктора Шо, которому Ричардъ поручилъ сказать съ каѳедры собора Святого Павла—о его притязаніяхъ на корону Англіи.

Господь и эта бѣдная страна...

Глостеръ.—Мнѣ кажется, я сдѣлалъ что-нибудь
Обидное для васъ,—что оскорбляетъ
Достойныхъ гражданъ,—и пришли вы съ тѣмъ.
Чтобъ осудить мое незнанье...

Бокингэмъ.— Да,
Милордъ!.. Но если-бъ вамъ угодно было
Исправить вашъ проступокъ...

Глостеръ.— Я согласенъ!..
Къ чему же и дышу я въ христіанскомъ,
Смиренномъ мірѣ?

Бокингэмъ.— Знайте же, милордъ,
Что вы — вина тому, что власть правленья,
Величественный тронъ, корона вашихъ
Могучихъ предковъ, санъ вашъ по рожденью, —
И вашъ почетъ, и царственная слава,—
Все, все оставлено — негодной вѣтви
Испорченнаго пня; что отъ сонливой
Безпечности и лѣни вашихъ дѣйствій.
Которую теперь мы пробуждаемъ
Для блага общаго, — нашъ славный край
Лишается своихъ могучихъ членовъ;
Его лицо — морщинами позора
Покрылося, и къ дереву престола
Отверженныя вѣтви прирастаютъ, —
И все оно почти ужъ погрузилось
Въ бездонную и жадную пучину
Ничтожества, нѣмого запустѣнья
И черной гибели!.. Чтобы спасти
Его, мы вашу свѣтлость умоляемъ
Принять бразды правленія родной
Вамъ Англіи: принять — не въ слабомъ званьи
Протектора, намѣстника иль просто
Повѣреннаго, — выгодамъ другого
Покорнаго наемника... Нѣтъ! въ званьи —
Наслѣдника, принять, какъ вашу часть,
Какъ вашу собственность, какъ вашу славу,
Какъ вашу кровь, — родное государство!..
Вотъ для чего, по неотступной просьбѣ
Всѣхъ этихъ гражданъ, истинныхъ друзей
И вѣрныхъ вашихъ слугъ, — сюда пришелъ я!..

Вотъ почему я умоляю васъ —
Принять бразды покинутаго трона!..

Глостеръ. — Не знаю, какъ мнѣ быть: уйти-ль въ молчаньи,
Иль ѣдкими упреками осыпать
Всѣхъ васъ?.. И что скорѣй прилично будетъ —
И сану моему, и вашимъ добрымъ
Намѣреньямъ?! — Не отвѣчать, уйти. —
Вы можете подумать, что нѣмое
Отъ радости тщеславіе — охотно
Пріемлетъ золотое иго власти,
Которую вы предложили мнѣ!..
Негодовать на васъ — за ваши просьбы.
Исполненныя пламенной любви
Ко мнѣ, — не значитъ ли моихъ друзей
Обидѣть? — Потому, чтобъ избѣжать
Послѣдняго и первымъ въ искушенье
Васъ не ввести — я вотъ что вамъ отвѣчу:
Благодарю васъ за любовь ко мнѣ; —
Что-жъ до моихъ достоинствъ, — то они
Такъ блѣдны и такъ малы, что мѣшаютъ
Вполнѣ принять мнѣ ваше предложенье!..
Когда бы даже не было препятствій
И путь мой къ трону былъ бы чистъ и вѣренъ,
Какъ кровныя права мои по сану, —
То и тогда — я такъ ничтоженъ духомъ,
Такъ многочисленны мои пороки,
Что я, — какъ утлый и безсильный челнъ,
Бѣжалъ бы моря моего величія,
Чтобы оно меня не поглотило
И чадомъ славы собственной моей
Меня не задушило! — Но Господь
Еще хранитъ меня, и нѣтъ вамъ нужды
Пока во мнѣ... Когда-жъ она случится,
Вамъ помогу немного я! — Достойный
Остался плодъ отъ царственнаго корня...
Сѣдое время этому плоду
Придастъ красу и зрѣлость — и собою
Украситъ онъ нашъ царственный престолъ. —
И нѣтъ сомнѣнья, всѣхъ насъ осчастливитъ
Своимъ правленіемъ... Вотъ на кого
Я возлагаю то, что на меня

Вы возлагаете и что ему
Принадлежитъ по праву и по волѣ
Его звѣзды таинственно-счастливой!.
Избави Богъ, чтобъ я его лишить
Рѣшился этого наслѣдства!..

Бокингэмъ.— .Лордъ.
Все это про одну лишь вашу совѣсть
Намъ говоритъ; но если разсмотрѣть
Получше обстоятельства, нетрудно
Увидѣть, какъ ничтожны и безсильны
Причины, на которыя она
Ссылается... Вы говорите намъ,
Что вашего родного брата сынъ,
Малютка Эдуардъ, и мы ни слова
Не скажемъ противъ этого!.. Но что
Заговоритъ супруга Эдуарда,
Его отца?.. Вашъ братъ былъ сговоренъ
Сперва съ миледи .Люси — и объ этомъ
Вамъ засвидѣтельствуетъ ваша мать...
А послѣ онъ, черезъ своихъ пословъ,
Сосваталъ лэди Бону, молодую
Сестру французскаго монарха! — Ихъ
Обѣихъ удалила отъ него
Убогая и жалкая вдовица,
Измученная мать семьи голодной,
Переступившая за полдень жизни—
Поблекшая красавица... Она
Очаровала взоръ его, прельстила —
Поработила духъ его высокій
И наконецъ унизила его—
До двоебрачья... Съ ней-то Эдуардъ
На беззаконномъ ложѣ прижилъ сына,
Котораго изъ вѣжливости мы
Назвали принцемъ. — Не цѣни я чести
И славы нѣкоторыхъ изъ живыхъ
Свидѣтелей тому, что я повѣдалъ,—
Я-бъ разсказалъ вамъ болѣе еще...
Итакъ, примите же, свѣтлѣйшій лордъ,
Вамъ предлагаемый вѣнецъ, — когда
Не для спасенія отчизны вашей
Пль не для нашихъ просьбъ, — по крайней мѣрѣ.

Хоть для того, чтобы возстановить
Нарушенный насмѣшливой судьбой
Порядокъ въ вашемъ царственномъ наслѣдствѣ...

Мэръ.—Васъ граждане всѣ молятъ! Согласитесь,
Милордъ!..

Бокингэмъ.— Не отвергайте ихъ любви!

Кэтзби.—Исполните ихъ праведную просьбу.
Обрадуйте согражданъ!

Глостеръ.— Боже правый!
И для чего меня обременить
Хотите вы заботами правленья?
Златой вѣнецъ и королевскій скипетръ
Мнѣ не пристанутъ. — Умоляю васъ —
Моимъ словамъ не придавайте смысла
Превратнаго! — я не могу и даже
Желать не смѣю — вашихъ предложеній
Достойно выполнить...

Бокингэмъ.— Вы не хотите,
Вы отказались отрѣшить отъ трона
Дитя, наслѣдника родного брата.
Мы знаемъ кротость вашихъ добрыхъ чувствъ,
Любовь и вашу женственную нѣжность —
Къ роднымъ и не-роднымъ!—Такъ знайте-жъ, лордъ.
Уважите-ль, отвергнете ли вы
Горячія моленья наши, сынъ
Родного брата вашего—во вѣкъ
Не будетъ королемъ намъ!.. Мы другого
Кого-нибудь на тронъ нашъ возведемъ...
И съ этою рѣшимостью — покорно
Васъ оставляемъ мы! — Друзья, идемте.
Намъ нечего здѣсь болѣе просить... (*Отходитъ со всѣми гражданами*).

Кэтзби.—Любезный принцъ, верните ихъ, склонитесь
На просьбы ихъ! Отказъ вашъ возмутитъ
Негодованіемъ все государство...

Глостеръ.— Вы, значитъ, положили непремѣнно
Меня сковать веригами вѣнца?
Знать, такъ и быть!.. Верни ихъ!.. Я не камень!..
(*Кетзби идетъ къ гражданамъ*).
Я не могу не тронуться мольбами
Моихъ друзей, какъ ни противно это

И совѣсти моей, и сердцу!.. *(Бокингэмъ возвращается съ гражданами).*

Братъ,
Достойный Бокингэмъ, и вы, мои
Сограждане,—когда уже рѣшились
Вы королемъ своимъ меня назвать,
Не зная, будетъ ли мнѣ это любо,
Иль нѣтъ,—я долженъ на себя невольно
Принять тяжелыя вериги власти!..
Но—если клевета иль порицанье
Бездушное послѣдуютъ за этимъ
Согласіемъ невольнымъ,—о! тогда
Вы сами смыть должны всѣ эти пятна
И оскорбленія... Господь свидѣтель,
И вы отчасти видѣли, какъ я
Далекъ былъ даже мысли о коронѣ!..

Мэръ.—Да наградитъ васъ Богъ! мы знаемъ это
И засвидѣтельствуемъ всѣмъ!..

Глостеръ.— И вы—
Объ истинѣ—свидѣтельство свое
Дадите, лордъ!..

Бокингэмъ.— Итакъ, я королемъ
Привѣтствую васъ, принцъ! Друзья милорды,—
«Да здравствуетъ король нашъ Ричардъ, вѣрный
«Властитель Англіи!!»

Всѣ.— Аминь!

Бокингэмъ.— Угодно-ль,
Милордъ, вамъ завтра же короноваться?

Глостеръ.—Когда хотите, я на все согласенъ.

Бокингэмъ.—Мы къ вашему величеству поутру
Придемъ.—Затѣмъ—до свѣтлаго свиданья!..

Глостеръ *(епископамъ).*—Воротимся и мы къ святой бесѣдѣ.
(Бокингэму).
Прощайте, братъ! Друзья мои, прощайте!.. *(Уходятъ).*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Передъ Тоуэромъ. (Входятъ: съ одной стороны — **королева Елисавета, герцогиня Іоркъ и маркизъ Дорсетъ**; съ другой—**Анна, герцогиня Глостеръ** съ **лэди Маргаритою Плантагенетъ**, маленькою дочерью **Кларенса**, которую ведетъ за руку).

Герцогиня.—Кто это къ намъ идетъ навстрѣчу?—Внучка
Плантагенетъ съ своею теткой Глостеръ!
Навѣрно, и онѣ стремятся въ Тоуэръ,
Чтобы поздравить принца вмѣстѣ съ нами!
Я очень рада нашей встрѣчѣ, дочь
Моя!
Анна.— Дай Богъ обѣимъ вамъ, миледи,
И счастія, и радостей.
Королева Елисавета.— Пошли
Господь и вамъ, сестра! Куда вы?
Въ Тоуэръ,
И, если я не ошибаюсь, мы
Идемъ къ одной и той же цѣли съ вами:
Поздравить нашихъ свѣтлыхъ принцевъ...
Королева Елисавета.— Да,
Любезная сестра!—Благодарю!
Пойдемте вмѣстѣ... *(Входитъ Бракенбери).*
Вотъ и комендантъ!
Любезный комендантъ, прошу, скажите,
Здоровъ ли принцъ и младшій сынъ мой Іоркъ?..
Бракенбери.—Здоровы оба, слава Богу!.. Только,
Простите, къ нимъ васъ допустить нельзя мнѣ:
Король строжайше это запретилъ.
Герцогиня.—Король? Какой король?
Бракенбери.— Нѣтъ! Я хотѣлъ
Сказать вамъ—лордъ-протекторъ.
Королева Елисавета.— Упаси
Его Господь отъ царственнаго титла!
Такъ это онъ преграды воздвигаетъ
Межъ насъ, между любовію дѣтей
И матерью?.. Я мать—и кто же смѣетъ
Не допустить меня къ моимъ же дѣтямъ?
Герцогиня. Я мать отца ихъ, я хочу ихъ видѣть.

Анна.—Я тетка по родству имъ, по любви
Я матерь ихъ... Скорѣе-жъ къ нимъ ведите
Меня, я принимаю на себя
Отвѣтственность; обязанность твою
Съ тебя передо всѣми я слагаю.
Бракенбери.—Нѣтъ, лэди, не могу; никакъ нельзя:
Я связанъ клятвою, и потому
Простите. *(Уходитъ. Входитъ Стэнли).*
Стэнли.— Встрѣть я васъ хоть часомъ позже.
Я-бъ могъ поздравить герцогиню Іоркъ
И матерью, и спутницею двухъ
Прекрасныхъ королевъ. *(Герцогинѣ Глостеръ).*
Но, лэди,—вы
Пожалуйте въ Вестминстеръ! Васъ тамъ ждетъ,
Какъ Ричарда достойную супругу,—
И тронъ, и честь, и лавры діадемы.
Королева Елисавета.—О! Поскорѣй разрѣжьте поясъ мой.
Пусть сердце бѣдное свободнѣй бьется!
Иль эта вѣсть ужасная совсѣмъ
Лишитъ меня сознанія и чувствъ!
Анна.—Проклятая, убійственная новость!
Дорзетъ.—Родная, ободритесь, успокойтесь.
Королева Елисавета.—Не говори со мною, милый Дорзетъ!
Смерть и страданья по твоимъ пятамъ
Несутся... Имя матери твоей
Зараза для ея дѣтей несчастныхъ...
Спасай скорѣе жизнь свою, бѣги
Немедля за море,—и вѣрный Ричмондъ
Тебя, вдали отъ этой адской бури,
Убережетъ... Бѣги, мой сынъ, бѣги
Изъ этой бойни страшной!.. Укрывайся,
Не увеличивай собой числа
Кровавыхъ мертвецовъ, чтобъ надо мной
Проклятье Маргариты не свершилось,
Чтобъ не пришлось мнѣ умереть, по слову
Ея, ни матерью, ни королевой
Британіи, ни счастливой женой!..
Стэнли.—Благоразуменъ вашъ совѣтъ, милэди. *(Дорзету).*
Спѣшите, не теряйте ни минуты.
Вы отъ меня получите письмо,
Въ немъ сыну моему я также дамъ

Совѣтъ послѣдовать за вами въ бѣгство.
Не накликайте смерти безразсуднымъ
Упрямствомъ!

Герцогиня.— О! всесильный вихорь бѣдствій!
Проклятая моя утроба! Ложе
Коварной гибели!.. Ты василиска
Извергла въ этотъ міръ,—и смерть летитъ
Съ рѣсницъ его отравленнаго ока!..

Стэнли.—Идемте, лэди, поспѣшите: мнѣ
Приказано васъ привести, какъ можно
Скорѣй!

Анна.— Я не могу идти за вами...
О! если-бъ Господу угодно было,
Чтобъ обручъ золотой, который долженъ
Обнять мое грѣховное чело,
Сталъ раскаленнымъ до-красна желѣзомъ
И до мозгу прожегъ мой жалкій черепъ!
Пускай меня помажутъ страшнымъ ядомъ,
Чтобъ умерла я прежде, чѣмъ успѣютъ
Воскликнуть мнѣ: «да здравствуетъ супруга
Британскаго монарха!»

Королева Елисавета.— Въ путь, бѣдняжка,
Иди; я не завидую твоей
Блестящей славѣ... Я не стану даже
Тебѣ желать несчастій, чтобъ разсѣять,
Чтобъ утолить мое нѣмое горе!..

Анна.—Не станешь? Почему-жъ?—Когда недавно
Ко мнѣ явился тотъ, кого теперь
Я называю мужемъ, и увидѣлъ
Меня за трупомъ Генриха; когда
Явился онъ, еще не смывъ, какъ должно,
Съ злодѣйскихъ рукъ своихъ остылой крови
Супруга моего, невинной жертвы,
Второго ангела, къ могилѣ тѣло
Котораго тогда я провожала,
Рыдая, какъ безумная; когда,
Вамъ говорю, я Ричарда лицо
Увидѣла, вотъ въ чемъ моя молитва
Была: «Будь проклятъ,—я сказала:—
За то, что ты меня вдовой-старухой
Изъ молодой жены насильно сдѣлалъ!..

Самъ женишься, пусть горе никогда
Не покидаетъ ложа твоего...
Жена твоя, когда ужъ ты найдешь
Безумную, которая тебѣ
Отдастъ навѣкъ свою свободу,—пусть
Несчастнѣе твоею жизнью будетъ,
Чѣмъ я кончиной моего супруга!»
И что же? Черезъ мигъ, скорѣй, чѣмъ можно
Вновь повторить мое проклятье, лесть
Его рѣчей медовыхъ соблазнила
Мой слабый духъ и женственное сердце,
И на меня-жъ обрушились мои
Проклятія.—И съ той поры глаза
Мои не знаютъ сладкаго покоя,
На часъ одинъ не освѣжила ихъ
Росинка золотого сновидѣнья
На ложѣ грѣшномъ... Призраки его
Ужасныхъ грезъ меня ежеминутно
Гнетутъ и пробуждаютъ!.. Онъ меня,
Какъ Варвикову дочь, со всѣмъ коварствомъ
Хранитъ... Но, я увѣрена, недолго
Мнѣ жить: онъ скоро и со мной покончитъ!

Королева Елисавета.—Прощай же, бѣдная, мнѣ жаль тебя!

Анна.—И о тебѣ жалѣю я душой.

Королева Елисавета.—Прощай! Какъ грустно ты встрѣчаешь славу!

Анна.—Прощай! Какъ грустно съ ней ты разстаешься!

Герцогиня *(Дорсету).*—Ты къ Ричмонду скорѣе поѣзжай,
И счастье да сопутствуетъ тебѣ!.. *(Аннѣ).*
Ты къ Ричарду спѣши, и да хранятъ
Тебя святые ангелы! *(Елисаветѣ).*
Спѣши
Во храмъ, и да даруетъ онъ тебѣ
Покой и миръ!.. А я сойду въ могилу
И тамъ свое спокойствіе найду!..
Я выстрадала восемьдесятъ лѣтъ,
Тяжелыхъ лѣтъ печали и рыданій,
И каждый часъ блаженства моего
Недѣлей слезъ и мукъ уничтожался!..

Королева Елисавета.—Нѣтъ, стойте! Обернемся на Тоуэръ!
Твердыня дряхлая,—въ твоихъ стѣнахъ

Заложены завистливымъ коварствомъ
Мои малютки,—сжалься надъ дѣтьми!
Ты, колыбель суровая для нѣжныхъ
Созданій!.. Грубая, сѣдая нянька!
Товарищъ устарѣлый и угрюмый
Ихъ рѣзвыхъ игръ! Не угнетай, храни
Моихъ дѣтей!—Такъ разстается съ вами,
Нѣмые камни, грустное безумье! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тронная комната во дворцѣ. (Звучатъ трубы. Ричардъ королемъ возсѣдаетъ на тронѣ. **Бокингэмъ, Кэтзби, пажъ** и другіе).

Король Ричардъ.—Оставьте насъ!—Братъ Бокингэмъ!
Бокингэмъ.— Милордъ!
Король Ричардъ.—Дай руку!—Помощи твоей, совѣтамъ
Твоимъ обязанъ Ричардъ королевствомъ!
Но неужель мы славой облеклись
На день одинъ?.. или она за нами
Останется и мы найдемъ въ ней счастье?
Бокингэмъ.—Да не кончается она вовѣкъ
И навсегда да остается съ вами!
Король Ричардъ.—Братъ Бокингэмъ, теперь я разыграю
Роль оселка!.. Я испытаю, въ правду-ль
Ты золото? Наслѣдникъ Эдуардъ
Живетъ еще... Ты понялъ, что̀ сказать
Хочу я?
Бокингэмъ.— Говорите, государь.
Король Ричардъ.—Какъ, Бокингэмъ? Я ужъ сказалъ тебѣ:
Мнѣ королемъ хотѣлось бы остаться!
Бокингэмъ.—Но вы король и безъ того, мой трижды
Великій властелинъ!..
Король Ричардъ.— А! Я король?!
Пусть такъ!—Но Эдуардъ, не живъ ли онъ?
Бокингэмъ.—Живъ, благородный лордъ.
Король Ричардъ.— Печальный выводъ,
Когда изъ словъ: «живъ, благородный лордъ!»—
Выходитъ, что и послѣ жить онъ будетъ.
Братъ, ты сегодня страшно безтолковъ:
Неужели я долженъ все сказать?
Я требую немедленной кончины
Побочныхъ мальчиковъ. Ну! Что̀-жъ ты скажешь

На это? Говори скорѣй, будь точенъ!
Бокингэмъ.—Король, вы въ правѣ дѣлать, что хотите.
Король Ричардъ.—Такъ, такъ! Ты нынче совершенный ледъ!
Твоя услужливость совсѣмъ замерзла!
Скажи, согласенъ ты за дѣло взяться?
Бокингэмъ.—Позвольте мнѣ подумать, государь,
Сообразить хотя минуту прежде,
Чѣмъ отвѣчать мнѣ: я сейчасъ вернусь
И сообщу мое вамъ мнѣнье *(Уходитъ)*.
Кэтзби (*въ сторону*).— Вспыхнулъ
Король и разсердился: посмотрите,
Онъ до крови кусаетъ губы...
Король Ричардъ.— Лучше
Имѣть дѣла съ чугунными башками
Глупцовъ или съ мальчишками слѣпыми!..
Тотъ, кто въ меня пытливый взоръ вперяетъ,—
Не для меня. — Кичливый Бокингэмъ
Ужъ не въ мѣру остороженъ! Пажъ!
Пажъ.—Король!
Король Ричардъ.—Не знаешь ли ты человѣка,
Котораго бы звонкіе червонцы
Могли склонить на тайное убійство?
Пажъ.—Я знаю джентельмена одного,
Желанія котораго всегда
Въ разладѣ съ кошелькомъ его печальнымъ:
Червонцы передъ нимъ сильнѣй фаланги
Ораторовъ, и золото какъ разъ
Его на что угодно соблазнитъ!
Король Ричардъ.—А кто онъ?
Пажъ.— Тиррль!..
Король Ричардъ.— Его я частью знаю!
Ступай и приведи его ко мнѣ! *(Пажъ уходитъ)*.
Хитрецъ и плутъ — коварный Бокингэмъ
Не будетъ болѣе сосѣдомъ тайнъ
Моихъ... Безъ устали онъ все бѣжалъ...
Не дать ли духъ ему перевести
Теперь?—Пусть такъ! *(Входитъ Стэнли)*.
Что новаго, лордъ Стэнли?
Стэнли.—Король, я слышалъ, что мятежный Дорсетъ
Бѣжалъ въ помѣстья Ричмонда и тамъ
На васъ съ нимъ замышляетъ ополченье.

Король Ричардъ.—Приближься, вѣрный Кэтзби: распусти
Скорѣе слухъ, что при-смерти больна
Моя супруга Анна; я-жъ отправлюсь
Распорядиться объ ея арестѣ.
Сыщи мнѣ джентельмена побѣднѣй,—
Я Кларенсову дочь съ нимъ обвѣнчаю:
А сынъ его и глупъ, и неопасенъ!
Что-жъ ты заснулъ?.. Я говорю тебѣ,
Скорѣе слухи распусти, что Анна,
Моя супруга, при-смерти больна.
За дѣло!.. Для меня необходимо
Въ началѣ самомъ разрушать ихъ планы;
Созрѣютъ, такъ не разочтешься съ ними!.. *(Кэтзби уходитъ).*
Во что̀ бы то ни стало, мнѣ должно̀
Жениться на племянницѣ; не то
Престолъ мой выстроенъ на хрупкихъ камняхъ.
Какъ?.. Умертвить ея любимыхъ братьевъ
И съ нею-жъ въ бракъ вступить?.. Невѣрный путь
Къ побѣдѣ!.. Но въ крови уже по горло
Погрязъ я такъ, что каждый грѣхъ рождаетъ
Во мнѣ другой и бо̀льшій грѣхъ... Моимъ
Глазамъ невѣдомы святыя слезы!
(Входитъ пажъ съ Тиррлемъ).
Ты Тиррль?

Тиррль.— Джемсъ Тиррль, покорнѣйшій слуга
Монарха моего!..

Король Ричардъ.— Какъ, въ самомъ дѣлѣ?

Тиррль.—Извольте испытать, свѣтлѣйшій лордъ.

Король Ричардъ.—Рѣшишься-ль ты убить кого-нибудь
Изъ приближенныхъ мнѣ, моихъ друзей?

Тиррль.—Когда угодно вашей чести!.. Только
Я бъ умертвилъ охотнѣй двухъ враговъ
Монарха моего!

Король Ричардъ.— Что̀-жъ? Очень можешь!
Есть у меня два страшные врага,
Два демона моихъ несчастій, два
Гонителя покоя и отрады
Моей; займися ими, вѣрный Тиррль!
Я разумѣю здѣсь побочныхъ пташекъ,
Что въ Тоуэрѣ сидятъ.

Тиррль.— Доставьте мнѣ
Возможность къ нимъ пробраться, и я тотчасъ
Избавлю васъ отъ вашихъ опасеній.
Король Ричардъ.—Твои слова—гармонія!.. Мой милый,
Стань ближе: съ этимъ знакомъ ты заставишь
Себя впустить къ нимъ; а потомъ запомни
Вотъ это!.. (*Шепчетъ ему на ухо*).
И конецъ! — Скажи мнѣ только:
Успѣхъ! И я тебѣ любовь мою
Дарую. и ты будешь возвеличенъ!
Тиррль.—Я кончу все сейчасъ же! (*Уходитъ. — Входитъ Бокингэмъ*).
Бокингэмъ.— Государь,
Я, наконецъ, обдумалъ вашъ вопросъ
И вашу мысль послѣднюю.
Король Ричардъ.— Прекрасно!
Но это мы теперь оставимъ! Дорзетъ
Соединился съ Ричмондомъ, бѣжалъ...
Бокингэмъ.—Милордъ, я это слышалъ...
Король Ричардъ.— Стэнли, Ричмондъ—
Твоей супруги сынъ, — остерегайся!..
Бокингэмъ.—Милордъ, я васъ осмѣлюся просить
О должной, мнѣ обѣщанной наградѣ:
Вы поклялись, ручались честью дать мнѣ
«Герфордское блистательное графство
И все имѣнье движимое брата!»
Король Ричардъ (*не замѣчая его*).—Лордъ Стэнли, за женой своей смотри.
Ты мнѣ отвѣтишь за ея сношенья
И переписку съ Ричмондомъ!
Бокингэмъ.— Милордъ,
Угодно-ль вамъ принять мое прошенье?
Король Ричардъ. — Я помню, Ричмондъ былъ дряннымъ мальчишкой
Тогда, какъ Генрихъ предсказалъ ему
Корону... Онъ король?! Быть можетъ!
Бокингэмъ.— Лордъ!
Король Ричардъ.—Но какъ же предсказатель позабылъ
Меня, тогда, какъ я былъ тутъ же, возлѣ,
И не сказалъ, что я его убью?..
Бокингэмъ.—Милордъ, обѣщанное вами графство...

Король Ричардъ.—А *Ричмондъ*? Я недавно былъ въ Экстерѣ;
Мэръ изъ учтивости задумалъ мнѣ
Какой-то замокъ показать и назвалъ
Его *Ружмонтомъ*!.. Роковое имя
Заставило меня невольно вздрогнуть...
Одинъ ирландскій бардъ мнѣ предсказалъ
Кончину, чуть я Ричмонда увижу...
Бокингэмъ.—Милордъ!
Король Ричардъ.— Который часъ?..
Бокингэмъ.— Я вамъ осмѣлюсь
Напомнить объ обѣщанной наградѣ.
Король Ричардъ.—Прекрасно!—Но который часъ?..
Бокингэмъ.— Пробьетъ
Сію минуту десять.
Король Ричардъ.— Ну, такъ бей же!
Бокингэмъ.—Какъ—бей же?!
Король Ричардъ.— Такъ же! Ты вѣдь автоматъ
И съ молоткомъ стоишь между своими
Желаньями и мыслями моими.
Сегодня я, любезный Бокингэмъ,
Совсѣмъ не въ дарственномъ расположеньи!..
Бокингэмъ.—Рѣшите же, угодно-ль вамъ иль нѣтъ
Сдержать обѣщанное вами слово?..
Король Ричардъ.—Ты надоѣлъ мнѣ: я не въ духѣ нынѣ!
(*Уходитъ со свитой*).
Бокингэмъ.—Такъ вотъ что?—Онъ презрѣньемъ платитъ мнѣ
За всѣ мои труды, за всѣ услуги?
На это королемъ его я сдѣлалъ?..
О! Вспомнимъ Гэстингса, и поскорѣй
Въ Брекнокъ, пока еще смиренъ злодѣй. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Входитъ **Тиррль.**

Тиррль.—Кровавое, насильственное дѣло
Исполнено!.. Ужасное убійство,
Убійство гнусное, какимъ вовѣкъ
Еще не обагрялись эти земли!..
Дайтонъ и Форрестъ, палачи мои,
Мои сообщники въ убійствѣ этомъ,
Двѣ кровожадныя собаки, два
Отъявленныхъ, бездушныхъ негодяя,

Растаяли отъ жалости, рыдали,
Какъ дѣти малыя, передавая
Мнѣ повѣсть о кончинѣ ихъ... «Вотъ такъ
«Лежали кроткія малютки!» Дайтонъ
Разсказывалъ. «Вотъ такъ они лежали» —
Со вздохомъ Форрестъ говорилъ — «обнявши
«Другъ друга ручками, какъ алебастръ
«Прозрачными; ихъ губы цѣловались,
«Какъ на одномъ стеблѣ четыре розы.
«Четыре близнеца, во всей красѣ
«Ихъ лепестковъ пурпурно-ароматныхъ...
«Молитвенникъ лежалъ на ихъ подушкѣ...
«Тутъ отнялся вполнѣ мой дерзкій духъ...
«Но сатана!»... злодѣй на этомъ словѣ
Замолкъ... «Мы задушили», говорилъ,
Рыдая, Дайтонъ: «свѣтлыя созданья
«Природы-матери, какихъ она
«Сначала міра намъ не создавала!..»
Въ тоскѣ, терзаемые состраданьемъ,
Они оттуда вышли; ихъ языкъ
Покинуло испуганное слово...
И такъ я, наконецъ, разстался съ ними,
Чтобъ обо всемъ повѣдать королю *(Входитъ король Ричардъ)*.
Но вотъ и онъ.—Привѣтъ вамъ, мой властитель.

Король Ричардъ.—Что скажетъ вѣсть твоя, любезный Тиррль?
Порадуешь ли ты меня?

Тиррль.— Когда
Исполнить ваше порученье — значитъ
Дать радость вамъ, вы счастливы вполнѣ:
Все кончено!..

Король Ричардъ.—И ты ихъ трупы видѣлъ?

Тиррль.—Да, государь!

Король Ричардъ.—И самъ ихъ схоронилъ,
Любезный Тиррль?

Тиррль.— Ихъ капелланъ тюремный
Похоронилъ, но гдѣ, мнѣ неизвѣстно.

Король Ричардъ.—По окончаньи ужина, сейчасъ
Приди ко мнѣ, любезный Тиррль; подробно
Разскажешь мнѣ ты о кончинѣ ихъ,
А между тѣмъ, подумай хорошенько,

Чѣмъ могъ бы я тебя вознаградить.
Немедленно желаніе твое
Исполнится... За этимъ — до свиданья!

Тиррль.—Вашъ преданный слуга, достойный лордъ! (*Уходитъ*).

Король Ричардъ.—Сынъ Кларенса запрятанъ въ Тоуэръ, дочь
Обвѣнчана съ ничтожнымъ дворяниномъ,
Два сына Эдуарда мирно спятъ
На лонѣ Авраама, а моя
Супруга, Анна, пожелала свѣту
Спокойной ночи! — Я увѣренъ, Ричмондъ
Британскій на Елисавету мѣтилъ,
На маленькую дочку брата, мысля
Союзомъ этимъ до вѣнца добраться!..
Пойдемъ же къ ней, къ хорошенькой принцессѣ—
Достойнымъ и счастливымъ женихомъ (*Вбѣгаетъ Кэтзби*).

Кэтзби.—Милордъ!

Король Ричардъ. Какія новости, дурныя
Или хорошія, тебя сюда
Втолкнули дерзко такъ?

Кэтзби.— Дурныя, лордъ;
Мортонъ вчера за Ричмондомъ бѣжалъ,
А Бокингэмъ, съ безстрашною ватагой
Валлисцевъ, выступилъ походомъ въ поле,
И рать его растетъ...

Король Ричардъ.— Отважный Ричмондъ
И Эли мнѣ опаснѣе, чѣмъ этотъ
Лукавый Бокингэмъ съ его полками!
Идемъ!—Трусливое раздумье—рабъ,
Свинцовый рабъ медлительности сонной!..
За неподвижностью идетъ безсилье
И нищенство съ походкою улитки!..
Нѣтъ! быстрота, огонь пускай меня
На грозныя свои подхватятъ крылья...
Меркуріемъ Юпитера, герольдомъ
Владыки пусть они мнѣ будутъ! Въ путь!
Сюда, ко мнѣ, воинственный народъ!
Мой щитъ совѣтомъ осѣнитъ мнѣ грудь.
Измѣнники бѣгутъ!.. Впередъ, впередъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамъ же. Передъ дворцомъ. Входитъ **королева Маргарита.**

Королева Маргарита.—Такъ, наконецъ, ихъ счастье перезрѣло
И падаетъ въ истлѣвшій, смрадный зѣвъ
Холодной гибели! Я здѣсь скрывалась
И стерегла паденіе враговъ
Моихъ. И вотъ я дождалась сегодня
Прелюдіи великолѣпной сцены!
Теперь—во Францію, въ надеждѣ сладкой,
Что и послѣдствія все также будутъ
Трагичны, горестны и безпощадны...
Но кто-то здѣсь идетъ!.. Бѣдняжка, спрячься. *(Входятъ королева Елисавета и герцогиня Іоркъ).*

Королева Елисавета.—О! бѣдные, несчастные малютки!
Цвѣтки, не развернувшіе листочковъ,
Минутная краса!.. Когда еще
По воздуху летаютъ ваши души
И въ вѣчныя селенья вы не скрылись,
Носитесь надо мной на вашихъ крыльяхъ
Лазорево-воздушныхъ и внимайте
Рыданьямъ вашей матери!..

Королева Маргарита *(въ сторону).*—Носитесь
Надъ ней, шепчите ей, что право мести
Младенческое утро ваше въ полночь,
Въ сѣдую полночь, обратило...

Герцогиня.— Эти
Несчастія меня лишили слова,
И мой языкъ разбитый—нѣмъ и тихъ!
Плантагенетъ, достойный Эдуардъ,
Зачѣмъ скончался ты?..

Королева Маргарита.— Плантагенетъ
Плантагенету отплатилъ кончиной:
Принцъ Эдуардъ расчелся съ Эдуардомъ.

Королева Елисавета.—Къ чему же, Господи, оставилъ Ты
Невинныхъ агнцевъ? Для чего Ты бросилъ
Ихъ въ волчью пасть?

Королева Маргарита.— Гдѣ Генрихъ, гдѣ мой сынъ?

Герцогиня.—Нѣмая жизнь, слѣпое зрѣнье, призракъ,
Живущій смертію, жилище горя,
Позоръ твореній, собственность могилы,
Похищенная жизнію, итогъ

И краткій перечень ужасныхъ дней,—
Смири свое глухое безпокойство
На праведной землѣ британской, такъ
Неправедно облитой нашей кровью!.. *(Садится на землю).*

Королева Елисавета.—О! Если-бъ ты могла мнѣ даровать
Могилу такъ же скоро, какъ пріютъ
Покоя грустнаго, я никогда бы
Не оставляла здѣсь моихъ костей,—
Я скрыла-бъ ихъ въ твоихъ тяжелыхъ нѣдрахъ!..
И кто же, кромѣ насъ, имѣетъ столько
Причинъ вздыхать и сѣтовать? *(Садится на землю).*

Королева Маргарита.— Когда
Старѣйшая печаль достойна болѣ
И почестей, и уваженій вашихъ,
Отдайте первенство моей! *(Выходитъ впередъ).*
И пусть
Она царитъ надъ вашею печалью!.. *(Садится подлѣ нихъ).*

Когда-жъ тоскѣ товарищество любо,
Высказывайте мнѣ несчастья ваши,
Перебирая горести мои!
Былъ у меня достойный Эдуардъ,
Но Ричардъ умертвилъ его! Супругъ
Былъ у меня, но Ричардъ и его
Убилъ! *(Елисаветѣ).*
И у тебя былъ Эдуардъ,
Но Эдуарда Ричардъ умертвилъ!
Былъ у тебя и Ричардъ,—но его,
Какъ и другихъ, убилъ коварный Ричардъ!

Герцогиня.—И у меня былъ Ричардъ, но его
Ты умертвила! У меня былъ Рютландъ,
И ты его зарѣзать помогла.

Королева Маргарита.—И Кларенса имѣла ты, но Ричардъ
Его убилъ!.. Ты вывела на свѣтъ
Собаку адскую, и всѣхъ насъ гонитъ
Она къ кровавой гибели; у этой
Собаки прежде, чѣмъ глаза раскрылись,
Прорѣзалися зубы, чтобъ терзать
Ягнятъ и кровь невинную сосать!
Чтобъ насъ загнать въ могилы, ты извергла

Губителя всѣхъ божескихъ созданій,
Тирана, страшнаго во всей вселенной,
Который царствуетъ слезами душъ
Рыдающихъ.—О, Боже правосудный!
Какъ я Тебя благодарю, что эта
Свирѣпая собака не щадитъ
Дѣтей у бѣдной матери своей
И дѣлаетъ ее подругой прочихъ
Страдалицъ...

Герцогиня.— Ты, супруга короля
Покойнаго, не радуйся несчастьямъ
Моимъ: свидѣтель Богъ, я о тебѣ
Жалѣла!

Королева Маргарита.—О, прости мнѣ! До сихъ поръ
Я голодала местью; но теперь
Я начинаю насыщаться ею!
Твой Эдуардъ, убившій моего
Родного Эдуарда,—умеръ! Скоро,
За моего же Эдуарда, умеръ
И твой послѣдній Эдуардъ! А Іоркъ
Малютка мнѣ пошелъ въ простой барышъ—
Затѣмъ, что мало будетъ и двоихъ
Великихъ Эдуардовъ, чтобъ сравнять
Твою печаль съ печалью Маргариты!..
Твой Кларенсъ, умертвившій Эдуарда,
Любимца моего, скончался; съ нимъ
Погибли и свидѣтели кончины
Несчастнаго: Вогэнъ, и Грей, и Риверсъ,
И развращенный Гэстингсъ; всѣ они
Задохлися въ довременныхъ могилахъ!..
И только Ричардъ, этотъ черный вѣстникъ
Пучины адской, живъ еще, оставленъ
Межъ нами факторомъ ея владыкъ,
Чтобъ вербовать и посылать туда
Земныя души!.. Но близка, близка
И жалкая безжалостнаго гибель!
Земля разверзлася, и пышетъ адъ,
И демоны ревутъ, и небо молитъ,
Чтобъ онъ скорѣй покинулъ этотъ міръ!...
Молю Тебя, о Боже милосердный!
Расторгни узы, съ жизнію его

Связавшія и этотъ бѣдный свѣтъ.
Чтобъ прежде, чѣмъ умру, сказать могла я:
«Издохни, гнусная собака!»

Королева Елисавета.— Ты
Мнѣ предсказала, что настанетъ время,
Когда придется мнѣ молить тебя,
Чтобъ ты мнѣ помогла въ проклятьяхъ этой
Горбатой, бѣшеной и гадкой жабѣ,
Пузатому тарантулу и змѣю!..

Королева Маргарита.—Тогда тебя я называла блескомъ
Пустымъ моихъ богатствъ; тогда тебя
Звала я жалкой тѣнью, королева,
Изображеніемъ того, чѣмъ я
Была когда-то, перечнемъ коварнымъ
Трагедіи ужасной!.. Высоко
Ты вознеслась лишь для того, чтобъ громче
И тяжелѣй тебѣ упасть; повѣрь,
Тебя дразнили только, ты не мать
Двухъ этихъ мальчиковъ!.. Ты—просто сонъ
Того, чѣмъ ты была, цвѣтное знамя,
Въ которое направлены всѣ ружья;
Ты водяной пузырь, ты дуновенье,
Ты вывѣска величья, королева
Несчастная, для пополненья сцены
Представленная только! Гдѣ твой мужъ
Теперь? Гдѣ сыновья твои? Гдѣ братья?
Гдѣ радости твои и наслажденья?
Кто преклоняется передъ тобой?
Кто восклицаетъ: «Боже! королеву
Спаси!..» Гдѣ пэры, льстившіе тебѣ
Низкопоклонники? Гдѣ твой народъ,
Въ восторгѣ за тобой толпой бѣжавшій?
Перебери все это и представь
Себѣ, чѣмъ ты была и что теперь ты!
На мѣсто счастливой жены, теперь
Ты—скорбная вдова; была ты мать,
И радостная мать, теперь же плачешь
О томъ, что матерью была ты; вмѣсто
Того, чтобы тебя просили, ты
Сама теперь скитаешься и молишь...
На мѣсто королевы—ты раба,

Увѣнчанная терніемъ и горемъ!
Ты издѣвалась надо мной, теперь же
Я надъ тобою издѣваюсь!.. Вмѣсто
Того, чтобъ намъ тебя бояться, ты
Боишься насъ, и мы тобою правимъ.
Какъ нами ты когда-то помыкала!..
Такъ повернулось праведное счастье
И предало тебя въ добычу лѣтъ,
Оставивъ при однихъ воспоминаньяхъ
Мучительной, промчавшейся годины.
Ты завладѣла мѣстомъ Маргариты,
Прими же съ нимъ и часть моихъ утратъ!
Ты половину бремени несешь
На горделивой выѣ.—но стряхаю
И остальную я съ моей усталой
И дряхлой головы,—и всю ее
Слагаю на тебя!.. Прощай, вдова
Властительнаго Іорка, королева
Угрюмаго несчастія, прощай!
Меня во Франціи утѣшитъ горе
Британіи!..

Королева Елисавета.— О! подожди немного!
Ты такъ искусна въ огненныхъ проклятьяхъ,—
Дай силы мнѣ проклясть моихъ враговъ!

Королева Маргарита.—Не спи ты по ночамъ и бодрствуй днемъ;
Почаще сравнивай живое горе
Съ умершимъ счастіемъ; припоминай
Своихъ малютокъ—лучшими, чѣмъ были
Они на самомъ дѣлѣ, ихъ убійцу—
Гнуснѣй, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ есть,
И украшай все то, чего лишилась
Ты, бѣдная! Тогда ты заклеймишь,
Какъ надобно, виновниковъ несчастій
Твоихъ, тогда сумѣешь ты сложить
Слова твоихъ проклятій безпощадныхъ!

Королева Елисавета.—Тупа моя измученная рѣчь;
Ты заостри ее своею рѣчью!

Королева Маргарита.—Ее твои страданья заострятъ,
И, какъ мое язвительное слово,
Она порхнетъ изъ ядовитыхъ устъ!.. (*Уходитъ*).

Герцогиня.—Къ чему несчастнымъ многорѣчивость?
Королева Елисавета.—Нѣтъ, дайте волю имъ, безмолвнымъ этимъ
Ходатаямъ страданія, воздушнымъ
Преемникамъ отрады беззавѣтной,
Ораторамъ несчастія убогимъ!
Пускай все то, что выскажутъ они,
Не поправляетъ ничего: отрадно
Уже и то, что сердцу съ ними легче!
Герцогиня.—О, если такъ, слагай свои проклятья!
Идемъ; дыханіемъ упрековъ злобныхъ
Задушимъ сына моего, какъ онъ
Вчера твоихъ малютокъ задушилъ! *(Барабанный бой).*
А!.. Барабаны Ричарда!.. Готовься-жъ
И собирай огонь твоихъ проклятій! *(Входитъ король Ричардъ и за нимъ его войско).*
Король Ричардъ.—Кто смѣетъ мнѣ дорогу преграждать?
Герцогиня.—Та бѣдная, которая жалѣетъ,
Что во-время тебѣ не преградила
Пути ко всѣмъ твоимъ убійствамъ, извергъ,
И что тебя тогда не задушила,
Когда еще на свѣтъ не выходилъ ты!
Королева Елисавета.—Ты золотой короною чело
Свое прикрылъ, когда на немъ должно,
По всѣмъ правамъ, горѣть убійство принца,
Которому она принадлежала,—
Убійство сыновей моихъ и братьевъ!..
Скажи мнѣ, гдѣ мои родныя дѣти,
Предатель?..
Герцогиня.— Жаба! жаба! гдѣ твой братъ,
Несчастный Кларенсъ твой? гдѣ сынъ его,
Малютка Нэдъ-Плантагенетъ?
Королева Елисавета.— Гдѣ Риверсъ?
Гдѣ добрый Грэй, Вогэнъ?
Герцогиня.— Гдѣ честный Гэстингсъ?
Король Ричардъ.—Гремите трубы!—Бейте барабаны!—
Чтобъ небеса не слышали, какъ эти
Безсмысленныя бабы здѣсь кричатъ!
Гремите, говорю я!.. *(Трубы и барабаны).*
Укротитесь.
Не забывайте должнаго приличья,

Иль я пойду кричать, иль я васъ заглушу
И раздавлю раскатами тревоги!
Герцогиня.—Ты сынъ мой?
Король Ричардъ.— Кажется,—благодаря
Создателя, отца и васъ!
Герцогиня.— Сноси же
Съ терпѣніемъ мою нетерпѣливость!
Король Ричардъ.—Ахъ, герцогиня, духъ мой захватилъ
Частичку вашего,—а вашъ упрековъ
Не вынесетъ...
Герцогиня.— О! дай мнѣ досказать!
Король Ричардъ.—Извольте, только я не буду слушать!
Герцогиня.—Я ласково и кротко обѣщаю
Съ тобою говорить.
Король Ричардъ.— И покороче!
Мнѣ, матушка, нѣтъ времени совсѣмъ!
Герцогиня.—Какъ ты нетерпѣливъ! Извѣстно Богу,
Въ какой тоскѣ, въ какихъ смертельныхъ мукахъ,
Какъ долго я тебя ждала!..
Король Ричардъ.— Но развѣ
Я наконецъ не родился и васъ
Не успокоилъ, матушка?
Герцогиня.— Крестомъ
Спасителя клянусь, ты родился
На свѣтъ, чтобы его мнѣ адомъ сдѣлать!
Болѣзненно и тягостно мнѣ было
Рожденіе твое; младенцемъ ты
Капризенъ былъ и страшно своенравенъ;
Дитятей, отрокомъ—лукавъ, и дикъ,
И золъ, и безпощадно бѣшенъ; дерзокъ,
Свирѣпъ и буенъ — юношею; только-жъ
Ты возмужалъ, — въ тебѣ явилась гордость,
Коварство, хитрости и кровожадность;
Ты сталъ еще опаснѣе, запрятавъ
Подъ маску кротости свой алчный духъ!
Припомни мнѣ хотя единый часъ,
Въ который ты доставилъ бы собой
Мнѣ счастіе!
Король Ричардъ.—Ей-ей, ни одного
Не вспомню... кромѣ Гомфреева часа *).

*) Humphrey's-hour происходитъ отъ выраженія Humphrey's dinner —

Когда васъ пригласили безъ меня
Позавтракать!.. Но, впрочемъ, если я
Противенъ вамъ,—позвольте мнѣ избавить
Васъ отъ моей особы и отъ стрѣлъ
Моихъ нападковъ!.. Бейте барабаны!

Герцогиня.—Прошу тебя, дослушай рѣчь мою!..

Король Ричардъ.— Вы говорите черезчуръ ужъ ѣдко!

Герцогиня.—Одно хоть слово!.. Я въ послѣдній разъ
Съ тобой, быть-можетъ, говорю.

Король Ричардъ.— Ужели?

Герцогиня.—Кто знаетъ, что Господь намъ присудилъ?..
Тебѣ-ль назначено погибнуть прежде,
Чѣмъ выйти изъ сраженія съ побѣдой,
Иль я умру подъ бременемъ годовъ
И горя — и тебя ужъ не увижу?!
Такъ унеси-жъ съ собой мое проклятье,
Тяжелое проклятье!!.. И пускай
Оно тебя въ минуту роковой,
Послѣдней битвы, утомитъ сильнѣй,
Чѣмъ все твое желѣзное оружье!!..
Мои мольбы пускай на сторонѣ
Твоихъ враговъ сражаются, — а души
Малютокъ падшихъ да вселяютъ въ нихъ
Безстрашіе и мужество, — пророча
Имъ торжества, успѣхи и побѣду!
Ты кровью жилъ и кровью захлебнешься!
Въ позорѣ жилъ ты—и умрешь въ позорѣ!.. (*Уходитъ*).

Королева Елисавета.—Я болѣе еще причинъ имѣю
Тебя, убійца, проклинать; но слабъ
Мой духъ, — и я скажу одинъ аминь
Къ проклятьямъ герцогини!.. (*Хочетъ идти*).

Король Ричардъ.— Погодите,
Мнѣ съ вами, королева, нужно слово
Замолвить!

Королева Елисавета.— Я ужъ не имѣю болѣе
Сыновъ вѣнчанной крови для твоей
Бездушной жажды, дочерей же бѣдныхъ
Я въ монастырь отдамъ; пускай онѣ

обѣдъ надъ памятникомъ герцога Гомфри. На этотъ памятникъ стекалось тогда смотрѣть множество народа, и нѣкоторые здѣсь искали приглашенія на обѣдъ или завтракъ.

Спасаются отъ сана королевъ,
Рыдающихъ въ отчаяньи!.. Тебѣ
Нѣтъ нужды въ смерти ихъ, могучій Ричардъ!

Король Ричардъ.—У васъ есть дочь — Елисавета, чудо
Невинности и красоты и скромной,
Высокой царственности.

Королева Елисавета.— Неужель
Она должна за это умереть?
О, пощади ее!.. Я развращу
Ея невинность, я обезображу
Ея красу!.. Послушай! Я готова
Оклеветать сама себя, — сознаться
Въ измѣнѣ мнимой ложу Эдуарда!
Я на нее наброшу покрывало
Безчестія! Чтобы ее избавить
Отъ гибели насильственной, скажу,
Что Эдуардъ ей вовсе не отецъ!

Король Ричардъ.—Вы обезчестите ея рожденье;
Она вѣнчанной крови!..

Королева Елисавета.— Я-жъ скажу,
Что это ложь, и сохраню ей жизнь.

Король Ричардъ.—Высокій санъ—вѣрнѣйшая охрана
Ея спокойствія и жизни!

Королева Елисавета.— Но
Охрана эта умертвила братьевъ
Ея!

Король Ричардъ.—Ничуть! созвѣздія одни,
Которымъ ихъ рожденіе противно
Казалось, виноваты въ томъ!

Королева Елисавета.— Нѣтъ! люди,
Которыхъ ихъ рожденье тяготило.

Король Ричардъ.—Никто не избѣжитъ предначертаній
Судьбы!

Королева Елисавета.—Малютки лучшей бы кончины
Дождались, когда бы жизнь твою
Святая добродѣтель осѣнила.

Король Ричардъ.—Вы говорите, точно, будто я
Убилъ племянниковъ моихъ...

Королева Елисавета.— Конечно,
Ты, добрый дядюшка, лишилъ ихъ счастья,
Родныхъ, свободы, королевства, жизни!..

Чьи руки ни пронзили-бъ ихъ сердецъ,
Ударъ твоимъ неправеднымъ умомъ
Направленъ!.. Ножъ убійственный — и тупъ,
И робокъ былъ, до той поры, пока
Не наточилъ его ты на своемъ
Гранитномъ сердцѣ, и пока его
Во внутренность овечекъ беззащитныхъ
Ты не послалъ!.. О! если бы привычка
Къ отчаянью не укрощала злобы,—
Языкъ мой при тебѣ не произнесъ бы
Именъ дѣтей моихъ, пока-бъ въ глаза
Твои, какъ звѣрь, я не впилась когтями,
Желѣзными трезубьями, — пока
Сама бы я въ щепы не раздробилась
О грудь твою скалистую, какъ челнъ,
Лишенный въ этой гибельной пучинѣ
И парусовъ, и мачты, и снастей!

Король Ричардъ.—Дай Богъ, чтобъ вѣренъ былъ завѣтный планъ мой,
Успѣхъ войны опасной и кровавой, —
Какъ вѣрно то, что я задумалъ сдѣлать
Для счастья вашего и вашихъ!.. Это
Искупитъ все, чѣмъ я обидѣлъ васъ!

Королева Елисавета.—Какая же еще отрада можетъ
Скрываться для меня подъ сводомъ неба?

Король Ричардъ.—А возвышенье вашихъ дочерей?

Королева Елисавета.—На эшафотѣ, чтобъ обезглавить ихъ?

Король Ричардъ.—Нѣтъ! на вершину почестей и счастья,
На высшую ступень величья смертныхъ.

Королева Елисавета.—Льсти, льсти моей печали этой сказкой!
Все объясни, какимъ ты состояньемъ,
Какой достойной почестью надѣлишь
Мое дитя?

Король Ричардъ.—Всѣмъ, что имѣю я!
Да!—И себя, и все готовъ отдать
Я вашему дитяти, если въ Летѣ
Души обиженной вы потопить
Рѣшитесь воспоминанья зла,
Которое, по вашимъ заключеньямъ,
Я вамъ накликалъ!

Королева Елисавета. — Говори короче,

Чтобъ это краткое расположенье
Не миновалось прежде, чѣмъ успѣешь
Его ты высказать...

Король Ричардъ.— Такъ знайте-жъ, я
Отъ всей души влюбился въ вашу дочь!!..

Королева Елисавета.—Мать дочери отъ всей души,
Какъ ты, о томъ же думаетъ.

Король Ричардъ.— О чемъ же?

Королева Елисавета.—О томъ, что ты въ ея влюбился дочь
Отъ всей души!.. Вѣдь ты любилъ и братьевъ
Ея—отъ всей души?! — Благодарю
Тебя за это всей моей душою!

Король Ричардъ.—Не объясняйте словъ моихъ неправо.
Я говорю вамъ ясно, что душевно
Влюбленъ я въ вашу дочь и что желаю
Доставить ей величье королевы!..

Королева Елисавета.—Прекрасно,—только кто жъ при этомъ будетъ
Ей королемъ?

Король Ричардъ.—А тотъ, кто-въ королеву
Ее преобразитъ! И кто же кромѣ
Его, миледи?

Королева Елисавета.—Какъ? Такъ это — ты?..

Король Ричардъ.—Да, я!.. А вы что думаете, лэди,
Объ этомъ?

Королева Елисавета.—Чѣмъ же ты ее склонить
Надѣешься на сторону свою?..

Король Ричардъ.—Объ этомъ посовѣтоваться съ вами
И думалъ я. Вы знаете ее
Получше всѣхъ...

Королева Елисавета.—И моего совѣта
Послушаешься ты?

Король Ричардъ.— Отъ всей души!

Королева Елисавета. — Пошли же къ ней, съ тѣмъ самымъ человѣкомъ,
Который былъ убійцею двухъ братьевъ
Ея, окровавленныя сердца
Несчастныхъ,—вырѣзавъ на нихъ заранѣ
Два имени завѣтныхъ: «Эдуардъ
И Іоркъ!» — Увидѣвъ ихъ, она заплачетъ!
Ты помнишь, какъ когда-то Маргарита

Измученному твоему отцу
Дала платокъ, обмоченный въ крови
Страдальца Рютланда; и ты такой же
Ей предложи!.. Скажи, что онъ напитанъ
Пурпурной влагою, изъ труповъ братьевъ
Ея истекшею, и попроси,
Чтобы она имъ осушила слезы!
Когда и это не пробудитъ въ ней
Любви, пошли ей письменный реестръ
Твоихъ достойныхъ дѣлъ, и разскажи,
Какъ ты убилъ ея любимыхъ дядей,
Какъ Риверсъ и несчастный Кларенсъ пали,
И какъ ты не замедлилъ, для ея-жъ
Спокойствія, раздѣлаться и съ теткой
Ея, съ добрѣйшею милэди Анной!..

Король Ричардъ.—Вы надо мной смѣетесь, королева!
Ужель этимъ я пріобрѣту
Ея расположенье?..

Королева Елисавета.— Что же дѣлать?
Другой дороги нѣтъ, когда тебѣ
Нельзя другимъ явиться человѣкомъ
И вовсе Ричардомъ не быть, который
Все это сдѣлалъ!

Король Ричардъ.— Вы скажите ей,
Что дѣлалъ я все это — изъ любви,
Изъ дружбы къ ней одной.

Королева Елисавета.— О, да! готова!...
Когда она узнаетъ покороче,
Какими жертвами она купила
Твою любовь, она ужъ не откажетъ...

Кэроль Ричардъ.—Послушайте!—что сдѣлано, того
Ужъ не воротишь! Человѣкъ порой
Недальновидно дѣйствуетъ и послѣ
Жалѣетъ самъ объ этомъ... Я лишилъ
Наслѣдья предковъ — вашихъ сыновей;
Но, чтобъ поправить это, свой вѣнецъ
Отдать я вашей дочери желаю!..
Я истребилъ потомство вашей крови
И воскрешу его потомствомъ новымъ,
Потомствомъ вашей дочери... Святое
Названье бабушки пріятно такъ же,

Какъ и названье матери... Внучата
Тѣ-жъ дѣти, разница въ одномъ колѣнѣ!...
Всѣ тѣ-жъ и кровь, и плоть, — и только ночи
Страданій подвергается здѣсь та,
Изъ-за которой вы когда-то горе
Переносили!.. Ваши дѣти были
Мученьемъ вашей юности; мои —
Вамъ будутъ утѣшеніемъ подъ старость!
Вы потеряли сына-короля...
Но ваша дочь вслѣдъ за утратой вашей
Восходитъ на престолъ!.. Я не могу
Вамъ возвратить всего, какъ ни желалъ бы
Я этого! А потому примите
Хоть то, что я могу... Несчастный Дорсетъ,
Вашъ сынъ, печально бродитъ по чужбинѣ, —
Но нашъ союзъ немедленно его
Отчизнѣ возвратитъ, — и я возвышу
Его и награжу... А вашу дочь
Назвавъ своей прекрасною женой,
Король и сына вашего отъ сердца
И за-просто наименуетъ братомъ...
Вы королевой-матерью опять
Предстанете, и раны нашихъ бѣдствій
Излѣчатся двойнымъ богатствомъ счастья!..
О! сколько радостей еще увидимъ
Мы въ будущемъ! святыя капли слезъ,
Пролитыхъ вами, возродятся снова,
Но превращенныя въ алмазы, перлы...
И цѣнность ихъ, процентами блаженства
Умноженная, возвратится къ вамъ...
Ступайте-жъ, матушка, ступайте къ вашей
Прекрасной дочери и ободрите
Ея застѣнчивость и робость вашей
Разумной опытностью; слухъ ея
Вы приготовьте къ говору блаженства
И къ сладконѣжной рѣчи жениха...
Въ пугливомъ сердцѣ возбудите пламя
Высокихъ почестей, откройте ей
Всѣ прелести безмолвныхъ наслажденій
Супружества!.. А я съ моимъ мечомъ
Пойду на этого бунтовщика,

Пигмея-Бокингэма!.. Накажу
Его и возвращусь въ тріумфѣ, въ лаврахъ...
Своей женѣ я передамъ трофеи...
И будетъ намъ она—вѣнцомъ побѣды,
И «цезарь-цезаря!» ей имя будетъ!

Королева Елисавета.—Но какъ же ей я назову того,
Кто хочетъ быть ея супругомъ?!. Братомъ
Ея отца?.. иль дядей?.. или тѣмъ,
Кто умертвилъ ея несчастныхъ братьевъ
И дядей?.. Дай ты мнѣ хотя одно
Названіе, съ которымъ бы тебя—
Господь, законъ, и честь моя, и эта
Любовь узнали, безъ того, чтобъ ты
Ея душѣ противнымъ не казался!

Король Ричардъ.—Скажите ей, что миръ отчизны нашей
Упрочится отъ этого союза.

Королева Елисавета.—И вѣчною борьбой она должна
Купить его?

Король Ричардъ.—Скажите ей, что самъ
Король ее объ этомъ умоляетъ.

Королева Елисавета.—Но царь царей согласенъ ли на то?

Король Ричардъ.—Скажите, что великой королевой
Я сдѣлаю ее.

Королева Елисавета.—Чтобы величье,
Какъ матери, оплакивать?

Король Ричардъ.— Скажите,
Что любить ее и нѣжить буду
Безъ умолку!

Королева Елисавета.—А долго-ль эта вѣчность
Продлится?

Король Ричардъ.—До поры, угодной небу
И матери природѣ.

Королева Елисавета.— До поры,
Которую ей предназначитъ адъ
И Ричардъ?

Король Ричардъ.—Объявите ей, что я,
Ея король, рабомъ ея покорнымъ
Желаю сдѣлаться!..

Королева Елисавета.— Повѣрь: она,
Раба твоя, гнушается подобнымъ
Владычествомъ!..

Король Ричардъ.— Употребите всю
Краснорѣчивость вашу въ этомъ дѣлѣ!
Королева Елисавета.—Прямое и простое предложенье
Скорѣе принимается!
Король Ричардъ.— Такъ вы
Ей просто объявите о любви
Моей!
Королева Елисавета.—Но предложеніе безчестья
Еще ужаснѣе—въ простыхъ словахъ!..
Король Ричардъ.—Всѣ ваши возраженья слишкомъ ложны
И мелки!!
Королева Елисавета.—Нѣтъ! они ужъ слишкомъ вѣрны
И глубоки!—Въ сырыхъ могилахъ дѣти
Мои лежатъ и глубоко, и вѣрно!
Король Ричардъ.—Миледи, не касайтесь этой грустной
Струны: все это кончено давно ужъ!
Королева Елисавета.—Нѣтъ, я ея касаться вѣчно буду,
Пока всѣ струны сердца моего
Не лопнутъ!..
Король Ричардъ.— Если такъ—клянусь Георгомъ,
Короной и подвязкою *) клянусь...
Королева Елисавета.—Ты осрамилъ Георга и подвязку,
Корону-жъ ты похитилъ...
Король Ричардъ.— О, клянусь...
Королева Елисавета.—Молчи, совсѣмъ нѣтъ клятвы у тебя!
Ты осрамилъ угодника святого;
Звѣзда подвязки помрачилась также.
Похищенная-жъ силою корона
Лишилась славы царственной своей!..
Когда ты хочешь, чтобъ сердечной клятвѣ
Твоей повѣрили, клянися тѣмъ,
Чему ты никогда не дѣлалъ зла!..
Король Ричардъ.—Клянуся этимъ міромъ.
Королева Елисавета.— Онъ исполненъ
Твоей неправды!
Король Ричардъ.— Смертью моего
Отца.
Королева Елисавета.—Ты осрамилъ ее твоею
Безчестной жизнію!
Король Ричардъ.— Самимъ собой!!.

*) *Подвязка*—орденъ.

Королева Елисавета.—Ты опозорилъ самого себя!..
Король Ричардъ.—Такъ небомъ!!!
Королева Елисавета.— Передъ небомъ ты скорѣй
Всего виновенъ!.. Если-бъ ты боялся
Нарушить клятву, данную ему,
Союзъ, упроченный моимъ супругомъ,
Не нарушался бы и братъ мой жилъ!..
Когда бы ты боялся измѣнить
Священной клятвѣ,—царственный металлъ,
Объемлющій теперь твое чело,
Блисталъ бы на челѣ моихъ дѣтей,
И оба принца безмятежно-бъ жили...
Твое коварство не убило-бъ ихъ
И на одномъ печальномъ ложѣ въ землю
Не опустило бы на снѣдь червей!..
Ну, чѣмъ же ты еще мнѣ поклянешься?
Король Ричардъ.—Моею будущностью...
Королева Елисавета.— Ты въ прошедшемъ
Надъ нею надругался!.. у меня
Самой довольно слезъ, чтобы омыть
Грядущіе года отъ всѣхъ несчастій,
Которыя въ прошедшемъ ты свершилъ!
Малютки дѣти, у которыхъ ты
Убилъ отцовъ, въ печальномъ сиротствѣ
Живутъ, чтобы на старости своей
Оплакать это все! Отцы, которыхъ
Дѣтей зарѣзалъ ты, живутъ страдая,
Какъ старыя, безплодныя растенья,—
Чтобъ это все на старости оплакать!
Нѣтъ, не клянись грядущимъ! Ты его
Еще до срока исказилъ въ прошедшемъ!
Король Ричардъ.—Пусть будетъ столько-жъ вѣренъ мой успѣхъ
Въ войнѣ грядущей, сколько вѣрно то,
Что я желаю счастья вамъ и каюсь!
Да истреблю я самъ себя! Судьба
И небо да лишатъ меня блаженства!
День—да не дастъ мнѣ свѣта, ночь—покоя!
И да возстанутъ всѣ созвѣздья противъ
Моихъ началъ, когда я не люблю
Любовью чистою и непорочной,

Святыми помыслами сердца—вашей
Прекрасной дочери!.. Въ ней все мое
И ваше счастье... Безъ нея—меня,
И васъ, и царство наше, и ее,
Несчастную, и много-много вѣрныхъ,
Невинныхъ душъ постигнетъ смерть и гибель,
И разореніе, и запустѣнье!..
Ничто не въ силахъ отвратить и вовсе
Не отвратитъ всѣхъ этихъ бѣдствій, кромѣ
Союза этого!.. И потому
Вы. матушка безцѣнная,—я долженъ
Такъ называть васъ,—будьте у нея
Ходатаемъ любви моей, скажите
Ей не о томъ, чѣмъ былъ я, но о томъ,
Чѣмъ быть хочу я; не о томъ, что я
Заслуживаю, но о томъ скажите,
Что заслужить желалъ бы я!.. Представьте
Ей нужду этого! Не увлекайтесь
Горячностью въ такомъ высокомъ дѣлѣ.

Королева Елисавета.—Неужели навѣтамъ сатаны
Я уступить должна?

Король Ричардъ.— Да, если онъ
Совѣтуетъ вамъ доброе.

Королева Елисавета.— И я
Сама себя обязана забыть,
Чтобъ только быть собою?..

Король Ричардъ.— Безъ сомнѣнья,
Когда воспоминаніе о васъ
Самимъ вамъ повредить, милэди, можетъ.

Королева Елисавета.—Но ты монхъ дѣтей убилъ?

Король Ричардъ.— Я ихъ
На лонѣ вашей дочери прекрасной
Похороню,—и вновь на этой почвѣ
Они родятся сами изъ себя,
На утѣшенье вамъ!..

Королева Елисавета.— И я должна
Склонить ее на это предложенье?

Король Ричардъ.—Васъ это матерью счастливой, лэди,
Навѣки сдѣлаетъ...

Королева Елисавета.— Изволь!—Пиши
Ко мнѣ немедленно; я обо всемъ

Тебя увѣдомлю!..

Король Ричардъ *(цѣлуетъ ее)*.—Такъ передайте-жъ
Ей этотъ поцѣлуй!—Прощайте. *(Королева Елисавета уходитъ).*
Дура!
Безсильная и вѣтренная баба!—*(Входитъ Ратклифъ и за нимъ Кэтзби).*
Что новаго?..

Ратклифъ.— Могучій повелитель!
У западнаго берега явился
Безчисленный и сильный флотъ. На берегъ
Бѣгутъ толпы сомнительныхъ бродягъ,
Безъ всякаго оружія, и вовсе
Не думаютъ отбить врага... По слухамъ
Народнымъ, этимъ флотомъ правитъ Ричмондъ.
Они сложили паруса и ждутъ,
Что Бокингэмъ ихъ высадкѣ поможетъ.

Король Ричардъ.—Скорѣй посла надежнаго къ Норфольку!
Скачи ты самъ иль Кэтзби... Гдѣ же Кэтзби?

Кэтзби.—Здѣсь, государь.

Король Ричардъ.— Скорѣе поѣзжай
Къ Норфольку!..

Кэтзби.— Я не поѣду, милордъ,
Ни лошади, ни самого себя.

Король Ричардъ.—Ты, Ратклифъ, въ Сальсбёри скачи: когда
Пріѣдешь ты туда... *(Кэтзби)* Ну! что же ты,
Бездѣльникъ, негодяй лѣнивый, здѣсь
Стоишь... и къ герцогу не ѣдешь?

Кэтзби.— Ваше
Величество еще не объявили,
Что̀ долженъ я ему сказать...

Король Ричардъ.— Прости,
Мой вѣрный, добрый Кэтзби!—Объяви
Ему, чтобъ онъ немедленно сбиралъ,
Какое только можетъ, ополченье
И съ нимъ ко мнѣ бы мчался въ Сальсбёри!

Кэтзби.—Лечу!.. *(Уходитъ).*

Ратклифъ.— Что же въ Сальсбёри я долженъ дѣлать,
Милордъ?—

Король Ричардъ.—Да, въ самомъ дѣлѣ, что̀ тебѣ
Тамъ дѣлать безъ меня?

Ратклифъ.— Вы тотчасъ мнѣ
Впередъ приказывали ѣхать.
Король Ричардъ.— Я
Раздумалъ!.. *(Входитъ Стэнли).*
Ну, что новаго, лордъ Стэнли?
Стэнли.—Нѣтъ ничего хорошаго, свѣтлѣйшій
Монархъ, чтобъ вы съ отрадой услыхали,
И ничего печальнаго, о чемъ бы
Не могъ я вашей чести доложить!
Король Ричардъ.—Вотъ-на! загадки!!—Ничего дурного
И ничего хорошаго?.. Какая
Тебѣ необходимость столько миль
Скакать околицами, если ты
Ближайшею дорогою намъ можешь
Сказать свои таинственныя вѣсти?
Что новаго, опять я повторяю?
Стэнли.—Лордъ,—Ричмондъ на морѣ!
Король Ричардъ.— Пускай онъ въ немъ
Утонится, чтобы не онъ, а море
Надъ нимъ ходило! Ренегатъ бездушный!
И для чего пустился въ море онъ?
Стэнли.—Не знаю, но мнѣ кажется, милордъ...
Король Ричардъ.—Что-жъ кажется тебѣ?..
Стэнли.— Что, возбужденный
Мортономъ, Дорсетомъ и Бокингэмомъ,
Онъ въ Англію пустился за короной...
Король Ричардъ.—Но развѣ упразднился тронъ у насъ?
Рука, владѣвшая мечомъ, изсохла?
Король скончался? Въ королевствѣ нѣтъ
Властителя? И кто же, кромѣ насъ,
Живъ изъ наслѣдниковъ вѣнчанныхъ Іорка?
И кто законный Англіи король,
Какъ не наслѣдникъ Іорка?.. Говори же,
Зачѣмъ пустился въ море онъ?..
Стэнли.— Милордъ,
Я виноватъ,—ошибся,—и не знаю
Другой причины этому походу.
Король Ричардъ.—Ошибся ты, и ужъ не знаешь болѣ
Другой тому причины? Ты не знаешь,
Зачѣмъ пришелъ Валлисецъ?—Стэнли, ты
Къ нему бѣжать задумалъ, ты—измѣнникъ!

Стэнли.—Нѣтъ, государь! напрасно вы меня
Подозрѣваете въ измѣнѣ!
Король Ричардъ.— Гдѣ же
Твои войска, чтобъ отразить его?
Отвѣтствуй, гдѣ твои друзья, вассалы
На западныхъ, мятежныхъ берегахъ,
Для охраненья высадки враговъ?!
Стэнли.—Мои друзья на сѣверѣ, милордъ.
Король Ричардъ.—Холодные друзья мнѣ! Что имъ дѣлать
На сѣверѣ, когда ихъ государь
На западѣ нуждается въ ихъ силахъ?
Стэнли.—Имъ не было приказано, великій
Монархъ! Но, если вамъ угодно будетъ
Пустить меня, я соберу моихъ
Друзей и вашей чести ихъ представлю,
Когда и гдѣ прикажете вы мнѣ!..
Король Ричардъ.—Ты съ Ричмондомъ соединиться хочешь?
Нѣтъ, я тебѣ не довѣряю...
Стэнли.— Свѣтлый
Монархъ, вы не имѣете причины
Подозрѣвать меня! Я никогда
Измѣнникомъ вамъ не былъ и не буду!..
Король Ричардъ.—Пусть такъ!—Иди-жъ и собирай войска!
Но сынъ твой, Стэнли, здѣсь остаться долженъ.
Будь твердъ и вѣренъ мнѣ, когда не хочешь,
Чтобъ голова его слетѣла съ плечъ!
Стэнли.—Вы съ нимъ, милордъ, по вѣрности моей
Поступите... (*Уходитъ. Входитъ гонецъ*).
Гонецъ.— Свѣтлѣйшій государь,
Я получилъ извѣстье отъ моихъ
Друзей, что Кортни и его надменный братъ,
Владѣтель Экстерскій, съ толпой другихъ
Мятежниковъ, оружье въ Девонширѣ
Внезапно подняли!.. (*Входитъ д. угой гонецъ*).
2-й гонецъ.— Монархъ великій,
Герфорды въ Кентѣ подняли оружье!..
И съ каждымъ часомъ къ нимъ бѣгутъ другіе
Измѣнники, и силы ихъ растутъ! (*Входитъ третій гонецъ*).
3-й гонецъ.—Милордъ, поутру войско Бокингэма...
Король Ричардъ.—Прочь! съ глазъ долой, зловѣщая сова!

Все пѣсни смерти! *(Бьетъ его).*
Вотъ тебѣ на память
До лучшей вѣсти!

3-й гонецъ.— Я хотѣлъ, милордъ,
Вамъ донести, что войско Бокингэма
Разсѣяно разливомъ водъ отъ сильныхъ
Дождей, поутру выпавшихъ нежданно!..
И что, покинутый, онъ убѣжалъ
Одинъ, невѣдомо куда...

Король Ричардъ.— Прости!..
Вотъ кошелекъ тебѣ мой... *(Бросаетъ ему кошелекъ).*
Залѣчи
Мои удары имъ!—А что, ты слышалъ,
За голову измѣнника награду
Мои друзья назначили?

3-й гонецъ.— Милордъ,
Она давно объявлена! *(Входитъ четвертый гонецъ).*

4-й гонецъ.— Свѣтлѣйшій
Монархъ, сэръ Томасъ Ловель и маркизъ
Лордъ Дорсетъ, говорятъ, знамена бунта
Въ Іоркширѣ подняли! Но вотъ другое
Извѣстіе,—оно васъ успокоитъ:
Бретанскій флотъ разсѣянъ бурей! Ричмондъ
На дорсетширскій берегъ выслалъ шлюпку,
Чтобъ разузнать, его ли ждутъ отряды,
Которые стояли тамъ?.. Ему
Отвѣтили, что Бокингэмомъ въ помощь
Они къ нему отправлены! Но онъ
Имъ не повѣрилъ, поднялъ паруса
И повернулъ назадъ, въ свою Бретань.

Король Ричардъ.—Впередъ, впередъ! Теперь ужъ мы готовы,
Когда не для сраженья съ иноземнымъ
Врагомъ, хоть для того, чтобъ усмирить
Бунтовщиковъ домашнихъ!.. *(Входитъ Кэтзби).*

Кэтзби.— Государь,
Мятежный Бокингэмъ подъ стражу взятъ...
И это—вѣсть хорошая! Но вы
Должны узнать и вѣсть дурную... Ричмондъ
Явился съ многочисленной толпой
Въ Мильфордъ!..

Король Ричардъ.— Въ Сальсбёри! впередъ! Пока

Мы здѣсь болтали съ вами, можно-бъ было
Сраженье выиграть, иль проиграть!
Одинъ изъ васъ проводитъ Бокингэма,
А прочіе за мною!.. Въ Сальсбёри!! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Комната въ домѣ лорда Стэнли. (Входятъ: **Стэнли и Сэръ Христоферъ-Орзвикъ**, капелланъ графини Ричмондъ, жены Стэнли).

Стэнли.—Сэръ Христоферъ, скажите отъ меня
Милорду Ричмонду, что сынъ мой запертъ
Въ хлѣвѣ извѣстнаго вамъ кабана.
Едва возстану я, мой юный сынъ
Лишится головы! И это только
Мѣшаетъ мнѣ соединиться съ нимъ!
Скажите, гдѣ-жъ теперь достойный Ричмондъ?

Христоферъ.—Близъ Пемброка или у Гарфордъ-веста,
Въ Валлисѣ.

Стэнли.— Кто-жъ при немъ изъ лицъ извѣстныхъ?

Христоферъ.—Воинственный сэръ Вальтеръ Гэрбертъ, сэръ
Джильбертъ Тальботъ, сэръ Вильямъ Стэнли, Оксфордъ,
Могучій Пемброкъ, Блентъ и Ричь-апъ-Томасъ,
Съ толпою храбрыхъ воиновъ,—а съ ними
И прочіе сподвижники!.. Они
Пойдутъ на Лондонъ прямо, если имъ
Не преградятъ дороги нападеньемъ.

Стэнли.—Прекрасно!—Такъ идите же къ милорду
И передайте мой ему привѣтъ!
Увѣдомьте его, что королева
Согласна дочь свою Елисавету
Отдать ему въ супруги!.. Эти письма
Подробно все ему передадутъ. (*Вручаетъ ему бумаги*).
Итакъ, милордъ, прощайте, до свиданья!.. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сальсбёри. — Площадь. — (Входятъ: **Шерифъ** со стражей, ведущей на казнь **Бокингэма**).

Бокингэмъ.—Такъ Ричардъ не желаетъ говорить
Со мной?

Шерифъ.— Да, добрый герцогъ, покорись
Судьбѣ своей.
Бокингэмъ.— Несчастный Гэстингсъ, Грей,
Король благочестивый мой и всѣ,
Погибшіе отъ гнусной и коварной
Несправедливости,—внимайте мнѣ!
И если ваши пламенныя души,
Негодованья полныя и гнѣва,
Увидятъ съ облаковъ лазурныхъ то,
Что дѣлается здѣсь,—вы отмщены!..
Порадуйтеся гибели моей.—
Друзья, сегодня день поминовенья
Усопшихъ?
Шерифъ.— Точно такъ, свѣтлѣйшій лордъ.
Бокингэмъ.—И день поминовенія усопшихъ
Мнѣ будетъ днемъ позорной казни?.. Этотъ
Священный день, при жизни Эдуарда,
Я призывалъ на голову мою,
Когда-бъ я измѣнилъ роднымъ его
Жены, или его несчастнымъ дѣтямъ...
Я въ этотъ самый день желалъ погибнуть
Отъ вѣроломной зависти того,
Кому-бъ довѣрился я больше всѣхъ!..
И этотъ, этотъ самый день кончаетъ
Всѣ помыслы грѣховные моей
Испуганной души! Господь Всевидецъ,
Котораго я обмануть пытался,
На голову мою же обратилъ
Мои мольбы притворныя и клятвы...
Онъ даровалъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ то,
Чего просилъ я въ шутку! Стрѣлы грѣшныхъ
На ихъ же груди направляетъ Онъ!
Всей тяжестью проклятье Маргариты
Обрушилось на голову мою:
«Припомни это въ день, когда печально
Изранитъ сердце онъ твое»,—она
Мнѣ восклицала:—«и скажи—отъ сердца
Тогда: пророчицею Маргарита
Несчастная была!»... Друзья! впередъ!..
Ведите грѣшника къ позорной плахѣ!..
Неправдѣ, злу—и наказанье злое! *(Его уводятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Равнина близъ Тэмворза. (Входятъ съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами: **Ричмондъ, Блентъ, Гэрбертъ** и другіе съ войскомъ).

Ричмондъ.—Товарищи и братья по оружью!
Мы съ вами безпрепятственно прошли
Въ средину самую родного царства:
И вотъ отъ Стэнли, тестя моего,
Я получилъ отраднѣйшія письма,
Которыми онъ ободряетъ насъ!
Свирѣпый, хищный, кровожадный вепрь,
Опустошающій поля и ваши
Сады, звѣрь дикій, вашей теплой кровью
Весь вѣкъ свой упивавшійся, теперь,
Какъ увѣряютъ насъ, лежитъ въ срединѣ
Британіи, близъ Лестера.—Отсюда
До Лестера одинъ лишь день пути...
Во имя Бога, храбрые друзья,
Впередъ!.. Поляжемъ одной кровавой пыткой
Теперь мы жатву вѣчнаго покоя!..

Оксфордъ.—Лордъ, совѣсть каждаго изъ насъ—фаланга
Безчисленныхъ мечей. Мы отразимъ,
Мы побѣдимъ бездушнаго злодѣя.

Гэрбертъ.—Его друзья подъ наши знамена
Сбѣгутся...

Блентъ.— Всѣ друзья его—друзья
Ему изъ страха одного; при первомъ
Удобномъ случаѣ они его
Покинутъ.

Ричмондъ.— Тѣмъ отраднѣе для насъ!
Итакъ, друзья, впередъ—во имя Бога!..
Надежда вѣрная—быстрѣе мысли,
Она летитъ на ласточкиныхъ крыльяхъ!
Владыки съ ней—подобье божества,
А бѣдные страдальцы—съ ней владыки!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Босвортское поле. (Входятъ: **Король Ричардъ**, съ войскомъ; **Герцогъ Норфолькъ, Графъ Серри** и другіе).

Король Ричардъ.—Здѣсь, на Босвортскомъ полѣ этомъ, нынче
Мы разобьемъ палатки! Что такъ мрачны

Вы, свѣтлый Серри?..

Серри.— На сердцѣ моемъ,
По крайней мѣрѣ, въ десять разъ свѣтлѣе
Моей наружности.

Король Ричардъ.— Лордъ Норфолькъ!

Норфолькъ.— Здѣсь,
Мой повелитель!

Король Ричардъ.— Добрый Норфолькъ, намъ
Не миновать ударовъ! Вы какого
Объ этомъ мнѣнія?

Норфолькъ.— Довольно будетъ
Всего на ихъ и нашу долю!

Король Ричардъ.— Здѣсь
Разбить мою палатку. Эту ночь
Я проведу въ Босвортскомъ полѣ. Гдѣ-то
Придется завтра быть?.. (*Солдаты разбиваютъ королевскую палатку*).
Э! Все равно!
Кто разузналъ, какъ многочисленъ врагъ?

Норфолькъ.— Въ его рядахъ не болѣе шести
Или семи вооруженныхъ тысячъ!..

Король Ричардъ.— Такъ мы сильнѣй его едва-ль не втрое!
Притомъ одно ужъ имя короля —
Бойница, башня силы, а у нихъ
Его-то именно и нѣтъ!—Готовьте-жъ
Палатку намъ! А вы со мной, милорды,
Идите. Мы изслѣдуемъ для битвы
Получше мѣстность и возьмемъ съ собой
Искусныхъ въ этомъ дѣлѣ.—Поскорѣе-жъ!
Откладывать намъ нечего, затѣмъ,
Что завтра всѣмъ и безъ того довольно
Отыщется работы и трудовъ... (*Уходитъ съ своей свитой. На другомъ концѣ поля показываются Ричмондъ, сэръ Вильямъ Брандонъ, Оксфордъ и другіе лорды. Нѣсколько солдатъ разбиваютъ палатку Ричмонда*).

Ричмондъ.— Усталое, таинственное солнце
Въ туманѣ золотистомъ потонуло...
И слѣдъ его блестящей колесницы
Намъ предвѣщаетъ радостное утро.
Сэръ Вильямъ Брандонъ, вамъ я поручаю
Штандартъ мой.—Принесите мнѣ въ палатку

Бумаги и чернилъ. Я начерчу
План битвы завтрашней и всѣмъ назначу,
Кому какое мѣсто занимать;
Придумаю, какъ лучше бъ размѣстить
Нашъ маленькій отрядъ.—Лордъ Оксфордъ, вы,
Сэръ Вильямъ Брандонъ, и сэръ ВальтерЪГэрбертъ—
Останетесь со мною!—Графъ же Немброкъ
Пойдетъ къ своимъ солдатамъ. Свѣтлый Блентъ,
Вы пожелайте доброй ночи лорду
И передайте отъ меня ему,
Что въ два часа утра, въ моей палаткѣ,
Его желаю видѣть я... Теперь,
Мой добрый капитанъ, другая просьба:
Извѣстно ль вамъ, гдѣ Стэнли?

Блентъ.— Если я
Чужихъ полковъ не принялъ за его
Полки,—чего не думаю я вовсе,—
Такъ онъ находится, по крайней мѣрѣ,
Съ полъ-мили къ югу отъ могучихъ полчищъ
Монарха своего...

Ричмондъ.— Любезный Блентъ,
Найдите средство повидаться съ нимъ—
Едва возможно это безъ особой
Опасности—и передайте лорду
Вотъ эту важную бумагу!.. (*Передастъ ему бумагу*).

Блентъ.— Пусть
Лишуся жизни я,—а передамъ!
Покойной ночи, лордъ!.. (*Уходитъ*).

Ричмондъ.— Покойной ночи,
Безцѣнный капитанъ!—Пойдемте-жъ, лорды,
Подумаемъ о завтрашнихъ трудахъ
Въ моей палаткѣ!.. Я совсѣмъ озябъ!.. (*Уходятъ въ палатку*). (*Въ палатку Ричарда входятъ: онъ самъ, Норфолькъ, Ратклифъ и Кэтзби*).

Король Ричардъ.—Который часъ?

Кэтзби.— Часъ ужина, милордъ:
Девятый...

Король Ричардъ.—Ѣсть я не хочу!—Подайте
Мнѣ поскорѣй бумаги и чернилъ.
Исправили-ль мой шлемъ и легче-ль сталъ онъ?
Внесли-ль мое оружіе въ палатку?..

Кэтзби.—Все внесено и все готово, лордъ.
Король Ричардъ.—Любезный Норфолькъ, ты иди на мѣсто,
Тебѣ назначенное. Не зѣвай
И выбери надежныхъ часовыхъ.
Норфолькъ.—Иду, милордъ.
Король Ричардъ.— Пораньше, на зарѣ,
Проснися съ ласточками, добрый Норфолькъ.
Норфолькъ. — Богъ да хранитъ васъ, мой властитель!
(Уходитъ).
Король Ричардъ.— Ратклифъ!
Ратклифъ.—Милордъ!
Король Ричардъ.—Пошли гонца скорѣе къ Стэнли,
Вели сказать ему, чтобъ онъ явился
Съ своимъ отрядомъ до восхода солнца,—
Когда не хочетъ, чтобъ единый сынъ
Его сокрылся въ бездну вѣчной ночи! *(Кэтзби).*
Дай мнѣ вина, да принеси ночникъ.
А къ утру, къ битвѣ, осѣдлать мнѣ Сёрри *).
Да чтобъ древки монхъ завѣтныхъ коній
Не тяжелы и крѣпки были!—Ратклифъ!
Ратклифъ.—Милордъ!
Король Ричардъ.—Угрюмаго Нортумберлэнда
Ты видѣлъ нынче?
Ратклифъ.— Около зари
Вечерней видѣлъ я, какъ онъ, а съ нимъ
И Томасъ Сэрри, обходилъ ряды
Всей арміи, одушевляя храбрыхъ
Солдатъ.
Король Ричардъ.—Я имъ доволенъ!—Дай мнѣ кубокъ
Вина.—Не знаю почему, но только
Я нынче какъ-то вялъ и несвободенъ
Душой... Поставь его... А гдѣ-жъ бумага
И перья?..
Ратклифъ.— Здѣсь, милордъ.
Король Ричардъ.— Вели же стражѣ
Моей не спать. Теперь оставь меня.—
Часу въ двѣнадцатомъ опять въ палатку
Мою приди: ты мнѣ тогда поможешь
Надѣть оружіе.—Иди же съ Богомъ.

---

*) *Surrey* имя Ричардова *историческаго коня.*

(Ратклифъ и Кэтэби уходятъ.—Палатка Ричарда закрывается.—Палатка Ричмонда открывается, и въ ней видны онъ и другіе лорды. Входитъ Стэнли).

Стэнли.—Побѣда и покой да увѣнчаютъ
Твой шлемъ!

Ричмондъ.—Все доброе, что̀ принесетъ
Намъ эта ночь,—тебѣ, мой благородный
Отецъ!—Скажи, здорова ли моя
Старушка мать?

Стэнли— Она мнѣ поручила
Тебя благословить; ея моленья
И день, и ночь на небо за тебя
Несутся... Но оставимъ это...—Время
Безмолвное летитъ, и непримѣтно
Уже рѣдѣетъ пасмурный востокъ.
Итакъ, чѣмъ кратче и скорѣй, тѣмъ лучше:
Веди войска, едва забрезжетъ день,
И пусть судьбу твою рѣшаетъ воля
Оружія и смертоносной битвы.
Я жъ, если только будетъ можно мнѣ
(Затѣмъ что такъ, какъ я желаю, врядъ-ли
Возможно будетъ), постараюсь всѣмъ
Воспользоваться и къ тебѣ на помощь
Явлюся въ мигъ рѣшительнаго боя!..
Я не могу спѣшить съ такимъ рѣшеньемъ:
Стань я до времени въ твои ряды,
И брата твоего казнятъ въ глазахъ
Отца!.. Прощай же!—Общая опасность
И краткость времени не позволяютъ
Намъ высказать священныхъ нашихъ чувствъ,
Мѣшаютъ нашей сладостной бесѣдѣ
И отравляютъ счастіе свиданья
Друзей, томившихся въ разлукѣ мрачной.
Да ниспошлетъ Господь намъ наконецъ
Досугъ для свѣтлыхъ изліяній дружбы!..
Еще—прощай, мой сынъ!—Будь храбръ и счастливъ.

Ричмондъ.—Милорды, потрудитесь проводить
Его... А я немного отдохну
И успокою легкою дремотой
Встревоженныя мысли, чтобъ назавтра,
Когда придется мнѣ летать на крыльяхъ

Побѣды,—сонъ меня не подавилъ
Своей свинцовой тяжестью!.. Милорды,
Еще желаю вамъ спокойной ночи! (*Лорды уходятъ вмѣстѣ съ Стэнли*).
О! Господи! Какъ полководецъ Твой,
Молю Тебя, взгляни могучимъ окомъ
На воинство мое... Вложи въ его
Десницу острое желѣзо гнѣва,
Чтобы подъ тяжестью его ударовъ
Распались шлемы хищниковъ-враговъ!..
Дай намъ свершить Твою святую кару,
Прославить на землѣ Твою побѣду!..
Тебѣ я поручаю бодрый духъ мой,
Пока мои рѣсницы не сомкнулись...
Своимъ покровомъ осѣни меня—
И спящаго, и въ битвѣ роковой!.. (*Засыпаетъ*).

(*Въ серединѣ, между открытыхъ палатокъ Ричарда и Ричмонда, является тѣнь принца Эдуарда, сына Генриха Шестого*).

Тѣнь Эдуарда (*Ричарду*).—Тяжелымъ гнетомъ на душу твою
Налягу завтра я! Припомни, ты
При Тьюксбери меня зарѣзалъ въ цвѣтѣ
Моей весны!—Отчайся-жъ и умри! (*Ричмонду*).
Мужайся, Ричмондъ! Души гнѣвныхъ принцевъ,
Убитыхъ, явятся тебѣ на помощь!
Тебя, достойный Ричмондъ, ободряетъ
Сынъ Генриха, покойнаго монарха! (*Является тѣнь Генриха Шестого*).

Тѣнь Генриха (*Ричарду*).—Когда я былъ въ числѣ печальныхъ смертныхъ,
Ты истерзалъ помазанное тѣло
Мое смертельными мечами! Вспомни
Ужасный Тоуэръ! Вспомни короля!
Отчайся и умри! Покойный Генрихъ
Передъ тобой; отчайся и умри! (*Ричмонду*).
Ты-жъ, добродѣтельный и кроткій, встань
И побѣждай! Король, тебѣ корону
Предсказывавшій, говоритъ во снѣ
Съ тобой теперь: живи и процвѣтай! (*Является тѣнь Кларенса*).

Тѣнь Кларенса (*Ричарду*).—Тяжелымъ гнетомъ на душу твою

Паляжетъ поутру несчастный Кларенсъ,
Замытый до-смерти твоимъ винóмъ
Противнымъ, низостью твоей убитый!.. *)
Въ часъ битвы, завтра, вспомнишь ты его,
И мечъ иступленный покинетъ руку...
Отчайся и умри!—(*Ричмонду*).
А за тебя,
Ланкастерова отрасль, молятъ души
Убитаго потомства Іорка! Небо
И ангелы да поведутъ къ побѣдѣ
Твои ряды! — Живи и процвѣтай! (*Являются тѣни Риверса, Грея и Вогэна*).

Тѣнь Риверса (*Ричарду*).—Тяжелымъ гнетомъ на душу твою,
Близъ Помфрета, убитый Риверсъ ляжетъ...
Страдай, не спи!—Отчайся и умри!

Тѣнь Грея (*Ричарду*). — Припомни Грея, — и твой алчный духъ
Отчаянье пугливое задушитъ!..

Тѣнь Вогэна (*Ричарду*).—Вогэна вспомни и покинь отъ страха
Свое копье! — Отчайся и умри!—(*Всѣ три тѣни вмѣстѣ Ричмонду*).
Вставай! проснись! Сознанье нашей смерти
Уже вонзилось въ Ричардову грудь...
Внимай и пробуждайся для побѣды!—(*Является тѣнь Гэстингса*).

Тѣнь Гэстингса (*Ричарду*). — Кровавый и преступный, преступленья
Исполненный, просыпайся! Бой
Кровавый да окончитъ жизнь твою...
Припомни Гэстингса, умри, отчайся! (*Ричмонду*).
Ты-жъ, безмятежная душа, вставай,
Вооружись, кидайся въ бой могучій—
И побѣждай для благъ твоей отчизны!—(*Являются тѣни двухъ молодыхъ сыновей короля Эдуарда*).

Тѣни (*Ричарду*).— Малютокъ, въ Тоуэрѣ тобой убитыхъ,
Припомни въ сновидѣньѣ, Ричардъ! Въ грудь
Твою зальемъ мы свинцомъ тяжелымъ,
На твой позоръ, тоску и гибель!—Души

---

*) Здѣсь намекается на смерть Кларенса, утонувшаго въ бочкѣ вина мальвазіи.

Племянниковъ взываютъ предъ тобой:
Отчайся и умри, коварный Ричардъ! (*Ричмонду*).
Ты-жъ, Ричмондъ, спи спокойно! Ты проснешься
Для радостей! И ангелы святые
Тебя отъ вепря охранятъ!.. Живи—
И длинный рядъ царей твое потомство
Украситъ славою великихъ дѣйствій!
Несчастные малютки Эдуарда
Къ тебѣ взываютъ: царствуй и живи! — (*Является тѣнь королевы Анны*).

Тѣнь Анны (*Ричарду*).—Твоя жена, бездушный Ричардъ, Анна
Несчастная твоя, на грѣшномъ ложѣ
Незнавшая съ тобой покоя,—сонъ твой
Теперь тревожитъ... Завтра, въ мигъ сраженья,
Припомни обо мнѣ и урони
Иступленный свой мечъ... Умри, отчайся! (*Ричмонду*).
Ты-жъ, мирная душа, спокойно спи,
Пусть грезится тебѣ успѣхъ, побѣда...
Жена врага тебѣ желаетъ счастья! (*Является тѣнь Бокингэма*).

Тѣнь Бокингэма (*Ричарду*).—Я первый помогалъ тебѣ добыть
Корону и послѣдній умерщвленъ
Твоимъ злодѣйствомъ! Но, въ кровавой сѣчѣ,
Ты вспомнишь Бокингэма и—умрешь
Отъ ужаса свершенныхъ преступленій! —
Спи, спи! пусть смерть и кровь тебѣ приснятся...
Измученный, отчаяньемъ терзайся
И подъ ярмомъ отчаянья задохнись!.. (*Ричмонду*).
Меня сразила смерть, я не успѣлъ
Тебѣ помочь; но ободрися, Ричмондъ,
И веселись душой!—Господь и лики
Его архангеловъ на сторонѣ
Твоей сразятся, а надменный Ричардъ
Падетъ,—падетъ въ пылу своей гордыни!
(*Тѣни исчезаютъ. Ричардъ пробуждается въ ужасѣ*).

Король Ричардъ.—Коня другого мнѣ!.. Перевяжите
Мнѣ раны!.. Господи, умилосердись!..
Что-жъ это?—Небо!..—Это только сонъ!!—
О, трусъ негодный, совѣсть, какъ ты мучишь
Меня?!—Ночникъ трепещетъ синимъ свѣтомъ...
Теперь глухая полночь... Капли пота

Бѣгутъ съ испуганнаго тѣла... Странно!
Чего боюся я?—Себя?—Здѣсь нѣтъ
Лица живого, кромѣ самого
Меня... А Ричардъ Ричарда такъ любитъ!—
Все я, все тотъ же я!!—Здѣсь нѣтъ убійцы!—
Какъ нѣтъ?—А я?.. Бѣги же поскорѣй!..
Отъ самого себя?—Какая нужда?
Чтобъ я не отомстилъ!.. Кому? Еще бы!..
А самому себѣ?.. Нѣтъ, я люблю
Себя.—За что-жъ себя ты любишь?—Вѣрно,
За что-нибудь хорошее, что я
Доставилъ самому себѣ?—О! нѣтъ!
Нѣтъ, я себя скорѣе ненавижу
За преступленія мои!—Злодѣй ты!!
Нѣтъ, врешь! я вовсе не злодѣй!.. Глупецъ,
Ты самого себя чернить не смѣешь!
Глупецъ! не льсти себѣ!—Мое сознанье
Владѣетъ тысячами языковъ...
У каждаго изъ нихъ есть обвиненье,
И каждое изъ этихъ обвиненій
Клеймитъ меня злодѣемъ и убійцей!..
Да! Я клятвопреступникъ, страшный извергъ!
Убійца я, безжалостный убійца,
И въ высочайшей степени убійца!!
Злодѣйства безобразныя, грѣхи,
Свершенные въ безчисленныхъ оттѣнкахъ
Моей рукой, толпятся передъ тропомъ
Судьи небеснаго и восклицаютъ:
«Виновенъ ты! виновенъ!»—Какъ же мнѣ
Не потеряться?.. Нѣтъ созданья въ мірѣ,
Которое бы Ричарда любило!
Погибну я, и ни одна душа
Не станетъ обо мнѣ жалѣть и плакать.
Да и къ чему жалѣть имъ, если самъ я
Себя ни мало не жалѣю?—Мнѣ
Пригрезилось, что души всѣхъ убитыхъ
Моимъ стараніемъ къ моей палаткѣ
Слетались и каждая отмщенье
На голову убійцѣ призывала!.. *(Входитъ Ратклифъ).*

Ратклифъ.—Милордъ!

Король Ричардъ.—Кто тутъ?!

Ратклифъ.— Я, Ратклифъ!—Ранній сельскій
Пѣтухъ уже два раза прокричалъ,
Привѣтствуя зарю, и всѣ друзья
Монарха нашего вооружились...
Король Ричардъ.—О! Ратклифъ! я ужасный видѣлъ сонъ.
Какъ полагаешь ты, друзья мои
Намъ не измѣнятъ?
Ратклифъ.— Безъ сомнѣнья, нѣтъ,
Милордъ!
Король Ричардъ.—О! Ратклифъ! Я боюсь, боюсь...
Ратклифъ.— Возможно-ль призраковъ бояться, ваше
Величество?
Король Ричардъ.—Клянуся Павломъ, въ эту
Глухую полночь тѣни мертвецовъ
Такъ ужаснули Ричардову душу,
Какъ не удастся ужаснуть ее
И десяти полкамъ живыхъ солдатъ,
Закованныхъ въ желѣзо, предводимыхъ
Надменнымъ Ричмондомъ!.. Еще пока
Не разсвѣло.—Пойдемъ со мною, Ратклифъ. *(Уходитъ съ Ратклифомъ).*
(Въ палатку Ричмонда входятъ: Оксфордъ и другіе лорды).
Лорды.—Пріятнаго утра, лордъ Ричмондъ.
Ричмондъ *(просыпаясь).*— Лорды
И джентельмены, извините! Я,
Лѣнтяй, сегодня заспался совсѣмъ!..
Лорды.—Какъ почивали вы, милордъ?
Ричмондъ.— Чудесно!
Прекраснѣйшіе сны, какіе только
Когда-нибудь въ усталой головѣ
Являлись, съ той поры, какъ вы ушли,—
Меня не покидали! Мнѣ казалось,
Что души Ричардовыхъ бѣдныхъ жертвъ
Слеталися къ моей палаткѣ, громко
Взывая: встань и побѣждай!—Клянусь,
Моя душа наполнена восторгомъ!..
Который часъ теперь, милорды?
Лорды.— Скоро
Четыре.
Ричмондъ.— Такъ пора вооружаться

И строить наши храбрые ряды. *(Подходитъ къ войску).*
Друзья и земляки! Распространяться
О томъ, что я уже повѣдалъ вамъ,
Не позволяютъ мнѣ ни время наше,
Ни наши нужды,—помните одно:
Господь сражается за наше дѣло,
И теплыя молитвы райскихъ душъ
Окопами предъ нашими рядами
Стоятъ!—Сердца озлобленныхъ враговъ,
За исключеньемъ Ричарда, желаютъ
Побѣды намъ, а не вождю дружинъ
Своихъ!.. И въ самомъ дѣлѣ, джентельмены,
Кто предводитель ихъ?.. Тиранъ, убійца,
Возвысившійся кровью и на тронъ
Въ крови взошедшій!.. Не щадилъ онъ средствъ
Для достиженья цѣли и губилъ
То самое, что подавало средства
Его трудамъ!.. Простой, фальшивый камень,
Сверкающій алмазомъ потому,
Что вмѣсто фольги у него—корона
Британіи, похищенная имъ!..
Онъ—врагъ небесъ, и если вы пойдете
На Божьяго врага, Господь укроетъ
И защититъ поборниковъ своихъ!
Устанете, свергая супостата,—
Заснете мирно, побѣдивъ его...
Сразитеся съ врагомъ отчизны вашей—
И благо земляковъ вознаградитъ
Васъ за труды.—Возстаньте на защиту
Несчастныхъ женъ, и жены встрѣтятъ васъ,
Какъ побѣдителей, въ тріумфѣ мирномъ!..
Избавьте отъ меча дѣтей-малютокъ,
И ваши дѣти, и родные внуки
Вознаградятъ васъ въ старости за это!..
Итакъ, во имя Бога и святыхъ
Его законовъ, распускайте ваши
Побѣдныя знамёна,—на-голо
Ретивые мечи!.. Когда, друзья,
Неправо дѣло наше, пусть мой трупъ
Холодный на холодную равнину
Падетъ наградою моихъ желаній!—

Когда-жъ удастся мнѣ, успѣхъ побѣды
Я раздѣлю съ послѣднимъ изъ моихъ
Сподвижниковъ!.. Гремите-жъ, барабаны,
И потрясайте воздухъ сонный, трубы,
Веселіемъ и храбростью!.. Святой
Георгій! Небо!—Ричмондъ и побѣда! *(Уходятъ).*
(Снова являются: Ричардъ, Ратклифъ, свита и войско Ричарда).

Король Ричардъ.—Что говоритъ о Ричмондѣ суровый
Нортумберлэндъ?

Ратклифъ.— Что онъ прямой невѣжда
Въ военномъ дѣлѣ.

Король Ричардъ.— Это правда. Что же
Ему сказалъ на это Сэрри?

Ратклифъ.— Онъ
Сказалъ съ улыбкою: «Тѣмъ лучше, лордъ,
Для насъ!»

Король Ричардъ.—И это правда! Безъ сомнѣнья! *(Бьютъ часы).*
Сочтите-ка часы, да календарь
Подайте мнѣ.—Кто видѣлъ нынче солнце?

Ратклифъ.—Я не видалъ...

Король Ричардъ.— Такъ, значитъ, намъ оно
Свѣтить не хочетъ нынче!.. Въ этой книгѣ
Написано, что цѣлый часъ уже
Оно должно блестѣть на горизонтѣ;
Кому-то нынче будетъ черный день!..
Лордъ Ратклифъ!..

Ратклифъ.— Государь!

Король Ричардъ.— Сегодня солнце
Совсѣмъ не хочетъ показаться... Мрачно
Нависло небо гнѣвное надъ нашимъ
Отрядомъ.—Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ эт
Слезливая роса исчезла съ поля...
Не разсвѣтаетъ!.. Впрочемъ, что-жъ такое?
Не я одинъ, и Ричмондъ погруститъ!
Нахмуренное надо мною небо—
И надъ его померкло головой!.. *(Входитъ Норфолькъ).*

Норфолькъ.—Къ оружію, къ оружію, король!..
Враги уже несутся по равнинѣ...

Король Ричардъ.—Скорѣй—тревогу!.. Мнѣ копя взнуздать!
Сказать милорду Стэнли, чтобъ придвинулъ

Онъ свой отрядъ! —Я въ поле поведу
Войска и такъ устрою планъ сраженья:
Передовыя линіи, изъ равныхъ
Частей пѣхоты и отрядовъ конныхъ,
Подъ предводительствомъ милорда Сэрри
И Норфолька, растянутся фалангой.
Стрѣлки займутъ средину. Между тѣмъ,
Я съ главной силой выступлю за ними,
И сильный центръ пѣхоты окрылится
Блестящей конницей! —Святой Георгій
И это все—помогутъ намъ! Какъ ты
Объ этомъ думаешь, достойный Норфолькъ?

Норфолькъ.—Прекрасное распоряженье, храбрый
Король... Но вотъ что я нашелъ зарей
Сегодня около моей палатки. *(Подаетъ ему свитокъ).*

Король Ричардъ *(Читаетъ).*—
... «Джонъ Норфолькъ, дружище, смотри, не храбрись!
«Твой Диконъ *) ужъ преданъ и проданъ, очнись!..»
Все это выдумки враговъ презрѣнныхъ!...
Впередъ же, джентльмены! По мѣстамъ!
Не позволяйте говорливымъ грезамъ
Тревожить волю... Смѣло же впередъ
И прямо въ схватку, на смертельный бой!..
Что вамъ сказать еще?! —Вы не забудьте,
Съ кѣмъ вы ведете бой!.. Съ толпой бродягъ,
Бездѣльниковъ, воровъ и бѣглецовъ,
Съ презрѣнной накипью Бретани, съ гнусной
Толпой рабовъ, которыхъ бѣдный край
Извергнулъ изъ себя искать по свѣту
Достойной гибели и приключеній! —
Вы спали мирно, но они явились
Лишить васъ сна! У васъ есть земли, вы
Имѣете прекрасныхъ женъ, и вотъ
Имъ хочется лишить васъ блага первыхъ
И честь послѣднихъ опозорить!.. Кто
Ведетъ ихъ полчища?—Дряннной мальчишка,
Откормленный въ Бретани нашимъ хлѣбомъ...
Молокососъ, котораго нога
Всю жизнь его не уходила въ снѣгъ

*) *Диконъ* - старинное фамильярное искаженіе имени Ричарда.

За щиколотку, выше башмака!..
Отбросимъ эту сволочь снова въ море...
Очистимъ родину отъ бѣглецовъ
Французскихъ, этихъ жадныхъ попрошаекъ,
Которымъ жизнь давно ужъ надоѣла...
Не соблазняй коварный ихъ успѣхъ,—
Давно бы ужъ повѣсились крысы
Отъ недостатка средствъ къ существованью!
Ужъ если пасть и быть побѣждену,
Пускай, друзья, насъ побѣждаютъ мужи,
А не гнилые выродки Бретани,
Которыхъ наши дѣды, въ ихъ же бѣдной
Странѣ, такъ знатно колотили, били
И, въ завершенье радостнаго дѣла,
Еще такимъ потомствомъ наградили!..
Ужели эта сволочь завладѣетъ
Землями нашими, ужель отниметъ
Она у насъ супругъ и дочерей?.. *(Вдали раздается глухой барабанный бой).*
А!.. Слышите, милорды?.. Барабаны!
Ихъ барабаны!!—Джентльмены, въ битву!—
Впередъ, впередъ, безстрашные драбанты!..
Стрѣлки, прицѣливайтесь прямо въ лобъ!
Пришпоривайте вашихъ скакуновъ...
Въ крови купайтеся и ужасните
Небесный сводъ обломками мечей! *(Входитъ гонецъ).*
Что-жъ Стэнли? Гдѣ его отрядъ могучій?

Гонецъ.—Милордъ... Онъ отказался вамъ служить!..

Король Ричардъ.—Долой же голову родному сыну
Его! Долой немедленно!

Норфолькъ.— Милордъ,
Врагъ перешелъ уже болота наши...
Отсрочьте казнь до окончанья битвы!

Король Ричардъ.—О!.. Тысяча сердецъ теперь трепещетъ
Въ моей груди!—Знамена,—на врага,—
Впередъ!—Нашъ старый, громоносный возгласъ:
«Святой Георгій!» да вдохнетъ въ сердца
Моихъ друзей огонь драконовъ лютыхъ...
Впередъ, и да вѣнчаетъ насъ побѣда!—*(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Другая часть поля. — Смятеніе. — Шумъ битвы. — Стычки. — Входятъ: съ одной стороны Норфолькъ съ войскомъ, съ другой—Кэтзби.

Кэтзби.—Спасайтеся, лордъ Норфолькъ! Поскорѣй
Бѣгите!.. Ричардъ чудеса творитъ!
Кидается въ опаснѣйшія схватки...
Подъ нимъ убили лошадь,—онъ одинъ
Дерется, пѣшій... И въ объятьяхъ смерти
Повсюду ищетъ Ричмонда! Спѣшите,
Милордъ, иль этотъ день навѣкъ потерянъ!.. *(Смятеніе.—Вбѣгаетъ король Ричардъ).*

Король Ричардъ.—Коня!—Коня!!—Все царство за коня! —

Кэтзби.—Бѣгите, государь! Я тотчасъ вамъ
Добуду лошадь...

Король Ричардъ.— Рабъ!! Я жизнь мою
Поставилъ на игру судьбы—и смѣло
Взгляну въ глаза неумолимой смерти!
Въ сраженіи—шесть Ричмондовъ, навѣрно!!
Я пятерыхъ убилъ,—а онъ все живъ!!
Коня! — Коня!! — Все царство за коня!! — *(Уходитъ).*
(Шумъ битвы.—Король Ричардъ и Ричмондъ входятъ и уходятъ, сражаясь другъ съ другомъ.—Отступленіе.—Трубы.—Возвращаются: Ричмондъ, Стэнли съ короной, многіе другіе лорды и войско).

Ричмондъ.—Хвала Творцу и вашему оружью,
Побѣдоносные мои друзья!..
День—вашъ!..

Стэнли.— Достойный Ричмондъ, ты раскрылъ
Намъ доблести души твоей! Внимай!
Вотъ тотъ вѣнецъ, которымъ долго такъ
Владѣли хищники... Я снялъ его
Съ безжизненной, кровавой головы,
Чтобы твое чело украсить имъ...
Носи-жъ его! Владѣй имъ по закону
И возвышай его твоею славой!

Ричмондъ.—Великій Богъ да скажетъ намъ на это:
Аминь!—Скажите, живъ ли вѣрный сынъ
Милорда Стэнли?—

Стэнли.— Живъ, но онъ теперь
Покуда въ Лестерѣ... Когда угодно
Вамъ, лордъ, и мы отправимся туда!..
Ричмондъ. —Кто изъ людей извѣстныхъ палъ въ сраженьи
У васъ и у враговъ?..
Стэнли.— Лордъ Вальтеръ Феррерсъ,
Сэръ Робертъ Бракенбери, Вильямъ Брандонъ
И герцогъ Норфолькъ!..
Ричмондъ. — Схоронить тѣла ихъ
Со всею почестью, приличной сану
И ихъ рожденью!—Объявить прощенье
Всѣмъ воинамъ бѣжавшимъ, если только
Они опять съ повинной головой
Вернутся къ намъ! Теперь соединимъ,
Какъ клятвенно и причастившись тайнъ
Святыхъ мы вамъ ужъ обѣщали, вмѣстѣ —
И *бѣлую*, и *пурпурную* розу!
Да улыбнутся небеса на ихъ
Союзъ; такъ долго хмурились они
На ихъ вражду!—И кто, услышавъ это,
Не скажетъ намъ: аминь,—того я прямо
Измѣнникомъ бездушнымъ назову!—
Да, долго Англія сама себя
Терзала и неистово бѣсилась!..
Въ безумномъ ослѣпленьи братъ на брата
Вставалъ и проливалъ родную кровь...
Отецъ тиранилъ сына, сынъ мятежный
Шелъ въ палачи родимаго отца...
Да прекратятся же раздоры Іорка
Съ Ланкастеромъ—въ святомъ соединеньи
Елисаветы съ Ричмондомъ, законныхъ
Наслѣдниковъ вѣнчаннаго семейства!—
Соедини ихъ, Боже милосердый!
И пусть потомство ихъ,—когда потомство
Ты имъ пошлешь,—грядущіе вѣка
Обиліемъ, отрадою, весельемъ
И благодатнымъ миромъ увѣнчасть!
Владыко всемогущій! Преломи
Оружіе измѣны, если ей
Захочется былое возвратить
И затопить потокомъ слезъ и крови

Родную Англію, отчизну нашу!..
Владыко праведный, не дай злодѣямъ,
Которые задумаютъ нарушить
Священный миръ, вкусить отраду мира!
Все обновится!.. Раны нашихъ смутъ
Закроются незримо, заживутъ!..
И Царь небесъ на нашъ святой восходъ
Спасительный аминь произнесетъ!..

Занавѣсъ опускается.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

I.

ХУТОРОКЪ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

(Родина Н. В. Гоголя).

Покинувъ придонецкія равнины, я отправился въ Миргородъ. Не доѣзжая до Коломака, я свернулъ вправо, по пути къ мѣсту, манившему мое воображеніе еще съ раннихъ лѣтъ моего дѣтства. «Когда кто изъ васъ будетъ въ нашихъ краяхъ»,—писалъ веселый *пасѣчникъ*, издавая въ свѣтъ свои *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*, — «то заверните ко мнѣ: я васъ нашею удивительнымъ грушевымъ квасомъ!..» Это наивное приглашеніе очень меня заняло; но исполнить его я не могъ. Во время выхода въ свѣтъ «Вечеровъ», у меня былъ одинъ только конь — липовая вѣтка, на которой я галопировалъ по саду, и отлучался я тогда изъ родительскаго дома не далѣе вѣтряной мельницы, скрипъ тяжелыхъ крыльевъ которой слышался въ моей дѣтской комнатѣ... И грустно мнѣ было, что не могу я поѣхать къ доброму пасѣчнику, который своими разсказами плѣнялъ и, вмѣстѣ, пугалъ меня, не менѣе своихъ внуковъ. И былъ я въ полной увѣренности, что существуетъ на свѣтѣ хуторъ, гдѣ, при дрожащемъ свѣтѣ каганца, старый дѣдушка сидитъ по длиннымъ зимнимъ вечерамъ и сказываетъ, не умолкая, свои плѣнительныя, чудныя повѣсти. Передо мною ясно совершалась исторія «красной свитки» въ «Сорочинской ярмаркѣ», проходила тихая и задумчивая утопленница «Майской Ночи» и возставала на далекихъ Карпатскихъ горахъ фигура ледяного всадника въ «Страшной Мести»... И вотъ теперь, черезъ много лѣтъ, когда мы уже оплакали Рудаго-Панька, когда

уже нѣтъ его на свѣтѣ и опустѣлъ безъ него его родимый хуторъ, я ѣхалъ въ этотъ хуторъ...

Дорога изъ Колонтая, черезъ Опошню, идетъ роскошными Кочубеевскими степями. Степи еще не видѣли въ это лѣто косы и пышно разстилали ковры своихъ цвѣтовъ. Цвѣты качались тихо на стебелькахъ и струили благоуханія... Былъ полдень, и голова кружилась отъ ихъ опьяняющаго курева...

Лошади шли почти шагомъ, срывая на ходу головки бѣлой кашки и махровыхъ султанчиковъ. Изъ телѣжки, почти не нагибаясь, я нарвалъ букетъ зинзивера, смолки и шевліи: такъ высока была украинская трава! Солнце было подернуто бѣлымъ, тусклымъ паромъ; но это не мѣшало богатой зелени горѣть своими яркими нарядами. Подъ вліяніемъ воспоминанія о картинахъ степной природы въ «Тарасѣ Бульбѣ», я смотрѣлъ на окрестность. Роскошные кусты репейника, съ пышными, алыми, какъ макъ, головками, стояли густыми кучами, будто косари въ пунцовыхъ шапкахъ, держа въ рукахъ свои колючія косы. Цѣлая поляна дикой пшеницы просвѣчивала на солнцѣ тонкими, шелковистыми стеблями, нагнувшими къ землѣ свои золотые колосья. У самой дороги, по полянѣ, убранной серебряною тканью ковыля, на сочныхъ, четыреугольныхъ стволахъ, поднимались изъ земли странныя, фантастическія травы. Лѣнивая дрофа, съ полузажмуренными глазами, пробираясь сквозь ихъ высокіе стволы, шагала на красныхъ лапкахъ почти у самой телѣги. И цѣлый міръ кузнечиковъ трепеталъ въ воздухѣ, падалъ, опять поднимался и летѣлъ, то алыми, то голубыми, то бирюзовыми ракетами, надъ чудною картиною нескошеннаго луга; то была фантастическая, причудливая, невѣроятная картина, родъ празднества, родъ пышнаго, торжественнаго сборища всевозможныхъ степныхъ цвѣтовъ и травъ. Самое скромное и неприхотливое воображеніе, при видѣ этого міра и этой жизни, родило бы цѣлый рядъ прелестныхъ образовъ. Алые, фіолетовые, бѣлые, какъ пѣна, махровые, стрѣльчатые, длинные, широкіе, словомъ, всевозможные цвѣты устилали лугъ... Онъ мнѣ казался раутомъ сказочнаго дворца, и въ тонкихъ очертаніяхъ травъ, сквозившихъ лучами выглянувшаго солнца, видѣлъ я образы легкихъ, граціозныхъ и нарядныхъ красавицъ... Я былъ въ сладкомъ и нескончаемомъ сновидѣніи...

У встрѣчавшихся жнецовъ я спрашивалъ: «Гдѣ хуторъ Гоголя?»

— Хуторъ Гоголя?.. — спрашивали меня въ свой чередъ добрые казаки съ удивленіемъ:—не знаемъ!

— Ахъ! я забылъ: хуторъ Яновскаго!

— А, Яновскаго, знаемо, пане, знаемо! Ось вамъ дорога!..

И мнѣ указывали дорогу къ Рудому Паньку, къ Яновскому-Гоголю, на хуторъ *Яновщину*.

Отъ самой Опошни и вплоть до села Воронянщины, я былъ свидѣтелемъ картины истинно-степной, истинно-хуторянской. Ѣхалъ я, по причинѣ нестерпимаго жара, всю дорогу почти шагомъ. Всю дорогу за мною, на волахъ, сидя на возу съ корзинами спѣлой шелковицы, ѣхалъ толстый казакъ, свѣсивъ ноги съ воза, лѣниво сгорбясь и наклонивъ сонную голову на грудь. Онъ ѣхалъ, покачиваясь на возу, и пѣлъ, пѣлъ онъ все одно и то же, пѣлъ слѣдующія слова, повидимому, начало любимой своей пѣсни:

«Якъ булы въ кума бжолы!
Ой... та булы... въ кума... б-ж-о-лы!»

Онъ пѣлъ энергически первую строку, начало второй — слабѣе, а конецъ второй строки уже пѣлъ заснувши. Встрѣчавшійся толчокъ будилъ его, и онъ снова пѣлъ одно и то же, съ тѣми же пріемами, засыпалъ при словѣ «Ой!.. та булы въ кума б-ж-о-лы!» и, проснувшись на толчкѣ, опять принимался за старое...

Узнавъ отъ него интересную новость, что «были у кума пчелы», я думалъ, что онъ повѣдаетъ мнѣ при этомъ новость и полюбопытнѣе; ничуть не бывало: онъ пѣлъ двадцать верстъ одно и то же! Это мнѣ надоѣло, и я поѣхалъ рысью. Но, проѣхавъ верстъ пять, я раздумалъ, и мысль— не услышу ли я конца интересной пѣсни казака, заставила меня поѣхать снова тише. Я поѣхалъ тише, казачьи волы скоро меня догнали, и я опять услышалъ пѣсню ихъ хозяина... Увы! я не узналъ отъ него болѣе того, что «были у кума пчелы»!

До хутора Яновщины оставалось три версты; онъ былъ спрятанъ за косогоромъ. Все здѣсь уже вѣяло и «Старосвѣтскими помѣщиками», и садомъ Плюшкина, и птичьими дворами Коробочки. Наивно-роскошныя картины жизни ху-

торянъ тѣснились вокругъ меня. Я вспомнилъ разсказъ одного моего знакомаго. Этотъ знакомый, пріѣхавъ на станцію возлѣ Миргорода, отправился на постоялый дворъ и, къ прискорбію своему, узналъ, что тамъ ничего не готовили съѣстного. Въ досадѣ онъ кликнулъ хозяина.

— Нѣтъ ли у васъ хоть яичницы?

— Я-съ... къ вашимъ услугамъ... я самъ... *Яичница*!

Это была точно фамилія содержателя постоялаго двора, и мой знакомый примирился со скудостію его припасовъ, вспомня о героѣ «Женитьбы».

Не доѣзжая двухъ верстъ до Яновщины, я остановился въ чистенькой хатѣ, на хуторѣ Воронянщина, по причинѣ соскочившей гайки съ колеса моего экипажа, которую пошли отыскивать. Хозяйка хаты съ груднымъ ребенкомъ стала у дверей и пустилась меня разспрашивать. Замѣтя ея словоохотливость, я тоже обратилъ къ ней нѣсколько вопросовъ. Она охала, разсказывая о томъ, что теперь уже долго не увидитъ Яновскаго пана.

— И никогда не увидишь...—сказалъ я, съ грустью отвернувшись отъ нея:—развѣ увидишь на томъ свѣтѣ!

— Ни, паночку! то неправда, что говорятъ, будто онъ умеръ! похороненъ не онъ, а одинъ убогій старецъ; а самъ онъ опять поѣхалъ молиться за насъ въ святой Ерусалимъ! Не умеръ онъ, а уѣхалъ, и черезъ одиннадцать лѣтъ опять вернется къ намъ!

Странная вещь: сосѣдніе хуторяне, зная, что Гоголь, около двѣнадцати лѣтъ жившій за границею, часто и надолго отлучался съ родины, снова, впрочемъ, въ нее возвращаясь, — и теперь не хотятъ вѣрить, чтобы онъ умеръ! Многіе изъ нихъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, даже гадали по немъ, ставя на ночь, по своему обычаю, пустой горшокъ и сажая въ него паука. Старинные казаки, гадая на своихъ родичей и ближнихъ, такъ часто въ былыя времена пропадавшихъ безъ вѣсти, при этомъ полагали: если паукъ выльзетъ ночью изъ горшка съ выгнутыми, скользкими стѣнками, то человѣкъ, по которомъ гадали, живъ и возвратится. Паукъ, на котораго было возложено хуторянами рѣшить, живъ ли Рудый-Панько, ночью заткалъ паутиною весь горшокъ и по ней вылѣзъ... Грустно останавливаться на этомъ! Но нельзя не увидѣть, въ странномъ упорствѣ

сосѣдей Гоголя, любви ихъ къ нему. Онъ столько помогалъ имъ совѣтомъ и дѣломъ! Не одинъ изъ грамотеевъ по Миргородской и Рѣшетиловской дорогѣ показывалъ намъ съ гордостью духовно-нравственныя книги, подаренныя ему Гоголемъ, при неоднократныхъ его поѣздкахъ за границу и изъ-за границы. А сколькимъ нуждающимся сосѣдямъ удѣлялъ онъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни, изъ небольшихъ литературныхъ доходовъ своихъ!..

И вотъ, хуторъ *Яновщина* выглянулъ между двухъ отлогихъ холмовъ. Опишемъ вкратцѣ его мѣстоположеніе и прямо перейдемъ къ нѣкоторымъ любопытнымъ свѣдѣніямъ о жизни его покойнаго владѣльца.

Вотъ они, мѣста, въ которыхъ прошло веселое дѣтство Гоголя! Широкая поляна надъ косогоромъ. Справа избы хутора, чистенькія, окрашенныя бѣлою и желтою краскою, въ тѣни прелестныхъ садиковъ; слѣва левада, родъ огромнаго огорода; середина его, обращенная къ хутору, обсажена липами и вербами. Передъ этою оградою каменная церковь съ зеленою крышею. Ограда церкви сдѣлана изъ окрашенныхъ желтою и бѣлою краскою кирпичей; кирпичи сложены въ видѣ рѣшетки, сквозными стѣнами. Церковь между левадою и хуторомъ; противъ нея, примыкая къ хатамъ хутора, съ правой же стороны, новая ограда; за этою оградою панскій деревянный домъ, съ красною крышею, въ одинъ этажъ; направо отъ него флигель, налѣво людскія строенія. За домомъ садъ; за садомъ пруды. За прудами неоглядныя равнины Украинскихъ степей... Я въѣхалъ во дворъ. Сердце сжалось невольною тоскою... По двору бѣгали ребятишки, играя и весело потрясая своими кудрявыми головками. Вѣтеръ волновалъ листья ясеней; кукушка куковала въ купѣ деревьевъ за церковью, и стаи скворцовъ и воробьевъ кружили надъ хатами хутора... Все было полно жизни, все шло своимъ чередомъ... А хозяина этого хутора уже не было въ живыхъ!..

Много въ послѣднее время видѣлъ я людей, истинно горевавшихъ о Гоголѣ, и самъ я горевалъ вмѣстѣ съ этими людьми. Но никогда еще не было мнѣ такъ тяжело, какъ въ то время, когда я увидѣлъ наконецъ *трауръ* и слезы теперешнихъ обывателей Яновщины, — матери и двухъ сестеръ покойнаго Гоголя. Третья сестра Гоголя, еще при жизни его, вышла замужъ и нынѣ находится въ Кіевѣ.

Прежде всего остановимся на *флигелѣ*, который помѣщается на дворѣ, направо отъ дома, такъ какъ въ этомъ флигелѣ, въ свои неоднократные пріѣзды на хуторъ, обыкновенно жилъ и работалъ Гоголь. Здѣсь онъ написалъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ», въ послѣднее свое пребываніе въ Яновщинѣ, въ прошломъ году, съ 20-го апрѣля по 22-е мая. Осенью прошлаго года онъ-было опять переѣхалъ на хуторъ, къ свадьбѣ своей сестры; но остановился въ Тулѣ, провелъ нѣсколько времени въ близлежащемъ монастырѣ и потомъ пріѣхалъ обратно въ Москву, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и скончался.

Флигель — низенькое, продолговатое строеніе съ крытою галлереей, выходящею во дворъ. Ветхія ступени ведутъ на крыльцо; черезъ небольшія сѣни открывается входъ въ пространную комнату, родъ залы, а отсюда въ гостиную. Въ этой комнатѣ, да еще въ кабинетѣ, поочередно работалъ и отдыхалъ Гоголь. Постоянно тревожное состояніе его духа заставляло его мѣнять комнаты своей работы; также точно и спать нѣсколько дней сряду въ одной и той же комнатѣ, какъ намъ говорили, онъ не могъ. Въ гостиной окна выходятъ въ палисадникъ за флигелемъ. Палисадникъ кончается группою тополей; за тополями видъ на избы хутора и на степи. Одно изъ оконъ сдѣлано въ двери, которая ведетъ на балконъ, въ палисадникъ. Здѣсь у двери иногда помѣщалась рабочая конторка автора «Тараса Бульбы», и тогда, во время работы, онъ могъ любоваться видомъ на хуторъ и степи... Кабинетъ находится въ сторонѣ и имѣетъ особый выходъ. Здѣсь болѣе всего оставался покойный авторъ «Ревизора»; въ послѣднее свое пребываніе въ Яновщинѣ, онъ не выходилъ отсюда иногда по цѣлымъ днямъ, являясь въ домъ, къ столь любимой имъ матери, только на нѣсколько минутъ. Это — комната въ десять шаговъ длины и въ четыре шага ширины. Два маленькія окошечка выходятъ во дворъ; между ними помѣщается небольшое зеркальцо; окна завѣшаны бѣлыми кисейными занавѣсками. Влѣво отъ двери — печь; вправо — дубовый шкапъ для книгъ. Шкапъ этотъ заказанъ Гоголемъ въ прошлое лѣто и оконченъ уже безъ него. Влѣво отъ печи — простенькая кровать, покрытая ковромъ. Здѣсь замѣчу, кстати, что Гоголь въ послѣднее время много занимался улучшеніемъ фабрикаціи домашнихъ ковровъ, самъ

рисовалъ по цѣлымъ днямъ узоры для нихъ,—и это занятіе, вмѣстѣ съ разведеніемъ деревьевъ въ саду, составляло главное удовольствіе его въ немногіе часы его отдыха... Надъ кроватью въ углу — образъ св. угодника Митрофана. Наконецъ, спинкой къ забитой двери, между печью и кроватью, помѣщается рабочій столъ Гоголя. Это — на высокихъ ножкахъ конторка съ косою доскою изъ грушеваго дерева, покрытою кожею; на верхней платформѣ ея съ двухъ сторонъ вдѣланы чернильница и песочница. Гоголь за этою конторкой работалъ стоя. Подобный же столъ я видѣлъ у него и въ Москвѣ, въ квартирѣ графа А. П. Толстого (въ домѣ Талызина на Никитскомъ бульварѣ), гдѣ онъ и скончался. На стѣнѣ, возлѣ рабочаго стола, помѣщается привезенный Гоголемъ изъ Италіи нерукотворенный образъ Спасителя, писанный масляными красками.

О домѣ, гдѣ помѣщается теперь семейство покойнаго, мы не можемъ сказать ничего особеннаго. Домъ выстроенъ удобно, даже красиво; выстроенъ такъ, какъ строились въ старину всѣ дома въ украинскихъ селахъ. По стѣнамъ развѣшаны превосходныя старинныя гравюры. Въ залѣ стоитъ рояль, за которымъ въ послѣднее время Гоголь, при помощи своихъ близкихъ знакомыхъ, составлялъ собраніе украинскихъ пѣсенъ съ музыкою. Это собраніе, почти изъ тридцати пѣсенъ, теперь находится, какъ намъ говорили, въ Москвѣ, у Н. С. А—вой, и мы отъ души желаемъ скорѣе увидѣть его въ печати.

Перейдемъ въ садъ, столько занимавшій воображеніе Гоголя. Въ немъ онъ гулялъ, въ немъ обдумывалъ свои поэтическія созданія; въ немъ онъ принималъ немногихъ изъ своихъ близкихъ пріятелей; въ немъ, наконецъ, подъ сѣнью широколиственныхъ кленовъ, посаженныхъ еще дѣдомъ его, переносился воображеніемъ въ сказочныя времена запорожья и гетманщины и обдумывалъ мрачныя и поэтическія натуры героевъ своего «Тараса Бульбы».

Садъ расположенъ во вкусѣ всѣхъ украинскихъ сельскихъ садовъ. Деревья его высоки и тѣнисты. По сторонамъ аллеи, идущей вправо отъ садоваго балкона, Гоголь въ прошломъ году сажалъ молодыя поросли клена и береста. Теперь эти деревца уже укрѣпились и покачиваютъ новыми листиками. Далѣе, за ними, на луговой полянѣ, у корней другихъ деревьевъ, Гоголь посадилъ нѣсколько жолудей.

Изъ жолудей теперь выросли крохотные дубки, родоначальники будущей дубравы, куда, быть можетъ, черезъ много лѣтъ, придутъ новые посѣтители родины нашего поэта, съ новыми надеждами и заботами, и вспомнятъ они того, кто съ такою любовью сажалъ этотъ садъ... Влѣво отъ балкона идетъ другая аллея; здѣсь не такъ нависли дикія, ползучія вѣтви деревъ; здѣсь уже прошелъ заступъ цивилизаціи. Дорожка аллеи, въ два шага шириною, идетъ надъ однимъ прудомъ и упирается своимъ концомъ въ другой, смежный съ нимъ прудъ. По этой дорожкѣ особенно любилъ гулять Гоголь. И до сихъ поръ обитателямъ хутора близъ Диканьки видится порою, въ концѣ этой дорожки, покойный Гоголь въ любимомъ своемъ черномъ плащѣ. Надъ этою дорожкою, на холмѣ, устроена деревянная бесѣдка, разрушенная бурею скоро послѣ отъѣзда Гоголя изъ Яновщины. Тутъ же, недалеко, въ тѣни нависшихъ липъ и акацій, чернѣетъ небольшой гротъ, съ огромнымъ дикимъ камнемъ у входа. На этомъ камнѣ Гоголь игралъ, будучи ребенкомъ трехъ лѣтъ... Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой поры онъ часто садился на этотъ камень и любилъ съ него глядѣть въ свѣтлыя воды сельскаго пруда.

На прудѣ, за садомъ, передъ домомъ, устроена купальня. Къ ней ѣздятъ на маленькомъ двухъ-весельномъ паромѣ. Ее устроилъ для себя Гоголь, но купался въ ней не болѣе трехъ разъ. Такъ же точно, впослѣдствіи, за три мѣсяца до смерти, онъ поступилъ и съ идропатіей. — За прудомъ разстилается широкая, огороженная поляна. У самаго пруда она, благодаря заботливости Гоголя, обсажена деревьями, и въ особенности красива здѣсь недавно-разросшаяся аллея изъ серебристыхъ тополей: покойный ухаживалъ за нею съ самымъ теплымъ участіемъ.

День свой въ Яновщинѣ Гоголь проводилъ такъ. Вставалъ онъ рано; въ воскресенье шелъ въ церковь; въ будни тотчасъ принимался за работу. Работалъ онъ иногда по пяти часовъ сряду и рѣдко выходилъ изъ своего кабинета ранѣе полудня. Онъ шелъ тотчасъ гулять, обыкновенно на поляну за церковью; иногда же въ это время, вплоть до обѣда, гулялъ въ саду. Обѣдая въ своемъ семействѣ, онъ былъ всегда веселъ, шутилъ, смѣшилъ всѣхъ своими импровизированными разсказами и все послѣобѣденное время также оставался въ кругу семейства. Вечеромъ онъ или катался

на паромѣ по прудамъ, или работалъ въ саду, или снова уходилъ въ свой кабинетъ. Ложился онъ спать довольно рано, почти не позже десяти часовъ вечера. Оставаясь среди своего семейства, онъ въ особенности любилъ приниматься за разныя домашнія работы: рисовалъ узоры для ковровъ, кроилъ платья и принималъ участіе въ окраскѣ стѣнъ и въ обойкѣ мебели.

Изъ сосѣдей Гоголя немногіе его посѣщали. Иные боялись обезпокоить его среди литературныхъ занятій, другіе почти никогда не жили въ своихъ помѣстьяхъ, а третьи, по странному мнѣнію о характерѣ сатирическихъ писателей, просто боялись его. Главными собесѣдниками покойнаго изъ сосѣдей его были грамотные хуторяне, убогіе и несчастные разныхъ сословій, которымъ онъ всегда помогалъ, и нѣкоторыя духовныя особы.

Къ украшеніямъ дома Яновщины въ послѣднее время прибавились: портретъ покойнаго, писанный Моллеромъ масляными красками, чрезвычайно схожій (портретъ этотъ привезенъ Гоголемъ изъ Петербурга, въ подарокъ матери), и трость изъ жилы пальмоваго листа, на которую Гоголь опирался въ своихъ странствованіяхъ по Святой Землѣ.

Итакъ, вотъ небольшой очеркъ Яновщины. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о жизни покойнаго и о времени, въ которое онъ особенно былъ близокъ къ мирному украинскому хуторку.

Авторъ статьи, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ»: *Нѣсколько словъ для біографіи Н. В. Гоголя*, говоритъ, что Гоголь родился въ *1808 году*, въ деревнѣ *Васильевкѣ*, какъ теперь называется хуторъ Яновщина. Н. В. Гоголь, по словамъ матери его, родился въ *1809 году*, *19-го марта*, въ селѣ *Сорочинцахъ*, которое находится верстахъ въ двадцати отъ Яновщины. До него г-жа Гоголь имѣла дѣтей, изъ которыхъ ни одно не жило болѣе нѣсколькихъ дней. Поэтому появленія на свѣтъ Николая Васильевича ожидали съ грустнымъ и, вмѣстѣ, тяжелымъ чувствомъ. Будетъ ли суждено новому ребенку остаться въживыхъ? Родился мальчикъ, котораго назвали Николаемъ. Новорожденный былъ необыкновенно слабъ и худъ. Долго опасались за его жизнь. Черезъ шесть недѣль онъ былъ перевезенъ въ Яновщину. Несмотря на слабый организмъ,

онъ скоро показалъ, что не въ тѣлѣ сила человѣка. Трехъ лѣтъ отъ роду, не учась грамотѣ у учителя, онъ уже бѣгло читалъ и писалъ слова мѣломъ, запомнивъ алфавитъ по рисованнымъ, игрушечнымъ буквамъ...

Будучи пяти лѣтъ отъ роду, онъ вздумалъ писать стихи. Никто не помнитъ, какого рода стихи писалъ онъ; но вотъ что̀ осталось въ памяти его домашнихъ: «Извѣстный литераторъ нашъ, *Капнистъ*, заѣхавъ однажды къ отцу молодого поэта, засталъ пятилѣтняго сына его за перомъ. Малютка Гоголь сидѣлъ за столомъ, глубокомысленно задумавшись надъ какою-то фразою. Капнисту удалось просьбами, ласками и другими средствами заставить новаго литератора прочесть свое произведеніе. Гоголь отвелъ Капниста въ другую комнату и тамъ прочелъ ему свои стихи... Капнистъ никому не сказалъ о содержаніи этихъ стиховъ. Онъ вышелъ къ домашнимъ Гоголя, глубоко тронутый, лаская и обнимая маленькаго писателя, и сказалъ: «Изъ него будетъ большой талантъ, дай ему только судьба въ руководители учителя-христіанина!» Это намъ сообщилъ М. В. Гоголь. Что̀ же касается до охоты автора «Мертвыхъ Душъ» писать стихи, то она проявилась въ немъ впослѣдствіи еще не одинъ разъ. Кромѣ поэмы въ стихахъ, *Ганцъ - Кюхельгартенъ*, напечатанной имъ подъ псевдонимомъ Алова, укажемъ еще на стихотвореніе «*Россія подъ игомъ татаръ*»; это стихотвореніе никогда не было напечатано; Гоголь прислалъ его къ своей матушкѣ изъ Нѣжинскаго лицея, тщательно переписавъ его въ изящную книжечку, украшенную собственными его рисунками. Изъ всего содержанія этой эпопеи, къ сожалѣнію, увезенной изъ Яновщины черезъ нѣсколько лѣтъ самимъ авторомъ, матушка покойнаго помнитъ только окончаніе — слѣдующіе два стиха:

«Раздвинувъ тучки сребруручны,
Явилась трепетно луна».

Извѣстно, что впослѣдствіи, разгадавъ въ себѣ призваніе и начавъ писать прозою, Гоголь молчалъ о своемъ стихотворномъ поприщѣ. Онъ сжегъ своего «Ганца-Кюхельгартена». Якимъ, человѣкъ его, о которомъ уже упомянуто въ «Отечественныхъ Запискахъ», находится теперь въ Яновщинѣ. Я разспрашивалъ его объ этомъ сожженіи. Робкій и застѣнчивый Якимъ, бывшій камердинеръ Гоголя, а теперь

дворецкій и ключникъ, разсказалъ мнѣ, что его баринъ точно однажды вдругъ пришелъ домой и послалъ его скупать и отбирать отданные на комиссію книгопродавцамъ синенькіе экземпляры «Ганца-Кюхельгартена». Шестьсотъ книжекъ сожжены безъ всякаго милосердія. Вотъ случай, обрисовывающій характеръ Якима. Узнавъ о смерти Пушкина въ 1837 году, онъ сидѣлъ въ передней и плакалъ.

— О чемъ ты плачешь, Якимъ? — спросили его.

— Какъ мнѣ не плакать... Пушкинъ умеръ!

— Да тебѣ-то что? Развѣ ты его знаешь?

— Какъ что? какъ не знать?.. Помилуйте, да они такъ любили барина! Бывало, снѣгъ, дождь, слякоть въ Петербургѣ, а они въ своей шинелькѣ бѣгутъ съ Мойки, отъ Полицейскаго моста, въ Мѣщанскую, въ домъ Іохима-каретника, гдѣ мы жили!.. По цѣлымъ ночамъ просиживали у барина, слушая, какъ тотъ имъ читалъ свои сочиненія, а у насъ иногда и свѣчей своихъ не было!

Я разспрашивалъ Якима объ этомъ періодѣ жизни Гоголя, и онъ сообщилъ мнѣ много любопытнаго. Интересны его разсказы, объясняющіе отношенія первой тогдашней литературной славы къ Гоголю. Пушкинъ иногда приходилъ къ Гоголю въ кабинетъ и рылся въ его бумагахъ. Занимаясь «Дубровскимъ», «Повѣстями Бѣлкина» и «Капитанскою дочкою», Пушкинъ съ любовію слѣдилъ за развитіемъ будущаго автора «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора». Вспомните отзывы Пушкина въ издаваемомъ имъ «Современникѣ» о первыхъ повѣстяхъ Гоголя! Вспомните, наконецъ, его выноски, съ подписью—*Редакторъ*, къ повѣстямъ Гоголя, напечатаннымъ въ «Современникѣ»! Въ 1836 году Гоголь уѣхалъ вторично за границу. Наканунѣ его отъѣзда, по словамъ Якима, Пушкинъ просидѣлъ у него всю ночь напролетъ, читая ему свои произведенія и слушая отрывки изъ сочиненій Гоголя. Это было послѣднее свиданіе. Въ 1837 году Пушкинъ скончался, и Гоголь уже его не видалъ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ.

Гоголя отдали въ ученіе въ Полтаву, а потомъ въ Нѣжинъ. Г. Кукольникъ говорилъ намъ, что Гоголь, его ученикъ по Нѣжинскому лицею, вообще былъ веселаго и предпріимчиваго характера. Онъ уже окрѣпъ, изъ хилаго ребенка вышелъ сильный и пылкій юноша, страстный до всего изящнаго и высокаго. На школьной скамейкѣ будущій

сатирикъ и юмористъ переписывалъ для себя только-что выходившія въ свѣтъ поэмы Пушкина: «Цыгане», «Полтава», «Братья Разбойники» и главы «Евгенія Онѣгина». Онъ обыкновенно переписывалъ ихъ на самой лучшей бумагѣ и украшалъ рисунками собственнаго изобрѣтенія. Чтобы ознакомить читателей съ состояніемъ духа нашего поэта-юмориста въ этотъ періодъ времени, приведемъ здѣсь *четыре письма его*, писанныя имъ къ матушкѣ изъ училища. Первыя три письма относятся къ 1827 году, когда онъ былъ 18-ти лѣтъ. Приводимъ ихъ по порядку:

1-е. — «Почтеннѣйшая маменька! Къ числу мечтательностей своихъ иногда желаю быть ясновидцемъ, знать, что̀ у васъ дѣлается, чѣмъ вы занимаетесь. И вѣрите ли, съ какимъ удовольствіемъ занимаюсь я отгадываніемъ всего, что̀ васъ занимаетъ... Какъ вы проводили масляную? Весело ли? были ли у васъ веселыя собранія? — Извините, что закидываю васъ кучею вопросовъ. Обыкновенно человѣку, какъ говорятъ, порядкомъ повеселившемуся, всегда хочется сдѣлаться участникомъ другихъ, особливо ближайшихъ къ нему... Кто же ближе къ моему сердцу, какъ не вы, ваша радость, ваше удовольствіе. Посмотрите же, какъ я повеселился!..— Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго! Вы одни только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось желаніе веселости (разумѣется, не буйной!), и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сантиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни.. Я удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ!..

«Ежели о чемъ я теперь думаю, такъ это о будущемъ моемъ житьѣ-бытьѣ. Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, а съ нимъ вмѣстѣ и служба Государю. До сихъ поръ я былъ счастливъ; но ежели счастіе состоитъ въ томъ, чтобъ быть довольну своимъ состояніемъ, то не совсѣмъ, не совсѣмъ, — до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста...

«Масляницу, всю недѣлю, мы провели такъ, какъ желаю всякому ее провести; мы веселились безъ-устали. Четыре дня сряду былъ у насъ *театръ*, и, къ чести нашей, всѣ признали единодушно, что изъ провинціальныхъ театровъ

ни одинъ не годится противъ нашего! Правда, играли всѣ прекрасно. Двѣ французскія піесы — Мольéра и Флоріана; одну нѣмецкую — Коцебу, и русскія: «Недоросль» Фонъ-Визина и др. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много, все пріѣзжіе и все съ отличнымъ вкусомъ. Музыка тоже состояла изъ нашихъ. Осмнадцать увертюръ Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь! Дай Богъ, чтобы вы провели его еще веселѣе!»

2-е.—«Позвольте, во-первыхъ, почтеннѣйшая маменька, поздравить васъ съ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Думаю, что вы провели первые дни его хорошо; желаю и окончить его весело. Благодарю васъ за присылку денегъ; въ это время онѣ бываютъ мнѣ очень нужны. Мой планъ жизни теперь удивительно строгъ и точенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Каждая копейка теперь имѣетъ у меня мѣсто; я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ томъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ — видѣть и чувствовать *прекрасное!* Для него-то я, съ величайшимъ трудомъ, собираю все свое годовое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я сорокъ рублей — деньги весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу очень пріятно. Не забываю также и *русскихъ* и выписываю, что только выходитъ самаго отличнаго; разумѣется, что я ограничиваюсь немногимъ; въ цѣлые полугода я не пріобрѣтаю болѣе одной книжки, и это меня печалитъ чрезвычайно! Какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему! Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго— сильно бьется сердце... и съ тяжкимъ вздохомъ роняю изъ рукъ газету, видя невозможность имѣть его; мечтаніе — достать его, смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь болѣе самаго жаркаго корыстолюбца... Не знаю, что было бы со мною, еслибъ я еще не могъ чувствовать отъ этого радости; я бы умеръ отъ тоски и скуки! Это одно услаждаетъ разлуку мою съ вами. Вы рисуетесь въ свѣтлыхъ мечтахъ моихъ. Давно ли я пріѣхалъ съ Ро-

ждества, а уже трехъ мѣсяцевъ какъ не бывало; половина времени до каникулъ утекла; еще половина, и я опять съ вами, опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю ивановскую... Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь наша! Одно имя каникулъ уже приводитъ меня въ восхищеніе... Увидѣть всѣхъ родныхъ, всѣхъ близкихъ сердцу... очаровательно!»

3-е.—«Получилъ ваше письмо сегодня и къ моей горести узналъ, что вы больны! Я уже это замѣтилъ изъ одной краткости письма вашего, которому видно мѣшала много болѣзнь. Всегда нужно судьбѣ, въ самомъ удовольствіи покоя, въ которомъ я находился, зачернить начатокъ свѣтлыхъ дней ѣдкостію горя. Меня мучитъ ваша болѣзнь... Сдѣлайте милость, берегите себя...

Я не могу нарадоваться, вспомнивъ, сколько меня ожидаетъ дома близкихъ моему сердцу. Желаю, чтобъ этотъ годъ, какъ и всѣ будущіе, Богъ подарилъ намъ изобиліе, чтобы роскошь плодородія упитала счастливое наше жилище. Чтобы всѣ крестьяне наши были награждены съ избыткомъ за годичные труды свои. Здѣсь поговариваютъ о плодородіи этого года; я думаю, что и у васъ также; желательно мнѣ бы узнать объ этомъ отъ васъ. Также, водится ли что въ саду нашемъ? Здѣсь и на фрукты урожай! Позвольте поговорить съ вами теперь касательно платья. Ежели посылать деньги, то не тогда, когда будете присылать за мной; нужно гораздо прежде, а то экипажъ всегда дожидается; тогда нужно метаться по всѣмъ портнымъ, и то еще ежели сыщешь, несмотря на дорогую плату. Я совѣтовалъ бы вамъ деньги отправить тотчасъ по полученіи моего письма; оно какъ разъ и выйдетъ, что къ времени моего отъѣзда платье поспѣетъ, для чего нужно, по крайней мѣрѣ, три недѣли, а то мнѣ всегда за скоростью кьютъ на живую нитку...

«Присылайте за мною экипажъ поумѣстительнѣе, потому что я ѣду со всѣмъ богатствомъ вещественныхъ и умственныхъ имуществъ, и вы увидите *труды мои*. Теперь я оканчиваю посылать за себя представителей, то-есть письма. Черезъ двѣ недѣли явится творецъ ихъ, никогда неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, все тотъ же пламенный, признательный, никогда не загашавшій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ!»

4-с. — (Въ 1826 году, вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о кончинѣ отца).

«Не безпокойтесь, маменька! Я этотъ ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ симъ извѣстіемъ; однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ; оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія; хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою... Но Богъ удержалъ меня, и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва замѣтную грусть, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему!—Благословляю тебя, священная Вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ! я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга всего драгоцѣннаго моему сердцу!..»

Все это письмо проникнуто горячею любовью покойнаго къ роднымъ. Въ концѣ письма, во второй припискѣ, онъ прибавляетъ просьбу къ матушкѣ, выслать ему десять рублей на покупку курса русской словесности. *«А собственно для меня,—заключаетъ онъ,—не нужно ничего»*.

Семнадцатилѣтній мальчикъ въ отдаленномъ провинціальномъ городкѣ, въ школѣ, за годовое жалованье свое выписывающій изъ Лемберга Шиллера, невольно остановитъ вниманіе каждаго. Все занимало и волновало его! Минуты даромъ онъ не терялъ еще съ раннихъ лѣтъ своего дѣтства.

Первые годы юношескаго возраста онъ провелъ вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ, Иваномъ, рано похищеннымъ смертью. Отецъ Гоголя часто ѣздилъ въ поле со своими сыновьями и дорогою задавалъ имъ темы для импровизацій: «солнце», «степь», «небеса». Старшій сынъ всегда отличался изумительною находчивостью въ импровизаціяхъ... Отецъ Гоголя самъ писалъ; труды его состояли изъ театральныхъ, комическихъ пьесъ, написанныхъ для домашней сцены въ семействѣ Трощинскихъ, которые постоянно ласкали и отца, и сына Гоголей. Эти комедіи Гоголь, при отъѣздѣ въ Петербургъ, послѣ смерти отца взялъ съ собою для того, чтобъ напечатать ихъ. Неизвѣстно, какой участи подверглись онѣ въ Петербургѣ, потому что ихъ никто и нигдѣ болѣе не видалъ, за исключеніемъ выписокъ изъ нихъ, по-

служившихъ эпиграфами къ нѣкоторымъ повѣстямъ Гоголя.

Смерть младшаго брата, Ивана, до того поразила Николая Васильевича, что принуждены были перевести его изъ Полтавы въ Нѣжинъ, чтобы отвлечь его мысли отъ могилы брата. По окончаніи курса въ Нѣжинскомъ лицеѣ, Гоголь былъ увезенъ А. С. Д—скимъ въ Петербургъ, гдѣ занимался снова науками, въ особенности иностранными языками и живописью. Въ 1829 году онъ неожиданно уѣхалъ за границу.— Извѣстны послѣдствія этой фантастической поѣздки. Гоголь пріѣхалъ въ Любекъ, написалъ оттуда письмо къ матери, которое мы сами читали, описалъ ей подробно всѣ муки своего разочарованія въ мѣстахъ, которыя онъ такъ жаждалъ увидѣть, къ письму приложилъ очеркъ перомъ улицы, въ которой нанялъ себѣ помѣщеніе, скоро увидѣлъ близкій конецъ своихъ денегъ и съ грустью возвратился въ Петербургъ.

1852 годъ.

II.

ДИВНОГОРСКЪ.

(Очеркъ изъ путевыхъ замѣтокъ.)

Кто слыхалъ въ Россіи о Дивногорскѣ? Кто слыхалъ у насъ о Дива́хъ, какъ его еще называютъ туземцы? Кто знаетъ изъ читателей нашихъ, что на крутомъ берегу Дона, въ восемнадцати верстахъ отъ города Острогожска, при впаденіи рѣки Тихой-Сосны въ Донъ, возвышается гребень каменистыхъ горъ, на которомъ бѣлѣетъ шестнадцать столпообразныхъ, мѣловыхъ утесовъ, темный дубовый лѣсъ и тихая пустынь отшельниковъ? Если бы кто изъ читателей вздумалъ обратиться къ нашимъ литературнымъ источникамъ, то ни въ одной книгѣ путешествій и описаній мѣстъ достопримѣчательныхъ онъ не нашелъ бы извѣстія о Дивногорскѣ *). А между тѣмъ, въ этой пустыни, въ мѣловыхъ холмахъ, устроены тихія жилища людей, которымъ стали бѣдны приманки жизни суетной; по стѣнѣ скалъ плетется улиткообразная лѣстница, по уступамъ каменнымъ лѣпятся изсѣченныя и давно покинутыя въ мѣловомъ кряжѣ келіи, въ каменныхъ, громадныхъ столбахъ, вознесшихся надъ бездною, продѣланы входы и устроены церкви, и наконецъ Петръ Великій, во время Азовскаго похода, идя изъ Воронежа внизъ по теченію Дона, здѣсь молился о будущей побѣдѣ за Русь, здѣсь отдыхалъ съ кораблями-барками и любовался съ колоссальныхъ горъ равниною Придонскаго прибрежья.

*) Нѣсколько строкъ мы находимъ о Дивногорскѣ въ «Полномъ собраніи историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ», Александра Ратшина. Москва 1852 года.

Нѣсколько лѣтъ назадъ авторъ этого очерка, проѣзжая изъ города Бирюча въ Острогожскъ, въ слободкѣ Александровскомъ, въ мѣстахъ родины нашего заслуженнаго профессора А. В. Никитенко, разговорился съ старымъ хуторяниномъ, помнившимъ А. В. Никитенко еще въ дѣтствѣ, и узналъ отъ него, что въ семи верстахъ отъ большой дороги лежитъ монастырь, куда рѣдко завертывала нога русскихъ путниковъ. Я своротилъ изъ Коротояка вправо, и скоро Донъ заблисталъ передо мною своими синими водами. Это были тѣ мѣста, гдѣ нѣкогда носились мысли Бориса Годунова, воздвигавшаго по южнымъ степямъ оплотъ противъ крымцевъ и ногайцевъ. Острогожскъ—одна изъ тѣхъ крѣпостей, которыя онъ построилъ на такъ-называемой Бѣлгородской линіи или Бѣлгородской чертѣ, вмѣстѣ съ тремя Бѣлгородами, Чугуевомъ, Салтовомъ, Харьковомъ и Цареборисовомъ, которому далъ свое живописное въ исторіи вѣка имя. Нѣкоторыя изъ этихъ, сильныхъ тогда, крѣпостей стали городами, другія слободами, а третьи, какъ Салтовъ, на берегу Донца, даже и имени слободъ теперь не удержали. То было время смутъ и бѣдствій; дикія орды разоряли слободскія поселенія, и все жалось за стѣнами крѣпостей. Въ Острогожскѣ, на площади, гдѣ теперь соборъ, по увѣренію одного жителя его, было тогда въ одномъ мѣстѣ до десяти церквей: такъ тѣснились предки наши въ Малороссіи даже съ своими храмами! Незадолго до присоединенія Малороссіи къ родной Россіи царя Алексѣя Михайловича, именно въ 1640 году, какъ говорятъ туземцы, выходцами изъ Кіева былъ основанъ Дивногорскій мужской монастырь. До 1786 года онъ процвѣталъ приношеніями сосѣднихъ богомольцевъ и трудами братіи, пополнявшейся изъ разныхъ отдаленныхъ пустыней и, между прочимъ, изъ Святогорскаго монастыря, близъ Изюма. Въ 1786 году онъ упраздненъ, вмѣстѣ съ многими тогдашними монастырями, и земли его отошли въ казну. Но, во время холеры 1831 года, народъ, стекавшійся изъ окрестныхъ мѣстъ на поклоненіе святынѣ древняго мѣста, сталъ получать чудотворное исцѣленіе отъ иконы Богоматери въ монастырскомъ храмѣ, и пустынь была возобновлена. Вотъ, въ немногихъ словахъ, мѣстность Дивногорскаго монастыря. По уступамъ мѣловыхъ горъ, которыя угломъ упираются къ Дону и у подошвы своей образуютъ обширные, зеленые луга, вправо

возвышаются шестнадцать колоссальныхъ столбовъ,—каменныхъ пирамидъ, образовавшихся отъ обваловъ горы, и иные изъ этихъ столбовъ имѣютъ до пяти и семи саженъ вышины. Въ одномъ изъ этихъ столбовъ, надъ отвѣсомъ горы саженъ въ пятнадцать, словно въ воздухѣ виситъ высѣченная въ известнякѣ церковь, во имя Іоанна Крестителя. Сюда ведетъ, карабкаясь съ камня на камень, змѣеобразная лѣстница, и едва поднимешься надъ бездною, едва блеснетъ надъ церковью бѣлый крестъ,—чудные виды степей, по которымъ катятся серебряныя волны ковыли, виды луговъ, съ пѣснями пастуховъ и погонщиковъ, съ моремъ камышей по берегамъ Дона, и вечеромъ — огни рыбацкихъ костровъ, разложенные послѣ обильной ловли, открываются съ маковки горнаго хребта. Влѣво по уступамъ горъ, вдали, среди садовъ и лѣса, зеленѣетъ крыша монастырской церкви и бѣлѣютъ зданія отшельнической братіи. Здѣсь, проѣхавши дорогою, прорѣзанною усиленными трудами въ известнякѣ, надъ самою окраиною горнаго отвѣса, путникъ встрѣчаетъ прежде всего низенькую, кое-какъ сложенную плотину, на которой сидятъ дѣти кочующихъ рыбаковъ и ловятъ удочками мѣстную, необыкновенно вкусную, рыбку бирючь, которою такъ славятся кухни окрестныхъ Придонскихъ городковъ, и чуть ли самый городъ Бирючь не получилъ своего имени отъ этой рыбки. Въ самомъ монастырѣ двѣ церкви: одна во имя Успенія Богородицы, при которой придѣлъ Николая Чудотворца, и другая во имя Владимірской иконы Богоматери. Отъ первой церкви ко второй ведетъ, поднимаясь въ гору, деревянная лѣстница. Въ верхней церкви есть пещеры, какъ повѣствуютъ туземцы, вырытыя, на пространствѣ почти шестидесяти саженъ во внутренность горы, кіевскими монашествующими пришельцами. Живопись въ обѣихъ церквахъ новѣйшая, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ иконъ, запечатлѣнныхъ слѣдами древности. Монастырскія келіи необыкновенно уютны, чисты, красивы. Малая числомъ братія—велика духомъ подвижничества и трудовъ на пользу спасенія душевнаго. Всѣ жизненные припасы пріобрѣтаются личными работами братіи,—потому что кружка для вкладовъ посторонними подаяній никогда не бываетъ богата сборомъ, и скудныя денежныя средства монастыря восполняются трудами обитателей его.

Не ищите лѣтописей въ этой пустыни, не ищите въ ней

краснорѣчивыхъ историческихъ сказаній: страницы монастырской исторіи написаны на каменныхъ столбахъ и пирамидахъ, — на этой великой книгѣ окрестной природы! Что-то необыкновенное чувствуется въ этихъ тихихъ, картинныхъ мѣстахъ! Надъ тонущею въ сумерки окрестностью, на вершинѣ горы, вправо, гдѣ въ каменной пирамидѣ стоитъ церковь, въ бесѣдѣ съ полуслѣпымъ, бѣднымъ сторожемъ пустыннаго храма, видятся надъ Дономъ иныя времена и иные люди! Великій изъ великихъ выходитъ на берегъ, какъ повѣствуетъ клочекъ страницы въ ветхомъ молитвенникѣ пустынной церкви, выходитъ на берегъ среди своихъ сподвижниковъ, и молится за отчизну; русскіе корабли-лодки, наполненные войскомъ, качаются подъ парусами у берега, и на яркомъ кострѣ дымится скромный ужинъ царя, у котораго во власти полміра...

А вотъ, за перелѣскомъ, выше столбовъ и выше монастыря,—развалины городища, земляныя, размытыя укрѣпленія, холмы и бастіоны, наугольники и бойницы! Это — дозорный пунктъ надъ окрестностью, видимою отсюда верстъ на пятьдесятъ кругомъ, другихъ вѣковъ и другой образованности: это — городище временъ скиоскихъ, временъ Геродота, переселенія народовъ и близкаго водруженія животворящаго креста апостоломъ Андреемъ надъ холмами кіевскими, надъ купелью будущей отчизны русскихъ!

И въ виду этихъ живыхъ скрижалей, надъ которыми вьются тѣни сарматовъ и Аттилы, дикихъ ордынцевъ и Бориса Годунова, и не менѣе грозныхъ Османовъ Азова, на берегу Дона, между тростниковъ и прибрежныхъ порослей, у перевоза на паромѣ, чернѣютъ соломенные курени рыбаковъ. Обѣ ночи, въ двое сутокъ, прожитыхъ мною близъ Дивногорска, я провелъ подъ крышами этихъ куреней...

Рыбаки изъ окрестныхъ селъ и городовъ — типъ совершенно оригинальный. Это смѣсь малороссійскаго степного типа съ типомъ рыбаковъ русскихъ, рыбаковъ по большимъ срединнымъ русскимъ рѣкамъ. Набожная степенность и молчаливость ихъ лишь изрѣдка нарушаются праздникъ разгуломъ, когда, въ пестрыхъ рубахахъ и широкихъ малороссійскихъ шароварахъ, они наполняютъ торговыя площади и, среди короткаго веселья, проживаютъ нажитое долгимъ трудомъ. Разсказы этихъ рыбаковъ любопытны, какъ и самый дикій, пустынный образъ ихъ жизни. Вѣчно на

водѣ, вѣчно на-готовѣ, боясь спугнуть чуткую водную добычу, они представляютъ любопытную смѣсь осторожности и дикости, таинственности и безстрашія. Нѣкоторые между ними слывутъ за отличныхъ пѣсенниковъ, другіе за балагуровъ-сказочниковъ. Здѣсь слышатся пѣсни про близкія Прикаспійскія станицы и киргизовъ, про Крымъ и сказочное взятіе Азова. Стихи, распѣваемые въ другихъ мѣстахъ слѣпцами, стихи религіозные — также здѣсь поются иногда на зарѣ, въ тихій майскій вечеръ. Вотъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ, которыя пѣлъ Викентій Туловъ, рыбакъ изъ-подъ Воронежа, въ одну изъ ночевокъ, проведенныхъ авторомъ на берегу Дона, въ рыбацкихъ куреняхъ.

Пѣсня про двухъ братьевъ.

— «Ой, изъ Крыму ли, братцы, изъ Погаева,
И стояли тутъ орды Ордынскія;
А и ѣхали два брата родимые,
Родимые, одной матери.
Подъ большимъ братомъ конь уставаетъ,
А меньшой за большаго умираетъ.
Охъ ты гой еси, мой братъ ты родимый,
А родимый, одной матери!
А я тебя, братецъ, посверстнѣе,
Посверстнѣе, послабѣе,—
И пѣшъ путь-дороженьку пройду!
Когда было добру молодцу время,
Бусурмане молодца почитали;
Вотъ, какъ стало молодцу безвременье,
Никто уже молодца не почитаетъ,
Не почитаетъ, не поважаетъ,
А и самъ се молодецъ разсуждаетъ:
Соколъ ли на семъ свѣтѣ не птица.
Кречетъ ли во міру семъ не удача,—
На его тожъ безвременье бываетъ,
Онъ пѣшъ да по чисту полю гуляетъ.
Худая же малая птица,
Птица малая синица,—
И та надъ соколомъ насмѣялась,
Напередъ его синица залетѣла».

Эта пѣсня, вѣроятно, потерпѣла измѣненія; въ спискѣ народныхъ былинъ Кирши Данилова есть ея варіантъ *).

Что касается стиховъ религіознаго содержанія, то два сообщенные мнѣ Викентіемъ Туловымъ очень мало разнятся

*) Варіантъ этотъ въ «Древнихъ Россійскихъ стихотвореніяхъ, собр. Киршею Даниловымъ», въ изданіи 1818 г.

отъ напечатанныхъ въ сборникѣ Г. Кирѣевскаго **). Рыбакъ зналъ цѣлую пѣсню о «Пустыни» и о «Грѣшной душѣ». Изъ «Адамова плача» зналъ окончаніе. Особенно слово въ слово сохранились въ его памяти слѣдующіе, полные красоты, стихи изъ «Адамова плача». Туловъ очень часто вращался среди семинаристовъ воронежскихъ, и потому неудивительно, что, при его любознательности и дарованіи музыкальномъ, онъ удержалъ болѣе въ памяти эти отрывки:

— «Оставимъ мы злобу,
Воспріемлемъ кротость!
Возлюбимъ мы нищихъ,
Убогую братью;
Обуемъ мы босыхъ,
Одѣнемъ мы нагихъ,—
Одѣнемъ мы нагихъ
Своимъ одѣяньемъ!
Проводимъ мы мертвыхъ
Отъ двора до церкви,
До Божьяго храма,—
Съ ярыми свѣчами,
Съ горькими слезами!
Прижмемъ руки къ сердцу,
Прольемъ слезы къ Богу,
И воззримъ мы, братье,
На дубовы гробы:
Ой вы, гробы-гробы,
Превѣчные домы,—
Сколько намъ ни жити,
Васъ не миновати!»

Кромѣ стиха «до Божьяго храма», прибавленнаго въ пѣснѣ Тулова, весь отрывокъ вѣренъ тексту Г. Кирѣевскаго.

Замѣчу кстати, что рыбакъ Туловъ прежде ходилъ, какъ мнѣ разсказывали, съ кружкою на построеніе храма въ ближнемъ селѣ; но потомъ взялъ неводъ, сталъ работать, разбогатѣлъ, крестилъ трехъ внучатъ и часто ѣздитъ къ пятой дочкѣ своей въ гости, которая замужемъ за гуртовщикомъ подъ Воронежемъ, посылающимъ въ Петербургъ рогатый скотъ стадами.

На третій день, передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Дивногорска, прибѣжалъ ко мнѣ четырнадцатилѣтній мальчикъ, Саша, сынъ другого рыбака изъ Коротояка, и, за кремень съ походнымъ стальнымъ огнивомъ (во время послѣднихъ поѣздокъ по Украйнѣ я постоянно запасался перст-

**) См. Чтенія Импер. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1848 года, № 9.

ними, лентами, серьгами, чумацкими трубками и тому подобными вещами, для обмѣна ихъ на пѣсни и преданія), сообщилъ мнѣ сказку о «Ледяной дочкѣ», на малороссійскомъ языкѣ, чисто-степную, которую я, впрочемъ, узналъ еще и въ русскомъ варіантѣ, и потому представляю ее здѣсь подъ тѣмъ именемъ, подъ которымъ она сообщена по-русски. Признаюсь, въ этой сказкѣ особенно выяснился тотъ самобытный поэтическій тактъ, которымъ такъ богаты наши малороссійскія сказки, полныя простоты и живописности, безъ всякой натяжки и неестественной фантастичности, преобладающей въ легендахъ востока. Въ сказкахъ малороссійскихъ постоянно, даже и при картинахъ душевнаго горя, рисуется какое-то таинственное, мечтательное довольство окружающимъ, причудливая способность передавать человѣческія страсти и человѣческія мысли предметамъ неодушевленнымъ, поражающимъ вниманіе человѣка. Всѣ эти сказки родились не въ мірѣ призраковъ сказокъ германскихъ, испанскихъ и швейцарскихъ, не въ мірѣ отвлеченныхъ идеаловъ, а, если можно такъ выразиться, въ мірѣ людей, въ сосѣдствѣ людей, въ кругу человѣческой обыденной жизни и обыденной дѣятельности. Вотъ сообщенная мнѣ сказка.

Снѣгурка.

«Жили-были дѣдъ да баба,
Не было у нихъ дѣтей:
И сидѣли подъ окошкомъ,
Горевали дѣдъ и баба,—
А на улицѣ изъ снѣгу
Вереница ребятишекъ
Гору снѣжную лѣпила.
«Не пойти ль и намъ на старость,—
Молвилъ бабѣ дѣдъ съ усмѣшкой,—
Полѣпить шаровъ изъ снѣгу?»
— Что жъ! пойдемъ!—съ усмѣшкой также
Баба дѣду отвѣчала:—
Старость наша—то же дѣтство!—
И шары лѣпить изъ снѣгу
Принялися дѣдъ и баба.
«Что вы дѣлаете, старцы?»—
Отозвался голосъ тихій.—
И прохожій съ бородою
У воротъ остановился.
— Лѣпимъ дитятко!—съ усмѣшкой
Отвѣчали дѣдъ и баба.
«Богъ же въ помощь, Божьи люди!»—

Молвилъ, кланяясь, прохожій
И, какъ тѣнь, исчезъ въ потемкахъ.
Лѣпитъ дѣдъ изъ снѣгу ножки,
Лѣпитъ носикъ, лѣпитъ ротикъ,—
Только вдругъ изъ губокъ бѣлыхъ
Теплый паръ повѣялъ струйкой,
Глазки синіе раскрылись,
И красавица-снѣгурка,
Отряхая мелкій иней,
Передъ старцемъ встрепенулась,
Встрепенулась, какъ живая.
«Крошка!—молвила старуха:—
Будь отнынѣ нашей дочкой!»
И, въ тулупъ закутавъ теплый,
Унесла снѣгурку въ хату.

Вотъ, идутъ за днями ночи,
За ночами дни проходятъ;
Не по днямъ, не по минутамъ
Хорошѣетъ и милѣетъ
Русокудрая снѣгурка.
Не успѣли дѣдъ и баба
Встрѣтить первые морозы,
Стала дѣвушкой-рѣзвушкой
Русокудрая снѣгурка!
Не успѣли дѣдъ и баба
Встрѣтить первыя метели,
Стала пышною невѣстой
Русокудрая снѣгурка!
Не успѣли дѣдъ и баба
Наварить къ веселью браги,
Женихи, какъ листья въ осень,
Къ нимъ посыпались въ ворота,
И, любуясь кралей-дочкой,
Бабѣ дѣдъ шепталъ тихонько:
«Ну, какъ знаешь, пани-матко,
А пора встрѣчать и сватовъ!»

Только вотъ, тепломъ пахнуло,
Потянулъ весенній вѣтеръ,
И затаяли потоки.
И, когда тепломъ пахнуло,
Потянулъ весенній вѣтеръ
И затаяли потоки,—
Призадумалась, замолкла
И головкою поникла
Русокудрая снѣгурка...
Разъ, зарей вечерней было,
Вышелъ дѣдъ, присѣлъ на призбѣ
И тихонько бабѣ молвилъ:
«Погляди, какою павой

Выступаетъ наша дочка!»
А красавица-снѣгурка,
Коромысло взявъ на плечи,
Отъ колодца—отъ криницы
Шла, былинкой изгибаясь
И былинкой колыхаясь,
Вся въ дукатахъ, вся въ гранатахъ!
Только вдругъ остановилась,
Протянула въ воздухъ руки
И тихонько стала таять.
Стала таять, словно свѣчка,
Заклубилась легкимъ паромъ
И на небо улетѣла...

Прибѣжали дѣдъ и баба.
Покачали головою
И примолвили печально:
«Не ужиться пташкѣ въ клѣткѣ,
А душѣ на этомъ свѣтѣ!»

Слышанное мною въ окрестностяхъ Дивногорска гармонировало съ картинами чудной пустыни, съ картинами монастыря, этого жилища отошедшихъ отъ жизни для вѣчности, какъ бы висящаго на воздухѣ, съ своими столпообразными утесами и лѣсами, съ каменными дорогами и развалинами древняго городища. Историческія пѣсни и историческіе берега, волны Дона и память о Петрѣ Великомъ, богатая степная природа и бѣдность человѣческаго духа, жалкая передъ этими дивами-горами и дивами-лѣсами, наконецъ отшельническая братія и сказочная легенда о бренности человѣческой красоты и силы, этихъ гостей тлѣннаго міра, олицетворенныхъ въ бѣдной снѣгуркѣ, — все это оставило во мнѣ глубокія впечатлѣнія, и я навсегда сохраню въ себѣ память о Дивногорскѣ! Тѣмъ болѣе сохраню эту память, что нигдѣ, ни въ глубинѣ Россіи, ни въ окрестностяхъ Кіева, ни въ срединѣ Украинскихъ степей, я не видѣлъ ничего подобнаго причудливой и очаровательной красотѣ Дивногорска. Одинъ Георгіевскій монастырь на южномъ берегу Крыма поспоритъ съ Дивногорскомъ очаровательностью своей полуденной природы.

1853 г.

III.

АРАКЧЕЕВСКІЯ ПОСЕЛЕНІЯ НА УКРАЙНѢ.

«Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ...» (Разговоръ 1824 г. «Для потомства». Изд. 1862 г.).

Карамзинъ.

Съ поставщикомъ лѣса на постройку сосѣдняго этапнаго зданія мы стояли, облокотившись о ворота постоялаго двора, въ деревушкѣ Андреевкѣ и смотрѣли черезъ заборъ.

Невдалекѣ отъ насъ толпа поселянъ возилась, ломая и разбирая кирпичныя стѣны какого-то обширнаго зданія. Кирпичъ, сложенный въ кучи правильными рядами, тутъ же накладывался на возы, вереницы которыхъ разъѣзжались въ разныя стороны; бревна потолковъ, доски половъ, стропила и красивая черепица крыши, двери и оконныя рамы также лежали кругомъ по засоренному штукатуркой двору, поочереди накладывались на воловъ и подводы и развозились.

— «А труда-то, труда, а денегъ-то потрачено было на все это! — сказалъ со вздохомъ Иванъ Алексѣичъ: — Вотъ поднялся бы изъ гроба-то графъ Аракчеевъ, да посмотрѣлъ бы теперь на дѣло рукъ своихъ!»

— «А что такое?»

— «Да какъ же! Подумайте: эти зданія, комитеты-съ разные, да правленія, да военныя рабочія команды, госпитали-съ, дома для генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ-съ, не говоря уже о манежахъ зимнихъ и лѣтнихъ, конюшняхъ и даже каменныхъ заборчикахъ, все теперь велѣно упразд-

нить, продать съ аукціона-съ, съ молотка! Жалость да и только! Ажно слезы прошибаютъ, глядючи теперь на все это...»

Старикъ отеръ дѣйствительно слезы, тихо вздохнулъ и мутнымъ, боязливымъ взоромъ снова окинулъ толпу, копошившуюся надъ разбираніемъ кирпича.

— «Батюшки, батюшки! Что это дѣлается! — повторялъ онъ, оглядываясь по сторонамъ: — вонъ гдѣ еще недавно и вывѣска золотая висѣла!.. Давно ли мы въ это зданіе, въ этотъ комитетъ съ почтеніемъ входили, шапки еще на дворѣ снимали; кругомъ толпились сторожа, дежурные, лекзекуторы, ехрейторы; полотеры каждодневно съ швабрами полы мыли; а тамъ полсотни писарей сидѣло, все столы да столы, чинно такъ, бумагъ груды... Войдешь, бывало, станешь у дверей и обомлѣешь: скрипъ перьевъ такой, какъ вотъ черви-съ, ей-Богу, на шелковичной плантаціи въ Чугуевѣ точатъ листики. Всѣмъ дѣламъ были эти леестры, ко всякой особѣ писались отношенія и предложенія, а къ мелкой сошкѣ, волостнымъ маіорамъ, что ли, положимъ, предписанія; а тѣ, въ свою очередь, рапорты, донесенія, объясненія, и со всего этого еще копіи оставались... А теперь? Пришелъ я намедни въ ихнее теперешнее, мужицкое значитъ правленіе: сидитъ за краснымъ столомъ рыло въ бородѣ — голова, а сборщикъ почтительно ему на словахъ какое-то дѣло поясняетъ, и оба въ сермягахъ, косматые... Тьфу! Я ажно плюнулъ и вышелъ! Нужно было попросить этого голову лѣску ссудить изъ назначеннаго къ продажѣ; мнѣ даже очень нужно было его попросить. А не попросилъ, потому что рыло неотесанное... Ну, какъ я, капитанъ въ отставкѣ, попрошу его?»

— «Оттого у васъ, Иванъ Алексѣевичъ, этапъ и не подвигается въ постройкѣ...»

Старикъ оправился, хотѣлъ что-то сказать и опять прищурилъ глаза къ сторонѣ кирпичныхъ кучъ.

— «Вонъ еще пять лѣтъ назадъ, въ каждой деревушкѣ, тутъ при въѣздѣ, такъ парадно шланбаумъ былъ устроенъ, абафта-съ подъ крышечкой красовалась. Наѣдутъ, при передвиженіи съ мѣста на мѣсто, полковые; часовой сейчасъ къ шланбауму, и патруль на площадку къ абафтѣ-съ, такъ ночью запоздаетъ бывало мужикъ съ возомъ сноповъ съ поля, и того прежде остановятъ и спросятъ, а потомъ уже пропустятъ...»

— «А теперь? Развѣ вы недовольны тѣмъ, что, заснувши

смиренно въ тарантасѣ, не боитесь болѣе головы разбить о ненужную и дикую въ этихъ пустыхъ мѣстахъ перекладину?»

— «Теперь-то? А вотъ я что вамъ доложу. Давеча я ѣхалъ черезъ Осиновку; мальчишки собрались гурьбой на площадку тамошней абафты и давай въ мяча въ этакомъ-то, такъ сказать-съ, святомъ и почтенномъ мѣстѣ играть, гдѣ и полковники прежде подъ арестомъ сиживали и уважительной стопой чуть дотрогивались, ступая ножками, до тамошняго помоста, а одинъ сорванецъ взлѣзъ на самый брусъ шланбаума, осѣдлалъ его, какъ конька, и лупитъ его по ребрамъ плеточкой».

Мы помолчали. Старикъ грустно понюхалъ табаку.

— «Скажите, Иванъ Алексѣевичъ, много хлопотъ стоили дѣйствительно эти поселенія Аракчееву?»

— «И не говорите, и не говорите! Бывало, налетитъ сюда грозой; какъ разгремится, какъ взорветъ его, и пошелъ, и пошелъ; за сто верстъ щепки, за пятьдесятъ стружки летѣли. Ну, а потомъ уже здѣшнее начальство и усвоило себѣ его поведеніе. И само, до послѣдняго человѣка, иначе и не вело себя, какъ пріѣдетъ каждый въ свою палестину: тоже порядкомъ и разгремится, и взорветъ его непремѣнно нелегкая, и стружки, и щепки летятъ далеко. Поселяне непремѣнно въ мундирныхъ кафтанахъ и фуражкахъ форменныхъ за плугами ходятъ, по формѣ усы и бакены носили,—бороды имъ воспрещены были; а наѣдетъ власть какая, всѣмъ это сейчасъ смотръ, выстроятъ во хронтъ и смотрятъ. У каждаго безвыходно солдатъ на квартерѣ стоитъ съ лошадью; значитъ, ты хозяинъ, корми солдата, корми и лошадь его. Много въ первое время это причинило непріятностей въ народѣ: знаете, тамъ жена у иного невѣрна оказалась, тамъ, положимъ, отъ тѣсноты и всякой помѣхи затосковалъ самъ мужъ, а послѣ все обошлось. Къ смотрамъ это, правда, бывало, въ рабочую пору, улицы подметали, канавки, родъ тротуаровъ по улицамъ вездѣ устраивали; песокъ издалека везли къ казеннымъ зданіямъ. Зато вездѣ порядокъ былъ; все въ аккуратъ дѣлалось...»

— «Что же теперь тутъ не въ аккуратъ дѣлается?»

— «Что? И вы еще спрашиваете? А пирамидки кирпичныя по дорогамъ куда дѣлись? А?

— «Ну? Не знаю...»

— «Какъ ну? Для чего пирамидки устраивались? Отвѣ-

чайте! Вѣдь онѣ замѣняли по дорогамъ версты, и въ то же время служили знаками въ зимнее время, въ метели, когда въ степи какъ разъ собьешься съ дороги. Что же сдѣлалось съ ними теперь это мужичье? Чуть ихъ расформировали, чуть они выбрали себѣ этихъ головъ да старшинъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ по ночамъ разломали всѣ эти пирамидки и развезли по домамъ на поправку печей. Мы, дескать, и такъ зимою найдемъ дорогу. Тычки изъ вѣтокъ поставимъ, какъ у государственныхъ крестьянъ, сосѣдей нашихъ, заведено, а кирпичъ мы дѣлали, мы пирамидки ставили и беремъ ихъ себѣ. Ихъ судили, штрафовали, да такъ и бросили дѣло».

За спиной нашей послышался голосъ:

— «Надоѣло намъ, Иванъ Алексѣевичъ, бѣлить ихъ послѣ дождей, да глиной подмазывать на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ въ разныхъ мѣстахъ!» — сказалъ подошедшій къ намъ торговецъ бакалейной лавочки, также изъ поселянъ: — «Заслышитъ начальство, что ѣдетъ какая-нибудь, даже, такъ сказать, простая особа, изъ особъ зауряднъ, сгоняй поселянъ, чини пирамидки. Вотъ мы, какъ дѣти, и посѣкли самую розочку-то сдуру. Глупы мы, что дѣлать, Иванъ Алексѣевичъ! Я уже и самъ своимъ говорилъ...»

— «И ты тоже, съ своимъ рыломъ, туда же суешься!— злобно зашипѣлъ старикъ: — Ужъ далъ бы удовольствіе молодымъ господамъ языки чесать! А то и мы съ своими дегтярными чоботами въ ихъ барскія палаты затесались...»

Купчикъ запахнулся полами синяго кафтана, вздохнулъ, взглянулъ разсѣянно черезъ заборъ и сказалъ:

— «Вы, сударь, про все разспросили Ивана Алексѣевича?»

— «Почти...»

— «Спросите ихъ, какъ они офицерскій чинъ получили. Вѣдь они тоже изъ нашихъ, изъ кантонистовъ вышли...»

Старикъ позеленѣлъ. Табачная капля сбѣжала ему на фіолетовый, растерявшійся и въ досадѣ вилявшій носъ, и долго онъ ловилъ ее концомъ также дрожавшаго клѣтчатаго платка.

— «Я чинъ получилъ по заслугѣ! Такъ-то-съ! Былъ у насъ окружной изъ нѣмцевъ, злюка изъ злюкъ, и такой уже аккуратистъ, что куда мы всѣ привычны были къ чистотѣ и къ порядку, а гдѣ бывало онъ корень пуститъ,

ажно тошно смотрѣть на него, душу вонъ воротитъ. Имѣлъ я должность, знаете, крошечную такую, съ пуговку — за конюшнями надзиралъ, а хотѣлось получить мѣстечко доходное, гдѣ нуженъ былъ офицерскій чинъ. Я же былъ изъ кантонистовъ унтеромъ. Ну, я и выдумалъ, когда ожидали въ нашъ округъ этого нѣмца, такой рисунокъ кирпичнаго заборчика, что когда онъ пріѣхалъ, да метнулъ въ сторону нечаянно на него взглядомъ, такъ изъ коляски даже сейчасъ вышелъ. Ужъ онъ ходилъ ходилъ возлѣ него, смотрѣлъ, даже заплакалъ отъ радости. А заборчикъ вышелъ весь сквозной, точно изъ дерева, прорѣзной. Дѣлала его цѣлая рабочая рота, день и ночь трудилась. Вышло красиво, только непрочно; пойдетъ корова, почешется и вывалитъ стѣнку. Но, соблюдая благолѣпіе улицъ, мы дали приказъ: не допускать коровъ чесаться о заборы въ той деревушкѣ, и дѣло обошлось. Графъ пріѣхалъ, за заборчики того нѣмца по плечу потрепалъ, къ себѣ на обѣдъ пригласилъ, да разсердившись тутъ же на одного начальника изъ русскихъ князьковъ за вольнодумство, при всемъ сопровождавшемъ его генералитетѣ, и гаркнулъ: «Я васъ, сударь, знать не хочу, что вы ваше сіятельство; вы передо мной рядовой солдатъ, а въ вашей дистанціи у поселянъ лица все еще бунтовщиками смотрятъ, у трехъ бакенбарды этакими стогами сѣна запущены, все еще на бороды смахиваютъ. Отставляю васъ отъ должности! Берите примѣръ съ *корнета Васильева:* онъ не только усерднѣйшій слуга Его Величества, Государя и Благодѣтеля моего, но притомъ и успѣшный прожектеръ. Взять, судари мои, примѣръ съ его заборчика во всѣ поселенія!» — «Слушаемъ!» — отвѣтили раболѣпно всѣ начальники, стоя передъ графомъ на аудіенціи. — «Смѣю доложить», — прибавилъ мой окружной: — «Васильевъ не корнетъ, а унтеръ-офицеръ!» Графъ метнулъ въ него огненнымъ взоромъ, и сказалъ: «Знаю, но такая ошибка въ ошибку не ставится!» — И представьте, желая ли поддержать въ себѣ поэтому сходство съ королями, не въ примѣръ другимъ, выхлопоталъ мнѣ чинъ корнета — за изобрѣтеніе въ безцѣнныхъ степяхъ забора, удобнаго и дешеваго, сохраняющаго экономію имперіи. Ну, что же ты рыло-то скалишь? — прибавилъ старикъ лавочнику: — коли меня въ благородство произвели, значитъ, я стоилъ того!»

— «Что и говорить-то, что и говорить! Ты, ваше бла-

городіе, все свое, да и мы свое. Объясни ихъ высокоблагородію ту причту: отчего же это нашъ братъ, поселянинъ, вотъ хоть бы и я, богатый человѣкъ, какъ ты меня считаешь, отчего, чуть насъ назначили обратить въ первое состояніе, мы въ три-дорога закупили у господъ помѣщиковъ хвороста да кольевъ и поспѣшили заплести плетневые заборы на мѣсто-то вашихъ кирпичныхъ, а ваши рядчикамъ распродали, либо въ мусоръ сволокли? На зло тѣсненію, скажешь, баринъ? Отъ супротивности? Анъ нѣтъ: самъ же ты признался, что коровы чесамшись твои заборчики валяли; не на привязи же ихъ держать было. Да и мазка, бѣленье, поправка всякая разоряла, а тутъ десять хворостинокъ приволокъ и починилъ опять лѣтъ на пять, на шесть...»

— «Тьфу! Не слушайте его! — крикнулъ сердито старикъ: — за плетни они стоятъ потому, что хвороста украдутъ и у помѣщиковъ, и въ казнѣ, а кирпичъ сдѣлай самъ, либо купи на заводѣ! Извините, я маленько васъ оставлю; вонъ идетъ г. аудиторъ Поклонскій. Есть къ нему дѣло...»

Васильевъ насъ оставилъ. Я же съ лавочникомъ вышелъ потихоньку изъ воротъ постоялаго двора и пошелъ съ нимъ вдоль улицъ, къ сторонѣ огромнаго сада шелковичныхъ плантацій и разсадника разныхъ ботаническихъ растеній. Въ тѣни дремучихъ ракитъ, тополей и бѣлыхъ акацій возвышались бѣлыя, громадныя зданія недавно закрытаго здѣсь военнаго госпиталя. Ряды зеленыхъ крышъ весело сверкали на солнцѣ, уходя въ развѣсистыя кущи пространныхъ, ловко раскинутыхъ аллей. Флигеля, размалеванные по стѣнамъ желтою краскою, или окрашенные краскою синею, розовою, шли по сторонамъ главныхъ корпусовъ.

— «Дворцы, да и полно! — сказалъ я, невольно любуясь огромными, удобными и щегольскими постройками: — а тоже, кажется, пусты; вонъ однѣ ласточки да стрижи теперь кружатся роемъ подъ крышами».

— «И тоже назначены къ продажѣ съ аукціона. Пока, однако, тутъ помѣщается послѣдняя смѣна военнаго начальства. Она завершаетъ тутъ прежнія дѣла. А шелковицу нашу видѣли теперь?»

— «Нѣтъ...»

— «Извольте своротить сюда, — подъ вербами вамъ не видно».

Мы свернули къ другой сторонѣ дороги. Я остолбенѣлъ

отъ картины, представившейся моимъ глазамъ. Громадныя плантаціи тутовыхъ деревьевъ, какъ оказалось, въ нѣсколько десятковъ десятинъ земли, шли низменною равниною, огибая съ этой стороны госпиталь и крайнія улицы села. Былъ май мѣсяцъ. Всѣ остальныя деревья сверкали яркою, нѣжною зеленью. Шелковичныя заросли стояли безлистыя, сухія, точно зимою лѣсной хворостъ, сквозя какъ стебли травы на далекое пространство.

— «Что это значитъ?»

— «Вымерзли въ эту зиму до тла».

— «Какая жалость!»

— «Да-съ; сказать бы что отъ дурного присмотра — такъ нѣтъ! Просто надъ этими... про... надъ нашими бѣдными поселеніями точно ворохъ разныхъ бѣдъ кто-нибудь высыпалъ. Тысячи народа нашего сгонялись сюда, ямки и канавы рыли, молодыя деревца сажали, школы сѣянковъ разводили, окапывали каждый кустикъ. Садовники тутъ содержались, всякому жалованье шло. При преемникѣ гр. Аракчеева, при графѣ Никитинѣ, будь, что ли, шелку со всѣхъ поселеній въ губерніи нашей, харьковской, говорятъ, собиралось... Ну, теперь разочло начальство, что какъ всѣ эти продовольствія кавалеріи натурою, такъ равно ремонты всякихъ штабовъ да комитетовъ больно дорого стоятъ казнѣ, и проку оттого нѣтъ никакого; тоже разочли и о шелководствѣ нашемъ военномъ. Отдали это, послѣ всякой тамъ переписки, съ торговъ частному лицу наши шелковичные сады. Тотъ ухватился за даровыя эти рощи, думаетъ: вотъ сорву барыши! А тутъ эта зима; все въ два послѣдніе мѣсяца зимою и вымерзло до корешка».

— «Отойдутъ же хоть изъ корня деревья?»

— «Богъ ихъ знаетъ, можетъ и отойдутъ; лѣтъ пять надо будетъ подождать, когда нѣкоторыя и отойдутъ! Да что, пустое это дѣло тутъ! Нашъ братъ мало понимаетъ въ немъ, а наймомъ все вести, врядъ ли выгодно будетъ! Это не то, что «на дурничку», согнать человѣкъ семьсотъ въ одинъ день съ бабами, да послѣ и щеголять, продавши три-четыре фунта сырца. Супротивъ хлѣбопашества врядъ ли это, али другое какое дѣло тутъ верхъ возьметъ».

— «Такъ вы довольны, то-есть поселяне, что эту военщину теперь распустили, и васъ опять поворотили въ государственныхъ?»

Лавочникъ сѣлъ на остатокъ какой-то былой улицы, тумбочки, указавши мнѣ возлѣ такую же, и отвѣтилъ:

— «Ка ъ не рады, ваше высокоблагородіе! Господа офицеры изъ нашего былого начальства, въ родѣ вотъ господина корнета Васильева...»

— «Да развѣ онъ до сихъ поръ корнетъ?»

— «Такъ на корнетѣ и остался: мы его Заборчиковымъ и зовемъ... больше отъ начальства не удостоенъ, особенно, какъ за поставку сапоговъ съ картонными подошвами его отчислили въ чистую... Такъ вотъ эти-то господа нашею перемѣною недовольны! А ужъ зато мы-то всѣ, простой народъ, и—и! Повѣрите ли, какъ увидѣли всѣ, что бороды запускать лѣтомъ-то можно, когда не то что до бритвы, вшей некогда вычесать съ головы, да что этихъ фуражекъ военныхъ не требуютъ носить, и на сгоны не сгоняютъ насъ гуртомъ песокъ возить, либо дрова гг. офицерамъ, либо щекатурить какія конюшни, да пустяки всякіе, бесѣдки, что ли, строить,—такъ просто не опомнились отъ радости. Спросите по церквамъ, сколько свѣчного сбора прибавилось у насъ съ тѣхъ поръ. Пахать и сѣять мы стали вдвое, скота держимъ втрое противъ прежняго. Лѣтъ пять-шесть назадъ, сколько недоимки въ податяхъ было, а теперь, спросите въ Харьковѣ, за полгода впередъ сносятъ, до срока, не то что еще недоимки тамъ какія!»

— «Коммерція же ваша какъ идетъ?

— «Коммерція — ничего-съ! Вотъ я прежде больше бакалеей, чаемъ, сахаромъ, да французскими винами торговалъ, да табакомъ: знаете, полки въ нашей слободѣ все кавалерія еще недавно стояла; ну, для военнаго лишь бы пуншикъ, да папироска, да вотъ еще карты. Забирать-то точно забирали у меня гибель: чуть привезешь чего свѣжаго изъ Харькова, отъ Лемера или отъ Павлова, такъ и расхватаютъ. Да только расплата шла туго. На двухъ полкахъ по тысячѣ цѣлковыхъ такъ и пропало, а на войну, въ походъ, сколько долговъ увезено у меня — и не спрашивайте...»

— «Теперь же?»

— «Теперь не то. Теперь я самъ — и подчиненный, и начальство. Я, примѣромъ, бородачъ, торгую, а сосѣдъ мой, мужикъ, головою въ правленіи сидитъ. Ну, случись должекъ, его теперь легче и выправишь. Да, кромѣ бакалеи-то, я

сталъ теперь и ситцами торговать, и ссыпку хлѣба началъ...»

— «Ситцами?!»

— «А какъ бы вы думали? Заверните-ка теперь сюда въ праздникъ какой, не говорю уже о ярмаркѣ. У нашей церкви возы съ краснымъ товаромъ стоятъ. Дѣти орѣхи съ лотковъ покупаютъ. А поселянка въ церкви свѣчку-таки поставитъ, помолится, а потомъ къ краснорядцу норовитъ, и уже дешевки какой ей не подавай теперь: «французскаго ситцу» по 30 к. с., да по 40 к. ей подавай. Ну, и сунешь ей клинцовскаго какого или бетепажевскаго, замѣсто французскаго. Подите вы, хе-хе! съ нашими запасницами прежними теперь! Иной разъ штуку ситцу да бунта три платковъ раскупятъ, пока еще послѣ обѣдни иные старики молебны за новую волю нашу правятъ...»

— «А ссыпка хлѣба?»

— «Это тоже хорошее дѣло. Я вотъ, да еще одинъ тутъ, плохенькій капитанчикъ изъ отставныхъ, амбары для этого построили. Да что капитанъ? Денжатъ у него маловато; кмется. Намъ такіе неопасны; да опять же торгуетъ онъ на шестьсотъ цѣлковыхъ, положимъ, а за сто, въ томъ числѣ, еще сидѣльца амбарнаго держитъ; самъ же дома больше все трубочку сосетъ. Нашъ же братъ самъ: и въ красной лавкѣ посидишь, и въ амбарѣ кули пріймешь,—у иного за чистыя деньги, у другого такъ, дашь ему какой ножикъ, либо веревку, либо связку табаку, либо платокъ его бабѣ. Ну, такъ-то глядишь, сотня-другая четвертей пшеницы и наберется. Да эти же свои братья поселяне ее и за четыреста верстъ, и въ Бердянскъ къ морю весной свезутъ чуть не за даромъ; они за солью ѣдутъ, въ деньгахъ нуждаются,—ты имъ дашь впередъ, и глядишь—къ Троицѣ вернулись: рубль на полтину и выторгованъ; такъ-то-съ...»

— «Кромѣ васъ и другіе поселяне торгуютъ уже хлѣбомъ?»

— «Что я за хлѣбный купецъ? это я такъ, ради скуки только; всего по-немногу; лишь бы не съ убытками, какъ съ гг. офицерами, лемеровскими винами! А вотъ въ слободахъ другихъ у насъ, въ Лозовенькѣ, Балаклеѣ, Волоховомъ-Яру, такъ тамъ есть такіе ссыпщики изъ нашихъ мужиковъ, что съ той поры, какъ къ намъ воротили волю, по тысячѣ и по двѣ четвертей изъ однихъ воротъ стали

къ морю возить на чумацкихъ фурахъ. Взгляните вы на наши хлѣбные токи осенью — такъ ломятся теперь отъ скирдъ. О нехозяевахъ и не слышно. Всякъ теперь за плугъ ухватился, не то что прежде выгоднѣе было, такъ гдѣ нибудь мотаться. Землю теперь раздѣлили по душамъ, и податями обложили каждую десятину: волею, неволею, работай. Да и лучше. Побывали бы вы на нашихъ торгахъ, когда залишнюю землю съ аукціона, значитъ, отдаютъ; года въ два, три разъ это бывать завелось».

— «Какія же это земли залишнія?»

— «Да, видите ли, прежде на этихъ земляхъ сгономъ сѣно для кавалеріи косили, а болѣе это сѣно, слышно, самимъ гг. начальникамъ шло. Ну-съ, а теперь нарѣзали на каждое село, на общество, положимъ, по 4½ десятины на душу; за нихъ идутъ въ казну подати. А лишнія земли при каждомъ селѣ, десятинъ по 500, по 1,000 и болѣе, раздаютъ съ торговъ. Такихъ десятинъ тысячъ 50 наберется тутъ только въ окружности. Ихъ расхватываютъ по рублю-цѣлковому и болѣе на одно лѣто съ десятины. Деньги вносятъ разомъ, чистоганомъ, да кладутъ-то ихъ теперь, слышно, въ простенькое, такъ-сказать, уѣздное казначейство, подъ замокъ, что ли, Ѳедора Ивановича, коли знаете, г. казначея въ Харьковѣ: можетъ-быть, подорожныя у него брали— г. Литвиновъ фамилія... Ну, у этого денежка невзначай со стола казеннаго не упадетъ! Можетъ слышали, какъ дважды подъ его подвалъ хваты подрывались? Не удалось! Теперь-то, говорятъ, казна и увидала, какъ ее сосали эти-то поселенія. А залишнія земли и отъ нашихъ все-таки поселянскихъ рукъ не ушли. Бо́льшую часть дачъ этихъ мы же съ торговъ разобрали обществами: только поглядите теперь: свинки по землѣ этой сѣнокосной уже не толкутся, лошади какой блудящей по травѣ тамъ не увидите! Своихъ сторожей держатъ; да и сѣно-то косятъ почище, стоги складываютъ повыше и поаккуратнѣе. Ну, словомъ, благодать на сердце Царево сошла, когда Онъ, голубчикъ, о насъ-то подумалъ...»

Вдали показался опять корнетъ Васильевъ. Онъ шелъ чернѣе тучи осенней.

— «Замѣчаете, видно аудиторъ-то Поклонскій барину дурныя вѣсти далъ...»

— «А что?»

— «Торгуютъ вмѣстѣ эти палаты-съ, гошпитали, подъ

коими мы теперь сидимъ. Видно, цѣну на торги великую готовитъ начальство...»

Старикъ подошелъ, снялъ картузъ, обтеръ съ лысины потъ и со всего размаха ударилъ о-землю и картузомъ, и носовымъ платкомъ. Мы переглянулись. Погодя немного. Васильевъ улыбнулся. Хмурыя, кустоватыя брови его разошлись. Сизый носикъ опять весело и хитро задвигался.

— «Мы съ Поклонскимъ хотѣли съ торговъ госпиталь этотъ купить. Торги, кажется, будутъ черезъ полгода; да пугаютъ большою цѣною. Мы даемъ чистоганомъ пять тысячъ цѣлковыхъ».

Лавочникъ сердито фыркнулъ.

— «Что ты?»

— «Какъ что?! Да вѣдь вы за глаза двадцать тысячъ на сломъ на одномъ кирпичѣ выберете».

— «Эка важность! А тебѣ-то что, суконное твое рыло? А? Чего ты присталъ? Спрашиваютъ тебя, что ли? Или завидно стало?»

— «Какъ не завидно коли отецъ мой лично, отцы наши своими руками эти-то махинища сооружали, а я мальчишкой воду сюда и песокъ таскалъ».

— «Но, вѣдь это, дружище, казнѣ даромъ обошлось! Вы сгономъ работали, почитай, барщиной. То, все же хорошо получить казнѣ 5,000 р. за то, на что она почти не тратилась».

— «Пять тысячъ! Меньше 50,000 цѣлковыхъ отдать нельзя. Извини, ваше благородіе!»

— «Ты, что ли, отдавать будешь?»

— «Да, я!»

— «Ты?»

— «Я!»

— «Тьфу!» Васильевъ опять со злостью плюнулъ и показалъ мнѣ на ладонь:

— «Это видите?»

— «Вижу!»

— «Волосамъ тутъ не быть?»

— «Не быть...»

— «Ну, такъ и этому мужичью, всякимъ лавочникамъ, господами не сдѣлаться. Погодите, пофиглите вы еще годокъ, другой. А тамъ опять васъ въ военные поселяне повернутъ».

Старикъ простился со мной и ушелъ въ комитетъ. Мы съ лавочникомъ воротились на постоялый дворъ. Дорогой онъ сказалъ мнѣ:

— «Сынишка мой грамотѣ обученъ...»

— «Чай, при прежнихъ порядкахъ?»

— «Да, правда. А теперь наши слободы всѣ отвѣтили, на предложеніе самимъ завести школы: не хотимъ школъ, а нужно обучить сына кому, онъ и самъ къ дьячку его отведетъ».

— «Что же? Вѣдь это скверно? Въ кабакахъ отъ поселянъ отбоя нѣтъ, а по гривеннику въ годъ съ души на учителя сложиться тяжело...»

Лавочникъ вздохнулъ и осмотрѣлся кругомъ.

— «Тяжело? Гдѣ тяжело! Не безпокойтесь, баринъ, все будетъ. А теперь еще молчатъ, потому, прежніе распорядки еще на свѣжей памяти. Дайте самимъ сдѣлать, и сдѣлаютъ».

— «Такъ ты говорилъ про сына?»

— «Да, онъ у меня грамотѣ обученъ, читаетъ исторію. И говоритъ онъ, что эти наши поселенскія слободы прежде знаменитыя были, Андреевка, равно какъ и Балаклея. Въ Андреевкѣ сотня изюмскаго слободского полка стояла, и знать тутъ сотникъ отъ татаръ, да отъ поляковъ отбивался, и царя Петра I у себя въ гостяхъ принималъ, такъ и въ печатныхъ книгахъ записано. А въ Балаклеѣ, вблизи села, царь Петръ лагеремъ стоялъ, какъ подъ Полтаву на шведа шелъ, и колоколъ тамъ на церковь самъ встащилъ. Да и въ лѣтописяхъ нашихъ украинскихъ постоянно эти имена попадаются. Намъ, старикамъ, пріятно вычитывать, что и въ старину села и слободы эти жили, какъ подобаетъ человѣку. А графъ-то Аракчеевъ... все перегнулъ, перевернулъ, перекрестилъ по-своему... Андреевку нашу назвали Ново-Борисоглѣбскомъ, а старую-то, еще въ дни Годунова, говорятъ, славную, Балаклею — Ново-Серпуховомъ. Точно завоеватель-непріятель въ Крыму свои имена надавалъ урочищамъ. Повѣрите ли, въ первые годы поселянъ хватали въ холодную, сѣкли, чуть, вмѣсто Ново-Серпухова, Балаклеей свою слободу прозовутъ между собою. А въ обоихъ селахъ по пяти тысячъ душъ, не слышно было искони донынѣ ни грабежей, ни убійствъ, ни супротивности начальству... Порядки тяжелые измѣнились, мы опять вольными по царѣ стали, а именъ намъ нашихъ не возвращаютъ, и

господа офицеры, наше еще военное начальство, межъ собой и съ народомъ наши старыя имена говорятъ, а въ бумагахъ все новыя прозвища наши пишутъ. А люди они теперь на подборъ хорошіе: все изъ новыхъ, ласковыхъ и умныхъ. Законъ берегутъ и насъ отстаиваютъ. Такъ видите ли, теперь вѣльно, что ли...»

— «Въ прежнее время, я слышалъ, поселяне ваши сильно сосѣдніе помѣщичьи лѣса обижали. Теперь же тише стали?»

— «Куда имъ теперь! Вотъ у насъ въ Андреевкѣ теперь головою Астафьевъ. Случилось недавно такое дѣло. Въ семи верстахъ отсюда живетъ помѣщикъ; лѣсничій его и далъ поселянину нашему Лещенку вывезти пять штукъ дерева. Помѣщикъ далъ знать прямо головѣ. Голова взялъ понятыхъ, лично накрылъ украденное дерево и положилъ по суду такъ: Лещенка заставить отвезти дерево обратно помѣщику, да по оцѣнкѣ за кражу, по таксѣ казенной, десять цѣлковыхъ штрафа въ пользу помѣщика съ него же; да еще Лещенка предалъ штрафу работой въ пользу общества. Такъ какъ привелъ въ исполненіе этотъ приговоръ, воровство у андреевскихъ поселянъ какъ рукой сняло. А прежде, пошло бы дѣло за справками, да командировками, да перепсками, да отписками...»

Черезъ два часа послѣ этого разговора съ корнетомъ Васильевымъ и лавочникомъ, я въѣхалъ въ г. Чугуевъ, средоточіе бывшихъ еще недавно сѣверныхъ (на Украйнѣ) военныхъ поселеній. Любимое дѣтище графовъ Аракчеева и Никитина, Чугуевъ сталъ, въ послѣдніе два-три года, рѣшительно неузнаваемъ.

Прежде Чугуевъ былъ весь въ садахъ. Старинные акты говорятъ, что тутъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, были виноградники. Сообразивши, что Чугуевъ находится на крутой горѣ, окружаемой съ двухъ сторонъ Донцомъ, графъ Аракчеевъ рѣшилъ изъ него сдѣлать столицу своихъ подбритыхъ, вымуштрованныхъ и всячески перекроенныхъ на его мѣрку «граничаръ»—Gränzes-Völker, какъ въ Австріи, сводившей съ ума тогда сего великаго стратига. Пока у окрестныхъ помѣщиковъ волей и неволей скупались хутора и села, тутъ же обращаемыя въ поселенія, а вольныхъ хлѣбопашцевъ изъ бывшихъ украинскихъ казаковъ силой, нерѣдко съ грозными военными экзекуціями, дѣлали безобразными двуутробками, т.-е. солдатами-пахарями, — въ Чу-

гуевѣ особенно трудно было бороться съ народонаселеніемъ. Отсюда, между прочимъ, выведено сорокъ отставныхъ маіоровъ, поселенныхъ гуртомъ близъ Салтова въ селѣ, прозванномъ народомъ Сороковкой, гдѣ каждый изъ маіоровъ получилъ по 40 десятинъ казенной земли, а ихъ земли близъ Чугуева взяты подъ поселеніе.

Кто изъ бывшихъ на югѣ Россіи не помнитъ сороковыхъ годовъ, времени высшаго процвѣтанія города Чугуева? Кто не помнитъ его бѣлыхъ, точно изъ карты вырѣзанныхъ по одному образцу, домиковъ, вытянутыхъ въ шеренги по длиннымъ улицамъ и крытыхъ черепицей? Кто не помнитъ его нескончаемыхъ смотровъ, парадовъ, вѣчной пыли, поднимаемой конскими копытами, пушками и ногами, въ три темпа поднимаемыми вверхъ? Во всѣхъ уголкахъ мундиры. Въ окнахъ усы, трубки, красные лацканы и опять мундиры. Здѣсь замыслилась и привелась въ исполненіе подъ Вознесенскомъ знаменитая кадриль, исполненная верхомъ на лошадяхъ уланами. Заставы у въѣзда и выѣзда, гауптвахты тамъ же, гауптвахта еще въ срединѣ города. Скачутъ курьеры; почтовая контора ломится отъ тюковъ съ письмами, предписаніями и донесеніями. Команды входятъ, выходятъ и опять входятъ. Поселяне чистятъ офицерскихъ лошадей, кормятъ солдатъ, ходятъ артелями на сгонныя работы, въ родѣ сыпанія «песку по песку», о чемъ сохранились намеки въ распѣваемой теперь здѣсь пѣснѣ о быломъ:

«Жизнь въ военномъ поселеньѣ
Настоящее мученье;
Волостные, окружные,
Все-то строгіе такіе,
Лучшихъ не сыскать!
Люди возятъ хлѣбъ мѣшками,
Мы же все песокъ возами—
Сыпать по песку!»

Теперь Чугуевъ, отрадно даже сказать, сталъ гражданскимъ городомъ. Аптека изъ окрестностей (отчего она была за городомъ въ верстѣ?—Богъ вѣсть!) перешла въ средину его. Домики до того ударились въ перестройку на гражданскій ладъ, не на вытяжку и не по одной формѣ, что иные вылѣзли даже на улицу вовсе бокомъ. Явилось много постоялыхъ дворовъ. Казенные офицерскіе и генеральскіе

дома распроданы въ частныя руки. Явилось много гражданскихъ костюмовъ, постоянныхъ гражданъ въ пальто и чуйкахъ. Базаръ гудитъ народомъ по понедѣльникамъ. Являются вывѣски частныхъ мастеровыхъ.

Словомъ, изъ какой-то холостой, недомовитой гостиницы, гдѣ каждый ухорскій проѣзжій, временной ея обитатель, позволяетъ себѣ и столы исчерчивать ножикомъ, и на стѣнахъ всякія прелести писать,—Чугуевъ становится теперь, и скоро окончательно станетъ, семейнымъ домомъ, милымъ и уютнымъ жилищемъ, у котораго составятся и свои отрадныя преданія, и свои постоянные обладатели по праву собственности.

Но еще много въ Чугуевѣ теперь разношерстной и разнокалиберной публики изъ былыхъ его судебъ: отставныхъ писарей, аудиторовъ не у дѣлъ, заштатныхъ чиновъ всякаго званія, составляющихъ въ немъ партію старую, или, такъ-называемыхъ здѣсь, аракчеевофиловъ. Они вѣроятно скоро перестанутъ неприлично ругаться и окончательно угомонятся, направивъ свои силы къ другимъ поприщамъ: къ земледѣлію, или торговлѣ хотя пряниками или пастилой изъ осиновскихъ и зарол ненскихъ грушъ и сливъ на базарѣ.

Въ Чугуевѣ не слышно болѣе неугомонной барабанной трели. Надъ зданіемъ главнаго штаба хорошенькая каланча съ часами, а въ самомъ зданіи, вмѣсто сотни писарей, аудиторовъ и прочихъ чиновъ, очень успѣшно организованное на новый ладъ военное училище... не кантонистовъ, а дѣтей всякихъ сословій, приготовляемыхъ въ техническія военныя званія по артиллеріи, фортификаціи и инженерному искусству. На площадкѣ былой грозной «чугуевской главной гауптвахты» я увидѣлъ толпу веселыхъ, краснощекихъ дѣтей, игравшихъ въ мячъ между уроками.

Въ домѣ бывшихъ полковыхъ командировъ, квартировавшихъ здѣсь въ домѣ, давшемъ столько сюжетовъ очеркамъ г. Турбина и прекраснымъ разсказамъ изъ военной жизни г. Аоанасьева, теперь главная откупная контора. Тамъ, гдѣ мелькали личики полковницкихъ дочекъ, а рядомъ съ ними усики разныхъ «съ ума сводовъ», торчатъ бочки, ведра и молчаливыя лица писцовъ канцеляріи акцизно-откупного комиссіонерства, также доживающаго тутъ свой вѣкъ.

Вмѣсто десятка генераловъ, постоянно считавшихся здѣсь старшинствомъ, коменданта и окружнаго, которому всѣ и

все мѣшали, сбивая съ толку всѣ его распоряженія о поселянахъ, здѣсь теперь одна власть: новоставленный «отъ губерніи» городничій. Заведены свои квартальные, пока собственно «хватальные» (для пьяницъ изъ разнаго былого здѣсь люда) изъ унтеръ-офицеровъ. Много выходитъ въ этой ломкѣ стараго и перестройкѣ всего здѣшняго мірка тяжелыхъ казусовъ для этого городничаго. Откупъ, пользуясь прежнимъ произволомъ, позволяетъ себѣ еще производить при погребахъ виноградныхъ винъ продажу водки на вынось и для распивки на мѣстѣ. Городничій Тризна запрашиваетъ откупъ объ этихъ нарушеніяхъ его правъ и обязанностей. Винный главный комиссіонеръ, по поводу запроса городничаго Тризны «представить ему списокъ мѣстъ продажи питій», отвѣчаетъ на печатномъ бланкѣ, какъ нѣкій маршалъ Пелисье смиренному русскому капитану порта: Мы не понимаемъ изъ запроса вашего, что̀ нужно вашему благородію отъ насъ: *склянки, пробки, деньги, или самые горячіе напитки»*. И бумага — за нумеромъ и за ссылкой на своего почтеннаго патрона, барона Фитингофа, который вѣроятно объ этомъ и не помышляетъ.

Входитъ г. Тризна въ три часа въ частный отель, содержимый нѣкоею вдовою-солдаткою, слыша о буйствѣ и крикахъ, вылетавшихъ изъ оконъ сего кабачка, и говоритъ: «По закону далѣе полуночи кабаки не могутъ быть открыты. Выходите отсюда всѣ домой». Утромъ храбрая вдова призвана къ допросу. Но отвѣчать и судиться у частнаго гражданскаго городничаго она не желаетъ.

— «Дайте мнѣ антиллерійскаго начальника!» кричитъ она, вспоминая былыя здѣшнія привилегіи и желая имѣть надъ собою судъ спеціалиста, такъ какъ мужъ ея былъ тутъ когда-то въ артиллеріи.

Такова-то была здѣсь прежде путаница семи подраздѣленій разныхъ подчиненныхъ. Теперь, слава тебѣ Господи, все минуетъ, все обстроится заново. Я здѣсь выросъ, служилъ въ разныхъ службахъ и знаю мѣсто: городъ лѣтъ черезъ десять будетъ на славу; особенно, какъ созрѣетъ и сосѣдній съ нашимъ военно-поселенскимъ, крестьянскій вопросъ.

Вечеромъ пилъ я чай въ подгородней поселенской слободкѣ Осиновкѣ, у бывшаго еще недавно военнаго поселянина, а теперь второй гильдіи купца Зорина. Онъ держитъ

гурты рогатаго скота и овецъ, нагуливаетъ ихъ на арендуемыхъ земляхъ и осенью бьетъ на сало и солонину въ собственныхъ бойняхъ. Недавно онъ завелъ и свѣчной заводъ. Прежде онъ держалъ разные подряды на военныя команды. Теперь у него, говорятъ, капиталъ тысячъ въ двѣсти серебромъ. Старшаго сына онъ выдѣлилъ и далъ ему чистоганомъ 25,000 р. с. Сверхъ того, онъ купилъ на границѣ купянскаго уѣзда тысячу десятинъ земли, гдѣ ведетъ уже два года хлѣбопашество наймомъ. Землю эту онъ, какъ слышно, купилъ у какого-то обѣднѣвшаго помѣщика.

Въ домикѣ у него, оклеенномъ французскими обоями, стоитъ рояль. На столѣ лежатъ «Биржевыя Вѣдомости» и книжка журнала «Время». Младшій сынъ его учится уже давно. Ему лѣтъ десять. Зимою онъ учится, а лѣтомъ ѣздитъ въ фургонѣ, съ отцовскими сгонщиками, въ объѣздъ гуртовъ скота и овецъ. Старикъ былого не бранитъ, а въ молодое и новое вѣруетъ всею душой. Счастливъ этотъ несчастный «мономанъ села Грузина», что его громадныя и опасныя ошибки исправлены теперь такою опытною рукой.

1862 г.

IV.

НѢМЕЦКІЯ КОЛОНІИ БЛИЗЪ КРЫМА.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ по Малороссіи.)

Въ Россіи въ настоящее время *) находится до 300,000 человѣкъ колонистовъ разныхъ племенъ и вѣроисповѣданій. Первые колонисты были водворены въ нашемъ отечествѣ около 1763 года по указу императрицы Екатерины II; имъ дано было на каждое семейство отъ двадцати-пяти до тридцати десятинъ земли. Всѣ колонисты состояли подъ вѣдѣніемъ комитета опекунства объ иностранцахъ. Особенныя привилегіи быстро развили благосостояніе нашихъ колоній. Съ той поры ихъ народонаселеніе безпрестанно увеличивалось. Въ Саратовской колоніи оно удвоивалось въ каждыя двадцать два или двадцать пять лѣтъ. Взглянемъ на состояніе нѣмецкихъ колоній въ нашихъ херсонскихъ степяхъ, именно колоній *меноннстовъ*.

Недавно мы имѣли случай видѣть всѣ меноннстскія колоніи, которыя лежатъ по большой дорогѣ изъ Керчи, чрезъ Арабатскую Стрѣлку, Мелитополь и Орѣховъ, въ Екатеринославль.

Колоніи эти, числомъ до двадцати нумеровъ, какъ ихъ называютъ русскіе, носятъ имена или нѣмецкія, или татарскія, или русскія. Онѣ расположены въ небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга и представляютъ видъ небольшихъ германскихъ торговыхъ городковъ. Большая дорога идетъ чрезъ ихъ главныя улицы.

Каждому хозяину полагается обязанностью воздѣлывать

*) Писано въ 1855 году.

небольшой домашній садъ. Часть этого сада засѣвается фруктовыми деревьями, другая часть дикими деревьями, третья тутовыми. Кромѣ этого сада, всѣ хозяева общими средствами обязаны воздѣлывать огромный общественный садъ своей колоніи. Этотъ садъ имѣетъ также три разряда деревъ: фруктовыхъ, дикихъ и тутовыхъ. Подобное распоряженіе имѣло самое благодѣтельное вліяніе на пустынныя степи нашего юга. Дорога, по которой вы большею частію не встрѣтите даже верстъ, замѣняемыхъ здѣсь небольшими насыпями, во многихъ мѣстахъ идетъ роскошною аллеею меноннстскихъ плантацій... Степи наши обращаются въ сады...

Сверхъ этой первой обязанности, меноннстскіе колонисты должны устроивать въ своихъ хлѣбныхъ поляхъ живыя изгороди. Живыя изгороди удались здѣсь въ отличномъ видѣ. Кромѣ тѣни, которою онѣ увеличиваютъ влажность атмосферы и степной почвы, живыя изгороди составляютъ притомъ лучшую защиту противъ постоянныхъ степныхъ вѣтровъ, изъ которыхъ восточный, лѣтній, особенно страшенъ для нашей благословенной житницы Малороссіи.

Самыя травы вокругъ садовъ и живыхъ изгородей оживляются, разростаются и даютъ превосходный укосъ. Иногда въ мѣстахъ, долгое время обнаженныхъ и обгорѣлыхъ, вдругъ являются травы самыя сочныя и рѣдкія. Въ несчастные годы, когда для южныхъ хозяйствъ въ Крыму и въ степяхъ Украйны сѣно чрезвычайно дорожаетъ, у меноннстовъ его бываетъ столько, что они имъ снабжаютъ самыхъ отдаленныхъ своихъ сосѣдей.

Колоніи состоятъ изъ главной улицы и двухъ или трехъ переулковъ. Дома всѣ деревянные, на каменныхъ фундаментахъ, въ два и часто въ три этажа. Кровли высокія, острыя, выкрашенныя въ красный или въ черный цвѣтъ. Крыльцо каждаго дома выходитъ на улицу, что очень поражаетъ путешественниковъ, привыкшихъ въ Крыму къ домамъ, которые на улицу не имѣютъ даже оконъ и представляютъ сплошныя, печальныя массы. Передъ домомъ зажиточныхъ меноннстовъ вы увидите колодецъ съ колесомъ и чистенькою голубою бадьей; подлѣ помѣщается длинное корыто, куда бѣжитъ вода для скота. Кромѣ домоваго садика, который выходитъ на улицу, какъ въ Москвѣ въ Садовой улицѣ, или въ Петербургѣ на Большомъ проспектѣ Васильевскаго острова, вы иногда увидите хорошенькій на-

вильонъ, въ которомъ женскій полъ меноннстскаго семейства въ лѣтніе дни купается въ чистенькихъ и оранжевыхъ ваннахъ. Рядомъ съ каждымъ домомъ устроены сараи; одна часть сарая служитъ для помѣщенія фабрики или мастерской, въ другой ставятся земледѣльческія орудія и экипажи. За сараемъ помѣщаются конюшни, овечьи загоны, бойни, погреба и ледники. У каждаго селенія возвышается столбъ съ надписью на металлической доскѣ: такая-то колонія, столько-то жителей и домовъ.

Меноннсты имѣютъ довольно оригинальное устройство своихъ общинъ. Они не допускаютъ между собою никакой роскоши, никакого щегольства. Дорогія ткани, модныя платья женщинъ и мужчинъ, пестрые цвѣта, все это запрещено у нихъ. Для женщинъ существуетъ здѣсь такой же, установленный годами, неизмѣнный нарядъ, какъ и для мужчинъ. Въ этомъ ихъ хозяева находятъ огромную выгоду. Подобно тому, какъ въ Петербургѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ денди, напримѣръ, ни въ какомъ случаѣ въ настоящее время не смѣютъ ходить, положимъ, въ желтыхъ шелковыхъ фракахъ или въ блондовыхъ жилетахъ, такъ точно и меноннстскія модницы не смѣютъ носить прически à la Titus, или шелковыхъ платьевъ съ воланами. У меноннстовъ не существуетъ даже словъ и понятій о модѣ и современности вкуса. У нихъ все, какъ въ старину. Мужчины уже четвертый десятокъ носятъ зеленыя суконныя куртки, узкіе черные панталоны, что безобразитъ ихъ неуклюжія и длинныя ноги, башмаки, подкованные гвоздями и шапки съ колоссальными козырьками; лѣтомъ къ этому костюму присоединяется соломенная шляпа. Женщины ходятъ въ синихъ чулкахъ; эти синіе чулки какъ нельзя лучше приходятся къ меноннсткамъ, потому что онѣ ужасныя умницы, скоросѣлки, пишутъ, кромѣ отчетовъ по экономіи, свои дневники и участвуютъ въ туземныхъ газетахъ, «Zeitung», которыхъ у нихъ двѣ. Всѣ меноннстки носятъ короткія шерстяныя юбки, черные передники, голубые ситцевые корсажи и нѣсколько нитокъ ожерелья. Волосы убираютъ въ корзинку, а виски заплетаютъ косичками и въ видѣ бѣлокурыхъ клапанчиковъ укладываютъ по бокамъ бровей.

Мужчины и женщины всѣ ужасные флегматики, но опрятны, разсудительны, работящи и экономны. Изгнавъ роскошь, меноннсты распорядились такъ же и съ изящными

искусствами: музыка у нихъ предана остракизму и запрещена подъ страхомъ строгихъ взысканій. Танцы считаются однимъ изъ смертныхъ грѣховъ. Молодые мужчины совершенно удалены отъ женскаго общества. Меноннсты говорятъ, что сближеніе молодыхъ людей обоего пола порождаетъ только пошлое волокитство, безхарактерность, легкость и вѣтренность мыслей. Вы ихъ не увѣрите, что это отчужденіе мужчинъ отъ общества женщинъ порождаетъ еще худшія послѣдствія: угрюмость характера первыхъ и смѣшную сентиментальность послѣднихъ; молодые мужчины, въ свободное время, губятъ свои досуги въ пьянствѣ, въ куреніи кнастера и въ чтеніи глупѣйшихъ рыцарскихъ сказокъ, и, наконецъ, браки рѣдко бываютъ счастливы у меноннстовъ, потому что женихъ и невѣста до дня свадьбы рѣдко знаютъ другъ друга даже по имени.

Меноннстское начальство считаетъ обязанностью слѣдить за частною жизнью каждаго изъ колонистовъ. Когда какой-нибудь членъ меноннстскаго общества своими поступками, развратнымъ поведеніемъ или неповиновеніемъ обществу навлечетъ на себя общее негодованіе, его призываютъ въ молитвенный домъ. Президентъ совѣта читаетъ ему его проступки, укоряетъ его въ безчестной жизни и, отъ имени общества, исключаетъ изъ числа членовъ колоніи: это значитъ, что виновный лишается чести, всего имѣнія, жены и дѣтей... Никто ему не смѣетъ подать руку! Исключенному остается одно: поступить въ наемники къ одному изъ членовъ колоніи. Если онъ исправится, лѣтъ чрезъ пять, правленіе колоніи призываетъ его вновь въ молитвенный домъ, читаетъ ему положеніе совѣта и объявляетъ, что общество, исключивъ его изъ своего состава, положило своею обязанностью слѣдить за нимъ, что онъ своею послѣднею честною жизнью искупилъ свое прошедшее, и что общество вновь принимаетъ его въ свою среду, возвращаетъ ему его права, имѣніе и семейство, бывшее безъ него подъ опекою общества.

Благодѣтельныя мѣры правительства совершенно осчастливили этотъ чудный уголокъ Россіи.—Въ числѣ меноннстовъ есть семейства, которыя пришли въ наше отечество, не имѣя ничего, кромѣ жажды труда и хозяйственныхъ познаній, а нынѣ пользуются огромными богатствами. Фамиліи *Корниза*, помѣстья котораго, Тощенакъ и Юшакли, чудно устроены, и *Пфейля* пользуются всеобщимъ уваженіемъ.

Корнизъ, съ самаго прибытія въ Россію до нынѣшняго времени, постоянно былъ главою меннонистскихъ колоній. Честность, здравый умъ, геніальныя способности въ наукѣ хозяйства и въ практикѣ положительной жизни, наконецъ, европейская ученость, доказательствомъ которой служатъ его сочиненія по части хозяйства и сельской промышленности, все это характеризуетъ представителя меннонистовъ. Корнизъ, кромѣ заботъ о своихъ соотечественникахъ, много сдѣлалъ и для другихъ племенъ южной Россіи. Такъ, его содѣйствіемъ къ осуществленію благихъ предначертаній правительства, дикіе ногайцы стали теперь народомъ осѣдлымъ. Корнизъ сперва входилъ съ ними въ дружбу, потомъ надежнѣйшихъ ногайцевъ бралъ къ себѣ въ наемники, въ услуженіе, училъ ихъ обработкѣ земли, посѣву хлѣбовъ и деревьевъ, обогащалъ ихъ сколько можно, просвѣщалъ, словомъ — доводилъ ихъ личность до личности европейца, и потомъ отпускалъ ихъ въ родныя кочевья... Образованіе такихъ пришлецовъ быстро распространялось на дикихъ ногайцевъ, они бросали свои кибитки, селились въ степяхъ, у рѣкъ и озеръ, заводили вначалѣ родъ татарскихъ ауловъ, строили сакли, потомъ малороссійскія мазанки, хаты, а нынѣ вы встрѣтите цѣлыя ногайскія селенія, которыхъ нельзя отличить отъ нѣмецкихъ колоній. По распоряженію мѣстнаго начальства, здѣсь обращаютъ большое вниманіе на благочиніе ногайскихъ поселеній. Дурные хозяева, за нерадѣніе и нечистоту въ домахъ, переселяются въ заднюю часть деревень, и желаніе жить въ главной улицѣ, на большой дорогѣ, заставляетъ ногайцевъ бросать и природную лѣнь, и природную дикость.

Несмотря на нынѣшнее свое богатство, ни одинъ изъ честныхъ меннонистовъ не перемѣнитъ своихъ привычекъ и образа жизни.

У одного изъ богатѣйшихъ меннонистскихъ магнатовъ я какъ-то провелъ весь день и успѣлъ подмѣтить много страннаго въ чудной жизни его семейства. Старикъ-хозяинъ имѣетъ теперь состояніе въ нѣсколько милліоновъ. Въ разговорахъ своихъ онъ иногда ссылается на нѣкоторые участки своихъ земель, говоря: «да! у меня есть тамъ-то клочекъ чернозема, тамъ-то клочекъ степей»,—а эти клочки состоятъ изъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ земли. Получая не одинъ десятокъ тысячъ рублей дохода, мой знакомый меннонистъ

живетъ очень просто, его дочери готовятъ ему обѣдъ, служатъ за столомъ, моютъ его бумажные колпаки и стелютъ гостямъ чистыя, настоящія германскія постели.

У другого менониста состояніе значительнѣе, чѣмъ у предыдущаго, и, несмотря на это, честный колонистъ объѣзжаетъ на простой телѣжкѣ каждый годъ свои земли, гдѣ пасутся безчисленныя стада овецъ и лошадей; выдалъ единственную дочь за своего чабана, пастуха, и вовсе не жалѣетъ своего зятя, который, попрежнему, цѣлое лѣто живетъ въ степи съ овцами и только зимою предается счастію семейнаго уголка.

Кстати о стадахъ овецъ и лошадей. Теперь на югѣ, особенно у колонистовъ, коневодство играетъ важную роль. Заимствуемъ здѣсь описаніе степныхъ новороссійскихъ табуновъ изъ сочиненія Коля и, показавъ нашимъ читателямъ любопытную сторону нашей степной жизни, тѣмъ самымъ постараемся обратить ихъ вниманіе на богатства нашихъ колоній.

Подъ степными или дикими лошадьми не должно разумѣть такихъ, которыя пасутся на волѣ, безъ всякаго надзора, и которыхъ потомъ ловятъ; въ этомъ смыслѣ, можетъ-быть, встрѣчаются еще табуны дикихъ, никому не принадлежащихъ лошадей въ киргизскихъ и аральскихъ степяхъ, гдѣ есть огромныя, необитаемыя, никому не принадлежащія пространства. Въ новороссійскихъ степяхъ важнѣйшіе изъ помѣщиковъ владѣютъ такими огромными землями, что, за недостаткомъ людей, могутъ обработывать только самомалѣйшую часть оныхъ, а потому, кромѣ овецъ и рогатаго скота, содержатъ большіе табуны лошадей, которые посылаютъ въ отдаленнѣйшія пастбища или самыя плохія угодья, и тѣмъ безполезную траву превращаютъ въ выгодныя силы, и задешево воспитываютъ въ пустыняхъ сильную породу лошадей.

Они покупаютъ кобылъ и жеребцовъ и отсылаютъ ихъ, подъ надзоромъ пастуховъ, въ степи для расплода. Жеребята оставляются въ табунахъ, пока число лошадей въ табунѣ не возрастетъ до извѣстнаго предѣла, то-есть пока имѣніе можетъ ихъ прокормить, не вредя прочимъ отраслямъ хозяйства. Это число, по величинѣ имѣнія, бываетъ различно: отъ 100 до 800, даже 1000 лошадей. Иногда помѣщики имѣютъ нѣсколько подобныхъ табуновъ, которые вмѣстѣ возростаютъ тысячъ до десяти штукъ; но тогда табуны

распредѣляются по разнымъ имѣніямъ, изъ которыхъ для каждаго едва ли назначается болѣе тысячи. Когда табунъ размножается до извѣстнаго числа лошадей, соотвѣтственнаго имѣнію, начинается пользованіе онымъ; до того лошади родятся и издыхаютъ, не принося никакой выгоды; пользованіе состоитъ въ томъ, что изъ табуна частію берутъ рабочихъ лошадей, нужныхъ для хозяйства въ имѣніи, частію же этихъ, на свободѣ степей окрѣпшихъ, сильныхъ животныхъ продаютъ охотникамъ, ремонтерамъ и на ярмаркахъ.

Степное воспитаніе лошадей производится подъ надзоромъ табунщиковъ.

Эти табунщики составляютъ столь же отличный типъ степей, какъ и дикія лошади, и едва ли во всей Европѣ можно найти подобныхъ людей: развѣ только нѣчто подобное можно встрѣтить у ихъ антиподовъ, въ пампасахъ, или травяныхъ степяхъ Южной Америки. Пастухи овецъ и скота суть настоящіе телѣгообитатели и возятъ за собою въ своихъ странствованіяхъ телѣги, съ которыми на короткое время и утверждаются въ томъ или въ другомъ мѣстѣ. Этого небольшого удобства табунщикъ не имѣетъ, потому что дикость и быстрота коней заставляютъ его постоянно быть верхомъ на лошади. Бурный темпераментъ его питомцевъ не даетъ ему ни минуты покоя: онъ день и ночь остается на лошади, которая не только служитъ ему сидѣньемъ, но и столомъ для обѣда, диваномъ и постелью... Этотъ народъ пріобрѣтаетъ удивительную способность удовлетворять всѣ свои прихоти, для чего прочимъ людямъ необходима разная мебель, помощью одной лошади, отъ четырехъ ногъ которой они такъ же не отдѣлены, какъ центавры отъ своихъ...

Когда другіе люди ищутъ покоя, тогда именно табунщикъ лишенъ его. Ночью, когда лошади далеко уходятъ пастись, онъ долженъ постоянно объѣзжать табунъ, потому что тогда-то и собираются всѣ опасности отъ волковъ, воровъ, бури и прочаго. Въ проливной дождь и метель ему хуже, чѣмъ лошадямъ, потому что послѣднія могутъ отвертываться отъ вѣтра, а онъ долженъ постоянно идти противъ направленія бури, чтобъ смотрѣть за лошадьми и отгонять ихъ; иначе онѣ безъ призора, въ сильную непогоду, разсѣваются по обнаженной степи... Табунщикъ обыкновенно

носитъ панталоны изъ шкуры жеребячей или телячей; родъ камзола изъ того же матеріала, внутрь шерстью, подъ которою прежде билось лошадиное сердце, согрѣваетъ его грудь. Все это стягиваетъ кожаный ремень, къ которому навѣшиваются разныя рѣдкости: кусочки металла, янтарь, деньги, древности...

Такъ-какъ табунщики бываютъ и врачами порученной имъ скотины, и почти всегда знаютъ съ дюжину разныхъ средствъ, то обыкновенно пояса ихъ обвѣшиваются хирургическими и медицинскими снарядами. Они носятъ высокія, цилиндрическія шапки изъ чернаго бараньяго мѣха. Сверху надѣваютъ свитку изъ темной овечьей шерсти: снаружи къ ней придѣланъ большой капишонъ, который надвигается на шапку и лицо и въ которомъ, какъ въ древнихъ шлемахъ, оставлены отверстія для глазъ, носа и рта. Въ хорошую погоду капишонъ виситъ на спинѣ, какъ мѣшокъ, и дѣйствительно вмѣсто его и употребляется... Табунщикъ бываетъ вооруженъ арапникомъ, арканомъ и дубиной. Арканъ— веревка, длиною аршинъ въ пятнадцать, съ узломъ на концѣ: когда нужно, табунщикъ бросаетъ его на лошадь, обматываетъ веревку объ ея шею, затягиваетъ узелъ и повергаетъ плѣнника на землю. Дубинка обдѣлана на кончикѣ желѣзомъ: ею бьютъ, иногда ее бросаютъ.

Сверхъ этихъ вещей и чашки съ водою (такъ какъ надобно возить съ собою и колодецъ, необходимый при безводіи степей), сверхъ сумы съ хлѣбомъ и фляжки съ водкой, табунщикъ имѣетъ еще нѣкоторыя бездѣлицы, что можно себѣ и представить, если вообразить, что лошадь его—арсеналъ, спальня, кладовая и кухня, и что она должна мчать въ галопъ всѣ предметы, удовлетворяющіе жизненнымъ потребностямъ. Эти, сказаннымъ образомъ обвѣшанные, вооруженные дубиновержцы, работая своимъ хлопающимъ арапникомъ, умѣютъ удивительно искусно управлять неукротимыми конями своего табуна, рѣшать ихъ споры, водить ихъ днемъ и ночью, въ бури и непогоды, защищать отъ волковъ. Болѣе всего хлопотъ причиняютъ имъ жеребцы, которые постоянно стараются утвердить свою власть надъ другими лошадьми, а потому и находятся съ ними во всегдашней враждѣ...

Эти злые и упрямые султаны табуновъ, изъ коихъ нѣкоторые живутъ въ степи лѣтъ по пятнадцати и двадцати, не

видавъ въ глаза конюшни, иногда до того надоѣдаютъ табунщикамъ, что они проклинаютъ свое ремесло, отправляются къ хозяевамъ и объявляютъ, что они съ такимъ-то жеребцомъ не могутъ болѣе служить и, какъ говорятъ Коль. или имъ не служить, или жеребцу не быть въ табунѣ!.. Въ такихъ случаяхъ своевольный жеребецъ продается, или на время отсылается въ темницу конюшни, гдѣ и долженъ искупить свою необузданность.

При неимовѣрныхъ трудахъ, табунщикъ рѣдко достигаетъ старости. Разумѣется, и плата ему бываетъ высока. Они получаютъ ежегодно отъ пяти до шести рублей за лошадь, и, слѣдовательно, за тысячу штукъ получатъ отъ пяти до шести тысячъ рублей ассигнаціями! Это было бы выгодное жалованье для пастуха, если бъ онъ не долженъ былъ платить за пропадающихъ лошадей, нанимать себѣ товарищей, которыхъ при табунѣ въ тысячу лошадей не можетъ быть менѣе трехъ, и держать своихъ верховыхъ лошадей для ѣзды.

Кража лошадей въ степяхъ производится иногда въ большомъ видѣ, и при несчастіи можно въ одну ночь потерять большое число. Впрочемъ, если табунщики счастливы, ловки, лоселяютъ страхъ въ ворахъ и звѣряхъ, то чрезъ нѣсколько лѣтъ могутъ собрать порядочный капиталецъ и оставить свое званіе. Но жадность къ деньгамъ ослѣпляетъ ихъ: они не оставляютъ своего ремесла во-время и обыкновенно теряютъ все, что до того успѣютъ сберечь.

Иногда въ тяжелой жизни табунщиковъ бываетъ и веселье. Денегъ у нихъ довольно, жидъ вѣритъ на сколько угодно, и они проводятъ ночи въ степныхъ корчмахъ. Поутру, проспавшись, мчатся на бѣгунахъ за табуномъ и сгоняютъ разсѣянныхъ. Если лошади въ ночь надѣлали вредъ въ поляхъ или садахъ, то они умѣютъ хитростями избѣжать отвѣтственности.

Бываютъ и между табунщиками ужасные конокрады. Если они прогоняютъ свой табунъ, то берегись странникъ, остановившійся на большой дорогѣ. Будто занимаясь только своими лошадьми, они подходятъ ближе и ближе и пасутъ своихъ лошадей подлѣ дороги; но чуть солнце закатится и наступятъ сумерки, они напрягаютъ свое зрѣніе, какъ совы, и гдѣ только завидятъ парочку лошадокъ, которыхъ, можетъ-быть, выпрягъ обозникъ и пустилъ на травку, или которыя зашли подалѣе отъ сосѣдней деревни, тотчасъ настигаютъ

ихъ безжалостнымъ аркапомъ и гонятъ весь табунъ въ степь. Табунщики не держатъ краденаго добра, а передаютъ его своимъ пріятелямъ противной стороны, съ которыми всегда имѣютъ ночныя сходбища; эти пріятели препровождаютъ плѣнниковъ далѣе, и такимъ образомъ слѣдъ ихъ теряется. Время этихъ сдѣлокъ—тихая лѣтняя ночь... Воры-пастухи совершаютъ тогда свои переѣзды верстъ по сорока и по пятидесяти, о которыхъ такъ же мало извѣстно, какъ и о ночныхъ странствованіяхъ хищныхъ жителей пустыни. Монгольскіе могильные холмы бываютъ при этомъ случаѣ мѣстами сходки, впадины пещеръ—копельками, а широкая степь—базаромъ...

Весною лошадямъ приволье во всѣхъ отношеніяхъ. Только волки, проголодавшись послѣ зимы, иногда ихъ сильно безпокоятъ. Волки, конечно, не осмѣливаются прямо нападать на табуны, оберегаемые пастухами; но иногда случается имъ зарѣзать жеребенка, оставленнаго матерью, или отсталую хромую лошадь. Если то завидятъ другія лошади, то не даютъ пощады, а дубинка пастуха вылетаетъ изъ его рукъ и убиваетъ хищника до смерти. Лѣтомъ случается, что лошади терпятъ отъ жаровъ. Тогда онѣ пасутся только ночью въ прохладныхъ, нѣсколько сыроватыхъ долинахъ и оврагахъ, но къ утру уже теряютъ аппетитъ и не ѣдятъ болѣе ни былинки. При наступленіи жара, онѣ выходятъ на высокую степь, которая иногда еще освѣжается вѣтеркомъ, такъ-какъ долины и овраги, бывшіе ночью прохладными погребами, днемъ раскаляются, какъ печи. Такъ-какъ въ степи тѣни вовсе нѣтъ, то лошади становятся въ кружокъ головами и доставляютъ другъ другу тѣнь, хотя, впрочемъ, весьма скудную. Въ этомъ положеніи стоятъ онѣ небольшими отдѣленіями по цѣлымъ часамъ, какъ статуи, и иногда только мотаютъ головой, навѣвая тѣмъ себѣ нѣсколько прохлады. Пастухи обыкновенно лежатъ кружками. Послѣ жажды и зноя лѣта, наступаетъ наконецъ пріятное осеннее время, когда степь вновь зеленѣетъ, вода течетъ обильнѣе, табуны отгуливаются и собираются со свѣжими силами.

Собственно въ началѣ октября всѣ стада возвращаются изъ степей, или ихъ выгоняютъ туда только днемъ. Но если стоитъ хорошее время, то оставляютъ ихъ въ степяхъ и послѣ этого срока, пока наконецъ вдругъ налетитъ вьюга, предвѣстница зимы. Тогда только и слышно, что у того

помѣщика вьюга загнала сотню лошадей въ лиманъ, озеро, образовавшееся отъ морскихъ наводненій, у другого еще болѣе погибло въ оврагѣ. Но еще хуже этихъ вьюгъ густые туманы, случающіеся осенью, такъ-что шагахъ въ десяти ничего нельзя различить. Тогда пастухи собираютъ свои табуны въ возможно-тѣсный кругъ и безпрестанно его объѣзжаютъ: иногда туманы образуются такъ скоро, что лошадей не успѣваютъ собрать: если притомъ являются еще злые люди, то гибель табуна неизбѣжна.

Табуны пригоняются на ярмарки, для продажи лошадей, въ Балту и въ Бердичевъ. На ярмаркахъ обводятъ мѣста веревками или обносятъ лѣсомъ, и туда пускаютъ табуны. Подлѣ сидитъ хозяинъ, вокругъ ходятъ охотники и покупщики и выбираютъ. Отъ продавца нельзя требовать, чтобъ онъ показалъ или подвелъ лошадь. Онъ отвѣчаетъ, что «это дикія лошади, смотрите и выбирайте: такой-то лошади столько-то лѣтъ, я стою за это, больше ни за что не ручаюсь,—она стоитъ столько-то. Но напередъ я не могу поймать лошади: это стоитъ много хлопотъ, и пожалуй при этомъ еще испортишь лошадь. Дайте табунщику столько-то на водку... Если поймаетъ хорошо и осторожно, ваша взяла!» Дѣйствительно, табунщикъ можетъ такъ туго набросить арканъ, что отъ этого лошадь пострадаетъ. Самыя большія покупки дѣлаются не на ярмаркахъ, а въ самыхъ табунахъ. Ремонтеры и вообще оптовые закупщики ѣздятъ изъ табуна въ табунъ и разспрашиваютъ, есть ли лошади столькихъ-то лѣтъ, такого-то цвѣта, замѣчаютъ, сколько ихъ, и когда набрали достаточное число, то отправляютъ ихъ на мѣсто назначенія. При полученіи смотрятъ только лошадямъ въ зубы, чтобъ убѣдиться насчетъ лѣтъ; впрочемъ, извѣстно, что этотъ дикій товаръ приблизительно имѣетъ равную цѣну, и что только воспитаніе и обученіе лошади открываетъ ея хорошія и худыя свойства.

Мы должны сказать еще нѣсколько словъ о зимѣ. Это время года самое несчастное для бѣдныхъ животныхъ: оно исполнено лишеній, голода, холода, производитъ болѣзни и даже смерть. Загонъ, гдѣ ихъ собираютъ, представляетъ валъ, обведенный рвомъ; только по мѣстамъ находится родъ крыши для защиты отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Въ такомъ жалкомъ жильѣ бѣдныя животныя должны терпѣть ужасную стужу. Въ то же время они подвергаются иногда мученіямъ голода,

Въ началѣ зимы, когда въ степяхъ подъ снѣгомъ еще зеленѣютъ немногія осеннія травы, табунщикъ подкладываетъ имъ иногда пуки сѣна и соломы, и такимъ образомъ онѣ перебиваются кое-какъ до января. Но тогда недостатокъ проявляется во всей силѣ: всѣ запасы истощаются, дурная погода продолжается, и бѣдному табуну подкладываютъ уже солому, назначенную было для топлива, и тростникъ; въ отчаянныхъ случаяхъ раскрываютъ соломенныя и тростниковыя крыши и кормятъ скотъ тѣмъ, что достаютъ. Всякую зиму табуны выходятъ больными и исхудалыми, будто привидѣнія. Счастіе, когда лошади еще выходятъ, потому-что случаются зимы, когда онѣ падаютъ жертвами лишеній; много лѣтъ тогда потребно для того, чтобы вновь поправить и усилить табуны. Въ такіе годы, — по словамъ автора «Обозрѣнія экономической статистики Россіи», — хозяева готовы отдать все. Они обращаются къ скрягамъ, которые, въ надеждѣ на такія времена, цѣлые годы хранили сѣнные запасы и теперь продаютъ ихъ за безмѣрную цѣну, открываютъ амбары съ хлѣбомъ, который былъ спрятанъ для «благопріятныхъ обстоятельствъ». Картофель, рѣпа, кукуруза, хлѣбъ, все дѣлится съ животными; скупость человѣка переходитъ въ жалость.

1855 г.

V.

БЮДЖЕТЪ ОДНОГО ВЗЯТОЧНИКА.

На-дняхъ судьба забросила меня, мимоѣздомъ, въ одинъ глухой степной городокъ.

Дѣло было простое: еврею, возницѣ моему, разумѣется на долгихъ, нужно было покормить лошадей. Вылѣзши изъ-подъ клеенчатой занавѣски душнаго фургона, я вошелъ въ питейный домъ, при которомъ находился и постоялый заѣзжій дворъ. Въ ожиданіи яичницы и вѣчнаго самовара, я усѣлся передъ столикомъ, въ качествѣ самаго кроткаго и долготерпѣливаго странника. Модныя журнальныя картинки тридцатыхъ годовъ висѣли между окнами въ рамкахъ. Пожаръ Московскаго театра, удостоившійся уже чести перейти на носовые платки и обои, помѣщался на двухъ полосахъ послѣднихъ, облѣпившихъ уголъ стѣны у печи. Духота была смертельная. Вдругъ я услышалъ: «Держи, держи! воръ! гвалтъ, держи!»—и въ то же время мимо окна промчались взапуски, шлепая туфлями, два незнакомыхъ еврея, въ фуфайкахъ, и мой возница, также еврей. Я выбѣжалъ на крыльцо. Оказалось, что пока извозчикъ мой и шинкарь пересказывали другъ другу новости о Харьковѣ и Кіевѣ, о Іоськахъ и Юдкахъ, смѣлая и ловкая посторонняя рука, почти въ виду евреевъ, направилась въ фургонъ, вытащила оттуда мое пальто и мѣшокъ съ поклажей и готовилась уже скрыться за уголъ. Общій гвалтъ поднялъ на ноги цѣлый кварталъ. Выскочили изъ дворовъ Хайки, Нухимы, Мошки и Берки. Воръ былъ схваченъ и съ тріумфомъ отправленъ въ полицію при несмѣтной толпѣ любопытныхъ. Онъ оказался отставнымъ уланскимъ солдатомъ Шебардинымъ. Схваченный за полу обезумѣвшимъ отъ страху и злости евреемъ, племянникомъ шинкаря, онъ озадачилъ всѣхъ вопросомъ: «Гдѣ тутъ живетъ Селивёрстовъ?»—«Кто Селивёрстовъ?»—

«А нашъ солдатикъ!»—«А на что?»—«Да я его тутъ искалъ!»—«Въ фургонѣ??? Ступай, ступай къ частному...»

Такимъ-то образомъ я и познакомился съ героемъ моего разсказа, съ частнымъ приставомъ уѣзднаго степного городка NN. городка, окруженнаго безлѣсьемъ и глушью и выстроеннаго «въ разсыпку и разметку», чисто по-украински, на невылазномъ пескѣ. Частный приставъ, назовемъ его хоть Иванъ Семенычемъ, былъ непостижимо добрымъ, толстымъ, живымъ и уморительно-подвижнымъ, пятидесяти-пятилѣтнимъ существомъ. Маленькими, нѣжными и веселыми глазками онъ такъ и смотрѣлъ въ душу. Переваливаясь то съ дивана на стулъ, то со стула опять на диванъ, онъ поминутно поджималъ подъ себя ножки, складывалъ на животѣ руки, утиралъ клѣтчатымъ платкомъ потѣющее лицо и подбородокъ и заливался самымъ добродушнымъ смѣхомъ. Послѣ кучи весело разсказанныхъ анекдотовъ, когда я былъ уже представленъ его женѣ, свояченицѣ и двумъ его дѣтямъ, Петѣ и Оеклушѣ, — находясь подъ вліяніемъ происшествія съ воромъ и комическихъ разсказовъ хозяина, я медленно отодвинулъ стаканъ съ чаемъ, помолчалъ и вдругъ озадачилъ частнаго пристава такимъ вопросомъ:

— «Послушайте, Иванъ Семенычъ, скажите мнѣ по-правдѣ... берете вы взятки?»

Хозяинъ мой замеръ на стулѣ; улыбка его застыла на губахъ.

— Какъ-съ?—спросилъ онъ немного погодя и весь превратился въ изумленіе.

Болѣе онъ не произнесъ ни слова, и я самъ видѣлъ, какъ капля крупнаго пота собралась у него на лысинѣ, сползла на лобъ и стала скатываться на носъ...

— «Берете ли вы взятки?»—повторилъ я внятно и явственно.

— Ахъ, батюшки! да что это такое? Какіе вы вопросы задаете?—отвѣтилъ Иванъ Семенычъ, утираясь платкомъ и сѣменя ногами по полу. Животъ его такъ и ходилъ: жена усиленно сморкалась у окна; свояченица, потупя глаза, подбирала на спицы кучу спущенныхъ петель. Даже Петя и Оеклуша, съ разинутыми ртами, стояли у двери и казались изумленными...

«Эхъ, Иванъ Семенычъ, Иванъ Семенычъ, что же васъ такъ смутилъ мой вопросъ. И неужели вамъ не при-

ходило въ голову, что такой же вопросъ: «А ну-ка, почтеннѣйшее чадо Іоаннъ, не бралъ ли ты взятокъ?» зададутъ вамъ на томъ свѣтѣ?

Приставъ молча и сурово всталъ со стула, бережно оправилъ жилетъ и сюртукъ съ форменными пуговицами, не глядя на меня, раза два прошелся по комнатѣ, сталъ у окна и сказалъ:

— Милостивый государь, такими вещами не шутятъ!

Я кинулся его успокоивать, хотѣлъ все обратить въ шутку, ссылался на мой откровенный, нѣсколько вѣтренный и юркій характеръ, столько вредившій мнѣ въ жизни въ былые годы. Иванъ Семенычъ, молча выслушавъ меня, сказалъ: «Жена, сестра, дѣти, маршъ! оставьте насъ!»—и когда тѣ вышли, съ увлеченіемъ сжалъ мнѣ руки и спросилъ:

— Какъ вы думаете... я подлецъ?

Я былъ въ свою очередь озадаченъ!

— «Подлецъ, подлецъ!» думаете вы!—подхватилъ съ горячностью Иванъ Семенычъ:—и всѣ вы такъ думаете! Да оно, пожалуй, что и правда!

— «О! помилуйте!—началъ я:—я не думалъ, не мыслилъ васъ обидѣть, Иванъ Семенычъ».

Онъ утерся, заперъ крѣпче дверь, сѣлъ и стиснулъ меня за руку:

— Милостивый государь! Скажу вамъ, что я васъ не боюсь! Молоды вы очень пугать насъ! Вздоръ вся ваша обличительная литература! Да и не провести вамъ насъ, старыхъ воробьевъ! Вы не служите: это видѣлъ я изъ вашего паспорта! Ну, да хоть бы вы и служили, хоть бы и разученые были всѣ ваши высшіе чины, такъ все-таки ничего они съ нами не сдѣлаютъ. Скажите вы этимъ господамъ, коли когда приведетъ васъ судьба говорить съ ними, что ничего таки, ровно ничего они не сдѣлаютъ съ нами! Такъ-таки ровно ничего! Коли насъ, мелкихъ, топить, такъ топи палаты, правленія, цѣлые уѣзды, губерніи! Всѣ нынче на насъ ѣздятъ! Вонъ начальникъ, одинъ изъ бывшихъ у насъ, не чета вашимъ обличителямъ, вздумалъ отставлять взяточниковъ. Началось дѣло съ надсмотрщиковъ гражданской палаты по крѣпостнымъ дѣламъ, вывозящихъ въ концѣ года по 20 тысячъ рублей серебромъ изъ города, и, переходя вдоль всякихъ секретарей, протоколистовъ и столоначальниковъ, покончилось становыми приставами! Что же-съ?? Вы-

шелъ такой годикъ, скажу вамъ, что пришлось хоть публиковать въ губернскихъ вѣдомостяхъ о вызовѣ лицъ, желающихъ служить, положимъ, въ губернскомъ правленіи и двухъ нашихъ палатахъ! Всѣ чиновники ушли да и не далеко, и тутъ же близко ушли, даже въ ту же губернію: поступили на службу къ другому начальству... Да-съ! Тутъ же, на рѣчкѣ Безыменкѣ, въ каменныхъ палатахъ проживалъ у насъ свой начальникъ откупщикъ, господинъ, положимъ, Чубуковъ, Климъ Григорьевичъ! Жилъ онъ на всей вольготности, ѣлъ на золотѣ, спалъ на бархатѣ, ходилъ по атласу, сидѣлъ на шелку и глядѣлъ на милліоны. Помощничекъ его, откупщикъ въ осьмнадцатомъ отъ него колѣнѣ и выжига такой же, какъ и онъ, 84-й пробы, получалъ жалованья отъ него 3,000 рублей серебромъ! Три тысячи рублей серебромъ—и получаетъ кто же? кулакъ, борода, синяя чуйка, рядецъ изъ села Трехполтинова! Да вѣдь это генеральское и чуть-чуть не сенаторское жалованье! Господи! Такъ какъ же было не бѣжать къ такому-то трехъ-бунчужному паше, къ такому Сарданапалу нашимъ всѣмъ чиновникамъ? Ну, и перебѣжали! Онъ же кстати и не важничаетъ, не говоритъ вамъ *ты*, не лицепріятничаетъ, формуляровъ самовластно и по пустякамъ на вѣки не мараетъ, не гнетъ всѣхъ за грошъ въ три-погибели, денегъ даетъ вдоволь, хоть за то и требуетъ службы на чистоту, и не упрекаетъ за взятки... потому что тамъ взятокъ уже никто и не беретъ, и брать не можетъ, затѣмъ, что каждый въ жизни обезпеченъ. Сказано очень умно: работникъ дорожитъ тѣмъ мѣстомъ, которое его обезпечиваетъ. Беретъ же тотъ, кто не взять—не можетъ. Вы не вѣрите?—Слушайте: говорю вамъ по совѣсти. Взятки бываютъ трехъ родовъ: вынужденныя, добровольныя и навязчивыя. За вынужденныя—да покаретъ насъ Богъ! Навязчивыхъ уже нынѣ мало... А добровольныя—добровольныя беру-съ... и я!

У меня морозъ прошелъ по кожѣ. Иванъ Семенычъ набилъ трубку, высѣкъ огня, закурилъ и отворилъ дверь.

— Пойдемте въ садъ. Душно здѣсь. Я вамъ сообщу одну вещицу.

Мы вышли, побродили по единственной дорожкѣ, какая была въ саду, пока начало вечерѣть, сѣли на лавочкѣ, и приставъ, разговорившись о своихъ расходахъ и житьѣ-бытьѣ, спросилъ меня:

— Знаете ли, сколько я получаю жалованья?

— «Нѣтъ!»

— Двѣсти рублей ассигнаціями.

Я ничего не отвѣтилъ.

— А хотите ли знать, сколько мнѣ съ семьей, да и всякому другому нужно непремѣнно прожить въ этой трущобѣ?

— «Не знаю».

— Такъ слушайте же и, если захотите, хоть записывайте. Помните только, что жалованья я получаю двѣсти рублей ассигнаціями въ годъ.

И онъ началъ такъ:

— Домъ мой состоитъ изъ меня, жены, свояченицы, двухъ дѣтей, кухарки, дѣвчонки для прислуги, кучера, лошади и дворовой собаки. Итого: осьми человѣкъ и двухъ скотовъ. Пожалуй, вы скажете, что безъ жены, значитъ и безъ дѣтей, можно бы, для сокращенія расходовъ, и обойтись въ пользу страны? Ну, да вѣдь ими-то господа частные пристава прежде своего сана обзаводятся!.. Издержки начинаются съ обѣда. Пожалуй, вы скажете, что и обѣдъ ненуженъ. На это отвѣчу, что даже тотъ писецъ уѣзднаго суда, который получаетъ въ мѣсяцъ казеннаго жалованія 3 рубля серебромъ и нанимаетъ квартиру за городомъ въ двухъ верстахъ, и тотъ эту квартиру нанимаетъ со столомъ, съ платою по 5 р. сер., вмѣстѣ за этотъ столъ и квартиру. (Замѣчайте: 3 и 5! Онъ уже на два цѣлковыхъ долженъ взять взятку). Итакъ, я ѣмъ и пью чай. Это уже обычай самыхъ бѣдныхъ русскихъ людей... то-есть, виноватъ, взяточниковъ!—Чаю выходитъ у меня въ мѣсяцъ 1 фунтъ: чай именуется: фамильный, цѣною у насъ 1½ р. сер. Сахару выходитъ въ утро 8 кусковъ. Я пью въ накладку; остальная семья въ прикуску; свояченица же моя, ради смиренности и сиротства своего, даже въ приглядку, какъ я тому ни противился. Итого 8 кусковъ въ утро, 10 фунтовъ въ мѣсяцъ; по 30 коп. сер. фунтъ у Лебезнева: 3 р. сер. въ мѣсяцъ. Да 1½ р. сер. за чай. Въ мѣсяцъ всего 4½ р. сер.; а въ годъ чай и сахаръ 54 р. сер. Далѣе, обѣдъ нашъ и людской. Нашъ: на базарѣ берется 5 фунтовъ говядины, у того же Лебезнева-мошенника, хоть придуши его, по 3 к. сер., значитъ на 15 к. сер. Хлѣба: три булки по 12 к. сер. каждая (еще въ 1849 году я самъ тутъ засталъ булку по 5 к. сер.), всего за хлѣбъ 36 к. сер. — Зелени: капусты,

моркови на 3 к. сер. — Картофелю: кладите тоже на 3 к. сер.—Крупъ въ кашу: на 6 к. сер.—Соль берется оптомъ. Ну, кладите въ обѣдъ на все кушанье на 3 к. сер. Масла на весь обѣдъ въ кашу и на заправу блюдъ, по отсутствію кормовъ для скота, 30 к. сер. (пудъ нынѣ по 12 р. сер.). Хрѣнъ, уксусъ и горчица также запасаются оптомъ. Ну, кладите въ обѣдъ: на 4 к. сер. Да молока копеекъ на 10 сер. Считайте-ка по пальцамъ, ну-ка! три да три, три да три копейки сер. А сочтите обѣдъ. (Мы принесли счеты и стали выкладывать аккуратно). Въ итогѣ выходитъ: 1 рубль 10 к. сер. Считайте еще, что послѣдніе три года, во время войны, говядина была по 5 к. сер. за фунтъ, такъ и больше выйдетъ. Безъ рюмки водки трудно обойтись въ нашемъ ремеслѣ, послѣ всякой бѣготни: еще 3 к. сер. Итого нашъ обѣдъ въ день 1 р. 13 к. сер.—Теперь людской. Если нашъ состоитъ всего изъ борща, каши и жаркого, то людской можетъ уже смѣло состоять: изъ одного борща и каши. Кладите имъ: вмѣсто мяса, на трехъ человѣкъ, сала свиного на 3 к. сер.; зелени на 3 к. сер.; крупъ для каши на 5 к. сер.; квасу-сыровцу на 3 к. сер., соли на 3 к. сер.; хлѣба ржаного на 12 к. сер. Итого: людской обѣдъ 29 к. сер. — Съ нашимъ вмѣстѣ, общій обѣдъ въ моемъ домѣ: 1 р. 42 к. сер.

Замѣтьте, высчитавши это, я по строжайшей экономіи кладу, что ужинъ моей семьѣ и людямъ долженъ составляться, если желудокъ потребуетъ такового, изъ остатковъ обѣденныхъ. Изъ нихъ же должна продовольствоваться круглый годъ дворовая собака. И изъ тѣхъ же, наконецъ, экономическихъ остатковъ должны пополняться болѣе роскошными прибавками обѣдъ и ужинъ въ праздничные дни. Предоставляю вамъ судить, каковы, значитъ, у насъ эти праздничные банкеты, въ Рождество, на Новый Годъ и на Пасху, когда, по пословицѣ, «и у подпечной крысы сластей полныя мисы».

Итакъ, *ѣда* (то-есть чай, обѣдъ и ужинъ) въ моемъ домѣ обходится: обѣдъ по 1 р. 42 к. сер. въ день, въ мѣсяцъ 42 р. 60 к. сер., въ годъ 511 р. 20 к.: а включая сюда стоимость чая въ годъ, приведенную выше, 54 р. сер., получимъ всего въ итогѣ за ѣду въ годъ: 565 р. 20 к. сер.

Далѣе. Квартира здѣсь, подобная моей, стоитъ 150 р. сер. Кладите, что мнѣ сбавляютъ по отводу 70 р. сер. — Я доплачиваю отъ себя: 80 р. сер. Ихъ только и считаемъ.

Дрова. Сажень у насъ, на безлѣсьѣ, стоитъ 13 р. сер. Нужно въ обрѣзъ 6 саженъ въ годъ: итого 78 р. сер.—Да на кухню кладите не дровъ, а навознаго овечьяго кирпича, по здѣшнему кизяка, 2 сажени въ годъ, по 5 руб. сер.: итого 10 руб. сер. Выходитъ на дрова 88 р. сер.

Далѣе. Освѣщеніе. Кладите 1 фунтъ сальныхъ свѣчей на два дня, или 3 фунта въ недѣлю, въ пятьдесятъ недѣль 150 фунтовъ, по 12 к. сер. Сколько выйдетъ?—18 р. сер. въ годъ.

Переходимъ къ одеждѣ. Я дѣлаю пару платья въ годъ. Сукно по 2 р. сер. аршинъ: 5 аршинъ на пару, на сюртукъ и брюки—10 р. сер. Работа Щеголеву или Швенкелю 3 р. сер. Прикладъ 2 р. Сапогъ три пары въ годъ, по 3 р. сер.; итого 10 р. сер. (Тутъ считается починка на 1 р. сер.). Бѣлье, галстуки, жилетъ и шапка—на все кладу въ годъ 5 р. сер. Значитъ, мой костюмъ въ годъ: 35 р. сер.

Жена моя. Два платья ситцевыхъ по 2 р. сер. съ шитьемъ и одно къ празднику шелковое, канаусовое, 10 р. сер. Вы скажете, зачѣмъ шелковое? А вонъ не хотите ли посмотрѣть? Видите, вонъ идетъ мой хожалый солдатъ, изъ губернскихъ будочниковъ? У него есть жена. Какъ бы вы думали? И она носитъ шелковыя платья! Что скажетъ моя жена, коли я откажу? Итакъ, за платья 14 р. сер. Шляпка одна въ годъ: 4 р. сер. Чепчикъ: 2 р. сер. — Башмаковъ 6 паръ, по 50 к. сер.,—3 р. сер. — Платокъ большой на плечи 2 р. сер. — Мантилья 6 р. сер. Зонтикъ 2 р. сер. Всего женинъ нарядъ 33 р. сер.

Можетъ-быть, да и навѣрное, я еще многое тутъ позабылъ. Ну, да пусть уже такъ! Одежду свояченицы кладите столько же, 33 р. сер.—У другихъ нѣтъ свояченицъ—ну, тѣ и счастливцы. Моя хоть и пьетъ чай въ приглядку, за то вертитъ хвостомъ не хуже моей половины. Одежду обоихъ дѣтей: каждому кладите столько же, коли не больше; вы знаете, что такое дѣти?.. Ну, да при хлопотахъ матери, кладите обоимъ 33 р. сер. Итакъ, одежда всей семьи, со мною, выходитъ: 134 р. сер. въ годъ.

Одежда людская. Дѣвкѣ комнатной старое барынино платье. Кромѣ того, на 2 фартука, по 40 к. сер., — хотя лѣтомъ полагается ходить босикомъ, но все-таки она сноситъ въ годъ 2 пары башмаковъ, по 40 к. сер., и одни сапоги въ $1^1/_2$ р. сер.; два платка: въ 30 и 50 к. сер.—

Тулупъ на зиму: 5 р. сер. — Двѣ рубахи, по 1 р. сер. каждая,—считая холстъ по 7 к. сер. аршинъ. Итого 10 р. 90 к. с.

Кучеру: 2 пары сапогъ—3 р. сер. Тулупъ: 5 р. сер. Армякъ: 4 р. сер.—Поясъ: 50 к. сер. Шапка зимняя: 1 р. сер. Лѣтняя: 75 к. сер. Рукавицы: 50 к. сер. Двѣ китайчатыхъ рубахи: 1½ р. сер. Одни брюки китайчатыя, кубовыя синія: 1½ р. с.

Кухаркѣ: менѣе, чѣмъ дѣвкѣ въ платкахъ, но болѣе въ сапогахъ, по случаю ходьбы на базаръ зимой и на рѣку мыть бѣлье въ прорубь. Значитъ, тоже самое: 10 р. 90 к. сер. А всего одежда дворни въ годъ: 11 р. 5 к. с.

Жалованье бабамъ (о, изумленіе!) кладите всего 10 р. сер. въ мѣсяцъ! Менѣе 1 р. сер. въ мѣсяцъ! Вѣдь это—со временъ царя Гороха и царицы Чечевицы! Жалованье кучеру не полагается: онъ изъ полицейскихъ, только армякъ носитъ.

Но вотъ что всего любопытнѣе, и этимъ я завершу свой бюджетъ. Какъ вы думаете, нужна мнѣ лошадь? Нужна или нѣтъ, отвѣчайте прямо?! Вы улыбаетесь, считаете это прихотью? Нѣтъ-съ, не прихоть это-съ. Говорятъ тебѣ: драка, воровство, офицеры буйство чинятъ, жида побили! Гдѣ, какъ? Въ Скотовиловкѣ. Ну, и бѣги въ Скотовиловку! А Скотовиловка ровно четыре версты за городомъ и въ городской чертѣ считается! И сколько такихъ селъ считается въ городской чертѣ?.. Да и городъ-то весь почти изъ селъ состроился, на пять мѣряныхъ верстъ раскинулся! На пять верстъ! Цѣнь длинная! Ну, и исходи, избѣгай ее въ день съ конца въ конецъ разъ пять—шесть! А исторіи въ родѣ вашей тутъ каждый день: изъ народонаселенія двѣ трети жидовъ; они смирны, да за то грязны. А вѣдь полиція и чистоту нравовъ, и чистоту заднихъ дворовъ наблюдай! Войска проходятъ поминутно: смотри и за ихъ выгодами! Словомъ, батюшка, безъ лошади да безъ таратаечки нашему брату не обойтись. Ну-съ, и содержимъ мы эту лошадь! Такъ какъ же бы вы думали? Сколько стоитъ содержаніе лошади въ годъ? А?.. Считая возъ сѣна, въ три-четыре копны, въ 3 р. сер., а по нынѣшнимъ цѣнамъ и того дороже, выйдетъ въ годъ: 60 р. сер. Ровно, значитъ, содержаніе моего рысистаго скота стоитъ столько, сколько я самъ получаю жалованья, двѣсти рублей ассигнаціями, съ небольшимъ! Вотъ и судите, брать ли намъ взятки или не

брать?.. Подводите итогъ, подводите... Это для меня самого любопытно...

И онъ устремилъ глаза на счеты...

Я положилъ на счетахъ всѣ вышеозначенныя цифры, взглянулъ на кости и пришелъ въ истинное изумленіе. На костяхъ стояло въ итогѣ:

Чай и сахаръ	54	р.	сер.
Пища семьи и дворни . . .	511	»	20 к. с.
Квартира.	80	»	—
Дрова	88	»	—
Освѣщеніе	18	»	—
Платье семьи	131	»	—
Одежда дворни.	41	»	5 » »
Жалованье бабамъ	20	»	—
Прокормъ лошади.	60	»	—
Ремонтъ упряжи и дом. утвари.	10	»	—

Всего въ годъ 1016 р. 25 к. с.

Я не могъ вытерпѣть и вскочилъ...

— «Тысяча шестнадцать рублей двадцать пять копеекъ серебромъ!» — воскликнулъ я:—«да возможное ли это дѣло? Здѣсь, въ глуши!..»

— Тысяча шестнадцать рублей, точно такъ! Не менѣе, о, еще далеко не менѣе тысячи серебромъ! Вы скажете, что хоть это и въ обрѣзъ, да можетъ быть во всемъ и экономія? Не спорю... Но на эту экономію я положилъ праздники и ужинъ (я на ужинъ ни семьѣ, ни дворнѣ, ни скотамъ ничего не клалъ!). А теперь еще положите: болѣзни, непредвидѣнные случаи, посылки матери моей... Вѣдь у меня 80-ти лѣтняя старуха мать еще жива—и у брата въ Житомірѣ живетъ... Да на постъ: на говѣнье попу, на молебны; на сласти, наконецъ...

— «О, если еще сласти считать...» замѣтилъ я.

— А какъ бы вы думали: безъ трубки табаку обойдется теперь нашъ братъ?? Вѣдь я уже все принимаю въ разсчетъ... И жена нюхаетъ! Богомоловскій 3-й сортъ, да подмѣшиваетъ золы... А конфетъ дѣтишкамъ я и не кладу...

Мы помолчали и встали. Уже окончательно стемнѣло, и скоро мѣсяцъ вырѣзался изъ-за соборной церкви, построенной еще, какъ говорятъ, при запорожцахъ.

— «На комъ же вы, Иванъ Семеновичъ, добираете то, чего вамъ не дастъ казна?»—спросилъ я, ходя по саду.

Приставъ хотѣлъ отвѣтить и замолчалъ. Надъ заборомъ у воротъ показалась голова моего жида-возницы. Онъ сгоралъ нетерпѣніемъ и страхомъ при видѣ долгаго визита моего у пристава и подъѣхалъ съ фургономъ. Я ему крикнулъ, чтобъ онъ отъѣхалъ къ сторонѣ, а самъ возобновилъ вопросъ. Приставъ вздохнулъ, и на лицѣ его показалось то же строгое и печальное выраженіе, какое я еще въ домѣ разъ у него замѣтилъ.

— Съ купцовъ беремъ...—отвѣтилъ онъ со вздохомъ:— вѣдь они все сами тычутъ, добровольно тычутъ! Съ безпаспортныхъ тоже... Съ этихъ нашъ городничій, правда, лично получаетъ: ну, да знаетъ тоже честь, и съ нами дѣлится. Бѣглыхъ у насъ особенно много лѣтомъ и зимой на заработкахъ проживаетъ. Все съ сѣвера Россіи! Потомъ ярмарки... Десять тысячъ серебромъ у насъ полиціи одна весенняя ярмарка дастъ. Народъ-то тогда все голодный; ну, и украсть, и выпить, и побуйствовать любитъ! Вора поймаешь, его посадишь въ холодную, а изъ кармановъ-то его кража все въ нашъ же карманъ идетъ! Жиды тоже за явку паспортовъ даютъ... Наконецъ и откупъ... Взятка съ этой козы такая уже, что и не взять совѣстно! Не подопшь ее, такъ пожалуй, говорятъ, и заболѣетъ коза... Да и мало ли еще съ кого... Все добровольныя, а насилія нѣтъ, убей Богъ, нѣтъ... Больно все вздорожало, и все тутъ... А насилія мы, по крайней мѣрѣ я, не дѣлаемъ, убей Богъ — ни на волосъ!

— «Иванъ Семеновичъ,—сказалъ я, прощаясь съ добродушнымъ старикомъ:—вы не будете сердиться за одинъ вопросъ?»

— А что? опять спросите: взяточникъ ли я и подлецъ ли?

— «О, нѣтъ! Помилуйте, что вы говорите?»

— Такъ что же?

— «Позволите вы мнѣ напечатать то, что вы мнѣ теперь разсказали? У меня одинъ знакомый въ журналахъ пишетъ...»

— Напечатать?.. А, пожалуй! Только по имени не обзовите,—а то городничій прогонитъ... Я литературу люблю и самъ г. Щедрина и г. Громеку читалъ: а тотъ — и-и!.. не любитъ, убей Богъ, не любитъ... говоритъ, всѣхъ этихъ писателей бы въ мѣшокъ, да въ воду...

1860 г.

VI.

ШАМИЛЬ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Пока столицы еще ждали кавказскаго героя, наши степи уже встрѣчали его. 12-го сентября Шамиль проѣхалъ черезъ Изюмъ. 13-го утромъ, въ 4 часа, онъ былъ на станціи въ Чугуевѣ, въ 36 верстахъ отъ Харькова. Я проѣзжалъ въ это время черезъ Чугуевъ. Значительная толпа народа сустилась у подъѣзда станціи. Въ коридорѣ, у дверей въ комнаты на-лѣво, стояли молча офицеры и нѣсколько генераловъ. Всѣ говорили шепотомъ. Иные нагибались къ замочной скважинѣ и смотрѣли въ комнату.

— Шамиль напился чаю и спитъ!—сказалъ кто-то.

— Такъ онъ и чай пьетъ?—спросили изъ толпы.

Вышелъ изъ комнаты, гдѣ отдыхалъ имамъ, въ черкесскомъ нарядѣ офицеръ, говорившій по-русски.

— Что Шамиль?—спросили его.

— Легъ вздремнуть.

— А Кази-Магона. его сынъ?

— Курить папироску.

— Мариландъ Спиглазова?—спросилъ кто-то.

Офицеръ вынулъ пачку изъ кармана и взглянулъ на сигнатурку.

— Нѣтъ, Достоевскаго! — отвѣтилъ онъ съ улыбкой: — купили въ Бахмутѣ; крѣпкія, турецкія.

Мнѣ сразу мелькнулъ въ умѣ Петербургъ и почтенный фабрикантъ, авторъ «Бѣлыхъ ночей» и очень недурныхъ папиросъ.

— Какъ его взяли?—допрашивалъ молодой офицерикъ:— говорятъ, что его жена, армянка, стрѣляла по многимъ въ послѣднія минуты, что у него два милліона денегъ серебромъ и золотомъ осталось, и что онъ просился въ Мекку?

— Многое говорятъ.—отвѣтилъ офицеръ въ черкескѣ:— Дюма еще не то напишетъ! Читали мы его сказки! А Шамиль и не знаетъ про него; мы спрашивали.

Толпа у дверей засуетилась. Вышелъ сынъ Шамиля—съ бѣлымъ, нѣсколько грубымъ и загорѣлымъ лицомъ, въ свѣтломъ плащѣ верблюжьяго цвѣта и въ черной бараньей папахѣ на головѣ. Съ нимъ переводчикъ.

— Имамъ проснулся и позволяетъ войти всѣмъ!—сказалъ онъ громко и съ улыбкой, въ отвѣтъ на всякія просьбы стоявшихъ у замочной скважины.

Мы всѣ вошли. Шамиль сидѣлъ на станціонномъ диванѣ, старенькомъ, столько знакомомъ каждому изъ насъ, у ломбернаго стола. Комната, оклеенная полосатыми обоями, украшалась портретомъ Государя Императора, въ ростъ, надъ диваномъ. Шамиль сидѣлъ подъ портретомъ и, при входѣ нашемъ, повѣрялъ свои карманные часы съ большими часами, висѣвшими на стѣнѣ, при входѣ въ комнату. Мы поклонились и полукругомъ, толпой человѣкъ въ тридцать, стали близъ него, шагахъ въ двухъ. Онъ спряталъ часы въ карманъ, куда-то подъ бѣлые костяные патроны на груди черной черкески, и тихо, болѣе глазами, чѣмъ головой, отвѣтилъ на нашъ поклонъ. Всѣ молчали, только смотрѣли на него.

Вотъ его портретъ. Огромная, бѣлая, свернутая не то изъ кисеи, не то изъ тонкой шерстяной ткани, чалма на головѣ; широкая, длинная, подкрашенная коричневою краскою, борода; черные, нѣсколько блуждающіе, будто убѣгающіе отъ рѣзкаго дневного свѣта, глаза, постоянно опущенные книзу. Въ рукахъ четки. Лицо гладкое и еще довольно свѣжее. У глаза нѣсколько морщинъ. Морщина, и довольно рѣзкая, между бровей. Губы его иногда что-то шепчутъ, будто молитву. Голосъ его тихій, нѣсколько глухой. Вообще, Шамиль производитъ скорѣе впечатлѣніе духовнаго лица, нежели воинственнаго человѣка. Это скорѣе герой романовъ Морьера и лицо изъ мистическихъ и тихихъ сказокъ «Тысячи и одной ночи», чѣмъ виновникъ кровавыхъ реляцій «Инвалида», отъ намѣстничества графа Воронцова до князя Барятинскаго. Смотря на эти мягкіе, ласковые глаза, на старческое, монашеское шептаніе губъ, на четки и неподвижную, сурмленную бороду, съ важностью которой насъ познакомили съ дѣтства и похожденія Хаджи-Бабы въ Испагани, и пресловутая «Шехеразада», никакъ нельзя допустить, чтобы этотъ человѣкъ былъ виновникомъ драмъ, оглашавшихъ столько лѣтъ Кавказъ. Такія лица я видѣлъ въ

Крыму, задолго до войны, подъ вечеръ, за перилами башенокъ минарета, сзывавшихъ прохожихъ на молитву.

Мы стояли, молчали, смотрѣли и смотрѣли. Вотъ онъ вздохнулъ, вотъ бѣлыми, небольшими руками сталъ поправлять перевязь на груди, у шашки. Оружіе ему возвращено. Сзади, за кучею стоявшихъ, шелъ разговоръ шепотомъ; говорилъ станціонный смотритель. — Это пріѣхалъ, выслалъ всѣхъ, постлалъ коврикъ, разулся, умылся и давай молиться; молился долго. Напился чаю и легъ спать. Да не спалъ, все ворочался. Потомъ сталъ говорить. Я спрашиваю переводчика, о чемъ онъ бормочетъ. Говоритъ: наскучило ѣхать въ каретѣ; просится ѣхать въ Петербургъ верхомъ.

Посѣтители еще постояли, посмотрѣли, помолчали и стали расходиться.

— Вотъ онъ какой! Тихій, да простой.

— Такъ это-то Шамиль? И стоило будить меня въ четыре часа, глазѣть на него: такъ себѣ, какой-то простякъ, родъ татарина, что̀ съ халатами ходятъ.

На крыльцѣ стояли два русскіе офицера, изъ кавказскихъ урожденцевъ, въ черкескахъ, прикомандированные къ сосѣдней дивизіи, собранной въ Чугуевѣ.

— Эхъ, левъ, левъ, голова-то, глаза! Вотъ геній, вотъ герой царственный! — говорилъ одинъ изъ нихъ съ пылавшими глазами: — у такого великаго плѣнника и на ординарцахъ не безчестье простоять! Вотъ бы сюжетъ Лермонтову. Это не чета Печорину.

Толки шли разные. Были и такія недостойныя слова: «Звѣрь, чистый звѣрь; что̀ на него смотрѣть! Въ крѣпость его теперь; не мало народу онъ погубилъ!»

Я опять воротился въ комнату. Шамиля окружали спутники его, въ черкескахъ. Почтительно снявши съ него чалму, въ то время, какъ онъ все еще сидѣлъ на диванѣ (причемъ я замѣтилъ его бритую, серебристую голову, прикрытую парчевою шапочкой), спутники надѣли ему черезъ плечо ятаганъ, служа ему, какъ служатъ послушники высшему духовному лицу. Шамиль спросилъ, скоро ли онъ поѣдетъ далѣе. Ему сказали, что посланный къ корпусному командиру все еще не возвращается. Прошло еще довольно времени. Посланный воротился и объявилъ, что корпусный командиръ на свиданіе не будетъ. Ему подали лошадей. Онъ всталъ, накинулъ плащъ, быстро оглянулся и быстро

прошелъ по опустѣлой комнатѣ. Тутъ только, при видѣ его исполинскаго роста и твердой, царственной поступи, мнѣ пришли на умъ Ахта и Гергебиль, Дарго и Веденъ. Сѣвши въ карету (говорятъ, уступленную ему княземъ Барятинскимъ), онъ раза три нетерпѣливо оглядывался и все спрашивалъ что-то. Это онъ ждалъ замѣшкавшагося своего сына. Ямщикъ тронулъ вожжи, и Шамиль уѣхалъ, среди новой толпы, собравшейся на улицѣ уже оживленнаго города.

Подкатили дрожечки, на нихъ два юнкера.

— Эхъ, Петя, опоздали! Не догнать ли его?

— Нѣтъ, Гриша, не догонишь! Лошадь пристала!

— Такъ какъ же?

— А какъ? Въ Кочеткѣ (въ пяти верстахъ), въ вокзалѣ, сегодня Юлію Пастрану показываютъ; лучше вечеромъ поѣдемъ туда!

— Ну, хорошо...

И простодушныя дрожечки поѣхали назадъ.

День этотъ и слѣдующій прошли тихо. Только войска все передвигались. Подъ вечеръ изъ Харькова прискакалъ фельдъегерь. Объявлено, что Государь будетъ въ Чугуевъ не 16, а 15 сентября, завтра, во вторникъ, утромъ, что смотръ войскамъ назначенъ также 15, и что Шамиль 14 опять будетъ назадъ въ Чугуевъ изъ Харькова, что ему объявлено приказаніе быть на царскомъ смотру.

Въ самомъ дѣлѣ, вечеромъ 14 числа, въ понедѣльникъ, новый фельдъегерь привезъ извѣстіе, что Шамиль выѣхалъ снова изъ Харькова, въ 6 часовъ послѣ обѣда, и въ 8 будетъ въ Чугуевѣ и остановится въ домѣ начальника округа, на площади, рядомъ съ корпуснымъ штабомъ, близъ собора. Толпа дамъ, уже въ 7 часовъ, ожидала его, разряженная, въ сѣняхъ подъѣзда. Шли новые толки.

— Вы слышали, mesdames, что Шамиль въ Харьковѣ былъ въ конномъ циркѣ и такъ восхитился представленіемъ плясуновъ и — главное — плясуній, что спросилъ, нельзя ли начать представленіе снова?

— Я только-что изъ Харькова,—отозвалась одна дама:— тамъ его не увидѣла, такъ пріѣхала сюда.

— Разскажите, какъ же онъ тамъ принятъ...

— Онъ остановился на Екатеринославской улицѣ, катался на лошадяхъ, совершенно восхитился городомъ и дамами, нахлынувшими къ нему. Однѣ потчивали его ананасами,

другія конфетами, третьи улыбками. Кто-то спросилъ, нравятся ли ему наши дамы? Онъ отвѣчалъ: не всѣ—молодыя.

— А вы знаете, что̀ за судъ онъ изрекъ года за два, на Кавказѣ, надъ однимъ жидомъ? —спросилъ какой-то офицеръ:—говорятъ, одинъ черкесъ, рубя дрова, взялъ въ плѣнъ еврея, русскаго маркитанта, и посадилъ его сзади себя верхомъ на коня. Дорогою еврей, дрожа отъ ужаса, выдернулъ изъ-за его пояса топоръ, убилъ черкеса, столкнулъ его и поскакалъ, но былъ пойманъ другимъ черкесомъ, видѣвшимъ это, и приведенъ къ Шамилю. Вотъ судъ Шамиля: семью убитаго черкеса онъ велѣлъ наградить; черкеса, поймавшаго вновь еврея, велѣлъ высѣчь, за то, что онъ на мѣстѣ не убилъ жида; а жиду объявилъ такъ: прощаю тебя за то, что въ первый разъ въ жизни вижу храбраго жида...

Вошелъ полный господинъ, съ вѣстью, что пріѣхалъ передовой Шамиля. Ворвавшійся вѣтеръ чуть не загасилъ стеариновой свѣчи на стѣнѣ сѣней.

— Ахъ, Боже мой, войдетъ Шамиль, и мы его не увидимъ впотьмахъ; нельзя ли лампу?

Но сторожъ-солдатъ былъ неумолимъ и не обращалъ вниманія на вопли дамъ, хотя, въ самомъ дѣлѣ, свѣча то и дѣло гасла. Вдругъ подъѣхалъ экипажъ, вошелъ сынъ Шамиля съ мюридомъ, и едва прошелъ по лѣстницѣ вверхъ, явился и самъ имамъ. Многіе прошли за нимъ наверхъ. Ему тотчасъ подали чай. Онъ сѣлъ на диванъ и окинулъ глазами комнату. Три картины, рисованныя масляными красками, висѣли по стѣнамъ: сцены изъ библейской исторіи и пожаръ какого-то города. На пожаръ онъ глядѣлъ долѣе. Опять вошли дамы и новые офицеры, столпились полукругомъ у стола, стояли, молчали и смотрѣли... Пронесли ему двѣ складныя кровати. Глаза у него слипались. Онъ даже зѣвнулъ; на большомъ пальцѣ правой руки, державшей черныя четки, блеснуло серебряное, грубой работы, кольцо. Посѣтители постояли, посмотрѣли и разошлись.

На утро Государь принималъ Шамиля. Имамъ, какъ я самъ видѣлъ, шелъ во временной дворецъ блѣднѣе обыкновеннаго и тревожно двигалъ руками, гладя бороду. Потомъ Шамиль былъ на смотру, верхомъ. Блистательное войско, парадные наряды и эволюціи заняли его чрезвычайно.

Но вотъ Государь въ половинѣ 3 часа пополудни 16-го сентября въѣхалъ въ Харьковъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ Ша-

миль. Въ 8 часовъ вечера зажглась по городу иллюминація. Запылала въ огняхъ громадная, исполинская колокольня собора, зажглись вензеля, тріумфальныя арки на площадяхъ, запылало электрическое солнце надъ университетомъ. Шамиля повезли по городу.

— Что это? вѣрно слова какія-нибудь? — спросилъ онъ, подъѣзжая съ Екатеринославской улицы къ университету, гдѣ надъ горой изъ огней составлена была надпись, длиною саженей въ 50, вдоль оконъ, надъ тополями.

— Да, слова.—отвѣтилъ переводчикъ.

— Что же такое, я хочу знать?

— «*Да распространяется повсюду стремленіе къ просвѣщенію!*»

— А!...

И имамъ склонилъ голову, въ знакъ удовольствія.

Но вотъ у освѣщеннаго дворянскаго собранія толпа крикнула ура. Государь пріѣхалъ на дворянскій балъ. Шамиль въ бѣломъ тюрбанѣ, бѣлой кашемировой черкескѣ, съ сыномъ и тремя мюридами, высился надъ раздушенною толпою дамъ. Войдя въ залъ, Шамиль отшатнулся отъ двери, такъ его поразило освѣщеніе, убранство громадной залы, украшенной гербами уѣздовъ и цвѣтами, блескъ свѣчей и нарядовъ. Заиграла музыка, пары двинулись въ польскомъ. Шамиль вошелъ въ толпу, изумленными глазами окидывая костюмы дамъ...

— Боже мой.—говорили въ толпѣ, разглядывая его сурмленную бороду, усы, черные, блуждающіе глаза, бѣлый огромный тюрбанъ и губы, шептавшія какія-то слова:—кто сказалъ бы еще недѣлю назадъ, что Шамиль, вооруженный Шамиль, будетъ въ Харьковѣ, на балѣ, среди дамъ, танцующихъ польскій?

Балъ развернулся во всемъ блескѣ. Толпа сдвигалась поминутно вездѣ, куда шелъ «послѣдній кавказскій левъ».

— Не усталъ ли имамъ?— спросили его черезъ переводчика: — вчера онъ былъ на смотру съ дороги, сегодня съ дороги на балу?

— Въ присутствіи Его Величества Русскаго Императора я не чувствую усталости!—отвѣтилъ Шамиль.

А кто ему изъ дамъ болѣе нравится?

Всѣ нравятся!—отвѣтилъ Шамиль.

— А позволяетъ ли ему законъ его вѣры быть въ обществѣ женщинъ?

— Я самъ законъ моей вѣры и могу...

Въ родѣ этого давалъ отвѣты глава мюридизма на пышномъ балѣ Харькова.

Сыну его дали одинъ вопросъ:

— Видите, какъ у насъ всѣ свободны, какъ весело?

— Да, хорошо у васъ; но надо много денегъ!

Одинъ молоденькій господинъ протиснулся къ Шамилю и спросилъ переводчика:

— Читалъ ли Шамиль книгу г. Вердеревскаго: «Плѣнъ у Шамиля княгинь Орбеліани и Чавчавадзе?»

— Шамиль не видѣлъ ни одной европейской книги и не знаетъ, что о немъ пишутъ!

— А газеты у него получались?

— Ему дѣла не было до газетъ; а покойный его сынъ получалъ Петербургскія и Московскія Вѣдомости, но недолго!

На балѣ узнали, что Шамилю назначено жить въ Калугѣ.

— Отчего вы такъ упорно не сдавались? Видите, какъ здѣсь хорошо!

— Да, я жалѣю, что не зналъ Россіи и что ранѣе не искалъ ея дружбы! Я съ полнымъ довѣріемъ теперь ѣду въ глубь Россіи, въ Москву и въ Петербургъ...

Жены его и сынъ Магма-Шапи остались въ Шурахъ.

Еще часа два ходила толпа на балѣ за нимъ. Онъ не ужиналъ, смотрѣлся въ зеркала новой залы, нарочно выстроенной для пріѣзда Государя, еще прошелся и уѣхалъ, сказавши губернскому предводителю дворянства, когда Государь уже уѣхалъ:

— Все, что я здѣсь видѣлъ, меня очень заняло; но въ особенности то, какъ любитъ высокое сословіе дворянъ своего молодого Государя!

Черезъ день Шамиль уѣзжалъ въ Москву.

На крыльцѣ его спросили:

— Какъ же все это, что онъ видитъ, можно сравнить съ его Кавказомъ?

Шамиль отвѣтилъ:

— Кавказъ—это жизнь, дѣйствительность; а то, что теперь вижу, сказка для меня!

1859 г.

Оглавленіе

XX ТОМА.

стр.

Жизнь и смерть Короля Ричарда третьяго.

Вильяма Шекспира переводъ І. П. Данилевскаго. 3

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I. Хуторокъ близъ Диканьки. 147
II. Дивногорскъ. 163
III. Аракчеевскія поселенія на Украйнѣ. 172
IV. Нѣмецкія колоніи близъ Крыма. 189
V. Бюджетъ одного взяточника. 201
VI. Шамиль въ малороссіи. 211

F-L - 20-4-57

655564
LR
D1867
Danilevsky, Grigory Petrovich
Сочиненія.
v. 17-20 Изд. 8., посмертное.
[Translit.: Sochineniya]

DATE | NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED